

Д Diaspora

Д Diaspora

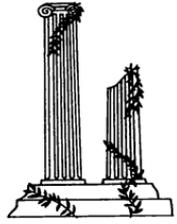
I

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

I

9. PARIS
Avenue de l'Opéra

Ответственный редактор:

Владимир Аллой

Представители альманаха:

А.В.Лавров. Россия, С.-Петербург, 197046, ул. Б.Дворянская (Куйбышева), д.22, кв.31. Тел.: 7812. 233.84.87. E-mail: lavrov@TP3917.spb.edu

О.А.Коростелев. Россия, Москва, 125015, ул. Бутырская, д.9, кв.128.
Тел.: 7095. 285.60.40. E-mail: okorostelev@mail.ru

John E. Malmstad. Slavic Dept. Barker Center. 12 Quincy Street. Harvard University. Cambridge, MA 02138. USA. E-mail: malmstad@fas.harvard.edu

Richard D. Davies. Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds. Leeds LS2 9JT England. Tel. 0113. 233 32 89. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Elda Garetto. Via Salvo d'Acquisto, 20. 21020 Casciago (va), Italia.
Tel./Fax: 0332. 22 02 45. E-mail: elda.garetto@skylink.it

Адрес редакции:

V.Alloy. Editions Athenaemum, 1, rue Auguste Maquet, 75016 Paris, France.
Tel.: 01 42 88 43 15. E-mail: vladathen@cybercable.fr; vladathen@nettaxi.com

Выпускающий редактор:

Татьяна Притыкина

Диаспора I

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

Athenaeum – Феникс
Париж – Санкт-Петербург

2001

ББК 63.3
УДК [947+957]
Д-441

Д-441

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

Париж; СПб.: Athenaeum – Феникс, 2001. 752 с., илл.

Среди материалов читатель найдет воспоминания парижского таксиста, актрисы Московского Художественного театра и поэта-переводчика; дневниковые записи ученого-востоковеда Никитина и писателя Бориса Лазаревского; статьи о русской колонии Парижа начала века, о позиции эмигрантов во время и после Второй мировой войны; о пребывании в Париже М.Волошина и о биографических источниках романа Ю.Анненкова; переписку Горького, Буниных, Тэффи, Набокова, Осоргина, Вишняка и др. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3

ISBN 5-85042-077-0
ISBN 5-85042-078-9

©Athenaeum, 2001

Н

Наследие

В.В.Успенский
ВОСПОМИНАНИЯ
ПАРИЖСКОГО ШОФЕРА ТАКСИ

Публикация А.И.Серкова

Имя Владимира Владимировича Успенского (ок. 1894 – 4.10.1980) практически не известно читателю. Биография его во многом обычна для сотен тысяч русских, родившихся в конце XIX столетия: учеба, война, революция, эмиграция, борьба за существование вне родины. Но как раз «среднестатистичность» судьбы В.В.Успенского представляет интерес для лучшего понимания жизни русской диаспоры во Франции.

Из всех анкетных данных В.В.Успенского внешне примечателен лишь один факт: 6 октября 1916 г. он был вахтенным начальником на линейном корабле «Императрица Мария», гибель которого в результате пожара неоднократно привлекала внимание историков и даже беллетристов (см., например, романы Анатолия Рыбакова «Кортик» и «Бронзовая птица»). По завершении учебы и недолгой службы Успенский, тогда мичман Черноморского флота, в 1917 г. был командирован для прохождения специальных минных офицерских классов в Кронштадт. Здесь его застали события 1917 года, которые он впоследствии описал в «Кронштадтских воспоминаниях».

Уже будучи лейтенантом, Успенский эмигрировал во Францию. В Париже сдал экзамены, позволявшие ему работать электриком, но зарабатывать на жизнь стал шофером такси – нужно было обеспечивать семью. Поселился в Булонь-сюр-Сен – пригороде Парижа, где проживало в то время множество эмигрантов из России. Пытаясь уйти от серого обывательского существования, помимо основной службы, он занимается разнообразной общественной деятельностью, активно участвует в работе объединений русских морских офицеров. Но постепенно десятилетия беженства и крушение надежд на возврат домой приводят к выхолащиванию деятельности большинства эмигрантских организаций, к их внутреннему перерождению. Не избежало его и Морское собрание, которое все больше замыкается на себя, на постоянную борьбу составлявших его течений и групп (на протяжении 1950-х годов Успенский вел даже «Архив раскола в Русском морском собрании»).

В 1960–1970-е годы, уже выйдя на пенсию, В.В. Успенский обращается к литературному творчеству: пишет стихи, небольшие повести и рассказы, публицистические статьи, пробует силы в мемуарном жанре. Его работы появляются в журнале «Часовой» («Коран великого князя»), «тетрадах» «Возрождение» («Игра судьбы»), газете «Русская мысль» («Саркофаг Леона Дрю»). Но большинство им написанного так и не увидело света. Уже после кончины автора мной был опубликован отрывок из его мемуаров: «Мы шли на зарево...»: Из «Кронштадтских воспоминаний» мичмана императорского флота (Родина. 1996. № 7-8. С.78-83).

В 1993–1994 гг. архив В.В. Успенского был передан его сыном в дар Отделу рукописей Российской государственной библиотеки, а рукописи мемуарного и творческого характера (скопированные самим автором и хранившиеся в нескольких экземплярах) – также и в личный архив публикатора.

На первый взгляд, помещенные ниже «Воспоминания парижского шофера такси» могут показаться сборником курьезных полуанекдотических случаев из городской жизни. Однако сочинение дошло до нас в двух редакциях, стилистически и по составу отличающихся друг от друга. Сравнение этих редакций говорит о том, что из реальной жизни автором была взята лишь основная сюжетная канва, детали и психологическая «модель» поведения «героев» значительно видоизменялись. Таким образом, не обладая серьезным литературным дарованием, В.В. Успенский все же пытался быть не просто рассказчиком занятных историй. К моменту написания «Воспоминаний...» уже вышли отдельным изданием «Ночные дороги» Гайто Газданова. Однако можно предположить, что Успенский не был знаком с книгой: он не пытается подражать другому литератору-эмигранту или заимствовать сюжетную канву его произведений. Уместнее говорить о «типичности» беженской судьбы бывшего флотского лейтенанта и попытках ее выразить.

Если попробовать определить наиболее распространенные профессии русских эмигрантов во Франции, то, вероятно, таковыми окажутся: торговец (около 10% беженцев), рабочий автомобилестроительных заводов, представитель «либеральных профессий» (около 5%) и таксист. Сам автор «Воспоминаний...» отмечает, что шоферами такси в Париже работали около двух с половиной тысяч русских эмигрантов. Если учесть, что общая масса российских беженцев в Париже и его окрестностях составляла в конце 1930-х – 1940-е годы от 35 до 20 тысяч (см., например, сведения о численности и составе русской эмиграции: Последние новости. 1939. 10 апреля. №6214; Советский патриот. 1947. 6 июня. №137), то окажется, что с профессией шофера такси была связана значительная часть русской диаспоры, а каждый пятый парижский таксист был российским эмигрантом. В некоторых гаражах в качестве шоферов работали почти исключительно русские. Среди них было немало бывших офицеров, не случайно во Франции русских по происхождению шоферов такси часто обобщенно называли «колонель» (полковник). Отметим также довольно высокую степень организованности русских таксистов в Париже: у них было несколько профсоюзных организаций, проводились ежегодные празднования «Дня русского шофера», устраивались курсы образовательных лекций и т.д.

«Воспоминания парижского шофера такси» печатаются по машинописи из архива публикатора на основании двух сохранившихся редакций. Опушен очерк «Англичанин», не представляющий интереса для читателя, поскольку носит чисто публицистический характер.

После эвакуации Крыма несколько десятков тысяч русских эмигрантов приехали в Париж. Притягательная сила этого города была огромна. Подавляющее большинство приехавших россиян оказалось в чрезвычайно затруднительном положении вследствие отсутствия каких бы то ни было средств для существования. Нам, как арабам, предлагалась только черная работа на заводах. Адмиралу А.И.Русину, имевшему звезду Почетного Легиона, пришлось взять место маленького клерка. Как быть? Некоторые мирились с созданным положением и шли на заводы на должности подметальщиков, другие, главным образом семейные, стали искать выхода из этого тупика. Эти поиски были очень трудными. Перед нами оказывалось слишком много закрытых дверей. Царившая во Франции ксенофобия давала себя чувствовать на каждом шагу. Выход, конечно, неблестящий, был найден в профессии шофера такси. При энергии и инициативе, сидя на такси, можно было зарабатывать в два раза больше, чем электриком на заводе. Явилась возможность содержать свою семью и быть, до некоторой степени, независимым. Только этим можно объяснить сравнительно большой процент русских шоферов такси. В этой корпорации русские выделялись своей порядочностью и вежливостью, т.к. большинство из них были интеллигентными людьми. Все они честно работали и всегда были на первых местах по сдаче забытых в такси вещей. Я знал шофера такси, командовавшего в своё время одной из армий Западного Фронта, знал одного адмирала, генералов, командиров кораблей 1-го ранга, офицеров Генерального Штаба, губернаторов, инженеров, докторов, судей, адвокатов и простых солдат и матросов. Перед последней войной в Париже на такси работали приблизительно 2.500 русских эмигрантов.

Проработавши шофером такси двадцать лет и обладая наблюдательностью, я запомнил некоторые эпизоды в этой деятельности, не лишённые интереса, о которых и хочу рассказать. Прекрасно слышные разговоры клиентов происходили на протяжении небольшого отрезка времени, пока длился курс, и похожи были на короткометражные фильмы. Иногда они были очень интересными, даже волнующими.

Было досадно, когда с окончанием курса обрывался какой-нибудь занятный разговор. «А что же будет потом?» – думал я.

Дядя Антуан

Одно время я работал ночью. Весёлый Монмартр. Летняя ночь на исходе. Нетвердою походкой шли трое молодых людей. Они меня и подозвали. У одного из них был самый плачевный вид: всё лицо кровоточило. Ноздря – разорванная рана, такая ж верхняя губа, выбитые зубы и полузакрытый глаз. «Скорей в аптеку, необходимо сделать перевязку». Привез к аптеке, ожидаю. Через десять минут

приятели вернулись и просили их отвезти в одно из парижских предместий. «Минуты наши сочтены, доктора помочь не могут, мы едем к дяде Антуану!» – проговорил один из них. Везу, и любопытство разбирает. Из полупьяных фраз, отдельных слов и восклицаний я начал составлять картину «пюцль». Узнал подробности обо всём и был, признаться, потрясен. Три друга решили знатно покутить. Сначала ужин в ресторане, потом обход монмартрских кабаре. Везде, конечно, возлиянья, и, наконец, мои друзья, еле державшись на ногах, решили ехать по домам. Зашли в кафе, где продавались папиросы и только негр один стоял у стойки. Два приятеля спустились вниз, где были «лавабо», и, видя негра, один из них сказал: «Какая обезьяна!»

У стойки оставался самый трезвый молодой человек. Мгновенно он стал жертвой негра-обезьяны. Негр повалил его на пол, искусал его лицо, выбил ногою передние зубы и убежал, как ураган. Это была месть за слово «обезьяна». Всё это произошло в течение нескольких секунд. Это первая половина истории. Вторая половина меня ошеломила: жертвой оказался человек, венчание которого должно было состояться через день. Через день! Уже разосланы всем приглашенья. На сорок человек обед заказан в хорошем ресторане. Приехали родные из Тулона. Свадьбу отменить нельзя. Вся надежда на дядю Антуана, все говорят, что чудеса он совершает! Приехали, клиенты щедро рассчитались. «Простите за вопрос, – спросил я, – что за таинственная личность ваш дядя Антуан?» На это последовал ответ: «Он лучший театральный гримировщик города Парижа!» Увы, конца истории не знаю. На свадьбе я не был и чуда дяди Антуана я не видел.

Разговор

Я проезжал свободным по бульварам. Зажглись огни – остановился. Слышу, как открылась дверца и кто-то, не торопясь, вошел в машину.

Зажглись зеленые огни – нужно ехать и нет возможности разглядывать клиента. «Пожалуйста, на порт Майо».

Еду и слышу разговор: «Я, дорогая, тобою очень недоволен. Ты безрассудно тратишь деньги. Вчера кассир мне дал твои расписки. Последние два месяца ты взяла больше, чем могла. Ты помнишь наше соглашение – сто тысяч в месяц и больше ни сантима». Красивый женский голос отвечал: «Но жизнь становится дороже, и я испытываю затрудненья». Он раздраженно: «При чем тут жизнь? Расходы все ведутся экономкой. Сто тысяч я даю на персональные расходы. На шляпы, на перчатки, ну, что ещё, ну парикмахер, ну такси или кафе. Не шьешь ты ежемесячно костюмы? Должно хватать!» Она возбужденно: «Хуже других быть я не хочу! Мадам Леру, Лебон и

Фор не стесняются в расходах, а их мужа бедней тебя». Он, повышая голос: «Плевать хочу на всех Леру. Дал приказание кассиру – только сто тысяч!» Жена меняет политику и очень мягко говорит: «Мой друг, не горячись, пойми меня, я не могу свести концы с концами. У нас у всех один портной, одна модистка, парикмахер, бываем мы в одном кафе, заходим вместе на одни концерты, бываем вместе в синема. Я не могу от них отстать!» Он: «Будет всё, как я сказал, необходимо сократить!» Она опять с волнением: «Сократиться невозможно, придется делать мне долги». Он: «Долги? Пожалуйста, я их не заплачу. Не забывай, ты лишь живешь со мною, но не жена моя. Ни в мэрии, ни в церкви не венчались». Она: «Мы вместе десять лет живем, и все меня твоей женой считают». Он, с сарказмом: «Забыла ты добавить, что десять лет рога мне наставляешь!» Она, голосом полным возмущения: «Кристально я чиста перед тобою. Я так оскорблена ужасным подозрением!» Он кричит: «Ты подожди немного оскорбляться. Я покажу тебе все донесения агентства. Я денег не жалел. Пять лет следили за тобой, не всегда, но месяцами. Узнал. Конечно, маленький процент твоих всех похождений. Поездка к матери – всё ложь: ты две недели провела в Версале у музыканта из Шатле и столовалась рядом в ресторане. Знаю шесть встреч в отеле на Пасси с каким-то проходимцем. Известны мне и пятницы у адвоката. Не буду всё перечислять, сама прочтешь все донесенья. Был очень занят я, не мог с тобою долго оставаться. В этом лишь моя вина. Любил, страдал и всё надеялся, что ты остепенишься. Но есть всему предел. Необходимо нам расстаться. Даю недельный срок. Чтобы собраться и уезжать. За год вперед получишь содержанье. Экономка тебе скажет, какие вещи сможешь взять, кроме всего того, что я дарил тебе. Как видишь, я великодушен, другой бы просто тебя выгнал». Она, видимо, ошеломлена, немая сцена. Потом раздались стоны, рыдания и крик: «Какой отъявленный подлец! Боже! Как я несчастна!»

Приехали. Из такси вышел только один мужчина. Я в полном недоумении, т.к. совершенно не заметил, как вышла дама. Видя мое беспокойство, клиент с улыбкою принес мне извиненья, что не предупредил меня об этом разговоре. «Диалог был репетицией моего циркового выступления». «Пожалейте несчастное и слабое создание!» – добавил он кристально чистым женским голоском. Отъезжая, я улыбался, думая, как переживал и волновался, слушая эту семейную комедию. На площади уже гремела музыка, такая характерная музыка ярко освещенного цирка.

Красавица

Большой парижский рынок или, как его называли, «Чрево Парижа» был построен больше ста лет тому назад, и, конечно, он не

мог уже отвечать потребностям громадного города с его многочисленными окрестностями. Рынок стал расплзаться на все прилегающие улицы, в которых оптовики устраивали свои большие склады разнообразного продовольствия. Интересная ночная жизнь рынка была похожа на лихорадочно копошащийся муравейник. Поздно вечером начинается разгрузка сотен больших автомобилей, наполненных мясом, рыбой, птицей, сырами, маслом, овощами, фруктами и т.д. Рано утром это всё нагружается на другие грузовики поменьше размером и развозится по Парижу и его предместьям. Полная аналогия морского прилива и отлива. После такого отлива территория рынка собою представляет какое-то «Мамаево побоище» от невероятного большого количества растерзанного упаковочного материала и продуктовых отбросов, покрывающих мостовые и тротуары как рынка, так и десятка окружающих улиц. Целая армия уборщиков довольно быстро наводит порядок, и туалет заканчивается мытьем улиц и тротуаров. Всё это повторяется 6 раз в неделю. В периметре рынка, размером приблизительно в один квадратный километр, находятся многие десятки бойко торгующих кафе и ресторанов на все вкусы и кошельки. По ночам можно видеть дам в соболевых мантиях с соответствующими кавалерами, пробирающихся между горами ящиков с какими-нибудь овощами к таким знаменитым ресторанам, как, например, «Пер Транкиль» или «Эскарго». Кроме нескольких тысяч лиц, занятых той или иной работой в районе рынка, туда приходят многие бродяги, легко и бесплатно утоляющие голод, но никогда не желающие работать по разгрузке и погрузке продуктов. Большим успехом пользуются торговки, стоящие на перекрестках боковых улиц около особых жаровен с большими котлами, в которых жарится картофель и очень вкусная небольшого размера колбаса.

Вскоре после окончания Второй мировой войны ко мне в такси сел пожилой человек и просил его отвезти к ресторану «Эскарго». Клиент оказался разговорчивым и поведал мне одну занятную историю. «Когда я уйду, то обратите ваше внимание на стоящую через два дома торговку с жареным картофелем. Этому чудовищу весом в 120 кило в настоящее время около 63-х лет. В начале века (Бель Эпок) она была писаной красавицей, окруженной многочисленными поклонниками. Высший свет был у её ног. В числе этих поклонников был и я. За её благосклонность мы дарили ей большие драгоценности и подписывали очень большие чеки. У неё была роскошная вилла в Пасси. Её коляска с чудо-лошадьми вызывала общее восхищение. Сама она в ту эпоху была окружена каким-то обожанием не только среди мужчин, но также и среди женщин. Из-за неё люди дрались на дуэли и даже пускали себе пулю в лоб. Я тоже, по глупости молодых лет, чуть-чуть не подрался из-за неё на пистолетах, и только падение с лошади моего противника, сломавшего себе ногу, охладило мой пыл. Легко достававшиеся ей деньги так же лег-

ко и тратились. Однажды я был свидетелем, как она какой-то цыганке за гаданье дала горсть золотых монет. Швыряясь деньгами, она никогда не думала о завтрашнем дне. Её пристрастие к шампанскому закончило карьеру этой светской львицы. Выпивая по две бутылки в день, она, конечно, пьянела и становилась совершенно нетерпимой со своими недопустимыми выходками. Один за другим стали её покидать лица, искренне к ней привязанные. Остановившийся большой приток денег несколько не изменил размаха её жизни. Началась продажа за бесценок её многочисленных драгоценностей, таких же дорогих картин и лошадей, с которыми ей было особенно трудно расставаться. Потом дошла очередь и до заложённой и перезаложённой виллы, проданной с молотка для оплаты кредиторов. От этой продажи ей остались какие-то гроши, и она оказалась на улице. Наша красавица без особых переживаний опустила до тротуарной дивы. Очаровательная внешность помогла ей преуспеть в этой самой древней профессии. Лет через 8 она начала ненормально полнеть и уже с большим трудом ещё года три подвизалась на этом поприще. Её лицо перестало блистать красотой и бочкообразная фигура вызывала только смех у зазываемых ею мужчин. Нужно было начинать какую-то новую жизнь. Вот уже 20 лет, как она стоит по ночам на этом перекрестке, продавая своей большой новой клиентуре жареный картофель и горячую колбасу. Этим же она и питается. Я иногда с нею разговариваю и даю немного денег. Однажды, чтобы напомнить ей далекое прошлое, я принес 2 бутылки любимого ею шампанского, Вдовушки Клико. Она скорчила презрительную гримасу, сказав, что доставляет ей удовольствие только простое красное вино, которого она и выпивает 4 литра в день. Шампанское она взяла, но только для того, чтобы обменять его на красное вино. Какая необыкновенная судьба!»

Сказавши эту фразу, мой клиент распрощался и вошел в ресторан.

Поставив такси у тротуара, я отправился за жареным картофелем к бывшей покорительнице сердец. Улица была хорошо освещена, и её лицо мне показалось издали с большим румянцем. Когда я к ней подошел, то увидел, что её щеки и нос были сплошь покрыты красными жилками. Очень толстые обвисшие щеки и громадный тройной подбородок переходили в бычачью шею, что придавало её лицу смешную грушевидную форму. Заплывшие жиром глаза походили на маленькие щелочки. Лишь хороший формы носик и губы бантиком сохранились от её былой красоты. Пыхтя, как паровоз, она довольно проворно свернула фунтик, наполнила его дымящимся жареным картофелем, посолила его, передала мне и, получивши деньги, сказала пропитым низким голосом «Мерси».

Беглянка

Сидящие в такси люди обыкновенно едут молча, у других же есть потребность говорить. Обычно приходится выслушивать всякий вздор, но бывают иногда повествования очень интересные. Однажды ко мне сел клиент с чемоданом, сказавши, что ему нужно сделать несколько курсов. Первый курс в ночлежный дом, и по дороге он начал мне рассказывать одну необыкновенную историю.

«Я служащий частного сыскного бюро в Брюсселе. Вот уже лет десять, как я выполняю одно и то же забавное поручение. Я разыскиваю и привожу в Брюссель одну очень богатую, всеми уважаемую даму лет 45-ти. Она владелица нескольких шестизэтажных доходных домов, громадного склада строительных материалов и очень большой фермы, снабжающей брюссельские базары молочными продуктами и фруктами.

В своей вилле она создала какой-то культ её умершего отца, от которого она наследовала все свои богатства. После пятилетнего счастливого замужества она овдовела и вот уже 15 лет как носит траур, оставаясь верной своему умершему мужу. В Брюсселе она пользуется большой популярностью, даже преклонением за её очень широкую благотворительность: абсолютно все доходы от домов и фермы она отдает католическим учреждениям для помощи бедным. Живет она очень замкнуто, в небольшой вилле с одной прислугой, пожилой женщиной, готовящей ей пищу и делающей приборку дома. Унаследовав от отца коммерческие способности, она прекрасно разбирается во всех своих многочисленных делах. Я располагаю сведениями, что она хочет всё ликвидировать и вырученные громадные деньги отдать благотворительным учреждениям, минуя всякие наследственные пошлины. Десять лет тому назад эта женщина исчезла. Об этом было сообщено в полицию, и начались самые энергичные розыски. Все думали, что она, очень богатая женщина, стала жертвой преступного мира с целью выкупа. В бесплодных поисках прошел месяц, и её стали считать ушедшей в иной мир, как вдруг она оказалась в своей вилле, грязная, облезшая, осунувшаяся, с каким-то распухшим лицом. Пришедшей полиции она отказалась сообщить, что с нею происходило в течение месяца.

Прошло около года, и в начале июля она снова исчезла, без всякого предупреждения. На этот раз кюре, который был её советником, обратился не в полицию, а в наше бюро. Из опроса служанки полицией выяснилось, что её хозяйка вернулась домой в лохмотьях, с замученным лицом. Этот вид навел на мысль, что она провела месяц где-то в трущобах. Ознакомившись с полицейским расследованием, мы решили, что в Бельгии её искать нечего, и наши поиски начались во Франции, в Лилле. Не найдя там никаких её следов, мы перенесли наши поиски в Париж. Мы стали обходить клошарные

отели и ночлежные дома, но лицо нашей дамы на фотографии никому не было известно. После трехнедельных поисков мы напали на её след. Мы обратились к одному клошару (бродяге), который её и узнал. Он сказал, что она известна в среде клошаров под кличкой “Копин”. Мы её искали 3 дня, т.к. никто из клошаров не знал, где она проводит ночь.

Нашли “Копин” только тогда, когда мы взяли гидом одного старого клошара, хорошо знавшего все обитаемые мосты и трущобы. Она оказалась под мостом одного ближайшего предместья Парижа совершенно пьяная в обществе 4-х клошаров. Из разговора с ними мы узнали, что “Копин” пользовалась среди них большим уважением за очень хороший характер и за её щедрость. Она всех угощала вином и папиросами, хотя сама и не курила. Узнали также, что она постоянно меняла место своей ночлежки и питалась только хлебом, сыром и колбасой. Пить вино она начинала с утра и каждые 2 часа повторяла свою порцию: приблизительно полтора стакана. Пила она прямо из горлышка бутылки, а для угощения у неё была алюминиевая кружка. Мы нашли “Копин” в таком самом виде, в котором она уже раз вернулась. Это произошло 8 лет тому назад. Теперь я знаю все “насиженные” клошарами места и нахожу её довольно быстро, тем более, что я нашел среди этих бродяг одного “корреспондента”, который за небольшие деньги держит меня в курсе всех походов “Копин”. Безнадёжно приезжать за ней раньше времени, никакие уговоры не помогают, она категорически отказывается ехать в Брюссель.

Ей необходимо дойти до какого-то пресыщения и отвращения к этому беспробудному пьянству, и только тогда она покорно позволяет проделать над собою годами установившуюся процедуру для её возвращения. Вы сами увидите её безропотность в этом деле».

Подъехал к ночлежному дому, о котором мой клиент узнал от своего корреспондента. «Копин» там была вследствие своей простуженности.

Мой клиент вышел с женщиной самого несчастного вида. Её волосы рассыпались склеившимся от грязи прядями. Хорошего покроя платье было сильно испачкано и местами порвано. Её ботинки были тоже соответствующего вида. Когда они уселись в такси, то мне был дан адрес банного заведения, около которого я ожидал нашу даму чуть меньше часа. Во время этого ожидания мой клиент продолжал своё повествование. «Вдова, всегда безукоризненно хорошо одетая в Брюсселе, попадая в Париж, быстро преобразается в бродягу, т.к. постоянно находясь в состоянии опьянения, она теряет способность следить за собою. Все попытки к уходуванию клошаров она в корне пресекает, и у неё всегда находятся защитники. Для ночевки она всегда выбирает людные клошарные места, и ей помогают устроиться около какой-нибудь женщины. Из-под мостов она

уходит одна и отсутствует не больше 2-х часов. К вечеру у неё является желание переменить своё “местожительство”, т.е. мост. Она культурная женщина и, обладая талантом рассказчика, создала вокруг себя почитателей, часами слушавших её разговоры. Всё это я узнал от подмостовой братии. В чемодане я привожу для неё всё самое необходимое, вплоть до самых мелочей. Всё, что находится на ней и с ней в её суме, вместе с одеялом выбрасывается. После 4-х недельного пьянства она не может сама вымыться, её моет банщица». Вышедшую вдову я отвез к парикмахеру, где, кроме мытья головы и причёски, ей сделали ещё маникюр. Хорошо одетая и причёсанная «Копин» стала настоящей дамой, и я её отвез в хороший ресторан около Северного вокзала, от которого отходят поезда в Брюссель. Её нужно было хорошо покормить после такого полуголодного существования. У большинства пьяниц плохой аппетит. Думаю, что в ресторане она хорошо ела, т.к. уже два дня, как она не дотрагивалась до бутылки. Это мне рассказал клиент во время последнего ожидания около парикмахера.

Страх

Однажды я испытал пренеприятный страх. Работая ночью, я иногда прогорал. В такие дни невезенья мне еле удавалось оплатить стоимость бензина и найма на ночь машины.

Зима, 5 часов утра. Дождь разогнал всех по домам. Около вокзала Монпарнас я дремал четвертым на стоянке. Вдруг низкий голос разбудил меня.

Смотрю, стоит передо мною громадный человек. Свет фонаря позволил рассмотреть его звериное лицо с большой рыжей бородой. Широкий в плечах и сажень ростом. «Трое ваших коллег мне отказали. Живу я далеко, за Орлеанской заставой. Плачу всегда я хорошо – останетесь довольны. Я сяду с Вами и укажу дорогу».

Подумал я про тощий кошелек и, еле колеблясь, согласился. Был всегда я фаталистом. «Если суждено быть убитым, то не придется умирать на пуховой перине».

Уселась рядом образина, и тесновато стало мне. Кило сто десять в нем наверно. В молчании едем полчаса. Кругом мертво, ни кошки, ни собаки. Дома редуют, начались пустыри. Прошло еще около часа. Направо и налево идут поля.

Локтем чувствую громадную гориллу с рожей арестанта. Вспомнились такие частые газетные статьи о том, как нас, таксистов, убивают. Одной рукой, шутя, он может задушить меня. Напрасно звать на помощь и кричать, я повторяю, кругом одни поля. Апатия. Стал подбираться подлый страх за шкуру, ставшую драгоценной. «Ну хотя бы ты, чурбан, заговорил! – подумал я, – мне сразу б легче стало».

Но он все молчал и всё курил. Запомнил пятый поворот, и, к счастью, выплыла луна. Только деревья у дороги, направо тянется болото.

О, как я пожалел тогда, что был таким неосторожным. Никто ведь не хотел его везти, увидя каторжную внешность. Поездка страха продолжалась. Запомнил ещё два поворота. Направо высокая и бесконечная стена, налево подобие оврага. Он, наконец, заговорил.

«Остановитесь перед воротами!» Колосс вышел и позвонил. Окошечко в воротах приоткрылось. «Откройте ворота, Марсель». Громадные ворота распахнулись. Визжа от радости, к клиенту бросилась шотландская овчарка. «Въезжайте в парк и прямо к дому», — сказал мой «арестант» и медленно пошел, играя с чудною собакой. Зажглись два фонаря у входа в прекрасный дом стиля ампира. Когда я подъезжал, то у входа стоял лакей. Через минуты две клиент по-царски рассчитался, поблагодарил и попросил лакея принести мне его завтрак. Я вошел с клиентом в большой зал, он предложил мне сесть и, улыбаясь, распрощался. Подходившему лакею с подносом для меня он сказал, чтобы ему в комнату подали такой же завтрак. Мне стало стыдно, что посчитал его за моего убийцу. Обманчивая внешность подвела. Передо мною оказалась тарелка с холодным ростбифом, бутылка старого вина, груша и сигара. «Наш граф на редкость добрый человек!» — сказал лакей. Я ел, сконфуженный, и размышлял. Заметил ли он страх, который сковывал меня? Грима-сою судьбы он с доброю, возвышенной душою был страшным видом наделен. Сколько незаслуженных страданий за жизнь свою он перенес. Вне всякого сомнения, не я один так ошибался. Какая жизнь его? Женат ли или в одиночестве живет? Конечно, есть друзья, которые его глубоко уважают.

Я кончил есть. Пришел лакей. Поблагодарив его, сказал, что я так искренне пил за здоровье графа. Когда я возвращался, то мысль о нем меня не покидала. То лучший был клиент за двадцать лет.

И всё ж я не хотел, чтобы такие клиенты повторялись.

Иностранец

У большинства русского имущего слоя всегда было стремление выбирать красивых мужей и жен. Эстетическое чувство в этих браках играло большую роль. В результате такого подбора и частой примеси иностранной крови, через многие десятки поколений, появился новый тип русского человека с лицом сильно отличавшимся от лица крестьянина или рабочего. Крестьяне, сохранившие чистоту расы и искавшие в браке главным образом сильного и выносливого в работе человека, мало обращали внимание на внешность. «Не с лица воду пить», — говорит простонародная пословица. Такие крестьянские лица, не блестящие красотою, очень характерны и мгновенно

узнаются. Увидя, например, Хрущева, я невольно себе его представил косящим пшеничное поле, в его лице было что-то черноземное.

В эмиграции такие лица встречаются довольно редко.

Стоянка такси продвигалась, объезжая одного коллегу, мотор которого отказывался заводиться. Среди шоферов такси иногда встречаются лица, абсолютно ничего не понимающие в технике автомобильного устройства, несмотря на то, что сидят на «облучке» десятилетиями. Причина одна – малокультурность. Проезжая мимо этого шофера, смотревшего на мотор, как баран на новые ворота, я обратил своё внимание на его «черноземное» лицо. Выйдя из машины, я решил ему помочь. Заговоривши с ним по-французски, я сразу заметил его почти незнание языка. Неисправность оказалась пустяковой, и мотор заработал. После этого у меня с шофером был следующий разговор уже на русском языке. Я – «Вы – русский?» Он – «Нееет. Я не русский!» Я – «Но кто же вы?» Он – «Я украинец!» Я – «Сколько времени вы живете во Франции?» Он – «Да годов 30». Я – «Как же так, за 30 лет и не научиться говорить по-французски?» Он – «Да вот никак не выходит, не могу привыкнуть к этому бусурманскому, иностранному языку». Я – «Не унывайте, из иностранных языков вы всё же на одном можете прекрасно говорить». Мой собеседник выпучил глаза и с недоумением меня спросил: «На каком же иностранном языке я могу разговаривать?» «Да на русском!» – ответил я с иронией.

Оборванец

Вижу и слышу, как какой-то оборванец свистит и машет мне рукою. Таких клиентов не беру и проезжаю мимо. Стоявший рядом прилично одетый человек мне сделал знак остановиться. Я подъехал к тротуару. Хорошо одетый человек с нескрываемой брезгливостью смотрел на оборванца. На нём был берет с многолетней коркой грязи, такая же рубашка, засаленный пиджак, штаны с мешками на коленях и на ногах никогда нечищенные «танки». Во Франции таких людей с грязной бородою клошарами зовут. Бродяга открыл дверцы такси с целью, как мне казалось, получить подачку, чтобы пропить её в ближайшем бистро, но я ошибся, они вместе сели в машину.

Оборванец назвал мне адрес банка. В машине говорил только клошар. «Вы не верите, что у меня есть деньги в банке, и отказались принять мой чек на двести тысяч. Когда получите вы деньги, то при вас я попрошу дать справку о наличии моих денег в банке, и вы воочию убедитесь, что таких чеков я сотни подписать могу».

Приехали, просили подождать, и, к счастью, было место для такси. Через десять минут мои клиенты вышли. Теперь прилично одетый человек подбежал к моей машине и подобострастно открыл дверцу.

Клошар молчал, говорил только его спутник. Это было такое пресмыканье, что мне было противно слушать. По указанию клошара, я их привез к большому загородному складу, во дворе которого грузились на машины какие-то кули. «Вот мои склады шерсти, – сказал клошар, – пойдем посмотрим и обсудим дело!»

О Царствии Небесном

Меня вызвали по телефону к богатому дому, стоящему в большом саду. В такси сели две женщины: старуха с неприлично большими бриллиантами в ушах и, по всей вероятности, её компаньонка. Нужно было их везти к одной из многочисленных церквей Парижа. На протяжении этого довольно большого курса старуха для спасения моей души, не останавливаясь, читала мне проповедь. Скрипучим монотонным голосом, как старая заезженная грампластинка, она мне три раза, слово в слово, повторяла одно и то же. Она говорила, что Царствие Небесное предназначено только для людей, дающих милостыню нищим, а для людей, не думающих о нищих, уготован ад со всеми его ужасами. Пришлось терпеливо выслушать это нравоучение. Я с облегчением вздохнул – показалась нужная старухе церковь. На паперти стояло шестеро нищих. Компаньонка очень скупко со мною рассчиталась. Старуха вся преобразилась. В её руке был кожаный гофрированный мешочек, похожий на те, с которыми бывают сборы в католических церквях. Тут началась комедия, которая явилась темой этого рассказа. Торжественным, скорее театральным жестом, чтоб все видели, она давала нищим по монете. Она в своем экстазе не замечала взглядов презрения нищих, видно, хорошо её знавших. Передавши мешочек с деньгами сопровождавшей её даме, она, как бы обращая на себя внимание самого Господа Бога, подняла к небу руки и голову перед тем, как скрыться в дверях. Реакция нищих была единодушной, по её адресу неслись одни насмешки. Моментально выяснилось, что всего было роздано семь франков. В то время коробка спичек стоила те же семь франков. Таким образом, я узнал о существовании чрезвычайно дешевого и абсолютно верного способа попасть в рай Царствия Небесного. Моя машина никому не мешала, и я с интересом наблюдал эту сцену.

Статуэтка севрского фарфора

Есть категории клиентов, совершенно не стесняющихся шоферов такси, считая их за какую-то механическую принадлежность машины. Эти клиенты далеко не всегда собою представляют примитивов. Какая-то толстокожесть, отсутствие стыда, достоинства и страха. Однажды ко мне села влюбленная пара. Поцелуи, вздохи и объятия. Из чрезвычайно откровенных разговоров я узнал, что их встре-

чи продолжались уже давно. После небольшого курса я остановился. Он сошел и сказал ей на прощанье: «Как всегда, до вторника, моя дорогая», и сообщил мне новый адрес. За углом она меняет адрес и просит торопиться. Приехал. Просьба сделать три гудка (в то время гудки еще не запрещались). Вскоре из дома вышел красивый молодой человек и очень почтительно поцеловал руку моей дамы. Севши рядом с нею, начал ей читать какую-то красивую поэму о любви. Стихи, ей посвященные, очень понравились клиентке, и в награду, с деланной стыдливостью, разрешила себя поцеловать, «но только в щечку», – добавила она. Он вышел и снова с каким-то обожанием поцеловал ей руку.

«Я должна долго подумать, прежде чем сделать такой непоправимый шаг!» – сказала она, улыбаясь. Она дала мне новый адрес. «Теперь я с вами рассчитаюсь, но никуда не уезжайте, мы будем продолжать поездку». Она пошла поговорить по телефону. Я поднял флажок счетчика и снова опустил его. «Едем домой. Меня встретит муж и спросит, как всегда, откуда вы меня везете. Назовите, пожалуйста, последний курс». Подъезжаю и вижу, как под дождем мокнет какой-то старичок. Поспешно он бросился к такси, спросил о курсе, рассчитался и с большой нежностью помог моей красавице сойти на тротуар. Потом он бережно повел её, как статуэтку северского фарфора.

Собачий культ или психопатия

В такси села прислуга, и я отвез её к недалеко стоявшему богатому особняку. У двери меня ждала ветхая и худая, как палка, старуха. Рядом стояли два здоровенных пса. Прислуга со вздохом возмущения постлала плед на мягкое сиденье, на которое мгновенно вскочили две собаки. Сухая старуха уселась своими костяшками на откидное твердое сиденье. Получаю приказанье: «Везите нас в Булонский лес и, пожалуйста, не торопитесь, пусть мои “дети” видят красивые места!» По дороге она два раза просила меня остановиться, чтобы поправить плед, верней, чтоб обратить моё внимание на собак. Она их целовала в мокрые носы со взглядом какого-то обожания.

«Пожалуйста, сделайте круг вокруг озер, потом спуститесь к скадам и покажите “им” скаковое поле Лонгшан». Она не переставая разговаривала со псами, как с людьми. Она им объясняла, что иногда озера замерзают, несла что-то несурзное о водопаде. Когда я ехал вокруг скакового поля, то стала уверять собак, что у неё были свои рысаки. Потом стала говорить о какой-то раздавленной старухе. Около одного лужка она попросила меня остановиться.

С моей помощью она вышла из машины. Я стал прогуливаться с псами. Она решила вспомнить старину и стала бегать около них.

Вижу, моя старуха побледнела, и мне еле удалось подхватить её. Мне было очень трудно держать бессильную старуху и одновременно справляться с собаками, тянувшими меня куда-то в бок. Добравшись до машины, я освободился от собак, набросивши на что-то их цепочку. Как будто неживую я усадил старуху на мягкое сиденье.

Когда она пришла в себя, то с каким-то испугом запротестовала: «Нет, нет, это сиденье для детей, пересадите меня на мое прежнее место». Везу её домой и обращаюсь с беспокойством. У неё уже нет сил для разговоров. Она сидела в неудобной позе, судорожно держась за дверцу. Подъехав к её дому, я позвонил и рассказал прислуге о состоянии старухи. Мы отнесли её и уложили в кровать.

Мне было сказано, что такие прогулки бывают каждую неделю. В доме старухи был какой-то собачий культ. На стенах висели в рамках только фотографии собак или такие же картины. Горничная мне сказала, что картины больших мастеров давно лежат на чердаке. «Вы не можете себе представить, что здесь творится. Скоро всё это прекратится: приезжали родственники с докторами, и было решено поместить её в специальный дом или санаторию для выживших из ума людей. Можно любить животных, но до известного предела, после которого начинается психопатия».

Святой отец

На Лионском вокзале ко мне в такси сели два католических священника. Один пожилой с лицом аскета, другой молодой, полный сил. Сначала я привёз аскета в какое-то богоугодное учреждение – подобие монастыря, молодой же кюре, когда я отъехал, переменил адрес. Вместо престарелых родителей, о которых он говорил с аскетом, я отвез его в отель на Монмартре с очень сомнительной репутацией. Приехали. Из такси вышел не священник с молитвенником в руках, а хорошо одетый молодой человек. Швейцар отеля встретил его как старого знакомого. Видно, не в первый раз решил он с треском провести вакансии. Быстро промчится весёлое время.

Снова придется в такси проделать маскарад, снова всегда носить молитвенник в руках и разыгрывать роль святого отца.

В часы досуга он будет вспоминать парижских женщин, ночные кабаре с весёлыми программами на сцене и будет с нетерпением ждать своей очередной поездки. Кюре должны безбрачны быть, и Ватикан давно закрыл глаза на все их похождения.

Как иногда нас надувают

В богатом предместье Парижа ко мне в такси села хорошо одетая красивая и молодая женщина. Везу её в кафе Вебер. Привёз, она выходит и спрашивает, что ей нужно заплатить? Я называю сумму. Она открыла сумочку и очень смутилась: сумочка пустая.

«Какой ужас! Одевши синий костюм и торопясь, я совершенно забыла переложить в синюю же сумочку всё содержимое из серой.

Со мной нет ни денег, ни документов, ни пудры, ни ключей».

Что же, сказал я, придется вернуться за деньгами.

«Это невозможно: через десять минут у меня в кафе свидание».

Я возражаю: «Рядом стоит полицейский, пусть он запротоколирует происшествие».

«О, нет, ради Бога, без полиции, к тому же я без документов. Дайте ваш адрес, и я завтра вышлю всё по почте, верьте моему честному слову».

Никаких денег я не получил и по данному мне адресу её не знали. Прошло приблизительно полгода. Я вёз кого-то на Северный вокзал. Остановился перед красными огнями и вижу: в трёх шагах стоит красавица моя. Зажглись зелёные огни, и я лишь мог ей погрозить пальцем. Она меня узнала и помахала ручкой, как бы желая доброго пути.

Клиент

Почти на ходу вскочил какой-то клиент и просил отвезти его во Дворец Правосудия. Клиент закурил сигару и стал насвистывать арии из «Весёлой вдовы». Потом ему надоело свистеть, и он стал напевать мотивы из «Риголетто». Приехали к дворцу, и, поймите моё удивление, из машины вышла интересная женщина в сером классическом дамском костюме, в нейлоновой с галстуком рубашке, в мужской фетровой шляпе, в ботинках на низких каблуках, и под мышкой она держала большой портфель.

Тарас Бульба

Лет тридцать тому назад была мода на открывающиеся сзади такси. В хорошие летние дни я всегда ездил с открытой машиной.

Однажды на стоянке ко мне подошел громадный, хорошо одетый человек лет под пятьдесят. На широких плечах была бычачья шея, на которой сидела одухотворённая седая голова. Из-под густых бровей сверкали умные глаза. Его усы напоминали мне усы Тараса Бульбы. Он протянул мне записку, на которой был отпечатан адрес. Проезжая около одного кафе с террасой, я увидел компанию молодых людей, сидящую за столиком, кричащую и махающую руками по направлению моей машины. Вдруг слышу – сзади меня «Тарас Бульба» закричал детским писклявым голоском: «Остановитесь!». Его внешности должен был соответствовать голос, подобный раскату грома, а не какой-то мышинный писк. Бедный человек! Стало понятным, почему он дал записку с адресом: ему было стыдно за свой голос.

Три грации

В чудный весенний день, да еще воскресный, около наиболее посещаемой парижской церкви византийского стиля – «Сакре Кёр» толпится много народа. Эта толпа состоит, главным образом, из туристов и провинциалов. Церковь построена на горе, и от неё открывается прекрасная панорама на весь Париж. Архитектурный ансамбль и богатейшая внутренняя отделка вызывают особое восхищение. Осмотревши церковь и налюбовавшись Парижем, постоянно обновляемая толпа спускается вниз по монументальной лестнице с сотнями ступеней, кончающейся большой площадкой, около которой находятся рестораны, кафе и магазины, хорошо торгующие всякими парижскими сувенирами, а также и стоянка для такси. Однажды в такой день, оказавшись в голове стоянки, я смог наблюдать вместе с праздничной толпой одно необычайное явление: трёх исключительно красивых блондинок-близнецов. Это было отражение в тройном зеркале какого-то совершенного по внешности существа. Эта тройка была безукоризненно сложена, что подчеркивалось сшитыми по моде той эпохи английскими костюмами в талию. На их плечи были накинуты чернобурые лисицы одного оттенка с костюмами. Шляпы, сумочки, ботинки на маленьких ножках и перчатки были одни и те же. Естественно, что эти три грации, олицетворявшие собой красоту, здоровье и 20-летнюю молодость, обратили на себя всеобщее внимание. Они были похожи на тех изящных красавиц, которых полвека тому назад печатали в красках на английских открытках. У одной из них я нашел не всегда уловимую разницу: у нее при улыбке образовывалась на щеке очаровательная ямочка. Смущенные собравшейся вокруг них толпой, они поспешили сесть в мою машину и дали адрес хорошего французского ресторана. Их разговор был настолько тих, что я не разобрал ни одного слова и не смог определить их национальность. Когда я их вез, то с моего лица не сходила улыбка. Конечно, эти создания оставили яркий след в моей памяти.

Преследование

В такси села лет сорока пяти, некрасивая, хорошо одетая дама и назвала маленькую улочку в Латинском квартале. Приезжаю и останавливаюсь по указанию дамы на свободном месте.

«Пожалуйста, зайдите во двор соседнего дома и посмотрите, стоит ли там красный форд?». Захожу и вижу среди десятка машин большую новую модель форда с шофером, обмахивающим пыль метёлкой из перьев. Возвращаюсь с докладом. Моя клиентка сняла свою шляпу и покрыла голову большой кружевной шалью.

«Дело вот в чём: после закрытия бюро мой муж выедет на форде, по всей вероятности, со своей секретаршей, и нужно будет ехать

за ними. Постарайтесь сделать всё возможное, чтобы не потерять из вида форд. Мне нужно узнать адрес дома, около которого он остановится». Умудрённый многолетним опытом, я сказал, что это не всегда удастся, т.к. я не буду рисковать, проскакивая перед запрещающими сигнальными огнями. Для шоферов такси у полицейских нет никакой пощады, и за нарушение правил езды приходится платить очень большой штраф.

Как только из ворот выехал красный форд, я сразу пустился в его преследование. Через заднее стекло форда было хорошо видно, как неверный муж обнимал и целовал какую-то светлую блондинку. Моя клиентка была вне себя, у неё совершенно непроизвольно срывались сквозь слёзы фразы возмущения, страдания и злобы. Иногда у нервно возбужденных лиц, сидящих в такси, является какая-то непреодолимая потребность высказаться, и шофер, как священник на исповеди, выслушивает о самых откровенных переживаниях клиентов. В припадке отчаянья моя дама стала мне рассказывать историю её горя:

«Я его вытащила из трущобы; купила для него большое дело; устроила для его матери и больной сестры безбедное существование. Он живет в роскошном особняке с десятью комнатами и тремя прислугами. 3 месяца тому назад, в день его рождения, я ему подарила этот форд и наняла четвертую прислугу – шофера. Я на него молилась, целовала постоянно ему руки, и он, неблагодарная скотина, на мои же деньги покупает меха и драгоценности для этой твари. Никого убивать я не собираюсь, но, конечно, я отомщу, и для этого у меня есть большие возможности. Мне необходимо узнать адрес его “гарсоньерки”, в которой он принимает эту дрянь днем и иногда ночью. Я при свидетелях установлю и запротоколирую его неверность. Это будет мой большой козырь на суде. К моему счастью, при подписании брачного контракта я настояла на том, что всё моё богатство остается в полном моём распоряжении, и дело, о котором я уже говорила, куплено тоже на моё имя. Моё завещание, в котором я всё оставляла мужу, уничтожено как у нотариуса, так и дома. Второе завещание, аннулирующее предыдущее, уже написано и законно утверждено. Я также дала распоряжение банку продолжать помощь матери и сестре этого негодяя. Всё, что ему останется, это форд, его костюмы и другие мелочи. У меня достаточно сильный характер, чтобы довести хорошо разработанный план до конца.

Я была у моего адвоката и точно выяснила мои юридические права. В частное сыскное бюро обращаться не хочу, т.к. мне известны случаи, когда эти бюро продавали за деньги заинтересованным лицам секреты их клиентов. Я сама узнаю всё, что нужно».

Во время моего следования за фордом, я с успехом проехал 7 сигнальных огней. Подъезжаю к 8-му – зажегся оранжевый огонь, форд рванулся и проскочил, я остановился. Клиентка мне сказала,

что уже в пятый раз она упускает форд, но это ее совершенно не обескураживает, в двадцатый раз она добьется своего.

На мой вопрос: «Одинаковый ли путь проделывает форд?» – она ответила утвердительно. «В таком случае, – продолжал я, – вам нужно поджидать форд около последнего, восьмого сигнального огня и продолжать преследование от этого нового места. Этот способ доведет вас до победного конца». Дама была в восторге от моего предположения и по-царски со мной рассчиталась.

За 18 лет работы шофером такси мне неоднократно приходилось присутствовать при бурных семейных объяснениях и даже драках. Присутствие за рулём живого человека несколько не стесняет разбушевавшихся супругов.

Ангельский голос

Как-то летом ко мне подошли две девицы и протянули мне бумажку с надписью: «Могила Наполеона». Одна была исключительно красива. Такие лица встречаются раз в десять или пятнадцать лет и, конечно, навсегда запоминаются. Вторая была контрастом первой: она имела на редкость безобразное лицо. Везу их и слышу разговор на польском языке. Один из голосов был полон какой-то мелодии. Такими голосами, наверно, говорили античные богини. Никогда ничего подобного я не слышал. Другой голос был гнусавый и очень неприятный. Когда они вышли из такси, то выяснилось, что ангельским голосом говорила безобразная девица.

Когда они удалялись, я наблюдал за ними. Красавица была также безупречно сложена. Её подруга с отвратительным лицом имела такую же отвратительную фигуру.

Ночная «фея»

Во время ночной работы, уже под утро, ко мне в такси садится ночная «фея» и просит отвезти её в одно кафе на Монмартре. Привожу. «Ждите».

Через полчаса, видно, кого-то не найдя, «фея» просит отвезти её в другое кафе на Монпарнасе, и снова ожидание. Через полчаса новый адрес, и на этот раз домой. Когда я её привез, то мне было сказано, что денег нет. Расплатой за поездки могут быть её объятья.

Это ни в коем случае меня не интересовало. «Другого выхода нет!» – сказала «фея». На моё счастье, показались два полицейских на велосипедах, которых я и подозвал. После объяснения создавшегося положения «фее» было предложено сесть в такси, и в сопровождении полицейских мы все «доставились» в полицейский участок. Бригадир предложил «фее» расплатиться с шофером такси, на что последовал ответ: «Денег нет!» Содержимое сумочки бригадир вы-

сыпал на стол, в ней были соответствующие профессии документы, пудра, губная помада, платок, ключи, конфеты и ни одного сантима денег. Бригадир вышел из-за своего «прилавка» и быстрым, неожиданным движением поднял юбку «феи» и обнаружил в чулке пачку денег, из которых со мной и рассчитался «по-царски». Столкнулись два профессиональных приёма: полицейского, знавшего с кем имеет дело, и «феи». Победителем вышел полицейский.

«Отвезите её домой, – сказал он мне, – а вы, мадам, не попадайтесь!»

Певец

Как-то утром ко мне подошел хорошо одетый, лет сорока, человек с гитарой в чехле и сделал следующее предложение: «Мне нужно такси на целый день, меня совершенно не интересует счетчик, и я хочу платить сдельно – десять тысяч (дело происходило в 1953-м году).

По опыту скажу, что это достаточно, в чем сами убедитесь, не обижу.

Для вашего душевного спокойствия я деньги уплачу вперед, иначе в пару похмелья смогу их и пропить, и запишу ваш номер. Надеюсь, что не сбежите».

Я принял предложение и получил список адресов, состоящий исключительно из одних кафе, как в Париже, так и в ближайших его окрестностях. Против каждого кафе были отметки времени, которые означали концы посещения, и меня не касались. Сначала я заехал за каким-то приятелем клиента, человеком очень крепкого сложения.

Затем начался объезд кафе. В каждом бистро, а их в списке было не меньше десятка, моего клиента встречали какими-то овациями.

Видно было, что его хорошо знали и ценили как интересного клиента. Он сразу предлагал всем присутствующим стакан вина, что лакеями мгновенно выполнялось. Я приглашался в каждое кафе, и мой клиент удивлялся и обижался, что я, кроме молока и минеральной воды, ничего не пил. «Во время работы шофер такси не должен пить вино», – говорил я. Мой клиент был в самых дружеских отношениях со всеми хозяевами бистро, много говорил и был очень остроумен, наливая себе стакан за стаканом какой-то приготовленной им смеси. Потом он брал свою гитару и при абсолютной тишине начинал петь безукоризненно сильным тенором исключительно оперные арии. Без всякого усилия, как бы шутя, он брал высокие ноты кристальной чистоты. Его, конечно, награждали заслуженными аплодисментами. Видно было, что эти аплодисменты ему доставляли удовлетворение. В каждом кафе он пел две арии по своему выбору и на «бис» никогда не пел. Ни разу в своих ариях он не повторился. Расплачивался он во всех кафе очень щедро, давая лакеям большие

чаевые. На одном из переездов я его спросил, почему по воскресеньям он не дает концертов перед более изысканной аудиторией, понимающей музыку и пение. Несмолкаемые аплодисменты такой аудитории дали бы ему гораздо большее удовлетворение, и он бы доставил истинным любителям и ценителям пения незабываемое удовольствие. Полупьяные воскресные посетители быстро не в состоянии достойно понять его большой талант, манеру петь, в которой так ярко проявляются душевные переживания артиста. «Пьянственную, скандальную иногда и пою, чтобы горе забыть! А аплодисменты мне действительно нужны».

Других объяснений не последовало. В одном кафе, где его особенно бурно приветствовали, я попытался узнать у старого лакея, кто такой мой клиент?

«Никто не знает, кто он, он никогда о себе не говорит. Приблизительно уже полтора года, как он приезжает к нам в первое воскресенье каждого месяца и всегда после обеда. Об этих приездах в нашем районе все знают, и, как видите, уже все столики заняты, т.к. этот человек всех зачаровывает своим изумительным голосом. Его у нас незаметно сфотографировали и безрезультатно пытались с карточкой в руках навести о нем справки. Какой-то важный клиент с ним заговорил с предложением где-то петь, но он был оборван на полуслове».

В десять часов вечера мой клиент, несмотря на слоновую порцию выпитого вина, крепко держался на ногах, он только раскраснелся и в глазах его был какой-то ненормальный блеск. Его спутника после всех возлияний под конец нельзя уже было вытащить из машины. Это было сигналом ехать домой, хотя и оставалось ещё одно кафе. Мой клиент был вне себя и всё время ругал своего приятеля за то, что он, свинья, не мог вовремя остановиться пить и нарушил расписание посещений кафе. Приятеля сдали консьержу и вызванной жене очень свирепого вида. Клиента, видимо, не удовлетворили девять бистро, и он со мной распрощался около десятого.

Мамаша, нянька и девочка

С одним моим приятелем был следующий, не лишенный интереса случай. Привез он однажды к громадному универсальному магазину «Прентан» незадолго до его закрытия молодую мамашу, няньку и девочку лет четырех. Мать с нянькой вышли, сказали шоферу, что они вернуться через полчаса, и, за неимением свободного места для такси, просили они это время ездить вокруг магазина. Оставив девочку в машине, они указали шоферу угол, у которого они будут их ожидать. Шофер стал крутиться, и заметившие его полицейские стали уже бросать на него злобные взгляды. Полчаса давно уже прошли, а на указанном углу были только какие-то другие ма-

маши. Но вот раздались, наконец, звонки, обозначающие закрытие магазина, а мамыши нет и нет. Стала таять выходящая из магазина толпа покупателей. Разошлись и многие сотни служащих. Разъехались автомобили, стоявшие непрерывным кольцом вокруг магазина. Стало возможным поставить машину на указанном мамашей месте. Девочка начала реветь, и в её утешениях прошло ещё полчаса. Шофер стал волноваться. Что произошло с мамашей? Быть может, ему просто подбросили ребенка? В Париже ведь ежедневно подбрасывают детей. Подождавши еще четверть часа, шофер решил ехать в ближайший полицейский участок. Там он рассказал обо всем происшедшем. Четырехлетняя девочка сказала только, что её зовут Клэр, живет она с мамой и папой в вилле с садом, есть у неё няня и много игрушек. Мысль, что это подброшенный ребенок отпала. Бригадир начал записывать со всеми подробностями показания шофера, не торопясь выстукивая на машинке обдуманые слова. В соседней комнате дежурные полицейские, как только могли, развлекали продолжавшую реветь девочку.

Вдруг в участок, как ураган, влетели мамаша с нянькой с совершенно обалдевшими лицами и криками: «Похитили девочку!» На крики из комнаты вышла Клэр, и произошла бурно-радостная встреча с бесконечными поцелуями. Что же поведала мамаша? Она рассказала бригадиру об одном происшествии, которое послужило основанием сделать как бригадиру, так и шоферу совершенно одинаковый и правильный вывод. Представьте себе, что мамаша и нянька, бегая по магазину и делая многие покупки, так увлеклись этим делом, что дошли до состояния какого-то ошаления и забыли об оставленной в такси дочери.

Выйдя чуть ли не последними из магазина, с покрасневшими и возбужденными лицами от вида стольких прекрасных вещей, они, нагруженные многочисленными пакетами, сели в головное такси на стоянке и поехали домой. В часы вечернего разъезда все улицы забиты еле плетущимися автомобилями, и вследствие этого наша мамаша только через час оказалась дома, сделавши переезд через весь город.

Только дома они вспомнили о забытой девочке. В страшном перепуге они помчались к «Прентан» и, не найдя около него такси с девочкой, оказались наконец в полицейском участке, где и нашли своё ревущее сокровище. Когда эта троица вышла из участка, то бригадир сказал шоферу, что такое обалдевание одновременно двух персон встречается довольно редко.

Теория вероятности

Другая занятная история, происшедшая тоже не у меня на работе. В воскресенье к шоферу такси подошел хорошо одетый, средних

лет господин с большой завязанной коробкой из картона с надписью «Филлипс». «Не можете ли вы отвезти меня в Версаль, там подождать меня около часа и затем вернуться в Париж?» После согласия шофера, клиент очень осторожно положил картонку в машину, и они пустились в путь. «Прошу вас ехать не очень быстро, т.к. от сильного толчка может повредиться радиоаппарат, лежащий в картонке. Это мой подарок сыну, живущему на авеню Гоблен, куда мы после Версаля и поедем». С небольшой скоростью приехали в Версаль. Оставив картонку, клиент вошел в новый большой дом и оставался немного больше часа, после чего шофер вернулся в Париж. Клиент попросил по дороге к сыну заехать еще в одно место, но на этот раз только на пять минут, чтобы передать консьержке письмо. Продавщи на новой остановке около получаса, шофер вошел в дом и в глубине очень большого двора нашел консьержа, который своим сообщением поразил, как ударом грома: «В наших домах два выхода, и уже неоднократно один и тот же жулик оставляет такси с большим неоплаченным счетчиком». Шофер побежал к машине, разрезал веревку картонки, открыл её, и... в ней оказалось кило четыре песка. Это был жульнический прием, чтобы усыпить бдительность шофера такси.

Прошло года четыре, и жертва этого мошенничества, стоя в голове стоянки для такси, смотрел и не верил глазам своим: к нему шел его версальский жулик, неся бережно в руках большую картонку. Повторилось слово в слово то же самое предложение о поездке в Версаль.

Не моргнувши глазом, шофер согласился и по дороге, как вкопанный, остановился перед дверью полицейского участка и сказал стоявшему полицейскому, что в машине сидит жулик. Клиента попросили выйти, и они вместе с шофером оказались перед ясными очами полицейского бригадира. Клиент был полон возмущения, говоря о недоразумении. Он показал свои документы, по которым он был старослужащим одного большого страхового общества. «В чем дело?», – спросил шофера бригадир, и тот рассказал со всеми подробностями о версальской поездке четыре года тому назад и что сейчас этот же клиент тоже просил отвезти его туда же. Шофер добавил, что клиент, как в прошлый раз, очень осторожно поставил в такси большую картонку. Принесли картонку. У клиента прошло негодование, и он стоял побледневший, поджавши хвост. Развязали коробку – и в ней оказался всё тот же песок.

Не было никаких сомнений, что так случайно попался один воскресный старый жулик, живший все остальные дни недели как уважаемый служащий счетного отделения страхового общества. По теории вероятности, о которой он, конечно, знал, было почти невозможно дважды выбрать одно и то же такси из 12 500, циркулирующих в Париже.

Но это «почти» произошло, волею судьбы он выбрал именно тот фатальный номер, который ему грозил судебным процессом, потерей части и прочими неприятностями.

Нормальная рулетка имеет 36 номеров. Поставить на какой-нибудь номер и выиграть считается большим если не счастьем, то, во всяком случае, успехом. Представьте себе размеры рулетки с 12 500 номерами, и становится почти безнадежным выиграть на поставленный номер.

Видя бесцельность оправданий, клиент стал клясться и божиться, что он только во второй раз решил проделать трюк с картонкой. На это бригадир сказал: «Мы это разберем. К нам поступило много жалоб с подобными делами. Мы разошлем по гаражам такси циркуляр с предложением шоферам, ставшим жертвой таких мошенников, как вы, явиться, и их показания будут проверены самым простым способом: им будет предложена серия фотографий, среди которых будут и ваши, и они должны будут вас опознать. Вы будете сняты прямо, в профиль, в шляпе и без шляпы. Я принужден вас задержать». При клиенте были довольно крупные деньги, и бригадир довольно щедро рассчитался, как за курс четырехлетней давности, так и за поездку настоящего времени.

В некоторых парижских гаражах в такси вывешены списки домов с выходом на две улицы. После нескольких лет работы каждый шофер насчитывает около десятка скрывшихся клиентов с неоплаченным счетчиком, для чего существуют самые разнообразные способы, доходящие иногда до чрезвычайной наглости.

Поиски отеля

Еле стоявший на ногах американец, видно, после ужина с большими возлияниями, сел в такси. Дитина был громадного роста, геркулесового сложения и весил не меньше 120 кило. От далекого прошлого у меня в памяти сохранились многие английские слова, и с грехом пополам я мог как-то объясняться. «Везите меня домой, в отель». «В какой отель?», – спросил я. «Я не помню его названия». «Приблизительно в каком он районе?» «Я не знаю. Возите меня по отелям, я узнаю». Раз десять американец, взглянув в окно, говорил: «Не мой отель». Потом он заснул и на все мои энергичные расталкивания он только отмахивался, давая понять, чтобы его оставили в покое. Что делать? Привез я его в американское консульство. Позвонил и объяснил положение дела. Вызвали дежурного секретаря, который после безрезультатных попыток разбудить моего клиента стал осматривать его карманы и сразу нашел отдельный ключ с жетоном, на котором было написано «№ 227 отель РИТЦ».

М.Н.Германова
МОЙ ЛАРЕЦ

Публикация И.Соловьевой

На рукописи воспоминаний артистки Марии Германовой (1881–1940) или, во всяком случае, на машинописных копиях, хранящихся в Нью-Йорке и в Париже, не проставлено время ее создания. Датировка, впрочем, снова и снова устанавливается «по тексту». «Обосновавшись в Париже в 1927 году, мы завели Рекса. Милому нашему старику уже 12 лет теперь. Мы так бережем его». Это, понятное дело, про собаку. Немного далее – про то, как хорошо проявили себя французы в осенний месяц 1938 года, когда ждали начала новой войны. Итак, воспоминания пишутся в 1939 году. Или – дописываются? В одной из ранних глав, где речь о Горьком, Германова спрашивает себя: как он, культивировавший в себе обостренную реакцию на всякое зрелище насилия (не мог смотреть на дрессировщика в цирке!) – как он теперь смотрит на творящееся в России. Горького не стало летом 1936-го, а здесь явно о живом.

Германова умерла весной 1940: у нее было большое сердце. В тексте мелькает имя врача, который когда-то рекомендовал ей беречься, запрещал переутомлять сердце работой на сцене: Плетнев. Неизвестно, как восприняла Германова это знакомое ей имя, узнав об очередном московском процессе (профессор Дмитрий Дмитриевич Плетнев фигурировал в нем как убийца Горького).

Финальные главы короче, ритм их иной – это тоже говорит о том, что воспоминания написаны, пожалуй, не в один прием.

«Милый мой сыночек, пишу это я главным образом тебе... хочу рассказать мой путь». О судьбе сына артистки, Андрея Александровича Калитинского (1914–1988?), у нас сведений нет.

Воспоминания остались в рукописи. В России прошли две небольшие публикации отрывков из начальных глав: в журнале «Московский наблюдатель» №3 за 1992, в еженедельнике «Экран и сцена» от 7 октября 1993. Сейчас перед читателем заключительный и достаточно обширный текст – но все-таки жаль, что нет возможности представить написанное в целостности.

Самое ценное тут – в том, как эта актриса от начала до конца своей работы знает задачу и держится ее. Это уже, наверное, от навыков Художественного театра: задача куска должна соотноситься с задачей роли, задача роли – с задачей спектакля, со сверхзадачей, со сверхсверхзадачей. Они это умели.

«Хочу рассказать мой путь: как талант, данный Богом одной русской актрисе, развился в обстановке России, ее культуры, эпохи перед войной, которая была насыщена всякими возможностями».

В ларце этой расставшейся с Россией красавицы, так любившей свою Москву, свою сцену, свою славу, свой дом, квартиру на Арбате и вещи в этой квартире (да, и милые вещи), – в ларце нет никаких реликвий, которые передают наследнику как напоминание: не забудь, не прости. Мстительность пугает, отвращает эту женщину не меньше, чем отвращает и пугает ее преступление, за которое мстят. Перечитайте страницу про Киев, куда вошли белые.

Замечательно, как эта женщина (с ее несомненной актерской эгоистичностью, вернее даже – с ее тяжелой полуагрессивной, полустрадальческой сосредоточенностью на собственных внутренних целях) ощущает свою жизнь подчиненной многому, определяемой многим, разделяемой многими и многими.

«Трагические качества темперамента М.Н.Германовой, ее необычайные данные голоса, красоты и техники сделали ее одной из лучших русских актрис ее поколения. Не будет ошибкой назвать ее единственной чисто трагической актрисой нынешней России и не только России, но – после смерти Дузе – и Европы». Поверим критику. Однако – словно в противоречии с определением темперамента Германовой как темперамента трагического – мемуары написаны рукою бережной, ласковой к материи быта. Должно быть, и это от Художественного театра. На страницах – тонкие натюрморты, на редкость хороши интерьеры (хотя бы дивный интерьер старинного зала Михайловского театра или – такой неожиданный – интерьерчик нью-йоркского ловкого маленького жилья, удобного, подвижного, временного; а как она пишет надышанное, намоленное пространство церковей!); еще охотней Германова вводит пейзажи – дорожит ими как чем-то, что неразоряемо: неистребимы русский снег, шотландские озера, радостная старая земля Грузии или Далмации.

Если мемуары и были поначалу задуманы как книга потерь, как отдаваемый в руки сыночку перечень всего того, чего они, младшие русские, остаются лишенными, – сама развернутость этого перечня, становящегося пленительно предметным, возвращающего звуки, запахи, чувства, срабатывает как возмещение утрат. Исчезло, чтобы закрепиться иначе; претворилось в ценности памяти.

Трагический дар – на русской сцене, во всяком случае, – предполагает бесстрашие самораскрытия. Но как мемуаристка Германова стыдлива, и внутренний ее пейзаж никак ею не написан. Может быть, в оправдание этой замкнутости взят прием: артистка то и дело переключается на разговор с сыном, которому назначается «Ларец», притом говорит даже не с тем молодым человеком, в какого к 1939 году должен был превратиться ее Андрюша (ему уже 25!), но с ребенком, когда-то вместе с нею – в свои пять лет – оставившим дом с рыцарями на Арбате.

В самом ли деле записки предполагались лишь для домашнего, семейного употребления? Их «литературность» не должна тут вводить в обман:

так же повышено «литературны» ее письма, мгновенно переходящие с повествовательного или делового тона на тон и слог иной. Воспоминания и вправду написаны с расчетом на своих. Но патетические данности таланта, природная воля «брать зал» слишком присущи Германовой, чтобы записки ее остались домашними.

Для домашних записок, адресованных детям и внукам, наверное, чересчур значимы и тяжелы эпитафии. «Рушенье светлых миров в безнадежную бездну хаоса...» – Это гекзаметр. Строка из стройно долгого стихотворения Алексея Толстого, начинающегося с парадокса:

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!...
Или Бетховен, когда находил он свой марш похоронный,
Брал из себя этот ряд раздирающих сердце аккордов,
Плач неутешной души над погибшей великою мыслью,
Рушенье светлых миров в безнадежную бездну хаоса?
Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном пространстве...

Для домашних записок слишком философична общая мысль о художественном творчестве как о фокусировании, преломлении через себя токов объективного, вне тебя страдающего (или радующегося) мира. Германова этой мысли вовсе не формулирует, но ей постоянно подчиняется. Жизнь, прошедшая через художника-«линзу», закрепляется и способна вернуться.

Во всяком случае, хочется думать, что это так. И терпеть, если это не так.

Задача, которой держится Германова – задача сохранить и передать. Но еще и задача отобрать. Отсюда заглавие мемуаров: «Мой ларец». В ларец складывают то, что так или иначе ценно. Предварительно отобрав.

Когда рассказ доходит до момента расставания Германовой с Художественным театром, краткость изложения поражает; в особенности поражает того, кому приходилось держать в руках письма актрисы, в эти недели отпавленные: сколько горького яду, боли, крика, обиды, как неудержимо длинны высокомерные и отчаянные сетования, обвинения, жалобы. Легко после этих писем думать о ней, как об актрисе на роль Медеи: оскорбленная, отвергнутая, на все готовая, страшная... И ничего подобного в «Ларце». Осталась разве что тень высокомерия: не достаивает того, чтобы к этому вернуться. Мимо.

В мемуарах нет про то, как в свой приезд в Париж вместе с МХТ летом 1937-го Владимир Иванович Немирович-Данченко уклонился от встречи. В мемуарах нет про то, что в томе «МХАТ в иллюстрациях и документах», выпущенном к сорокалетию театра, в списке труппы за эти сорок лет нет ее имени. Велели в последний момент вычеркнуть, как и прочих эмигрантов. Считать: не было. Впрочем, техники, которой пользуются для подобных подчисток памяти в романе Оруэлла «1984», в реальности 1938 года еще не имелось, все делали от руки, в одном месте вычеркнули, в другом проморгали. Германова осталась в напечатанных там же проспективных списках исполнителей: Агнес в «Бранде», Елена в «Детях солнца», Софья в «Горе от ума», Марина Мнишек в «Борисе Годунове», Грушенька Достоевского, пушкинская донна Анна...

Видела ли она этот отлично изданный синий том? Он вышел как раз тогда, когда она была занята своей рукописью. Можно не сомневаться, что нашлись доброхоты и познакомили актрису, как там в Москве с нею обо-

шлись. В «Ларце» ни про это, ни про отказ Немировича от встречи она словом не обмолвится.

Это – установка, правило. Установка и правило касаются вовсе не только изложения своей биографии актрисы (смолчать о нанесенных обидах можно ведь и из самолюбия). Установка шире.

Германова вовсе не была тем, что называется – легкий человек. Этим даром не обладала. Способности пропускать мимо училась и, видно, научилась. Если исходно спасало высокомерие, потом пришло умение терпеть, прощать.

Прощать людям. Прощать жизни. Принимать их.

Глава XIV

Рушение светлых миров в безнадежную бездну хаоса.

А.Толстой

И все пошло прахом. Как в сказке: пробило 12 часов, пропел петух, и там, где были груды золота, оказалась кучка пепла.

Насколько в 1905 году была я равнодушна к революции, настолько в 1917 году первую, февральскую революцию приняла я с восторгом. Как и вообще большинство из нас, глупых интеллигентов.

Раз как-то выходили мы со Стаховичем вместе, после репетиции «И свет во тьме светит»¹. Мы были тогда уже крепко дружны и, остановившись в воротах Театра, я спешила высказать ему свою радость и энтузиазм от революции, а он ласково, но грустно меня слушал и наконец сказал: «Вы вот любовались лошадами в Пальне, так вот не пройдет и несколько месяцев, как их всех перестреляют после вашей революции...»²

Это недоверие и пессимизм возмутили меня, и я заспорила с ним. Он все так же грустно кивал головой: «Увидите, увидите...» Я тоже махнула рукой. Так мы и разошлись, дружески смеясь, но каждый при своем.

Потом и я «увидела», как он предсказывал, и он напомнил мне наш спор. Но мы уже не смеялись; не знаю, как у меня, а у него было такое безнадежное, потухшее выражение глаз.

Не только Стахович, но и все вообще в Театре были очень «сдержанны» и в Феврале, и в Октябре. Уж очень богаты мы были к тому времени: и славой, и успехом работы, и деньгами – дивиденд у нас, пайщиков-актеров, был в 100 процентов, и жалования были хорошие, и имущество Театра было громадное, даже с музеем настоящих старинных вещей.

Я лично была в восхищении от Керенского – признаюсь честно... Я ничего не предвидела и верила в Думу и гордилась тем, как мы, русские, сделали нашу революцию... Да и не у меня одной, у всех была эта вера, эта гордость за Россию.

К несчастью, фокусом этого подъема и веры и гордости явилось в то время Временное правительство.

Пишу об этом не как о политике, а просто чтобы рассказать, как тяжело это, что обмануло нас наше Временное правительство, на которое мы чуть не молились. Не стоило оно этого – не оказалось в нем ни у единого ни жертвенности, ни героизма, ни твердости, ни силы, которых мы так ждали от него.

Государь, как бы ни был он слаб и неумел, остался царем до конца, помазанником Божьим. Он не покинул России, не бежал из нее; если и была на нем вина, то он искупил ее жестокой смертью. Мы можем чтить его память, а когда вспоминаем, как Временное правительство проболтало Россию, то стыдно за себя, за нас всех – ничего крупного, ничего верного, возвышенного. Даже горя, раскаянья, стыда сжигающего не заметно. Этот слой интеллигенции даже здесь, за границей, сохранил непонятную, неуместную веселость. Падение его не «разорвало завес».

Такие исторические моменты, как падение правительства, просятся на гравюру, а то, как рассеялись, расползлись наши главари, разве только на карикатуру может вдохновить.

А мы-то как восхищались ими!³

Это разочарование – незатихающая боль.

Знаю я, знаю: это история, судьба, логика событий. Я это и не оспариваю, я заранее согласна! Я только так, по-бабьи, от жалости о России, попричитала немножко. И то сказать: это только люди оказались так мелки, а вера-то в Россию осталась! Ее ничто не может затмить!

Когда началось октябрьское восстание, Папс⁴ был на другом конце города. Ночью мы могли еще переговариваться по телефону, а потом телефон прекратился, и Папс не мог больше оставаться без вестей о нас. Все утро он пробирался домой под перестрелкой, перебегая от дома и до дома, прячась от пуль. Страшно и тяжело даже вспомнить теперь, как я ждала его и не знала, идет ли он уже, дойдет ли...

Когда Папс дошел до дому, был уже разгар боя. Но мы были все так счастливы, что он с нами, что почти весело сели за завтрак.

Во время завтрака наступило вдруг затишье, и любопытство меня взяло посмотреть на улицу – что там делается? И я подошла к боковому окну трехконного выступа, из которого был виден в конце нашего переулка Арбат. В этом выступе стояли у нас большие пальмы, и мне пришлось пройти за ними вплотную к окнам, чтобы взглянуть на улицу.

Только-только подошла я к окну – вдруг огонь, треск, посыпались камни, стекла... Перед окном, в нескольких аршинах, разорвался снаряд, прямо перед моими глазами. Только Бог меня спас. Лицо мое было совсем у внутреннего стекла. Оно просто чудом уцелело, а наружное все было разбито вдребезги. Ослепнуть могла, если бы не милость Божья... Когда я обернулась на комнату, то я увидела совершенно белые от испуга лица; даже твое маленькое, детское было бледно от страха. Твоя англичанка видела уже, что мне оторвало голову...

Странно, что во время разрыва снарядов бывают такие обманы зрения. Я слышала несколько взволнованных заявлений, и от разных лиц, с разных мест, что они видели, например, как взлетела на воздух колокольня Страстного монастыря.

В твою комнату, которая была рядом со столовой, попали осколки снарядов в потолок и в стены, во всех комнатах, выходящих на улицу, лопнули стекла, и нам пришлось перебраться в половину квартиры, выходящую на двор. В октябре ведь уж холодно, снег в Москве. Сдвинули обеденный стол и перенесли его в переднюю – и ели там и сидели почти все время. В наш дом попало шесть или семь снарядов. В квартире под нами снаряд пролетел всю комнату, как раз под нашей столовой, и влип в тяжелую дубовую дверь. Дом весь был избит, на него приходили смотреть потом.

Когда бой кончился и можно было выходить на улицу, я тоже вышла с Андрюшей – дать ему вздохнуть свежим воздухом. Боже мой, как изменилось все, все... Словно кто-то вставил в прожектор темное стекло. Все потемнело вдруг... воздух, дома, люди, лица...

Первое, что я увидела, был военный на лошади, медленно ехавший мимо дома. Лицо его было смертельно усталое, бледное, закоптелое, серое, он был небрит, растрепан – видно, что он не спал все эти ночи. Он смотрел угрюмо по сторонам и размахивал уже раскрытым револьвером. Заметив, как я прижала к себе сыночка и отступила, он презрительно усмехнулся на меня. Мне вдруг стало так жалко и его и себя: как далеки мы были и как близки.

На улице не было привычного шума саней, лошадей, звона трамваев, колоколов. Было везде зловеще тихо. Только темные угрюмые толпы народу ходили по улицам; все спешили узнать, живы ли родные, друзья... Магазины были опустошены, закрыты, пустые окна их темнели дырами от разбитых стекол, вывески сорваны, изрешечены пулями, дома тоже изъязвлены были пулями.

В несколько дней наша пышная красавица Москва превратилась в безобразную нищую. Словно какой-то мстительный недруг вдруг с неистовой злобой растоптал чистоту и красоту ее убранства.

И как бы катясь в пропасть, увлеченная лавиной, стала рушиться и вся жизнь. Все, что было добыто, накоплено, создано, сработано, все погибло, развалилось везде и у всех...

Людей тоже как будто засосала какая-то страшная машина. Нас как будто подстригли, перекроили по какой-то чуждой мерке, перемерили каким-то железным аршином, расшвыряли как попало. Все мы перестали быть самими собой...

Папилечка стал директором Оперы Зими́на! Случилось это так: перестал работать его Императорский Археологический институт, и курсы, и университет Шаняевского, и гимназия, где Папс преподавал, и надо было искать заработки. Хотя сравнительно и правой, но очень значительной и сильной и большой организацией был тогда Рабочий Кооператив. В этом Рабочем Кооперативе Папс взялся поставить художественный отдел. Тогда-то его сделали директором Оперы Зими́на и стал он членом нашего правления в Театре.

Я осталась при своем ремесле, но в Театре не было уж того праздника и значительности, как раньше. Раньше спектакли, работа репетиций были для нас самым важным в жизни, а теперь жизнь навалила на нас, как из вывернутого ведра с отбросами, голод, холод, нищету, с которыми пришлось вступить в жестокую борьбу.

Спектакли скоро возобновились, но и в них все потемнело, по мрачнело.

Как трудно было ходить на спектакли. Главное, страшно было возвращаться ночью, в темноте, по неубранным сугробам снега, под выстрелами и угрозой грабежа. Ходили мы гурьбой, все вместе, кто жил по соседству. Свою хорошую шубу я остерегалась надевать – часто снимали шубы – носила сестричкино девичье меховое пальто, которое мне было узко и коротко, и руки не сгибались в нем и холодно мне было...

По вечерам Папилечка работал до поздней ночи, и мне, уходя в Театр, приходилось оставлять тебя одного с прислугой.

Мисс Компорт уехала⁵. А как раз в это время везде были обыски – искали оружие и тут же грабили и расстреливали. И от правительства и просто разбойники.

Я так боялась, что испугом могли искалечить мальчика моего на всю жизнь, играла и молилась. Но Царица Небесная, под защитой иконы которой я оставляла сыночка, оберегла его.

Революция уже разразилась, когда мы начали играть пьесу Тагора⁶. Играли мы в подвале «Летучей мыши», было холодно, я обертывалась во весь рост большим оренбургским платком и только тогда надевала прозрачные, легкие индусские шали.

Электричество горело тускло, уныло. Было очень голодно, я, как всегда, быстро от этого ослабевала на спектаклях и потому брала с собой кусок черного хлеба с салом, и в антрактах прекрасная Королева, трепещущая любовью и тоской по Женихе – Короле, украшенная, как невеста, жемчугами и брачными одеждами, жевала черствые корочки. Об элегантности за кулисами («Горе от ума», например) странно и страшно было бы и вспомнить. Но, несмотря на

стрельбу на улицах и темноту и грабежи, мы играли, и публика всегда была у нас.

Во время революций театр всегда бывает в чести, говорят. И правда, тогда в Москве много было всяких спектаклей, концертов, в театрах и просто в клубах, которых пооткрывалось множество.

Читала я раз в Благородном собрании на каком-то торжественном концерте. Мы, актеры, ждали выхода в великокняжеских покоех. Во что они превратились в несколько месяцев! Мраморные камины были покрыты сажей, пол – весь черный от грязи; старинная стильная мебель, обивка стен вдруг стали истертыми, рваными, в пятнах; посреди комнаты стоял складной неустойчивый стол, покрытый мятой, нечистой скатертью. В ужасных стаканах был жидкий чай и на тарелочках несколько миниатюрных пирожных из моркови подозрительно темного цвета и кучка чуть не обгрызков сахара. Вокруг сидел цвет московских театров: Нежданова⁷, Гельцер⁸, Качалов⁹, Яблочкина¹⁰...

Гельцер привела с собой свою сестру, чтобы та держала у себя ее жемчуг, пока она будет танцевать. Дома она боялась его оставить из-за обысков и налетов разбойников, танцевать в нем тоже страшно – рассыпется.

Что-то было унижительное и оскорбительное в этой грязи и неряшливости, как будто кто-то нарочно изорвал, испачкал, сломал, измываясь над тем, что было лучшего и что дорого нам было и внешне и внутренне.

И везде так и все так: не было ни одного целого угла, где бы не неистовствовала злоба против русского достояния.

Эта загаженность прошлой пышности пригнетала отчаянием. Бывали минуты такой смертельной боли за то, что так безвозвратно было осквернено, что понимали мы тех, у кого не хватило сил жить в той внешне обезображенной жизни.

Стахович очень страдал от звериного, жестокого житья.

«Просыпаясь, я хочу видеть мои дорожные часы, мою лампу, книжку...» В кухне, где он жил с князем Волконским, немислимо было и думать поместить эти добротные вещи. Но так понятно, что не это было главное его горе, а то, что жизнь исковеркали так, что в ней не было места ничему хорошему¹¹.

Так удавился и муж Полины¹².

С оказией прислали мне дневники мои того времени. В этих дневниках написано подробно о том, как жили мы все в одной комнате, с железной печкой, в копоти, голоде, холоде, как все казалось призрачным – и эта жизнь, и прежняя, которая стояла кругом в закрытых, нетопленных, лишняя теперь комнатах, в красивых, хороших вещах, ставших тоже ненужными, почти смешными призраками. Иногда только, когда капнет жидкая сажа из труб прямо за шиворот, тогда почувствуешь реальность того, что происходит.

Ясно, до запаха дыма, до ощущения холода и пустоты в голове от недоедания, помню я один поздний вечер, когда мы все после моего спектакля и папсиного прихода сидели за поистине скудным чаем в плохо освещенной большой твоей детской. Мы переехали в нее потому, что в ней одной возможно было поставить железную печку. Так как топлива было мало на электричество, то можно было иметь только десятисвечные и вдобавок тускло горевшие лампы; они очень скудно освещали наши просторные, высокие покои. Мама была с нами. Дома у нее в комнате замерзла вода, дядя Коля¹³ тоже пришел нас проведать. И как ни обездолены мы были, как ни отупели от тяжелой жизни, а все-таки в этот вечер было нам спокойно, почти радостно, что мы хоть сегодня вместе, живы, не арестованы, не больны тифом.

Как в те счастливые, вдруг ушедшие в неизмеримую даль прежние годы, так и теперь в беде бывали у меня минуты, когда разрушенность нашей жизни, тяжесть ее, весь ужас вставали перед сознанием с остротой и четкостью почти отвлеченной, исторической. В одно такое утро я разжигала застывшую безнадежно за ночь ледяную печку – это было самое трудное дело – я потом варила на ней чай. Все уже тоже поднимались с трудом на холод из постелей. Неумытые, закоптелые, усталые с утра. Мама старалась вымыть картошку в ледяной воде. Сидя над печуркой, я посмотрела вокруг и так же, как когда-то, подумала, но уже не только с тоской, а с боязливой надеждой: «Вот и это когда-нибудь вспомню, Бог даст... и опишу...» Вот и сбылось. Все приходит, все проходит...

Особенно было трудно, когда Папс сидел в тюрьме, от трех прислуг осталась одна Паша-кухарка, я была больна воспалением легких, мама жила далеко и могла приходиться только ненадолго, чтобы переменить компрессы и уложить внука спать. Наконец, судили мужа моего и, хотя Крыленко и вопил, что «их надо всех повесить», отпустили их и Папилечку, хотя и объявили «врагами народа». Я не пошла на суд, чувствовала, что не выдержала бы, а Сарс был и даже выступил с защитой¹⁴.

В то время, к весне дело шло, шла я раз по какому-то мостику, старому, московскому, и вдруг увидела так близко, рядом, под рукой, каменную его ограду... и вдруг утоньшились, почти исчезли преграды между планами жизни, и я почувствовала, как живы и близки мне эти камни московские, и такая к ним нежность и жалость двинулась в сердце, что я даже заплакала.

И жизнь изменилась, и люди. Изменились быстро и круто. Та моральная разруха, те болезни, которыми болеет теперь эмиграция, начались тогда, с того потемневшего дня.

Кроткая, услужливая Паша, которая жила у нас, как дома, с сыном и дочерью, как быстро стала она неузнаваема, хотела работать «только 8 часов» и распределила их так, что уходила, когда надо

было готовить обед, и мне пришлось много ей заплатить через комиссара, нашего же дворника, чтобы только отделаться от нее.

Пашины родственники приносили нам крупу и мясо. Странные, казалось бы, совсем ненужные вещи променяла я за них: кружевные занавески, нарядные чайные скатерти, серебряные елизаветинские подсвечники, декадентские вазы, парчовые туфли, цветы от платьев, ленты, безделушки, абажуры... Я удивлялась такому выбору, но Паша объяснила мне, что это все пойдет на приданое ее дочери, что дочка ее нагяделась у нас, как надо жить, и хочет теперь в деревне устроить все так же. Верил народ, что настал его час радости. Я была бы рада, если бы Бог дал ей осуществить хоть немного, хоть внешне ее мечту о прекрасной жизни.

Папс заходил за мной в Театр, тоже часто и Сарс. Помню, раз тащил Сарс в ведре кислую капусту, которую нам роздали на паек в Театре. Старался он и меня держать, чтобы я не упала (я ведь и тогда еще часто падала). Но сам Сарс поскользнулся, и упали мы оба в сугроб, и капусту пролили, и пенсне его соскочило, и он едва нашел его; мы были такие слабые, голодные, так было темно, страшно, так холодно...

Иногда Сарс ходил на Сухаревку продавать наши скатерти и простыни, чтобы купить масла, молока. На нем тогда еще свеж был отпечаток Оксфорда, и его фигура на Сухаревке была, вероятно, жалка и смешна.

Сколько раз приходилось Папсу тащить дрова, картошку, уголь на твоих детских салазках, и я часто носила вещи в узле за спиной.

Однажды на улице вез кто-то на салазках гроб. Какая-то женщина выскочила за ворота и взволнованно стала спрашивать, где достали гроб, и все время с завистью смотрела на него. Вероятно, лежал у нее дома покойник, которого не во что было положить.

Пришлось Папилечке вести захлороформировать Карино – старого нашего пса. Он совсем стал болен и негоден для жизни, не мог обойтись без привычного ухода и холи.

Ах! да всего и не расскажешь!

Танюша с темным видом объявила мне, что ждет ребеночка «от комиссара», и не просила, а почти требовала у меня Андриюшино белье.

Когда еще до революции я устраивала концерт в пользу детей беженцев, то Ушков¹⁵ дал мне свой автомобиль, чтобы привезти и отвезти Ермолову¹⁶ и других актеров на концерт. Один студент, щупленький, рыженький молодой еврей, очень скромный и симпатичный на вид, взялся ездить за актерами. Потом оказалось, что он очень революционно вел себя, нарочно разорвал и испачкал обивку в автомобиле и поссорился с шофером. После переворота я встретила его уже на видном положении, я не узнала его, так спокоен, самоуверен, достоин он был «наверху».

Тоже интересный был случай с фонарщиком. Пока Танюша переживала свои романы, у меня была прелестная горничная Дунечка. Она была замужня, и ее муж иногда приходил к ней. Только раз, когда наступила эта ужасная самовольная демобилизация, входит ко мне в комнату Дунечка, притворяет за собой дверь, и лица на ней нет! Признается со слезами, что тот, кто ходил к ней, вовсе ей не муж, а вот сейчас только что вернулся с войны и сидит на кухне настоящий муж. Она боялась до смерти, как бы «мужья» не встретились и как бы между ними «чего не вышло». Решила она поскорее убежать в деревню и просила меня отпустить ее сегодня же, сейчас же уехать. И чуть не в тот же вечер шасть фонарщик – тот, прежний, который ходил, не муж (он зажигал фонари на улице). Он никак не мог поверить, что она, Дунечка, была так вероломна и могла его бросить, и просил меня пройти с ним по всем комнатам, чтобы удостовериться, что она не спряталась где-нибудь от него. Это был совсем серый мужик, но он так трогательно горевал, так доверчиво делился со мной своим отчаянием и горечью, что Дунечка обманула его.

Года через полтора, когда уже пронеслась революция, нам объявили, что наш дом будет осматривать и проверять какой-то очень важный комиссар по жилищному отделу. Приходит, и кто же? Дунечкин фонарщик! Очень достойно он снял фуражку, справился о моем сердце, был очень почтителен, но грусть о Дунечке, видно, не покидала его. Зато: «К Марье Николаевне в квартиру не вселим никого!»

Лавина революции разрушила, сломала не только утонченный, чинный наш быт, но как обухом ударила и по моральному и духовному нашему складу.

Моим бессвязным лепетом я не смею касаться великой русской трагедии: гражданской войны, расстрелов, арестов. Я пишу только про мою маленькую тропиночку, как в моем осколочке жизни отразилась наша гроза.

Такой был резкий переверот во всем, что трудно даже осознать, что мы чувствовали тогда. Страх, недоумение, стыд, раскаяние.

Одно оставалось, за что можно было ухватиться: это желание разобраться, выкарабкаться совестью из ужасного хаоса обломков и разрушений. Было и бессознательное, робкое желание найти символ, оправдание в той тьме...

С какой радостью и готовностью смягчалась душа, когда за ненавистной кожаной курткой, за револьверами и бомбами во всех карманах, за наглой улыбкой кондукторши вдруг мелькнет свое, русское, простое, доброе лицо и хоть нечаянно прозвучит человеческое слово или движение.

Нам, актерам, спасением была новая публика.

В этом всем нам из Театра помог Папилечка. Прежде всего тем, что он достал для Театра от Рабочего Кооператива целый миллион

рублей. И сейчас еще многие беженцы-певцы встречают его так дружелюбно, вспоминая, как оберегал он их и оперу от убежденной, но уткой и судорожно тупой Малиновской¹⁷, комиссарши театров. Он высиживал ее тем, что «молчал до икоты», как она сама жаловалась на него. И нам всем актерам он устраивал участие в концертах и спектаклях.

Это было спасение для актеров: платили мукой, крупой, дровами, ботиками, башмаками... Иногда даже пшеничной мукой. Это уж за большие, важные концерты в Благородном собрании. Помню, как Нежданова раз умоляла его выхлопотать ей пшенной крупы за какой-то концерт...

На одном концерте, который был в Благородном собрании, давали нам, актерам, по одной белой булочке, а еще одну – каюсь – я стащила, чтобы угостить ими мальчика моего... На другой день дала ему, и он так чинно скушал их, сидя на прекрасном нашем бархатном кресле.

«Так вкусно, что даже голова заболела...», – сказал маленький мой.

На этом концерте я видела Ленина. В этот вечер была какая-то заминка с электричеством (кажется, не хватало топлива) и боялись, что оно угаснет.

«Ничего, у меня в Кремле есть несколько огарков», – улыбался Ленин, и все умиленно повторяли эту «трогательную, простую» фразу!

Были и другие вечера, попроще: кооперативы, служащие, рабочие любили устраивать их для себя.

Меня часто приглашали, и я охотно на них читала не из-за одной только муки – публика была замечательная. Молодая, верящая, убежденная, с энтузиазмом и радостью готовая воспринять все прекрасное, что стало им, как им казалось, только теперь доступно.

Читала я им только свой старый репертуар: Тургенева, А.Толстого, Л.Толстого, Бальмонта, Островского, поэмы Тагора... Совсем не необходимо было читать злободневные революционные вещи, мой классический репертуар очень нравился. Нравился и Тагор. Часто из публики молодые рабочие, девушки подходили потом, так хорошо благодарили, говорили про Тагора, щеголяли немножко тем, что знали и они его. Милые молодые лица были так хорошо оживлены праздником и вечером. Отзывчивая, восторженная эта публика так чутко отзывалась, так охватывала все прекрасное.

Такой был случай. Приехав в какой-то клуб, я поднималась по лестнице в актерскую комнату. На одной из площадок лестницы курили несколько красноармейцев, полусидя на перилах или развалившись на ступеньках или стоя в очень развязных позах, в фуражках... Когда я проходила мимо, то они демонстративно продолжали курить, болтать ногами и как будто даже нарочно громче заговорили и

чуть не пускали мне дым в лицо. Читала я в этот вечер последнюю сцену Наташи с Рудиным и сцены Анны Карениной с мужем. Оба эти чтения захватили мою публику. Пришли ко мне, провожали так ласково, помогали натягивать сестричкину шубенку. Увидев, что у меня два разных ботика, один черный, другой белый – и с правой ноги я надевала на левую, а с левой на правую (от сугробов совсем стоптались ботики) – дали мне сейчас же ордер на ботики!

Когда я уходила, тоже был антракт, и опять на площадке стояли красноармейцы, но теперь они уже все встали, спрятали папиросы, и милые их русские морды были мягки и почтительны.

Никогда не боялась я русских солдат, какого бы цвета они ни были, и обысков их не боялась – не могла себе представить, чтобы русский мужик мог мне сделать зло, чтобы не смогла я заговорить с ним одним языком, чтобы меня, русскую, мог он, такой же русский, убить ни за что, ни про что...

Играя в Театре, читая на концертах перед этой публикой, мы хоть урывками высвобождались, вырывались из когтей страха, голода и холода и жили привычным нам усилием творчества...

Старались мы продолжать и репетиции пьесы Толстого «И свет во тьме светит», но как во время прилива волны постепенно, но неизбежно заливают берег, так и тогда черные заботы задавили постепенно все другие, и репетиции прекратились. То один из актеров должен был идти за дровами на другой конец города, то грозили выселить из дома, как нас, например, то болели, то слабели от голода так, что едва могли двигаться и только с трудом приходили на спектакль. От голода и холода пожелтели, посерели все, потускнели у всех волосы и глаза. Встретишь кого-нибудь на улице – не сразу узнаешь, словно тень прежнего. Я так была слаба, что должна была отказаться играть царицу в «Царь Феодоре»... Как ни любила я эту роль, но не было силенок носить весь вечер тяжелые парчовые царские одежды и меха и головные, шитые камнями уборы.

Трудно было, нужно было напрячь все силы, чтобы не потерять человеческий образ.

Но если расценивать по тому, что приходилось преодолевать и какое приходилось делать напряжение духовных сил, – в то время мы были духовно на очень большой высоте. Когда потом приехали сюда из России, то все казалось таким маленьким, мелким, мещанским.

Никогда не забывали мы нашей главной задачи, чтобы счастливо было детство сыночкино. И мальчонка наш топтал в валенках и в толстых вязаных костюмчиках, щебетал и был всегда весел и не подзревал всей трагичной исключительности положения и что жизнь может, должна быть другой... Еще с первого года его жизни устраивали мы ему елки. Высокие, нарядные. Мы сами любили их. Как только запахнет елкой в квартире, так чувствуешь радость праздни-

ка. Так и теперь Папс взялся достать ему елку и откуда-то издалека, чуть не из Сокольников, приволок ее пешком. По дороге его хотели арестовать, так как частным лицам нельзя было покупать елок, но какой-то совершенно незнакомый человек из простых вмешался и очень категорически заявил, что он знает «товарища» и что «товарищ» тащит елку «для учреждения». Папилечка был так счастлив, что достал деревцо! Пришел с елкой – тогда молодой еще, веселый, розовый от мороза. Игрушек было много от прошлых елок, оставались даже свечечки, и елка была совсем как прежде.

Сарс очень нам помог тем, что его беспокойный ум, разносторонняя талантливость все время тормозили нас и наша интеллектуальная жизнь не замерзала. Наоборот, в этой обстановке жестокой действительности другая действительность, духовная – наши мысли, разговоры, отношения – стала проще, глубже, прочнее. Дружба наша с ним выкована теми днями навеки.

Но одно зерно дает 10, другое 60, а иное 100.

Запаса моих сил не хватило больше. Вдруг у меня опустились руки, и я увидела, что все это только судорожная пародия на жизнь, что подо всем этим пустота, а мы, актеры, только кривляемся, чтобы помочь обмануть, будто это-то и есть настоящая жизнь.

Я видела сон тогда: ходим мы с сестричкой по Москве, ищем чего-то или кого-то, и кругом стоят тесно, криво, как в старых переулках, громадные дощатые – из мелких досок – дома, как высоченные гробы или корабли. Мы подходим к одному – он совершенно пуст, другой тоже, и все пусты, и так страшно от пустоты этих чудовищ, а мы все бегаем и ищем, и ничего нет, ничего, ничего.

Вот так и в жизни бегали, метались, старались – и все в пустоту, в погибель.

Я вдруг почувствовала, что я задохнусь, что нет больше моих сил... и я сказала мужу своему: «Увези меня – я не могу больше».

Глава XV. БЕЖЕНСТВО

Все решения и переломы в моей жизни совершались просто и скоро. Я любила это, любила ощущать, как раскрываются силы, как утверждается мужество; даже просто менять квартиру до сих пор люблю, люблю устройство по-новому, словно начинается новая жизнь, сбрасывается отмершая чешуя, как у змеи, и душа облегчается от старого, изжитого. Это отряхивание старого облегчает, как сбрасывание балласта при подъеме. Правда, иногда с ним и ценное летит вниз, но что ценно действительно – знаем ли мы?.. что ценнее свободы?

Вероятно, это в русской натуре – любовь к воле-волюшке, для которой и разрушить не жаль и бросить самое дорогое.

Бывают решенья, продиктованные своевоьем, эгоистическим самоутверждением, самоуслаждением. Совесть слушала только сердце, а оно бывало раздуто хищническим, греховным эгоизмом и часто, самообманутое искренностью и пылом своего хотения, совершало ошибки и грехи.

Но путь беженства – самая крутая грань, самый высокий горный хребет, который мы перевалили, – был взят нами иначе. Это было во имя свободы, во имя духа. Заговорил вековой инстинкт русского народа. Ал. Петр. сказал мне как-то, что всегда так, на протяжении всей истории, русские любили уходить, когда их стесняли, угнетали, когда им не нравился кто-нибудь; уходили и от Грозного, и от Бориса Годунова, и от тишайшего царя, уходили от несправедливости, от гонений, от неволи, уходили на юг, на восток, в степи, в леса, к «Студеному морю», и к «Индийскому царю»... Но, бросая дом, разрушая свой очаг и уходя навсегда от него, уносили с собой то духовно существенное, чего не хотели отдать насилью, и, придя в новую страну, строили и создавали вновь это самое – то, что боялись потерять, оставшись.

Так и мы оставили родину, дом, созданный любовью, согретый сыночком, окруженный нежностью близких, от которых, мы чувствовали, отрывались навсегда.

Мне же приходилось оставить Театр в расцвете таланта, успеха и сил, Москву мою, которая знала, любила меня и гордилась мной.

Но верила я, что так лучше, что лучше оставить эти блага, оказавшиеся такими неверными, хоть и временно, может быть, но так быстро рассеявшимися. Смутно чудилось, что надо сохранять что-то другое. Вера была, настоящая вера и подлинное мужество.

Милые мои, молодые наши! Все мы, старые, вывезли так лучшее, наше, русское для вас. Не забывайте его, берегите.

Перед отъездом, вечером уже, мне позвонили по телефону, что на утро могут нас взять в поезд, идущий в Киев. Никого не было дома. Мы были с тобой одни. Ты играл на коврике в детской, и я пошла к тебе посоветоваться с тобой. Грань и решение были очень значительны, и так как все делалось для тебя, то я невольно, бессознательно обратилась к тебе, несмотря на то, что тебе не было вполне и пяти лет. Я забыла об этом и заговорила с тобой как со взрослым, чтобы вместе обсудить и решить.

Ты почувствовал, услышал мой зов; мордашка твоя милая даже как-то загорелась, и ты горячо, звонко заговорил и захлопотал.

Ты как-то сказал, что твои воспоминания начинаются с этого дня отъезда из Москвы. Вероятно, мое обращение к тебе потрясло твою душу, подсознание твое, и ты вырос за этот вечер, когда мы вместе обсуждали и на всякий случай стали укладываться в дорогу.

Помню, утром, когда ты проснулся и надо было уже уезжать, мама, вызванная ночью, чтобы проводить и проститься с нами, хо-

тела тебя одеть, но я стала одевать тебя сама, чувствуя, что облечь тебя на новый путь, на который мы с тобой так тесно вместе ступили, должна я же. Потом мама держала тебя все время на руках и глаз не отводила от тебя.

Когда мы вышли в конце переулка на угол Арбата, я обернулась на наши окна – из них выглядывала, высунувшись, мама. Она осталась прибрать или унести к себе некоторые разбросанные вещи. Во время сборов она очень бодро, почти весело хлопотала, а тут в окне ее лицо было все залито слезами.

Это мгновение, когда мы с ней смотрели друг на друга, выросло в пророческое, вечное «никогда больше, в последний раз».

Может, ты когда-нибудь побываешь на ее могилке; она похоронена в Новодевичьем монастыре, на месте, купленном Театром для меня, как и для других актеров.

В Киеве нашли мы плюшки, пирожные, я могла откормить сыночка.

Киев, как всегда, был прекрасен. Часто ходили мы гулять на Владимирскую горку над Днепром, откуда был чудный вид на Днепр и далекие равнины за ним. Мы жили около Софийского собора и часто ходили с Андрюшей играть во дворе около него и заходили в собор.

Но беспокойно и трудно было нам жить в Киеве. Москва свой город, мы не боялись там своих москвичей, здесь же нас не знали, «Че-ка» свирепствовала, и было страшно.

Потом пошли бои, пушки обстреливали город, наступали то «зеленые», то украинцы, наконец надвинулась и белая армия. Очень жутко было в день, когда убегали большевики.

Как только пришла белая армия, я выпросила у генерала Бредова (как обрадовалась я ему, москвичу) позволение уехать на юг. Вспомнила я, как мы были детьми в Анапе, и захотелось поехать туда, чтобы залечить морским воздухом Андрюшечкин коклюш.

В Киеве было несколько неизгладимо тяжелых впечатлений. Как-то раз шла я по какой-то улочке, репутацию которой я не знала, и вдруг вижу китайца с ужасным выражением лица. Измученное, обросшее, потемневшее лицо, запечатленное тяжким грехом. Сразу поняла – из «Че-ка». Русских наших мужиков не смели брать на такие дела. Китаец хотел остановить одну публичную женщину, она вырвалась от него с выражением гадливости; вероятно, и она из-за «Че-ка», а не только из-за того, что китаец. Он поморщился, как от боли, и никогда не видала я такого страшного, безнадежного выражения отчаяния и боли.

Второе – это шпионка, которую поймали и привязали к пушке на Софийской площади. Кто говорил, что шпионка, кто, что из «Че-ка». Тип у нее был не русский. Она притворилась глухонемой и не реагировала ни на что. Толпа ругала ее, злорадствовала, а она как

каменная, только глаза, как у загнанного, обреченного зверя. И она, и толпа были невыносимым зрелищем.

И еще последнее, самое ужасное, от которого, когда вспоминаешь, сердце начинает биться: это уж когда мы ехали на станцию — ужасный трупный запах из открытых помещений «Че-ка». В Киеве «Че-ка» было особенно страшно. И как раз главное находилось на Липках, там, где в 1910 году мы так поэтично, красиво и беззаботно наслаждались майской, теплой ночью, запахом акаций и изящным обществом радушных киевлян¹⁸. Тогдашняя наша хозяйка умерла в то время, когда мы были там в 1919 г., от голода и воспаления легких в подвале за прачечной.

Выехали мы из Киева первым поездом, первый раз проезжавшим по путям и мостам, которые только что были разрушены, взорваны и наскоро починены.

А доктора теперь удивляются — почему сердце так истрепано.

Теперь я была оторвана от Театра, и надо было подумать о работе, но это мало нас беспокоило, мы были молоды, смелы, и мужество было хорошо и натянuto. В Анапе мне удалось сделать несколько спектаклей, съездила я и на гастроли в Таганрог.

Первый раз была настоящей гастролершей. Первый раз играла я с чужими актерами и увидела тогда, с какой враждебностью относились провинциальные актеры к нам, к Художественному театру.

На первой же репетиции хотела я прорепетировать разговор за дверью, который не был написан автором, а просто отмечен как «громкий спор». Режиссер (он же должен был играть мужа и спорить со мной за дверью) небрежно сказал: «Ну, это пустяки, не репетировать же это!» Тогда я показала ему слова, сочиненные Качаловым для этого спора, чтобы не вышло просто крика¹⁹. Он тогда очень язвительно и громко отчеканил перед всеми актерами: «Это, может быть, у вас в Художественном театре бывают пустые крики, а у нас в провинции актеры умеют играть по-настоящему».

По лицам актеров и их скрытым улыбкам я видела, что они согласны с ним. Не дорепетировали мы и одного акта, как он раскричался и ушел. Пришлось звать другого актера и потом мне одной делать сызнава всю режиссерскую работу, которая по уговору должна была быть уже подготовленной заранее.

Правда, потом, после спектакля, тот строптивый человек пришел ко мне и признал, что он был не прав, что по результатам спектакля он увидел, чего я хотела, и как он не понял и не оценил моих замечаний. Я была очень рада его раскаянию, но впечатление злобы и ревности, совсем неожиданной и незаслуженной, было первое мое впечатление и потому очень глубоко врезалось у меня. Да и отно-

шения других актеров не изгладили его. Строптивый был еще лучше всех, потому что сам пришел. Он, видно, хороший, добрый человек и на репетиции действовал под влиянием общего настроения труппы.

Большое это было и трудное разочарование.

В то время получила я письмо от той группы, которая с Качаловым и Книппер²⁰ очутилась отрезанной от Москвы после того, как Харьков, куда они приехали гастролировать, был занят Деникиным. Они поехали играть по южным городам России и звали меня присоединиться к ним.

В Ростове мы встретились, и еще новая задача нашлась сердцу. В главе «Агнес» писала я, как радостно, ревниво старалась я в этой группе и потом в пражской.

С Качаловым, Книппер, Александровым²¹, Массалитиновым²² была и молодежь: Крыжановская²³, Павлов²⁴ и др. Вскоре уже после встречи должны мы были ехать играть в Екатеринодар, но как раз к отъезду все мы трое заболели. У меня и у Ал. Петр. был ужасный тогдашний грипп, а у сыночка брюшной тиф, так что ни о каком путешествии нельзя было и думать.

У меня кружилась голова, темнело в глазах, когда я вставала лечить тебя и Папилечку; я едва добиралась до вас, держась за мебель, отдыхая по пути от одной стены до другой. Потом уж и вставать не могла; тогда Папилечка, подправившийся за эти дни, стал так же, почти ползком, ухаживать за нами. Наконец нам стало лучше, но тебе надо было все время лежать, этого очень строго требовал доктор. С другой стороны, необходимо было уезжать. Приехал наш друг инженер В.А.Кравцов, он был одним из директоров Владикавказской ж.д., и сказал, что больше нельзя оставаться, Ростов сдают, отходят последние поезда, и актеры ждут меня в Екатеринодаре.

И вот ночью, в полной темноте, в пустыне, с приключениями, с упавшими с автомобиля узлами, из-за которых нас чуть было не задержали, доехали мы до вокзала. Там все было заставлено поездами, надо было долго пробираться по путям. С трудом нашли мы наш поезд, дотащили тебя до вагона и уложили на скамейку. Хорошо, что вагон был III кл. и были скамейки. Но как трудно было лечить в холодном вагоне и кормить больного мальчика моего. А.П. ходил на вокзал за провизией, мы стояли далеко от вокзала, и нас все время передвигали. Я боялась, что А.П. может нас не найти или вдруг мы уедем без него. Температура у сыночка около 40 градусов! Все кругом охают и качают головами, глядя на него. Кроме чая и хлеба, нечем и накормить. А машинисты взялись, должно быть, саботировать – мы никак не могли уехать, все только передвигались, как будто уезжали, а на самом деле оставались на месте. Собирали им денег, но и это мало помогало, и простояли мы так на станции целых 6 дней.

Многие из наших спутников вдруг секретно и поспешно складывались и перебегали в другой поезд, к нам переходили из других поездов, потом иногда ушедшие опять возвращались и т.п. Ужасно, когда люди начинают теряться и от страха метаться, как загнанные звери. Как бы в оправдание этого звериного страха, пугали друг друга всякими слухами: «Говорят, что на станции за мостом всех высадят, лучше остаться».

А как остаться? Как вернуться в город, где началась анархия, грабежи? А.П. видел со станции повешенных. Как от вокзала добраться с вещами до оставленного жилья? А вдруг, правда, высадят? Что же стали бы мы делать с большим сыночком на маленькой станции в такой мороз? И не уйдешь никуда. В шубе не дотащишь сыночка, а идти он никак не мог – обмирал.

И еще хуже: говорили, что заберут всех мужчин, и хотя А.П. был вне призывного возраста, все-таки душа смущалась от страха: ведь в таком случае я уж никак не справилась бы. Как в сказке: направо поедешь – волк съест лошадь, налево – сам погибнешь, прямо – всех съедят.

Иван Царевич или Иван Дурачок выбирал всегда правильно и всегда побеждал. Что же помогало, спасало его? Вера! Вера; покой, который дает вера; словом – мужество. Как часто и в жизни стоим мы перед таким выбором. Если только есть в нас вера и мужество, то Бог поможет. Так было и тогда.

В одном конце вагона лежал тифозный. Рядом ехала француженка с мужем русским полковником и с грудным ребенком. Она совсем потеряла голову, натерла своего ребеночка нафталином, чтобы уберечь от насекомых, и у того заболела кожа. Мы все старались ей помочь, хотя она и ругала с горя и Россию и русских.

С этого времени я начала сидеть. Теперь чудно даже, как все перенесли, да молода была и мужество было. Так напряжено было наше мужество, что нельзя было позволить себе ослабеть ни на волосок: надо было держаться – иначе рассыпешься.

И когда наступил сочельник, мы решили устроить елку. Папа нашел веточку елки, поставили ее в бутылку, а под нее я постелила мой зеленый платок, нарезали огарочков, из бумажек от шоколада сделали украшения, повесили жемчуг с шеи и очень угодили больному сыночку: «Вот какая хорошая у меня елочка», – радовался ты. А я смотрела на твое бледное личико, и сердце замирало страхом и молитвой. Взрослые тоже обрадовались елке, устроили закуску и решили отпраздновать праздник. Такие мы жалкие были, милые; помню, все искренне находили, что елка очень красива, и особенно всем нравился зеленый платок под елкой. Милая дама – я забыла ее фамилию, – сидевшая с нами, повесила на елочку и подарила нам с тобой книжечку для иголок (от этого я и дорожу так ею) и кармашек из замши.

Видя эту радость, я решила еще больше бороться, сразиться с отчаянием. Я насмотрелась на отражение своей тревоги в измученных, приниженных каких-то лицах, и мне хотелось отодвинуть хоть на минуту этого зверя, демона заботы непосильной, дать нашим сердцам возможность сделать передышку: я вызвалась почитать и читала, читала... никогда так не читала. И дал Бог: долго спустя, уже здесь, те из спутников, с которыми мне привел Бог встретиться, вспомнили это чтение и как много оно помогло им, как взбодрило. А тогда так искренне, трогательно благодарили меня, многие плакали, наперерыв ласкали, угощали меня. Вот тут-то я и выпила первый раз коньяку... Иначе не выдержала бы. Поздно вечером, почти сейчас же после елки, мы наконец двинулись в путь. Я лежала, повернувшись к стене, и под стук колес жалобно и сладко плакала.

Весь Екатеринодар пришлось тебе пролежать из-за тифа, моя душенька. Большевики подходили, и мы (вся труппа) решили пробраться на Кавказ. В двух теплушках отправились мы все в Новороссийск. Там, благодаря Папилечке, его друг Бернацкий, бывший в Правительстве, помог Группе разменять деньги и устроиться на пароходе, но пришлось ждать, и много дней жили мы в тех же самых теплушках. Жили как в таборе: варили еду на железной печке, ловили вшей; кругом, в соседних вагонах, повсюду в городе были больные тифом, ветер носил чьи-то остриженные (из-за тифа, вероятно) волосы, норд-ост сорвал крышу с одного из наших вагонов. Но вместе нам не было страшно; по вечерам пели, острили.

На пароходе ехали мы на палубе; мы с сыночком устроились в закутке над стоком и люком, куда сбрасывали отгоревший уголь и стекала вода. Но там не было так холодно и ветрено, как на самой палубе, и спали все там с головой под брезентом. С моей астмой это мне было неважно. Вспомнила, вспомнила я, как по этому же морю ехали мы в Иерусалим, и монашка, и как мы с сестричкой тогда беззаботно наслаждались путешествием.

На Кавказе мы все расправились, отошли, расцвели. И немудрено – радушно, ласково, как близких друзей, приняли и приютили нас гостеприимные армяне и грузины. В Поты, в Тифлисе нашли мы истинных друзей.

Тифлис весной сказочный город: на улице букеты фиалок, темно-красных роз, всюду музыка; идешь на спектакль летним тихим вечером словно в стране из «Тысячи и одной ночи» – из окон, из-за стен слышно пение, звуки зурны, пахнет цветами, встречные тихо улыбаются загадочной улыбкой, взгляд черных глаз полон ленивой радостью. А их пиры, вино, застольные песни до зари!

На Кавказе добрался до нас Сурс. Какой он был посеревший, обголовавшийся, обнищавший, милый наш друг. Такими и мы были, когда были в Москве. В нем мы увидели свои московские призраки. Мы так обрадовались ему, ведь он знал нас и в счастливые, полные

времена, он был с нами и терпел вместе и дни бедствия. Он знал твоих обеих бабушек, тетку Полину, твою крестную, дядю Колю, тетю Галю, Татьяну Ниловну, Карино, которого мы вместе лечили и купали в реке на даче, и Аню и Гуню Абрикосовых, и Женю, и Театр, и всех в нем, видел мои любимые большие роли.

В Тифлисе встретились мы (в последний раз, должно быть) с твоей тетей Галей, папиной сестрой. Она туда вышла замуж. Светла она нас и на могилку своей матери – бабушки твоей Елены Александровны.

Русскому театру оставаться навсегда в Грузии было неудобно, да и вообще начали уже тогда понемногу разъезжаться за границу и нам советовали то же.

Когда на Кавказе встал этот вопрос переезда Группы за границу, то я очень была за этот переезд: задача, грань, подвиг, новая жизнь!²⁵

Глава XVI. «О ВСЕХ УСТАЛЫХ В ЧУЖОМ КРАЮ»

Так и уехали мы из России. И с тех пор земля, твердая земля, наша милая Земля была выдернута из-под ног.

Ах, даже и не расскажешь, какая это была опора, верность, какое счастье, что это такое была для нас – Россия.

Россия. Когда говоришь это слово, то заливает чувство широты, золотого звона, нежного напева весны, ветра, леса...

Российская империя, как было написано почти через всю Европу и Азию на географических картах. Гордость, уверенность, доверчивость к судьбе...

Сидишь у себя в комнате и смотришь в окно на снежные сугробы, покрывающие все кругом, и чувствуешь, что этот мягкий покров покрывает всю Россию, поля ее, леса, степи, горы на тысячи и тысячи верст, так широко, что и не охватишь мыслью, так величаво, покойно, ласково станет под этим единым объятием – Россией.

Когда рушилось это, не стало России, Империи Российской, только тогда возможно было понять, какое счастье это было.

Как скучно, темно и страшно без национального флага. И радости нам уж не может быть настоящей. Мы всегда везде пришлые, незваные, не гости, а прохожие, нежеланные. Как оторванные листья. Нас судьба может разнести, закрутить от самого ничтожного произвола.

Эта бездомность на всех русских кладет отпечаток. Посмотришь в праздник, например, гуляют французы, даже небогатые, а у них такие уверенные, солидные, хозяйские лица. Они – дома. Русские же лица, даже в веселье, не радостны. Их можно узнать среди иностранцев не только по усталости, бедности, но и по выражению этой сиротливой бездомности. Даже у советских, хотя и самоуве-

ренные, дерзкие, но все-таки не счастливые, а «родства не помнящие» лица.

Россия, русский флаг, русский гимн – ничего не осталось...

Рассказывала я, как хорошо когда-то мама устраивала поездки в Киев и на Кавказ, а нам волей-неволей пришлось теперь таскать сыночка по всей Европе...

Выехали мы из Батума в Константинополь. Ехали совсем как табор; занимали целый вагон, со множеством вещей, корзин, чемоданов. Ведь везли с собой все, что имели – и платья, и белье, и книги, и спиртовки, и кастрюли, и чашки, и тарелки, весь убогий скарб, который нарастает в дороге у бедняков.

Наши, нашей кучки, чемоданы были очень невзрачны, неудобны, много их было, по ним можно было судить, как трудно было нам материально. Вместе все ехали, в одних и тех же гостиницах нас размещали, даже в одних и тех же ресторанах приходилось встречаться за обедом. Очень это было утомительно, но у меня была хоть моя привычная, любимая работа, а вот Папилечке так уж совсем было трудно в этой актерской ораве.

Второсортные гостиницы, желтые простыни, дешевые рестораны – как устали мы от них! Даже маленький сыночек затосковал о доме.

Но принимали нас, относились к нам везде замечательно. В Болгарии, в Сербии, в Чехии встретили нас не только с поклонением, как частицу Художественного театра, но и участливо, тепло, ласково, действительно, как своих братьев славян.

В Софии актеры всем театром вышли нас встречать, тут же на вокзале напоили чаем, потом разместили нас у себя по домам. Ведь мы были такие бедные, что трудно было марку купить, чтобы сестричке письмо послать в Париж.

Театром группа наша была прекрасным. К нам присоединились почти все случайно выехавшие актеры, студийцы или ученики Театра. И еще с Екатеринодара стали мы возобновлять пьесы из репертуара нашего Театра. Труднее всего было одеть пьесу, дать ей необходимый инвентарь.

В Екатеринодаре, когда я приехала, возобновили «У царских врат», «Мудреца», «Три сестры». «Карамазовых» могли ставить только в Софии. С Книппер играли «Осенние скрипки», «Дядю Ваню», «У жизни в лапах». В Праге возобновили «Гамлета» для Качалова.

После Софии и Белград, и Загреб, и Прага были прямо триумфами! Власти, театры, все общество принимали участие во встречах нас. Незабвенный король Александр Сербский²⁶, царь Борис Болгарский²⁷ пожаловали нам ордена.

Белград был тогда полуразрушен после войны, но в Загребе нас задарили, закормили. Во всех этих странах мы нашли много истинных друзей.

Опять приехали в Прагу, и там нам устроили торжественную встречу с цветами, речами.

На мою долю выпало много успеха, и чем дальше на запад, тем этот успех становился больше.

В славянских странах жили Россией и знали все про Театр и про всех нас, актеров, по журналам, письмам и рассказам многих бывавших в России. В этих странах было как бы продолжение наших гастролей по русской провинции: Киеву, Одессе – так же по-провинциальному радушно, широко, шумно, восторженно, по-праздничному разодето.

Вначале зарабатывать могла только я, и каждая вещь доставалась трудом; и как научились мы ценить теперь какие-нибудь дешевенькие, но по ноге башмаки и новые, целые костюмы. Перед тем как купить что-нибудь, нам приходилось сообща прикидывать, рассчитывать, «перетягивать» наш бюджет. Но когда мы заметили, что ты тоже стал беспокоиться нашими недохватками и спрашивать иногда по пустякам: «Мама, а мы можем это купить? Мама, а не дорого это для нас? Мама, хватит нам?» – у меня переворачивалось сердце, и мы уговорились не говорить при тебе о наших материальных заботах и расчетах, чтобы не засорять твое детство этими тяжкими заботами, не приучать тебя отдавать этой стороне жизни главного, постоянного внимания.

Старались мы все очень для тебя, жили, обернувшись все время к тебе. «Как короли-маги»²⁸ – говорил Сарс. В нечистых, неудобных комнатах дешевых гостиниц славянских стран старались мы создать «дом» для тебя.

Люди лучше, когда они бедны, и наша «кучка», как прозвал нас Папс, была тогда такая милая, в эти бедные дни.

Много, много видели мы за эти годы. Много радости, успеха, денег, помощи, дружбы, много и горя, и забот, и лишений, и нужды, и вражды, и разочарований; всего было. Мир, жизнь, люди – все менялось на глазах, как в балете при перемене декораций. И все это разнообразие и радостное и скорбное пришлось пережить. Разоблачение неизвестных. X – что это? равняется чему? Раньше было Благо, $X = \text{Благо}$, а теперь $X = \text{Гибель}$. $Y = ?$ Хотелось верить, что это Правда, а выходит: $Y = \text{Ложь}$. И наоборот, что раньше казалось горем, позором, теперь принимаешь с благодарностью как целительное очищение. Вот уж тут была, действительно, новая жизнь, все сначала. Не угодно ли... Такой урок... Уроки дала судьба нам всем. Все сначала переучивать заставила. Все прикрасы, прелести, все льстивое, всякие богатства сдернула с прошлого, как легко наброшенный чехол, как в тютчевской «Ночи»:

И день отрадный, день любезный,
Как золотой ковер, она свила.

В молодости, когда в минуты просветления вдруг ужасалась совесть – как много беру на себя, для себя, как много получаю, как много дается и все еще требую и нахватываюсь и упитываю душу и талант, – в эти минуты часто говорила: «Да, я жадно набираю, но все это в долг. Все это считаю как долги, за которые заплачу». Расплата мне казалась тоже, по моему наивному ослеплению, как прибыль; я была уверена, что моей работой, игрой расплачиваюсь за все щедро... Богатый бедного, сытый голодного не понимает, и только теперь поняла я, что настоящая расплата наступила в беженстве. Расплата и растрата всего накопленного, награбленного, найтого работой, талантом, сердцем. Пришлось нам всем «реализовать», как говорили в те годы, наши внутренние богатства.

Я осталась без Театра, без Москвы, без дома, одна, сама...

На самого себя покинут он... (Тютчев²⁹)

Тут-то и объявилось скрытое, тайное и от себя. Души обнажились, и наглядно пришлось посмотретья в себя: что ты за человек, что ты за личность, что ты за актриса, что ты такое сама, одна без рамки, без поддержки милой родной земли.

Самое потрясающее, большое и трудное – это открытие себя как личности.

Мое положение, успех не только возбуждали зависть и вражду со стороны, но и меня обязывали ко многому. Я же за работой совсем не научилась жить. Целость, устремленность работы окружали меня, как стенами башни, отдаляли от жизни и людей. Я умела жить и работать только начисто, не знала черновиков, даже уборки к празднику презирала. «Жизнь всегда должна быть одинакова, всегда должно быть чисто», – говорила я, пожимая досадливо плечами. Но этот черновик жизни, будни ее напозли своей мутной лавиной на всю нашу жизнь после переворота, с самого первого дня. Я совершенно терялась и не могла приспособиться к этим будням...

Никогда не умела и не умею до сих пор быть близко к людям. Я всегда общалась с ними в празднестве работы, репетиций, спектаклей, уроков, и когда настали будни, то все еще продолжала ждать подвигов, нетерпеливо требовала их и страдала и негодовала, когда видела слабость, корысть или равнодушие к общему делу.

Я думала, что в жизни, как в работе, искренность – это верное мерило правды, но она была целительна только в работе, а при таком тесном общении с людьми делала меня жестокой, возмущала и обижала других.

У меня не было ни любви, ни терпенья к людям. Раньше артистически эгоистично все было устремлено на свое творчество, на себя, на самоусовершенствование, и когда зашло дело о других, о жизни других и о работе общей с ними, то мои силы оказались негодными. Хотя я много и хорошо помогла им как актерам, я раздра-

жала моих товарищей. Я так и не научилась ладить с людьми, а только приобрела горький опыт знания и о себе и о других.

Это ужасный опыт, который приносит с собой разочарование в людях, в жизни, в мечтах, в том, что казалось ценным в себе. Он захватывает своими жестокими лапами чистоту сердца, отравляет подозрительностью, воздвигает плотины порывам дружбы и доверия. Этот опыт не научает хорошему. Горек он. Хорошо тому, кто с ранних лет ушел от жизни.

В группах, в которых началось наше беженство, проявилось в миниатюре все характерное для «беженства». Все распоясывается, дурное берет верх.

С такой же пылкостью, с которой я набрасывалась на какую-нибудь трудную роль, взялась я теперь бороться против всех изъянов, самоотверженно, но и самонадеянно взяла на себя миссию сохранения и поддержания этики. Чересчур полагалась на себя, на свои силы.

Вот что написала я тогда в моей статье в сборнике, вышедшем в Праге:

«В чем выражается тайна Театра? Чем мы связаны? Почему для меня Качалов, Книппер, Александров больше чем товарищи, ближе чем друзья, дороже чем родные!

Не только работа и искусство сближают нас: есть еще любовь духа к духу и что-то больше, чем уваженье, – какая-то взаимная гордость.

Мы можем спорить друг с другом, гневаться, наносить и получать “неотразимые обиды”, но никогда не изменим этой взаимной гордости, достоинству.

Иначе мы перестали бы быть “художественниками”, выпали бы из “ордена”.

...Пишу на чужбине; все, чего мы лишены, от чего оторваны судьбой, дорого мне до боли и окутано слезами, как потеря. Я не могу просто вспоминать, но горячо и убежденно болею и борюсь, как только могу, с условиями бродяжнической жизни, чтобы не только не тушили они там, но чтобы сохранили и мы здесь, в нашей группе, эту этику, этот огонек.

Этим мы сохраним Театр больше, чем сохраняя людей и пьесы. Наша задача, наша молитва: собрать, сохранить, донести нежную до хрупкости, крепкую до вечности, непостижимую тайну его духа и нам, “усталым в чужом краю”³⁰, и им, милым нашим в Москве, в их страшном испытании.

Пока силен и жив его дух – силен и жив сам Театр и его изумительное искусство. Потушит, убьет, сломит его жизнь, и все остальное рассеется прахом, какие бы таланты, режиссеры, художники ни явились тогда вновь.

На тему об этом вылила я свое сердце, потому что это самое болевшее для меня в Театре сейчас.

Театр дорог для меня не только исключительным, изумительным искусством, но и его несравненной этикой.

Театр научил меня понимать, что жизнь выше искусства. От этого об этике Театра я и распространилась так много».

Это настоящий крик души. И много пострадала я, много натерпелась, нажила врагов за такие крики, но ничто не останавливало меня, не побеждало моей фанатичности, и я всегда, до последней минуты, была «на страже». Это было донкихотство и тем более жалкое, что не было святой и сердечной чистоты Дон Кихота. Я раздражалась, сердилась, ссорилась.

Вот какой был случай в Вене (и тоже интересный психологический опыт для меня).

Когда мы, актеры, приехали туда, то наш импресарио уже подготовил для нас прессу. В журналах были статьи о всех главных актерах... кроме меня; большие фотографии на первых страницах журналов... но не мои. Мне было очень больно и обидно и не только то, что не было фотографий и статей, а то, что мои старые товарищи, Книппер и, главное, Качалов, с которым я всю жизнь играла, могли допустить такую несправедливость относительно меня. Было от чего не только огорчиться, но и рассердиться, и когда я пошла на спектакль, то сказала себе: «Ну хорошо же, я так вам сегодня сыграю...»³¹

И действительно, публика за меня заступилась.

На другой день газеты Вены только обо мне и говорили. Замолчав обо мне, мне устроили лучшую рекламу. Моя игра явилась неожиданной и тем более имела успех.

Ну я и постаралась! Сделать что-нибудь новое я не могла – не могла выйти из рамок ансамбля, мизансцены и моего места в пьесе. Не только этически, но и технически при наших постановках это было невозможно. Я помню только, что я напрягала все свои душевные силы, как в молитве. Мне казалось, что во мне загорелся какой-то прохладный, светлый свет. Я играла как бы очень духовно, почти молилась игрой, искусством. И это «дошло», как говорят на нашем театральном жаргоне. Успех мой тогда просто потряс всех. Даже в Москве о нем узнали.

Этот внутренний опыт показал, как игра, актерство делают способным вызывать, собирать свои силы. Вероятно, о подобном говорится в разных Йогах. И потом не раз прибегала я к этому тихому взвихриванью души. Игра моя, сцена остались единственным моим верным оружием. Им я боролась, обезоруживала, побеждала...

Леонидов³², тот самый наш импресарио, вначале очень преубежденный против меня, говорил потом: «Сегодня Германова играет, ну, я могу быть спокоен за спектакль, она за всем посмотрит, я могу не быть в театре...»

Игрой же, и именно за границей, завоевала я себе и не только как поклонника, но и как друга – Качалова. Играя сам, он всегда приходил слушать из-за кулис «Луковку»³³, последний монолог Ольги, конец сцены Елены с дядей Ваней... И расстались мы с ним истинными друзьями.

Вена – уж это настоящая заграница, настоящий Запад, и играть там и иметь успех было очень радостно. Книппер уступила мне роль Елены в «Дяде Ване», и с Вены я играла ее, кроме прежнего репертуара.

Вена, хотя уже разоренная тогда и обедневшая, недоедающая, все-таки очаровала нас и тогда своей прелестью³⁴. Больше всех городов она похожа на Петербург. Актеры, писатели и другие интеллигенты устраивали приемы в честь нас. Замечательная трагическая актриса Блейбтрей³⁵ очень дружески одобряла меня.

Раз смотрела я в Бургтеатре пьесу, в которой она играла, и после спектакля пошла потом к ней за кулисы. Она показала мне сцену – чудо техники. Вспомнила я тогда, как и я гордилась нашей московской сценой. Вместе вышли мы из театра. Артистический подъезд в нем очень пышный. Блейбтрей подали карету – элегантный, как всегда в Вене, экипаж. Не от зависти, нет! но стало мне грустно очень. Потеряла я свою сцену, которой так же гордилась и доски которой даже любила и знала каждую, не вступлю уж никогда, верно, на ее вертящийся круг и не выйду уж так из артистического подъезда своего Театра. Смотрела я на Блейбтрей и думала, что она, вероятно, как и я раньше, не понимала вполне своего счастья. Она была так мила со мной, довезла меня домой.

Нас пригласили на все спектакли, какие мы только захотели бы посмотреть, и я с наслаждением воспользовалась этим. Какие прекрасные театры, какие прекрасные спектакли! И в оперетку их прелестную и мужа и сыночка сводила. И Вагнера наслушалась вдоволь. Первый раз там, тоже с мужем и с сыном, слушала «Парсифаля».

В Берлине открыли мы сезон наш опять «Тремя сестрами». И опять моя Ольга (хоть мне неловко говорить так, но пишу об этом для порядка) удивила всех еще большим успехом, чем в Вене. Мне было даже как-то неловко. У нас в Театре, как ни нравились публике актеры, но все же главное был ансамбль, а тут я просто ведеттой* какой-то стала. Первым Альфред Керр³⁶, большой критик, расхва-

* Vedette - актер, обозначаемый в афише красной строкой, звезда (франц.).

лил меня ужасно. Когда в Москве прослышали про такой успех, то Вл. Ив.³⁷ сказал: «Я так и знал, я всегда это говорил, чем дальше на Запад, тем больше у нас успех...»

Пригласили меня в Штадт-Театер, предложили играть по-немецки. Но я очень плохо и с трудом говорила тогда на этом языке, а они хотели дать мне играть чуть не первой роль Ифигении Гете³⁸. Таковую роль, да еще Гете, я бы ни за что не согласилась играть, пока не овладела бы языком.

И другие частные театры готовы были хоть сейчас дать мне «Даму с камелиями», графиню в «Свадьбе Фигаро» и т.д.: «Германова может иметь какой угодно акцент...» Может, да не хочет.

В Германии в то время на сцене царил фрейдовский реализм. Замечательные есть актеры-немцы, но этот репертуар, вроде пьесы «Vaterland», которая имела успех тогда, я совершенно не могла выносить.

Из Берлина съездили мы в Копенгаген и Стокгольм. Для этих городов стиль, манеры игры нашего Театра были большей новостью, чем для Берлина и Вены, и было очень интересно встречаться и разговаривать с тамошними актерами и с деятелями театра.

В Копенгагене жила тогда наша вдовствующая императрица. Она, узнав, что мы приехали туда, спросила, нахожусь ли и я в труппе. Сказать об этом приехал ко мне один из ее придворных. Истинно по-царски проявилась эта задушевность и внимание государыни, которая сама была в таком горе и тоже в изгнании³⁹.

В Стокгольме нашли мы нашу зиму, глубокие снега, печки с дровами, уют и гостеприимство Севера. Нас и там тоже пригласили к себе гостить на время гастролей частные лица.

Очаровательная г-жа Wickstrom и ее дочка Maud, ставшая таким дорогим моим другом, выбрали меня и приехали за мной на вокзал со своим автомобилем. Когда мы вошли в дом, то в передней представили «мою» горничную, очень похожую на мисс Компорт, седую, в розовом платье, с накрахмаленной наколкой на голове. Это меня уже смутило, но каково было мое смятение, когда, войдя в мою комнату, я увидела торжественно распахнутый гардероб, весь обитый розовым шелком со множеством вешалок, тоже обтянутых розовым. А я так была бедна! Всего у меня было два платья, переделанных еще в Тифлисе из старых, вывезенных из Москвы. Я закрыла тихонько эту розовую роскошь и сказала «розовому платью», что все мои туалеты в Театре.

С прелестными моими хозяйками связала меня крепкая дружба, и мы потом весело вместе смеялись над розовым гардеробом, потому что и они боялись избалованной, капризной примадонны.

Весной приехал из Москвы «комиссар» и предложил нам всем вернуться в Театр⁴⁰. Качалов, Книппер, Тарасова⁴¹ и некоторые другие уехали в Москву.

Несколько месяцев спустя они вернулись со всем Театром, который ехал в Нью-Йорк.

Как пайщица, я имела право поехать без всякого с их стороны приглашения, но я чувствовала, что ни политическое начальство меня не хочет, ни товарищи актеры не хотят брать с собой актрису, имеющую какой-то непонятный успех за границей.

Сложно было и с сыночком и с мужем.

Дивиденд же, хотя и урезанный, я все-таки получила.

Так я и не поехала в Америку с ними⁴².

Оставшиеся актеры собрались вокруг Массалитинова и позвали меня, и мы сделали несколько гастролей в Ковно и Ревеле. Для этих гастролей пришлось мне приготовить Раневскую в «Вишневом саде».

В этот зимний сезон, не помню уже в каком порядке, сыграли мы две картины в синемаатографе: «Преступление и наказание» и «Власть тьмы». В «Преступлении и наказании» играла я роль Катерины Ивановны, жены Мармеладова. Какая замечательная роль! В фильме пришлось много урезать, и она получилась только истеричная, без наивности, без глубины. Когда читаешь, то ее так жалко, а тут в синема, когда вырезали много при монтаже, она осталась только сумасшедшей.

«Власть тьмы» такая тяжелая, мрачная вещь, и хоть в фильме было много хорошего, но была она поставлена слишком реалистично, с нажимом на «тьму» быта и характеров. Я видела ее здесь, в Париже, потом. Впечатление было неплохое.

И занялась я основательно изучением немецкого языка, а главное дикцией. Хотя и не пришлось мне играть по-немецки, но я очень рада, что могу теперь понимать красоту и силу языка.

Когда в Праге узнали, что зовут меня перейти на немецкую сцену, то им стало досадно, что русская актриса будет играть по-немецки, и, чтобы отвлечь меня от этого, они предложили мне – лично мне – поступить к ним в Чешский Театр. И мужу моему дали субсидию и возможность работать. Он использовал ее блестяще, создав в Праге «Кондаковский институт» и выпустив замечательное издание русских икон.

Это было трогательное и великодушное предложение. Я только боялась чужого театра, и не было охоты изучать провинциальный язык. Понимая это, чехи предложили мне выбрать и привезти с собой и партнера, чтобы был со мной кто-то одного толка со мной, но мне жалко было бросать так актеров, уже осиротевших без Качалова, и я заговорила не об одном, а о нескольких партнерах, со страхом назвала цифру 6-8; милые чехи в конце концов отпустили такую субсидию на эту группу, что переехало в Прагу человек 16, и в Праге еще поступило в нашу труппу несколько актеров, проживавших там.

Вот как образовалась Пражская группа, вот как было дело; забыли об этом, но вот как оно было.

Глава XVII. ПРАГА

...В чужих степях
утраченные годы.
Пушкин

В Праге началась новая жизнь для нашей семьи. Заработок был вернее, чем случайные гастроли. Главное же, не надо было кочевать всем табором из одного города в другой. Папилечка, во всяком случае, имел уже оседлое положение, и мы могли мечтать о том, чтобы обосноваться в Праге, устроить дом, о котором мы с тобой всегда так тосковали. Ты всегда громко и говорил о нем.

Когда мы окончательно переехали в Прагу, Вожена Осиповна вызвала меня раз по телефону и сказала, чтобы мы приезжали к ней, что у нее нашлась квартира для нас. Сыночек мой сказал мне опять, как когда-то с булочками: «Ах, мама, поедem сейчас же. Я так хочу эту квартиру, что даже голова у меня заболела». И как сынуша радовался каждой кастрюле, негодовал, что я не хотела покупать молотка: «Какой же дом без молотка». Мы с Папсом переглянулись и внесли в список вещей для покупки и молоток, хотя могли обойтись и без него, хозяйка дома дала нам свой. Это для тебя куплена хорошая наша синяя посуда. В Праге есть одно место около театра Моцарта, где продается дешево ее брак (совсем незаметный).

Ты всем показывал хозяйство, с гордостью объяснял, для чего что. Даже суп, которого дети вообще не любят, показался тебе необыкновенно вкусным. «Потому что дома», – сказал ты.

Для тебя и Марса бедного завели. Помнишь, как он спас нас от угара?

Но этот дом был как бы символическим, я тогда не стремилась воссоздать прежнее. Потерявши так много, не хватало духа начинать все сначала и в той же мере. Приобретали только то, что было необходимо, чтобы сохранить идею. Все у нас было устремлено на то, чтобы дать тебе внутреннее богатство образования, этики, традиций.

Еще с Киева, чтобы не забыл ты английского языка, находили мы всегда, во всех городах, на всем пути, учительниц-англичанок. Одна наша актриса давала тебе уроки французского языка, другая учила чистописанию. В Праге, чтобы продолжить твоё ученье музыке, начатое еще в Берлине, купили тебе пианино, в Праге же отправлялись на другой край города, чтобы научить тебя плавать; все старались дать тебе, что только возможно. Вожена Осиповна ворчала, что не умеем <беречь деньги>, но мы знали, что лучшее твоё воспитание – это собрание нетленных богатств.

Дом Вожены Осиповны старинный, его уж с XV века можно найти на гравюрах. Стены были толстенные, всюду своды, кое-где в уз-

ких коридорах сохранились кирпичные полы. Весь дом был построен вокруг двора, как монастырь, и много было в нем каких-то галерей, переходов, каменных лестниц с истертыми глубоко ступенями. Было в нем жутко ночью проходить по этим лестницам и галереям или оставаться одной в квартире. Были даже привидения. В нашей квартире что-то происходило неладное по ночам... Но они нас не пугали, и мы жили уютно и радовались «дому» и любили его.

Дом стоял высоко на горе, и из наших окон был замечательный вид на всю Прагу, «золотую», таинственную, страшную своими средневековыми дворцами. Идешь мимо какого-нибудь закоулка, выступа дворца или угла стены, и так и кажется вдруг: вот тут совершилось что-то страшное. Но зато и красива она необыкновенно. Мы любили Прагу и вспоминаем всегда, как уютно там жили и хорошо работали, как щедры и радушны были к нам чехи.

А Андрияша не только любил Прагу, но был к ней даже как-то патриотичен. Гордился, например, трамваем пражским, сравнивал, насколько он лучше трамваев других городов. Эта детская любовь к матери-земле, на которой живешь, необходима для детской души. И не только детской души: он так же любит теперь свою Швейцарию, а мы с Папсом Париж, Францию, ее небо, ее воздух, дороги, поля.

За годы за границей, что прошли перед Прагой, творчество мое приостановилось; мне пришлось переиграть мои старые испытанные роли: Ольгу, Грушеньку, Мамаеву, Элину, Тагора, Екатерину Ивановну. С Вены заиграла я не игранную в Москве Елену в «Дяде Ване», а с отъездом Книппер – Раневскую в «Вишневом саде». Но хотя в Праге я к тому же поставила и играла «Женщину с моря», роль и пьесу, не игранную в Театре⁴³, все-таки в этих новых ролях не было ничего неожиданного.

Только вот, пожалуй, Катерина в «Грозе» была интереснее, самостоятельнее. Играла я ее не в Группе, а на гастролях в Риге⁴⁴. Я так всегда мечтала об этой роли. Это ведь самая прекрасная роль на свете и наша русская трагедия.

Зерно Катерины – ее цельность, некомпромиссность, и поэтому чистота и святость.

Еще старик Ибсен говорил: «Дух компромисса – сам дьявол».

Она любит всецело, она верит всецело, она не может не любить и не может лгать мужу.

Какие чудные куски в этой роли: разговор с Варварой, рассказ про детство, про любовь. А сцена во время грозы! Эта сцена мне удавалась. В Риге много русской молодежи, и они меня очень долго и восторженно, по-провинциальному, вызывали после нее. Тоже люблю я сцену с Борисом.

И еще одна случайная вспышка живого творчества, движения вперед: эскиз роли леди Макбет, который я приготовила для моего вечера.

Скоро явилась для меня возможность другого творчества, смежного с моим – режиссирования.

Группа, обосновавшаяся в Праге, задумала поставить новые пьесы, и мне и Массалитинову пришлось взяться за режиссерство.

Меня очень захватило, и я от всего уменя и сердца учила актеров. Сколько мы с Массалитиновым сделали актеров! От одного искушения избавил меня Господь: как ни обманывалась я в людях, всегда, как актриса, отдавала им все самое лучшее, делилась и раздавала без меры и без пристрастия. И это всегда нужно делать, это благо; ведь чем больше даешь, тем больше дается тебе. И теперь еще хотелось бы передать молодым все знание, весь опыт актерский, да кажется, уж не нужно по времени стало наше искусство и силенок тоже стало уже больно мало.

Вот это пишу тоже, чтобы помочь, может быть, кому-нибудь из тех, кто будет потом хотя бы рассказывать о том, как мы, старики, работали в наше время.

Владимир Иванович очень звал меня в Москву, когда я виделась с ним еще в Берлине⁴⁵. Он очень хотел поставить со мной «Медю» и положить этим начало новому Трагическому Театру (он всегда говорил, что театр создает пьеса).

Его замысел этой роли для меня и то, с каким увлечением он говорил тогда, запали в мою актерскую душу, и когда в Праге представилась возможность осуществлять художественные мечты, я затеяла поставить «Медю».

Это было мое первое настоящее режиссерское творчество. И то, что я и играла и режиссировала, что работа над ролью слилась с работой над пьесой, дали большую цельность спектаклю и единую устремленность. Как раз таким религиозным порывом пьеса и представлялась всегда мне, как бы скалой, взметнувшейся вулканом из моря, воплем человеческой души в вечности.

Я принялась за работу с вдохновением. Все лето, когда была с сыночком в Мариенбаде, я изучала роль и работала над мизансценой. Приехав в Прагу, первое, что я сделала, попросила Александра Петровича помочь мне археологией, и он устроил мне доступ в кабинет ученого-классика, чешского профессора, и снарядил одного из своих студентов, милого покойного Н.М.Беляева, помогать мне. Образовался прямо семинарий какой-то.

По утрам вся труппа, как на репетицию, приходила в библиотеку, и мы изучали и стиль, и одежду, и позы, и обувь, и прически, и жесты. Все зарисовывали, переводили рисунки, указывали друг другу или режиссеру, если что находили подходящее для той или другой роли. Беляев был потрясен серьезностью и систематичностью работы. У меня совсем не было задачи поставить «как в Греции», классично. Хотелось подойти к пьесе, как будто она только что написана и я первая ее ставлю: не было и никакого стремления к стро-

гой выдержанности стиля. Например, как идея декорации был подсказан художнику микенский Акрополь, а позы и жесты Медеи взяты с архаических ваз, для хора же – любимая моя Танагра. Медея была одета в черный хитон и пурпуровый плащ, женщины хора в терракотово-рыжие, песочные цвета.

Как любила я мой хор. Он состоял из девяти женщин: три группы по три. Три старые, которым дала все скорбные, умиротворяющие или поучительные фразы, три молодые женщины, передающие романтические и драматические взрывы, и три юные девушки – трепетные, порывистые, вызывающие, ищущие гармонию земли и неба. Эта группа, вернее, ее первая скрипка, была центром хора. И как прелестна была Крыжановская в этой роли.

Через всю почти пьесу проходила музыка. Она вышла вагнеровского типа. Вот какое все было разное по форме, но единое в глубине.

Андреев – художник и Падашевский – музыкант, все мои «жены коринфские», так мы все замечательно работали, такой насыщенный вышел спектакль. Мы не играли роли, а каждый создавал пьесу от начала до конца. Это всегда редкость для актера. И не только для меня, но и все участвующие говорили мне, что и для них всех было наслаждением играть «Медею».

Как и у всякого крупного события, есть и вокруг нашей «Медеи» забавные анекдоты.

В Софии одна пожилая русская, провинциальная, очень милая, сердечная дама скорбно и настойчиво убеждала меня не убивать детей в предстоящем спектакле...

Для того чтобы играть детей, мы брали всегда местных ребятшек служащих, большей частью девочек, поменьше ростом. В Софии пришли две прелестные фигурки, с громадными черными глазами и волнистыми волосами цвета воронова крыла, совсем под стать Медее. В сцене последнего прощания с ними я подползала к ним на коленях через всю сцену. Когда я приблизилась к ним и, робко приближая свои руки к ним, начала свои фразы: «О лица благородные! О чистое невинное дыхание», то мои женщины все спрятали свои лица в плащи – не могли удержаться от смеха, потому что от этих мифических детей несло чесноком тоже мифически...

«Беру я меч для горькой битвы жизни. О, жалкая рука моя, держай», – говорит Медея, уходя убивать детей. Неся кинжал в закинутой на голову руке, я говорила эти слова и уходила под музыку траурного марша. Я распускала мой пурпурный плащ, и он долго еще тянулся за мной после того, как я исчезала за кулисами, и женщины смотрели на него с ужасом, как бы на образ невинно проливающейся крови.

В Париже один рабочий, стоявший сейчас же за декорацией, очень, видимо, взволнованный пьесой, видя мое искаженное лицо и

трагическое настроение, с которым я, как бы с трудом, тянула медленно плащ, и желая помочь мне и облегчить, схватил мой пурпур и, быстро-быстро намотав на руку, подал мне. Он сделал это так непосредственно, искренне, что мне ничего не оставалось, как улыбнуться и поблагодарить. Обернувшись на сцену, я увидела пораженное лицо Краснопольской⁴⁶, которая очень любила играть этот уход. Вообще рабочие, пожарные – самая трудная публика, но и самая отзывчивая, если им нравится. По ним вернее всего судить об успехе пьесы.

С Пражской группой ездили мы опять и в славянские страны. В этих поездках с моей группой пришлось уже мне выступать с речами со сцены. И я с удовольствием говорила и благодарила славянскую свою публику: и чехов, и болгар, и сербов. Да и как не ответить на их восторженное искреннее восхищение нашей работой, на их больше чем радушные приемы.

Одно было неудобство, вводившее иногда в смешные недоразумения, – это сходство наших языков.

В Праге, стараясь говорить по-чешски, я совершенно в тупик ставила чехов. Потом, приехав в Сербию и пытаясь говорить по-сербски, мы говорили чешские слова, а когда переезжали в Софию, то вдруг высказывали только что слышанные сербские фразы, и так далее. Когда мы возвращались в Прагу, то Александр Петрович умолял меня не пытаться изъясняться по-чешски, потому что выходило иногда не только непонятно, но и неприлично.

Много простых, наивных, но в то же время и прекрасных минут, таких, о которых мы когда-то девочками мечтали с Рожиной-Инсаровой⁴⁷, дал Бог испытать.

В Загребе, когда устраивался мой вечер и я вышла на эстраду, я увидела, что она вся покрыта ковром из живых цветов, уложенных рисунком, с бордюром из незабудок.

В Белграде после спектакля молодежь хотела выпрячь лошадей из кареты г-жи Бальони, которая везла меня домой, и самой везти меня.

В Любляне раз молодежь после спектакля принесла на сцену кресло, усадила меня в него и так пронесла по всему городу до комнаты гостиницы! Окна отворились, высовывались заспанные словенцы и растерянно смотрели и слушали, как несли на кресле русскую актрису и неистово кричали и ура, и браво, и пели, и бросали цветы.

В Софии мы получили из Перника приглашение-просьбу приехать туда, сыграть им хоть один спектакль. В Пернике находятся шахты, в которых работает очень много, целые полки, русских офицеров. Мы были очень рады их зову, да вот беда: туда ходило очень мало поездов, и мы не могли успеть сыграть там днем и вернуться к спектаклю в Софию.

Но с настырным моим характером я не могла отказаться так просто от этой поездки и разочаровать наших русских тружеников, ждущих нас. Отправилась я к министру путей сообщения и упростила, убедила его назначить нам специальный поезд. И, спасибо ему, тронулось его сердце, и так он был добр, что устроил нам эту поездку. Удивительно, как относились к нам тогда там. Болгары такие темпераментные, горячие, страстные – я побаивалась их немножко. У них никого не удивляет, если на улице кто-то выстрелит в другого. За этим там дело не станет. Но и в дружбе и в поклонении они так же широко и щедрты, и мы видели много подлинной симпатии, и дружбы, и ласки от них.

Спектакль «Дяди Вани» в Пернике был единственный, такой трогательный, умиленный и умильный. Это было больше, чем просто представление. Это было набожное приобщение к общей боли, к общей радости, к страждущей родине нашей через ее искусство. Храню, как драгоценность, иконку, копию с нестеровской Божьей Матери, которую подарил мне там один офицер. Он сам написал ее. И стихи:

Вы промелькнули, вы прошли.
 Как тихое виденье,
 Ваш образ милый и родной,
 И в сердце грустное томленье
 О жизни лучшей, об иной...
 Мелькнули и ушли...
 И занавес упал...
 И молча вышли все к подъезду,
 А голос ваш еще звучал.
 Последний миг. Готово все к отъезду.
 Прощаясь, вы стояли на ступеньке,
 Потом вошли в купе, стояли за окном.
 Просились на уста несказанные пени
 О прошлом милом, о родном.
 Печаль глубоких глаз и скорбная улыбка
 Светилась тихо за стеклом,
 И грудь вздымалась чувством зыбко.
 О чем молчали вы? О чем?
 Но поезд тронулся.
 Словами не сказали о скрытом, о святом
 И торопливо осенили
 Нас, остающихся, крестом...
 Темнело. Ночь сгущала тени.
 В тот вечер было так легко:
 Из сердца вылились несказанные пени,
 И будни стали далеко.

24/III 1924 г. Перник.

Слава Богу за то, что могли мы нашей игрой дать хоть немножко света, радости, надежды...

Удивительно красиво и поэтично было в Рагузе. Сам город – как поэма из розового мрамора, с тихими задумчивыми площадями и дворцами на берегу лазурного моря. Кругом мягкие очертания гор, пышные декоративные южные деревья – все как в сказке или в древней греческой поэме. И сколько цветов. После спектакля нас забрасывали так цветами, что невозможно было двинуться, чтобы не наступить на благоухающие розы и нарциссы. Туда я выписала сыночка, и мы вместе встретили там Пасху и наслаждались этим счастьем и этим городом, и морем, и цветами, и прогулками в этом ароматном воздухе, и апельсинами, и вкусным сладким вином, и лаской очаровательного, старомодного общества рагузцев.

Театр, в котором мы играли, был построен над древними тюрьмами, и наши уборные были в подземных одиночных клетках, маленькие, без окон, с крошечной дверью и толстыми стенами.

Были мы и на вилле Таракановой⁴⁸.

Очень интересно было и в Сплите. Там вставали перед нами первые века христианства. Часто во время наших прогулок поднимались мы высоко на гору к одной очень, по-видимому, древней церковке. Какой-нибудь отшельник построил ее, вероятно, во II или III веке. И цирк там есть римских времен, где, наверно, были замучены первые христиане.

Сколько стран, сколько народов, городов, красоты и величия узнала я благодаря сцене!

И в Будапеште «раздавались из дворца» вопли Медеи. Венгры интересны и обаятельны. Венгерский театр своеобразен. В нем, как и в их музыке, преобладают, согревают его народные мотивы. Искусство венгров захватывает романтизмом, глубиной. Оно поэтично и вместе с тем реалистично, но реальность эта прочувствована большой душой и большим сердцем.

В Будапеште отвели нам всем вместе 5-й этаж в гостинице, которая во время восстания была главной квартирой белых. Гостиницу эту революционеры брали с боем, и белые, загнанные на 5-й этаж, были расстреляны на месте⁴⁹. Мы узнали об этом только к концу нашего пребывания. И знаете почему? Некоторых наших актрис стали мучить всю ночь ужасные сны: о революции, крови, убийствах, тюрьмах, а то стали замечать и пятна крови на матрацах и кроватях.

Прага дала нам на много лет покой и в материальном отношении, поэтому летом или в промежутках между гастролями могли мы позволить себе и отдых, и лечение, и поездки на лето в прекрасные места.

Первой такой поездкой была поездка в Италию. Теперь уж сыночке надо было показать Венецию. Ему она так понравилась, что

потом зимой, когда он читал Апокалипсис, он сказал, что город с жемчужными воротами – это Венеция. Из Венеции поехали мы на пароходе в Бари поклониться мощам Николая Угодника; батюшки, совсем как раньше с сестричкой! Мои «мужики», муж и сын, так декоративны и элегантны (вероятно, от польки бабушки, матери А.П.), что когда я с ними путешествовала, то всегда носильщики несли вещи в первый класс. Так было и в Венеции: когда мы садились на пароход, то нас сопровождало 7 человек, и один нес мой зонтик, который он чуть не силой взял у меня. Когда выяснилось, что поедем во 2-ом классе, то половина носильщиков отстала. На пароходе заломили умопомрачительную цену, причем тот, который нес зонтик, очень красноречиво вытирал пот, чтобы показать, как он трудился. Но я люблю моих итальянцев и умею с ними ладить. Хотя они и показывали, как Александр Петрович будет сгибаться под тяжестью чемоданов, все-таки мы расстались друзьями.

Сыночку манил Везувий, он мечтал увидеть его, и из Бари мы поехали в Неаполь и на Капри, где прожили осень. И все время главным нашим любимцем был Везувий. Как светло, красиво, радостно было на Капри. За сыночком и мы были во всех гротах, делали все прекрасные прогулки на Капри – в грот Митридата, на виллу Адриана, в Чертозу и т.д. Он очень наслаждался и красотой и морем, а мы с ним и за него вдвое!

По дороге в Прагу были мы в Риме. Там я познакомилась с Амели Браздовой. Она жила в старинном доме около Св. Петра. Это была когда-то папская обсерватория. Дом был наверху, и вокруг большой сад с фонтанами и колоннами. У Амели два сына, Андрюша все время нашего пребывания гостил у них там. Это было в 1923 году, теперь наши дети стали мужчинами, мы стали старые, но наша крепкая дружба всегда озарена этой красотой Вечного города.

Из Праги же ездили мы и в Татры, и на Лидо, и в Бордигеру.

Когда еще я путешествовала с сестричкой, помню, как раз спустились мы в столовую на обед, и за столиком рядом с нами стояли, очевидно, отец и сын; они не садились, ожидая свою даму. Мне тогда стало грустно; казалось, что вот этого у меня никогда не будет, «надеть должна ты латы боевые»⁵⁰... А вот теперь случилось, что и меня так же ждали внизу мои «мужики», если я запаздывала с переодеванием. О, сынок мой так в детстве любил, чтобы я наряжалась, и для него я непременно переодевалась к обеду в отелях.

В Праге отпраздновали 20 лет моего актерства. Много доброты, ласки получила я от чехов и своих русских и славян. И из Германии и Австрии пришло много телеграмм, как, например, от Альфреда Керра и Блейбтрей.

Тогда даже из Москвы дошла телеграмма от Немировича-Данченко, Качалова, Вишневого и др.

Глава XVIII. ПАРИЖ – ЛОНДОН – ПАРИЖ

Докатились мы и до Парижа.

Париж! Какой важный этап для карьеры всякого актера. Для меня это был экзамен семи лет самостоятельной работы. После Владимира Ивановича и Станиславского⁵¹ не было у меня по росту режиссеров, и приходилось обходиться только советами товарищей и рецензиями.

Кроме «Карамазовых», «Женщины с моря», «Вишневого сада», «Дяди Вани», поставили мы и «Медею» в Комеди де Шан-з-Элизе. В прекрасном театре этом очень выиграли декорации. Из Праги был выписан музыкант, и спектакль был проверен несколькими репетициями.

Никогда не забуду, как приняли парижане мою работу! Эта радость была так велика, что даже когда вспоминаю теперь, спустя много лет (10 лет), как великодушно и горячо хвалили меня они, благодарность заливает сердце. И не только критики, как, например, Пиок, но и актеры так искренно, хорошо, радушно, я бы сказала, выражали мне свое одобрение. Ах, мой Париж! Единственный, прекрасный, великий город великого народа! Как обласкали меня, поддерживали, обрадовали!

Поднялись мы и до Лондона. Но по бедности не могли взять туда «Медее», и я играла там опять «Карамазовых», «Вишневый сад», «Дядю Ваню» и т.д.⁵²

Я до сих пор считаю, первый наш спектакль «Братья Карамазовы» был испорчен тем, что играли его, несмотря на мои протесты и уговоры и гнев, все-таки на черном бархате. Это замрачило, задавило, загрубило все. Я очень была против этого черного, съедающего все цвета, но ничего не могла поделать. Тогда уже начался упадок и распад Группы, и каждый делал, что хотел; кто был погромче и поглубе, мог хозяйничать даже на сцене.

Вот с Лондоном – еще западнее – пророчество Влад. Иван. не оправдалось. Ни «Карамазовы», ни моя игра газетным критикам там не понравилась. Из Лондона нет у меня ни одной хорошей критики. Может быть, произошло это от побочных причин, с искусством ничего не имевших и происшедших все от того же развала в Группе. А может быть (и даже, я думаю, вернее), главная причина была в другом.

Достоевского любят и немцы, и французы, и англичане, но каждый народ своего.

Немцам Достоевский дает возможность углубиться философски, систематично в глубины трепещущего сердца и страстно мятущейся души – как бы вивисекция.

Французы отцеживают все хаотическое и восхищаются смелостью и взлетом мысли.

Англичане за чашкой горячего, крепкого чая с сэндвичами рассматривают с интересом отражение опустошающих страстей, сгорание души в огне духа, тактично ретушируя все шероховатости отражения. Они любят читать Достоевского, но остерегаются чувствовать его, и изображение всяких его надрывов на сцене шокирует их.

Так же шокировала их и моя игра. Я слишком русская и слишком по-русски играла. И не только по-русски, но и по манере Московского Художественного театра.

В русском театре традиция играть «нутром», разрываться... Вероятно, Ермолова, наша самая большая драматическая актриса, очень шокировала бы их в некоторых сценах, тогда как мы все неистовствовали от восторга перед ее чувствами и драматической мощью ее темперамента. Я сокрушалась, когда меня называли холодной актрисой, и всячески работала над развитием темперамента. Это было насилие над собой – я начала понимать это после Лондона.

И не только в «Карамазовых», но и в Чехове потом, когда играла с Питоевым⁵³ и Гастоном Бати⁵⁴ по-французски, не могла я завоевать англичан. Ничего не поделаешь. Факт остается фактом.

Ездили мы и по Бельгии и по Голландии, играли в Швейцарии, и благодаря гастролям в Глазго побывала я даже в Шотландии, съездила в Эдинбург посмотреть столицу и замок Марии Стюарт. Вместе с Крыжановской были мы в удивительном Стерлинге⁵⁵ и по озерам шотландским немножко прокатились. Вот уж чудная страна!

Бог дал нам столько радости, возможности работы, заработка, но, видно, судьбы истории неизбежны, и Группу нашу посетила участь всякой беженской организации и особенно театра: она развалилась от раздоров, распущенности, самопереоценивания, презрительного отношения ко всяким авторитетам, свободы от «начальства» или хозяина (все хозяйничали и в художественных кладовых), по вине всех и каждого и ни по чьей вине.

Я не могла примириться с таким падением театра. Справиться с этим тоже не хватило сил. Прежней твердости, выдержки, силы воли не было в моем беженском багаже! Я забыла их в России.

Вообще наш багаж, и в прямом даже смысле, был очень всегда характерен и символичен. Я, например, взяла самые неожиданные вещи и не взяла нужного. Оставила чудесные *tailleurs** от Шенольда, нашего лучшего портного в Москве, а захватила все вечерние платья. В таком находилась тогда забытьи, так неясно и смутно встала перед нами жизнь вдруг. Совсем мы не представляли себе, какой трудный путь перед нами, как горек на чужбине не только хлеб, но и раскрашенный пряник. Казалось, что за границей мы найдем опять ту же прежнюю жизнь, опять легко и празднично можно будет на-

* Английский дамский костюм (франц.).

чать работать. Представлялись вечера, концерты, большие роли, синема (туалеты для них предназначались), а с ними и дом, и обед, и платя.

Но нельзя уже было нигде и ни с кем жить так нарядно и празднично, а иначе я не умела!

И на этом экзамене приспособления, снисходительности, умения ладить с людьми и считаться с ними я провалилась с треском.

Первый ушел Массалитинов – он тоже не мог вынести жадности, зависти, которые, как гады со дна опустевшего колодца, поднимаются во всяком осиротевшем, обедневшем беженстве.

Еще во время войны Люнье-По⁵⁶ и Сюзанн Депре⁵⁷ приезжали в Россию и давали благотворительные вечера, уж не помню сейчас хорошо в пользу кого: Бельгии ли, французских ли актеров-комбатантов*, или просто для подтверждения через искусство дружбы наших стран, или еще для какой хорошей цели. В Москве мы устроили им очень торжественный вечер у нас в Театре⁵⁸. И когда в 1921 году наша «кучка» приезжала летом в Париж, чтобы повидать сестричку, то Люнье-По устроил и для меня вечер в своем театре Л'Эвр. В программе был тоже эскиз роли леди Макбет. Этот эскиз я приготовила еще в Праге для своего вечера.

Моя леди Макбет очень понравилась и Люнье-По и другим французам (и рабочим – успех у них я очень оценила), были очень хорошие рецензии, и Люнье-По стал звать меня играть по-французски. Но это значило, что надо было бросить все и заняться языком и все время ученья быть без заработка. Этого мы не могли себе позволить, и с осени я опять вернулась в Прагу, чтобы продолжать играть с Группой. Но мысль об игре на французском запала в сознание.

Когда в 1927 году Группа распалась, то я решила остаться в Париже и заняться французским языком. Успех Медеи в Париже сыграл в этом решении немалую роль.

Но больше всего повлияло то, что еще с 1925 года сынуша был в Швейцарии. После того значительного отъезда из Москвы, когда наши воли так тесно сплелись в напряженном моменте решения, мы с сыном были так дружны! И всегда вместе, всегда близко. Когда приходилось мне уезжать из-за театра хотя бы на несколько дней, то я отрывалась от него со слезами и ужасно тосковала и не чаяла вернуться домой поскорее к нему.

А когда ты подрос – тебе было уж лет 11 – рассудили мы с мужем, что если уж судьба нам жить в Европе, то надо мальчика нашего снабдить европейским опытом и навыками. Обстановка же и лю-

* От combattant – воин, фронтовик (франц.).

ди и психология беженства своей исключительностью могут загроздить молодое сознание.

И раз нужно было для твоего образования, то и от радости и теплоты и уюта иметь тебя всегда с нами нашли мы мужество отказать и с помощью доброго Чарльза Крэна отправили сына учиться в Швейцарию.

Трудно, скучно нам было это всем, а мне уж и говорить нечего.

Теперь, поиграв в Париже, в Прагу без сыночка мне не хотелось уже возвращаться, в Париже ближе к нему я была – так и затеплился вновь тут наш очаг.

Тоже и Марс, наш самый умный пес, умер в Праге, а это у нас всегда так: потеряем собаку – кончается какая-то полоса жизни. В Москве не стало Карино – пришлось и нам бросить навсегда наш дом. То же и с Марсом: умер он, и мы разъехались из Праги.

Сыночек очень скучал без Марса. Это был его верный друг и защитник и спас раз его, да и всех нас от угара. С тех пор прошло два года, острота потери сгладилась, и, обосновавшись в Париже в 1927 году, мы завели Рекса. Милому нашему старику уже 12 лет теперь. Мы так бережем его. Он, как весталка, сторожит наш парижский очаг, на нем сосредоточивается наша обоюдная общая нежность.

Жили мы эти годы твоего ученья очень терпеливо, жили ожиданьем тебя на праздники и летом. И мы и дом были всегда тут для тебя. Папилечка отрывался от работы и приезжал из Праги.

Очень весело было на Рождество всегда, с индюшкой, начиненной каштанами, елкой, «80 дней вокруг света» в Шателе, Цирк д'Ивер, позже – синема, а летом возили тебя в Бурже, и сынуша летал на аэроплане.

А потом Сарс завел автомобиль, и такие восхитительные прогулки делали мы по благословенной Франции! Эти прогулки такое радостное, сладкое, солнечное воспоминание!

Я очень боялась, как вы будете сами править, и была против покупки автомобиля, а теперь так благодарна Сарсу за эту радость.

За французскую дикцию принялась я очень усердно, и недаром. В 1928 году Питоев позвал меня сыграть по-французски Ольгу в «Трех сестрах».

Ох как я боялась! ах как трудно было! Работа над языком захватила меня: так интересно преодолеть что-то совсем чужое, найти в нем свое. Ольга – старая, игранная мною роль, и вся моя работа была направлена на то, чтобы передать мое в ней, ее русское зерно по-французски. Милый Георгий Иванович очень меня ободрял и помогал, но мне так неловко было за мой акцент, и хотя французские актеры были необыкновенно ласковы со мной, я стеснялась репетировать и долго не могла привыкнуть к чужой манере работать, к их взаимоотношениям.

У нас в Театре было взаимное творчество, актер мог спорить с режиссером, режиссер старался только помочь актеру. Другие актеры могли всегда на репетиции открыто высказать свое мнение, совет не только товарищу актеру, но и режиссеру; и само собою разумеется, делалось это не как критика или порицание, а в порядке работы.

У французов отношения более официальные. Раз как-то одна актриса ворчала за кулисами, что ей неудобна одна мизансцена и она хотела бы, чтобы другой актер сделал что-то иначе. Я удивилась, почему же она не скажет этого режиссеру или актеру.

– Oh non! Pas d'initiative! Dieu m'en garde! Jamais d'initiative* .

Как бы ни интересовала вас работа французского товарища, лучше не входить с ним в обсуждение: это «не принято», невежливо.

Мне всегда трудно быть или казаться равнодушной к тому, что делается на сцене, и я вижу теперь, сколько «гаффов»** я сделала, не утерпев, встревала с моим упорством.

Ох, как я боялась выступать по-французски, да еще после такого успеха в «Медее». Могли сказать: «да по-русски-то она интересна, и даже то, что непонятно, придает еще более загадочности, а вот как по-французски и понятно нам заиграла, то и пропала вся прелесть новизны и экзотики».

Но верные мои великодушные парижане совсем мне голову вскружили похвалами и тогда, когда я сыграла по-французски. Удивительно верная публика. И потом сколько я ни играла, всегда были ласковы ко мне.

Питоев повез «Три сестры» за границу, и опять поехала я по всем городам: и в Брюссель, и в Женеву, и в Цюрих, и в любимую мою Италию.

И первый город, где играла в Италии, был Турин. Но Дузе там не было. Не было ее уже на земле. Остановилась я опять в той же гостинице, заходила в ее номер; его переделали, совсем другая была в нем обстановка – еще бы, после двадцати пяти лет!⁵⁹ Трудно было мне вспомнить и узнать улицы и театры. Такой же осталась только «Пьяцца Мадама» и старый замок, и так же кружились над его башнями ласточки; и настораживалась я, не стоит ли рядом чья-то легкая тень, и легкий шелест не есть ли отзвук нежного голоса, который с трудом повторяет трудное, но красивое русское слово: «лясто-чекка».

Играли мы и в Милане, и во Франции, и в Риме. Во Флоренции было прелестно весной.

В Риме было очень интересно. Итальянцы никак не могли принять Чехова. Когда во втором акте Людмила Питоева⁶⁰ говорила с

* О, нет! Никакой инициативы! Боже меня сохрани! Инициатива? Никогда. (франц.)

** От французского слова «gaffe» – неловкость, промах.

отчаянием: «Я все, все забываю, я не помню, как по-итальянски окно или вот потолок...», то из зала раздалось несколько веселых голосов: «Финестра, финестра...»

А когда мы с Людмилой начали плакать вместе (плакали мы настоящему – с ней иначе и невозможно, так она искренна и заразна), в зале пронесся сдержанный смех... Чеховское нытье, настроение, слезы их нисколько не тронули – просто показались забавными.

Опять, еще раз привел Господь насладиться Вечным Городом, вечно близким всем, Кампаньей, прекрасными статуями, колоннами, фонтанами и прославленным небом Италии.

У Питоева сыграла я по-французски королеву в «Гамлете». Но тогда мне еще трудно было справиться с классическим текстом, и я играла очень неровно, да и не много раз пришлось сыграть.

Играла также Лизу в «Живом трупе». Это было очень приятно и, кажется, удалось мне. Потом вдову немку в пасифистской пьесе «Jamais plus»*.

С каким наслаждением играла я бабушку Менг в «Джое и компания»! Я уже овладела достаточно языком к тому времени, и роль очаровательная. В ней много юмора и нежности, и моментов драматического подъема. Я ужасно любила и роль и пьесу за нереальность, поэзию, остроумие и изящество.

Джое – Питоев был очарователен. Я люблю у Питоева то, что он никогда не соблазняется легкостью и доступностью реализма. Чувствуется, что своими постановками он комментирует свои, иногда настолько фантастические замыслы, что их и нельзя просто осуществить на сцене, а можно только комментировать.

«Джое и компания» сыграли мы несколько раз и в Лондоне, но моя игра не имела тут хорошей прессы.

Благодаря этой моей роли милой бабушки Менг, Гастон Бати позвал меня играть мать Раскольникова в «Преступлении и наказании».

Большой радостью была для меня эта работа. По серьезности, собранности, дисциплине, порядку за кулисами театр Бати напоминал мне наш Художественный театр в Москве. Не только спектакль, но и репетиция у Бати – торжество. Нет личных маленьких отступлений, жажды успеха, самолюбия... Воля всех сосредоточена на главном – на спектакле, сцене, игре актеров.

Гастон Бати работает очень романтично, широко, вдумчиво. Его работа всегда крупна, точна и достойна.

К актеру он относится только постольку, поскольку он ему нужен для общего задания, но ко всякому проявлению индивидуальности он внимателен и идет навстречу всякой инициативе.

* «Больше никогда» (франц.).

«Преступление и наказание» пришлось мне играть каждый день.

В Москве, в Театре, по предписанию Плетнева, не заставляли меня играть больше четырех раз в неделю, а тут, пожалуйста, каждый Божий день, да еще по воскресеньям и праздникам два спектакля. И все одну и ту же пьесу.

Сыграли мы так «Преступление и наказание» 300-400 раз, с весны 1933 до лета и потом с осени всю зиму 1933–1934 тоже до лета.

Я очень уставала, боролась с астмой, но очень втянулась и каждый спектакль играла с наслаждением. Роль небольшая, много было репетиций, я хорошо освоилась с текстом и могла уже творить на спектакле, т.е. проводить разные задачи и замыслы. То, например, играла ее трепетной, легкой, то драматической, то более кроткой, «resignee»*, то смиренной, то умудренной или очень «не от мира сего», или возвышенной, мужественной. Иногда молилась ролью. Труднее всего сыграть «простоту», настоящую, подлинную простоту. Это удавалось только моментами.

За эту роль я получила много похвал. Все мы должны были выходить в последней немой сцене: «фигюрасьон»** как называли ее мои французские товарищи. Эта сцена проходила в темноте, и обыкновенно я стояла в ней уже разгримированная и после конца спектакля выходила из театра одновременно с публикой. И много подслушала лестных отзывов о себе. Больше всего меня радовало, если я слышала, что молодые хвалили мою игру.

Опять поехала я в Лондон играть и там «Преступление и наказание»: и опять так же неприветливо встретила меня там пресса, хотя эту роль я играла по-французски: легко и без надрывов.

И не только на сцене, но и с моими английскими друзьями, которых я глубоко люблю, мне всегда надо помнить мою несправедливую русскость и сдерживать себя: а иногда так хочется именно «поговорить по душе».

В этом наше большое одиночество за границей. У нас есть друзья иностранцы, и милые, дорогие друзья, но почти всегда есть какая-то черта, на которой спотыкается дружеский порыв.

У французов – латинская, ясная холодность. У англичан застенчивость в «душевности». Американцы для нашей психологии кажутся поверхностными, забывчивыми. Немцы – «научны» очень. Хорошие друзья евреи, но в них уж слишком много Востока, сложности, и возможностей, и остроты, и они утомляют. Ближе всех к нам северные страны – Швеция!

* Безропотная, покорившаяся (франц.).

** Figuration – фигуранты, статисты, «массовка» (франц.).

Подойдя близко к французам в работе, живя безвыездно в Париже эти 12 лет, я узнала ближе французов.

Вначале их холодность и официальность приводили меня в уныние. Как ни хорошо, как ни дружески относились ко мне мои французские друзья, к ним никогда нельзя было придти, ни их ждать, чтобы пришли запросто посидеть, поболтать вечером, по-домашнему. Надо было всегда позвать заранее, и на скромные беженские чаи они приходили празднично разодетые. Больше всего угнетали меня «гесертions», приемы. Надо было непременно подмазаться, потом все время улыбаться, быстро отвечать и сболтнуть что-нибудь легкое, остроумное о том, что иногда вам дороже всего. С печалью и тоской по России в сердце трудно было насиловать себя, и часто потом после этих приемов я возвращалась домой, чуть не громко плача на улице.

Я не понимала тогда: то, что мне казалось холодом, вежливостью, было выражением мужества, подбадриванья. Улыбки не были неискренними; дружеское отношение ко мне, как ни холодно оно мне тогда казалось, не изменилось со временем. Когда теперь из-за моего здоровья я только очень изредка встречаю кого-нибудь из давних знакомых-французов, я вижу, что они не забыли меня и совершенно так же ласковы. Эта ровность, хотя и более холодная, лучше холерической экспансивности, чередующейся с обидной небрежностью «ам слав»*.

Больше того: когда теперь ко мне приходят русские, не предупредив, как ни рада я своим, а все-таки утомительно, и порой сердисься, что так безжалостно отнимают время отдыха или интересной работы.

Досадно иногда ужасно, если кондуктор даже на несколько секунд не задержит автобус, не подождет тебя. Кажется, что некоторые правила общественного порядка выполняются почти жестоко из-за своей точности и механичности. Но когда представишь себе, что было бы, если дать волю индивидуальностям в такой громаде, как Париж, что получилось бы из этого! Сколько разговоров, обид, заявлений, личных отношений... Как было, когда в Москву к нам нахлынула ужасная волна беженцев. А механичность внешней жизни предохраняет от переживаний и поэтому от излишних утомлений. То же и на рынке и в магазинах. У нас, у русских, все проблемы. Вот покупаем мы шляпу: не только надо, чтобы она была недорога и к лицу, но чтобы она еще была в нашей «линии», оттеняла нашу особенную индивидуальность и женственность и прелесть нашего возраста. Целый день способны мы искать такую шляпу и исходить все магазины. Француженка же не истратит столько сил на

* *Âme slave* – славянская душа (франц.).

такую простую вещь. У нее есть свой фурниссер*, и при выборе она руководится тем, что все «носят» в данный момент. И гораздо проще и легче делать это и нам. Правда, сестричка, приехавши после нескольких лет в Париж как раз, когда нам очень туго приходилось, ужаснулась: «Ты одета совсем как консьержка! Ведь ты так “повсюему” всегда одевалась раньше!?»

Мне не только не нравилось, меня просто удивляло, как можно играть с таким ходульным пафосом, как играют в Комеди Франсэз Расина и Корнеля. И когда я слушала по радио речи, то меня коробило, как вдруг человек начинает говорить совсем другим, патетическим голосом, с особенной, торжественной дикцией, с условными, возвышенными интонациями. Мы живем в Булони совсем рядом с рабочими и сталкиваемся близко и с молочниками и с эписьерами** и другими продавцами, и они к нам привыкли и очень благоволили к Папсу, который их победил своей мягкостью. Когда он был болен, они все выражали мне очень торжественное соболезнование, высказанное подходящим для случая холодным голосом. Но зато когда он выздоровел и появился опять на улице, то все консьержки, фурниссеры так душевно и просто радовались его выздоровлению; а когда он стал ходить уже по-прежнему, без палки, то и совсем с восторгом хлопали его по плечу.

Наш консьерж, увидев меня в «Преступлении и наказании», тоже хлопал меня по плечу. Это готовая форма для выражения одобрения.

Во время кризиса в октябре 1938 года⁶¹ тут, в Булони, мы близко видели мобилизацию, молодежь, стариков, и мы в совершенном восторге перед мужеством, спокойствием, с которыми мобилизация была проведена. Для нас вдруг зажил, стал понятен французский пафос речей. Он отвечает спокойной, ясной героичности французского народа.

Все шутили, и молодежь и старики, даже выдавшие войну, но спокойно, сдержанно, почти «холодно и условно», как в Комеди Франсэз. За этой холодностью мужество, сосредоточенность, готовность... Когда прошла угроза войны, как все лица помягчели, как легок и прост стал смех.

В трудные минуты, как, например, забастовки, война и т.д., мы замечали, как все «холодеют», подбираются, делаются как-то особенно сдержанны, вежливы и официальны друг к другу, молчаливы и замкнуты.

Мы, русские, тоже спокойны в такие минуты, но мы смягчаем, умиляемся, плачем, поем.

* От fournisseur – поставщик (*франц.*).

** От épicière – лавочница, бакалейщица (*франц.*).

Господи! как народы Твои хороши и велики, и что бы жить им в мире и радости...

Единственно, к чему не могу привыкнуть и примириться и оправдать, это – когда пожилой человек или старая дама, прежде чем сесть на голую, иногда холодную лавку метро или автобуса, поднимают полы пальто, вероятно, чтобы уберечь его от смятости и износки.

Моя грешная расточительная «ам слав» никак не может принять такой, может быть, мудрой, но некомфортабельной и жестокой предусмотрительности. И еще не понимаю, когда говорят «tant pis»^{*} там, где по-русски сказали бы «ничего», «что делать» и даже «тем лучше».

В Париже научилась я хозяйничать, стряпать.

Когда мы приехали за границу, я ничего не умела, не знала даже, как варят кофе. В Москве я не входила даже никогда на кухню. В Праге было у меня много работы с Группой, некогда было, и наняли мы прислугу. Кроме того, в Праге-то хозяйничанье, которое я видела кругом, было уж очень мешанское, серое... казалось, что заняться им – значит погрузиться в мелочные расчеты и вздорные хлопоты. Даже покупать там что-нибудь из провизии было неприглядно.

В Париже же все было так аппетитно, весело, легко, и я с удовольствием принялась ходить по красивым рынкам и стала пробовать и учиться готовить, и теперь не только кофе варить, а даже блины могу испечь. В этом помогло мне ремесло актрисы и режиссера.

Я вспоминала, например, как ставила тесто кухарка, когда бывало девочкой прибежишь на кухню, как ждала она пузырей, подсыпала муку и т.д., или как доставали из печки пирог или жаркое и смотрели, готовы ли они, и много, много других черточек вспоминала из мизансцены жизни; и они мне помогали. И очень люблю готовить для кого-нибудь, кого люблю. Но вот для нас двоих надоело, и скучно стало делать одно и то же каждый день. Угнетает «дурная бесконечность», как называет Папс эту непеределываемую никогда работу «по хозяйству». Ему еще веселее – мне запретили доктора носить тяжести, поэтому он ходит на рынок и потом рассказывает мне всякие забавные сценки, случаи, наблюдения...

А я такая неисправимая актриса: оставшись одна убирать квартиру, совсем как в детстве представляю, что служу у какой-то сварливой старой барыни, и она все ходит за мной и ворчит, что не так я делаю, и я иногда доказываю ей, что так лучше, или стараюсь смягчить ее, показав ей на деревья или птиц, или открываю радио для Моцарта. Вот мой друг и утешитель! Когда слушаешь его, то кажет-

^{*} Тем хуже (*франц.*).

ся, что он играет именно для тебя, только для тебя, так просто, так близко говорит душе, так отвечает на все, самое интимное, словно подглядел или подслушал те мечты или печаль, которые мы достаем со дна сердец, оставшись одни или потушив лампу и прильнув к подушке, чтобы уйти от злобы дня и уснуть.

Только те, кто много перенес и выстрадал, могут вполне оценить его.

Глава XIX. И ДАЖЕ АМЕРИКА...

За морем, за окяном.

Гадалка сказала раз маме, что одна из ее дочерей будет известна не только в России, но чуть не «во всем мире». Ах, лучше бы только в России! А то вот и в Америку загнала меня моя беженская судьба. Зиму 1929–1930 г. провела я в Нью-Йорке. Летом приезжал Г.И.Бирс и позвал меня – дай Бог ему здоровья – быть художественным директором театра «Лаборатория» в Нью-Йорке. Это – театр-школа, основанный Болеславским⁶².

Очень интересным, очень значительным и богатым опытом была эта поездка. Постановка и спектакль «Трех сестер» остались дорогими воспоминаниями и радостью для меня.

И совсем необыкновенны и новы были для меня и жизнь там, и люди, и их быт.

Даже переезд мой по океану был не совсем обычный. Все 5–6 дней я пролежала в госпитале парохода «Беренгария». Сердчишко мое усталое не могло вынести качки, и я совсем погибала; не давали мне ни пить, ни есть, только лед да дышать кислородом. Потом, когда вышла перед Нью-Йорком на палубу, там и звали меня «дама, которая все время была больна». Доктор и сиделка недоумевали, как это я буду играть. Сиделка посоветовала мне подгримироваться для приезда, чтобы пустили слезть с парохода, а то больных не очень-то пускают в Нью-Йорк.

Когда мы подъезжали уже к городу и мне показали небоскребы, я как-то даже не поняла, что это и есть Нью-Йорк, город. Эти башни показались мне так фантастичны, что я никак не могла принять их за дома и пренебрежительно от них отвернулась, как от каких-то станций электричества или телефона, или газа, или фабрик, или просто какой-то временной выставки с модерными павильонами. И потом в городе уже я все спрашивала: «Что это за учреждение?» – никак не могла освоиться, что это дома, родственники тех, что в детстве рисовала с тремя окошками и дымом из трубы на покато́й крыше.

Первые дни страдала тоже от того, что с пяти часов дня мне очень хотелось спать, а к десяти часам вечера просто валилась с ног.

Просыпалась зато в четыре часа утра, и очень хотелось кофею! Прошло дней пять, пока я не вошла в тамошнее время.

И пугала меня воздушная железная дорога, от ее грохота у меня начинало тревожно биться сердце и так пугливо становилось на душе, как будто жестокая старуха-жизнь грозно скрежетала зубами на всех слабых, чужих, изгнанных...

Работа в театре очень была интересна. Был I-й курс начинающих, работу которых я только направляла и проверяла. Этим курсом занималась главным образом наша актриса М.А. Успенская⁶³. Она, как и Бирс, очень мне помогла своим дружеским, сердечным отношением.

Был еще II курс, где я ставила отрывки пьес и ролей, и наконец актеры, с которыми мне надо было поставить пьесу.

Выбрали «Три сестры» Чехова, и правление просило меня, чтобы я играла в этом спектакле. Этого не было в наших условиях, но мне пришлось согласиться, и, таким образом, заиграла я и по-английски. Ольгу не захотелось мне переводить еще раз на новый иностранный язык, и я взяла роль Маши; да, кстати, для Ольги была там прекрасная исполнительница.

Ну и много же пришлось мне работать. Но это было так радостно, так напоминало мне молодость, Москву, Театр. Была я опять одна, много зарабатывала (5000 долларов за зиму!) и интересно работала.

Жила я в только что отстроенном доме меблированных квартир, на 17-м этаже, со всеми последними трюками комфорта. Была у меня одна комната, с передней и ванной, но в ней было все, что бывает в целой квартире. Кровать была в шкафу, вечером мне нужно было только открыть дверцу и откинуть ее в комнату. В другом шкафу была электрическая печка, ледник, шкафчик для посуды. В комнате был телефон, очень уютная обстановка. Ванна была веселенькая, просторная. Кроме шкафа в стене для платья, был большой вместительный шкаф-кладовая для чемоданов, картонок и т.д. Стены не пропускали звуков, можно было спокойно отдыхать и работать.

Вид из окон был необыкновенный. Воздух в Нью-Йорке совсем особенный, он дает удивительно мягкое освещение, и каждый раз, входя в комнату прямо против окон, я поражалась перспективой небоскребов, неба, облаков. И красками, и далями. А внизу на улице эти небоскребы дают очень интересные тени и просветы, вроде как у Крэга⁶⁴ на декорациях. Мне очень нравится Нью-Йорк. Скучно только, что нет деревьев на улицах. Нужно в Центральный парк ехать, чтобы их увидеть. А я их так люблю, деревья! Никогда не могла снять квартиры, если не было рядом хорошего дерева. И всегда все квартиры связаны у меня с каким-нибудь чудесным деревом, с которым дружно переживала я и зиму, и весну, и роскошь осени. В Москве, напротив нашей последней, через узкий переулочек стоял чу-

десный тополь, он весной наполнял благоуханием своих листочков весь дом. И всегда так выходило, что деревья были перед окнами... Когда напротив были стены, то у меня не лежало сердце к такой квартире, и я выбирала и останавливалась на тех, где было хоть немножко неба видно да зелени. В Москве много разных тополей, а здесь, в Париже, акация – раз, а то все каштаны помогают мне жить. Розовый мой на рю Де Ла Турелль, как дружны мы с ним были! В природе тоже больше всего люблю я лес. Ни море, ни горы, а небольшую реку и лес.

С раннего утра, как только просыпалась, начинала я учиться, повторяла английскую дикцию в то время, как брала ванну и готовила кофе, потом бежала в театр, где был у меня урок английского, а за ним занятие со школой. Завтракать приходилось в театре же, а после завтрака репетиция. Часто после репетиции был еще урок в школе: отрывки учеников или же мой урок английского. Вечером часто нужно было ехать куда-нибудь по долгу службы, т.е. на какое-нибудь собрание, обед, в клуб и там говорить речь. Это было непременным условием. Иногда стол, за которым сидели те, кто должен был говорить, стоял особо, на эстраде. Это было очень непривычно и неловко вначале. Но потом я научилась говорить и не так волновалась и могла есть мой завтрак или обед. Так как я, слава Богу, русская, то от меня и ждали речей о России, о беженстве. Тема не из забавных, но несмотря на это, надо было непременно во время речи, как серьезна она ни была бы, сказать что-нибудь, на что бы могли если не рассмеяться, то хоть улыбнуться нарядные американские барыни.

Очень важное и большое собрание устроили деятели сцены, на нем говорил Коган, большой импресарио и знаток и любитель театра. Мое правление – мои хозяева – привезли и меня туда, чтобы и я говорила. Я чувствовала себя, как скаковая лошадь, которую привезли на скачки. Я сказала о том, как, проехав через столько стран, побывав у столько народов, я везде, среди всех находила отклик и дружбу и оценку через искусство. Хотя тут и нет ничего нового, но это им понравилось. Но не это создало успех моей речи. Главное, что их восхитило, это то, что я говорила о том, как по-разному относились ко мне как человеку разные люди: то жалели меня, то смеялись надо мной, то порицали, то недоумевали и в конце концов, как бы суммируя свои впечатления, решали: «Ах, она русская!»

И вот это-то, как я показывала, как по-разному, на разных языках говорилось:

«Well, she is Russian».

«Que voulez vous, c'est une russe».

«Sie ist Russisch», –

это привело их в полный восторг. Даже Коган «уступил мне пальму первенства», как он очень элегантно сказал, приветствуя меня. Ни

моя работа, ни мои спектакли, ни успех у публики не доставили столько удовольствия моим директорам и не принесли мне столько пользы, сколько сделало это мое выступление.

Правление вообще было очень мило ко мне. Члены правления устраивали мне вечера, возили всюду, и на концерты и на спектакли. В сочельник позвала меня к себе миссис Стоктон, первая наша дама-покровительница и представительница правления. Было так хорошо и трогательно, когда все пели гимны и исполняли классические вещи на пианино и скрипках, трио или квartetом. Такой прелестный этот их обычай.

Позвали меня тоже погостить несколько дней в старинный дом – усадьбу на Лонг Айленде.

Было занятно опять захватить барыней, пользоваться комфортом, взять, например, второй раз ванну после работы, перед тем как одеться по-вечернему. Привезла я парижские туалеты; раздевшись, брала такси и, запахнув новое атласное вечернее манто, отправлялась на ужин или в театр.

Замечательные театры в Америке, замечательные актеры. После революции у меня такая память стала плохая на имена, не смогу их назвать, но память об их простой, содержательной, тонкой игре осталась очень яркая. Нет большей радости для актера, как видеть хорошую игру, хороших актеров. Мы ценим их больше, чем публика. И это дает нам веру и радость за наше ремесло. А когда видишь что-нибудь плохое или пошлое, то становится стыдно, и хочется уйти со сцены и никогда не взглянуть ни на какое представление.

Но самое драгоценное воспоминание это, конечно, работа и спектакли «Трех сестер».

Актеры мои были все очень молоды, не старше 21 года, и все могли бы быть моими детьми. И я любила их нежно, просто влюблена была в их дарованья, голоса, лица, индивидуальные обаяния. Вот уж правда: без любви никакое дело не выйдет, а когда с любовью, то все живет и блесит.

Спектакль наш вышел прекрасным. Это был один из гвоздей нью-йоркского сезона.

Как интересна была задача собрать, остановить, углубить до русского, чеховского, довоенного мироощущения американских рассеянных, развязных молодых людей. Играли они все прекрасно. Обаятелен был барон. Мой Вершинин был так молод, но с его прекрасным голосом, ростом, интеллигентностью он удивительно как справился со своей ролью. Самый обаятельный, самый трогательный был Кулыгин – актер с исключительным сценическим обаянием. Ольга была лучше всех. Я играла Машу. Нежная Ирина, Наташа, доктор, Соленький, Феррапонт, вдумчивый, серьезный Андрей – очень талантливый актер, – все были один лучше другого.

Я думаю, они не подозревали даже, как я их всех любила.

Очень интересно было встретиться так близко, благодаря работе, с этой молодежью; их американская психология совсем особенная, совсем другая, чем наша. Они поверхностней, нетерпеливее, легкомысленнее нас.

Работая с ними, приходилось все время их забавлять, развлекать, подбадривать, как детей. Они всегда хотят, чтобы все давалось им сразу, и если что-нибудь не выходило сейчас же и я настойчиво, по привычке и по методу нашего Театра, начинала добиваться этого, то они сразу падали духом. И, главное, начинали дуться, почти сердиться на режиссера.

Вначале почти все заявили, что они не могут сыграть своей роли, или ходили за мной и чуть не каждый час спрашивали: «Уверены ли вы, что я смогу сыграть хорошо?»

Приходилось или утешать, или журить, или захваливать заранее, как капризных богатых детей.

Я часто их попрекала их богатством, тем, что они думали все купить, все получить, как из автомата. Жетон в 5000 долларов – моментально хороший режиссер-учитель из Европы, который моментально делает всех актерами, все замечательно играют роли, без всякого усилия со своей стороны, а автоматически, в зависимости от цифры. Хороший аппарат, дорогой жетон – значит можно ожидать, чтобы сразу все выскочило готовое.

Деньги там мерило всего.

На одной репетиции я удивилась, как молодой человек в сцене с девушкой, в которую он влюблен и на которой хочет жениться, так небрежно, невежливо ведет себя с ней внешне, сидит, говорит слишком развязно, без рыцарства, привычного нам – европейцам и особенно старым русским.

И актер и актриса оба улыбнулись над моей старосветскостью и по-приятельски подтрунили друг над другом. Это меня подзадорило, и я хоть и в шутку, но тоже поддразнила его, чтобы он принес ей цветы на репетицию: «Хотя бы одну розу. Я, кстати, видела по дороге такие чудные в окне». Тут они оба откровенно захохотали! «It cost a dollar» – это стоит доллар!

Так как с этой развязностью мне приходилось повозиться и у других актеров, то я рассказала им один случай из беженства, который их очень позабавил.

В первый год наших странствований на мои именины были мы в Любляне. Там есть очень хорошенькие кустарные глиняные изделия, и в подарок на именины Сураварди принес мне такую глиняную прозрачную хрупкую плетеную корзиночку с рисунком любимых моих роз.

Нам было особенно трудно в эту первую зиму материально. Я даже ахнула! Я так мечтала о теплых туфлях (даже, кажется, намекнула об этом своим), о хорошеньких носовых платках для сцены. И

вдруг такая хрупкая вещь, да еще с нашими переездами и битком набитыми чемоданами...

– Сарс милый! На что же мне это!?

– Это для ваших колец и драгоценностей!

Он помнил, как я иногда в Москве снимала кольца, которые очень любила, и клала в фарфоровую старинную коробочку. Но не в Москве уж мы были, не в нашей гостиной, а в изгнании, и колечек тех моих прекрасных не было больше у меня...

Но все равно для Сураварди представление обо мне осталось то же, о такой же, какой я была в Москве, холеной, элегантной. Он не замечал моих изношенных, вытертых туфель и потому подарил мне такой же подарок, какой сделал бы в Москве. И это его отношение было лучшим подарком, о котором не забыла, а сохранила память. А ведь это «стоило доллар!» и было бесполезно, даже обременительно... Если же он подарил бы мне туфли, то хоть и доставил бы мне радость, да не такую, а забыть-то ее я уж наверное забыла бы.

Так старалась я научить моих американских учеников быть немножко более безрассудными, не такими практичными и трезвыми. И они смеялись потом: «с тех пор, как Марья Николаевна с нами, мы все стали немножко влюблены, стали и флиртовать и ухаживать друг за другом».

Чтобы дать им почувствовать тоску трех сестер и обстановку, в которой они жили, я забавляла их рассказами о детстве Александра Петровича, которое он провел совсем уж на Севере – в Сибири, где служил его отец, который был военным: о том, как их дом сторожил медведь и ночью приносил в дом заснувших на улице пьяниц, чтобы они не замерзли, и т.д.

Американки вытащили для нас старинные платья из своих богатых кладовых, и три сестры наши были очень хорошо и стильно одеты. Вообще спектакль был очень красивый, благородный, элегантный и имел большой успех.

После него мне хотелось поучить их играть комедию, и я взяла «Стакан воды» Скриба. Этим спектаклем я не угодила ни ученикам, ни публике.

Комедию играть труднее, чем драму, нужна четкость, точность, подобранность, одним словом – мастерство, которое дается только работой. А вот работать-то они и не умели, быстро уставали, падали духом и опять сердились на меня, что у них не сразу выходит. Но меня не переупрямишь, и в конце концов все они (правда, всего пять действующих лиц) добились легкости, свободы, изящества и юмора этой пьесы.

Водила их, как актеров в Праге, в картинную галерею, чтобы насмотреться поз и жестов. Увы, некоторые только первый раз туда со мной пришли, а музей замечательный, так красиво устроен, так легко его смотреть и видеть.

Публика слушала с интересом, и много, легко и хорошо смеялась, но успех был сдержанный, хотя по тому, чего мы достигли, мы, по правде, заслуживали большей похвалы.

Я написала сейчас, что публика «легко и хорошо смеялась». Есть пьесы или места в пьесе, где грохот стоит от смеха, и все-таки это не значит, что хорошо сыграно или что пьеса хорошая. Бывает, иногда неловко рассмеешься самому примитивному, даже грубому эффекту, но если автор или актер слишком настойчиво продолжает так смешить, то становится досадно, что смеялась. Смех этот всегда слишком громкий и грубый. А бывает более редкий, более легкий, элегантный смех, который оставляет легкость и веселость. Его можно получить только в ответ на мастерское, изящное, истинно комедийное, а не фарсовое исполнение и пьесу.

Неяркий успех «Стакана воды» в Нью-Йорке был, может быть, и от того, что американцы очень почтительно относятся к титулам и как бы постеснялись принять королеву Анну просто как героиню комедии, как простую милую женщину, к которой и автор и исполнители отнеслись больше с нежным, чем с почтительным юмором. Шутки с коронованными особами, даже изящные и поэтичные, им не очень по вкусу. Играть эти спектакли было не так приятно, как «Три сестры».

И пришлось мне столкнуться с одной чертой, которую я заметила сейчас же после первого спектакля «Трех сестер». Эта их почти моментальная забывчивость. Праздником был только первый спектакль, но когда отзвонили колокола успеха, внимание всех было уже рассеяно чем-то новым.

Во время репетиций все так ухаживали за мной, чуть не каждый приносил мне стакан воды (это они всегда пьют, когда устанут), все наперерыв хотели проводить меня домой: я, как всегда, очень уставала в конце спектакля и падала потом на скользком снегу. Но уже после нескольких спектаклей и забыли об этом, и я раз чуть не попала под автомобиль, плетясь одна домой в ветер и снег.

Может быть, это не только американцы, а вообще народ такой пошел теперь, что надо беспрерывно забавлять всех, если хочешь добиться толку.

Вообще, чтобы жить в Америке, нужно иметь много сил, нужно быть молодым и очень вооруженным. Главное же, там можно жить (а не существовать только) лишь если быть богатым или же быть в состоянии много зарабатывать. Потому что бедность там невыносима. Насколько здесь, в Европе, в бедности даже чувствуешь себя легче, чище, свободнее, настолько в Америке это состояние уже нечеловеческое. Бедность там неприглядна, безнадежна, ее презирают, как преступление. С бедностью никто не мирится, от нее стремятся во что бы то ни стало, ценой каких бы ни было усилий, жизни, здоровья избавиться. В ней видят только грязную, изорванную тряпку.

Ох, не выбрасывайте ее – в этих тряпках наверно бывает спрятано такое золото, какое вы потом не найдете в роскоши...

Как обрадовалась я, увидя в Булони маленькое кафе, за столиками скромные, бедные на вид люди сидят так мирно, с беспечными, довольными лицами, весело разговаривают, и все кругом – и деревья, и море, и стаканы с дешевым вином – улыбается простой радостью жизни, еще более близкой и ценимой в бедности.

В Нью-Йорке встретила я нашего русского художника Н.К.Рериха. Я смолоду была его рьяной поклонницей. Его картины были всегда такие содержательные, глубокие и во времени и в мыслях уносили далеко за свои рамки. Что-то в них было необыкновенное, беспокоящее самую душу.

В России я познакомилась с ним, только когда он писал декорации «Пер Гюнта» для Театра⁶⁵, но тогда я не успела поближе подойти к нему. А беженство вообще нас всех сблизило, словно кто взял лукошко-Россию и перетряхнул и смешал нас всех, кто бы раньше никогда и никак не мог встретиться.

Я ужасно обрадовалась, когда узнала, что он в Нью-Йорке. Он тоже принял участие в комитете по моим спектаклям, и я с удовольствием пошла к нему.

С первых же наших встреч он поразил меня рассказами об Индии, об ее мудрецах и знании, о своем опыте там. Он так проникновенно, увлекательно и так по-новому говорил о том, что интересовало меня больше всего, – о духовных путях души.

И действительно, невозможно, пережив так много, как мы все, не остановиться мыслью, сердцем, душой, чтобы выкарабкаться из этой «бездны хаоса» разрушения, обломков, осколков...

Собственно, идеи Рериха не были новостью для меня; когда-то я читала и знала обо всем этом по теософическим книгам и разговорам. Но Рерих с его громадным талантом так умело, цельно, по-своему представлял все, что убеждал и заражал своим горением.

Эти встречи с ним, разговоры, этот опыт был очень ярок, очень глубоко всколыхнул мою душу. Теперь, когда вспоминаю то время в Америке, мне кажется, что я тогда как будто переступила какую-то заколдованную черту, проникла сквозь какую-то невидимую стену, поднялась на какую-то внутреннюю ступеньку, и что-то новое, неведомое доселе открылось и окружило меня. Я ходила как будто в светло-голубом, искрящемся тумане, особо от людей, в каком-то другом плане.

Необычность для меня Америки, Нью-Йорка, обстановки там, людей – все помогло этому, может быть, искусственному и нарочитому подъему, и я отдалась целиком этому течению.

Такова наша русская расточительность: уж если что любим, или верим, или делаем, то без оглядки.

Но когда вернулась в Париж к своим, к своей прежней, привычной жизни, обстановке, то понемногу, постепенно рассеялась и мечта, как светлый сон.

Как ни возвышенны, ни велики образы, которые прельщали и манили, но все-таки они чужие. Идти за ними значило изменять своему, оторваться от чего-то верного, надежного.

Где мне, бабушкинской внучке, взбираться на высоту и погружаться в дебри Индостана. Москвичка может ли любить буддийские храмы после низеньких, темных церквушек, особенно теперь, когда камни их разрушены и разметаны и живут они только в нашей любви и верности к нашему родному, русскому.

Нет! Нет! «Держись за землю – трава обманет». Россия же никогда. Да и не время уж теперь бросаться из стороны в сторону, искать...

Хотя и очень он интересен, но отошла я от этого пути. Не по мне он. Теперь даже совестно как-то вспомнить, что обольщала себя мыслью, что могу стать чуть ли не йогом или святой, что ли, своими собственными потугами, претензиями на совершенство, сама, без помощи Божией.

В этом самообольщении, гордости, по моему неумному суждению, самый большой соблазн и неистинность всех этих учений.

Холь себя – ешь то и не ешь того, носи только шелк и полотно, «мой скамейки и чашки», «отцеживай комара», выбирай строго друзей, чуждайся больше людей, «не пируй с грешниками», одним словом – думай только о себе, вот что грешно и высокомерно. После таких приемов понемногу бес гордыни заставляет думать, что ты чище и лучше других; кажется, что все, что совершается кругом, совершается нарочито для тебя, что все какие-то знаки посылаются тебе. И до того напряжено это внимание и ожидание, что действительно начинаешь как будто видеть видения, слышать голоса, сны сняты особенные, встают вдруг образы-символы, и все так красиво, поэтично, значительно, «прелестно». Слишком прелестно, чтобы быть истинным...

В этом светлом затмении пути широки, и по ним легко пойти на какие-то компромиссы, согласиться с тем, что потом при протрезвлении оказывается не только неправдой, но просто смешным.

Я делилась моим увлечением этими идеями с покойным отцом Г.Спасским. Он терпеливо слушал меня, но когда я, спустя несколько месяцев, пришла к нему и сказала, как я разочаровалась, то он радостно воскликнул, встав перед иконами: «Слава Тебе, Господи!»

Не перестану и я повторять: «Спасибо Тебе, Господи, что уберег меня от этого пути».

Глава XX. НОКТЮРН

Ну вот, повиытаскала вам из моего ящичка все драгоценности, которыми одарили меня Бог и жизнь.

Вы, кто будете читать про них, молодые ли наши или, Бог даст, внуки мои, оцените их по-своему. Может быть, моя оценка была неправильная, — я не знаю. Еще не знаю. Я все еще беру уроки у жизни.

Я перебирала для вас мои ожерелья, колечки днем или при теплом свете вечерней лампы. Тогда камушки сверкали и смеялись, но часто закрывала я шкатулку, тушила свет, и в тиши ночи находили и на мою душу тени — предвестницы скорой тени смертной, и сердце настораживалось.

Спящей ночи трепетанье,

.....

От меня чего ты хочешь?

Ты зовешь или пророчишь?

(Пушкин)

Ночь. Ночь. Остановка. Покой. Конец.

Просыпаться ночью. Как страшно. У меня всегда падает сердце. Я понимаю, почему отшельники молятся ночью и ночная молитва так высоко почитается.

Ночь покойно, холодно смотрит на вас, судит безжалостно и строго; и стыд, и отчаянье, и жалость о том, что все так безвозвратно ушло, что нельзя поправить, давят душу.

Ночь — одиночество, пустота, обман. Обман. Самая худшая из всех «неизгладимых обид». То, что блистало днем, было ли действительно драгоценно? Не пуста ли шкатулочка? Не закрыть ли ее на ключ и не бросить ли ключ в море?

Как мятется дух от этого одиночества и голости. Эти минуты внезапного просыпания — минуты итога в предсмертный час.

Если бы я была музыкантом, я написала бы ноктюрн, не убаюкивающий, не успокаивающий, а наоборот, взметающий совесть, описала бы борьбу духа с отчаянием, пропела бы скрипкой страстное цепляние за светлую ниточку, бег за дуновением истины, которая всегда нерушимо, всегда у всех заложена в душе, как якорь на палубе самого утлого, ненадежного кораблика.

Я кончила бы беспомощной, короткой фразой простой молитвы.

Ах, если бы можно было опять встать рядом с бабушкой на колени, взглянуть по-прежнему близким взглядом на образ и вымолить прощенья, утешения, чистоты, чтобы замолкли иссушающие рыдания, чтобы претворились они в «песнь аллилуйя».

Есть еще глава, но ее уж прочтете, когда меня не будет.

Называется «Смертию смерть поправ».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стахович Алексей Александрович (1856–1919) – полковник Кавалергардского полка, адъютант вел. кн. Сергея Александровича; пайщик, член правления и дирекции МХТ, актер театра с 1907 г.

Работа над пьесой Л.Н.Толстого «И свет во тьме светит», право постановки которой МХТ приобрел у наследников автора, началась весной 1917 (ранее господствовал цензурный запрет). До премьеры она не была доведена.

² В Пальне (поблизости от Ясной Поляны) у А.А.Стаховича был конный завод. Владелец часто приглашал товарищей-артистов отдохнуть в своем имении, и М.Н.Германова гостила там после перенесенной болезни.

³ Об увлечении Художественного театра революцией можно судить по письму Вл.И.Немировича-Данченко от июля 1917 («должен признаться, что все мои симпатии на стороне эсеров, на стороне Керенского, Церетели и Скобелева, на стороне их умения проводить в жизнь идеализм революции не митинговой горячностью, а тем высшим Разумом, в котором соединяются пафос и мудрость, на стороне их государственной программы»). – Музей МХАТ. Архив НД. №1062. В другом месте того же письма НД спрашивает себя и товарища по Художественному театру: «Найдется ли у нас кто-нибудь, достойный старого носка Керенского?»).

⁴ Папс, Папиличка – так в мемуарах, адресованных сыну Андрею, Германова часто называет его отца, своего мужа – историка и археолога, профессора Александра Петровича Калитинского (1880–1946).

⁵ Мисс Компорт – гувернантка Андриюши Калитинского.

⁶ Работа над пьесой бенгальского поэта Рабиндраната Тагора «Король темного чертога» (перевод Ю.К.Балтрушайтиса) в МХТ шла с 1916 года; начинал ее Л.М.Леонидов, но с весны 1917 репетиции вели Н.С.Бутова и Германова (она же играла королеву Сударшану). Спектакль, показанный в помещении «Летучей мыши» (в доме Нирензее в Гнездиновском переулке), грифа МХТ на афише не имел.

⁷ Нежданова Антонина Васильевна (1873–1950) – певица (лирико-колоратурное сопрано), педагог; с 1902 по 1948 – в труппе Большого театра.

⁸ Гельцер Екатерина Васильевна (1876–1962) – балерина, с 1894 по 1896 и в 1898–1935 в труппе Большого театра.

⁹ Качалов (наст. фам. Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) – актер, в труппе МХТ с 1900 до конца жизни; руководитель «Качаловской группы» в 1919–1922.

¹⁰ Яблочкина Александра Александровна (1866–1964) – актриса, в Малом театре с 1888 до конца жизни.

¹¹ А.А.Стахович, последние месяцы жизни вынужденный делить жилье со своим другом и родичем – князем С.М.Волконским (1860–1937; в прошлом – директором Императорских театров, критиком и исследователем сценического слова), покончил самоубийством (повесился) 10 марта 1919 г. Станиславский закончил посвященное его памяти слово так: «Очутившись после дворца в своей собственной кухне, вдали от детей, лишенный всего имущества, потерявший здоровье, почувствовавший старость, усомнившись

в своих силах для дальнейшей работы, он боялся стать в тягость другим, впал в тяжелую меланхолию и мечтал о смерти как об единственном выходе. Он жил как артист и эстет, а умер как военный, который не хочет сдаться».

¹² Полина – тетка М.Н.Германовой, сестра ее матери, урожденная Ключина.

¹³ Дядя Коля – Николай Красовский, младший брат М.Н.Германовой (сын ее матери от второго брака).

¹⁴ Сарс, Сурс – так в кругу Художественного театра было принято называть Шахида Сураварди. В.В.Шверубович, чьи рассказы обычно точны, сообщает о нем: «Это был индус из аристократической семьи, его отец был видным общественным деятелем и редактором крупной индийской газеты. В детстве, еще до школы, он видел большую карту мира, на которой его заинтересовала огромная зеленая страна совсем рядом с Индией. Он спросил, что это такое, и, узнав, что это Россия, решил непременно побывать в ней. Окончив школу в Индии, он поехал в Англию, где поступил в Кембридж и окончил его <Германова далее упоминает, впрочем, не Кембридж, а Оксфорд. – И.С.>. Своей дипломной работой он избрал русскую литературу и в 1916 году приехал в Москву. Тут его застала революция. <...> В 1918 году Сураварди предложили работать в каком-то из отделов Наркомпроса. Он охотно согласился и работал до весны 1920 года как самый рядовой советский служащий – получал паяк, мерз, голодал» (*Шверубович В. О старом Художественном театре. М., 1990. С.275–276*).

С Германовой Сураварди сблизился в пору ее работы над «Королем темного чертога». После ее отъезда из Москвы он приехал в «качаловскую группу», разыскав ее в Грузии и разделив ее дальнейшие скитания.

¹⁵ Ушковы – семья русских промышленников и предпринимателей, известная меценатством; Константин Капитонович Ушков был первым, кто внес пай в «Товарищество на доверии», став соучредителем Художественно-Общедоступного театра.

¹⁶ Ермолова Мария Николаевна (1853–1928) – актриса, на сцене Малого театра с 1870.

¹⁷ Малиновская Елена Константиновна (1875–1942) – общественный и театральный деятель; после Февральской революции организовала и возглавила Художественно-просветительный отдел Моссовета, после Октября – комиссар, а затем управляющий московскими театрами.

¹⁸ Германова ошибается в дате: первые гастроли МХТ в Киеве шли с 17 по 31 мая 1912 («Три сестры»), «Вишневый сад», «На дне», «Месяц в деревне», «Братья Карамазовы», «У царских врат»).

¹⁹ Речь идет о первом акте пьесы Л.Андреева «Екатерина Ивановна». Премьера ее состоялась в МХТ 17 декабря 1912 г. Действие пьесы начинается с драматического объяснения за сценой и звука выстрела (Георгий Дмитриевич Стибелев, которого играл В.И.Качалов, стреляет в жену – ее играла Германова).

²⁰ Книппер (Книппер-Чехова) Ольга Леонардовна (1868–1959) – актриса, в МХТ с его создания до конца жизни.

²¹ Александров Николай Григорьевич (1870–1930) – актер, помощник режиссера; в МХТ с основания театра до конца жизни.

²² Массалитинов Николай Осипович (1880–1961) – актер, режиссер, педагог, деятель русского и болгарского театра, в МХТ с 1907 г., с 1922 года – в Пражской группе.

²³ Крыжановская Мария Алексеевна (1891–1979) – актриса, в МХТ с 1915 г.; участница Качаловской группы; после участия в зарубежных гастролях МХТ (1922–1924) примкнула к Пражской группе; неоднократно участвовала в зарубежных театральных предприятиях М.А.Чехова.

²⁴ Павлов Поликарп Арсеньевич (1885–1974) – актер, в МХТ с 1908; после Пражской группы был организатором и руководителем (совместно с В.М.Греч) нескольких русских театров за рубежом.

²⁵ Обстоятельства, при которых «качаловская группа» приняла решение об отъезде за рубеж, изложена в документах в цитированных выше воспоминаниях В.В.Шверубовича. 31 мая 1920 года актеры «группы», находившиеся в Грузии, получили письма от М.П.Лилиной, И.М.Москвина, Л.М.Леонидова, В.В.Лужского и других московских друзей, подталкивавшие, вроде бы, к возвращению. Но примерно тогда же возникший в Тифлисе Н.Ф.Балиев, поддержанный многими новыми беженцами из России, доказывал, что возвращаться ни в коем случае не следует. В августе члены «группы», собравшиеся на курорте Боржом, обсудив письмо Н.А.Румянцева, управлявшего тогда делами МХТ, и выписку из протокола общего собрания МХТ в Москве, направили в Москву ответное письмо (см.: *Шверубович В.* Указ. соч. С.277–279). В этом письме решающей была фраза: труппа «немедленно приступает к приготвлению для скорейшего отъезда за границу».

²⁶ Имеется в виду король Югославии Александр I Карагеоргиевич (1888–1934), в 1934 году убитый в Марселе вместе с французским министром иностранных дел Л.Барту хорватскими террористами.

²⁷ Борис III (1894–1943) – царь Болгарии в 1918–1943.

²⁸ Имеются в виду волхвы, пришедшие на Рождество Христово поклониться Младенцу и принести ему дары.

²⁹ Вольная цитата из стихотворения «Бессонница» («Нам мнится – мир осиротелый / Неотразимый рок настиг, / И мы в борьбе с природой целой / Покинуты на нас самих»).

³⁰ Строка из стихотворения Блока «Девушка пела в церковном хоре...».

³¹ Этим первым спектаклем в Вене были «Три сестры» (8 апреля 1921, в помещении Штадттеатра); Германова играла Ольгу.

³² Леонидов (наст. фам. Берман) Леонид Давыдович (1885–1983) – театральный деятель, импресарио.

³³ «Луковка» – сцена Грушеньки с Алешей и Ракитиным из «Братьев Карамазовых».

³⁴ В Вене МХТ побывал впервые во время зарубежных гастролей 29 марта – 8 апреля 1906.

³⁵ Блейбтрей (Bleibtreu) Хедвиг (1868–1958) – австрийская актриса, с 1893 в венском «Бургтеатре».

³⁶ Керр (наст. фам. Кемпнер) Альфред (1867–1948) – немецкий театральный критик.

³⁷ Вл. Ив. – Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) – режиссер, драматург, театральный педагог; один из создателей МХТ.

³⁸ Имеется в виду заглавная роль в трагедии Гете «Ифигения в Тавриде» – опыт поисков классической гармонии.

³⁹ Императрица Мария Федоровна, вдова Александра III и мать Николая II, одна из немногих членов царской фамилии избежала смерти и дожила свои дни на родине (она была до замужества датской принцессой Дагмарой).

О том, как Мария Федоровна посещала спектакли МХТ в Петербурге, Германова рассказывает в главе X. Спектакли давали в Михайловском театре. «Театр был старый, пышный, в уборных старинная мебель, старые зеркала, все носило печать давней старинной официальности. Зрительный зал, после разночинной Москвы, казался необыкновенно торжественным. Всюду блистали парадные мундиры военных, в антрактах они все стояли, потому что всегда в театре был кто-нибудь из великих князей. Много было знати, знавшей и баловавшей нас.

Туалеты дам были очень нарядны и парадны. В большой царской ложе всегда сидели придворные дамы.

Часто приезжала старая императрица. Она сидела всегда в литерной ложе бенуара, слева от нас.

Мы всегда заранее знали, когда она должна была приехать. К тому времени, как мы, актеры, собирались к спектаклю, приезжала в этом случае и придворная фура с посудой, прислугой и ужином императрицы.

Как раз на спектакле «Карамазовых» нас позвали в фойе ее ложи, чтобы быть ей представленными: меня, Качалова, Леонидова. Нас научили, как и когда делать реверансы и как отвечать. Старая царица была очаровательна: величественная, несмотря на маленький рост, с чудными глазами, с мягким, ласковым, очень добрым взглядом. Говорят, у государя был ее этот взгляд. Присутствовали там и королева греческая, и великие княгини Ксения и Ольга, и какой-то великий князь, кажется, Николай Михайлович. Было очень торжественно и празднично. По выходе оттуда нас все поздравляли с царской милостью.

Два года подряд были мы так приняты императрицей, и это она устроила нам царские подарки. Брошечка с двуглавым орлом тут у меня.

Когда мы были второй раз, она спросила меня про мое сердце. Это ужасно меня тронуло. Мне говорили, что я ей нравилась как актриса, что она всегда спрашивалась, участвовала ли я, и раз, когда ей сказали, что меня нет, она заметила даже: «Жаль, elle est charmante».

Это воспоминание о навсегда ушедшей и неповторимой ни в нашей, ни в следующей за нашей жизни я тоже храню, как драгоценности, в ларце моей памяти.

Придворные, а за ними и весь Петербург, подражали как всегда царям и разделяли это царское увлечение нашим Театром и нами. Кн. Оболенский привозил мне от старой царицы дворцовых конфет. Их делали совершенно так же, как и во времена Екатерины».

⁴⁰ По-видимому, «комиссаром» Германова называет актера Н.А.Подгорного, по поручению руководства МХТ проведшего сложные переговоры о возвращении членов «группы» в Москву.

16 мая 1922, после окончания гастролей в Стокгольме, те, кто принял решение вернуться, выехали на родину.

⁴¹ Тарасова Алла Константиновна (1898–1973) – актриса; в МХТ с 1916 до конца жизни; участница Качаловской группы в 1919–1922 гг.

⁴² Так случилось, хотя Немирович-Данченко считал участие Германовой в долгосрочных европейских и американских гастролях МХТ не только необходимым, но и решенным. 7 августа 1922 года он писал Станиславскому из Германии о своей встрече с нею: «Ей непременно надо играть и в Берлине, и в Париже, и в Лондоне. В Берлине ее успех был исключительный. И, конечно, Ирину в «Федоре» она должна играть первая. После Са-

вицкой ее примут лучше других. Да и в Париже. Она мне показала несколько статей, – между прочим, и в “Фигаро” – восторженных о ней. Это надо учесть» (Музей МХАТ. Архив НД. №1737). То, что от участия Германовой в гастролях отказались, осталось в глазах НД ошибкой и нехорошим поступком. См. его письмо к Станиславскому (Там же. №1738): «Нехорошо поступила так называемая “американская дирекция”... Да и как можно было отказываться от такой красивой актрисы в странах, где не знают языка, а стало быть, где внешность играет большую роль. И потом, – Ольга, которую она так прекрасно играет! Заменить ее слабейшей, да еще не сыгравшей со всеми! Я считаю это огромной художественной ошибкой, огромной! <...> Это дело конченное, но мне жаль».

В мемуарах Германова излагает давние уже события с максимальным спокойствием. В письмах, написанных лишь несколько недель спустя, обида кипит, боль выговаривается бурно, сцена встречи с товарищами оживает в оскорбленной памяти в фантастических образах («по Гофману»): «<...> словно я бегала по темному, холодному лабиринту, стучалась в двери, а они открывались до ужаса легко и за ними было пусто и потушено. Это маленькое фойе, где они собрались, казалось мне пустыней, когда я бегала от одного к другому, по всем углам и диванчикам и молила, и ждала одного человеческого слова» (письмо к Немировичу-Данченко от 14 октября 1922. – Музей МХАТ. Архив НД. №3683/3).

⁴³ Роль Эллиды в пьесе Г.Ибсена «Женщина с моря» еще в 1908 году намечал для своей ученицы Немирович-Данченко; однако подтолкнуть МХТ к постановке не удавалось (тем более, что Станиславский еще ранее прикидывал, что эту роль могла бы играть его любимица О.В.Гзовская).

⁴⁴ Своими соображениями о роли в «Грозе» Островского Германова перед поездкой в Ригу делилась с Немировичем-Данченко (письмо от 24 февраля 1922): «Я уже вторую зиму готовлю роль и лелеку, да все-таки жалко играть с нескольких репетиций и немного спектаклей, на которых не успеешь доделать. Боюсь скомкать. Когда у нас репетировали, нашим, кажется, нравилось, и они считали, что “роль готова”. Но я так много вижу в ней, что хотелось бы в покое довести до конца. Ах, если бы мне три четверти часа с Вами поговорить о ней у Вас в кабинете! Показать главное: я бы показывала, а Вы бы только проверяли, я бы не очень Вас и утомила. Есть ли чистота и страсть? Когда я думаю, мне представляется, что белые крылья, но не покойные, не нежные, а палящие какие-то. Может быть, я слишком влюблена в роль. Это может мешать. Я учу слова просто, и так захватывает Островский, что вдруг заплачешь. Какая удивительная, какая русская, русская милая, гениальная пьеса» (Музей МХАТ. Архив НД. №3683/1).

⁴⁵ Немирович-Данченко встретился с Германовой в Берлине, где находился в конце июля – начале августа 1922. О том, что он и позднее хотел привлечь ее к своим замыслам, говорят его телеграммы: «17 марта 1923. Ответ 20 слов упрощен. Группа “стариков” остается Америке еще год точка. Приступаю осуществлению синтетического плана слияния драмы музыки точка. Отвечайте категорически согласны ли возвратиться ко мне Москву точка. Надо подготовить спектакль к осени. Пьесу и план летних работ установим немедленной перепиской точка. От Вашего ответа зависит мое обращение Массалитинову и другим. Квартирным вопросом уже занимаемся. Привет. Немирович-Данченко» (черновой автограф. Музей МХАТ. Архив НД. №651). По тому же адресу Германовой в Берлин 23 апреля 1923 бы-

ла отправлена телеграмма: «Ваше письмо отказ получил. Немирович-Данченко» (черновой автограф. Музей МХАТ. Архив НД. №652).

⁴⁶ Краснопольская Екатерина Филипповна – актриса, в труппе МХТ с 1916, участница Качаловской группы; жена Н.О.Массалитинова.

⁴⁷ Е.Н.Рощина-Инсарова (1883–1970) была соученицей Германовой в Первой московской гимназии; об их дружбе рассказывается в начальных главах.

⁴⁸ В Рагузе (Дубровнике) некоторое время жила знаменитая самозванка, претендентка на русский престол княжна Тараканова.

⁴⁹ Германова рассказывает о событиях времен Венгерской Советской Республики, просуществовавшей после распада Австро-Венгерской империи с 21 марта по 1 августа 1919 г.

⁵⁰ Строка – из «Орлеанской девы» Ф.Шиллера; монолог Иоанны связан с мотивом героического отречения от мира, героического призвания; Германова в начальных главах рассказывает, какое впечатление на нее производила Ермолова в этой роли.

⁵¹ Станиславский (наст. фам. Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938) – актер, режиссер, теоретик театра, один из создателей МХТ.

⁵² Гастроли Пражской группы в Лондоне состоялись с 7 апреля по 12 мая 1928 г. По сведениям, собранным Сергеем Островским (см. его публикацию в сб.: *Wandering stars. Russian emigre theatre. 1905–1940.* University of Iowa Press. P.216–218), Германова играла в Англии Василису в «На дне», Грушеньку в «Братьях Карамазовых», Елену Андреевну в «Дяде Ване», Анисью во «Власти тьмы», Раневскую в «Вишневом саде»; кроме этих спектаклей, Пражская группа привезла «Бедность не порок» Островского, «Женитьбу» Гоголя и «Живой труп» Толстого.

⁵³ Питоев Жорж (Георгий Иванович; 1884–1939) – режиссер, актер, театральный деятель; один из четырех создателей театрального союза «Картель» (1926).

⁵⁴ Бати Гастон (1885–1952) – французский режиссер, актер, театральный художник, театровед; один из создателей театрального объединения «Картель», руководитель театра «Монпарнас-Бати» в 1930–1947 гг.

⁵⁵ Стерлинг – графство в Шотландии, занимающее гористый перешеек между заливами Клайда и Форты; известно живописным озером в горах Бен-Домондом.

⁵⁶ Люнье-По Орельен Мари (1869–1940) – французский актер, режиссер, театральный деятель.

⁵⁷ Депре Сюзанна (наст. имя и фам. Шарлотта Бувалле; 1874–1951) – французская актриса, играла в Театре «L'Oeuvre», театре Антуана и др.

⁵⁸ Вечер, о котором вспоминает Германова, состоялся 22 февраля 1915. Он был посвящен бельгийской поэзии (лекцию о ней читал Люнье-По), а сбор назначался французским и бельгийским актерам, пострадавшим от войны; с чтением стихов рядом с Депре, Качаловым, Книппер, Барановской, Берсеневым и Гзовской выступала и Германова. См.: Русские ведомости (М.). 1915. 23 февраля.

⁵⁹ О роли Элеоноры Дузе (1858–1924) в своем актерском становлении Германова рассказывает в ранних главах мемуаров. Чтобы глубже воспринимать искусство великой итальянки, молодая русская выучила итальянский язык; отправилась на родину Дузе, смотрела здесь ее спектакли; из их личной встречи (состоявшейся в Турине, в гостинице) выросли серьезные творческие контакты.

⁶⁰ Питоева Людмила (урожд. Сманова; 1895–1951) – актриса, в труппе Питоева с 1916, исполнительница чеховского репертуара. Людмила Питоева играла в «Трех сестрах» Ирину; Жорж Питоев – Тузенбаха.

⁶¹ Германову в датировке «кризиса» слегка подвела память: вероятно, надо бы назвать не октябрь, а сентябрь 1938 года. 29–30 сентября в Мюнхене были заключены соглашения с Германией и другими странами «оси», отсрочившие примерно на год начало Второй мировой войны.

⁶² Болеславский (наст. фам. Стржезницкий) Ричард Валентинович (1887–1937) – актер, режиссер, педагог; в МХТ в 1908–1918.

⁶³ Успенская Мария Алексеевна (1887–1949) – актриса, педагог; в МХТ в 1911–1924.

⁶⁴ Крэг Генри Эдвард Гордон (1872–1966) – английский режиссер, художник, теоретик театра.

⁶⁵ Премьера «Пер Гюнта» Г.Ибсена в МХТ состоялась 9 октября 1912.

Константин Азадовский
АЛЕКСАНДР БИСК
И ОДЕССКАЯ «ЛИТЕРАТУРКА»

Роль и место Одессы в истории русской культуры XX века – особенные. Перечень выдающихся прозаиков и поэтов, художников и артистов, составленный по принципу их генетической связи с Одессой, образует длинный ряд хорошо известных имен. Если же вспомнить о том, что литературная ситуация создается не только «знаменитостями», но представляет собой многообразный процесс, в котором исподволь, но подчас энергично участвуют и фигуры «второго ряда», то Одесса, с этой точки зрения, видится городом не менее ярким, чем Москва или Петербург.

Наиболее интересен для историка-культуролога Серебряный век Одессы – период, охватывающий приблизительно четверть века: со второй половины 1890-х по 1920-й год. Многонациональный город, «семья народов» (греки, евреи, итальянцы, немцы, французы и др.), Одесса переживает на рубеже веков бурный подъем и в торгово-промышленном, и в культурном отношениях. Жизненные и творческие судьбы многих русских писателей, живописцев и деятелей театра любопытнейшим образом пересекаются в это время с Одессой или в Одессе. Они сотрудничают в одесских периодических изданиях, приезжают для выступлений перед одесской публикой либо выбирают Одессу как своего рода прибежище от политических страстей и преследований в российских столицах (особенно после 1906–1907 гг.). Прославленный приморский город никому не кажется провинциальным. Главная ежедневная газета «Одесские новости», уступая, конечно, «Речи» или «Биржевым ведомостям», пытается все же «держать уровень»; Новороссийский университет славится своими профессорами; бурные дискуссии разгораются в «Литературно-художественном обществе» (о нем – далее), объединяющем вокруг себя значительную часть культурной одесской публики.

Не удивительно, что именно в Одессу тянется после октября 1917 года поток писателей-беженцев, покинувших Петербург и Москву. Вливаясь в местные литературные объединения, дружа и сотрудничая с одесскими мо-

лодыми писателями, выступая в южной периодической печати, они придают многим литературным начинаниям той смутной кровавой поры блеск и значительность. Одесса периода Гражданской войны предстает в исторической перспективе как удивительное средоточие творческих сил среди охватившего Россию хаоса и распада. Описанные Бунинным «окаянные дни» были до предела насыщены культурными событиями. Эпоха завершается в 1920 году, когда Одесса в очередной раз, и уже окончательно, переходит в руки большевиков. Одни эмигрируют, другие бегут в Москву, третьи (число их особенно велико) подвергаются репрессиям и физическому уничтожению. Разгромленная Одесса превращается в советский город, которому лишь в немногих чертах удается сохранить свои неповторимые особенности.

История литературной Одессы еще не написана. Когда такое издание (скорее всего – многотомное) будет, наконец, завершено, судьба и творчество Александра Биска, одного из деятельных участников и памятливых очевидцев той славной культурной эпохи, составят в нем отдельную содержательную главу.

Краткая биография Александра Акимовича Биска, выполненная нами в середине 1980-х гг., нуждается в уточнениях¹.

Биск родился в Киеве (а не в Одессе!) 17/29 января 1883 г. в состоятельной еврейской семье: его отец был ювелиром, хорошо известным на юге России². Вскоре семья переезжает в Одессу, где и проходят ранние годы Александра Биска; здесь он заканчивает Коммерческое училище имени императора Николая I (позднее в нем учился Исаак Бабель). В 1901 г. Биск возвращается в Киев: становится студентом киевского Политехнического института. В это время, согласно его собственным воспоминаниям, он пишет стихи и входит в «кружок бунтарской молодежи, куда уже проникли первые веяния русского модернизма»³. К этому же кружку принадлежали или тяготели известные впоследствии поэты и литераторы (Оскар Норвежский, Дмитрий Цензор и др.).

Слово «модернизм» – стержневое в этом контексте. Биск имеет в виду то течение в культуре начала века, которое именовалось также «декадентством» или «символизмом». Рассказывая далее в своем мемуарном очерке об увлечении Апухтиным и особенно Надсоном, о сменившей их

¹ См.: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т.1. М., 1992. С.270. Отдельные неточности перешли из этой статьи в последующие публикации и библиографические справки.

Краткую библиографию работ о Биске см. в кн.: Словарь поэтов русского Зарубежья / Под общей ред. Вадима Крейда. СПб., 1999. С.32. См. также: Яворская Е.Л. Одесский переводчик Р.М.Рильке // «Дом князя Гагарина...» Сборник статей и публикаций. Вып.1. Одесса, 1997. С.121-133; Азадовский К. Rilkeana // Studies in Honor of Wojciech Zalewski. Edited by Lazar Fleishman. Stanford, 1999. P.192-199.

² См. о нем примеч.79 к тексту статьи А.Биска.

³ Биск А. Одесская Литературка (Одесское Литературно-Артистическое общество) / Публ. и прим. Е.Л.Яворской // «Дом князя Гагарина...». Указ. изд. С.134.

моде на Шибишевского и Арцыбашева, о новом кумире – Бальмонте, Биск отображает не только вкусы начала века, но и, в равной степени, – собственный духовный путь.

Литературным дебютом Александра Биска следует считать сонет «Тот чудный час придет. Приветом серебристым...», помещенный 4 мая 1903 г. в киевской «Юго-западной неделе». Ее редактор-издатель Н.А.Муромцев охотно публиковал произведения начинающих и малоизвестных авторов, и в течение 1903–1904 гг. стихотворения Биска неоднократно появляются на страницах этого еженедельника. Последняя публикация – стихотворение «Мы ждали солнца... Там – в дали...»⁴.

К этому времени (конец 1904 года) молодой поэт уже простился с Киевом: для продолжения образования родители отправляют его в Германию. «Это было время студенческих беспорядков, – сообщает о Биске (очевидно, с его собственных слов) М.Е.Вейнбаум. – Институт был заброшен, и в 1905 году А.А. поступает на летний семестр Лейпцигского университета, где слушал Вундта»⁵.

Именно в Лейпциге происходит знаменательное событие, к которому годы спустя Александр Биск вновь и вновь возвращался памятью. «Почти одновременно с появлением “Urbi et Orbi”, – рассказывает он Брюсову 20 февраля 1911 г. (из Харькова), – мне попался в лейпцигском “Grassimuseum” № “Пана”, где впервые были напечатаны очаровательные “Lieder der Mädchen” Rilke⁶. С тех пор я не расставался уже с этим поэтом»⁷.

Когда именно состоялось это первое знакомство, сказать трудно. Брюсовский сборник «Urbi et Orbi» вышел в свет в самом начале 1904 г. Но возможно, что увлечение Биска творчеством Рильке началось чуть позднее – с 1905 года⁸. В том же 1905 году происходит и другое памятное событие: путешествие по Норвегии. Отразившись в оригинальных стихах Биска, норвежские впечатления послужили толчком и к его переводческой деятельности. Во всяком случае, первый выполненный Биском перевод, появившийся в печати, – проза Гамсуна⁹. В своем первом письме к Брюсову (24 января 1906 г. из Одессы) Биск сообщает: «Я печатался много в южных изданиях – стихи. Переводы печатал пока лишь с норвежского...»¹⁰. Одновременно, т. е. в 1905–1906 гг., Биск трудится над переводом полюбившегося ему цикла «Песни девушек». Помещенный в конце 1906 г. в «Одесских новостях»¹¹,

⁴ Юго-западная неделя. 1904. №7. 21 октября. С.119 (сквозная нумерация).

⁵ В<ейнбаум> М. 90-летие поэта А.А.Биска // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1973. №22895. 18 февраля. С.4. Марк Ефимович Вейнбаум (1890–1973) – многолетний редактор «Нового русского слова». Вильгельм Вундт (1832–1920) – немецкий психолог, физиолог, философ.

⁶ «Песни девушек» Рильке (нем.) – стихотворный цикл, опубликованный в берлинском литературно-художественном журнале «Пап» (1898. Heft IV. S.209-212).

⁷ РГБ. Ф.386. Карт.77. Ед.хр.28. Л.18.

⁸ «Я занимался Рильке с 1905 года <...>», – писал Биск переводчику Е.В.Витковскому (личный архив Е.В.Витковского, Москва).

⁹ См.: Гамсун К. Победа женщины // Южные записки. 1905. №45. 6 ноября. С. 22-27. В том же номере – «Норвежские сонеты» Биска (С.12).

¹⁰ РГБ. Ф.386. Карт.77. Ед.хр.28. Л.1.

¹¹ Одесские новости. 1906. №7115. 25 декабря. С.4.

этот перевод Биска следует считать самой первой публикацией стихов Рильке в России (до этого на русском языке печатались лишь переводы его прозаических сочинений).

В одном из более поздних писем к Брюсову (13/26 марта 1907 г.) Биск признавался еще в одном своем литературном увлечении: «После поездки в Норвегию, после закаленных застывших фьордов, я почувствовал близость еще и к стальным сонетам J. M. de Heredia...» В том же письме Биск предлагает Брюсову свои переводы из Эредиа, а также – для журнала «Весы» – «Песни девушек». «Я думаю, что не помешает то, что переводы мои были напечатаны в провинциальной газете?» – спрашивает он¹² (Брюсов, по-видимому, не счел «Одесские новости» провинциальной газетой, и переводы Биска в «Весах» не появились).

Погружение в творчество столь элитарных поэтов, как французские парнасцы или Рильке, в известной степени отвлекало Биска от нараставших в России событий. Непосредственного участия в них Биск не принимал, предпочитая держаться «вне политики». И все же происходившее тогда в России оставило след в его биографии. Немалое влияние на Биска оказывала его старшая сестра Екатерина, принадлежавшая к партии эсеров. Одно из стихотворений Биска, сочиненное в то бурное время, началось, например, с такой строчки: «В борьбе обрешь ты право свое...»¹³ (известный девиз социалистов-революционеров); несколько других «обличительных» стихотворений печатаются в парижском журнале «Красное знамя» (1906. №3) – его редактировал А.В.Амфитеатов. Все эти обстоятельства побудили родителей Биска в 1906 г. воспрепятствовать его возвращению в Россию: поэт оказывается в вынужденной эмиграции.

Годы, проведенные в Париже, Биск описал позднее в своих воспоминаниях¹⁴. Он рассказал о своем знакомстве с Бальмонтом («...первый, кого я посетил в Париже...»), Волошиным («старший парижанин нашей эпохи»), о вечерах в мастерской художницы Е.С.Кругликовой, о «воскресеньях» у Мережковских, где молодому одесситу довелось однажды столкнуться с Андреем Белым, с Амфитеатовым и Минским, наконец, с Гумилевым, напечатавшим в своем журнале «Сириус» (1907. №2) два стихотворения Биска (их ссора, по утверждению последнего, произошла якобы из-за того, что Гумилев не прислал ему номера журнала, где были напечатаны эти стихотворения). Биск встречался в те годы в Париже и со многими другими людьми. «Пользуясь случаем, – пишет он, например, Брюсову 20 февраля 1911 г., – прошу Вас передать мой привет брату Вашему Александру Яковлевичу, с которым я познакомился в Париже у Елизаветы Сергеевны Кругликовой»¹⁵.

1904–1911 гг. – период вступления Биска в русскую литературу. Нельзя не отметить настойчивого желания со стороны молодого поэта проникнуть

¹² РГБ. Ф.386. Карт.77. Ед.хр.28. Л.4.

¹³ См. в кн.: *Биск А. Чужое и свое. Избранные стихи 1903–1961.* Paris, 1962. С.113.

¹⁴ *Биск А. Русский Париж 1906–1908 г. // Современник (Торонто). 1963. №7. С.59–68.* Перепечатано в кн.: *Воспоминания о Серебряном веке / Составитель, автор предисловия и комментариев Вадим Крейд. М., 1993. С.379–388.*

¹⁵ РГБ. Ф.386. Карт.77. Ед.хр.28. Л.19. Упоминается Александр Яковлевич Брюсов (1885–1956) – брат В.Я.Брюсова, археолог; автор книги стихов «По бездорожью» (М., 1907), изданной под псевдонимом Alexander.

именно в созвучные ему модернистские издания. «В столичной печати я еще не выступал, – объясняет Биск 24 января 1906 г. в письме к Брюсову, – главным образом за неимением подходящего органа»¹⁶. К «подходящим», с точки зрения Биска, относились, в первую очередь, московские символистские журналы: «Весы», «Золотое руно», «Перевал». В «Руне» (1906. №11-12) Биску удалось напечатать три «Парижских сонета»; в «Перевале» (1907. №6) – два других стихотворения. Однако в «Весках» – наиболее авторитетном в то время органе русских символистов – участие Биска так и не состоялось. Рассчитывая на поддержку Брюсова, неизменного редактора и распорядителя «Весов», Биск настойчиво посылал ему свои стихи и переводы (см., например, его письмо из Бельгии от 9/22 июня 1908 г.), но – тщетно.

Тем не менее, отношения с вождем московских символистов (их эпистолярная связь обернулась в марте 1912 г. личным знакомством) сыграли важную роль в биографии начинающего поэта-переводчика. В конце концов, Биску удастся заинтересовать Брюсова творчеством Рильке и других немецких поэтов (Стефана Георге, Рихарда Демеля). Из писем Биска явствует, что в начале 1911 г. он прислал Брюсову для ознакомления несколько книг Рильке (среди них – «Das Stundenbuch» и «Buch der Bilder»), что, безусловно, способствовало появлению пяти стихотворений германского поэта, переведенных Биском, в журнале «Русская мысль» (1911. №6), где с осени 1910 г. Брюсов заведовал литературно-критическим отделом¹⁷. Следует подчеркнуть: если публикация стихов Рильке в «Одесских новостях» 1906 г. была формально первой в России, то публикация 1911 г. в «Русской мысли», одном из ведущих «толстых» журналов того времени, познакомила с Рильке-поэтом уже довольно широкий круг читателей¹⁸.

Знакомство с Брюсовым и Бальмонтом означало для Александра Биска не только возможность проникнуть в столичную печать – это было общение с поэтами, которым он поклонялся и на которых оглядывался в собственном творчестве. Его поэтика, вполне сложившаяся к 1903–1904 гг., выдает в нем прежде всего приверженца русских и западноевропейских символистов. Чеканный упругий стих, внимание к музыкальной его стороне, тяготение к парнасской строгости и завершенности – таковы основные признаки стихотворной манеры Биска, явленной как в его собственных стихах, так и в переводах. Следует подчеркнуть: Биск-поэт не был первооткрывателем; его стихи, даже наиболее удачные, холодноваты и во многом «вторичны», не-

¹⁶ РГБ. Ф.386. Карт.77. Ед.хр.28. Л.1.

¹⁷ «Мне очень-очень жаль, – писал Биск Брюсову, получив известие о том, что его переводы из Рильке приняты “Русской мыслью”, – что переводы, на которые я возлагал особенно надежды, напр<имер>, “Все говорят мне...”, “Здесь перульки вкрадливо идут...”, в особенности же “Господь, сосед мой...” – оказались неподходящими. Постараюсь прислать через некоторое время новую серию... Мне, во всяком случае, чрезвычайно приятно, что несколько переводов будут напечатаны в “Рус<ской> Мысли” – особенно же то, что они, хоть отчасти, признаны Вами» (Там же. Л.22-23).

¹⁸ К публикации в «Русской мысли» следует прибавить перевод стихотворения Рильке «Я живу между явью и днем...», помещенный в петербургском «Новом журнале для всех» (1909. №4), а также – ряд публикаций в провинциальных газетах.

редко написаны «на мотив», уже известный в русской поэзии¹⁹. Литературные пристрастия и вкусы Биска, сформировавшись на рубеже веков, не слишком менялись в последующие десятилетия. Русские акмеисты, например, никогда не воодушевляли его до такой степени, как в свое время Бальмонт и Брюсов; Гумилева и его сподвижников он воспринимал лишь как эпигонов французских парнасцев. «...Гумилева я не терплю, – признавался Биск 14 февраля 1973 г. в письме к поэту Валерию Перелешину. – Очень он рекламировал себя, что мне чуждо. И он выдумал акмеизм. Это просто русский Парнас»²⁰.

Однако было бы несправедливо видеть и в самом Биске лишь «эпигона» и «подражателя». Биск являл собой характерный для русской культуры тип поэта-переводчика, в котором *переводчик* явно превосходит оригинального *поэта*, – достаточно вспомнить М.Л.Лозинского, С.Я.Маршака и др. Конечно, художественные достижения Биска – в отличие от названных мастеров поэтического перевода – являются куда более скромными, но нельзя забывать о главной его заслуге: открытии для русских читателей поэзии Райнера Марии Рильке.

Вернувшись в Россию на рубеже 1910 и 1911 гг., Биск некоторое время живет в Харькове. Ряд успешных журнальных публикаций («Новый журнал для всех», «Новая жизнь», «Новая Россия» и др., не говоря уже о «Русской мысли») подводят его к решению об издании своих произведений отдельным сборником. Первоначально Биск задумывается о «серьезной книге переводов» из Рильке²¹, но, видимо, не находит издателя и начинает готовить книжку собственных стихов. «Не позволите ли, – спрашивает он Брюсова 9 мая 1911 г., – прислать Вам на просмотр мою книжку (около 120 стихотворений за 8 лет) перед отправлением ее в печать? Я старался быть строгим и выкинул все, представляющее, хоть отчасти, балласт. Но, конечно, Ваш последний взгляд мог бы быть очень благотворным как высшая санкция»²².

Книга, увидевшая свет в начале 1912 г., называлась «Рассыпанное ожерелье», что было опять-таки заимствованием одного из рильковских образов (стихотворение «*Meine frühverliebten Lieder...*») из сборника «*Mir zur Feier*»). Строки этого стихотворения, им переведенные, Биск поставил эпиграфом к сборнику:

Я б хотел эти песни прилежно
В ожерелье снизать на заре, –
Подарить его девушке нежной,
Одинокой сестре.

Но – больной и усталый
Я рассыпал их все... И легко

¹⁹ См., например, стихотворение «На мотив из Бальмонта» («В синем море челн несется, и о волны тихо бьется, / От луны спокойно льется серебристый ровный свет...») // Юго-западная неделя. 1903. №38. 5 октября. С.12.

²⁰ Бахметевский архив в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

²¹ См. письмо Биска к Брюсову от 20 февраля 1911 г. (РГБ. Ф.386. Карт.77. Ед.хр.28. Л.18).

²² Там же. Л.27.

Прокатились они, как кораллы,
В теплый вечер, махровый и алый,
Далеко, далеко...

Появление «Рассыпанного ожерелья» сопровождалось рядом печатных отзывов, в основном одобрительно-сочувственных, но заметного следа в русской поэзии эта книга, конечно же, не оставила. Написанные весьма «добродно» и «гладко», стихи Биска в целом не задевают читателя. Очень точную оценку книги высказал поэт Леонид Андрусон (ему посвящено одно из стихотворений сборника):

«Даже самое это красивое название “Рассыпанное ожерелье” принадлежит не Биску, а взято из предпосланного книге в виде эпиграфа стихотворения немецкого поэта Rainer Maria Rilke – и хороший перевод этого стихотворения из Рильке, пожалуй, лучшее в книге <...> его собственные стихи не в силах трогать, волновать, согреть душу. Нет в них огня непосредственного, живого, творческого вдохновения. <...> все это хорошо, изящно, красиво, но как-то безразлично, как-то все равно»²³.

Тем не менее, «Рассыпанное ожерелье» – книга в известном смысле примечательная. Так, обильные посвящения (чуть ли не над каждым стихотворением) позволяют судить о круге знакомств и связей молодого поэта (Валерий Брюсов, Лидия Лесная, Дмитрий Цензор и др.). Другая отличительная черта: мотивы, интонации ритмы некоторых стихов Биска настолько напоминают рильковские, что подчас даже трудно понять – то ли это строки самого Биска, то ли его перевод из Рильке. Например, строфа из оригинального стихотворения Биска:

Девушки... Бледные девушки... Вы –
В сумерках светлых, в тоске неизбежной –
Смотрите долго в простор синевы,
Что-то болит у вас тихо и нежно

– воспринимается как перевод или вариация на тему «Песен девушек»²⁴.

Приведенный пример позволяет подойти к вопросу, что такое поэтический перевод в понимании Биска. В духе своего времени, Биск видел в искусстве художественного перевода не столько занятие, требующее определенного мастерства и профессиональных навыков, сколько лишь продолжение или одно из проявлений своего поэтического дара. Объектом перевода, с такой точки зрения, может быть лишь то, что конгениально самому переводчику или, другими словами, находит отзвук в его душе. Биск и сам не скрывал, что именно этот «романтический» (в русской традиции восходящий к Жуковскому) подход к переводу кажется ему наиболее верным. «По моему убеждению, – писал он Брюсову 13/26 марта 1907 г. из Парижа, – таланта переводчика вообще не существует. Мы находим случайно одного или двух поэтов, близких нам, которых мы можем передать»²⁵. К таким поэтам,

²³ Новая жизнь. 1912. №5. С.272.

²⁴ Стихотворение имеет помету: «Одесса, 1904». Любопытно, что именно это стихотворение Гумилев отобрал для публикации в «Сириусе».

²⁵ РГБ. Ф.386. Карт.77. Ед.хр.28. Л.5. Эти слова Биска вряд ли могли вызвать сочувствие Брюсова, сторонника строгого и точно выверенного, «академического» (но не буквального) поэтического перевода.

которых «нашел» для себя Биск, принадлежали (помимо Рильке) Стефан Георге, Гуго фон Гофмансталь, Рихард Демель, Альфред Момберт. Что же касается французской поэзии, то к любимцам Биска, наряду с Эредиа, следует отнести Малларме, Теофиля Готье, Анри де Ренье, Жана Мореаса, Вьеле-Гриффена, Верхарна... К их поэзии Биск не раз обращался на протяжении своей долгой жизни.

Но главной и центральной фигурой современной поэзии для Биска неизменно оставался Рильке. В 1910-е гг. он продолжает усердно переводить его стихи, уже не ограничиваясь ранней лирикой поэта, но черпая также из более поздних книг, например, из «Новых стихотворений»²⁶ (много лет спустя Биск скажет, что именно стихотворения этого сборника дают переводчику «простор для “ювелирной” работы»²⁷). Постепенно имя Биска получает известность на юге России²⁸; иногда он скрывается под псевдонимом Alibi. Перелистывая одесские газеты и журналы той поры, мы обнаруживаем также следы участия Биска в различных литературных обществах... Но с особенной охотой вовлекается он, вернувшись в Одессу на рубеже 1911 и 1912 гг., в деятельность знаменитой одесской «Литературки».

Литературно-художественное общество возникло в 1898 г.; его членами-учредителями были известные в Одессе общественные и культурные деятели (среди последних – писатель Влас Дорошевич, художник Петр Нилус и др.). Согласно уставу, Общество ставило перед собой культурно-просветительские задачи. Были созданы три секции: литературно-художественная, музыкальная и художественная. Первая секция (ее деятельность отличалась особой активностью) проводила по четвергам публичные лекции или «собеседования»; вторая – литературно-музыкальные и вокальные вечера; третья, как свидетельствуют ежегодные отчеты Общества, практически не работала.

Заседания, как правило, весьма многолюдные²⁹, начинались осенью (в октябре) и продолжались до лета; в год их проводилось не менее двадцати.

²⁶ См.: Одесские новости. 1915. №9655. 22 марта. С.3. В подборку стихотворений Рильке в переводе Биска, помещенных в этом номере, входит «Гробница молодой девушки».

²⁷ Эти слова содержатся в письме Биска к В.Ф.Маркову от 11 февр. 1958 г. (РГАЛИ. Ф.1348; материалы не обработаны). За помощь в получении копий приношу благодарность Джорджу Шерону. О литературоведе В.Ф.Маркове, ярком представителе второй волны русской эмиграции в США, см. подробнее в кн.: *Марков В.* О свободе в поэзии. Статьи, эссе, разное. СПб., 1994. С.5-25 (статья Ю.Линника).

²⁸ Отметим, например, регулярное участие Биска в «Керчь-Феодосийском курьере»: в течение февраля–апреля 1913 г. он опубликовал в этой газете не менее двух десятков оригинальных стихотворений.

²⁹ В виду наплыва посетителей Правлению пришлось создать искусственные препоны: попасть на вечера «Литературки» можно было только по рекомендации кого-либо из членов Общества, причем количество рекомендаций также ограничивалось. Несмотря на это, зал все равно был переполнен. «Интерес к литературным беседам в лучшей части общества продолжает расти, – отмечал корреспондент. – <...> Литературные четверги давно уже сде-

С докладами выступали как члены Общества, так и приглашенные со стороны. Тематика лекций была самая разнообразная: от вечеров, посвященных писателям XIX века (например, Писемскому или Гаршину), до беседований о Шибышевском и заседаний в связи со столетием смерти Канта (в последний четверг января 1904 г.). Впрочем, Общество не ограничивалось мероприятиями в стенах дома кн. Гагарина на Ланжероновской, где проходили заседания «Литературки» в 1900–1904 гг. Так, в 1903 г. Общество выпустило сборник «Наши вечера», отражающий работу литературной секции; тогда же правление Общества объявило конкурс на лучшее историко-литературное исследование под названием «Пушкин в Одессе». Некоторые мероприятия носили явно общественный характер. Когда в Петербурге умер Н.К. Михайловский, одесская «Литературка» предложила редакции «Русского богатства» возложить венок от ее имени на могилу покойного и перевела необходимую сумму³⁰.

Уже в самом начале XX века в одесской «Литературке» обозначились два противоборствующих течения – «традиционалисты» и «модернисты». Оба термина, при всей своей условности, передают суть конфликта, что исподволь, а порой и открыто определял тогда заседания «Литературки». Сторонники устоявшихся вкусов отстаивали дорогие их сердцу «святыни»; «молодые», как водится, шли в атаку на «консерваторов». «Вряд ли рознь между литературными силами приняла такие размеры и проявляется в столь острой форме, как в Одессе», – отмечал один из местных обозревателей³¹. Открыто проявлялись на заседаниях «Литературки», особенно в преддверии 1905 года, и общественные настроения того времени; нередко произносилось вслух то, что могло повлечь за собой карательные меры.

«В то подцензурное время, – вспоминал позднее В. Жаботинский, – «Литературка» была оазисом свободного слова; мы, все ее участники, сами не понимали, почему ее разрешило начальство и почему не закрыло. Прямой крамолы там не было, все мы были так выдрессированы, что слова вроде «самодержавия» и «конституции» сами собой как-то не втискивались еще в наш публичный словарь; но о чем бы ни шла речь, от мелкой земской единицы до Гауптманова «Затонувшего колокола» – во всем рокотала крамола. Чеховская тоска воспринималась как протест против строя и династии; выдуманные босяки Горького, вплоть до Мальвы – как набатный зов на баррикады; почему и как, я бы теперь объяснить не взялся, но так оно было»³².

Не менее живо и убедительно характеризуют эту ситуацию и публикуемые воспоминания Биска (он, естественно, принадлежал к «молодым»).

Тем не менее, накануне первой русской революции «Литературка» с ее либеральными настроениями была закрыта по распоряжению одесского градоначальника. С 1905 по 1911 гг. Литературно-артистическое общество

лались для публики чем-то родным, бесконечно дорогим... Здесь публика оживает духовно» (Сиг <С.И. Гольдман>. Около жизни // Одесские новости. 1903. №6104. 8 октября. С.3).

³⁰ См.: Одесские новости. 1904. №6211. 30 января. С.3 (вечернее приложение).

³¹ Лир. На общественные и литературные темы. Рознь печати. Замолчанный беллетрист // Южные записки. 1903. №10. 14 марта. С.413.

³² Жаботинский В. (Зеев). Пятеро. <Иерусалим>, 1990. С.23 (глава 3-я, озаглавленная «В «Литературке»»).

не собиралось, и никакого подобного ему объединения или клуба в Одессе тех лет не существовало.

Потребность в «Литературке» остро ощущалась одесским обществом после ее закрытия. В октябре 1909 г. создается немногочисленный Литературно-артистический клуб, который, однако, так и не сумел развить свою деятельность³³. В декабре 1911 г. было принято решение оживить Клуб, в частности – возродить литературные вечера и собеседования, коими славилась старая «Литературка». В ведение Клуба поступает имущество, принадлежавшее прежнему Обществу; что же касается помещения, то сложности, связанные с этой проблемой, не удается разрешить вплоть до 1917 года (см. примеч.49 к тексту воспоминаний).

Объявляя 11 января 1912 г. о возобновлении в «Литературке» литературных четвергов, адвокат И.А.Хмельницкий, заместитель председателя Правления, говорил:

«Протекшие семь лет были для нашей интеллигентной Одессы в полном смысле слова периодом духовного голода. Умственные интересы были в забвении, и над всей нашей жизнью царил во всей силе один только культ кафе-шантана. В эту-то пору идейной опустошенности не один из нас с грустью и благодарностью вспоминал старую милую «Литературку», которая дарила нам столько чудных минут забвения, доставляла столько чистых милых чувств»³⁴.

Самый первый – после семилетнего перерыва – четверг был посвящен Бальмонту (в то время в России широко отмечался 25-летний юбилей его литературной деятельности). Бальмонтский вечер, возродивший старую «Литературку», привлек массу публики. Не менее людным был и следующий четверг – памяти Надсона. Успех первых вечеров обеспечил приток в «Литературку» новых членов; среди них были также адвокаты, доктора, инженеры – их принимали, вспоминает Биск, «для пополнения кассы»³⁵. Число действительных членов Клуба к 1 января 1913 г. составляло 149 человек, «членов-посетителей» – 366³⁶.

Годы 1912–1914 Биск проводит в Одессе (с началом войны он был призван в армию). Биск становится заметной фигурой на одесской литературной сцене. Его имя часто появляется на страницах газеты «Южная мысль». Наряду с публикацией стихов и переводов, он выступает также как эссеист и литературный критик (что, впрочем, случалось и ранее³⁷).

Статьи его посвящены не только любимым поэтам³⁸. Своей «модернистской» окраской выделяется, например, газетный фельетон под броским

³³ См.: <Б. п.> В Литературно-артистическом клубе // Южная мысль. 1912. №126. 31 января. С.6.

³⁴ Южная мысль. 1912. №112. 14 января. С.5.

³⁵ «Дом князя Гагарина...». Указ. изд. С.146.

³⁶ Отчет правления Литературно-артистического клуба за 1912 год. Одесса, 1913. С.3.

³⁷ См., например, парижские корреспонденции Биска: Забытый юбилей (Макс Штирнер) // Одесские новости. 1906. №7052. 12 октября. С.3; Жизнь и творчество (По поводу анкеты К.Чуковского) // Там же. №7102. 10 декабря. С.2; и др.

³⁸ Приводим лишь некоторые из них (другие упоминаются в примечаниях к тексту Биска): Аполлон Коринфский (К 25-летию его литературной деятельно-

названием «Чего желает женщина?». «Да, – утверждал Биск, – женщина хочет всем своим существом рабства <...> Женщина всю жизнь ждет того, кто придет и возьмет ее душу, огромную и бесформенную. Душа женщины – одна потенция, одна огромная возможность, непочатая целина, *tabula rasa*, которая ждет оплодотворяющего разума мужчины»³⁹. Как видно, Биск и в 1910-е гг. продолжал придерживаться «современных» взглядов – настолько, что редакция газеты, помещая его статью, сочла необходимым оговорить свое несогласие с автором «в той особенно части ее, где он утверждает, что “женщина хочет рабства”»⁴⁰.

Глубинное противоречие между «старым» и «новым», определявшее жизнь «Литературки» и накануне первой русской революции, и в период «реставрации» (1912–1917), стремительно вырвалось наружу в 1918–1919 годах (Биск называет этот период «самым блестящим в жизни “Литературки”»). Именно тогда «молодым», боровшимся против «адвокатского красноречия», удается взорвать «Литературку» изнутри, создав в ее рамках свое собственное объединение – кружок «Среда». Инициатором этой идеи («устроить государство в государстве»), вполне отвечавшей духу революционного времени, был, по утверждению Биска, Нат Инбер (см. о нем прим. 56 к тексту воспоминаний). В одесской литературной жизни тех бурных лет, когда разного рода кружки, клубы и объединения возникали чуть ли не ежедневно, «Среда», преемственно связанная с «Литературкой», оказалась наиболее верным приютом для молодых поэтов, их мастерской и сценой одновременно. Биск вряд ли преувеличивает, заявляя, что именно из «Среды» вышли «на широкую литературную улицу» и Эдуард Багрицкий, и Юрий Олеша, и Валентин Катаев⁴¹.

сти) // Южная мысль. 1911. №86. 13 декабря. С.2; «Вена» (Петербургские впечатления) // Там же. №95. 23 декабря. С.2; Русская поэзия в 1911 году // Там же. 1912. №102. 1 января. С.6-7; Об одном стихотворении Пушкина («Анчар») // Там же. 1912. №125. 29 января. С.2-3; Ледяной дворец. (Поэзия Хозе-Мария де Эредиа) // Там же. 1912. №246. 24 июня. С.3.

³⁹ Биск А. Чего желает женщина? (По поводу анкеты Александра Тамарина) // Южная мысль. 1911. №77. 1 декабря. С.2. Под «анкетой» Биск имел в виду статью журналиста А.А.Тамарина «Чего иногда желает женщина?» (Южная мысль. 1911. №68. 20 ноября. С.3); статья завершалась вопросом к читателю «Чего хочет женщина?»

⁴⁰ Южная мысль. 1911. №77. 1 декабря. С.2.

⁴¹ Воспоминания Биска о «Среде» тем более ценны, что сведения об этом кружке отсутствуют, как правило, в позднейших рассказах его участников. «Много воспоминаний читал я об этом времени, – пишет Биск в статье, посвященной памяти Л.Гроссмана, – но ни у Олеша, ни у Катаева, ни у Багрицкого нигде ни малейшего намека на наш кружок, а только лишь о будущей (уже в большевицкое время) “Зеленой лампе”. Очевидно, вспоминать о “буржуазном” времени возбраняется» (Биск А. Молодые годы Леонида Гроссмана. (Материалы для биографии) // Новое русское слово. 1966. №19305. 16 января. С.8).

О кружке «Зеленая лампа», возникшем в 1918 г. на основании ранее существовавших «Четвергов» – литературного кружка студентов Новороссийского университета, см.: *Ершов П.* Одесская Зеленая лампа. (Из воспоминаний) // Новое русское слово. 1951. №14150. 21 января. С.3, 8. См. также: *Долинов Г.* Воспоминания об одесском литературно-художественном кружке «Зеленая лампа» (РНБ. Ф.260. Ед.хр.1). В «Зеленую лампу» входили В.Катаев (согласно некото-

Два последних года, проведенных Биском на юге России, образуют особый, до предела насыщенный период его жизни, отмеченный, по меньшей мере, двумя событиями. Первое из них – брак с одесситкой Бертой Александровной Турянской (1889–1977)⁴²; в марте 1919 г. у них родился сын Анатолий⁴³. Второе событие в жизни Биска – появление в одесском издательстве «Омфалос» книги его стихотворных переводов из Рильке⁴⁴.

Книга, которую Биск мечтал издать еще в 1911 г.⁴⁵, увидела свет в самый разгар одесской «смуты» (город переходил из рук в руки) и тем не менее была замечена местной критикой. «Собрание переводов Ал. Биска – плод долголетнего любовного следования за творчеством Рильке, – писал Ал. Дробинский. – <...> г. Биск – вдумчивый и трудолюбивый переводчик. Он не останавливается на раз исполненном труде, но возвращается к нему, перерабатывает, оттеняет (ср. редакцию его переводов в разных журналах с редакцией в сборнике). <...> Некоторые переводы – если не быть критиком-педантом – следует признать настоящими шедеврами»⁴⁶.

Рецензент не слишком преувеличивал: для своего времени переводы Биска, действительно, весьма профессиональны (многие из них и поныне включаются в сборники Рильке на русском языке). Однако значение книги 1919 г. – не столько в качестве переводов, сколько в самом «событии»: это была первая в России *книга стихов* Рильке (до этого, в 1911 г., вышел роман «Заметки Мальте-Лауридс Бригге»). Следующая книга Рильке (в переводах Тамары Сильман) появится лишь в 1965 г. – почти полвека спустя и уже в другую эпоху!

Выпуская в свет «Собрание стихов» Рильке в переводе Биска, издательство «Омфалос» на с.93 уведомляло читателей, что к печати готовится новая книга переводов: «Стефан Георге. Год души. Лирика в переводе Александра Биска». Аристократический Георге, мастер, достигший в своем творчестве

рым мемуарным свидетельствам – главный инициатор кружка), Э.Багрицкий, Борис Бобович, В.Дитрихштейн, Г.Долинов, П.Ершов, С.Кесельман, Ю.Олеша, З.Шишова и др.

Ершов Петр Е. (1893–1965) – поэт, прозаик литературный критик, мемуарист. Умер в Нью-Йорке. См. его мемуарный очерк «Одесская литературная колыбель» (Опыты. 1957. №8. С.93-99).

Долинов Георгий Ильич (1894–1950) – поэт, журналист.

⁴² О Б.А.Турянской известно, что она брала в юности уроки игры на скрипке у Леопольда Ауэра. Впоследствии, уже в США, увлекшись скульптурой, Бетти Биск стала ученицей Александра Архипенко. Умерла в Париже.

⁴³ Впоследствии – известный французский писатель Ален Боске. Умер в Париже в апреле 1998 г. Посвятил две книги своим родителям: *Bosquet A. Une mère russe*. Paris, 1978 (рус. перевод – 1998); *Bosquet A. Lettre a mon père qui aurait eu cent ans*. Paris, 1986.

⁴⁴ См. подробнее прим.80 к тексту воспоминаний.

⁴⁵ См. цитированное выше письмо Биска к Брюсову от 20 февраля 1911 г. Кроме того, на обложке сборника «Рассыпанное ожерелье» было напечатано предуведомление о двух готовящихся к печати книгах (в переводе Биска): 1. Райнер Мария Рильке. Песни девушек; 2. Переводы из Стефана Георге, Альфреда Момберга, Гуго фон Гофманстала, Ж.-М. де Эредиа, Э.Верхарна и др.

⁴⁶ Одесские новости. 1919. №11084. 9/22 декабря. С.2. Известна также рецензия в феодосийской газете «Крымская мысль» (1920. №30. 6 февраля. С.4; автор – Як<ов> К<озловский>).

особой звучности и пластичности стиха, принадлежал, наряду с Рильке, к тем немецким поэтам, чья лирика вдохновляла Биска в течение многих лет. 18 сентября 1911 г. он сообщил Брюсову из Харькова, что заканчивает перевод первой части книги Георга «Год души» («Jahr der Seele») и посылает ему одиннадцать стихотворений⁴⁷. Отдельные переводы Биск публиковал в русской периодической печати. 5 февраля 1919 г. он читал свои переводы на очередном собрании «Среды»⁴⁸.

Биск не только участвует в публичных чтениях – его имя в 1918–1919 гг. постоянно мелькает на страницах различных одесских изданий («Огоньки», «Южные огоньки», «Большая крокодила», «Фигаро» и др.). Можно сказать, что именно в эти годы Александр Биск находится в расцвете своих творческих возможностей; в блестящей плеяде молодых одесситов он кажется одним из самых многообещающих. Но в отличие от Багрицкого, В.Инбер, В.Катаева, Олеси и др., литературная известность не стала уделом Биска. История распорядилась по-своему. В январе 1920 г. «последним пароходом» Биск покидает Россию, рассчитывая, впрочем, вернуться через несколько недель⁴⁹. С ним рядом – его жена и девятимесячный сын. Тогда же эмигрировали из России и другие члены его семьи: отец, сестра Екатерина и брат Михаил. Вспоминая в позднейшее время о том, что осталось в Одессе, Биск сокрушался прежде всего о своей библиотеке, любовно собиравшейся в течение многих лет. В ней было, по его словам, немало библиофильских редкостей⁵⁰, в их числе – томики стихов (первоиздания) Рильке⁵¹.

Вторая – эмигрантская – жизнь Александра Биска началась в Болгарии; в этой стране он задержался на целых семь лет. Сведений о его пребывании в Варне сохранилось немного, хотя известно, что именно тогда Биск начал всерьез заниматься филателией. Страсть к почтовым маркам, свойственная

⁴⁷ РГБ. Ф.386. Карт.77. Ед.хр.28. Л.31. Из следующего письма Биска (от 13 октября 1912 г. из Одессы) явствует, что эти переводы оставались «в распоряжении “Русской мысли”» (Там же. Л.32), однако напечатаны не были.

⁴⁸ Одесские новости. 1919. №10909. 5 февраля. С.4. На этом же собрании выступал и М.А.Волошин.

⁴⁹ См.: В<ейнбаум> М. 90-летие поэта А.А.Биска // Новое русское слово. 1973. №22895. 18 февраля. С.4.

⁵⁰ «Примерно в 1912 г., – рассказывал Биск В.Ф.Маркову 28 декабря 1958 г., – Лившиц <имеется в виду поэт и переводчик Б.К.Лившиц. – К.А.> подарил мне в Киеве свою изумительную “Флейту Марсия”, изданную в количестве... 40 экземпляров. Конечно, пропала – осталась в России вместе с *бесценными первыми* книжками Рильке (до “Mir zur Feier”), первой книжкой Иннок. Анненского и другими Leckerbissen» (РГАЛИ. Ф.1348).

Сборник Б.Лившица «Флейта Марсия» был издан в Киеве в феврале 1911 г. тиражом 150 экземпляров; «Mir zur Feier» («Мне на торжество», 1899) – пятый сборник стихотворений Рильке; первая книжка И.Ф.Анненского – «Тихие песни» (1901), изданная под псевдонимом «Ник. Т-о»; Leckerbissen – лакомства (нем.).

⁵¹ О судьбе стихотворных сборников Рильке, в свое время принадлежавших Биску, см.: *Азадовский К. Rilkeana*. Указ. изд. С.199.

ему с детства, станет на Западе его профессией и обеспечит ему в дальнейшем безбедное существование⁵².

В 1927 г. Биск переселился в Бельгию, где, наладив свой быт, прожил вплоть до немецкого вторжения. Однако в 1940 г., чтобы спасти себя, ему приходится бежать от нацистов точно так же, как двадцатью годами ранее – от большевиков. Квартира, нажитое имущество, книги – все остается в оккупированном Брюсселе. Укрывшись в «свободной зоне» Франции (близ Монпелье), Биск готовится к новой эмиграции. Вместе с другими евреями (многие – выходцы из России) он ждет разрешения на въезд в США. Летом 1942 г. Биски сходят с парохода на американский берег. Америка оказалась надежным прибежищем для изгоя Биска; поселившись в Нью-Йорке на Риверсайд-драйв, он проводит здесь последние тридцать лет своей жизни.

Двадцать два года, прожитые в Западной Европе, оказались для Биска в творческом отношении почти бесплодными. Изредка, впрочем, он пишет стихи, часто – шуточные; о его переводах этого времени ничего неизвестно. По причинам, о которых можно только догадываться, Биск оказывается совершенно оторванным от культурной жизни русской эмиграции; ни в парижских, ни в берлинских русских изданиях того времени он не участвует и почти не печатается. Проникнутое ностальгическими чувствами стихотворение «Русь» («Вот Русь моя: в углу, кiotом...»), написанное в Болгарии и впервые появившееся в рижской газете «Слово» (1926. №178) – случай, скорее, исключительный.

Если же оценить, с этой точки зрения, три десятилетия, прожитые Биском в Америке, то возникает совершенно иная картина.

Несмотря на солидный возраст, Биск становится деятельным участником нью-йоркской литературной жизни. Как и в пору своей одесской юности, он вновь выступает публично на вечерах и собраниях, печатается в наиболее видных и влиятельных американских (на русском языке) периодических изданиях («Новый журнал», «Новое русское слово»), встречается или вступает в переписку с видными деятелями русской культуры в эмиграции... В течение ряда лет Биск – председатель нью-йоркского (основанного в 1939 г.) «Кружка русских поэтов в Америке»⁵³; до конца своих дней – председатель ревизионной комиссии Литературного фонда.

В Нью-Йорке Биск находит ряд своих старых друзей и знакомых, в том числе – одесских: А.Г.Аронсона, П.Е.Ершова, И.М.Троцкого, М.О.Цетлина и др. (следует упомянуть и о том, что Биск состоял членом созданного в 1943 г. нью-йоркского Одесского землячества). Оглядываясь назад, Биск все отчетливее сознает, что оказался участником и очевидцем культурной эпохи, ушедшей в прошлое. Рассказать о тех, кого он знал и видел, Биск считал

⁵² «В Варне (Болгария), – вспоминал Биск, – мой отец открыл комиссионный магазин, где я выставил и марки. Сейчас же нашлась клиентура. С течением времени я сделался членом разных клубов. <...> Я отношусь к маркам серьезно. Они помогли мне быть всегда самостоятельным и ни от кого не зависеть» (*Вейнбаум* > М. 90-летие поэта А.А.Биска // Новое русское слово. Указ. изд.). Ален Боске утверждал, что таких знатоков филателии, каким был его отец, «в мире раз-два и обчелся» (*Боске А. Русская мать*. Указ. соч. С.100).

⁵³ См.: *Троцкий И.* Новые русско-еврейские эмигранты в Соединенных Штатах // Книга о русском еврействе 1917–1967 / Под ред. Я.Г.Фрумкина, Г.Я.Аронсона и А.А.Гольденвейзера. Нью-Йорк, 1968. С.406.

своим обязательством перед потомством; поэтому в его послевоенных публикациях мемуаристика занимает немаловажное место. «...Самые незначительные факты из эпохи Серебряного века нельзя отбросить, а нужно как-то сохранить для будущих поколений», – заявлял Биск в своем очерке о Париже⁵⁴. «Мало кто остался в живых из той эпохи, – пока не поздно, надо поделиться тем немногим, что еще сохранилось в памяти», – повторяет он ту же мысль в письме к М.Е.Вейнбауму 24 августа 1971 г.⁵⁵ Так, благодаря Биску-мемуаристу мы располагаем сегодня ценными свидетельствами о культурной жизни старой Одессы.

Наряду с воспоминаниями, Биск регулярно публикует в эмигрантской русской печати статьи и рецензии, посвященные либо культуре прошлого, либо современной (эмигрантской) поэзии. Взятые вместе, они образуют существенную часть литературного наследия Биска, донныне почти целиком похороненную в пожелтевших от времени подшивках «Нового русского слова»⁵⁶.

В своих литературных симпатиях и вкусах Биск по-прежнему остается горячим поклонником Рильке, который безусловно заслонил для него всех других поэтов XX века. Новые переводы из Рильке Биск печатает в 1943 г. в «Новом журнале»⁵⁷; позднее – в сборнике «Четырнадцать», изданном «Кружком русских поэтов в Америке» (Нью-Йорк, 1949). Наконец, в конце 1957 г. в Париже выходит в свет однотомник Рильке, содержащий 150 стихотворных переводов Биска (из них 72 новых, ранее нигде не печатавшихся) – итог его многолетней работы⁵⁸. В просторном и подчас достаточно субъ-

⁵⁴ Биск А. Русский Париж 1906–1908 г. // Современник (Торонто). 1963. №7. С.59.

⁵⁵ Библиотека Бейнеке (редких книг и рукописей) Йельского университета (Нью-Хэвен, США).

⁵⁶ Укажем некоторые из них, опубликованные в «Новом русском слове» (перечень далеко не исчерпывающий; статьи, указанные в другом месте данной работы, не приводятся):

Язык провинции (Causerie) // 1947. №13023. 21 декабря. С.8; Грехи Пушкина // 1949. №13561. 12 июня. С.8; Загадка «Ревизора» // 1949. №13722. 20 ноября. С.3; О стихах Гизелы Лахман <Г.Лахман. Пленные слова. Нью-Йорк, 1952> // 1952. №14856. 28 декабря. С.8; Тайна вдохновения. Размышления над книгой стихов <София Прегель. Берега. Четвертая книга стихов. Париж, 1953> // 1953. №15079. 9 августа. С.8; Прикосновенье <Д.Кленовский. Прикосновенье. Мюнхен, 1959> // 1959. №16859. 17 мая. С.8; Страшная книга <Р.Блох и М.Горлин. Избранные стихотворения. Париж, 1959> // 1959. №17048. 22 ноября. С.8; Литература и космография // 1964. №18864. 1 ноября. С.8.

⁵⁷ Новый журнал. 1943. №4. С.175-176; 1946. №13. С.152.

⁵⁸ Биск А. Избранное из Райнера Марии Рильке. Издание второе, значительно дополненное. Paris, <1957>. Книга имеет посвящение (А Alain Bosquet) и короткое французское предисловие следующего содержания:

«По твоему настоянию, дорогой сын, я решился на переиздание стихов Райнера Марии Рильке в том русском переводе, что был напечатан в 1919 году, в самый разгар гражданской войны.

Судьба устроила так, что ты, французский поэт, и я, русский поэт, пишем на разных языках; не единственный ли это случай в мировой литературе, оказавшийся возможным в злосчастную первую половину двадцатого века?

активном предисловии Биск вновь формулирует основные принципы своей переводческой работы: «Переводчик не может воссоздать удовлетворительно то, что его не волнует <...> чтобы перевести стихотворение, надо в него прежде всего *влюбиться*, надо сжиться с ним, проникнуть в его музыкальную сущность (что особенно важно у Рильке) и лишь тогда попробовать сказать то же самое и в том же тоне на своем языке»⁵⁹.

К числу помещенных в книге новых переводов, выполненных уже в эмиграции, относится ряд стихов из сборника «Новые стихотворения» («Голубая гортензия», «Карусель», «Ночная поездка»), а также несколько «Сонетов к Орфею» (одноименный сборник Рильке был издан в 1922 г.). Что же касается знаменитых «Дуинезских элегий» (первое издание – 1922), то Биск даже не принимался за их перевод; новаторство Рильке, пытавшегося освоить в «Элегиях» еще неведомые области немецкой поэтической речи, не отвечало представлениям Биска о «подлинной» поэзии. «“Элегии” мне *не хотелось* переводить, – признавался он В.Ф.Маркову (письмо от 11 февраля 1958 г.). – Это, по-моему, уже по ту сторону поэзии»⁶⁰.

Свою книгу Биск разослал тем русским критикам и литературоведам (в эмиграции), которые считал достаточно сведущими и способными высказаться о его работе: Г.Адамовичу, В.Вейдле, М.Вейнбауму, К.Померанцеву, Г.Струве, Ю.Терапиано... (из них откликнулся лишь последний). Наиболее авторитетным, однако, Биск считал В.Ф.Маркова, знатока и переводчика Рильке. «Прекрасных критиков есть несколько, – заявляет Биск в том же письме, – но *критиков*, знающих Рильке *в оригинале*, вряд ли найдется, за исключением... В.Маркова»⁶¹. Биск не обманулся в своих предположениях. Рецензия Маркова, напечатанная в нью-йоркском альманахе «Опыт», оказалась по существу развернутой статьей и, пожалуй, самым вдумчивым отзывом, которого когда-либо удостоивался Биск-переводчик.

«При нормальном положении вещей, – писал В.Ф.Марков, – А.Биск уже давно был бы “наместником” Рильке в России. <...> перед нами переводчик, который не только дольше всех переводит Рильке и больше всех его переводил, но и лучше остальных (более или менее случайных) переводчиков чувствует и передает величайшего западноевропейского поэта двадцатого века. В будущем имя Биска на русской почве, вероятно, будет также неотделимо от Рильке, как имя Курочкина от Беранже или Михайлова от Гейне»⁶².

Рецензия Маркова на книгу Биска завершила ряд отзывов. Еще в феврале 1958 г. вслед за Терапиано с хвалебным словом выступил П.Ершов. «Переводчик, – так заканчивалась его статья, – поистине совершил сладостный подвиг <...> любители поэзии получают ценный подарок. Будем надеяться, что и на родине эта книга найдет в свое время благодарное признание»⁶³.

Пусть же стихи немецкого поэта, чьей духовной родиной была Россия, а второй любовью – Франция, станут символом братства между народами, увь, столь трудно осуществимого».

⁵⁹ Там же. С.10-11.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф.1348.

⁶¹ Там же.

⁶² Опыт. 1958. №9. С.100.

⁶³ Ершов П. Стихи, переводы, Рильке и А.Биск // Новое русское слово. 1958. №16304. 16 февраля. С.8. Рец. Терапиано вышла в «Русской мысли» (1958. №1168. 1 февраля. С.4-5).

Последние слова – не случайны. Биск с огромным вниманием следил за тем, что происходило «на родине» и втайне надеялся, что его труд переводчика будет рано или поздно отмечен в России. В какой-то мере его надежды сбылись: в начале марта 1958 г. Биска достиг восторженный отзыв на его книгу, присланный из Советского Союза. Ален Боске в Париже передал двадцать экземпляров книги одному из советских представителей («для библиотек»), тот отправил экземпляры в Москву, и один из них попал в руки Б.Л.Пастернака, давнего поклонника Рильке и переводчика его поэзии. Прочитав переводы Биска, Пастернак немедленно отправил ему (через парижского издателя, чей адрес был указан в книге) следующие строки:

«...Я прежде никогда не видел Ваших переводов. Если бы я знал их раньше, я бы расстался с убеждением, что Рильке еще не знают по-русски и не имеют о нем представления. Самое существенное и неуловимое Вами передано с редкой удачей. Поздравляю Вас со всем большим и недостижимым, что завоевывает такая победа»⁶⁴.

Биск гордился отзывом Пастернака и даже видел в нем – на фоне хрущевской «оттепели» – некий символический смысл. 17 марта 1958 г. он писал В.Ф.Маркову, что сам факт письма «имеет громадное общественное значение: ведь это *первый* мост, переброшенный *оттуда явно-эмигрантскому* писателю. Скажу Вам только, что это вызвало исключительную сенсацию, т<ак> к<ак> ничего подобного д<о> с<их> п<ор> не было...»⁶⁵.

Все, что было связано с именем Рильке, продолжало и в Америке волновать Биска. Он интересовался новыми изданиями Рильке, его письмами, книгами о нем (в начале 1970-х гг. в его руки попал советский однотомник, выпущенный издательством «Искусство» в 1971 г.). Суждения о германском поэте, его мировоззрении, поэтической манере отразились не только в его предисловии к книге 1957 г. – они обильно рассыпаны и в письмах Биска к разным лицам. Кроме того, живя в Нью-Йорке, Биск встречается с несколькими людьми, лично знавшими Рильке. «Oscar Maria Graf, немецкий поэт, живущий в N.Y., – рассказывает, например, Биск В.Ф.Маркову 19 апреля 1958 г., – показывал мне несколько предлогов у Рильке, которые он нашел не hochdeutsch (хотя сам Graf тоже баварец). Жаль, что я не записал»⁶⁶. А в следующем письме Биск подробно рассказывает о своей встрече с И.Блументаль-Вайс, «которая в свое время переписывалась с Рильке и которая, помимо этого, имела доступ к частным корреспонденциям, недоступным широкой публике»⁶⁷.

⁶⁴ Дата письма – 24 февраля 1958 г. Не раз публиковалось в эмигрантской печати; см., например: Русская мысль (Париж). №3007. 1974. 11 июля. С.3.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф.1348.

⁶⁶ Там же. Hochdeutsch – нормативный литературный немецкий язык. Оскар Мария Граф (1894–1967) – немецкий писатель. Встречался с Рильке в Мюнхене в 1919 г. Эмигрировал из Германии в 1933 г. С 1938 г. – в США. Умер в Нью-Йорке.

⁶⁷ Письмо от 24 апреля 1958 г. // РГАЛИ. Ф.1348.

Ильзе Блюменталь-Вайс (1899–1987) – поэтесса; автор статьи «Rainer Maria Rilke und das Judentum» («Райнер Мария Рильке и еврейство»), опубликованной в журнале «Deutsche Rundschau» (1958. Heft 3. S.268-279). Переписывалась с Рильке в 1921 г. Потеряла мужа и сына в Освенциме; с 1945 г. – в США. Умерла в Нью-Йорке.

Воодушевленный успехом своих переводов из Рильке, Биск начинает готовить к печати новую книгу. Она должна была, по его замыслу, объединить в себе лучшие стихи и переводы (подзаголовок – «Избранные стихи»), выполненные им в течение почти шестидесяти лет (1903–1961) – за исключением Рильке. Озаглавив новую книгу «Чужое и свое», Биск включил в нее переводы из семи немецких и девяти французских поэтов; открывалась же она переводами из Стефана Георге.

Появившись в самом конце 1961 г. в том же парижском издательстве, новая книга Биска привлекла к себе, однако, куда меньшее внимание, чем предыдущая. Не удивительно: соединение под одной обложкой «своего» и «чужого», отражая творческий облик самого Биска, понимавшего перевод как способ выявления собственного «я», оказался в целом малоудачным: оригинальные стихи Биска (в частности шуточные) плохо сочетались с утонченной лирикой Георге или «стальными» сонетами Эредиа (в отдельных случаях, правда, – великолепно переведенными). Биск упорно искал рецензента для «Своего и чужого», но тщетно: очевидная неоднородность, «разнокалиберность» поэтических текстов, явно настораживала читателей.

«Совестно Вас просить, – писал Биск В.Ф.Маркову 18 декабря 1961 г., – но т<ак> к<ак> это безусловно моя *последняя* книга, то б<ыть> м<ожет> на рождественских каникулах у Вас найдется время написать отзыв о ней для “Нового журнала”? *Никого* кроме Вас не вижу, чтобы оценить *переводы*, которые я считаю вернейшим элементом в моей книге. Если Вам нужны *оригиналы*, особенно Стефана Георге, я охотно пошлю Вам по Вашему требованию – хоть несколько только, для образца. –

Я понимаю всю “настойчивость” этой просьбы, но, повторяю, в эмиграции я никого не вижу... Грустно сознавать, что именно в Советской России отношение иное. Отзыв Пастернака Вам известен (о моем Рильке). Проф. Аникст, человек, говорят, очень строгий, горячо рекомендовал студентам мои переводы, также и А.А.Смирнов (переводчик “Дон Кихота”)⁶⁸.

Однако В.Ф.Марков воздержался рецензировать «Свое и чужое», что огорчило Биска.

В своем ответном (последнем из сохранившихся) письме к нему Биск комментирует: «Я обратился к Вам, т<ак> к<ак> не вижу никого, кто мог бы, кроме Вас, оценить *переводы*. – Это “творчество” все еще считается у нас “вторым сортом”. Вот почему мне хотелось обратиться к человеку, который *знает*, что это такое. Приходится вернуться к прежнему странному мнению, что в Сов<етской> России *имеются* ценители, а здесь их просто нет. –

⁶⁸ РГАЛИ. Ф.1348. Аникст Александр Абрамович (1910–1989) – литературовед, театровед. С 1955 г. – старший научный сотрудник Института истории искусств (Москва). Изучал творчество Шекспира, историю английского и американского театров; автор книг по теории драматического искусства.

Смирнов Александр Александрович (1883–1962) – литературовед, переводчик, критик; специалист по романской и кельтской филологии; шекспировед. Профессор кафедры истории зарубежных литератур Ленинградского университета. Редактировал (совместно с Б.А.Кржевским) перевод «Дон Кихота» (Т.1-2. М.; Л.: «Academia», 1929–1932). Переводчик – Григорий Леонидович Лозинский (1889–1942; брат М.Л.Лозинского) находился с 1922 г. в эмиграции, в связи с чем его имя на титульном листе не указано.

Вот и Гр<игорий> Як<овлевич> Аронсон прочел о моей книге замечательный доклад, но говорил он об оригинальных стихах, которые, как Вы знаете, я поместил на задворках.

Очень и очень сожалею, особенно потому, что отнял у Вас и так уж довольно много времени <...>

И я счастлив, что мой Рильке пришелся Вам по вкусу.

Что касается “обиды”, то мне 79 лет – это время прошло⁶⁹.

Неуспех книги «Свое и чужое», видимо, огорчил Биска; словно сознавая, что время для него воистину прошло, он в последующие годы, насколько известно, уже не пишет стихов и не пытается переводить немецких и французских поэтов. Его участие в литературной жизни русской эмиграции естественно затухает.

Впрочем, до конца своих дней Биск сохраняет свойственные ему живость ума и бодрость духа. Он посещает, насколько позволяют силы, литературные собрания и вечера, внимательно следит за газетными и журнальными публикациями, читает и перечитывает любимых поэтов. В начале 1973 года он празднует свой 90-летний юбилей; от друзей и близких поступает множество приветствий.

«...Рука у меня дрожит, – пишет Биск Валерию Перелешину 14 февраля 1973 г., – <...> но голова пока в полном порядке. Могу прочитать *наизусть* все “Горе от ума” и “Сон статского советника Попова” (мое любимое) <...> и великое множество стихов (конечно, Мандельштама и Пастернака)»⁷⁰.

Любопытна фраза в следующем письме Биска к Валерию Перелешину, за которой вполне угадываются контакты эмигрантов «первой волны» с нараставшей «третьей»: «Пишите, я здесь остался *один* из моего поколения. Советские выходцы (за исключением Ульяновых и Нонны Белавиной) для меня не существуют»⁷¹.

Последнее письмо Биска к Перелешину датировано 18 апреля 1973 г. – в нем упоминается Рильке («у Рильке религиозных стихов нет») и идет речь о переводах Е.Витковского. А менее чем через две недели Биск становится жертвой несчастного случая. В ночь с 30 апреля на 1 мая в лейквудском отеле «Манхэттен» (под Нью-Йорком), где остановился Биск со своим братом Михаилом, вспыхнул пожар.

«Михаил Акимович проснулся в 2 часа 10 минут от сильного шума и запаха гари. Встал, открыл дверь номера и увидел, что весь коридор был уже в огне. В коридоре были двое пожарных.

– Есть ли тут кто-нибудь, кроме Вас? – крикнул один.

⁶⁹ РГАЛИ. Ф.1348. Григорий Яковлевич Аронсон (1887–1968) – поэт, журналист; сотрудник «Нового русского слова». Автор книг «На заре красного терора» (Берлин, 1929) и «Революционная юность. Воспоминания 1903–1917 гг.» (Нью-Йорк, 1961).

⁷⁰ Бахметевский архив Колумбийского университета (Нью-Йорк, США). «Сон Попова» – поэма А.К.Толстого (1873), впервые опубликованная в 1878 г. за границей.

⁷¹ Письмо от 16 марта 1973 г. – РГАЛИ. Ф.1348. Ульяковы – семья писателя Николая Ивановича Ульянова (1904/1905–1985); Белавина (в замужестве Миклашевская) Нонна Сергеевна (род. в 1915) – поэтесса. В США – с 1949 г. Жила в Плэйн Вью (штат Нью-Йорк). В настоящее время – во Флориде.

– Мой брат находится в комнате №22, – ответил М.А.Биск. – Нужно выломать дверь. <...>

Что сделали пожарные, бывшие в коридоре, – неизвестно. Во всяком случае, дверь они не выломали. Возможно, стучали, но Александр Биск в последние годы страдал глухотой и мог их стука не услышать. Возможно, им помешал огонь, бушевавший уже во всем здании.

Александр Биск должен был задохнуться в своей постели от дыма. Вчера, когда пожарные смогли, наконец, локализовать пожар и проникнуть внутрь, они нашли четыре трупа, – среди них и труп Александра Акимовича Биска»⁷².

4 мая родные и друзья погибшего собрались в мемориальной часовне Парк Вест, чтобы отдать последний долг ушедшему. Однако заупокойное моление не состоялось. В последний момент выяснилось, что Биск завещал похоронить его без заупокойных молитв и надгробных речей. Воля его была выполнена. Гроб доставили на нью-йоркское кладбище Бет Эл и предали прах земле на одесском участке⁷³.

Прощаясь с Александром Биском, Нонна Белавина читала стихи его памяти:

Кончатся все пути,
И всех нас ждет тишина...⁷⁴

На похоронах присутствовала вся семья: Бетти Биск, сын Анатолий (Ален Боске) и его жена Норма, сестра Екатерина с детьми Виктором и Ивлин, брат Михаил с дочерью Ирэн и сыном Алланом.

Публикуемые ниже воспоминания Биска относятся к 1947 году. В основе их лежит более пространное устное выступление, сокращенное затем за счет деталей и малозначительных эпизодов. Опубликованный в газете «Новое русское слово»⁷⁵, мемуарный очерк Биска ни разу не перепечатывался и начисто выпал из поля зрения исследователей русской литературы.

В конце 1970-х гг. Ален Боске, движимый сочувствием к «исторической родине», передал часть находившегося у него отцовского архива в вновь созданный одесский Литературный музей. Среди рукописных материалов оказался и черновой текст доклада 1947 года, возможно, с более поздними вкраплениями – свои воспоминания о литературной Одессе Биск читал в

⁷² Новое русское слово. 1973. №22968. 2 мая. С.1. Заметка (без подписи) под заголовком: «В пожаре, в Лейквуде, погиб поэт Александр Биск».

⁷³ Новое русское слово. 1973. №22972. 6 мая. С.3. Заметка под заголовком «Похороны А.А.Биска» (раздел «Хроника»).

⁷⁴ Белавина Н. Памяти А.А.Биска // Новое русское слово. 1973. №22970. 4 мая. С.3. Некролог «Памяти Александра Биска», написанный Ю.Терапиано, был напечатан значительно позднее (Русская мысль. 1974. №3007. 11 июля. С.3).

⁷⁵ Биск А. Одесская «Литературка». Отрывки из доклада // Новое русское слово. 1947. №12783. 27 апреля. С.2, 8.

Нью-Йорке неоднократно⁷⁶. Этот текст был воспроизведен в малотиражном одесском издании три года тому назад⁷⁷, когда значительная часть нашего исследования, посвященного жизни первого русского переводчика Рильке, уже была выполнена. К сожалению, обнародованный в Одессе текст снабжен крайне скудными комментариями, во многом снижающими его научную ценность. Все эти обстоятельства и побуждают нас предпринять данную републикацию.

А.Биск

ОДЕССКАЯ «ЛИТЕРАТУРКА»

(Одесское Литературно-Артистическое Общество)

Примерно в 1903 г. вышла из печати последняя книжка Мирры Лохвицкой¹. Чтобы дать вам почувствовать аромат этой эпохи, я приведу отзыв об этой книге критика «Русского Богатства». Он писал, что стихи Лохвицкой – поэзия скотного двора². Отзыв «Русского Богатства» не только отражал мнение среднего интеллигента, но, в свою очередь, был и обязательным руководством для него. Сегодня стихи Лохвицкой считаются чуть не классическими. Вы поймете поэтому, среди какого свиста маленький кружок модернистов должен был отстаивать свои вкусы.

В тот вечер реферат в «Литературке» читал молодой человек небольшого роста, жгучий брюнет, в пенсне, только что приехавший из Италии. Говорил он очень увлекательно, с необыкновенным жаром, сильно жестикулируя. Мне сказали, что это – молодой журналист, пишущий под псевдонимом Altalena³. После него выступали оппоненты; один из них был Элиасберг, будущий журналист Горский...⁴ Все, что говорил Altalena, Элиасберг назвал «детским лепетом». Весьма характерно для литературных нравов того времени. Оппонентов было много, и Altalena в заключительной речи весьма

⁷⁶ Так, Биск выступал с воспоминаниями о «Литературке» в ноябре 1959 г. в нью-йоркском «Русском литературном обществе»; вместе с ним на том же вечере выступал П.Е.Ершов. «А.Биск и П.Е.Ершов, – сообщалось в газетном отчете, – посвятили свои доклады одесскому литературному миру, – о “Литературке” и “Среде” вспоминал Биск <...> О студенческом кружке поэтов рассказывал Ершов» (Ст. На вечере воспоминаний // Новое русское слово. 1959. №17059. 3 декабря. С.3).

⁷⁷ См. указанные в начале статьи публикацию и статью Е.Л.Яворской в сборнике «Дом князя Гагарина...».

сдержанно, умно и подробно отвечал каждому из них: об Элиасберге он в своем ответе даже не упомянул⁵. Это корректное (или презрительное) молчание произвело сильное впечатление.

Altalena стал вскоре любимцем одесской публики в качестве фельетониста «Одесских Новостей». Вскоре я узнал и его настоящее имя – Владимир Жаботинский.

Время было подлое, подцензурное; писать на общественные темы не приходилось. Помню фельетон Altalena о воротничках Мей и Эдлих⁶. Были тогда такие бумажные воротнички. Altalena говорил, что когда он их видит на бедном студенте, он в душе благодарен и студенту, и Мейю, и Эдлиху. Но когда их надевает франт с претензией на элегантность, это становится нестерпимым.

В другом игровом фельетоне он рассказывает, как барышня, собираясь со студентом за город, переодевается, – и когда мать спрашивает ее, для чего она меняет блузку, она отвечает: «Ах, мама, не могу же я ехать кататься со студентом в кофточке, которая расстегивается сзади. Это невежливо». Это фельетон Жаботинский включил позже в свой роман «Пятеро»⁷.

Жаботинский писал стихи, у него есть прекрасные переводы из Эдгара По⁸. Я рад привести неизвестное четырехстишие Жаботинского. Наборщик «Одесских Новостей» Слопак⁹ справлял свою свадьбу и пригласил всех сотрудников. Корифеи, конечно, не явились, но послали, как полагается, поздравительные телеграммы. Жаботинский телеграфировал:

Не имею сюртука,
 Был бы я не к месту,
 Поздравляю Слопака
 И его невесту.

По этому поводу журналисты Вознесенский¹⁰ и Абельсон¹¹ прислали следующую телеграмму:

Вознесенский с Абельсоном
 Поздравляют унисоном
 Слопака с его женой,
 Борух а ту Аденой¹².

Один из рефератов был посвящен творчеству никому еще тогда не известного венского писателя Петера Альтенберга¹³. Имя Альтенберга привез в Одессу Оскар Картажинский¹⁴. Петер Альтенберг писал миниатюры о любви и о его настроениях, поэтому понятно, что прочитанные произведения вызвали бурю протестов. Картажинского поддержал его товарищ Александр Красников¹⁵, который в защиту своих положений привел отзывы чуть ли не двадцати не-

мецких критиков, имен которых никто никогда не слышал ни до, ни, вероятно, после этого. Все это делалось pour épaier le bourgeois¹⁶.

Здесь же произошла незабываемая сцена: возражая одному из оппонентов, Картажинский произнес имя Бабеля. В ту же секунду председатель собрания, товарищ прокурора Ненарокомов¹⁷ зазвонил в колокольчик, вскочил с места и громогласно произнес: «Я прошу вас не касаться вопросов, которые, согласно уставу, не подлежат обсуждению в нашем обществе».

Товарищ прокурора Ненарокомов тем не менее заигрывал с левой общественностью, что уже видно из того, что он был членом правления Литературки. Звание его, впрочем, не возбуждало к нему больших симпатий. Под Новый (кажется, 1905-й) год, интеллигенция устроила встречу в частном доме. Пили за «кон, кон» – слово «конституция» не смели произнести полностью. Вдруг подают карточку: «Тов-арищ» прок<урора> Ненарокомов просит принять». Все переполошились, но Ненарокомов произнес весьма левую речь, в которой уверял интеллигенцию в своей преданности. Все это резко изменилось в реакцию 1906-го и следующих годов, когда этот товарищ прокурора принимал деятельное участие в искоренении крамолы.

В «Одесском Листке» царил Дорошевич¹⁸. Он был остроумным человеком. Вот одно из его mots: всем в Одессе было известно, что богач Маразли¹⁹ ухаживает за М-me Кич, которую звали Тамара²⁰. Дорошевич по этому поводу сказал:

Маразли кичится,
А Тамара злится
(а та маразлится).

Корей Чуковский был высокого роста и злой²¹. Какой-то поэт сказал про него:

Чуковский Корней
Росту хваленого:
В два раза длинней
Столба телефонного.

Это был период, когда журналист Сиг²² вел беспощадную кампанию против бессарабского черносотенца Крушевана²³. Чуковский писал поэму «Современный Евгений Онегин»²⁴; в одном месте он говорит о будущем мире и согласии на земле и кончает:

Со львом уляжется баран,
И с Сигом ляжет Крушеван²⁵.

Модернизм победно входил в русскую литературу. Взамен Надсона²⁶ и Апухтина на столе появилось «Будем как Солнце» Балломонта²⁷, Блока еще не было²⁸, но молодежь начинала читать Брюсова, по дороге к будущему Санину²⁹ читатели останавливались у «Homo Sapiens» Пшибышевского³⁰. Просто непонятно сегодня, как этот подражатель Достоевского мог до такой степени заполнить умы молодежи. Имена героев, Фалька и Изы, произносились всюду. Отсюда же и Иза Кремер взяла свое сценическое имя³¹.

В Литературке состоялся, конечно, доклад о «Homo Sapiens». После реферата, как обычно, были прения. Один из оппонентов, поднявшись на кафедру, заявил: «К сожалению, я только что пришел и реферата не слышал. “Homo Sapiens” я тоже не читал». Тем не менее, он стал говорить и говорил блестяще. Это был присяжный оратор Литературки, еврейский писатель Гершон бен Гершон, в миру Григорий Григорьевич Лившиц³². Он мог говорить о чем угодно и всегда интересно. Он был, конечно, против модернистских течений и однажды, в ответ на упрек в своей отсталости, возразил: «Но, господа, ведь книги – не яйца, которые надо подавать каждый день на стол свежие».

Редактор «Одесских Новостей» Израиль Мойсеевич Хейфец³³ был выдающимся театральным рецензентом. Рецензии его, подписанные Старый Театрал, надолго оставались в памяти одесситов. Он настолько строго относился к своим обязанностям, что не хотел знакомиться с артистами, чтобы быть в своих писаниях независимым от личных впечатлений. В доме его я встречал многих служителей искусства, но не могу вспомнить среди них ни одного драматического артиста.

Литературка стала для нас вторым домом. Частенько часов в пять утра я провожал Яшу Южного³⁴ на телеграф: после бессонной тоски он отправлял влюбленные телеграммы своей будущей жене, московской артистке Аренцвари³⁵. 20 лет спустя, когда «Синяя Птица» давали гастроли в Брюсселе³⁶ и я принимал у себя Южного с женой, я напомнил Аренцвари, что в таком-то году я был свидетелем начала ее романа с Южным. Когда гости ушли, я получил от моей жены строжайший нагоняй за эти упражнения по женской хронологии.

В 1911 году в Петербурге вышла моя первая книга стихов³⁷, которую я усердно раздавал моим приятельницам. Иза Кремер написала по этому поводу на меня эпиграмму:

Чтоб с вами завести интрижку,
Дарю на память эту книжку.

Приближался 25-летний юбилей Бальмонта³⁸. Литературка решила отпраздновать его с большой помпой. За две недели до вечера пустили широковещательные объявления и статьи. Первый читал Василевский – Небуква³⁹, вторым выступал Петр Пильский⁴⁰, который доказывал, что поэзия Бальмонта не мужская, а женская⁴¹. Третий доклад под названием «Усталый Май» был мой⁴².

После вечера – грандиозные отчеты, карикатуры на всех участников и на Бальмонта, которого, по рецепту Пильского, изобразили в платье девочки⁴³.

В следующем году Бальмонт приезжал в Одессу читать лекцию⁴⁴. Когда-то в Париже молодежь забрасывала его цветами. Здесь мы остались втроем: он, его вторая жена⁴⁵ да я. Мы закончили вечер за бутылкой вина. Бальмонт горько сказал: где же ваши девушки с цветами? Потом спросил, как справляли его юбилей. Когда он услышал название моего доклада «Усталый Май», он спросил меня: «Разве май может быть усталым?» Но я возразил: «А чьи это стихи?» –

О, чудо мая
Невозвратимо;
Но время, тая,
Проходит мимо;
Но май устанет
И онемает.
И ветер встанет,
Цветы развеет...»⁴⁶

Бальмонт слушал как зачарованный – и казалось, что он эти свои собственные стихи слышит впервые.

Петр Пильский был талантливым ярким критиком, но для того чтобы вывести его на дорогу ясной мысли, нужна была бутылка красного вина. Тогда он начинал говорить – о себе. Впрочем, в статьях он тоже больше всего писал о самом себе. Так, если он писал о Куприне, это было всегда: Пильский и Куприн.

С именем Пильского связано у меня воспоминание об одной из самых блестящих финансовых операций в моей жизни. Пильский брал у всех деньги займы. О возвращении долга не могло быть и речи, вряд ли кто претендовал на получение обратно данных ему денег. Я прекрасно знал, что не минуя своей участи, и в кармане у меня всегда было приготовлено 25 рублей для Пильского. – Как-то мы устраивали с ним вечер поэтов на Хаджибейском Лимане⁴⁷. В последнюю минуту он подбегает ко мне: «Александр Акимович, дайте займы 10 рублей, мне нужно галстук купить, я сейчас же на Лимане вам верну». По приезде на Лиман он повторил, что через 10 минут вернет мне долг. Я его не беспокоил и заработал таким образом чистоганом пятнадцать рублей⁴⁸.

Приблизительно в 1913 г. Одесское Литературно-Артистическое Общество перешло в собственное помещение. Содержание собственного дома было не под силу нашему Обществу⁴⁹, поэтому общее собрание решило для пополнения кассы принимать в число членов не только литераторов и артистов, но и лиц других свободных профессий. Доктора, инженеры, адвокаты охотно пошли к нам, и в таком количестве, что скоро мы остались в меньшинстве⁵⁰.

Так продолжалось до конца 1917 года. Приближалось большевистское время и вместе с тем наступил самый блестящий и, увы, предсмертный период существования Литературки. В Одессу, последнее убежище, начали прибывать писатели, бежавшие из Петербурга, Москвы и других городов: Алексей Толстой⁵¹, Наталья Крандиевская⁵², Максимилиан Волошин⁵³, Бунин⁵⁴, Алданов⁵⁵ – в Одессе собрался цвет русской литературы.

Приехал также Нат Инбер⁵⁶ и принял живое участие в делах Литературки. Но, как я говорил, те, кто считали, что Общество существует для них, – литераторы – оказались затертыми членами.

И вот Инбер подал своим единомышленникам идею: устроить государство в государстве. Так образовался литературный кружок «Среда»⁵⁷, просуществовавший до самой смерти Литературки, последовавшей в январе 1920 г., с перерывами в 1 1/2 и 4 месяца⁵⁸, когда «временно» хозяйничали большевики.

Наш лозунг был: уйти в подполье, спастись от адвокатского красноречия, которым были полны общие собрания Литературки.

Надо отдать справедливость покойному председателю Литературки Израилю Моисеевичу Хейфецу и некоторым другим членам правления: они, втайне сочувствуя нам, широко пошли навстречу нашим стремлениям. Мы действительно ушли в подполье; нам был предоставлен подвальный этаж с прислугой, канцелярскими принадлежностями и т.д.

Председателя у «Среды» не было. Мы учредили Исполнительное бюро из четырех лиц: Алексея Толстого, Ната Инбера, Габриэля Гершенкройна⁵⁹ и меня. Участие Толстого было чисто номинальным; вся работа лежала на нас троих. Наше трио составило список будущих членов «Среды». Фильтровка была в смысле строгости совершенно фантастическая. Просто стыдно вспомнить сегодня некоторые имена тех, кого мы забаллотировали. Достаточно сказать, что количество членов «Среды» никогда не превышало сорока⁶⁰. Каждый член «Среды» имел право ввести на собрание не более двух гостей. Это соблюдалось с необычайной строгостью, поэтому собрание никак не могло насчитывать более 120 человек.

Одесса падка на всякую сенсацию. Люди, которые никогда не интересовались никакими лекциями, стремились попасть на собрание «Среды». Публика толпилась у входа, но напрасно: мы были неумолимы. Мы хотели замкнуться в себе, уйти в чистую литературу: читать свои произведения, разбирать их — без красноречия; косноязычно, но добиваться до истины. Первый вечер был Ната Инбера, затем Алексей Толстой читал свою только что написанную пьесу «Любовь — книга золотая»⁶¹. Я не видел этой пьесы на сцене, но я убежден, что никакая талантливая труппа, никакая постановка не могут дать то наслаждение, которое давал единолично Толстой своим исключительным русским языком и мастерским чтением.

Толстой был в жизни таким же ярким, как и в своих произведениях: замечательный рассказчик, великолепный собеседник, но всегда без царя в голове. Как в своих талантливых произведениях он редко доводит свою идею до конца, обрывается, — так и в жизни он был несуразным. На свое чтение он опоздал на целый час — с трудом оторвали его от письменного стола. У меня в это время еще была моя великолепная библиотека поэзии и справочных изданий. Я предоставил ее в распоряжение Толстого, где он мог работать в любое время. Когда я возвращался вечером домой, я спрашивал прислугу: «Что, Даша, был кто-нибудь?» — «Да, был Толстой». Но когда приходила Наталья Крандиевская, жена Толстого, она велела передать: «Скажите, что была графиня».

Одна из «Сред» была посвящена поэзии. Тут Максимилиан Волошин впервые читал свои замечательные стихи «Святая Русь» и другие⁶². Это был подлинный героический пафос. Стихи эти не были ни за революцию, ни против нее, но они вскрывали чисто русский дух событий. Как в «Двенадцати» Блока и сильней, чем в блоковской поэме, здесь передан весь сумбур русского бунта, в котором главным ядром являются не события, а личность; не дело, а мечты — наш град Китеж, наш «неосуществленный сон»⁶³.

Я называл Волошина «поэтом Сенатской площади»⁶⁴: на мой взгляд, вся Россия от февраля до октября представляла собой гигантскую Сенатскую площадь, на которой мы, подобно нашим предкам, беспомощно толпились, не зная, что нам делать.

О Волошине стоит говорить, потому что ему не повезло в русской литературе. Имя его недостаточно известно широкой публике. А ведь он был первым парижанином нашей эпохи; по его стихам мы научились любить Париж. Кто не чувствует всего аромата Парижа только по этим двум строчкам:

В дождь Париж расцветает
Точно серая роза⁶⁵.

Совершенно озадачила меня статья Бунина после смерти Волошина⁶⁶. Правда, Волошин был смешной человек. Толстый, с большой копной волос, с густой бородой, начинавшейся у самых глаз, он любил говорить о своих успехах у женщин. У себя в Крыму, в имении Коктебель, он ходил босиком, в длинной хламиде, чуть не с венком на голове, и в таком же виде разъезжал на велосипеде. К сожалению, Бунин писал только об этом и почти ничего о его произведениях. Конечно, Бунин есть Бунин, и одна фраза в его статье была замечательной: он говорил, что Волошина с равным правом могли бы расстрелять и белые, и красные⁶⁷.

С особым вниманием мы относились к молодым; все они были полноправными членами «Среды». Из нашего кружка вышли на широкую литературную улицу Эдуард Багрицкий⁶⁸, Юрий Олеша⁶⁹, Валентин Катаев⁷⁰, Адалис⁷¹, Анатолий Фиолетов, который умер совсем молодым⁷². Мы работали с ними, выслушивали их первые вещи. Самым талантливым мы считали Багрицкого, мы все увлекались его первыми стихами, в них было много силы и красок, и бесшабашной удали.

Табак контрабандного тюки
В переполненный трюм погрузив,
Мы на палубе гордой фелуки
Отплываем в Персидский залив⁷³.

Стихи немного несуразные: нельзя погрузить что-либо в уже переполненный трюм. Ударение «тюки» – одесское, нужно сказать «тюки». Тем не менее, в этих сочных стихах уже чувствовался талантливый поэт.

Багрицкий был безудержный талант. В жизни это был форменный хулиган. Когда ушли первые большевики, он в качестве освободителя города ходил по Дерibasовской с винтовкой через плечо.

Но когда в марте 1919 г. большевики воцарились вторично, на 4 месяца⁷⁴, он сменил вехи.

Положение литератора было трудное; надо было как-то устроиться. Мы решили учредить профессиональный союз литераторов. Председателем собрания был выбран старый уважаемый литератор, редактор журнала «Театр и Искусство», Кугель⁷⁵. И вот произошла отвратительная сцена: как только Кугель начинал говорить, Багрицкий прерывает его истерическим криком: «Зачем вы посадили сюда эту старую ворону? Дайте дорогу нам, молодым».

Бунин присутствовал на этом собрании и позже описал его, но он совершил непростительную ошибку: слова о вороне он приписал Юрию Олеше⁷⁶. Помимо ошибки это была и величайшая несправедливость. Олеша был тишайший благовоспитанный юноша.

Одним из самых слабых считался у нас Валентин Катаев: первые его вещи были довольно неуклюжи. Я рад сознаться, что мы в нем ошиблись.

<Не> все молодые писатели вышли на большую дорогу. Очевидно, кроме таланта нужно и счастье, и умение подать себя. Что стало, например с Семеном Кессельманом⁷⁷, очень талантливым поэтом, которого я лично ставил выше всех остальных? Он прекрасно умел передать чувство одиночества в большом городе. Его образы бывали неожиданными, но убедительными. Одно стихотворение начиналось так:

Я жду любви, как позднего трамвая⁷⁸.

Это смело, но если вдуматься, – как это хорошо.

Вскоре и мне пришлось отведать прелести советского режима. Я был арестован в качестве заложника – я пошел вместо отца⁷⁹. Больше всего меня поразило то, что чекист, который был в форме студента Новороссийского Университета, явился один – без всякого оружия. Эти люди прекрасно знали, что буржуазия – народ интеллигентный и не позволит себе никаких беспорядков. И на смерть они шли, как послушные овцы.

Просидел я, впрочем, недолго: всего три дня. В это время печаталась моя книга из Рильке⁸⁰. По мудрому совету Изы Кремер, моя жена забрала из типографии первый экземпляр моей книги и пробралась с ним к самому председателю ЧК⁸¹, чтобы доказать, что я не буржуй, а поэт. Меня в конце концов освободили, но секретарь Чрезвычайки, товарищ Венямин, нежный юноша с голубыми гла-

зами, который по ночам собственноручно расстреливал людей⁸², – потребовал взамен освобождения мою книгу с надписью. И первая книга Рильке вышла в свет с посвящением: «Товарищу Веньямину на добрую память Александр Биск»⁸³.

Литературная жизнь Одессы не ограничивалась нашим Обществом, она перебрасывалась и в иные сферы. Надо упомянуть дом присяжного поверенного, сенатора Блюменфельда⁸⁴, где устраивались вечера, скетчи и спектакли, далеко выходявшие за пределы простого любительства. На одном из вечеров большим успехом пользовалась юмористическая азбука молодого поэта Шполянско-го⁸⁵. Это были двестишия-эпиграммы, причем обе строчки начинались на одну и ту же букву, например:

на Леонида Гроссмана⁸⁶, большого трудолюбя:

Гений редок в человеке;
Гроссман спит в библиотеке.

За Натальей Крандиевской ухаживал поэт фон Дитрихштейн⁸⁷:

За лампой тянется кронштейн;
За Крандиевской – Дитрихштейн⁸⁸.

На меня:

Бегемот у речки бродит;
Биск все в мире переводит.

Поэта Шполянского не все знают, но каждому эмигранту знаком его литературный псевдоним: Дон Аминадо.

Дом Инберов был тоже своего рода филиалом Литературки. Там царила Вера⁸⁹, которая читала за ужином свои жеманные, очень женственные стихи:

Ты помнишь Геную?
Прогулки по утрам,
И шляпы на ослах,
и запах лука.
И то, как неприятно было нам,
Что в розовом дворце теперь
контора Кука...

И как мы не уехали едва
За бедным эмигрантом в Чили,
Как путали мы деньги и слова
И как друг друга мы любили⁹⁰.

Вера Инбер стала большим человеком в Советской России. Справедливость требует признать, что она сумела найти приемлемый, не подхалимный тон в своих произведениях⁹¹.

Должен упомянуть о моем любимце, карикатуристе Мад⁹². Тексты его были, пожалуй, еще лучше, чем сами карикатуры. В первую эпоху большевизма он изобразил закованную истерзанную Россию, а рядом – длинную вереницу демонстрантов, с флагами и плакатами, а текст гласил: «Как много товарищей и как мало друзей!» На другой карикатуре был изображен одесский порт и на нем – два поломанных парохода, с надписью: «Одесский экспорт»⁹³.

В эмиграции Мад помещал свои рисунки в «Последних Новостях». На одном из них старый русский эмигрант показывает ново-прибывшей барышне Париж и говорит: «У них, барышня, Лувр – это то же, что у нас Эрмитаж», на что барышня уверенно отвечает: «Ничего подобного: Лувр – магазин, а Эрмитаж – ресторан».

Одним из последних вечеров в Литературке – когда на улицах по ночам уже гремели выстрелы и возвращаться домой надо было группами – был вечер поэзии Кузмина, который я подготовил втайне, в сотрудничестве с четырьмя лицами. Никогда не забуду изумительной артистки Мансветовой⁹⁴, которая знала, любила и читала Кузмина, как никто. Другие стихи читали артисты Самборская⁹⁵ и Аркадьев⁹⁶. Фурор произвела Иза Кремер исполнением песенок Кузмина. Моя роль была – связать весь этот материал в виде легкого конференса. Никаких анонсов и заметок не было, но предприимчивые одесситы узнали о наших приготовлениях, и Литературка была переполнена, несмотря на тревожное время.

С именем Литературки связаны и другие люди, ничего не писавшие, на сцене не игравшие, но которые являлись в жизни яркими типами.

Я упомяну моего старого друга Сиркиса⁹⁷. Это был недоучившийся человек, не говоривший вполне грамотно ни на одном языке. Так, в Париже на *mardi gras*⁹⁸ он бегал в пьяном виде по Бульвару Ст. Мишель и кричал, что хочет чистой любви. Но так как переводил он это дословно: «*Je veux l'amour pur*»⁹⁹, то французы никак не могли понять, чего он хочет.

Тем не менее, Сиркис был тонким ценителем музыки; это он сделал нас вагнерьянцами. Он чувствовал живопись; его литературные идеи часто питали наши произведения. Помимо всего это был необычайно остроумный человек. На наши похвалы он отвечал: у меня бездна вкуса и бездна в кармане. Постоянным местожитель-

ством его был Могилев-Подольск; его приезды были всегда праздником для нас. Никто не называл его по имени, прозвище его было «дядька». В один из его приездов в Одессе шла «Комедия брака» Юшкевича¹⁰⁰. Дядька сказал по этому поводу: «У вас в Одессе – комедия брака: у вас мадам Циперович живет с господином Ицексоном, а мадам Ицексон живет с господином Рабиновичем. А вот у нас в Могилеве – трагедия брака: у нас господин Соломончик живет с мадам Соломончик, и господин Хаймович живет с мадам Хаймович».

Он был нашим наставником во всех любовных похождениях, хотя про себя он говорил, что он – гениальный теоретик, но плохой практик. Сам он успехом у женщин не пользовался и говорил с горечью: «Женщины любят, чтобы их угощали ужинами, за это они угощают вас завтраками».

Как известно, в Одессе был мыловаренный завод Сиркиса. Когда дядьку знакомили с кем-нибудь и он произносил свое имя, его обыкновенно спрашивали: «Вы из тех Сиркисов?» На что он неизменно отвечал: «Нет, у того Сиркиса мыловаренный завод, а у меня завод мыльных пузырей». К сожалению, эта идентичность фамилий чуть не закончилась для дядьки трагично: при последних большевиках все богатые Сиркисы уехали, и Чрезвычайка арестовала дядьку. Пока разобрали, в чем дело, он просидел четыре месяца. Ему удалось позже перебраться в Кишинев. Где ты, старый друг? Жив ли ты еще?¹⁰¹

Одесское Литературно-Артистическое Общество и его обитатели – я говорю «обитатели», потому что многие проводили в нем чуть ли не дни и ночи напролет; я знавал членов правления, которые являлись в Литературку ежедневно и оставались там до утра; не за страх, а за совесть и за любовь – Литературное Общество подчас с одесской экспансивностью и бумом проявляло свою деятельность, но за этой шумихой оно совершало большую культурную работу. Не мало писателей считали наше Общество своей литературной колыбелью.

С окончательным воцарением большевиков Литературка была растоптана, разгромлена и распущена. Но те, кто когда-то приходил туда – выступать или послушать других, или просто почитать газету, поужинать, посплетничать, поиграть в карты, – никогда не забудут той дружеской уютной атмосферы, без которой трудно было жить, однажды привыкнув к ней. Это было – свое, милое и родное, и потому так трогательно, любовно и фамильярно мы окрестили ее: наша Литературка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лохвицкая Мирра (Мария) Александровна (1869–1905) – поэтесса. Ее «последняя книжка», т.е. «Стихотворения. Т.V. 1902–1904», издана в СПб. в 1904 г., хотя официально значится в «Списке книг, вышедших в России в 1903 году» (М., 1905. С.413).

² Рецензия на пятый том «Стихотворений» Лохвицкой в «Русском богатстве» не появилась. Возможно, Биск имеет в виду рецензию на 4-й том «Стихотворений» Лохвицкой, изданный в 1903 г., – анонимная и в целом весьма критическая рецензия на это издание была помещена в №3 «Русского богатства» за 1903 г. Ее автор, П.Ф.Якубович, еще ранее рецензировал в «Русском богатстве» (1900. №8) первый том «Стихотворений» Лохвицкой (СПб., 1900). См.: Литературная критика и история литературы в журнале «Русское богатство» (1895–1918). Хронологический указатель анонимных рецензий с раскрытием авторства / Сост. М.Д.Эльзон // Литературное наследство. Т.87: Из истории русской литературы и общественной мысли 1850–1890 гг. М., 1977. С.656–691.

Ни одна из рецензий Якубовича, признававшего поэтический талант Лохвицкой, но осуждавшего ее за откровенный эротизм, слов, приводимых автором, не содержит.

³ Под этим псевдонимом (о чем ниже упоминает и Биск) скрывался Владимир (Зеев) Евгеньевич Жаботинский (1880–1940) – публицист, поэт-переводчик, драматург, общественный и политический деятель; приблизительно с 1903 г. – один из руководителей сионистского движения в России. Родился и подолгу жил в Одессе. В 1898–1901 гг. учился на юридическом факультете Римского университета; печатался в газетах «Одесские новости» и «Одесский листок». С 1901 по 1915 гг. – постоянный сотрудник «Одесских новостей», где в течение ряда лет вел рубрику «Вскользь»; публиковал свои корреспонденции, фельетоны, статьи и стихи как под псевдонимом Altalena, так и под собственной фамилией. Действительный член Литературно-артистического общества.

См.: Коновалова О., Шувалов Р. Жаботинский в Одессе // Слово (Одесса). 1995. №42 (154). С.6.

⁴ Элиазберг (Элиазберг) Ефим Самойлович (псевд. Горский Е.С.) – помощник присяжного поверенного, журналист, сотрудник нескольких одесских газет. Автор ряда политических брошюр, изданных в Одессе в 1917–1918 гг. («Ближайшая задача русской демократии», «За что борются анархисты?», «Правда о большевиках» и т.п.). Расстрелян большевиками в 1919 г. (по другим сведениям, в 1920 г.) за то, что он якобы «дискредитировал советскую власть в глазах западного пролетариата» (Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. Симферополь, 1991. С.194).

⁵ Описывается, по всей видимости, выступление В.Жаботинского в Литературно-артистическом обществе 18 декабря 1903 г. с рефератом на тему «Капитализм и некоторые моменты современной психики». «Референту возражал целый ряд оппонентов...» – говорилось в газетном отчете; один из них – Элиазберг. См.: Одесские новости. 1903. №6173. 20 декабря. С.3; в том же номере газеты напечатан в реферированном виде и доклад Жаботинского (с.4; подпись – Altalena).

⁶ «Мей и Эдлих» – лейпцигская фирма, производившая модные картонные воротнички, сменившиеся затем воротничками текстильного производства.

⁷ Роман Жаботинского «Пятеро» печатался в парижском журнале «Рассвет» в 1933–1934 гг. (Жаботинский был редактором этого журнала); отдельное изд.: Париж, 1936. Данный эпизод приведен в четвертой главе романа. См.: *Жаботинский (Зевс) В. Пятеро*. <Иерусалим>, 1990. С.35.

⁸ Известный перевод из Эдгара По, выполненный Жаботинским, – стихотворение «Ворон» (впервые: Наши вечера: Литературно-художественный сборник. Вып. I. Одесса, 1903. С.62-65).

⁹ Вероятно, имеется в виду Михаил Григорьевич Слапак, позднее – главный конторщик «Одесских новостей» (его брат, Яков Григорьевич, согласно справочнику «Вся Одесса», – сотрудник «Одесских новостей»).

¹⁰ Имеется в виду Ал. Вознесенский (наст. имя и фамилия – Александр Сергеевич Бродский; 1880–1939, репрессирован) – журналист, драматург, критик, поэт, переводчик, киносценарист; коллекционер. С 1902 г. – фельетонист «Одесских новостей». Переводил пьесы Пшибышевского («Снег», «Ради счастья» и др.) и пропагандировал его творчество; в 1903–1904 гг. принимал у себя в Одессе Пшибышевского, приехавшего с женой (Ядвиги Каспрович) по его личному приглашению. Первая и единственная книга стихов «Путь Агасфера» (СПб., 1914; фактически – 1913) вышла с предисловием Леонида Андреева.

¹¹ Абельсон Илья Осипович (псевд. Осипов, Абельсон-Осипов) – журналист и драматург; издатель (в 1907–1917 гг. издавал столичную ежедневную газету «Обозрение театров»). После 1917 г. – в эмиграции (в Париже). Действительный член Литературно-артистического общества.

¹² «Благословен ты, Господи!» (*древнеевр.*) – восклицание, принятое в еврейском богослужении.

¹³ Альтенберг Петер (наст. имя и фамилия – Рихард Энглендер; 1859–1919) – австрийский писатель-прозаик, мастер «малого жанра» (афоризмы, наброски и т.п.).

¹⁴ Правильно: Картожинский Оскар Моисеевич (Ошер Мовшевич; 1882–1933). Известен в литературе под псевдонимом Оскар Норвежский. С 1914 г. – в США (умер в Лос-Анджелесе). Знакомый Биска по одесскому литературному кружку с 1901–1902 г. (см.: «Дом князя Гагарина...»). Указ. изд. С.135). Пропагандировал в России творчество П.Альтенберга, с которым встречался лично (см. два эссе, посвященные австрийскому писателю, в кн: *Норвежский О.* Литературные силуэты. СПб., 1909. С.55-60; 107-117; см. также: *Норвежский О.* Он сказал все, что мог. Из воспоминаний о Пэтэре Альтэнберге // Раннее утро. 1910. №103. 7 мая. С.5. Пэтэр Альтэнберг – псевд. Петера Альтенберга).

Интересные воспоминания о Картожинском оставил Ал. Вознесенский (см. прим.10): «Он насаждал у нас “литературную богему”. Делал это всерьез. Видел в этом свою обязанность, свою, если хотите “специальность”. <...> Литература была его вдохновением, его неотходящим волнением, его истинной страстью. Он видел в ней свое единственное призвание». Вознесенский упоминает также, что Картожинский рассказывал ему («о своих венских, берлинских, парижских встречах»), особенно подробно – об Альтенберге (*Вознесенский А.С.* Начало века – Книга ночей // РГАЛИ. Ф.2247. Оп.1. Ед.хр.22. Л.190-191).

¹⁵ Возможно, А.Г.Красников – в 1910-е гг. служащий Азовско-Донского коммерческого банка. В списках действительных членов Литературно-артистического общества Александр Красников не значится.

¹⁶ Чтобы эпатировать буржуа (*франц.*).

Описанное выше заседание состоялось 5 февраля 1904 г. В кратком отчете о выступлении Картожинского сообщалось: «Во время прений по поводу реферата обнаружилось два направления, представителями которых были две группы оппонентов. Одни, преимущественно молодежь, отстаивали новое течение в искусстве, одним из представителей которого является Пэтэр Альтенберг, другие доказывали, что ни столь прославленное и возносимое до небес новое искусство, ни в частности Пэтэр Альтенберг <...> ничего особенного, что заслуживало бы с нашей стороны большого внимания, – не представляют» (<Б.п.> Литературное собеседование // Одесские новости. 1904. №6217. 7 февраля. С.1). Реферат Картожинского, читанный в «Литературке» в феврале 1904 г., был напечатан полностью в кн.: *Оскар Норвежский*. Рефераты: 1. Пэтэр Альтенберг. 2. Кнут Гамсун. Мариуполь, 1906 (второй реферат был прочитан в марте 1904 г.).

¹⁷ Ненарокомов Георгий Петрович – прокурор Одесского окружного суда в 1904–1906 гг., позднее – помощник прокурора С.-Петербургского окружного суда. Член Литературно-артистического общества. В 1904 г. – член созданной при правлении ЛАО комиссии по организации и заведению литературно-артистическими четвергами и собеседованиями.

¹⁸ Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922) – публицист, журналист, театральный и художественный критик, прозаик. С 1893 по 1899 г. активно сотрудничал в «Одесском листке». Автор книги «Одесса, одесситы и одесситки» (Одесса, 1895). Состоял членом Литературно-артистического общества.

¹⁹ Маразли Григорий Григорьевич (ок. 1830–1907) – в 1878–1897 гг. – одесский городской голова. Миллионер, филантроп и меценат (грек по происхождению). Окончил Одесский Ришельевский лицей (1850). Заслужил широкую и почетную известность своей благотворительной и общественной деятельностью. Член Литературно-артистического общества.

²⁰ Кич Тамара Фердинандовна – жена Г.Г.Маразли (Кич – фамилия по первому браку).

²¹ Корней Иванович Чуковский (наст. имя и фамилия – Николай Васильевич Конейчуков; 1882–1969), писатель, критик, литературовед, переводчик; жил в Одессе с 1882 по 1905 гг. и начинал свою литературную деятельность в качестве сотрудника одесских газет (в 1903–1904 гг. – лондонский корреспондент «Одесских новостей»).

²² Сиг (наст. имя и фамилия – Семен Израилевич Гольдман, также Золотов) – журналист, фельетонист «Одесских новостей». Член Литературно-артистического общества. Автор брошюры «Паволокий Крушеван» (Одесса, 1903). Книга вышла с предисловием Ал. Вознесенского и привлекла к себе общее внимание. См., напр.: *Жаботинский В.* Национализм и прогресс. По поводу одной книги и одной брошюры // Южные записки (Одесса). 1903. №18. 24 мая. С.745-747.

²³ Крушеван Павел (Паволокий) Александрович (1860–1909) – прозаик, публицист. Редактор кишиневской газеты «Бессарабец» (1897–1906), в которой после погрома 1903 г. печатались откровенно антисемитские статьи. С 1905 г. «Бессарабец» – орган созданного Крушеваном местного отделения «Союза русского народа».

²⁴ См.: *Чужовский К.* Нынешний Евгений Онегин // *Одесские новости*. 1904. №6516. 25 декабря. С.2-3; 1905. №6521. 1 января. С.5 (под заголовком – «Современный Евгений Онегин»).

²⁵ Цитируемые строки – из второй песни (*Одесские новости*. 1904. №6516. 25 декабря. С.3).

²⁶ 19 января 1912 г. Биск читал в «Литературке» доклад, посвященный Надсону и напечатанный в тот же день в виде отдельной статьи, в которой между прочим говорилось: «...Я давно позабыл его, светлого, пылкового – другая музыка и другие шумы вошли властной волной в жизнь – но когда-то для меня, как, быть может, и для вас, читатель, с его именем было связано много детского-чистого, весеннего. <...> Это было тогда, когда ни о Бальмонте, ни о Брюсове еще никто не слыхал. <...> Нам нельзя забыть, что мы все переболели Надсоном; мы пережили его, и ему одному мы обязаны многими светлыми минутами нашей первой любви. <...> И нам было пятнадцать лет, и мы любили иначе; тогда Надсон был нам дорог и понятен» (*Биск А. Надсон* // *Южная мысль*. 1912. №116. 19 января. С.2).

²⁷ Стихотворный сборник Бальмонта (1903). См. прим.46.

²⁸ Первый сборник стихотворений Блока («Стихи о Прекрасной Даме») был издан в 1904 г.

²⁹ Скандально известный роман М.П.Арцыбашева (1907; отд. издание – 1908), воспринятый в свое время как проповедь «аморализма».

³⁰ Роман польского писателя С.Пшибышевского (1898), написанный и изданный по-немецки – одно из наиболее «индивидуалистических» и «декадентских» его произведений. Русский перевод был выпущен московским издательством «Скорпион» в 1902 г.

³¹ Кремер (Креймер) Иза (наст. имя – Лия) Яковлевна (ок. 1890–1956) – певица, поэтесса. Училась в Италии. С 1914 г. – в России, где получила немалую известность своими «песенками-настроениями», сочиненными ею (или переведенными с французского, немецкого и итальянского). Исполняла также городские и цыганские романсы. Пользовалась огромной популярностью, слыла «любимицей Одессы». «Умная, живая, разносторонняя, вдохновенная и способная зажигать вдохновения...» (*Дядя Яша* <Я.Г.Соскин>. Иза Кремер (Письмо из Одессы) // *Керчь-Феодосийский курьер*. 1913. №181. 15 августа. С.3). Действительный член Литературно-артистического общества (с 1912 г.). Эмигрировала в начале 1920 г. Умерла в Аргентине.

³² Лившиц (правильно: Лифшиц) Григорий Григорьевич (Гершон-бен-Гершон; 1854–1921) – журналист, публицист. Действительный член Литературно-артистического общества.

³³ Хейфец Израиль Моисеевич – заведующий редакцией «Одесских новостей», вице-председатель одесской «Литературки» (вплоть до ее закрытия), председатель Одесской кассы взаимопомощи литераторов и ученых и др.; театральный критик. Эмигрировал в 1921 г., жил в Париже, работал в редакции газ. «Последние новости». Муж Изы Кремер.

³⁴ Южный Яков Давидович (1883–1938) – артист (из Одессы), исполнитель устных рассказов, построенных на еврейском фольклоре и юморе. Выступал также в роли режиссера, конференсье, художника и музыканта. В 1913 г. приглашен в труппу театра Корша. В 1916–1918 гг. – руководитель Никольского театра миниатюр в Москве («Театр Южного»). В 1918 г. – главный режиссер театра Корша, постановщик в московском театре «Аквариум», позднее – в труппе Малого театра во главе с А.И.Южиным. С

1921 г. – в эмиграции (в Берлине). После прихода нацистов к власти переселился в Вену, позднее (после аннексии Австрии) – в Прагу, где и умер. См. также прим.36.

³⁵ Аренцвари Валентина Степановна – актриса; окончила Драматическую школу при Московской консерватории; с 1903 по 1913 гг. – в труппе театра Корша; член Московского литературно-художественного кружка (с 1909 г.). Жена Я.Д.Южного.

³⁶ В конце 1921 г. Я.Д.Южный открыл в Берлине театр-кабаре «Синяя птица» (пародийный намек на «Синюю птицу» Метерлинка), с успехом гастролировавший в 1920-е – 1930-е гг. во многих странах. См.: Луканичева С. Синяя птица. Берлинская жизнь русских кабаре // Независимая газета. 1993. №117. 25 июня. С.7.

³⁷ Имеется в виду «Рассыпанное ожерелье» (см. вступительную статью).

³⁸ Имеется в виду 25-летний юбилей литературной деятельности Бальмонта, который неофициально отмечался российской общественностью в конце 1911 – начале 1912 гг. (поэт жил тогда во Франции как политэмигрант). Торжественное заседание в «Литературке», о котором рассказывает далее Биск, состоялось 11 января 1912 г.

³⁹ Василевский Илья Маркович (псевд. – Не-Буква; 1882/1883–1938) – фельетонист, журналист, литературный критик. Сотрудничал в газете «Одесские новости», часто бывал в Одессе. После 1917 г. эмигрировал; в середине 1920-х вернулся в СССР. Репрессирован.

⁴⁰ Пильский Петр Моисеевич (Мосеевич; 1879–1941) – журналист, фельетонист, очеркист, критик, прозаик. В 1910–1914 гг. жил в Одессе, сотрудничая в «Одесских новостях» и др. периодических изданиях на юге России. Летом 1914 г. организовал в Одессе «Кружок молодых поэтов». В 1920 г. бежал от большевиков; с 1922 г. жил в Эстонии, с 1926 г. – в Риге, где стал наиболее заметным и плодовитым сотрудником газеты «Сегодня».

⁴¹ «Есть, – говорил П.Пильский, – стих-мальчик, крепкий и кудрявый, стойкий и упругий. И есть стих-девочка. Подвижная, кокетливая, играющая, звенящая и поющая. Этот стих-женщина, этот стих-девочка, этот стих-трель и песнь – у Бальмонта, и вот где причина многочисленности и легкости пародий на него. Если пародия – карикатура, то разве вы не знаете и не замечали, что большинство карикатур и большинство юмористических журналов живут женщиной, ее капризной прихотью, ее нарядами, ее маленькими или немного смешными слабостями» (Южная мысль. №112. 14 января. С.5). В заключение вечера Пильский «сказал остроумное слово о пародиях на Бальмонта, прочитав кое-что из этих пародий» (Одесские новости. 1912. №8619. 13 января. С.5).

⁴² См.: Биск А. Усталый май. К юбилею К.Бальмонта. (Из личных впечатлений) // Южная мысль. 1911. №98. 28 декабря. С.3. Эта статья предшествовала докладу Биска «Тоска Бальмонта в творчестве и жизни», произнесенному в «Литературке» 12 января 1912 г.

«...Книги Бальмонта, – утверждал Биск в своем докладе, – едва ли могут создать правильное представление о том, что таится в глубине его души. А там одиночество и вечная тоска». Прочитывая эти слова Биска, корреспондент «Одесских новостей» комментировал:

«Так говорил наш местный поэт. Но неужели говоря о душевной опущенности хотя бы и символиста-поэта, необходимо прибегать к тому “символическому” методу речи, на котором остановился А.А.Биск? Эта странная

певучесть и протяжность интонации, мелодекламацию речи и стремление к эффектам, не всегда достаточно тонкое, все время производили, к сожалению, комическое впечатление» (Одесские новости. 1912. №8620. 14 января. С.2).

«На первом вечере “Литературки”, – иронизировал по поводу доклада Биска и другой журналист, – самый шумный успех выпал на долю г. Биска. Но, как это всегда бывает, когда публике приходится оценивать прекрасное, как это было, наконец, и с самим Бальмонтом, о котором читал Биск, – публика оценила его не сразу, а так сказать с опозданием. Когда г. Биск мило кончил свой прелестный реферат, она хранила гробовое молчание...» (Зозуля. В старых стенах // Крокодил. 1912. Январь. Специальное приложение к №4). Там же – стихотворная пародия на выступление Биска (подпись – Зини): «...Я с трудом осилил зев. / Битых полчаса с излишком / Мучать двадцать тысяч душ / По запискам и по книжкам... / Вот скандал! / Лучше б сразу он сказал / Просто: “Я знаком с Бальмонтом”».

⁴³ Шарж, озаглавленный «Бальмонт – девочка», был помещен в газ. «Одесские новости» (1912. №8620. 14 января. С.2). Автор шаржа – художник Мад (см. о нем ниже прим.92). Там же – дружеские шаржи на докладчиков (Биска, И.М.Василевского, Л.Р.Когана); художник – М.С.Линский (Моисей Семенович Шлезингер, эмигрировал в 1919, погиб в Париже, в годы оккупации).

Шаржи на участников бальмонтовского вечера в «Литературке» (в том числе и на Биска), появились также в газ. «Южная мысль» (1912. №112. 14 января. С.5) и в журн. «Крокодил» (1912. №4. Январь. С.8). Автор шаржей – одесский карикатурист Саша Ц.

⁴⁴ Биск ошибается: Бальмонт приезжал в Одессу через два года во время своего первого турне по России. 27 марта 1914 г. он прочитал в Одессе лекцию «Поэзия как волшебство». Свидетельством встречи в те дни Бальмонта и Биска является экземпляр 3-го издания сб. «Горящие здания» (Бальмонт К. Полное собрание сочинений. Т.2. М., 1908) с дарственной надписью: «Поэту тонких настроений А.Биску 1914. 27–28 м<a>рт<a>. Одесса» (Хранится в собрании А.И.Жеребина, С.-Петербург).

⁴⁵ Бальмонта сопровождала в этом путешествии Елена Константиновна Цветковская (1880–1943) – спутница его жизни, во всяком случае – третья (а не вторая, как сообщает Биск) жена поэта (после 1920 г.). Первая жена Бальмонта – Л.А.Гарелина (1864–1942; брак распался в 1892–1893 гг.), вторая – Е.А.Андреева (1867–1950; брак состоялся в 1896 г. и фактически расторгнут не был).

⁴⁶ Из стихотворения Бальмонта «Шиповник», опубл. в кн. «Будем как Солнце. Книга символов» (М., 1903. С.117–118). Стихотворение посвящено Нэтти (Анне Александровне Семеновой, урожд. Поляковой).

⁴⁷ Имеется в виду вечер «Кружка молодых поэтов», устроенный Пильским в курзале Хаджибейского лимана (дачное место под Одессой) 15 июня 1914 г.; в нем принимало участие 15 поэтов, в том числе – Багрицкий, Биск, фон Дитрихштейн, Кесельман, Анатолий Фиолетов (см.: Южная мысль. 1914. №868. 17 июня. С.3; заметка под названием «Вечер поэтов»). Описывая этот вечер, корреспондент «Южной мысли» отметил: «Это был вечер неожиданностей!..

Публика не ожидала, что в Одессе, действительно, есть талантливые поэты, а поэты не ожидали, что в Одессе найдется чуткая хорошая публика!

Однако нашлись и те, и другие» (С-кий. Вечер поэтов на Хаджибейском лимане // Южная мысль. 1914. №868. 17 июня. С.2).

⁴⁸ Схожие воспоминания о Пильском оставил другой участник «Кружка молодых поэтов» – В. Катаев. «Петр Пильский, – читаем в очерке “Встреча”, – открыл прекрасный способ зарабатывать деньги. Он выбрал группу “молодых поэтов” и возил нас все лето по увеселительным садам и дачным театрам, по всем этим одесским “ланжеронам”, “фонтанам” и “лиманам”, где мы, неуклюже переодетые в штатские костюмы с чужого плеча, нараспев читали свои стихи изнемогавшим от предвоенной скуки дачникам. Сам же Пильский, цинично пьяный, произносил вступительное слово о нашем творчестве, отчаянно перевирая наши фамилии и названия произведений. Денег он нам, разумеется, не платил, а выдавал только на трамвай, и то не всегда» (см.: Эдуард Багрицкий. Альманах под ред. Влад. Нарбута. М., 1936. С.183). Ср. с воспоминаниями А. Дейча: «В личной жизни Петр Пильский был эпикурейцем, не думавшем о завтрашнем дне: если у него появлялись деньги, он немедленно их тратил, собрав друзей за веселым застольем. Поэтому он всегда страдал от безденежья, но придумывал тысячи способов, чтобы достать аванс» (*Дейч А. День нынешний и день минувший. Впечатления и встречи.* М., 1969. С.286).

⁴⁹ Воссозданная в конце 1911 – начале 1912 гг. «Литературка» проводила свои заседания в специально нанятых домах и квартирах; первоначально она ютилась в тесном и душном помещении на Садовой улице. «Правлению пришлось уделить много времени вопросу о подыскании помещения для клуба. Целый ряд заседаний был посвящен этому вопросу. Велись переговоры со многими лицами, но подходящего помещения – по размерам, цене и местоположению – не оказалось, и пришлось временно, на год, нанять квартиру в доме №18 по Садовой улице» (см.: Отчет Правления Литературно-Артистического Клуба за 1912 год. Одесса, 1913. С.5). В начале 1916 года предполагалось занять новое «роскошное здание» и развернуть в нем «жизнь Клуба в широком масштабе» (Отчет Правления Литературно-Артистического Клуба за 1915 год. Одесса, 1916. С.3). Но общая ситуация того времени так и не позволила разрешить этот основной вопрос.

Следует сказать, что вопрос о собственном помещении для «Литературки» стоял достаточно остро и до ее закрытия в 1904 году (заседания Общества происходили тогда, как указывалось, на Ланжероновской, 4, в особняке князя Гагарина). Так, автор «пасхального пожелания» «Литературке» весной 1904 года писал:

Одно и то же пожеланье
Несется к ней со всех сторон:
Дай Бог ей собственное зданье
И референтов легион.

(*Дядя Яша < Я.Г.Соскин >. Узоры. Пасхальные пожелания и подарки // Одесские новости. 1904. №6265. 28 марта. С.4.*)

⁵⁰ Биск не вполне точен: число действительных членов и посетителей Общества было достаточно велико уже в конце прошлого века и даже превышало число членов Клуба в 1910-е годы. См.: Список членов Одесского Литературно-Артистического Общества за 1899 год (Одесса, 1900), где приводится список в 651 человек. На 1 января 1913 года действительных членов Клуба насчитывалось 149, посетителей – 366 человек.

⁵¹ А.Н.Толстой находился в Одессе с лета 1918 г.; весной 1919 г. эмигрировал через Константинополь во Францию; с осени 1921 г. – в Берлине. В 1923 г. вернулся в Советскую Россию.

⁵² Крандиевская Наталья Васильевна (1888–1963) – поэтесса. Вторая жена А.Н.Толстого.

⁵³ Волошин пробыл в Одессе с конца января по 10 мая 1919 г.; жил у М.С. и М.О.Цетлиных (в том же году покинувших Одессу). Об активной литературной деятельности Волошина во время его одесского пребывания см.: *Купченко В.* Странствие Максимилиана Волошина. СПб., 1996. С.262-269.

Знакомство Биска с Волошиным состоялось в Париже в 1906 г. (См.: *Биск А.* Русский Париж 1906–1908 гг. // *Современник.* 1963. №7. С.63-64; Биск сообщает, в частности, что Волошин дважды подвел его («не то к Ренэ Гилю, не то к Реми де Гурмону»). В библиотеке Волошина (Коктебель) сохранился экземпляр сб. «Рассыпанное ожерелье» с надписью «Многоуважаемому Максимилиану Александровичу Волошину с лучшими чувствами – от автора. Москва, 8 марта 1912» (в марте 1912 г. Волошин находился в Москве; текст надписи сообщен В.Купченко); в самом сборнике Волошину посвящен один из «Парижских сонетов» («От площадей уйду на чьи-то звы...»).

11 июня 1918 г. поэт, журналист и издатель П.Б.Краснов писал Волошину (из Харькова в Коктебель): «Посылаю Вам для мнения переводы из Рильке, сделанные Александром Биском, кстати, передающим В<ам> сердечный привет. Рукописи прошу вернуть обратной почтой» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.708. Л.9; какие именно стихи Рильке в переводе Биска были посланы Волошину, неизвестно). Волошин отвечал ему 8 июля 1918 г.: «Переводы Биска из Рильке я знаю давно и присланные Вами мне нравятся не меньше его предыдущих. К сожалению, у меня нет оригинала, чтобы судить о степени их близости. Но как стихи они звучат крепко. Первое и третье вполне прекрасны. Четвертое – слабо, особенно конец, – не знаю, кто в этом виноват – автор или переводчик. Спасибо за то, что ознакомили меня с ними» (письмо сохранилось в машинописной копии; текст сообщен В.П.Купченко). Биск и Волошин также встречались (неоднократно) во время пребывания последнего в Одессе (январь–май 1919 г.).

⁵⁴ Бунин и его жена, В.Н.Булнина (Муромцева) приехали в Одессу в конце мая 1918 г. и провели в этом городе более полутора лет. 26 января 1920 г. они эмигрировали в Константинополь (и затем в Париж). Впечатления революционных лет описаны в дневнике Бунина, известном под названием «Оканные дни».

⁵⁵ Алданов (наст. фамилия Ландау) Марк Александрович (1886–1957) – писатель-прозаик, драматург, публицист. Находился в Одессе с конца 1918 года. В марте 1919 г. выехал из Одессы в Константинополь.

⁵⁶ Инбер Натан Осипович (Иосифович; Исидорович), литературное имя – Нат Инбер; публицист. Сын журналиста Осипа Ильича Инбера, секретаря «Литературки». Первый муж Веры Инбер (см. прим.89) и отец их дочери (впоследствии писательницы) Жанны Гаузнер (1912–1962), изменившей, однако, отчество (Владимировна). В начале 1910-х гг. жил в Париже, возглавлял Кружок русских журналистов в Париже. Наезжая в Одессу, участвовал в заседаниях «Литературки». В 1918 г. сотрудничал в московской газете «Жизнь» под псевдонимом Виссарион Павлов. Значился – наряду с Биском, Л.Гроссманом, Бабджаном и С.Юшкевичем – сотрудником одесской газеты «Большая крокодила» (вышел всего один номер – 17 сентября 1919 г.). Весной 1919 г. эмигрировал в Константинополь, продолжая оставаться корреспондентом одесской газеты «Современное слово» (по разделу

«Политика и общественная жизнь»). После отъезда Инбера в бюро «Среды» его сменил Л.П.Гроссман (см. прим.86).

⁵⁷ Литературный кружок «Среда» был образован при Литературно-художественном обществе в конце 1917 г. (см. подробнее во вступительной статье).

⁵⁸ На заседаниях «Среды» выступали (среди прочих): А.Адалис, Э.Багрицкий, А.Биск, М.Волошин, Ф.Гозиасон (художник), Л.Гроссман, Н.Инбер, В.Катаев, К.Миклашевский (режиссер и актер), Ю.Олеша, Андрей Соболев, А.Н.Толстой, А.Фиолетов, И.Эренбург.

⁵⁹ Гершенкройн (Гершенкрон) Габриэль Осипович (Иосифович) – критик. В своих воспоминаниях «Русский Париж» Биск называет его «злой и талантливым критиком» (Современник. 1963. №7. С.64). Гершенкройну посвящено стихотворение «В дождь» («В струях вечернего потока...»), см.: Биск А. Рассыпанное ожерелье. Указ. изд. С.48; дата – 1908 г.

С 1920 г. – в эмиграции (в Париже). По свидетельству мемуаристов (В.С.Яновский и др.), посещал заседания литературных объединений «Зеленая лампа» и «Круг».

⁶⁰ В очерке о Л.Гроссмане Биск уточняет: «Попасть к нам было невероятно трудно: мы безжалостно (и бессмысленно) вычеркивали самые почтенные кандидатуры. Мы не хотели иметь более 50 членов...» (Биск А. Молодые годы Леонида Гроссмана // Новое русское слово. 1966. №19305. 16 января. С.8).

⁶¹ Написанная в 1919 г. пьеса А.Н.Толстого «Любовь – книга золотая» впервые напечатана в Берлине в 1922 г. Толстой неоднократно – и с неизменным успехом – читал это произведение публично.

⁶² Видимо, имеется в виду «Среда», состоявшаяся 19 февраля 1919 г. Волошинское стихотворение «Святая Русь» написано в Коктебеле 19 ноября 1917 г. Сообщение Биска о том, что Волошин читал это стихотворение в Одессе впервые – явно ошибочно.

⁶³ Биск неточно цитирует заключительные слова из поэмы Волошина «Китеж» (1919). У Волошина: «На дне души гудит подводный Китеж / Наш неосуществимый сон».

⁶⁴ Эта характеристика, как и весь нижеследующий абзац (от слов «Совершенно озадачила...» до «...могли бы расстрелять и белые, и красные»), перенесен Биском в очерк «Русский Париж» (Современник. 1963. №7. С.63).

⁶⁵ Начальные строки волошинского стихотворения «Дождь» (1904) – из цикла «Париж».

⁶⁶ Воспоминания И.А.Бунина, написанные в 1932 г., впервые напечатаны в газете «Последние новости» (1932. №4187. 8 сентября. С.2-3). Включены позднее в кн.: Бунин И.А. Воспоминания. Париж, 1950. С.184-200; перепечатаны (с сокращениями) в кн.: «Воспоминания о Максимилиане Волошине» (М., 1990. С.365-374). Посвящены главным образом одесским встречам Бунина с Володиным в 1919 г. Редакции 1932 и 1950 гг. в отдельных фрагментах не совпадают.

⁶⁷ В статье Бунина о Волошине таких слов нет, хотя они вполне соответствуют общему ее содержанию.

⁶⁸ Багрицкий (наст. фамилия Дзюбин) Эдуард Григорьевич (Годелевич) (1895–1934) – поэт.

⁶⁹ Олеша Юрий Карлович (1899–1960) – писатель. Начинал свой литературный путь как поэт.

⁷⁰ Катаев Валентин Петрович (1897–1986) – прозаик, драматург. Начинал свой литературный путь как поэт. Родился в Одессе; в 1919–1920 гг. – активный участник одесской литературной жизни. Лауреат Сталинской премии (1945). С 1955 по 1962 г. – главный редактор журнала «Юность».

⁷¹ Адалис (наст. имя и фамилия Аделина Ефимовна Ефрон; 1900–1969) – поэтесса, переводчица. Входила в литературные объединения «Среда» и «Зеленая лампа». Переехала из Одессы в Москву в 1920 г.

⁷² Фиолетов Анатолий (наст. имя и фамилия – Натан Беньяминович Шор; 1897?–1918) – поэт. Близкий друг Багрицкого, посвятившего ему поэму «Трактир» (1919). Служил в уголовном розыске; погиб в Одессе. В 1919 в издательстве «Омфалос» предполагался к публикации посмертный сборник его стихотворений. См.: *Александров Р., Голубинский Е.* Поэт Анатолий Фиолетов // Альманах библиофила. Вып. IX. М., 1980. С. 236–240.

⁷³ Из стихотворения «Искатели жемчуга» («Утомительный берег покинув...»), опубликованного в альманахе «Серебряные трубы» (Одесса, 1915. С. 17). Автором этого стихотворения значится одесский поэт Исидор Бобович (он же – участник альманаха «Шелковые фонари». Одесса, 1914).

Биск цитирует строчки этого стихотворения не вполне точно. Ср. напечатанный текст:

Табаку контрабандного вьюки
В переполненный трюм погрузив,
Мы на палубе старой феллуки
Отплываем в Персидский залив.

⁷⁴ 4–5 апреля 1919 г. Одесса была взята войсками атамана Н.А. Григорьева (выступавшего тогда на стороне красных, но поднявшего через несколько недель антисоветский мятеж и убитого махновцами в июле); большевистская власть продержалась до августа 1919 г.

⁷⁵ Кугель Александр (Авраам) Рафаилович (1864–1928) – театральный критик, публицист, журналист. С 1897 по 1918 г. выпускал в Петербурге еженедельный журнал «Театр и искусство». В 1919 г. жил в Одессе, в 1920 г. вернулся в Петроград.

⁷⁶ Заседание Союза по организации профсоюза литераторов состоялось 29 марта / 11 апреля 1919 г. Бунин описал это заседание в своих воспоминаниях о Волошине следующим образом: «Очень людно, много публики и всяких пишущих, “старых” и “молодых”. Волошин бегаёт, сияет, хочет говорить о том, что нужно и пишущим объединиться в цех <...> Но тут тотчас же поднимается дикий крик и свист: буйно начинается скандалить орава молодых поэтов, занявших всю заднюю часть эстрады: “Долой! К черту старых, обветшалых писак! Клянемся умереть за Советскую власть!” Особенно бесчинствуют Катаев, Багрицкий, Олеша. Затем вся орава “в знак протеста” покидает зал» (*Бунин И.* Воспоминания. Париж, 1950. С. 192–193). Более подробно о том же собрании – в дневнике В.Н. Буниной (запись от 30 марта / 12 апреля): «Вчера на заседании профессионального союза беллетристической группы. Народу было много. Просили председательствовать Яна. Он отказался. Обратились к Овсянко-Куликовскому, отказался и он. Согласился Кугель. Группа молодых поэтов и писателей, Катаев, Иркутов, с острым лицом и преступным видом, Олеша и Багрицкий и прочие держали себя последними подлецами, кричали, что они готовы умереть за советскую платформу, что нужно профильтровать собрание, заткнуть рот буржуазным обветшалым писателям. Держали они себя нагло, цинично и, сделав скан-

дал, ушли) (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие материалы под редакцией Милицы Грин. В 3-х тт. Т.1. Frankfurt a.M., 1977. С.229). Упоминаются в дневнике: Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (1853–1920) – историк литературы, лингвист; с лета 1919 г. жил в Одессе. Андрей Иркутов (наст. имя и фамилия Андрей Дмитриевич Каррик; 1894–1944) – писатель.

Слова о «вороне», якобы произнесенные Олешей, в этих источниках отсутствуют.

⁷⁷ Семен Кесельман (наст. фамилия Эксес; 1889–1940) – поэт. Печатался в одесских периодических изданиях (в частности – в журнале «Крокодил»). Участвовал вместе с Биском и др. в альманахе «Солнечный путь» (Кн.1. Одесса, 1914). Портрет Кесельмана-Экссеса пытался воссоздать Катаев в романе «Алмазный мой венец»: «Он был эксес, студентом, евреем, скрывавшим свою бедность <...> Он был горд, ироничен, иногда высокомерен и всегда беспощаден в оценках, когда дело касалось стихов» (*Катаев В. Алмазный мой венец. Юношеский роман // Собр. соч.: В 10-ти тт. Т.7. М., 1984. С.17*).

⁷⁸ Напечатано в альманахе «Шелковые фонари» (Одесса, 1914. С.24; стихотворение называется «Я жду»). Рецензент одесской газеты «Южная мысль» отмечал в своем отзыве об этом издании: «Наименее претенциозен и зато свеж и ароматен в своих стихах Семен Кесельман» (Южная мысль. 1914. №783. 10 марта. С.2; подпись – Л.К-ов).

⁷⁹ Биск Аким Соломонович был крупным одесским ювелиром; в 1910-х – председатель одесского Общества взаимопомощи ювелиров, часовщиков и граверов. Умер в Париже в апреле 1932 г. в возрасте 80 лет (см.: Последние новости. 1932. №4055. 26 апреля. С.4).

⁸⁰ *Райнер Мария Рильке. Собрание стихов в переводе Александра Биска. <Одесса>: «Омфалос», 1919. Предисловие переводчика датировано «Март 1919». Книга вышла в свет, по всей видимости, в июле. В нее вошло 66 стихотворений из приблизительно 120 (как указывал сам Биск в коротком предисловии «От переводчика»); 35 стихотворений публиковались впервые.*

Об издательстве «Омфалос» см.: *Луцик С.З. Библиофильское издательство «Омфалос» (Петроград – Одесса, 1916–1920) // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства (Тезисы докладов научно-практической конференции). Л., 1982. С.32-34.*

⁸¹ Председателем Одесской ЧК был в тот период Северный (Юзефович), с которым, в частности, был знаком и которым восхищался М.А.Волошин: «Лицо мученика: восторженное и измученное. <...> В нем нет отмщения и злобы. Но его исступленная кротость пугает больше кровожадности» и т.п. (цит. по: *Купченко В. Странствие Максимилиана Волошина. Указ. изд. С.268*).

⁸² Веньямин (Гордон Бенцеста) – секретарь одесской ЧК летом 1919 г. Одесский краевед С.З.Луцик сообщает, что с приходом белых Веньямин был арестован и приговорен к десяти годам каторжных работ; расстрелян, «по слухам», в 1930-е (см.: *Луцик С. Реальный комментарий к повести // Катаев В. Уже написан Вертер. Одесса, 1999. С.217*). То, что пишет о нем Биск, перекликается с другими свидетельствами современников. «Одесса кишмя кишит не то что большевиками (об этом что говорить!), – писал журналист Н.Иретов после перехода города под власть белых, – а именно теми их руководителями, которые создавали весь ужас недавних дней. <...>

“Вениамин”, секретарь “чрезвычайки”, этот зверь-садивист с благообразным лицом, находивший особое удовольствие в расковыривании пальцами ран свежерасстрелянных и их обнюхивании... Вообразите, он раскатывает на лихаче в офицерской форме... Его видели на Нарышкинском спуске...» (*Иретов Н.* Нельзя молчать! II // Южное слово (Одесса). 1919. №28. 24 сентября / 7 октября. С.2).

⁸³ Сын Александра Биска излагает эту же историю совершенно иначе. Речь идет у него не о переводах Рильке, а о стихотворном сборнике под названием «Рассеянная жатва», готовившемся якобы к печати «мелким тамошним издателем»; чекист, которого жена Биска умоляет отпустить мужа, носит фамилию Червенко. На первых пятидесяти экземплярах «Жатвы» издатель соглашается заменить первоначальное посвящение (жене) на другое: «Боевому товарищу Косте Червенко». Прочитав посвящение, чекист произносит:

«— Дура ты буржуйская, в расход бы тебя вместе с ним...

Ты опустила на стул, уткнула лицо в платок. Он подошел и сказал:

— Сохраню, что ль, на память. Чушь несусветная, а все же в мою честь. Только хранить-то недолго. Такие, как я, скоро погибают на баррикадах или на поле боя. — Поймал твой взгляд, полный слез, боли, надежды, и пробормотал, точно думал вслух:

— К стенке бы вас всех, и баста.

Потом схватил тебя за руку, достал из ящика связку здоровенных ключей и пошел с тобой к лестнице, ведущей вниз. В подвале, с револьвером в руке, в присутствии охранника отпер камеру, где сидели отец и еще двенадцать заключенных. Миг — и вы на лестнице. Он ткнул отца в ребра, открыл дверь, с виду заколоченную. Пройдя по улице сто метров, отец раскрыл книгу с посвящением Червенко. Объяснять было незачем. Ты просто сказала:

— До двенадцати мы должны уехать из города.

Это был твой звездный час» (*Ален Боске.* Русская мать. М., 1998. С.331-332; цитированный эпизод завершает книгу).

В своем докладе 1947 г. о «Литературке» Биск упомянул также фамилию председателя одесской ЧК, к которому обращалась за помощью его жена: Калининченко («В доме князя Гагарина...» Указ. изд.). Возможно, имеется в виду Онищенко — председатель Одесской губернской ЧК в 1919 г. (после него — Запорожский).

⁸⁴ Блюменфельд Герман Фадеич (1861—1921?) — юрист; присяжный поверенный округа Одесской судебной палаты, автор трудов по бессарабскому праву. Член Литературно-артистического общества. Вспоминая о нем, Дон Аминадо (см. следующее прим.) между прочим пишет:

«В будущей свободной России, когда все станет на свое место и возврат к истокам и извлеченным из праха и забвения ценностям окажется неизбежным, и о забытом Г.Ф. будет написана поучительная книга, может быть, целая антология его юридических построений, теорий, толкований и разъяснений.

В антологию эту непременно войдут и его щедро рассыпанные, оброненные на ходу, брошенные на ветер, в пространство, — афоризмы, определения, меткие острые слова, исполненные беспощадной иронии, но и доброты и снисходительности, мнения и характеристики...» Дон Аминадо сообщает также, что Г.Ф.Блюменфельд умер «голодной смертью, от цинги» (*Дон Аминадо.* Наша маленькая жизнь. Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания / Составитель В.И.Коровин. М., 1994. С.532).

⁸⁵ Шполянский Аминад Петрович (псевдоним Дон Аминадо; 1888–1957) – поэт, фельетонист, журналист. В 1918–1919 гг. – в Одессе. Эмигрировал в январе 1920 г.; жил и умер в Париже.

⁸⁶ Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) – литературовед, поэт. Автор работ о Пушкине, Лермонтове, Тургеневе, Достоевском и др. Согласно воспоминаниям Биска, их знакомство состоялось «вероятно, в 1901 году» и продолжилось в Париже в 1906/1907 гг. (Гроссман учился одно время на юридическом факультете Сорбонны). К этому периоду относится стихотворение Биска «В комнате» («В сумерках смутно белесой...»), посвященное Л.Гроссману и вошедшее в сб. «Рассыпанное ожерелье» (С.48); дата стихотворения – 1906 г.

В 1910-е гг. – активный участник литературной жизни Одессы; сотрудник ряда одесских газет. Член Литературно-художественного общества, в особенности – кружка «Среда».

Памяти Л.П.Гроссмана Биск посвятил статью «Молодые годы Леонида Гроссмана», где, в частности, пишет, что Гроссман «сыграл немалую роль» в его жизни (Новое русское слово. 1966. №19305. 16 января. С.8). Сохранилось также письмо Екатерины Акимовны Биск (Рабинович), сестры поэта, к Гроссману из Лондона от 11 августа 1963 г. (РГАЛИ. Ф.1386. Оп.2. Ед.хр.192).

⁸⁷ фон Дитрихштейн (Дитерихс фон Дитрихштейн) Владимир Давыдович (1889–1967) – поэт. Сын отставного генерала. Регулярно помещал свои стихи в газетах «Одесский листок», «Южная мысль» и др. С 1920 г. – в эмиграции. Жил во Франции, печатал стихи в периодических изданиях, где литературным отделом ведал П.Б.Струве («Россия», «Россия и славянство»); сохранилось несколько его писем к П.Б.Струве 1920-х гг. (Гуверовский институт, Стенфорд, США). В одном из них, 12 июня 1925, Дитрихштейн сообщает: «Я служу в Лилле в банке, живу при русском студенческом общежитии, которым заведует моя мать». В романе «Трава забвенья» В.Катаев описывает свой совместный с Дитрихштейном визит к Бунину в Одессе. «Вовка Дидерикс <так!>, – пишет Катаев, – <...> был тоже молодой поэт, но гораздо старше меня – богатый студент в штатском, кремовые фланелевые брючки, пестрый пиджачок, твердая соломенная шляпа канотье, толстый золотой перстень с фамильной печатью, белообрый обезьянья мордочка остзейского немчика с виднеющимися редкими зубами. Типичный последний отпрыск» (Катаев В. Собр. соч. В 10-ти тт.). Кроме того, фон Дидерихс (так!) – одна из второстепенных фигур в повести В.Катаева «Уже написан Вертер» (узнак одесской Чрезвычайки, осужденный на расстрел).

⁸⁸ В своем устном докладе Биск приводил еще несколько примеров:
«На Гершенкройна – то был тонкий и беспощадный критик, но и его амур не щадил, он безуспешно ухаживал за одной замужней дамой:

Жены долг блюдут достойно:

Жди похвал от Гершенкройна.

В квартире Блюменфельда уборная находилась в нелепом месте, надо было пройти через спальню, чтобы найти ее:

Гости часто ищут ватер;

Герман Блюменфельд – сенатор»

(«Дом князя Гагарина...») Указ. изд. С.152).

⁸⁹ Инбер (урожд. Шпенцер) Вера Михайловна (Моисеевна; 1890–1972) – поэтесса, прозаик. Участница «Среды». Жила в Одессе до 1922 г., затем в Москве. Лауреат Сталинской премии (1946). Об ее отце, известном одес-

ском типографе Моисее Филипповиче Шпенцере см.: *Бельский М.Р.* Из истории печатного дела в Одессе // Книга. Исследования и материалы. Сб. 72. М., 1986. С.143-145. Мать, Фаина Соломоновна Шпенцер – преподаватель еврейского женского училища в Одессе.

⁹⁰ Цитируются первая и последняя строфы стихотворения (вторая опущена). См.: *Инбер В.* Горькая услада. Вторая книга стихов. Пг.; М., 1917. С.32 (книга посвящена Нату <Инберу>).

⁹¹ Биск заблуждается в отношении В.Инбер: в своих стихах, статьях и очерках писательница неумоимо прославляла Сталина и других советских вождей. Принадлежала – после 1945 г. – к официальной литературной элите. Можно предположить, что «позицию» Инбер (как в первые послереволюционные годы, так и позднее) определило ее отдаленное родство с Л.Д.Троцким, двоюродным братом ее отца (Троцкий участвовал в его похоронах в Москве); в 1930-е гг. писательница была вынуждена публично отмежевываться от «троцкизма», выступать с погромными речами и статьями и т.д.

⁹² Под этим псевдонимом скрывался художник-карикатурист Михаил Александрович Дризо (1887–1953), в 1910-е гг. – сотрудник газет «Южное обозрение», «Одесский листок», «Одесские новости» и др. Эмигрировал в 1919 г. (Константинополь – Берлин – Париж). В 1920-е – 1930-е гг. – сотрудник парижских периодических изданий (как русских, так и французских). Выступал также как книжный график; иллюстрировал, в частности, книгу Саши Черного «Живая азбука» (Берлин, 1922), В.Жаботинского «Пятеро» (см. прим.7). автор карикатурных портретов Ленина, Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева и др. За карикатуры на Гитлера был подвергнут в 1942–1943 гг. аресту, тюремному заключению и суду. См. подробнее: *Терехина В.* «Беспошадная умница» – карикатурист МАД // Евреи в культуре русского зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т.IV. 1939–1960 гг. / Составитель и издатель М.Пархомовский. Иерусалим, 1995. С.221-229.

⁹³ Первый рисунок был помещен в газете «Одесский листок» (1917. №232. 23 сентября), перепечатан в кн.: МАД. «Так было... Карикатуры» (Одесса, 1918, С.24; название – «Одинокая»; в Бахметевском архиве Колумбийского университета, США, хранится, по утверждению Марии Дризо, вдовы художника, единственный уцелевший экземпляр этой книги).

⁹⁴ Мансветова Лидия Васильевна – одна из ведущих артисток Одесского драматического театра в 1916–1919 гг.; участвовала в литературных концертах. Газета «Одесское обозрение театров» сообщила в 1916 г., что без Мансветовой «не обходится ни один концертный вечер» и что артистка «с видимой решительностью» становится в последнее время «любимицей местной публики» (1916. №1289. 18 ноября. С.5). Жена Александра Иллиодоровича (Диодоровича) Сибирякова (1868–1936) – одесского режиссера и антрепренера, тесно связанного с «Литературкой». После 1917 г. – вместе с ним в эмиграции (Белград, затем – Сараево). В некрологе, посвященном А.Д.Сибирякову, сообщалось, что он служил в Югославии «на провинциальной сербской сцене в качестве режиссера, вместе со своей женой, известной на юге России артисткой Лидией Васильевной Мансветовой, прекрасно овладевшей сербско-хорватским языком и занявшей первое положение на сербской сцене, ежегодно гастролирующей в Белграде и Загребе» (см.: Последние новости. 1936. №5688. 20 октября. С.4).

⁹⁵ Самборская Лина Семеновна (1890–1955) – актриса и режиссер. В 1917–1922 гг. работала в Одессе; позднее в различных провинциальных

театрах. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1945). Один из рецензентов, характеризуя женский состав труппы одесского драмтеатра, подчеркивал в 1918 г.: «Здесь на первом <месте> стоят: г-жа Мансветова, артистка очень приятного лирического дарования, и г-жа Самборская, хорошая кокет, совершенно напрасно ищущая успеха в чуждой ей сфере драматической героини» (*Альцест. Письмо из Одессы // Рампа и жизнь. 1918. №4. С.15*).

⁹⁶ Аркадьев Иван Петрович (1872–1946) – дирижер; скрипач-педагог; музыкальный и общественный деятель. Организатор и участник вечеров в Литературно-артистическом клубе.

⁹⁷ В своем устном докладе, посвященном «Литературке», Биск сообщает, что Сиркиса звали Моисей Сергеевич и что его постоянным местожительством был город Могилев-Подольский (см.: «Дом князя Гагарина...». Указ. изд.).

М.Сиркису посвящен один из «Парижских сонетов» Биска («Шумят шаги. Среди сумеречной пыли...» // *Биск А. Рассыпанное ожерелье. Указ. изд. С.60*).

⁹⁸ Последний день карнавала (*франц.*).

⁹⁹ Игра слов «ргорге» – «чистый, опрятный» и «собственный». В результате буквальный перевод: «Хочу собственной любви» (*франц.*).

¹⁰⁰ Юшкевич Семен Соломонович (1868–1927) – прозаик, драматург. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже. Пьеса «Комедия брака» (1910) была в течение нескольких лет «гвоздем сезона» в киевских и одесских театрах.

¹⁰¹ О том же лице Биск сообщает в более поздних воспоминаниях:

«...Я рассказывал Бальмонту об одном моем друге, не получившем почти никакого образования, не говорившем правильно ни на одном языке, но сыгравшем огромную роль в кружке нашей молодежи. Он обладал абсолютным слухом, он сделал нас вагнерьянцами. Он был старше нас, побывал уже в Париже и вернулся оттуда в мефистофельском плаще на красной подкладке и в бархатной куртке. Он был ментором наших любовных походов и посвящал нас в парижские тайны. Бальмонт хотел знать, как его имя, я назвал его: Сиркез...» (*Биск А. Русский Париж. 1906–1908 гг. Указ. изд. С.60*).

Д

**Статьи,
исследования**

Борис Фрезинский
СКРЕЩЕНИЯ СУДЕБ,

или

Два Эренбурга (Илья Григорьевич и Илья Лазаревич)

Жанр параллельных биографий бывает весьма привлекательным; в данном случае к нему располагает комплекс причин: двоюродные братья с одинаковыми фамилиями и именами; сходство и различие судеб, пересечения жизненных траекторий; конфликт, подтвержденный документами; сотрудничество; одинаково подписанные публикации, порождающие путаницу у невнимательных читателей; непроясненная история гибели одного и его почти полная неизвестность на фоне широко известной биографии другого. Наверное, этого хватит, чтобы не считать сюжет статьи высосанным из пальца.

Широко известные обстоятельства биографии И.Г.Эренбурга упоминаются здесь лишь в той мере, в какой это необходимо для прояснения биографии И.Л.Эренбурга – так неизбежная экономия печатного места, увы, нарушает биографический паритет.

НА ПУТИ В ПАРИЖ

Начну с общеизвестного. Илья Григорьевич Эренбург родился 14 (26) января 1891 года в Киеве в семье 2-й гильдии купеческого сына; он был третьим и последним ребенком (первым мальчиком) и рос болезненным, капризным, отличавшимся дерзкими, эксцентричными выходками; в 1895 году семья переезжает в Москву, в 1900 году Илья поступает в Первую московскую мужскую гимназию; в 1905 году участвует в гимназических беспорядках, с товарищами по классу выпускает машинописный журнал, помогает строить барри-

кады в Москве; в 1906 году вступает в социал-демократический Союз учащихся средних учебных заведений и в большевистскую подпольную организацию; в январе 1908 года арестовывается и заключается в тюрьму (его общение с жандармским и тюремным начальством носит, с его стороны, несколько экзальтированный характер¹), в июле высылается из Москвы, в декабре выпускается под залог за границу и прибывает в Париж.

Илья Лазаревич Эренбург родился 8 (20) июня 1887 года в Харькове. Назван Ильей (как и два других его кузена) в память деда отца. Его отец Лазарь Григорьевич, родной брат Григория Григорьевича Эренбурга, химик, не отказавшийся от еврейства ради университетской карьеры и не смогший занять профессорской должности, успешно читал лекции, будучи по чину лаборантом; в справочниках «Весь Харьков» (1913–1917) именуется «купцом 2-й гильдии (уголь)» (возможно, это просто потомственное звание). В семье Л.Г.Эренбурга, кроме сына, была еще младшая дочь Наталья. Гимназистом Илья вступил в меньшевистскую организацию и этой партии не изменил до конца дней. Всю жизнь он сочетал интерес к социал-демократии с интересом к живописи и спорту (теннис). Как пишет его биограф, «от отца Илья Лазаревич унаследовал редкое самообладание, организаторские способности, мягкость характера и твердость духа»². Состоятельность семьи позволяла ему и сестре, также имевшей художественные склонности, смолоду совершать зарубежные поездки. В 1905 году, когда И.Л.Эренбург уже был студентом юридического факультета, у него был произведен первый обыск, не давший полиции результатов. 28 октября 1907 года его арестовали и заключили в киевскую Лукьяновскую тюрьму. Судя по тому, что родители навещали его в тюрьме еженедельно, они либо регулярно наезжали в Киев, либо туда переселились. В цитированной уже биографии И.Л.Эренбурга есть информация о тогдашней Лукьяновской тюрьме: рассчитанная на 600 заключенных, она содержала 2200, из них 300 политических; камеры размером 6 шагов на 15 – в них сидело 18–20 политических или по 50–60 уголовников (спали на столах, на скамейках, на полу); тюрьма была на военном положении, и однажды на глазах Ильи Лазаревича солдат убил (в затылок, без предупреждения) его товарища, стоявшего с книгой у окна; от истощения 300 человек заболели тифом, многие умерли.

¹ Соответствующие архивные материалы опубликованы в кн.: *Попов В., Фрезинский Б.* Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества. Т. I. СПб., 1993.

² Ксерокс машинописи неподписанной и незавершенной биографии И.Л.Эренбурга (возможно, принадлежащей перу Б.И.Николаевского) прислан автору Дж. Рубенстейном; эта биография основана лишь на тех материалах, которые хранятся в фонде Б.И.Николаевского в Гуверовском институте; текст этой же самой биографии был показан мне И.Лемпортом в Париже в 1993 г.

В коллекции Б.И.Николаевского, хранящейся в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США), имеются ряд писем И.Л.Эренбурга из тюрьмы к родителям и сестре (1907–1908). Эти материалы любезно присланы мне Дж. Рубенштейном. Приведу из них хронологически те фрагменты, которые передают и тюремную атмосферу, и характер корреспондента (картина тюрьмы, которую рисует Илья Лазаревич, почти благодная, она, несомненно, далека от действительности; в письмах сестре он несколько более откровенен).

Ноябрь 1907:

«Вчера получил бумагу, перья, конверты и промокашки. Пожалуйста, передай мне мочалку и мыло. Вчера ушел этап <...> Говорят, что на поруки можно отпустить только пока дело не передано прокурору, а наше дело, говорят, идет очень быстро и следствие окончится в течение этого месяца. Скоро ли будут личные свидания, т.е. не через решетку? <...>

Примирились ли вы с мыслью, что всякому студенту приходится когда-нибудь сидеть? Я чувствую себя великолепно. Правда, время проходит почти совсем непроизводительно и летит, летит страшно быстро <...> Но можно надеяться, что не всегда придется сидеть в столь густо-населенной камере, и тогда время не только не потеряно, но даже выиграно. Я знаю, что вам трудно так просто отнестись к этому, но представьте себе, во-первых, что я просто уехал на некоторое время, а во-вторых, теперь сидит так много народу и так попусту, что это можно считать делом самым обыкновенным».

30 ноября:

«Вчера меня свидетельствовал д-р Баранов. Результаты не знаю. Кишку, кажется, нашел. О легких не знаю. Чем дальше, тем у нас в камере становится тише и тем легче заниматься. Может быть, впрочем, просто привык. Хотя на свиданиях вы имеете вид спокойный и приличный – на душе у вас по-видимому совсем не прилично. Мне ужасно неловко, что из-за меня и для меня столько хлопот, тогда как я чувствую себя как дома (это не значит, что дома я себя чувствую как в тюрьме). Но подумайте сами. Огромное здание, масса корпусов. Население – больше 1000 человек. 250 политических. На нашем коридоре – 100 человек! Значит, нет никаких оснований чувствовать себя как-нибудь особенно. Живу здесь, как жил бы где бы то ни было в другом месте. Пища теперь очень обильная и хорошая. Никаких особенных неудобств не испытываешь. Другое

дело было в Бульварном участке... 28-го выпустили из нашего коридора Селиковского, редактора Киевских Вестей. Я писал вам о художественных принадлежностях. Но теперь я думаю, не стоит. До порук неизвестно сколько времени. Может быть, совсем не так много. И если какой-нибудь месяц, то и возиться не стоит. Успею потом. Тем более, что дни теперь коротки. Но против карандаша и альбомчика (с не слишком шероховатой бумагой) ничего не буду иметь против. <...> Я ежедневно играю 4 партии (minimum) в шахматы с разными игроками и за все время проиграл 5 партий, причем последнюю неделю – ни одной. Свидание с папой было чрезвычайно кратко! Вероятно потому, что в этот день было много народу. <...> Подумайте, вы теперь можете быть за меня куда покойнее. Здесь я в полной безопасности. Я избегаю даже многих опасностей, которые угрожают на каждом шагу обывателям.

<...> Сегодня начальник передал, что с будущей недели будут кой-какие льготы. 1 час прогулки. Параша, которые ставятся на ночь в камеру, будут совсем приняты. На передачах будут присутствовать некоторые политические. Да, еще маленькая новость. После долгих разговоров, наконец рассортируют политических. Административных отдельно. Получивших крепость отдельно. Теперь заниматься совсем хорошо. Утром. Вечером похуже, но тоже можно часа 3–4. Но вечером я заниматься не умею».

19 декабря (сестре; перевод с французского):

«Я получил твое милое письмецо, первое от тебя, и оно доставило мне много радости. Скажи, ничего, что я пишу по-французски? Если тебе приятнее по-русски, я готов. <...> Я оказываюсь самым счастливым из всех. Действительно, я себя чувствую как christos za pazuhoi. Клопы, о которых ты мне пишешь, уничтожены, я посыпал долматским порошком и изгнал их, вытряхнув матрац и простыни на дворе. Что в тысячу раз хуже – это вши, но они исчезли. Ах, сестренка, я не знаю, о чем и что буду думать через два года, но теперь я счастлив, спокоен, в безопасности и доволен. Уровень заключенных очень низок, но у меня есть несколько новых друзей. <...> Маленькие телеграммки, которые летят при помощи веревок из одного корпуса в другой, называются “пистолетами”. Пишут друг другу глупости, пустяки. О, если б это были только глупости. Уровень не очень высокий. Очень интересно и занимательно, когда нахо-

дишься в тюрьме, – поболтать, написать, увидеть лицо другого пола. Бог мой, можно и полюбить. Можно пошутить, однако здесь это происходит как в гимназии или пансионе. И это не похоже на политическую тюрьму. Я не обобщаю. Я не говорю от всех. Получил пастели, карандаши и альбом. Могу рисовать. Только немного неприятно, что здесь совсем мало знают – что такое рисовать. Это всегда неприятно. Мама говорит, со слов Жоржа, что в журналах было несколько слов по поводу нашей студенческой выставки и что я был замечен. Я ведь очень чувствителен к похвалам. Они мне приятны. <...> Сегодня мама попросила у меня разрешения поехать отдохнуть вместе с папой и не навещать меня это время. Тссс... Не говори родным, упаси тебя Бог! Я был в течение нескольких дней в больнице! У меня была чесотка. Прошла очень быстро. Ты видишь, мама это даже не заметила, хотя она меня видит каждую субботу. Там было прекрасно. Просторная комната, светлая, с высокими потолками, на 14 больных. Другая – меньше, на троих. Один из них – я. И передняя. Ванная комната. Вокруг сад. Два часа прогулки по аллеям. Не шумят. Люди серьезные, читают. Комнаты не закрыты. Всего лишь один охранник в саду, в комнатах – нет. Чувствовалось почти как на свободе. Если б у меня были краски, как прекрасен был бы этот сад. У стен тюрьмы».

22 декабря:

«...Были ли на выставке мои последние работы из Le Pontu? Кто еще принимает участие в выставке? Были ли на выставке мои маленькие quasi-литографии?»

28 декабря:

«Вы, наверное, подумаете, что это я для праздничка вам хорошие вещи говорю. А между тем, это факт! И ничего с ним не поделаешь! Я сейчас в таком веселом и хорошем настроении, какого давно не припомню. Правда, можно было бы больше заниматься, чем я это делаю, ну да за всем не угонишься. Я мечтаю только об одном: чтобы вы были также веселы, как я».

2 января 1908:

«Вот это для меня неожиданность, что вы оказались в Ницце! <...> А вы, дорогие мои, как приедете, ведите себя приличнее. А то я уверен, что сейчас же начнете бегать, ездить, волноваться – в то время, как я спокойно сажу в Лукьяновке. Римским правом я занимаюсь ежедневно, но дело идет очень медленно. Все же я надеюсь, что преодолев бесконечные латинские фор-

мулы, и остальное быстро проглочу. Следствие по моему делу еще не закончено, но говорят, что это так быстро здесь не делается. Вообще вам причинили гораздо больше неприятностей, чем мне, и это досадно».

11 января 1908 (сестре):

«Я уже четыре недели как нахожусь в больнице, но это имеет свои хорошие стороны. Пища, воздух, все значительно лучше, чем у меня на квартире <...> Начал рисовать. Читаю. Хорошо, спокойно. Тихо. Чувствую себя великолепно. Дай Бог всякому. Можешь себе представить, какая пакость Римское право! Все идет, а Римское право не идет. Скучная вещь! Что делается у нас! На днях в Киеве военно-окружной суд дал двум студентам по 15 лет каторги за попустительство и недонесение властям. В тот же день за недонесение властям по поводу убийства станового пристава – двум по 10 лет каторги. И так каждый день. В Петербурге, Москве, Одессе и Киеве ежедневно по несколько смертельных казней за то или другое, иногда очень мелкое дело. С большим удовольствием взялся за рисование. Конечно, портреты. Каких художников ты теперь видишь, с кем знакома? Новый год встретил тихо, но благородно. В пять минут первого заснул <...> Здесь можно увидеть много симпатичного, много несимпатичного, много трагедий, очень много. Это интересно. У каждого самого простого, неинтересного человека, оказывается, есть и душа, и чувства, и мысли. Совсем неожиданно иногда. А у других, у которых могло бы быть что-нибудь, оказывается что-то склизкое и дряблкое вместо внутренностей, приблизительно то, что Горьковский черт вытащил из сердца человека».

28 января:

«Сегодня меня вызвали в Жандармское Управление для прочтения всего следственного материала. Теперь следствие закончено, и дело передадут в Киевскую Судебную Палату – прокурору. Может быть, если не будет задержки, дело будет назначено еще до Пасхи к разбирательству. Чтобы не задерживать дела, я заявил, что свидетелей вызову потом к суду и никаких ходатайств не возбуждаю. Справлялся относительно выхода под залог. Оказывается, теперь это уже дело прокурора. Вчера получил письмо от сестры. Написала длинное письмо. Молодец. Сегодня ровно три месяца, как меня арестовали. Сегодня же были в бане. Таким образом, сегодня радостный день. Последние дни Киевская палата до-

вольно щедро раздавала и каторгу и ссылку по 126 ст., но не думаю, чтобы мне следовало опасаться чего-либо. В деле ничего нового нет».

29 февраля (13 марта) 1908 года киевская украинская газета «Рада» поместила в разделе информации «В Київській судовій палаті» сообщение о том, что на 21 марта назначено слушание дела И.Л.Эренбурга, Л.Г.Рудницкого, П.Н.Стечкина и Бурьяна, привлеченных по социал-демократической конференции.

Защитил И.Л.Эренбурга знаменитый московский адвокат Н.В.Тесленко. На суде И.Л. был спокоен. (Перед самым судом он писал сестре: «Через четыре дня суд. Бедные родители. Они волнуются. А я спокоен, как всегда. Ты ведь знаешь, что это так. Несколько лет тюрьмы или ссылки мне ничуть не кажутся неприятными»). А сразу после суда он писал родителям: «Я был в ужасно хорошем и веселом настроении на суде, и мне было как-то смешно, что вы все такие серьезные и важные. Впрочем, настроение духа будет у меня всегда веселое – будет ли суд во вторник или в среду, в марте или в мае». И еще одно письмо: «Живу здесь как в Grand Hotel'e. Было бы, право, хорошо, если бы вы поверили и вняли и не волновались. А то мне стыдно, что я над собой не плачу и не горюю. Такой уж я нечувствительный. Ведь, как подумаю, над чем мне горевать, так и сам не знаю. Кажется, ничего печального не случилось. Если бы, если бы только это касалось меня одного».)

Восемь месяцев И.Л.Эренбург провел в тюрьме, затем удалось выпустить его «на поруки», и, после внесения крупной суммы в залог, он (видимо, в июле 1908 года) отправился за границу. Сначала (вместе с сестрой) он поступил в школу живописи в Мюнхене, а затем к началу нового учебного года оказался уже в Париже, где продолжил обучение на юридическом факультете.

В ПАРИЖЕ

Есть несколько источников информации о социал-демократической работе И.Г.Эренбурга в Париже – воспоминания М.Н.Киревой (Левиной)³, в которых, в частности, рассказывалось о молодежном спектакле по пьесе Л.Андреева «Дни нашей жизни», поставленном при участии И.Г.Эренбурга; записки Т.И.Вулих⁴, в которых описан и гнев Ленина, вызванный сатирическими журналами И.Г.Эрен-

³ Вопросы литературы. 1982. №9. С.144-157. Готовя эти воспоминания к публикации, удалось прояснить некоторые эпизоды из жизни русской социал-демократической колонии в Париже, в частности, связанные с В.И.Лениным.

⁴ Хранятся в Гуверовском институте (США), цитировались в «Хронике жизни и творчества И.Г.Эренбурга». Т.1 (см. прим.1; далее – Хроника. Т.1)

бурга, которые он выпускал в Париже в 1909 году и которые повлекли изгнание их редактора из большевистской группы; наконец сами эти журналы «Бывшие люди» и «Тихое семейство»⁵ (они упоминаются и в воспоминаниях Г.Зиновьева⁶). К этому добавим несколько архивных документов – они хранятся в фонде Зарубежных групп содействия РСДРП бывшего архива ЦК КПСС и цитируются здесь впервые.

Благодаря воспоминаниям М.Н.Киреевой в свое время была установлена история спектакля, поставленного большевистской группой содействия РСДРП по пьесе Л.Андреева «Дни нашей жизни». Работа над этим спектаклем объединила всех молодых участников (среди них был и И.Г.Эренбург). Теперь обнаружен протокол собрания группы, подтверждающий дату спектакля (6 февраля 1909 года), прежде восстановленную по письму Ленина⁷; оказывается, этот спектакль собирались повторить; в протоколах сохранился и финансовый отчет о спектакле (приход 631,3 франка, расход 524,85 франка⁸). В черновиках протоколов группы есть запись от 26 апреля 1909 г. о выборах представителей в социал-демократическую читальню, которой ведал М.А.Ингбер («библиотека Мирона»), – среди трех человек избран и «Илья»⁹, т.е. И.Г.Эренбург. Упоминается он еще дважды – среди записавшихся выступить 5 мая 1909 г.¹⁰ и в протоколе 19 июня 1909 года среди присутствовавших на сообщении С.А.Лозовского¹¹ (все присутствовавшие, кроме председателя большевистской группы содействия С.А.Лозовского и секретаря Ф.Н.Ильина, названы только по именам; среди них расшифровываются еще Захар – Оскар Лещинский¹² и Ефим – Василий Эллена¹³).

⁵ См.: *Фрезинский Б.* Парижские журналы Ильи Эренбурга // *Русская мысль* (Париж). 1996. № 4132, 4133, 4134. Июнь–июль.

⁶ «Нас “поливали” не только Мартов и Дан, но и <...> сторонники Плеханова – вплоть до Эренбурга (его звали тогда Илья Лохматый, он не был еще известным писателем, а не так давно отошел от большевиков и пробовал свои силы на издании юмористического журнала “Бывшие люди”, листовок против Ленина и проч.)». // *Известия ЦК КПСС.* 1989. №7. С.166.

⁷ *Ленин В.И.* Полное собр.соч. Т.55. С.267.

⁸ РЦХИДНИ. Ф.366. Оп.1. Ед.хр.1. Л.9.

⁹ Там же. Ед.хр.4. Л.10б.

¹⁰ Там же. Л.5об.

¹¹ Там же. Л.14.

¹² См. нашу публикацию: Елизавета Полонская. «Оскар Лещинский» // *Нева.* 1987. №4. С.193–195.

¹³ См. его письмо И.Г.Эренбургу, направленное 16 июля 1946 г. из Парижа с воспоминаниями о 1909 году (РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.2453. Л.30). В этом письме есть такие строки: «Может быть, Вы и забыли товарища Ефима из большевистской партийной группы и семинара философии нашего незабвенного Ильича. Я часто вспоминаю наши прогулки после занятий в семинаре, когда мы кружили вокруг Бельфорского Льва и говорили о поэзии. Помню Ваш бархатный костюм и широкополую шляпу и Ваш первый печатный труд».

В декабре 1909 года И.Г.Эренбург (после не удовлетворившей его поездки к Троцкому в Вену) окончательно отошел от большевистской группы. «Эренбург порвал с группой и занялся литературой, – вспоминает Т.И.Вулих¹⁴. – Мы его потом встречали в Латинском квартале, но совершенно преобразившегося. Из чистенького гимназиста “хорошей семьи” он превратился в неряшливого, лохматого представителя богемы... Он порвал всякие отношения не только с группой в целом, но и со всеми ее членами».

В августе 1910 года в Париже вышла первая книга И.Г.Эренбурга «Стихи», вызвавшая многочисленные отклики в России.

В биографии Эренбурга, изданной в Петербурге в 1990 г., читаем: «И хотя еще в 1911 году на афише о выступлении Эренбурга (тема: импрессионизм) значилось – “группа содействия РСДРП”, к тому времени начинающий поэт разошелся со многими из прежних друзей»¹⁵. Не один только автор этой книжки совершил подобную ошибку; сотрудники архива ИМЭЛ, хранившие партийный фонд Зарубежных групп содействия РСДРП, также все упоминания об «И.Эренбурге» в этом архиве отнесли на счет И.Г.Эренбурга. Между тем, здесь речь идет об Илье Лазаревиче Эренбурге. Не сделать этой ошибки было легко, для этого достаточно знать о существовании в Париже двух Эренбургов с одинаковым именем¹⁶.

Точное время прибытия в Париж И.Л.Эренбурга нам неизвестно. По прибытии он установил связи с парижской меньшевистской организацией и начал сочетать учебу и занятия живописью с работой в группе; судя по его письмам, он жил в Париже не постоянно, а наездами, по несколько месяцев. Центральное бюро заграничных групп РСДРП (далее ЦБЗГ), которое объединяло все политические течения партии, возглавлял Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936), находившийся в эмиграции с 1904 года. Г.В.Чичерин был тогда меньшевиком, и у И.Л.Эренбурга, несмотря на разницу в возрасте, установились с ним товарищеские отношения. Партийную переписку и публицистическую работу Г.В.Чичерин осуществлял под псевдонимом А.Орнатский; именно так обращался к нему в некоторых своих письмах и И.Л.Эренбург, хотя на конвертах писал неиз-

¹⁴ См.: Хроника. Т.1. С.63.

¹⁵ Рубашкин А. Илья Эренбург. Путь писателя. Л., 1990. С.19.

¹⁶ Нельзя исключить появления в Париже и третьего Ильи Эренбурга (Илья Захаровича); во всяком случае, в письмах И.Л.Эренбурга из тюрьмы в Париж сестре содержатся допускающие такую мысль упоминания – 19 декабря 1907 г.: «Ты мне пишешь об Ильюше и Тиле, но не пишешь, что они делают»; 11 января 1908 г., советуя сестре познакомиться с одной художницей в Париже, замечает: «Илья должен знать ее». В первом случае достаточно правдоподобно предположение, что речь идет о кузенах И.Л. и Н.Л. Эренбургов – молодых юристах Илье Захаровиче Эренбурге и его сестре Матильде Захаровне; к Илье Григорьевичу эти упоминания, разумеется, относятся не имеют.

менно: Mr. Tchitcherine, 11, rue Severo, Paris XIV. Самый ранний документ И.Л.Эренбурга в фонде ЦБЗГ датирован 25 июня 1910 года; это письмо Чичерину касается проблемы, существенной для любых подпольных групп:

«Уважаемый товарищ, вчера получил Ваше письмо относительно тов. Абрама. Я этого товарища встречал три года тому назад в городском районе Харьковской организации. Знаю, что он был очень деятельным членом этого района и, кажется, пользовался полным доверием. Вообще за 1906-й и 7-ой годы в гор. р<айоне> все обстояло совершенно благополучно и не было случая кого-либо подозревать. Возможно, что более подробные сведения Вы можете получить у тов. Александра (плекхановца), который был ближайшим другом Анатолия, на которого тов. Абрам ссылается. Это относится к началу 1906 г. Тов. Суров, вероятно, тоже стоял ближе к Абраму. Если Вам нужны будут еще какие-нибудь сведения, я к Вашим услугам. С тов. приветом И.Эренбург.

E.Ehrenbourg 103 rue de Vaugirard»¹⁷.

В качестве «общественно-партийной» работы И.Л.Эренбург избрал чтение лекций в различных городах и странах о современной французской живописи (в основном для русскоязычной публики, объединенной социал-демократическими организациями). Лекции эти читались для пополнения партийной кассы. Но особенную радость И.Л.Эренбург испытывал, когда его слушателями были российские рабочие, судьбой заброшенные в Европу (понятно, что доход от их посещения был не великий, но просветительской стороной этой работы И.Л. дорожил куда больше, чем финансовой). В переписке ЦБЗГ, которую вел в связи с этими лекциями в 1910–12 годах Г.В.Чичерин, помимо И.Л.Эренбурга, встречаются имена Ш.Раппопорта, А.М.Коллонтай, А.В.Луначарского, Л.Д.Троцкого, Я.А.Тугендхольда.

11 ноября 1910 года И.Л.Эренбург сообщает сестре и родным: «В следующий четверг читаю свою 2-ую лекцию: Греция и Рим. Посмотрим, есть ли еще желающие после первой прийти на вторую лекцию. Порядочно заставил я публику помучаться на старых черепках каменного века»¹⁸. Подробный рассказ о второй лекции в письме сестре от 14 декабря: «Посылаю тебе афишку моей 2-й лекции. Говорят, она сошла значительно лучше первой. Количество публики меня совершенно удовлетворило. Было человек 50. Причем

¹⁷ РЦХИДНИ. Ф.276. Оп.2. Ед.хр.364. Л.50.

¹⁸ Это, как и следующее, письмо цитируется по ксерокопии из Гуверовского института (США).

почти ни одного интеллигента: все рабочие и большинство то же, что и на 1-й лекции. А после лекции я отправился в воскресенье в Лувр с желающими из моей публики. Было тоже человек 20, что весьма достаточно. 3-ью лекцию, в которой я думал говорить об архитектуре готики и ренессанса или вообще от начала христианства, вплоть до ренессанса (но без него), вероятно, не удастся прочесть в этом году. Дней через 10 открывается наше кабаре¹⁹, которое отнимает порядочно времени, а потом, вероятно, поеду в Ниццу, т.к. родители туда едут». Далее в этом письме – итог пребывания в Париже: «Раньше я ежедневно работал в школе 4 часа. Теперь думаю подойти поближе к юридическим наукам. Остался уже месяц до окончательных экзаменов. <...> Правду сказать, нелегко заниматься 10-тью делами в одно время. Я в этом году рано приехал в Париж и приехал собственно уже утомленным. Теперь я уже здесь 3,5 месяца. Итоги: 2,5 месяца в школе, довольно много картин дома; 2 лекции по истории искусств, выставка (одна в Salon d'Automne²⁰ – не приняли, другая в Union – выставил), кабаре, несколько статей по кооперации, целый ряд других дел, потом несколько вечеров, где много танцевал».

В фонде ЦБЗГ на папках с бумагами 1910–1911 годов начертано «Дела с упоминанием И.Эренбурга», и хотя написавший это несомненно относил материалы к И.Г.Эренбургу, речь в них идет именно об И.Л.Эренбурге.

Приведем фрагменты из хранящейся там переписки.

11 декабря 1910 года (Г.В. Чичерин из Парижа в Цюрих):

«Уважаемый товарищ! Тов. Эренбург читает в партии ряд лекций по истории искусства. Его лекции, сопровождаемые туманными картинками, имеют в виду главным образом рабочую аудиторию и заключают в себе часть сведения, неизвестные лицам, окончившим гимназию. Однако, при любви к своему предмету и глубокому поклонению искусству, которой проникнуты, они представляют большой интерес и для интеллигентов. Думаете ли Вы, что можно организовать в Женеве, Лозанне, Берне и Цюрихе чтение этих лекций? Ему пришлось бы в каждом месте оставаться на несколько дней и читать каждый вечер. С товарищеским приветом Секретарь Центрального бюро заграничных групп РСДРП Орнатский»²¹.

¹⁹ Как утверждается в цитированной машинописной биографии И.Л.Эренбурга, художественное кабаре в Париже задумали и осуществили оба кузена (И.Л. и И.Г.) вместе.

²⁰ Осенний салон – ежегодная выставка живописных работ в Париже.

²¹ РЦХИДНИ. Ф.276. Оп.2. Ед.хр.95. Л.80.

25 октября 1911 (в Париж, Г.В. Чичерину):

«Дорогой друг! Ввиду того, что Эренбург мне и моим знакомым неизвестен, трудно надеяться на успех. Меня удивляет, что т. Алексинский²² ничего не написал. Ведь Вы обещали, что он напишет. Почему? Публика здесь уже собралась. Лектор с именем мог бы иметь успех»²³.

5 ноября 1911 (Г.В. Чичерин из Парижа):

«Дорогой друг, Эренбург хочет ехать с рефератом сейчас, чтобы быть опять в Париже около 20 ноября. Он едет в Страсбург, а т.к. Карлсруэ в двух шагах от Страсбурга, то кстати удобно будет устроить его реферат и в Карлсруэ. К сожалению, с Дармштадтом и Гейдельбергом сношения не возобновились, на наши письма, посылаемые туда по старым адресам, никто не отвечает. Постарайтесь, пожалуйста, поскольку для Вас возможно, восстановить отношения с Дармштадтом и Гейдельбергом. Тогда Эренбург мог бы читать и в этих двух местах. Тема – импрессионизм и нео-импрессионизм. Если в Страсбурге эта тема может отпугнуть, то можно заменить заглавие другим: Искусство начала XX века – т.к. Эренбург хочет ехать *сейчас*, то напишите ему немедленно. Его адрес Mr Ehrenbourg, 103 rue Vougirard, Paris VI. Одновременно напишите об этом мне. Нансийский адрес у него есть; в Страсбург я ему дал адрес. Итак, надо, чтобы из Страсбурга и Карлсруэ списались с Вами и столкнувались. После покрытия его путевых расходов, из остального дохода половина может остаться на месте, а половина должна быть передана ему (он ее передаст). Орнатский»²⁴.

9 ноября 1911 (Г.В. Чичерин из Парижа):

«Дорогой друг, произошло крайне досадное недоразумение: Эренбург живет уже на новой квартире: Mr Ehrenbourg, 7 rue Vara, Paris VI. Мое письмо, посланное ему по тому адресу, который я Вам дал, не дошло. Значит, если Вы ему писали, Ваше письмо тоже несомненно не дошло. Во всяком случае напишите вторично

²² Григорий Алексеевич Алексинский (1879–?) – участник российского социал-демократического движения, с 1905 – большевик, с 1908 – один из руководителей группы «Вперед».

²³ РЦХИДНИ. Ф.276. Оп.2. Ед.хр.175. Л.17.

²⁴ Там же. Ед.хр.95. Л.15-17.

Эренбургу, дайте ему адрес для непосредственных быстрых сношений, и куда обращаться по приезду; он хочет закончить турнэ около 20 ноября. Орнатский»²⁵.

<9 ноября 1911, Г.В. Чичерину>:

«Уважаемый товарищ Орнатский, я еще в среду утром был на своей старой квартире и нашел там письмо из Карлсруэ. Я оставил консьержке свой адрес, на всякий случай зайду еще раз сам. В Карлсруэ я еще не ответил, т.к. хотел получить раньше другие письма. Хотел бы читать в четверг, пятницу и субботу на следующей неделе. Я получил также Ваше старое письмо, которое мне прислали на самой почте, где мой адрес по видимому сохранился и есть надежда, что до сих пор письма не пропадали, даже если консьержка отдавала их обратно почтальону. Привет И.Эренбург»²⁶.

10 ноября 1911 (Г.В. Чичерин из Парижа):

«Уважаемый товарищ! В ноябре т. Эренбург едет в Германию, – по Бельгии он мог бы поехать в декабре. Только обратите внимание, чтоб дата не совпала с рефератом т. Коллонтай. Если Антверпенский народный университет оплатит его поездку, финансовая сторона обеспечена. Он может прочесть реферат “Импрессионизм и неоимпрессионизм” или “Современное французское искусство”. Если в местном народном Доме есть волшебный фонарь, т. Эренбург может захватить с собой пластинки и прочесть курс истории искусства с туманными картинками. В таком случае ему пришлось бы остаться несколько дольше. Если бы удалось организовать такие курсы его с туманными картинками в разных местах Бельгии, его лекции могли бы чередоваться, чтобы все лекции в одном месте не были прочтены подряд, что для публики неудобно. И т. Луначарский мог бы читать лекции и рефераты. Насчет этого обратитесь в техническое бюро группы, по адресу Mr Trainine²⁷, 45 rue Broca, Paris V. Тов. Коллонтай обещала сама списаться с бельгийскими группами. С товарищеским приветом Секретарь Центрального бюро заграничных групп РСДРП Орнатский»²⁸.

²⁵ РЦХИДНИ. Ф.276. Оп.2. Ед.хр.175. Л.23.

²⁶ Там же. Ед.хр.364. Л.52.

²⁷ Илья Павлович Трайнин (1886–1949) – член РСДРП с 1904 г., впоследствии глава цензуры в СССР, затем юрист-академик.

²⁸ РЦХИДНИ. Ф.276. Оп.2. Ед.хр.95. Л.35.

<11 ноября 1911, Г.В. Чичерину>:

«Уважаемый товарищ, не успел Вам ответить, т.к. пришел домой вечером. Из Страсбурга ответа нет. Т.к. Гейдельберг не представляет большого интереса, я думаю, можно было бы ограничиться Карлсруэ (суббота) и Нанси (воскресенье). А если получатся ответы из Страсбурга, можно будет из Нанси вернуться или вообще туда не ехать. <...> Жму руку. И.Эренбург»²⁹.

<Между 10 и 22 ноября 1911, Г.В. Чичерин из Парижа>:

«Тов. Эренбург, прочитавший в прошлом году в Париже несколько лекций по истории искусства, согласен ехать с рефератом “Импрессионизм и неоиmprессионизм”. Должно быть гарантировано по крайней мере покрытие его путевых расходов. Для этой цели надо прислать деньги заранее. Его адрес: Mr Ehrenbourg, 7 rue Joseph-Vaara, Paris VI. Не надо публиковать, что он член партии. Для покрытия расходов надо столкнуться с соседними группами. Секретарь Центрального бюро заграничных групп Орнатский»³⁰.

<Около 20 ноября 1911, Г.В. Чичерину >:

«Уважаемый товарищ Орнатский, совершенно неожиданно я выведен из строя. По-видимому, простудился в дороге или вчера на реферате и у меня свернулась шея. Невозможно повернуть голову. Я до выздоровления нахожусь у д-ра Шлепянова (66, rue Cardinal Lemoine). Спешу послать Вам отчет о поездке, но до этого мне хотелось бы посоветоваться о моем реферате в Париже. Я теперь совершенно не знаю, буду ли в состоянии читать в пятницу. Доктор говорит, что это может пройти и в 2 дня, может продолжаться и 10 дней! Я вижу все неудобство, которое связано с перенесением реферата на другой день – ввиду необыкновенно широкого оповещения публики, и я право не знаю, лучше ли будет в крайнем случае послать свой реферат письменно и попросить кого-нибудь прочесть его. Вы не можете себе представить, в каком я отчаянии и не знаю, к какому решению прийти, если в пятницу не буду в состоянии явиться. Боюсь, что моя болезнь отразится также в деле декорирования зала, т.к. французские художники, хотя и начали уже работать – отказываются продолжать без меня. Я их немедленно извещу о своей болезни и

²⁹ РЦХИДНИ. Ф.276. Оп.2. Ед.хр.364. Л.53-54.

³⁰ Там же. Ед.хр.95. Л.37.

постараюсь уговорить не откладывать работы до моего выздоровления, т.к. и так уже времени очень мало. Что касается концерта, то здесь все налажено, а новая интересная сила, на которую я рассчитывал, даст мне ответ письменно в четверг. Теперь приступаю к отчету: сбор в Страсбурге – 41 фр. 80 с. (34 марки), в Нанси – 32 фр. Итого 95 фр. 10 с.»³¹.

23 ноября 1911 (Г.В.Чичерин из Парижа):

«Эренбург поехал бы, если бы был уверен, что его путевые расходы покроются – поэтому надо, чтобы *несколько городов* устроили его реферат. Могут Лейпциг и <1 сл. нрзб.> покрыть стоимость билета? Не можете ли списаться с кем-нибудь в Дрездене и Галле, чтобы и там устроить рефераты? С Троцким Вы, вот, уже списались непосредственно. Орнатский»³².

30 ноября 1911 (Г.В.Чичерину в Париж):

«Если т. Луначарский изъявит согласие, мы надеемся, что он будет у нас иметь успех. Что касается Эренбурга, мы, к сожалению, его не знаем и потому трудно заранее говорить об успехе»³³.

13 декабря 1911 (Г.В.Чичерину в Париж):

«С приездом Троцкого вышла такая оказия. Одновременно с письмом от Вас, получили латыши письмо от Троцкого. Они в это утро вывесили объявление о его лекции 16 декабря. Когда я зашла в читалку в тот же день днем отменить лекцию, было уже поздно. Конечно, такое совпадение меня крайне удивляет. Не понимаю, почему Вы не сговорились с Троцким. Конечно, теперь уже ничего не поделаешь. Приходится приложить все усилия, чтобы лекция Троцкого не помешала лекции Луначарского»³⁴.

14 декабря 1911 (Г.В.Чичерину в Париж из Карлсруэ):

«Сообщаю Вам, что т. Троцкий прочтет следующие рефераты: 1) 16 декабря в Карлсруэ “Лев Толстой” (к годовщине со дня смерти), 2) 17 декабря в Гейдельберге “О столыпинщине и азевовщине” и очень возможно, что 3) 18 декабря т. Троцкий прочтет реферат в Дармштадте, но пока еще нет ответа от дармштадцев»³⁵.

³¹ РЦХИДНИ. Ф.276. Оп.2. Ед.хр.364. Л.55-56.

³² Там же. Ед.хр.95. Л.51.

³³ Там же. Ед.хр.175. Л.20.

³⁴ Там же. Л.25.

³⁵ Там же. Л.18.

Вернемся к 1910 году.

В двух письмах И.Л.Эренбурга к сестре из Парижа в конце 1910 года (мы их уже цитировали³⁶) содержатся подробные суждения об И.Г.Эренбурге; в них информация о систематических встречах кузенов в Париже и об их, по-видимому, ожесточенных спорах. Приведем эти отрывки из писем.

11 ноября:

«Вчера Илья читал свой реферат: Последний трилистник (Гумилев, Кузмин и Черубина де Габриа³⁷). Народу было очень мало. Человек 20 и то все свои: Шлепяновы³⁸, Тугендхольд³⁹, илюшины знакомые и мои. Но можно только пожалеть тех, кто не пришел. Илья прочел нам даже не реферат, а художественное произведение, красивое, яркое, не уступающее его лучшим стихотворениям. Когда слышишь такие красивые вещи – прощаешь ему его “сжигание кораблей”⁴⁰ и преувеличение. Если ему это нужно было для того, чтобы вернуться – пусть. Не жалко».

14 декабря:

«Илья все дальше уходит в своих взглядах. Вероятно, не малую роль играет стремление к парадоксальности, чтобы ерартер и слушателя и самого себя, найдет какую-нибудь глупость и сам радуется, что дико звучит. В этом отношении логика гонит его все дальше. Теперь он уже ценит искусство, потому что это религия. Спорить с с<оциал>-д<емократами>, которые для нас воплощение земного прогресса и разума, для него невозможно (хотя он постоянно спорит и ругает их), потому что религия и искусство вне жизни, выше ее. Поэты и вообще дух совершенно отделен от земли и не связан ни со своей бральной оболочкой тела, ни условиями среды, времени, пространства. Он прямо говорит, что ведь верующему нельзя спорить с атеистом и позитивистом,

³⁶ Отмечу, что при цитировании этих писем в Хронике. Т.1 была допущена ошибка в годе (указан 1911 вместо 1910).

³⁷ Псевдоним Елизаветы Ивановны Дмитриевой (Васильевой; 1887–1928), под которым ее стихи были опубликованы в журнале «Аполлон» в 1909 году.

³⁸ Семья приятеля И.Л.Эренбурга, врача, практиковавшего в Париже; возможно, родившийся в Киеве художник мейерхольдовского театра И.Ю.Шлепянов (1900–1951) был их родственником.

³⁹ Яков Александрович Тугендхольд (1882–1928) – искусствовед, в 1905–1913 годах жил в Париже.

⁴⁰ Имеется в виду отход И.Г.Эренбурга от социал-демократического движения; об этом им было заявлено даже в стихах: «Я ушел от ваших ярких, дерзких песен, / От мятежно к небу поднятых знамен...» (1910).

тот хочет знать, а этот верит. Он тоже верит, и все остальное ерунда и потому все земные аргументы не действительны, т.к. они на другом языке говорят. Ох, раздражает меня этот свихнувшийся выродок, который воображает витать на небе и отказывается видеть, что сидит в помойной яме. Он постригся теперь. Но отпустил бороду, которая торчит у него, как и голова. Вот его портрет теперь <см. иллюстрации. – БФ>».

Это – несомненная ссора, причем как идеологическая, так и человеческая (столкнулись и взгляды, и характеры), однако кузены при этом не расстались: продолжалась работа над кабаре («Дней через 10 открывается наше кабаре», – писал И.Л.Эренбург в тот же день сестре); косвенное подтверждение тому есть и в записках М.А.Волошина, который вспоминает, как осенью 1911 года пришел к И.Г.Эренбургу в Париже «на Rue Campagne-Première, 8, в этот хорошо знакомый дом, теперь превращенный в гараж, – он там занимал мастерскую. Меня встретили 2 дамы. Одна была Катя (Екатерина Оттовна⁴¹) – его жена, другая – Мария Михайловна – в то время жена его кузена, Ильи Лазаревича...»⁴²

ГЕЛИОС

Следующий период близкого общения двух Эренбургов, который оставил печатный след – 1913 год и снова Париж; этот след связан целиком с журналом «Гелиос»⁴³. История этого журнала вкратце такова. В 1913 году группа русских живописцев и скульпторов, к которой примкнули также жившие в Париже русские поэты и прозаики, организовала «Русскую Академию». Располагалась она в знаменитом «La Ruche» («Улей») – поныне существующем доме художников на Монпарнасе. Поэтесса Елизавета Полонская вспоминала: «Этот дом специально был построен для художников – там можно было снимать и маленькие комнатенки для жилья, и комнаты-мастерские, напоминающие соты. Кухня была общая – на весь этаж. Была и большая общая мастерская-ателье: просторный двух-

⁴¹ Екатерина Оттовна Шмидт (по второму мужу Сорокина; 1889–1977) – первая жена И.Г.Эренбурга и мать его дочери Ирины, оставила его в 1913 г. в Париже.

⁴² *Волошин М.* История моей души. М., 1999. С.353. Комментируя этот текст, В.П.Купченко пишет, что речь идет, возможно, о М.М.Шкапской. Однако М.М.Шкапская прибыла в Париж в 1913 г., причем в сопровождении двух мужчин – И.Басса и своего мужа Г.О.Шкапского. С другой стороны, в письме И.Л.Эренбурга родителям с Украины в 1920 г. он упоминает имя, по-видимому, своей оставленной в Европе жены – Вера, что, разумеется, не мешает его спутнице 1911 года быть Марией Михайловной.

⁴³ См. прим.5.

светный зал, заставленный мольбертами и станками. Посредине его помещался помост для натурщиков, отгороженный веревками, и ящик с мокрой глиной, а вдоль стен стояли начатые холсты и скульптуры, покрытые тряпками, скрывавшими их от нескромных глаз. Мастерская была вольная, на паях. Доступ в нее имели все желающие писать красками или ваять, независимо от принадлежности к тому или иному направлению... Эту мастерскую прозвали Русской Академией, но кроме русских и поляков в ней работали и другие художники: южноамериканцы, негры; было и несколько французов»⁴⁴. В мемуарах «Люди, годы, жизнь» Эренбург вспоминает не Академию, а существовавший при ней литературный кружок: «В Париже существовал эмигрантский литературный кружок; людей, ставших знаменитыми, в нем не было; помню поэтов М.Герасимова (потом он был в группе “Кузница”), Оскара Лещинского <...>; среди прозаиков были А.И.Окулов <...>, П.Ширяев, С.Шимкевич. Иногда на собрания кружка приходил А.В.Луначарский. Иногда навещали нас скульпторы Архипенко, Цадкин, художники Штеренберг, Лебедев, Федер, Ларионов, Гончарова»⁴⁵. Участница кружка Елизавета Полонская (тогда – Мовшенсон) добавляет к этим именам еще поэтов В.Инбер, М.Шкапскую и М.Талова, прозаиков Н.Ангарского и В.Финка, живописца Н.Альтмана, скульпторов И.Жукова, Эрзю и Старкова⁴⁶. Идея издавать литературно-художественный журнал, посвященный современному искусству, возникла в Академии осенью 1913 года. Назвали журнал по имени бога Солнца в греческой мифологии – «Гелиос». В состав «коллегии» журнала вошли скульптор Л.Гальперин⁴⁷, поэт и художник О.Лещинский⁴⁸, художник и искусствовед П.Чичканов⁴⁹. Они ведали изданием журнала и его художественной частью; литературная была поручена И.Г.Эренбургу, хотя формально он в коллегию не входил (характерно, что, вспоминая журнал полвека спустя, Эренбург написал: «Вместе с Оскаром Лещинским я издавал художественно-литературный журнал “Гелиос”. Мы быстро погорели»⁵⁰). Судя по нескольким сохранившимся воспоминаниям,

⁴⁴ Полонская Е. Русская Академия // Нева. 1987. №4. С.195-197.

⁴⁵ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1. М., 1990. С.110-111.

⁴⁶ Полонская Е. Русская Академия // Нева. Указ. изд. С.196.

⁴⁷ Лев Соломонович Гальперин (1886–1938) – художник и скульптор, с началом Первой мировой войны перебрался в Египет, после революции вернулся в Россию; в Ленинграде занимался живописью и книжной графикой, в пору массовых репрессий был арестован и расстрелян.

⁴⁸ Его сборник стихов «Серебряный пепел» вышел в издательстве «Гелиос» в 1914 г.; в нем есть стихотворение, посвященное И.Г.Эренбургу («Когда я захожу на Montparnasse...»).

⁴⁹ Автор монографии о швейцарском художнике-символисте Фердинанде Ходлере, выпущенной издательством «Гелиос» в Париже в 1914 г.

⁵⁰ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Указ. изд. Т.1. С.112.

главной художественной фигурой журнала действительно был О.Лещинский, а стихами в нем ведал всецело И.Г.Эренбург (художественную прозу журнал не печатал).

Первый (ноябрьский) номер журнала вышел из печати в конце декабря 1913 года. Тираж был вполне респектабельно отпечатан в русской типографии И.Рираховского (бульвар Сен-Жак, 50). Номер открывался по-бальмонтовски высокопарным предисловием редакции («“Гелиос” служит Песне в ее стремлении вперед. Он отражает усилия современников приблизиться к Солнцу. Он хочет сказать всем, кто любит Светило, кто грезит о Свете, кто живет Солнцем: “Слушайте Песню, что царит над миром, и славьте с нами великий Пламень – Солнце”...»). Статья А.В.Луначарского «Отец художественной критики», открывавшая содержательную часть журнала, была посвящена двухсотлетию Дидро; далее следовали статья О.Лещинского «О футуризме» (с обещанным продолжением) и его стихотворение «Пьеро». В номере в переводе с французского были напечатаны «Заветы моим ученикам» Бурделя и статья Я.Тугендхольда о народном творчестве на Осенней выставке в Париже, а также литературные упражнения скульптора Инн. Жукова и многочисленная художественная хроника.

Эренбурги были представлены в номере так:

Илья Григорьевич – стихотворением «Гаснет день чахоточный и хилый» и статьей «Заметки о русской поэзии», в которой он пытался представить обзор современной русской поэзии – кризис символизма и его преодоление новыми авторами.

Илья Лазаревич, укрывшись за подписью И.Эль, выступал с поэтичными «Осенними мыслями» (статьей, навеянной предстоящим Осенним салоном в Париже). Последовательный поклонник Сезанна, не понаслышке знакомый с работой и жизнью парижской художественной богемы, он размышлял над судьбой едва ли не ежегодно появлявшихся в Париже новых школ: «Откроет ли новая школа эру в истории искусства или о ней забудут уже к весне? Останется она в благодарной памяти или неблагодарные эпигоны будут смешивать ее в своем невежестве с живописью прошлого сезона? Головокружительная быстрота, с которой пророки сменяют друг друга, жажда, с которой художники, критика и публика хватаются за всякую новую формулу, жар, с которым защищается всякое новое слово, даже когда оно этого совсем не заслуживает по своему внутреннему содержанию, незаслуженное и злобное высмеивание, с которым покидают это новое слово, чтобы ухватиться за другое, еще более новое – все это признаки лихорадки, признаки болезни и хаотичности современного состояния искусства». Критикуя «сегодня» нового искусства, И.Л.Эренбург глобальные надежды на его «завтра» связывал с общественным обновлением, с социализмом: «Если общее состояние современного искусства и современного общества наводят

на грустные размышления, если они приводят меня к выводу, что новый расцвет возможен только при новых, совершенно изменившихся условиях жизни, – то в рамках настоящего общества все же должна быть борьба за искусство. Эта борьба будет продолжаться, т.к. жажда красоты никогда не умирает»...

Еще одно имя в первом номере «Гелиоса» принадлежит «клану» Эренбургов – Наталии Лазаревне. Она была организатором выставки русского народного искусства при парижском Осеннем салоне 1913 года; несколько материалов номера посвящено этой выставке (заслуги Н.Л.Эренбург отмечены и в статье «Народное творчество», подписанной Н.И., и публикацией в журнале иллюстраций из ее коллекции); этой же выставке посвящена и написанная к ее открытию по-французски статья Я.Тугендхольда «О русском народном творчестве в Salon d'Automne». Профессиональный интерес к собиранию и изучению предметов русского народного творчества оставался у Н.Л.Эренбург всю жизнь; в личной библиотеке И.Г.Эренбурга сохранился каталог большой выставки русской народной игрушки из собрания Н.Л.Эренбург-Маннати (Дортмунд, 1961 г.)⁵¹.

В художественном оформлении первого номера «Гелиоса» были использованы не только репродукции работ западных мастеров, но и работы живших в Париже русских художников И.К.Лебедева (в 1916 году он оформил две книжки переводов И.Г.Эренбурга – из Вийона и де Безье) и Л.Н.Мямлиной (ставшей женой О.Лещинского).

Номер закрывался уведомлением «От редакции»: «“Гелиос” организован группой художников на основах товарищеского сотрудничества. В каждом номере принимают участие граверы, резчики по дереву, художники, поэты, критики и т.д. Желая сделать “Гелиос” возможно более интересным, редакция обращается ко всем, сочувствующим нашему журналу, с просьбой о присылке статей, сведений о выставках, книгах и т.п.».

Парижское начинание русских художников вызвало отклики российской прессы. Московская «Столичная молва», сообщив 27 декабря 1913 г. о выходе первого номера «Гелиоса», заметила: «“Гелиос” издается по типу “Аполлона”, организован группой художников на основе “товарищеского сотрудничества”. Группа эта окрестила себя громким названием “Русская академия”». Упомянула газета также публикацию в журнале статьи и «мрачного» стихотворения И.Эренбурга...

Обстановку в редакции «Гелиоса» в пору подготовки второго номера журнала описал в неопубликованных воспоминаниях поэт Марк Талов:

⁵¹ Von Russischen Jahrmärkten Ehedem. Sammluns Ehrenburg-Mannati. Paris. Dortmund, 1961.

«Стол Оскара Лещинского был завален корректурными гранками второго номера журнала, а также книги стихов Оскара “Серебряный пепел”. Кроме того, готовились к печати книги П.Чичканова “О творчестве Ходлера”, И.Эренбурга “Поэты Франции”, книжка стихов Валентина Немирова “Вечерний сад” и, наконец, книга дебютировавшей тогда Веры Инбер “Печальное вино”⁵². Все эти издания финансировал Валентин Немиров, прожигавший одно за другим “наследство всех своих родных”. Здесь же я впервые услышал имя Ильи Эренбурга, склонявшееся у Лещинских во всех падежах. Его стихи любили, но им были недовольны, потому что в качестве редактора стихотворной части журнала он широко пользовался своими правами»⁵³.

Продолжим цитирование этих воспоминаний: «В первую же субботу Оскар повел меня на еженедельное собрание русского Литературно-Художественного кружка в кафе на авеню д’Орлеан. В тот вечер в особенности я много наслышался об Эренбурге: что он, якобы, чересчур возомнил о себе и поэтому игнорирует кружок, и то, что он никого не признает, и то, что он держит себя каким-то новоявленным Артюром Рембо. Свои стихи, подобно Полю Верлену, он почему-то пишет на людях, в кафе. Несли всякий несусветный вздор относительно него. Его высмеивали члены Литературно-Художественного кружка, уязвленные тем, что он их не признает, что ушел из кружка и держит себя независимо. Были и другие члены кружка, как, например, Елизавета Полонская⁵⁴, Михаил Герасимов⁵⁵ и Кирилл Волгин⁵⁶, которые, наоборот, всячески превозносили его, считали его сложившимся поэтом, не лишенным дарования. У него был круг почитателей. Среди них Оскар и Марк⁵⁷ Лещинские, Ва-

⁵² За выпуском этой книги присматривал И.Г.Эренбург, т.к. В.Инбер уехала на лечение в Давос; книга была оформлена знаменитым впоследствии скульптором Осипом Цадкиным; но книга эта вышла в Париже осенью 1912 г.

⁵³ Цитируется по машинописи воспоминаний из большого корпуса материалов Комиссии по наследию И.Г.Эренбурга, готовившей сборник воспоминаний о нем в 1970-е годы. В настоящее время хранится у автора статьи.

⁵⁴ Стихи Елизаветы Григорьевны Полонской (урожд. Мовшенсон, Полонская после 1916 г.; 1890–1969) впервые были напечатаны (под псевдонимом Елизавета Бертрам) в журнале «Вечера» (Париж, 1914. Июнь. №2); письма к ней И.Г.Эренбурга (1922–1967) и статья об истории их взаимоотношений см.: Вопросы литературы. 2000. №1, 2.

⁵⁵ Ставший впоследствии известным пролетарским поэтом, Михаил Прокофьевич Герасимов (1889–1939, репрессирован) впервые напечатал восемь стихотворений в журнале «Вечера» (Париж, 1914. Июнь. №2).

⁵⁶ Поэт, известный нам только по публикациям одного стихотворения в №2 «Гелиоса» и восьми стихотворений в поэтическом журнале Эренбурга «Вечера» (Париж, 1914. Май. №1).

⁵⁷ Впоследствии Марк Лещинский выпустил две книги: «Стихи» (Пг., 1922) и «Отто Ранке, поэма» (М.; Л., 1932).

лентин Немиров⁵⁸. О нем отзывался, как об очень интересном поэте парижских будней, Николай Минский⁵⁹. За его столиком всегда сидели французские художники Эжен Корно, Шанталь⁶⁰, Кристин Даллес, которые с вниманием слушали его рассуждения об искусстве).

В январе 1914 года вышел второй, декабрьский номер «Гелиоса»; его формат и объем несколько увеличились по сравнению с первым. Номер открывался сообщением о планах редакции; это обращение было вполне конкретным: «Первой и основной задачей редакция считает освещение новых путей в искусстве. В моменты, когда искания достигают наибольшей остроты и напряженности, всякая попытка разобраться в них не может считаться излишней. Редакция полагает, что издание такого журнала в Париже – центре современной художественной жизни – является большой и жизненной необходимостью. Русским художникам, живущим вдали от этого центра, “Гелиос” даст возможность стать ближе к истокам французского искусства».

По-прежнему многие материалы номера были посвящены Осеннему салону 1913 года – центральному событию парижской художественной жизни (статьи А.Мерсеро, Л.Воксель, М.Ленуара, И.Л.Эренбурга и др.).

Как и в первом номере, здесь печатались материалы трех Эренбургов: Илья Лазаревич был представлен на сей раз вполне обстоятельным, с массой имен, критическим обзором «Пейзаж в Осеннем салоне» (статья была напечатана под его полным именем и лишь для сохранения преемственности в скобках указали «И.Эль»); Илья Григорьевич – стихотворением «В Брюгге», статьями «Новые поэтессы» (Ахматова, Цветаева, Шагинян, Моравская), «Французская литература в России», «Русская литература во Франции» и обзором новинок французской литературы (в содержании журнала после имени И.Эренбург в скобках указано: «Поэт», чтобы не путали с художником); Наталия Лазаревна – статьей «Обстановщики», которая самим названием (статья о дизайнерах) порадовала бы любителей обходиться без иностранных слов.

⁵⁸ Валентин Немиров опубликовал восемь стихотворений в журнале «Вечера» (Париж, 1914. Май. №1), издателем-редактором которого он числился наряду с И.Эренбургом; его книга «В саду вечернем. Тетрадь стихов» вышла в Париже в 1914 г.

⁵⁹ Пародию на стихи Н.М.Минского Эренбург с товарищами сочинил еще в 1909 г. (см.: Вопросы литературы. 1982. №9. С.153).

⁶⁰ Художница Шанталь Кенневиль (1897–1969) была подругой И.Г.Эренбурга до его отъезда в Россию в 1917 г.; дружеские отношения и переписка между ними сохранялись до конца дней; ей посвящен роман в стихах Эренбурга «В звездах» (Киев, 1919).

Сообщалось в номере и о планах издательства «Гелиос» – в них были как раз те книги, которые упоминал М.Талов, описывая заваленный корректурами стол Оскара Лещинского. Почти все объявленные в номере книги вышли, а вот третьего номера «Гелиоса» читатели не дождались – в 1914 году он перестал существовать...

В те годы в Париже И.Г.Эренбург профессионально занимался поэзией и каждый год выпускал по сборничку стихов. И.Л.Эренбург столь же профессионально занимался живописью – учился у мастеров в студиях, посещал музеи, не пропускал выставок, на которые тогда был щедр Париж, выставлялся и сам. Свои достижения он оценивал скромно; еще в 1910 году самокритично писал сестре «Я продолжаю работать в Академии Каньо. Позавчера опять была корректура Moris Denis⁶¹. Он мне указал на мои недостатки – очень интересно и правильно. Дело в том, что я теперь борюсь с грязными тонами и стараюсь делать красивые вещи, согласно принципу того же Дени: *Votre étude doit toujours être une oeuvre d'art. Elle doit être belle et agréable a regarder*⁶². Я стараюсь также оторваться от шаблонных красок и свободнее относиться к ним и выбирать те, что мне нравятся. Вот относительно этого Дени и говорил. Он находит, что я смотрю на тона “по кускам”. Беру один тон, нахожу в нем тот или другой оттенок, который мне нравится, и делаю его чище и красивее. А потом произвожу ту же операцию с другими тонами, не забывая об общей гармонии, которой у меня нет. Можно изменять краски и тона, говорит он, но нужно сохранить гармонию. А она бывает чистой и красивой иногда и при серых тонах, а не ярких <...> Это именно то, чего у меня не достает: гармонии. И это вещь, которая не приобретается или приобретается с трудом. Это дело вкуса и главным образом врожденного вкуса. Его-то у меня нет». (Любопытно, что знаменитый впоследствии парижский художник Мане-Кац, который в Гражданскую войну был в Харькове, писал в 1919 году об И.Л.Эренбурге: «В работах Эренбурга, даже при поверхностном знакомстве с ними, чувствуется, что художник больше понимает, чем умеет, что у него гораздо больше художественной культуры, чем технических познаний»⁶³).

В Париже И.Л.Эренбург не только занимался живописью и регулярно посещал выставки, он писал о них. И еще – дружил с парижскими художниками. В одной из биографий Шагала сообщается, что, приехав в Париж в 1914 году, он обосновался в квартире художника Эренбурга в тупике Мэн, 18⁶⁴ ...

⁶¹ Морис Дени (1870–1943) – французский художник, символист.

⁶² Ваш этюд должен всегда быть произведением искусства. Он должен быть прекрасным и приятным для глаза (франц.).

⁶³ Творчество (Харьков). 1919. №1. С.32.

⁶⁴ Daniel Marchessau. Chagall ivre d'images. Paris, 1995. P.23.

Обоим Эренбургам было свойственно стремление к изданию журналов. И.Г.Эренбург после того, как безвременно скончался «Гелиос», начал выпускать (совместно с В.Немировым, а точнее говоря — на его средства) поэтический журнал «Вечера». Образцом для него в какой-то мере служил петербургский «Гиперборей» (с ним «Вечера» установили деловую и творческую связь). Всего вышло два номера «Вечеров» — в мае и в июне 1914 года. И.Л.Эренбург, закончив университет и сдав докторат, почувствовал, что сможет уделять журналистике больше времени. Он задумал издавать общественно-политический журнал «Современный мир»; деньги на журнал согласился дать его отец Л.Г.Эренбург, приглашенный для консультаций с лидерами меньшевистской партии в Париж. Согласие было достигнуто...

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ, РОССИЯ И ВОЙНА

Свободная художественная и литературная жизнь обоих Эренбургов оборвалась в августе 1914 года, с началом Первой мировой войны.

И.Л.Эренбург держался последовательно социалистической позиции и, чтобы избежать участия в войне, которую отвергал, вынужден был перебраться в нейтральную Швейцарию; жизнь там была нелегкой. Н.Л.Эренбург-Маннати вспоминала: «В 1914 году война застигла людей врасплох. Это обстоятельство для деятелей искусства было катастрофой: они привыкли разъезжать за границей и даже проживать там. Им пришлось худо. Все лишились возможности работать. Решительно все, бедные, как и богатые, были в нужде. На несколько лет все денежные полочки из России были прекращены. В Лозанне, в 1914 году очутились три художника, приятели: Евгений Зак⁶⁵ (не Леон⁶⁶, который, слава Богу, жив и успешно работает), Крамштек⁶⁷, Илья Эренбург (не писатель Илья Григорьевич, а Илья Лазаревич). Не брезгая грошовым заработком, они пошли веселой кампанией к дягилевскому костюмеру, дающему работу: окраску костюмов золотом (Дягилев в ту пору был в Лозанне с Мясиним⁶⁸, которым он тогда увлекался; подготавливались костюмы для будущих постановок)...»⁶⁹

⁶⁵ Евгений Савельевич Зак (1884–1926) — живописец и график, уроженец Польши; жил и работал в Париже.

⁶⁶ Леон (Лев Васильевич) Зак (1892–1980) — живописец, график, сценограф и поэт; эмигрировал из России в 1920 г., с 1923 г. — в Париже.

⁶⁷ Польский художник; был застрелен в Варшавском гестапо.

⁶⁸ Леонид Федорович Мясин (1895–1979) — танцовщик, балетмейстер, меуарист; в 1914–1921 и в 1924–1928 гг. солист в антрепризе С.П.Дягилева.

⁶⁹ *Эренбург-Маннати Н.* Русские художники XX века // Русские новости (Париж). 1968. №1187. 22 марта. С.2.

И.Г.Эренбург остался в Париже; пытался записаться добровольцем в Иностраннный легион, но был отвергнут по состоянию здоровья; не имея средств к существованию, разгружал вагоны на вокзале Монпарнас. В 1915-м по протекции М.А.Волошина становится корреспондентом русских газет на франко-германском фронте и чем ближе узнает подлинную войну, тем определеннее и резче судит о ней. Его отношение к мировой войне было выражено в книгах «Стихи о канунах» (М., 1916), «Лик войны» (София, 1920) и «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (Берлин, 1922).

Февральскую революцию оба Эренбурга встретили восторженно. Оба ринулись в Россию. У Ильи Лазаревича, как у «действующего» меньшевика, это получилось раньше, чем у его кузена; он ехал в «пломбированном» вагоне (как Ленин и Мартов), оставив в Женеве жену с ребенком, и прибыл в Петроград, где оставался до 1918 года⁷⁰.

Илья Григорьевич, связи которого с РСДРП были полностью разорваны, ехал в составе межпартийной группы, подтвердив принадлежность к политэмиграции свидетельством своего приятеля – знаменитого эсера-террориста и писателя Б.В.Савинкова⁷¹; дата его отъезда определилась жребием. Он добирался в Россию из Парижа через Англию вместе с сотнями русских политэмигрантов и попал в Петроград в самый момент подавления июльского выступления большевиков. Через неделю после приезда И.Г. в Питер «Биржевые ведомости» уже печатали его путевые очерки с впечатляющим описанием дороги и первых петроградских впечатлений – журналистский дар автора (острота, оперативность, точность отбора деталей) проявился в них полной мерой: «На Выборгской стороне обругали “буржуем”, на Невском – большевиком. В трамвае какой-то старичок сказал: “Всё от жидов, их убить надо...” Все одобрили. Второй сказал: “От буржуев”. Тоже одобрили. Озлоблены все друг против друга, за что и почему – кто разберет»⁷². Далее была Москва, родительский дом, первые встречи с русскими поэтами и прозаиками, поездка в Крым, Коктебель Волошина, ощущение полной катастрофы на пути туда и обратно; большевистский переворот и его неприятие, сотрудничество с левозсеровскими газетами, острые, откровенно антибольшевистские статьи, книга едва ли не истеричных стихов «Молитва о России», угроза ареста и бегство на Украину (сентябрь 1918).

⁷⁰ В уже цитированной биографии И.Л.Эренбурга сказано, что он поселился в родительской квартире, а родители его застряли в Кисловодске, где проводили лето; между тем, в справочнике «Весь Харьков. 1917» Л.Г.Эренбург значится среди жителей города, и, наоборот, в справочнике «Весь Петроград. 1917» его нет, а значится лишь его брат З.Г.Эренбург и племянник И.З.Эренбург.

⁷¹ ГАРФ. Ф.479. Оп.1. Ед.хр.26. Л.3.

⁷² Эренбург И. Париж–Петроград // Биржевые ведомости. 1917. 21 июля.

На Украине жизненные пути братьев не пересекаются, хотя они жили совсем рядом (И.Г. – в родном Киеве, И.Л. – в родном Харькове) и занимались близкими делами; их пути складываются похоже и непохоже.

В Киеве И.Г.Эренбург работал с октября 1918 по октябрь 1919 – при немцах, украинцах, красных и белых. Все это время он писал стихи и пьесы. При красных – служил в Наркомпросе, преподавал в студии поэтического слова, выступал с лекциями и участвовал в дискуссиях о пролетарской культуре (чем злил ортодоксов; в итоге его перестали печатать). Он приветствовал приход белых и выступал с гневными антибольшевистскими статьями в «Киевской мысли». Его надежды на демократическое возрождение России рухнули вместе с деградацией белого движения, когда ему пришлось бежать в Крым к Волошину и в Коктебеле о многом задуматься⁷³. По дороге в Крым, в ноябре 1919 года, он побывал в «белом» Харькове, но его кузена там уже не было (да и столкнуться они не смогли бы)...

Столь долго ожидаемая и столь желанная революция принесла Илье Лазаревичу не одни только радости: во-первых, споры с родителями (Лазарь Григорьевич Эренбург сочувствовал кадетам), затем – ради идеи приходилось сотрудничать с политическими противниками – большевиками (успех революции оставался для И.Л. главным). Меньшевики Октябрьского переворота не одобряли, но поначалу рядовые члены их партии не ушли в подполье. 6 июля 1919 г. Илья Лазаревич писал жене: «Еду на фронт, несмотря на то, что наш Центральный комитет сидит в тюрьме. Но дело идет не о защите большевиков, а о защите революции, хотя бы и изуродованной»⁷⁴. Это была программа, осуществлялась она самоотверженно.

От деятельности Ильи Лазаревича на Украине остались печатные и рукописные следы – статьи в журналах, воспоминания очевидцев...

В Харькове И.Л.Эренбург не знал усталости. Его деятельность была связана, прежде всего, с Художественным Цехом (Харьков, Сумская, 14). Цех – это мастерские, где И.Л. преподает и работает. Но это и ежемесячный журнал «Творчество» (с февраля по июнь 1919 вышло 5 номеров, последний сдвоенный: №5-6), который Цех издавал. Главным редактором журнала был И.Я.Рабинович; на 2-м и 3-м номерах значилось: «Заведующий художественной частью И.Л.Эренбург». В номерах журнала было напечатано несколько репродукций с работ И.Л. (панно, портрет), его графика – заставки, концовки, фронтисписы.

⁷³ Подробнее об этом см. нашу статью «Илья Эренбург в Киеве (1918–1919)» – Минувшее: Исторический альманах. Вып.22. СПб., 1997. С.248-335.

⁷⁴ Письма И.Л.Эренбурга 1919–1920 гг. цитируются по его биографии (Гурьевский институт, США).

Журнал «Творчество» – литературно-художественный, иллюстрированный; художественно в нем чувствуется опыт «Гелиоса». В журнале печатались стихи Ахматовой, Бальмонта, Блока, Мандельштама, Шенгели, Сологуба, Кузмина, Гумилева, проза и критика Ремизова, Кузмина, Осоргина, Гершензона...

В №1 опубликована обзорная статья И.Л.Эренбурга (она подписана «И.Э-ргъ»), посвященная выставке молодых художников, организованной в Харькове Цехом; статья одновременно доброжелательная и требовательная, содержит высокую оценку живописи участника харьковской выставки Мане-Каца. В этом же номере, в разделе, посвященном выставке, – заметка Мане-Каца, главным образом, о живописи И.Л.Эренбурга (уже упоминавшаяся выше – см. прим.63 и относящийся к нему абзац).

Журнал «Творчество» не был единственной сферой литературной работы И.Л.Эренбурга; он печатался еще в одном журнале, идейные и художественные установки которого разделял. Это еженедельный научно-марксистский журнал «Мысль», который издавался меньшевиками (ведущими авторами журнала были Л.Мартов, В.Базаров, С.Девдариани).

С января по июнь 1919 г. вышло 14 номеров; в майском №11 есть объявление об издании Библиотеки журнала «Мысль», где вышли 5 книг К.Каутского, книги Л.Мартова «Мировой большевизм», В.Базарова «О пролетарской культуре», М.Левидова «Итоги и перспективы пролетарской литературы» и т.д. В этом журнале И.Л.Эренбург напечатал «Художественные заметки» (№12, май 1919; подписаны «И.Э-гъ»), рецензии на роман А.Лихтенберже «Новая кровь» (№9; подписана «И.Эренбург»; в этой рецензии проявилось увлечение автора спортом) и на Альманах мировой литературы под редакцией М.Горького (Пг., 1918; рецензия подписана «И.Климов» – это партийный псевдоним И.Л.Эренбурга); последняя рецензия заканчивается неутешительно: «Книгу оставляешь с досадой. Тому, кто незнаком с литературой, она ничего не даст, растрепав его внимание. Тот же, кто знаком с литературой, отложит ее в сторону, решив, что она издана не для него» (№9. С.332). «Художественные заметки» выражают существо взгляда И.Л.Эренбурга на проблемы пролетарской культуры, и резкость, нелицеприятность его вывода (пока пролетариат не разовьет свою культуру, «нам будут преподносить мещанское безвкусие или неудобоваримую крошку») фактически совпадает с аналогичными высказываниями сотрудника киевского Наркомпроса И.Г.Эренбурга (см. прим.73).

В Харькове И.Л.Эренбург много работает и помимо Цеха: заведует художественной школой и культурно-просветительным клубом при артиллерийском училище, пишет театральные и декоративные панно. «Люди, издавшие Илью Лазаревича в Харькове в этот период, – пишет его безымянный биограф, – недоумевают: как это сын

богатых родителей ходит в отрепьях, в сильный мороз носит летнее пальто? Удивляться было нечему, ибо он отдавал охотно другим и деньги, и вещи»⁷⁵.

6 июля 1919 года он пишет жене за границу: «Еду на фронт. <...> Признаться, мне этот поход будет отдыхом. Еду с артиллерийским училищем, где заведовал уже 2–3 месяца клубом и сдружился с молодежью»⁷⁶.

Последнее письмо от Ильи Лазаревича было получено родными в 1920 году; 11 августа он писал из Александровска (теперь – Запорожье):

«Вы все должны были считать меня погибшим. Было недалеко до того, но все-таки эти известия оказались, как говорил Марк Твен, сильно преувеличенными. Правда, я был на фронте, и на самом фронте, а не в тылу, получил награду за боевые отличия (серебряные часы), был близок к смерти, но... она меня миновала. Был болен сыпным тифом. Выздоровел и даже поправился пуще прежнего. Нужно сказать, что поход мне, как туристу, ничего, кроме пользы, не принес. То, где остальные падали от изнеможения, для меня было мочином. Пришлось на фронте также режиссировать и играть; так что можете меня видеть в новой роли – актера. Теперь продолжаю от времени до времени эту профессию. Сейчас пять месяцев жил в Александровске»⁷⁷.

ЗАПОЗДАЛЫЕ РОЗЫСКИ И.Л.ЭРЕНБУРГА

После августа 1920 года родные И.Л.Эренбурга не получили от него ни строчки.

В мае 1921 года в Париже Н.Л.Эренбург встретила со своим кузеном Ильей Григорьевичем, приехавшим в Париж с советским паспортом. Встречи были недолгими. Вот как вспоминала об этом Н.Л.: «В Париже говорить о каких-то “потрясающих” постановках тогда не полагалось, а писатель И.Эренбург, приехавший из России (дело было в 1920 году⁷⁸), сидя в кафе в кругу друзей, восторжен-

⁷⁵ Цитированная машинопись биографии (Гуверовский институт).

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.1868. Л.2-3 (в письме Н.Л.Эренбург-Маннати И.Г.Эренбургу от 1 октября 1965 г.).

⁷⁸ Ошибка: дело было в 1921 году; возможно, ошибка не случайна: относя ее к моменту, предшествовавшему получению последнего письма от И.Л.Эренбурга, Н.Л. как бы снимает с себя ответственность за то, что тогда же не обеспокоилась судьбой брата и не посоветовалась с И.Г. на предмет возможных путей его поиска.

но расхваливал Мейерхольда и показывал снимки его постановок! Помню мое изумление, когда дня два спустя я открыла дверь жене Эренбурга в сопровождении двух полицейских. Обливаясь слезами, она объяснила, что их высылают. В ожидании вечернего поезда Эренбург сидит на вокзале, охраняемый двумя полицейскими. Под предлогом съездить попрощаться с родными она мне привезла поручение от мужа: объездить влиятельных его знакомых дабы задержали высылку. Что я и сделала – но ничто не помогло»⁷⁹.

Следующая их встреча состоялась в Берлине в начале 1923 (или в конце 1922) года. Возможно, этих встреч было, по крайней мере, две, и в первую И.Г.Эренбург мог дать совет Н.Л.Эренбург запросить о судьбе брата Наробраз города Александровска (Запорожье), откуда пришло его последнее письмо. (И.Г. вполне мог это предложить, меньше шансов, что такой вариант, предполагающий знание реалий советской жизни, придумала сама Н.Л.) Так или иначе, но в январе 1923 года Н.Л.Эренбург написала в александровский Наробраз. Ее письмо случайно попало в руки журналиста газеты «Красное Запорожье» Николая Варламова, хорошо знавшего Илью Лазаревича, и он прислал Н.Л. большое письмо: «настоящий отчет о жизни Ильи Лазаревича в период: конец февраля – июль 1920 года» – как оно аттестовано в уже цитированной биографии И.Л. Повествование Н.Варламова об энергичной и разнообразной работе бескорыстного и доброго И.Л. в Александровске и Славянске кончается рассказом о нападении казачьей банды на поезд, в котором И.Л. вместе с ранеными красноармейцами ехал из Славянска в Александровск, и тем, как бандиты (в основном калмыки) сняли Илью Лазаревича («жид и комиссар»!) с поезда и увели, якобы, в штаб... Приведем несколько фрагментов этого письма:

«В Славянске он очень тосковал по семье. Рассказывал о жизни в Швейцарии, в Париже, в Берлине. Часто вынимал карточку – ту, где снят со своей супругой, и подолгу смотрел на нее. Рассказывал о совместных работах с А.В.Луначарским в Париже, и мы собирались при первой возможности ехать в Москву. В этот период Илья ездил в Харьков и привез нам приглашения работать в Наркомпросе Украины, но мы мечтали о Москве. В июле нас вызвали обратно в Александровск. В дороге мы оба заболели: Илья – острым катаром желудка, я – брюшным тифом. А в скором времени⁸⁰ началась вторая эвакуация. Нас, больных, поместили в военно-санитарную летучку №514, и мы отправились. Отъехали

⁷⁹ Эренбург-Маннати Н. Русские художники XX века // Указ. изд. С.2.

⁸⁰ Не понятно, когда именно? Это могло быть и в августе и позже, точных дат в письме нет, а по прошествии трех лет они могли точно не помниться.

недалеко от Александровска. Возле станции Софиевка, верстах в 25 от Александровска, наш эшелон, шедший первым, остановился. Еще раньше, подъезжая к станции, мы слышали редкую пушечную пальбу и стрекотание пулеметов. Врач успокаивал: “Это небольшой отряд бандитов. Впереди нас красные броневики, прогонят, и мы тронемся дальше” <...> Наступила ночь. Постепенно в вагоне угомонились. Илья вывел меня из вагона. У него еще чудом уцелело пальто и шинель. Он одел пальто и укутал меня в шинель. Мы сели на ступеньках <...> Не хотелось идти в вагон. Долго сидели, вспоминали пережитое. Илья сказал, поднимаясь и указывая рукой в небо, в сторону: “Вот там, должно быть, Швейцария, а вот тут Берлин. Что они там делают, что думают? Вероятно, давно уже считают погибшим. Знаешь, у меня глубокая уверенность, что я завтра-послезавтра умру. Понимаешь, уверенность. И так странно – в душе ни малейшей тревоги. Я думаю спокойно о смерти. Только бы не была она мучительной!..”. Вошли в вагон. Илья долго не спал. К утру забылся. Только встало солнце, ввалились казаки: урядник и несколько калмыков. Пошарили, забрали недограбленное накануне, спросили: есть ли евреи? Евреев в вагоне было человек шесть, но вагон дружно ответил: “Нет, ни одного”. Ильи в это время в вагоне не было. Вдруг под окном вагона крик: “Ребята, жидка поймали”. Казаки высунулись в окно: “Да ну? Веди его сюда, к уряднику”. Смех, ругань, и ввели Илью. Урядник допрашивал: “Документы?”. Илюша показал паспорт. “Ага, значит, в самом деле жид?” Илья ответил: “Да, имел несчастье родиться евреем”. – “Чем занимаешься? Комиссар? Коммунист?” – “Нет, я художник и актер”. – “Ну, все одно. Раз жид – кончено. Жидам и коммунистам пощады нет” <...> Илюшу увели. Мы, уцелевшие, высунулись из окон и следили за серой сгорбленной фигуркой, шагавшей пошатываясь среди взлохмаченных и пьяных дикарей...»⁸¹.

Несомненно, что в 1923 году у Н.Л.Эренбург сообщенное Н.Варламовым не вызвало вопросов, она даже не ответила ему, затеряв конец письма с его адресом, и никаких розысков брата не предприняла.

Далее в истории возникает сорокалетний перерыв.

⁸¹ Гуверовский институт (США).

Почему о письме Варламова зашла речь в 1960-е годы? Дело в том, что в 1960 году в журнале «Новый мир» начали печатать мемуары И.Г.Эренбурга «Люди, годы, жизнь», и в третьей главе первой их части, в рассказе о семье Эренбургов было написано: «Один из моих дядюшек разбогател; звали его Лазарем Григорьевичем, и жил он в Харькове. Его сын, мой двоюродный брат, стал социал-демократом, долго просидел в Лукьяновской тюрьме, эмигрировал в Париж, там занялся живописью, а во время Гражданской войны пошел в Красную Армию и был убит белыми»⁸². В 1963 году международный интерес к мемуарам Эренбурга был подогрет «критикой» их Н.С.Хрущевым (если так можно назвать его малограмотные наскоки), и – случайно или нет – именно в тот момент среди эмигрантских историков меньшевизма возник интерес к фигуре И.Л.Эренбурга. Об этом можно судить по материалам фонда Б.И.Николаевского в Гуверовском институте⁸³. По-видимому, именно тогда Н.Л.Эренбург-Маннати передала в фонд Б.И.Николаевского рукописные материалы И.Л.Эренбурга (письма его и о нем), которые у нее хранились. В августе 1965 года ею были разысканы последние страницы письма Н.Варламова, и она решила, что рассказ о том, как калмыки уводят Илью Лазаревича, датируется именно июлем 1920 г., в то время как последнее письмо И.Л. датировано 11 августа, и поэтому слова из письма «был близок к смерти, но она меня миновала» Н.Л. отнесла как раз к эпизоду, описанному Варламовым. Так родилось предположение, что в июле 1920 г. И.Л. остался жив. Возник и вопрос – имел ли И.Г.Эренбург какие-либо дополнительные сведения о гибели И.Л., кроме того, что он узнал из письма Варламова в 1923 году? Н.Л. твердо решила, что «не имел» (она написала Б.И.Николаевскому 21 августа 1965 г. в связи с упоминанием о брате в мемуарах «Люди, годы, жизнь»: «Создается превратное представление о нем. И.Г. *вместе* со мной читал письмо Варламова, как только оно прибыло, а других сведений *не имеет*»).

И тут Н.Л. вспомнила еще об одном свидетельстве. Это сообщение вдовы Оскара Лещинского Лидии Николаевны⁸⁴. Информация о нем в цитированной биографии И.Л.Эренбурга невнятна: «Судьба Ильи Лазаревича остается загадочной, ибо есть другая вер-

⁸² Новый мир. 1960. №8. С.29; слово в слово это было повторено и в отдельном издании первых двух частей мемуаров: *Эренбург И. Люди, годы, жизнь*. М., 1961. С.20.

⁸³ Сужу об этом по выпискам, сделанным Дж. Рубенстейном и любезно мне предоставленным.

⁸⁴ По-видимому художница Лидия Николаевна Мямлина, работавшая в 1910-е годы в Париже, и Лидия Николаевна Лещинская, жившая после революции в Москве – одно и то же лицо; но тогда И.Л. вполне мог встречаться с ней в Париже, в редакции «Гелиоса», например; однако Л.Н.Лещинская, судя по биографии И.Л.Эренбурга, познакомилась с ним лишь в 1921 г. в Москве.

сия, сообщенная несколько лет спустя»⁸⁵, и далее приводится это сообщение: Л.Н.Лещинская познакомилась с И.Л.Эренбургом в Москве, куда он приезжал из Донецкого бассейна с мандатом на съезд школьных и внешкольных работников и откуда уехал в Сибирь 13 или 14 января 1921 года с поездом имени Калинина в качестве инструктора; перечислила Лещинская и нескольких лиц, с которыми общался в Москве И.Л.Эренбург (инженер из ВСНХ И.И.Средников, парижский в прошлом художник А.Шингарев, поэт Натан Венгров, Д.П.Штеренберг и А.В.Луначарский⁸⁶). В биографии И.Л. это сообщение комментируется так: «Не такие были времена, чтобы обращаться к людям за справками о ком бы то ни было. Кроме того, рассказ Лещинской был принят за вымысел. Ведь все <! – БФ> знали, что Ильи Лазаревича уже давно нет в живых».

О версии Л.Н.Лещинской Н.Л.Эренбург-Маннати сообщила в уже цитированном письме И.Г.Эренбургу; приведем здесь это письмо (оно было напечатано на машинке с ее слов и содержит в конце рукописную приписку Н.Л.: «Все что на машинке, писала не я, а моя приятельница. Этим объясняется, что величает Илью <Лазаревича. – БФ> по отчеству»⁸⁷):

«1-го октября 1965-го г.

Обращаюсь к Вам, Илья Григорьевич, с просьбой сделать то, что только возможно, чтобы узнать о судьбе моего брата. Люди, знающие как я стараюсь узнать, что с ним стало, указывают на Вас. И это потому, что Вы пишете в мемуарах: “пошел в Красную армию и был убит белыми”. Я бы этого не сказала. Быть может, Вы знаете больше, нежели я. Вот что я знаю».

Далее рассказывается о письмах И.Л. от 6 июля 1919 и 11 августа 1920 г. (машинописная цитата из последнего наклеена, как картинка). К письму, как сказано в нем, приложена машинописная копия письма Н.Варламова, но ее в деле №1868 эренбургского фонда РГАЛИ, где хранится письмо Н.Л., нет. О письме Варламова Н.Л.Эренбург-Маннати пишет кузену:

«Мы с Вами *вместе* читали его в Берлине. Кроме нас обоих об этом письме никогда никто не знал, ибо я хотела скрыть от родителей, что Илья погиб. Правда,

⁸⁵ Непонятно, когда – после 1923 года? И кому? И почему Н.Л. не связалась с Л.Н.Лещинской сразу? В биографии написано: «Рассказ ее был принят за вымысел» – кем принят?

⁸⁶ Биографу И.Л. почему-то кажется, что, благодаря упоминанию двух последних имен, «ее утверждения приобретают некоторую правдоподобность».

⁸⁷ Письмо И.Г.Эренбургу от Н.Л.Эренбург-Маннати (1 октября 1965 г.) здесь и далее цитируется по подлиннику: РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.1868. Л.1-5.

что последнего листка Варламовского письма мы не читали: он затерялся по прибытии письма и я нашла его только *на-днях!*⁸⁸ Теперь все меняется. Из конца письма Варламова – страницы 5 и 6 – выясняется, что он сам не был уверен в смерти Ильи⁸⁹. За неимением окончания письма я не знала ни фамилии, ни адреса отправителя и даже не могла ему ответить. Досадно, ибо он предлагал дополнительные сведения. Письмо его пришло через три года после последнего письма Ильи, и я не сообразила тогда (а теперь грызу себя за это), что Илья писал на месяц позже своего исчезновения, т.е. когда его решительно все считали убитым. Установив, что он тогда остался жив, надо допустить версию Лещинской: возможно, что он и сейчас жив. В свое время я ни перед чем не остановилась, чтобы напасть на след брата <? – БФ>. Я тщетно искала все возможности поездки в Москву, а сейчас я слишком стара, не в состоянии даже передвигаться одна. Если я порывалась ехать разыскивать его следы тогда, когда считала его погибшим, то можете себе представить, как мне горько, что не могу заняться этим сейчас, когда есть надежда узнать, что с ним стало, какова его судьба и даже, быть может, разыскать его самого. Очень прошу Вас сделать это вместо меня. Только Вы один можете (никто другой на свете не смог бы) добиться необходимых справок по списку Лещинской. За давностью лет это, конечно, не легко. Надеюсь, что не откажете помочь. Извиняюсь, что утруждаю, но как мне быть? Привет Любе⁹⁰ и сестрам. Не отсылайте мне этого повествования⁹¹, а передайте лучше им, которым это будет интересным. Тося»⁹².

И.Г.Эренбург ответил на это письмо сразу же и очень определенно:

⁸⁸ Конечно, не «на днях», а раньше, ибо эти страницы цитировались ею в письме Б.И.Николаевскому в августе 1965 г.

⁸⁹ Поскольку И.Л.Эренбург не был убит на его глазах, Н.Варламов пытался по приезде в Александровск наводить о нем справки; эти розыски ничего не дали, о чем он написал Н.Л.

⁹⁰ Любовь Михайловна Козинцева-Эренбург (1899–1970) – художница, вторая жена И.Г.Эренбурга.

⁹¹ Видимо, машинописную копию письма Н.Варламова.

⁹² Приложено письмо от 8 октября 1965 г. к сестрам И.Г.Эренбурга по-французски (оно начинается сердечным: «Mes chères Jenny et Isabelle...») и заканчивается по-русски: «Пишите. Целую. Тося») – РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед. хр.1868. Л.6.

«Москва, 7 октября 1965.

Дорогая Наталия Лазаревна,
я получил Ваше письмо. Обе мои сестры в это лето умерли, сначала Евгения Григорьевна, потом Изабелла Григорьевна. Любовь Михайловна больна и лежит в больнице.

Совершенно исключено, что Илья Лазаревич остался жив сколько-нибудь длительное время после 1920. Несомненно, кто-то знал бы его за этот период, и мне бы это стало известно. Из перечисленных Вами имен – Штеренберг, Луначарский и Венгров умерли. Я постараюсь все же навести справки, и если что либо узнаю, сообщу Вам.

От души желаю Вам здоровья И.Эренбург»⁹³.

Второго письма Н.Л.Эренбург-Маннати Илья Григорьевич не написал.

В заключение упомянем еще два факта.

2 января 1966 года, отвечая на запрос В.А.Морозова, нашедшего в архивных бумагах крупного партийного и государственного деятеля В.П.Затонского, тогда реабилитированного, упоминание об И.Эренбурге, писатель написал ему в ответ, допуская, что речь может идти и о его кузене: «В 1919 году я работал в Киеве в системе социального обеспечения, причем Киев уже был советским. Я не помню о встречах с В.П.Затонским, но если Вы укажете, в чем заключалось распоряжение его, я вспомню об обстоятельствах дела (в Киеве <? – БФ> жил в ту пору мой двоюродный брат Илья Лазаревич Эренбург, который ушел в Красную Армию и погиб на гражданской войне)»⁹⁴.

В последнем прижизненном издании мемуаров «Люди, годы, жизнь» автор в краткую справку о судьбе своего кузена, прежде безымянного, вписал его имя – Илья⁹⁵.

⁹³ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.753.

⁹⁴ Там же. Ед.хр.794.

⁹⁵ Эренбург И. Собр.соч. В 9-ти тт. Т.8. М., 1966. С.15 (сдано в набор 19 мая 1966).

О.В.Будницкий
ПОПЫТКА ПРИМИРЕНИЯ

12 февраля 1945 года группа эмигрантов во главе с бывшим российским послом во Франции, а затем многолетним главой Офиса по делам русских беженцев при французском Министерстве иностранных дел и председателем Эмигрантского комитета Василием Алексеевичем Маклаковым¹ посетила советское посольство в Па-

¹ Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) – адвокат, член ЦК партии кадетов с момента ее основания, депутат II–IV Государственных Дум, российский посол в Париже (1917–1924); сухая справка не может передать особой роли Маклакова в русском обществе; он был не просто адвокатом, а адвокатом блистательным, «гастролером» по гражданским и уголовным делам, как его однажды назвал Вацлав Ледницкий; среди наиболее громких процессов, в которых участвовал Маклаков – дело о Выборгском воззвании и дело Бейлиса, в оправдании которого его речь сыграла решающую роль; ораторский дар Маклакова стал «секретным оружием» кадетов в Думе; в момент его выступлений думские коридоры пустели. В то же время в партии он всегда был «наособицу», считая, в отличие от признанного лидера кадетов П.Н.Милюкова, что необходимо найти способы сотрудничества с «исторической» властью. Позднее, уже в эмиграции, он изложил свое понимание истории русского либерализма в мемуарах, печатавшихся в «Современных записках» в 1929–1936 гг. (отд. изд., с изменениями – Власть и общественность на закате старой России. В 3-х тт. Париж, 1936) и вызвавших бурную полемику на страницах эмигрантской печати. Маклаков много печатался и в России, и в эмиграции; его перу принадлежат, в общей сложности, четыре книги воспоминаний, многочисленные статьи; однако наиболее ценная, на наш взгляд, часть его литературного наследия – переписка, занимающая 14 коробок в его собрании в архиве Гуверовского института – только начинает публиковаться. О Маклакове существует довольно много работ, среди которых выделяется книга «на правах рукописи» Г.В.Адамовича «Василий Алексеевич Маклаков: политик, юрист, человек» (Париж, 1959), написанная по опубликованным источникам и рассказам друзей В.А., диссертации американских историков Д.Дэвиса «В.А.Маклаков и проблема вестернизации России» (*Davies David Arwyn. V.A.Maklakov and the Problem of Russia's Westernization*

риже. Во время двухчасового визита стороны обменялись речами, а также выпили за победоносную Красную Армию и ее главнокомандующего – маршала Сталина.

Визит вызвал настоящую бурю в эмигрантской среде, породив множество статей и еще более обильную переписку, которая могла бы составить не один том. Еще бы – ведь этим визитом, означавшим не что иное, как попытку примирения с советской властью, ставился под сомнение сам смысл существования эмиграции. Не без оснований историк «русского Парижа» Роберт Джонстон счел визит величайшей сенсацией в жизни русских эмигрантов после июня 1941 года и, возможно, даже со времени начала их изгнания². Несомненно, столь острую реакцию визит вызвал потому, что во главе группы находился Маклаков – своеобразный символ русской эмиграции, многолетний ходатай по ее делам и защитник ее интересов. «Парижский визит Маклакова и его группы получил такой резонанс только благодаря громкому имени Маклакова. Не возглавь Маклаков группы, самый визит имел бы значение местного эпизода», – справедливо писал М.В.Вишняк³.

Оценки «визита» – и по свежим следам, и впоследствии – колебались от снисходительных («То, что случилось с Маклаковым, особое послеоккупационное явление – реакция на чудесное спасение России», – писал далекий от политики Василий Яновский⁴), до весьма жестких и непримиримых («ДО визита Маклакова <...>, – писал тот же Вишняк, – русская эмиграция, плохо ли, хорошо, су-

zation. University of Washington, 1967), в которой рассматривается деятельность Маклакова до 1907 г., и Н.Тонгур «Дипломатия в изгнании: русские эмигранты в Париже, 1918–1925» (*Tongour Nadia. Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925. Stanford University, 1979*), посвященная преимущественно «дипломатии Маклакова». Отметим также сравнительно недавние статьи Г.Иоффе и С.Кулешова «В.А.Маклаков: вместо подчинения одних другим надо искать равновесия» (Кентавр. 1993. №6), В.М.Шевырина «“Маклаковский путь” России» (Открытая политика. 1997. №6); см. также мои статьи «Нетипичный Маклаков» (Отечественная история. 1999. №2,3), «В.А.Маклаков и еврейский вопрос» (Вестник Еврейского университета. 1999. №1(19)), «Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм» (Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999), «Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939» (П.Н.Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000) и публикации переписки Маклакова с А.А.Кизеветтером (Источник. 1996. №2; совм. с Т.Эммонсом), Б.А.Бахметевым (Отечественная история. 1996. №2; 1997. №1, 2, 4), В.В.Шульгиным (в кн.: Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В.Будницкий. М.; Иерусалим, 1999) и др. Однако полная научная биография Маклакова до сих пор не написана.

² Johnston Robert H. «New Mecca, New Babylon»: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Kingstone and Montreal: McGill-Queen's University Press, 1988. P.174.

³ Эмиграция и советская власть // Новый журнал. 1945. Кн.Х. С.351.

⁴ Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С.145.

ществовала и делала свое дело, а теперь ЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ! Существуют отдельные эмигранты или небольшие кучки – “тройки” и “десятки”, – которые талдычат по-прежнему и которых, может быть, и уважают, но не слушают⁵).

Что же привело «последнего из могикан» русского либерализма на улицу Гренель в здание того самого посольства, которое он был вынужден покинуть более чем за 20 лет до «визита»? Чем завершилась попытка примирения с советской властью, т.е. в известном смысле попытка формально покончить с Гражданской войной четверть века спустя после завершения боевых действий?

Для того, чтобы правильно оценить то, что случилось в 1945-м, надо, по нашему мнению, проанализировать взгляды Маклакова, так же как взгляды его единомышленников и оппонентов на возможность свержения (или «изживания») советской власти, роль в этом процессе эмиграции, а также место России–СССР в современном мире, по крайней мере с середины 1930-х годов⁶. Благо источники для этого сохранились в изобилии – прежде всего материалы, отложившиеся в личном собрании Маклакова в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета; весьма полезна также недавняя публикация переписки «бывших царских дипломатов» (Маклаков, разумеется, «царским» дипломатом никогда не был; он при-

⁵ Вишняк М.В. – Николаевскому Б.И., 10 августа 1945. – Hoover Institution Archives, Stanford University, Stanford, California, USA (далее – НИА). Коллекция Б.И.Николаевского. Коробка 506, папка 35 (далее первая цифра обозначает номер коробки, вторая – папки).

⁶ Я говорю «по крайней мере», ибо Маклаков начал рассуждать о «примирении» с большевиками еще... в январе 1920 года, когда определилось поражение Деникина; разъяряя российский послу в Вашингтоне Б.А.Бахметеву смысл своих слов «нам нужно либо драться, либо мириться», Маклаков писал ему 12 марта 1920 г.: «Под примирением я, конечно, не понимаю того, что<бы> мы признали большевизм в его настоящем виде формой правления, но я понимаю так, если мы не могли задавить большевизм извне <...> то Россию спасем уже не мы, заграничные счастливицы, а те, кто сейчас в России, и те из большевиков, которые одумаются, и те из патриотов, которые там притаились, и те, наконец, которые пошли на службу к большевикам для того, чтобы их переродить... Вот те элементы русской жизни, которые выведут ее из той ямы, в которую мы попали, и которые нужно будет поддержать отсюда. Более того, нужно будет рекомендовать всем, кому угодно поддержать этот элемент не отсюда, а идти работать вместе с ними в Россию, т.е. становиться в положение тех, кого мы осуждали. Вот это-то я и называю примирением с большевизмом, оно так же мало примирение, как участие либералов в государственной жизни прежде было примирением с самодержавием, но все-таки, внешне, это примирение». – Цит. по: Будницкий О.В. Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. Указ. изд. С.364-365.

был в Париж в качестве представителя Временного правительства 7 ноября 1917 года), осуществленная Службой внешней разведки и МИДом РФ.

Российские дипломаты, превращавшиеся, по мере признания СССР странами их пребывания, как правило, в представителей эмиграции, создали еще в 1921 году Совет послов (его председателем в 1921–1932 гг. был старейшина русского дипломатического корпуса М.Н.Гирс, а после его смерти – Маклаков) и на протяжении многих лет обменивались информацией. Знали бы они, кто, кроме адресатов, читает их письма! На протяжении по меньшей мере семи лет (1934–1940) переписка дипломатов перлюстрировалась советскими агентами, а копии их посланий, «заверенные» такими «мастерами» как Слуцкий, Шпигельгауз, Судоплатов или Деканозов, ложились на стол руководителей НКВД Ягоды, Агранова, Фриновского, Ежова, Берии и других. Затем они пересылались выше – членам Политбюро. Так что Маклаков и его коллеги оказались в роли своеобразных внешнеполитических консультантов советского руководства.

Наиболее откровенной и доверительной была переписка Маклакова с бывшим российским поверенным в делах в Лондоне, профессиональным дипломатом Евгением Васильевичем Саблиным (1875–1949). Если Саблин в 1934 году, в условиях нарастания военной угрозы для СССР, строил предположения о возможном свержении большевизма как результате войны («каждое более или менее серьезное осложнение для Красной Армии на Дальнем Востоке может автоматически сыграть роль детонатора, который может, с одной стороны, побудить Польшу и Германию к предпринятию наступательного движения, а с другой стороны, может дать и толчок к пробуждению национальных чувств в самой России и к развитию движения против интернациональных коммунистов среди тех национальных элементов, которые до сих пор поддерживали советскую власть»⁷) и рассчитывал, что эмиграция может сыграть в этом движении определенную роль, то Маклаков, по крайней мере в отношении роли эмиграции, иллюзий не питал.

Он категорически отрицал, что эмиграция может «пропихивать» в Россию свои идеи, тем более «дать ей вождей». Единственное, «что мы можем сделать для России, – полагал Маклаков, – это чтобы здесь ее не срамить, чтобы не работать неволью на прославление большевиков... Наша задача, и единственная – это не только сохранить эмиграцию от падения, нашу молодежь от разрыва с Россией, но и сохранить в иностранцах уважение и симпатию к этой стране, а, может быть, и к будущей России... Эмиграция, как целое, не

⁷ Саблин Е.В. – Маклакову В.А., 30 апреля 1934 // «Чему свидетели мы были...»: Переписка бывших царских дипломатов. Кн.1. М., 1998. С.93 (далее – Переписка).

есть политический фактор. Мы как евреи в рассеянии, которым нужно только одно – прошлого не забыть и себя не потерять. И претензии отсюда чем-то управлять, в какой бы форме эти претензии не выразались, значит забыть, что в течение 17-ти лет мы все время катимся со ступеньки на ступеньку»⁸.

В то же время он не исключал, что в России может появиться «здоровое течение», причем этому «может дать толчок даже внешнее поражение»⁹. Однако по мере нарастания военной угрозы Маклакова все больше начинают волновать не столько перспективы свержения большевиков, сколько опасность ослабления и расчленения России. «Я более пессимистически, чем Вы, смотрю на пользу, которая может последовать для России от иностранного вмешательства, – писал он в начале февраля 1938 года в ответ на не сохранившееся в архивах письмо бывшего российского представителя в Югославии В.Н.Штрандмана, – и прежде всего потому, что военный разгром большевизма совсем не начало их падения, как это предсказывали еще во время русско-польской войны. Это будет только конец их великодержавности, но в то же время и нашей; для многих иностранцев это будет только полезно, и они не станут из-за этого копыя ломать». В этом же письме он дал любопытную характеристику своего положения и «самочувствия» в эмигрантской среде: «Вы правы в том, что говорите обо мне лично. Конечно, я и переменялся и стал слишком чувствительным. Мое положение среди правых и левых лишает меня всякой силы; вся деятельность уходит на лавирование, на победы без завтрашнего дня, и ряд неудач роняет мое положение. Понятно, если я раздражаюсь, когда мне это показывают: пропадает энергия борьбы, и я иду по линии наименьшего сопротивления»¹⁰.

Особое раздражение Маклакова и некоторых его корреспондентов, прежде всего Саблина, в этой обстановке вызывали надежды, возлагавшиеся частью правых кругов эмиграции на помощь со стороны нацистской Германии в «освобождении» России от большевизма. «Мне пришлось видеть фотографию Геринга, говорящего речь в Вене, – писал в апреле 1938 года Саблин. – Страшно смотреть в эту пасть. Впрочем, вкусы различны: между строк сотрудников “Возрождения” чувствуется, что им вот эти рычания, вот эти сквернословия “сладки и приятны”». Саблин обращал внимание Маклакова на подстрекательские антисемитские статьи главного редактора «Возрождения» Ю.Ф.Семенова и Л.Д.Любимова (кстати, впоследствии примкнувшего к движению «советских патриотов», вернувшегося

⁸ Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 19 мая 1934 // Переписка. Кн.1. С.99, 100, 101.

⁹ Там же. С.101.

¹⁰ Маклаков В.А. – Штрандману В.Н., 2 февраля 1938 // Там же. Кн.2. М., 1998. С.22.

ся в СССР и опубликовавшего здесь мемуары «На чужбине», пользовавшиеся большой популярностью; разумеется, книга была полна умолчаний и передержек), замечая при этом: «А вот я в силе мирового еврейства начинаю разочаровываться. Никакой силы, по-видимому, никогда и не было. И гонят их, бедных, отовсюду. И политического еврейского Интернационала не существует»¹¹.

«Есть русские люди, – писал Маклаков своему корреспонденту вскоре после Мюнхенского соглашения, приведенного к разделу Чехословакии, – которые ставят ставку на Гитлера и думают, что он освободит Россию от большевизма. Такие люди, как говорят, были и в самой Чехословакии. Я думаю, что не может быть большего недоразумения, чем это, и недоразумения очень актуального, потому что следующий шаг, который будет делать Гитлер, будет направлен на Россию. Ему нужно будет ликвидировать коридор, за который он непременно постарается дать Польше выход к морю. Это может быть либо Мемель, или Литва, или еще правдоподобней – Одесса. И опять, к стыду нашему, находятся русские люди, которые это будут проповедовать во имя самоопределения Украины и освобождения ее от большевиков. Как видите, этот вопрос будет очень актуальный, но как сложится ориентация остальных держав – предвидеть очень трудно. Конечно, вопрос сложнее. Беда вся в том, что поскольку так называемые демократические страны, даже при их недостатках, имеют преимущество перед тоталитарными для жизни, постольку для ведения не только самой войны, но и военной политики, т.е. для приготовления войны, создания военных союзов и т.п., демократии никогда не бывают на высоте. И потому я все-таки считаю, что то, что случилось, это и удар по России, не по большевизму, а по России. У нас тоже радуются тому, что большевики получили пощечину. Это все правда. Однако то, что составляло задачу русской политики, т.е. бороться против <агрессора> с помощью славянских держав, сейчас получило колоссальный удар. И если германофильство будет распространяться и в Чехии, и в Румынии, и в Югославии, то следующим шагом будет германизация того, что осталось от Турции, и окружение России немецким кольцом. Конечно, слопать Россию им не удастся, но лишить ее всякого великодержавного значения вовсе не трудно»¹².

В тот же день Маклаков отправил письмо Саблину, где указывал на две тревожившие его угрозы – слева и справа. В письме, с одной стороны, не чувствуется особого облегчения от того, что удалось избежать войны, которая могла привести, по мнению Маклакова, к повторению «русского опыта» 1917 года, с другой, оно полно горечи в связи возросшей опасностью для России и раздражения по

¹¹ Саблин Е.В. – Маклакову В.А., 3 апреля 1938 // Переписка. Кн.2. С.67.

¹² Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 10 октября 1938 // Там же. С.132-133.

поводу соотечественников, все более откровенно делавших ставку на Гитлера.

«Я боялся войны, и не только потому, что она влекла за собой совершенно неисчислимые жертвы и опасности, а потому, что главной опасностью я считал то, чего нет в Англии – последствия большевистской тактики, перевод внешней войны в гражданскую. Нисколько не сомневаюсь, что большевикам никакого дела не было до Чехословакии, а для большевизации Европы им представлялся такой же редкий шанс, каким была и великая война 14 года. И выдержать одновременно две войны – внутреннюю и внешнюю – Франции было слишком трудно. Вот этой крайности у Вас, насколько я понимаю, в Англии бы не было.

Но у нас, к несчастью, и другая крайность, которой, думаю, что у Вас тоже не было, а именно ставка на Гитлера. Что бы сейчас ни начинало писать проклятое “Возрождение” <отзыв Маклакова о “Возрождении” тем более характерен, что он в нем несколько раз публиковался, да и вообще предпочитал русскую парижскую газету №2 милюковским “Последним новостям”. – О.Б.>, но их позиция вначале была совершенно ясна: так как Гитлер противник большевиков, то он наш герой; победа его над Чехословакией есть победа над большевизмом. Вовлечение других стран в орбиту Германии – есть тоже победа над большевизмом, а если она в результате с помощью русской Украины пойдет на Россию, то это тоже будет избавление России. Конечно, ясно этого говорить не смели, но, к сожалению, это настроение так распространено, что оно меня приводило в положительный ужас. Вот Вы могли написать министру внутренних дел и заверить его, что все русские беженцы готовы Англию поддержать; я не мог бы этого сделать от имени всех. Не хочу Вам рассказывать подробностей, но в этом мне пришлось на практике убедиться. А затем сейчас перед Россией открываются такие опасности, против которых я защиты уже не вижу. Но это все показывает, в каком безвыходном положении были мы. Ясно и последовательно могли быть только два фланга: те, которые забыли Россию из ненависти к большевизму, и те, которые хотели взрыва всей Европы. Люди направления Милюкова, которые толкали к войне, бессознательно играли на руку большевизму. А мы, которые радовались миру, хотя бы ценой и полной гитлеровской победы, мы тоже бессознательно и пассивно лили воду на мельницу наших гитлерян»¹³.

Вскоре развитие ситуации пошло по худшему и неожиданному сценарию: СССР заключил союз с Германией. Началась Вторая мировая война. Последовал раздел Польши, затем – нападение СССР на Финляндию; всерьез начались разговоры об отправке англо-

¹³ Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 10 октября 1938 // Переписка. Кн.2. С.133-134.

французского экспедиционного корпуса на помощь финнам. В этих условиях Маклаков попытался сделать единственно возможное, что, впрочем, он уже давно считал главной задачей эмиграции – разъяснить иностранцам смысл происходящих событий. Он написал статью, посвященную историческим особенностям формирования России, обусловленности ее внешней политики определенными геополитическими факторами. Статья написана, если угодно, в защиту России: Маклаков стремился опровергнуть мнение об исконной агрессивности своей страны. Статья явно адресована иностранцам. Нам не удалось установить, был ли переведен и опубликован незаглавленный и недатированный (очевидно, что он написан между ноябрем 1939 и мартом 1940 года) текст, сохранившийся в архиве бывшего посла¹⁴.

«Современные события побуждают к пересмотру многих устоявшихся взглядов, – писал Маклаков. – Это относится и к суждениям о России, которые всегда были предвзяты.

Союз России с Германией в то время, когда Германия явно претендует на мировое господство, нападение России на Финляндию воскресили старую мысль, будто бы Россия мечтала о *господстве* над миром. Но не может быть большей ошибки»¹⁵.

Образование Российской империи Маклаков рассматривал, несомненно, опираясь на концепции С.М.Соловьева и В.О.Ключевского, как естественный процесс, обусловленный прежде всего географическими факторами: «Россия ширилась как вода, разливаясь по низким местам, пока не дошла до естественных границ, *морей* или *сложившихся государств*. Там она остановилась. Ее “завоевания” были только пограничными спорами, где нельзя отличить нападение от *защиты*. Они направлялись на государства уже разрушенные или еще не сложившиеся, как было в Азии. Россию создала природа, не завоевательный дух или гордыня ее населения... Россия могла быть миролюбивой страной, никого не обижать и не пугать. Если в своем прошлом она иногда казалась другой, то в этом виновата была не она»¹⁶.

Для Маклакова присоединение тех или иных территорий с проживающими там народами к России оправдано в том случае, если они не могут не попасть, при ином развитии событий, под власть других держав, враждебных как России, так и этим народам, например, страны Закавказья – под власть Турции. Одновременно он критиковал вмешательство России в европейские дела, в том числе уча-

¹⁴ Опубликован нами под названием «Образование и крах Российской империи» в кн.: *Горяйнов С.Г. Задачник по истории России*. 3-е изд. Ростов н/Д; М., 1997. С.341-377.

¹⁵ Там же. С.351.

¹⁶ Там же. С.352.

стие в наполеоновских войнах, а уничтожение польского государства в XVIII веке назвал «историческим грехом»¹⁷.

С указанных позиций Маклаков подошел и к оценке советско-финской войны. Революция, писал он, «сделала Финляндию “независимой”». Могло ли это решение быть для России достаточным? Это зависело от другого вопроса – могла ли Финляндия защитить свою независимость против Германии? Если бы войны были действительно изгнаны из жизни народов, была установлена так называемая коллективная безопасность, если бы международные договоры связывали тех, кто их подписал, – можно было бы представить себе финляндскую независимость; она никому не была бы опасна. Но время не таково... Для военных действий против России Финляндия необыкновенно удобный плацдарм; рассчитывать же на слово Германии невозможно. Только в этом возражение против независимости Финляндии. Конечно, ограничения независимости не должны идти дальше ограждения стратегических интересов России, но зато в них заинтересована также сама финляндская независимость»¹⁸.

Характерно, что Маклаков не делал различий между Россией и СССР, несомненно, считая, что в данном случае действия большевиков соответствуют национальным интересам России. Другое правительство вело бы себя точно так же. Косвенное оправдание действиям СССР Маклаков находил в том, что безопасность малых государств вообще не была в Европе в то время обеспечена и зависела от политической конъюнктуры. Так что Советская Россия была «не хуже других».

Однако события развивались столь стремительно, что обсуждение финляндской проблемы вскоре стало неактуальным. «Странная война» кончилась победоносным наступлением германских войск в мае–июне 1940 года. 14 июня немецкие части вступили в Париж. История как будто пошла вспять, и в том же самом вагоне в Компьенском лесу, где 22 года назад был подписан акт о капитуляции Германии, на этот раз был зафиксирован разгром Франции.

Поражение Франции и оккупация значительной ее части германскими войсками поставила эмиграцию перед выбором: сохранить лояльность стране, дававшей ей столько лет приют, занять ли нейтральную позицию или же использовать новые возможности. Проблема выбора обострилась, вернее, стала обязательной, после нападения Германии на Советский Союз. К чести эмиграции, лишь незначительная ее часть решила воспользоваться благоприятным

¹⁷ Горяинов С.Г. Задачник по истории России. Указ. соч. С.247.

¹⁸ Там же. С.365-366.

моментом и свести счеты со своими обидчиками при помощи немецких штыков. Принято считать, что германскую ориентацию приняла правая, реакционная часть эмиграции; в основном это верно, однако определенные колебания проявляли и некоторые из эмигрантов, которых принято относить к либерально-демократическому спектру сообщества русских изгнанников.

Отмечу также, что, несмотря на то, что относительно небольшая часть эмигрантов заняла прогерманскую позицию, среди откровенных коллаборационистов и «сочувствующих» были такие заметные фигуры, как генерал Н.Н.Головин, писатели Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус, И.С.Шмелев, И.Д.Сургучев, «карловацкий» митрополит Серафим и другие. Некоторая часть белого генералитета предложила свои услуги немецкой армии.

Еще 21 мая 1941 года руководитель Объединения русских воинских организаций, в которое входили бывшие отделы РОВС (Русского общевойскового союза) в Германии и оккупированных ей странах, генерал А.А. фон Лампе «в предвидении неизбежного боевого столкновения между Германией и СССР» и «будучи уверенным в том, что все чины Объединения, как основоположники Белой Борьбы, веденной большинством из них в 1917–1920 гг. против коммунистов, захвативших власть на нашей Родине, будут стремиться принять непосредственное участие в борьбе, которую возьмет на себя германская армия», обратился к главнокомандующему армией генерал-фельдмаршалу фон Браухичу с письмом, в котором писал, что ставит себя и возглавляемое им «объединение русских воинских союзов в распоряжение германского военного командования, прося его дать возможность принять участие в борьбе тем из чинов объединения, которые выразят желание это сделать и физически окажутся пригодными...»¹⁹

Однако 22 июня 1941 года, когда война действительно началась, представитель германских властей передал начальнику управления по делам русских эмигрантов в Германии генералу В.В.Бискупскому приказ оставаться на местах и ждать дальнейших распоряжений²⁰. 5 июля 1941 года фон Лампе повторил свое обращение к фон Браухичу, продублировав его посланием на ту же тему «Вождю Германии Адольфу Хитлеру»²¹. Однако поначалу немцы привлекли на службу лишь около полусотни бывших офицеров в качестве переводчиков, полагая, очевидно, что война будет скоротечной и они обойдутся без услуг русских коллаборационистов. Позднее ряд вид-

¹⁹ Из информационной сводки Управления 1-го Отдела РОВСа на 5 сентября 1941 г. – НИА. Коллекция В.А.Маклакова (далее – ВАМ). 22-1.

²⁰ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. Изд.2-е, испр. и доп. М., 1986. С.212.

²¹ ВАМ. 22-1.

ных эмигрантов, в том числе генералы П.Н.Краснов, А.Г.Шкуро и др. были привлечены для формирования «восточных батальонов» на оккупированной территории СССР.

Во Франции руководителем русских воинских объединений нацистами был назначен генерал Головин, известный военный историк и теоретик, возглавлявший высшие военные курсы РОВС в Париже. После нападения Германии на СССР митрополит Серафим обратился ко всем «верным сынам России» с тем, чтобы «верные сыны» помогли германским войскам очистить русскую землю от «масонской звезды и серпа и молота». Не удивительно, что оккупационные власти объявили о признании только администрации Серафима, специально оговорив, что не признают «промосковского» митрополита Евлогия²².

Многие видные деятели эмиграции, в особенности либерально-демократической ориентации, успели бежать из Парижа накануне его захвата немцами и обосновались на юге Франции, в зоне, контролируемой правительством Виши. Среди них были П.Н.Милюков, А.В.Тыркова вместе с семьей ее сына А.А.Бормана; некоторым счастливым удалось получить американские визы и уехать в США, в том числе тем, с кем Маклаков постоянно общался в Париже – М.А.Алданову, А.И.Коновалову, В.М.Зензинову, А.Ф.Керенскому и другим, среди которых был и его постоянный критик слева М.В.Вишняк. В июне 1940 г. Маклаков отказался покинуть Париж: как глава Офиса по делам русских беженцев он счел необходимым остаться на посту²³.

Однако, как нетрудно было представить заранее, оккупационные власти отнеслись к либералу и масону Маклакову весьма подозрительно. Впрочем, руки персонально до него у властей дошли не сразу. 28 августа 1940 г. были распущены все иностранные организации в оккупированной зоне. Среди них – около 800 русских культурных, образовательных и иных организаций. Офиса Маклакова это не коснулось, однако оккупанты его просто игнорировали. Конечно, проблема русских эмигрантов во Франции волновала их далеко не в первую очередь; пока что это позволило Маклакову продолжить свою, при данных условиях, почти совершенно неэффективную деятельность. Он пытался искать защиты интересов русских изгнанников у правительства Виши и даже обратился с личным письмом к его главе маршалу Петэну. Ответа не последовало.

Тем временем у него появился «конкурент», князь Михаил Горчаков, внук канцлера А.М.Горчакова, предложивший Маклакову

²² Johnston Robert H. «New Mecca, New Babylon»: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Op. cit. P.166, 222.

²³ Седых Андрей. Загадка В.А.Маклакова // Новое русское слово. 1945. 18 марта.

разделить функции таким образом, чтобы князь ведал сношениями с немцами, а бывший посол – всем остальным. Горчаков ссылаясь на желание оккупантов иметь дело именно с ним, но, возможно, это была его собственная инициатива. Горчаков, первый претендент на роль фюрера русской эмиграции, монархист и человек крайне правых убеждений, заявил, что он организовал новый «комитет» по своей собственной инициативе; по его словам, он платил за наем помещения для комитета, в котором восседал под портретами Николая II и Гитлера, из своих собственных средств. Горчаков был человеком состоятельным, но поверить в это, так же как в «самочинность» возникновения его комитета, трудно. Несомненно, что до определенного времени он устраивал германские оккупационные власти; и если его прямая связь с гестапо и не прослеживается, то тесное взаимодействие с немецкой организацией, занимавшейся вербовкой рабочей силы в Германию, очевидно. Собственно «трудоустройство» эмигрантов, многие из которых действительно оказались без работы, было, похоже, главной задачей горчаковской организации. Правда, князь также старался вызволять из беды соотечественников, попавших, по той или иной причине, в руки немецкой или французской полиции. Через несколько месяцев князь был немцами смещен, скорее всего, по причине своей эксцентричности, граничившей с ненормальностью. Даже если сделать скидку на ангажированность мемуаристов-«возвращенцев» Л.Д.Любимова и Б.Н.Александровского, общавшихся с Горчаковым, особенности поведения князя, которые они рисуют, наводят на мысли о неадекватном восприятии им окружающего мира²⁴.

В апреле 1941 года гитлеровцы поручили некоему полковнику Владимиру Карловичу Модраку, ничем особенным себя ранее на политической арене не проявившему, за исключением, разумеется, пронацистских симпатий, организовать Комитет взаимопомощи русских беженцев во Франции. Задачей комитета была, скорее, не помощь, а прежде всего контроль и привлечение, если это потребуются, эмигрантов на службу германским властям²⁵. Все эмигранты должны были пройти регистрацию в комитете, причем регистрирующимся после начала войны Германии против СССР предлагали заполнить анкету, завершавшуюся следующим примечательным текстом: «Я, нижеподписавшийся, изъявляю свое добровольное желание принять действенное участие в борьбе, начатой Германской им-

²⁴ Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969. С.331-333; Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1979. С.215-218, 295-297.

²⁵ В состав комитета, кроме председателя Модрака, вошли С.Н.Краснов, П.А.Рогович и Ю.С.Жеребков. При комитете было образовано Совецание в составе митрополита Серафима, атамана графа Граббе, П.Н.Богдановича и К.К.Случевского. См.: Часовой. 1941. №262. 10 мая. С.15.

перией в СССР против жидовско-коммунистической власти. Я заявляю, что готов вести эту борьбу в любой ее отрасли и на любом посту, указанном мне представителями национал-социалистической Германии»²⁶. 22 июня 1941 г. Комитет взаимопомощи издал «Обращение к Российской эмиграции», в котором, в частности, говорилось: «Мы видим в настоящей войне Германии против СССР подлинный Крестовый поход против иудо-коммунизма под верховным и действенным руководством национал-социалистической Германии. Наступил час, которого трепетно ждали русские националисты 20 долгих лет. Судьбы грядущей России отныне тесно связаны с судьбами национал-социалистической Германии... Комитет приглашает российских эмигрантов, каждого в отдельности, письменно подтвердить в Комитете готовность слить на любом поприще их усилия с усилиями внутри-российских националистов и жертвенностью национал-социалистической Германии в общей борьбе за общее дело»²⁷.

24 июня 1941 г. председатель Гвардейского объединения генерал Гулевич направил главнокомандующему германскими войсками во Франции генералу фон Штюльпнагелю обращение, в котором заверял, что «бывшие офицеры Русской Императорской Гвардии и Армии приветствуют от всего сердца предпринятую Фюрером войну против большевиков». От их лица Гулевич выражал пожелание «скорейшей победы над иудо-большевизмом» и уверенность, что «освобожденная от советской власти Россия явится могучим фактором в создании Новой Европы на основе возвышенных принципов, провозглашенных Фюрером». «Мы готовы приложить все наши силы для участия в этом величайшем мировом событии, – писал генерал, – и просим дать нам возможность исполнить наш долг». 27 июня Гулевич был принят Штюльпнагелем, который принес ему благодарность за «выраженные чувства» и пообещал пригласить Гулевича вновь, когда выяснится военная обстановка и возможные формы участия «зарубежных русских в деле освобождения России»²⁸.

По свидетельству Маклакова, в первые дни после начала войны Германии и СССР многие эмигранты приходили к нему узнать, можно ли по их документам будет получить обратно имена²⁹.

Верноподданнические заявления пронацистски настроенных эмигрантов не предотвратили профилактических арестов русских, независимо от их политической ориентации, произведенных по приказу из Берлина после нападения Германии на СССР. Любопытно, что в связи с этим германские представители, «курировавшие» русскую

²⁶ ВАРМ. 22-14.

²⁷ Там же. 22-16.

²⁸ Там же. 22-1.

²⁹ Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 29 января 1945. – Там же. 11-29.

эмиграцию, попытались «прощупать» позицию Маклакова и, возможно, получить от него сведения о настроениях эмигрантов. Среди захваченных гестаповским «неводом» оказался князь Красинский, сын великого князя Андрея Владимировича. Последний обратился за помощью к некоему доктору Хейне, «личному другу Хитлера». Хейне, среди прочего, настоятельно просил великого князя обратиться к Маклакову «с настойчивой просьбой придти немецким властям на помощь в этом деле». Хейне говорил великому князю, что «до сих пор о деятельности г-на Маклакова мы только слышали, но не имели официальных сношений с ним, благодаря тому, что он не проявил себя». «Было бы совершенно необходимым, чтобы г-н Маклаков лично явился бы в центральный наш полицейский орган <...> т.к. он ведал всеми “белыми” <...> почему может гарантировать их и помочь нам в разборе их дел. Наша цель только выявить среди массы русских, нет ли большевиков, большевизанствующих и т.д., все же “белые” вне подозрений, если, конечно, за последнее время они не изменились».

Маклаков, стремившийся всячески избегать контактов с немцами, дипломатично ответил великому князю, что он следует указаниям германских и французских властей, сообщивших населению, «чтобы оно к оккупационным властям помимо французских не обращалось». «Если моя помощь могла быть оккупационным властям полезна, им было бы легко мне сообщить желание со мной говорить, я был бы рад быть им полезным. Являться с предложением услуг, которых не спрашивают, – значило бы ставить себя в унижительное положение». Здесь же Маклаков, явно адресуясь через Андрея Владимировича к германским властям, недвусмысленно давал понять, что полезным он им быть не может, подчеркивая, что он ведал только одной стороной эмигрантских нужд – правовой, помогая эмигрантам отстаивать их права и защищать их против несправедливых законов. «Я не занимался ни приисканием работы, ни благотворительной деятельностью... Кроме того, я был настолько далек от всякой политической деятельности, настолько умышленно отстраняясь от попыток меня в нее завлечь, что мои сведения по этой стороне жизни эмиграции поверхностны и неточны». Вот почему, заключал Маклаков, посещение им доктора Хейне «оказалось бы без всякой пользы для дела»³⁰. Вероятно, наци не забыли этого откровенного отказа от сотрудничества.

Уже в июле 1941 года Модрах был сменил его заместителем, неким Юрием С. Жеребковым. Это был относительно молодой человек, что-то между 25 и 30 годами. Он был внуком одного из флигель-адъютантов Николая II, натурализованным германским граж-

³⁰ Вел. кн. Андрей Владимирович – В.А.Маклакову, б/д; В.А.Маклаков – вел. кн. Андрею Владимировичу, 26 июня 1941. – ВАРМ. 22-1.

данином. По слухам, ранее он был профессиональным танцором. Своим назначением Жеребков был обязан тесным связям с гестапо и, возможно, дружбой с Альфредом Розенбергом.

25 июля около 250 видных эмигрантов были собраны для того, чтобы, не выражая одобрения или тем более несогласия, выслушать декларацию новоявленного «гаулейтера». Жеребков заявил, что будущее принадлежит Германии, а с большевизмом, несомненно, будет покончено. Он сказал также, что знает немцев, что особенно важно, так как они теперь будут определять судьбу России. Выступление Жеребкова, названное «официальным сообщением», было выпущено в виде листовки и распространено среди эмигрантов. Среди прочего «гаулейтер» говорил: «Я молю Господа, чтобы он дал сил и здоровья тому человеку, который поднял крестовый поход против работодателей нашей Родины. Боже, спаси и сохрани Фюрера Адольфа Хитлера, Вождя не только немецкого народа, но и всех тех, кто отдали и отдают себя на борьбу за новую счастливую Европу!.. Я лично молю Всевышнего о даровании победы немецким войскам...»³¹

Теперь эмигранты обязаны были пройти новую регистрацию в жеребковском комитете, причем их лояльность должны были засвидетельствовать два поручителя. Такое же требование было предъявлено Маклакову. Его Офис в сложившейся ситуации играл все более декоративную роль, а в январе 1942 г. был формально упразднен правительством Виши. Однако французы, не желавшие оставлять все полномочия по делам русских эмигрантов в руках немецкого ставленника Жеребкова, ликвидировав маклаковский центральный Офис и отменив, соответственно, консульские полномочия бывшего посла, сохранили за ним право представлять эмиграцию перед французскими властями (а ведь именно с ними приходилось иметь дело эмигрантам в повседневной жизни); но для камуфляжа Маклаков должен был выступать не как председатель Офиса, а как председатель Эмигрантского комитета, существовавшего с 1924 года и формально, несмотря на пронацистские «новообразования», никем не упраздненного³².

Как впоследствии признавался сам Маклаков, он поначалу верил в победу Германии. Разгром Польши и Франции, слабость, проявленная СССР в войне с Финляндией, «чудодейственное» усиление Германии с 1918 г. – привели его к мысли, что и Англия и Советский Союз не устоят. Однако он, разумеется, не сделался «германофилом», как кое-кто из эмигрантов. Маклаков начал сближаться с людьми, которые, как и он, желали поражения Германии; многие из них все же верили в победу Советской России; во всяком случае, все

³¹ ВАР. 22-16.

³² Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 29 января 1945. – Там же. 11-29.

они делали ставку на ее победу. «Это тогда вовсе не предрешало отношения к ней; помню, – вспоминал впоследствии Маклаков, – я полушутя сказал, что если теперь приедет сюда их посол, то я завезу ему карточку; но это была только шутка, на которую так и посмотрели». Шутка оказалась пророческой. Пока же Маклаков счел необходимым зафиксировать на бумаге суждение членов постепенно образовавшейся вокруг него группы о том, что победа СССР для России предпочтительнее победы Германии и что эмигранты должны Советской России в этом содействовать, «несколько не меняя своего отношения к советской власти». Маклаковым эти рассуждения были оформлены в семи пунктах³³.

28 апреля 1942 года немцы, сообразившие, что Маклаков по-прежнему выполняет свои функции, арестовали председателя Эмигрантского комитета вместе со всеми его немногочисленными сотрудниками; были увезены архивы и мебель. Два с половиной месяца Маклакова и его сотрудников продержали в тюрьме, освободив в начале июля под подписку не заниматься более эмигрантами под угрозой заключения в концентрационный лагерь³⁴. Кстати, бумага с «семью тезисами» Маклакова после его ареста осталась лежать в шкафу. На следующий день после ареста кто-то из его окружения, знающий о ее существовании, отыскал и уничтожил листок³⁵.

В тюрьме Маклаков начал обдумывать книгу о Второй Думе. Впоследствии он писал Алданову, что эта книга – его слабость, и он ей очень дорожит. «Я ее сочинял, т.е. обдумывал, когда сидел в тюрьме и не знал, выйду ли оттуда живым. Было много времени думать, было полезно сосредотачивать мысль, чтобы чем-нибудь ее занимать, и, наконец, в этих условиях мысль работает честнее»³⁶.

После освобождения Маклакову предписали уехать на несколько месяцев из Парижа. Он провел их в деревне у Б.Э.Нольде; здесь он написал задуманную в тюрьме книгу³⁷.

Вряд ли сопротивление Маклакова и его «группы» нацистам и их пособникам выходило за пределы идейного противостояния. Ему ведь было уже за семьдесят, и он почти ничего не слышал. Американский слуховой аппарат появился у Маклакова только после окончания войны. Но, во всяком случае, после освобождения из тюрьмы он и его единомышленники связались с силами Сопротивления и, вероятно, оказывали его участникам определенное содействие. Кроме того, Маклаков требовал от эмигрантов соблюдения лояль-

³³ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 25 мая 1945. – ВАР. 2-12.

³⁴ Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 15 сентября 1944. – Там же. 11-28; и 29 января 1945. – Там же. 11-29.

³⁵ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 25 мая 1945. – Там же. 2-12.

³⁶ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 30 января 1946. – Там же. 2-13.

³⁷ Там же.

ности Франции, которая давала им приют на протяжении двух десятилетий. Лояльности в отношении Франции, разумеется, не той, которая, «коллаборировала» с нацистами, он, по словам Г.В.Адамовича, «требовал категорически и резко разрывал с людьми, которые были, по его мнению, в этом смысле не на высоте, — особенно, если это были люди известные, просвещенные, а не сбитые с толку эмигранты. В те времена такие разрывы — публичные, у всех на виду, доходившие до отказа подать руку — бывали далеко не безопасны, но Маклакова это не останавливало»³⁸.

Но главным их делом, несомненно, была антинацистская пропаганда в эмигрантской среде. По свидетельству П.А.Берлина, «они делали все, что от них зависит, чтобы противодействовать прогитлеровским настроениям в русской эмиграции и оказывать поддержку жертвам немецких преследований». С двумя членами группы, А.С.Альпериным и И.А.Кривошеиным, Берлин был связан общей работой помощи в укрывательстве евреев³⁹. Деятельность группы не осталась незамеченной. Один из ее членов, И.А.Кривошеин, сын бывшего царского министра А.В.Кривошеина, был арестован. Маклаков значился в списке подлежащих увозу в Германию в случае приближения войск союзников. Однако наступление союзников было столь стремительным, что до престарелого либерала руки у нацистов не дошли⁴⁰.

Маклаков, который всегда отказывался от роли «вождя» эмиграции, ссылаясь на свое особое положение ходатая по делам всех эмигрантов, независимо от их политических взглядов, едва ли не впервые попытался сформулировать программу, вокруг которой могла объединиться патриотически настроенная часть эмиграции. Эта программа, датированная июнем 1944 года и распространявшаяся в виде листовки от имени «группы действия» русских эмигрантов, судя по основным мыслям и стилю, написана или им самим или же при его ближайшем участии. Вероятно, она во многом повторяла семь пунктов, сформулированных Маклаковым весной 1942 г., запись которых была уничтожена после его ареста.

В листовке эмиграция призывалась «определить свое отношение к происходящему» и «продумать до конца смысл событий, не смущаясь тем, что это должно привести к пересмотру позиций, ранее занятых ею в отношении советской власти и революции». «Новый курс» Маклакова и его единомышленников был сформулирован в виде восьми тезисов, жестко увязанных друг с другом.

³⁸ Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С.222.

³⁹ Берлин П.А. — Вишняку М.А., б/числа, 1945. — НИА. Коллекция М.В.Вишняка. Кор.1-Д.

⁴⁰ Маклаков В.А. — Алданову М.А., 25 мая 1945. — ВАРМ. 2-12.

1. В первом пункте четко определялось, что «когда в 1941 году обнаружилось, что Германия вторглась в Россию для захвата у нее лучших пространств по праву “избранной расы”, для патриотически настроенной эмиграции содействие Германии становилось изменой России». Отношение к войне раскололо эмиграцию на две непримиримые части. Одна пошла с Германией и, в силу того, что могла проявить себя открыто, создала иллюзию своей многочисленности. Это незаслуженно бросало «позорную тень» на всю эмиграцию, ибо «большая ее часть, несмотря ни на что, оставалась с Россией». Она понимала, что победа в войне «может укрепить советскую власть, но сознательно предпочитала это успеху Германии», так как «владычество большевиков за 26 лет не уничтожило Великой России, как это могла бы надолго сделать победа Германии».

Однако такой выбор поставил патриотически настроенных эмигрантов «по одну сторону баррикады с советской властью». «Это не может пройти бесследно. Отношение к советской власти у них не будет уже прежним. Но нужно додумать все до конца. Не поддаваясь предвзятости, надо пережить жизнь России за последние 25 лет и отдать себе ясный отчет в том, что она сейчас из себя представляет».

2. «Эмиграция должна признать ошибочность своих опасений, что советский режим убьет в народе патриотизм и гражданственность и этим подготовит его к добровольному подчинению иностранцам. Война опровергла эти опасения: Россия оказалась жива и национально здорова. Русский народ поднялся на защиту своей родины и своей обороной напомнил лучшие страницы русской истории. Иностранцам завоевателям он предпочел свою, фактически управляющую Россией власть. Вместе с нею он отстоял свою родину против ее внешних врагов». Правда, после этих слов, казалось бы, означавших капитуляцию перед советской властью и признание ее исторической правоты, следовала фраза, четко демонстрировавшая отличие маклаковской группы от «союза русских патриотов», вскоре переименованного в «союз советских патриотов»: «Он <народ. – О.Б.> этим заслужил свое право сам собой управлять».

3. В третьем тезисе отдавалось должное советской власти, которая «проявила себя иной, чем была раньше, когда приносила Россию в жертву мировой революции. Война не захватила ее врасплох. К защите России против врагов она оказалась готовой; она пошла вместе с народом; еще раньше войны она разорвала с прежним своим отношением к его старине; уступки, которые она сделала во время войны, были не только очень реальны, но имели еще большее значение символа. А сама она не пала духом перед опасностью, не предала, ради своего самосохранения, Россию в руки врагов. Она неразрывно связала свою судьбу с Россией и сумела ее защитить. В отстаивании России в этот момент советская власть показала себя

достойной народа. «После всего происшедшего, – провозглашался едва ли не центральный тезис программы, – эмиграция не может не признать ее русской властью».

4. По-иному теперь оценивалась и Октябрьская революция – не как «местный эпизод», а в качестве начала «мирового социального сдвига к более полному пониманию задач и обязанностей государства в устройении жизни людей». Резкое столкновение старого с новым, как теперь обтекаемо характеризовались кровавые события революции и Гражданской войны, не может быть вечным. «Революция, поэтому, всегда – явление временное. Она кончается по осуществлении тех заданий истории, которые были тогда достижимы, возвращением к правовому порядку на новых началах». «Изживание революции началось в России еще перед войной, вопреки убеждению, что в советской власти не может быть эволюции, – выдавал желаемое за действительное Маклаков. – Есть идейная пропасть между революционной программой 1918 года с ее призывами к истреблению классов – и конституцией 1936 года, несмотря на ее недостатки. Национальная война за спасение Родины должна углубить и ускорить этот здоровый процесс; мы уже видим признаки этого».

Законнику Маклакову, несмотря ни на что, все-таки трудно было представить, что конституция 1936 года была не более, чем клочком бумаги.

5. Однако признание заслуг советской власти в деле защиты отечества совсем не означало покаяния перед ней. «Эмиграция от своего прошлого не отрекается, – подчеркивалось в пятом тезисе. – Непризнание ею советской власти было основано не на личных или партийных мотивах; она защищала не отжившие привилегии старого, а основы здорового государства, восставала не против начал нового социального строя, а против приемов и методов их проведения в жизнь в таких размерах и темпах, что ими попирались вечные ценности общежития: законность, уважение к человеку, право населения управляться по своему пониманию».

«За эту принципиальную позицию эмигрантам краснеть не приходится; какие бы они ни совершали ошибки, они стояли за правое дело». Следовательно, речь шла не только о том, что эмигранты признали кое в чем правоту советской власти; ход событий подвел советскую власть к проведению в жизнь тех начал, которые отстаивала эмиграция и к которым, по мнению Маклакова, стремилось население России. Теперь начала законности, уважения к человеку, самоуправления «будут особенно нужны; население будет стремиться отдохнуть от революции и войн и залечивать нанесенные раны». «Власть не должна идти наперекор этим общим желанием, если не захочет потерять положения, которое было ею завоевано в этой войне». Меньше всего это «предупреждение» было похоже на сдачу на милость победителя. Эмиграция была готова примириться с существ-

вующей в России властью; но она не собиралась отказываться от своих основополагающих ценностей. Разумеется, речь шла об определенной части либерально-демократической эмиграции. Часть эмигрантов предпочла безоговорочную сдачу и возвращение; другая часть осталась непримиримой. И речь здесь идет не только о «зубрах» правой части эмиграции, но о таких людях, как «народный социалист» Алданов, правый эсер Вишняк или меньшевик Николаевский.

6. Маклаков остался на своей прежней позиции неприятия новой революции, даже если она приведет к падению большевиков. Любая революция ведет к страданиям людей и ослаблению страны. А ведь восстановление международного престижа и мощи России в его глазах было, несомненно, главной заслугой советской власти. Кто, как не бывший посол бывшей великой державы, толкавшийся в передней ее бывших союзников после окончания Первой мировой войны, мог эту заслугу оценить.

«Эмиграция понимала, что всякое колебание власти во время войны для страны было опасно. Но она не может не видеть, что интересы России и после войны требуют не падения власти, а только ее эволюции. Ни у кого сейчас не может быть большего авторитета при заключении мира, чем у тех, кто управлял страной во время войны и привел ее к победе. Падение власти в этот момент может лишь ослабить Россию. Это понимание должно определять отношение эмиграции, пока власть защищает интересы России».

7. Отношение эмиграции к советской власти переменяла война, – говорилось в седьмом тезисе, – оказавшиеся во время войны «с этой властью на одной стороне, могут и в дальнейшем найти с нею общий язык и общее дело». «Потому возвращение на родину может стать для них отрадной и желанной возможностью». Особенно подчеркивалось значение роли, которую сыграла Россия в войне, для младшего поколения «апатридов», которое своей родины не видело и не знало: «отпор, который оказала Россия Германии, исполнил их национальной гордостью и готовностью посвятить свои силы служению ей. Этому молодому поколению место только в России».

8. «Таким образом, – подводился итог документа, – эмиграция будет, естественно, думать о возвращении на родину после войны. Не от нее, а от теперешней власти зависят условия, на которых это будет возможно. По ним тоже можно будет судить, в какой мере власть стала на уровень задач, которые перед Россией раскрылись, и освободилась от приемов и заветов революционного гнета. Это позволит каждому эмигранту видеть, в чем состоит его долг перед родиной. Но для этого ему необходимо будет преодолеть и в себе наследие нашего прошлого, без задних мыслей подчиниться истории и суметь без пристрастия оценить все стороны деятельности своих прежних противников. Возможность искреннего их примирения стала бы символом окончания революционной эпохи и восстановле-

ния внутреннего мира в России. Работать над этим, какие бы это ни встретило трудности от предвзятого недоверия и подозрения с обеих сторон, значит сейчас служить истинным интересам России»⁴¹.

Относительно недоверия и подозрения с обеих сторон Маклаков как в воду глядел. Впрочем, что касается советской власти, в лице ее посла в Париже А.Е.Богомолова, то она не собиралась рассматривать эмигрантов как «сторону». Она была готова лишь принять их безоговорочную капитуляцию. Что, впрочем, не исключало заигрывания с отдельными эмигрантами, возвращение которых могло послужить для укрепления престижа власти, – речь шла прежде всего о живом классике, единственном российском Нобелевском лауреате И.А.Бунине. Что же касается тех лиц, которые, по мнению органов контрразведки, могли представлять потенциальную опасность или должны были быть наказаны за прежние грехи, то их просто насильственно вывозили в СССР. Пока это происходило не во Франции, а в тех странах, которые были оккупированы Советской Армией.

Однако все эти «детали» стали ясны позднее, так же как и то, что советская власть ничем из «революционных завоеваний» поступаться не собирается, более того, распространит их на освобожденные от нацистов страны Восточной Европы и попытается экспортировать через своих сторонников и в Европу Западную. Неизвестно еще было также и то, что никакой либерализации режима после войны не произойдет, более того, что начнется его ужесточение и «закручивание гаек». Но это все – потом. Пока же эмигранты, наблюдавшие возрождение и победы русской армии, правда, называвшейся теперь советской, восстановление патриаршества, патристическую риторику и обращение к славному историческому прошлому, наконец, восстановление территории бывшей Российской империи, имели некоторые основания надеяться, что долгожданный «Термидор», под давлением жизни, проведут сами большевики.

На этой почве, казалось, было вполне возможно примирение и участие эмигрантов в возрождении России, если, конечно, этого захочет советская власть, ставшая, по мнению многих из них, национальной.

Вскоре после освобождения Парижа Маклаков писал Саблину в надежде восстановить контакт, утраченный на четыре с лишним года; описав вкратце свои злоключения в период нацистской оккупации, а также современное состояние и настроения эмиграции, он заключал: «Но главное не в этом. Главное в отношении к советской власти, которое, конечно, не может быть прежним ни у французов, ни у беженцев. Но здесь тоже слишком много суеты и слишком ма-

⁴¹ ВАР. 19-31.

ло достоинства. Лично меня этот вопрос и возможность честного примирения интересует больше всего»⁴².

Полтора месяца спустя он информировал Саблину о «трех ориентациях», которые сложились среди эмигрантов: «Непримиримые, которые остались на прежней позиции и ждут, когда “советы падут”. Их мало. Есть те, которые без оговорок и достоинства побежали к новым господам и хулят наше прошлое. Есть третьи направления, к которому и я принадлежу, которое находит, что обстоятельства переменялись, и, не отрекаясь от нашего прошлого, на советскую власть смотрит иными глазами и хочет найти базу для примирения с нею»⁴³.

Надо сказать, что и советское посольство давало понять, что его отношение к эмиграции изменилось. «Никогда советское посольство не имело такого влияния, как сейчас, и не могло бы нам повредить, если бы захотело, – писал Маклаков, по-видимому, одному из бывших руководителей эмигрантского Офиса. – Оно могло бы добиться уничтожения конвенции <о беженцах. – О.Б.> и всех наших привилегий, если бы захотело. Но никогда их отношение к нам не было столь доброжелательным, как теперь; эмиграция, которая не пошла к немцам, но только эта часть эмиграции, этим себя очень подкрепила в их глазах. Они этого не скрывают. Теперь очень легко получить амнистию и вернуться в Россию»⁴⁴.

Мысль о поездке на родину, видимо, всерьез рассматривалась и самим Маклаковым. Еще в ноябре 1944 года он писал своей постоянной корреспондентке военных лет Ариадне Тырковой, что мечтает о том, «чтобы поехать туда разведчиком». «Если советы выдержали эту войну, то я не вижу, как можно ожидать их “падения”. Случай был *единственный*, и этого не произошло. А зато “эволюция” у них несомненна и велика и еще *усилится*»⁴⁵.

Объясняя появление своей новой «аттitudы» (отношения) к советской власти, бывший посол писал Саблину, что, в отличие от Франции, в Англии не было «разврата агрессивного и торжествующего германофильства, которое одно могло высказываться и выдавать себя за всю эмиграцию». Вышедшие на авансцену русские «германофилы» стали громко приветствовать приход немцев, «не только надевали их форму, но усваивали их обычаи, здоровались поднимая руку и словами “Хайль Хитлер”». Отрезвление у многих наступило только тогда, «когда эмигранты увидели на фронте, как немцы с русскими поступают». Суть же нового отношения к советской власти, вызванного тем, что в период борьбы с нацистами «мы,

⁴² Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 15 сентября 1944. – ВАР. 11-28.

⁴³ Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 6 ноября 1944. – Там же.

⁴⁴ Маклаков В.А. – Илье Тимофеевичу, 17 января 1945. – Там же. 19-32.

⁴⁵ В.А.Маклаков – А.В.Тырковой, 6 ноября 1944. – Там же. 14-20.

эмигранты, были с советской властью по одну сторону баррикады», заключается в том, что «от прежней борьбы пользы более нет; но что для примирения нам не приходится отказываться от нашего прошлого; переменялись сами обстоятельства»⁴⁶.

Саблин всецело разделял настроения Маклакова; однако на ключевой вопрос об отношении к эмигрантам советских представителей в Лондоне вынужден был ответить: «любезно-отрицательное». Саблин, кстати, привел весьма любопытный эпизод. Обосновавшийся в Англии бывший фактический глава колчаковского дипломатического ведомства И.И.Сукин ходил к советскому послу в Лондоне И.М.Майскому и предлагал свои услуги. Москва воспользоваться услугами Сукина не пожелала. После войны, мол, увидим... Когда Сукин заикнулся о поездке в Москву в любом звании, Майский ему сказал: «знаете ли Вы, как изменилась жизнь в России, не советую Вам возвращаться, трудно будет Вам жить там в новых условиях»⁴⁷. Похоже, ни Саблин, ни Сукин не подозревали, что советский посол, скорее всего, спас бывшему белому дипломату жизнь...

«Декларация» Маклакова вызвала весьма резкое неприятие у той части эмиграции, которая отнюдь не желала поражения России в войне, но и не видела оснований менять свое отношение к советской власти. С.П.Мельгунов писал Маклакову, что у него вызвало полное недоумение обоснование выводов, «сводящихся к призыву – идти в Каноссу». Мельгунов указывал, что, кроме двух возможных позиций – поддержки в войне Сталина или Гитлера, существовала третья, антинацистская, но не солидаризирующаяся с официальной российской властью, которая «не брала ответственности за то, что делала эта власть, например, накануне вторжения немцев в пределы России», имея в виду вторжение СССР в Польшу и Прибалтику. Особое неприятие Мельгунова вызвало фактическое оправдание Октябрьской революции, плодотворности «социального сдвига», происшедшего за 25 лет советской власти. «Утверждать подобное, – негодовал старый социалист, – значит открыто свидетельствовать об интеллектуальной нищете и крахе квалифицированной русской интеллигенции».

Мельгунов справедливо указывал, что положения конституции 1936 года, на которую ссылался Маклаков в качестве доказательства эволюции власти, фактически не выполняются; он не видел никаких реальных уступок со стороны власти. «Неужели потемкинские декорации принимать за реальность? Поскольку к нам просачивалась

⁴⁶ Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 29 января 1945. – ВАРМ. 11-29.

⁴⁷ Саблин Е.В. – Маклакову В.А., 31 января 1945. – Там же.

информация за эти годы, мы имеем право “без предвзятости” сказать, что “народ” отнюдь не с властью. Иначе как могло бы создаться такое ненормальное антипатриотическое явление, как образование “власовской” армии или казачьих отрядов из кубанских и донских беженцев? Нет, там по-прежнему аракеевские казармы! Поэтому говорить об “искреннем соглашении” со сталинской кликой – простите меня – это ничем не оправдываемая маниловщина, которая никогда не может служить истинным интересам России»⁴⁸.

Вполне справедливо критикуя «маниловские» представления Маклакова об эволюции советской власти, Мельгунов, в свою очередь, выдвигал вполне фантастическое предположение, что «преждевременная сдача эмигрантских позиций» ослабит «порыв освободительной борьбы, которая может начаться в России после войны»⁴⁹.

В ответном письме Маклаков, оспаривая аргументы своего корреспондента, подчеркивал, что «третьей» позиции «не было, да и быть *не* могло». «Она непременно соскальзывала бы в пассивную помощь одной из сторон. Недаром все левые враги Сталина во время войны *перестали его обличать*, чтобы не оказаться в одном лагере с *Гитлером*». Маклаков в сжатом виде изложил свою «философию истории», которая невольно заставляет вспомнить слова П.Н.Милюкова, осуждавшего своего постоянного оппонента за то, что тот остался адвокатом и в политике.

«Вам ли, историку, – обращался Маклаков к автору “Золотого немецкого ключа большевиков” и других исследований, доказывающих заговорщический характер переворота 25 октября, и менее всего склонного “объективно” оценивать события 1917 года, – надо доказывать, что в столкновении политических направлений ни у кого никогда нет ни полной *истины*, ни полной *неправды*. Пока мир стоит на антиномиях “личности” и “государства”, “свободы” и “равенства”, которые противоречат друг другу, а равно необходимы, как необходимо равновесие между ними, определяемое уровнем культуры, эпохи, национальности и отдельных людей, до тех пор во всех политических столкновениях у всех есть доля правды. Ее и обнаруживает *после* история. Вспомните, как менялась оценка Французской революции и ее людей, сколько было разоблачений и реабилитаций. Есть неправда и в демократиях, есть правды и в тоталитарных режимах, и в старом режиме, и в большевизме, и у русского либерализма; все это было перемешано. Мы думаем, что события *последних* годов увели нас так далеко от 17 года, что мы можем уже теперь в оценке его стоять на *исторической точке зрения*, а не на

⁴⁸ Мельгунов С.П. – Маклакову В.А., 27 сентября 1944. – ВМ. 10-21.

⁴⁹ Там же.

односторонних военных коммунистических современников. Это не капитуляция и не Каносса, это “подчинение истории”⁵⁰.

Маклаков признавал, что в России еще многое неясно, в том числе, «кто сейчас в ней определяет погоду», Сталин, мужики или «молодые новые коммунисты». «Но общий ход дела ясен. Россия, расслабленная и бессильная в 1917 году, оказалась сильной в 42. Народ, бросавший фронт в 17 г. и перенесший разрушение храмов и поругание мощей, заставил власть прекратить гонения на веру и защищает Россию даже партизанской войной... Могут быть скачки назад и вперед, но мое общее впечатление, что “Революция” кончилась уже давно; идет перерождение революционного взрыва на правовой порядок на новых основах. Это – здоровый процесс... Все мерзости большевизма останутся, ибо нельзя бывшее сделать не бывшим. Но их забудут, как забывали всякие мерзости, и Ивана IV, и Петра Великого, и Вильгельма Завоевателя, и Робеспьера, и всех подобных»⁵¹.

Маклаков не очень верил в «порывы» освободительной борьбы в России и считал, что если даже таковые случатся, то меньше всего люди, действующие в России, будут интересоваться «вымиравшей эмиграцией». Однако он более рассчитывал на эволюцию власти и на возможность для эмигрантов, в связи с этим, вернуться на родину. Вернуться, считал Маклаков, надо достойно, и не на условиях капитуляции, а в результате примирения. «Условия» примирения и излагались в его «записке».

Мельгунова, как и предполагал Маклаков, его аргументы не убедили. Прежде всего, Мельгунов продолжал настаивать, что «третья» позиция была вполне возможна: «Для тех, кто психологически и политически не мог идти в ногу с немцами, кто не был так наивен, чтобы фикции принимать за действительность, и не думал о возможности через Гитлера придти к созданию национальной власти; для тех, кто не видел разницы между насилием наци и насилием большевиков (первые лишь хорошие выученики вторых) и не желал принимать ответственность за Катынь и пр., – ничего не оставалось другого в практических своих действиях, как выжидать. Молчание не есть тактика – может быть, скажете Вы. Я с этим не соглашусь. Во всяком случае, удел молчания был одинаков в дни эмиграции для тех эмигрантов, которые были, как Вы говорите, на одной баррикаде с большевистской властью, и для тех, которые были с Россией, но не с большевиками. Своей декларацией Вы и для будущего прикрываете советскую моральную наготу». Мельгунов считал по меньшей мере рискованным историческое оправдание «большевистского переворота 17 года»; именно как оправдание он расценил мак-

⁵⁰ Маклаков В.А. – Мельгунову С.П., 2 октября 1944. – ВАРМ. 10-21.

⁵¹ Там же.

лаковское «подчинение истории» и указал, что при существующей политической конъюнктуре принципиального отличия между позицией «русских патриотов» (вскоре заменивших «русских» на «советских») и позицией «маклаковской группы» нет⁵².

Тезисы Маклакова, также как проектируемое им создание на их основе «Объединения русской демократической эмиграции» вызвали безусловно отрицательное отношение и у гораздо более близкого к нему барона Б.Э.Нольде. Указав на практическую беспредметность создания объединения, Нольде обрушился на историко-политическую часть маклаковской программы. Соглашаясь с тем, что «во время войны было бы противным элементарным чувствам патриотизма бороться с властью, которая с полным успехом выполняет государственную задачу огромной важности, которая к тому же на высоте дипломатических задач России», он указал, что если «не пустая фраза» то, что Маклаков говорит о праве эмиграции сохранить свои убеждения, «то должны быть сделаны соответствующие выводы». «Суммарно – Советская Россия все еще страна без свободы и без культуры. Я не вижу в эту историческую минуту оснований выступать с таким заявлением. Наоборот, каждый из нас обязан сейчас говорить об огромности и успехе русского военного усилия и о мудрости политической линии Советов в области внешней. Но столь же мало оснований отрекаться от ясного положения, что СССР живет под режимом весьма близким режиму национал-социалистической Германии, что в ней нет свободы и нет культуры, так, как мы всегда понимали свободу и культуру»⁵³.

Аргументы Маклакова о необходимости сформулировать некую позицию, приемлемую для тех, которые остались эмигрантами и от своих прежних взглядов не отказались, но «которые свое отношение к советской власти меняют», Нольде не убедили. В ответном письме он подчеркивал, что никакого «перемирия» он не ищет, а лишь признает несвоевременность «войны» с Москвой, «даже если допустить, что сомнительно, чтобы эмиграция могла быть “стороной” в такой войне». «Я хочу только сохранения своей полной свободы, хочу оставаться “свободным русским”, как свободны были от Виши “свободные французы”, группировавшиеся вокруг де Голля в первые годы. Объективно: я не вижу кругом себя настроений, отвечающих той промежуточной позиции, которую Вы рекомендуете»⁵⁴.

⁵² Мельгунов С.П. – Маклакову В.А., 10 октября 1944. – ВАРМ. 9-21.

⁵³ Нольде Б.Э. – Маклакову В.А., 1 декабря 1944. – Там же. 19-26.

⁵⁴ Маклаков В.А. – Нольде Б.Э., 4 декабря 1944; Нольде Б.Э. – Маклакову В.А., 14 декабря 1944. – Там же.

Как бы то ни было, для того, чтобы вступить на путь примирения, нужно было, для начала, с противоположной стороной вступить в контакт. Поэтому вполне логичным было посещение «группой Маклакова» советского посольства, вызвавшее столь бурную реакцию всей эмиграции. Кстати, Маклаков был не первым, посетившим советское посольство. Первым был приглашен в посольство митрополит Евлогий, за которым Богомолов прислал автомобиль и, после встречи, предоставил дипломатическую вализу для связи с патриархом⁵⁵.

Однако визит в посольство митрополита, возможно, потому, что он был все-таки лицом духовным, а не политиком и речей о примирении с советской властью не произносил, сенсацией не стал и бури не вызвал. Иное дело – прием, устроенный для группы, провозгласившей политические цели и возглавляемой одним из самых известных эмигрантов, пожалуй, даже неким символом эмиграции, Маклаковым. Посол Богомолов дважды, через посредника, приглашал одного из своих предшественников на этом посту посетить особняк на улице Гренель. По сведениям П.А.Берлина, этим посредником был А.Ф.Ступницкий, который «шмыгал» между посольством и группой. Ступницкий был одновременно и членом группы, и «близким лицом Гузовского, первого советника советского посольства, первый советник всегда есть представитель ГПУ», как по старой памяти называл советские органы безопасности Берлин. Поэтому Берлин затруднялся сказать, по чьей инициативе, «полпредства или этой группы, было совершено паломничество в святые места»⁵⁶.

Здесь уместно будет сказать несколько слов об Арсении Федоровиче Ступницком (1893–1951), которого многие считали «злым гением» во всей этой истории. И считали, по нашему мнению, обосновательно, ибо не благодаря же уговорам Ступницкого Маклаков и другие члены группы отправились в посольство. По-видимому, он действительно сыграл роль посредника – не более того. Ступницкий, выпускник юридического факультета Петроградского университета, участник Белого движения, в эмиграции стал одним из ближайших сотрудников П.Н.Милюкова в «Последних новостях». Ступницкий, по воспоминаниям другого сотрудника газеты, блистательного Дон Аминадо (А.П.Шполянского), «был на ролях любимого ученика, перипатетика и дофина. Республиканско-демократическую азбуку знал назубок...»⁵⁷ После освобождения Франции Ступницкий пытался возродить газету Милюкова под названием «Русские ново-

⁵⁵ В.А.Маклаков о своем визите в советское посольство // Новое русское слово. 1945. 23 июля.

⁵⁶ Берлин П.А. – Вишняку М.В., 1945, б/числа. – НИА. Коллекция М.В.Вишняка. Кор.1-D.

⁵⁷ Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С.298.

сти»; в заголовке был использован логотип «Последних новостей», однако это издание очень быстро приняло откровенно просоветский характер и мало чем отличалось от «Советского патриота».

Как бы то ни было, на второе приглашение Маклаков ответил согласием, но тут посол уехал в Москву с генералом де Голлем, а по возвращении вновь пригласил Маклакова, но теперь уже предложил ему придти вместе с членами его группы, по его выбору, подчеркнув при этом свое желание видеть в посольстве близких к маклаковской группе «двух адмиралов» – М.А.Кедрова и Д.Н.Вердеревского.

«Мы решили пойти, – писал впоследствии Маклаков, – именно как группа людей, которые от Советов независимы, но признают их национальной властью и с ними не борются. Для нас было ясно, что никакой другой власти в России мы им противопоставить не можем, а вести борьбу с ними после провала вермахта есть хлестаковщина»⁵⁸. Вместе с Маклаковым посольство 12 февраля 1945 г. посетили входившие в «группу» А.А.Титов, председатель Московского землячества и Общества химиков, А.С.Альперин, председатель ОРТа, М.М.Тер-Погосян, директор кинематографического общества, журналист В.Е.Татаринов, Е.Ф.Роговский, член комитета Земгора, и А.Ф.Ступницкий. Кроме того, на прием были приглашены бывший командующий Балтийским флотом и военно-морской министр Временного правительства адмирал Д.Н.Вердеревский и заместитель главы РОВСа, также бывший военно-морской министр Временного правительства, а в 1920 г. командующий флотом и начальник морского управления в правительстве П.Н.Врангеля адмирал М.А.Кедров.

Кстати, Маклаков позднее заметил, что среди «людей “моей группы” было мало людей, которые мне импонировали; мои политические “друзья” либо умерли, либо уехали. Один из них, П.Б.Струве, вернулся в Париж только, чтобы здесь умереть»⁵⁹.

Прием продолжался два часа, с 12 до двух часов дня; стороны обменялись речами и тостами. Тогда же кем-то из участников визита была подготовлена запись выступлений, впоследствии опубликованная⁶⁰; впрочем, их содержание было доведено до сведения заинтересованных лиц в личных письмах, по крайней мере одно из которых – письмо Маклакова его товарищу по защите Бейлиса, адвокату Д.Н.Григоровичу-Барскому – было опубликовано уже в июле 1945 г.⁶¹ Конечно, эмигрантов поразил сам факт визита и внешние

⁵⁸ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 25 мая 1945. – ВАР. 2-12.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Эмигранты у Богомолова // Новый журнал. 1970. Кн.100. С.269-279.

⁶¹ В.А.Маклаков о своем визите в советское посольство // Новое русское слово. 1945. 23 июля.

обстоятельства, которые ему сопутствовали: тосты, поднятые за советский народ, Красную Армию и маршала Сталина. А также, конечно, заявление Маклакова о том, что он и его единомышленники признают советскую власть национальной, борьбу с ней прекращают и будут содействовать примирению с советской властью всей эмиграции.

«Русская политическая эмиграция Парижа, в лице ее наиболее авторитетных представителей, вступила на путь полного примирения с советской властью», – с первой же фразы определял суть события парижский корреспондент «Нового русского слова» Я.Я.Кобецкий, бывший заведующий биржевым отделом покойных «Последних новостей», чья статья под заголовком «Митрополит Евлогий и В.А.Маклаков посетили советского посла Богомолова» повергла в шоковое состояние многих маклаковских друзей и знакомых по ту сторону океана⁶².

Тут же были предприняты попытки объяснить происшедшее. Наиболее часто встречающееся – и тогда, и потом – «то, что случилось с Маклаковым, особое послеоккупационное явление – реакция на чудесное спасение России»⁶³. «Для уразумения нынешнего состояния В.А.Маклакова нужно принять во внимание ту обстановку, в которой он прожил последние 4 года, под германской оккупацией», – писал «по горячим следам» в том же «Новом русском слове» А.Седых⁶⁴.

Более спокойно оценил слова Маклакова, сказанные в посольстве, С.Л.Поляков-Литовцев, многолетний сотрудник «Последних новостей», также оказавшийся теперь за океаном. «В речи Маклакова, – писал он, – нет ни одной фразы, которой он мог бы стыдиться. Он не калялся. Он не отверг прошлой борьбы. Не намекнул ни одним звуком, что она была необоснованной, незаконной, антинациональной... Маклаков говорил не о сдаче, а о примирении. И говорил по-маклаковски, т.е. очень искренно. Прямо сказал: чувства столь многих лет не могут в несколько минут измениться. Нужно взаимное понимание, взаимные усилия сближения. От чего Маклаков и делегация отказались, это от вражды и борьбы. Во имя чего? Во имя борьбы с захватчиками и врагами России. На долю Маклакова выпало быть первым возгласителем, что гражданская борьба русских кончается примирением».

Поляков справедливо отметил, что «посещение советского посольства в Париже группой видных русских эмигрантов стали почему-то сводить в разговорах к личности В.А.Маклакова, как будто

⁶² Новое русское слово. 1945. 7 марта.

⁶³ Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С.145.

⁶⁴ Седых Андрей. Загадка В.А.Маклакова // Новое русское слово. 1945. 18 марта.

весь этот волнующий вопрос заключается в том, хорош или не хорош, тверд или неустойчив, верен или изменчив этот знаменитый оратор и представительный кадет». Впрочем, причины повышенного внимания к роли Маклакова в этой истории были понятны. Он был наиболее крупной личностью среди «визитеров» и, в известном смысле, символом эмиграции. Речь, точнее, две речи Маклакова в посольстве носили наиболее принципиальный характер. Оборончество, по мнению Полякова, делало критику советского режима в условиях войны психологически невозможной, даже абсурдной. «Какой же мыслим новый тип отношений? Конечно, не капитуляция, но, конечно, и примирение... На советские посольства я перестал смотреть как на ханские ставки»⁶⁵.

Если отвлечься от самого демонстративного факта посещения посольства и обратиться к сути того, что было сказано Маклаковым, то, в общем, непонятно, из-за чего поднялась такая буря. В своей речи в посольстве он повторил, в основном, то, что было изложено в программной листовке его группы. Маклаков справедливо констатировал, что эмиграция бессильна перед советской властью. «Но, – добавил он, – они представляли два равноправных принципа. Эмиграция стояла за начала, на которых развивалась жизнь старого мира, вы же несли с собою основы для нового. Вы достаточно реалисты, чтобы знать, что новое прочно только тогда, когда приводит к синтезу со старым, что истинная победа не в уничтожении побежденного, а в примирении его с этой победой. Вы на примере религии узнали, насколько целесообразнее мирить с собою врага, которого раньше пытались искоренять. Примирение эмиграции с советской властью может получить значение символа: восстановления мира в России. Мы над этим работаем»⁶⁶.

Правда, теперь, полгода спустя после публикации программной листовки, Маклаков был более осторожен в оценке перспектив примирения эмиграции с советской властью: «С устранением внешней опасности у одних воскресло старое недоверие к власти. Другие торопились заявить себя на новой дороге, не хотели понимать живучести и законности прежних чувств эмиграции и ее этим отталкивали, – говорил он, прозрачно намекая на “советских патриотов”. – Нужно много работать для взаимного понимания и примирения». Маклаков подчеркнул, что встреча носит ознакомительный, информационный характер: он заявил, что о своей работе, направленной на примире-

⁶⁵ Поляков-Литовцев С.Л. Эмигранты в советском посольстве // Новое русское слово. 1945. 25 марта.

⁶⁶ Как упоминалось выше, запись выступлений на приеме, сделанная одним из его участников, была опубликована в 1970 г. в «Новом журнале». Здесь и далее мы цитируем выступления по машинописному экземпляру, находящемуся среди бумаг Маклакова в Гугеровском институте (ВАМ. 20-7); с одной из машинописных копий этого текста и была осуществлена публикация.

ние эмиграции и советской власти, они говорят «не для практических целей. Как наши отношения сложатся, никто предвидеть не может; жизнь определяется не только человеческой волей и многое не в нашей власти. Но раз мы признаем советскую власть национальной властью и с нею не боремся, мы хотим, чтобы про нашу работу, которую мы ведем только для пользы России, Вы непосредственно узнали от нас».

Ответная речь посла была достаточно жесткой; Богомолов не употреблял слова «примирение»; по существу, он требовал капитуляции: «Перед эмиграцией открываются два пути. Она может пойти по тому пути, на который она теперь как будто бы стала: изучения, понимания и принятия того, что произошло в России. Вполне естественно, что сейчас в эмиграции преобладает русский, а не советский патриотизм. Однако этого мало, и эмигранты, любя Россию, должны принять все те коренные изменения, которые в ней произошли. Другой путь состоит в том, что эмиграция после войны будет по-прежнему враждебно относиться к Сов<етскому> Союзу. Тогда мы предоставим ее естественному историческому процессу и для нас она утратит всякий интерес. Эмиграция будет изолирована, старое поколение постепенно вымрет, а молодое будет денационализировано – уже сейчас в эмигрантской молодежи идет сильный процесс денационализации. В интересах самой эмиграции идти по первому пути и укреплять свои связи с советским народом».

Посол считал также необходимым подчеркнуть разницу между русским и советским патриотизмом. Советский патриотизм шире русского, и его сущность заключается «не только в любви к России, но в принятии всех тех изменений, которые в ней произошли. Ребенок любит свою мать, когда она молода и красива, но он любит ее и тогда, когда она стареет. Только в России мать не постарела, а стала молодой и новой».

То, что говорил посол, совершенно противоречило концепции Маклакова, и он вновь взял слово, чтобы «прибавить несколько слов пояснения». Еще раз подчеркнув, что он и его единомышленники борьбу против советской власти прекратили, он мотивировал это вовсе не признанием правоты советской власти, а нежеланием ввергать страну в новую междоусобицу: «Мы знаем, чего стоит стране Революция, и еще новой революции для России не пожелаем. Мы надеемся на дальнейшую ее эволюцию».

Остановившись на проотивопоставлении русского и советского патриотизма, сделанного Богомоловым, Маклаков говорил, обращаясь к послу: «Вы предлагаете любить Россию в той ее форме, советской, в которой она сложилась сейчас. Но формы и советской России меняются. Россия 1918 года, которую по личному опыту запомнила эмиграция, не та, которую устанавливала конституция 1936 г. И эта эволюция далеко не закончена. Никто не знает, какой

будет Россия после войны. И не только Россия. Вы отметили, что глубочайшие трансформации происходят повсюду, что пропасть между советской Россией и миром уменьшилась; но это сближение их происходит с обеих сторон, обе стремятся к какому-то синтезу. Что в будущей России воскреснет из старого, что переживет из советской России, ни предсказать, ни искусственно сделать нельзя. Дорожить не самой Россией, а ее временной, советской формой, значило бы следовать Константину Леонтьеву, который писал: «на что нам Россия, если она не самодержавная и не православная». Возьму Ваше сравнение. Дети должны любить свою мать и молодой, и старой, и здоровой, и больной. Но они любят мать, а не болезнь и не старость ее. В чем неизменная сущность России и в чем ее переходящие формы, покажет нам сама жизнь. И потому «русский патриотизм» не исключает советского, но шире его».

В заключительной речи, которую посол произнес после выступления всех присутствовавших, он прежде всего отвечал Маклакову. Положительно оценив изменения, происшедшие в эмиграции, он намекнул на «интересные перспективы», которые перед ней могут открыться, т.е. на возможность для тех, кто захочет это сделать, вернуться на родину, Богомоллов в то же время четко заявил, что «основные черты (советского) строя остаются неизменными». «Богатства страны – земля, недра, заводы и фабрики – принадлежат всему государству и не могут быть предметами частной собственности... Народ не боится прошлого, он его ценит и знает, берет из него самое лучшее. Советский народ с почтением и уважением относится к реформам Петра Великого и деяниям тех русских правительств, которые шли на благо России. Вот почему теперь дают ордена имени Суворова, Кутузова, Александра Невского. В этом нельзя усматривать какого-то поворота “направо” или возврата к прошлому... Точно так же надо смотреть и на изменение отношения правительства к православной церкви. Раньше, когда православная церковь была враждебной или равнодушной к советскому режиму, таково же было и отношение к ней правительства. Православная церковь сама изменила свое отношение к советской власти, во время войны она пошла вместе с советским народом, и советское правительство видит в этом естественное положительное явление».

Иными словами, посол дал понять, что на эволюцию советской власти рассчитывать не приходится; характерно, что при прощании Богомоллов выразил надежду на устранение противоречий между группой Маклакова и группой «Советского патриота»: «Вы все, – сказал он, – стоите, по существу, на одних основных позициях, а нюансы во мнениях вполне понятны, и в этом нет ничего плохого». Т.е. посол фактически предлагал «визитерам» примкнуть к тем, кто признал советскую власть безоговорочно и был готов ей служить без всяких условий.

Среди участников приема недвусмысленное предложение служить советской власти высказал только А.Ф.Ступницкий: «Становясь на почву определенных конкретных задач, надо установить, что у эмиграции имеется свой капитал. Капитал этот – знание западного мира и обширные связи с ним. Г<осподин> посол указывал, что русская эмиграция постоянно использовалась в корыстных целях иностранцами. Это, конечно, ненормально. Если же этот капитал будет использован Советским Союзом, это будет нормально. Это поведет к полезным результатам и в другом смысле: на почве конкретной работы легче будет присмотреться к эмиграции. Есть все основания предполагать, что те, кто привлекут эмиграцию к работе, не будут разочарованы».

Речи других участников колебались от достаточно восторженных, вроде выступления адмирала Кедрова, признавшего, что в России «создается новая государственность, крепнет новая армия – процесс из разрушительного сделался созидательным... Советский Союз победил – Россия спасена и спасен весь мир. Новая государственность и новая армия оказались необычайно стойкими и сильными, и я с благодарностью приветствую их и их вождей», до более сдержанных. Член «группы Маклакова» Тер-Погосян, признав, что представитель величайшей державы и группа эмигрантов не могут рассматриваться как «стороны», сказал все же, что «в одном смысле, в известном плане мы – стороны: как представители различных отрядов русской общественности, которая неизменно стремилась к осуществлению социальной справедливости. Борьбу с советской властью мы вели во имя этой правды. Мы вели эту борьбу не из личных или классовых интересов. Мы, социалисты, боролись с советской властью по поводу методов осуществления идеалов социальной справедливости и в первую очередь во имя величия нашей родины. Мы считали, что советские методы попирают как раз те идеалы, которые были нам дороги». Тер-Погосян никак не упомянул, что он и его единомышленники изменили мнение о «советских методах».

В написанном по горячим следам письме Саблину Маклаков, кроме рассказа об обстоятельствах визита и содержании главных речей – его собственных и Богомолова, описал и ставший печально знаменитым эпизод с тостами: «Во время речей прислуга (по физиономии и манерам типичная молодая русская деревенская девка) внесла порто и сэндвичи с икрой и их разносила по гостям. Я был рад заморить червячка и сейчас же свой съел и выпил. Но когда очередной оратор кончил речь, Богомолов встал и поднял рюмку за советскую Россию, за Красную Армию, за Маршала Сталина. Боюсь, что на этой почве будет злословие, что мы выпили, а Кедров сказал: “за хозяина”»⁶⁷. «Злословие», разумеется, распространилось. Ну что ж,

⁶⁷ Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 14 февраля 1945. – ВАР. 11-29.

начав «сближаться», приходилось расплачиваться тостом за Сталина. Кстати, Маклаков привел и еще одну любопытную деталь, касающуюся его лично; в силу своей глухоты он слышал только посла, сидевшего напротив него; о содержании остальных речей он узнал по фактум.

23 марта 1945 г. Маклаков вновь встречался с Богомоловым по приглашению посла. Содержание их разговора, разумеется, в собственной интерпретации, Богомолов изложил в письме к заместителю министра иностранных дел СССР В.Г.Деканозову. Нам не удалось обнаружить каких-либо записей, сделанных о беседе Маклаковым. Впрочем, ничего нового Маклаков послу не сказал; интерес представляет прежде всего восприятие того, что говорил глава Эмигрантского комитета, его собеседником. А также оценка послом положения дел в среде русской эмиграции.

В годы войны, излагал посол соображения Маклакова, эмиграция для себя решала вопрос, кто является врагом №1 – большевики или немцы. «Большинство эмиграции решило, что немцы, но это для них не означало, что они признали большевиков. “Оставаясь врагами большевиков, они прекратили борьбу с СССР и готовы были бороться против немцев”, – говорит Маклаков. Сейчас дело идет значительно дальше – значительная часть эмиграции идет на признание Советской власти, а меньшинство открыто признает, что вся их прежняя деятельность была сплошной ошибкой»⁶⁸.

«Сам Маклаков занимает промежуточную позицию, – по-видимому, весьма вольно излагал его слова посол, сопровождая их собственными комментариями и вкладывая в уста своего собеседника явно не свойственные тому обороты. – С одной стороны, он представляет политическую эмиграцию, т.е. лидеров несуществующих партий, и считает свою группу “интеллектом эмиграции” – ее аристократией. Как представителю и вожаку этой группы, ему не нравится общество “советских патриотов”, т.е. общество никому не известной эмигрантской мелкоты, которая хотя и многочисленна, но не обладает вожаками “с именем и весом”. Маклаков уже чисто по-провокааторски намекает, что в среде “советских патриотов” имеются люди, сотрудничавшие с немцами, а поэтому он не согласен ни принять на себя звание “советского патриота”, ни войти в прямой контакт с этой организацией»⁶⁹. Эмиграция не пойдет за “Союзом

⁶⁸ Из письма посла СССР во Франции А.Е.Богомолова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.Г.Деканозову, 4 апреля 1945 г. // Переписка. Кн.2. С.582.

⁶⁹ Среди новоявленных «советских патриотов» действительно были люди, ранее сотрудничавшие с немцами, например, известный литератор Л.Д.Любимов. Своего мнения о том, что среди «патриотов» было немало число лиц, запятнавших себя неблагоприятными политическими или коммерческими делами, Маклаков не скрывал. Он писал, в частности, Алданову: «Появились “патри-

Советских патриотов”, она пойдет за тем комитетом, который я организую, как “Комитет сближения с Советской Россией”. Маклаков хочет создать такой комитет и заявляет, что наряду с этим комитетом восстанавливается и милюковская газета “Последние новости” под названием “Русские новости”. Маклаков говорит, что никогда не разделял взглядов Милюкова, но поворот Милюкова в сторону Советской России в годы германо-советской войны он одобряет и разделяет»⁷⁰.

В случае с «поворотом» Милюкова имелась в виду его предсмертная статья «Правда большевизма»; вскоре Богомолов отправил своему шефу копию статьи, присланную Ступницким, для ознакомления⁷¹. Оценивая ее содержание, посол подчеркнул, что автор статьи остался антибольшевиком и что «если взять статью как историко-политическую статью, то это дикий бред и, очевидно, враждебная СССР концепция, но и в этом случае следует отметить тенденции поворота к признанию Советского Союза и к отказу от борьбы с ним»⁷².

В заключение посол дал свою классификацию различных групп эмиграции, исходя из их отношения к СССР. Около 5–10% составляли правые, т.е. «твердолобые монархисты», которые «даже для эмигрантов представляют собою касту одичалых зубров, безнадежных и бесполезных».

«Около 5–10% фашистов национал-социалистического толка или лиц, безнадежно замаранных сотрудничеством с немцами. Эти люди объаты страхом и готовы сейчас продать себя любой разведке, чтобы только избежать ответственности за свои действия. <...>»

«Третьей группировкой, от 5 до 10%, являются антинемецкие “нейтралы”, т.е. эмигранты, которые считают, что СССР был и остается врагом эмигрантов, но бороться с СССР пока не следует, т.к. нельзя не признать заслуг СССР в борьбе с немцами и освобождении Европы от угрозы немецкого господства. Сюда относятся умеренные из числа правых, т.е. люди типа Деникина и часть членов “Общевойскаго союза”.

Люди из этой группы неустойчивы и могут легко прийти к своеобразному сменевеховству милюковцев. Четвертой группой являются милюковцы и маклаковцы – эта группа охватывает от 20 до 30% эмиграции и включает в себя наиболее активных эмигрантских политических деятелей. Сюда входят: Маклаков, Ступницкий, Тата-

оты”, отчасти от Резистанс, а отчасти из германофилов, которые под этим флагом скрывали свое германофильство и нажитые ими деньги; они побежали к Богомолову, оплевали прошлое эмиграции, словом, повели себя, как ренегаты». // Маклаков В.А. – Алданову М.А., 25 мая 1945. – ВАРМ. 2-12.

⁷⁰ Переписка. Кн.2. С.582-583.

⁷¹ Там же. С.589-601.

⁷² Там же. С.583.

ринов, Роговский и ряд других. К ним легко присоединятся эмигрантские литераторы, т.е. Бунин, Тэффи и др.

Это наиболее политически подготовленная и, безусловно, наиболее политиканствующая группа эмиграции. Сюда подходят и люди вроде Бердяева, митрополита Евлогия, писателя Рощина и других»⁷³.

24 марта 1945 г. состоялось учредительное собрание группы, назвавшей себя «Объединением русской эмиграции для сближения с Советской Россией». На собрании с докладом выступил А.С.Альперин, избранный председателем объединения. Почетным председателем был избран Маклаков. Наряду с повторением и разъяснением основных положений, содержащихся в программной листовке, Альперин, не называя его по имени, продолжил полемику с советским послом. «Теперь говорят о разных патриотизмах, – сказал он, не поясняя, кто и где говорит, – о патриотизме русском, о патриотизме советском; но тогда, в начале войны, никаких таких подразделений не было, как не было их во все тяжкие и ответственные моменты истории нашей страны. Патриотизм Минина и Пожарского был просто патриотизм, без прилагательных. В 1812 году русский народ пошел на француза не для того, чтобы защищать свой строй, рабовладельческий строй, а вопреки посулам Наполеона, обещавшего крестьянам свободу», – проводил прозрачную аналогию Альперин. «Мы знаем также случаи патриотизма не родины, а только ее строя. В.А.Маклакову случилось недавно цитировать Константина Леонтьева: “На что мне Россия без самодержавия и православия”...»⁷⁴

Альперин вновь не уточнял, где были произнесены эти слова Маклакова; однако было очевидно, что речь шла не о монархистах, а о тех, для кого Россия могла быть только советской. Но все же... «Мы увидели, что народ пошел за своей властью, за своими вождями. Народ проявил единодушие, а вожди – мудрую предусмотрительность». Победа в войне, обеспеченная, несомненно, длительной подготовкой, заставила бывшего узника Компьенского лагеря и его товарищей отказаться от привычных стереотипов в оценке советского строя. Из обвинителей они превратились в защитников. «Но каков же вердикт в процессе? Кто судья? История? Но она вердикты выносит на свой лад. Она не считается с душевными переживаниями»

⁷³ Переписка. Кн.2. С.583-584.

⁷⁴ Доклад, сделанный А.С.Альпериным в учредительном собрании членов «Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией» 24 марта 1945 г. в Париже. – В.А.М. 20-2.

ми и страданиями потерпевших или свидетелей. Это для нее мелочи». Разумеется, далее был приведен пример Петра Великого.

Кроме победы в войне, еще одна причина заставила членов новоиспеченного, точнее, свеженазванного, Объединения пересмотреть свое отношение к советской власти. «Какова бы ни была уплаченная за это цена, но Россия пошла по пути нового социального устройства». В результате войны в ряде стран Европы также ставился вопрос о более справедливом социальном устройстве. Таким образом, «другие страны теперь только ставят себе задачи, которые давно уже, худо или хорошо, проводит Советская Россия».

Вопрос заключался в степени этого «худо или хорошо». Чтобы узнать это, а также лучше познакомиться с «новым человеком», возникшим в результате преобразований, необходимо было сблизиться с Советской Россией. А чтобы сблизиться, надо было лучше ее узнать. Во избежание порочного круга, сближение и узнавание должно было происходить параллельно.

«Когда-то Герцен сказал, – вспомнил Альперин слова самого знаменитого русского эмигранта, – “Как могло случиться, что я, русский по всему складу своей души, оказался эмигрантом?” И он ответил: “Когда мне предстояло выбрать между отсутствием свободы мысли и слова и пребыванием в эмиграции, я выбрал последнее”.

Теперь положение другое. Каждый должен сам решить, стоит ли он на герценовской позиции или готов принести в жертву многое, что дорого свободному человеку, для того, чтобы вместе со своим народом творить будущее России. Но для того, чтобы принять продуманное решение, нужно знать размеры тех жертв, на которые решаешься. Мы все хотим надеяться, что размеры этих жертв будут не очень велики и что масса эмиграции, а в особенности эмигрантская молодежь, сможет их принести».

Надежды, как вскоре выяснилось, оказались напрасными.

Пока же Альперин закончил свой доклад на оптимистической ноте: «Суждено или не суждено нам вернуться на родину, но с той высоты, на которую вознесла сейчас мир история, мы видим, что страна наша жива, что дух ее крепок, что, покрытая военной славой, она, раньше или позже, выкует свое свободное будущее»⁷⁵.

Маклаков никогда публично не высказывался о смысле «визита» и сути своей позиции в 1944–1945 гг., сочтя, вероятно, достаточными разъяснения, которые он сделал в личных письмах некоторым друзьям и знакомым. Одно из них, Д.Н.Григоровичу-Барскому, как уже говорилось выше, было опубликовано, вероятно, с ведома

⁷⁵ Доклад, сделанный А.С.Альпериным <...>. – ВАРМ. 20-2.

автора. Маклаков быстро понял свою ошибку, однако не считал необходимым объясняться публично и тем более каяться. По-видимому, письмо Григоровичу-Барскому осталось единственным опубликованным при жизни Маклакова документом, в котором он попытался не только довести до сведения общественности основные положения своей речи в посольстве, но и дать краткую интерпретацию происшедшего. «Об этом посещении было много толков и легенд, – писал Маклаков. – Наша группа была известна, выпустила несколько листовок, эмиграция знала, что Богомолов раньше выражал желание с нами встретиться, что “Патриот” нас к себе приглашал, но мы идти с ними не хотели; словом, посещение нами Богомолова никого не удивило. Дело к этому шло, и большого значения это иметь не могло»⁷⁶. Маклаков явно лукавил, стремясь преуменьшить значение «визита».

Разясняя еще раз особенность позиции его группы по сравнению с другими кругами эмиграции, он писал: «Здесь есть люди, которые нам не сочувствуют; их много, но авторитет их невелик, больше потому, что среди них либо только фантасты, которые ждут “падения власти”, “революции в России”, или люди, которые ставят ставку на разлад России с “союзниками”. Те, кто здесь переживали оккупацию и помнят, что наша судьба зависела от успеха Советской России, – те так рассуждать больше не могут. Но превозносить советский режим, как режим свободы и права <...> значит быть “ренегатом”, а не “ралье” <примкнувшим. – О.Б.>. Мы от прошлого не отрекаемся и не думаем, чтобы это было кому-нибудь нужно. Но поэтому в нашей позиции и нет повода для сенсаций»⁷⁷.

Настоящей сенсацией Маклаков считал то, что Богомолов по его приглашению, сделанному во время второго, уже индивидуального посещения бывшим послом своей бывшей резиденции, пришел на панихиду по президенту Рузвельту в бывшую посольскую церковь, ставшую центром эмигрантского Парижа. Митрополит, первым побывавший в посольстве, приветствовал советского посла. В то же время Маклаков признался, что для него неясны мотивы поведения советского дипломата, как будто делавшего примирительные жесты по отношению к эмиграции: «Зачем мы можем быть им нужны – вот вопрос, на который я не умею ответить себе»⁷⁸.

В письме М.А.Алданову, предназначенном, конечно, не только ему лично, но и всем лично и политически близким Маклакову людям, оказавшимся в США и, глядя издали, в более или менее жесткой форме осудившим «визит», он указывал на то, что «сбли-

⁷⁶ В.А.Маклаков о своем визите в советское посольство // Новое русское слово. 1945. 23 июля.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

жение» было «достаточно спонтанным и общим движением». «И поэтому я считаю, что у Вас вообще подняли много шума по пустякам, и что иначе поступить было нельзя; нельзя было оставлять эмиграцию при деникинской <декларации>, с призывом продолжать прежнюю борьбу, или при патриотах, которые писали: “да будет благословенна Октябрьская революция”. И если я себя отнюдь не чувствую героем, то не могу считать и преступником».

Маклаков в лапидарной форме изложил политические предпосылки своей позиции:

«1. Уверенности в том, что советский режим не только способен эволюционировать, но и действительно давно, хотя и слишком медленно, эволюционирует.

2. Что путь к этой эволюции указан им самим в конституции 1936 г., которая не исполняется, но может быть исполнена при некоторой <пропуск в тексте. – О.Б.>

3. Что главной и необходимой <предпосылкой> является превращение партии в простой аппарат государства.

4. Необходимость упразднить официальную кандидатуру, т.е. преимущества партийных кандидатов.

5. Не нарушая основ конституции, можно увеличивать индивидуальный сектор, менять структуру колхозов, давать свободу прессы и слова, все это в рамках советской системы; от нее останется только одно – мелкая земская единица под заглавием совет, но без его одиозных особенностей.

Но, конечно, советская власть и заинтересованные люди могут этого не желать и сопротивляться, как это делало самодержавие.

6. А это может означать, что для этих реформ необходимо предварительное свержение власти, т.е. новая Революция против советов. И тут по-видимому главное, что нас разделяет. Еще недавно мы не только этого желали, но считали, что это <одно сл. нрзб. – О.Б.>. В этом отношении мы изменились; мы не верим, что это произойдет, раз Россия выдержала войну; но этого я лично и не хочу. Ибо только два исхода: либо либеральное правительство, как в Феврале, и Россию расчленият и разбазарят соседи и союзники. Или такое же диктаторское правительство, но не коммунизм, а нечто вроде легитимистов, фашистов и вообще всех тех людей, которые здесь радовались победе Германии. Этого я не желаю и предпочитаю медленную эволюцию свержению власти. Вот здесь я, может быть, с Вами всерьез расхожусь – и от этого не откажусь... Я все равно <...> меняться не могу. А своих ощущений скрывать не хочу и лукавить мне незачем»⁷⁹.

Позднее, в другом письме к Алданову, Маклаков еще раз уточнил свою позицию: «Если мысль о том, что Россия круто повернула

⁷⁹ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 25 мая 1945. – ВАРМ. 2-12.

на новый путь, есть иллюзия, то все же в России, как всюду, идет полным ходом процесс сочетания старого с новым, интересов всего государства с интересами отдельного человека на иных, но разумных началах... В России воскресает личность и заставляет государство себе уступить»⁸⁰.

Нетрудно заметить, что Маклаков всего лишь повторял свои и своего друга и многолетнего корреспондента, бывшего российского посла в США Б.А.Бахметева, излюбленные рассуждения из их переписки 1920-х годов о победе «быта» над властью⁸¹. Маклаков сравнил советскую власть с самодержавием 1860-х годов, которое, освободив крестьян, было вынуждено затем дать земство и новый суд и, хотя держалось за свои привилегии, постепенно само себя подтачивало. Разница, однако, заключалась в том, что советская власть «крепостное право» отменять не собиралась.

В мае 1945 г. Маклаков опубликовал в «Русских новостях» статью «Советская власть и эмиграция»⁸², в которой отчетливо и публично отмежевался от тех, кто в упоении от возрождения российского государства был готов закрыть глаза на преступления власти против собственного народа. Маклаков четко определил, почему он признал советскую власть «национальной» и при каких условиях он готов и далее эту власть поддерживать. Ключевым моментом для него, как и всегда, было соблюдение прав человека и, следовательно, законодательные гарантии этих прав. Это публичное исповедание веры ясно показало, что «роман» Маклакова с советской властью близится к концу.

Он по-прежнему считал пребывание в эмиграции необходимостью; однако если раньше эмиграция была протестом против разрушения большевиками российского государства и миссия эмиграции заключалась в сохранении самой идеи России и русской культуры в противовес большевистскому интернационализму, то теперь ситуация изменилась. Большевики государство воссоздали. «Через 25 лет тяжелого испытания Россия оказалась более богатой и сильной, более просвещенной и сплоченной, чем она раньше была, и народ эту власть стал поддерживать, к удивлению и огорчению многих. Война с Германией только завершила этот процесс. Эмиграция в нем была ни при чем. Это нормально. Только «фактическая» власть может представлять государственные интересы страны. Вмешательство эми-

⁸⁰ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 11 июля 1945. – ВАР. 2-12.

⁸¹ См.: Будницкий О.В. Идеология для новой России // Роль ученых в построении гражданского общества. USIA, 1997. С.181-188.

⁸² Русские новости. 1945. 25 мая.

грации могло ей быть в этом помехой. От претензии “самостоятельно” защищать Россию, как *государство*, она должна теперь отказать».

Теперь смысл существования эмиграции изменился. «Эмиграция, которой было не по силам представлять государство, как *целое*, оказывалась на месте, как представительница “интересов” и “прав” человека. Она – всегда крайний *протест* против нарушения их государством». Эмиграции нет в демократических государствах. Она появлялась при установлении тоталитарных режимов в Италии, Германии, Испании. «Она была постоянным явлением в самодержавной и вновь возникла в Советской России. Всякая эмиграция знаменует какой-то дефект в государстве, как температура болезненного процесса в организме». Отдавая должное большевикам, возродившим российскую государственность, Маклаков в то же время писал, что «неограниченность государственной власти, устранение тех, кто против нее себя защищал, оказались главным устоем, на котором было построено новое государство. Оно представило поэтому сочетание реформаторской смелости с тем государственным гнетом, с которым раньше всегда боролась свободолюбивая наша общественность».

Осуждая, как всегда, деятелей Февральской революции, не сумевших соблюсти баланс между правами человека и правами государства, что привело к разрушению российской государственности, Маклаков напоминал, что Октябрьскую революцию не без оснований называли контрреволюцией. С точки зрения соблюдения прав человека это был гигантский шаг назад.

Очевидно, что вышеизложенные рассуждения Маклакова определяли невозможность его примирения с советской властью, а также обозначили рубеж, отделявший его от просоветски настроенных кругов эмиграции. Не случайно редакция «Русских новостей», очевидно, финансировавшихся посольством и вскоре принявших откровенно просоветский характер, сочла необходимым снабдить статью Маклакова предисловием, в котором оговаривалось, что она «пропитана вся идеями политического индивидуализма и либерализма, поборником которых автор был с самых студенческих лет, за которые он сражался в России во время самодержавия и как член Государственной Думы и которым он остается верен до конца».

«Между тем, ставить сейчас проблему о взаимоотношениях личности и государства в духе идей политического либерализма 19-го века, – снисходительно поучала “старомодного” либерала редакция, – это значит закрывать глаза на эволюцию современного государства. Жизнь ушла вперед и выдвинула новые формулы и решения. Самый вопрос осложнился. Наряду с проблемой защиты прав ЧЕЛОВЕКА, возникла проблема защиты прав уже не ЛИЧНОСТИ, а социальных и экономических ГРУПП. Самый вопрос о взаимоотно-

ношениях государства и личности стал ставиться не только как “антиномия” этих двух начал, но и в плоскости их солидарности и согласования их интересов». В подтверждение своих слов редакция ссылалась на «официальную советскую доктрину», гласящую, что «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется и не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов».

Газета уже начинала оправдывать беспощадную характеристику, которую позднее ей дал Дон Аминадо: «“Русские новости” 45-го года, бесцеремонно провозгласившие себя идейными продолжателями “Последних новостей”, поклонившиеся до земли, распластавшиеся, расплющившиеся в лепешку перед гениальным Сталиным, наводнившие столбцы безоговорочно-советского листка статьями возрожденского молодца и немецкого наймита Льва Любимова и фельетонами ухаря-перебежчика Николая Рощина, – и все это под редакцией Ступницкого, и при директоре-распорядителе, ученом агрономе Волкове, да при благосклонном участии – правда, только поначалу, потом многие сообразили и одумались – многих иных, именитых и знаменитых... до всего этого, благодарение судьбе, – подводил черту язвительный Дон Аминадо, – Милюков не дожил»⁸³.

Если для свежее испеченных поклонников советского строя защита прав личности отступала на второй план по сравнению с интересами «групп населения», то Маклаков по-прежнему считал, что «вопрос, как современное государство должно защищать “права человека”, как в этой антиномии установить приемлемое для всех равновесие, есть основная проблема государственной жизни со времен древних республик до современного кризиса». Ключевым моментом Маклаков считал даже не объем прав человека, а гарантии от произвольного их нарушения. «И рабы в старину могли быть сыты и быть этим довольны, но поскольку их сытость зависела от “воли” и от “милости”, будь то богатых и сильных господ, будь то представителей государственной власти, они оставались рабами, которые прав не имели и потому не имели защиты». Аналогия была достаточно прозрачной.

Однако Маклаков исходил из предположения, что целью советской власти не является все же воспитание «рабов». Иначе зачем она вспомнила о правах человека в конституции 1936 г.? «Зачем же тогда эта власть кладет так много усилий на распространение просвещения в народных низах?» Василий Алексеевич все-таки оставался неисправимым «законником». Он выискивал в советской системе

⁸³ Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. Указ. изд. С.299.

ростки нового, подчас весьма наивно. Так, он полагал, что местные Советы могли бы стать школой самоуправления, подобно земству. Впрочем, возможно, это был его традиционный прием – стать поначалу на точку зрения противника, чтобы затем незаметно обратить его «в свою веру». По отношению к советской власти он пытался проводить (вполне теоретически) меры, которые, по излюбленному им выражению П.Б.Струве, должны были повести к «оздоровлению власти». Он считал, что надо «не разрушать созданное с трудом государство, а пренебреженные “права человека” защищать в рамках его».

В то же время Маклаков точно определил сердцевину советской системы, указав, что в ней находится «партия, та единственная, привилегированная партия, которую изобрела Советская Россия и которая уже после нее перешла в другие тоталитарные государства. Здесь был опасный соблазн для создания аристократии, требующей повиновения. Это самый уязвимый пункт советской системы; в этот интересный вопрос, – решил все-таки ограничить себя Маклаков, – во всей полноте я входить не могу».

Признавая, правда, в значительной степени гипотетически, эволюцию советской власти в сторону большего соблюдения прав человека, Маклаков относительно темпов этой эволюции иллюзий не строил. «Признавая новый строй, как он сложился в России, не покушаясь его отрицать, эмиграции со стороны гораздо виднее, что в его жизни нарушает правильное соотношение – государства и личности и в какой мере государство чужие “права” уважает. Эмиграции нужно только оставаться собой. Она изменит своему назначению, если перестанет чувствовать себя частью России и не *решится* “печаловаться” за положение в ней “человека”»⁸⁴.

Советской власти такие «печальники» были не нужны; не удивительно, что отношение к Маклакову в посольстве быстро стало прохладным. После появления статьи контакты советских дипломатов с Маклаковым прекратились. «Они, по глупости, сочли ее вызовом», – писал позднее Василий Алексеевич Саблину⁸⁵. В данном случае Маклаков явно недооценил советских дипломатов. Его статью они сочли вызовом совершенно справедливо, как бы субъективно ни расценивал ее сам автор.

Поздней весной и в начале лета 1945 г. Маклаков и люди, разделявшие его надежды и иллюзии, постепенно начинают более ре-

⁸⁴ Маклаков В.А. Советская власть и эмиграция // Русские новости. 1945. 25 мая.

⁸⁵ Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 27 апреля 1946. – ВАРМ. 12-1.

листично оценивать положение в Советской России и намерения советской власти. Информация поступала по разным каналам. Руководитель РОВС генерал А.П.Архангельский переправил Маклакову в середине июня письмо некоего Ю.Твердого, уехавшего из оккупированной советскими войсками Праги 20 мая. Твердый встречался накануне отъезда с кн. Петром Дм. Долгоруковым, который просил его ознакомить своего бывшего товарища по партии с положением русской эмиграции в Чехии. С приходом Советской Армии русская эмиграция, насчитывавшая в Чехии 6 тысяч человек, «оказалась в бесправном, а в некоторых случаях тяжелом положении». Сын самого кн. Долгорукова был арестован за несколько часов до отъезда Твердого. «Князь П.Д. просит Вас обратиться к госпоже Прокопович, которая проживает в Женеве <...>, – писал Твердый, – с тем, чтобы мадам Прокопович указала Международному Красному Кресту на беззащитность русской эмиграции... Князь Долгоруков считает, что приблизительно 1500 чел. пожелает покинуть протекторат с тем, чтобы переехать во Францию, Бельгию и т.д.»⁸⁶

Однако вскоре был арестован и сам кн. Долгоруков; советская власть, расстрелявшая в 1927 году его брата-близнеца Павла, добралась и до Петра. Почти 80-летний князь (1866 г.р.) был вывезен во Львов, где предан суду трибунала и приговорен к 10 годам заключения, что означало для него смертный приговор⁸⁷. Еще раньше в Югославии был арестован и увезен в Москву политический оппонент и личный приятель Маклакова В.В.Шульгин, приговоренный впоследствии к 25-летнему заключению за прежнюю политическую деятельность⁸⁸.

Архангельский, ссылаясь на информацию Твердого, а также на сведения из других источников, сообщал Маклакову об арестах эмигрантов в Праге, на Балканах и в других местах, занятых Советской Армией; просил он его также вступить за советских граждан, оказавшихся по разным причинам на Западе и не желавших возвращаться в Советский Союз. По мнению генерала, таких среди них было не менее 50%⁸⁹.

«Пришлось мне видеть нескольких здешних красноармейцев, попавших в плен, когда союзники высадились в Нормандии, – отме-

⁸⁶ Архангельский А.П. – Маклакову В.А., 12 июня 1945; Твердый Ю. – Маклакову В.А., 9 июня 1945. – НИА. Коллекция А.П.Архангельского. Кор.2. Папки не нумерованы.

⁸⁷ Судьба П.Д.Долгорукова // Социалистический вестник. 1945. 10 ноября. №19-20. С.226.

⁸⁸ Об их отношениях см. подробную вступительную статью к нашей публикации «Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу...» в кн.: Евреи и русская революция. Материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999. С.374-382.

⁸⁹ Архангельский А.П. – Маклакову В.А., 12 июня 1945. – НИА. Там же.

чал те же тенденции Саблин. – Народ приятный, но по совести не могу сказать, чтобы уезжали на родину с энтузиазмом»⁹⁰. «Мое бюро не знает отбою от советских людей, которые умоляют их перевести в беженцы, – откликнулся Маклаков. – Еще больше таких, которые к нам с этим не обращаются. Словом, в то время, как значительная часть эмиграции стремится туда, тамошние оттуда бегут»⁹¹. Надо ли говорить, что это явно противоречило представлениям Маклакова об «эволюции» советской власти.

Однако сделать что-либо существенное для помощи старым, оказавшимся в советской зоне оккупации, и в особенности новым, находящимся даже во Франции, эмигрантам Маклаков был бессилён. «Не буду спорить с Вами, – писал он о новых “невозвращенцах” Архангельскому, – что они заслуживали бы сочувствия со стороны демократий, но демократии для победы над Гитлером связали себя обязательствами, и я не в силах их убедить от них отступить. Положение гораздо труднее, чем Вам кажется»⁹².

Столь же бессильными оказать какое-либо влияние на советские власти были и Красный Крест, не говоря уже о «мадам Прокопович», многолетней корреспондентке Маклакова Е.Д.Кусковой-Прокопович. Любопытно, кстати, что Кускова, некогда тоже ставившая на эволюцию советской власти и следовавшая во время Гражданской войны лозунгу «ни Ленин, ни Колчак», на этот раз иллюзий не строила, предрекая, что «убеждения новых – особенно искренних – русских патриотов чрезвычайно скоро упрутся <...> в <...> кардинальный вопрос русской действительности: отсутствие элементарной свободы»⁹³.

Е.В.Саблину пришлось убедиться в том, что советская власть от своих прежних принципов отступать не склонна, на примере собственного брата. В августе он получил письмо от своей невестки из Бухареста, в котором та сообщала, что еще 28 декабря 1944 г. на квартиру к брату Саблина явились «чины НКВД при Красной армии и увезли его в неизвестном направлении». «Иначе говоря, – вполне логично заключал Саблин, – в направлении нашего любезного отечества. С тех пор он пропал без вести... Брат мой давно уже стал румынским подданным и стоял во главе одной из румынских типографий... Все это очень прискорбно, в особенности если принять во внимание возраст моего брата – 65 – и болезненное состояние. Он прослужил всю свою жизнь на императорской яхте “Штандарт”».

⁹⁰ Саблин Е.В. – Маклакову В.А., 29 мая 1945. – ВАРМ. 11-30.

⁹¹ Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 11 июня 1945. – Там же.

⁹² Маклаков В.А. – Архангельскому А.П., 28 июня 1945. – НИА. Коллекция А.П.Архангельского. Кор.2.

⁹³ Кускова Е.Д. Психология и убеждения // Социалистический вестник. 1945. 10 октября. №19-20. С.203-204.

Политикой не занимался, хотя я вполне допускаю, что он и громил большевиков»⁹⁴.

«Визит», кроме откликов в печати, породил обширную эпистолярную литературу; бывшие и настоящие друзья и единомышленники, оставшиеся во Франции или оказавшиеся в США, пытались понять, что произошло, и как-то истолковать событие, вызвавшее разброд и шатания в эмигрантских кругах. Надо иметь в виду, что поначалу «американцы» имели весьма смутное представление о том, что происходило; в их распоряжении не было записей речей и т.д. Корреспонденция Кобецкого некоторое время оставалась единственным источником информации.

Наконец в Нью-Йорке получили более подробные сведения от Б.И.Элькина, известного адвоката, душеприказчика П.Н.Милюкова, состоявшего в многолетней переписке с Маклаковым. Благодаря Элькина за «в высшей степени ценное и интересное сообщение о визите», Алданов сообщал ему, что тотчас пригласил А.Ф.Керенского, А.И.Коновалова, В.М.Зензинова, Б.И.Николаевского, И.Н.Коварского, Я.Г.Фрумкина, А.А.Гольденвейзера, прочел письмо, после чего они обменялись мнениями; во всяком случае, смысл «хождения» стал им более понятен.

«Поведение наших американских друзей, – писал Элькин Маклакову, правда, еще не ознакомившись с записью речей, произнесенных в посольстве, – может показаться психологической загадкой. Они считают, что с 1939 г. не произошло такого, что требовало бы пересмотра прежних позиций и точек зрения. Не менее существенно второе: они считают, что люди, пережившие реальность войны и германской оккупации, не имеют основания реальнее знать, что означала бы для Европы и России победа немцев, чем они, находящиеся в Америке, знают это из газет. Немногие понимают это – к ним принадлежит Поляков. Другие, немногие, как Алданов, не одобряют, но сдержанны; таковы, кроме Алданова, Керенский и Коновалов»⁹⁵.

Элькин процитировал фрагмент из письма к нему Алданова: «Меня лично больше всего удивила полная бесцельность визита. Что он даст и для чего он был нужен? То же самое можно было сказать в печати. Если они не хотели помещать свою декларацию в “Русском патриоте”, то могли отпечатать ее отдельно и разослать, могли прислать для помещения здесь, хотя бы в “Новом журнале” или в “Новом русском слове”. О себе скажу еще раз, что твердо

⁹⁴ Саблин Е.В. – Маклакову В.А., 26 августа 1945. – ВАР. 11-31.

⁹⁵ Элькин Б.И. – Маклакову В.А., 26 мая 1945. – Там же. 6-29.

знаю, что Маклаков, Альперин, Тер-Погосян и некоторые другие *не могли* сделать ничего недостойного. Следовательно, если даже ожидающееся письмо Василия Алексеевича почти ничего не добавит к тому, что уже известно, то я не приму участия ни в каких коллективных резолюциях протеста и т.п. Если буду писать (не собираюсь) об этом, то напишу без всяких неприятных слов»⁹⁶.

Информацию «американцы» получали в основном из частных писем – как участников «визита», так и ближайших «свидетелей».

«Француз» П.А.Берлин писал Б.И.Николаевскому: «...так как приходилось натерпеться и насмотреться неправдоподобных ужасов, то слагалась невольная психология – свят и благословен всякий, кто положит этому конец. И этим местом все больше и больше рисовалась Советская Россия, а когда, действительно, геройские подвиги Красной Армии развернулись во всем великолепии, то готовы были все простить и все забыть Советской России и советскому правительству. Так создалась благоприятная психологическая почва в демократической части эмиграции, не говоря о другой, которая сделала ее необычайно легковерной ко всяким слухам и разговорам о том, что в России произошла и семимильными шагами движется эволюция в сторону политического раскрепощения страны и надо со своей стороны отказаться от устаревших переживаний и воспоминаний и пойти навстречу... И лишь теперь, как будто, начинают понемногу соображать, что они сунулись в воду, не спросивши броду»⁹⁷.

В письме к Вишняку П.Берлин признавался, что, не разделяя «платформы» Объединения, «в свою очередь заблуждался, считая, что советское правительство вступает на путь национальной внешней политики и во внутренней политике вынуждено будет утвердиться в сделанных уступках и расширять их. И сообразно с этим надо смягчить тон наших нападок на советское правительство; и затем я разделял общее чувство радости избавления от гитлеровского кошмара, и этим смягчалось – хоть и не логично – отношение к советскому правительству. Вам, американцам, все это было понятно головою, но не ощущалось, как нами, всеми пятью чувствами. Говорю это, чтобы не выгораживать себя от ересей и ошибок, но к группе Маклакова и ее хождению и к обществу “Сближения с Советской Россией” я всегда относился отрицательно»⁹⁸.

«Среди них, – писал Берлин об участниках “визита”, – крупный политический человек только Маклаков, но он сдал за эти крошечные четыре года, оглушающее действие которых трудно преувели-

⁹⁶ Элькин Б.И. – Маклакову В.А., 26 мая 1945. – ВАР. 6-29.

⁹⁷ Берлин П.А. – Николаевскому Б.И., 20 мая 1945. – ИИА. Коллекция М.В.Вишняка. Кор.6-А.

⁹⁸ Берлин П.А. – Вишняку М.В., 1945, без числа. – Там же. Кор.1-D.

читать. Да он и всегда отличался безволием, и о нем теперь еще более, чем когда-либо, можно сказать словами мужаика у Успенского – “хороший барин, но без твердости безо всякой”⁹⁹.

Но это были еще «цветочки». Больше всего Маклакову досталось от непримиримых слева. «Когда недавно В.А.Маклаков предложил свое деление русской эмиграции на три категории: “непримиримых”, “пересмотревших” свое отношение к режиму, разлучившему их с родиной, и колеблющихся между ними “выжидающих”, он лишь доказал, что в эмиграции сам он – элемент случайный, – писал В.М.Чернов в рукописных и, по-видимому, неопубликованных “Мыслях об эмиграции”. – Утратив непримиримость, эмигрант утрачивает свою душу. Он превращается во что хотите – в неудачного переселенца, в проклявшего свое бегство беженца; но в эмигранты он попал зря, взявшись за ношу не по плечу. <...> В.А.Маклакову, впрочем, легко. Он дал знать своим друзьям, что, оставаясь в тени, за кулисами, это он вдохновлял “движение”, упершееся в тупик советского посольства. Ныне он опять стал во главе офиса о русских беженцах и, ссылаясь на несовместимость этого поста с активной “политикой”, снова удаляется за кулисы. Заваренную кашу расхлебывает кое-как сколоченная им “амальгама”¹⁰⁰.

Столь же непримирим был постоянный критик Маклакова Марк Вишняк, считавший, что, несмотря ни на что, никакого иного отношения, чем прежде, к советской власти быть не может; еще в разгар войны он опубликовал в «Новом журнале» статью «Правда антибольшевизма», вызвавшую критический ответ со стороны П.Н.Миллюкова, с которым Вишняк был столь близок в 1930-е годы. Статья Миллюкова «Правда большевизма» произвела среди эмигрантов сенсацию, сопоставимую с «визитом». «Письмо Миллюкова <речь идет о статье “Правда большевизма”. – О.Б.>, – с горечью писал Вишняк Алданову, – меня расстроило не из-за меня, а за старика – я его любил и ценил, – чего не могу сказать о Маклакове и Бердяеве, которых всегда считал скрытыми противниками того, что я выше всего ценил – демократии и свободы. Маклаков сейчас, в сущности, сделал то, о чем писал в “Современных записках” и что возмущало меня, а радовало Илью Исидоровича <Бунакова-Фондаминского> и А.Ф.<Керенского>. То же Бердяев, вернувшийся к тому, что он писал в “Вехах” и “Новом Средневековье”, несмотря на свой “персонализм”, “универсализм” и прочие измы»¹⁰¹.

⁹⁹ Берлин П.А. – Николаевскому Б.И., 20 мая 1945. – НИА. Коллекция М.В.Вишняка. Кор.6-А.

¹⁰⁰ Чернов В.М. Мысли об эмиграции. – НИА. Коллекция Б.И.Николаевского. 383-11.

¹⁰¹ Вишняк М.В. – Алданову М.А., 23 апреля 1943. – НИА. Коллекция М.В.Вишняка. Кор.1-А.

Непримиримая позиция Вишняка, нежелание отказываться от прежней тактики вызвали критику даже со стороны А.Ф.Керенского, отнюдь не склонного «сближаться» с советской властью и не одобрявшего, конечно, «визит». Однако Керенский не был настроен судить своих парижских друзей чересчур строго. «Ну, право, что тут преступного и страшного, что известные нам парижане вместе с народом загорелись победой, упиваясь славой, ТАК страшно выстраданной после годов унижений, и наивно – наивно ли? – поверили в раскрепощение народа самой “эволюционной” властью!?!», – писал он самому «твердокаменному» из эсеров.

«Но зачем ходили? – задавался он мучившим почти всех “русских американцев” вопросом. – Сунулись в воду, не зная броду, не зная, что его нет! – Возможно, хождение было тактической ошибкой... Зачем ходили? Вы знаете, вопрос этот меня мучил. Я написал дружески-резкое письмо Тера с этим вопросом. Их ответ меня, лично, успокоил: они ходили, отказавшись от себя. Маклаков – он ли “наивен”? – объяснил одну очень существенную местную причину “визита”: надо было показать власти, что, кроме беспардонных прыгунов, существует другая, ПОЛИТИЧЕСКАЯ эмиграция, готовая к двухстороннему примирению, но ВЕРНАЯ своей традиции патриотизма, неразрывно связанного с защитой права и личной свободы. Эта цель БЫЛА достигнута! Короткие слова Тера – мы защищали не нашу собственность, а свободу – были НАШИ слова, уместно сказанные. У Маклакова было некоторое косноязычие в “посольстве”, но в статье все стало ясно».

Керенский считал важным, что произошло размежевание среди тех кругов эмиграции, которые были склонны изменить отношение к советской власти. «Визит» стал трамплином для скачка в большевистский лагерь Ступницкого, Роговского и других. «Сама “милюковская” газета оказалась – не случайно – 2-м изданием “Советского патриота” и публично, нагло высекла Маклакова за его допотопный “либерализм”», – писал Керенский, имея в виду редакционное предисловие к статье Маклакова «Советская власть и эмиграция» в «Русских новостях». Значение «хождения» Керенский видел также в том, что политическая эмиграция «на территории противника» твердо заявила, что «принимает Россию в ее новом образе, с новым правительством», не желает новых потрясений и «новой революционной слабости нашего государства», но политическая эмиграция «БУДЕТ существовать, пока НЕ будут восстановлены права человека в социально преобразенной России».

Он отдавал себе отчет, что и декларации посетителей посольства, и его собственная интерпретация происшедшего отдают наивностью; тем не менее Керенский считал, что такой жест нужно было сделать, и сравнивал «хождение» с тверским адресом с ответными словами Николая II о «бессмысленных мечтаниях». Богомолу, ко-

нечно, было далеко до императора, однако смысл его слов, в другое время и при других обстоятельствах, был примерно таким же.

«Итак! – подводил итог своим рассуждениям Керенский. – Зная теперь о том, что было в ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, и принимая во внимание обстоятельства времени и места плюс психологию подавляющего большинства российских людей после чуда спасения и “сокрушительной” победы, – нужно признать ясно и открыто, что “группа Маклакова”, как бы она ни ошибалась в тактических подробностях, НЕ изменила Духу свободы, осталась верна народу и его воле к раскрепощению и своим выступлением, СУЩЕСТВОМ его, поставила перед властью во всемогуществе победы вопрос о раскрепощении народа-победителя, как неотложнейшую политическую и нравственную задачу, стремление к разрешению которой является смыслом и оправданием существования патриотической и свободолюбивой эмиграции»¹⁰².

Достаточно сдержанной была реакция Алданова, несмотря на то, что к «визиту» он отнесся совершенно отрицательно. Свое мнение о «визите» он изложил в 10-страничном письме, адресованном его однопартийцу А.А.Титову; копии были переданы также Альперину и Маклакову и не входившему в «группу» еще одному «народному социалисту» – С.П.Мельгунову. Алданов оговаривал, что высказывает свое мнение только потому, что его об этом попросили его парижские корреспонденты, и предупреждал о строгой конфиденциальности письма. Письмо Алданова было спокойным по тону, аналитичным и во многом снимало напряжение, возникшее между эмигрантами как по ту, так и по эту сторону Атлантики. Между прочим, он сообщал, что усилиями его и Коновалова была предотвращена резкая резолюция протеста, которую собирались вынести «американские» эсеры и социал-демократы, считая недопустимым делать какие-либо заявления на основании газетной корреспонденции. Полученный наконец «протокол» двухчасового «говорения» в посольстве, в особенности вторая речь Маклакова, вносили в отношение к «визиту» «весьма существенные поправки»¹⁰³.

Алданову не хотелось, как, очевидно, и подавляющему большинству участников всего этого «действия», разрывать «ту немалую идейную связь, которая 25 лет существовала – в известных пределах – между русскими политическими группами “от кадетов до эс-эров”. Как никак, за этими идеями вековая русская традиция». Алданов прежде всего остановился на двух «общих» вопросах. Во-первых, он указал, что «американцы», как и «французы», были

¹⁰² Керенский А.Ф. – Вишняку М.В., 5 июня 1945. – НИА. Коллекция М.В.Вишняка. Кор.4-А.

¹⁰³ Алданов М.А. – Титову А.А., 11-12 июня 1945 (копия, снятая для В.А.Маклакова). – ВАРМ. 2-12.

100-процентными оборонцами. «О себе скажу, что я в своих статьях и на русском, и на английском, и на французском языке в Соединенных Штатах неизменно говорил, что мы всей душой желаем победы в этой войне России, каков бы ни был ее режим». Во-вторых, он подчеркнул, что «американцы» знают о происходящем в России не меньше «парижан». Не все ли равно, две или шесть тысяч километров отделяют эмигрантов от России, резонно рассуждал Алданов. Возможностей общаться с советскими (или бывшими советскими) людьми в Америке было не меньше, чем во Франции. Более того, преимущество «американцев» он видел в том, что они имели гораздо больший доступ к прессе разных направлений, нежели их товарищи, оказавшиеся на территории оккупированной Франции.

«Вы и ваше общество сближения (кроме, кажется, Василия Алексеевича), – писал Алданов, – уверены, что советская власть вступила на путь либеральной эволюции, – могу только порадоваться вашей уверенности. Александр Федорович в своих тезисах, напротив, выражает уверенность в том, что Сталиным готовится социальная революция в Европе, это, по-моему, тоже лишь одна из возможностей. Я недавно в одной американской газете, – с иронией заключал Алданов, – написал, что я – единственный человек в Нью-Йорке, НЕ знающий, чего хочет Сталин».

Алданов во многом повторил то, о чем уже писал Элькину, – он не видел смысла в «визите»; то, что было произнесено, достаточно было напечатать. «Так, помнится, кто-то сказал, – проводил остроумную параллель Алданов, – Герцен напечатал об Александре II “Ты победил, Галилеянин”, – но он не пошел читать это в посольство». Алданов точно отметил разношерстность состава Объединения; для этого было достаточно сопоставить статью Маклакова в «Русских новостях», вроде бы «официозе» Объединения, и редакционное предисловие к ней. «Статья очень интересна, хотя и спорна, или потому, что спорна. Редакционное же примечание вызвало общее изумление у наших друзей здесь. Василий Алексеевич – Ваш почетный председатель; тем не менее Ваш официоз в весьма странной форме – разумеется, с комплиментами – поучает его уму-разуму. Не знаю, кто автор примечания. Мой друг Бунин в подобных случаях любит говорить: “На кого он лапу поднимает”. Этот развычный выговор большому человеку и политическому либералу 19-го века со ссылкой на неназванный авторитет, кажется, Вышинского – очень меня позабавил».

Алданов считал не имеющим смысла заявление о прекращении борьбы с советской властью, по той простой причине, что уже лет 25 никто практической борьбы с ней и не вел. Эмигранты лишь повторяли, что свобода лучше рабства, «что она нужна русскому народу, как всем народам». Ошиблись эмигранты («к счастью», уточнил Алданов) лишь в оценке военной мощи СССР. Однако он не соби-

рался рассматривать ошибочные или верные взгляды эмигрантов, а сказал лишь о том, что «они уже лет двадцать никакой “практической платформы” для эмиграции не представляли: от нас не зависело ничего». «Никакой практической платформы, – совершенно точно предсказал Алданов судьбу Объединения, – кроме устройства лекций и крошечного архива, не дает и Ваше Общество сближения и изучения. А кто захочет вернуться, тот вернется и без Вас или получит отказ и с Вами»¹⁰⁴.

Еще один видный «американец», известный архивист и историк Б.И.Николаевский, в 1940-е – начале 1950-х годов принимавший самое активное участие в различных политических предприятиях эмиграции и абсолютно непримиримо относившийся к сталинскому режиму, в то же время не был склонен к решительному разрыву с Маклаковым и членами его группы. Достаточно резко осудив визит политически в статье, опубликованной в «Социалистическом вестнике», он в то же время пытался найти обстоятельства, извиняющие «парижское действо». «Мне лично кажется, – писал он Маклакову, – что у Вас исключительно острый недостаток правильной информации, – и притом не только о внутреннем положении в России, но и о международных отношениях. Боюсь, но убежден, что уже близкое будущее принесет Вам ряд неприятных разочарований. Сталин остался Сталиным, – со всем своим багажом»¹⁰⁵.

«Я думаю, что причина нашего шага, который Вам был неясен, – объяснял Маклаков Николаевскому в конце мая, когда, по-видимому, он уже считал необходимым скорректировать свою февральскую позицию, что и сделал в статье “Советская власть и эмиграция”, – прежде всего была “эмоционального” характера. Вы в Америке, м.б., не верили в победу Германии, а мы, во-первых, ее пережили, ибо Францию она победила, и мы знали, что такое эта победа. И когда мы думали, что спасти нас от этого может только Советская Россия, мы все ей прощали, и в прошлом, и в будущем. Во-вторых, Вы не видели воочию подлинных русских германофилов, которые проповедовали и оказывали поддержку Германии против России во имя свержения советской власти. Достаточно было их видеть, чтобы ощутить, что мы ближе к Сталину, чем к ним... Так эмоционально складывалась готовность к какому-то примирению».

Однако Маклаков все еще не хотел отказываться от своей кровавой идеи об эволюции советской власти и объяснять попытку примирения с ней только эмоциями. «Я не могу убедить себя в том, – не соглашался он с Николаевским, – что в России за 20 лет не было эволюции; правда, она не шла до сих пор на пользу “свободе” и “праву”; но раз были уступки, они будут и дальше, ибо иной “эво-

¹⁰⁴ Алданов М.А. – Титову А.А., 11-12 июня 1945. – ВАРМ. 2-12.

¹⁰⁵ Николаевский Б.И. – Маклакову В.А., 21 апреля 1945. – ВАРМ. 11-3.

люции” вообще не может и быть. Распространяя грамотность, технику, индустрию, советы сами воспитывают те силы, которым в будущем должны будут уступить».

Согласившись с Маклаковым относительно того, что разница в восприятии событий парижанами и «американцами» во многом объясняется различием условий жизни в годы войны и, соответственно, различной степенью эмоциональности в восприятии происшедшего («*Эмоциональную* сторону Ваших настроений <...> я вполне понимаю. Конечно, мы умом превосходно понимали весь ужас грядущего, если Гитлер победит, – но живыми немцев-победителей не видели, русских германофилов не наблюдали. А это совсем другая вещь»), Николаевский разошелся с ним в главном: «от *естественности* эмоций до *правильности* политического вывода, на этих эмоциях основанного, дистанция огромного размера»¹⁰⁶.

Николаевский соглашался, что за четверть века в России произошли серьезные изменения: «Таких чудес вообще не бывает, – чтобы “одна шестая” суши прожила четверть века без изменений. Изменения были, – вопрос, какие?» В оценке же характера и направления этих изменений Николаевский с Маклаковым совершенно разошелся.

«Я с большим вниманием прочел Вашу статью в “Рус<ских> Нов<остях>”, – писал он, – и очень рад, что, по-видимому, согласен с Вами в определении основной проблемы, как проблемы борьбы “за права человека” – за создание правовых отношений на базе новых социальных принципов. И вопрос об эволюции для меня означает: в каком направлении происходит развитие в Сов<етской> России – в сторону ли приближения к этим отношениям или отдаления от них. Мой вывод: развитие в России идет в сторону *от* этих прав – в направлении создания тоталитарного государства на базе организованного хозяйства и со сложной системой иерархических отношений. Вы правильно подмечаете слабое место Ваших собственных построений: роль компартии, – но Вы утешаете себя и др<угих> замечанием о том, что партия есть подчиненный элемент государственной власти. Это неправильно: государство, вот кто играет подчиненную роль в этих взаимоотношениях. Партия создает власть в государстве, партия назначает всех ответственных работников госуд. аппарата, партия контролирует этот аппарат на каждом шагу. Госуд. аппарат насилия целиком в руках партии и проводит задачи, поставленные последнею».

Николаевский признавал, что в Советской России происходят сложные социальные процессы; несомненно, в стране масса недовольных. «Но несомненно также, что аппарат со Сталиным во главе, – совершенно точно замечал Николаевский, – никаких уступок не

¹⁰⁶ Николаевский Б.И. – Маклакову В.А., 4 июля 1945. – ВАРМ. 11-3.

делает, власть из рук даже в небольшой части не выпускает; наоборот, мы здесь имеем совершенно точные указания на подготовку к дальнейшему закреплению режима. Внешняя политика великодержавности одно из средств отвлечения внимания некоторых слоев от проблем внутреннего преобразования».

Кстати, в этом же письме Николаевский походя высказал весьма любопытные соображения о внешней политике Сталина. Он считал, что понять ее можно, «лишь подходя к ней с мерками Данилевского, К.Леонтьева и Хаусхофера». «Если правильно было определение Ленина, как “Маркс, исправленный на Бакунина”, то еще более правильно, что Сталин это Ленин, исправленный на Леонтьева и Хаусхофера: социальные процессы он берет не под углом формирования движения масс, а формирования новой элиты – элиты господствующего тоталитарного государства, а революции стремится проводить сверху, силами вооруженных и по-военному дисциплинированных армий»¹⁰⁷.

Б.И.Николаевский, безоговорочно осуждая «парижское действие», подчеркивал, что «личная честность Маклакова и его ближайших друзей стоит вне сомнения». Полемизируя с Вишняком, он писал, что, по его мнению, было бы ошибкой «сосредоточение политических ударов на Маклакове и его друзьях». В то же время Николаевский констатировал свое расхождение с Керенским (он был ознакомлен с большим письмом последнего к Вишняку от 5 июня 1945 г.), который, «желая защитить Маклакова лично, впадает в защиту их позиции и даже их “действия”». Николаевский считал, что в отношении Маклакова не следует действовать по-ленински и «разоблачать» скрытого «врага». «Я лично не сомневаюсь, что и с Погосьяном, и с Маклаковым мы еще будем сидеть за одним столом», – выражал уверенность старый социал-демократ¹⁰⁸.

В том же духе он писал и в статье, опубликованной в «Социалистическом вестнике». Ссылаясь на статью Маклакова в «Русских новостях», в которой тот «совершенно определенно подчеркивает, что в основных вопросах мировоззрения автор остается на своих старых позициях», Николаевский, однако, указывал, что «если на Маклакова и его друзей их общение с Богомоловым не оказало разлагающего влияния, то этого совсем нельзя сказать про многих других эмигрантов, как левого, так и правого лагеря...» Николаевский подчеркивал, что «с точки зрения полпредства значение встречи было вовсе не в политическом собеседовании, не в обмене мнений между представителями Советской России и русской демократической эмиграции и не в их соглашении, как это казалось некото-

¹⁰⁷ Николаевский Б.И. – Маклакову В.А., 4 июля 1945. – ВАР. 11-3.

¹⁰⁸ Николаевский Б.И. – Вишняку М.В., 21 июля 1945. – НИА. Коллекция М.В.Вишняка. Кор.6-А.

рым наивным эмигрантам, а совсем в другом: в разложении эмиграции – в разложении всех тех групп, которые сохраняют хотя бы некоторые элементы внутренней независимости»¹⁰⁹.

Надо сказать, что «социалистический сектор» русской эмиграции отнесся к перспективам примирения с советской властью наиболее непримиримо и, по-видимому, наиболее реалистично. Уже в первой своей статье на эту тему один из лидеров меньшевиков Р.А.Абрамович, воздерживаясь до получения «аутентичных» документов от оценки визита, но опираясь на статью Милюкова «Правда большевизма», которая к тому времени была перепечатана в выдержках в «Новом русском слове», и «декларацию» Маклакова, пронизательно писал, что «людям, жившим пафосом национальной гордости и великодержавности <...> война и роль в ней Советской России должна была принести глубочайшее моральное и идейное потрясение».

«Маниловы эмигрантского “ревизионизма”, – иронизировал Абрамович, – начинают видеть сны наяву: они видят превращение революционно-коммунистической диктатуры в “здоровую национальную власть”, пекущуюся только о величии России и благоденствии ее населения, стараясь не видеть казней и концлагерей, закрывая глаза на голод и колхозы и как будто не замечая, что большевистские “Петры Великие” состоят членами Политбюро ВКП(б); что Иваны Грозные и Малюты Скуратовы работают в НКВД, что Вселенский Патриарх восстановленной, наконец, церкви поставлен на службу Наркоминделу; что наши Кутузовы и Суворовы ходят с “партбилетом” в кармане расшитого золотом маршальского мундира и подвержены партийным чисткам...»¹¹⁰

Самым непримиримым оставался бывший секретарь Учредительного собрания. Он в весьма резкой форме опровергал аргументы Керенского, пытавшегося если не оправдать, то понять «визитеров»: «как Вы не видите, – негодовал Вишняк, – что Маклаков с компанией подорвал если не навсегда и не на все 100%, то весьма значительно морально-политический авторитет и смысл эмиграции... У меня много мотивов, которые могли ОБЪЯСНИТЬ хождение на Гренель: усталость после 4 кошмарных лет; отталкивание от Жеребковых; “опьянение” и “угар” от победы (выражение Берлина); желание хотя бы умереть на родине... ОБЪЯСНЕНИЙ много, но ОПРАВДАНИЯ – не психологического, а МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО – НИКАКОГО! – И напрасно Вы апеллируете к обстоятельствам времени и места – ведь это обычная апелляция всех лю-

¹⁰⁹ Николаевский Б.И. Русская эмиграция в Париже // Социалистический вестник. 1945. 3 июля. №11-12. С.135, 134.

¹¹⁰ Абрамович Р. Примирение или капитуляция? (Кризис русской эмиграции) // Социалистический вестник. 1945. 28 марта. №5-6(563-564). С.51, 53-54.

бителей социализма, хотя бы без свободы, или расширения российских границ любыми средствами»¹¹¹.

Большая подборка материалов под общим заглавием «Эмиграция и советская власть», посвященная преимущественно «визиту», была опубликована в двух номерах «Нового журнала». Среди авторов, откликнувшихся на анкету, были одни «американцы», за исключением Мельгунова; впрочем, в его случае редакция перепечатала статью, распространявшуюся в списках в Париже; в этом тексте Мельгунов воспроизводил идеи, уже знакомые нам по его переписке с Маклаковым. Учитывая более длительный производственный цикл «Нового журнала» по сравнению с «Социалистическим вестником», следует иметь в виду, что появившиеся в нем тексты были написаны весной – летом 1945 г.

Примирительную позицию заняли Н.П.Вакар («Многое прощено Сталину за то, что он сумел спасти Россию. Как не сказать слово благодарности? Как же не простить?.. Загадочного во встрече на улице Гренель не больше, чем было в истории возникновения Прогрессивного Блока... Последствия этого акта будут зависеть от того, насколько ясно стороны поняли друг друга»¹¹².) и С.М.Соловейчик («По моему мнению, настоящих непримиримых сейчас в левой эмиграции нет. Таким образом задача заключается не столько даже в пересмотре, сколько в *оформлении* давно начавшегося пересмотра»¹¹³).

Резко отрицательную – Ю.П.Денике («Для кого высшей ценностью стала та система, ограждающая жизнь, достоинство и права личности, которая выражается в понятии *свобода*, как оно выросло в сфере западной цивилизации, тот не может примириться с властью, убившей в России зачатки свободы и делающей все возможное, чтобы вытравить самую потребность в ней»¹¹⁴) и многолетний зюил Маклакова М.В.Вишняк. Вишняк, датировавший свою статью 15 апреля 1945 года, критиковал не только Маклакова, но и маклаковского неизменного оппонента и своего бывшего редактора по «Русским запискам» П.Н.Милюкова; покойному Милюкову досталось, конечно, за «Правду большевизма», написанную, в свою очередь, в ответ на непримиримо антибольшевистскую статью Вишняка, напечатанную в «Новом журнале» в 1942 году.

Задаваясь риторическим вопросом: упразднены ли ГУЛАГ, бессудные расправы и «прочие реквизиты Гражданской войны» и отвечая на него, разумеется, отрицательно, Вишняк указывал, что если приходится говорить «непременно об “эволюции” советской вла-

¹¹¹ Вишняк М.В. – Керенскому А.Ф., 7 июля 1945. – НИА. Коллекция М.В.Вишняка. Кор.4-А.

¹¹² Эмиграция и советская власть // Новый журнал. 1945. Кн.Х. С.346, 348.

¹¹³ Там же. С.360.

¹¹⁴ Там же. С.356.

сти», то он сказал бы, что «кривая идет по линии возрастающего двуличия и фальши за счет былого – до 1934–1935 годов – откровенного цинизма». Вишняк, написавший немало критических статей, посвященных мемуарным и историософским сочинениям Маклакова, и здесь, единственный из ответивших на анкету «Нового журнала», попытался не только оценить недавние сенсационные события, но и объяснить, что привело бывшего посла Временного правительства в советское посольство. «Он всегда отталкивался от революционных преобразований, – писал Вишняк, – не только от “революционной демократии”, к которой относил всех демократов и социалистов без различия, но от большинства собственной своей партии, руководимой Милюковым. Маклаков всегда искал легальности и легитимности – даже в революции»¹¹⁵.

Еще более резок был Вишняк в письме к Николаевскому. «Как можно не видеть того, что ДО визита Маклакова – а отчасти и до письма Милюкова и декларации Маклакова в июне 44 г. – русская эмиграция, плохо ли, хорошо, существовала и делала свое дело, а теперь ЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ! Существуют отдельные эмигранты или небольшие кучки – “тройки” и “десятки”, – которые талдычат по-прежнему и которых, может быть, и уважают, но не слушают. Нет сейчас наглеца и профитера, который не мог бы оспорить Вас, опершись на авторитет Маклакова»¹¹⁶.

Вишняк хвалил Николаевского за «вскрытие провокаторской игры советского посольства», но был с его изображением «хитроумнейшего Маклакова» как бедной жертвы, «которую изнасиловали, а она этого и не заметила», не согласен. «Вы убеждены, что “мы с Маклаковым еще будем сидеть за одним столом”. Я же думаю, что этого никогда не случится – и не потому только, что Василию Алексеевичу 76 лет, и нам становится все больше. Маклаков НИКОГДА не был внутренне и политически нам близок, – совершенно справедливо констатировал Вишняк. – Когда он в течение десятилетий сражался с Милюковым и в левых кадетях видел главную беду России, – нас он расценивал, как такую накипь и зло, которое “ниже ватерлинии”, о которых и говорить не стоит – или безумцы или преступники. Именно потому, что он так расценивал “революционную демократию” он, “спасая Россию”, мог побежать и к Столыпину, – припомнил Вишняк другой знаменитый “визит” Маклакова в компании со Струве, Булгаковым и Челноковым к премьеру царского правительства накануне роспуска Второй Думы, – и к Богомолу. Все, что угодно, только не режим Временного прави-

¹¹⁵ Эмиграция и советская власть // Новый журнал. Указ. изд. С.349-350, 352.

¹¹⁶ Вишняк М.В. – Николаевскому Б.И., 10 августа 1945. – НИА. Коллекция Б.И.Николаевского. 506-35.

тельства – единственный все-таки период ВО ВСЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ, когда было некое подобие того, что в ИДЕЕ защищает “подлинный” либерал Маклаков... Я знаю талант Маклакова. Знаю и его шарм. Именно потому и оказалось так губительно его действие»¹¹⁷.

Вишняк справедливо напомнил Николаевскому, что его оценка Маклакова «не со вчерашнего дня», сославшись на свой отклик на начало публикации воспоминаний Маклакова в 38-м номере «Современных записок» и на рецензию на сборник памяти М.М.Винавера в 55-м номере, в основном посвященную разбору маклаковской статьи в этом сборнике. Действительно, трудно было найти среди русских эмигрантов двух людей, которые бы оценивали Февральскую революцию со столь диаметрально противоположных позиций. Для Вишняка Февраль остался едва ли не самым светлым воспоминанием в его политической жизни. Для Маклакова он был едва ли не абсолютным злом, положившим начало разрушению России.

Как уже говорилось, Маклаков, по-видимому, достаточно быстро осознав бесполезность своих действий, направленных на примирение, в котором никто «на той стороне» не нуждался, предпочел отмолчаться и не пускаться в публичные объяснения, считая их бессмысленными. Алданов, осудивший «визит», также не советовал Маклакову объясняться задним числом. «Думаю, что Вы не должны выпускать листовки с признанием того, что визит 12 февраля был ошибкой, – писал он Маклакову ровно год спустя после происшедшего, – пользы от этого никакой не было бы... Впрочем, Вы лично думаете, что в *той* обстановке акт этот ошибочным не был. Вероятно, ошибкой его считают Абрам Самойлович <Альперин> и особенно Михаил Матвеевич <Гер-Погосян>? Другие, должно быть, с ними не согласны? Но если бы на этом сошлись даже все <...> то я не знаю, зачем может быть нужна листовка»¹¹⁸.

Письмо Алданова, а также появившаяся в одном из выпусков неперіодического сборника «Свободный голос», выходявшего в Париже под редакцией В.А.Лазаревского, при участии С.П.Мельгунова, А.В.Карташева и др., статья «Прискорбная годовщина», посвященная годовщине «визита», заставили Маклакова еще раз вернуться к оценке своей тогдашней позиции. «Не визит был ошибкой, – писал он Алданову, – а надежда, которую мы с ним связывали. Они еще не хотят “примирения” и “соглашения”... В этом мы, конечно, ошибались. И когда поняли, что они хотят не примирения, а

¹¹⁷ Вишняк М.В. – Николаевскому Б.И., 10 августа 1945. – НИА. Коллекция Б.И.Николаевского. 506-35.

¹¹⁸ Алданов М.А. – Маклакову В.А., 12 февраля 1946. – ВАМ. 2-13.

капитуляции, мы, естественно, остановились, ибо капитуляции никогда не хотели. Наши иллюзии вреда никому не причинили: не могу же я думать, как мне писал Мельгунов еще до визита, что одни наши листовки понизят революционное настроение в СССР»¹¹⁹.

Маклаков смотрел на происходящее «исторически», проводя аналогию с периодом 1905–1907 годов в России, когда оппозиция отказалась поддержать С.Ю.Витте, а затем П.А.Столыпина, не желая замечать эволюцию власти. Это оказалось, по его мнению, ошибкой. Теперь Маклаков не хотел ее повторять в новых условиях. Конечно, аналогия была весьма произвольной. Хотя бы потому, что Витте и Столыпин реформ хотели, а Сталин – нет, что вскоре и было отчетливо продемонстрировано всем. «Что в СССР сейчас много мерзости – это бесспорно, – констатировал, впрочем, Маклаков, – и долг эмиграции был бы это показывать. Но что она <власть. – О.Б.> на пути выздоровления, что в ней много меняется, и изменится, я и сейчас не сомневаюсь. Что они не хотят ускорить этот процесс, необходимый для них же – это такая же их ошибка, как и их теперешняя внешняя политика. Но было бы полезно показать, что если бы они это *сделали*, то они нашли бы отзвук в эмиграции». Исходя из таких предпосылок, Маклаков писал, что «ошибкой был не визит, а превращение его в полную капитуляцию, как это сделали некоторые из его участников. Но мы с ними и разошлись»¹²⁰.

«Линия советов пошла иначе, чем мы все надеялись, – констатировал тогда же Маклаков в письме к Е.В.Саблину, – это всем ясно. Ясно и то, что соответственно этому меняются и наши к ним отношения. Но т.к. все это еще в состоянии перемен, и в неустойчивом равновесии, то нет надобности занимать публику рассказами о *своих* переживаниях»¹²¹.

Год спустя после учредительного собрания Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией, на заседании правления объединения М.М.Тер-Погосян вынужден был, по существу, признать крах надежд, которые привели к созданию этого объединения: «Чаяния русского народа на раскрепощение после войны не оправдались – в этом весь вопрос. В политике теперешней России есть лейтмотив: идеологическое наступление, занятие форпостов для последней битвы тоталитаризма с демократией. Рядом с ним имеются и сопутствующие явления в виде осуществления вполне законных интересов России в Персии, Дарданеллах и т.д. Говорить

¹¹⁹ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 21 февраля 1946. – ВАРМ. 2-13.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Маклаков В.А. – Саблину Е.В., 26 февраля 1946. – ВАРМ. 12-1.

поэтому о русском империализме значит бить по народу, а не по правительству. Но достижение законных интересов не должно закрывать от нас неприемлемого лейтмотива. Величайшие жертвы, принесенные русским народом, оказались напрасными. Об этом надо говорить, хотя и крайне осторожно»¹²².

Однако оговорки о защите советской властью «попутно» национальных интересов России не могли скрыть главного – никакой эволюции советской власти не наблюдалось; следовательно, не было никакой почвы и для сближения с ней. Да и сама власть потеряла интерес к тем эмигрантам, которые пытались «ставить ей условия». Посольству вполне хватало сторонников «Советского патриота» или, на худой конец, «Русских новостей», все больше терявших какое-либо отличие от последнего. Таким образом, цели группы оказались вполне идеалистичными и недостижимыми. Хотя об официальном ее роспуске объявлено не было, фактически она перестала существовать. Точнее, группа единомышленников продолжала время от времени собираться, но совсем не для того, чтобы искать пути «сближения» с Советской Россией.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство», в котором подчеркивалось, что он распространяется на лиц, служивших в белых армиях и эмигрировавших из СССР, не вселил оптимизма в бывшего посла. Значение этого акта, полагал Маклаков, «всецело зависит от внутренней политики советской власти, от ее отношения к населению». Если в заботах о государстве она будет по-прежнему пренебрегать интересами и правами людей, то указ не может быть сочтен «историческим актом». «Если бы я стал говорить все, что думаю, – писал Маклаков Ступницкому, – в миниатюре было бы повторение моего опыта в мае 1945 г.»¹²³. Однако он предпочел на сей раз промолчать.

В 1949 г. Маклаков объяснил причины своего молчания относительно «визита» в письме к одному из редакторов парижской «Русской мысли» В.А.Лазаревскому. Реанимировало интерес эмигрантской общественности к «визиту» дело невозвращенца В.А.Кравченко, выпустившего ставшую сенсацией книгу «Я выбираю свободу» и обвиненного французскими коммунистами, точнее, прокоммунистической газетой «Les Lettres françaises» в клевете на Советский Союз.

¹²² Из протокола заседания правления Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией, 15 марта 1946. – ВАР. 20-4.

¹²³ Маклаков В.А. – Ступницкому А.Ф., 22 июня 1946. – ВАР. 19-33.

Дело дошло до суда, и на процессе адвокат Блюммель, в качестве доказательства клеветнического характера книги Кравченко, сослался на посещение эмигрантами в феврале 1945 г. советского посольства, что, по мнению адвоката, служило признанием того хорошего, что сделала советская власть, и, соответственно, косвенным доказательством несправедливости разоблачений Кравченко в отношении этой власти.

«Ведь Вы знаете сами, – писал Маклаков Лазаревскому в ответ на его предложение выступить со статьей или письмом в редакцию на страницах газеты по поводу заявления Блюммеля и дезавуировать свои высказывания четырехлетней давности, – что на прежней позиции, кроме Ступницкого, из нас никто не стоит. Надежда, что после войны Советы изменят политику, оказались ошибкой, которую мы разделили с Черчиллем и Рузвельтом. Ваши единомышленники в этом были дальновиднее нас. Но если я не упорствую в этой ошибке и могу о ней даже жалеть, то за нее не краснею, т.к. никаких недостойных причин она не имела. Поэтому я отказываюсь приносить в ней покаяние; кроме того, каяться можно близким друзьям, духовнику, а не публике через газеты»¹²⁴.

Маклаков предложил Лазаревскому, чтобы кто-либо из корреспондентов газеты взял интервью у председателя Объединения А.С.Альперина, который, соответственно, высказался бы по поводу слов Блюммеля, а заодно и разъяснил настоящий смысл «хождения», так же как нынешнее отношение к этому эпизоду его участников. Альперин проект интервью подготовил, однако интервьюер не явился, а вместо интервью в «Русской мысли» появилась статья, имевшая, по словам Альперина, «характер не столько запроса, сколько допроса». В результате текст интервью Альперина, вместе с его письмом А.Ф.Керенскому, разъясняющим обстоятельства появления текста, был опубликован под заголовком «Еще не поздно» 17 июля 1949 г. в «Новом русском слове», а ровно месяц спустя, 17 августа, был перепечатан в «Русской мысли», положив конец публичному «выяснению отношений».

Опровергая утверждения Блюммеля, Альперин заявил, что «то хорошее, что советская власть стремилась ввести в России, проводилось ею такими приемами, что тонуло в массе худшего зла. Поэтому, начиная с октября 1917 г., к политике советской власти мы относились с безусловным и безнадежным осуждением». Исключение составил период войны, когда советская власть пошла на союз с демократиями Запада и сделала, как казалось издалека, некоторые уступки, хотя бы и вынужденные. На этой почве возникла идея о дальнейшей эволюции советской власти, «нам казалось, – пояснял Альперин, – что мы переживаем глубочайший исторический мо-

¹²⁴ Маклаков В.А. – Лазаревскому В.А., 16 июня <1949>. – ВАРМ. 21-5.

мент, когда является шанс на выздоровление всего мира и на возвращение русского народа на путь демократий. Для того, чтобы можно было идти этим путем, нужно было содействовать устранению того, что в прошлом нас разделяло и могло в дальнейшем мешать взаимному пониманию»¹²⁵.

Для этого и было создано Объединение; правда, признавался Альперин, деятельность Объединения была фактически прекращена, едва начавшись, ибо «тотчас по окончании военных действий все стало яснее, что советская власть не желает эволюции, а возвращается к тактике угнетения народа и насилия над всей жизнью страны. С такой властью, при таких ее приемах, контакта быть не могло... Мы, конечно, в наших ожиданиях обманулись, как сами народы России обмануты были в своих. Едва ли кто-нибудь может этого теперь не понимать!»¹²⁶

Таким образом, попытка примирения не удалась. Впрочем, она и не могла быть успешной, ибо посылки, из которых исходили Маклаков и члены его «группы», были ошибочными. Главная ошибка заключалась в расчете на эволюцию той власти, которая была к ней неспособна.

¹²⁵ Еще не поздно // Русская мысль. 1949. 17 августа.

¹²⁶ Там же.

Александр Данилевский
**АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ
И ПРОТОТИПИЧЕСКОЕ**
«Повесть о пустяках» Юрия Анненкова¹

Предметом отображения в «Повести о пустяках» (далее – ПоП) является изменчивый ход жизни в России в 1899–1924 гг., т.е. в период, когда страна пережила череду социально-политических катаклизмов и войн. При этом особое внимание уделено переломной эпохе после Октября (см. об этом: [Данилевский 1999: 156-158]).

Стремясь возможно адекватнее отобразить время, в которое ему довелось жить, Анненков активно использовал для его художественной реконструкции исторический «материал», наиболее ему доступный и понятный – автобиографический (выступающий в данном случае в функции *фактографического*), включающий в себя также круг его родственников и друзей (за счет чего для нас актуализируется *проблема прототипов*), а равно и увлечения этого круга.

В романе нашло отражение множество событий из жизни его автора, они организуют сюжетную линию центрального персонажа ПоП – художника *Николая Хохлова*, – порой вплоть до мельчайших подробностей (так, напр., Анненков наделяет его даже своей детской мечтой стать кучером²). К такому выводу приводит сопостав-

¹ Предлагаемая статья продолжает исследование поэтики анненковского романа, начатое работой [Данилевский 1999]; см. также: [Данилевский 2000а] и [Данилевский 2000б] – обозначение этих и всех других ссылок на источники см. по указателю литературы в конце статьи.

² См.: *Темиряев Б.* <Анненков Ю.П.> Повесть о пустяках. Берлин: Петрополис, <1934>. С.9 (в дальнейшем все ссылки на текст романа даются по этому изданию с указанием страницы в основном тексте в круглых скобках; см. также переиздание «Повести»: [Анненков 1987]). В этой связи ср. со след. воспоминанием автора ПоП: «В детстве я попеременно стремился сделаться то *извозчиком*, то *трубочистом*, то *эскимосом*, а в результате стал художником» [Анненков

ление текста романа с мемуарами самого автора ПоП (см.: [ДМВ 1991-1, II]) и другими биографическими источниками³.

Так, подобно самому Юрию Анненкову, его персонаж *Кольенька Хохлов* в нежном возрасте проживал с родителями на Петербургской стороне (см. 13, 20⁴), а в зрелом – в Литейной части (см. 20 и след.⁵), летом уезжая на дачу на Карельский перешеек, в местность, где «на всю округу существовала единственная лавка старого Вейялайнена» (25, см. также 97⁶). Как некогда автор ПоП, совсем юный *Кольенька*

1921а: 5]. Понятно, что автора ПоП (как и его автобиографического героя) привлекала в детстве эффектная внешность питерских кучеров: они «должны были иметь столичный вид: лошадь “годная”, одежда – по форме: синий кафтан, низенький цилиндр с пряжкой спереди» ([Засосов, Пызин 1991: 41]; здесь же – между 128 и 129 – см. фото).

Помимо «Дневника моих встреч» см. также: [Анненков 1920а; Анненков 1920б; Анненков 1921а; Анненков 1921в; Анненков 1924: 105-106 и др.; Анненков 1960; Анненков 1966; Анненков 1974].

См. также: [Бабенчиков 1922: 83-87 и др.; Никулин 1932: 83-85 и др.; Dominique 1958; Доминик 1958; Петров 1960: 194-195, 208; Никулин 1965; Никулин 1966: 301-302, 319-324 и др.; Алянский 1967: 178-183, 184-185; Комарденков 1972: 41-42, 65-66; Евреинова 1974; Доминик 1975; Чукоккала 1979: 31-34, 43-49, 56-57; Васильев 1989; Струтинская 1990; Чуковский 1991 (см. по «Указателю имен»); Померанцева 1991; Муратов 1991; Сарабьянов 1992; Померанцева 1993; Бахрах 1993: 382-387; Северюхин, Лейкинд 1994: 24-29; Чуковский 1994 (см. по «Указателю имен»); Толстой 1997; Демиденко 1998; Бобрецов 1998; Северюхин и др. 1999: 89-93].

⁴ Ср. – в процитированном в 1922 г. М.Бабенчиковым фрагменте «Автобиографии Анненкова»: «На углу Большой Пушкирской и Кронверкского, на Петербургской стороне, – маленький двухэтажный домик; низ красный, кирпичный <...>; верх <...> деревянный. Там, наверху, по одну сторону прогнувшейся лестницы жили мы, по другую – соседи. <...> Мне шел шестой год» (цит. по: [Бабенчиков 1922: 76]). В свою очередь, по свидетельству самого Анненкова, он «жил с гимназических лет на Петербургской стороне, на углу Большой Зелениной улицы и Геслеровского переулка. С этой квартирой, принадлежавшей ранее моим родителям, связано у меня много воспоминаний» [ДМВ 1991-1: 76]. В этой связи см. также в «Адресной и справочной книге» «Весь Петроград на 1917 год» об отце автора ПоП: «Анненков Пав<ел> Сем<енович>. Пот<омственный> дв<оряни>н. Б<ольшая> Зеленина 9. Т<елефон> 11488. Директор правл<ения> Бельг<ийского> акц<ионерного> анон<имного> о<бществ>а “Лакта”. Чл<ен> администр<ации> т<овариществ>а Сергинско-Уфалейск<ого> горн<ого> зав<ода> и др.» [Весь Петроград 1917: 24].

⁵ Автор ПоП поселил *Кольеньку* и его родителей на Фурштатской улице; сам же он проживал в годы Гражданской войны на *соседней* с Фурштатской – Кирочной улице, в квартире, памятной многим его современникам (см. об этом, напр.: [Берберова: 180; Чуковский 1994: 280; Ахматова 1996: 666]; см., наконец, в мемуарах самого Анненкова: [ДМВ 1991-1: 77, 80]; ср., однако: [Иванова 1997: 154]).

⁶ В этой связи см. [Портреты: 53]; графический рис. Анненкова «Семья за столом», на котором справа сбоку имеется пояснительная записка: «Дача Мариин Вейялайнен. Куоккала. 1915 г. Ю.Анненков». Здесь же (см.: [Портреты: 75]) имеется и изображение одного из 2 дачных домов, принадлежавших Анненко-

«заболел» живописью, посетив вместе с отцом выставку картин В.М.Васнецова в залах Академии художеств, где они «блуждали», «останавливаясь перед огромными полотнами: “Три богатыря”, “Витязь на распутье”, “Битва”, “Гамаюн”, “Сирий”, “Алконост”... Иван Павлович объясняет содержание картин, говорит о былинах <...>, о сказителе Рябинине» (29, см. также след. – 29-30⁷).

Гимназиста *Коленьку* – точно так же, как в свое время юного Ю.Анненкова – исключили из гимназии за участие в событиях 1905 г. (см. 49, ср. в мемуарах автора ПоП: [ДМВ 1991-I: 23, 53]). Вслед за Анненковым и *Хохлов* проходит в 1910-е годы через увлечение поэзией Блока, через «опьянение» строчками его «Незнакомки» и алкоголем в пивных Петербурга (см. 53-55⁸). *Хохлов*, правда, не стал, подобно Анненкову в 1908-11 гг., студентом юридического факультета Петербургского университета, однако через эти годы автор ПоП проводит своего героя в окружении *помощников присяжных поверенных* (53), *гражданина* (видимо, специалиста в области гражданского права) *Керна* (54, 55, 63) и студентов-юристов (см. 55, 63, 79, 63).

Как некогда и его создатель, *Коленька* не поддавался шовинистическому угару начального периода 1-й мировой войны и не пожелал

вым, служащее фоном на портрете (1916) отца художника. В этой связи см. след. воспоминание К.И.Чуковского (запись в дневнике от 15.08.1950 г.): «Только что уехала от нас Зиночка Анненкова, которой я не видал 35-36 лет. <...> Была хорошенькая 9-летняя <...> хозяйская дочка, <...> и был у нее брат Юрочка, студент, который писал стихи и между прочим рисовал – и отец, служащий в Страховом, кажется, обществе, очень скучный, с усами, которые лезли ему в рот, либеральный, говоривший ежеминутно в каждой фразе: виндите. Про него была молва, что он “знаком с Короленко”. Мы снимали у них дачу. <...> Недавно Зиночка была в Куоккала <ныне – пос. Репино. – А.Д.>. От двух анненковских дач остались одни фундаменты <...>» [Чуковский 1994: 192].

⁷ Ср.: [ДМВ 1991-II: 21]. Необходимо отметить, что в приведенном фрагменте под «Тремя богатырями» подразумевается картина Васнецова «Богатыри» (1881-98), под «Битвой» – скорее всего, «Битва русских со скифами» (1881), хотя возможно также, что речь идет о полотне «После побоища Игоря Святославовича с половцами» (1880); соответственно далее подразумеваются декоративное панно Васнецова «Гамаюн – птица вещая» (1897) и картина «Сирий и Алконост. Песни радости и печали» (1896). Упомянутый здесь же *Рябинин* – это И.Т.Рябинин (1844-?), о котором, вспоминая свои ранние годы, автор ПоП писал: «Гостил у моего отца и его знаменитый земляк, олонецкий мужик, билинный “сказитель” Рябинин. Пил много чаю, копал с отцом грядки в огороде и обильно “сказывал”. Слушать его я мог без конца, как добрый церковный хор» [ДМВ 1991-I: 147, см. также 153].

⁸ Упоминание обо всем этом в ПоП – конечно, аллюзия на свою собственную статью «Смерть Блока» [см.: Анненков 1921в] и на статью М.Бабенчикова «Юрий Анненков», где она цитируется [см.: Бабенчиков 1922: 83]. В этой же связи отметим, что весь отрывок ПоП, в котором повествуется об увлечении Блоком (см. 53-55), был с незначительными изменениями включен Анненковым в вошедший в его мемуары очерк «Александр Блок» (ср.: [ДМВ 1991-I: 48-49]).

«защищать» от германцев «национальные особенности культуры» – из-за неприятия самого этого понятия (*Коленька* – своему отцу: «Поддержание национальных признаков в нашем искусстве мы считаем, прости меня, выражением дурного вкуса» – 76⁹), и, как Анненков же, стал дезертиром (см. 77), предпочтя окопам и вшам – объятия шестнадцатилетней провинциалки *Моти Шевыревой* (см. 79). Это, однако, не помешало ни автору ПоП, ни его герою вернуться в революционный Петроград *солдатским делегатом* в «заплатанной солдатской шинели» (82) и с первоочередным желанием – поскорее избавиться от кишащих в ней вшей (см. 82¹⁰).

Подобно Темиряеву-Анненкову, в ночь с 25-го на 26-е октября 1917 г. «Коленька тоже был на Дворцовой площади еще с вечера, <...> дождался до конца, <...> когда вывели наконец министров на улицу <...>» и тоже видел, как «Юнкеров били до полусмерти прикладами» (91¹¹). Ни автору ПоП, ни, соответственно, его герою это не помешало вскоре после того пойти на сотрудничество с большевиками: и тот и другой принимают активнейшее участие в оформлении города (Анненков – Москвы, *Хохлов* – Петрограда) к советскому празднику (Анненков – к 1-й годовщине Октября¹², *Хохлов* – к Первомаю 1918-го – см. 107-108), и тот и другой готовят проведение грандиозного театрализованного представления перед зданием Биржи 1 мая 1920-го (см. 205-209¹³), для обоих завершение этого пред-

⁹ Ср. в мемуарах автора ПоП: «В годы <...> 1914-1918 <...> мы все <люди искусства> были противниками войны и всякого рода национальных манифестаций. <...> Мы желали видеть творческое объединение всех людей, людей братьев, без какого-либо отношения к расовым различиям, к цвету кожи, к языкам, к истории, формировавшей ту или другую народность» [ДМВ 1991-II: 138-139].

¹⁰ Ср. в более позднем произведении Анненкова: «Автору настоящей повести все равно генералом не бывать. Он даже в чине простого рядового ухитрился заделаться дезертиром, и в дезертирской, завшивой шинелишке бесплатно прибыть из прифронтовой деревушки в Питер, в Смольный: солдатским делегатом. Это служит доказательством, что и в чине завшивого дезертира можно представлять собою действующую армию. Особенно, когда она втыкает в землю штыки. <...> Автор – убежденный анти-милитарист. В чине солдатского делегата он выступал от имени Христолюбивого Российского Воинства, которое отказывалось воевать. Оно хотело есть, спать, пахать, курить махорку, баловать с девками, но не воевать. Одним словом, правильное Воинство! Генералы и гильотины представляются автору явлением одного и того же порядка» [Рваная эпопея 1960-59: 28-29].

¹¹ Ср.: «Я присутствовал на Дворцовой площади в качестве неисправимого ротозея <...> Я видел, как из дворца выводили на площадь министров, как прикладами били до полусмерти обезоруженных девушек и оставшихся возле них юнкеров...» [ДМВ 1991-II: 279-280].

¹² См. об этом, напр.: [Алянский 1967: 182-183].

¹³ Под видом описания первомайского театрализованного действия 1920 г. в тексте ПоП представлены описания сразу трех подобного рода мероприятий

ставления становится моментом их разочарования в большевистской революции¹⁴.

Коленьку – как и Анненкова в 1920 г. – избирают (волеизъявлением студентов) профессором реформированной Петроградской Академии художеств. В тексте ПоП упоминаются «номер газеты “Жизнь искусства” с последней статьей Хохлова – “О методе динамического оформления спектакля” и рукопись его новой статьи – “Революционная форма”» (187) – это, конечно, довольно прозрачная аллюзия автора романа на собственные программные выступления – напечатанную в петроградской «Жизни искусства» статью

того года в Петрограде; в двух из них принимал непосредственное участие будущий автор ПоП. Это: 1) первомайское празднество «Освобождение труда» («Организатор Д.Н.Темкин и Политическое Управление П<етроградского> В<оенного> О<круга>». Режиссеры – Анненков, Кугель, Масловская. Художники Добужинский, Анненков и Шуко. Музыка – Гуго Варлиха. Участники: красноармейцы и отдельные профессиональные актеры, всего до 2000 человек» [Пиотровский 1925: 10]); 2) праздник Интернационала 19 июля («Организатор М.Ф.Андреева и П<етроградский> Театр<альный> Отд<ел>». Режиссеры Марджанов, Н.Петров, Соловьев, Радлов, Пиотровский. Музыка Гуго Варлиха. Участники – члены рабочих клубов, Комсомол, красноармейцы, матросы, актерские школы. Всего до 4.000 человек» [Пиотровский 1925: 12]); 3) празднество 7 ноября «Взятие Зимнего дворца» («Организатор Д.Н.Темкин. Режиссеры Евреинов, Кугель, Петров Н. Художник Анненков. Музыка Гуго Варлиха. Участников до 6.000 чел.» [Пиотровский 1925: 16]). Об этом же см.: прежде всего, воспоминания самого автора ПоП – [ДМВ 1991-II: 98-107]; затем: [Евреинов 1920] (здесь же воспроизведен рисунок «автора декораций Юрия Анненкова» «Сцены у арки Главного Штаба»; эту статью Анненков упоминает в своем описании «Взятия Зимнего дворца», перепутав, правда, номер журнала – см.: [ДМВ 1991-II: 105]); а также: [Евреинов 1924: 7-8; Пиотровский 1925: 9-17] (последнюю статью сочувственно упоминает и цитирует Анненков в своих мемуарах – см.: [ДМВ 1991-II: 101-102]); [Никулин 1932: 82-83] (эти воспоминания Анненков пространно цитирует в своих мемуарах – см.: [ДМВ 1991-II: 103-104]); [Петров 1960: 194-195] (данное воспоминание также упоминается и цитируется автором ПоП в мемуарах – см.: [ДМВ 1991-II: 104]; в этой связи см. также: [Кларк 1997: 206-218] и др.

¹⁴ См.: «Этот ветреный первомайский вечер у Биржи для Коленьки Хохлова неповторим, как неповторима всякая высшая точка: в ту минуту, когда с бастионов Петропавловской крепости пушки возвестили окончание зрелища, он почувствовал: революция для него умерла» (209). Ср. в мемуарах Анненкова: «<...> в первые бешеные годы революции <...> для многих из нас (и для меня в том числе) революция <...> была <...> только спектаклем, зрелищем <здесь и везде, в том числе и в основном тексте, если не оговорено особо, – курсив наш. – А.Д.>. Все страшное, что обрушилось вместе с ней на человеческую жизнь в потрясенной России, казалось нам эпизодом; захватывающим, трудным, может быть – необходимым, даже погибельным, но несмотря на это – не более чем эпизодом. <...> И мы стали против революции, лишь когда ее бессмысленная, позорная бесчеловечность сделала для нас очевидностью. Или – в иных случаях – когда революция просто надоела нам, как может надоесть любое слишком затянувшееся зрелище» [ДМВ 1991-I: 66-67].

«Ритмические декорации» (см.: [Анненков 1919: 2-3]) и на вытекающую из нее статью-манифест «Театр до конца» (см.: [Анненков 1921б] и [Анненков 1921г]).

Как некогда автор ПоП, и Хохлов встречается в Кремле с Лениным и рисует его (см. 263-266¹⁵), а также «пишет картины для Совнаркома, для Коминтерна, для Музея Революции и Музея Красной Армии, <...> исполняет рисунки почтовых марок и денежных знаков» (270¹⁶).

Подобно Ю.П.Анненкову, дважды – до революции и после нее – связывавшему свою жизнь с профессиональными танцовщицами, *Коленька связывается* вначале с танцовщицей *Мухой Бенгальцевой* (которая, впрочем, к этому времени уже состоит в браке с чекистом и, вдобавок, сожительствует со своим партнером по танцам в «Pavillon de Paris» «товарищем Делямуrom» – см. 122¹⁷), но затем «до

¹⁵ Ср. с фактами биографии автора ПоП: в 1920 г. графический портрет Ленина работы Ю.Анненкова был опубликован в журн. «Красный милиционер» (№ 14; см. его воспроизведение в ст.: [Фролова 1989: 45]); «Возможно, чрезвычайно удачный портрет Ленина, выполненный в 1920 году, послужил причиной того, что в следующем году Анненков получает правительственный заказ» [Там же] – живописный портрет вождя. «По сравнению с работой 1920 года рисунок 1921 года наделен более резкой портретной характеристикой. Портрет не был осуществлен» [Там же]. «После смерти Владимира Ильича в числе других мероприятий по увековечению памяти вождя решено было устроить с привлечением крупнейших художников Всесоюзный конкурс на создание лучшего портрета для денежных купюр и почтовых марок. Анненковский портрет был премирован, и гравюра, выполненная с него, хранится по сей день в Музее Гознака в Москве» ([Бурдянский 1965: 3]; здесь же – фото: «Ю.Анненков в студии», на котором тот снят на фоне своего живописного ленинского портрета 1924 г.; см. также еще одно его воспроизведение в ст.: [Бурдянский 1964: 9]). По утверждению Анненкова, выполненный им в 1924 г. ленинский портрет «был вскоре воспроизведен на советских почтовых марках, а также выставлен в советском павильоне на парижской Международной декоративной выставке 1925 года» [ДМВ 1991-II: 259].

¹⁶ Ср.: в 1923 г. Анненков создал портреты наркомов обороны, просвещения и национальностей Л.Д.Троцкого, А.В.Луначарского и И.В.Сталина (последний не публиковался); тогда же он нарисовал портрет крупного деятеля Коммунистического Интернационала индуса М.Н.Роя (вошел в альбом 1926 г. – см.: [17 портретов]), в 1921-23 работал над целыми сериями портретных рисунков: деятелей Великой французской революции, народовольцев, деятелей Парижской коммуны (см. об этом, напр.: [Портреты: 157, 158]); в 1923 г. Анненков создал портреты военачальников Э.М.Склянского (заместителя Председателя Реввоенсовета Троцкого), К.Е.Ворошилова, В.И.Зофа, М.Н.Тухачевского, В.А.Антонова-Овсенко и даже оформил своими рисунками «Приказ Революционного Военного Совета Республики №279 к пятилетию Красной Армии» (М.: Изд. Высш. Воен. Ред. Совета); об участии Анненкова в конкурсе Гознака говорилось выше.

¹⁷ *Делямур* – видимо, от франц. de l'Amour – о любви. В этой связи ср.: в петроградской газ. «Жизнь искусства», начиная с 29 июля 1919 г. (№201. С.2) и по 3 августа 1919 г. (№205/206), в рамках «вечерней программы Современного

Питера доходят <...> слухи: <...> Коленька <уже в Москве> снова спутался с какой-то актрисой, молоденькой, довольно симпатичной, но глупенькой» (271¹⁸). Наконец, как Анненков «летом 1924 года, семь месяцев спустя после смерти Ленина» [ДМВ 1991-1: 123], *Хохлов* также покидает Советский Союз (см. 285).

Организуя сюжетную линию *Хохлова*, события жизни Анненкова, однако, не составляют ее целиком – даже порой напротив: некоторые из этих событий переадресованы автором другим персонажам. Продемонстрируем это наиболее наглядными примерами. В «Дневнике моих встреч» имеется приметный рассказ о посещении мемуаристом в 1918 г. собственной дачи в Куоккале, оказавшейся после Октября на территории независимой Финляндии¹⁹. На деле этот рассказ почти дословно воспроизводит описание посещения «финской» же дачи в ПоП, но вот посещает ее там *отец* главного персонажа²⁰. В другом месте (см. 160) второстепенному персонажу

театра «Павильон де Paris») заявлены «любимцы публики» «пара тангистов» Нелли Фабиани и Д е л я м о р. В конце августа 1919 г. в той же газете фигурируют уже «участники инсценировки» «Последнее танго» Нелли-Фабиани и Д е л я - М о р (см., напр.: Жизнь искусства. 1919. 21 авг. №221. С.3; 26 авг. №225. С.3). Наконец, в январе и феврале 1921 г. Д е - Л а м а р (вариант: д е Л а м а р) упомянут уже как партнер 1-й жены автора ПоП Елены Борисовны Анненковой (урожд. Гальперина; 1897-1980), танцовщицы-«босоножки», ученицы и последовательницы Айседоры Дункан: в 1-й раз – по пантомиме в Гос. театре «Вольная комедия» (см.: Жизнь искусства. 1921. 21-25 янв. №658-660. С.4), в котором, кстати, художником-декоратором, а порой и постановщиком служил сам Ю. Анненков; во 2-й раз – по «максис-танго» (см.: *Т.Л.-ков*. «Слон за роялем». (Первый вечер-гротеск Н.Н.Евреинова в Доме Искусств) // Жизнь искусства. 1921. 5-8 февр. №669-671. С.1).

¹⁸ В этой связи ср. со след. объяснением А.Кашиной-Евреиновой некоторого охлаждения отношений между Ю.П.Анненковым и ее мужем, Н.Н.Евреиновым, в нач. 1920-х: «<...> этому отчуждению <...> способствовал тот факт, что Юрий Павлович, разойдясь со своей первой женой, Еленой Борисовной, женился на московской актрисе <и танцовщице> В<алентине> И<вановне> Мотылевой» [Евреинова 1974]. Анненковский портрет Мотылевой 1921 г. см.: [Портреты: 37]; см. также другой ее портрет: [Поспелова 1997: 79] находясь уже во Франции, автор ПоП расстанется и с нею (см. об этом: [Там же]).

¹⁹ См.: [ДМВ 1991-1: 165-166].

²⁰ Ср.: «*И тут оказалось, что удобной, трехэтажной дачи Ивана Павловича более не существует* <здесь и далее жирным курсивом обозначен текст, который не вошел в ДМВ. – А.Д.>. В снеговой горностаевои пышности торчал жалкий урод – бревенчатый сруб с развороченной крышей, с выбитыми окнами, с черными дырами вместо дверей. *Иван Павлович перестал улыбаться. Он поднялся по ступенькам своего дома.* Обледенелые горы человеческих испражнений покрывали пол. По стенам, почти до потолка, замерзшими струями желтела моча, и еще не стерлись пометки углем: 2 арш<ина> 2 вер<шка>, 2 арш. 5 верш., 2 арш. 10 в. Победителем оказался пулеметчик Матвей Глушков – 3 арш. <в ДМВ – 2 аршина! – А.Д.> 12 верш. в *вышину*. Вырванная с мясом из потолка висячая лампа втоптана в кучу испражнений, возле лампы – записка:

князю *Пете* автор ПоП отдает одно из самых ярких своих детских воспоминаний – посещение концерта «чудесного скрипача Яна Кубелика в зале Дворянского собрания» [ДМВ 1991-II: 21].

С другой стороны, центральному – автобиографическому – персонажу приписаны поступки и деяния, некогда совершенные известными современниками автора ПоП, в том числе – его близкими знакомыми. Так, вся история «реформаторства» *Коленьки* в бытность его комиссаром Петербургской Академии художеств (см. особенно 103-105) очевидно ориентирована на деятельность в этой должности двух его сверстников. Первый – художник-авангардист Натан Исаевич Альтман (1889-1970). Друг автора ПоП (см. об этом: [ДМВ 1991-II: 141]) и его модель (см., напр.: [ДМВ 1991-II: 137]²¹), Альтман был комиссаром ПГСХУМ (Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских – реформированной Академии художеств) в 1918 г., т.е. тогда же, когда там преподавал будущий автор ПоП²². Напомним также, что Альтман в 1921 г. рисовал Ленина и затем выпустил книгу своих рисунков вождя (см.: [Альтман 1921]); в принципе, для изображения встречи *Коленьки Хохлова* с Лениным автору ПоП достаточно было рассказов о сеансах в Кремле Натана Альтмана²³).

“Спасибо тебе буржуй за лампу хорошо нам светлила”.

Половицы расщеплены топором, обои сорваны, *потолки* пробиты пулями, железные кровати сведены смертельной судорогой, голубые сервизы обращены в осколки, металлическая посуда: кастрюли, сковороды, чайники – доверху заполнены испражнениями. Непостижимо обильно испражнялись повсюду: во всех этажах, на полу, на лестницах – сглаживая ступени, на столах, в ящиках столов, на стульях, на матрасах, швыряли кусками в потолки. Вот еще записка:

“Паннохай нашаво говна ладна ваянят”.

В третьем этаже – единственная уцелевшая комната. На двери *написано*: “тов. Командир”. На столе – ночной горшок с недоеденной гречневой кашей и воткнутой в нее ложкой...» (101-102).

²¹ См., в свою очередь, уже альтмановский портрет Анненкова 1930 г. в ст.: [Васильев 1989б: 78].

²² См. об этом, напр.: [Живопись 20-30-х: <45, 51>].

²³ Позже автор ПоП не раз вспоминал, как в 1921 г. «советская власть заказала» ему портрет Ленина и ему «пришлось явиться в Кремль» [ДМВ 1991-II: 245]; однако все эти воспоминания – и позитивно изображающие Ленина, т.е. предназначенные для печатания в СССР, как в случае с публикацией в «Неделе» (см.: [Анненков 1966]), и, напротив, предназначенные для эмигрантской аудитории и, соответственно, представляющие Ленина в крайне негативном свете (см.: [ДМВ 1991-II: 245-248]) – все они в большей или меньшей мере «нарощены» на текст ПоП. В этой связи приведем, однако, любопытное сообщение З.А.Шаховской о вопросе, заданном ею в 1950-е – 1960-е автору ПоП и «Дневника моих встреч», и о его ей ответе: «Раз я прямо спросила у него: “Юрий Павлович, Ваши воспоминания чрезвычайно живы и интересны, но я слышала, что и Ленина и Троцкого Вы писали по фотографиям, а сами их не видели – вопреки тому, что написано Вами”. Он улыбнулся: “Ну, знаете, я творчески pretворяю действительность”, – так что можно было понять, что и выдумка при-

Другой – «известный русский искусствовед, теоретик и защитник авангардных форм художественных исканий в первые годы революции» [ДМВ 1991-I: 125] *Николай* Николаевич Пунин (1888-1953), сразу же после Октября начавший активно сотрудничать с Советской властью²⁴ и занявший высокое положение руководителя («комиссара») Петроградского Изобразительного отдела (ИЗО) Наркомпроса. 29 окт. 1918 г. Пунин «вступил в исполнение своих обязанностей» в качестве «нового комиссара по делам б<ывшей> академии художеств» [Березин 1918] и прослужил в этой должности довольно длительное время. Соответственно, финальная фраза из «новой статьи» *Коленки Хохлова* «Революционная форма»: «<...> Пикассо – скорее последняя вспышка буржуазного искусства, нежели пионер новой пролетарской эры...» – несомненная аллюзия на прочтенную 15 мая 1921 г. в петроградском Доме искусств лекцию Н.Н.Пунина «О Пабло Пикассо»²⁵ и на его же утверждение «Пикассо не может быть понят как день новой эры» в книге «Татлин (против кубизма)» (см.: [Пунин 1921а: 7]²⁶).

В своих мемуарах автор ПоП не раз упоминает Пунина, ссылается на его искусствоведческие работы (см.: [ДМВ 1991-II: 223]) и утверждает даже, что он с Пуниным «был в товарищеских отношениях» [ДМВ 1991-I: 125] (ср.: [Анненков 1922]). В этом, однако, можно усомниться: слишком многое разделяло экстремиста от авангарда Пунина – и Анненкова, о котором Э.Ф.Голлербах написал буквально следующее: «Пребывая всегда на какой-то зыбкой грани между “правым” и “левым” искусством, Анненков умеет извлекать из того и другого все наиболее выгодные и эффектные, для каждого отдельного случая, возможности. И эту черту художника следует отнести не столько к “беспринципности”, сколько к настойчивому желанию достичь предельной выразительности» [Голлербах 1928: 312-313]²⁷. Об отсутствии особо теплых отношений между Аннен-

годна при случае» [Шаховская 1991: 294]. Ср., в свою очередь, с впечатлением Н.Лобанова-Ростовского: «Анненков был превосходный рассказчик, зачастую любил и пофантазировать с тем, чтобы рассказ был более увлекательным – замечательно, в общем, сочинял» [Лобанов-Ростовский 1992: 397]; ср.: [Лобанов-Ростовский 1994: 70; Лобанов-Ростовский 1995].

²⁴ См. об этом: [Пунин 1921б]. Также см.: «Как <...> Маяковский, Татлин, Мейерхольд <...> и все футуристы – Пунин сразу же поверил в Октябрьскую революцию и примкнул к ней» [Лурье 1969: 140].

²⁵ См. об этом: <Б.п.> Разное // Жизнь искусства (Пг.), 1921. 11-13 мая. №727-729. С.3.

²⁶ Ср., однако: «Пикассо – не новое творчество. Он – конец старого» [Бердяев 1914: 62].

²⁷ Ср. с замечанием художника К.Н.Редько (запись в дневнике от 28 нояб. 1929 г., сделанная в Париже): «Ю.П.Анненков имитатор на все способы – умен и очень трудолюбив. Ценное свойство его натуры: трудолюбие, приближающееся к искусству. Он принадлежит к типу людей, умеющих прекрасно использо-

ковым и Пуниным в нач. 1920-х свидетельствует и довольно резкий выпад последнего в адрес Анненкова-художника в момент наибольшего признания того на родине – в 1922 г., в связи с проходившей в Петрограде выставкой «Мира искусства» (объединения, с точки зрения Пунина, ретроградного и атаквистического): «И благополучие это никак не разрушается присутствием на выставке Анненкова <...> В участии Анненкова ничего, собственно говоря, неожиданного нет. За ним почему-то утвердилась слава новатора, даже футуриста, а между тем художник он всякий или никакой, как угодно; ведь правда же он *гораздо больше литератор, чем художник*; еще и “живой” человек» [Пунин 1922].

Думается, что в определенном смысле ПоП есть своеобразный ответ Анненкова Пунину, выполненный с его же «подсказки», – ответ именно *литератора* и «*живого человека*», не забывающего обиды²⁸. Автор ПоП преподносит историю реформирования Петербургской Академии художеств Альтманом и Пуниным намеренно ахронично и утрированно, с изрядной долей гротеска²⁹. Сходным обра-

вать все то, что появилось в достижениях других, которым дано только на-ходить.

Его рисунок сух, виртуозен, внешний и поэтому бедный. Конечно, он не лишен меткости выражения, но в этом отсутствует фантазия – основа индивидуальной силы, яркого, самого чистейшего поэтического чувства. Проще говоря, он не дает огня, он дымит. В жизни проявляет приемы дипломатические. По складу сноб с моноклем, когда надо, живо извивается или напускает на себя дутую важность. Но так как он артист, издевавший на своем пути немало, то поэтому он милый малый» [Редько 1974: 93].

²⁸ О том же, что статья Пунина с выпадом против Анненкова не могла остаться незамеченной последним, свидетельствует хотя бы статья-отповедь близкого ему в ту пору С.И.Юткевича, будущего известного кинорежиссера, а тогда – одного из ФЭКСов: «“Художник всякий или никакой. Кроме того он ‘живой’ человек”, так писал Н.Пунин в рецензии на последнюю выставку “Мир Искусства”, где были выставлены портреты Анненкова.

Последние строки иронического отзыва почтенного теоретика становятся сейчас для нас самой большой похвалой. “Живой человек”, обладающий легким, веселым мастерством <...>, буйный еретик, а не сухой догматик высиженных теорий, особенно нужен сейчас, когда вокруг искусства бродят угрюмые тени, которые время от времени потыкав кистью и вклеив кусок какой-нибудь дряни, с мрачным видом, с одобрения испуганных критиков, объявляют себя Колумбами... давно открытых америк.

“Живопись, это культура глаза”, сказал тот же Пунин. И глаз Анненкова, так иронически весело выглядывающий с его одноглазого автопортрета, вскрывает его отношение к художественной суматохе последних лет» [Юткевич 1923; ср.: Юткевич 1990: 211-212]; о взаимоотношениях Анненкова с ФЭКСами см., напр.: [Булгакова 1990: 34-35].

²⁹ Об этом свидетельствует, напр., след. воспоминания одного из участников этих событий, опубликованные в 1921 г.: «Еще в период Временного правительства со времени февральской революции был назначен комиссаром Тамапов, который и приступил к реорганизации ее <Академии художеств> с учебной

зом преподнесена и переадресованная Хохлову работа Н.Альтмана по оформлению пл. Урицкого (прежней Дворцовой) в Петрограде к 1-й годовщине Октября: подготовленные им панно «Искусство — трудящимся», «Земля — трудящимся» и «Заводы — трудящимся»³⁰

и административной стороны. Русская Академия Художеств <...> и ранее пользовалась значительной свободой преподавания по сравнению с другими учебными заведениями <...> Тем не менее к вопросу ее реформы подошли первоначально очень неосторожно, учредив вместо Академии <...> «Государственные Художественные мастерские», подобие цеховых мастерских средневековья.

Октябрьская революция застаёт существование «Государственных <...> мастерских», сторонниками которых были футуристы. Но существование этих цеховых независимых мастерских наносило вред самому искусству и стоило очень дорого Советской России.

По идее, кто угодно мог собрать 20 человек учеников, прийти и занять мастерскую Академии, расходовать государственное имущество <...> Ученики пользовались социальным обеспечением, получали паяк и освобождались от воинской повинности. В результате наблюдалось массовое непосещение Академии, благодаря только тому, что туда проникли элементы, поставившие себе целью пользоваться теми весьма существенными привилегиями, которые давала им Академия.

Так тянулось почти до 1920 года. Казалось, что Академия при таком ее состоянии — закроемся.

Футурист Пунин, стоящий во главе <Петроградского> Изо, организованного со времени Октябрьского переворота, в ведении которого находилась Академия, все не решался окончательно утвердить эту новую ее форму <...> Пунин в Изо в вопросе реформы Академии стоял на почве искания новых, более приемлемых для современности форм ее. К этому времени, т.е. с 1920 года и образовалось новое течение в Академии, стремящееся положить конец разрухе и дезорганизации, превратить Академию в солидное государственное учреждение, оправдывающее творческие устремления пролетариата.

После дебатов в Изо Академию наравне с прочими специальными учебными заведениями удалось передать в Петропрофобр, и с этого момента начались подготовительные работы для проведения новой реформы.

Был избран временный президиум Академии <...>, в который вошли: Александр Бенуа, <...> Петров-Водкин <...>, представители Союза Работников Искусств и представители от учащихся. Временному президиуму было поручено провести реформу Академии <...> и как государственного учреждения и как учебного заведения.

Академия реорганизована по типу вообще всех высших учебных заведений — она имеет свой академический совет и президиум. Первый является главным верховным органом учреждения, второй — исполнительным. <...> Выработана схема устава Академии. Академия имеет 4 основных факультета: архитектурный, живописный, скульптурный и полиграфический. Приемы и зачисления в студенты Академии производятся по коллоквиуму» [Д.Б. 1921]. См. об этом также: [Березин 1918; Пунин 1921б; Лисовский 1982: 154-158; Гурьянова 1992: 26, 27, 28, 29 и др.].

³⁰ См. альтмановские эскизы оформления пл. Урицкого: общий вид и фрагменты панно (б. смешанная техника, 1918), хранящиеся в Гос. Русском музее, Гос. Третьяковской гал., а также — авторское повторение 1957 г. — в Гос. Музее истории С.-Петербурга.

обыгрываются в ПоП самым непристойным образом: «Начинается разговор деловой.

– Придумал замечательную музыку для <праздничных ноябрьских> процессий, – говорит Шапкин <Коленьке>, – сперва “Интернационал”, потом “Интернационал”, <...> три, пять, десять раз “Интернационал”. Такую пикантную музыку надо внедрять в широкие массы... Не нравится? Бедно? Однообразно? А ты что сделал? На дворцах написал “Война дворцам”, на домах – “Война дворцам”, на знаменах “Война дворцам”, на вагонах “Война дворцам”, на <...> нужниках “Война дворцам”, на твоей ж... “Война дворцам”, на моей ж... “Война дворцам”... Это же и есть агитация!» (107-108)³¹

Следует, видимо, говорить и о некоторой соотнесенности *Коленьки с Николаем Евреиновым*³² – об этом свидетельствует, например, очевидная перекличка сцены подготовки массового театрализованного действия, режиссируемого *Хохловым*, – с описанием подготовки приуроченного к 3-й годовщине Октября «Штурма Зимнего

³¹ В этой связи см. еще одно обыгрывание личности и творчества Н.И.Альтмана в ПоП: «<...> Александровскую колонну <на Дворцовой площади> никто свергать не собирался; напротив, ее постоянно украшали в соответствии со вкусами то Коленьки Хохлова, то художника Клейнмана <...>» (138). Под художником *Клейнманом*, конечно же, подразумевается Альтман (игра на созвучии фамилий: нем. *Kleinmann / Altmann* – *маленький человек / старый человек*), в 1918-м украсивший Александровский столп к годовщине Октября (см.: *Альтман Н.* Александровская колонна при вечернем освещении 1918: Эскиз оформления пл. Урицкого в Петрограде к 1-й годовщине Октябрьской революции – хран. в ГТГ).

³² Евреинов – друг, соратник и учитель Анненкова (в этой связи см. хотя бы дарственную надпись последнего на экземпляре 2-го выпуска альманаха «Дом искусств», включавшего его программную статью «Театр до конца»: «Дорогому другу и учителю – Николаю Николаевичу Евреинову с нежной любовью. Ю. Анненков. 3.11.1921. Петербург» – цит. по: [Лесман 1989: 260]). Как известно, в 1910-е гг. Анненков сотрудничал с Евреиновым в петербургском театре «Кривое зеркало», в Летнем театре в Куоккале, в петроградском Малом театре (бывш. Суворинском); в 1916 г. он иллюстрировал 2-й том программно-теоретического труда Евреинова «Театр для себя»; в 1920 г. под руководством последнего будущий автор ПоП оформляет массовую инсценировку «Взятие Зимнего дворца» (она получила отображение в ПоП – см. 208-209); в 1921-м Анненков создал декорации для постановки в петроградском театре «Вольная комедия» получившей затем всемирное признание пьесы Евреинова «Самое главное» (обо всем этом см.: [ДМВ 1991–II: 90-120 и др.]). Много позднее Анненков выступил и как интерпретатор творчества Евреинова (см. об этом: [Ло Гатто 1992: 123]). Наконец, след. упомянуть многочисленные анненковские портреты Евреинова (см., напр.: [Чукоккала 1979: 27, 35]) и среди них – самый известный (см., напр.: [Чукоккала 1979: 34]), 1921 г., вошедший в альбом «Семнадцать портретов». В свою очередь, см. отзыв Евреинова об Анненкове в письмах от 11.09.1927 и 30.08.1934 В.В.Каменскому: [Евреинов 1988: 246 и 249]. См. также свидетельство жены Н.Н.Евреинова: «Муж высоко ценил талант Юрия Павловича» [Евреинова 1974]; ср.: [Кашина-Евреинова 1980: 128-129].

дворца» в мемуарах Анненкова (см.: «В 1561 году скульптор Леон Леони писал к Микель-Анджело <...> В Зимнем дворце, в Тронном и Гербовом залах репетировали массовые сцены. По узорному паркету с криками “ура!” красноармейцы проносились атаками, в сомкнутом строю и в рассыпном. На дворе походные кухни кипятили воду. <...> Голос охрип, *Коленька* с трудом выкрикивает слова, чтобы они были услышаны в зале» – 206-208; ср.: «В Зимнем дворце, в Тронном и в Гербовом залах, мы репетировали массовые сцены. По узорному паркету, с криками “ура”, красноармейцы проносились атаками, в сомкнутом строю и в рассыпном. На дворе походные кухни кипятили воду для липового чая с сахарином. Дворец не отапливался.

Евреинов потерял голос, выкрикивая с тронной эстрады свои указания.

В 1561 году скульптор Леон Леони писал Микеланджело <...> [ДМВ 1991-II: 100]³³.

В этой связи необходимо отметить и иного рода различие: автобиографический герой на 4 года моложе своего создателя: Ю.П. Анненков родился в июле 1889 г., о *Коленьке* же – при изображении встречи нового 1900-го года – сообщается, что ему – «восьмой год» (14). *Хохлов*, таким образом, принадлежит к иной, нежели автор ПоП, генерации – к поколению В.В. Маяковского, С.А. Есенина, А.С. Лурье, Д.Н. Тёмкина, В.Б. Шкловского и др., т.е. к поколению активных деятелей официозного (советского) авангарда, носителей радикалистско-экстремистского типа сознания (эстетического, политического и проч.), тогда как тип сознания Анненкова был несколько иным³⁴, и в этом смысле можно утверждать, что ПоП – ро-

³³ В этой же связи ср. также след. фрагменты в ПоП и в «Дневнике моих встреч»: «Голодная, босая революция нанизывает новое звено на общую цепь того площадного искусства, где количество становится качеством, цепь, уходящую в далекие века: <...> санкюлотские ритуалы Французской революции в честь Федерации, Конституции, Разума, Высшего существа» (208-209) – «Русская революция, голодная и беспаспортная, выплывала новое могучее звено в цепь спектаклей под открытым небом, искусство, где участвуют многочисленные массы и где именно количество создает форму зрелища; цепь, восходящая к далеким векам, к средневековым мистериям, к санкюлотским празднествам французской революции в честь Федерации, Конституции, Разума и Высшего Существа...» [ДМВ 1991-II: 100]. В свою очередь, ср. оба этих фрагмента с началом «творческого отчета» Н.Н. Евреинова об октябрьском (1920) празднестве: «<...> именно у нас, в Советской России, была разрешена задача массовой театральной постановки на открытом воздухе в масштабе, о котором могли только мечтать в Париже 14 июля 1790 г. на Празднике Федерации.

“Взятие Зимнего Дворца”!..» [Евреинов 1920: 4].

³⁴ Памятуя о крайней условности каких-либо ярлыков, все же заметим, что, будучи вовлеченным (и увлеченным) в авангардистский Sturm und Drang 1910–20-х гг., Анненков был – по характеру своего дарования, уровню общей культу-

ман о советском авангарде, авангардистах и их судьбе (в самых разных аспектах), созданный сторонним, но крайне заинтересованным наблюдателем.

Автобиографического главного героя окружают персонажи, имеющие, соответственно, реальных прототипов в анненковском окружении. По справедливому замечанию М.Я.Геллера, все они (персонажи) изображены Анненковым «с легкой иронией» [Heller 1988: 10]³⁵, что, разумеется, обусловлено иронией по отношению к их прототипам.

Кроме того, налицо очевидная градация в отображении современников в романе, выстраивающаяся по линии трансформирования здесь их реальных черт и деталей их биографий. Некоторые всего лишь не названы по имени, но как бы *сами собой подразумеваются*, другие, напротив, существенно преобразованы, представлены завуалированно. Понятно, что в такого рода случаях ситуация определяется той или иной интенсивностью авторской игры с прототипическими чертами. Начнем обзор с наиболее узнаваемых фигур.

Наиболее «прозрачный» в этом отношении случай:

«Длиннокудрый и модный когда-то поэт, воспевавший солнце, высокие башни, любовь и дерзость, выпустил книжку гражданской лирики; в этой книжке, за двенадцать лет до 18-го года (поэт именно тогда был на вершине своей славы), он писал:

...Кто начал царствовать Ходынккой,
Тот кончит, став на эшафот.

<...> Стихи были <...> очень плохи, но поэт <...> оказался прототипом» (114).

Без сомнения, здесь подразумевается К.Д.Бальмонт, образы его поэтических произведений, а равно и их заглавия: название его книги стихов «Будем как солнце» (1903) и начальная строка стихотворения (того же года создания) «Я в мир пришел, чтоб видеть солнце...»; его другое известное стихотворение «Я мечтою ловил уходящие тени...», содержащее строку «Я на башню всходил, и дрожали

ры и темпераменту – человеком скорее модернистского (*синтетического*), нежели авангардистского (*аналитического*) склада сознания, – таким «модернистом, прошедшим через авангард». В этой связи см.: [Берман 1985]; и особенно след.: «Известно, что в сложные переломные эпохи (каковой и была эпоха первых лет революции) наряду с явлениями, четко определившимися и выражающими полярные художественные тенденции, для искусства очень характерно и возникновение явлений промежуточных, попытки найти компромисс, упрощенные решения существующих проблем. В этом смысле Анненков, весьма отчетливо выявивший эти качества, присущие и некоторым другим мастерам, был фигурой для своего времени очень показательной и значительной» [Там же: 38].

³⁵ По его же справедливому замечанию (см.: [Heller 1988: 10]), исключением здесь является лишь сюжетная линия *няньки Афимьи*.

ступени...»; книга стихов 1903 г. «Только любовь. Семицветник» и, наконец, стихотворение 1902 г. «Хочу» («Хочу быть дерзким, хочу быть смелым <...> Хочу одежды с тебя сорвать...»). В свою очередь, под «книжкой гражданской лирики» подразумевается стихотворная книга Бальмонта «Песни мстителя» (Париж, 1907), в свое время запрещенная к распространению в России. Наконец, процитированные стихотворные строчки – это не совсем точная цитата из бальмонтовского стихотворения 1906 г. «Наш царь»³⁶.

В другом месте упоминается один из обитателей знаменитого Дома искусств в Петрограде (ДИСКа) – «рыжий полиглот и рецензент (с ватой в ушах) носил правую руку на перевязи, чтобы, боже упаси, не получить через прикосновение – “рукопожатия отменяются”! – микробов сыпняка, оспы или новой морали» (132). Речь здесь, без сомнения, идет о литературном и художественном критике, стиховеде, бывшем сотруднике «Аполлона» Валериане Адольфовиче Чудовском (1882-1938?), впоследствии репрессированном (в этой связи ср. в мемуарах Н.К.Чуковского: «Я помню, как критик Валериан Чудовский <...> расхаживал <по ДИСКУ>, держа правую свою руку на белой перевязи. И когда его спрашивали, не болит ли у него рука, он отвечал:

– Нет, я просто не хочу ее подавать подлецам, сотрудничающим с большевиками» [Чуковский Н. 1989: 44]³⁷).

В свою очередь, «надменный, знаменитый и престарелый поэт», возглавляющий «Союз деятелей искусства, созданный при Временном правительстве» (103), – это, разумеется, Федор Сологуб, возглавлявший, правда, лишь «литературную курию» «Союза деятелей искусств» (см. об этом, напр.: [Дикман 1978: 66]; ср.: [ДМВ 1991-I: 25]; см. также выполненный Анненковым в 1921 г. и широкоизвестный ныне портрет Сологуба: [ДМВ 1991-I: 103]³⁸).

Еще один персонаж ПоП уже опознан современными исследователями: «Облик Кузмина, последнего фантастического посетителя уже не существующего “Привала комедиантов”, запечатлен в “По-

³⁶ Эти же строки в сопровождении сходного по духу комментария приведены автором ПоП и в его мемуарах – см.: [ДМВ 1991-I: 57-58].

³⁷ Ср. у него же: «Зиму с девятнадцатого на двадцатый год жил в Доме искусств и Валериан Чудовский – высокий человек в бархатной куртке, с надменно закинутой лохматой головой, Это был самый злобный контрреволюционер <...> Молодежь, посещавшая Дом искусств, возненавидела его, и дело доходило до того, что Лева Лунц натаскивал под дверь комнаты Чудовского нечистот, чтобы тот ступил и испачкался» [Чуковский Н. 1989: 59]. См. о нем также в комментарии Р.Д.Тименчика к книге воспоминаний В.Пяста «Встречи»: [Пяст 1997: 327-328].

³⁸ В свою очередь, о деятельности существовавшего с марта 1917 по нач. 1918 г. и оппозиционного по отношению к большевикам «Союза деятелей искусства» см., напр.: [Евсевьев 1982].

вести о пустяках» Б.Темерязева <sic!> (Ю.Анненкова) <...>» [Конечный и др. 1989: 151]. Речь идет о фрагменте в финале ПоП, изображающем «последнего домового Петербурга», что «хилый, старенький и незлобивый, направляется за папиросами <...> Нечеловечески огромные глаза озарены мудростью и добротой. Он <...> продолжает путь, ласковым взглядом осматривает свои владения; туман ему не помеха: он знает наизусть каждый выступ кирпича, каждый изгиб тротуара, выбоину мостовой, знает наизусть, <...> как свои собственные стихи. Он идет не спеша, <...> редкие, седые волосы зачесаны с висков на лоб – наподобие венка из лавров. <...> Маленький венценосец проникает за ворота, заложённые щеколдой, спускается по мокрой лестнице в подвал... Подвал, украшенный героями Гоцци и Гофмана, масками, арлекинами и амурами, наполовину затоплен. Амуры покрыты плесенью, на масках растут грибки. В углу, под сводами, островком подымается сцена, освещенная пятисвечником из папье-маше. По лестнице пробегают на водопой крысы. <...> цепляясь по карнизам, чтобы не ступить в воду, приближается маленький домовый к роялю, порыжевшему и заплаканному стеарином; картавя, поет свою любимую песенку:

Если завтра будет солнце –

Мы на Фьезоле поедем

<...> То другую мы найдем» (286-288).

Действительно, здесь изображен легко узнаваемый М.А.Кузмин, высоко ценимый Анненковым поэт (см., напр.: [ДМВ 1991-I: 48, 52]), его близкий друг (были на «ты» – см.: [ДМВ 1991-II: 140]) и – порой – сотрудник. Как известно, в 1919 г. будущий автор ПоП написал один из самых известных живописных портретов Кузмина (см., напр.: [ДМВ 1966-I: 87]). В свою очередь, Кузмин в 1917 г. посвятил Анненкову стихотворение «Псковской август» (см. об этом: [ДМВ 1991-I: 79-80]), вошедшее затем в его сборник «Вожатый» (СПб., 1918); Анненков часто упоминается в «Дневнике» Кузмина за 1921 г. (см.: [Кузмин 1993а; Кузмин 1993б] – по «Указателю имен»). Наконец, Кузмин – один из трех авторов, в 1922 г. написавших сопроводительные статьи к анненковским «Портретам» (см.: [Кузмин 1922]).

Соответственно, место действия в приведенном фрагменте – подвал на углу Марсова поля и набережной Мойки, и в нем – уже заброшенное артистическое кабаре «Привал комедиантов» (см. о нем: [Конечный и др. 1989: 96]), завсегдатаями коего в свое время (в 1916–19 гг.) были и Кузмин и Анненков³⁹. Кузмин в ПоП исполняет 3 (из 5-ти: 1-й, 4-й и 5-й) куплета написанной М.А.Кузминым в 1906 г. «песенки», текст которой приводится с незначительными пункту-

³⁹ Об Анненкове в «Привале» см.: [Конечный и др. 1989: 96, 99, 107, 121, 127, 133, 134, 138, 139, 141-142, 151].

ационными и грамматической («во Фьезоле») ошибками, – точно так же, как и в мемуарах Анненкова (см.: [ДМВ 1991-I: 78-79]).

В целом же приведенный фрагмент ПоП представляет собой очевидную отсылку к «полубеллетристическим фельетонам» Г.В.Иванова «Петербургские зимы» (1928)⁴⁰, к месту, где как раз изображен финал «Привала» (ср.: «“Привал” не был закрыт – он именно погиб, развалился, превратился в прах. Сырость, не сдерживаемая жаром каминов, вступила в свои права. Позолота обсыпалась, ковры начали гнить, мебель расклеилась. Большие голодные крысы стали бегать, не боясь людей, рояль отсырел, занавес оборвался...

Однажды, в оттепель, лопнули какие-то трубы, и вода из Мойки, старый враг этих разоренных стен, их затопила.

И все стоит в “Привале”

Невыкачанной вода.

Вы знаете? Вы бывали?

Неужели никогда?»⁴¹ [Иванов 1994-3: 54]⁴²).

Более сложный случай – ситуация с полемизирующими друг с другом в стенах реформированной Академии художеств (которая названа здесь Вхутемас’ом – явный и намеренный анахронизм) профессором-кубистом и конструктивистом: «– Я полагаю, товарищи, – перебивает профессор-кубист <...>, – что в основу обучения живописи следует поставить науки, трактующие вопросы образования формы. Тригонометрия, начертательная геометрия, кристаллография – вот важнейшие дисциплины, без которых не может сформироваться культурный живописец. В моей докладной записке...

– Заткнись с твоей докладной запиской! – кричит конструктивист. – Кому вообще нужна живопись? Кошке под хвост вашу живопись! Мы должны строить! Утилитаризм – вот формула нового искусства. Художник плюет на плоскость, он выходит в третье измерение – в физический объем, в действительное пространство, наконец – в четвертое: время. Художник должен строить не образы, а

⁴⁰ О взаимоотношениях последнего с автором ПоП см.: [ДМВ 1991-I: 327-342], там же – 335 – см. знаменитый портрет Иванова 1921 г. работы Анненкова; см. также высокую оценку Анненковым «Петербургских зим»: [ДМВ 1991-I: 342].

⁴¹ Ср. также с изображением М.А.Кузмина в «Петербургских зимах»: «И внешность почти уродливая и очаровательная. Маленький рост, смуглая кожа, распластанные завитками по лбу и лысине, нафиксатуренные пряди редких волос – и огромные удивительные “византийские” глаза» [Иванов 1994-3: 105].

⁴² Стихотворные строки в данном тексте – из стихотворения самого же Г.Иванова «Оттепель. Похоже...» (1918), процитированные не совсем верно (ср.: Иванов 1994-1: 165). Стихотворение это публиковалось к моменту написания ПоП как минимум трижды – в 1-й кн. альманаха «Камена» (Харьков; М.; Пг., 1919) и в 2-х изд. кн. Иванова «Вереск. Вторая книга стихов» (М.; Пг., 1916; Изд. 2-е. Берлин; Пб.; М., 1923).

вещи – в реальном материале, в реальном движении. Я требую немедленного упразднения последних отрывков живописной романтики! Я требую обязательного обучения вхутемасцев технологии, сопротивлению материалам и другим инженерным знаниям, или иначе надо закрывать нашу лавочку и расписаться в младенчестве наших художественных идей!» (198).

Перед нами – шаржированное изображение коллег Анненкова по преподаванию в ПГСХУМ – Михаила Васильевича Матюшина (1861–1934) и Владимира Евграфовича Татлина (1885–1953). Первый с 1918 по 1926 гг. возглавлял в Академии Мастерскую пространственного реализма (ср. в воспоминаниях Матюшина об этом времени: «Я ставил перед своей Мастерской широкие задачи создания нового образа натуры, передать на плоскости картины новое пространственное восприятие натуры как текучей массы сцепленных частиц, постоянно и непрерывно меняющих свой объем, цвет, рост, вес и форму» [Матюшин 1999: 28]). С другой стороны, напомним: именно под редакцией Матюшина в 1913 г., в организованном им петербургском издательстве кубофутуристов «Журавль», вышел перевод книги-манифеста А.Глеза и Ж.Метценже «Du Cubisme» и что дом Матюшина и его жены Е.Г.Гуро (на ул. Песочной, 10) был в 1910-е штаб-квартирой русского кубофутуризма⁴³.

Второй, Татлин – близкий друг Анненкова (см.: [ДМВ 1991-II: 141]), один из «наиболее неоспоримых создателей, пионеров и мастеров беспредметного искусства в России», «являющийся основателем конструктивизма» [ДМВ 1991-II: 218; см. также 222-225]. В этой связи процитируем также воспоминания Артура Лурье: «Увлечение Пикассо в России началось с тех пор, как Татлин вернулся из своей поездки в Париж. Там <...> он впервые увидел кубистические построения. Кубизм произвел на Татлина такое потрясающее впечатление, что он никогда не мог от него отделаться. <...> По возвращении из Парижа Татлин стал заниматься только конструктивными построениями, все больше отрываясь от пластической реальности формы. *Конструкция стала фетишем Татлина*; на холстах он строил все, соединяя самые неожиданные формы и материалы» [Лурье 1969: 136].

Как уже было отмечено, все указанные случаи объединяет обстоятельство, что подразумеваемые здесь реальные люди легко опознаваемы и лишь не названы по именам. Не менее «прозрачным» с прототипической точки зрения представляется упоминание о *конструктивисте Крашевиче* (см. 187, а также 198) – под которым, конечно же, подразумевается коллега автора ПоП по преподаванию в

⁴³ См. об этом, напр. в комментариях А.Е.Парниса к кн.: [Лившиц 1989: 633 и 638].

реорганизованной Академии художеств художник-авангардист Казимир Северинович Малевич (1878–1935)⁴⁴.

Еще персонаж с «прозрачным» прототипом – *Розалия Марковна Фишер*, что торгует в голодном Петрограде времен «военного коммунизма» пирожными (см. 193, 197). Это, конечно же, описанная многими мемуаристами (в том числе – и самим Анненковым – см.: [ДМВ 1991-1: 73]) «пирожница Роза», «мешочница Роза Васильевна» – Роза Васильевна Рура, памятная им с 1919 г. по редакции горьковско-тихоновской «Всемирной литературы» на Моховой, напротив Тенишевского училища, где она сживала «в верхней прихожей, у кабинета Тихонова – разложив на столе сторублевые коврижки, сторублевые карамельки» [Чуковский 1991: 126] (ср.: [Иванов 1994-3: 229-230]; наиболее развернутую характеристику Розы Васильевны см. в кн.: [Рождественский 1974: 203 и след.]). Одновременно это и отсылка к предшествующим ПоП художественным текстам, в которых *пирожница Роза*, равно как и изображаемая в ПоП эпоха в целом, уже получили свое художественное осмысление и отображение – к «беллетризованным фельетонам»-мемуарам Г.В.Иванова «Китайские тени» (1924–30) и «документальному роману с ключом» О.Д.Форш «Сумасшедший корабль» (см.: [Форш 1990: 151]⁴⁵).

На очереди – менее «прозрачные» и, соответственно, *более игровые* по своей природе персонажи (речь об игре на сходстве/несходстве образа-персонажа с его прототипом).

Прототипами родителей *Коленьки* послужили мать и отец автора ПоП – Зинаида Александровна (урожд. Макова) и Павел Семенович (1859-1920, Петроград) Анненковы. Относительно последнего

⁴⁴ Об отношении Анненкова к творчеству и художественной практике К.С.Малевича (а также ряда других современников) в изображаемый период можно отчасти судить по анненковскому посвящению, предпосланному публикации его рассказа (?) «Гибель богов» в 1922 г. в газ. «Жизнь искусства» (публикация осталась незавершенной): «Моим друзьям. (Хорошо знакомым, просто знакомым и вовсе незнакомым). Хладнокровию, профессионализму, организованности, Пикассо, Якулову, Ривере, Архипенко, Эйнштейну, Ванечке Пуни, инженерам Хеопса, *Лунину*, Шимановскому, Санадрару, Вл. Лебедеву, Леже, Браку, Эйфелевой башне, новой экономической политике, Чарли Чалину <sic!>, Мейерхольду, Наташе Бравич, Уайту и Райту, Эренбургу, Ивану Заксу и Давиду Тарноградскому (биологи, Боньюльск – Мурманск), Замятину, учебникам логики, Соединенным Штатам, *Татлину*, Маяковскому, зубным врачам и циркачам, Андрею Белому, Гуссару, телескопу, угольнику, законной жене и незаконным любовницам. Против: Детской болезни левизны у художников, Анархизма, подсознательности и надсознательности, диллетантизма, пресыщенности и недоедания, черных бань и Таирова, бесполезностей, Кандинского, *Малевича*, натормортистов “Бубнового валета”, красивеньких книжечек, присяжных поверенных, нелепостей, фармацевтов (не аптечных – аптечных уважаю), против “Мира искусства” и против искусства вообще» [Анненков 1922].

⁴⁵ О «документальном романе с ключом» см.: [Иванов 2000].

данное утверждение особенно очевидно – достаточно сравнить жизненную эволюцию *Ивана Павловича Хохлова* от революционного народничества в юности – через царскую тюрьму и ссылку – к буржуазному либерализму кадетского толка в годы зрелые (и это вкуче с руководством крупным акционерным обществом и обладанием солидной квартирой в одном из самых престижных районов Петербурга, а также дачей в Финляндии – см. 17-20), – например, со следующей справкой в соответствующем словаре: «Анненков Павел Семенович <...> дворянин Курск<ой> губ. В 1878 привлекался к дознанию по делу о распространении в Вытегре запрещен<ной> газ. “Начало”. В 1881 – студент мед<ицинского> фак<ультета> Моск<овского> ун<иверситета>, за участие в студ<енческих> беспорядках (в дек. 80 г.) в марте 81 г. исключен с воспрещением жительства в Москве и Моск<овской> губ. В нач. 80-х вел народо-вольческ<ую> пропаганду в Одессе среди студентов; организатор центр<ального?> народо-вольч. кружка и студенч. волнений. В 83–84 гг. – в тюрьме. В 1884 выслан под надзор в Зап. Сибирь на 4 года; водворен в Петропавловске (Акмолинск<ой> обл.). В 1889–94 – жил в Самаре, инсп<ектор> страхового о<бществ>а “Надежда”. С 1894 – в СПб. В 1900–02 жил на своей даче на ст<анции> Куо<к>кала (Финляндск<ой> ж. д.). В 1905 служил в СПб. в о-ве “Надежда” и принадлежал к конституц<ионно>-демокр<атической> партии <...>» ([Деятели 1933: 85-87]; см. также: [Шаховской 1978]). Уместным будет привести здесь и такое воспоминание К.И.Чуковского: «В 1908 или 1909 году, не имея пристанища в городе, я со своей семьей переехал в Финляндию и за малую плату снял обширную дачу у очень симпатичного дачевладельца Павла Семеновича Анненкова.

Впоследствии я узнал, что Павел Семенович был в юности народо-вольцем, изведаль тюрьму и Сибирь, был другом Веры Фигнер и Николая Морозова, а ныне служит в каком-то частном, неказенном учреждении. В первый же день нашего знакомства он сказал мне, что у него есть сынишка, студент, но “кто знает” – может быть, из него выйдет поэт, а быть может, художник? Звали этого сына Юра <...>»⁴⁶.

⁴⁶ [Чукоккала 1979: 31]. Ср. у самого Ю.Анненкова: «Мой отец в юности принадлежал к революционной партии “Народная воля”. <...> был арестован. Пробыл двадцать месяцев в одиночной камере Петропавловской крепости, после чего – Сибирь. Года через полтора каторгу ему заменили принудительным поселением <...> Туда приехала к нему его жена, и далекий Петропавловск стал моей родиной.

Вскоре мой отец был помилован и смог постепенно, на собственные средства вернуться в <...> Петербург. <...> С течением времени в Петербурге, работая в одном из крупнейших страховых и транспортных обществ, отец, заняв вскоре пост директора, достиг зажиточного положения и обзавелся имением в финляндском местечке Куоккала, где наша семья проводила летние месяцы в

К.И.Чуковский, в свою очередь, послужил прототипом дачного соседа *Коленьки – писателя Апушина* (см. 60), шагающего как «журавль» (66 – ср. с записью в дневнике Чуковского за 30.03.1919: «Чествование Горького <...> Потом он сказал мне: – Вы ужасно смешно шагаете <...>, и <...> хорошо... Как журавль» [Чуковский 1991: 107]), обладателя «плотного носа» (66 – памятная многим современникам деталь внешнего облика автора «Мойдодыра»⁴⁷, не обойденная вниманием и Анненковым в его знаменитом портрете Чуковского 1920–21 гг.⁴⁸), о котором затем, при рассказе о событиях 1916 г., сообщается: «Апушин, видимо, заскоруз окончательно в какой-то парламентской экспедиции на Запад», что являет собой очевидную аллюзию на поездку Чуковского в феврале–марте 1916-го в Англию в составе делегации русских журналистов по приглашению британского правительства (см. об этом, напр.: [Чукоккала 1979: 161–175 и др.]).

Особый интерес представляет эпизод ПоП с рассказом о фабрикации *Апушиным* подтверждающего его прозорливость «документа»: «Много времени спустя, в 17 году, <...> Апушин записал на обрывке <...> бумаги <о событиях июля 1914-го>: «Пили чай с печеньем, говорили о войне. Не очевидные (для меня <...>) предпосылки к затяжной войне, не гибель культуры, не безумие <...> человечества <...> – в центре внимания оказались усы <Вильгельма II> Гогенцоллерна. В этот вечер я постиг обреченность России и мне представлялась чудовищной людская недалёковидность».

Подумав, *Апушин* «пометил эти строки задним числом: июль 1914» (61–62). Здесь налицо отсылка к памятной многим из круга Чуковского – Анненкова 1913–15 гг. и зафиксированной в «Чукоккале» затее-мистификации Н.Н.Евреинова: обвинению кого-либо в

течение восемнадцати лет (1899–1916)» [Анненков 1966: 4]. См. также: [ДМВ 1991-II: 231–232].

Ср. также с рассказом о том, как большевики реквизируют ценности и деньги Ивана Павловича, национализировав банк, в сейфе которого они хранились (см. 113), – след. относящееся к 1940–50-м гг. воспоминание З.А.Шаховской: «От него <Ю.П.Анненкова> же я узнала, что отец, бывший царский каторжник, затем разбогател, стал судовладельцем, имел дачу в Финляндии. Будто бы возмущившись, что у него (отца Ю.А.), бывшего ссыльного, Октябрьская революция отобрала все его капиталы в банке, он пошел жаловаться самому Ленину. Тут я от шутки не удержалась – заметила, что хорошо, что не только у нас отбирали, а и у бывших революционеров, ставших капиталистами, – Ю.А. засмеялся» [Шаховская 1991: 249]. Ср., однако, воспоминание Шаховской с описанием этого же события в изложении самого Анненкова: [ДМВ 1991-II: 241].

⁴⁷ Кстати: «Мойдодыр» впервые появился с иллюстрациями Ю.Анненкова и затем выдержал в таком оформлении еще 20 переизданий – см. об этом, напр.: [Чукоккала 1979: 33].

⁴⁸ См., напр.: [Портреты: 57; ДМВ 1991-I: 155].

мнимом плагиате путем заведомо неверной датировки его письменных высказываний (см. об этом: [Чукоккала: 38-39]; ср. с использованием этого приема уже самим К.Чуковским: «Через несколько дней после начала войны я предложил моим гостям написать мне в Чукоккалу, чего они ждут от войны и когда она может кончиться.

Н.Евреинов написал: *К рождеству. Жду разгрома тевтонов.* Тогда я, для того, чтобы его строки показались плагиатом (обычная наша игра), написал над его строкой вариант его записи: *Уверен, что окончится 25 декабря. Жду полного разгрома швабов.* И приписал, подражая Евреинову: *Остерегайтесь подделок.*

<...> Отклик Юрия Анненкова:

Когда кончится война – не знаю и ничего от войны не жду, но я жду, чтобы скорее ожили ноги моего отца, которые отекли во время его бегства из Берлина.

Юр. Анненков <курсив Чуковского. – А.Д.>» [Чукоккала: 46-49⁴⁹].

Другой пример, менее значимый, но не менее показательный, нежели два предыдущих, – в ПоП читаем: «Беспечные гении Монпарнаса⁵⁰ нарядились <летом 1914 г.> в синие солдатские шинели. <...> Скульптор Залкинд из Винницы, вихрастый парижанин, разглядывая из окопа обглоданный шрапнелью ствол платана, задумывал деревянную статую Орфея» (78⁵¹). Прототипом *Залкинда* послужил известный скульптор Осип (Жозеф) Цадкин (1890, Смоленск –

⁴⁹ Ср. с реакцией на войну П.С.Анненкова принципиально иную реакцию на нее *Ивана Павловича Хохлова* в ПоП (см. 56-57).

⁵⁰ В 1920 г. будущий автор ПоП перечислил тех, кого он подразумевал в данном случае – деятелей искусства, с которыми он тесно общался в 1911–13 гг. в Париже: «Тут было много нас: был Матис, был лопатобородый Дон-Жуан Ван-Донжен, был Шагал, тогда еще без проседи, и Ванечка Пуни, влюбленный во Фландрена, были Леже и покойный Зигензаг, курчавый Архипенко, предваривший нашего Татлина, эlegantный мальчик Кислинг – еще ученик, Лефоконые, Валлатон, могучий Ривера, похожий на тульского кулака, *скульптор Цадкин* с неизбежной трубкой во рту, Аполлинер, еще не успевший занять столь видное место идеолога кубизма, неисправимый семьянин Тархов, поэт Поль Фор в рембрандовской шляпе и многие другие. Был еще наш общий друг Ганс Закс из Касимова – “Poet und Schumacher dazu”, как он любил именовать себя сам, или “Jeu aux grandes oreilles”, как прозвали его парижские модельки. <...> Помню буйные споры и рассуждения, кочевавшие от зала Бернгейма до кафэ “Rotonde” на углу Распайля, или “Closierie des Lilas”, что на Монтпарнасе против “bal Bulier” и, наконец, до наших великолепных мансард» [Анненков 1920б: 1; сохранена орфография подлинника]. Ср.: [ДМВ 1991-II: 259], где к вышперечисленным добавлены Фужита, Орлова, Модильяни и Пикассо.

⁵¹ Ср. характерную для композиции ПоП переключку с этой сценой в др. месте – при описании жизни *Коленьки* в Париже, уже после смерти Ленина: «В 6 часов Коленька пьет аперитив у скульптора Залкинда. Статуя Орфея, задуманная в окопах, упирается в стеклянный потолок. Деревянные торсы, каменные головы, бронзовые группы загромождают мастерскую <...>» (289-290).

1967, Париж), учившийся пластическим искусствам в Витебске и с 1909 г. прочно обосновавшийся в Париже, в 1912–14 гг. – всегдашней монпарнасских кафе; друг автора ПоП и его модель (см. анненковский графический портрет Цадкина 1950 г.: [ДМВ 1991-II: 146]⁵²). «В 1915 <Цадкин> вступил во Французскую армию и до конца войны работал санитаром в полевом госпитале. <...> С 1928 <sic! – А.Д.> был увлечен образом Орфея, последнюю версию которого дал в 1956 <...>» [Северюхин, Лейкинд 1994: 487-488]. Цадкин, вдобавок, родом не из Винницы, но выходцем из Винницы был Натан Альтман (см. выше).

Сходный пример – речь идет о дачном госте *Апушина-Чуковского* и о том, что с ним происходило в памятные дни начала мировой войны: «Поэт Рубинчик уходил с призывного пункта в косоворотке, в визитке и высоких сапогах; за спиной брэнчала походная кружка» (65). А вот – о нем же – уже зимой 1914–15 гг.: «В Карпатах продолжается метель. Полузамерзший, заиндевевший поэт Рубинчик сочиняет стихи о Санкт-Петербурге. На груди Рубинчика – два георгиевских креста, в груди – леденящий холод. Санкт-Петербург–Петроград – меняет свой прежний блоковский облик. Блоковским он станет еще раз после “Двенадцати”» (79). В образе *Рубинчика* различимы прототипические черты поэта Бенедикта Лившица, частого гостя Чуковского и Анненкова в Куоккале летом 1914 г., мобилизованного в июле 1914-го в действующую армию и непосредственно перед уходом сфотографировавшегося с приехавшими его проводить Чуковским, Анненковым и случайно примкнувшим к ним О.Э.Мандельштамом (см. об этом: [ДМВ 1991-I: 125]⁵³). Именно таким, каким он запечатлен на этом фото: стриженным, в косоворотке, в визитке (однобортном сюртуке с круглыми фалдами), в высоких сапогах и с «солдатской» кружкой в руках – предстает и персонаж ПоП. Известно, что Лившиц был – после ранения и контузии – награжден георгиевским крестом (см. его «Автобиографию»: [Лифшиц 1989: 548]), также и то, что в его стихах 1913–18 гг. преобладали темы архитектуры Петербурга, его история и культурный миф. Некоторые из этих стихотворений, предназначенных для невышедшего сборника «Болотная медуза», вошли затем в книгу стихов Лившица «Из топи блат» (Киев, 1922), разумеется, известную автору ПоП⁵⁴. (Упоминание же о «Двенадцати» – это отсылка

⁵² В этой связи см. также статью Анненкова, посвященную жизни и творчеству Цадкина: [Анненков 1967].

⁵³ Ср.: [Лившиц 1989: 544] и примечания А.Е.Парниса здесь же: [Лившиц 1989: 704-705]; ср. также: [Чукоккала 1979: 57]; в обеих этих книгах воспроизведена упомянутая в основном тексте фотография.

⁵⁴ В 1922 г. Лившиц с помощью Чуковского перебрался из Киева в Петроград и наверняка ознакомил Анненкова с этими стихами. Шире они были представлены в итоговом сборнике поэта «Кротонский полдень» (М., 1928).

прежде всего к собственному графическому образу Петербурга–Петрограда, явленному в знаменитых иллюстрациях Анненкова к первым трем отдельным изданиям блоковской поэмы⁵⁵.)

Еще один персонаж, ориентированный на реального человека из анненковского окружения 1910-х – 1920-х гг. – «юноша в матросской блузе, крутлобый Толя Житомирский» (67), изрекающий на даче у *Апушина* в один из первых дней войны: «– Стиль определяет собой содержание, по существу безразлично, что именно в данном случае подлежит анализу: этот идиотский манифест <подразумевается “Воззвание Верховного главнокомандующего Русскому народу” от 5(18).08.1914 г. – *А.Д.*>, Дон-Кихот Ламанчский или “Тристрам” Стерна. Мы объявляем новый метод анализа, построенный...» (67). Нет сомнения, что прообразом *Житомирского* послужил В.Б.Шкловский⁵⁶, именно летом 1914 г. появившийся на даче Чуковского в Куоккале⁵⁷. *Житомирский* в конспективной форме излагает основные положения «формального метода» в литературоведении, сформулированные именно Шкловским, однако не в самых ранних – 1914 г., а в более зрелых его работах конца 1910-х – нач. 1920-х⁵⁸ (вновь игра, вновь анахронизм!), знакомых и памятных автору ПоП по публикациям в петроградской газете «Жизнь искусств-

⁵⁵ В этой связи весьма примечательным представляется вывод современно-го исследователя: «Своими рисунками <к “Двенадцати”> Юрий Анненков продолжает ту же важнейшую традицию изображения города, у истоков которой в новое время стоит Пушкин (“Медный всадник”, “Пиковая дама”) и которая впоследствии была развита и широко использована Достоевским (главным образом, в “Преступлении и наказании”). Не Блок, а именно Анненков продолжает эту традицию, он вводит поэму Блока в общую линию развития петербургской темы в русской литературе. В тексте поэмы почти нет конкретных топографических примет города; здесь все предельно укрупнено, абстрагировано, подано в условно-символическом плане. <...> Иллюстрации же Анненкова несут на себе отчетливые следы сознательно введенной, продуманной и планомерно реализованной городской (петербургской) темы, которая не только проясняет, но и дополняет главную тему поэмы – тему двенадцати. Городская тема вводится художником с подчеркнутой демонстративностью; в результате, в сочетании с иллюстрациями, поэма Блока окончательно и наглядно становится *петербургской* поэмой, как “Медный всадник” Пушкина или “Преступление и наказание” Достоевского» [Долгополов 1980: 17-18].

⁵⁶ Ср.: [Ронен 1999: 166].

⁵⁷ См., напр., запись в его дневнике за 8 июля: «Пришли Шкловские <...> Виктор похож на Лермонтова <ср.: “крутлобый”! – *А.Д.*> – по определению <И.Е.>Репина» [Чуковский 1991: 65]. Ср., в свою очередь, в воспоминаниях самого Шкловского о лете 1914 г.: «Дача Корнея Ивановича Чуковского с краю Куоккалы. <...> Я был молод, <...> носил *матроску*» [Шкловский 1966: 300-301, ср. 323].

⁵⁸ Ср. хотя бы первую фразу *Житомирского* с одним из основных принципов «формальной школы» (рассматривающей произведение как «сумму приемов»), сформулированным Шкловским в его кн. «Розанов» (Пг., 1921. С.15): «Искусство – совокупность стилистических приемов».

ва» (в работе которой оба принимали «ближайшее участие»⁵⁹) и по отдельному изданным брошюрам⁶⁰.

Прагматика же ввода в текст ПоП персонажа, ориентированного на В.Б.Шкловского, понятна: с одной стороны, это еще одно проявление анненковского историографизма и автобиографизма (автора романа и Шкловского в 1910–20-х связывали тесные дружеские и творческие узы⁶¹); с другой – уже в конце 1910-х гг. для многих стала очевидной генетическая связь русского «формализма» с отечественным же авангардом (в футуристической его ипостаси), поэтому кому же как не основоположнику и лидеру сциентистской рефлексии авангарда следовало появиться в романе о его судьбе?⁶²

Случай, любопытный в количественном отношении: неполный абзац текста вместил сразу несколько персонажей, прототипами для которых послужили люди из окружения Анненкова нач. 1920-х. Время действия – март 1921-го, дни подавления Кронштадтского

⁵⁹ В этой связи см., напр., воспоминание Шкловского 1923 г.: «Отдельные номера “Жизни искусства” получались очень ценные. Помню очень хорошие статьи Бориса Эйхенбаума <...>, <...> Романа Якобсона, статьи Юрия Анненкова и ряд своих статей о “Дон Кихоте”; газета давала мне возможность работать» (цит. по: [Шкловский 1990: 245]).

⁶⁰ См.: [Шкловский 1919в; Шкловский 1920а; Шкловский 1921].

⁶¹ Перечислим лишь некоторые факты: в 1921 г. Анненков создал рисунок обложки кн. Шкловского «Революция и фронт», изд. З.И.Гржебиным (Пб., 1921; см. весьма высокую оценку рисунка: [Маковский 1925: 8]); двумя годами раньше художником был создан портрет Шкловского (акварель и тушь) – см.: [Портреты: 119], см. также рассказ самого Шкловского о том, в каких условиях портрет создавался (в квартире З.И.Гржебина): [Шкловский 1990: 200-201]. В свою очередь, Шкловский не раз выступал с благожелательными критическими разборами экспериментальных театральных постановок Анненкова – см.: [Шкловский 1919а; Шкловский 1920б] (то же см.: [Шкловский 1923: 126-132 и 133-137]); его теоретических выступлений – см.: [Шкловский 1919б: 1] (то же см.: [Шкловский 1923: 138-141]). Анненков упоминается уже в самых ранних книгах Шкловского мемуарного характера – в «Сентиментальном путешествии» и в «Зоо, или Письма не о любви» – см.: [Шкловский 1990: 184, 245, 298].

⁶² Помимо отсылок к формалистским штудиям В.Б.Шкловского, в ПоП имеется и отсылка к коллективному труду «формалистов» – надо заметить, весьма язвительная. Речь идет о комментарии к ленинской реакции на предложение *Семки Розенблата* дестабилизировать – с его помощью – финансовую систему капиталистического Запада: «Ленин внимательно перечитал письмо <Розенблата>, улыбнулся и направил его наркомку финансов, приписав на полях: “Крайне важн. инт. сообр. Предлагаю не теряя вр. в полн. объеме высл. гр. Розенбл. л и ч н о. Ленин”. Насколько удалось проверить, настоящая приписка еще не вошла в полное собрание сочинений Ленина, хотя ее ценность в деле раскрытия ленинского литературного стиля неоспорима» (253). Выделенная часть заключительного предложения – очевидная инвектива в адрес тематического номера журнала «ЛЕФ» «Язык Ленина» (см.: [ЛЕФ 1923]), содержащего статьи-исследования В.Шкловского, Б.Эйхенбаума, Ю.Тынянова, Л.Якубинского, Б.Казанского и Б.Томашевского.

мятежа: «В квартире на Фурштадской среди книг <...> <-> Хохлов, писатель Апушин, хранитель музея Генрих Адамович Штеккер, профессор Института мастеров сценических постановок Сашура Гольцев, комментатор Аристофана Яков Платонович Вотье, два Серапионовых брата и две машинистки – Люся Ключарева и Липочка Липская – слушали удары канонады <...>» (237). О *Хохлове* и *Апушине* уже говорилось; с *Серапионовыми братьями* тоже сравнительно все понятно: с участниками основанной в стенах петроградского Дома искусств 1 февр. 1921 г.⁶³ литературной группы «Серапионовы братья» будущий автор ПоП, входивший в Высший совет ДИСКА по художественному отделу⁶⁴, познакомился, видимо, в момент возникновения «братства». «Серапионы» не раз упоминаются в мемуарах Анненкова, в 1923 г. им были выполнены обложки книг Вс. Иванова «Бронепоезд № 14-69» и Н.Тихонова «Брага», кроме того, он создал графические портреты М.Зощенко (1921) и Н.Никитина (1924?). Скорее всего, именно эти последние и подразумеваются в изображенной в ПоП ситуации. В свою очередь, под *двумя машинистками* подразумеваются, видимо, «те, которые вскоре получили почетные звания “серапионовских дам” – Дуся Каплан, Мухоморова, Мухоморова, Мухоморова» [Чуковский Н. 1989: 71], «две самые хорошенькие девушки <литературной> Студии <при ДИСКЕ>» [Там же: 53], которые «сами ничего не писали, но присутствовали на всех серапионовских собраниях» [Там же: 81]⁶⁵.

В процитированном выше фрагменте ПоП подразумеваются также *Курсы мастерства* сценических постановок в Петрограде, в стенах которых Анненков читал зимой 1919–20 гг. доклад «Ритмические декорации» (см. об этом: [Анненков 1924: 107]), и, соответственно, постоянный оппонент Анненкова в теоретических и практических спорах о модернизации («циркизации», «мюзикхолизации» и т.п.) театра, главный режиссер театра «Народная комедия»,

⁶³ Следует отметить, что о ДИСКЕ к моменту написания ПоП имелось сразу несколько воспоминаний. О нем писал, прежде всех, В.Б.Шкловский – в 1923 в «Сентиментальном путешествии» (см.: [Шкловский 1990: 233-240 и др.]); в 1925 – Г.Иванов в «Китайских тенях» (см.: [Иванов 1994-3: 263-269 и др.]). Творчески преобразованное изображение быта ДИСКА дано в 1930 г. в романе О.Д.Форш «Сумасшедший корабль».

⁶⁴ См. об этом: <Б. п.> Дом искусств <Хроника: 19 дек. 1919 – дек. 1920> // Дом искусств. Пб., 1921. №1. С.68; [Анненков 1921]. В мае 1920 г. Анненков принял участие в коллективной выставке художников-членов ДИСКА в залах ОПХ; он участвовал также в оформлении журн. «Дом искусств» (1921. №1, 2), в №2 его была опубликована программная статья будущего автора ПоП «Театр до конца» (см.: [Анненков 1921б]). Об Анненкове в стенах ДИСКА см. также: [Элькан 1960: 297] и многие страницы дневников К.И.Чуковского и М.А.Кузмина за соответствующие годы.

⁶⁵ Подробнее о них и их взаимоотношениях с «Серапионами» см.: [Чуковский Н. 1989: 53, 56-57, 63, 71, 75-76, 81 и др.].

руководитель Театрально-исследовательской мастерской Сергей Эрнестович Радлов (1892–1958)⁶⁶. В свою очередь, комментатор *Аристофана Яков Платонович Вотье* – это, очевидно, Адриан Иванович Пиотровский (1898–1938), критик, литературовед, театровед и теоретик театра, драматург и переводчик античной драматургии, – в частности, много лет переводивший и комментировавший Аристофана (в этой связи см. изданный в 1933 г. изд. «Academia» двухтомник аристофановых «Комедий»). Г.Козинцев, познакомившийся с Пиотровским в самом конце 1910-х, писал о нем: «Ученый школы классической филологии, лучший наш переводчик Эсхила и Аристофана, он был, пожалуй, самой романтической фигурой петербургского интеллигента времен военного коммунизма» [Козинцев 1971: 62]. Пиотровский неоднократно писал о театральные работы Анненкова (см., напр.: [Пиотровский 1925]). В свою очередь, Анненков в начале 1920-х иллюстрировал изданные в то время Пиотровским переводы аристофановых комедий, а в мемуарах неоднократно упоминал о нем в самом положительном контексте (см., напр.: [ДМВ 1991-I: 219; II: 102 и др.]).

Нельзя обойти вниманием фигуру *доктора Френкеля*, о котором в романе – на страницах, посвященных изображению Петрограда эпохи «военного коммунизма», – сообщается, что в его доме в эту пору «печи топились, будто не произошло на земле ни войны, ни революции, ни разрухи. <...> во всех девяти комнатах, не исключая людской и прихожей <...> У Френкеля подрастало несколько дочек, и все они носили розовые кружевные платица и шелковые банты в волосах. Девочек ежедневно посещали учителя, француженки и даже балетмейстер. В доме было шумно и ласково, было множество теток и бабушек, кухарка за повара, горничная в белой наколке, сытый <...> пес <...> и целое поколение кошек. На стенах висели старинные голландцы: мясные туши с пластами жира, фазаны, диковинные рыбы <...> Обеденный стол у Френкеля соответствовал голландским натюрмортам <...>. К столу садилось обычно не менее двадцати человек <...> На кухне <Френкеля> засиживались мешочники <...>» (157-158, см. также далее: 158-159). В другом месте рассказывается, как однажды зимой *Френкель* вернулся домой абсолютно голым, но при этом, однако, не сообщается причина столь необычного внешнего вида – о ней остается лишь догадываться: «Горничная в белой наколке раскрывает дверь. Губы доктора Френкеля трясутся; трепещет на переносице золотой кузнечик пенснэ. Доктор Френкель гол, окончательно гол, даже исподнее белье не

⁶⁶ В этой связи см., напр.: [Анненков 1921б: 63, 64-65], а также: [Радлов 1919] – отклик на ст. Анненкова 1919 г. «Ритмические декорации»; в этой связи см. также: [Золотницкий 1976: 244-246 и др.] и примечания П.В.Дмитриева к публ. воспоминаний режиссера: [Радлов 1994: 94].

прикрывает его тела. <...> Но никто <...> из присутствующих не сумел принять <...> наготу по-андерсеновски: за новое платье. А между тем это было бы не так далеко от истины. Они слушают его несвязный, дрожащий рассказ <...>, а за холодным, желтым туманом города шумит человеческая жизнь – прекраснейшая из рек, и взволнованный рассказ <...> Френкеля тускнеет с каждым словом...» (235-236).

Прототипом *доктора Френкеля* послужил художник-карикатурист и издатель Зиновий Исаевич Гржебин (1869–1929), близкий знакомый Анненкова и его модель (см. анненковский портрет 1919 г.: [Портреты: 67]). В этом убеждаешься, сопоставив с приведенными фрагментами ПоП разного рода свидетельства о Гржебине периода 1918-20 гг., оставленные людьми из окружения Анненкова. Прежде всего, сравним с текстом ПоП запись в дневнике К.И. Чуковского от 17 марта 1919 г.: «Был вчера <...> у Гржебина. <...> У Гржебина (на Потемкинской, 7) поразительное великолепие. Вазы, зеркала, Левитан, Репин, старинные мастера, диваны, которым нет цены, и т.д. Откуда все это у того самого Гржебина, коего я помню сионистом без гроша за душою, а потом художничком, попавшим в тюрьму за рисунок в “Жупеле” (рисунок изображал Николая II с оголенной задницей). Толкуют о его внезапном богатстве разное, но во всяком случае он умеет по-настоящему пользоваться этим богатством. Вокруг него кормится целая куча народу: сестра жены, ее сынок <...>, мать жены <...>, еще одна сестра жены, какой-то юноша, какая-то седовласая дама и т.д. <...> Новенький детеныш Гржебина (четвертый) мил, черноглаз, все девочки, Капа, Ляля, Буба, нежно за ним ухаживают. А какое воспитание дает он этим трем удивительным девочкам! К ним ездит художник Попов, зять Бенуа, и учит их рисовать – я видел рисунки – сверхъестественные. Вообще вкус у этого толстяка – тонкий, нюх – безошибочный, а энергия – как у маньяка. <...> Теперь он весь охвачен планами издательскими» [Чуковский 1991: 104-105].

А вот выдержка из мемуаров дочери руководителя издательства «Всемирная литература» Н.А. Тихоновой: «Однажды <в 1919–20-м> я была приглашена в семью Гржебиных. <...> В квартире на Таврической улице его большая семья жила весело, и все было направлено на благополучие детей. Три дочери – Ляля, Буба и Капа (Лия, Ирина и Елена) – преинтересно играли в шарады и танцевали в нарядных костюмах. К ним на дом регулярно приходил учитель танцев, и, на мой взгляд, они замечательно исполняли ряд характерных танцев. В этот день наш общий друг Юрий Павлович Анненков репетировал с их двоюродным братом Юрой американский танец с тросточкой. Он же, разложив на полу громадные листы бумаги, раскраивал их квадратами и объяснял, как исполняются театральные декорации» [Тихонова 1992: 38]. Сравним также в воспоминаниях

уже дочери самого Гржебина об этой поре: «По вечерам у нас часто собирались друзья – <...> Ремизовы, Юрий Павлович Анненков, Шкловский, Кузмин <...> После традиционного чая устраивались всевозможные игры <...> Иногда устраивались музыкально-поэтические вечера. <...> Провизию в то время доставали частью через “мешочников” – их так называли, потому что они носили провизию по домам в мешках. У нашей мамы был целый полк мешочников, и между ними выделялась Роза Васильевна. Она ходила также и в издательство “Всемирная литература” и стала музой многих поэтов» [Гржебина 1992: 148]⁶⁷.

Что касается второго из процитированных отрывков ПоП, связанных с образом *Френкеля*, то его проясняет такое воспоминание Н.А.Тихоновой о событиях эпохи Гражданской войны в Петрограде: «Только и было слышно, как кого-нибудь из знакомых ограбили. Гржебина, например, раздели в подъезде его собственного дома» [Тихонова 1992: 35].

Наконец, последний случай. Речь о *Дэви Шапкине*, обладателе «ничем не замечательного лица», «окаймленного жеманными бачками» (110), бывшем тапере и сочинителе танго (62), которого Октябрь «вознес» сначала до поста «председателя Бобруйска» (94), а затем до комиссара «при музыке» – «реформатора» Петербургской консерватории и гонителя А.К.Глазунова, ее ректора (см. 105-106); в 1919-ом *Шапкин* «сочиняет танго в политпросвете петербургского

⁶⁷ В этой же связи см. также след. отрывок из «Сентиментального путешествия» В.Б.Шкловского, в котором, по всей вероятности, изображен дом и домочадцы Гржебина в годы Гражданской войны:

«Буржуазия страшно крепка вообще.

Я знаю один дом, в котором все время революции в России ели мясо с соусом и носили шелковые чулки.

Им было очень страшно, отца увозили в Вологду рыть окопы, арестовывали, гоняли рыть могилы. Он рыл. Но бегал и где-то зарабатывал.

В доме было тепло у печки.

Это была круглая обыкновенная печка, в нее вкладывали дрова, и она по-том становилась теплой.

Но это была не печка, это был остаток буржуазного строя. <...> Печка была образца 1914 года.

Я с одним художником ходил к этой печке. Он рисовал мой портрет; на нем я в шубе и свитере <очевидно, что подразумевается портрет работы Ю.А., выполненный, кстати, в том же 1919, что и портрет Гржебина, а равно и трех его дочерей. – А.Д.>

На диване сидела девушка. Диван большой, покрыт зеленым бархатом. <...> Здесь же сидел еврей, молодой, бывший богач, тоже образца 1914 года, а главное, сделанный под гвардейского офицера. Он был женихом девушки.

Девушка же была продуктом буржуазного режима и поэтому прекрасна.

<...> И девушка была талантлива» (цит. по: [Шкловский 1990: 200-201]). В этом же тексте читаем несколько ранее: «Я <зимой 1919> ходил греться и есть к Гржебину» [Шкловский 1990: 184], и рядом опять же упомянут Ю.П.Анненков.

военного округа) (131), а весной 1920-го оказывается коллегой *Коленьки* по проведению грандиозного массового театрализованного действия (см. 204-209); судя по тексту же, где-то осенью 1921-го он уже «уезжал в заграничную командировку на предмет ознакомления с новейшими завоеваниями европейской музыки» (248), уезжал безвозвратно (см. его фразу, завершающую роман в целом: «Я перерос Советов» – 291).

В таком *Шапкине* явственно просматриваются *сниженные* прототипические черты Артура Лурье, композитора-авангардиста, теоретика авангардного искусства, близкого знакомого автора ПоП (см.: [ДМВ-1: 64]⁶⁸) и *ближайшего друга Н.Н.Пунина*⁶⁹; председателя («комиссара») Музыкального отдела (МУЗО) Наркомпроса (1918–21), в марте 1922 г. уехавшего в служебную командировку в Зап. Европу, «невозвращенца», в конце концов осевшего в США⁷⁰.

Анненков иронически обыграл в ПоП некоторые факты творческой судьбы Лурье, чаще всего трансформируя их по принципу инверсии. Именно так преподнесена здесь, например, история его взаимоотношений с А.К.Глазуновым (см. 106): восхищающийся абсолютным слухом «толстого ректора» *Шапкин* (сам обладатель абсолютного слуха) преследует его за то, что некогда тот «три раза гонял» его «с экзамена» и таким образом закрыл будущему «комиссару» путь в консерваторию. Очевидно, что, моделируя конфликтную ситуацию с участием *Шапкина* и *Глазунова*, автор ПоП связал с фигурой последнего борьбу Лурье с композиторами и музыкантами М.М.Ипполитовым-Ивановым и А.Б.Гольденвейзером за обновление *Московской* консерватории (см. об этом: [Грэм 1996: 224]). К Глазунову же учившийся в 1909–16 гг. в Петербургской консерватории, но не закончивший ее Лурье относился с огромным пиететом⁷¹, о чем свидетельствуют хотя бы его опубликованные воспоминания: «Глазунов обладал совершенно феноменальным слухом <...> Конечно, Глазунов был настоящим симфонистом. Его симфоническое мышление было полифонично по своей природе⁷². <...> Глазунов был непримиримым и бескомпромиссным врагом модернизма

⁶⁸ См. также анненковский портрет Лурье 1917 г. – напр.: [Портреты: 107].

⁶⁹ См. об этом, напр.: [Кралин 1990: 102].

⁷⁰ Подробнее о нем см.: [Лившиц 1989: 464-466 и др.; Кралин 1990; Грэм 1996; Пальдяева 1997: 375-376].

⁷¹ В этой связи см.: «Композицией и теорией музыки А.С.<Лурье> занимался у Глазунова и сохранил о нем светлые воспоминания. Музыкальное мышление той эпохи было чуждо новаторским стремлениям молодого композитора; он оставил консерваторию, не сдав последних экзаменов на звание “свободного художника”» [Грэм 1996: 216-217].

⁷² Ср. с вопросом *Коленьки Хохлова*, вызванным желанием *Шапкина* отправить *Глазунова* на Гороховую улицу, т.е. в ЧК: «<...> посмотрим, как ты будешь строить консерваторию без симфониста. Строитель Сольнес» (106).

как в своем творчестве, так и в своих высказываниях, – и это при всей деликатности и мягкости его характера и большой доброте» [Лурье 1961: 192-193].

Еще один «сигнал» для соотнесения *Шапкина* с А.Лурье – упоминание персонажем ПоП имени немецкого композитора-симфониста и дирижера Рихарда Георга Штрауса (1864–1949): «Прежде у меня был бог – Рихард Штраус, потом – Изочка Блюм, а теперь у меня бог – товарищ Григорий Зиновьев» (107). Здесь обыграно произошедшее в 1913 г. пересечение жизненных путей Лурье и Штрауса, – вот как рассказал об этом Г.В.Адамович, вспоминая вечер в литературно-художественном кабаре «Бродячая собака» в Петербурге: «Бывали именитые иностранные гости: <...> Рихард Штраус и другие. Для Штрауса <...> Артур Лурье, считавшийся в нашем кругу восходящей музыкальной звездой, сыграл гавот Глюка в модернистической аранжировке, после чего Штраус встал и, подойдя к роялю, сказал по адресу Лурье несколько чрезвычайно лестных слов, но сам играть наотрез отказался» [Адамович 1967: 102]⁷³.

Напоследок – случай, когда о прототипе персонажа ПоП мы можем говорить лишь предположительно. В тексте романа (см. 146-148 и 237-238) упоминается некий «журналист в матросской шинели», охотно рассуждающий о тустепе (см. 146) и фокстроте (см. 237-238), о конструкции романа (см. 146) и способный к месту привести стихотворные строчки («Танцует граф и фотограф, / И кандидат танцует прав...» – 146). В период заката политики военного коммунизма этот «журналист» высказывает поразительно прозорливые мысли относительно недалекого советского будущего: «Настанет время – в 25-ом, в 30-ом, в 35-ом году – когда мы, писатели, поэты, режиссеры – мы и те, новые, что придут вслед за нами, – заживем в собственных особняках, станем разъезжать на собственных автомобилях, на американских <...>, на французских <...> и даже на советских машинах, так как чудеса ведь тоже осуществляются. Молодежь будет приглашать нас, писателей, чистых и нечистых, в свои далекие провинции, предоставят нам особняки с ваннами, служебные вагоны, дачи, продовольствие и лавровые венки – ради того только, чтобы самих себя поддержать в нетвердой вере, слушая честное или бесчестное слово человека, возвеличенного печатным станком. Россия превратится в страну писателей, поэтов и режиссеров. Живописцев обменяют <...> на ржаные коврижки <...> И будут писатели, поэты и режиссеры – Ноев ковчег: 2.000 чистых и нечистых – разъезжать, латая шины на каждой десятой версте, по не-

⁷³ Соответственно, в описании встречи *Кольенья Хохлова* с *Шапкиным* и его женой *Софочкой Фибих* в Париже (см. 290) весьма возможен намек на одну из двух интимных подруг А.Лурье в Париже в 1920-е: Тамару Персиц или *Соню Шалит* (см. о них: [Кралин 1990: 74-75]).

объятной России, сооружающей заводы и электростанции, но лишенной хлеба, мяса, масла, сахара, дорог, одежды, дров, мира и правды...» (147-148).

Можно предположить, что прототипом «журналиста в матросской шинели» и автором процитированных стихотворных строк является Лев Никулин (псевд. Л.В.Ольконицкого; 1891–1967). Как раз в изображаемое в ПоП время «ставший заведующим политической частью Балтфлота» [Шкловский 1990: 166], Никулин тогда же занялся журналистикой (в этой связи см. след. воспоминание В.Комарденкова о виденном им в 1919-20 гг. в Москве: «Приходил Лев Никулин в бушлате, бескозырке, с наганом в кобуре. Он работал тогда в политотделе Балтфлота и тоже писал стихи. Когда он читал, многие одобряли, крича: “Вот это матрос!” Мы иногда дергали его за кобуру <...> Лев <...> отскакивал в сторону и громко говорил: “Дураки – это может выстрелить!”» [Комарденков 1972: 69]). Стихотворных строк «Танцует граф...» нет ни в одной из трех изданных Никулиным книг его стихов (см.: [Никулин 1918; Никулин 1919; Никулин: 1923]), однако известно, что во 2-й пол. 1910-х он активно писал – ныне утраченные – стихотворные тексты для московской и киевской «кабаретных» программ «Кривой Джимми». Возможно, цитируемые журналистом строки – именно оттуда.

Само же возникновение данного персонажа на страницах ПоП, а равно и подозрительная провиденциальность его высказываний вызваны, видимо, тем обстоятельством, что ставший еще в нач. 1920-х секретным сотрудником ВЧК-ОГПУ Лев Никулин⁷⁴ был по этой причине «выездным» писателем и в 1920-е и даже в 1930-е гг. много времени проводил за границей, в том числе – в Париже⁷⁵, где виделся с автором ПоП и наверняка держал его в курсе бытовой и литературной жизни в СССР. Иными словами, журналист в матросской шинели на страницах ПоП – это своеобразный «отзвук» бесед Анненкова с Никулиным и не менее своеобразный дар последнему в ответ на его добрые слова о будущем авторе ПоП в «Записках спутника» (не говоря уже о том, что это еще и «просто» «привет с того берега» человеку, которому доступны спецхраны библиотек, а следовательно, и «Повесть» эмигранта Б.Темиряева).

Думается, что всего сказанного вполне достаточно для вывода: факты своей собственной биографии и биографий своих близких и знакомых Анненков использует в качестве своеобразных фактических источников, обеспечивающих достоверность создаваемого в ПоП образа прошлого, России 1-й четверти XX в.

Однако Анненков сам же разрушает эту собственноручно созданную им фикцию и обнажает ее иллюзорный характер – обнажает,

⁷⁴ См. об этом, напр.: [Шишкин 1999: 150].

⁷⁵ См. об этом, напр.: [Ардов 1999: 127-128; Евреинов 1988: 246].

например, «приблизительным перечнем» фамилий и/или имен «петербургских юродивых 1920-го года», в котором, наряду с «бывшим помощником присяжного поверенного Борисом Андреевичем Раппортом», *Яковом Валерьяновичем Дышко* (222) и *Марьей Кондратьевной Колпаковой* (223), не зарегистрированными, однако, ни одной адресной книгой «Весь Петербург» или «Весь Петроград» за 1900-е – 1910-е гг., фигурируют некий *Трошка Фальцет*, *изобретатели Петька и Абрамка Курчавый*, а также «Тысячи или, вернее, десятки тысяч петербуржцев», которые в «период 20-го – 21-го годов вымерли от голода, сыпняка и холеры» (224) и конкретность существования которых *заведомо* не поддается проверке, да, впрочем, в ней и не нуждается. Совершенно очевидно, что этот перечень – пародийный по отношению к перечислениям действительно существовавших исторических деятелей⁷⁶ (см., напр., 68 и 162; кстати, именно по причине взаимопародийности последний перечень вполне логично и естественно завершается включенной в ряд реально существовавших в годы Гражданской войны атаманов и атаманш фигурой *Моти Шевыревой*, бывшей возлюбленной *Коленьки Хохлова*).

Но и этим экспериментально-игровое отношение Анненкова к феномену прототипического не исчерпывается. Случай, когда персонаж являет собой завуалированное (шаржированное) отображение некой реальной личности (напр., *Апушин* – Чуковский) – не самый трудный и, соответственно, не самый игровой. Чаще персонаж в ПоП «построен» на сочетании в нем прототипических черт нескольких человек или, напротив, один реальный человек оказывается прототипом сразу нескольких персонажей (ср. с анненковской игрой с феноменом автобиографического). И, наконец, имеет место игра-сочетание обоих этих вариантов.

Пойдем от простого к сложному. Так, уже отмечалось, что в образе *Рубинчика* явственно различимы прототипические черты поэта Бенедикта Лившица. Но, с другой стороны, упоминанием *двух* украшающих грудь *Рубинчика* георгиевских крестов (а не *одного*, как

⁷⁶ Это, однако, вовсе не отрицает некоторой реальной укорененности данного перечня в целом – о чем свидетельствует, в частности, след. замечание в мемуарах Н. Чуковского:

«Никогда за всю историю нашей страны не было в ней столько чудачков, как в первые годы революции.

В эту эпоху великого перелома для множества людей рухнули привычные, издавна установленные нормы морали, мышления, быта, все прежние верования превратились в суеверия. <...> отрочество мое и юность прошли в окружении множества всяческих чудачков.

К разного рода чудачеству относились тогда вполне благосклонно. <...> Художественная интеллигенция тех времен склонна была рассматривать чудачество как особо ценную эстетическую категорию» [Чуковский Н. 1989: 172, см. также 173-178 и др].

было в случае с Лившицем⁷⁷) здесь одновременно обыгрывается и воинская судьба другого петербургского поэта – Н.С.Гумилева (вспомним в этой связи хотя бы строки из его автобиографической – 1919 г. – «Памяти»: «Знал он муки голода и жажды, / Сон тревожный, бесконечный путь, / Но святой Георгий тронул дважды / Пулею нетронутую грудь» [Гумилев 1988: 325]).

Личность и судьба доброго знакомого Анненкова Н.С.Гумилева актуализована в ПоП как непосредственно – фразой «Гумилев обучает <в 1918-м> милиционеров географии» (130) и упоминанием о трагических обстоятельствах его гибели⁷⁸, так и имплицитно, посредством элементов (составляющих) образа *Рубинчика*, а также *князя Пети*, «который, впрочем, никогда не был князем» (138), чьим «Любимым поэтом <...> был в те годы Шенье: стихи, революция, гильотина» (138)⁷⁹ и который был расстрелян – «так, ни за что»

⁷⁷ См. об этом, напр., в его «Автобиографии»: [Лившиц 1989: 548].

⁷⁸ См.: «Один умрет от неразгаданной врачами болезни, испепеляющей разум и сердце; другого расстреляют (так будет сказано в правительственном сообщении; в действительности же поэта забьют прикладами, чтобы не слышно было выстрелов); третий зарежется бритвой; четвертый пустит себе пулю в лоб; пятый повесится на собственных подтяжках <...>» (133). В последнем случае подразумевается товарищ Анненкова по гимназии (см.: [ДМВ 1991-1: 100]) Владимир Алексеевич Пяст (наст. фам. Пестовский; 1886–1940) – в 1932 г. в СССР, а затем и в Русском зарубежье прошел слух о его самоубийстве, вызвавший ряд некрологов: *Ходасевич В. Памяти В.А.Пяста // Возрождение* (Париж). 1932. 31 марта (перепеч.: [Ходасевич 1997: 343-346]); *Иванов Г. Лунатик // Последние новости* (Париж). 1932. 25 июня (перепеч.: [Иванов 1994-3: 344-352]); см. также в ст. Р.Д.Тименчика: [Пяст 1997: 20]. Ср. также с риторическими вопросами в более позднем произведении Анненкова: «(Вы помните Маяковского? Он застрелился. В советской России.) <...> (Вы помните Гумилева? Он был расстрелян. В советской России.) <...> (Вы помните Есенина? Перерезав вены, он повесился. В советской России.) <...> (Вы, наверно, забыли Пяста? Он повесился. В советской России)» [Рваная эпопея 1960-61: 26-27-29-41].

Ср. мартирологи русской поэзии 1-й трети ХХ в. Анненкова в ПоП и Р.О.Якобсона: [Якобсон 1931: 9].

⁷⁹ Ср. в др. месте: «Князь Петя начинает думать стихами, он уже давно пытается думать стихами: Шенье, стихи, революция, гильотина» (149). Выше уже отмечалась автобиографическая составляющая образа *князя Пети*, вот еще явный автобиографизм (продолжаем начатую в основном тексте цитату): «Любимым художником <князя Пети> был Курбэ – по тем же внешним признакам, только иначе сопоставленным: живопись, революция, падение Вандомской колонны. Князь Петя никогда не бывал в Париже <в отличие и от Анненкова, и от Гумилева! – А.Д.>, и Вандомская колонна, хоть и знакомая по всевозможным изданиям, неизменно представлялась ему Александровской колонной на Дворцовой площади. Князь Петр видел под аркой Главного штаба – тучного, бородастого человека с трубкой во рту, в бархатном пиджаке и клетчатых панталонах, закинувшего голову, чтобы разглядеть парящего в небе ангела» (138). Перед нами – очевидная отсылка к рисунку автора ПоП 1921 г. – портрет Г.Курбе (полный бородатый человек в черном долгополом пиджаке и клетчатых брюках) на фоне падающей Вандомской колонны – воспроизведение см., напр., в ст.:

(219)⁸⁰. Можно с уверенностью утверждать, что упоминание в связи с образом князя *Пети* казненного яковинцами в 1794 г. поэта и публициста А.М.Шенье должно было, по замыслу автора ПоП, понудить его читателей к соотнесению данного персонажа с личностью и судьбой Н.С.Гумилева, – во всяком случае, вскоре после смерти последнего имя Шенье вызывало именно такую ассоциативную связь. В этом плане показательно высказывание А.В.Амфитеатрова в его «Очерках красного Петрограда» 1922 г. (книге, несомненно известной автору ПоП): «Деятели советской революции любят сравнивать свою сокрушительную работу с Великою Французскою революцией, хотя, конечно, не забывают прибавить при этом: мы, нынешние, много превосходнее! Надо отдать им справедливость: отчасти правы. Если в их активе нет вдохновенных и могучих Мирабо, Дантонов, Демуленов, то злобными Маратиками, бесстыжими Гебериками и холодно жестокими фанатиками Робеспьерова толка – хоть пруд пруди. По числу жертв русская революция-пародия тоже давно превзошла свою грозную предшественницу. Она не воздвигала гильотины, но ее расстрелы имели своих Лавуазье и Кондорсе, а уж сколько таковых уморено голодом и холодом, – это и подсчету не поддается. Для совершенства пародии коммунистам не доставало только Андре Шенье. Трагическая смерть Александра Блока лишь отчасти заполнила этот серьезный пробел, потому что <...> поэт

Бабенчиков 1925: 131). Весьма вероятно также отсылка к картинам-автопортретам самого Курбе – к «Встрече» («Здравствуйте, господин Курбе», 1854; Музей Фабра, Монпелье), где передан момент встречи гордо шествующего художника с меценатом А.Брюа, и к «Ателье» (1855, Лувр), для нас особо любопытной, в которой Курбе представил себя в окружении *своих персонажей* и своих друзей.

⁸⁰ Обратим внимание на след. обстоятельство: сцена за «партией в шахматы у Топсика» (218), в ходе которой – *между прочим, в ходе ленивого обсуждения текущих дел – Топсик* сообщает *Коленьке* о гибели князя *Пети* («Слыхали, князь Петя расстрелян? <...> так, ни за что <...> за сахарин: уж слишком он афишировал» – 219-221), представляет собой несомненную аллюзию на след. фрагмент в самом начале «Петербургских зим» Г. Иванова:

«К 1920-му году Петербург тонул уже почти блаженно.

<...> <голод> перестали замечать. Перестали замечать и расстрелы.

– Взяли кого-нибудь?

– Молодого Перфильева и еще студента какого-то, у них ночевал.

– Расстреляют, должно быть?

– Должно быть...

– А Спесивцева была восхитительна...

<...> Два обывателя встретились, заговорили о житейских мелочах и разошлись. Балет... шуба... молодого Перфильева и еще студента... А у нас, в оперативе, выдавали сегодня селедку... Расстреляют, должно быть...

Два гражданина Северной Коммуны мирно беседуют об обыденном.

<...> И не по бессердечию беседуют так спокойно, а по привычке.

Да и шансы равны – сегодня студента, завтра вас» [Иванов 1994-3: 6-7].

умер <...> все же не в тюрьме и не “у стенки”. Прожил бы побольше – дождался бы. <...> Теперь, к глубокому сожалению, пустое место кровавой пародии заполнено, Русская поэзия опять облеклась в траур. Расстрелян Николай Степанович Гумилев» [Амфитеатров 1922: 37-38]. Весьма вероятно также переключка текста ПоП со стихотворным циклом М.И.Цветаевой «Андрей Шенье» («Андрей Шенье взошел на эшафот...») и «Не узнаю в темноте...»), впервые опубликованным в 1921 г. в Париже (см.: Современные записки (Париж). 1921. №6. С.77), но – несмотря даже на то, что создан он был еще в апреле 1918-го – также ассоциировавшимся в сознании современников с именем Гумилева (см., напр.: «Трудно передать то чувство, которое охватило всех, с литературой связанных, при этом известии <расстрел Гумилева>. Пожалуй, только стихотворение Марины Цветаевой, посвященное Андрею Шенье, может передать и горечь, и глубокий смысл наших тогдашних переживаний: Андрей Шенье взошел на эшафот...» – [Бем 1931]; в этой связи см. также: [Гречаная 1995: 465-469 и след.]).

Более сложный случай. Было уже отмечено, что в образе и судьбе *Дэви Шапкина* отразились *сниженные* прототипические черты Артура Лурье. Однако одновременно в нем обыгрываются (и вновь со снижением) и прототипические черты Дмитрия Николаевича Тёмкина (1894–1980, по др. данным – 1899–1979). Друг Анненкова (см.: [ДМВ 1991-II: 98]) и его модель (см. его портрет работы автора ПоП: [ДМВ 1966-II: 119], на котором запечатлены и пресловутые «бачки»), он, по свидетельству Н.Н.Евреинова, некоторое время был «заведующим П<етроградским> Т<еатральным?> О<тделом>»⁸¹, служил в Политотделе Петроградского военного округа (см.: [ДМВ 1991-II: 98]) и непосредственно руководил будущим автором ПоП в процессе подготовки и проведения в Петрограде массовых театрализованных зрелищ летом и осенью 1920 (см. об этом: [ДМВ 1991-II: 98-99, 105]⁸²). В самом нач. 1920-х Тёмкин уехал в служебную командировку в Германию, затем во Францию и в США⁸³, где он – «невозвращенец» – со временем приобрел мировую

⁸¹ [Евреинев 1988: 246].

⁸² См. также: [Евреинев 1924: 7-9], где Д.Н.Тёмкин фигурирует как «особоуполномоченный от Армии и Флота по организации октябрьских празднеств в 1920 г.». Ср.: «Политическо-Просветительным Управлением Округа разрабатывается проект устройства празднества в день третьей годовщины Октябрьской революции. <...> Мысль устройства такого празднества в основных чертах дана Д.Н.Тёмкиным, заведующим клубно-театральным отделением Полит-Просвета округа <...>» (<Б. п.> К годовщине Октябрьской революции // Жизнь искусства. 1920. 10 сент. №553. С.1).

⁸³ Не отсюда ли американизированный вариант «музыкального» (вспомним библейского царя Давида) имени Шапкина?

известность «как один из лучших и наиболее серьезных творцов кинематографической музыки» [ДМВ 1991-II: 98]⁸⁴.

Но и этим анненковская игра прототипами здесь не исчерпывается. Упоминание о «комиссарстве» *Шапкина* в Бобруйске (см. 94) – весьма вероятная аллюзия на «комиссарство» еще одного человека из окружения автора ПоП – его коллеги и однокашника (учились вместе в 1908–09 гг. в мастерской художника С.М.Зейденберга в Петербурге) М.З.Шагала. Как известно, в 1918–1920 гг. Шагал (см. известное созвучие фамилий: *Шапкин* – *Шагал* и одинаковую национальную принадлежность) являлся «уполномоченным» («комиссаром») «по делам искусств», правда, не Бобруйска, но другого белорусского города – Витебска (и губернии). Ориентированность вульгарного и «низкого» *Шапкина* на одного из величайших художников XX столетия смущать не должна: во-первых, снижение это – ироническое, в духе общей тональности ПоП, а во-вторых, для него, видимо, все же имелись некоторые реальные предпосылки – неслучайным и весьма показательным в этом смысле представляется следующее высказывание В.Б.Шкловского в «Zoo» (1923): «Марка Шагала я видел в Петербурге. <...> он был вылитый парикмахер из маленького местечка.

⁸⁴ См. о нем также: [Анненков 1968 (№203): 103-104; Crystal 1994: 935]. В этой связи см. у Льва Никулина – в описании подготовки «Взятия Зимнего дворца»: «Творческий азарт художников и административный восторг организаторов доходили до экстаза. Некто Темкин, *пианист* и работник политотдела окружного военкомата, доходил уже до того, что предлагал разрушить двадцать, тридцать домов на Гороховой улице, чтобы открыть вид на иллюминированное Адмиралтейство со стороны Детскосельского вокзала. До разрушения тридцати домов не дошло, но некто Темкин утверждал – не дошло только потому, что до праздника осталось мало времени. Я говорю “некто”, потому что этот восторженный организатор и энтузиаст-разрушитель ровно через пять лет очутился в Нью-Йорке и там женился на престарелой богатой американке, антрепренерше балетных ансамблей. Престарелая супруга и теперь оплачивает его фраки и галстуки и концерты, которые раз в год дает в здании Большой оперы ее счастливый супруг. Так, в конце концов, люди находят себя» [Никулин 1932: 84]. Ср. с последним след. сообщение в письме Н.Евреинова В.Каменскому от 11.09.1927: «Приезжал сюда <в Париж> Д.Н.Темкин (бывший заведующий ПТО) из Нью-Йорка со своей женой Альбертиной Раш (я в Нью-Йорке был приглашен шафером на их бракосочетание). Темкин с успехом концертирует в Америке. Помоему, это огромный талант. Они приедут вновь в конце октября» [Евреинев 1988: 246].

Мы уже отмечали (см. выше), что фигурирующая в конце ПоП (см. 290) как жена *Дэви Софочка Фибих* может восприниматься как образ, соотнесенный с одной из интимных подруг А.Лурье в Париже в 1920-е. С другой стороны, учитывая, что после смерти предшественника *Шапкина* – *Семки Розенבלата* – *Софочка Фибих* оказалась его богатой наследницей, можно усмотреть здесь и намек на весьма выгодную, с точки зрения Л.В.Никулина, женитьбу Д.Н.Темкина на богатой американке.

<...> Это человек до смешного плохого тона.

Краски своего костюма и свой местечковый романтизм он переносит на картины.

Он в картинах не европеец, а витебец.

Марк Шагал не принадлежит к культурному миру»⁸⁵.

Личность автора последнего утверждения послужила, в свою очередь, объектом наиболее прихотливой и замысловатой игры Анненкова с феноменом прототипического. Мы уже указывали, что Шкловский послужил прототипом юного *Толи Житомирского*. Вместе с тем по ходу повествования с *Житомирским* происходит примечательная метаморфоза: в тексте продолжает фигурировать *литературовед*, и *Толя* же, но только уже *Виленский*, который сперва «основывает литературный семинарий критического разбора» (132) для *Серрапионовых братьев* в Доме искусств, а затем там же читает «доклад о построении метафор» (180).

Трансформация персонажа – налицо, однако и «обновленный», он по-прежнему остается довольно прозрачно ориентированным на личность Шкловского, что Анненков даже подчеркивает. Так, во-первых, очевидно, что фамилия *Виленский* образована по тому же принципу, что и *Житомирский*: в обоих случаях обыграно происхождение фамилии автора «Зоо» от наименования города, основное население которого в изображаемое время составляли евреи⁸⁶. Во-вторых, очевидно, что в сообщениях о *Виленском* подразумевается деятельность Шкловского в качестве лектора Литературной студии ДИСКА (в котором он в это время и проживал)⁸⁷. С другой стороны, замена одной фамилии другою выполняет здесь еще и собирательную функцию: намекает уже не только на Шкловского, но и на «формалиста» – уроженца *Прибалтики* Ю.Н.Тынянова⁸⁸, и на Б.В.То-

⁸⁵ Цит. по: [Шкловский 1990: 334].

⁸⁶ В этой связи см. также воспоминание Шкловского в «Сентиментальном путешествии» (1923) о событиях 1918–19 гг., когда он нелегально появился в Москве: «Утром выдали мне документы на имя Иосифа *Виленчика* <...> Ушел к товарищу филологу» (цит. по: [Шкловский 1990: 179]).

⁸⁷ См. об этом, напр.: <Б. н.> Литературная студия Дома искусств // Дом искусств. Пб., 1921. №1. С.70; [Шкловский 1990: 193-194 и др.]. Ср. у Н.Чуковского: «Виктор Борисович <...> останавливался в те годы <...> в Доме искусств. Там знали его все и относились к нему не только с почтением, но и с некоторым страхом. <...> Лекции на Студии читал он недолго, но влияние его на студистов было очень велико. Со студистами он общался постоянно и попросту – как старый товарищ, Особенно близко сошелся со студистами из семинара Замятина <по прозе>. <...> замятинцы <в основном – будущие “Серрапионы”> были от него без ума и чтили даже больше, чем самого Замятина» [Чуковский Н. 1989: 61].

⁸⁸ Так, здесь возможна аллюзия на гл. II кн. Ю.Н.Тынянова «Проблема стихотворного языка» (Л.: «Academia», 1924) и предшествовавшие ей доклады в ДИСКЕ.

машевского (ср. с названием некогда обильно населенного евреями польского г. Томашув)⁸⁹.

Такие – подчеркнуто необычные – взаимоотношения с прототипом являются сигналом автора внимательному и предрасположенному к интеллектуальной игре читателю – сигнал, стимулирующий поиск среди других персонажей произведения (по принципу «где два – там и третий») еще одного, связанного прототипическими отношениями со Шкловским. И действительно, такой персонаж в ПоП имеется – *инженер-конструктор Гук*⁹⁰. Читателя, осведомленного о перипетиях судьбы автора «Зоо», могут подвести к такому выводу уже описания *двух* побегов *Гука* из «красного Петрограда» по льду Финского залива: первого, относящегося к зиме–весне 1920-го и завершившегося немедленным и внешне немотивированным возвращением (см. 181-184⁹¹), и второго, проделанного в марте 1921-го вместе с отступающими из Кронштадта руководителями подавлен-

⁸⁹ В этой связи см. сообщение о чтении ими докладов в ДИСКе в 1-й пол. 1921 г.: <Б. и.> Дом искусств <Хроника: январь – июнь 1921 г.> // Дом искусств (ПБ.). 1921. №2. С.119 (напомним, что этот номер журнала был особенно памятен Анненкову по опубликованной здесь его теоретической ст. «Театр до конца» – см.: [Анненков 19216]).

⁹⁰ Анненков позаимствовал эту фамилию у актера (актрисы?), игравшего в поставленном им осенью 1919 г. в Эрмитажном экспериментальном театре «Первом винокуре» Л.Н.Толстого (в этой связи см.: Жизнь искусства. 1919. 13-14 сент. №241/242. С.4).

⁹¹ Напомним: описанию этого побега предшествует описание долгих «блужданий» *Гука* «в поисках компаса» (139) – очевидный намек на полуторанедельные скитания В.Б.Шкловского по Петербургу в марте 1922-го, когда он «скрывался <...>, уходя от преследования <чекистов> и избегая засад (описание одной из них, устроенной на квартире Ю.Н.Тынянова, см.: Каверин 1989: 8-31), после чего вынужден был бежать из Петрограда по льду Финского залива за границу» [Галушкин 1993: 42, см. также 30-31].

В этой же связи обратим внимание и на такое заявление *Гука Хохлову*: «Я, знаете, не люблю почему-то обысков, хотя документы мои почти в порядке. Мой бывший швейцар Андрей (теперь он служит в милиции) всегда меня предупреждает накануне. Такие ночи я провожу на улицах» (136). Данное заявление представляется нам намеком на обстоятельства побега Шкловского, благодаря которым он смог избежать ареста и о которых нам *теперь* известно по след. воспоминанию В.А.Каверина: «О том, что весной 1922 года в Москве готовится процесс эсеров, на котором должны были рассмотреть дела, связанные с виднейшими деятелями этой партии, мы не знали, он <В.Шкловский>, очевидно, знал или догадывался. Иначе, подойдя однажды вечером к Дому искусств с сачочками, на которых лежали дрова, и увидев в окнах своей комнаты свет, он не спросил бы Ефима Егоровича:

– А что, Ефим, нет ли у меня кого-нибудь?

Единственный из оставшихся в доме елисейских слуг, <...> Ефим Егорович относился к новым обитателям дома с симпатией.

– А вот, пожалуй, что и есть, – ответил он. – У вас, Виктор Борисыч, гости» [Каверин 1989: 8].

ного мятежа (см. 242)⁹². Однако полная уверенность в соотносительности *Лука* со Шкловским обретается лишь тогда, когда мы свяжем воедино: а) упомянутые побеги *Лука*; б) предпосланный описанию последнего из них и нарочито внешне никак с ним не связанный «пересказ» знаменитой картины А.А.Иванова «Явление Христа народу»; в) нарочито же неожиданный его («пересказа») обрыв на фигуре одного из апостолов⁹³. Вкупе все это составляет аллюзию на то место в тексте «Сумасшедшего корабля» О.Д.Форш, где дается изображение внешнего вида *Жуканца* – и именно с апелляцией к ивановскому «Явлению Мессии»: «Голова эта <Жуканца> – хорошего объема – отдаленно напоминала <...> еврейского апостола с картины Иванова, который значителен под авторской ремаркой “Сомневающийся”, если сбрить ему бороду»⁹⁴.

Как известно, вышедший отдельным изданием в 1931 г., «Сумасшедший корабль» являет собой разновидность «документального романа с ключом» и описывает жизнь петроградских интеллигентов в 1919–22 гг. в общезитии ДИСКА: прежде всего – Шкловского, выведенного здесь в образе *конструктивиста Жуканца*⁹⁵ (ср.: *конструктор Гук*). Посредством столь сложно выстроенной игры Анненков выявляет не только генезис своего персонажа, но и жанровую ориентацию ПоП.

Как следует из всего вышесказанного, включение в сюжетно-образную и персонажную структуры автобиографического и прототипического пласта очевидно преследовало двуединую цель. С одной стороны, использование собственной судьбы и судеб своих близких в художественной реконструкции минувшего призвано максимально приблизить создаваемую Анненковым модель к *реальному* прошлому. С другой – определить место этих судеб в потоке истории, «поверить» историю с точки зрения субъекта, взглядом субъективным и пристрастным – взглядом художника (артиста). Сделано же все это Анненковым в надежде таким образом – посредством сложно зашифрованного романа – передать в советскую Россию закодированное сообщение. Сызмальства зараженному безверием, лишившемуся Родины и выпавшему из ее истории, Анненкову в экстремальных условиях эмиграции открылась порочность анга-

⁹² Напомним, что спасающийся от ареста Шкловский бежал из Петрограда по льду Финского залива 14 марта 1922 г. – т.е. *ровно через год* после подавления восстания в Кронштадте (см. об этом, напр.: [Шкловский 1993: 30]).

⁹³ «Согнувшиеся над рекой, застывшей навсегда в зеленом, синем, лиловом волнении, рабы поворачивают головы в сторону далеких холмов, с которых, как умиротворяющий сон, спускается маленькая человеческая фигурка. Синее, нежное небо, прохлада куш, фисташковые складки одежд. *Девушка в ботиках смотрит на немощное тело старца* <...>» (242; ср. 241).

⁹⁴ Цит. по: [Форш 1990: 95].

⁹⁵ См. об этом, напр.: [Иванов 2000].

жированности его самого и людей его поколения политическим радикализмом, тщетность их упований на социально-политическое (*рациональное*) преобразование общества. Умудренному жизнью автору ПоП все это представляется не более чем «пустяками». И напротив: всеразъедающая авторская ирония оказывается бессильной перед необразованной, но *по-пушкински* (см. 194) мудрой няней *Афимьей* и такими ее *чисто душевными* качествами, как незатейливая любовь к людям, неустанная забота о ближнем и чуткая отзывчивость к неурядицам «дальнего», и, конечно же, укорененность в национальной почве, служащая источником ее чувства собственного достоинства и уверенной невозмутимости.

Именно об этих своих мировоззренческих позитивах, а еще об уверенности в *спасительном* предназначении искусства и лежащей в его основе *игры* и поведаль оставшимся в советской России близким и знакомым автор ПоП. По сути, Анненков реализовал в своем романе вывод Й.Хейзинги: знание играет (см.: [Хейзинга 1992]).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Адамович 1967 *Адамович Г.* Мои встречи с Ахматовой // Воздушные пути (Нью-Йорк). 1967. Вып.5. С.102
- Альтман 1921 Ленин: Рисунки *Н.Альтмана*. Пб., 1921.
- Алянский 1967 *Алянский С.М.* Встречи с Блоком (Из записок издателя) // Новый мир. 1967. №б. С.158-206.
- Амфитеатров 1922 *Амфитеатров А.* Горестные заметы: Очерки красного Петрограда. Берлин: «Грани», 1922.
- Анненков 1919 *Анненков Ю.* Ритмические декорации // Жизнь искусства (Пг.). 1919. 18 нояб. №295. С.2-3.
- Анненков 1920а *Анненков Ю.* В сказке о французской булке // Жизнь искусства. 1920. 21-22 авг. №536/537. С.2; 23 авг. №538. С.1.
- Анненков 1920б *Анненков Ю.* Лирический трамплин // Жизнь искусства. 1920. 4-5 сент. №548/549. С.1-2.
- Анненков 1921 *Анненков Ю.* Письмо в редакцию // Жизнь искусства. 1921. 2-4 марта. №682-684. С.3.
- Анненков 1921а *Анненков Ю.* Неизбежная точка. (К смерти Б.П.Анненкова) // Жизнь искусства. 1921. 2-7 авг. №792/797. С.5.
- Анненков 1921б *Анненков Ю.* Театр до конца // Дом искусств (Пб.). 1921. №2. С.59-73.
- Анненков 1921в *Анненков Ю.* Смерть Блока // Жизнь искусства. 1921. 16-21 авг. №804. С.<5>.
- Анненков 1921г *Анненков Ю.* Театр без прикладничества // Вестник театра <М., Изд. ТЕО Главполитпросвета>. 1921. 15 авг. №93/94. С.3-6.
- Анненков 1922 *Анненков Ю.* Гибель богов // Жизнь искусства. 1922. 4 апр. №14 (837). С.3.
- Анненков 1924 *Анненков Ю.* Естественное отправление // Арена: Театр. альм. (Пб.). 1924. С.103-114.

- Анненков 1960 *Анненков Ю.П.* <Автобиография?> // Старые – молодым: <Сб.>. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. С.11-14.
- Анненков 1966 *Анненков Ю.* Штрихи воспоминаний // Неделя: Иллюстр. обзор. (М.). 1966. 10-16 апр. №16. С.4-5.
- Анненков 1967 *Анненков Ю.* Осип Цадкин // Русская мысль (Париж). 1967. 14 дек. №2665. С.7; 21 дек. №2666. С.7.
- Анненков 1968 *Анненков Ю.* Русские в мировой кинематографии // Возрождение (Париж). 1968. №200. Август. С.122-129; №201. Сентябрь. С.114-126; №202. Октябрь. С.113-121; №203. Ноябрь. С.101-112; №204. Декабрь. С.71-83.
- Анненков 1974 *Анненков Ю.П.* Биография <перепеч. из сб. «Старые молодые». Мюнхен, 1960> // Русская мысль. 1974. 12 сент. №3016. С.8.
- Анненков 1987 *Анненков Ю.* Повесть о пустыжах // Стрелец: Ежемес. журн. лит., искусства и обществ.-полит. мысли (Jersey City, New Jersey). 1987. №7. С.24-34; №8. С.23-33; №9. С.24-34; №10. С.22-32; №11. С.22-33; №12. С. 30-43.
- Ардов 1999 *Ардов М.* Вокруг Ордынки: Портреты // Новый мир. 1999. №6.
- Ахматова 1996 *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966).* М.; Torino, 1996.
- Бабенчиков 1922 *Бабенчиков М.* Юрий Анненков // *Анненков Ю.* Портреты / Текст Евгения Замятина, Михаила Кузмина, Михаила Бабенчикова. Пг.: «Петрополис», 1922. С.59-112.
- Бабенчиков 1925 *Бабенчиков М.* Анненков – график и рисовальщик // Печать и революция (М.). 1925. №4 (июнь). С.101-129 <+131: илл.>.
- Бахрах 1993 *Бахрах А.* По памяти, по записям... // Новый журнал (Нью-Йорк). 1993. №190/191. С.330-417.
- Бем 1931 *Бем А.Л.* Памяти Гумилева // Руль (Париж). 1931. 27 авг. С.2.
- Берберова 1996 *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография / Вступит. ст. Е.В.Витковского; Коммент. В.П.Кочеткова, Г.И.Мосешвили. М., 1996.
- Бердяев 1914 *Бердяев Н.* Пикассо // София. 1914. №3.
- Березин 1918 *Березин М.* Беседа с новым комиссаром по делам б<ывшей> Академии художеств <Н.Н.Пуниним> // Жизнь искусства. 1918. 30 окт. №2. С.7.
- Берман 1985 *Берман Б.* Заметки о Юрии Анненкове // Искусство (М.). 1985. №2. С.34-39.
- Бобрецов 1998 *Бобрецов В.Ю.* Анненков Юрий Павлович // Русские писатели: XX век. Библиогр. словарь: В 2-х ч. М., 1998. Ч.1. С.69-71.
- Булгакова 1990 *Булгакова О.Л.* Бульвардизация авангарда – феномен ФЭКС // Киноведческие записки (М.). 1990. №7. С.27-47.
- Бурдянский 1964 *Бурдянский С.* Рукою современника // За рубежом (М.). 1964. 25 апр. №17(202). С.9.
- Бурдянский 1965 *Бурдянский С.* Революцией рожденные штрихи // Смена (М.). 1965. №8(910). Апр. С.2-3.
- Васильев 1989 *Васильев И.* Линии судьбы: К 100-летию со дня рождения Ю.П.Анненкова // Литературное обозрение. 1989. №7. С.78-81.

- Васильев 1989б *Васильев И.* Линии судьбы: К 100-летию со дня рождения Ю.П.Анненкова // Литературное обозрение. 1989. №7. С.78-81.
- Галушкин 1993 *Галушкин А.Ю.* Примечания <к публ. писем В.Б.Шкловского М.Горькому (1917–1923)> // De Visu (М.). 1993. №1(2).
- Голлербах 1928 *Голлербах Э.Ф.* Современные русские художники за границей // Вестник знания: Двухнедельный иллюстр. популярно-науч. журн (Л.). 1928. №6 (март). С.312-314.
- Гречаная 1995 *Гречаная Е.П.* Андре Шенье в России // *Шенье А.* Сочинения 1819. М., 1995.
- Гржебина 1992 *Гржебина Е.* З.И.Гржебин – издатель (по документам и воспоминаниям его дочери) // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып.1.
- Грэм 1996 *Грэм И.* Артур Сергеевич Лурье: Биогр. заметки // Новый журнал. 1996. №198/199. С.211-226.
- Гумилев 1988 *Гумилев Н.* Стихи. Поэмы. Тбилиси, 1988.
- Гурьянова 1992 *Гурьянова Н.А.* <Хронология> // Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях. М., 1992. С.10-40.
- Данилевский 1999 *Данилевский А.* Из наблюдений над поэтикой «Повести о пустяках» Юрия Анненкова // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. Т.III. Тарту, 1999. С.156-178.
- Данилевский 2000а *Данилевский А.* Из наблюдений над поэтикой «Повести о пустяках» Юрия Анненкова. Анненков и В.В.Набоков // Культура русской диаспоры: Набоков-100. Таллинн. (В печати).
- Данилевский 2000б *Данилевский А.* Из наблюдений над поэтикой «Повести о пустяках» Юрия Анненкова. «Чужое слово» в романе о переломной эпохе // Переломные периоды в русской литературе и культуре: Сб. материалов VII международного семинара по русской литературе и культуре Хельсинкского и Тартуского университетов 21–23 октября 1999. Хельсинки. (В печати).
- Д.Б. 1921 *Д.Б.* В Академии художеств // Жизнь искусства. 1921. 18 окт. №813. С.4.
- Деятели 1933 Деятели революционного движения в России: Био-библиогр. словарь. М., 1933. Т.3: Восьмидесятые годы. Вып.1.
- Демиденко 1998 *Ю.Д.* <Демиденко Ю.Б.> Анненков Юрий Павлович // Русские художники: Энцикл. словарь. СПб., 1998. С.33-35.
- Дикман 1978 *Дикман М.И.* Поэтическое творчество Федора Сологуба // *Сологуб Федор.* Стихотворения. <Л.>, 1978. С.5-74.
- ДМВ 1991-1, II *Анненков Ю.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий. <Л.> 1991. Т.1, 2.
- Долгополов 1980 *Долгополов Л.* «Двенадцать» А.Блока в издании «Алконоста» // «Двенадцать» А.Блока в издании «Алконоста»: Черновик поэмы / Ст. и подг. изд. Л.К.Долгополова. М., 1980.
- Доминик 1958 *Доминик Л.* Портрет художника: Ю.П.Анненков // Возрождение. 1958. Октябрь. №82. С.127-135.

- Доминик 1975 *Доминик Л.* Портрет художника: Вместо некролога // Русская мысль. 1975. 10 июля. №3059. С.11.
- Евреинов 1920 *Евреинов Н.* «Взятие Зимнего дворца»: Статья главного режиссера постановки // Красный милиционер (Пг.). 1920. 15 нояб. №14. С.4-5.
- Евреинов 1924 *Евреинов Н.* Взятие Зимнего Дворца: Воспоминание об инсценировке в ознаменование 3-й годовщины Октябрьской революции // Жизнь искусства. 1924. 4 нояб. №45. С.7-9.
- Евреинов 1988 *Письма Н.Н.Евреинова к В.В.Каменскому / Публ. и коммент. С.Воронина // Современная драматургия (М.). 1988. №4.*
- Евреинова 1974 *Евреинова А.* Воспоминания // Русская мысль. 1974. 12 сент. №3016. С.8.
- Евсевьев 1982 *Евсевьев М.Ю.* Из истории художественной жизни Петрограда в 1917 – начале 1918 гг. // Проблемы искусствознания и художественной критики. Л., 1982. Вып.2. С.148-182.
- Живопись 1920-30-х *Живопись 1920–30-х годов.* СПб., 1991.
- Засосов; Пызин 1991 *Засосов Д.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890 – 1910-х годов: Записки очевидцев. <Л.>, 1991.
- Золотницкий 1976 *Золотницкий Д.* Зори театрального Октября. <Л.> 1976.
- Иванов 2000 *Иванов Вяч. Вс.* Жанры исторического повествования и место романа с ключом в русской советской прозе 1920 – 1930-х годов; Соотношение исторической прозы и документального романа с ключом: «Сумасшедший корабль» Ольги Форш и ее «Современники» // *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т.2. С.596-613; 614-625.
- Иванов 1994-1 *Иванов Г.* Собр. соч.: В 3-х тт. М., 1994. Т.1: Стихотворения.
- Иванов 1994-3 *Иванов Г.* Петербургские зимы // *Иванов Г.* Собр. соч.: В 3-х тт. М., 1994. Т.3: Мемуары; Лит. критика.
- Иванова 1997 *Иванова Е.М.* Шестое чувство: Кн. для чтения по истории и культуре Петрограда. СПб., 1997.
- Каверин 1889 *Каверин В.* Эпilog: Мемуары. М., 1989.
- Кашина-Евреинова 1980 *Кашина-Евреинова А.* Третий века не расставаясь // Новый журнал. 1980. №140. С.114-131.
- Кларк 1997 *Кларк К.* Петербург – горнило революции (Глава пятая) // Звезда (СПб.). 1997. №11. С.206-218.
- Козинцев 1971 *Козинцев Г.* Глубокий экран. М., 1971.
- Комарденков 1972 *Комарденков В.* Дни минувшие (Из воспоминаний художника). М., <1972>.
- Конечный и др. 1989 *Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С.96-154.
- Кралин 1990 *Кралин М.* Артур и Анна: Роман. Л., 1990.
- Кузмин 1922 *Кузмин М.* Колебания жизненных токов // *Анненков Ю.* Портреты / Текст Евгения Замятина, Михаила Кузмина, Михаила Бабенчикова. Пг.: «Петрополис», 1922. С.43-56.
- Кузмин 1993а *Кузмин М.* Дневник 1921 года / Публ. Н.А.Богомолова и

- С.В.Шумихина // Минувшее: Истор. альм. Вып.12. М.; СПб., 1993. С.423-494.
- Кузмин 1993б *Кузмин М.* Дневник 1921 года / Публ. Н.А.Богомолова и С.В.Шумихина // Минувшее: Истор. альм. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.457-524.
- Лесман 1989 Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989.
- ЛЕФ 1923 ЛЕФ (М.). 1923. №1: Язык Ленина
- Лившиц 1989 *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения; Переводы; Воспоминания / Вступит. ст. А.А.Урбана; Сост. Е.К.Лившиц и П.М.Нерлера; Подгот. текста П.М.Нерлера и А.Е.Парниса; Прим. П.М.Нерлера, А.Е.Парниса и Е.Ф.Ковтуна. <Л.>, 1989.
- Лисовский 1982 *Лисовский В.Г.* Академия художеств: Истор.-искусствовед. очерк. 2-е изд., переработ. и доп. <Л.>, 1982.
- Лобанов-Ростовский 1992 *Лобанов-Ростовский Н.* О театральнх художниках из России (Записки коллекционера) // Евреи в культуре русского зарубежья: Сб. ст., публ., мемуаров и эссе / Сост. М.Пархомовский. Иерусалим, 1992. Вып.1. С.397 («Юрий Павлович Анненков»).
- Лобанов-Ростовский 1994 *Лобанов-Ростовский Н.* Воспоминания о русских художниках за рубежом // Записки Русской академической группы в США (New York). 1994. Т.ХХVI. С.69-71 («Юрий Павлович Анненков»).
- Лобанов-Ростовский 1995 *Лобанов-Ростовский Н.* Воспоминания о русских художниках за рубежом // Утро России (М.). 1995. 12-18 янв. С. 9.
- Ло Гатто 1992 *Ло Гатто Э.* Мои встречи с Россией. М., МСМХII.
- Лурье 1961 *Лурье А.* Чешуя в неводе (Памяти М.А.Кузмина) // Воздушные пути (Нью-Йорк). 1961. Вып.2. С.186-214.
- Лурье 1969 *Лурье А.* Наш марш // Новый журнал. 1969. №94. С.127-142.
- Маковский 1925 *Маковский С.* Четверть века русской графики // Временник Общества друзей русской книги. Париж, МСМХХV. №1. С.8.
- Матюшин 1999 *Матюшин М.В.* Мастерская пространственного реализма в Академии Художеств / Публ. Н.Несмелова // Новый мир искусства (СПб.). 1999. №3(8). С.28-32.
- Муратов 1991 *Муратов А.М.* Анненков Юрий Павлович // Живопись 1920-30-х годов. СПб., 1991.
- Никулин 1918 *Никулин Л.* История и стихи Анжелики Сафьяновой с приложением ее родословного древа и стихов, посвященных ей. М., 1918.
- Никулин 1919 *Никулин Л.* «Страдиварий». Стихи. Кн.2-я. Киев, 1919.
- Никулин 1923 *Никулин Л.* Красный флот. Пг., 1923
- Никулин 1932 *Никулин Л.* Записки спутника. <Л., 1932>.
- Никулин 1965 *Никулин Л.* В мире художников // Дружба народов. 1965. №5. С.259-274.
- Никулин 1966 *Никулин Л.* Годы нашей жизни: Воспоминания и портреты. <М.>, 1966.
- Пальдяева 1997 *Пальдяева Е.* Лурье Артур // Русское зарубежье: Золотая кн. эмиграции. Первая треть XX века: Энцикл. биограф. словарь. М., 1997. С.375-376.

- Петров 1960 *Петров Н.* 50 и 500. М., 1960.
- Пиотровский 1925 *Пиотровский А.И.* Празднества 1920 года // *Пиотровский А.И.* За советский театр!: Сб. ст. Л., 1925. С.9-17.
- Померанцева 1991 *Померанцева Е.С.* Ю.П.Анненков. «Человек эпохи» и его портреты // Русское литературное зарубежье: Сб. обзоров и материалов. М.: ИНИОН, 1991. Вып. 1. С.178-196.
- Померанцева 1993 *Померанцева Е.С.* Анненков Юрий Павлович // Писатели русского зарубежья (1918–1940): Справочник. М., 1993. Ч.1. С.46-51.
- Портреты *Анненков Ю.* Портреты / Текст Евгения Замятина, Михаила Кузмина, Михаила Бабенчикова. Пг.: «Петрополис», 1922.
- Поспелова 1997 *Поспелова Ю.* Герра и Муму: Правдивый рассказ о невероятном французе, который в Париже коллекционирует все русское // Домовой (М.). 1997. №7. С.74-82.
- Пунин 1921а *Пунин Н.* Татлин (против кубизма). Пг., 1921.
- Пунин 1921б *Пунин Н.* В дни Красного Октября (Отрывки воспоминаний) // Жизнь искусства. 1921. 8 нояб. №816. С.1.
- Пунин 1922 *Пунин Н.* Выставка «Мир Искусства». (Окончание, см. №22 «Ж.И.») // Жизнь искусства. 1922. 13 июня. №23 (846). С.1.
- Пяст 1997 *Пяст В.* <Пестовский В.А.> Встречи / Вступит. ст., подг. текста и коммент. Р.Тименчика. М., 1997.
- Радлов 1919 *Радлов С.* Основы театра. II. О носителе единой воли в театре. Ложные претенденты // Жизнь искусства. 1919. 27-28 дек. №328/329. С.1.
- Радлов 1994 *Радлов С.* Воспоминания о Театре Народной комедии / Публ. П.В.Дмитриева // Минувшее: Истор. альм. Вып.16. М.; СПб., 1994. С.80-101.
- Рваная эпопея *Темиряев Б.* <Анненков Ю.> Рваная эпопея: Повесть // Новый журнал. 1960. №59. С.22-40; №60. С.29-67; №61. С.25-62.
- Редько 1974 *Редько К.* Дневники. Воспоминания. Статьи / Сост. и автор вступит. ст. В.И.Костин. М., 1974.
- Рождественский 1974 *Рождественский В.* Страницы жизни: Из литературных воспоминаний. Изд.2-е, доп. М., 1974.
- Ронен 1999 *Ронен О.* Пути Шкловского в «Путеводителе по Берлину» // Звезда. 1999. №4: Владимир Набоков: К 100-летию со дня рождения. С.164-172.
- Сарабьянов 1992 *Сарабьянов А.Д.* Юрий Анненков // Известный русский авангард в музеях и частных собраниях. М., 1992. С.44.
- Северюхин, Лейкинд 1994 *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941): Биогр. словарь. СПб., 1994.
- Северюхин и др. 1999 *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья 1917–1939: Биогр. словарь. СПб., 1999.
- 17 портретов *Анненков Ю.* Семнадцать портретов: Альбом / Предисл. А.В.Луначарского. Л., 1926.
- Струтинская 1990 *Струтинская Е.* «Дыханье века моего» // Театр (М.). 1990. №8. С.118-137.
- Тихонова 1992 *Тихонова Н.* Девушка в синем. М., 1992.
- Толстой 1997 *Толстой А.* Анненков Юрий (Жорж) Павлович // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века:

- Энцикл. биогр. словарь. М., 1997. С.36-38.
- Форш 1990 *Форш О.* Летошний снег: Романы, повесть, рассказы и сказки / Сост., вступит. ст. и коммент. Г.П.Турчиной. М., 1990.
- Фролова 1989 *Фролова О.* Портреты Юрия Анненкова // Искусство. 1989. №8. С.42-47.
- Хейзинга 1992 *Хейзинга Й.* Homo ludens // *Хейзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г.М.Тавризян. М., 1992. С.5-240.
- Ходасевич 1997 *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4-х тт. М., 1997. Т.4.
- Чуковский 1991 *Чуковский К.* Дневник 1901–1929. М., 1991.
- Чуковский 1994 *Чуковский К.* Дневник 1930–1969. М., 1994.
- Чуковский Н. 1989 *Чуковский Н.* Литературные воспоминания. М., 1989.
- Чукоккала 1979 *Чукоккала:* Рукописный альб. Корнея Чуковского. М., 1979.
- Шаховская 1991 *Шаховская З.* Юрий Анненков // *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С.293-295.
- Шаховской 1978 *Шаховской Д.М.* Общество и дворянство российское. Ренн, 1978. Т.1: А – Апл. С.290 («Анненков Павел Семёнович»).
- Шишкин 1999 *Шишкин О.* Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999.
- Шкловский 1919а *Шкловский В.* Дополненный Толстой // Жизнь искусства. 1919. 4–5 окт. №259/260. С.2.
- Шкловский 1919б *Шкловский В.* Искусство цирка // Жизнь искусства. 1919. 4–5 нояб. №284/285. С.1.
- Шкловский 1919в *Шкловский В.* Сюжетный сдвиг (о Лоренсе Стерне и его романе «Тристрам Шенди») // Жизнь искусства. 1919. 26 дек. №327. С.1.
- Шкловский 1920а *Шкловский В.* Как сделан «Дон-Кихот» // Жизнь искусства. 1920. 17 февр. №373. С.2-3; 19 февр. №375. С.1-3; 20 февр. №376. С.1.
- Шкловский 1920б *Шкловский В.* «Народная комедия» и «Первый винокур» // Жизнь искусства. 1920. 17-19 апр. №425-427. С.2.
- Шкловский 1921 *Шкловский В.* «Тристрам Шенди» Стерна и теория романа. Пг., 1921.
- Шкловский 1923 *Шкловский В.* Ход коня: Сб. ст. М.; Берлин: «Геликон», 1923.
- Шкловский 1966 *Шкловский В.* Жили-были: Воспоминания; Мемуарные записи; Повести о времени: С конца XIX в. по 1964 г. М., 1966.
- Шкловский 1990 *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. М., 1990.
- Шкловский 1993 *Шкловский В.Б.* Письма М.Горькому (1917–1923 гг.) / Прим. и подг. текста А.Ю.Галушкина // De Visu. 1993. №1. С.28-46.
- Шкловский 1994 *Шкловский В.* Письма. Статьи / Вступит. ст., подг. текста и прим. А.Ю.Галушкина // Тыняновский сборник: Пятое Тыняновские чтения. Рига; М., 1994.
- Элькан 1960 *Элькан А.* «Дом Искусств» // Мосты: Лит.-худож. и обществ.-полит. альб. (Нью-Йорк). 1960. №5. С.289-298.
- Юткевич 1923 *С.Ю.* <Юткевич С.И.> Об Анненкове и его портретах // Эхо: Двухнедельный журн. (М.). 1923. №6. 1 февр. С.7-8.
- Юткевич 1990 *Юткевич С.* Собр. соч.: В 3-х тт. М., 1990. Т. 1: Молодость.

- Якобсон 1931 *Якобсон Р.* О поколении, растратившем своих поэтов // Смерть Владимира Маяковского. Берлин: «Петрополис», <1931>.
- Crystal 1994 *The Cambridge Biographical Encyclopedia / Ed. by D.Crystal.* Cambridge, <1994>.
- Dominique 1958 *Dominique L. G.Annenkov.* Paris, 1958.
- Heller 1988 *Heller M.* Preface // *Annenkov I.* (B.Temiriazev). La Révolution derrière la porte / Trad. par A.Coldefy-Faucard. Préface de M.Heller. <Paris:> «Lieu Commun», <1988>. P.7-15.

В.Купченко
ГАЗЕТЫ, ЛЮДИ И СОБЫТИЯ...
М.А.Волошин в Париже в 1911–1912 гг.
Хроника

1

Пристрастие Максимилиана Волошина к французской культуре было отмечено еще его современниками как одна из характерных черт его творчества и личности. Ярче всего это обобщила М.Цветаева в своем гениальном очерке «Живое о живом»: «Явным источником его творчества <...> до войны была бесспорно и явно Франция. <...> Он так и жил, головой обернутый на Париж¹. Сам Волошин констатировал, что до революции «пользовался репутацией поэта, который пишет по-русски так, как будто по-французски»².

Этот феномен для творческой интеллигенции начала века был нечастым исключением: большая ее часть ориентировалась, прежде всего, на Германию. Та же Цветаева очень хотела найти в Волошине любимое ею германство – и сделала попытку (увы, неубедительную) его утвердить³. Даже жена поэта М.В.Сабашникова (во многом, впрочем, не принимавшая его и потому не понимавшая) отказывалась верить, что «Максу» «Франция и латинство» могут быть ближе «немецкого мистицизма»⁴. Однако сам Волошин, подчеркнув отсутствие у себя «признака латинской крови», со всей определенностью заявлял: «Я всегда чувствовал близость только к латинским культурам (Франция, Италия, Испания), языкам латинского корня и полную чуждость Германии, ее языку и культуре»⁵.

¹ Цветаева М. Избранная проза. В 2-х тт. Т.2. Нью-Йорк, 1979. С.71.

² Волошин М. Автобиография // Литературное обозрение. 1989. №2. С.99.

³ Цветаева М. Указ изд. С.73.

⁴ Письмо к Волошину от 12/25 марта 1908 г. – ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед. хр.1060.

⁵ Ежов И., Шамурин Е. Русская поэзия XX века. М., 1925. С.568.

Стоит задуматься: каким образом выпускник феодосийской гимназии и студент Московского университета, притом наполовину немец по крови, так прикипел к латинству – чуждому, по общему мнению, славянской душе. Что его привлекало в нем так сильно?

В разных статьях Волошин называет те свойства французской нации, которые были для него привлекательны. «Француз в частной жизни – на улице, в торговом доме, в свободной профессии – любезен, остроумен и энергичен». «Французский ум – это ум творческий, изобретающий, открывающий новые пути»; «гений Франции – это гений изобретений и начинаний» (но «не применения и не метода»)². Поэт высоко ставит «острую, критикующую, едкую» мысль Франции³. Ему импонирует живость характера французов, страсть к игре, к художественности во всем – в публичных балах, народных празднествах, уличных процессиях⁴. Сравнивая французов со швейцарцами, он отмечает «человечность» первых: «каждый мужчина – мужчина», «женщина – женщина», а не «просто двуногое»⁵. «Французское легкомыслие – одна из форм эзотеризма», – записывает он в дневнике 23 ноября 1907 г.⁶

Пленяет Волошина и духовный консерватизм латинства, его приверженность форме. «Латинский дух отличается от славянского исторической насыщенностью и способностью быстрой кристаллизации (то именно, что во французском искусстве сказывается чувством формы)», – определяет он в статье «Франция и война»⁷. А в лекции «Верхарн» (1916 г.) отмечает «строгие и требовательные рамки латинской традиции и французского вкуса». (Здесь же он называет французское искусство «величайшей драгоценностью Европы – ее цветком, ее чувством, ее мыслью»⁸). В уже цитированной «Автобиографии» Волошин признается: «Форме и ритму я учился у латинской расы. Французская литература была для меня дисциплиной и образцом»⁹. А в другой «Автобиографии» конкретизирует, что учился «художественной форме – у Франции, чувству красок – у Парижа, логике – у готических соборов, средневековой латыни – у Гастона Париса, строю мыслей – у Бергсона, скептицизму – у Анатоля Франса, прозе – у Флобера, стиху – у Готье и Эредиа»¹⁰.

Следует заметить, что западничество Волошина начиналось все-таки с Германии: в гимназии он переводил Г.Гейне, Л.Уланда, Ф.Фрецилграта, прошел через страстное увлечение Г.Гауптманом. Однако, попав в конце 1899 г. в Париж, начинающий поэт был покорен «столицей столиц» навсегда. И порвав с университетом в 1901 г., он едет учиться именно туда – с глобальной целью «познать всю европейскую культуру в ее первоисточни-

¹ Волошин М. Серии катастроф // Московская газета. 1911. 8 ноября.

² Волошин М. «Liberté» // Там же. 19 сентября.

³ Волошин М. Разговоры (рукопись, 1916). – ИРЛИ. Ф.562. Оп.1. Ед.хр.306.

⁴ Волошин М. «Обозрения» // Русь. 1905. 8 марта.

⁵ Письмо к матери от 16 января 1915 г. – ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.63.

⁶ Волошин М.А. История моей души. М.: «Аграф», 1999. С.185.

⁷ Волошин М.А. Автобиографическая проза. М.: «Книга», 1990. С.182.

⁸ ИРЛИ. Ф.562. Оп.1. Ед.хр.316.

⁹ Волошин М. Автобиография // Указ. изд. С.99.

¹⁰ Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: «Советский писатель», 1990. С.31.

ке»¹. Здесь-то, за два последующих года, и происходит поворот Волошина к латинству (в 1902 г. еще дополнившийся пристальным интересом к католицизму). 5/18 марта 1902 г., отвечая на выраженное Л.О.Вяземской подозрение «не заразился ли он декадентством», Волошин утверждает свои симпатии к импрессионизму («со времени Возрождения живопись не переживала такого периода расцвета», «Родена я считаю гением») и проявляет хорошее знание новейшей французской литературы, называя среди тех, кем увлечен, П.Верлена, Э.Верхарна, М.Вилье де Лиль-Адана, С.Малларме, Ж.Мореаса, А.Рембо². А к июлю 1904 г. поэт вынашивает идею стать провозвестником новой французской литературы в России. Доказывая в письмах к матери от 4 и 14 августа 1904 г., как мало знают там современную французскую литературу («вряд ли кто слышал о Ж.Гюисмане, Реми де Гурмоне, О.Мир-бо!»), он планирует трехлетнее «изучение французской литературы и искусства во всех ее новых и старых движениях» и уже мечтает о возможности «устроиться с постоянными рецензиями и отчетами» о ее новинках³.

2

Последний проект был осуществлен в полной мере. Волошиным опубликованы 123 статьи о литературе, искусстве, театре, истории Франции (еще 4 затерялись в редакциях, а 11 остались в рукописях). Это более половины всех его статей, появившихся в печати (206). Франции посвящен весь первый том его книги «Лики творчества», изданный в 1914 г. «Аполлоном». Помимо этого – 30 стихотворений, навеянных Парижем, Руаном, Реймсом, Иль де Франс, событиями Французской революции. Далее – переводы стихов П.Верлена, Э.Верхарна, В.Гюго, П.Клоделя, С.Малларме, А. де Мюссе, Ш.Пеги, А. де Ренье, А.Сюареса, Х.М.ЭрEDIA; двух драм – П.Клоделя и Вилье де Лиль-Адана; рассказов Ренье и Флобера; книги эссе П. де Сен-Виктора. Не забудем обращения Волошина к Франции и в качестве художника: россыпи набросков в блокнотах, пейзажи (в том числе знаковое полотно «Крыши Парижа»), десятки художественных фотопейзажей. Наконец пропагандистом французской культуры и истории поэт выступал и в качестве гида – ряд лет в дневных и ночных экскурсиях знакомя с Парижем десятки друзей и знакомых...

Свою дань *la belle France* в русской литературе отдали Брюсов и Бальмонт, И.Анненский и Ф.Сологуб, Н.Гумилев и Г.Шенгели. Но, похоже, Волошин обошел их всех в своем рвении и постоянстве (разве что И.Эренбурга можно поставить рядом с ним по количеству обращений к теме Франции)...

Оглядываясь на парижские годы Волошина, видишь некоторую разницу в содержании различных периодов. 1901–1902 гг. – это период постижения и накопления. В 1904–1905 гг. приходит время «разбрасывать камни». Если сначала поэт общался преимущественно с соотечественниками – худож-

¹ Волошин М.А. Из литературного наследия. Вып.1. СПб.: «Наука», 1991. С.126.

² Архив семьи Вяземских (СПб.).

³ ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.66.

никами, литераторами, профессорами и слушателями высшей Русской школы общественных наук, то постепенно в этот круг попадает все больше французов. 1 февраля 1904 г. Волошин пишет матери: «У меня теперь все больше и больше нарастает круг французских знакомых – и таких интересных. Познакомился с Верхарном! Проникаю теперь в самые избранные круги символистов – к Одлиону Редону, к Рене Гиллю»¹. Но только осенью 1911 г. происходит решительный поворот в этом плане – о чем Волошин со всей определенностью заявляет в письмах домой. Около 9 ноября 1911 г. он сообщает старому феодосийскому другу А.М.Петровой, что у него «много французских дружб», которые «крепнут и становятся гораздо более интимными»². А около 27 ноября пишет матери: «В этом году в Париже все ко мне как-то очень хорошо относятся и особенно французы. У меня завелось несколько французских дружб, чего раньше никогда не было»³.

(Особенности французской дружбы поэт позднее прояснит в воспоминаниях о последнем пребывании в Париже в 1915–1916 гг.: «честный и совестливый француз» учитывает каждую услугу, оказанную ему, и платит «парижскими знакомствами и связями». «Deux mots au bout d'une carte de visite»⁴ – вот обычная обменная парижская монета <...> и это дает возможность в Париже, при достаточном количестве верных, хотя бы и поверхностных друзей, чувствовать себя, как дома, во всех слоях и углах Парижа, а также устроить и пристроить своих друзей, попавших в Париж впервые»⁵.)

3

Пребывание в Париже в 1911–1912 гг. осуществилось благодаря «Московской газете», редакция которой предложила Волошину место своего парижского корреспондента. Репутация у газеты была не из лучших, но поэт предпочел закрыть на это глаза – лишь бы вновь оказаться в любимом городе, от которого был оторван почти три года.

Поселившись в ателье Е.С.Кругликовой (находившейся в России) на rue Boissonade, 17, Волошин пишет небольшие статьи об искусстве, театре, модах, политике (о последней, вопреки пожеланиям редакции, – меньше всего). И погружается в настоящий «людоворот», множа свои знакомства не по дням, а по часам. На устраиваемых им по понедельникам приемах посетители исчисляются десятками! Однако вскоре «Московская газета» из ежедневной превращается в еженедельную, отказывается от услуг Волошина – и 30 января/12 февраля 1912 г. он покидает Париж.

В предлагаемом читателю фрагменте из «Летописи жизни и творчества М.А.Волошина» эти без малого пять месяцев прослежены, по возможности, подневно – с включением получаемых поэтом писем, откликов о нем в пе-

¹ ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.66.

² Волошин М.А. Из литературного наследия. Вып.2. СПб.: «Алитейя», 1999. С.107-108.

³ ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.61.

⁴ Два слова на визитной карточке (фр.).

⁵ Волошин М.А. История моей души. Указ. изд. С.368.

чати и даже упоминаний в переписке сторонних лиц. Это должно дать определенную стереоскопичность и объективность – несмотря на то, что многие детали тех дней не сохранились. (Есть некоторая надежда, что в архивах поименованных здесь лиц еще обнаружатся какие-то письма Волошина или упоминания о нем.)

Из контекста, оставшегося за рамками публикации, следует упомянуть, что лето 1911 года было временем возникновения в Коктебеле «обормотского ордена» – и Волошин в Париже не утратил тяги к его участникам (прежде всего, к М.Цветаевой и Эфронам) и игрового настроения этих месяцев. На осень 1911 г. пришлось развязка одной из дружб поэта – с Елизабет Вайолет Харт (1878–1950), художницей-ирландкой, знакомство и связь с которой относятся к маю 1905 г. Отношения вскоре стали просто дружескими (возобладала любовь к М.В.Сабашниковой), но продолжались и после замужества Харт в 1908 г. В 1911 г. Харт довольно настойчиво зовет Волошина в Англию – но тайная встреча с замужней женщиной, по-видимому, не вдохновляла его...

Среди парижских знакомых поэта той поры – множество таких, чьи имена сегодня мало кому известны, но они – необходимый фон литературно-художественного процесса эпохи, все более интересный современным историкам. (При этом попадаются и такие звезды, как М.Метерлинк, П.Фор, Г.Аполлинер, Ф.Леже...)

В целом же хроника дает представление о рабочих буднях в Париже русского поэта, вынужденного зарабатывать на хлеб нелюбимой журналистикой и находящего отдушину в общении с людьми.

Общеизвестные деятели культуры оставлены без комментария. Приняты следующие сокращения:

МВ – Максимилиан Волошин;

ЕО – Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина, мать поэта;

АМП – Александра Михайловна Петрова;

МВС – Маргарита Васильевна Сабашникова.

А также:

«ЕИТ» – журнал «Ежегодник Императорских театров»;

«КЛ» – журнал «Книжная летопись»;

откр. – открытка, п. – письмо;

«РХЛ» – журнал «Русская художественная летопись»;

дни недели: пн., вт., ср., чт., пт., сб., вс.

1911. Москва, Париж

В пути

В Германии видит из окна всюду «передвижения войск»; после границы с Францией «встретила ночная канонада – маневры под Нанси».

Ок. 9(22) сентября, пт.

Приезд в Париж. Поселился в ателье Кругликовой (Буассонад, 17). Откр. от Л.Герольда¹ (видимо, ответная).

10(23) сентября, сб.

Вместе с Гловым² был на кладбище Монпарнас у могилы Е.П. и К.Я. Эфронов (по соседству с могилами П.Лаврова и Г.Гершуни).

Между 14 и 15 ч. посещает Л.Герольда (бульвар Pereire, 96); узнал у него имя синдика парламентской прессы (Ней).

– ЕО, в Коктебеле, пишет: получила откр. МВ из Москвы и с дороги. В Коктебеле Г.Петров³, Квятковский⁴, Субботина⁵.

12(25) сентября, пн.

Пишет Маковскому в СПб: статью о Богаевском «кончу к концу рус. сентября». Просит корреспондентскую карточку «Аполлона». В Москве «провел одни сутки»; для статьи о Рабенек⁶ хочет «собрать материалы о Дельсарте»⁷. Не нужна ли парижская хроника?

– Маковский, в Царском Селе, пишет в Коктебель: просит прислать оригинал поэмы «Кровь Марсия» и книги, взятые в редакции год назад (особенно нужен Мережковский).

13(26) сентября, вт.

Передает в «Московскую газету» по телеграфу информацию о взрыве в 5 ч. утра в Тулоне броненосца «Liberté».

Просматривает французские газеты (в частности, «Echo de Paris»).

14(27) сентября, ср.

Пишет корреспонденцию «Войны мы не хотим» – об обострении франко-германских отношений (начиная с «агадирского кризиса»).

¹ Герольд (Gerald) Лоренс, корреспондент газ. «Daily Telegraph».

² Глов Яков Александрович (1877–1938) – двоюродный брат МВ, переводчик и критик. Участник революционного движения.

³ Петров Григорий Спиридонович (1868–1925) – священник, публицист, лектор; с 1909 г. имел дачу в Коктебеле.

⁴ Квятковский Людвиг Лукич (1896–1977) – юноша-феодосиец, начинающий художник.

⁵ Субботина Капитолина – актриса Свободного театра, подруга В.Я.Эфрон.

⁶ Рабенек Элла Ивановна (урожд. Бертельс, в 1-м браке Книппер, ок. 1881 – ок. 1935) – танцмейстер, с 1909 по 1911 преподавала пластику в МХТ. Организатор студии пластических танцев в Москве.

⁷ Дельсарте Франсуа Александр-Никола Шери (1811–1871) – французский певец, вокальный педагог и теоретик сценического жеста.

– «Московская газета» печатает телеграфное сообщение из Парижа «от нашего спец. корреспондента» (о взрыве «Liberté»).

– Отправляет откр. Дризену¹ в СПб: извиняется, что не прислал статью «Впечатления сезона» («давно начатую и заброшенную»). Готов «держаться в курсе всего нового, что совершается в драматическом мире Парижа» (в случае согласия просит корреспондентскую карточку «ЕИТ»).

– Отправляет откр. редактору «Всеобщего журнала» И.Соломину²: узнав о появлении в журнале своей статьи о танцах в школе Рабенек, просит выслать «этот номер и гонорар». Готов сотрудничать.

– Был на похоронах Анри Уссэ³.

15(28) сентября, чт.

Приходит откр. от Н.Бутковской от 3 сентября (пересланная из Коктебеля) – с обещанием помочь Бобрищевой-Пушкиной⁴.

– Был на «малом вернисаже» Осеннего салона в Большом дворце Елисейских полей.

– Открытие выставки «диких» в помещении кабаре «Альказар» на Елисейских полях.

– Пишет В.Эфрон в Коктебель (получив ее п., а также пп. ЕО и «Копы»⁵): эти пять-шесть дней «так занят, так летаю из одного конца города в другой, читаю, говорю, пишу, вижу, встречаюсь»... Два дня «ездил по большим модным магазинам (Raquin, Doucè, Bére, Douillet)». Ни Бальмонтов, ни Гольштейнов еще нет. Вкладывает п. для Рабенек. Предлагает обустроить могилу матери и брата⁶ В.Эфрон. Просит адрес Е.Бобрищевой.

– Вкладывает откр. для Е.Эфрон – с портретом принцессы Елизаветы работы Гейнсборо⁷ и припиской: «Это одно из моих самых любимых лиц».

¹ Дризен (Остен-Дризен) Николай Васильевич (1868–1935) – барон, театральный деятель, редактор «ЕИТ».

² Соломин Илья Соломонович (1886–?) – журналист, редактор «Всеобщего журнала литературы, искусства, науки и общественной жизни» (СПб.), в №6 которого за 1911 г. была напечатана статья МВ «Культура танца».

³ Уссэ (Houssey) Анри (1848–1911) – французский литератор, историк и искусствовед.

⁴ Бутковская Наталья Ильинична (1878–1948) – спб. издательница, 2-я жена А.К.Шервашидзе.

Бобрищева-Пушкина Евгения Александровна (1890–1978) – начинающая актриса.

⁵ Летние гости Волошиных: москвички Вера Яковлевна Эфрон (1888–1945) – актриса и Капитолина Петровна Близниченко («Копя»), дочь отставного полковника (гостившая со своей сестрой Антониной, по прозвищу «Тюня»).

⁶ Эфрон Елизавета Петровна (урожд. Дурново; 1853–1910) и ее сын Константин Яковлевич (1895–1910), похороненные на кладбище Монпарнас.

⁷ Эфрон Елизавета Яковлевна (1885–1976) – актриса, педагог. Портрет английской принцессы Елизаветы кисти Т.Гейнсборо находится в Эрмитаже.

16(29) сентября, пт.

Кругликова (в Москве?) пишет: Толстые уже в СПб. В Париже ли А. Зиновьев¹? Прилагает чек на 300 фр. на разные уплаты. Сообщает, что приедет не раньше, чем через два месяца.

17(30) сентября, сб.

В «Московской газете» – «Войны мы не хотим (письмо из Парижа)».

18 сентября (1 октября), вс.

Едет в местечко Медон, в бывшую усадьбу Э. Золя, где отмечалась девятая годовщина его смерти. С речью выступил О. Рони (старший), среди сотни собравшихся (в основном писателей и журналистов) – А. Дрейфус и вдова Золя.

– Пишет Е. Эфрон в Москву: «живу страшно интенсивно». «Читаю десяток газет в день, посещаю все торжест. события, церемонии и скандалы, библиотеки, театры, церкви. Пишу корреспонденции, рисую в академии, езжу по модным портнихам <...>, пишу открытки во все страны света». «Передай Кранд<иевскому>, что Скирмунта еще не видел»².

19 сентября (2 октября), пн.

Был на закрытии выставки «Париж XVIII века» (организованной Марселем Поэтом³) в библиотеке Hôtel de Ville (мэрии).

– В газете «Московская вестъ» (понеделничный выпуск «Московской газеты») – статья «Liberté» (национальное бедствие, 204 убитых, 185 раненых).

– ЕО, в Коктебеле, пишет: приходит в ужас от бульварности «Московской газеты». Завтра уезжают В. Эфрон и Л., остается Лямин⁴.

20 сентября (3 октября), вт.

В «Московской газете» – статья «Бунт машин».

– В 13 ч. посетил Н. Ауэр⁵, по ее приглашению (ул. Аббатства, 14).

21 сентября (4 октября), ср.

Получил откр. от Дризена из СПб.: ждет статью «Эдип и Карамзовы». Для «ЕИТ» пишет Л. Лакур⁶, советует повидаться с ним (ул. Montenote, 9).

¹ Зиновьев Александр Прокофьевич (1875–1942) – гравер-офортист, член кружка художников «Монпарнас».

² Крандиевский Василий Афанасьевич (1861–1928) – публицист, редактор-издатель журнала «Бюллетени литературы и жизни» (М.).

Скирмунт Сергей Аполлонович (1863–1932) – московский издатель.

³ Поэт (Poète) Марсель (1866–1950) – французский писатель, краевед.

⁴ Л. – Людвиг Квятковский; Лямин Михаил Сергеевич (1883–?) – химик, двоюродный брат МВ. Оба – гости первого «лета обормотов» в Коктебеле.

⁵ Ауэр Надежда Евгеньевна (урожд. Пеликан, 1855–1932) – жена скрипача, профессора Л. С. Ауэра.

⁶ Лакур (Lacour) Леопольд (1854–1939) – французский критик.

22 сентября (5 октября), чт.

Пишет к АМП в Феодосию – на откр. с портретом короля Фердинанда работы Эль Греко): «Бальмонтов еще нет. Стараюсь заинтересоваться политикой. Изучаю моды. Попал в мир балета». Восторгается Греко.

– В Карлсруэ Штейнер начинает цикл лекций «От Иисуса к Христу»; среди слушателей – МВС.

– М.Цветаева, в Москве, пишет (получив откр. МВ): просит узнать адрес Э.Ростана. Играет ли С.Бернар? Просит зайти на ул. Бонапарт – передать привет ее квартирной хозяйке. Почему согласился писать в такой жалкой газете? Сегодня приезжает Вера <Эфрон> с Людвигом.

23 сентября (6 октября), пт.

Пишет В.Эфрон в Коктебель – на откр. с «Пиетой» – картиной XV в. из Лувра (примеч.: «это одна из самых моих любимых картин»). Сегодня был в классе у танцовщицы Н.Трухановой¹: на будущей неделе приглашен в балетную школу в Большую Оперу. Получил п. от Копы <Близниченко> из Москвы.

– В «Московской газете» – статья «Девятая тризна» (годовщина Э.Золя).

24 сентября (7 октября), сб.

Пишет Маковскому в СПб.: получил корректуры «Марсия»², книгу Ренье выслал вчера. Просит «рублей сто в счет гонорара».

– Отправляет откр. ЕО в Коктебель: получил от Кругликовой п., что она вернется месяца через два. Приехала А.Гольштейн³. Познакомился с Трухановой и И.Хлюстиным⁴, «новым директором балета Grande Opera».

25 сентября (8 октября), вс.

Был на французской постановке «Братьев Карамазовых» в Театре искусств.

– В СПб. выходит «Аполлон» №7 со статьей «Клодель в Китае».

26 сентября (9 октября), пн.

В газете «Московская весть» – статья «Святылища мод» (модные «дома» Поля Пауре, Дусе, Дуйе, Бэра, Пакэн).

27 сентября (10 октября), вт.

В «Московской газете» статья «Обед в 280 миллионов» (дан министром ин. дел Германии А.Кидерленом послу Франции в Берлине П.Камбону, по материалам газет «Excelsior», «Echo de Paris» и др.).

¹ Труханова Наталья Владимировна (1885–1956) – танцовщица, с 1907 – в Grande Opera. С 1914 – жена генерала А.А.Игнатьева.

² Поэма Анри де Ренье «Кровь Марсия» в переводе МВ была напечатана в «Аполлоне» №1 за 1912 г.

³ Гольштейн Александра Васильевна (урожд. Баулер, в 1-м браке Вебер, 1850–1937) – народоволка, писательница, критик.

⁴ Хлюстин Иван Николаевич (1862–1941) – балетмейстер.

28 сентября (10 октября), вт.

Надписывает «Стихотворения» «дорогому Юргису <Балтрушайтису>. Знак моей глубокой любви к поэту и человеку».

– Пишет К.Кандаурову в Москву: корреспондентские дела «не дают заняться ни рисованием, ни литературой». Осенний салон мало интересен, но кубисты перещегооляли «валетов». «Здесь сейчас Балтрушайтис. А Бальмонт в Бретани».

– Пишет В.Эфрон (на откр. с автографом мадам Ролан из Национального архива) в Москву: «Какая гадость “Московск. газета”!»

– В «Московской газете» – статья «Выставки Парижа» (выставка М.Поэта, выставка восточных мотивов в Лувре, театральная выставка Бакста).

– В газете «Крымский курортный листок» – статья «Курортное благоустройство Коктебеля» (б.п.): курортный поселок все более входит в моду, за последние три года сильно вырос. Но – нет ни аптеки, ни врача; гостиница лишь одна («Крит»); почта доставляется ежедневно лишь благодаря частной инициативе. Возникло Общество благоустройства. Упоминается МВ.

29 сентября (12 октября), чт.

В «Московской газете» – статья «Кубисты» (считает их временной группой, объединившейся, «чтобы легче войти в искусство»; отмечает «много вкуса» у Ле-Фоконье и А.Лота, «большую силу в передаче движения» у Глэза, красочную красоту композиций Ла Френе¹).

– Пишет Е.Эфрон в Москву: сегодня получил п. от Марины. «Пошли Веру познакомиться с Кандауровыми». Здесь Балтрушайтис (с которым «не виделся три года»).

В течение сентября (?)

А.Мерсеро², узнав о приезде МВ в Париж, приглашает его завтра, во вторник, в кафе «Клозери де Лиля» на первое собрание журнала «Vers et Prose» («Стихи и проза»), который он редактирует вместе с П.Фором. Прилагает программу литературного утра, организованного им в Осеннем салоне в прошлом году.

Конец сентября (?)

Харт, в Ринси Лейн (Корнуэлл), пишет: уже готова была «порвать все связи с тобой», но узнав (через мужа), что МВ в Париже, заколебалась. Была бы решительнее, если б он сказал, что охладил к ней. Но... просит «очень длинное письмо». Вспоминает Коктебель, Богаевского, Петрову, сестер Герцык. Посылает свою и сына фотографии.

¹ Французские художники Анри Ле-Фоконье (1881–1946), Андре Лот (1885–1962), Альбер Глэз (1881–1953), Роже Ла Френе (1885–1925).

² Мерсеро Александр (1884–1945) – французский поэт (псевд. Эсмер-Вальдор), сотрудник журнала «Золотое руно».

– А.А.Вернер¹, в Париже, сообщает о своем переводе в Лондон. Просит сообщить свой адрес Бальмонтам, когда они вернутся в Париж. Жена вернется к Рождеству.

1(14) октября, сб.

Пишет к ЕО в Коктебель: «Московская газета» собирается посвятить номер 25-летию литературной деятельности Бальмонта. Если будет платить аккуратно, «у меня будет приблизительно 240 р. в месяц».

– М.Цветаева, в Москве, пишет: завтра переезжаем – с Сережей, Верой и Лилей – на новую квартиру (Сивцев Вражек, д.19, кв.11). Почему с Сережей «за все лето слова не сказал»?

2(15) октября, вс.

В «Московской газете» – статья «Гений головокружения» (Е.Раковиц²).

– ЕО, в Коктебеле, пишет: из оборотов милее всех для меня Вера.

3(16) октября, пн.

В газете «Московские вести» – статья «Все мы будем раздавлены автомобилем» (с предсказанием перенесения пешеходного движения в городах на высоту верхних этажей в течение ближайших десяти лет).

4(17) октября, вт.

В «Московской газете» – статья «Анри де Гру»³. МВ был на вечере в его честь в «Клозери де Лила», устроенном сотрудниками журнала «Vers et Prose».

5(18) октября, ср.

М.Ликиардопуло⁴ надписывает МВ свое фото: «Дорогому Максиму в память дружбы и вражды». «Вместе с Бальмонтами» провозжает Балтрушайтиса «обратно в Швейцарию».

– Пишет ЕО в Феодосию, сообщая адреса Гольдовских, Е.Эфрон, Копы. Из газет знает о приезде в Москву И.Цветаева. «Заказал своему портному» смокинг (необходимый для Grande Opera), пиджачную пару и осеннее пальто. Приходится много тратить «на журналы, книги и театры». Готов пишет (об авиации и театрах) в маленькие газеты.

¹ Вернер Алексей Антонович (1868 – до 21 мая 1932) – журналист, писатель, путешественник (основатель журнала «Вокруг света»). Его жена Софья Николаевна Вернер (урожд. Арндт, в 1-м браке Измайлова).

² Раковиц Мария-Жозефина Элен (урожд. Деннигес, 1843–1911) – дочь баварского дипломата, жена румынского дворянина Янко Раковица, затем – артиста Фридмана. Покончила с собой в Мюнхене 21 сентября (4.X).

³ Гру (Groux) Анри де (1867–1930) – бельгийский живописец и скульптор.

⁴ Ликиардопуло Михаил Федорович (1883–1925) – критик и переводчик, секретарь журнала «Весь».

– Пишет откр. Р.Гольдовской в Москву: «газеты, люди и события отнимают все минуты». Благодарен А.В.Израельсон¹, открывшей мир моды. Бывает у Н.Е.Ауэр. «Началась дружба» с Трухановой.

6(19) октября, чт.

К.Бальмонт (приехавший ненадолго из Бретани) надписывает МВ свои «Испанские народные песни. Любовь и ненависть» (М., 1911): «Максу, певцу полыни, пахучей и острой, певцу звездного острья, касающегося нашей Матери-Земли больно и радостно. 19 октября. Пасси».

– Маковский, в Царском Селе, пишет: корреспондентский билет выслан. Из Парижа для «Аполлона» уже пишут Тугендхольд, Жан де Гурмон и Кальвокоресси². «Жду с нетерпением статью о Богаевском!»

7(20) октября, пт.

Вечером пишет В.Эфрон в Москву (получив ее откр.): за это время отправил ей уже 5 открыток, «3 – Лиле, 4 – Сереже» и по одной – Копе, Марине и Асе <Цветаевым>. «Как прошел приезд марин<инога> отца?»

– ЕО, в Феодосии у АМП, пишет: приехала сюда вчера. Завтра выезжает в Москву, остановится в квартире Эфронов (Сивцев Вражек, 19).

9(22) октября, вс.

Надписывает «Стихотворения»: «дорогой Марье Сергеевне <Безобразовой>³ – знак глубокой симпатии».

– В этот день (?) Харт, в Ринси Лейн (получив п. от МВ), пишет ему, предлагая встретиться в Лондоне, где она собирается быть через две недели, к 24 октября (6 ноября). Думает о встрече с радостью и страхом; не уверена, что любит его «полнокровно и непоколебимо». В пн. (10 октября?) заканчивает п.: могли бы снять комнаты в Хэмптон Корте или Сифорде: в Лондоне слишком много знакомых. «Не верю, что наша совместная жизнь была бы благом для нас». Благодарит за новые стихи, просит привезти его гуаши.

10(23) октября, пн.

В «Московской газете» – статья «Мужские моды» (с заключением: «как это, должно быть, скучно и страшно – быть элегантным мужчиной»...).

¹ Израельсон Александра Васильевна, знакомая Л.С.Бакста.

² Тугендхольд Яков Александрович (1882–1928) – искусствовед; Гурмон Жан де (1877–1928) – французский романист, поэт и критик, брат Реми де Гурмона; Кальвокоресси Михаил Д. (1877–1944) – музыкальный критик (грек по национальности).

³ Безобразова Мария Сергеевна (урожд. Соловьева, 1863–1919) – сестра философа В.С.Соловьева, детская писательница.

– Был у Б.Матвеева¹ (ул. Dulac, 4), не застал. Оставил записку – с предложением нарисовать афишу Трухановой.

– Приезд ЕО в Москву; селится в «обормотнике» (Сивцев Вражек, 19).

11(24) октября, вт.

Отправил п. Е.Янтареву² в Москву – по получении его п. с просьбой «статьи для юбилейного № о Бальмонте». Каждый день видится с Балтрушайтисом (который здесь «на несколько дней»). Корреспондентский билет получил. Несколько раз писал Э.Бескину³ – но безответно. Почему не напечатаны телеграммы о Богрове и о демонстрации против войны? Говорил с корреспондентом «Русского слова» (А.Вернером), просматривает «Temps» и «Debat». (Конверт к этому п. был в Ф.1318. Оп.2. №1).

– К.Кандауров посылает Богаевскому «образец статей Макса» – об «отомленных панталонах Поля Бурже» («Мужские моды»).

12(25) октября, ср.

В «Московской газете» – статья «Грядущая Ева и Эдисон» (о недавнем посещении Эдисоном Европы и о романе Вилье де Лиль Адана «Грядущая Ева» – где изобретатель выведен в качестве героя).

– В этот день (?) пишет В.Эфрон в Москву (на откр. с японским пейзажем в дождь): написал Рабенек «еще письмо о тебе». «Эти дни был поглощен приездом Бальмонта и отъездом Балтрушайтиса». «“Мос. газета” из рук вон плоха» – но дает возможность провести эту зиму в Париже. (Откр. приходит в Москву 16 октября, отправлена, видимо, 13).

13(26) октября, чт.

Е.Зноско-Боровский⁴, в СПб., просит указать французскую пьесу XIX в., наиболее подходящую для постановки на французской выставке в «Аполлоне». Маковский и Н.Врангель⁵ в будущий чт., вероятно, уже будут в Париже.

14(27) октября, пт.

В «Московской газете» – статья «Междоусобия в Удже» (Марокко).

¹ Матвеев Борис Николаевич (1873–1919) – живописец, член кружка «Монпарнас».

² Янтарева Ефим Львович (наст. фам. Бернштейн, 1880–1942) – секретарь редакции «Московской газеты», поэт и журналист.

³ Бескин Эммануил Мартынович (1877–1940) – редактор «Московской газеты».

⁴ Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884–1954) – секретарь журнала «Аполлон», театровед, шахматист.

⁵ Врангель Николай Николаевич (1880–1915) – барон, искусствовед, сотрудник журналов «Аполлон» и «Старые годы».

– Балтрушайтис, в Веве, благодарит МВ за сердечность и внимание в Париже. «Благополучно ли прибыл Бальмонт к морю?»

– В «Московской газете» – статья А.Черепнина «В студии освобожденного тела (У Е.И.Книппер-Рабенек)».

15(28) октября, сб.

Пишет ЕО в Москву (получив ее откр. «с дороги»): просит зайти в «Московскую газету» – не высылающую жалование за октябрь, и в издательство «Сфинкс» (задолжавшее 300 р.). Приходится уже делать долги.

– А.Смирнов¹ сообщает о своем приезде в Париж (на два года). Остановился в Hôtel des américains. Крайне нужен адрес Е.Цветковской².

– Р.Гиль³ пишет Брюсову, что недавно водил МВ к М.Ленуару⁴.

– ЕО, в Москве, пишет: «в гнезде оборотов чувствую себя очень хорошо».

16(29) октября, вс.

В «Московской газете» – статья «Катехизис международной морали» (о книге А.Лихтенберже⁵).

17(30) октября, пн.

В газете «Московская весть» – статья «Салон мебели» (четвертый).

19 октября (1 ноября), ср.

Пишет ЕО в Москву: денег из «Московской газеты» по-прежнему нет; «на истекшей неделе» из семи корреспонденций напечатаны всего две. «Вижу массу людей и каждый день знакомлюсь все с новыми и очень интересными». МВС поселилась в Мюнхене, там же Е.Бальмонт и Эллис. Просит узнать для Е.Цветковской подробности смерти ее отца.

– Начинает записи в ежедневнике «Agenda-Repertoire» (Записная книжка-реестр): «11 ч. ко мне Эренбург». В 18 ч. – визит А.Лентулова (?).

– Балтрушайтис, в Веве, благодарит за п. Написал Г.Крэгу о возможности приезда МВ в Лондон, обещает сведения о нем для статьи.

– В «Московской газете» – статья «Danses Idylles» В.Ходасевича (Рабенек и ее ученицы).

¹ Смирнов Александр Александрович (1883–1962) – литературовед-кельтолог, переводчик.

² Цветковская Елена Константиновна (1880–1943) – возлюбленная К.Бальмонта, затем – его 3-я жена.

³ Гиль Рене (наст. фам. Гильбер, 1862–1925) – французский поэт и критик, сотрудник журнала «Весь».

⁴ Ленуар Марсель (1872–1931) – французский поэт и художник.

⁵ Лихтенберже Андре (1870–1940) – французский историк.

20 октября (2 ноября), чт.

В «Московской газете» – статья «Театр апашей» (Новый свободный театр).

– Был у Мерсеро в 11 ч. (ул. Artistes, 36, кв. Архипенко). Ставит автограф и дату на книге В.Гюго «Océan».

– А.Меродак-Жано¹ пишет, – приглашая к себе «в Летний Альказар» от 16 ч. 30 до 19 ч. Приезд из Бретани Бальмонта (с А.Ивановой²).

– ЕО, в Москве, пишет: В.Эфрон «уже записалась в ученицы к Рабенек».

21 октября (3 ноября), пт.

В 4 ч. утра приход пьяного Бальмонта с Е.Цветковской. Отпустив ее к дочери (оставшейся без присмотра), успокаивает Бальмонта и затем отводит домой, на ул. де ла Тур. Днем идет в суд, к адвокату Лафон, ведущему дело Бальмонта (об оскорблении полиции, «несколько месяцев назад»). Делает запись об этом в дневнике. В 20 ч. – посещение А.Киселева³ (ул. d'Acacia, 51).

– В «Московской газете» – статья «Марсель Ленуар» (в его мастерской у Орлеанской заставы МВ был с Рене Гилем).

22 октября (4 ноября), сб.

Автограф и дата на книге J.Finot⁴ «L'Agonie et la Mort des Races» («Агония и смерть рас»).

– Был у Портнова (И.И.?)⁵. М.Селюк⁶ и Глотов заходили – и, не застав, оставили записку.

Рувейр⁷ сообщает А.Мерсеро, что, по его просьбе, послал МВ свою книгу «Le Gynécée» («Гинекей») (Париж, 1909).

– АМП, в Феодосии, пишет о смерти В.Полуэктова⁸ (18-го).

23 октября (5 ноября), вс.

В 15 ч. – у Р.Делоне⁹ (rue des Augustins, 3). С 16 до 19 – Ленгулов. Был также у Бальмонта, который «пришел в себя» (дневник, 6 ноября).

¹ Меродак-Жано Жан Алексис (1873–1919) – французский скульптор и график.

² Иванова Анна Николаевна (Нюша, 1877–1939) – племянница Е.А.Бальмонт, возлюбленная К.Бальмонта.

³ Киселев Александр Александрович (умер после 1918) – художник.

⁴ Фино Жан (1858–1922) – французский литератор, редактор.

⁵ Портнов Илья Ильич – феодосиец, актер-любитель, организатор концертов.

⁶ Селюк Мария Флоровна (ок. 1877–1938) – домашняя учительница, чл. ЦК партии с.-р.

⁷ Рувейр Андре (1879–1962) – художник-карикатурист и писатель.

⁸ Полуэктов Владимир Антонович (?–1911) – феодосиец, художник-любител.

⁹ Делоне Роберт (1885–1941) – французский художник. МВ знал с 1910 г. и его жену Сою Делоне (урожд. Терк, 1885–1980), тоже художницу.

– В «Московской газете» – статья «Маленькое кафе» (комедия Т.Бернара в театре Пале-Рояль).

– Маковский, в Париже, пишет: приехали вчера (с женой¹), приглашает к себе в отель «в удобный» день.

24 октября (6 ноября), пн.

Устраивает у себя прием (видимо, первый).

– Харт, в Ринси Лейн, получив п., сообщает: «уезжаем отсюда в четверг». Лучше всего, если бы МВ приехал между 27 октября и 7 ноября, на неделю. Хочет быть с ним в Сифорде, около Нью-Хевена (куда МВ должен прибыть из Дьеппа). В Лондон лучше приехать в другой раз (с Кругликовой).

– Кругликова, в Чегодаеве, пишет: читала статью МВ о Ленуаре. Брат² в этом году «сред» не возобновляет; Толстых видел раза два. «Много ли возобновил и нашел новых знакомств в Париже?»

25 октября (7 ноября), вт.

В «Московской газете» – статья «Памятник Бетховену» (работы Ж.Шармуа³).

– Пишет ЕО в Москву: начались журфиксы, бывает масса народу. «Очень часто вижу» Бальмонтов и Гольштейн. У Трухановой познакомился с драматургом Ж. де Порториш⁴ и актрисой Маржель⁵. Встретил ряд старых знакомых по первым годам в Париже: Меродака, Варио, Моно⁶.

– В 10 ч. 30 был на утреннике А.Дункан в театре Шатле.

В 15 ч. – встреча с Ф.Леже. В 18 ч. 30 был у Маковского в Hôtel Louvois.

– Кругликова отправляет (штемпель «Иваново») откр.: «напрасно ты выслал в Осенний Салон деньги, если не послал моих вещей».

– В этот день (?) А.Мерсеро пишет МВ; получили ли книгу Рувейра? Бурдель ждет нас в субботу. От Файе⁷ еще нет ответа.

27 октября (9 ноября), чт.

В «Московской газете» – статья «Джиоконда на аэропланах».

– В 16 ч. принимал Н.Вышеславцева⁸, в 19 ч. был на обеде у Т.Шартена⁹ (?) с А.Смирновым.

¹ Маковская Марина Эрастовна (урожд. Рындина, 1887–1973) – жена С.К.Маковского с 1910 г. (в 1905–1907 была женой В.Ходасевича).

² Кругликов Николай Сергеевич (1861–1920) – инженер путей сообщения.

³ Шармуа Жозе де (1879–1914) – французский скульптор.

⁴ Порториш Жорж де (1849–1930) – французский поэт и драматург.

⁵ Сведений о данном лице не найдено.

⁶ Варио Жан-Жам (1881–1962) – французский писатель.

Моно-Герцен Эдуар (1873–1962) – сын историка Г.Моно, внук А.И.Герцена, исследователь его творчества.

⁷ Файе Пьер-Антуан Гюстав (1865–1925) – французский коллекционер живописи (в частности, импрессионистов).

⁸ Вышеславцев Николай Николаевич (1890–1952) – художник.

⁹ Шартен Карел Теодорус (1878–1950) – голландский поэт и критик.

– В этот день (?) пишет откр. Е.Эфрон (пришла в Москву 30 октября): библиографию о Бальзаке поищет в книгах Спельберха-Лованжуля¹. Ведет «длинные собеседования с кубистами», собирается писать о них. Должен сводить Маковского «к массе художников», которых хотел бы привлечь на столетнюю выставку французского искусства в СПб. «Как ужасно мало времени, чтобы успеть полюбить всех прекрасных людей, которых встречаешь!»

– В этот день (?) пишет к АМП (откр. пришла в Феодосию 1 ноября) о Полуэктове. «У меня нет чувства земной, острой боли при смерти близких. А скорее радость за ушедших». «Московская газета» отвратительна – и к тому же не платит.

28 октября (10 ноября), пн.

Пишет ЕО в Москву, прося переговорить с редактором «Московской газеты» Э.Бескиным: должны 100 р. жалованья и 150 р. гонорара. Маковский «денег все не дает».

– Был у мадам Леже (rue de l'Ancienne Comedie, 13), в 14 ч. повел Маковского к Бревгингу² (?).

– М.Цветаева, в Москве, пишет: Пра на днях познакомилась с С.А.Толстой (у Е.Юнге). Вчера отдала в печать второй сборник стихов.

29 октября (11 ноября), сб.

В 10 ч. 30 – встреча с М.Маковской. В 14 ч. был у А.Мерсеро (бульвар Пор-Рояль, 38), откуда вместе с ним отправился к А.Бурделю (rue St. Péres, 1). В 21 ч. обедает у Трухановой.

30 октября (12 ноября), вс.

В 13 ч. был у Н.Ауэр.

– Отправил откр. ЕО в Москву: получил телеграмму о высылке 22 октября денег «Московской газетой» (172 р.) – но не телеграфом, а почтовым переводом (что берет «иногда до трех недель!»). 5 ноября, в день следующей выплаты, просит взять в редакции чек.

31 октября (13 ноября), пн.

Пишет Маковскому в 22 ч.: надеюсь увидеть завтра у Н.Е.<Ауэр>. Файе ждет нас в четверг, Редон – в пятницу. Пикар³ предлагает клише по мусульманскому искусству. Зак и М.Ленуар просят побывать в их мастерских. Завтра открывается выставка религиозного искусства в павильоне Марсан Лувра.

– В газете «Московская вестъ» – статья «Достоевский во Франции» (статьи А.Жида и А.Сюареса).

¹ Спельберх-Лованжуль Шарль де (1836–1907) – виконт, бельгийский литературовед.

² Бревгинг упоминается в статьях МВ как автор пейзажей Константинополя, однако в словарях художников не значится (возможна ошибка в написании фамилии).

³ Пикар Огюст – редактор издательской фирмы «Librairie Alphonse Picard et Fils» (1911–1914).

– В Москву, на адрес Эфронов (Сивцев Вражек, 19) приходит откр. коллекционера из Херсона А.М.Фадеева, просящего у МВ автограф (переадресована из Коктебеля).

2-я половина октября (?)

Пишет Харт об отсутствии денег на поездку в Англию (не сохр.).

Сентябрь – октябрь (?)

К.Чуковский, в СПб., пишет (на Буассонад, 17), – предлагая МВ взяться за переводы статей и стихотворений О.Уайльда для его собрания сочинений, выпускаемого журналом «Нива» в 1912 г.

В течение октября

Начинает переводить роман «Манетт Саломон» Гонкуров для «Сфинкса» (1-я главка и начало 2-й, всего 14 лл. – ИРЛИ. Ф.562. Оп.1. №401).

– В журнале «Всеобщий ежемесячник» №10 – статья А.Полянина «Несколько слов о современной поэзии», с упоминанием стихотворений МВ из «Киммерийской весны» (II, III, V) среди лучших.

– В журнале «Русская мысль» №10 – статья А.Белого «Десять лет “Северных цветов”», с отзывом о МВ и его статье «Аполлон и мышь» («длинная, претендующая быть глубокой»).

1(14) ноября, вт.

В 13 ч. был у Н.Ауэр (rue de l'Abbaye, 14) с Маковским, в 16 ч. – в театре «Femina» Л.Фуллер¹, в 21 – на Елисейских полях.

– Б.Ори-Робен², получив п. МВ, пишет ему о согласии участвовать «в петербургской выставке». Приглашает в свою мастерскую.

2(15) ноября, ср.

В 14 ч. был у Зака³, затем – у М.Маковской. В 21 ч., с Трапезниковым⁴, – у Делоне (Р. и С.).

– ЕО, в Москве, пишет: Марина женится на Сергее, свадьба в январе.

– В Большом Дворце Елисейских полей открыт Салон воздушного транспорта (работал до 18 декабря).

3(16) ноября, чт.

В 14 ч. заходит с Трапезниковым к Гольштейн, затем (вместе с ними?)⁵ – к Файе, для осмотра коллекции постимпрессионистов М.Фабра⁵; «после к Пикару». Получает извинение Маковского, –

¹ Фуллер Лои (Мария-Луиза, 1862–1928) – американская танцовщица, учительница А.Дункан.

² Ори-Робен Бланш – французская художница-прикладник.

³ Зак Эжен (Евгений Савельевич, 1886–1926) – художник парижской школы, автор графического портрета МВ.

⁴ Трапезников Трифон Георгиевич (1882–1926) – искусствовед, антрополог.

⁵ Фабр Морис (1845 – до 1911) – французский предприниматель, коллекционер, друг О.Редона. Часть его коллекции приобрел Файе.

неожиданно приглашенного на обед в посольство (по делам выставки).

– АМП, в Феодосии, пишет (получив п. МВ): Ребиков¹ «Вас называет “Максюша”». «Только “обормотов” больше не надо!»

– М.Цветаева, в Москве, сообщает о венчании в январе «с Сережей», приглашает быть ее шафером.

4(17) ноября, пт.

В 10 ч. 30 едет с Маковским (?) к Редону (авеню Ваграм, 129). В 15 ч. был, вместе с Маковским, на гала-концерте в Hôtel de Ville «в честь сербского короля»² (приглашения устроила Труханова).

Вечером был у П.-Ж.Ла Шене³; не застав, оставил визитку.

5(18) ноября, сб.

В 9 ч. с Варио – к Э.Буржу⁴. Около 14 ч. – визит к Н.Милюковой⁵. В 17 ч. едет к Циолковскому⁶.

6(19) ноября, вс.

Утром был у мадемуазель Бреден⁷, в 17 ч. – у Циолковского.

– Ла Шене пишет, сожалея о своем отсутствии, надеется увидеть МВ «в одну из последующих пятниц».

– ЕО, в Москве, пишет: вчера была в «Московской газете», получила 116 р. – и переводит МВ в Париж 306 франков 60 сантимов.

7(20) ноября, пн.

В 11 ч. – принимает Н.Милюкову, в 14 ч. 30 едет в ателье к Б.Ори-Робен (rue des Sablons, 11) для отбора ее произведений на выставку «Сто лет французской живописи».

– Н.Ауэр извещает об отъезде из Парижа на 10 дней.

– В этот день (?) Л.Бакст пишет, извиняясь за молчание. Приглашает в среду «часов в 5–6» (в чт. едет в Лондон). Привет Израельсон.

8(21) ноября, вт.

В 11 ч. встреча с М.Маковской, в 14 – в Музее декоративного искусства (в Лувре), в 18 ч. – у Э.Лафона⁸ (пл. Вогезов, 20), вечером – у Ла Шене. Записывает названия книг об Э.По (на английском яз.).

¹ Ребиков Владимир Иванович (1866–1920) – композитор-символист. Имел дачу в Феодосии, бывал у МВ в Коктебеле.

² Король Сербии Петр I (1844–1921).

³ Ла Шене (Жорже-Лашене) Пьер (1865–1948) – французский писатель, переводчик (на русский яз.).

⁴ Бурж Элемир (1852–1925) – французский писатель.

⁵ Милюкова Наталья Алексеевна (урожд. Савинская) – танцовщица школы Рабенек (артистический псевдоним – Н.Миль).

⁶ Циолковский (Ciolkowsky H.S.; ?– после 1930) – французский график и живописец.

⁷ Бреден (Bresdin, ок.1860–?) – дочь французского художника Родольфо Бредена (1825–1885), учителя О.Редона.

⁸ Лафон Эрнест – парижский адвокат, вел дело К.Бальмонта.

– В «Московской газете» – статья «Танцы в Париже» (Труханова, Р.Баде¹, А.Дункан).

– Р.Гольдовская², в Москве, пишет (отвечая): ее пьесу «Наследники» сняли в Малом театре по приказу из СПб. (под нажимом Союза русского народа). Нельзя ли устроить ее на какой-нибудь парижской сцене? Не возьметесь ли «за хлопоты о переводе и постановке?»

9(22) ноября, ср.

В 11 ч. 30 был у Гольштейн, с 17 до 18 – у Л.Бакста (бульвар Мальзерб, 112), в 21 ч. – у А.Смирнова (rue Toupin, 7).

– В «Московской газете» – статья «Серии катастроф».

– ЕО, в Москве, пишет: приводит отзыв графолога из Риги о МВ («ты редкий человек в России»). О С.А.Толстой.

– Кругликова, в Чегодаеве, пишет: «отдай оставшиеся у тебя деньги мадемуазель Селье³. Она писала, что ты принимаешь у себя по понедельникам».

10(23) ноября, чт.

В 14 ч. – у Гольштейн, вместе с ней поехал в Севр к Мечниковым⁴.

– В «Московской газете» – статьи «Сербский король в Париже» (с.1), «Луи Фуллер и Айседора Дункан» (с.2, за подписью «М.В.»).

– С.Кара-Мурза⁵, в Москве, уведомляет о прекращении «Московской газеты» как ежедневной: после 13 ноября будет выходить лишь по понедельникам.

1-я декада ноября (?)

Харт, в Хаммондсе, пишет о получении п. «Не приезжай в Англию <...>. Буду жить вместе с Володей⁶ в надежде на лучшую жизнь». Посылает ему 125 франков (5 фунтов), прося вернуть, «когда они будут не нужны», на банк.

11(24) ноября, пт.

Ставит автограф и дату на книгах О.Юзанна⁷ «Sottisier des Moeurs» («Сборник нравственных глупостей», 1911) и «Gustave Le Bon et Son Oeuvre» Э.Пикара⁸ («Гюстав Лебон и его творчество», 1909).

¹ Баде Режина (1876–1949) – французская актриса.

² Гольдовская Рашель Мироновна (урожд. Хин, в 1-м браке Фельдштейн, 1863–1928) – прозаик и драматург.

³ Возможно, художница из кружка «Монпарнас».

⁴ Биолог И.И.Мечников и его жена (с 1875) Ольга Николаевна Мечникова (урожд. Белокопытова, 1858–1944) – живописец и скульптор, член кружка «Монпарнас».

⁵ Кара-Мурза Сергей Георгиевич (1878–1956) – юрист, краевед, журналист (псевд. Саддукей).

⁶ Муж В.Харт Владимир Яковлевич Полунин (1880–1957) – художник.

⁷ Юзанн Октав (1852–1931) – французский литературный критик и искусствовед.

⁸ Пикар Эдмон – французский ученый и писатель.

В 19 ч. встречается с Н. Трухановой.

– Н. Милюкова пишет о намерении придти в 20 ч.: соскучилась! «Я Вас и видела только три раза, но кажется, что Вы мой давнишний хороший знакомый».

– А. Ремизов, в СПб., пишет, прося прислать стихотворение для «одного сборника» (без гонорара).

12(25) ноября, сб.

Получил п. Гольдовской. Е. Селевина¹ сообщила, что С. Соловьев² «сошел с ума». Пишет об этом ЕО в Москву. «Эти дни как-то особенно разрывался». Получил уже деньги из «Московской газеты», а от Рабенек – «громадное письмо» с массой фотографий и отчетом о ее школе. «Свадьба Марины и Сережи» представляется кратковременным «эпизодом», но «сразу сделает их обоих взрослыми». Видит в Марине «большую полноту натуры и инстинктивную самостоятельность ума».

– Ставит автограф и дату на книгах Ф. де Кюреля³ «Les Fossiles» («Ископаемые»), «Poems et Ballades» А. Суинберна и «Henri Poincaré» Ж. Сажере⁴.

В 17 ч. встреча с М. Маковской.

13(26) ноября, вс.

Отправил п. М. Цветаевой – отклик на известие о ее предстоящей свадьбе: вместо «одобрения или ободрения», ожидаемых ею, – соболезнования.

– В «Московской газете» – статья «Забывтый мастер» (Р. Бреден).

Познакомился с Верой Равич (женой П. Эфрона⁵) – адрес которой (ул. Кампань-Премьер, 9) узнал от Милюковой.

– Ставит автограф на книге «La Fille de Louis XVI» («Дочь Людовика XVI», 1908) Ж. Ленотра⁶.

14(27) ноября, пн.

Утром узнал о закрытии «Московской газеты», – испытал облегчение и радость. Пишет об этом ЕО в Москву, прося зайти в газету за расчетом. Кругликова вернется не ранее Рождества, – так что в Россию думает вернуться в январе. Досадно, что не платит «Сфинкс».

– Пишет Е. Янтареву, – прося разъяснений своего положения.

«После 12 ч.» был у портного Boneyds (rue de Choiseul, 23). Работал в Национальной библиотеке (книги о танце).

¹ Селевина Екатерина Владимировна (урожд. Романова, 1885–?) – петербурженка, двоюродная сестра В. С. Соловьева.

² Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942) – поэт, критик, переводчик.

³ Кюрель Франсуа де (1854–1928) – французский драматург.

⁴ Сажере Жюль (1861 – не ранее 1931) – французский писатель.

⁵ Равич Вера Михайловна – танцовщица, жена П. Я. Эфрона (1881–1914). В 1930-х – в Италии, крупный администратор в области кинематографии.

⁶ Ленотр Луи-Леон-Теодор Жослен (1855–1935) – французский историк.

– Дважды заходил к Маковскому (не заставая): оставил ему рисунки Циолковского, фотографии школы Рабенек и п. («Московская газета» закрылась, просит «обещанные деньги»).

– Вечером принимает гостей (был и К.Бальмонт). Получив пп. от ЕО и В.Эфрон, пишет последней о событиях дня. В.Равич с Милуковой будут приходить «упражняться в танцах». П.Эфрон в Давосе. Копа часто пишет, – отвечает ей открытками.

– Пишет снова ЕО (б.д.): в этом году «завязалось несколько французских дружб». Читает новые романы А.Франса и А. де Ренья (в периодике); в субботу должен познакомиться с А. де Шатобрианом¹.

– Р.Гиль пишет, – приглашая к себе 1 декабря.

– Балтрушайтис, в Вева, пишет: в чт. уезжаю в Москву. Крэг, возможно, будет в Париже. Просит ввести «в круг знакомств» Скирмунта.

– В «Московской газете» – статья «Madame Adan о Л.Толстом». 15(28) ноября, вт.

Был на приеме в «Belle Jardin» (?).

– В этот день (?) Б.Матвеев просит о свидании «завтра вечером»: передаст «билет для представления пьесы Лалуа»².

1-я половина ноября

Посетив Авиационную выставку в Большом дворце, начинает статью «Salon de l'Aviation» (не закончена. – ИРЛИ. Ф.562. Оп.1. Ед. хр.387).

16(29) ноября, ср.

Пишет Маковскому: «сегодня весь день разобран», но завтра (в чт.) может зайти. «Московская газета» погибла безвозвратно: получил подтверждение. В 14 ч. пришла Милукова. Оставив ее у себя, ушел (к 15-ти ч.) на концерт А.Дункан (танцы из опер «Орфей и Эвридика» Глюка и «Тангейзер» Вагнера). Затем был у Делоне. В 20-21 принимал Б.Матвеева, в 21 – А.Смирнова.

17(30) ноября, чт.

Получает откр. от Ф.Сологуба (на «несколько дней» приехавшего с женой в Париж) – с приглашением зайти (около 11-ти или вечером: отель Fouot, rue Tounon).

– В этот день (?) в 14 ч. был на генеральной репетиции спектакля в Театре искусств (китайская драма «Горе в Ханьском дворце», в адаптации Лалуа, и балет Г.Гровлеза³, на музыку Куперена «Французские шалости, или Домино»).

– В 18 ч. был у Маковского.

¹ Шатобриан Альфонс де (1877–1951) – французский писатель и философ.

² Лалуа Луи (1874–1944) – французский музыкальный критик и синолог.

³ Гровлез Габриэль-Мари (1879–1944) – французский либреттист, концертмейстер и дирижер.

– Балтрушайтис, в Веве, пишет: сейчас уезжаю в Москву. Сообщает лондонский адрес Г.Крэга.

– В этот день (?) берет на прокат пианино для своих танцовщиц.
18 ноября (1 декабря), пн.

Утром принимал Глотова, в 15 ч. был у портного, вечером (20 ч. 30) – на приеме у Р.Гиля.

– Ставит автограф на «Memoires» капитана Алонсо де Контрерас¹ (Париж, 1911).

19 ноября (2 декабря), сб.

В 15 ч. – на обеде у Гольштейн (куда должен был придти и Маковский). Три часа говорил с Р.Брюсселем² («проповедуя ему Рабенек»). В 19 ч. туда же пришел А. де Шатобриан.

– М.Цветаева, в Москве, пишет: «Ваше письмо – большая ошибка».

20 ноября (3 декабря), вс.

В 14 ч. приходит танцевать Милюкова (до 15-ти). Затем едет к Циолковскому. В 21 ч. принимает у себя Лалуа (этой записью заканчивается ежедневник). Затем приходит Ф.Сологуб, – просидевший до половины 5-го утра. Пишет (по-французски) О.Вирту³, рекомендуя ему Сологуба (п. осталось в архиве последнего. – ИРЛИ. Ф.289. Оп.8. Ед.хр.2).

21 ноября (4 декабря), пн.

Встал в 10 ч. 30. Готовил комнату «для танцевальных репетиций», ходил покупать печенье, коньяк и чай «для понедельничьих гостей»; готовил «варево из апельсинов». Принимал Милюкову и Равич с аккомпаниаторшей. С 16 ч. начали приходиться гости: художники-кубисты, теософы, поэты – всего 37 человек. Среди них – Р.Гиль с женой⁴, Луи Лалуа, М.С.Безобразова, «муз. критик с острова Ява» с женой (по догадке Р.Дубровкина, это Ф.П.Г. Прик ван Велли⁵) и, возможно, Э.Виттиг⁶. Затем, надев «смокинг и цилиндр», поехал в Оперу на «Деяниру» Сен-Санса.

Ночью пишет ЕО (отвечая на ее п. от 17 ноября).

– В «Московской газете» – статья «Монтрейльская катастрофа» (на железной дороге).

22 ноября (5 декабря), вт.

В «Московской газете» – статья «Дело о торговле малолетними».

¹ Контрерас Алонсо де (1582–1641) – испанский капитан-конкистадор.

² Брюссель Роберт – музыкальный критик, автор книг «Т.Karsavina» (1910) и «La Ballet» (1911).

³ Вирт Освальд (1860–1951) – французский оккультист, франкмасон.

⁴ Гиль Алиса (урожд. Бланшон) – жена Р.Гиля с 1888 г.

⁵ Прик ван Велли Францискус Петрус Гербертус (1867–1926) – музыковед.

⁶ Виттиг Эдвард (1879–1941) – польский скульптор, работавший в Париже. В 1908 г. выполнил бюст МВ в камне.

– Утром занимается рисованием с политкаторжанкой О.Лишевой¹ (только что бежавшей из Сибири). Принимает танцовщиц. Похирует для портрета Э.Заку.

– В этот день (?) пишет Маковскому (б.д.), – отсылая ему п. Ори-Робен (б.д.) с вопросом о «дне открытия» французской выставки в СПб. При этом сетует: «Вы стали неуловимы и неаккуратны» (в пн. «Вас ждал у меня» Лалуа, в сб., у Гольштейн, – Брюссель).

23 ноября (6 декабря), ср.

Получает откр. от Трухановой из Берлина: жалеет, что не повидались (перед ее отъездом), благодарит за книги Ремизова. Гиль благодарит А.Гольштейн за проведенное у нее время, хвалит книгу Шатобриана «Господин де Лурдин». МВ хочет написать рецензию о ней для журнала «Русская мысль».

– В этот день (?) Э.Виттиг пишет: буду ждать в субботу в 11 ч. Вероятно, придет гречанка Акесторидес, аккомпаниаторша.

25 ноября (8 декабря), пт.

Р.Гиль, получив приглашение МВ, готов посетить его 11-го декабря.

– Кругликова (в Москве) пишет о получении п. МВ. Очень жаль, что «Московская газета» прекратилась. О похоронах Серова (вчера). Серьезно заболела ее сестра Наташа.

Около 26 ноября (9 декабря), сб.

В 11 ч. был у Виттига, после завтрака отправился с ним в Отей.

27 ноября (10 декабря), вс.

Труханова, в Лондоне, извиняется, что послала книги «без записочки». «Пишите мне, дружок! Я Вас очень люблю». Поклон Маковскому.

28 ноября (11 декабря), пн.

Устраивает вечером прием. Среди гостей – Ж.Руайер, Садиа Леви² с женой и Р.Гиль с женой, А.Мерсеро.

– М.Цветаева, получив примирительное п. («ответ: спокойный, любящий, бесконечно-отрешенный», кончающийся словами: «Итак, до свидания, до следующего перекрестка») и какую-то книгу в подарок, дает телеграмму: «Твою лапу, дорогой единственный медведь» (по-французски).

– ЕО, в Москве, пишет о получении в «Сфинксе» еще 50-ти рублей. «Говорят, дела Прорубникова³ совсем плохи».

¹ Лишева Ольга Викторовна (1889–?) – дочь артиллерийского полковника, курсистка; за работу в боевой организации партии социалистов-революционеров сослана в Сибирь, откуда бежала в 1911, поступила в Париже в Академию художеств.

² Садиа-Леви (1875–1951) – французский писатель арабского происхождения.

³ Прорубников Владимир Федорович – владелец издательства «Сфинкс» (М.).

– Р.Гольдовская пишет, радуясь скорому приезду МВ в Москву. Говорила о нем с Купчинским¹ и с Лешковской².

29 ноября (12 декабря), вт.

Р.Гиль пишет: написал Брюсову о желании МВ дать в «Русскую мысль» статью о романе А.Шатобриана «Господин де Лундин» (удостоенном Гонкуровской премии).

30 ноября (13 декабря), ср.

В 11 ч. принимал О.Лишеву.

– Адвокат Э.Лафон пишет, приглашая «завтра утром» к себе (площадь Вогезов, 20) для переговоров о деле Бальмонта.

– Э.Рабенек, в Москве, благодарит «за интересные сведения». Просит «поискать старые пантомимы и балеты» – у Дюрана, у Фромона.

– Из «Аполлона» выслано 100 р.

В течение ноября (?)

Пишет стихотворение «Двойной соблазн – любви и любопытства...», начинает «Сонет о Монтичелли»³.

– Познакомил И.Эренбурга с А.Мерсеро (в кафе «Клозери де Лила»). Посетил Эренбурга в его новом ателье на ул. Кампань-Премьер, 9. МВ: «Когда я впервые пришел к Эренбургу на rue Sampragne<-Premier>, меня встретили две дамы. Эренбург был неряшлив – с длинными прямыми патлами. “Человек, которым только что вымыли очень грязную мастерскую”, – так я сформулировал тогда свое впечатление. Илья только что выпустил книгу “Я живу”, которая <...> мне не понравилась».

В течение ноября

В Париже возникает Русская художественная академия (Academie Russe) по адресу: 54, Avenue du Maine.

– В журнале «Музыка» (М.) – перепечатка статьи «Памятник Бетховену» (ст.1048-1050).

– А. де Шатобриан пишет, в Сен-Себастьяне: пришлось покинуть Париж, вернусь к концу недели. Надеется поговорить о Достоевском.

– Ставит автограф на кн. Дж. Фрейзера⁴ «La Rameau d'Or» («Золотая ветвь», 1911), «Devises Heraldiques» («Геральдические девизы») и др.

– Ж.Варио, «с большой симпатией», дарит МВ свою «Le Très Véridique Histoire de Deux Gredins» («Очень правдивая история двух негодяев», Париж, 1911).

¹ Купчинский Филипп Петрович – журналист, один из редакторов газеты «Раннее утро».

² Лешковская Елена Константиновна (1864–1925) – актриса.

³ Монтичелли Адольф (1824–1886) – французский живописец, предтеча импрессионистов.

⁴ Фрейзер Джеймс Джордж (1854–1941) – английский этнограф и историк религии.

1(14) декабря, чт.

Е.Цветковская приглашает зайти между 15 и 17 ч., когда у нее будет Бальмонт. Завтра его дело разбирается во Дворце правосудия.

– Мерсеро, в Париже, пишет: в пн. не смог поговорить (т.к. было много народу) о брате, который хотел бы поехать в Россию.

– В этот же день (?) пишет большое п. Кругликовой в Москву – с описанием всего, «что делается в ее мастерской» и предложением «оставить в наследство» некоторых из своих новых друзей. Упомянул, что передвинул диван и что у трех чашек были отбиты ручки (не сохр.).

2(15) декабря, пт.

Вместе с Цветковской и Бальмонтом был во Дворце правосудия, на разбирательстве дела последнего (начало в 11 ч. 30). За «оскорбление полиции» Бальмонта приговорили к 50-ти франкам штрафа.

– А.Руманов¹, представитель «Русского слова» в СПб., благодарит за п. и сообщает о проектах трех новых газет (Дорошевича, Сытина и «левого центра»). Привет Минскому и Вилькиной².

3(16) декабря, сб.

М.Цветаева пишет на обороте своего фото с С.Эфроном: «вот Сережа и Марина, люби их <...> непременно обоих».

– Концерт-бал Русской академии (на авеню дю Мэн, 54) в пользу недостаточных членов общества.

4(17) декабря, вс.

Встреча с А.Мерсеро, вместе с ним посещает мадам де Грамон.

– ЕО, в Москве, пишет: вчера с В. и Е.Эфрон была на вернисаже «Мира искусств»; встретили там «из знакомых» Р.Браилловскую³, М.Добужинского, Квятковского, Н.Крандиевскую⁴, «большинство спрашивало о тебе». Е.Кругликова обеспокоена слухами о разгроме своей мастерской в результате слишком буйного веселья и танцев.

5(18) декабря, пн.

Н.Полуэктова, в Феодосии, благодарит за сочувствие (по поводу смерти ее мужа) и просит узнать «ценность» принадлежащей ей гравюры Рембрандта.

– Л.Колли⁵, в Феодосии, надписывает «милому другу» МВ свою брошюру «Кафа в период владения ею банком св. Георгия (1454–1475)» (Симферополь, 1911), посылает на Коктебель.

¹ Руманов Аркадий Валерианович (1876–1960) – журналист.

² Вилькина Людмила Николаевна (1873–1920) – поэтесса, жена Н.М.Минского.

³ Браилловская Римма Никитична (1873–1959) – художница.

⁴ Крандиевская Надежда Васильевна (1891–1963, в замужестве Файдыш) – скульптор.

⁵ Колли Людвиг Петрович (1849–1917) – феодосийский педагог, историк.

6(19) декабря, вт.

В газете «Приазовский край» – рецензия М.Шагинян на «Антологию» издательства «Мусагет»: «Поэтический раут», с упоминанием МВ («воспевает Венецию»).

– В этот день (?) пишет ЕО (московский штемпель 10 декабря). Не писал «почти целую неделю». «Мне кажется, что я еще никогда так не отдавался людям, как теперь, и никогда так не любил каждого встречного человека».

9(22) декабря, пт.

Получив п. ЕО от 4 декабря, пишет ей – взволнованный «вспышкой» Кругликовой. Только что написал ей. Мастерская – в большей чистоте и порядке, чем была при ней. На отъезд из Парижа нужно не менее 150 руб. (включая отправку книг, багажа и некоторые покупки). Грустно покидать Париж; в предвидении московских редакций и литераторов охватывает «тоска смертельная».

– Получает откр. от В.Эфрон из Москвы: видела Вульф и Воскресенскую¹.

В этот день (?) получает п. от Е.Эфрон из Берна – с просьбой передать п. А.Матиссу. «Через две недели буду в Париже».

12(25) декабря, пн.

Днем ездил в Исси ле Мулино (в 20 мин. езды от Парижа) – передав п. Е.Эфрон Матиссу через слугу.

Вечером устраивал (?) прием.

13(26) декабря, вт.

Пишет Е.Эфрон в Берн, до востребования, об исполнении ее поручения (не сохр.).

– ЕО, в Москве, пишет: Бескин в редакции не бывает.

1-я половина декабря (?)

Пишет четверостишия: «Как ночь души тиха, как жизни день ненастен...», «Возьми весло, ладью отчаль...» (обращенное к М.Цветаевой), «Молчат поля, молясь о сжатом хлебе...», «Из края в новый край и от костра к костру...», «Цветов развертывая свиток...»

14(27) декабря, ср.

Закончено стихотворение «То в виде девочки, то в образе старушки...», обращенное к Н.Милюковой.

– Пишет Е.Эфрон в Мюнхен откр.: ее п. отдал слуге Матисса, которого «он специально прислал за ним ко мне».

– Получает записку от Айно Тамм²: благодарит за приглашение, надеется встретиться у него с Лалуа.

15(28) декабря, чт.

Была Н.Милюкова, танцевала.

¹ Воскресенская Вера Филипповна – танцовщица школы Рабенек.

² Тамм Айно (1864–1945) – актриса и певица.

– Кругликова, в Москве, пишет: получила п. МВ с соболезнованием по поводу смерти сестры (4 декабря), а третьего дня – п. об ателье. «Очень стало жаль, что я тебя огорчила». Если приедет в Париж, то «не раньше февраля».

1-я половина декабря

В Киеве выходит «Чтец-декламатор» (том 1, изд. 1-е) со стихами МВ «В зеленых сумерках дрожа и вырастая...», «Зеленый вал отпрянул – и пугливо...», «Изгнанники, скитальцы и поэты...», «Как Млечный путь любовь твоя...», «Небо в тонких узорах...». Тираж 6000 экз. («КЛ» №50 от 17 декабря).

16(29) декабря, чт.

Принимал певичу А.Тамм с аккомпаниатором, затем – Л.Лалуа. В 17 ч. танцевали Милокова и В.Равич.

17(30) декабря, сб.

Утром получил п. ЕО и повестку на перевод в 43 руб. от банка Credit Lyonnais. Написал Меснянкину¹, «требуя еще 50 руб.».

– Пишет ЕО в Москву: очень больно, что сестры Эфрон враждебно приняли его дружбу с В.Равич, – недостатки которой он прекрасно понимает. «Но ведь я каждого человека беру с его положительной стороны <...>, стремлюсь в *каждом* <...> найти те стороны, за которые его можно полюбить <...>. Только этим можно призвать к жизни хорошие черты человека, а не осуждением его недостатков». От Е.Кругликовой получил горестное п. о смерти ее сестры, – с упоминанием, что «ругала» МВ, т.к. «была очень нервна в тот день».

– «КЛ» №50 сообщает о получении (с 8 по 15 декабря) сб. «Думы и песни» (сост. Ан. Чеботаревской. М., 1911. Тираж 5200 экз.) – со стихотворением МВ «Осенью» (с.32-33).

18(31) декабря, вс.

Встает в 7 ч. и едет, с М.С.Безобразовой и Я.Глотовым, в Монфор, к Гольштейнам, где и встречает Новый год. Блуждал с Яком по окрестностям (п. к Гольштейн от 10 декабря 1913 г.).

– Приходит откр. А.Цветаевой из Берлина: на две недели едет с Трухачевым² в Женеву, а затем в Париж.

– А.Толстой, в СПб., пишет Гольштейн: «Как живет Макс? У нас ходят слухи, что он танцует у И.Н.Хлюстина».

19 декабря (1 января), пн.

Возвращение в Париж; по пути простыл.

– В 8 ч. Л.Савицкая³ (?) пишет, прося съездить в Пасси (на rue de la Tour, 60) и сообщить, что Бальмонт приехал к ней с Польско-

¹ Меснянкин Николай Прокофьевич – издатель «Московской газеты».

² Трухачев Борис Сергеевич (1893–1919) – муж А.И.Цветаевой.

³ Савицкая Люси (Людмила Ивановна, 1881–1957) – актриса, поэтесса, переводчица. Возлюбленная К.Бальмонта.

го вечера «в сильнейшем возбуждении, сейчас спит». Быть может, Е.Цветковская или А.Иванова приехали бы часов в 18 к МВ.

20 декабря (2 января), вт.

Брат А.Мерсеро, банковский служащий, пишет о своем желании получить в России место в частном банке, управляющим или секретарем промышленника. Жена могла бы служить гувернанткой.

– Р.Аркос¹ пишет, – прося вернуть брошюру А.Жида «Шарль-Луи Филипп». В пт. будет на лекции А.Бергсона, в сб. – у Гольштейн.

23 декабря (5 января), пт.

Ставит автограф и дату на книге «Le Quattrocento» Ф.Монье².

24 декабря (6 января), сб.

Лалуа пишет о своем приезде в Париж завтра – из-за чего не сможет принять МВ и его друга у себя в Бельвю.

25 декабря (7 января), вс.

Е.Григорович³ в ателье МВ начинает портрет К.Бальмонта – одновременно с Е.Заком. Вернувшись домой, пишет, что работать совместно с Заком не сможет.

26 декабря (8 января), пн.

Пишет ЕО в Москву: всю эту неделю сидел дома: «жар, кашель, хрипота». Не писал ни писем, ни статей. Е.Эфрон в Мюнхене подружилась с МВС. Е.Кругликова написала дружественное п., «раньше нач. февраля не приедет». Недавно Виттиг предлагал займы хоть 600 или 700 франков. На днях получил от «Сфинкса» «первую плату» телеграфом.

– Пишет В.Прорубникову: поскольку расчеты за перевод Мюссе, судя по письму ЕО, закончены, готов переводить «Manette Salomon», а также «Femme au XVIII siècle» («Женщина XVIII века») Гонкуров. Просит подтвердить возможность издательства платить за работу.

– Пишет к АМП в Феодосию: в Москву не тянет, мечтает о Коктебеле и о рисовании там. Написал Н.Полуэктовой, прося прислать фото и описание гравюры Рембрандта. Устроил прием; «было, как всегда, очень много народа». Милюкова танцевала. (Возможно, был и И.Эренбург – в январе 1912 посвятивший ей стихотворение из цикла «Ручные тени» («Твои манеры милой тетки...»). Среди гостей – А.Мерсеро.)

¹ Аркос Рене (1881–1959) – французский поэт (унанимист), член группы «Аббатство».

² Монье Филипп (1864–1911) – швейцарский писатель и искусствовед.

³ Григорович Елена Юстиниановна (?–1967) – писательница, переводчица, художница; член партии с.-р.

27 декабря (9 января), *вт.*

Пишет В.Эфрон в Москву, поздравляя с Новым годом. Не может поехать на вокзал встретить Лилию из-за простуды.

– Приезд в Париж Е.Эфрон (остановилась на rue Gobelins, 5). Была у МВ (дал ей билеты в театры).

– А.Цветаева, в Женеве, пишет: вместо Парижа едем в Ниццу.

– В «Московской газете» – сообщение о выходе справочника «Весь Париж» (т.28) на 1912 год (за подписью «Р.»).

28 декабря (10 января), *ср.*

Пишет ЕО в Москву о приезде Е.Эфрон – которая вскоре «возвращается в Мюнхен». Спасибо за хлопоты у «Сфинкса» и в «Московской газете».

– Е.Эфрон пишет ЕО: Макс здесь иной, «точно более взрослый». «Мне больно, что он хорош» с В.Равич.

– М.Цветаева, в СПб., пишет о пребывании с С.Эфроном у Трупчинских¹.

30 декабря (12 января), *пт.*

Ставит автограф и дату на книге П.Клоделя «Théâtre» (Париж, 1911).

– Провожает (?) В.Равич в Давос.

– П.Кончаловский и И.Машков, в Москве, посылают МВ Устав общества «Бубновый Валет», приглашая вступить в него.

31 декабря (13 января), *сб.*

Был у Бальмонтов.

– В 22 ч. пишет к АМП в Феодосию: «слышу, как консьерж идет по двору, чтобы тушить фонари». «Сейчас раскрыл несколько раз Евангелие», гадая на 1912 год, и прочел, «в тетради, где пишу стихи», предсказания на «истекший год». «Между мною и людьми упала еще одна грань. <...> Я за этот год понял, что не нужно судить людей, что не нужно выбирать, а брать тех, кого приносит судьба». Мечтает рисовать Киммерию. Судя по рассказам Е.Эфрон о МВС, встречаться с ней еще рано.

– Встречает русский Новый год в одиночестве «со стаканом мальвазии» в 22 ч. (соответствующие полночи в России).

– «КЛ» №51 сообщает о выходе в Киеве (с 15 по 20 декабря) 2-го тома сборника «Чтец-декламатор» (изд. 6-е) тиражом 12000 экз. – со стихотворением МВ «В вагоне» (с.105). На титуле – 1912 г.

2-я половина декабря

Пишет стихотворение «Безумья и огня венец...», посвященное А.Р.Минцловой².

¹ Трупчинские – Анна Яковлевна (урожд. Эфрон, 1883–1971) и ее муж Александр Владимирович (1877–1938), юрист.

² Минцлова Анна Рудольфовна (1865–1910) – переводчица, теософка; имела огромное влияние на МВ в 1905–1906 гг.

В течение декабря (?)

Начинает статью «Случай с Miss Beauchamp», на материале книги доктора Мортон Принса¹ (Париж, 1911). (Черновик – ИРЛИ. Ф.562. Оп.1. Ед.хр.278).

– Подписывает коллективное обращение об установлении памятника Анри Руссо – наряду с Г.Аполлинером, А.Архипенко, А.Глэзом, Р.Делоне, Р.Канудо², Ле Фоконье, А.Мерсеро, А.Дюнуайе де Сегонзаком, Р.Серюрье, Э.Фигьером³, П.Фором (всего 23 подписи).

– Жан де Бошер⁴ присылает из Брюсселя свою книгу «Dolorine et les ombres» («Долорин и тени», Париж, 1911).

– С.Рафалович⁵ дарит «на добрую память» свою книгу «Spesulum Animaе» («Зеркало души» (*лат.*)), СПб., 1911).

– Р.Аркос дарит МВ свою поэму «Ce Qui Nait» («То, что рождается»), Ж.Варио – «L'Oeuvre d'Elemir Bourges» (Париж, 1911).

Ноябрь – декабрь (?)

«Кошмаром зимы в Париже» стал для МВ художник С.Штюкгольд⁶, живший в соседнем доме и взявшийся писать его портрет: «человек недурной», но говорливый «до умоисступления», «крайне надоедливый и нелепый» (п. к АМП от 26 января 1914 г.).

В течение года

Получает журналы «Русская мысль», «La Revue Hebdomadaire», «Аполлон», «РХЛ», «ЕИТ».

События года (по записи 1931 г.)

«Эфроны и Мар<ина> Цветаева. Первое лето оборотов в Коктебеле. Мистификации. Неожиданн<ый> отъезд в Париж. Нат. Савинс<кая>⁷ и Вера Рав<ич>».

1912. Париж

1(14) января, вс.

Пишет Е.Эфрон, приглашая ее на понедельникный прием (16–19 ч.).

2(15) января, пн.

Ставит автограф и дату на книге М.Поэта «Formation et Evolution de Paris» («Возникновение и развитие Парижа»).

¹ Принс Мортон (1854–1929) – американский врач-психолог.

² Канудо Риччиото (1879–1923) – французский критик, друг Б.Сандрара.

³ Дюнуайе де Сегонзак Андре (1884–1974) и Серюрье Поль (1863–1927) – французские художники. Фигьер Эжен (1882–1944) – поэт.

⁴ Бошёр Жан де (1878–1953) – бельгийский поэт и художник.

⁵ Рафалович Сергей Львович (1875–1943) – поэт, драматург, театральный критик.

⁶ Штюкгольд Станислав (1868–1933) – польский художник.

⁷ Савинская – Милюкова Н.А.

– Вечером принимает гостей (в том числе М.Богданову¹ и Е.Эфрон).

4(17) января, ср.

Работает над стихотворением, посвященным Бальмонту, и «Замер дух – стыдливый и суровый...».

– Н.Полуэктова, в Феодосии, пишет: книги Ваши целы. Посылает фото гравюры Рембрандта.

– В этот день (?) М.Богданова, в Париже, пишет: получила от мадам Высотской² билеты на концерт. В сб. Высотская будет у Е.Бальмонт. Хотела бы познакомить МВ с одной художницей-француженкой.

5(18) января, чт.

Заканчивает стихотворение «Замер дух – стыдливый и суровый...»

– Получил перевод на 314 франков от ЕО.

6(19) января, пт.

Пишет ЕО в Москву, благодаря за деньги. О п. Руманова и «большой газете», которую затевает, кажется, Витте. Лилю видит через день. Написал Руманову и Прорубникову (денег от последнего не получал).

9(12) января, пн.

Заканчивает стихотворение «Напутствие Бальмонту» («Мы в тюрьме изведанных пространств...»).

– В качестве организатора банкета в честь Бальмонта, по поручению Гольштейн, рассылает приглашения (в том числе Ш.-Ф.Рамюзу³, Ю.Лагарделю⁴, И.Хлюстину).

– О.Лишева сообщает, что не придет вечером: заболела.

– Принимает вечером гостей.

– Н.Труханова, в Лондоне, пишет, благодаря «за милое письмо». Как интересны «рассуждения о Беатрисе»⁵; перевода из Ренье не имеет. В Париж вернется 24 или 25 января.

10(23) января, вт.

Получает пп. от желающих участвовать в банкете в честь Бальмонта – В.Богучарского, Б.Тастевена⁶, княгини Ухтомской. А.Смир-

¹ Богданова Мария Митрофановна – знакомая Е.А.Бальмонт.

² Высотская – возможно, Ника (Нелая) Высоцкая (ок. 1835 – после 1912), вдова оптового торговца чаем.

³ Рамюз Шарль-Фердинанд (1878–1947) – швейцарский романист.

⁴ Лагардель Жан-Батист-Жозеф Юбер (1874–1958) – французский адвокат.

⁵ Имеется в виду статья МВ из цикла «Лики творчества» – о постановке пьесы М.Метерлинка «Сестра Беатриса» в театре Коммиссаржевской – в газете «Русь» (9 декабря 1906 г.).

⁶ Богучарский Василий Яковлевич (1861–1915) – публицист, историк русских политических движений. Тастевен Борис – видимо, брат Г.Э.Тастевена, секретаря журнала «Золотое руно».

нов пишет, что Reby, библиотекарь Школы восточных языков, «постарается быть», а от Венгеровой¹ и «Lot-Borodine'ых»² ответа нет.

– В этот день (?) С.Вернер пишет: «Я уже две недели в Париже». Приглашает к себе (rue Val de Grace, 13).

11(24) января, ср.

Участвует в чествовании К.Бальмонта – по случаю 25-летия его литературной деятельности – в ресторане на бульваре Сен-Дени. Бальмонт читает стихотворение «Четверть века».

– ЕО, в Москве, пишет: почему не ответил В.Успенской и А.Кандауровой³?

– Л.Столица⁴, в Москве, надписывает МВ – «дорогому другу моей Музы <...> с искренней признательностью и любовью» – свои стихи «Лада» (М., 1912).

12(25) января, чт.

Ставит автограф и дату на сборнике стихов А. де Ноай «L'Ombre de Jours» («Тень дней», б.г.).

– А.Тамм просит устроить ей свидание с Р.Брюсселем (насчет программы своего концерта).

– А.Кугель⁵, в СПб., благодарит за п. «Дело с газетой затягивается». Высоко ценит «своеобразные, тонкие, ароматные» статьи МВ: «то, что Вы писали в “Руси”, составляло всегда событие для литературных гурманов».

– В этот день (?) Н.Труханова возвращается в Париж.

14(27) января, сб.

Ставит дату и автограф на томике Т.Готье.

– В.Прорубников, в Москве, пишет, уверяя, что больше задержек с уплатой денег не будет, и предлагая приняться за перевод «Manette Salomon».

– В Москве происходит венчание М.Цветаевой и С.Эфрона.

15(28) января, вс.

Кругликова, в Москве, пишет: «давно не писал мне». На днях в Париж собирается С.М.Коровин, «зайдет к тебе». Просит показать ему свое ателье и прислать с ним сверток бумаги для офортов.

1-я половина января

В «Литературном альманахе», выпущенном журналом «Аполлон», опубликована поэма А. де Ренье «Кровь Марсия» в переводе МВ (с.7-15).

¹ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941) – литературовед, критик.

² Лот-Бородины: французский художник Андре Лот (1885–1962) и, возможно, художница Екатерина Александровна Бородина.

³ Успенская Валентина Владимировна (в замужестве Базарова, ум. после 1931) – актриса, художница-прикладник, и ее сестра (?) Анна Владимировна Кандаурова (урожд. Попова, 1877–1962) – жена художника К.В.Кандаурова.

⁴ Столица Любовь Никитична (урожд. Ершова, 1884–1934) – поэтесса.

⁵ Кугель Александр Рафаилович (1864–1928) – театральный критик.

19 января (1 февраля), чт.

Участвует в проводах Бальмонта в кругосветное путешествие (через Лондон).

20 января (2 февраля), пт.

Ставит дату и автограф на книге стихов М.Дебор-Вальмор¹ (1909) и «Choix de Poesie» (Избранное) Т. де Банвиля².

– В 17 ч. приходит танцевать Н.Милюкова.

23 января (5 февраля), пн.

Ставит автограф и дату на приобретенных (?) книгах: «J.-J. Rousseau» Ж.Леметра, «La Science de l'Amour» («Наука любви», 1911) Пеладана³.

– Е.Бальмонт пишет, прося поехать с ней «к Кнопу⁴ и Гилю».

– В этот день (?) С.Делоне пишет: узнала от Смирнова, что МВ покидает Париж. Хотела навестить сегодня, но «нам сказали, что Вы больше не принимаете». Приглашает к себе в чт.

24 января (6 февраля), вт.

Автограф и дата на книге «Dostoevski» А.Сюареса⁵.

25 января (7 февраля), ср.

Автограф и дата на книге «Leonardo da Vinci».

– Был у слепого хасида Азарха⁶ (ищущего спутника до Берлина): не застав, оставил записку. Получает приглашение зайти «сегодня вечером или завтра до трех».

26 января (8 февраля), чт.

Ставит автограф и дату на подаренной «как свидетельство живой симпатии» книге Р.Канудо «Les Libérés» («Освобожденные», Париж, 1911), а также на томе О.Бальзака и «Voyage du Condottière» («Путешествие кондотьера», Париж, 1910) А.Сюареса.

– Был (?) на обеде у С. и Р.Делоне (rue Grands Augustins, 3), затем вместе с ними едет к А.Смирнову.

27 января (9 февраля), пт.

Пишет ЕО в Москву: решил выехать 12 февраля, до Берлина везет одного слепого, который оплачивает билет МВ. Е.Эфрон в Мюнхене. Рабенок отказала, не только В.Эфрон, но и Воскресенской⁷ и Савинской. Сведения об Институте красоты привезет Валетке⁷ сам: «сейчас – страшная суматоха, укладка и т.д.».

¹ Дебор-Вальмор Марселина (1786–1859) – французская поэтесса.

² Банвиль Теодор де (1823–1891) – французский поэт.

³ Пеладан Жозефен (1859–1918) – французский критик и писатель (псевд. Сар-Пеладан).

⁴ Кноп – семья крупных московских предпринимателей.

⁵ Сюарес Андре (1868–1948) – поэт, прозаик, литературовед. МВ перевел несколько его стихотворений (утрачены в редакции).

⁶ Азарх Рувим Яковлевич – москвич.

⁷ Прозвище В.В.Успенской в Коктебеле.

28 января (10 февраля), сб.

Ставит автограф на книгах «Tolstoï vivant» («Живой Толстой») и «Le Livre de l'Emeraude» («Изумрудная книга») А.Сюареса, «Vie de Tolstoï» («Жизнь Толстого», Париж, 1911) Р.Роллана, «La Vagabonde» («Бродяга», Париж, 1910) Колетт Вилли¹.

30 января (12 февраля), пн.

Пишет К.Чуковскому: не может взяться за переводы Уайльда, т.к. не знает английского языка. Рекомендует А.Гольштейн и переведенный ею роман Р.Хитчинса² «Зеленая гвоздика»: «там записаны все разговоры О.Уайльда». Напоминает о воспоминаниях А.Жида, Гомеца-Карильо³ и статью Э.Лаженеса⁴ об Уайльде. Перевод трех последних мог бы взять на себя. «Сегодня я выезжаю из Парижа».

– Вместе с Р.Азархом выезжает из Парижа в Берлин. Тот в дороге рассказывает хасидские легенды, поразившие МВ.

– В газете «Речь» – статья С.Городецкого «Аполлон и Марсий», с упоминанием поэмы Ренье «Кровь Марсия» в переводе МВ.

31 января (13 февраля), вт.

Приезд в Берлин.

В течение января

Журнал «Новая жизнь» №1 дает рецензию Н.Кадмина⁵ «“Аполлон” – Литературный альманах» с одобрительным отзывом о поэме Ренье «Кровь Марсия».

– Ставит автограф на книге Л.Лалуа «La musique Chinoise» (Париж, б.г.) и на сборнике пьес А.Капю⁶ (Париж, б.г.).

¹ Колетт Вилли – псевдоним французского писателя Анри Готье Вилари (1859–1931) и его жены Колетт (1873–1954).

² Хиченс (Хитчинс) Роберт (1864–1950) – английский прозаик.

³ Гомец Карильо Энрике (1873–1927) – писатель-гватемалец, в Европе жил с 1891 г.

⁴ Лаженес Эрнест (1874–1917) – французский критик.

⁵ Кадмин Н. – псевдоним журналиста Николая Яковлевича Абрамовича (1881–1922).

⁶ Капю Альфред (1858–1922) – французский драматург.

Д

Эпистолярная

К ИСТОРИИ «ЕВРАЗИЙСТВА»:

М.Горький и П.П.Сувчинский

Публикация Джона Мальмстада

А.М.Ремизов, «ближайший участник» журнала «Версты», так воспринимал личность Петра Петровича Сувчинского (1892–1985), одного из редакторов, музыковеда, публициста и острого полемиста: «С первого глаза в Берлине мне понравился П.П., с ним хорошо разговаривать о знаменном распеве. Он весь в пении <...> Он был душою “Верст” и меня никогда не гнал <...> В нем было что-то от русской истории, когда он появлялся, переполненный евразийством: его мысль зажигалась и сверкала. Такие были в 20-х годах шеллингианцы, а потом гегельянцы, я не сказал бы “марксисты”, которые уже очень кратко и безнадежно “реальны”, а ведь пыл именно в бесконечной мысли»¹.

Анонимный свидетель деяний «евразийского движения» оставил совершенно противоположную характеристику Сувчинского. Относящаяся к сентябрю 1928, она была опубликована в Париже почти 25 лет спустя: «Сувчинский произвел на меня впечатление избалованного кота-сутенера. В головке он больше всего гнет в сторону ГПУ, как он говорит, в сторону реальной обстановки... Он – типичный эстет-лодырь, самовлюбленный до конца. Евразийство для него средство, которое дает ему возможность хорошо жить, ездить отдыхать на берег океана, проводить время в праздном бездельи... По своему складу он эстет с головы до ног. Сомневаюсь, чтобы он стал бы распинаться за евразийство. Прежде всего он думает о себе и с этим критерием подходит к вопросам “идеологии”. Евразийство, кроме материальных возможностей, щекочет его самолюбие... Все-таки он столп и апостол того течения, о котором все говорят, и о котором он говорит с видом скучающего сноба»².

¹ Книги записей С.П.Ремизовой-Довгелло. Кн.IV. С.3-4. – А.М.Ремизов: Неизданный «Мерлог» / Публ. Антонеллы д'Амелиа // Минувшее: Исторический альманах. Вып.3. Париж, 1987. С.246 (прим.55).

² А.Б. Евразийцы и Трест // Возрождение. 1953. Ноябрь–декабрь. №30. С.126.

Перед нами как будто две личности, даже два человека, некая подобная Янусу фигура, одной стороной обращенная к вопросам музыки и известная на Западе как Pierre Souvchinsky, а другой – к русским общественным проблемам и известная в истории эмиграции как Петр Сувчинский.

Начнем с музыковеда.

С Сувчинским дружили И.Ф.Стравинский, С.С.Прокофьев, Н.Я.Мясковский, Артур Лурье и целый ряд других композиторов и русских и французских. Он родился в Петербурге, в богатой польско-украинской семье. После окончания знаменитого Тенишевского училища в Петербурге³, Сувчинский учился в Петербургском университете, работал, под руководством А.Д.Кастальского, над древней русской духовной музыкой и ее источниками и на свои средства сформировал в столице хоровую капеллу⁴. (Вплоть до тридцатых годов он сам мечтал о карьере профессионального певца; мечта эта не осуществилась, но когда Стравинский писал свою «Персефону», он имел в виду для одной роли «громкий и резкий тенор» Сувчинского, и Сувчинский ее исполнил в январе 1934, но только на одной репетиции.)

Знаменитый музыкальный критик Борис Владимирович Асафьев (1884–1949, псевдоним – Игорь Глебов) познакомился с Сувчинским в редакции журнала «Музыкальный современник», который Сувчинский, наследник огромного состояния (его отец владел сахарными заводами на Украине), субсидировал: «Блондин <...> оказался учеником Феликса Михайловича Blumenфельда, знатоком Кастальского и другом Н.Д.Кашкина (приятеля П.И.Чайковского), страстным любителем музыки, серьезным знатоком русской поэзии и литературы и также всесторонне образованным человеком, Петром Петровичем Сувчинским. До поздней ночи мы проговорили с ним о Чехове, о «Детстве» Горького и о Кастальском»⁵. Асафьев особенно сдружился с Сувчинским после того, как он провел лето 1916 на Украине в близких контактах с его учителями: «Отдыхал я в довольно близкой к Киеву местности недалеко от Каменки в приятнейших беседах с другом П.И.Чайковского, Николаем Дмитриевичем Кашкиным и в многообразном четырехручном музицировании с обаятельным Феликсом Михайловичем Blumenфельдом. Как это было славно!»⁶.

В начале 1917 Асафьев написал «яркую рецензию» на концерт, в котором исполнялись произведения Мясковского, Прокофьева и Стравинского: «...для меня это были композиторы, знаменующие решительное обновление музыкально-интонационного словаря». Андрей Николаевич Римский-Корсаков, сын композитора и главный редактор «Музыкального современника», «задержал эту рецензию категорически», что заставило Асафьева выйти «из состава сотрудников»: «...меня поддержал П.П.Сувчинский, и мы вместе с

³ Среди его учителей был В.В.Гиппиус (1876–1941): «14 января 1914. <...> Вл. Вас. Гиппиус издает два тома (статей и стихов), ему издает Суфчинский <так!> (ученик, издатель журнала, посвященного духовной музыке, где редактор – Панченко)» // Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С.201.

⁴ О музыкальной деятельности Сувчинского см.: *Нестьев И.* Четыре дружбы. Петр Сувчинский и русские музыканты // Советская музыка. 1987. Март. С.83–93; *Бретаницкая А.* Петр Сувчинский и его время. М.: «Композитор», 1999.

⁵ Асафьев Б. О себе // Воспоминания о Б.В.Асафьеве. Л., 1974. С.492.

⁶ Там же. С.500.

ним организовали выпуск литературно-музыкальных сборников «Мелос»⁷. Лишившись субсидий от Сувчинского, «Музыкальный современник» вскоре закрылся, однако и «Мелос. Книжки о музыке» не стал прочным предприятием: из-за революционных событий вышли в свет всего два сборника (1917–1918). Весной 1917 Сувчинский и Асафьев вращались в литературно-художественной среде, объединявшейся вокруг петроградской квартиры Горького, и, по предложению Горького, стали участниками его газеты «Новая жизнь».

Еще до эмиграции из Советской России осенью 1919 Сувчинский организовал в Петербурге и в Киеве концерты современной камерной музыки, на которых исполнялись, в частности, произведения И.Ф.Стравинского. После переезда из Софии в Берлин Сувчинский в 1922 лично познакомился с композитором, и они сдружились⁸. Ко времени переезда Сувчинского во Францию в 1925 он стал одним из самых близких Стравинскому людей и в своем роде его интеллектуальным наставником, благодаря которому в поле зрения композитора вошли не только новые музыкальные имена и знакомства, но и имена Герцена, Розанова, Шестова, Бердяева, Маритэна и многих других. (Как Стравинский позже признавался: «Он всегда кормил меня книгами»⁹.)

Когда в конце марта 1939 Стравинский получил приглашение от Гарвардского университета читать престижную серию Нортоновских лекций (Charles Eliot Norton Lectures), он обратился за помощью к Ролану-Мануэлу (Roland-Manuel, псевд. Алексиса Мануэла Леви, 1891–1966). На основе своих бесед и переписки со Стравинским французский композитор и критик составил французский текст шести лекций, где Стравинский во второй лекции отчасти излагал теорию «музыкального времени» («la notion du temps et la musique») Сувчинского. (В этой лекции Стравинский назвал Сувчинского «философом-другом».) Сувчинский также принимал участие в составлении текста лекций: он перевел русские слова и выражения в предварительных заметках, подготовленных Стравинским для Ролана-Мануэла, а основные взгляды на историю и развитие русской музыки, изложенные в знаменитой пятой главе лекционной серии («Les Avatars de la musique russe» – «Перемены в русской музыке»), почти всецело принадлежат Сувчинскому¹⁰. Они отражают его реакцию на катастрофическое состояние музыки и культуры вообще в сталинской России, которую он посетил в 1937¹¹.

Осенью 1939 и весной 1940 Стравинский читал лекции (по-французски) в Кэмбридже и с этого времени – начала своего американского периода – потерял контакт с Сувчинским (затем переписка стала невозможной из-за войны). После ее окончания переписка между ними возобновилась

⁷ Асафьев Б. О себе. // Указ. изд. С.504.

⁸ О возможном влиянии «евразийской» идеологии на Стравинского в двадцатые годы см.: Richard Taruskin. Stravinsky and the Russian Tradition. Vol.II. Berkeley–Los Angeles, 1996. P.1124–1127, 1133–1134, 1188–1189.

⁹ Igor Stravinsky & Robert Craft. Themes and Episodes. New York, 1966. P.42.

¹⁰ Лекции были опубликованы издательством Гарвардского университета в 1942: «Poeitique musicale sous forme de six leçons» («Поэтика музыки в форме шести лекций»).

¹¹ См.: Roland-Manuel and La Poeitique musicale // Stravinsky. Selected Correspondence. II. New York, 1984. P.503–511.

(11 ноября 1946 Петр Петрович сообщал Стравинскому, что «после мучительного колебания» решил не возвращаться в СССР)¹². Однако вскоре композитор окончательно порвал отношения с Сувчинским, узнав, что тот сделался приверженцем «официальной» французской музыкально-критической теории о якобы закате таланта Стравинского в пострусский период и о том, что он «продался» неоклассицизму и «американскому капиталу». С публикацией же сборника статей «Musique russe» (1953) под редакцией Сувчинского, где содержались полемические нападки Пьера Булеза на композитора («Stravinsky demeure»), а также резкая критическая оценка Стравинского, принадлежавшая самому редактору (в предисловии – «Domaine de la musique russe»), его имя стало запретным в окружении Стравинского. Только в конце 1956 Роберту Крафту, ближайшему другу, советнику, собеседнику и секретарю Стравинского (стороннику, как и Сувчинский, так называемой серийной музыки: Шенберг, Берг, Веберн), удалось их примирить¹³. Они оставались в живейшем и теснейшем общении до смерти композитора в 1971. Именно благодаря этой дружбе и воздействию Сувчинского на интеллектуальную жизнь выдающегося композитора двадцатого века, у него остается скромное, но настоящее место в музыкальной истории нашей эпохи.

В совершенно другой области – в истории русской общественной мысли двадцатых и начала тридцатых годов – Сувчинскому принадлежит более заметный след. К его роли публициста – одного из организаторов движения «евразийства» – мы теперь и переходим.

В 1920 Сувчинский, бежавший предыдущей осенью с юга России, приехал через Стамбул в Болгарию и поселился в Софии. Он сразу же основал там «Российско-болгарское книгоиздательство», которое немедленно выпустило брошюру лингвиста и культуролога кн. Н.С.Трубецкого (1890–1938) «Европа и человечество». Мысли, высказанные Трубецким, породили в среде русских эмигрантов заметное в двадцатые годы течение, утверждавшее особый, неевропейский, православный по типу характер России (или «российско-евразийского мира»), из чего делался вывод о необходимости специального устройства российского государства – на принципах «евразийства», которое есть «новое направление русской философской и общественно-политической мысли»¹⁴. Формальным манифестом нового движения считается изданная в августе 1921 в Софии книга «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», а основателями движения – четыре автора десяти ее статей: философ и богослов Г.В.Флоровский (1893–1979; уже к 1923 он отошел от евразийства), географ и политолог П.Н.Савицкий (1895–1965), Н.С.Трубецкой и Сувчинский¹⁵.

¹² Roland-Manuel and La Poetique musicale // *Stravinsky*. Selected Correspondence. II. New York, 1984. P.516.

¹³ Материалы для портрета Сувчинского и длинная запись разговора с ним 7 ноября 1956 (главным образом, о Стравинском) см.: *Robert Craft*. Stravinsky. Chronicle of a Friendship, 1948–1971. New York, 1973. P.61.

¹⁴ См.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993; Степан Лубенский <псевд. П.Н.Савицкого>. Евразийская библиография 1921–1931. Путеводитель по евразийской литературе // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. 1931. С.285–317.

¹⁵ См.: *Nicholas V. Riasanovsky*. The Emergence of Eurasianism // *California Slavic Studies* VI. 1967. P.39–72; *Савицкий П.Н.* В борьбе за евразийство: Поле-

В 1922 Сувчинский переехал из Софии в Берлин, где печатались евразийские издания (с ним согласовывались издательские вопросы, связанные с движением)¹⁶. На него была возложена также задача популяризации и распространения евразийской идеологии в эмигрантских кругах. В немецкой столице он окончательно завербовал в ряды евразийцев Д.П.Святополка-Мирского, который уже в 1921 писал с симпатией о движении в английской периодике. Затем Мирский стал главным проповедником евразийских идей в Англии¹⁷.

После переезда во Францию в 1925 (евразийское издательство находилось под Парижем) Сувчинский привлек к движению и С.Я.Эфрона. С середины двадцатых годов левизна Сувчинского и группы «новообращенных» им становится все более заметной даже в евразийских кругах. Особенно ярко выразилась она на страницах журнала «Версты» (1926–1928), который Сувчинский редактировал вместе с Мирским и Эфроном. Появление нового журнала вызвало не только бурю враждебных откликов в эмигрантской печати из-за его подчеркнута просоветской ориентации, но и критику со стороны более ортодоксальных евразийцев, таких как Трубецкой и Савицкий. Интерпретация евразийских идей в трех выпусках журнала, а затем в газете «Евразия» отражала отход редакторов «от православия к материализму» и расхождение леворадикальной группы с Сувчинским и Мирским во главе – с умеренной частью движения. В конце концов это привело к расколу евразийства в 1929¹⁸.

Левое крыло движения любило утверждать, что у него есть сторонники в Советской России¹⁹, а во второй половине двадцатых годов сообщало и о целом ряде «евразийских (тайных) отъездов в Россию»²⁰. Но с эволюцией движения леворадикальные его члены осознавали необходимость найти союзников также среди русских, находившихся вне метрополии. С этой целью

мика вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы. Указ. изд. С.1-52; Волгогонова О.Д. Евразийство: эволюция идеи // Образ России в философии русского зарубежья. М., 1998. С.43-76.

¹⁶ См., например, его письма Н.С.Трубецкому и Н.А.Бердяеву: К истории евразийства. 1922–1924 гг. / Публ. Е.Кривошеевой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т.V. М., 1994. С.475-503.

¹⁷ См.: Казнина О.А. Д.П.Святополк-Мирский и евразийское движение // Начала. 1992. №4. С.80-87 и прим.1 к первому письму. У Мирского всегда было неоднозначное отношение к «официальной» идеологии евразийства; см. его письма к Сувчинскому: The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky. 1922–31 / Ed. by G.S.Smith // Birmingham Slavonic Monographs. №26. 1995.

¹⁸ См. прим.2 к письму 3.

¹⁹ Мирский, например, писал в 1927: «signs are not lacking that these ideas are being favourably accepted inside the Union by ever-increasing numbers». D.S.Mirsky. The Eurasian Movement // The Slavonic Review (London). December 1927. Vol.VI. №17. P.319.

²⁰ Письмо М.И.Цветаевой Л.И.Шестову от 31 июля 1927. Цветаева М. Собр. соч. в 7-ми тт. Т.7 (Письма). М., 1995. С.50. См. также письмо Мирского Сувчинскому от 31 октября 1929: «К посылке Эфрона, Родзевича или кого другого в Союз я отнесу весьма отрицательно <...>. Если кому ехать, то только тебе, с Араповым или одному или с Родзевичем»: The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky. 1922–31. Op. cit. P.141.

Мирский и Сувчинский решили обратиться к самой знаменитой и наиболее подходящей, как им представлялось, из подобного рода фигур – Максиму Горькому. Последний давно оставил критическое отношение к большевистской власти, побудившее его покинуть Россию, а с середины 1920-х годов сделался излюбленной мишенью эмигрантских сатириков, которые не устали сопоставлять его публичные просоветские заявления с частным образом жизни вдалеке от советского рая. Приведем два из таких «незаслуженно забытых» опусов:

ИТАЛО-СОВЕТСКАЯ СЕРЕНАДА

Ко дню пятидесятилетия Сталина – Максим Горький отправил ему из Сорренто восторженную телеграмму.

(Из газет)

«Санта Лючия,
Санта Лючия!..»

Дольче Сорренто,
О, мио каро,
Вилла и рента
И гонораро!
Предпочитает
Эти «задворки» –
Маисимо Горький,
Маисимо Горький!

Море смеется,
Море хохочет,
Море плюется,
Море не хочет...
Дух апельсинов,
Русской икорки –
Маисимо Горький,
Маисимо Горький!

Горечь леченья,
Сладкая дата:
Все сочиненья
У Госиздата.
Куча долларов –
Это «подарки» –
Маисимо Горький,
Маисимо Горький!

Бахнуло гулко
Вождю полвека,
Вставил он «втулку»
В грудь человека...
Трупов в подвалах

Жуткие горки –
 Маисимо Горький,
 Маисимо Горький!

Любит он друга, –
 Друг-то, ведь, в силе, –
 Этого Джуга
 Сталиншевили.
 Действие «дружбы»
 Шибче касторки –
 Маисимо Горький,
 Маисимо Горький!

Вот телеграмма,
 Словно рассказец:
 «Молвлю я прямо –
 Вождь и кавказец,
 Ты же кумир
 Пролетарской галерки». –
 Маисимо Горький,
 Маисимо Горький!

Дольче Сорренто,
 Я не в закуте.
 Вилла и рента,
 Тутти и фрутти.
 Запах лимонов
 Лучше махорки, –
 Маисимо Горький,
 Маисимо Горький!²¹

—
 БУРЕВЕСТНИКУ

«Мы живем в условиях непрерывной войны со всем буржуазным миром. Из этого следует, что, если враг не сдастся, он подлежит истреблению».

Горький

Жаждешь ты кровавых мер
 (Продал душу черту!)
 Но – великий лицемер, –
 Платишь дань комфорту:

На лазурном берегу,
 В буржуазной вилле,
 Воспеваешь смерть «врагу»,
 Славу – Джугашвили.

²¹ Рувль. 1929. 29 декабря. Подпись: Жак Нуар.

Средиземная волна –
 Жемчуга с сапфиром...
 А перо строчит: «Война
 С буржуазным миром!»

Ты богат и пьян и сыт,
 Но – о, гений фальши! –
 Ты поешь смертельный быт
 В Соловках и дальше!

Кто же, кто же ты, – скажи:
 Сатаны наместник?
 Вестник подлости и лжи?
 Зла и Смерти вестник?!..²²

Горький не скрывал своего скептического взгляда на евразийство как на несвоевременное оживление славянофильских идей²³. При этом, однако, внимательно следил за всеми евразийскими выступлениями, в том числе за «Верстами», которые характеризовал как «княжеское дело»²⁴. Тем не менее, в 1927 Мирский уговаривал Сувчинского, который, как отмечалось, был знаком с Горьким в Петрограде в революционные годы, устроить свидание в Сорренто. Так возникла публикуемая здесь переписка.

Молодым друзьям, которые в начале января 1928 побывали у Горького в Сорренто, не удалось убедить писателя принять евразийство (в это время они уже планировали новое предприятие – газету «Евразия» и, вероятно, пригласили его к участию в газете, но без успеха). Основные принципы движения оставались неприемлемыми для Горького. В отличие от Сувчинского, Мирский быстро понял, что «связь с Горьким может быть только результатом ликвидации организованного Евразийства и перехода к широкому объединению беспартийных ленинистов-сталинцев. <...> Но практически я в это не верю. Все, создавшееся по инициативе Горького, было всегда поражено бесплодием»²⁵. Общение с Горьким, однако, стало одним из поворотных событий в их жизни. После раскола евразийского движения Сувчинский постепенно потерял к нему интерес и сосредоточил свою общественную деятельность в просоветской организации «Союз возвращения на Родину», в которой видную роль играла его бывшая жена Вера Александровна

²² Возрождение. 1930. 21 ноября. Подпись: Lolo (наст. имя Леонид Григорьевич Мунштейн, 1866/67–1947).

²³ См. письмо Горького О.Д.Форш от 27 сентября 1926 // Литературное наследство. Т.70 (Горький и советские писатели: Неизданная переписка). М., 1963. С.589; *W. von Korostovetz. Maxim Gorki und Eurasien. // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1925. 17 mai.*

²⁴ См. письмо Горького А.К.Воронскому от 24 июля 1926 // Архив А.М.Горького. Т.Х. Кн.1 (Горький и советская печать). М., 1964. С.40. Горький не мог не отметить резко критический отзыв Мирского о его произведениях во втором выпуске журнала «Версты» (1927. С.250).

²⁵ Письмо Мирского Сувчинскому от 31 октября 1929 // *The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky. 1922–31. Op. cit. P.141.*

(1907–1987), старшая дочь А.И.Гучкова²⁶. Для Мирского 1928 год был переломным на его пути «к полному и безоговорочному принятию коммунизма»²⁷. Он также отошел от евразийства – в британскую коммунистическую партию. Вместе с Сувчинским, по приглашению Горького, он начал сотрудничать в журнале «За рубежом», который редактировал Горький, и наконец оба они сделали решающий шаг. Позднее Сувчинский вспоминал: «Я тоже подал прошение о визе. Странно, в один день с Мирским: он в Лондоне, я в Париже – о возвращении в Россию. Ему дали, а мне отказали. <...> Социально мы были одинаковы. И вот ему дали, а мне отказали. <...> Горький уговаривал нас ехать в Россию: “Я вас устрою”, и он убедил Мирского и меня»²⁸.

В результате длительной переписки с Горьким Мирскому действительно была оказана помощь в получении советского паспорта, и он вернулся в СССР в 1932. Сувчинский навестил Советскую Россию только в 1937. Тогда у него открылись глаза, по крайней мере на то, что происходило в культурной сфере страны, и он вернулся во Францию. К этому времени он вообще отошел от русских общественных дел и, сделав окончательный выбор (или советская власть сделала этот выбор за него, когда отказала ему в визе в 1932?), целиком погрузился в музыку, войдя в историю не русской, а западной музыкальной жизни как Pierre Souvtchinsky.

Письма М.Горького находятся в архиве П.П.Сувчинского в Национальной библиотеке (Париж). Выражаю глубокую признательность В.Е.Аллою за предоставленные материалы. А.В.Лаврову и В.Е.Гитину приношу благодарность за полезные советы и помощь в работе.

²⁶ О ней см.: *Казнина О.А., Трейль В.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С.155-158.

²⁷ Письмо Мирского Горькому от 30 декабря 1930: D.S.Mirsky to Maksim Gor'ky: Sixteen Letters / By Ol'ga Kaznina and G.S.Smith // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol.XXVI. 1993. P.93. См. также автобиографический очерк Мирского «Histoire d'une émancipation»: La Nouvelle Revue française. 1931. XXXVII. С.392.

²⁸ Устные воспоминания Сувчинского // *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. Tenafly (N.J.), 1989. С.196. См. также письмо 8, прим. 1.

1

<1 октября 1927 г. Сорренто>

Уважаемый Петр Петрович –

на Святках не собираюсь уезжать из Sorrento и буду рад встретить – Вас и Дмитрия Петровича¹. Просил бы Вас заранее сообщить о дне приезда.

Живу я в десяти минутах пешего хода от города по Capo di Sorrento, через дорогу от моей квартиры не дорогой и чистенький отель «Minerva»², где Вы могли бы остановиться. Дорога – приятная. Извозчик – 5 лир.

Всего доброго.

А.Пешков

1.X.27.

¹ По-видимому, в конце сентября 1927 Сувчинский написал Горькому о своем намерении навестить его в Сорренто вместе с Д.П.Святополком-Мирским. В письме от 31 октября 1927 Мирский спрашивал Сувчинского: «Как Рим? Верней Сорренто?» См.: The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky. 1922–31 / Ed. by G.S.Smith // Birmingham Slavonic Monographs. №26. 1995. P.93. Об отношениях Сувчинского с Мирским см. предисловие к их переписке редактора, Дж. С. Смита. По его мнению, Мирский считал Сувчинского своим лучшим другом в эмиграции.

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, князь (1890–1939) – лит. критик и историк, автор известной двухтомной истории русской литературы (на англ. яз., 1926 и 1927); сын министра внутренних дел России (август 1904 – январь 1905) П.Д.Святополка-Мирского. Служил офицером в армии Деникина, эмигрировал в 1920. С 1922 по 1932 – лектор русской литературы в Лондонском университете. Сближение Мирского с евразийским движением началось в 1922. 7 сентября 1922 Сувчинский писал из Берлина П.Н.Савицкому, одному из главных организаторов движения: «В нашем полку пришло: вчера был у меня князь Святополк-Мирский <...> он очень сочувствует всему движению». В апреле 1923 Сувчинский писал ему же: «он <Мирский> неистовый и стал ярым евразийцем». См.: *Казнина О.А.* Д.П.Святополк-Мирский // Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С.125. До ноября 1929 (момент распада «кламарского» евразийства) Мирский – активный деятель и теоретик евразийского движения, соредатор журнала «Версты» и еженедельника «Евразия». Он же автор нескольких статей и заметок по-английски о движении, в том числе: *D.S.Mirsky. The Eurasian Movement.* // The Slavonic Review (London). December 1927. Vol.VI. №17. P.311-320. В 1931 вступил в коммунистическую партию Великобритании. В 1932 вернулся в СССР, был арестован, но выпущен в 1935, заново арестован в 1937, умер в лагере 6 сентября 1939. См. также: *Ol'ga Kaznina and G.S.Smith. D.S.Mirsky to Maksim Gor'ky: Sixteen Letters (1928–1934)* // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1993. Vol.XXVI. P.87-103.

² Ср. сообщение в мемуарном очерке В.Ф.Ходасевича «Горький»: «...сняли ту самую виллу “Il Sorito”, которой суждено было стать последним прибежищем Горького в Италии. Находилась она не в самом Сорренто, а в полуктора километрах от него, на Соррентинском мысу, Capo di Sorrento. <...> Иногда появлялись гости, жившие по соседству, в отеле “Минерва”» (Ходасевич В. Некрополь: Воспоминания. Литература и власть. Письма Б.А.Садовскому. М., 1996. С.157).

2

<24 января 1928 г. Сорренто>

Уважаемый Петр Петрович –

посылаю Вам письмо, полученное с неделю тому назад.

Спасибо Вам за добрые пожелания. Сердечно рад сказать, что Вы и князь оставили за собою очень яркие тени, очень «пластическое» впечатление¹.

А признать «третьего» – не могу². Это у меня не столько «интеллектуальное», как эмоциональное, органическое отрицание. Разумеется – очень «большая тема», да, и долго будет волновать, ссорить, озлоблять до ненависти. Но для меня мир и я всегда будут восьмеркой, одно кольцо он, т.е. Вы, другое – я. И там, где кольца перекрещиваются петлей, там – все чудеса.

Сердечный мой привет.

А.Пешков

24.1.28³.
Sorrento.

P.S. Читали Вы «Дневник» А.А.Вырубовой в декабрьской книге «Минувшие Дни»?⁴ Какой ужас!

АП

¹ Ср. устные воспоминания Сувчинского: «Я часто встречал Горького в России, а потом в Сорренто. Мирский однажды попросил меня поехать с ним, и мы провели Рождество у Горького. Был такой поэт Магаретти <так! имеется в виду Джузеппе Унгаретти, 1888–1970. – Публ.>, он нам устроил визу, и мы поехали. За нами следили все время» (Лосская В. Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. Tenaflly (N.J.), 1989. С.196; отрывки из разговоров Сувчинского с автором книги везде подписаны буквой «Г», а не его фамилией). В письме к Ольге Форш от 6 января 1928 Горький сообщает, что у него в гостях «евразиец Сувчинский, проживающий в “Минерве” купно с одним из потомков Святополка Окаянного. <...> Святополк Окаянный – бывший князь, спец по истреблению единокровных братьев». См.: Горький – О.Д.Форш // Литературное наследство. Т.70 (Горький и советские писатели: Неизданная переписка). М., 1963.

С.602. См. также письмо Мирского Горькому от 2 февраля 1928: «...не могу найти подходящих слов, чтоб сказать, каким огромным благодеянием была для меня встреча с Вами. Так вероятно и не найду, но у меня чувство, как будто бы я был не в Сорренто, а в России, и эта побывка в России меня страшно выпрямила». – Oxford Slavonic Papers. Vol.XXVI. P.93.

29 февраля 1928 В.Ф.Ходасевич писал М.В.Вишняку: «Кстати: Свят. и Сувчинский с месяц тому назад поехали к Горькому. Впрочем, они вряд ли поладят. Имею в виду личный контакт. А в смысле связи с Москвой – возможно, что они чего-нибудь и добьются. Говорю это вполне беззлобно. Както они меня сейчас не волнуют и даже не занимают. По-моему, это лимон выжатый. Меня даже мало занимает, какой трюк придумают на эту осень. В 1925 году было даже возвращенчество, в 1926 – евразийство, в 1927 – Сергей». См.: М.Вишняк. Владислав Ходасевич (Из личных воспоминаний и архива б. редактора) // Новый журнал. 1944. №7. С.299.

² Имеется в виду «евразийская» идеология.

³ В автографе описка в датировке: «1927».

⁴ «Дневник А.А.Вырубовой» // Минувшие дни: Иллюстрированный исторический альманах / Под ред. М.А.Сергеева и П.И.Чагина. Приложение к вечернему выпуску «Красной газеты». Л., 1927. Декабрь. №1. С.5-76. Публикация дневника продолжалась в следующих выпусках альманаха в 1928. Анна Александровна Вырубова (урожд. Танеева, 1884–1964) – любимая фрейлина императрицы Александры Федоровны, близкая к Распутину и проводник его влияния в царской семье. См.: Дневники и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1991.

3

<17 февраля 1930 г. Сорренто>

Уважаемый Петр Петрович, –

я буду искренно рад, если мне удастся помочь Вам в деле, серьезное значение которого мне совершенно ясно.

Совершенно согласен с тем, что, работая за рубежом России, Вы и Ваша группа принесете значительно больше пользы родине, чем принесли бы, работая в ее границах¹, в хаотическом и мощном грохоте ее строительства.

Для того, чтоб действовать, мне нужно знать: могу ли я сообщить Ваше предложение в Москву и какие – в цифрах – средства необходимы на организацию еженедельника, на издание его в течение года?²

Затем – моя просьба: нет ли среди Вашей группы человека, который мог бы давать для журнала «Наши достижения» бытовые очерки из жизни эмиграции³, а также очерки быта французской интеллигенции, мелкого чиновничества и быта провинции? Может быть, это работа не для одного человека – все равно, пусть будут двое, трое.

Передайте сердечный мой привет Мирскому, таковой же шлю и Вам.

Всего доброго!

А.Пешков

17.II.30.

Машинопись. Приписка «Всего доброго!», подпись и дата – от руки.

¹ Ср. письмо Мирского Сувчинскому от 31 октября 1929: «...в понедельник видел Арапова. Он мне рассказал о моем плане перенесения главной работы в Союз. Я считаю этот план утопическим и по существу вредным. <...> Вредным потому, что как группа мы можем быть полезны только нашей деятельностью здесь. Только здесь мы можем сохранить ту внешнюю независимость, которая одна может дать нам известный авторитет. <...> Как организация Евразийство может иметь только одну цель: быть группой независимо пришедших к признанию коммунизма эмигрантов, работающих на пользу коммунизма в среде коммунизму враждебной или полувраждебной». // The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky. 1922–31. Op. cit. P.138-139.

² В январе 1929 произошел так называемый «кламарский раскол» евразийского движения на враждующие «правое» и «левое» крыло. Н.Н.Алексеев, В.Н.Ильин, П.Н.Савицкий (лидер «правого» крыла, живший в Праге), К.А.Чхеидзе и др. вышли из редакции и из числа сотрудников «еженедельника по вопросам культуры и политики» «Евразия» (№1-35, 1928–1929). См. в этой связи брошюру с критикой «кламарского уклона»: *Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Савицкий П.Н.* О газете «Евразия»: газета «Евразия» не есть евразийский орган. Париж, 1929. См. также: *Арензон Е.Р.* Провиант и политика (Сатирический комментарий к истории раскола в евразийстве) // Новое литературное обозрение. 1998. №30. С.271-273. Редакция еженедельника, выпускавшегося в Кламаре (на юго-западе от Парижа), где находилось евразийское издательство, оказалась в руках «левых», открыто занявших просоветскую позицию. Среди них были П.С.Арапов, Л.П.Карсавин, А.С.Лурье, П.Н.Малевский-Малевич, В.П.Никитин (исполняющий обязанность председателя), Святополк-Мирский, Сувчинский и С.Я.Эфрон. Сувчинский, возглавлявший издательство «Евразия» в 1922–1928 и в то время живший в Кламаре, в разговоре с Вероникой Лосской вспоминал: «В Кламаре были евразийские собрания. <...> Потом произошло сильное полевение движения и, наконец, раскол. <...> Полевения движения Трубецкой не хотел. Были левые и правые. Были белогвардейские офицеры, а затем стали появляться какие-то странные посланцы из России – провокаторы. Это создавало враждебные отношения внутри движения. Мирский тогда тоже полевел» (*Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. Указ. изд. С.158). Еженедельник просуществовал до сентября 1929, когда средства на издательские дела иссякли – богатый англичанин Г.Н.Сполдинг (Henry Norman Spalding, 1877–1953) перестал отпускать субсидии. Относительно финансирования «евразийства» см. воспоминания Сувчинского (Там же. С.293; он умалчивает о том, что слухи о его финансовых связях с торгпредством СССР были широко распространены в эмиграции), а также: *Казнина О.А.* Евразийство в Англии. Н.Сполдинг // Русские в Англии. Указ. изд. С.125-138; *Шевеленко И.* К истории евразийского раскола 1929 года // Темы и вариации. Сборник статей и

материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford Slavic Studies. Vol.8. Stanford, 1994. P.376-416. См. также письмо Мирского Сувчинскому от 27 октября 1929, в котором он пишет о том, что ждет «благоприятного ответа (материально)» «из союза», без которого нужно будет «распустить» евразийскую организацию (The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky. 1922-31. Op. cit. P.138), и его письмо от 20 ноября 1929 о Сполдинге (Там же. P.146-147).

Перестали выходить и евразийские сборники, выпускавшиеся евразийским издательством (Les Editions Eurasie, 10, rue Paul Bert, Clamart). Первый такой сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» вышел в Софии в 1921. Второй – «На путях. Утверждение евразийцев» – в 1922 в берлинском издательстве «Геликон». Три сборника вышли под маркой собственного «Евразийского издательства» под названием «Евразийский Временник» (1923, 1925, 1927; Берлин, затем Париж). В 1929 «Евразийский Сборник: Политика. Философия, Россияведение», под редакцией «правых» (Алексеева, Ильина, Клепинина, Савицкого и Чхеидзе), вышел в Праге. Именно о возникновении «сборников», не «еженедельника» идет речь в последующих письмах Горького Сувчинскому. Последний сборник – «Тридцатые годы» – вышел в 1931 (Париж, издание евразийцев) со статьями Алексеева, Я.А.Бромберга, Г.В.Вернадского, Н.А.Дунаева, В.Н.Ильина, П.В.Логовикова, С.Лубенского, И.Савельева, П.Н.Савицкого, Э.Д.Хар-Давана, В.Чухнина, и К.А.Чхеидзе. Он был приурочен к десятилетнему юбилею движения.

³ Горький редактировал журнал «Наши достижения», выходивший в Москве с января 1929 по май 1937. См.: «Наши достижения» // М. Горький и советская печать. Кн.2. М., 1965. С.116-197.

4

<20 марта 1930 г. Сорренто>

Уважаемый Петр Петрович –

очевидно, я не достаточно определенно изобразил Вам цель журнала «За рубежом» и результатом этого явилось недоразумение¹.

Цель журнала – освещение быта современной Франции, ее столицы и провинции, очерки и эскизы будничной жизни буржуазии и пролетариата: питание, развлечения, отношение к женщине, детям и т.д.

Вы прислали «политическую» статью, к тому же придав ей словесную форму не достаточно удобочитаемую для массы². Наш читатель – жаден до печатного слова, но – он требует простого, ясного языка.

А насколько он жаден, это явствует из того, что «Крестьянская газета» печатается 1.730.000 экз<емпляров> – выходит 3 раза в неделю – «Примерный устав сель<ско>хоз<яйственной> артели» напечатали 11.450.000 – по 2 к<опейки> экз<емпляр> – не хватило! «Наши достижения» в прошлом году печатали 35 т<ысяч>, в этом –

60, думаем, что к концу года будем печатать 100. «За рубежом» тоже рассчитываем выпустить 1-ую книгу 40 т<ысяч>. Вот какие дела!³

Ответа на мое письмо по поводу издания сборников еще не имею. Получив – немедля сообщу Вам.

Всего доброго!

А.Пешков

20.III.30.

¹ Горький числился ответственным редактором журнала «За рубежом», который выпускался Госиздатом с июля 1930 по март 1938 в Москве. Журнал был призван освещать события из жизни современного капиталистического общества. Статья Горького о журнале «Освещать быт, обнажать скрытую в нем политику» была опубликована в №1 «За рубежом» (25 июня 1930).

² По-видимому, Горький возвратил статью для переработки. Затем Сувчинский еще раз послал ему ее. См. след. письмо.

³ Ср. письмо Горького Р.Роллану от 1-2 августа 1933 из Горок: «у нас «бумажный кризис» <...> Причина явления – рост грамотности и быстрое развитие потребности знания. Спрос на книгу выражается в цифрах почти астрономических: в текущем году Госиздат уже выпустил 45 миллионов учебников для низшей и средней школы <...> «Известия» печатают миллион 600 т., а спрос читателей – 5 миллионов. Такое же положение и у «Правды», у «Крестьянской газеты», хотя ее тираж 1700 т. Журнал «Наши достижения» печатается в 60-ти т., а нужно – 200». См.: Архив А.М.Горького. Т.XV. Горький и Р.Роллан. Переписка (1916–1936). М., 1995. С.272. См. также письмо Горького Т.Кострову от 25 мая 1930 // М.Горький и советская печать. Указ. изд. Кн.2. С.209-211.

5

<Лето 1930 г. Сорренто>¹

Уважаемый Петр Петрович –

мне Ваша статья весьма понравилась, содержательна, написана просто; я отправил ее в Москву и, уверен, она пойдет². Как только получу ответ оттуда – сообщу Вам, какие темы были бы желательны для журнала.

Статья Адлера – неинтересна и тускловата³. Огорчило меня то, что Вы сказали о Ф.И.Шаляпине, но я вынес от встречи с ним в Риме почти такое же впечатление⁴. Много сделал он, а – мог бы сделать в 10 раз больше, если б не счёл себя – преждевременно – равным всему великому. Самонадеянный русский талантище, он никогда не заботился о том, чтоб немножко поучиться, почитать. Живопись? И я могу! Пишет картины, но – в музеи ходить – не любит. Скульптура? Могу и лепить, как Паоло Трубецкой⁵, а – посмотреть

на греков – лень, времени не хватает. В конце концов: из всех искусств он больше всего любит преферанс.

Тридцать лет знаю я его. 130 раз ругался с ним, люблю его, восхищаюсь и – обидно за него⁶. Очень.

Крепко жму руку.

А.Пешков

Как со сборниками? Мне сказали, что это дело осуществимо.

¹ В верхнем правом углу помета рукой Сувчинского (?): «1930». Дата уточняется по содержанию.

² В начале июля 1930 Т.Костров, заместитель ответственного редактора журнала «За рубежом», писал Горькому: «Материал о Франции, который Вы нам прислали, содержит в себе достаточное количество живых и интересных фактов. Мы его несколько сократили и даем в №3 – «За рубежом». Горький – Костров // Горький и советская печать. Указ. изд. Кн.2. С.213. Речь идет о статье Сувчинского о Франции, которая, однако, не была напечатана в третьем номере «За рубежом». См. письмо 6, прим.1.

³ Александр Севастьянович Адлер – активный сотрудник еженедельника «Евразия». В своих воспоминаниях Б.Н.Лосский писал: «Поскольку речь зашла об этих верных служителях “Евразии”, уместно будет здесь же и закончить рассказ об этой газете, тем более, что в том же году она прекратила существование своим 35-м номером. В ее тематику входили разнообразные статьи не только идеологического содержания, но и отзывы на нововыходившие, главным образом на Западе, книги гуманитарного порядка на исторические и социологические темы. Подписей “вожачков” как-то не вспоминаю, чаще за всех писали “младшие богатыри” <...> Помнится <...> анонимат ведшего с беспредельной преданностью “кухню” газеты Шуры Адлера, автора заметок, где особенно доставалось парижской эмигрантской прессе». – Лосский Б.Н. В русском Париже (1927–1935) // Минувшее: Исторический альманах. Вып.21. М.; СПб., 1997. С.18–19. Статьи за его подписью появились в №1, 4 и 11 «Евразии». Возможно, что Адлер вел «Хронику» газеты. См.: Лосский Б. Что мне вспоминается... О евразийстве и евразийцах // Русская мысль. 1994. 29 сентября – 5 октября. №4046. С.12. В письме к Сувчинскому от 7 мая 1929 Мирский писал: «передовые Шуркины очень хороши <...> Шурка молодчина» (The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky. 1922–31. Op. cit. P.123).

⁴ О своей встрече с Федором Ивановичем Шаляпиным (1873–1938), который с 1922 перешел на положение невозвращенца, Сувчинский сообщил П.П.Крючкову в письме от 15 июня 1930. См.: М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1916–1936). Указ. изд. С.469 (прим.20). В письме к Дж. С. Смиуту от 23 июля 1974, Сувчинский сообщал: «Я знал Горького еще в Петербурге–Петрограде, познакомился с ним у Шаляпина» (The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky. 1922–31.Op. cit. P.2).

15–21 апреля 1929 Горький провел «несколько милых вечеров» с Шаляпиным в Риме. См.: Летопись жизни и творчества А.М.Горького. Вып.3. 1917–1929. М., 1959. С.718.

⁵ О Паоло Трубецком (1866–1938), который родился, воспитывался и умер в Италии, см.: Павел Петрович Трубецкой. Скульптура, графика. Выставка произведений к 125-летию со дня рождения: Каталог. Гос. Третьяковская галерея. Гос. Русский музей. М., 1991. В 1899–1900 (?) скульптор выполнил портрет Шалаяпина (бюст; Каталог, №24, ГРМ), а в 1908 он лепил фигуру знаменитого певца в рост (Каталог, №40, ГТГ).

В варианте второй части письма от 30 октября 1930 Горький писал Р.Роллану: «Кстати, разрешите спросить Вас об отношении моего бывшего близкого друга Федора Шалаяпина к Советской власти рабочих и крестьян. <...> Теперь он предъявил к этой власти иск в 2 миллиона франков за – якобы – незаконное издание его “Записок”, предъявил, зная, как его страна нуждается в деньгах. Литературной конвенции между Россией и государствами Европы никогда не было и нет. <...> Но французский суд почему-то признал за ним это право. <...> Я в течение двух лет уговаривал его написать автобиографию, но он ленив и не очень грамотен. В 915 году я приехал к нему, захватив с собою стенографистку. Шалаяпин рассказывал ей о себе, а я редактировал стенографическую запись, добавив от себя все, что в разное время он рассказывал мне. Это дает мне право считать себя хотя бы наполовину собственником рукописи. Журнал “Летопись”, где печатались “Мемуары”, издавался и редактировался мною. Шалаяпин получил за печатание в нем “Мемуаров” 6500 руб. Вот какая странная история – не правда ли? <...> Тот факт, что он взыскал эти миллионы – позорит его в моих глазах». См.: М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1916–1936). Указ. изд. С.430–431. (Ныне этот текст печатается в полном собрании сочинений самого Горького.) В последний раз Горький «ругался» с Шалаяпиным два года спустя, когда в течение 1932 его воспоминания печатались по главам в парижской газете «Последние новости» (редактор – П.Н.Милюков). 27 ноября 1932 Горький писал Р.Роллану из Сорренто: «Мне крайне тяжело и стыдно читать бездарные выдумки эмигрантов, в свое время я знал многих из них, и они были очень порядочными людьми. Стыдно читать и “воспоминания” бывшего друга моего Федора Шалаяпина. <...> Но меня лично возмущает не столько эта ложь, сколько общий тон его “воспоминаний”, тон, недостойный великого артиста, хвастливый, мелочный, грубый. К тому же Шалаяпин не очень грамотно и умело излагает факты, мысли, а газета Милюкова, в которой печатаются “воспоминания”, не редактирует их. Делается это как бы нарочно, для того, чтоб читатель видел, как невежествен прекрасный артист. Очень тяжелая вещь эти воспоминания <...> “Воспоминания” Шалаяпина и Александры Толстой об отце – два источника гнуснейшей пошлости и глупости» (Там же. С.244).

См.: *Шалаяпин Ф.И.* Маска и душа (Мои сорок лет на театрах). Париж: «Современные записки», 1932. После смерти сына Горького, М.А.Пешкова, 11 мая 1934, Шалаяпин был среди тех, кто послал писателю письма и телеграммы соболезнования.

6

<26 сентября 1930 г. Сорренто>

Уважаемый Петр Петрович, –

за статью Вашу Вы получили мало, потому что редколлегия сильно сократила ее. Основание сокращений: «для автора многое внове из того, что для нас пройденная истина». Сведений о второй Вашей статье еще не имею¹. Фактический редактор – в Боржоме, в отпуске².

Два № журнала были посланы Вам, но – возвращены почтой Франции. С моими посылками такие «ретуры» бывают не редко.

Редколлекцией проведена анкета среди подписчиков: они требуют статей на темы: Положение женщины в буржуазной и рабочей среде. Проституция. Дети. Молодежь. Подготовка к войне. Спорт. Литература. Техника. Военная техника. Междуклассовые отношения. Театр, кино, живопись. Отзывы бур<жуазной> прессы о пятилетке. Колонии. Религия, церковь, духовное закрепощение масс. Быт рабочих.

Журнал придется расширить с нового года.

Всего доброго!

А.Пешков

26.IX.30.

¹ В журнале «За рубежом» нет никаких статей, подписанных Сувчинским, а в первых трех номерах журнала за июль, август и сентябрь 1930 вообще нет статей о Франции. В четвертом номере (октябрь) была напечатана статья Н.Лосева «Фашистское рукопожатие» о французском политическом кризисе и в отделе «Лицо гибнущего мира» находим две заметки (без подписей) о французском быте. Первые длинные «бытовые» статьи о Франции появились только в ноябрьском номере журнала (№5): «Налог на нищету», за подписью В.Аллари, и «Мещанское царство» А.Ассара. Одна из этих статей в №5, несомненно, принадлежит перу Сувчинского. 8 октября 1930 А.С.Гурович, заведующий редакцией журнала «За рубежом», сообщил Горькому о предполагаемом содержании пятого номера журнала: «Первая статья Сувчинского (из-за сокращения формата пришлось ее задержать, но, быть может, при помощи некоторой комбинации еще удастся ее тиснуть в четвертом номере)». См.: М.Горький и советская печать. Указ. изд. Кн.2. С.220. О сокращении статьи см. письмо Кострова Горькому, цитированное в прим.2 к письму 5.

² Тарас Костров (Александр Сергеевич Мартыновский, 1901–1930). В 1925–1928 был редактором газеты «Комсомольская правда», в 1929 – редактором журнала «Молодая гвардия». Принимал активное участие в выпуске первых четырех номеров журнала «За рубежом». «Безвременная кончина» (см. прим.2 к следующему письму) оборвала его работу в редколлекции журнала.

7

<24 декабря 1930 г. Сорренто>

Уважаемый Петр Петрович –
 посланные Вам три книжки «За рубежом» возвращены французской почтой. Это – не первый случай французского остроумия. Письмо мое, посланное одновременно, Вы, должно быть, тоже не получили?

В письме этом я писал, что требуются статьи по вопросам быта, а не политики. Темы, интересные для редакции: чему учатся, чем забавляются дети, как живет женщина буржуазных групп и рабочего класса, что читают, что даёт кино, что привозит с собой иностранец, чем его угощают и пр. и т.д. Вообще – быт!

Статью об Индокитае не успел прочитать, напишу о ней позднее. Журнал – очень плох, ибо все пишут о политике и – газетно¹. А тут еще горе: фактический редактор умер². Теперь это место займет, вероятно, Карл Радек³. Сие было бы прелестно.

Жму руку.

А.Пешков

24.XII.30.

¹ См. письма Горького А.С.Гуровичу от конца сентября – начала октября 1930 и от 15 ноября 1930 («Четвертый № не лучше первых трех») – М.Горький и советская печать. Указ. изд. Кн.2. С.216-218, 223.

² На обороте обложки четвертого номера «За рубежом» (октябрь 1930) редакция сообщила: «В Гаграх 18 сентября 1930 г. умер от скарлатины заместитель <ответственного> редактора журнала “За рубежом” тов. Александр (Тарас) Костров». Некролог был напечатан в «Литературной газете» от 24 сентября 1930.

³ В письме от 25 октября 1930 Горький писал А.С.Гуровичу: «По вопросу о редакторе скажу: ничего не имея против М.Е.Кольцова, все-таки предпочел бы т. Карла Радека, который отлично знает Европу и, наверное, не так перегружен работой, как Кольцов». – М.Горький и советская печать. Указ. изд. Кн.2. С.222. Тем не менее, соредактором журнала «За рубежом» стал Михаил Ефимович Кольцов (1898–1942? по новым данным – расстрелян гораздо ранее; наст. фам. – Фридлянд), «первый журналист своей эпохи», по определению К.Чуковского, а не Карл Бернгардович Радек (1885–1939, в заключении; наст. фам. – Собельсон). См.: *Кольцов М.Е.* Горький – редактор «За рубежом». // За рубежом. 1936. 25 июня. №18. См. также: Переписка А.М.Горького с М.Е.Кольцовым / Публикация Архива А.М.Горького // Новый мир. 1956. №6; Горький – Кольцов // М.Горький и советская печать. Указ. изд. Кн.2. С.224-253.

8

<15 ноября 1931 г. Сорренто>

Не отвечал Вам, уважаемый Петр Петрович, так долго, потому что искал способа обойти как-нибудь запрещение переводов за границу и в лирах и в инвалюте¹.

Приходится ждать «оказии», каковая и будет в первых числах декабря, не раньше.

Удивительно дурацкие выходы совершают здешние власти под толчками кризиса и, право, кажется, что обыватель скоро не вынесет дальнейшего давления – взорвется.

Слышал, что предполагено ввести налог на балконы, по 50 лир со штуки, ибо они – балконы – «пользуются общественной площадью». После Москвы, Ленинграда чувствуешь себя здесь как-то очень не ловко², как бы принужденным сдерживать «свободу дыхания».

Желаю Вам всего доброго. Весьма смущен тем, что задерживаю исполнение обещания мною данного г. Эфрон³. Чертовщина какая.

А.Пешков

15.XI.31.

¹ По-видимому, письмо Горького было вызвано просьбой к нему Мирского в письме от 13 августа 1931: «Можно к Вам еще по одному поводу пристать? Дело идет о Сувчинском, который, как вы знаете, учится петь. <...> говорят (Прокофьев, напр.), что его голос будет первый в мире и затмит Карузо (он драматический тенор). Мне известно, что брать уроки за последние месяцы он мог только благодаря Вашей помощи, но теперь положение его еще ухудшилось <...> Нет ли возможности что-нибудь для него сделать в Москве? Политически он человек надежный – как Вы знаете, в основном, мы вместе с ним шли и пришли к коммунизму (только в политике он путаник, а в музыке нет). Не подавал он заявления о <советском. – Публ.> гражданстве до сих пор, т.к. все хочет дожидаться и явиться в Союз не с пустыми руками. Нельзя ли было бы ему устроить пособие какое-нибудь?» – D.S.Mirsky to Maksim Gor'ky // Oxford Slavonic Papers. Vol.XXVI. P.99.

² Горький находился в СССР с 13 мая по 18 октября 1931.

³ Несмотря на грамматическую неясность («Эфрон» вместо «Эфрону», вероятно, описка), по-видимому, имеется в виду Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941), литератор, публицист, муж М.И.Цветаевой, один из основателей и редакторов журнала «Версты». С середины двадцатых годов он примкнул к «левой» группе евразийского движения, возглавляемой Сувчинским. 2 февраля 1926 Эфрон сообщил Е.Л.Недзельскому из Парижа: «Самые интересные» парижане – кн<язы> Свят<ополк>-Мирский и Сувчинский (оба евразийцы)». См.: Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому / Публикация Л.В.Зубовой. Примечания Е.И.Лубянской, Л.В.Зубовой. Е.Б.Коркиной, Г.Б.Ванечковой // Russica Aboensia 1. Abo/Turku, 1994. С.6. Эфрон

официально сделался членом евразийской организации только в 1927, когда возглавил работу парижского евразийского клуба, а в 1929 встал во главе редакции еженедельника «Евразия». Ср. устные воспоминания Сувчинского: «У меня с ним были очень хорошие отношения. Я с ним был “на ты”. Он меня очень любил, и я его тоже. Он был евразийцем и работал со мной в евразийском издательстве в Клараре. Он был в общем “un pauvre homme” (несчастный человек), между женой и дочерью. Просто страшно было! “On a fait beaucoup de bêtises” (мы наделали много глупостей), но было много хорошего и настоящего. Это был период последнего, неудачного и наивно-го, но хорошего движения: желание понять Россию как Евразию – и принять революцию. “J’ai fondé et j’ai défait le mouvement” (Я основал это движение и я с ним покончил)» (Лосская В. Марина Цветаева в жизни. Указ. изд. С.157-158). В начале тридцатых годов Эфрон играл активную роль в «Союзе возвращения на Родину» и в издаваемом им журнале «Наш Союз». Тайно уехал в СССР в сентябре 1937. Расстрелян 16 октября 1941. О каком обещании идет речь – установить не удалось.

ПЕРЕПИСКА ТЭФФИ С И.А. И В.Н.БУНИНЫМИ 1920-1939*

*Публикация Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер.
Вступительная статья Эдит Хейбер*

«Петербург давно умер. <...> Лежит огромный труп с вывернутыми карманами, изнасилованный и поруганный». Так пишет Тэффи о своем родном городе 17 октября 1918 в газете «Киевская мысль»¹. Через год она уедет из России.

Перед большевистской революцией Тэффи (1872–1952) была одной из любимейших писательниц в России. Ее фельетоны и рассказы в популярной московской газете «Русское слово» и в знаменитом сатирическом журнале «Сатирикон» (позже «Новый Сатирикон») пользовались огромной известностью у читателей. Многочисленные сборники ее юмористических рассказов постоянно переиздавались. Постановки ее драматических миниатюр всегда оживляли театральную жизнь Петербурга, ее пьесы играли во всех театрах России. Поклонники Тэффи принадлежали к самым разным политическим кругам. Как писал Марк Алданов, «Н.А.Тэффи сотрудничала исключительно в либеральных органах печати, однако одним из наиболее усердных ее почитателей был Николай II»². Ее слава достигла таких масштабов, что существовали даже духи и конфеты «Тэффи»³.

* Настоящая работа является первой частью публикации полного свода переписки Буниных и Тэффи. Продолжение см. в следующих томах «Диаспоры».

Произведения (письма и другие тексты) Тэффи публикуются с разрешения Mme Agnès Szydłowski. Произведения (письма и другие тексты) И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения Ivan and Vera Bunin Estate.

Вступительная статья © Edythe C. Haber, 2001.

Публикация и комментарии © Richard D. Davies and Edythe C. Haber, 2001.

¹ Цит. по публ.: *Гончаренко Н.* Незнакомая Тэффи и ее знакомые персонажи. Воспоминания о «красном терроре» // Московские новости. 1996. №24. 16-23 июня. С.25.

² *Алданов М.* Тэффи. Passiflora // Современные записки. 1923. №17. С.485.

³ *Цетлин М.* Н.А.Тэффи // Новый журнал. 1943. №6. С.384.

Тэффи с энтузиазмом встретила Февральскую революцию и в целом не была противницей идеалов социализма, но в своих печатных высказываниях и до и после Октябрьской революции открыто выражала враждебность по отношению к большевикам и лично к Ленину. Например, в июне 1917 она писала: «Ленинцы, большевики, анархисты-коммунисты, громилы, зарегистрированные взломщики – что за сумбур! Что за сатанинский винегрет! Какая огромная работа – снова поднять и очистить от всего этого мусора великую идею социализма!»⁴

А в стихотворении, опубликованном в 1918 в «Новом Сатириконе», она с издевкой откликнулась на газетную статью, в которой сообщалось об удивительном случае, когда «красногвардеец встретил в лесу старушку и не обидел ее»:

Мимо шел красногвардеец,
«Что тут бродишь, женский пол?»
Но взгляделся и не тронул,
Только плюнул и пошел.
А старушка в умиленьи
Поплелася на вокзал...
Эту сказку папа-Ленин
Добрим деткам рассказал⁵.

В этом свете вполне закономерен отъезд Тэффи из Петербурга после захвата власти большевиками. Осенью 1918 она находилась в Москве, возможно, отчасти в связи с постановкой оперетты «Екатерина Великая», написанной в соавторстве с Lolo (Л.Г.Мунштейном), ведущим драматургом знаменитого театра-кабаре «Летучая мышь»⁶. В цитируемом выше киевском фельетоне она сопоставит уже состоявшуюся смерть Петербурга с еле тлеющей жизнью Москвы: «Москва еще живет. Носятся бешеные моторы со свистом и гиканьем. Ружейные выстрелы оживляют черную тишину ночных улиц. Москву грабят и режут. Она еще жива, еще протестует, дрыгая ногами и прижимая к сердцу заграничный паспорт».

Вскоре ухудшилось положение и самой Тэффи: она узнала, что в Петербурге арестовали артистку, выступавшую с чтением ее рассказов. По версии Тэффи, этот инцидент имел благополучный исход. Ознакомившись с одним из рассказов Тэффи, судья заявил: «Я слышал этот рассказ на вечере у товарища Ленина. Он совершенно аполитичен»⁸. Однако журнал «Театр и искусство» передает ту же историю в несколько ином свете. Арестованную долго допрашивали, и в заключение председатель Комиссии по борьбе с контрреволюцией «накричал на артистку, заявляя ей, чтобы она не смела “зарабатывать хлеб клеветой на народное правительство”»⁹. И только после этого отпустил ее домой.

⁴ Немножко о Ленине // Русское слово. 1917. №141. 23 июня. С.1.

⁵ Добрый красногвардеец // Новый Сатирикон. 1918. №3.

⁶ Тэффи. Воспоминания. Париж, 1932. – Цит. по переизд.: Париж: «Lev», 1980. С.11 (далее – Воспоминания).

⁷ См. прим.1.

⁸ Воспоминания. С.13.

⁹ Хроника // Театр и искусство. 1918. №1. 7 января. С.5. Судя по дате заметки в журнале «Театр и искусство», Тэффи ошиблась в хронологии описанных в Воспоминаниях событий.

Понимая, что положение становится все более угрожающим, Тэффи соглашается поехать на гастроли в Киев и Одессу в компании, состоявшей из Аркадия Аверченко, импресарио Тэффи, собственного импресарио Аверченко и двух актрис. Они пустились в опасное путешествие по большевистской России и к середине октября 1918 добрались до Киева. Тэффи оставалась здесь несколько месяцев, сотрудничала в газете «Киевская мысль»¹⁰, была окружена старыми знакомыми, среди которых были Лоло и его жена, актриса Вера Ильнарская, а также Тамара Оксинская, актриса театра Сабурова (через много лет она окажется хозяйкой последнего жилища Тэффи, на rue Voissière в Париже). В январе 1919 из обстреливаемого большевиками Киева Тэффи бежит в Одессу.

Ко времени ее приезда Бунины уже находились в Одессе достаточно давно (с июня 1918) и оставались там до января 1920. В своих воспоминаниях Тэффи описывает «милые лица» гостей, отражавшиеся в зеркале ее одесского гостиничного номера: «сухое, породистое Ивана Бунина, и профиль бледной камеи его жены, и ушкуйник Алеша Толстой, и лирическая жена его Наташа Крандиевская, и Сергей Горный, и Лоло, и Нилус, и Панкратов...»¹¹. Некоторые из них будут играть важную роль в ее эмигрантской жизни. До Одессы Тэффи была, по-видимому, почти или совсем незнакома с Буниными. 12 марта 1919 Вера Бунина записывает в дневнике: «Вчера были у Тэффи. Она производит впечатление очень талантливой женщины. Под конец она хорошо пропела свои песенки “Горнист” и “Красная шапочка”. <...> Одета так, что сначала бросается в глаза мех, яркость шелковой кофты, взбитые волосы и, уже наконец, – лицо»¹².

В Одессе Тэффи долго не задержалась. Приблизительно 5 апреля 1919, когда Красная Армия подходила к городу, она покидает его вместе с Цетлиными, Толстыми¹³ и другими беженцами; попадает в Новороссийск, отсюда – летом 1919 – в Турцию. Осенью 1919 Тэффи уже в Париже. Покидая Россию, она, как и многие в то время, предполагала, что это ненадолго и весной она вернется на родину: «Чудесное слово – весна. Чудесное слово – родина... Весна воскресение жизни. Весной вернусь»¹⁴. Эта весна, разумеется, так и не наступила. Следующие тридцать три года, до самой смерти в Париже в 1952, она проведет в изгнании.

Дон Аминадо вспоминает, что в начале 1920-го – судя по всему, до приезда Буниных – Тэффи устроила первый литературный салон эмигрантского Парижа у себя в маленьком номере гостиницы около церкви Мадлен¹⁵. Именно тогда Тэффи услышала анекдот, пересказанный в ее самом знаменитом фельетоне «Ке фер?», который появится в первом выпуске газеты

¹⁰ В публ. Н.Гончаренко (см. прим.1) сообщается о 9 рассказах Тэффи, опубликованных в газ. «Киевская мысль».

¹¹ Воспоминания. С.141.

¹² Русский архив в Лидсе (далее – РАЛ) MS.1067/353 и 362; Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. В 3-х тт. / Под ред. Милицы Грин. Франкфурт/Майн: «Посев», 1977–1982 (в дальнейшем – Устами Буниных). Т.1. С.215.

¹³ См. дневниковую запись Буниной от 5 апреля 1919 – РАЛ MS.1067/353 и 362; Устами Буниных. Т.1. С.222.

¹⁴ Воспоминания. С.264.

¹⁵ См. аннотацию к письму №1.

«Последние новости». В анекдоте рассказывается, как русский генерал, оказавшись на площади Согласия, озирается и говорит: «Это хорошо... очень даже хорошо... но Que faire? Фер-то ке?»¹⁶

Когда Бунины в марте 1920 приехали в Париж, они сразу вошли в круг деятелей литературы и культуры, к которому принадлежала и Тэффи. Душой этого сообщества была жена писателя Михаила Цетлина Мария Самойловна, широко помогавшая множеству нуждающихся эмигрантов-писателей. О ней Тэффи пишет: «Литературным нашим центром была в то время Мария Самойловна Цетлин. У нее мы часто встречались, собирались, читали свои новые произведения. Жизнь была хоть безденежная, но бурная и интересная»¹⁷.

Одной из ключевых фигур «бурной и интересной» жизни тех лет являлся А.Н.Толстой: «Мы все Толстого любили. Он был занятный собеседник, неплохой товарищ и в общем славный малый. <...> Недостатки его были такие ясно-определенные, что не видеть их было невозможно. “Алешку” принимали таким, каков он был»¹⁸. И Бунины, и Тэффи стали близкими друзьями Толстого и его жены, поэтессы Натальи Крандиевской.

Стоит отметить, что в первые годы эмиграции у Буниных было неоднозначное отношение и к самой Тэффи. В дневниковой записи от 26 марта 1921 Вера Бунина приводит мнение мужа: «Вот Гиппиус интеллигент<ная> женщина, а Наташа <Крандиевская> и Тэффи неинтеллигентные, но, по-моему, от природы Тэффи умнее, хотя ум ее обработан меньше, чем у Гиппиус. Но все они – недобрые. Почему женщины талантливые почти никогда не бывают добры?»¹⁹. А в более ранней записи переданы ее собственные смешанные чувства по отношению к Тэффи: «Какое, строго говоря, у меня одиночество. Если Ян <т.е. Бунин. – Публ.> согласится на операцию, я не знаю, куда пойти на это время. Мысль все чаще и чаще останавливается на Тэффи. Хотя и эгоистка она и “свинья по натуре”, но я думаю, только с ней можно быть или с Верой Ивановной»²⁰.

Самая ранняя корреспонденция (записки и открытки Тэффи к Буниным) относится к первым годам их пребывания в Париже. В ней отражается общественная и профессиональная жизнь их круга: приглашения на обеды и литературные вечера, участие в благотворительных мероприятиях (лекции, спектакли и т.д.). Значительное место занимает финансовая сторона бытия эмигрантских деятелей культуры, лишенных прежних источников дохода, – и Бунина и Тэффи в разное время были членами Комитета помощи русским литераторам и ученым в Париже (письма №1-3, 6-9, 13-17, а также №26, 29, 35, 40, 42, 48).

Но состав этого литературного сообщества вскоре меняется. В октябре 1921 Толстые переехали из Парижа в Берлин, откуда в 1923 вернулись в Советскую Россию. (В Берлине их пути пересеклись с Борисом и Верой Зайцевыми, которые заменят Толстых в качестве ближайших друзей Буниных

¹⁶ Последние новости. 1920. №1. 27 апреля. С.2.

¹⁷ Тэффи. Алексей Толстой // Новое русское слово. 1948. №13344. 7 ноября. С.2. – Цит. по изд.: Тэффи. Смешное в печальном. Рассказы. Авантюрный роман. Портреты современников. М.: «Советский писатель», 1992. С.488.

¹⁸ Там же. С.487.

¹⁹ РАЛ MS.1067/371; Устами Буниных. Т.2. С.32.

²⁰ РАЛ MS.1067/367 – запись от 15 декабря 1920.

и Тэффи.) С 1923 Бунины начали проводить большую часть года на юге Франции. Тэффи осталась парижанкой, но и она часто отсутствовала: выезжала на курорты в связи со своими многочисленными болезнями (письма №4-5, 10-12, а также №21-24), в 1922–1923 долго жила в Германии (№18, 20), навещала своих дочерей в Варшаве (№46), почти ежегодно отправлялась в путешествия, которые давали пищу для фельетонов, печатавшихся в парижском «Возрождении» и рижском «Сегодня» (№28, 30, 32, 37-39).

Ее письма к Буниным, написанные именно в такие периоды, как правило, более содержательны. Они – в соединении с другими архивными материалами – открывают много нового в жизни корреспондентов, в первую очередь, самой Тэффи, ибо писем от Буниных, относящихся к 1920–1930 гг., сохранилось очень мало. Судя по всему, Тэффи время от времени уничтожала часть своей корреспонденции. Так например, в середине 1930-х годов она пишет Зайцевым: «Решила сжечь все компрометирующие меня письма. Отобрала. Сожгла. Оказалось, что сожгла ерунду, а что поинтереснее инстинктивно сохранила!»²¹

Без оживляющего все остроумия Тэффи картина ее жизни в эмиграции выглядела бы весьма удручающей. Первые годы изгнания отмечены обычной для беженцев неустроенностью быта: по большей части она живет в гостиничных номерах и лишь в 1927 снимает свою первую квартиру на boulevard de Grenelle. Ее финансовое положение остается шатким, прежде всего из-за частых болезней, которые не позволяли ей писать, а это было единственным источником ее существования. В письме Дон Аминадо Тэффи жаловалась: «<...> я единственная из парижских литераторов, который живет литературным трудом (по той причине, что мне никто денег не дает)»²². И в письмах к Буниным часто обсуждается нехватка денег: Веру Бунину она просит содействовать в получении пособия от Комитета помощи, к самому Бунину обращается за ходатайством перед сербским правительством по поводу стипендии (№13, 27, 52-54).

В первые годы эмиграции не было стабильности и в интимной жизни. Об одном из недолгих увлечений Тэффи, еще в Одессе, писала Вера Бунина: «Среди приглашенных был Панкратов. По моим наблюдениям, у них <с Тэффи> роман. Он, видимо, влюблен в нее»²³. О других романах Вера Ильнарская поведала в письмах Буниной из Висбадена в 1922: «Тэффинька поправилась: прыгает, как козочка, обзавелась поклонником – генералом, правда, не первой молодости, но зато он один из директоров Добровольного флота: деньги, значит, есть – продают русские пароходы. <...> Молодец Тэффинька, не зевает здесь, а в Париже Биншток работает»²⁴; «Недавно приезжал парижский роман <Тэффи> – доктор Гольденштейн, и мы все ждали дуэли с романом Висбаденским; но доктор предпочел retirроваться с разбитым сердцем»²⁵.

²¹ Бахметьевский архив русской и восточноевропейской культуры (Колумбийский ун-т, Нью-Йорк; далее – БАРВК). Фонд Зайцева. – Цит. по микрофильму 96-2051-1.

²² БАРВК. Фонд Дон Аминадо. – Цит. по микрофильму 96-2051-1.

²³ РАЛ MS.1067/362 – продолжение дневниковой записи от 12 марта 1919 (см. выше, прим.12).

²⁴ РАЛ MS.1067/2932.

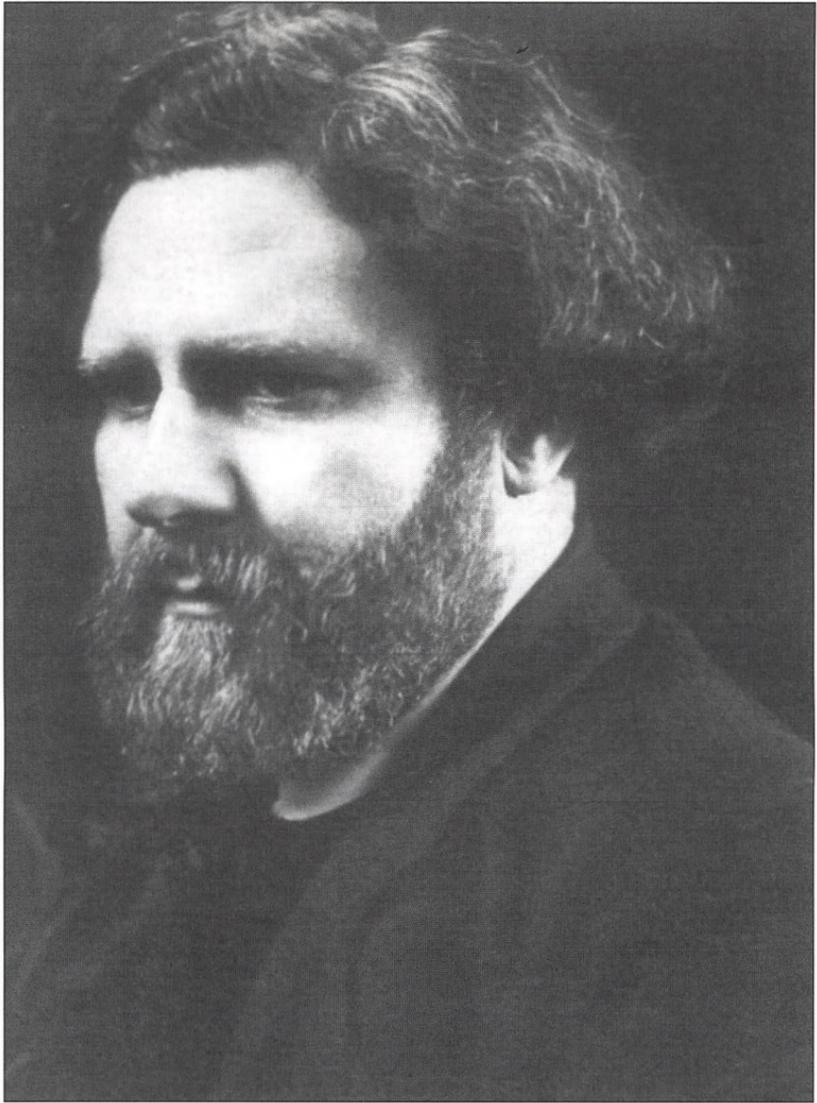
²⁵ РАЛ MS.1067/2935.

А.А.Биск

В.А.Маклаков

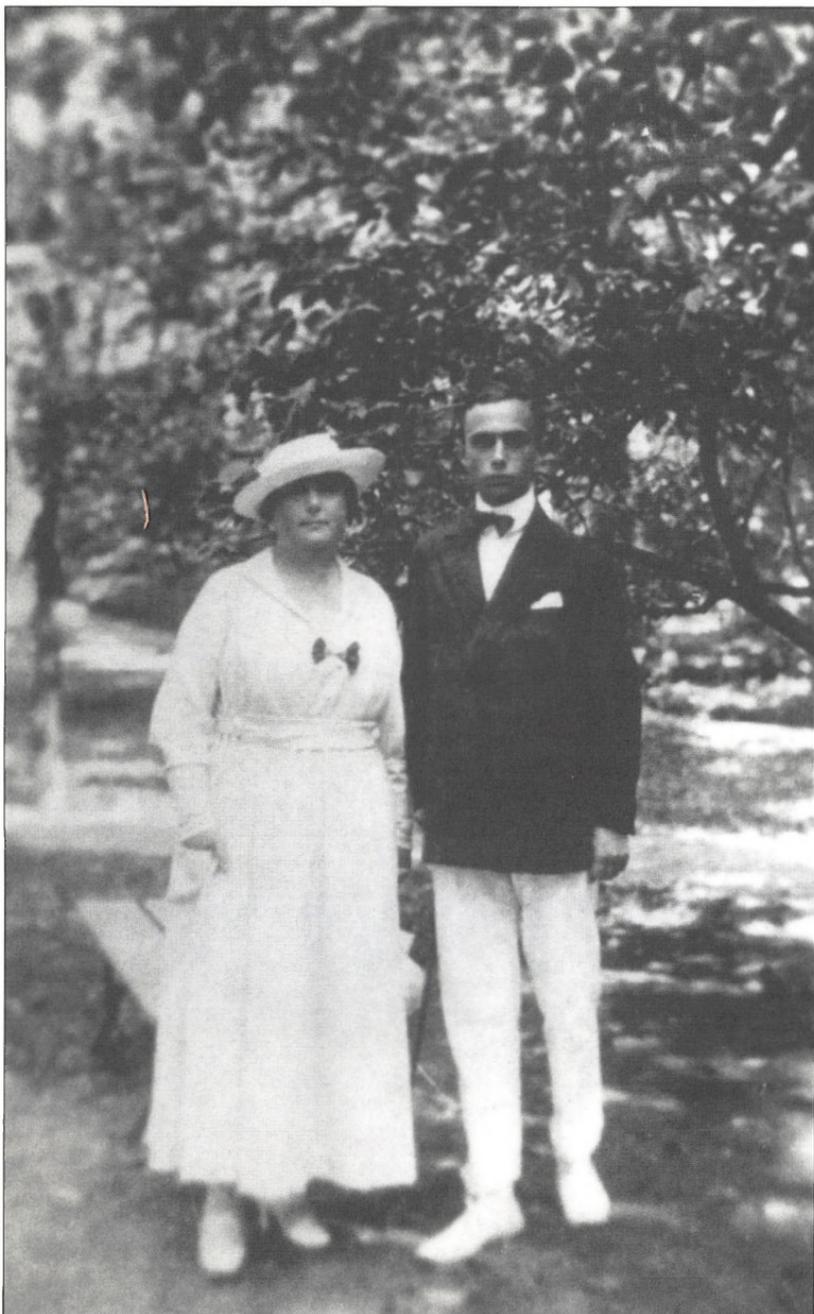
М.А.Волошин

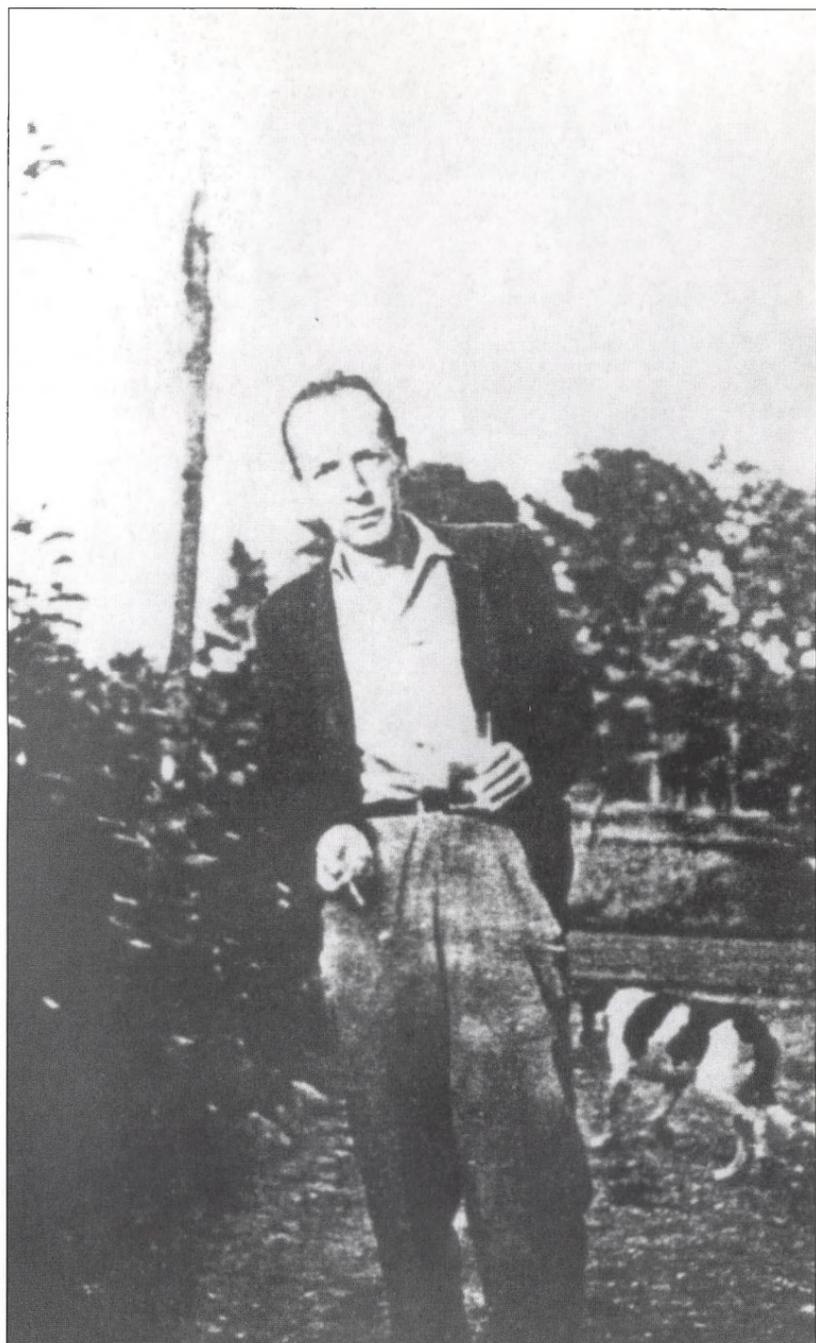
Н.А.Тэффи

Г.Н.Кузнецова, В.Н.Бунина, Н.Рошин, И.А.Бунин, Л.Ф.Зуров.
Юг Франции. 1930-е годы.

Роман Гринберг с матерью. Кисловодск. Лето 1917.
Фотография из архива М.А. и Т.М.Таловых (Москва).

Владимир Набоков. Париж. 1930-е годы.
Фотография из архива Р.Н.Гринберга (Вашингтон).

Б.А.Лазаревский

Более определенной личная жизнь сделалась в середине 1920-х гг., когда Тэффи сошлась с Павлом Андреевичем Тикстоном. (Любопытно, что его отец, английский предприниматель, владел заводом около Калуги, на котором отец Бориса Зайцева служил главным инженером²⁶.) Тикстон был женат, но жил отдельно от жены и большую часть времени, судя по всему, проводил с Тэффи. К концу 1920-х гг. их отношения стали такими прочными, что вызвали следующее замечание Буниной: «Виделись с Тэффи и Тикстоном. Впечатление, что им скучно друг с другом, хотя связь их крепкая»²⁷. Эта связь решила многие финансовые проблемы Тэффи, хотя в письме к Борису Зайцеву она сетует: «<...> ставить свое существование в зависимости от того, что <...> покормит меня П<авел> А<ндреевич> обедом или не покормит – очень уж беспокойно»²⁸. С другой стороны, материальное положение Тэффи упрочилось и благодаря тому, что к этому времени ее фельетоны стали еженедельно появляться на страницах «Возрождения» и «Сегодня». Уже вышли сборники рассказов, написанных в эмиграции: «Рысь» (1923), «Вечерний день» (1924) и наиболее известный – «Городок» (1927).

Когда жизнь, казалось бы, обрела стабильность, Тэффи постигли новые потрясения: в 1930 Тикстона сразил паралич, а вскоре он потерял состояние в результате экономического кризиса²⁹. Они переезжают на avenue de Versailles, и Тэффи ухаживает за Павлом Андреевичем вплоть до его смерти в 1935 (№42-45, 50, 53, 56-58, 61). Об этом трудном времени Вера Зайцева пишет Буниной 21 августа 1934: «Вчера с Борей были мы у Пав<ла> Анд<реевича>. Бедный он, все время плачет. И ничего уж почти не говорит. Не ходит. Тэффи устала ужасно. Но в ней есть необычайная выдержка. Она молодец»³⁰. Вместе с тем, Тэффи продолжает работать, ее фельетоны по-прежнему появляются еженедельно. Выходят еще три книги: «Книга июнь» (1931), «Воспоминания» (1932), «Авантюрный роман» (1932).

После смерти Тикстона к горечи утраты добавились осложнившиеся проблемы собственного здоровья и финансового положения Тэффи: в 1936 ее сотрудничество в газете «Возрождение», с которой связаны более 10 лет непрерывной работы, было сокращено (№63, 66). Но Тэффи не сдавалась. Помимо обычных газетных фельетонов (с 1937 в газете «Последние новости»), она выпускает три сборника рассказов («Ведьма», 1936; «О нежности», 1938; «Зигзаг», 1938); две ее пьесы («Момент судьбы», 1936; «Ничего подобного», 1939) с успехом идут в Париже и на гастролях во всех центрах русской эмиграции. Тэффи продолжает участвовать в русской культурной жизни как в Париже (№67-70), так и за границей, едет в Италию, чтобы устроить издание переводов своих произведений.

²⁶ Сообщено Н.Б.Соллогуб в беседе с автором, 14 марта 2000. О Тикстоне см. также прим.2 к письму №32.

²⁷ РАЛ MS.1067/393; Устами Буниных. Т.2. С.182 – дневниковая запись от 8 сентября 1928.

²⁸ БАРВК. Фонд Зайцева. – Цит. по микрофильму 96-2051-1.

²⁹ См. прим.1 к письму №42.

³⁰ Зайцев Б.К. Другая Вера. Повесть временных лет // Новый журнал. 1968–1970. №92, 95-96, 98-99. – Цит. по изд.: Зайцев Б. Золотой узор. Роман. Повести. М.: «Интерпринт», 1991. С.422 (далее – Другая Вера).

Однако в марте 1939 Тэффи вновь серьезно заболевает. У нее парализована рука, она испытывает мучительные боли и не может работать. Только помощь друзей и поклонников спасала ее от полного обнищания (№72-80). Летом 1939, когда Тэффи уже выздоравливала, ее, как и всех других, настиг кризис иного масштаба – началась Вторая мировая война.

Предлагаемые вниманию читателей письма Тэффи к Буниным, а также письма Буниной к Тэффи публикуются впервые. Два письма Бунина к Тэффи уже публиковались, но с купюрами³¹. Настоящая публикация – первая попытка ввести в научный обиход значительную по объему (в общей сложности свыше 200 писем) часть эпистолярного наследия Тэффи.

В свое время одним из авторов публикации была защищена диссертация о творчестве Тэффи³²; на Западе появлялись и другие работы, свидетельствующие о научном интересе к писательнице³³. В России на фоне регулярно выходящих в последние десять лет переизданий произведений Тэффи стала развиваться и наука о ее жизни и творчестве, одним из первых результатов которой является вышедший в ИМЛИ сборник «Творчество Н.А.Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века» (М.: «Наследие», 1999)³⁴. Теме «Тэффи и Бунин» посвящена одна из работ в сборнике³⁵. Предполагается, что публикация всей сохранившейся переписки Тэффи и Буниных станет основой для дальнейших исследований этой темы.

Все материалы печатаются по новой орфографии. Пунктуация стандартизована.

Авторы благодарят University of Leeds (Великобритания) и Columbia University (Нью-Йорк, США) за содействие настоящей публикации и предоставление доступа к письмам Тэффи и В.Н.Буниной (№19, 69), хранящимся

³¹ Письма И.А.Бунина к Н.А.Тэффи / Публикация А.Зверса // Новый журнал. 1974. №117. С.147; Из переписки Бунина с Тэффи / Публикация А.К.Бабареко // Подъем (Воронеж). 1978. №3. С.128.

³² *Edythe Charlotte Haber*. The Works of Nadezhda Aleksandrovna Teffi. PhD dissertation. Harvard University. 1971.

³³ См., напр.: *Elizabeth Baylor Neatrou*. Miniatures of Russian Life at Home and in Emigration: The Life and Works of N.A.Teffi. PhD dissertation. Indiana University. 1972.

³⁴ Двое из редакторов сборника, Д.Д.Николаев и Е.М.Трубилова, также являются составителями многотомного собрания сочинений Тэффи, которое с 1998 выходит в Москве в издательстве «Лаком».

³⁵ *Морозов С.Н.* Н.А.Тэффи и И.А.Бунин: К истории творческих отношений. Указ, изд. С.280-286. См. также: *Трубилова Е.М.* Бунин, Тэффи, Пантелеймонов: История дружбы // И.А.Бунин и русская литература XX века. По материалам Международной научной конференции <...>. М.: «Наследие», 1995. С.195-206; другой вариант той же статьи в сб.: *Bouvine revisité / Publié sous la direction de Claire Hauchard // Cahiers de l'émigration russe*. 4. Paris: Institut d'Etudes slaves, 1997. С.129-140.

в Русском архиве в Лидсе в фондах И.А. и В.Н. Буниных (MSS.1066-1067), и к письмам И.А.Бунина (№47, 52, 60), хранящимся в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской культуры в фонде Тэффи.

Авторы выражают признательность следующим лицам и учреждениям за оказанную при подготовке публикации помощь: J.Andronikof, J.-Y.Bazin, N.Bogoslavskaya (University of Leeds), T.Chebotarev (Columbia University), J.Dax, J.Gauchman (University of Illinois at Urbana-Champaign), A.Heywood (University of Bradford), J.Lomer (Thomas Cook Archive, Peterborough), E.Morgan, H.Ravaisse, A. and E.Rogatchevski (University of Glasgow), N.Sollogoub, C.Thomas (British Library); Е.В.Иванову (ИМЛИ, Москва), В.А.Келдышу (ИМЛИ, Москва), М.В.Козьменко (ИМЛИ, Москва), Л.А.Мнухину, Т.Н.Толстой; Bibliothèque Historique de la Ville de Paris, Cimetière des Batignolles (Paris), Mairie du 16e Arrondissement de Paris.

Авторы особенно признательны А.П.Рабинович за помощь на первой стадии работы над текстами писем Тэффи.

1. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <21 июля 1920 г. Париж>

Дорогая
Belle Cousine!¹

Напишите мне, пожалуйста, собираются ли поэты в пятницу², как было условлено, у Толстого, или он по обычаю уйдет и двери запрет³? Спросите у председателя – И.А.Бунина, с приветом от меня.

Вчера заходила к Вам.

Ваша Тэффи

Публикуется по автографу («пневматичка») (РАЛ MS.1067/7113). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 48-bis, rue Raynouard, <Paris>. (Обратный адрес: Hôtel Vignon, 23, rue Vignon, Paris 8-е.) Бунины жили по этому адресу в июле–сентябре 1920. В том же доме снимали квартиры А.Н.Толстой и К.Д.Бальмонт с семьями. Отель Виньон – первый известный адрес Тэффи в Париже (с конца 1919). См. описание номера Тэффи в книге: *Дон Аминадо*. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954. С.256.

¹ Красавица-кузина (*франц.*). Возможно, шуточное обращение «кузина» связано с тем, что у Тэффи и Буниной были общие именины (см. №6).

² В середине июля 1920 был организован Цех поэтов под председательством Бунина.

³ С приехавшим в Париж в конце 1919 Алексеем Николаевичем Толстым (1882–1945) Тэффи познакомилась до эмиграции (см. прим.17 к вступ. ст.). По-видимому, Толстой предоставил свою квартиру для собрания Цеха поэтов, членом которого была его вторая жена (1915–1935), Наталья Васильевна Крандиевская (1888–1963).

2. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<После 23 июля 1920 г. Париж>

Chère cousine!¹

Все жду от Вас адреса и имени русского доктора и в ожидании похварываю. Надежды же не теряю. И прошу: пришлите.

По этой самой причине плохого самочувствия не могла быть у Вас в пятницу на сборище поэтов².

Привет Единственному³.

Целую Вас.

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7114). Датируется по сопоставлению с №1. 23 июля 1920 – пятница.

¹ Дорогая кузина (франц.)

² См. №1.

³ Т.е. Бунину.

3. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<20 августа 1920 г. Париж>

Chère cousine!

Ради Бога, черкните мне поскорее адрес нашего Оппенгейма¹. Я очень тороплюсь увидеть его сегодня, а адрес потеряла.

Целую крепко.

Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу («пневматичка») (РАЛ MS.1067/7115). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 48-bis, rue Raynouard, <Paris>. (Обратный адрес: Hôtel Vignon, 23, rue Vignon, Paris 8-e.)

¹ Оппенгейм назван среди посещавших Буниных в Грассе в 1926 (РАЛ MS.1067/410).

4. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<До 27 августа 1920 г. Контрексевиль>

Chère cousine!

Черт занес меня в Contrexéville, Central Hôtel¹.

Получил ли Единственный посланные мною для сборника стихи?²

Напишите, как Вам живется. Я вернусь недели через две. Тоска лютая, холод волчий.

Целую.

Ваша Тэффи

Публикуется по автографу (открытка с видом: Contrexéville. Pont du Chemin de Fer) (РАЛ MS.1067/7116). Датируется по содержанию и по сопоставлению с №5. Адрес: 48-bis, rue Raynouard, Paris.

¹ Тэффи проходила курс лечения на курорте Контрексевиль (в горах Вож) в 1920 и 1921.

² Стихотворение Тэффи «Федосья» было опубликовано в редактируемом Буниним «Русском сборнике» (Париж: Комитет помощи русским литераторам и ученым, 1920. С.176).

5. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<27 августа 1920 г. Контрексевиль>

Не могу молчать!

Вчера Мне Цетлин прислала мне по почте коробку конфет¹.

Вот!

Тэффи

Публикуется по автографу (открытка с видом: Contrexéville. La Source du Pavillon) (РАЛ MS.1067/7117). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 48-bis, rue Raynouard, Paris.

¹ Когда Бунины приехали в Париж 28 марта 1920, они остановились у устроивших их приезд Марии Самойловны Цетлиной (урожд. Тумаркина, по 1-му мужу Авксентьева; 1882–1976) и ее второго мужа, Михаила Осиповича Цетлина (псевд. Амари; 1882–1945), которые благодаря своему активнейшему меценатству играли большую роль в литературной жизни зарубежной России (см. вступ. ст. и прим.17 к ней). Об отношениях Цетлиных с Буниными см. публ.: *Винокур Н.* Новое о Буниных // *Минувшее: Исторический альманах* (в дальнейшем – *Минувшее* с указанием выпуска и страниц). Вып.8. Paris: «Atheneum», 1989. С.282-328.

6. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<30 сентября 1920 г. Париж>

Сердечно поздравляю и очень жалею, что лично-именинное мое состояние не дает возможности приехать поцеловать Вас.

С утра парад!¹

Привет Единственному.
Целую и люблю.

Ваша

Тэффи

23, Rue Vignon

Публикуется по автографу («пневматичка») (РАЛ MS.1067/7118). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI – постоянный парижский адрес Буниных с сентября 1920.

¹ 17/30 сентября – именины Веры, Надежды, Любви и Софии.

7. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <7 октября 1920 г. Париж>

Милая Кузинетта!

Сердечно благодарю за приглашение, но не знаю, смогу ли воспользоваться им, т<ак> к<ак> чувствую себя не совсем хорошо и второй день валяюсь.

Если не смогу, то очень буду жалеть.

А пока целую.

Ваша Тэффи

Публикуется по автографу («пневматичка») (РАЛ MS.1067/7119). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI. (Обратный адрес: Hôtel Vignon, 23, rue Vignon, Paris 8-е.)

8. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <Зима 1921 г. Париж>

Дорогая моя кузинеточка,

Меня звали сегодня вечером (lundi soir¹) Эльяшевичи, говоря, что и Вы будете. Если правда, что Вы будете, я бы пошла, а то я их совсем не знаю². Позвоните мне об этом, дружок мой, около 6 ч. Gutenberg 28.00.

И еще дело:

Необходимо выдать из комитета³ 250 фр<анков> проф. Габриловичу (Леониду Галичу)⁴. Он теперь состоит из шести человек (младшему члену семьи – 3 месяца, т<ак> к<ак> родился он преждевременно). Ходит Габрилович в летнем ярко-желтом пальто, какие во Франции и не выдывали! Вообще – ужас.

Целую Вас, кузинеточка.

Позвоните.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7120). Датируется предположительно.

¹ в понедельник вечером (*франц.*)

² Ученый юрист Василий Борисович Ельяшевич (1875–1956) и его жена Фаина Осиповна (ум. 1941) активно участвовали в культурной жизни русского Парижа и впоследствии оказывали Тэффи гостеприимство и помощь. (О правописании их фамилии см.: Минувшее. Вып.19. С.240-241.)

³ Речь идет о Комитете помощи русским литераторам и ученым, в благотворительной работе которого Бунина принимала активное участие.

⁴ Ученый и журналист Леонид Евгеньевич Габрилович (Галич; 1878–1953) присутствовал на «первом дебюте Тэффи, еще задолго до ее профессионального писательства, в большой и людной гостиной И.И.Ясинского на Черной речке» (*Галич Л. Страстоцвет // Руль. 1923. №7485. 25 мая. С.2-3*). Возможно, приводимые сведения о приехавшей в Париж в 1921 семье Габриловича либо неточны, либо они относятся к первой его семье; в письмах к Буниной от 18 апреля и 19 августа 1949 Габрилович сообщает о «нашей маленькой семье», упоминая лишь жену Нину и родившегося в 1925 «единственного сына, Андрея» (РАЛ MS.1067/2280-2281).

9. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <1921 г. Париж>

t<el>. Gutenberg 28.00

Милая, дорогая Верочка!

Если Вы сегодня вечером не намерены делать ничего приятного, то приходите ко мне с Иваном Александровичем <sic!>. Обещал быть В.Д.Набоков – он ведь милый¹.

Я Вам расскажу кое-что хорошее.

Ваша (вас двоих)

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7121). Датируется предположительно.

¹ Возможно, Тэффи и Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922) были знакомы по Петербургу. После убийства Набокова Бунина записывает в дневнике 29 марта 1922: «<...> я встречалась с ним у Тэффи, где он бывал оживленной, легкомысленнее, как и подобает быть в обществе женщин серьезному мужчине» (РАЛ MS.1067/374; Устами Буниных. Т.2. С.83). Бунины общались и переписывались с Набоковым в 1920–1921.

10. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <Июль 1921 г. Контрексевиль>

Верочка! Милая! Ясная!

Как живете?

Я в Contrexéville. Лечусь¹.

Доктор нашел что я нервна, малокровна и слаба. Жарюсь на солнце, беру ванны и чувствую себя ничуть не лучше, но как будто немножко поглупела – это во всяком случае уже нечто.

Очень хочется получить от Вас весточку.

Адрес мой: Contrexéville, Hôtel de l'Établissement. Teffy.

Я здесь совсем одна. Держу себя загадочной иностранкой. На нежные взгляды и робкие речи не отвечаю. Не по добродетели – а просто от малокровия.

Целую Вас, дорогая Верочка. Напишите мне.

Привет единственному. Он очень красивый.

Ваша

Тэффи

P.S. Как поживает Ваша подруга Татьяна?²

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7122). Датируется предположительно (ср. №11).

¹ См. прим.1 к №4.

² См. прим.4 к №19.

11. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <Июль 1921 г. Контрексевиль>

Дорогая Верочка,

Спасибо за большое письмо. Очень, очень была ему рада.

У нас тоже страшная жара. Я лечусь, но пропадаю от безденежья и чем заплачу 1-го числа за квартиру, не знаю. Улыбками, что ли?

Очень прошу Вас, милая Верочка, когда будет следующее заседание комитета, попросить для меня 700 франков. Иначе я пропаду. У меня есть кое-какие планы, как выбраться на поверхность, но вряд ли раньше ноября это выйдет.

Неужели Вы поедете в Висбаден?¹ Ведь там буквально вся жиловня собралась!

Я рада, что Вы поправились. Я из-за «вечно-женственного» совсем погибла. Еле теперь поправилась.

Здесь мне все устроили очень дешево, дорога только еда. Поэтому я ем только изредка, а доктор велит питаться. Я ему говорю на это вполголоса по-русски: «Ешь сам, собака».

Уехала я из Парижа действительно в ужасном состоянии: все время дрожала и плакала. Бррр...

Верочка, дорогая, пишите мне и передайте мой почтительный привет Единственному.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (на бланке: Grand Hôtel de l'Établissement, Contrexéville, Vosges) (РАЛ MS.1067/7123). Датируется предположительно (ср. №10).

¹ Бунины провели август и первую половину сентября 1921 в Висбадене и его окрестностях.

12. ТЭФФИ – БУНИНЫМ

31 августа <1921 г.> Париж

Дорогие друзья,

Сама писать не могу. Диктую. Очень меня обрадовало Ваше милое письмецо. Лежу я уже месяц в больнице¹. Врачи ходят стадами, делают всякие анализы, прививают мою кровь морским свинкам и ничего открыть не могут, а у меня недавно опять был рецидив и опять с температурой в 41 градус. Говорят, что в лучшем случае пролежу еще 2 недели, а в худшем – вероятно, меньше. Предполагают не то тиф², не то какую-то особенную тропическую лихорадку, не то черт знает что. По-моему, последнее вернее всего. Я очень устала и потеряла всякую душевную и телесную «резистенцию»³. Сейчас температура понизилась, и врачи ждут нового рецидива. А тогда снова 41 градус, искусственное питание и прочие прелести. Пока что шлю самый сердечный привет. Очень прошу не забывать меня и не забыть. Пишите.

Ваша

Тэффи

Париж.
31 августа

Публикуется по автографу неустановленного лица под диктовку Тэффи (подпись – автограф) (РАЛ MS.1067/7124). Год установлен предположительно по содержанию.

¹ 8–9 августа 1921 Бунина записывает в дневнике: «В газетах известие: Тэффи опасно заболела. Я очень беспокоюсь. <...> В газетах: Тэффи перевезена в Париж и помещена в городскую больницу. Мне бесконечно жаль ее. Значит, денег у нее нет, раз дело дошло до больницы. Неужели богатые друзья не могут что-нибудь для нее сделать?» (РАЛ MS.1067/371-372; Устами Буниных. Т.2. С.51).

² В письме к Бунину (август 1921) Т.И.Полнер сообщает: «Бедная Над<ежда> Ал<ександровна> Тэффи очень больна (д-р Манухин говорит – возвратным тифом). Материальное положение ее очень трудное, а наш Комитет не соберется ранее 5/IX. Впрочем, немного удалось помочь ей» (РАЛ MS.1066/4655).

³ от *résistance* – сопротивляемость (*франц.*).

13. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<Вторая половина сентября 1921 г. Париж>

Дорогая Верочка,

Я узнала, что Вы приехали¹ и очень печалюсь, что Вы не ходите ко мне.

Я поправляюсь, но еще не выхожу. Три раза каталась, а ходить не могу. Слаба. И пишу как ужасно! Руки дрожат.

Верочка, навестите меня. Я, конечно, все время дома. Лучше всего от 4-6.

У меня к Вам просьба: доложите, пожалуйста, Комитету, что я прошу из денег, раздобытых Бинштоком от спектакля «La Passante», пожертвовать мне две тысячи². Я знаю, что это много, но я должна 500 сейчас же отдать Тихону Иванычу, т<ак> к<ак> он в счет этих самых «будущих благ» прислал мне денег на платеж в больницу³. Вообще скверно.

Верочка, навестите меня.

Дорогому Ивану Алексеичу привет.

Ваша

Тэффи

P.S. Я дома уже две недели.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7125). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Бунины вернулись из Висбадена через Страсбург в середине сентября 1921 (РАЛ MS.1067/371-372; Устами Буниных. Т.2. С.64).

² Готовился благотворительный спектакль, который состоялся 13 октября 1921 в пользу Комитета помощи русским литераторам и ученым. Давали пьесу «La Passante» («Прохожая», 1921) А.Кистемекерса (H.Kistemaeckers). По-видимому, организатором спектакля был драматург и журналист Владимир Львович Биншток (1868–1933).

³ Тихон Иванович Полнер (1864–1935) был деятелем Земгора и руководителем кооперативного изд-ва «Русская земля» (Париж, 1920–1921), выпустившего кн. Тэффи «Тихая заводь» (1921) (сохранился авантитульный лист кн. с дарственной надписью: «Верочке любимой, Тэффи» – РАЛ MS. 1067/7199). О долге Полнеру см. прим.2 к №12.

14. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<Вторая половина сентября 1921 г. Париж>

Верочка! Верочка! Верочка!

Забыли меня совсем!

А я все-таки буду ежедневно около 6 ч. думать: «Может быть, вспомнит и придет».

Я еще с тех пор не выходила на свет Божий.
Хорошо живетесь?
Привет Единственному.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7126). Датируется предположительно по сопоставлению с №13.

15. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<30 сентября 1921 г. Париж>

Дорогая Верочка,

Поздравляю и крепко целую.

Надувают меня мышьяком, полагая, что человек чем круглее, тем сильнее. Очень все на свете глупо!

Привет Ивану Алексеевичу.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу («пневматичка») (РАЛ MS.1067/7127). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 1, rue Jacques Offenbach, Paris. (Обратный адрес: 3, rue Hambourg <ныне Bucurest, Paris>).

16. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<6 февраля 1922 г. Париж>

Верочка моя, милая дорогая!

Сердечно благодарю Вас за Ваше доброе ко мне отношение, чувствую себя неоплатной Вашей должницей¹. Я так искренно тронута Вашей заботой о моих делах, что хочу непременно прийти к Вам, чтобы Вас расцеловать. Когда могу я застать Вас дома (кроме среды вечером)?

Искренно Ваша

Тэффи

Привет И<вану> А<лексеевичу>.

Публикуется по автографу («пневматичка») (РАЛ MS.1067/7128). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 1, rue Jacques Offenbach, Paris. (Обратный адрес: 3, rue Hambourg <ныне Bucurest, Paris>.)

¹ Бунина продавала билеты на концерт в пользу Тэффи (с участием французских артистов), который состоялся 4 февраля 1922 в квартире Цетлиных (см. дневниковые записи Буниных от 3 и 4 февраля 1922. – РАЛ MS.1067/373-374, РАЛ MS.1066/519; Устами Буниных. Т.2. С.78).

17. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<21 февраля 1922 г. Париж>

Дорогая Верочка,

Ваш поклонник, В.С.Лавров, подал в Комитет прошение о субсидии. Он имеет право как ученый – автор книг по политике, экономике и читал лекции – все это подробно перечислено в прошении. Дела его таковы, что за квартиру заплатить нечем. Это временно, т<ак> к<ак> скоро напечатают французы его новую книгу¹, поэтому очень, очень прошу, милая Верочка, со свойственной Вам энергией поддержать его просьбу.

Привет И<вану> А<лексеевичу>.

Искренно и всегда

Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу («пневматичка») (РАЛ MS.1067/7129). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 1, rue Jacques Offenbach, Paris. (Обратный адрес: 3, rue Hambourg <ныне Bucurest, Paris>.)

¹ Известна одна книга Владимира Степановича Лаврова (ум. 1936): Industrie (Промышленность). Paris: Eugène Figuière, 1932.

18. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<Весна 1922 г.> Висбаден

Adelheidstr<aße> 47. Wiesbaden

Милая, дорогая моя Верочка-кузинеточка,

Сейчас много думаю о Вас обоих. Вот потому и пишу.

Думаю об Иване Алексеевиче, п<отому> ч<то> читаю его книгу «Крик»¹, читаю, как Евангелие, по кусочкам, для того чтобы, закончив, начать снова. Чудесная книга. Любуюсь каждой строчкой. Это вам не «гребенщиковские маралы»!² Скажите И<вану> А<лексеевичу>, что я его люблю на расстоянии даже больше, чем вблизи, п<отому> ч<то> на расстоянии не боюсь его ни капли!

А о Вас, Верочка, думаю, п<отому> ч<то> здесь есть одна дама с Вашей манерой говорить. Вы не знаете, Верочка, какая у Вас очаровательная манера говорить. Если хотите – я Вам о ней напишу.

Живу я тихо. Очень поправилась. Но последние дни, после получения вестей из России, у меня снова стало болеть сердце, и видите, какой почерк? – рука прыгает во все стороны. Я все горевала, что все получают вести из России, а я нет. Бог услышал мою печаль, и я наконец тоже получила письмо из Петербурга, и сообщили мне в этом письме, что моя любимая сестра, единственное, что меня связывало с Россией, – умерла³. Теперь совсем пусто. От этой вести точно ветерок прошел по моей земле и смел все. А я в четыре дня похудела, почернела и молчу. Не говорю Лоло⁴ ничего, чтобы не спрашивали. Так легче пройдет.

Крепко целую Вас, Верочка, дорогая. Единственному привет самый восторженный.

Думаете ли уехать куда-нибудь на лето?⁵

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7130). Датируется предположительно по содержанию. Тэффи жила несколько месяцев в Висбадене в 1922.

¹ Бунин И. Крик. Берлин: «Слово», 1921.

² С писателем Георгием Дмитриевичем Гребенщиковым (1882–1964) Бунины познакомились в Одессе, и общение с ним возобновилось после его приезда в Париж в 1921.

³ Елена Александровна Пландовская (урожд. Лохвицкая, псевд. Элио; 1874?–1919?), младшая сестра Тэффи, автор театральных миниатюр и пользовавшегося успехом в Москве в 1915 переводе (в соавторстве с Тэффи) пьесы в стихах Андре Ривуара «Король Дагобер» (1908). (О молодых Елене и Надежде Лохвицких см. воспоминания И.И.Ясинского: «Роман моей жизни». – М.; Л.: Государственное изд-во, 1926. С.258-259.) Во время своего пребывания в Висбадене Тэффи обратилась к председателю петроградского отделения Союза писателей А.Л.Волынскому (Х.Л.Флексеру; 1861–1926) с просьбой помочь сестре: «Если она устроится в общежитии и получит паек – она будет спасена. Из всех сестер она и осталась у меня» (РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.851). По-видимому, в своем ответе Волынский сообщил Тэффи о смерти сестры уже в 1919. В 23-й гл. кн. «Воспоминания» (1932) Тэффи пишет о Пасхе 1919, которую она встретила на корабле, идущем из Одессы в Новороссийск, и вспоминала младшую сестру: «Отчего в эту, вот, в эту пасхальную ночь, пришла ко мне за тысячи верст, в темное море, сестра моя, пришла маленькой девочкой, какой я больше всего любила ее, и встала около меня? / Я не знаю почему... / Я узнаю только через три года, что в эту ночь за тысячи верст от меня, в Архангельске, умирала моя Лена...» (Воспоминания. С.213). В действительности, еще была жива старшая сестра Тэффи, Варвара (о ней см. прим.4 к №76).

⁴ Одновременно с Тэффи в Висбадене проживали ее старые друзья и коллеги: главный драматург театра-кабаре «Летучая мышь» Леонид Григорьевич Мунштейн (псевд. Lolo; 1866/7–1947) и его жена, актриса Вера Николаевна (урожд. Ильина, псевд. Ильнарская; 1880–1946). Бунины также дружили и переписывались с четой Мунштейнов.

⁵ См. №19.

19. БУНИНА – ТЭФФИ
8 сентября <1922 г.> Амбуаз

8 сентября.
91, rue de Tours,
Amboise,
Indre-et-Loire,
France

Милая Кузиночка, я по Вас соскучилась. Сегодня, идя на базар, я почему-то вспомнила Вас, и мне страшно захотелось поболтать с Вами. Как живете? Какие планы на зиму? Мы пока мирно трудимся в благословенном Амбуазе, где только погода нас не радует. О будущем не думаем и некогда, да мысли едва ли приятные могут быть на этот счет.

С сожителями¹ не ссоримся, может быть, потому, что иногда видимся всего час в день за обедом, – завтракаем в разные часы. Гуляем тоже в разное время, встаем, ложимся тоже в другое время, т<аким> образом при самом сильном желании ссориться времени нет!

Вы, вероятно, от Лоло знаете, что мы живем без прислуги, и мне летний отдых достается не очень дешево, но зато я сохраняю в месяц франков 500, а ведь это не фунт изюма, как говорит Куприн².

Сейчас здесь гостит у Мережковских Манухина. Ив<ан> Ив<а-нович> наезжает тоже время от времени³. Их делишки тоже не блестящи: ищут квартиру не дороже 500 фр<анков>!

Вообще из общих наших друзей, я думаю, процветают одни лишь Цетлины, а остальным... Ну, будет об этом.

Знаете ли Вы, что моя «подруга» Татьяна пишет довольно часто во французских газетах, так и бьет большевиков, темперамент у нее большой! А Ваш друг Григося-большой, оказывается, обогатил французский язык одним новым словом «défaitiste», что, по-нашему, пораженец⁴. Об этом я узнала из «Victoire»⁵, присланного нам Татьяной.

А что новенького выдумали Вы? Что Вы пишете, чем порадуете нас?

Я сейчас кроме кухни и т<ому> под<обного> занимаюсь переводом Gide'а «L'Immoraliste»⁶. Роман довольно острый. Читали ли Вы его?

Ян⁷ одно время чувствовал себя очень плохо, какие-то нервные боли в верхней части ноги. Я испугалась, не ишиас ли. Потом спал очень плохо. Теперь ему лучше. Он по целым дням сидит в кабинете, в котором есть что-то от наших помещичьих комнат. Но что он там колдует, пока остается тайной и для меня⁸.

– Дмитрий Сергеевич живет в Вавилоне и Вавилоном⁹.

– Зин<аида> Ник<олаевна> пишет статьи¹⁰ и переписывается с Миллюковым в довольно игривом тоне¹¹.

Из России письма получаю, что-то непонятное творится там, с одной стороны жить легче, свободнее, а с другой новые расстрелы и высылки¹². Вместе с другими высылается профессор философии Ильин, муж моей кухни. Она, бедная, остается заложницей¹³.

Целую Вас крепко. Пишите, хочется Ваших слов и «словечек».

Да, Вы знаете, я сделала большую глупость: потеряла свою свободу!¹⁴

Ваша почтительная

кузина

Вера

Целуйте Лолошек, напишу им на днях¹⁵.

Ян целует Ваши ручки и –¹⁶

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7110). Год установлен по содержанию. По-видимому, письмо не было отправлено, ибо сохранилась копия письма Буниной к Ильнарской (Мунштейн) от 24 или 25 сентября 1922 с текстом: «Где Тэффи? Я написала ей письмо, и как раз Биншток известил Мережковских, что они с Тэффи в Тироли <sic!>. Так письмо и лежит у меня на столе» (из тетради «Копия моих писем» – РАЛ MS.1067/8501). Бунины жили в Амбуазе с 7 июля по 6 ноября 1922.

¹ Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1943) и Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) жили в Амбуазе с 25 июля по 7 октября 1922. Сохранились копии 3-х писем Буниной к Гиппиус, написанных после отъезда Мережковских из Амбуаза (см. выше тетрадь «Копия моих писем»). Переписка Мережковских с Буниными издана Т.А.Пахмусс в ряде публикаций в журналах: *Cahiers du monde russe et soviétique* (Париж). 1981. Т.22. С.417-470; *Russian Language Journal* (Lansing, USA). 1981. Т.35. №121-122. С.209-258; Там же. 1986. Т.40. №135. С.129-140 – включены также письма Бунина к В.А.Злобину.

² Бунины общались и сотрудничали с Александром Ивановичем Курприним (1870–1938) после его переезда из Хельсинки в Париж летом 1920.

³ Гиппиус и Мережковский дружили еще в России с врачом Иваном Ивановичем Манухиным (1882–1958) и его женой, писательницей Татьяной Ивановной (урожд. Крундышева; псевд. Т.Таманин; 1886–1962). Манухины также входили в круг друзей Буниных. Сохранилось два письма Манухина к Бунину, отправленных из Парижа в Амбуаз в августе–сентябре 1922 (РАЛ MS.1066/3795-3796). В тетради «Копия моих писем» (см. выше) сохранилась копия письма Буниной к Манухиной от 21 октября 1922. Основной корпус писем Манухиной к Буниной хранится в архиве Иллинойского ун-та (США) и опубликован Т.А.Пахмусс в журнале «Вестник русского христианского движения» (Париж. 1996–1997. №173-175).

⁴ Речь идет о политическом деятеле и публицисте Григории Алексеевиче Алексинском (1879–1967) и его жене, журналистке Татьяне Ивановне (урожд. Евтихьева; 1886–1968). В некрологе Тэффи Алексинский вспоминал, что познакомился с ней в Петербурге в 1905 и что их «большая друж-

ба» началась в Константинополе в 1919 (Грани. 1952. №16. С.131-138). Бунины общались и переписывались с Алексинскими с 1920. В тетради «Копия моих писем» сохранились копии пяти писем Буниной к Алексинским от сентября–ноября 1922.

⁵ «La Victoire» («Победа»), газета Гюстава Эрве (Gustave Hervé; 1871–1944), бывшего социалиста и пацифиста, который во время Первой мировой войны перешел на крайние патриотические позиции.

⁶ Машинопись перевода романа Андре Жида (1869–1951) «Имморалист» (1902) хранится в РАЛ MS.1067/296.

⁷ Бунин.

⁸ В Амбуазе Бунин написал рассказ «Далекое», несколько стихотворений («Русская сказка», «Радуга», «Морфей», «Сириус», «Венеция», «Вход в Иерусалим», «Пантера», «1885 год», «Петух на церковном кресте», «Встреча» и др.) и три статьи для газ. «Слово»: «Голубь мира», Литературные заметки (««В Каноссу, в Каноссу!»...») и Литературные заметки («Это не политика, не политика...») – 1922. №6, 8 и 10. 31 июля, 14 и 28 августа.

⁹ Речь идет о работе: *Мережковский Д.С.* Тайная мудрость Востока: Вавилон // Современные записки. 1923. №15-17 (также в кн.: *Мережковский Д.С.* Тайна трех: Египет и Вавилон. Прага: «Пламя», 1925).

¹⁰ Не установлено, какие статьи имеются в виду, но, может быть, речь идет о датированных 1922 воспоминаниях Гиппиус об А.А.Блоке «Мой лунный друг» (Окно. 1923. №1).

¹¹ Опубликовано одно письмо Гиппиус к Павлу Николаевичу Милюкову (1859–1943), написанное в Амбуазе 26 августа 1922 (Минувшее. Вып.24. С.128). Несколько недатированных писем помещено в изд.: *Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Из переписки З.Н. Гиппиус. München: Wilhelm Fink, 1972. С.168-180. (См. также перечень опубликованных писем Гиппиус в публикации Н.А. Богомолова: «Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой» // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: «Феникс», «Atheneum», 2000. С.191-192.)

¹² Бунина переписывалась с большим кругом оставшихся в России родных и друзей, письма которых хранятся в РАЛ. Имеется также «Скорбная книга, составленная из документов людей, живших под игом большевиков от 1918, 1919, 1920, 1921, 1922, 1923 гг.» (РАЛ MS.1067/8503).

¹³ Иван Александрович Ильин (1883–1954) был выслан из России вместе с другими философами (Н.А. Бердяевым, Ф.А. Степуном, С.Л. Франком и др.) в конце сентября 1922. Его жена Наталия Николаевна (урожд. Бокач; 1882–1962) была Муромцевой по материнской линии.

¹⁴ Речь идет о решении Буниных венчаться после 15 лет совместной жизни. Для этого Бунин должен был развестись со своей женой Анной Николаевной (урожд. Цакни, по второму мужу Дерibas; 1880–1963). Сохранилось бракоразводное свидетельство, выданное Бунину в Париже 15 июня 1922 «Епархиальным управлением русскими православными церквями в Западной Европе» (РАЛ MS.1066/1264). Бунины зарегистрировали свой брак в мэрии 4 июля 1922 (дневниковые записи Буниной от 2–4 июля 1922 – РАЛ MS.1067/373-374; Устами Буниных. Т.2. С.88-89) и венчались в Свято-Троицкой Александро-Невской церкви при Российском посольстве в Париже 24 ноября (выпись из метрической книги – РАЛ MS.1066/1265; дневниковая запись Буниной – РАЛ MS.1067/373-374; Устами Буниных. Т.2. С.98-99).

¹⁵ Возможно, приведенное выше в аннотации письмо от 24 или 25 сентября 1922.

¹⁶ Ср. в воспоминаниях И.Одевцевой: «Войдя в гостиную <...> Бунин <...> направился прямо к расположившейся на диване Тэффи, поклонился ей и громко произнес, целуя обе ее руки:

– Надежда Александровна! Целую ручки и прочие штучки.

На что Тэффи, не задумываясь, радостно и звонко воскликнула:

– Ах, спасибо, Иван Алексеевич, спасибо! Спасибо за штучки. Их давно уже никто не целовал!» (*Одевцева И.* На берегах Сены. Paris: «La Presse Libre», 1983. С.267-268).

20. ТЭФФИ – БУНИНУ <Январь 1923 г.> Берлин

Дорогой Иван Алексеевич!

Вчера вечером у Алдановых¹ говорили о Вас, и я наконец узнала Ваш адрес². До сих пор сколько и у кого бы я ни спрашивала – все в ответ только острили (со мной все считают долгом острить!), так я ничего и не добилась. Пишу Вам, чтобы повторить, как все мы Вас любим и чтим и как мечтаем о Нобелевской премии для Вас³.

В Берлине очень нудно и тускло живется. Город разделен на жидов и юдофобов, причем первые залезли и во вторую категорию – всюду пролезут!

Ходят слухи, что Вы думаете приехать в Берлин. Правда ли это? Видела Толстых. Ему тошно в «Накануне»⁴, а назад тоже ходу нет. Наташа собирается на днях размножиться⁵. У них никто не бывает, и живется им морально очень тяжело при материальных удачах.

Милую, дорогую Верочку крепко целую.

Рада буду, если откликнетесь.

Bambergerstr<а>е> 5, bei Hoffman, Berlin.

Искренно и всегда Вас любящая

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5403). Датируется по содержанию. Тэффи приехала в Берлин в конце 1922, а в начале 1923 серьезно заболела. В письме от 21 февраля 1923 В.А.Зайцева сообщала Бунинной: «Сейчас очень серьезно Тэффи больна. Лежит в клиниках. Я к ней пойду. На две минуты пустят меня» (*Другая Вера.* С.345).

¹ Марк Александрович Алданов (наст. фам. Ландау; 1886–1957) и его жена Татьяна Марковна (урожд. Зайцева; ум. 1968) жили в Берлине в 1922–1924.

² Возможно, Тэффи не была уверена, что Буниным удалось снять квартиру в том же доме, где жили до пребывания в Амбуазе.

³ В письме от 3 января 1922 Ромен Роллан (1866–1944), лауреат Нобелевской премии за 1915, сообщил Бунину, что он выдвинул его кандидатуру

перед Нобелевским комитетом Шведской академии и предложил комитету разделить премию между Буниным и Горьким (РАЛ MS.1066/4780). Когда рекомендация Роллана формально обсуждалась Нобелевским комитетом в 1923, к именам Бунина и Горького добавилось имя Бальмонта. Об истории присуждения Нобелевской премии Бунину см. публикацию: *Марченко Т.В.* Неизвестные страницы бунинской нобелианы (по материалам архива Шведской академии) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т.56. №6. С.23-35.

⁴ В октябре 1921 А.Н.Толстой переехал из Парижа в Берлин, где он заведовал литературными приложениями к сменовеховской газ. «Накануне». Летом 1923 Толстые вернулись в Россию.

⁵ Н.В.Крандиевская родила сына Дмитрия 25 января 1923.

21. ТЭФФИ – БУНИНУ <Лето 1924 г. Со-Робинсон>

Дорогой Иван Алексеевич,

Дорогой и чудесный!

Сердечно благодарю за письмо и в особенности за то, что пишете о «Пределе»¹.

Вижу, что очень хотите как-нибудь подбодрить и утешить меня и знаете, что Ваша похвала от Вашего понимания ума и таланта есть самый лучший подарок. Так и беру это как подарок (как незаслуженное) и благодарю сердечно, что Вы милый ко мне.

Здоровье мое лучше. Но сердце стучит, гудит, трещит, но не работает – как машина на холостом ходу. Одно счастье – пока мне так плохо, меня нельзя оперировать, а как поправлюсь, так и уеду от докторов².

Милой Верочке крепкий поцелуй. Завтра ей напишу³.

Искренно и всегда Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5404). Датируется предположительно по содержанию. Летом 1924 Тэффи лечилась в санатории в Со-Робинсон под Парижем.

¹ Рассказ Тэффи «Предел» опубликован в журнале «Окно» (1924. №3. С.189-232).

² 5 июня 1924 В.А.Зайцева писала Буниной: «Тэффи медленно угасает <...> Я боюсь, что она скоро умрет. Я к ней бегаю раза 3-4 в неделю (от нас 3 версты). Теперь она уже совсем не встает. <...> Она совсем не может двигаться. У нее фиброма (страшное кровотечение, 6 недель непрерывно, оттого сердце ослабло, а операцию из-за сердца делать нельзя)» (Другая Вера. С.354-355).

³ Возможно, №22.

22. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
 <Лето 1924 г. Со-Робинсон>

Дорогая моя Верочка!

Сердечно благодарю за милые письма – они меня очень обрадовали. И очень мне радостно, что Вам хорошо живется и работается.

Мой рассказ «Крылья» (плохой и собачий) написан еще до болезни¹, а сейчас писать не могу, хотя должна, п<отому> ч<то> круто обнищала.

Читала «Розу Иерихона»². Какая красота! У «него» у одного эта длинная многоволная фраза, а у нас у всех, воспитанных на Дорошевичах и газетной муштре – короткая обрывистая³ – песий лай.

А Вы, Верочка, себя берегите, полечитесь, окрепнете. Я ведь вплоть до парижского тифа⁴ никогда в жизни не была больна! Никогда и не думала, что это так трудно и так печально. Ну да, кажется, опять выкарабкалась. Так вот мой завет: берегите себя. Помните – наши тетки и бабки всегда приговаривали, что здоровье дороже всего. Они-то, оказывается, все понимали!

Крепко Вас целую, дорогой друг, и прошу передать привет И<вану> А<лексеевичу>. Очень он меня тронул своим письмом⁵.

Да, знаете, в Шмелеве я разочаровалась. Читала его рассказ «Два Ивана»⁶. Это обнаженная схема всего его творчества последних лет. «Часть первая: сами жрут, а нам не дают. Часть вторая: впрочем, им и самим жрать нечего». Ску-у-ушно!

Пишите мне, дружок дорогой мой.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7131). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Рассказ Тэффи «Крылья» опубликован в мае 1924 в №1 журнала «Иллюстрированная Россия».

² Рассказ Бунина «Роза Иерихона» опубликован 15 июня 1924 в воскресном приложении к берлинской газ. «Руль» – «Наш мир» (№13).

³ Своим сжатым стилем «король фельетона» Влас Михайлович Дорошевич (1864–1922) оказал большое влияние на Тэффи и других фельетонистов-юмористов начала века. В 1910-е гг. Тэффи и Дорошевич были коллегами по московской газ. «Русское слово».

⁴ См. №12.

⁵ Ср. №21.

⁶ Рассказ Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) «Два Ивана» опубликован 15–16 июня 1924 в газ. «Руль» (№1072-1073).

23. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
 <Лето 1924 г. Со-Робинсон>

Милая, дорогая Верочка!

Спасибо за письмо, за то, что не забываете меня.

А когда же в Париж?¹

Я поправляюсь, и скоро надо будет уезжать из моей санатории. Страшно подумать, что снова искать комнату, хлопотать, не находить и остановиться на самой скверной, п<отому> ч<то> я непрактична и глупа.

Надоело все это до зла-горя.

Насчет профессорского брака – будьте спокойны. Я ведь Вам уже говорила, что не пойду за него. Да и чего торопиться? Слава Богу, не перестарок. Дайте хоть до пятидесяти в девушках погулять.

Насчет козиной... много думала. Чудесное выражение. Глубоко психологическое. С ним поспорит разве только балавинская² разно---ица.

Что у Вас затевается в Cannes? Ведь уже много раз начиналось, да ничего не выходило. Во всяком случае, желаю от души успеха³.

Навещает меня часто Вера Зайцева. Она добрая, и жизненного заряда в ней – не изжить много!⁴

Пишите мне, друг дорогой. Очень интересно все, что Вас касается, и очень радуется, что Вам сейчас хорошо. И как чудесно, что Вы хоть немножко занялись собой. Вот я не заботилась о себе вовремя – меня и скрутило. Бедность, одиночество и болезнь – веселая треххвостка.

Целую Вас крепко. Ивану Алексеевичу сердечный привет.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7132). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Бунины провели май–октябрь 1924 в Грассе и вернулись в Париж 5 ноября.

² Сергей Александрович Балавинский (1864–1928), общественный деятель, юрист.

³ Не установлено, о чем идет речь (см. также №24).

⁴ Тэффи познакомилась и подружилась с Борисом Константиновичем Зайцевым (1881–1972) и его женой Верой Алексеевной (урожд. Орешникова, по 1-му мужу Смирнова; 1878–1965) в Берлине, куда они приехали из России в июне 1922. Зайцевы переехали во Францию в начале 1924. Многочисленные письма Тэффи к Зайцевым хранятся в фонде Зайцева в БАРВК.

24. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<Август 1924 г. Со-Робинсон>

Дорогая моя Верочка!

Нарочно нескоро ответила Вам, чтобы не заставить Вас из-за самовоспитания писать мне.

Я все еще в санатории. Было одно время лучше, теперь опять что-то неладно.

Хорошо ли у Вас?

У нас дожди, холодно, птицы разлетелись, одни вороны бранятся хриплыми голосами на тополе под моим окном: черные, носатые. По-моему, вороны жиды.

Скоро ли Вы в Париж?

Зайцевы уже переехали в квартиру Бальмонтов – 2, rue Belloni. Надо бы и мне переезжать, да не могу искать комнату¹.

А что, с Сappes ничего не вышло? Я никому не говорила (как Вы наказали), но, кажется, и мое молчание не помогло.

Хорошо ли Вы отдохнули?

Передайте мой сердечный привет Ивану Алексеевичу, а Вас я крепко целую.

Ваша всегда

Тэффи

P.S. Сегодня здешний доктор посоветовал мне написать большую и очень хорошую пьесу. Я поблагодарила его за совет и в свою очередь посоветовала ему сделать какое-нибудь потрясающее открытие в области медицины. Весело с дураками!

Н.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7133). Датируется предположительно по содержанию.

¹ В августе 1924 Зайцевы переселились из Со-Робинсон, где они жили с января, в квартиру уехавших в Бретань Константина Дмитриевича Бальмонтова (1867–1942) и его третьей жены, Елены Константиновны (урожд. Цветковская; 1880–1944). С конца 1924 (или начала 1925) по начало апреля 1925 Тэффи снимала у них комнату. После выхода из санатория в Со-Робинсон и перед поселением у Зайцевых Тэффи жила в гостинице на rue Жакоб.

25. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<30 сентября 1924 г. Париж>

Дорогой дружок,

Только по Вашему письму вспомнила, что я именинница (так основательно об этом забыла) и, следовательно, и Вы. Крепко Вас

целую, поздравляю и желаю к Вашему хорошему прибавить чудесного и великолепного.

Ивану Алексеевичу привет и благодарность за выражение «гнусный умывальник»¹.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7134). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Фраза из рассказа Бунина «Далекое», опубликованного 18–19 сентября 1924 в газ. «Руль» (№1153-1154).

26. ТЭФФИ – БУНИНЫМ <Январь 1925 г. Париж>

Вопль к Буниным!

Друзья милые! Пишу Вам втайне от Зайцевых: сделайте все, чтобы их выручить. Они легкомысленны, по ночам не спят от ужаса, а днем кричат «наплевать». 23-го надо платить за квартиру, а у них долгу 700 фр<анков>.

Если комитет не даст им 1000 – им крышка¹.

Пусть дадут хоть заимообразно. После своего вечера Бор<ис> Конст<антинович> вернет².

Простите за вопль, но до смерти их жалко! Комитет выдает каким-то никому не ведомым личностям, дробит деньги и не может поддержать настоящего писателя в настоящей нужде.

Шлю сердечный привет.

Ваша всегда

Тэффи

P.S. Вере Зайцевой не говорите о моем письме.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5405). Датируется предположительно по содержанию.

¹ В дневниковой записи от 22 января 1925 Бунина пишет о заседании Комитета помощи русским литераторам и ученым, на котором было решено выделить Зайцеву 750 франков, и о том, как «Зайцевы огорчились, что не тысяча» (РАЛ MS.1067/383; Устами Буниных. Т.2. С.133).

² Вечер Зайцева состоялся 29 марта 1925.

27. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<28 января 1925 г. Париж>

Дорогая моя Верочка!

С.Иванов¹ вместо 500 фр<анков> прислал мне 400 с запиской, что «если поступят все ожидаемые поступления», то он дошлет 100 фр<анков>.

Не знаете ли Вы, что это значит? Мне ассигновано 500, все получили сколько им назначалось, почему я должна ждать каких-то поступлений?²

Крепко Вас целую.

Недоумевающая

Тэффи

Публикуется по автографу («пневматичка») (РАЛ MS.1067/7135). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 1, rue Jacques Offenbach, Paris. Обратный адрес: 2, rue Belloni, <Paris> (см. №24 и прим. к нему).

¹ Сергей Андреевич Иванов (1853–1927), революционер, шлиссельбуржец, в эмиграции одно время был председателем Комитета помощи русским литераторам и ученым.

² На заседании Комитета было решено выделить некоторым просителям по 500 франков (см. также прим.1 к №26).

28. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<Осень 1925 г.> Париж

8, Place de Rennes,
Hôtel Edouard VI,
Paris

Дорогая Верочка!

Не отвечала долго, п<отому> ч<то> не знала Вашего адреса – Вы не написали. Пришлось затребовать его от Зайцевых¹.

Сердечно благодарю за письмецо.

Лето провела мило. Возили меня по красивым местам².

Сейчас в Париже – заботно и тоскливо. Не умею устроиваться. Приходится пока что жить в отеле. Неудобно, дорого, а иначе не умею. Что ж делать. Каждому свое.

Скоро ли Вы приедете?³

Как живется? Не пора ли подумывать о вечере?

Очень бы хотела повидать Вас, дружок мой. За прошлую зиму мы виделись ровно три раза. Маловато.

Недавно видела Аминаду⁴. И все время говорили о «И.А.Бунине». Цитировали на память, кто что. Ценю его (Аминаду) за то, что есть литературный вкус.

Сердечный мой привет Ивану Алексеевичу. Очень хочется поскорее почитать его, повидать его и послушать.

Крепко Вас целую, миленькая моя.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7136). Датируется предположительно по содержанию. Тэффи жила по указанному адресу с июня 1925 до лета 1927.

¹ Бунины провели осень и начало зимы 1925 в Грассе.

² Возможно, речь идет о поездке в Лурд и Биарриц (см. недатированное письмо Тэффи к В.А.Зайцевой. – БАРВК. Фонд Зайцева).

³ Бунины вернулись в Париж 21 декабря 1925.

⁴ Тэффи дружила и сотрудничала с Дон Аминадо (наст. имя и фам. Аминад Петрович Шполянский; 1888–1957). В частности, 17 октября 1925 состоялся «Вечер юмористов» с их участием.

29. ТЭФФИ – БУНИНУ
<Начало 1926 г.> Париж

8, Place de Rennes,
Hôtel Edouard VI.
<éléphone> Ségur 61.11

Дорогой Иван Алексеевич,

Очень прошу Вас и милую Верочку пожаловать в пятницу в 8 1/2 ч. в студию Н.Бутковской «Eurythmie», 6, rue Huyghens (недалеко от «Ротонды»)¹. В глубине двора увидите освещенное ателье – туда прямо и идите.

Рада буду исключительно видеть Вас.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5406). Датируется предположительно.

¹ Наталья Ильинична Бутковская (по мужу Шервашидзе; 1878–1948), актриса, режиссер, педагог, издательница (о ней см. Минувшее. Вып.20. С.417-418; Вып.23. С.417). 7 декабря 1924 по указанному адресу Бутковская открыла театральную школу.

30. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<Конец сентября 1926 г.> Париж

Милый и дорогой друг мой
Верочка,

Поздравляю Вас со днем Вашего Ангела и от души желаю всего лучшего.

Слышала я, что Вы хворали, и очень, очень Вас жалела и о Вас беспокоилась¹.

Я лето провела на Корсике, было мне чудесно². Жаль, что не всегда так. Все как-то недосыта.

Сейчас ищу квартиренку – не могу больше прыгать через чемоданы. Устала.

Передайте, Верочка, мою любовь и привет Ивану Алексеевичу и особый поклон за «морду сиськой» и «мясопотама»³.

Крепко целую Вас, помню и люблю.

Ваша всегда

Тэффи

8, Place de Rennes,
Paris

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7137). Датируется предположительно по содержанию.

¹ В сентябре–октябре 1926 Бунина страдала от камней в печени (РАЛ MS.1067/388; Устами Буниных. Т.2. С.161-162).

² Тэффи опубликовала ряд фельетонов о своей летней поездке на Корсику в рижской газ. «Сегодня» (1926. №180, 182, 192, 198, 220, 226, 228. 15, 18 и 29 августа, 5 сентября, 1, 8 и 10 октября).

³ В опубликованном 29 июля 1926 в парижской газ. «Возрождение» (№422) рассказе Бунина «В саду» говорится: «Нанял девку: так не то что сготовить – свиньям дерьма с хоботьем не замесит, и опять же как профан глупа. Морда сиськой, сама как мясопотам какой».

31. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<Конец сентября 1927 г.> Париж

Дорогая Верочка!

Ау!

Окликаю Вас!

Поздравляю со днем нашего ангела и пользуюсь случаем сказать, что люблю Вас.

Когда же Вы в Париж?¹ Почему так по-женски бросили меня? Адрес мой: 25 Boulevard de Grenelle.

Передайте мой привет Ивану Алексеевичу. Скажите, что чем больше читаю других, тем больше люблю его.

Огорчил меня Шмелев описанием пробуждения своей весны под сенью сохнувших на веревке панталон дивной бельфам² акушерки³.

Жаль его.

Очень хочется повидаться, да видно на всякое хотенье есть терпенье.

Привет Рощину⁴.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7138). Датируется предположительно по содержанию. Тэффи жила по указанному адресу с осени 1927 до начала 1931.

¹ Бунины провели осень и начало зимы 1926–1927 в Грассе и приехали в Париж в начале февраля 1927.

² красавицы – *belle femme* (франц.)

³ См. в гл. 34-й опубликованного в 1927–1928 в журнале «Современные записки» (№30-34) романа Шмелева «История любовная: Роман моего приятеля»: «Пелагея Ивановна вывесила белье, и я воровато-стыдливо любовался на кружевную рубашечку, на узенькие чулочки, на...» (№34. С.48).

⁴ Начиная с 1926 писатель Николай Рощин (Николай Яковлевич Федоров; 1896–1956) часто жил у Буниных в Грассе.

32. ТЭФФИ – БУНИНЫМ И Г.Н.КУЗНЕЦОВОЙ <Сентябрь 1928 г.> Ницца

Дорогой Иван Алексеевич,
Вера Николаевна,
Галина Николаевна¹,

Пав<ел> Андр<еевич> и я сейчас на несколько дней в Ницце². Очень хотим Вас видеть. Чрезвычайно было бы радостно, если бы Вы с нами позавтракали в Cannes – это равное расстояние от Вас и от нас и, я знаю, Вы там часто бываете.

Если Вы согласны – мы будем ждать Вас в Cannes в 12 ч. 30 м. в *среда*, около Казино. Если согласны – телеграфируйте одно слово – «Oui»³, Nice, Hôtel Cecil, Teffi.

С сердечным приветом.

Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5407). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению с №33.

¹ Галина Николаевна Кузнецова (по мужу Петрова; 1900–1976) поселилась у Буниных в 1927.

² Павел Андреевич Тикстон (Theakston; 1873–1935) был интимным другом Тэффи с 1924, и с ним она каждый год ездила на машине по Франции и соседним странам. Отец Тикстона – английский предприниматель в России. Уроженец Санкт-Петербурга, Тикстон считал себя русским, был православным, женился на русской и после революции эмигрировал во Францию.

³ Да (франц.).

33. ТЭФФИ – БУНИНУ <Сентябрь 1928 г.> Париж

Дорогой Иван Алексеевич,

Несказанно была тронута Вашим милым вниманием и заботой обо мне: прислали сербское приглашение экспрессом¹. Немедленно перевожу Вас из разряда «дай» в разряд «возьми» (помните разговор?).

Приглашением я не воспользовалась отчасти по причине мигрени (перекупалась), отчасти не желая вводить сербов в расходы. Честь была предложена, а от убытков я их избавила.

Шлю привет милой Верочке.

А Галине Николаевне вместе с приветом передайте, что ее константинопольский рассказ мне понравился, а последние стихи в «Современных» записках» даже очень понравились².

А Вам с любовью кланяюсь и буду верна.

Ваша Тэффи

25 Boulevard de Grenelle,
Paris

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5408). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Речь идет о приглашении на устраиваемый сербским правительством в Белграде в конце сентября 1928 съезд русских писателей (перед ним состоялся и съезд русских ученых). Непосредственно перед съездом секретарь сербской Академии Наук А.И.Белич приезжал к Бунину для переговоров об издании русских книг в Сербии, и его познакомили с Тэффи (дневниковая запись Буниной от 8 сентября 1928 – РАЛ MS.1067/393; Устами Буниных. Т.2. С.182). Возможно, приглашение на съезд было результатом этой встречи.

² Речь, по-видимому, идет о рассказе Кузнецовой «Золотой Рог», опубликованном 4–5 сентября 1928 в газете «Последние новости» (№2722-2723). Ее стихотворение «Полдень» опубликовано в журнале «Современные записки» (1928. №36).

34. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<28 сентября 1928 г. Париж>

Дорогая Верочка!
Сердечно поздравляю с Ангелом.
Целую
и
Люблю.
Ваша Тэффи

Публикуется по автографу (открытка с фотографией босой девочки в косынке и фартуке, с букетом цветов – Photo Kuzelowsky, Wilmersdorferstraße 54, <Berlin>) (РАЛ MS.1067/7139). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Belvédère, Grasse. Вилла Бельведер была основной южной резиденцией Буниных с 1925. Открытка отправлена из Парижа.

35. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<Зима 1929 г. Париж>

Зима 1929 г.¹

Дорогая Верочка,
все благополучно: соблазнила кузена² взять билет³.
От Веры Мартыновой⁴ получила за билет 100 фр<анков>. У меня, значит, Ваших денег скопилось 400 фр<анков>. Жду еще 200 из Берлина.

Работаю я, конечно, даром. За самоотверженный труд свой *требую* (так как просьбы не действуют) портрет божественного супруга Вашего Ивана Бунина. Иначе поступлю с выручкой по алеше-толстовски: прикарманю и га-га-га...⁵

Крепко целую и шлю приветствия дому Вашему⁶.

Всегда Ваша
Тэффи

Публикуется по авторизованной машинописи (в дальнейшем – АМ) (РАЛ MS.1067/7140). Датируется по пометке Бунина (см. прим.1) и по содержанию.

¹ Вписано Буниным.

² В №53 и 75-76 Тэффи называет по именам двух из своих двоюродных братьев, но неизвестно, о ком идет речь в данном случае.

³ Тэффи продавала билеты на вечер Бунина, который состоялся 17 апреля 1929 у Цетлиных.

⁴ Вера Рафаиловна Мартынова часто упоминается в подобном контексте.

⁵ В очерке «Алексей Толстой» Тэффи рассказывает о похожих «не совсем ладных» поступках А.Н.Толстого.

⁶ Т.е. Н.Роцину и Г.Кузнецовой (см. прим.4 к №31 и прим.1 к №32).

36. ТЭФФИ – БУНИНУ
<Весна 1929 г. Париж>

Дорогой
Иван Алексеевич!

Шлю беспредельную мою благодарность за чудесную Вашу книгу¹ и за долгожданный портрет.

И за что я так Вами взыскана? Видно, в конце концов, доходит молитва до Бога, а до человека любовь.

«Иллюстрированная Россия» предложила мне большую честь – написать о Вашей книге стихов.

Боюсь – не по силам мне. Выйдет скудоумно и превыспренно. И не хорошо, чтобы такая труха налипала вокруг Вашей чудесной книги².

Шлю сердечный привет Вам и дорогой моей Верочке и милой Галине Николаевне.

У нас всякие события, так что дамы наши избегались как лягувы, разнося новости... (Это грубое сравнение пусть останется между нами.)

Еще раз благодарю за все.

Искренне преданная

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5409). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Бунин *Ив.* Избранные стихи. Париж: «Современные записки», 1929.

² Рецензия Тэффи в журнале «Иллюстрированная Россия» (1929. №216. С.8) так и называлась «По поводу чудесной книги».

37. ТЭФФИ – БУНИНЫМ
<25 августа 1929 г.> Шартрëз

Милые друзья!

Привет из Chartreuse¹. Едем на Юг. Скоро увидимся.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (открытка с видом: La Grande Chartreuse. Chapelle Saint Bruno) (РАЛ MS.1066/5410). Датируется предположительно по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes->M<aritime>.

¹ Тэффи и Тикстон не раз останавливались в районе знаменитого аббатства картезианского ордена Ля Гранд Шартрëз в Савойских Альпах.

38. ТЭФФИ – БУНИНЫМ

<30 августа 1929 г.> Жуан-лэ-Пэн

Juan les Pins <...> Vous prions chers amis tous les cinq¹ venir demain samedi vers quatre heures vous attendons tous sans faute Hôtel Casino amitiés. Teffi Theakston².

Публикуется по оригиналу (телеграмма) (РАЛ MS.1066/5411). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Belvédère, Grasse.

¹ Бунины, Кузнецова, Рошин и, возможно, гостившая в то время у Буниных Рахиль Григорьевна (Рери) Осоргина (урожд. Гинзберг; 1885–1957).

² Жуан-лэ-Пэн <...> Просим Вас дорогих друзей всех впятером <см. прим.1> прийти завтра субботу к четырем часам ждем вас всех непременно Hôtel Casino дружеский привет. Тэффи Тикстон. (франц.).

Предполагаемая встреча 31 августа 1929 не зафиксирована в дневниках Буниных, но в записи от 11 сентября Бунин пишет о встрече в Антибах (РАЛ MS.1066/524; Устами Буниных. Т.2. С.209).

39. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<Начало октября 1929 г. Париж>

Дорогая Верочка!

Я только что прибыла из долгого путешествия¹. Именины наши пришли в дороге, и я забыла о них совершенно! Со стыдом благодарю Вас за память и поздравляю.

Окунулась в радости столичной жизни: отдала в чистку пальто, переменяла femme de ménage² разбила кофейник. Завтра буду стирать combinaison³.

Никого еще не видала, но сплетни лезут через все щели: Алексинский бросил свою Татьяну. Татьяна выходит замуж за Алехина, которого бросила жена⁴, которая выходит не знаю за кого, но выходит. Лабинский бросил Преображенскую⁵ и женился на сестре Евреиновой⁶, ученице Преображенской.

Вот сколько чудес. А ведь я еще и из дому не вышла. Что же будет, когда выйду!!

Целую Вас, дорогая моя, и прошу передать привет Вашим.

Ваша всегда

Тэффи

P.S. В следующем письме напишу, кто из наших дам сколько кило потерял и сколько «принял».

Н.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7141). Датируется предположительно по дневниковой записи Буниной от 9 октября 1929 о получении этого письма (РАЛ MS.1067/395).

¹ Путь Тэффи и Тикстона с юга Франции в Париж во второй половине сентября лежал через Савойские Альпы, Виши и Экс-ле-Бэн, и эта поездка дала пищу для ряда фельетонов в газ. «Возрождение» и «Сегодня» в сентябре–декабре 1929.

² домашнюю работницу (*франц.*).

³ комбинации (*франц.*).

⁴ Насколько известно, Т.И.Алексинская не была одной из четырех жен знаменитого шахматиста Александра Александровича Алехина (1892–1946).

⁵ Ольга Осиповна Преображенская (1871–1962), балерина.

⁶ Пианист и педагог Александр Иванович Лабинский (1894–1963) и Ираида (Ирина) Александровна Кашина (1906–1968) поженились осенью 1929. И.А.Кашина – сестра Анны Александровны Евреиновой (урожд. Кашина; 1898–1981), жены Николая Николаевича Евреинова (1879–1953).

40. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<До 13 апреля 1930 г. Париж>

Дорогая Верочка!

Уведомляю Вас, что я на Ваш вечер уже запрдала 2 билета по 100 фр<анков> – итого на 200¹. Так что Вы не отдавайте мне вырученные за мои билеты деньги². Я нарочно поспешила, п<отому> ч<то> у меня легкая рука и дело пойдет живо и ладно.

Крепко целую и благодарю Вас и милого Ивана Алексеевича за помощь в моем гнусном предприятии.

Ваша всегда

Тэффи

P.S. Билеты проданы Павлу Андреевичу, т<ак> ч<то> к нему уже не направляйте.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7142). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Вместе с М.А.Алдановым, И.П.Демидовым и Н.К.Кульманом Тэффи подписала циркулярное письмо с приглашением купить билеты на вечер Бунина 13 апреля 1930 (РАЛ MS.1066/3443).

² Возможно, речь идет о Вечере романтики, в котором Тэффи участвовала 26 апреля 1930.

41. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<Конец сентября 1930 г.> Париж

Дорогая Верочка!

Сердечно поздравляю со днем Ангела и желаю всего лучшего.

Крепко целую и шлю привет всем Вашим¹.

Любящая

Тэффи

25, Boulevard de Grenelle,
Paris

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7143). Датируется предположительно по содержанию.

¹ С приездом в Грасс Леонида Федоровича Зурова (1902–1971) 23 ноября 1929 состав «милой колонии» (см. №42) на несколько лет стабилизировался.

42. ТЭФФИ – БУНИНУ <Начало 1931 г. Париж>

Дорогой Иван Алексеевич,

Простите, ради Бога, за путаницу. Живем на вулкане, и все летит (как и полагается при извержении) не в ту сторону¹.

Вчера получила письмо Веры Николаевны насчет Каллаш². Увы! Все уже распределили, да и раздел был до жалости убогий!³ Максимальная сумма 200 франков дана была Лоло. А то давали по 100. Очень мало было собрано и масса прошений. Но я попробую что-нибудь сделать для Каллаш, хотя за успех не ручаюсь. Эта зима была страшная – нищая, голая и злобная. Раздаем все, что есть, и еще чувствуем угрызения совести только потому, что сами не побираемся.

Шлю сердечный привет всей Вашей милой колонии. Дорогой Верочке напишу особо.

Если не очень затруднит – перешлите книгу Сергею Горному⁴. Это мой самый преданный друг – даже удивительно до чего! Верно от того, что никогда меня не видит.

Адрес его: Alexander Otzup (Александр Авдеевич), Badensche-strasse 7, Berlin-Schöneberg.

Еще раз – простите за мою бестолочь.

Искренно и всегда Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5412). Датируется предположительно.

¹ Возможно, речь идет о сочетании последствий экономического кризиса с тяжелой болезнью Тикстона. В письмах к Буниной от 23 и 25 декабря 1930 В.А.Зайцева писала: «Ты, наверное, уже знаешь, что Пав<ел> Андр<е-евич> Тикстон очень болен. У него паралич, правая сторона отнялась, и не мог говорить, но теперь, слава Богу, поправляется, хотя и очень медленно.

Немного ходить начал. Тэффи безумно устала, 2 месяца за ним ходит, хотя там есть сестра милосердия, но она через день ночует, а днем всегда у него. Жалеем его безумно мы все. Хороший он человек»; «Вообще здесь очень сейчас трудно, <...> многие потеряли место, денег нет. Кругом крахи. Ты знаешь, Тикстоны тоже разорены» (Другая Вера. С.388-389).

² Мария Александровна Каллаш (урожд. Новикова, псевд. Курдюмов; 1886–1955), писательница, подруга Буниной.

³ С 5 ноября 1930 Тэффи – член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже. По-видимому, она также участвовала в работе Комитета помощи русским литераторам и ученым.

⁴ Возможно, вышедший в Белграде в 1931 сборник рассказов Тэффи «Книга июнь», о котором речь идет в похожем контексте в недатированном письме Тэффи к В.А.Зайцевой из Ниццы (см. №43). Сергей Горный (наст. имя и фамилия Александр Авдеевич Оцуп; 1882–1949) написал на сборник рецензию «Жизнь благословляемая» (Руль. 1931. №3140. 25 марта). Тэффи была знакома с Горным по Берлину в 1922–1923. Его письма к ней хранятся в фонде Тэффи, БАРВК.

43. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<Март 1931 г.> Ницца

La Colline

Maison de Régime, de Repos,
de Convalescence

(ancien Etablissement du Dr. Monteuuis)¹,
St. Antoine – Nice

Le.....

Дорогая Верочка!

Мы сейчас в «La Colline»², где Пав<ел> Андр<еевич> поправляется от тяжелой болезни.

Мне говорили, что у Вас была замечательная массажистка, которая быстро поправила Вашу больную руку. Очень была бы Вам благодарна, если бы Вы сообщили мне ее адрес как можно скорее. Самое лучшее, если позвоните мне (12-2 дня). Главное – где она и сможет ли ездить в «La Colline»?

Очень счастлива буду всех Вас видеть, как только немножко отдохнем и наладимся.

Крепко Вас, дорогая, целую. П<авел> А<ндреевич> целует руч-ки и вместе со мной шлет привет всем Вашим.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (на бланке санатория «Ля Коллин») (РАЛ MS.1067/7144). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Альбер Монтёуис (1861–?) практиковал и пропагандировал самые разнообразные методы лечения, включая гелиотерапию и питание специальными злаками и молочными продуктами.

² Санаторий «Ля Коллин» («Холм») расположен в горах над Ниццей. В те годы он принадлежал Сергею Марковичу Перскому (1876–1938), врачу-терапевту, автору книги «Les Maîtres du roman russe contemporaine» («Мастера современного русского романа») (Париж, 1912), переводчику на французский язык произведений Леонида Андреева и других авторов начала века, сотруднику французского политического деятеля Ж.Клемансо. В недатированном письме к В.А.Зайцевой Тэффи приводит отрывок разговора Перского с женой, которая фигурирует несколько раз в дальнейших письмах: «Он: Если будете так шамкать деньгами. Она: И с чего вы взяли, что я шавкаю (явно его поправляя) деньгами?» (БАРВК. Фонд Зайцева).

С 1949 «Ля Коллин» – дом для престарелых еврейской благотворительной организации COJASOR.

44. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<9 июня 1931 г. Ницца>

Дорогой друг! Сердечно обрадована Вашей запиской. Я сейчас немного больна, лежу. Как только встану – наверное, очень скоро – сейчас же позвоню Вам, и сговоримся о встрече, о которой давно мечтаю.

Привет дорогому Ивану Алексеевичу и всей Вашей милой колонии.

Крепко Вас целую и люблю.

Ваша Тэффи

Публикуется по автографу (открытка с видом: Nice. Vieille rue) (РАЛ MS.1067/7145). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Belvédère, Grasse.

45. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<Июль 1931 г.> Юриаж

Hôtel des Bains. Uriage

Милая и дорогая Верочка!

Страшно жалею, что не удалось повидаться.

Вскоре после получения Вашего ласкового письма мы сорвались с места и укатили с блаженного юга в Uriage¹. Двигаемся этапами к Парижу.

Внимание Ваше было мне очень ценно, но злоупотреблять им не хотелось. Я все это время мало представляла интереса даже для самых милых и всепонимающих людей. Теперь, слава Богу, П<авел> А<ндреевич> хорошо поправляется, и «миссия» моя подходит к концу. Смогу протереть глаза и посмотреть на мир Божий.

В сентябре буду в Париже, но думаю, что ненадолго, а зимой снова двинемся на юг уже в других настроениях – без переутомленности, переиздерганности и прочих «пере».

Крепко целую Вас, дорогая моя, друг мой милый, и прошу передать привет блистательному супругу Вашему и всей Вашей милой колонии.

Любящая Вас

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7146). Датируется предположительно по содержанию и по письму Тикстона В.А.Зайцевой из Юриажа от 19 июля 1931 (БАРВК. Фонд Зайцева).

¹ Причиной внезапного отъезда из Ниццы были истерические приставания к больному Тикстону некоей «стервы, которая романилась» с сыном Тикстона, Сергеем (1903–1981) (см. недатированное письмо Тэффи к В.А.Зайцевой из Гренобля – БАРВК. Фонд Зайцева). Юриаж-лэ-Бэн – курорт под Греноблем.

46. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <Декабрь 1931 г.> Варшава

N. Teffi,
Dobra 2, m. 62, Warszawa, Pologne.

Дорогая Верочка,

Как живется?

Намучились с Мережковским? Хорошо ли идет дело?¹ Много ли вырчат, или, по меткому определению Ивана Алексеевича, «больше визгу, чем щетины»?

Валя² развонила по всей Варшаве о необычайной обаятельности И<вана> А<лексеевича>. Здешняя знаменитая писательница Налковская сказала, что давно уже влюблена в Бунина по портретам и, конечно, по книгам³.

Я живу инкогнито. Буквально кроме двух моих дочерей никого не вижу⁴. Чувствую себя изрядно скверно. У меня отчаянная невращения и таковая же анемия. Принимаю лекарства, ем – ничто не помогает. К 10-му января вернусь в Париж.

Здесь холодно, темно, но снега нет. Говорят, что зима здесь всегда такая. Была раз в синема. Пьеса идет по-английски с польскими надписями. Так как оба языка знаю скверно, и вдобавок в голове анемия, то сидела дура душой.

Читала французского Бориса Зайцева – Maritain о жизни Фомы Аквинского⁵. Нахожу, что написано с большим юмором. Эти духов-

ные писатели абсолютно юмора не понимают и потому часто очень смешат.

Напишите мне словечко сюда. Очень буду рада.

Привет Ив<ану> Алекс<еевичу>. Вот человек, общество которого всегда для меня было радостью. Умру – Богу скажу. Пусть рабу Божию Иоанну это зачтется.

От Вали и меня горячие объятия.

Ваша Н. Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7147). Датируется предположительно по содержанию. Тэффи находилась в Варшаве в ноябре 1931 – начале января 1932.

¹ Возможно, речь идет об устройстве вечера Мережковского (см. дневниковые записи Буниной от 24 декабря 1931 и 9–10 апреля 1932. – РАЛ MS.1067/403 и 407; Устами Буниных. Т.2. С.258, 268), который состоялся 3 мая 1932.

² Старшая дочь Тэффи, Валерия Грабовская (Waleria Grabowska, урожд. Бучинская; 1892–1964), выпускница Львовского ун-та, работала на дипломатической службе в Польше, переводила сочинения Тэффи на польский язык.

³ По-видимому, Зофья Налковская (Zofia Nałkowska; 1884–1954) читала Бунина в оригинале, ибо большинство переводов его произведений на польский язык вышло после получения им Нобелевской премии.

⁴ О старшей дочери Тэффи см. прим.2. Ее младшая дочь, Елена Бучинская (Helena Buczyńska; 1894–1957), была известной польской актрисой.

⁵ Книга Жака Маритэна (1882–1973) о Фоме Аквинском «Le Docteur angélique» («Ангельский доктор». Париж, 1930), по-видимому, напоминала Тэффи о книге Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» (Париж, 1925).

47. БУНИН – ТЭФФИ 22 августа 1932 г. <Грасс>

22.VIII.32

Дорогая Надежда Александровна,
плачу – рыдаю от восторга – прочел сейчас: «Как индюшка, запутавшаяся в жемчужных нитках»¹ – и целую Ваши гениальные ножки.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Павлу Андреевичу сердечный привет.

Публикуется по автографу (открытка с видом: Saint-Paul. Vue générale a travers les Cyprés) – БАРВК. Фонд Тэффи.

¹ Фраза из фельетона Тэффи «Благодетель» (Возрождение. 1932. №2637. 21 августа. С.2).

48. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
 <После 25 сентября 1932 г. Париж>

Дорогая моя Верочка!

Сердечно благодарю за милое письмецо.

Вчера переехала в Париж, и пошла радость столичной жизни: заболела *femme de ménage*, обвалилась полка с книгами, разбив на ходу столик вдребезги и мне руку не вдребезги (не хватило дребезгов). Дождь, сыро. В перспективе дантист.

Теперь о моем влиянии на Гукасова¹.

Эту старинную сказку (народный эпос) сочинили Лоло. Они уже раз науськнули меня на Абрама, уверив, что его душа у них как на ладони. Известно, что ладонь у них не первой чистоты, и душа Гукасова, тех же колеров, плохо выделяется.

– Он Вас боится!

Я поверила и пошла его пугать.

А он мне в ответ: – Над<ежда> Алекс<андровна>! Дорогая! Лучше вы не вмешивайтесь в эти дразги. Помочь вы не можете все равно.

Дело шло о возвращении Лоло на лоно.

Никто меня не боится, и всем на меня наплевать.

Очень хорошо Зуров написал «Маринку»². Отлично он ее сделал. Молодец!

Верочка дорогая, я думаю, мы скоро увидимся. Если для Вас удобно, я буду очень рада приютить Вас у себя. Будете как дома, т.е. ни шатко, ни валко, но зато вполне свободно. Свой ключ, ванна, недобоваримая пища. А для меня – радость.

Целую Вас крепко и шлю сердечный привет великолепному Ивану Алексеевичу и молодежи.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7148). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению с №49.

¹ Нефтепромышленник Абрам Осипович Гукасов (Гукасянц; 1872–1969), издатель газ. «Возрождение», в которой Тэффи сотрудничала с ее основания в 1925 до начала 1937.

² Рассказ Зурова «Марьянка» опубликован в газ. «Последние новости» 25 сентября 1932.

49. ТЭФФИ – БУНИНУ
 <Конец сентября 1932 г. Париж>

Дорогой и чудесный
 Иван Алексеевич,

Ваша открыточка¹ так меня взволновала, что я до сих пор не нашла, что на нее ответить. Я и сейчас не нашла и пишу именно, чтоб сообщить, что не нашла, да вероятно, никогда и не найду, так нельзя же мне из-за этого быть невежливой и молчать как пень.

Благодарю сердечно за доброе слово.

Дорогой Иван Алексеевич,

Я только что отправила Верочке письмо². Скажите ей пожалуйста, что это я ее поздравляла с наступающим днем Ангела, с тем и писать села, да вот только сейчас вспомнила, что именно поздравить-то и забыла. Очень вышло глупо. Но я теперь вообще все сплошь делаю глупо. Это, верно, к счастью. У несчастных все всегда к счастью.

Шлю самый сердечный привет и благодарность.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5413). Датируется предположительно по сопоставлению с №47-48.

¹ №47.

² №48.

50. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <17 ноября 1933 г. Париж>

Милая, дорогая моя Верочка!

Наконец урвала минутку у своих многочисленных хлопот и забот, чтобы написать Вам, как все мы счастливы, дождавшись наконец торжества Ивана Бунина!¹

От души поздравляю Вас и желаю отдохнуть, душевно опраться.

Мне еще не удалось повидать Ив<ана> Ал<ексеевича>. На вокзал я не пошла, п<отому> ч<то> мне Алданов сказал, что И<ван> А<лексеевич> *ото всех* час своего приезда скрывает. Потом, когда Вера Зайцева сказала мне, что идет встречать, я сочла неудобным лезть туда, где меня не ждут².

Вчера мне телеграфировали из «Возрождения», что И<ван> А<лексеевич> к ним пришел, и звали меня сейчас же приехать³. Но я не могла уйти из дому, т<ак> к<ак> П<авла> А<ндреевича> не оставляю одного, а прислуга ушла.

Вот такова моя жизнь.

П<авел> А<ндреевич> был страшно взволнован известием о премии и даже от радости поплакал немножко. Это он составил пыш-

ную телеграмму с поздравлением Ив<ану> Ал<ексеевичу>. Вы ее получили? Спрашиваю, п<отому> ч<то> среди перечня в газете дружеских телеграмм ее не было⁴.

Скоро ли Вы приедете в Париж?⁵

Сердечный привет Галине и Зурову.

Крепко целую и жду.

Ваша всегда

Тэффи

P.S. До чего трогательны в своей радости Зайцевы! Это у Вас редкие друзья.

Прочтите мой воскресный фельетон. Это моя дружеская «защита»⁶.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7149). Датируется предположительно по содержанию.

¹ О том, что Бунину присудили Нобелевскую премию, стало известно 9 ноября 1933.

² Бунин прибыл в Париж 14 ноября 1933.

³ Прием Бунина в редакции газ. «Возрождение» состоялся 16 ноября 1933.

⁴ Сохранилась телеграмма от 10 ноября 1933 с текстом: «A la gloire de la littérature russe Salut. Teffi Jeakstone <t.e. Theakston>» («Приветствуем славу русской литературы. Тэффи Тикстон») (РГАЛИ. Ф.44. Оп.2. Ед.хр.137. Л.28).

⁵ Бунина и Кузнецова приехали в Париж 23 ноября 1933.

⁶ В фельетоне Тэффи «Торжество» (Возрождение. 1933. №3092. 19 ноября. С.2) рассказывается о русском ученом, который получает большую премию, и о его соотечественниках, уверенных в том, что он непременно должен выделить им какую-то долю.

51. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<До 23 ноября 1933 г.> Париж

18 bis av<енue> de Versailles
Tel. *Jasmin* 32.36

Дорогая Верочка,

Пересылаю Вам письмо, кот<орое> я получила от Амфитеатрова, т<ак> к<ак> там есть кое-что об Иване Алексеевиче. Есть также и о Зурове, что, может быть, ему будет интересно прочесть¹.

Крепко целую.

Позвоните, когда выяснится насчет четверга². Но помните раз навсегда, что очень Вас люблю и всячески хочу облегчать Вашу

«страду», и никаких претензий и обид с моей стороны никогда не будет.

Крепко целую.

Привет Зурову и Гале.

Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7150). Датируется предположительно по содержанию. Указанный адрес – квартира Тикстона, на которой Тэффи жила с 1931 до начала Второй мировой войны.

¹ В приложенном к №51 письме Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) писал: «Развеселило было на прошлой неделе радостное известие о Бунине. Я чуть головы не расшиб, подпрыгнув, как прочитал телеграмму: далеко ли мне до потолка-то? Я этого счастливого события три года жадно желал и ждал. Конечно, и в прошлом году, когда прошел ошибочный слух (по Radio) о Мережковском, я был доволен, что премия досталась русскому писателю, и написал ему поздравительное послание <...> Но Бунин – моя страсть. Его торжество я принимаю, как оправдание своего собственного литературного вкуса и исповедания, ибо со времен Чехова никого я так не ценил и не ставил высоко, как Бунина, и ни о ком не говорил так убежденно в печати. Но Чехов – прошлое, хотя и вечное. А Бунин – настоящее и будущее, тоже вечное. И он много шире Чехова. К последнему у меня, сверх литературной нежности, немало и личной; как никак, 20 лет хороших товарищеских отношений, а Бунина я никогда не видал даже. И, однако, обожаю, как институтка, и ничуть тем не конфужусь. Если увидите его в Париже, – а не увидите трудно, теперь он, ведь, там – вторая Эйфелева башня, – пожалуйста, передайте ему мой привет. Телеграммы я не мог ему послать по обычной причине: денег на оную не было. Ровно как, ах и ох, на отправку сего письма тоже нет, но почта наша к нам незаконно ласкова, верит в кредит, а подлец-телеграф не согласен. <...> Бунинский № “Посл<едних> нов<остей>” весьма внушительен, хотя хороших статей нет: все наспех набросано. А как “Возрождение”? Зайцев, по дружеской близости с Б<униным>, должен был бы интересно написать.

Прочитал я “Древний путь” Зурова. Композиция нескладная, но типы ярки и внушительны, а язык поразительно меток. Я две страницы выписок сделал и вклеил в Даля» (РАЛ MS.1066/1616).

² См. прим.5 к №50. 23 ноября 1933 – четверг.

52. БУНИН – ТЭФФИ <22 декабря 1933 г. Дрезден>

Дорогой друг, что Белград?¹ Напишите: Hôtel Bellevue, Dresden.
Целую Ваши ручки и П<авла> А<ндреевича>.

Ваш Ив. Бунин

Публикуется по автографу (открытка с видом: Hôtel Kaiserhof, Berlin) (БАРВК. Фонд Тэффи). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 18 bis, avenue de Versailles, Paris 16, France. Бунины и Кузнецова провели последнюю декаду декабря 1933 в Дрездене по дороге из Швеции во Францию.

¹ См. №53-54.

53. ТЭФФИ – БУНИНУ
 <После 22 декабря 1933 г. Париж>

Дорогой и высокопоставленный Иван Алексеевич!

Бесконечно благодарю за милую заботу о моей несчастной личности.

Сербы молчат¹.

Думаю, что они вообще мне не ответят, а ответят Вам и ответят, пожалуй, так: «Сербска казна бдна. Не врнете ли нам то, что плчили?»

У нас катастрофа. Хозяин сорвался с цепи и бьет этой цепью, по заветам Некрасова, «одним концом по барину, другим по мужику»².

Меня сократили на половину³. От страха (очень перепугалась) не спала три ночи. Перед Павл<ом> Андр<еевичем> делала вид, что это у меня выходит даже как-то удобнее.

Очень радовалась и счастливо волновалась шведским торжеством. Даже наша femme de ménage была захвачена этим водоворотом и приносила мне франц<узские> газеты с Вашими портретами⁴.

Итак, за довольно большую полосу эмигрантской жизни отпущено нам две радости: свадьба Наташи Зайцевой⁵ и Нобелевская премия.

На днях умер мой кузен Е.Давыдов⁶. Очень милый. Все меньше на свете людей, для которых я «Надя», «Надя Лохвицкая».

Шлю Вам самый сердечный привет от себя и от П<авла> А<ндреевича>. Приедете ли в Париж?⁷

Еще раз благодарю за все.

Ваша

Тэффи

P.S. Привет В<ере> Н<иколаевне> и Г<алине> Н<иколаевне>. Прочла «Пролог»⁸. Мне понравился. Особенно конец. Совсем хорошо.

Н.Т.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5414). Датируется предположительно по содержанию.

¹ См. №52 и 54.

² Заключительные строки 1-й части поэмы Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1865–1870): «Прорвалась цепь великая, / Прорвалась – рассколочилась: / Одним концом по барину, / Другим по мужику!...».

³ По-видимому, речь идет о назревающем финансовом кризисе газ. «Возрождение» и о реакции на него А.О.Гукасова.

⁴ Сохранилось свыше 100 газетных вырезок со статьями о Бунине (многие с портретами), напечатанными в французских и франкоязычных газетах в 1933–1934 и полученными через агентство Argus de la Presse (РАЛ MS. 1066/9154-9219).

⁵ Наталья Борисовна Зайцева (род.1912) вышла замуж за Андрея Владимировича Соллогуба (1906–1996) 6 марта 1932.

⁶ Евгений Федорович Давыдов скончался 22 декабря 1933. (О его дореволюционной карьере в области лесной и горной промышленности см. изд.: Чуваков В.Н. Незабываемые могилы. Российское зарубежье. Некрологи 1917–1997 в шести томах. Т.2. М.: РГБ, 1999. С.299; в дальнейшем – «Незабытые могилы».)

⁷ Бунины и Кузнецова прибыли в Париж из Германии по дороге в Грасс 2 января 1934.

⁸ Роман Кузнецовой «Пролог» опубликован в Париже в изд-ве «Современные записки» в 1933.

54. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <Начало января 1934 г. Париж>

Дорогая Верочка!

Вы наверное уже дома¹.

Полежите спокойно, отдохните. Это необходимо. Вы и физически и душевно устали от всей этой сутолоки, от лиц, рож и харь, от всего человеческого лая, восторженного, добродушного и злого и вообще идиотского.

Я не обижена на человечество, но почему-то массовое говоренье всегда отлагается в воспоминании как отзвучавший лай.

Пишу я Вам, чтобы еще раз поблагодарить за перчатки. Я очень тронута, что Вы, несмотря на усталость и занятость последних парижских дней, нашли время и охоту сделать мне такой милый подарок. Перчатки прелестные и, наверное, принесут мне счастье, и руки мои в них что-нибудь возьмут, а не только, по привычке, отдадут.

Где Иван Алексеевич?² Амфитеатров просит передать ему что-то очень запутанное насчет того, что одно крупное издательство «Mondadori»³ печатает анонсы о выпуске им приобрет<енных> в исключ<ительную> собственность «сочинений Бунина». Если оно не имеет на это права, то этот анонс для И<вана> А<лексеевича> невыгоден. Впрочем, наверное, Амфит<еатров> еще двадцать раз сам напишет. Он писать любит⁴.

А бедный Немирович умирает. Смерти ему не желаю. Смерть – гадость. Но если умрет, опять буду просить Ив<ана> Алекс<еевича> выставить мою кандидатуру на получение субсидии от серб⁵.

Крепко целую Вас, дорогая моя. Передайте привет Зурову. П<авел> А<ндреевич> целует ручки. Скоро ли вернется Ив<ан> Ал<ексеевич>?

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7151). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Бунина вернулась в Грасс 20 января 1934 (РАЛ MS.1067/410).

² Бунин и Кузнецова задержались в Париже и вернулись в Грасс 3 февраля 1934.

³ Арнолдо Мондадори (1889–1971) основал свое издательство в Милане в 1925.

⁴ В письме к Бунину от 1 января 1934 Амфитеатров писал, что 31 декабря 1933: «<...> по Radio издательство Mondadori объявило, что приобрело исключительное право на перевод Ваших сочинений. Надеюсь, не продешевили? Это сейчас единственная итальянская фирма, с которой можно и стоит иметь дело в смысле платежеспособности» (РАЛ MS.1066/1599). Когда Бунин в открытке от 4 января 1934 сообщил: «Про издательство Mondadori первый раз слышу!» (Фонд Амфитеатрова. Отдел рукописей. Lilly Library, Индианский ун-т, Блумингтон, США), Амфитеатров ответил 8 января: «Очень удивили Вы меня сообщением о Mondadori. Что же сей сон значит? Третьеводни опять было объявление Urbi et Orbi по Radio. <...> Не давали ли Вы кому-нибудь доверенности для Италии, и, может быть, состоялась заочная сделка? <...> Фирма эта настолько солидна, что с ее стороны нельзя ждать ни какого-нибудь жульничества, ни такого компрометирующего легкомыслия, чтобы она пустила публикацию, не заручившись формальным правом» (РАЛ MS.1066/1600). Наконец, через месяц, был найден ключ к загадке: «Алданов писал мне, что Вы передали все сношения с издателями в руки М.Л.Слонима. Вероятно, ему известно что-нибудь и по странному происшествию с Mondadori, в каковом происшествии я продолжаю ровно ничего не понимать» (письмо Амфитеатрова от 8 февраля 1934 – РАЛ MS.1066/1601). В 1934 в изд-ве Мондадори вышел сборник: «L'amore di Mitia ed altre prose» («Митина любовь и другие прозаические произведения»).

⁵ Тяжело больной Василий Иванович Немирович-Данченко (1848–1936) был одним из русских писателей, которые получали субсидии от сербского правительства. В недатированном письме к Зайцеву Тэффи мотивировала свою более раннюю попытку получить субсидию таким образом: «Простите, что назираю. Это не в моих нравах. Но если они будут давать по 1000 в месяц, то очень будет обидно не сделать никаких шагов для получения. Я сейчас в полной писательской депрессии и очень поэтому мрачно смотрю на будущее. А ставить свое существование в зависимость от того, что (это между нами) покормит меня П<авел> А<ндреевич> обедом, или не покормит – очень уж беспокоит. Бросать литературу и заняться шляпоблудием, всю жизнь на литературу потративши – горько. Так хоть мало пишу, а все же пишу, а то и совсем крышка» (БАРВК. Фонд Зайцева). Тэффи субсидии так и не получила.

55. ТЭФФИ – БУНИНУ
 <Январь–февраль 1934 г.>

Дорогой Иван Алексеевич,

Ваше милое ко мне отношение продолжает меня удивлять, смущать и радостно волновать.

Прекрасно понимаю, что не комитет, возглавляемый Эльяшевичем, а Вы сами, дорогой и добрый Иван Алексеевич, решили сделать мне такой царственный подарок¹.

Благодарю Вас от всей души и за деньги, и за радость, которую доставляет мне Ваше удивительно милое ко мне отношение.

Прошу передать привет всему Вашему дому.

Посылаю Вере Николаевне для ее архива вырезку из газеты, которой у нее, кажется, нет.

Еще раз – благодарю.

Ваша Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5415). Датируется предположительно по содержанию.

¹ По поручению Бунина «комитет под председ<ательством> проф. Н.К.Кульмана распределил по отдельным писателям, учреждениям, организациям эмигрантским десятую часть» премии (Другая Вера. С.412). Уже 22 января 1934 Кульман написал Бунину по поводу очередного просителя: «Я ему ответил, что мы уже распределили пожертвованную Вами сумму <...> Я завален просьбами о помощи из “фонда Бунина” и изнываю от необходимости всем отвечать. Непременно надо оповестить в газетах, что наш комитет уже выполнил данное Вами ему поручение» (РАЛ MS.1066/3440). Предположение Тэффи, что В.Б.Ельяшевич был председателем комитета, возможно, объясняется тем, что «в сопровождавшем присыл письме состав комитета не был указан, а письмо подписано лицом, совершенно мне неизвестным, так что я не уверен даже в фамилии – не то Елисеев, не то Ельяшев, не то еще как-то на Е» (из письма Амфитеатрова к Бунину от 8 февраля 1934 – РАЛ MS.1066/1601).

56. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
 <Лето 1934 г.> Марли-ле-Руа.

Château des Ombrages,
 Marly le Roi (S<eine> et O<ise>).

Дорогая моя Верочка!

Я долго не отвечала Вам, но думала о Вас много.

Живем мы сейчас в Marly le Roi¹. Здесь очень хорошо – лес, густой, старый, трава, цветы. Словом – флора хороша, но фауна ужасна: исключительно старые еврейки.

Я ухаживаю за П<авлом> А<ндреевичем>. Ему то лучше, то хуже, значит, и мне то лучше, то хуже. Устала очень. Работать не могу – пишу-плету что попало.

Очень тревожусь о Зайцевых. Им, кажется, до чрезмерности плохо. Они уж даже как-то прятаться стали – верный признак очень тяжелого состояния.

Как Ваше здоровье, дорогая моя? Что у Вас вообще делается? Как настроение Ивана Алексеевича? Что делает молодежь? Поправляется ли Зуров? Купаетесь ли Вы? А мне на юг даже не хочется. Яркое солнце теперь для меня было бы слишком сильным, море тоже. «Отпора» им дать не могла бы.

Крепко целую Вас, Верочка милая. Хорошо если бы Вы на зиму приехали в Париж. Право, лучше было бы и Вам и нам с Вами.

Самый сердечный привет Вашим от меня и от П<авла> А<ндреевича>.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7152). Датируется предположительно по содержанию.

¹ В письме к Буниной от 11 июля 1934 В.А.Зайцева сообщила: «Раза 4 были у Тэффи и Пав<ла> Андр<еевича> в Марли-ле-Руа, под Парижем. Оба они хорошо поправились» (Другая Вера. С.420).

57. ТЭФФИ – БУНИНЫМ <1 октября 1934 г. Париж>

Дорогие друзья! Благодарю сердечно за память. Милую Верочку поздравляю. П<авел> А<ндреевич> шлет всем приветы. Настроение у нас тревожное и очень грустное.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (открытка с видом: Grande Chartreuse. Couvent de la Grande Chartreuse. Vue de l'ensemble) (РАЛ MS.1067/7153). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Belvédère, Grasse, A<lpes-> M<aritimes>. Открытка отправлена из Парижа.

58. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <1934 или 1935 г. Париж>

Дорогая и милая Верочка,
Итак, мы за спиной Веры Зайцевой разведем шашни!

Предупреждаю, что я стала стара, как черт (который, как известно, извечен). У меня седые виски, выпал зуб последней мудрости, голос стал подло-скрипучий, все тело болит и главное – буквально никуда не хочется. Ура!

Теперь скажите – приедете в Париж и когда?

Мне очень понравилось наше утро на выставке и завтрак. Скажу Вам по секрету, что Иван Алексеевич – единственный человек на свете, обществом которого я наслаждаюсь. Я слушаю каждое его слово и каждое слово ценю и порою прихожу в отчаяние, что ведь не все так, как я, понимают. Чтобы видеть его, я даже один раз, несмотря на всю мою гордость, пришла в некий дом без приглашения.

Живу я сейчас так тяжело и уныло, что даже смешно. Никого не вижу, нигде не бываю, разговариваю с человеком, который не может говорить. Бедный П<авел> А<ндреевич> уже не может говорить, так что я веду монолог, конечно очень добрый, веселый и занятый. От этого у меня непроходящая мигрень.

Какая ужасная штука жалость. Ей совершенно нет границ и пределов. Все кажется, что можно еще отдать что-то. – Ага, стерва! Небось книжку по ночам читаешь, а он читать не может!

Нет предела!

Целую Вас, дорогая Верочка. Шлю самый горячий привет всей Вашей колонии.

Хочу непременно написать Ивану Алексеевичу. Но то, что хочу написать, как-то не умею. Верно, от полного моего душевного маразма!

Н.Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7154). Датируется предположительно.

59. ТЭФФИ – БУНИНУ
<До 26 июня 1935 г. Париж>

Дорогой и удивительный (admirable)
Иван Алексеевич,

Я... видела Алешку!¹

Нарочно для этого пошла на конгресс, защищающий современную культуру от нашей пошлости².

Пресса сидела впереди.

Перед началом заседания Алешка с прочими проходил мимо. Я тихонько окликнула:

– Алексей Николаич.

Он завертелся, заискал, встретил мои глаза и завопил «Надюша!» – кинулся ко мне.

Он обрюзг, ликом потемнел, как бы побагровел (носом) и главное – заплешивел и сооружает хитрый начес волнистой прядью.

Я спросила – «Был удар?»

– Нет. Был припадок ложной грудной жабы после невероятного ужина, четырех бутылок Рислинга и двух бутылок шампанского.

Вид довольный, очень спокойный и уверенный!

– Получил, говорит, письмоце, как будто от Бунина³. У нас много говорят, что Бунин собирается вернуться.

Я – Ну это вряд ли.

Поляков-Литовец⁴ (сидит рядом со мной) – А какой ему был бы окаян прием?

Алешка – Как гениальному писателю. Говорю это сознательно и можете ему это передать. Молодежь наша учится на его книгах стилю.

Пол<яков->Лит<овцев> – Ладно. Он не поедет. Он помещик.

Алешка (тоном «мы-ста, да вы-ста»)⁵ – Мы тоже помещики!

Новости: Никита женился на дочери Лозинского⁶. Младший Митька⁷ – гениальный музыкант и поэт. Наташа⁸ осталась дома.

Вот и все.

Резюме: морда у Алешки от встречи радостная, сердечная. Ничуть не испуганная. Видимо, стоит прочно. Ест, пьет и, поскольку силы позволяют, переваривает. Доволен. Жизнь кипит:

– Завтра лечу в Лондон на три дня⁹.

Борис Зайцев очень меня осуждает¹⁰. Алданов взволнован. Он Алешку любит, но простить не может. И, как брошенная, но любящая женщина, он с удовольствием взглянул бы на него из толпы, из-за угла. Это у него выходит страшно мило. Нежно.

Вот. Посылаю Вам этот отчет моего faux-pas¹¹.

Чувствовала себя как во сне, когда снится Россия. Видишь нечто хамское, но свое. И стыдно и сла-до-стно (тон Шмелева).

Всем привет.

Искренно Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5416). Датируется предположительно по №60.

¹ А.Н.Толстого. Об этой последней встрече с Толстым см. также конец очерка «Алексей Толстой».

² Международный конгресс писателей в защиту культуры состоялся в Париже 21–25 июня 1935. См. публикацию: Фрезинский Б. Великая иллюзия – Париж, 1935 (Материалы к истории Международного конгресса писателей в защиту культуры) // Минувшее. Вып.24. С.166-239.

³ В своих воспоминаниях «Далекое, близкое» Андрей Седых приводит текст несохранившейся записки Бунина, якобы посланной Толстому после чтения его романа «Петр Первый» (1930) (3-е изд. – Нью-Йорк: «Новое русское слово», 1979. С.210).

⁴ Соломон Львович Поляков-Литовцев (1875–1945), литератор, журналист.

⁵ Ср. сохранившийся в архиве Тэффи фрагмент: «Главный недостаток русского характера, очень существенный для преуспеяния на житейском поприще, это – отсутствие самоуверенности.

Бахвальство – мы-ста, да вы-ста, да шапками закидаем – встречается большею частью, как явление групповое. Заорет кто-нибудь и сейчас же спрячется за спину соседа» (БАРВК. Фонд Тэффи).

⁶ Жена Никиты Алексеевича Толстого (1917–1994), Наталья Михайловна (род. 1915) – дочь Михаила Леонидовича Лозинского (1886–1955).

⁷ Д.А.Толстой.

⁸ Н.В.Крандиевская.

⁹ О передвижениях Толстого в июне–июле 1935 см. изд.: Переписка А.Н.Толстого. В 2-х тт. Т.2. М.: «Художественная литература», 1989. С.218-224.

¹⁰ Об отказе Зайцева встретиться с Толстым см. его письмо к Бунину от 3 июля 1935 (РАЛ MS.1066/5913; Новый журнал. 1982. №149. С.138) и дневниковую запись Буниной от 7 июля 1935 (РАЛ MS.1067/410; Устами Буниных. Т.3. С.14 – с неправильной датой: 19 июня 1935). Бунин встретился с Толстым в Берлине осенью 1936 (см. письмо Алданова к Амфи-театрову от 14 ноября 1936. – Минувшее. Вып.22. С.604).

¹¹ ложного шага (*франц.*)

60. БУНИН – ТЭФФИ 26 июня 1935 г. <Грасс>

Дорогой Друг, очень благодарю Вас, что написали мне¹, – и за самый «факт» этого, т.е. за память обо мне, и за то, конечно, как написали, – я совершенно как живого увидел и почувствовал Алешку. И, конечно, нет никакого faux pas, что Вы его окликнули.

Да, да, *очень* понимаю – «чувствовала себя как во сне... Видишь нечто хамское, но свое...».

Целую Вас от всей души, завидую Алешке, что он смеет говорить Вам «Надюша». Вот уж истинно-неизменная радость Вы для меня! Вы знаете, что бывает с подростками, с юношами, когда они обожают какого-нибудь дядю: дядя чиркнул спичкой, чтобы закурить, и чему-то слегка улыбнулся, только и всего, а ты уж замер, ждешь, что он опять скажет сейчас что-то необыкновенное, чудесное. Так вот и я всегда по отношению к Вам. (Да и действительно чудесного сколько от Вас бывает!)

Дай Бог Вам здоровья и возможно меньшей меры всяких наших человеческих горестей.

Привет Павлу Андреевичу.

Ваш

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (БАРВК. Фонд Тэффи). Адрес: 18-bis, Avenue de Versailles, Paris 16. Отправлено из Канн 28 июня 1935.

¹ №59.

61. ТЭФФИ – БУНИНУ
<После 17 октября 1935 г. Париж>

Спасибо Вам, дорогой и единственный Иван Алексеевич, за нечаянную радость – новую книжку. Вещи в ней все знакомые и все любимые¹.

Большое спасибо за теплое участие моему горю². Я почему-то все не могу поверить.

Примите мой сердечный привет и любовь. Жалею, что Верочка мучилась. Целую ее нежно.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5417). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Речь идет об одном из томов «Собрания сочинений И.А.Бунина» берлинского изд-ва «Петрополис». Т.2-11 вышли в 1934–1935, т.1 – в 1936.

² П.А.Тикстон умер 17 октября 1935.

62. ТЭФФИ – БУНИНУ
<Конец 1935 г.? Париж>

Дорогой Иван Алексеевич,

Сердечно благодарю за чудесную Вашу книгу¹. Читаю и перечитываю. Есть там мой любимый рассказ, который целыми фразами помнила много лет. При свидании расскажу, т<ак> к<ак>, пожалуй, читать длинное письмо будет Вам лень.

Когда же Вы, наконец, приедете? К Рождеству? А я, может быть, на Рождество двинусь в Ваши края, к солнцу и морю. Очень уж здесь сыро и темно. А впрочем – может быть, и у Вас темно. Очень у меня год этот заботный и какой-то тугой. Ничто с места не сворачивается. И была у меня унылая тоска. Стала лечиться и впрыскивать стрихнин. От него тоска из унылой стала бешеной. Только и всего.

Шлю от души привет Вам и всему дому Вашему и очень хотела бы повидать поскорее.

Всегда Ваша

Тэффи

Еще и еще – спасибо!

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5496). Датируется предположительно.

¹ См. прим.1 к №61.

63. ТЭФФИ – БУНИНЫМ, ЗАЙЦЕВЫМ И ЗУРОВУ
 <Середина августа 1936 г. Париж>

Дорогие друзья
 Иван Алексеевич!
 Вера Николаевна!
 Вера Алексеевна!
 Борис Константинович!¹
 и
 Леонид Федорович!

Знаю, что Вас интересует здоровье Кульмана, и поэтому спешу сообщить, что вчера вечером была у него. Он бодр и весел, играет в бридж, и на днях они уезжают на дачу.

Перенес операцию так, что даже врачи удивлялись. Наркоз был местный. Ему удалили глаз, т<ак> к<ак> анализ опухоли показал, что у него рак².

Бедная Наталья Ивановна³ совсем извелась. Худенькая, бледная, губы дрожат. Видела у нее Фонюшу⁴. Она с супругом едет сегодня в Италию⁵. Туда же едут Роза⁶, Перская, Шики⁷, Авксентьев с женой и Шурой⁸ и еще многие. Вольфсон⁹ уже там.

Меня судьба назначила стеречь пустой Париж. Обратила меня в «старуху с кошкой», кот<орые> у нас в Питере летом, бывало, стерегли пустые квартиры. Ляжет грудью на подоконник, икает и гладит кошку.

С большим любопытством слежу за своей судьбой.

Ремизовы уехали в Нормандию¹⁰. Каллаш собирается не то в Юго-Славию, не то на Луару. Шмелев уехал в Латвию¹¹. Илюша¹² и Зенз<инов>¹³ едут к Пети¹⁴. Рафаиловна¹⁵ в горы. Я хочу взять номер в гостинице и переехать на одну ночь pour changer les idées¹⁶.

Целую Вас всех с восторгом и без стеснения. Я теперь нежить, и с меня взятки гладки.

В последнем № «Возр<ождения>» меня не напечатали. Начинаю «дело»¹⁷.

Преданная Вам

Тэффи

Messieurs-dames¹⁸ Зайцевы – сидите на юге как можно дольше.

Н.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7155). Датируется предположительно по содержанию.

¹ В 1936 Б.К. и В.А.Зайцевы провели июль и август у Буниных в Грассе.

² Николая Карловича Кульмана (1871–1940) оперировали 4 августа 1936, и 18 августа Кульманы уехали из Парижа на дачу в Арси-сюр-Кюр (деп. Йонн) (см. письма Н.И.Кульман к Буниной от 1, 8 и 14 августа 1936 – РАЛ MS.1067/3560-3562).

³ Наталья Ивановна Кульман (урожд. Бокий; 1877–1958).

⁴ Ф.О.Ельяшевич.

⁵ В письме от 8 августа 1936 Н.И.Кульман спросила Бунину: «Не знаете ли адреса Ф.О.Эльяшевич? Она, вероятно, в Италии» (РАЛ MS.1067/3561).

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ Бунины были знакомы с двумя супружескими парами с этой фамилией: Исаак Яковлевич и Глафира Исаакиевна Шик и Александр Адольфович Шик (ум. 1968) и его жена.

⁸ Николай Дмитриевич Авксентьев (1878–1943), его жена Берта Михайловна (урожд. Маркушевич; ум. 1970) и его дочь от первого брака (с М.С.Тумаркиной, потом Цетлиной) Александра Николаевна (Шура) (по мужу Прегель; 1907–1984).

⁹ Неустановленное лицо.

¹⁰ Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) и его жена Серафима Павловна (урожд. Довгелло; 1876–1943) отдыхали недалеко от Сен-Назера на курорте Ле Клион-сюр-мэр (письмо Н.И.Кульман к Буниной от 8 августа 1936 – см. прим.5).

¹¹ Об отъезде И.С.Шмелева в Латвию писала и Н.И.Кульман в письме к Буниной от 14 августа 1936 (РАЛ MS.1067/3562).

¹² Илья Исидорович Фондаминский (псевд. Бунаков; 1880–1942).

¹³ После смерти жены Фондаминского Амалии Осиповны в 1935 и до начала войны Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) делил с ним большую парижскую квартиру (см. мемуарный очерк: *Тэффи*. Илья Фондаминский // Новое русское слово. 1951. №14248. 29 апреля. С.2-3).

¹⁴ Эжен (Евгений Юльевич) Пети (1871–1938), адвокат, французский политический деятель, и его жена, Софья Григорьевна (урожд. Балаховская; 1870–1966).

¹⁵ В.Р.Мартынова.

¹⁶ чтобы проветриться (*франц.*).

¹⁷ История ухода Тэффи из газ. «Возрождение» освещается в ее письмах к Амфитеатрову от лета – начала зимы 1936: «<...> полное расстройство материальное в связи с догоранием “Возрождения” <...>»; «Теперь неприятная история с “Возрождением”. Гукасов, уезжая, буркнул секретарю, чтобы меня печатали через номер. <...> Затем притяну к ответу и буду судиться. 12 лет без единого пропуска. Гукасов хитрит. Он всех снижает в смысле заработка, для того чтоб, закрыв газету, уплатить ликвидационные по последнему расчету»; «С Гукасовым у меня переписка под наблюдением адвоката. Боюсь, что ликвидационные получить не удастся. Все равно в “Возрождение” не останусь» (Фонд Амфитеатрова. Отдел рукописей. Lilly Library. Индианский ун-т, Блумингтон, США). Тэффи ушла из газ. «Возрождение» и начала печататься в газ. «Последние новости» в начале января 1937.

¹⁸ Господа и дамы (*франц.*).

64. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
 <27 августа 1937 г.> *Ля Фавьер*

La Favière par Borme¹,
 Pension Bogdanoff

Сердечный привет, дорогой Верочке.
 Здесь бескультурно, но хорошо.

Всегда Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (открытка с видом: Le Lavandou. Un coin du port) (РАЛ MS.1067/7156). Датируется предположительно по почтовому штемпелю. Адрес: 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16-е. Открытка отправлена из Ле Лаванду.

¹ К середине 1920-х годов в Ля Фавьере на берегу Средиземного моря возникла большая русская летняя колония.

65. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
 <24 июля 1938 г. Довиль>

Деревенское письмо

А еще кланяюсь Вере Николаевне и от Господа Бога здоровья – здоровье дороже всего.

И Ивану Алексеевичу и в делах полного и счастлива успеха.

А еще кланяюсь Галине Николаевне, Маргарите Августовне¹, Ляле Николаевне².

И к среде будем в Париже сами.

Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7157). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: 1, rue Jacques Offenbach, Paris. (Обратный адрес: 36, rue de l'Avenir, Deauville.)

¹ Бунины и Кузнецова познакомились с Маргаритой Августовной (Марга) Степун в конце декабря 1933, когда они остановились в Дрездене после нобелевских торжеств в Стокгольме (см. №52). 24 декабря 1933 Бунина записала в дневнике: «У Степунов бываем, они очень милы и заботливы. <...> У них живет его сестра, Марга. Странная большая девица – певица. Хорошо хохочет. <...> У Марги больше от маменьки <М.Ф.Степун. – Публ.>, да она и похожа на нее больше, только крупнее, амазонистее». Летом 1934 М.А.Степун гостила у Буниных в Грассе, а во время ее второго пребывания в Грассе в 1935 Бунина записывает в дневнике: «Марга оказалась не той, как я думала. В ней одно – сильное желание соединить свою жизнь с Галиной. И для этого она идет на все» (запись от 26 августа 1935. – РАЛ MS.1067/410).

² Елена Николаевна Жирова (урожд. Лишина; 1903–1960), бывшая жена Н.Рощина, в разное время подолгу жила в доме Буниных с дочерью от брака с Алексеем Матвеевичем Жировым (1898–1982) – Ольгой (1933–1964).

66. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<Лето 1938 г. В районе Виши>

Дорогая моя Верочка!

Спасибо за большое и ласковое письмо.

А я все хворала да хворала, и не было сил поправиться. Пришлось заложить жен и детей и поехать на поправку. Поехала я в крошечный курортик недалеко от Vichy. Недорого – пансион, конечно, в крошечной комнатке, но я в нее все-таки влезла – 35 фр<анков>, и кормят хорошо. Начала брать ванны. Пробуду дней 12–15. Больше пороху не хватит. Да и то слава Богу, а то я совсем пропадала.

Перед отъездом была у Галины с Маргой. У обеих вид плохой. Должно быть, питание не очень питательное. Как только вернусь, присмотрюсь к ним повнимательнее. Очень мне их жалко.

Здесь все-таки изрядно холодно. Горячие ванны несколько опасны при такой температуре.

Звонили ко мне Мережковские и выразили желание прийти. Пришли и были очень милы. Зина поссорилась с Манухиной. Та ей написала, что в ней (в Зине) мало духовности, и что они встретятся только на том свете. При этом прислала ей три лепестка розы. Со всем наши бабы одурели!

Поцелуйте от меня Верочку¹. Я ей писала (когда еще лежала больная), что хотела бы приехать в Монте-Карло². Она на это так зловеще промолчала, что я очень радуюсь невозможности этой поездки. Вот так друзья! Пригрели и обласкали больного и одинокого друга. Но я ведь пессимистка. Мне кажется, что так и должно быть.

Крепко Вас целую, родная моя Верочка. Отдыхайте всем нам на пользу. Привет Ив<ану> Алексеевичу.

Ваша всегда

Тэффи

¹ В.А.Зайцеву.

² Зайцевы провели август 1938 в Монте-Карло, где жила их дочь с мужем (см. прим.5 к №53). Бунины в это время жили недалеко от Монте-Карло в Босолей.

67. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
 <Конец декабря 1938 г. Париж>

Дорогая моя Верочка,

Вы пишете: «К мысли о смерти отношусь спокойно». А я к своей – беспокойно. Очень надоело жить. Как только объявляется новый покойник – сейчас смотрю, сколько ему лет, и рада, если меньше, чем мне. «Ага! Значит, скоро пора».

Очень трудно жить.

Сейчас кончаю пьесу¹. Чтобы жить кое-как (хотя бы), нужно много работать. А если много работаю – теряю сон и плохо с сердцем.

Моя «семейная» жизнь очень сложна. Нагрузка совершенно сверх сил – это безработный сын Евг<ений> Ант<оновны>². Но об этом при встрече, которая, надеюсь, не отложится навеки.

Было два заседания у Нат<альи> Игн<атьевны>³. Она очень мила и работает сколько можно. На последнем зас<едании> сказала: «Мы должны сложиться и купить билет для Веры Ник<олаевны>, чтобы она приехала. Без нее ничего не выйдет».

Главная беда, что никого из мужчин нельзя подпустить к заведыванию буфетом. Напиваются.

Объезжать для пожертвований тоже в этом году некому. Дама, с кот<орой> ездила я, отпр<а>вл<ается> сегодня на месяц на зимний спорт. Одна я ездить не могу. Кое-что сделаю, но многое не смогу. И вообще я ведь не «дама-благотворительница». Я должна работать. Ужасная свинья Берберова⁴, у кот<орой> есть и здоровье и автомобиль. Ничего не хочет помочь и на заседания не ходит.

Кажется, скоро приедет Мар<ия> Сам<ойловна>⁵. Подстегнет немножко.

Я достала дам (четырех) специалисток подавать в буфете, сама буду в лотерее, куда тоже приспособила даму.

У меня опять полоса тоски и мигреней.

Представьте – нашлось в сундуке то платье, кот<орое> я предназначаю для Марги. Оно ей «потрясающе» (из лексикона Мартыновой) идет, точно на нее шито, да еще вдобавок в «мэзоне»⁶.

Галя печатает что нужно для бала.

Говорят, скоро приедет Ив<ан> Ал<ексеевич>⁷. Я-то его все равно никогда не вижу, и он меня не видит (в другом смысле). Так меня не знать, как он, – это даже поразительно.

В этом году не смогу сделать своего вечера. Слишком плохо себя чувствую. А это очень страшно. Жизнь совершенно не в подъем трудна.

Крепко целую. Благодарю за все. Главное за то, что приписали от руки «моя милая».

Ваша всегда

Тэффи

Лауреату привет и любовь.

P.S. Мережк<овские> набрали *хорошо*⁸. Так мне говорили. Отлично дада подписка на Бальмонта. Чуть ли не 18 тысяч. Слава Богу, «Мадам»⁹ провалилась с треском. Публика неистово (даже не по справедливости) ее ругает. Бридж у Брасл<авских>¹⁰ дал 20 тысяч. Было очень приятно (я одна арийка). Все трогательно любезны.

Н.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7159). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Имеется в виду пьеса Тэффи «Ничего подобного», поставленная Н.Н.Евреиновым в парижском Русском театре в апреле 1939.

² Не удалось найти сведения о часто упоминаемой в дальнейших письмах Евгении Антоновне, которая работала сначала ночной сиделкой у больного Тикстона, а после его смерти осталась работать (возможно, и жила) у Тэффи.

³ Наталья Игнатьевна Михельсон, общественная деятельница. Речь идет об организации традиционного новогоднего бала Союза писателей и журналистов, который состоялся 31 декабря 1938 (см. №68-69).

⁴ Нина Николаевна Берберова (1901–1993).

⁵ Цетлина.

⁶ ателье мод – maison (de haute couture) (*франц.*).

⁷ Бунин прибыл в Париж в конце декабря 1938.

⁸ Вечер Мережковского состоялся 22 ноября 1938.

⁹ Неустановленное лицо.

¹⁰ Возможно, знакомые Буниных Моисей Лазаревич Браславский и его жена, Злата Давидовна.

68. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<3 января 1939 г. Париж>

Вторник

Ну вот, дорогая моя Верочка, бал отбыли. Говорят, что валовой сбор 50 тысяч.

Бал был очень блестящий. Мы работали на славу. Я была в лотерее и отчасти в буфете. Лотерея дала 8 тысяч! Очень хорошо работала Ставрова¹. Отлично работала Марга – все говорили, что первый раз видят такой порядок в столиках.

«Молодые», как и следовало ожидать, отличились. Яновского² вырвало на платье чужой дамы. Зуров, пусть и тяжело пьяный, ничего не делал и пил с зелено-пьяным Смоленским³. Они забрались в кухню и лакали вино. Их оттуда выгнала мадам Михельсон. Пьян был и Варшавский⁴. Я слышала слова, сказанные вслед Зурову со Смоленским: «Неприятно только, что на этих балах всегда видишь пьяных».

Одоевцева⁵ мне сказала:

«Вы, кажется, не любите молодых?»

Я ответила:

«Я просто не люблю пьяных».

Говорят, что Зуров теперь уверяет, что они все были голодные⁶. Понимаете? Некрасовский мотив:

«Голодного от пьяного не могут отличить»⁷.

Но странно, что «голодные» требовали не еды, а водки.

Вообще, Верочка дорогая, это такая мерзость, что если судьба заставит еще работать, то поставлю условием – пьяниц не пускать. Какое хамье! Никогда не забуду этих пьяных харь. Куприн пил, Бальмонт пил, но, по крайней мере, не «благотворительную» водку.

Не знаю, сколько останется чистого дохода, но хорошо, что валовой таков.

Вера Зайцева не была. Ей это утомительно, и туфель у нее нет. Борис был. Наши богачи – молодцы. Купили письмо Чехова за 1800 фр<анков>.

Я подарила себе на новый год новую сумку, пучок спилек и наточила пять пар ножниц и перочинный нож. Вот как!

Крепко Вас целую, любимая моя. Что-то даст нам новый год. Я от смерти не прочь, но болезни не желаю. Не люблю боли.

Я кончила пьесу, но Лили⁸ нет, а без нее ставить нельзя! Беда.

Пишите, дорогая, хоть немножко.

Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7160). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению с №69.

¹ Мария Ставрова, художник-декоратор, жена поэта Перикла Ставровича Ставрова (1895–1955).

² Василий Семенович Яновский (1906–1989), литератор, деятель культуры.

³ Владимир Алексеевич Смоленский (1901–1961), поэт.

⁴ Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1978), литератор.

⁵ Ирина Владимировна Одоевцева (наст. имя и фам. Ираида Густавовна Гейнике; 1895–1990), поэт.

⁶ Ср. в дневниковой записи Буниной от 3 января 1939: «Вчера письмо от Яна о бале <...>. Не накормили писателей младшего поколения» (РАЛ MS.1067/410; Устами Буниных. Т.3. С.27).

⁷ Сочиненная самой Тэффи строка в размере поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

⁸ Елизавета Николаевна (Лиля) Кедрова (1918–2000), актриса, дочь руководителя знаменитого мужского вокального квартета Николая Николаевича Кедрова (1871–1940).

69. БУНИНА – ТЭФФИ 12 января 1939 г. <Грасс>

12 января 1939

Дорогая Надюша, получила Ваше письмо¹ и пожалела Вас: тяжело бывать на балах Вам, особенно на тех, где пьянство узаконено, а на Новогодних балах это так. Вы, видимо, не переносите выпивших людей, как я кошек! И подобно мне, не умеете разбираться в них. Для меня все кошки одинаково противны и вызывают отвращение. А выпившие люди мне почти всегда приятны – они раскрываются. Но я знаю, что существуют люди, которые боятся и не любят людей даже под легким хмелем, таким, конечно, на Новогодних балах бывать тяжело. Подумайте, устроители только и стараются опохмелить всех, чтобы с каждого получить как можно больше, и «молодцы-богачи» без помощи Бахуса не расщедрились бы... В прошлом году вся наша танцевавшая зала была пьяна, иначе мы не могли бы вместо крушона продавать бурду из муссо² с клемантинами³... как всем было весело.

С нашими писателями младшего поколения я два года работала на таких балах, и у меня не осталось от них ничего неприятного, я с ними очень сблизилась, с некоторыми подружилась, все были наготове сделать что нужно. Я о каждом думала и поручала каждому по его способностям. Смоленский в пять часов утра проверил мне счета с Татой Каминской⁴, он ведь хороший бухгалтер. И как весело и удачно работал наш буфет!

А что Вы в пьяных не умеете разбираться, у меня есть доказательство. Вы о Зурове: «был густо и тяжело пьян», а Ян о нем же: «вчера много танцевал, бодр и весел...». Другой мой корреспондент тоже о нем: «был под веселым, но хорошим хмелем»... Что правы они, а не Вы, сужу по тому, что он уже на следующий день, 1 января, завтракал у наших⁵, и над ним Ян подшучивал, как мне писали, а если бы опьянение было «густое и тяжелое», то он, по крайней мере, до трех часов дня был бы в тяжком состоянии и едва ли пришел <бы> завтракать. Да это и понятно, 31 дек<абря> для него был один из самых счастливых дней его эмигрантской жизни, он, вероятно, почувствовал себя независимым человеком, в этот день он получил от французского правительства деньги за его работу⁶ и сразу же отдал по 500 франков двум своим друзьям, которые выручили его, дав под эту получку ему займы. Ему, видимо, тоже хотелось истратить за буфетом, угостить приятеля, тут прямо для фельетона: куда бы он ни подходил, или ему резко отказывали, или говорили, что это ему не по карману. Мне писала одна моя знакомая, приехавшая из Швейцарии, что она подошла к стойке с ним, и они попросили коньяку; и Феничка⁷ сказала: «Этого коньяку я вам не дам, он дорогой для вас...». Все-таки нельзя так терять голову от того, что вырвало Яновского, ведь если случилась неприятность с одним, то уж по теории вероятности с другим случится что-нибудь другое. Но почему Феничка могла думать, что Зуров будет пить даром, если он подходит с дамой, он никогда у ней денег не брал, и вообще никогда ни у кого ничего не просил. Ведь если бы к Феничке подошел какой-нибудь Бененсон⁸, даже едва стоящий на ногах, она не посмела бы ему так ответить. Наша приятельница была просто изумлена, тем более, что она Зурова очень уважает и ценит... Ведь это прямо для фельетона, человек хочет потратить деньги на благотворительном балу, и ему никто ничего не продает. В одном буфете он выпил два стаканчика белого вина, съел три бутерброда, но денег тоже с него не взяли. Так что вместо ста франков, ассигнованных на писателей, ему всеми правдами и неправдами удалось истратить только 60 фр<анков>, а платить в этот вечер, конечно, ему хотелось, хотелось и угостить приятелей.

К счастью, на балу были его настоящие друзья: Конюс⁹, К.С.Копель¹⁰, В.М.Михайлова¹¹, приятели, как братья Лифари¹², которые, конечно, праздновали его успех, а потому неудивительно, что он выпил, ведь только бы вегетарианец на его месте оказался трезвым.

Передайте тому лицу, которое Вам сообщило о причастности Зурова к курице и лаканью вина, что это гнусная ложь. И как Вы при Вашем уме и знании людей могли не только поверить в это и, не проверив, писать мне.

Я, конечно, все, что мне писали о нем, сообщила, но осведомителей не назвала. Если бы не Вы мне это написали, то я просто оста-

вила <бы> все без ответа, но Вас обойти молчанием не могу. Письма, полученные о бале – настоящий фельетон!

Целую Вас,

В.

Публикуется по АМ (копия; правка – автограф) (РАЛ MS.1067/7111).

¹ №68.

² искристого вина – mousseux (франц.).

³ клементин (разновидность цитрусовых) – clémentine (франц.).

⁴ Татьяна Сергеевна (Тата) Каминская, зубной врач, дочь юриста Сергея Владимировича Каминского (1883–1963) и его жены-врача Лидии Абрамовны (1877–1970).

⁵ Имеются в виду Кузнецова и М.А.Степун.

⁶ В конце декабря 1938 Зуров получил уведомление из министерства народного образования и искусств Франции о том, что ему выделили из казны 12 тысяч франков, чтобы финансировать научную экспедицию в Прибалтику (РАЛ MS.1068/3642-3643).

⁷ Подруга Буниной Фанни Шлезингер.

⁸ Среди знакомых Буниных были Леопольд Моисеевич Бененсон и его жена Александра Карловна, но неизвестно, идет ли речь о Л.М.Бененсоне в данном случае.

⁹ Неизвестно, какой член семьи музыкантов Конюс имеется в виду.

¹⁰ Кира Сергеевна Копель (урожд. Александрова, по 2-му мужу Грард; род. 1908?), дочь родственницы Буниной Иды Дзиславовны Александровой.

¹¹ Вера Михайловна Михайлова (по мужу Бреше/Bréchet).

¹² Артист балета Сергей Михайлович Лифарь (1904–1986) и, возможно, его брат Леонид Михайлович (1906–1982).

70. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
4 февраля <1939 г. Париж>

4 февраля

Милая, дорогая, любимая моя Верочка!

Я долго не писала Вам, <потому> <то> у меня было чувство, что мое последнее письмо было Вам неприятно, и Вы «через силу» мне написали¹. Мне казалось, что нужно написать обо всем, как я все видела и знала. Это не значит, что я злорадствовала. Наоборот – мне было очень тяжело, что не все шло гладко. Но все это я старалась сохранить в своем кружке, а посторонним, на их порицания, отвечала именно так, как Вы мне написали. Но все это было, прошло, и былъем поросло.

Недавно угощали нас обедом Браславские. Были Эльяшевичи, Зайцевы, Глясберги², да я. Но главное – был Иван Алексеевич³. Го-

ворили о литературе, и было приятным удивлением, что Браславские не только читают, но и думают и беседуют о прочитанном, и он (Моисей) говорил много дельного и даже тонкого. Кто бы подумал!

Вчера был бал Моск<овского> зем<лячества>⁴. Говорят, что не особенно удачный.

У Браславских за обедом пили за Ваше здоровье. Тост предложили хозяева.

Я мало где бываю – слишком утомительно, да и скучно. Мне везде и всегда скучно до отчаянья. Прямо душа воет.

Маргу и Галю давно не видала, но как-то говорила с ними по телефону. У них все благополучно. Галя переписывала мою пьесу. Теперь дам ей новую порцию переписки.

Ждем приезда Лили Кедровой из Лондона, и тогда начнем репетировать мою пьесу⁵.

Крепко Вас целую, дорогая моя (можно?), и прошу верить в мою хорошую любовь к Вам и в беззлобность по отношению к Вашим друзьям.

Всегда Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7161). Год установлен по сопоставлению с №68-69.

¹ См. №68-69.

² Возможно, адвокат Наум Борисович Глазберг (1874–1963) и его жена Анна Михайловна (1875–1960).

³ Бунин провел январь и большую часть февраля 1939 в Париже, занимаясь издательскими делами.

⁴ Традиционный Татьянин бал Московского землячества состоялся 3 февраля 1939.

⁵ Е.Н.Кедрова не указана в списке артистов, которые играли в премьерные пьесы Тэффи «Ничего подобного» 9 апреля 1939.

71. ТЭФФИ – БУНИНУ
20 февраля <1939 г. Париж>

20 февраля

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Очень, очень прошу – напишите мне по пунктам ответы:

1. Когда Вы ездили в турнэ в Приб<алтийский> край¹ – дорога, визы, отели и питание – были на Ваш счет, или платил соблазливший Вас эксплуататор?

2. Сколько он платил Вам с каждого вечера? Фикс² или проценты?
3. Брал ли эксплуататор большие помещения? На сколько человек?
4. Дал ли он гарантию? Положил ли эту гарантию в Париже в банк? И сколько?
5. Дал ли он (негодяй) Вам аванс?
6. Сколько вечеров Вы сделали?
7. Если в одном городе было два вечера, то Вы повторяли, или читали во второй вечер новое?
8. Сколько денег привезли Вы, т.е. вообще вместе с гарантией сколько это предприятие Вам дало?

Клянусь и обещаю всемогущим Богом, что все ответы сохраню в тайне, а моим предпринимателям все равно буду врать как для меня выгоднее.

Шлю самый сердечный привет умирающего гладиатора³.

Дорогую Верочку крепко целую и благодарю. Ее всегда найдется за что поблагодарить.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5418). Год установлен по содержанию.

¹ Бунин ездил с выступлениями по Прибалтике в апреле–мае 1938.

² Определенную сумму – фикс (*франц.*).

³ Т.е. Ave, Caesar! Morituri te salutant – Здравствуй, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя (*лат.*). Тэффи приводит это приветствие полностью в письме к Бунину от 15 мая 1944 (№103 в части II настоящей публикации).

72. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<Середина–конец марта 1939 г. Париж>

Дорогая моя Верочка,

Я ужасно больна. Такая боль уже скоро две недели, что лежу и вою, и когда кончится неизвестно. Называется болезнь «Зона»¹. Воспаление нервов левой руки, а на коже, по ходу нервов, пузыри, вроде оспы. *Незаразительно*. Проную. Работать, конечно, не могу, денег, конечно, нет. Под пьесу деньги взяты еще осенью и прожиты. Сегодня на мой вопрос, «надолго ли еще», доктор ответил: «А может быть, и на два месяца». Два месяца мне, конечно, не протянуть – умру раньше, но и более короткий срок как и чем прожить не понимаю.

Если бы Вы были в Париже, я знаю, Вы бы что-нибудь для меня придумали: вечер, сбор, не знаю что. Кроме Вас, у меня никого нет. Лежу и вою от боли. Особенно ночью до морфия – ужас. Было и краткое, но яркое воспаление желчного пузыря.

Если бы Вы приехали, Вы бы что-ниб<удь> сделали.

Галю и Маргу не вижу. Не вижу никого, п<отому> ч<то> не могу от боли.

Если бы Вы приехали!

Ваша кровная

Тэффи

И<вану> А<лексеевичу> привет.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7162). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению со следующими письмами.

¹ опоясывающий лишай (*франц.*).

73. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <Начало апреля 1939 г. Париж>

Дорогая моя Верочка,

Вот уже месяц, как я лежу и непрерывно вою. Впрочем, нет. С перерывами. Днем лучше – ночью ужас. Даже через морфий слышу боль.

Лечат меня вовсю – сыворотками, вакцинами, рентген<овскими> лучами.

Вы советуете, дорогая, ни о чем не думать. И я действ<итель-но> и не могу ни о чем думать. Все мне безразлично, все в сравнении с болью – ерунда. Но когда смотрю на себя со стороны, то немножко удивляюсь: «Что эта старая дура будет делать, когда боль пройдет. Ведь работать она не так-то скоро сможет. А врачи заставят хорошо ее питать и проветривать».

Заходила ко мне Нат<алья> Ив<ановна>. Они подписывают «воззвания» и скоро обещают разослать¹.

Сегодня потащат на рентгеновские лучи.

Целую Вас, дорогая моя. Ив<ану> Ал<ексеевичу> привет.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7163). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению со смежными письмами.

¹ Получив №72, Бунина обратилась к Б.К.Зайцеву и Н.И.Кульман, которая заходила к Тэффи 30 марта 1939 и в тот же день ответила Буниной: «<...> получила вчера вечером Ваше письмо относительно Тэффи и сейчас же отправилась к Зайцевым. Решили, что сегодня же Бор<ис> К<онстантинович> пойдет к Алданову, и они составят воззвание, кот<орое> подпишут: Вы и Ив<ан> Ал<ексеевич>, Алд<анов>, Зайц<ев>, Ник<олай> Карл<ович> Кульман и Зеелер, м<ожет> быть, Фондаминский» (РАЛ MS. 1067/3570).

74. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<Начало апреля 1939 г. Париж>

Верочка, милая! Пропадаю! Вчера сволокли меня на рентген<овские> лучи. И ничто не помогает. Не помог даже морфий – слышу через него боль. Сплю урывками по 3, 5 минут. Днем легче, но ночью прямо вою. Организм так переутомлен нервно, что ни на какие вакцины не реагирует. Давно надо было начать нищенствовать, да все было совестно.

Писала Милюкову, просила воздействовать на правление, чтобы сочли мне пропуск как плотный отпуск. Газета отказала¹. Предложили напечатать в мае 2 лишних фельетона. Я, больная от переутомления, буду, значит, усиленно работать.

Насчет сбора – я ни к кому не обращаюсь, да и не к кому.

Силы падают с каждым днем. Сердце начинает сдавать – болит и бьется.

Ну вот, дорогая моя Верочка. Эпилог мой довольно собачий.

Целую и благодарю за ласковое отношение.

Дорогому И<вану> А<лексеевичу> привет.

Ваша всегда

Тэффи

Не напишете ли Вы Марии Самойловне?² Она меня любит.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7164). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению со смежными письмами.

¹ Речь идет о редактируемой П.Н.Милюковым газ. «Последние новости», в которой Тэффи сотрудничала с 1937 (см. прим.17 к №63).

² Цетлиной.

75. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<После 9 апреля 1939 г. Париж>

Христос Воскресе!

Дорогая моя. Был консилиум. У меня зона перешла в полиневрит – воспаление нервов, болезнь длительная и мучительная. Ле-

жать еще не менее трех недель. Обещают, что боли потом постепенно угмонятся. Главное, чтобы темпер<атура> стала нормальной. Чтобы рука начала действовать, надо месяца два – сейчас в плече не двигается, и пальцы не сгибаются. Особенно мучаюсь по вечерам. Тогда дают морфий.

Приехала из Лондона моя дочь на неск<олько> дней по дороге в Варшаву. Послезавтра уже уедет¹.

Пьеса моя прошла очень хорошо². К сожалению, деньги за нее забраны давно и прожиты.

Мой кузен фон-Гоьер при смерти³. Уже без сознания.

Все такие скомканные эпилоги.

Меня навещают, жалеют.

Крепко целую, дорогая моя. Так хочется Вас повидать.

Привет Ив<ану> Ал<ексеевичу>.

Что будет дальше – не знаю. Такое чувство, что неслась через силу и треснулась лбом об столб.

Целую и люблю,

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7165). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению со смежными письмами.

¹ По-видимому, дочь Тэффи Валерия ездила в дипломатическую командировку.

² Из-за болезни Тэффи не могла присутствовать на премьере своей пьесы 9 апреля 1939 – день православной Пасхи.

³ См. прим.4 к №76.

76. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<1 мая 1939 г. Париж>

Нет, моя дорогая. Опыт влияния на расстоянии оказался неудачным. Деньги самотеком не плывут. И никто не знает, где находятся «благодетели» – здесь, на юге, или в Америке. У Нат<альи> Ивановны никакого контакта с «богатыми» нет. Почему, напр<и>мер>, не отозвались Браславские – неизвестно. Пришла вчера Нат<альи> Ив<ановна> и спрашивает, нет ли у меня энергичной дамы, которая всех знает и ко всем пойдет¹. А какие у меня могут быть дамы? И сама-то я лежу без пяти дней два месяца и реву от боли. Мне начали впрыскивать новую вакцину, от которой еще больше.

Заходила Галя и говорила, что если они с Маргой поедут в Грасс, то, может быть, Вы сможете приехать в Париж. Тогда я была бы спасена. Кроме Вас, никто ничего не сможет сделать. Надежды на быстрое выздоровление никакой. Еще минимум месяц, пока я смогу выползти из кровати. Темп<ература> не оставляет меня.

Лекарства стоят безумно дорого. Евг<ении> Ант<оновне> я, конечно, должна была прибавить за уход за мной – она делает и *riçures*² и обтиранья.

Вчера скончался мой кузен фон-Гойер³. Мне очень грустно. Последний моего поколения. Осталась только сестра в Петерб<урге>, но ее, наверное, уже никогда не увижу⁴.

Целую крепко, дорогая моя, и благодарю за все.

Ваша

Тэффи

P.S. Не могли бы Вы написать Браславским и еще кому из знакомых благодетелей? Надо как-нибудь двинуть дело.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7166). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению со смежными письмами.

¹ В своих письмах к Буниной Н.И.Кульман докладывала о далеко не гладком ходе благотворительной кампании в пользу Тэффи. К середине июня 1939 было собрано около 12 000 франков, не считая сумм, которые Тэффи получила непосредственно от благожелателей и размеры которых она скрывала (письмо от 16 июня 1939 – РАЛ MS.1067/3573).

² впрыскивания – *правильно riçûres (франц.)*.

³ Лев Викторович фон Гойер (1875 или 1876–1939) скончался 30 апреля. О нем, его финансовой и политической карьере до и после революции см.: «Незабытые могилы». Т.2. С.132.

⁴ Возможно, Варвара Александровна Попова (урожд. Лохвицкая, псевд. Мюргит), автор пьес и театральных миниатюр. В 1934 Тэффи устроила постановку ее пьесы «Чего еще не было» Н.Н.Евреиновым в его театре «Бродячие комедианты». Ее ленинградский адрес указан в адресной книжке Тэффи периода Второй мировой войны.

77. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<Июнь 1939 г. Париж>

Дорогая моя! Как Вам живется в Вашем «splendid isolation»?¹

Галя и Марга как-то навестили меня, но уже очень давно. Теперь даже не звонят – не знаю, что с ними, вероятно очень заняты.

Без Вас, дорогая, дело мое остановилось. Нат<алья> Ив<ановна> всей душой рада, но она никого не знает, и у нее нет ходов.

Болезнь держит меня круто. Сторговали для меня со скидкой первое светило по болезням нервов Monier-Vinard². Светило пропи-сало riqûges прямо в кожу, кот<орые> должны совершенно успоко-ить боли. Послушались. Оказалась такая штука, что я от нее трое суток выла дни и ночи.

Ужас! Светило быстрого выздоровления не предрекает: «Qu'est-ce que vous voulez – il faut du temps»³.

А ведь это только шакал может себе позволить три месяца выть и не работать.

Друзья меня не забывают. Цветов ташут как на покойника.
Голубчик, если бы Вы приехали!

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ MS.1067/7167). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению со смежными пи-сьмами. Адрес: Villa Belvédère, Grasse, A<l'pes->M<aritime>.

¹ блестящем одиночестве (англ.).

² Рэймон Монье-Винар, автор кн.: Neurologie (Неврология). Paris, 1935.

³ Что вы хотите – нужно время (франц.).

78. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <Июнь 1939 г. Париж>

Среда

Дорогая, любимая моя Верочка!

Если бы Вы могли как-нибудь только доехать до Парижа, а жи-ли бы у меня отлично. Я больше не кричу и не плачу, п<отому> ч<то> боль не такая резкая. Мне от Вас ничего не надо, кроме Вас самой, чтобы Вы отдохнули. Я ужасно за Вас боюсь и мучаюсь. Нельзя так себя изводить и в конец замучивать. Всю Вашу гнилую дачу набили до отказа и все самым мрачным народом. Слава Богу, что хоть ребенок есть¹. Вам бы еще подсыпать Рощина с новой ба-бой и Каллаш. Каллаш бьет без промаха.

Верочка, дорогая, украдите где-нибудь на дороге. У меня тихо, чисто, красиво, и так спокойно было бы для Вас. Были бы Вы моей дорогой гостьей.

Я все еще лежу и мучаюсь, но стараюсь обходиться без морфия, п<отому> ч<то> уж очень тяжелое нервное состояние.

Ночь на пятницу

Не могла закончить письма сразу, п<отому> ч<то> очень было плохо. Верно оттого, что собиралась гроза, и было очень душно, и сердцу плохо, и рука болела.

Браславская дала Илюше для меня 500 фр<анков>. Но в общем приток прекратился. Через газету я не хочу.

Очень тяжелая у нас погода. Духота.

Я чувствую себя морально спокойнее. Одно время была в полном, невыносимом отчаянии.

Верочка, дорогая, моего письма другим не читайте. Я пишу только Вам.

Сейчас 5 ч. утра. Ночь идет плохая. Несмотря на морфий (пришлось впрыснуть) рука болит, не сильно, но нудно и, несмотря на изрядную дозу снотворного, спать не могу. Раньше 8 ч. жалею будить Евг<ению> Ант<оновну>. Птицы уже щебечут. День начинается. Завтра ровно 3 месяца, что я лежу. Будь у меня муж, он бы меня давно из жалости пристрелил.

До свиданья, Верочка, дорогая. Поцелуйте Галочку. Всей Вашей колонии привет.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7168). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению со смежными письмами.

¹ Имеется в виду Оля Жирова (см. прим.2 к №65).

79. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<26 июня 1939 г. Париж>

Дорогая моя Верочка!

Это еще ничего, что меня видели в Булонском лесу¹ – меня видели и на спектаклях русского балета, а вчера получила письмо из Риги с поздравлением по поводу полного выздоровления.

Мои же дела таковы, что выволакивали меня два раза на скамейку перед домом, но пришлось этот разгул прекратить, п<отому> ч<то> усилились боли и поднялась темпер<атура>. Вот уже скоро 4 месяца, что я лежу. Последнее время дают много бромом, и я сильно одурела, т<ак> ч<то> если в письме падежи неправильны, то учитите бром, а я умница.

Жалко, что не увидимся скоро.

От вечеров Côte d'Azur² ничего другого и ожидать было нечего. Хвастаются, у кого меньше дефицит, так что 100 франков выручки – это блестящее дело.

Всем сердечный привет.

Вас крепко целую. Не замучивайте себя.

P.S. А кто наврал про Булонский лес? Напишите.

Публикуется по автографу (открытка б/подписи) (РАЛ MS.1067/7169). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Belvédère, Grasse, A<ipes> M<aritimes>.

¹ В письме к Бунину от 20 июня 1939 Б.К. Зайцев сообщил «Тэффи, слава Богу, поправляется. В день смерти Ходасевича я был у нее, она перед моим приходом даже выходила немного на улицу. <...> Нынче с базара Вера принесла известие, что Тэффи выезжает (или собирается) в Булонский лес на прогулку. Поддай Господи» (РАЛ MS.1066/5959 – ксерокопия с оригинала, хранящегося в парижском архиве Зайцева; Новый журнал. 1983. №150. С.203).

² Лазурного берега (франц.).

80. ТЭФФИ – БУНИНОЙ 5 августа <1939 г. Париж>

5 авг<уста>

Милая, дорогая Верочка,

Пишу в 5 ч. утра, потому что отвыкаю от снотворных.

Рука болит гораздо меньше, но еще опухшая, и пальцы негибаются. Общее состояние ужасное. Слабость, сердце ни к черту, есть ничего не могу. Ехать куда-нибудь невозможно. Оставаться в городе тоже нельзя. Придумала ехать недели на 2-3 в санаторию – под Парижем. Думаю ехать 7-го. Это Fondation Foch для выздоравливающих. Очень роскошное и красивое заведение¹. Окрепну там немножко и тогда обдумаю свое положение. Еще не знаю, смогу ли я работать и смогу ли жить в Париже. Может быть, придется уехать. Сейчас ничего не знаю. Сейчас я раздавлена колесом. Колесница Джагернаута.

Много читаю. Какая нудная наша современная литература перед Бронте², Бримфильдом³ и т.д. Алданов говорил, что замечательная книга Бунина «Лика»⁴. Но я ее не видала.

Все разъехались. Уехал и Илюша, убедив меня, что все на свете чудесно.

6 авг<уста>

Прервала письмо, п<отому> ч<то> плохо себя чувствовала.
Холодно, дождь.

Поеду в санаторию в четверг 10-го. Не на радость еду. Только во имя воздуха. Там огромная терраса <так!>, и лежат на ней, завернувшись в пледы, полумертвые выздоравливающие. Знакомых никого. Значит, опять одиночное заключение и потустороннее безмолвие. Начиная забывать человеческую речь. О будущем стараюсь не думать. Да я и не знаю, кто я буду. Писательница, богаделенская старуха-инвалид Даманская⁵ или варшавская мамаша, приехавшая дожидаться. Во всяком случае, квартиру надо менять (страшно повысили цену). Евг<ения> Ант<онова> устала и думает уходить. Вот через месяц увижу, что я из себя представляю, и все будет решено. И всякое решение будет мне казнью, расправой с уже полуживым человеком.

Очень хорошо утешал меня мальчик Игорь⁶. Укорял за малодушие и приводил в пример Иова...⁷ «Et le bon Dieu lui a rendu et sa famille et ses troupeaux»⁸. А я отвечала плача: «Je ne veux pas de troupeaux – qu'il les garde!»⁹.

Дорогая моя Верочка, очень Вас люблю.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7170). Год установлен предположительно по содержанию и по дневниковой записи Буниной от 10 августа 1939 (РАЛ MS.1067/410; Устами Буниных. Т.3. С.31).

¹ Медицинское заведение им. маршала Франции Фердинанда Фоша (1851–1929) находится под Парижем в Сюрэне. В письме к Зайцевым от 21 августа 1939 Тэффи сообщала: «Это гигантская больница, выстроенная и устроенная на американский вкус, страшно комфортабельная, с огромными террасами, больше похоже на отель, или даже на океанский пароход» (БАРВК. Фонд Зайцева).

² Имеются в виду английские писательницы сестры Шарлотта (1816–1855), Эмилия (1818–1848) и Анна (1820–1849) Бронте.

³ Возможно, речь идет о некогда популярном американском писателе Луи Бромфильде (Louis Bromfield; 1896–1956), ряд романов которого вышел в переводе на французский язык в 1930-е гг.

⁴ Под названием «Лица» пятая книга романа Бунина «Жизнь Арсеньева» вышла в 1939 в перебазировавшемся из Берлина в Брюссель издательстве «Петрополис».

⁵ Августа Филипповна Даманская (1875–1959), писательница.

⁶ Возможно, внук Евгении Антоновны.

⁷ Ср кн. Иова 42: 10-12.

⁸ «И добрый Господь вернул ему и семью, и стада» (франц.).

⁹ «Мне не нужны стада – пусть оставит их себе!» (франц.).

«МЫ МОЖЕМ БЫТЬ ТОЛЬКО ЛЕТОПИСЦАМИ...»

Письма М.Осоргина А.Полякову (1940–1942)

Публикация О.Демидовой

В 1946 году в Париже посмертно была издана книга М.А.Осоргина (1878–1942) «В тихом местечке Франции (июнь–декабрь 1940)». В предисловии автор так определил жанр книги: «Эта книга – не роман, не дневник и не только воспоминания. Ее отдельные листы были написаны на клочках бумаги без малейшего намерения когда-нибудь соединить их в одну тетрадь. Часть их осталась в папке, часть застряла в почтовых конторах Франции без надежды дойти по назначению, может быть, погибла при разрушениях и пожарах, часть перелетела по воздуху океан и сохранилась в дружественных руках»¹. Книга создавалась в первые полгода оккупации Франции; в эти же месяцы в нью-йоркском «Новом русском слове» начали появляться его «дневники беженства», публиковавшиеся под общим названием «Письма из Франции» и «Письма о незначительном»² и запечатлевшие события последних двух лет жизни автора, проведенных «в тихом местечке» так называемой «свободной» зоны, где он «попытался спрятаться от парадной истории»³. Кроме того, из «тихого местечка» отправлялись письма родным, друзьям, коллегам по писательскому и журналистскому цеху, волею истории оказавшимся оторванными друг от друга. Письма шли в Париж, в городки «свободной» зоны, в Швейцарию, в Америку... Одним из многих адресатов

¹ *Осоргин М.* В тихом местечке Франции (июнь–декабрь 1940). Париж: YMCA-Press, 1946. С.7.

² Публиковались в 1940–1942, впоследствии вышли отдельным изданием: *Осоргин М.* Письма о незначительном. Нью-Йорк, 1952.

³ *Осоргин М.* В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.8. «Тихое местечко» – городок Шабри в центре Франции, куда Осоргины бежали из Парижа в июне 1940; о нем см.: Там же. С.26-27 и публикуемые ниже письма.

Осоргина был Александр Абрамович Поляков, с которым автора связывали годы работы в милюковских «Последних новостях»⁴.

Можно предположить, что во время войны Осоргин отдавал эпистолярному жанру явное и вполне объяснимое предпочтение. Война, по его глубокому убеждению, «убила надолго деятельность писателя», «всякий опыт художественной выдумки <...> стал кощунством». Себе, как и другим свидетелям истории, Осоргин отводил роль летописцев, подготовляющих материал для будущих писателей⁵. Наиболее подходящими случаем представлялись дневник (те «едва ли не получасные»⁶ записи, которые он вел в дни бегства на юг) и письмо – как имеющее давнюю литературную традицию «философическое», так и не менее традиционное бытовое. Сделанные огрызком карандаша, «в сумбуре дней, в бессоннице ночи, в дороге, иногда в нереальности жизни, иногда в ожидании смерти»⁷, дневниковые записи были переработаны и легли в основу книги. Написанные не только как «возможный прощальный привет», но и как художественное произведение, с типично осоргинским тонким юмором, почти безупречные стилистически, полные размышлений о судьбах России, мира и о беженской судьбе, «философические» письма печатались за океаном и были рассчитаны прежде всего на восприятие американской части диаспоры. В не предназначавшихся для публикации письмах к Полякову речь шла преимущественно о «трудах и днях», о трудностях быта и ежедневных заботах. Однако при очевидных эмоциональных и эстетических отличиях все перечисленные тексты читаются как единый текст, вернее, как разные его уровни.

Письма к Полякову – уровень самый личный, безыскусный, во многих случаях «крик души» измученного человека, в который уже раз на протяжении долгой жизни загнанного судьбою в угол. «Все кончено – в том числе и жизнь», «бытие наше пресечено – и жестоко», «смотрю на все издали, с того света» – фразы, подобные этим, нередко встречаются в письмах, переключаясь с пассажами книги Осоргина и его корреспонденций в Америку. Пожалуй, «тоска» – слово, вернее всего определяющее его настроение в эти годы. Тоска от того, что «убита вера, не жаль прошлого и нет никакого интереса к будущему»⁸. От того, что «обанкротилась» человеческая мудрость. От разочарования во «второй родине» и от беженского ощущения себя «занозой в чужом теле»⁹. От тягостного, «как в тюрьме», однообразия быта и отрезан-

⁴ Поляков Александр Абрамович (1879–1971) – журналист, до революции сотрудник «Биржевых ведомостей», «Русского слова», в 1919–1920 в Севастополе редактор газет «Юг» и «Юг России»; с 1920 в эмиграции в Константинополе, с 1922 в Париже, секретарь редакции, затем заместитель главного редактора (ночной выпускающей) газеты «Последние новости» (Париж, 1920–1940). В годы оккупации, до отъезда в США в 1942, жил в Монпелье. Подробнее о нем см.: *Бирман М.* В одной редакции (О тех, кто создавал газету «Последние новости») // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып.3. Иерусалим, 1994. С.150; *Дон Аминадо.* Поезд на третьем пути. М.: «Книга», 1991. С.289-292.

⁵ *Осоргин М.* В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.7.

⁶ Там же. С.10.

⁷ Там же. С.8.

⁸ Там же. С.30.

⁹ *Осоргин М.* Письма о незначительном (О нас. 18.7.41). Цит. по: Русский Париж. М.: Изд-во МГУ, 1998. С.355.

ности от мира¹⁰. И, наконец, «великая Тоска»¹¹ от безнадежности и предчувствия близкой смерти.

Однако, уцелев, нужно было выжить: налаживать – в который уже раз! – беженский быт, думать о пропитании, об одежде, о дровах на зиму. Нужно было думать о том, как помочь родным и друзьям, оказавшимся в еще более тяжелом положении (Осоргины умудрялись снабжать продовольствием многих русских парижан и жителей провинции, и «хозяйственные» расчеты занимают в письмах довольно значительное место). Не в последнюю очередь, следуя многолетней привычке, нужно было вести «хронику событий» – как для современников, так и для потомков. И Осоргин подробно пишет о своем немудреном хозяйстве, о том, как проходит его день, рассказывает о настроениях местных жителей, об их отношении к войне, к немцам и к русским беженцам. Обо всем этом идет речь и в книге Осоргина, и в «Письмах о незначительном», лишь тон становится менее эмоциональным, а личное «я» сменяется обобщенным «мы», причем это «мы» двоякого рода: «мы» – семья Осоргиных и «мы» – гонимые судьбой русские беженцы, к размышлениям о которых так часто обращается автор.

В годы оккупации во Франции не существовало русской печати (печально известный «Парижский вестник» – не в счет), и для русских, живших в разных зонах, письма стали почти единственным источником, из которого можно было узнать о событиях в диаспоре и о судьбе знакомых. Именно поэтому письма военных лет (и те, о которых идет речь, не составляют исключения) изобилуют сведениями о том, кто из соотечественников уехал или собирается ехать за океан, кому и куда удалось бежать из Парижа, кто умер, кто арестован, кто сотрудничает с немцами. Нередко эти сведения были основаны на слухах, которые обрастали подробностями, переходя из одного письма в другое.

Не случайно Осоргин так часто спрашивает, верны ли полученные им сведения, соответствуют ли они тому, что сообщают Полякову другие корреспонденты. И далеко не все он безоговорочно принимает на веру: так, ему явно не хочется верить известию о коллаборантстве Л.Львова, знакомого еще по московским «Русским ведомостям». Вообще подход Осоргина к вопросу о сотрудничестве, оказавшемуся в военные и особенно в послевоенные годы одним из самых болезненных для эмиграции, далек от радикального: с одной стороны, в письме Полякову он недвусмысленно называет явных коллаборантов «сволочью», с другой – призывает учитывать «оттенки в психологии населения разных зон», обусловленные различиями условий бы-

¹⁰ Ср.: «Для нас, чужаков, тихое местечко стало своеобразной тюрьмой. Это ощущение отрезанности от мира, в особенности культурной отрезанности, никогда не проходит. <...> Впечатление тюремного быта дополняется вынужденным бездействием, отсутствием и недостаточностью культурной обстановки – книг, общества, какой-нибудь степени живых и не ничтожных, не слишком личных интересов и запросов, хотя бы намек на цель существования, на осмысленность будущего»; «Тягостное однообразие быта, как в тюрьме, день тянется долго – дни быстро мелькают. Вчера – сегодня – завтра отличаются друг от друга только названиями, но отличить одну неделю от другой нечем» (Осоргин М. В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.129, 221).

¹¹ Там же. С.30.

та¹². Интересно отметить, что последнее было адресовано русским в Америке, где, как известно, после войны страсти по поводу коллаборантства разгорелись едва ли не столь же сильно, как в Париже, о чем Осоргин знать заранее, разумеется, не мог, но, вероятно, предвидел что-то подобное.

В связи с ролью, отводившейся переписке в годы оккупации, очень интересным представляется вопрос о том, кому адресованы письма Осоргина. Формально они написаны Полякову. Фактически предназначены для всей той «колонии» сотрудников «Последних новостей», которая стихийно образовалась в Монпелье. По уже указанной причине каждое письмо воспринималось как своего рода неправительственный информационный бюллетень. Далее аудитория значительно расширялась за счет многочисленных корреспондентов в Европе и Америке, с которыми состоял в переписке каждый из членов этой «колонии». Для Осоргина подобная «многоадресность» не была тайной: он и сам добросовестно передавал («по цепочке») все, что сообщали ему его корреспонденты. Позволительно предположить, что, обращаясь к Полякову, Осоргин обращался и ко всем тем, кому его адресат мог прочесть письмо, рассказать или написать о нем. К тому же, Поляков должен был вскоре уехать в Америку (чему Осоргин в значительной степени способствовал), и письма могли стать тем «прощальным приветом», который Осоргин посылал своим заокеанским друзьям.

Осоргин закончил последнее письмо фразой: «Будет забавно, если когда-нибудь увидимся». Забавно – то есть сомнительно, но вдруг повезет. Надежда не сбылась. Поляков уехал за океан и обосновался в Нью-Йорке, сделавшись сотрудником того самого «Нового русского слова», которое так ругал Осоргин в письмах к нему. В Париж он ненадолго приезжал в 1952. Осоргин умер 27 ноября 1942 года, не дожив до освобождения Парижа, до конца войны, до того «прекрасного времени», когда неотъемлемой частью труда писателя вновь стала «благородная и благодарная работа мозга и воображения»¹³.

Письма публикуются по ксерокопиям с оригиналов, хранящихся в собрании А.А.Полякова Архива русской и восточноевропейской культуры Колумбийского университета (BAR. Coll. A.A.Poliakov). Публикатор выражает благодарность хранителю архива Т.Чеботаревой за предоставленные копии и фонду Фулбрайт, стипендия которого сделала возможной работу в архиве.

¹² Осоргин М. Письма о незначительном (Противоречия настроений. 17.5.41). Цит. по: Русский Париж. Указ. изд. С.352.

¹³ Осоргин М. В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.7.

1

<почт. карточка>

Chez Mr Beauvais, rue du Beauregard
Chabris (Indre)
Mme Ougrimoff
Для Осоргина

Милый Алекс<андр> Абрамович, мы все четверо¹, почти без вещей и денег, убежали от бомб, которыми нас забрасывали все время. Сейчас пишу после ночи на орлеанском вокзале². Указываю адрес друзей в Chabris³, куда пробираемся.

Если газета³ или касса может послать хоть тысячу франков – спасете на некот<орое> время.

Прощайте, друг!

Кланяюсь редакции (существуете ли вы все?).

Ваш Мих<аил> Осоргин

P.S. Собственно едем мы, куда глаза глядят, а выехали после полного нервного истощения, в течение недели обстрелов. Мы жили рядом со всякими «целями».

Одна бомба лопнула в 30 шагах, выбив нам стекла.

Ну, ладно, все кончено – в том числе и жизнь. Прощай, милый друг!

Среда 6 ч. утра (число не помню). Июнь 1940⁴.

¹ Осоргин, его жена Т.А.Бакунина-Осоргина и ее родители, Алексей Ильич и Эмилия Карловна, бежали к Ирине Николаевне Угримовой (урожд. Муравьевой), однокласснице Т.А.Бакуниной.

² О бегстве и ночи на Орлеанском вокзале см.: *Осоргин М.* В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.15-25.

³ Газета «Последние новости» (Париж, 1920–1940), сотрудником которой Осоргин был с начала 1920-х.

⁴ Дата на почтовом штемпеле – 12.VI.40.

2

Chez Mr Beauvais
Rue Beauregard
Chabris (Indre)

26.7.<19>40

Дорогой Ал<ександр> Абр<амович>, я только на днях в Париже узнал Ваш адрес. Сейчас я опять в неоккуп<ированной> зоне, где и останусь.

Краткое описание жития. Бежали вчетвером (т.е. и Бакунины) 11-го прямо сюда, в Chabris, т.к. нас осыпали бомбами. Конечно,

только с ручным багажом. Дорогой убиты не были. Остались живы и здесь, когда городок Chabris был взят с бою; мы, под огнем, спаслись в лесочке. 10 дней были под немцами, затем, по перемирию, граница прошла по реке Шэр, а наш городок, на ней стоящий, стал «неокупированным».

Решили вернуться, п<отому> ч<то> жить было не на что. Это было сложно и тянулось долго. Одним словом, полу-ушли, полу-уехали домой. В Париже узнали, что моя квартира очищена от бумаг трижды и запечатана¹. И мы с Таней, уже без всяких вещей, даже без перемены белья, вернулись в Chabris, перейдя границу правдами и неправдами. Здесь у нас есть комнаты с соломенными тюфяками и приветливые друзья: можем остаться.

В Париже из русских пострадал один я², да еще слышал про обыск у Соловейчика³ (его нет). Вход в мою квартиру воспрещен под страхом расстрела – так заявлено. А я, перед бегством, свез туда все вещи, какие были в деревне, «для большей сохранности».

Обстоятельства таковы: мы голы и живем, т.е. питаемся, на гроши, кот<орые> могли занять в Париже. Возврата нам нет, и все имущество пропало. Наши старики остались в St. Genev<ieve>⁴, но там денег больше нет, хотя Рус<ский> Дом пока их кормит.

Видел в Париже Бор<иса> Марк<овича>⁵, который выслал мне 265 фр<анков> «остатка гонорара по ведомости» плюс 300 фр<анков> за счет кассы. Деньги пришли без меня и ушли обратно. Это, конечно, образуется.

Здесь живем у бедняков, которые могут уехать в Париж. В мэрии заявили, что русских (а мы еще – сов<етские> граждане!⁶) кормить не обязаны.

Вот наши дела, милый А<лександр> А<брамович>. Я писал Павлу Ник<олаевичу>⁷ до отъезда отсюда, написал и сейчас. Из всей газеты лично пока пострадал я (кстати – на Turbigo⁸ спокойно). Никогда я не просил милостыни, а теперь должен просить⁹. Нужно нам купить белья, одежды, и нужно питаться (я стал за это время скелетом и седым). Сердце мое плохо, а смерть медлит. Мечтал умереть, когда нас в поле осыпали шрапнелью, да не вышло. Таню жаль!

Неужели не помогут нам из средств «П<оследних> н<овостей>»? Обзавестись рабочим платьем, бельем, необходимыми вещами – прожить хоть до зимы, до октября, – все же нужно на это хоть три-четыре тысячи! Поговорите, милый друг. Идет дождь, и мы не просыхаем. Ни о какой работе думать нечего. Ал<ександр> Абр<амович>, подумайте Вы обо мне! – Шлю привет Вам и Вашей семье. И всем, кто около Вас, кланяюсь, подробно писать о делах в Париж<е> не в силах. Позже!

Ваш

Мих<аил> Осоргин

Меня преследуют, как это ни глупо, по-видимому по линии литературной, по указанию «возрожденцев» (в частности, какого-то Любимова¹⁰). Якобы «за отсутствием Милюкова»¹¹, так мне передавали, хотя это звучит чепухой.

¹ Ср.: «В Париже меня ждала “маленькая неприятность”»: дверь моей квартиры опечатана, взяты мои бумаги, вывезены архивы, письма, рукописи, все книги, все то, что мне было дорого и что лишено всякого интереса для людей сторонних, и меньше всего для грабителей, трижды приезжавших на военном автомобиле» (*Осоргин М.* В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.81).

² См. письмо оставшихся в Париже сотрудников «Последних новостей» в неоккупированную зону от 15 августа 1940 об обысках, начавшихся после занятия Парижа немцами: «Представители новой власти посетили помещение Земгора на рю Даниель, интересовались, там ли живет Яков Львович <Рубинштейн, председатель юридической комиссии при Земгоре по правовому положению беженцев, член правления Нансеновского офиса при Лиге Наций. – О.Д.>, спрашивали, чьи портреты висят, какова деятельность Земгора и отношение к Советской власти. Говорят, что они были с визитом в помещении “Социалистического вестника”, также и в квартире автора, года два тому назад выпустившего книгу об истории масонства в России» (BAR. Ms Vel'min).

³ Соловейчик Самсон Моисеевич (1889–?) – журналист, общественно-политический деятель, эсер; юрист, после октября 1917 в эмиграции (Одесса–Вена–Берлин–Париж); ближайший помощник А.Ф.Керенского по редактированию газеты «Дни» и журнала «Новая Россия» (1936–1940); с начала 1940-х в США, профессор Канзасского университета (с 1946).

⁴ Сент-Женевьев де Буа – местечко под Парижем, где у Осоргиных до войны была дача; см.: *Осоргин М.* В тихом местечке Франции. Указ. изд.

⁵ Речь идет о Борисе Марковиче Сараче (1879–1974), бухгалтере «Последних новостей».

⁶ Осоргин, высланный из России в 1922, сохранял советское гражданство и советский паспорт до 1937, когда произошел разрыв отношений с советским консульством, после чего жил без паспорта.

⁷ Как сообщает Т.Осоргина-Бакунина, письма Осоргина Милюкову не сохранились, ответные письма Милюкова Осоргину см.: Новый журнал. 1988. Кн.172/173. С.527-553 / Публ. Т.Осоргиной-Бакуниной.

⁸ На rue Turbigo находилась редакция «Последних новостей».

⁹ См., напр., воспоминания В.Яновского: «Все знали, что Осоргин и Алданов никогда ни от каких “обществ” или частных жертвователей субсидий не получали и не желали получать» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С.18).

¹⁰ Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976) – журналист, литератор, сын крупного чиновника, с 1919 в эмиграции во Франции, сотрудник парижской газеты «Возрождение», после Второй мировой войны примкнул к движению советских патриотов, в 1948 выслан из Франции, вернулся в СССР. См. его мемуары «На чужбине» (Ташкент, 1965).

По мнению Осоргиной-Бакуниной, «обыски и изъятия свидетельствовали о желании немцев пресечь активность той части эмиграции, которая

всегда боролась против всякой формы тоталитаризма» (Новый журнал. 1988. №172/173. С.528).

¹¹ Милюков осенью 1939 покинул Париж; до начала августа 1940 жил в Виши, затем в Монпелье и Экс-ле-Бэн.

3

Chez Mr Beauvais
Rue Beauregard
Chabris (Indre)

Chabris, 6 авг<уста> 1940

Дорогой Александр Абрамович,

Получил Ваше письмо. Спасибо за заботы. Не приходится сравнивать наши положения: всем скверно до крайности, и будущее наше грозно.

Не совсем точно Вы излагаете видимые причины похода против меня. По моим сведениям, никто из лиц, имевших отношение и даже бывших в верхах мас<онского> движения, не тронут, ни из французов, ни из русских. Лишь опечатаны три помещения и вызывались для бесед случайные лица, да вывезены бумаги из одного чисто мистического журнала¹. Не при чем, конечно, и Т<атьяна> А<лексеевна>, тексты и материалы которой вывезены случайно (регистраторы исторических лиц), после чего выемка была повторена (думали, что дело идет о важном архиве *текущих* дел, а не 18-го века!²). Что вывозилось – я знаю точно по описанию свидетелей. Но одновременно были посещены лица литерат<урно>-газетного ведомства, французы и русские, в частности Соловейчик из газеты Керенского (портрет которого взят!). Так<им> обр<азом>, вернее всего линия литературная, как начало, а уже к ней присоединилась другая линия – по недоразумению. Ничего, к ней относящегося (кроме библиотеки), у меня, конечно, не было, ни единой бумажки³.

Сейчас получил письмо от Павла Ник<олаевича>, кот<орый> пишет, что «П<оследние> н<овости>» опечатаны⁴. Вероятно – недавно, т.к. Бор<ис> Марк<ович> это отрицал. Пав<ел> Ник<олаевич> оптимистичен и надеется на возобновление газеты!⁵ Я же думаю, что проект временного книгоиздательства осуществимее (кажется, его предлагал Бор<ис> Марк<ович>). Но во всяком случае осуществимее всего и гуманнее было бы не ждать, пока деньги обесценятся, и помочь всем нам, без чего мы, конечно, погибнем раньше, чем что-ниб<удь> возродится.

Мы здесь живем в доме, который отопляться не может. Никаких «аллокусьон»⁶ нам не полагается. И слишком близко к границе, кот<орая> может измениться, как это уже и было. Куда уехать? Воз-

можно ли приехать в Montpellier?⁷ Не имею представления. А ехать обратно в зону оккупации (что от нас возможно) и жить в Св. Женеве решиться не могу. Сейчас оттуда никаких известий – почта прервана.

Знаю, дорогой А<лександр> А<брамович>, как Вам самому тяжело. Бытие наше пресечено – и жестоко. А мы чуточку староваты... Жалею, что оторван от Вас всех: на миру смерть краснее.

Пытались снести с Америкой, но телеграммы необычайно дороги, недоступны (12 фр<анков> слово!), а писем не получал с мая. Где-то застряли. В Америке хорошие друзья, хоть и бедняки. Все пытался что-нибудь там устроить, к<акой>-н<ибудь> перевод, но кому и что сейчас нужно.

Будьте здоровы, кланяйтесь своим и соседям. Пожил бы с Вами в трактире! Мы хоть и в “квартире”, но без мебели – спим на полу.

Привет!

Мих<аил> О<соргин>

¹ До 1914 Осоргин был членом итальянской ложи, в 1924 в Париже вступил в ложу «Северная звезда» (оратор в 1931–1933 и 1937–1938, досточтимый мастер в 1938–1940), в 1931 стал членом-основателем второй русской ложи, принадлежащей к союзу Великого Востока Франции – «Свободная Россия», где также играл значительную роль; затем руководителем независимой ложи «Северные братья». Подробнее см. *Серков А.И.* История русского масонства. 1845–1945. СПб.: Изд-во имени Н.И.Новикова, 1997. С.425-436.

² Речь идет о материалах к книге: *Bakounine T.* Le répertoire biographique des franc-maçons russes (XVIIIe et XIXe siècles). Brussels: «Petropolis, s.a.». Книга вышла в свет весной 1940, см. письмо главы издательства «Петрополис» А.С.Кагана Г.В.Вернадскому от 12 марта 1940: «На днях я наконец выпустил книгу Бакуниной-Осоргиной» (BAR. Ms Vernadsky. Box 40).

³ Осоргин сообщал Полякову о масонских делах, поскольку тот в Париже был членом ложи «Астрей» (Союз Великой Ложи Франции). О судьбе масонских архивов см.: *Серков А.И.* История русского масонства после Второй мировой войны. СПб.: Изд-во имени Н.И.Новикова, 1999. С.5-9.

⁴ См. письмо Милюкова Осоргину от 2 августа 1940 (Новый журнал. 1988. Кн.172/173. С.529).

⁵ См. указ. письмо, а также письма Милюкова Эльяшевым от 11 июня и 21 июля 1940 (Новый журнал. 1997. №208. С.151-153 / Публ. М.Раева).

⁶ Вероятно, ошибка автора или игра слов: allocution – небольшая речь, выступление, allocation – пособие (*франц.*).

⁷ Городок на юге Франции, где в это время находились многие сотрудники «Последних новостей», см. письмо П.Н.Милюкова Э.Л. и Л.Е.Эльяшевым от 21 июля 1940: «Там уже съехались на жительство Волков, Могилевский, А.А.Поляков, Бенедиктов, Зелюк со шрифтами. Из По ждут Вакара, из Биаррица – Коновалова. Из Лиможа сюда выбрался Ратнер» (Письма

П.Н.Милюкова / Публ. М.Раева // Новый журнал. 1997. №208. С.153). См. также письмо Милюкова Осоргину от 9 июня 1941 (Новый журнал. 1988. №172/173. С.535).

4

21.VIII.<19>40

Дорогой Александр Абрамович, спасибо за письмо. Нет, в Америку *пока* не хочу (а после будет поздно?). А Вы? Что Вы будете дальше делать, дорогой? Дождемся ясных дней и откроем газету в Париже? Или – мелочную лавочку? Я умею делать детские игрушки и чинить зажигалки; у меня сохранился электрический паяльник.

За эти дни получил много писем отовсюду. Из Калифорнии – по *парижскому* адресу (получил сюда с okazjiей); из Нью-Йорка *avion*¹ (на 12-й день!). В Америке печатают мои дневники беженства, но по-русски, в тамошней газете². Будто бы платят (я не сам туда дал, а рассчитывал на перевод на англ<ийский> язык), но деньги послать трудно. Платят грошики. Жду.

Мы будем жить здесь, пока... или что-ниб<удь> случится, или будет почта с оккуп<ированной> зоной. В город переселиться не под силу – здесь устроимся дешево. Жить у границы удобно; пока мы постоянно сносимся и с Парижем, и с St. Geneviève. Получили бывшее в деревне наше белье – все же не совсем собачье существование. Впрочем, «оказии» могут внезапно прекратиться. – Если же почта восстановится и будет безразлично, где жить, тогда, вероятно, двинемся на юг. Нас туда зовут, обещая бесплатный домик с садом на море.

Получил письмо от Екат<ерины> Дм<итриевны>³. Пишет, что Швейцария съезжилась, боится остаться без припасов. К себе не пускает, денег посылать не разрешает. В Женеве ночью тревоги, и народ спускается в подвалы!

Итак – решена ликвидация? Даже без опыта маленького книгоиздательства? «Возрожд<ение>» думает возродиться, а до того времени сотрудников содержит. Так мне сообщили, если не врут⁴.

Я просил «П<оследние> н<овости>» дать мне в пользование одну из малых пишущих машинок. Ник<олай> Конст<антинович>⁵ отказал, «опасаясь конфискации ее немцами». Но немцы таких предметов не конфискуют, как машинки, да еще с русским шрифтом⁶. Притом она была бы передана в Париже человеку, кот<орый> через день передал бы ее мне. Все дело гораздо проще, чем кажется; нет никаких таможен и осмотров. Все-таки, раз дело ликвидируется – неужели нельзя мне, в виде добавки, отдать необходимое писателю

«орудие производства»! Ведь зря лежит! Стоит прислать мне записочку к Бор<ису> Марк<овичу> – и больше ничего не потребуется.

Правда ли об Влад<имире> Евг<еньевиче>?⁷ Не слух ли только? Разве он был болен? Или внезапно? Большое горе! Один из замечательных людей нашего времени! Эрик⁸ его не заменит. Эпоха уходит – люди уходят.

Семье Вашей кланяемся. Не представляю себе Алекс<андры> Яковлевны⁹ вне хозяйственного <1 сл. нрзб.>.

Обнимаю Вас, дорогой друг!

Мих<аил> О<соргин>

¹ Авиапочтой (от франц. avion).

² Речь идет о «Новом русском слове», старейшей русской газете в Америке (Нью-Йорк). Подробнее о газете см.: Цыпкина О. «Новое русское слово» – феномен долголетия // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 5. Иерусалим, 1996. С.162-181. Корреспонденции Осоргина из Франции публиковались в «Новом русском слове» в 1940–1942 под общим названием «Письма из Франции» и «Письма о незначительном».

³ Екатерина Дмитриевна Кускова (урожд. Есипова; 1869–1958), социолог, публицист, издательница, мемуаристка; в 3-м браке жена экономиста С.Н.Прокоповича; выслана из России в июне 1922, с 1924 жила в Праге, с 1939 – в Швейцарии.

⁴ «Возрождение» (1925–1940) – парижская русская газета монархического направления, которую издавал промышленник, общественный деятель, издатель и меценат Абрам Осипович Гукасов (наст. фам. Гукасянц; 1872–1969). См. письмо Сарача в неоккупированную зону от 1 августа 1940: «Передавали как достоверное, что на днях начнет выходить “Возрождение”. Теперь сообщают, будто <...> в пятницу 26.7 в конторе “Возрождения” Бегляриан, племянник Гукасова, выплатил служащим и сотрудникам жалованье за три месяца» (BAR. Ms Vel'min).

⁵ Николай Константинович Волков (1875–1970) – агроном, журналист, общественный деятель, кадет, депутат 3-й и 4-й Государственной думы, участник Белого движения, с 1920 в эмиграции в Париже, ближайший помощник П.Н.Милукова, масон, директор-распорядитель «Последних новостей», во время оккупации Парижа фашистами спас имущество газеты, передав его после войны бывшим сотрудникам.

⁶ Осоргин ошибался, см. письмо Сарача в неоккупированную зону от 8 августа 1940: «В последнее время ходят покупатели по домам, ищут пишущие машинки, которые переделывают на модный теперь шрифт – немецкий» (BAR. Ms Vel'min).

⁷ 4 августа 1940 в летнем лагере Бейтара в США скончался Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880–1940), журналист, писатель, переводчик, крупный деятель сионистского движения, сотрудник «Последних новостей».

⁸ Лицо неустановленное.

⁹ Жена Полякова.

29 авг<уста 19>40

Дорогой Александр Абрамович,

Итак – мы ликвидированы. Сегодня я получил 469 франков. Как приписывает В<ладимир> А<ндреевич>¹, Ник<олай> Конст<антинович> предложил «вычесть с меня» (очевидно, в два приема) ту 1000 фр<анков>, которая так сердечно была мне послана при извести, что за 17 лет работы в «П<оследних> н<овостях>» я расплатился потерей всего, что имел. К стати вычтена и стоимость перевода денег. Расчет по последнему году, когда вместо обычных 20-17 т<ысяч> я получал в год 11. Остальная ликвидационная сумма – в октябре и ноябре, когда деньги уже ничего стоить не будут.

Я думал, что общее несчастье нас несколько уравнивает, и ликвидация будет произведена соответственно нужде, а не «построчно». Но вычет – это уже превысило мои ожидания!

Вл<адимир> Ан<дреевич> спрашивает, куда мы собираемся ехать. Думаю – в турнэ по Европе, а отдыхать в один из курортов.

Благодаря ликвидационным, две недели моей жизни обеспечены. В прошлом мне помогли прожить посторонние люди, даже незнакомый человек, приславший мне 800 фр<анков>. С 1 сентября мы остаемся здесь одни – ни единого русского и вообще иностранца. Сегодня мы сняли квартиру, вход в комнату с улицы, нужничок на соседнем дворе, вода тоже. Цена 100 фр<анков> в месяц. В лесу будут грибы и будет хворост; сверх того я ловлю рыбу, хоть и неудачно. Останемся здесь, т.к. двинуться некуда и не на что. Затем, очевидно, придется сдаться в плен немцам, которые рядом, по ту сторону реки.

Я получил из Америки предложение приехать. Дают домик с садом – бесплатно. Проезд для двоих всего 700 долларов, что по истинному тамошнему курсу равняется 70 тыс<ячам> франков. Поблагодарил, ответив, что имей я 70 тыс<яч> фр<анков> – и ехать туда было бы не за чем: прожил бы на эти деньги малый остаток жизни здесь, в грешной Европе. И уже визу обещали прислать в Марсель. А вот денег получить оттуда пока невозможно: хлопочут о высылке мне 25 долларов, там заработанных. Разрешает Вашингтон, но протянет два месяца; мы же двух месяцев, пожалуй, никак не протянем.

Точка. Если мы сдохнем или просто замерзнем без верхнего платья – до свиданья там! Известить Вас будет некому, – но и некролог писать негде.

Мой дорогой старый друг, знаю, что тяжело многим, и что тяжелее многих Вам с семьей. Если бы не это – просил бы Вас в последний раз за меня заступиться и пристыдить ликвидаторов хотя бы за вычет. Мы все близимся к пропасти, но я уже повис над нею.

30 авг<уста 19>40

День светлый, и настроение мое повысилось на градус. Наплевать мне на все! Решил бороться, пока еще жив, и ни перед кем не унижаться; и без того унизил себя жалобными письмами.

Жму Вашу руку, дорогой. Спасибо за постоянную долгую дружбу! Вот Вам бы дернуть в Америку! Меня запрашивают об именах литераторов, желающих туда ехать, – обещают помочь хлопотами.

Запираюсь в своем городишке и опускаю занавес: марки дороги. Вам пришлю позже новый адрес, не помню сейчас. Но почтальон меня знает – адрес не важен.

Ваш Мих<аил> Осоргин

С Парижем у меня временный перерыв сношений – вторая неделя. Кажется, скоро возобновится.

¹ Владимир Андреевич Могилевский (1880–?) – журналист, общественный деятель, городской голова Керчи, затем Севастополя, редактор севастопольской газеты «Прибой», в эмиграции главный бухгалтер, кассир, заведующий конторой «Последних новостей».

6

2 сент<ября 19>40

Дорогой Александр Абрамович, наши письма разошлись. Прошу Вас поблагодарить П<авла> Н<иколаевича> за любезное представление мне машинки, – чем я не могу сейчас воспользоваться, так как очень уж сложно добывать через консьержа, притом мои сношения с Парижем временно (?) оборвались. Очевидно, его машинка системы Hammond; я ее знаю, но давно разучился на ней писать. Но очень благодарен.

Что до «вычета», то я¹

Впрочем, я сейчас сам напишу П<авлу> Н<иколаевичу> и приложу письмо (адреса я не знаю).

О Вас. Напишите, на меня сославшись, письмо моего <так! – О.Д.> другу, устроившему мне визу в Америку (я не поеду), кот<орый> сам просил меня сообщить имена желающих ехать писателей. Он устраивает с помощью Labo<u>г Party. И, конечно, по чистой любезности и доброте, – он не агент.

Mr Josef Rivkin

215 W 70th Str. New York City. N.Y.

Пишите непременно клиппером² (12 ф<ранков> 50 с<антимов>, письмо до 10 грам<мов>. Конверт прилагаю).

Сообщите все данные карт д'идантите плюс: когда уехал из России и с какого времени во Франции. Профессия.

Я ему сейчас написал о Вас клиппером же (письма иногда не доходят, и скорее – 12 суток). Все писатели могут воспользоваться коллективными визами. Уступаю свое место – я в списках значусь 1-м номером (без моей просьбы и зря!).

А как Алданов? Писал ему – ответа не было. Получил ли он? Если нет – пусть немедленно напишет Рывкину (Иосифу Александровичу); он с ним у меня, кажется, встречался однажды. Это мой шведский переводчик.

Пишу Вам спешно. Будьте здоровы!

Мих<аил> Ос<оргин>

Сейчас в газете (из Вашингтона): Разрешается пересылка денег из Америки до 50 д<олларов>. В месяц на одно лицо. Меня это облегчает!

¹ Зачеркнуто.

² Скоростной трансатлантической почтой (от *англ.* clipper).

7

Мой адрес:
125, rue Ernest Pinard

16.IX.<19>40
Chabris

Дорогой Александр Абрамович, от Могилевского я получил под титлом «подкрепление» еще 469 фр<анков>. С обещанием объяснения письмом, но письма не получил.

Еще получил письма от Алданова, поехавшего в Марсель по вызову америк<анского> консула, и от Цвибака и Полонского¹, которым хочется в Америку. Обо всех желающих сообщил в N<ew> Y<ork> клиппером. Но я уже не уверен, что клипперы доходят аккуратно.

О Зелюке² пишет Цвибак, причем считает, что предприятие «не основательно». Я был бы поражен, если бы Зелюк исхлопотал газету в Виши!³ Из Виши сейчас изгоняют евреев. Мой молодой друг, еврей, солдат, раненный дважды, едва бежавший от плена, был в Виши вызван полицией, и ему предложили убраться куда угодно и освободить Виши от своего присутствия⁴. Чем Зелюк его лучше? Только денежнее!

Расскажу Вам, как мы живем. Во многом, по-видимому, лучше вашего. Очередей больше нет, хотя нет керосину, спичек, угля. Вдо-

воль молока, нет недостатка в масле, встречаются конфеты и варенье. Отличная телятина, вдоволь мяса, горы яиц. Все это, конечно, в лавках, а <не> в нашем доме. Зелени вдоволь – капусты, картофеля, фасоли, помидоров. Карточки на сахар, рис, макароны. Кофею, конечно, нет, но есть его подобие – мальт (ячменный). Есть соль (в Париже абсолютно нет соли, яиц и масла). Вообще – хорошо, были бы деньги.

Мы сняли целый домик, со двором, сараем и огородиком за 150 фр<анков> в месяц. Пока сидим при свечке, но ждем, что поставят электрич<еский> счетчик, – а проводка есть. Нет водопровода, но есть свой колодезь. Нет канализации, но есть в огородке будка. Самый край городка – у реки Шэр; до Германии от нас рукой подать – меньше полукилометра.

Полы (две комнаты) *каменные*, прямо на земле. Стены беленые. Плита, для которой купили дров; есть пила и колун. Кухня очень обширная, она же и столовая, она же и мой кабинет. А еще спальня с солидной кроватью и перинами. В спальне пытаемся пристроить к зиме печурочку, благо приятели оставили нам трубу печную⁵.

Совершенно одиноки.

Здесь еще остаются старые Угрюмовы⁶, но мы с ними весьма не сошлись. А вот друзья наши уехали, правдами и неправдами, в Париж. Сейчас это не просто стало.

Преимущества наши – сношения с Парижем. Хоть и стало сложнее, все же получили сейчас письмо от Таниной матери, *вчера* опущенное в Париже. Изредка приезжают и возвращаются люди, привозят, увозят. Сегодня отправили письма многим в Париж. Через два дня надеемся получить оттуда чемоданчик с мелочами и письма. Только что переслал Могилевскому письма от Сарача. Я раньше предлагал пересылать в Париж чеки и получать деньги – на это Могил<евский> не откликнулся; теперь еще могу первое (посылать), получать будет труднее, т.е. гораздо дольше и не без уплаты комиссии⁷. С вещами легче настолько, что я выписал свою забытую в деревне трость с острым концом. Посылаем туда соль, масло и <1 сл. нрзб.>. Получили старую мою полуразбитую пишущую машинку, только я не умею на ней писать – Таня пишет. пожалели «П<оследние> н<овости>» дать мне ремингтон! И пропадут их машинки зря. А меня бы это спасло от огромных расходов по пересылке больших рукописей воздушной почтой. И вообще – мудрено мне жить без машинки.

Если *Вам* что-нибудь нужно послать в Париж – <2 сл. нрзб.> сделаю с первой оказией. Но только *для Вас*. Забавный у нас дом. Зимой будет зверски холодно, т.к. окна, двери, все это топорное, со щелями. Дом старый, крестьянский; кучка старья была прикрыта номером франц<узского> иллюстр<ированного> журнала за 1867 год! – Единственные печатные в доме строки. Зато много крестов, боже-

ственных картинок, четок и целый шкаф ржавой рухляди. Хозяев нет – не живут здесь. И мы – полные хозяева.

Чтобы уехать отсюда в Париж, можно испросить пропуск aller retour⁸ в соседний «немецкий городок» (за 2 километра) и пройти границу пешком; а там – поезжай, куда хочешь. Дело двух дней. Но, конечно, только для нас, жителей местных.

Хочу знакомиться с кюре; мож<ет> б<ыть>, он играет в шахматы. Т<атьяна> Ал<ексеевна> хочет изучать историю города Шабри⁹. Времени у нас такое непривычное обилие – что можно сойти с ума. А мы хотим выжить – и спастись.

Никакого бриджа. Здесь о нем и не слышали.

Рыбу ловил ежедневно до последнего времени. Пошли дожди – и я поспешил простудиться. Но вот опять встал и хочу рыбачить: подспорье в нелегкой жизни!

<Из> Америки пока ничего, кроме ненужной мне визы. Вы правы! Визу получить – одно дело, а уехать – другое. Билет – 300 дол<ларов> с персоны, и покупают его там, – но кто? И на какие деньги? А доллар в прошлом месяце стоил здесь (принудительно) 50 фр<анков>, а в Америке (свободно) 100 фр<анков> и больше. Получу сведения из N<ew> Y<ork> – напишу Вам подробнее об условиях переезда. Нужна еще отпускная виза из Франции, что получается в Виши после месяца ходатайств. Вот вздор-то! А мне, с моими совдокументами, притом просроченными, вообще двинуться некуда.

Иногда пишет Кускова. «Зря, – говорит, – уехали из Парижа, ничего бы не было, только поговорили бы с Вами и все бы Вам вернули». – А если мне вообще говорить не хочется, я уже наговорился на своем веку, и язык у меня для таких бесед плохо привешен. Вот она говорить умеет, я это знаю хорошо – наблюдал в России на воле и в тюрьме¹⁰. Палачу при мне руку жала – и своего добилась.

К черту. Будем делить судьбу старой Франции, пока она сама не пошлет к черту.

Но Вам с семьей нужно уехать, дорогой А<лександр> Абр<амович>! Все же в Америке что-нибудь да устроится. Здесь – мудрено! Разве что выдержите год крайней нужды или придушите Волкова. Год – очень <много>! Ведь подумайте – только три месяца с малым тому назад Вы еще выпускали номера!¹¹ А кажется – три вечности прошли!

Ну, до свидания. Пишите мне иногда – а я буду Вам. <Времени> нам хватит.

Привет семейству от нас!

Мих<аил> О<соргин>

¹ Цвибак Яков Моисеевич (псевд. Андрей Седых, 1902–1994) – журналист, прозаик, литературный критик, мемуарист. С 1921 сотрудник «По-

следних новостей», с 1925 парламентский корреспондент газеты; парижский корреспондент газеты «Сегодня» (Рига). В 1933 сопровождал И.А.Бунина в Стокгольм для получения Нобелевской премии. С 1942 в США; сотрудник, затем (с 1973) главный редактор «Нового русского слова». О нем см.: *Цынкова О.* «Новое русское слово» – феномен долголетия // Евреи в культуре русского зарубежья. Указ. изд. С.167-168; *Глэд Д.* Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М., 1991. С.50-61. См. также: *Седых А.* Далекие, близкие... Нью-Йорк, 1962.

Полонский Яков Борисович (1892–1951) – библиограф, библиофил; с 1920 сотрудник «Последних новостей», с 1925 соредатор «Временника» Общества друзей русской книги; муж сестры М.А.Алданова.

² Зелюк Орест Григорьевич (1888–1951) – журналист, издатель; сотрудник «Киевской мысли», «Одесских новостей», «Биржевых ведомостей», с 1920 в эмиграции в Константинополе, коммерческий редактор русско-французской газеты «Вечерняя пресса», с 1923 в Париже, глава издательства «Voltaire», выпускавшего «Последние новости», и типографии «Франко-русская печать».

³ Город в центральной Франции, где в июле 1940 – августе 1944 находилось коллаборационистское правительство А.Ф.Петена.

⁴ См.: *Осоргин М.* В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.103-104.

⁵ См. также: *Осоргин М.* Там же. С.91.

⁶ Речь идет о старших Угримовых, см. письмо Н.П.Вакара Сарачу от 17 июля 1940: «Угримов находится с Осоргиным» (BAR. Ms Vel'min).

Угримов Александр Иванович (1874–1974) – агроном, экономист, в 1921 член Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола), в 1922 выслан из России. Жил в Берлине, с 1930 в Париже. После 1945 принял советское гражданство, в 1947 выслан из Франции в СССР, работал агрономом на опытных сельскохозяйственных станциях, в 1957 реабилитирован за высылку 1922, после чего жил в Москве. См. воспоминания его дочери: *Рещикова В.А.* Высылка из РСФСР // Минувшее: Исторический альманах. Вып.11. М.; СПб., 1992. С.199-208.

⁷ Речь идет о пересылке денег сотрудникам «Последних новостей».

⁸ Туда и обратно (*франц.*).

⁹ Об истории Шабри см.: *Осоргин М.* В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.94-96, 106-108.

¹⁰ В 1921 Кускова и Осоргин были арестованы ВЧК за участие в работе Помгола, содержались во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке; см. об этом: *Осоргин М.* Чтобы лучше ощущать свободу (Из «Воспоминаний») // На чужой стороне. 1924. №8; *Он же.* В тихом местечке Франции. Июнь-декабрь 1940. Указ. изд. С.69; *Он же.* Времена. Париж, 1955. С.160-168; *Кускова Е.Д.* Месяц «соглашательства» // Воля России. 1928. №5; *Максимов Ю.Н.* Комитет помощи голодающим // Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981. С.328-393; *Геллер М.* «Первое предупреждение» – удар хлыстом: К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры // Вопросы философии. 1990. №9. С.37-66; Ликвидация ВСЕРПОМГОЛа: Письма Е.Д.Кусковой к В.Н.Фигнер 1921–1922 / Публ. Я.В.Леонтьева // Русское прошлое. Вып.4. СПб.: «Логос», 1993. С.330-342.

¹¹ Последний номер «Последних новостей» вышел 11 июня 1940, Поляк к этому времени уже покинул Париж.

30 сент<ября> 1940¹

Дорогой Александр Абрамович, мои возможности сообщений пока исчезли, и уже более месяца не могу получить некоторые вещи и кучу писем: причины были случайные – вплоть до порчи машин, совершающих рейсы, – но теперь появились причины более основательные. В крайнейших случаях могу послать *туда* коротенькое письмо, и только для Вас. Если хотите – пришлите, сообщив мне отдельно адрес, какой поставить на конверте. Не пишите ничего, что могло бы указывать, откуда письмо, т.е. из какой зоны. Лучше по-французски. Ответ устроить *пока* не могу. Получение вещей мож<ет> б<ыть> возможно (тогда извещу), но не продуктовых и не денег. Я надеюсь, что эти условия изменятся к лучшему. Но еще одно горе: нас, беженцев, могут отсюда выселить, и тогда мне придется либо утопиться, либо уехать в Париж.

Вот по поводу Парижа поясните мне: что значит и где появилось запрещение иностранцам туда ехать? Мне об этом и еще писали, но здесь ничего неизвестно, напротив – нас усиленно туда посылают, а мы брыкаемся. Недавно уехали иностранцы, русские. Во всяком случае, правда ли, что для сов<етских> исключение?

Еще вопрос. Что Вы знаете об обращении с русскими в Париже? Имел ли мой случай аналогии? Про кого могли писать, что «Вы некоторых знакомых, вероятно, уже не увидите», или это – чепуха? Мои сведения гораздо успокоительнее. Мне это все важно на случай знать.

Мы живы. Есть дрова на месяц. На такой же срок деньги. От Могил<евского> я в общем получил дважды по 469 фр<анков>. При последней присылке приписано, что она за *октябрь*, а в октябре «надеюсь послать еще». Я сначала подумал, что это – возврат вычета², теперь же не знаю, как понять. И не знаю, на что мне рассчитывать. Из Америки не получаю, там надеются получить разрешение на высылку через полтора месяца, следовательно, получить я мог бы лишь в декабре. Одновременно пишут, что выступление Америки «фор пробабль»³, и тогда все будет закрыто.

Имейте в виду, что у Б.Николаевского⁴ большие возможности. Я своих виз так и не использую. Дело решенное. Множество препятствий формальных, но главное – психологические. Останемся здесь.

Если Вам удастся уехать – там работа Вам будет; и помощь будет. Здесь тяжело и беспросветно. Если получу слово о Вас из Америки, напишу Вам сейчас же. Сношусь клипперами – в ужасе от расходов; но делать нечего, приходится. Все равно пропадать.

Лично мне скверно: сердце заявляет, что оно изнашивается.

Просили из Ам<ерики> статью о Жаботинском⁵; вчера послал.

А что же, приехавший Лук<ин>⁶ может вернуться обратно? Я не понял. Как ему удалось? Все-таки ездят люди.

Таня просит Вас сообщить что-нибудь о Потемкиной⁷. Как дело с ее зятем, благополучно ли?

Алд<анов> в Марселе все получил, теперь ждет в Ницце визы отпусковой. Какая маята! А время уходит.

Будьте здоровы, дорогой, старайтесь на что-нибудь надеяться. Что больше скажешь?!

Даманская⁸ иногда пишет. Просится в Гренобль. Куск<ова> пишет. От родителей получаем записочки всякими путями. Всем тяжело. Милый человек послал мне из Парижа хорошего табаку и водки. Посылку привезли сюда и послали (?) почтой, — она и пропала.

Мы до дикости одиноки здесь.

Хибарка с кирпичным полом прямо на земле. Крестьянская рухлядь. Но есть печка. Сделал календарь — и время бежит. Книги: маленький Ларусс и две книги о рыбной ловле⁹. Прислали вот эту машинку и запас бумаги — он скоро кончится. И тепло кончается — собирают и жмут виноград. Ввели карточки, но припасов много, торговцы уклоняются, хитрят. Нет мыла, спичек, маловато масла, но очередей нет (да и население не велико). Излишек хлеба и вина, некуда деть мясо. Все дорого — никакого спасения. А с деньгами можно бы жить припеваючи. Хотя — печальную песню! Хожу в холщовом рабочем костюме, берегу единственный летний на зиму. Шляпы нет — есть берет¹⁰. Богатство удочек, оставленных мне их уехавшим владельцем. Да рыбы — вот горе — мало. Иногда едим все же. Таня работает — бегаёт, хлопочет, варит, добывает, за мной ходит, переписывает, спасает нас обоих. Бодрее меня гораздо. Правда — на 26 лет моложе: мне на днях стукнет 62¹¹.

Вот Вам — про себя и про все, нам доступное.

Сыскался ли Кулишер?¹²

До свиданья, милый друг, — только свидимся ли когда. Кланяйтесь своим.

Мих<аил> Ос<оргин>

¹ Машинопись.

² На полях приписка от руки: «<1 сл. нрзб.> за сентябрь я получил лишь 469 (первую присылку)».

³ Весьма вероятно (от франц. fort probable).

⁴ Николаевский Борис Иванович (1887–1966) — историк революционно-го движения, архивист, журналист, мемуарист; в 1922 выслан из России, жил в Берлине, в 1924–1931 являлся официальным представителем в Берлине московского Института Маркса–Энгельса, в 1932 лишен советского гражданства; с 1933 жил в Париже, являлся директором парижского отде-

ления Международного института социальной истории (Амстердам); в 1940 переехал в США.

⁵ Воспоминания Осоргина о Жаботинском были напечатаны в «Новом русском слове» от 27 октября 1940 (перепеч.: О Саше Черном и Владимире Жаботинском. Некрологи-воспоминания Михаила Осоргина / Публ. О.Ласунского // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып.1. Иерусалим, 1992. С.77-81).

⁶ Лукин А.П. – капитан 2-го ранга, командующий крейсером «Адмирал Нахимов», участник Белого движения, с 1928 сотрудник «Последних новостей».

⁷ Вероятно, речь идет о Любови Дмитриевне Потемкиной, вдове поэта, драматурга и переводчика Петра Петровича Потемкина (1886–1926), с 1924 сотрудника «Последних новостей»; Л.Д.Потемкина заведовала буфетом в редакции газеты.

⁸ Даманская Августа Филипповна (1875–1959) – прозаик, переводчица, журналистка, мемуаристка; с начала 1920-х сотрудница «Последних новостей»; см. ее мемуары «На экране моей памяти» (Лица: Биографический альманах. Т.7. СПб.: «Феникс», 1996. С.112-160 / Публ. О.Демидовой; Новый журнал. 1995–1996. №198/199, 202, 203/204. С.273-315, 152-188, 198-258 / Публ. О.Демидовой, М.Раева). См. также письма Осоргина Даманской 1925–1942 (готовятся к печати).

⁹ В начале 1941 Осоргин писал Милюкову, что составляет шестую библиотеку и уже достал «три книги по рыболовству»; см. письмо Милюкова Осоргину от 4 февраля 1941 (Новый журнал. 1988. №172/173. С.531); ср. также: «Книг три, и все они о рыбной ловле, оставленные мне уехавшим любителем» (*Осоргин М.* В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.110).

¹⁰ Ср. описание костюма: Там же. С.69.

¹¹ Осоргин родился 7 (19) октября.

¹² Кулишер Александр Михайлович (1890–1942) – историк, социолог, правовед, журналист; с 1923 сотрудник «Последних новостей»; в годы оккупации арестован, погиб в концлагере; о нем см.: *Бирман М.* В одной редакции (О тех, кто создавал газету «Последние новости») // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып.3. Иерусалим, 1994. С.146. См. также письма Вакара Сарачу от 4 и 17 июля 1940: «Кулишера (пьяного) приняли за агента 5-ой колонны, избили и отправили в участок. Могилевский выручил. Где теперь этот сумасшедший, неизвестно»; «Про Кулишера я Вам рассказывал. С тех пор нет вестей о нем, ни о его брате». – BAR. Ms Vel'min.

10 ноября 1940

Дорогой Александр Абрамович, пропало большое мое к Вам письмо. Ничего в нем особенного не было, справлялся о жизни вашей и ваших надеждах (есть ли таковые?), рассказывал о том, как мы здесь тлеем. Почта невыносима. Пропадают и посылки, притом на сто процентов.

Зверски работаю – пишу для Америки 16 страниц в неделю по цене, при здешнем курсе, в 500 фр<анков>. И еще пишу книгу для

Швеции, уже купленную¹. Трудно, но было бы все хорошо, если бы получал за это деньги. Деньги-то и получаются в Америке, но сюда все еще не доходят. А почта, клипперами, стоит больше 100 фр<анков> в месяц. Таким образом, пока сам плачу за свою работу. Но хоть надежды есть.

С Парижем в постоянной переписке, с родными, стариками нашими. Они все там же, но жить стало хуже. В самом Париже холод – не топят. Но будто бы стало полегче с продовольствием, кроме некоторых предметов, исчезнувших начисто (яйца, мыло, масло). Мы здесь недостаток терпим только в рассуждении денег, а доставать можно почти все. На то и деревня – свои хозяйства. Вот дрова кончаются. Погода, к счастью, великолепная.

С Америкой что-то плохо, Ал<ександр> Абр<амович>. С трудом проталкиваются люди. Так я и не понял, уехал ли, наконец, Алданов. Письмом прощался с дороги, а говорят – опять застрял². Не будь Испании – было бы проще. Неизвестно, зачем она вообще существует.

Вл<адимир> Андр<еевич> в письме жалуется на поведение парижских сотрудников газеты. Я ему пишу – сами виноваты. Мне он выслал 475 фр<анков> с припиской: надеюсь отвоевать Вам еще. Почему нужно «воевать»? Вычет, конечно, остался. В общем я получил милостивую тысячу плюс четыре раза по 475 (точнее 469), итого 2900 фр<анков>. Ну что ж...

Все ли вы здоровы? Сейчас хворать – роскошь непозволительная.

Знаю о смерти Сумского³. Еще умер Кульман⁴.

Пишет мне старуха Даманская. Чувствую к ней слабость, как ко всем неудачным и никому больше не нужным труженикам, в том числе и к самому себе. Бьется как-то и живет. Бунин ищет американской помощи, – это уж забавно. Писал мне, что его деньги где-то застряли, или что истратился. И будто бы не прочь уехать в Америку, но колеблется. Все чепуха. А про него пишут, что стал он мягче и добрее. Знаю, что дает у себя приют одному человеку с сердечным гостеприимством и лаской⁵.

Сколько еще месяцев и лет проторчим здесь? А в Париже не весело (был на днях и аллерт⁶). Как бы это не пропасть нам с Вами, дорогой Ал<ександр> Абр<амович>? Жду, что напишете о себе. Кланяюсь дому Вашему от обоих нас.

Ваш

Мих<аил> О<соргин>

¹ В Швеции была издана вышедшая в Софии в 1938 книга Осоргина «Происшествия зеленого мира» (Стокгольм, 1940 / Пер. И. и Э.Рывкиных); кроме того, в стокгольмском журнале «Bonniers Literära magasin» были опубликованы его статьи «Противоречия» (1940. №5. С.357-362), «Конец

русской свободной печати» (1941. №7. С. 567-570), «Язык русской литературы» (1943. №8. С.644-647) в переводе И. и Э.Рывкиных; см.: *Barnache N., Fiene D.M., Ossorguine T. Bibliographie des oeuvres de Michel Ossorguine. Paris, 1973.*

² См. письмо 14 наст. публикации; по другим сведениям, Алданов прибыл в Нью-Йорк в декабре 1940 (*Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Изд.3-е. Париж; М.: УМСА-Press; «Русский путь», 1996. С.278.*)

³ Сумский-Каплун Соломон Гитманович (1891–1940) – журналист, издатель, в берлинский период издавал произведения А.Белого; с 1928 сотрудник «Последних новостей».

⁴ Кульман Николай Карлович (1871–1940) – филолог-славист, литературный критик; в эмиграции с 1919, профессор русской литературы Белградского и Софийского университетов, воспитатель короля Александра Сербского; с 1928 в Париже, профессор русского отделения Сорбонны, сотрудник Франко-русского института. Ср.: «Время от времени приходят вести о смерти людей, имена которых когда-то были известны; теперь эти люди уходят в нестройной очередности возраста, полузабытыми и ненужными» (*Осоргин М. В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.221.*)

⁵ Речь идет об Александре Васильевиче Бахрахе (1902–1985), литературном критике, мемуаристе, в 1940–1944 жившем в доме Бунина в Грассе. См. его воспоминания «Бунин в халате» (Нью-Йорк, 1979; переизд. – М.: «Согласие», 2000) и «По памяти, по запискам. Литературные портреты» (Париж, 1980; Новый журнал. 1996. №197. С.184-256; № 198/199. С.227-272 / Публ. Г.Поляка).

⁶ Воздушная тревога (*франц.*).

Дорогой Александр Абрамович, посылаю копию статьи о Жаботинском. Где она в Америке напечатана – не знаю¹. Вероятно, в переводе на еврейский язык. Статья пустяковая – но что мог я написать о нем, имея так мало сведений о его жизни? А меня очень просили.

Из Нью-Йорка пишут о трудности всяких хлопот. Мой друг о Вас не забыл, но сложностей сейчас тысяча, да и самый переезд, как Вы знаете, затруднен до последней степени. Я в каждом письме напоминаю о Вас, и еще писал другому лицу. Стремятся в Америку десятки тысяч, у многих есть средства. Приходится ждать.

От Могилевского получил 1000 ф<ранков> в утверждение сделанной мне «безвозвратной ссуды». Это мне помогло сильно. Теперь начинаю получать из Америки. Мой шведский переводчик пристроил мою 6-ю книгу в Швеции и обещает выслать хороший за нее аванс из Америки. Пишу и для газеты. Если никаких разрывов сообщения с Ам<ерикой> не будет – я спасен.

Здесь живем хорошо. В Париже сейчас скверно, не спокойно. Многие, вероятно, хотели бы бежать опять – да некуда. Англичане обижают, а хозяева недовольны поведением граждан, например, студентов.

Письмецо Ваше получил. Но хочу знать, как Вы рассчитываете жить дальше и на что можете уповать.

Ваш Мих<аил> О<соргин>

Копия статьи неразборчива – плоха моя машинка!

¹ См. прим. 5 к письму 8.

4 декабря 1940

Дорогой Александр Абрамович, пишу не без труда, в перчатках с обрезанными пальцами и предварительно отогрев машинку у печки. Уже несколько дней зверский холод, мы же в полном смысле сидим на земле, от которой нас отделяет только слой кирпичного пола. Жизненные обстоятельства за последнее время сильно ухудшились, и в смысле продуктовом, и в денежном, и, что всего хуже, в дровяном. Запасы наши кончаются, а добывать стало трудно. Стыдно жаловаться – многим хуже нас – но и не жаловаться невозможно. Хуже становится и с почтой, составлявшей до сей поры нашу привилегию. При всенепременном желании выжить эту зиму, выжить назло и в бороду всему миру, ручательства на себя не принял бы. Плохо и то, что пропала часть американских денег, посланных неблагоразумно, вообще же получение их весьма сложно. Боюсь в какой-то момент остаться на бобах (но и бобов в продаже нет). Время от времени малодушествую.

Из Нью-Йорка пишут, что очень трудно стало устраивать визы. В частности, спрашивают, нет ли у Вас там энергичных знакомых, которые помогли бы и рекомендацией, и подталкиванием дела. Необходимы всякие аффидавиты¹, а мой приятель исчерпал свои возможности настолько, что даже мою рекомендацию использовал для одного такого дела (последняя степень «авторитета»). Пишет, что стали люди эгоистами и ни на кого нельзя надеяться. Поскольку вначале были всякие возможности, постольку теперь ничего не получается из хлопот. Если у Вас есть там *верные* и дружественные люди, то пошлите Р<ывки>ну их адреса клиппером (напоминаю адрес его на полях²). Один он чувствует себя бессильным что-нибудь сделать.

В Париже люди тянут жизнь, по кр<айней> мере, до наступивших холодов тянули. Квартирны не отапливаются, картофель по фун-

тикам, очереди. Надежда на отход за Париж, по-видимому, лопнула; до Версаля еще возможна (его продолжают отделять). О студентах Вы, вероятно, слышали. Но духа люди, как будто, не утратили. Вам жить в Вашем домике было бы сейчас, конечно, невозможно, так как топлива не найти. Наши старики существуют сносно, у них есть уголь, и их перевели в хороший дом; только с деньгами урезали, но кормят сносно, да и мы успели послать им всякой всячины; теперь посылать уже не можем – кончился наш легкий транспорт. Мне друзья успели прислать водочки, которую пью, настояв на перце, для согревания тела. Работаю над книгой, половину которой отослал, но пальцы немеют (и на ногах болят большие пальцы). Писать приходится очень много, тянуть из мозгов, совсем истощенных. Тяня делает всякие хозяйственные чудеса, бегая, добывая, комбинируя. Так и живем.

Поддержат ли Вас «П<оследние> н<овости>»? Хоть до лета должны бы просодержать! Говорю «Вас», ставя себя в последнюю очередь и надежд не возлагая: все же нам спастись легче, хоть надежды не угасли, пока с Америкой существуют сношения. Зиму бы пережить, просто – физически пережить, вот что трудно и вот что нужно!

Ну, писать больше не в силах. Пойду отогреваться. Жму Вашу руку и кланяюсь семье!

Мих<аил> Осоргин

Мне *нужен* адрес Теффи, о котором запрашивает из Америки г-жа Малоземова³. Ей могут оказать помощь!

¹ Письменное показание, подтвержденное присягой (англ.); в данном случае – письменное поручительство за кого-либо, рекомендация.

² Приписка на полях: «Mr Josef Riwkin, 215 W 70th Str. New York City NY USA».

³ Малоземова Елизавета А. – профессор, автор одной из первых диссертаций о Бунине (Беркли, 1938), редактор «Калифорнийского альманаха» (1934).

Дорогой Александр Абрамович, я Вам писал 4 декабря – получили ли письмо? В нем, между прочим, писал о важности иметь знакомых в Америке и еще спрашивал у Вас адрес Теффи. Теперь я получил из Америки новое письмо, из которого посылаю Вам вы-

резку, Вас касающуюся; не обращайтесь внимания на аховый франц<узский> язык и проникнитесь содержанием. К этим сведениям прибавлю, что «аффидавит» одному моему приятелю, не имеющему в Америке знакомств, но приглашенному туда работать на блестящих условиях, обошелся в 10.000 франков. Вообще поездка (самый проезд) стоит на пароходе 360 долларов с персоны (уплата делается в Нью-Йорке, вперед). Дело мудреное! Но нет ничего невозможного, и я оставил за собой визу (она действительна на год, а проезд мне давался оплаченный). Это не значит, что мы хотим ехать, – но судьбы вообще неисповедимы.

Запишите себе для памяти имеющийся в вырезке адрес пр<офессора> Гуревича¹. Кто это? Я не знаю.

Уехали ли, наконец, Волков с Могилевским? Я еще раз просил о предоставлении мне машинки и еще раз получил уклончивый ответ («на <днях²> Волков обсудит вопрос»). Моя дряхлая машинка разваливается, заменных частей не нашлось ни здесь, ни в Париже, и я беспомощен. Кое-как переписана и послана книга, заказанная Швецией, – как буду дальше, не знаю.

Обидно, что не пишете ничего о себе; мы вспоминаем о Вас с беспокойством, – как переносите холод и неизвестность будущего? Имеете ли какое-нибудь отношение к Osé?³ В Монпелье находится мой парижский знакомый Мильнер (Joseph Millner, Иосиф Львович), человек весьма деловой, сотрудник Osé'a, его адрес (запишите!) Société Osé, 12, rue Jules Ferry, Montpellier. Если не знаете его – познакомьтесь. И от меня кланяйтесь – я ему не писал. Может быть, Вам это Osé пригодится в трудный момент?

Если адрес Теффи прежний, т.е. Maison Russe в Salies de Béarn, то я его знаю.

Напишите о себе, дорогой А<лександр> А<брамович>. Мне про нас писать нечего – живем по-прежнему, с дровами и с дверными щелями, не в морозе, но и не в тепле, не в голоде, но и не сырами в масле катаемся, не тяжело, но тоскливо и безнадежно до крайности. Спасает отчаянная работа и ожидание от нее выгод. Считаем, поэтому, наше положение, сравнительно, блестящим.

Главное – здоровы ли Вы все? Кланяемся, с Новым Годом! Жду Вашего отклика!

Мих<аил> Осор<гин>

Зачем собирался заехать ко мне Ступницкий?⁴ Почему он в свое время запрашивал мой адрес телеграммой? Вот чего совершенно не понимаю! Уехал ли он?

¹ Возможно, имеется в виду Гуревич Борис Абрамович (1889–1964), философ, литератор, кадет, с 1920 в эмиграции в Константинополе, с 1921 в

Париже, основатель и председатель Союза охраны прав человека, с конца 1930-х в США.

² Читается предположительно.

³ Еврейское общество здравоохранения.

⁴ Ступницкий Арсений Федорович (1893–1951) – журналист, юрист, участник Белого движения, с 1927 сотрудник «Последних новостей», после войны близок к движению «советских патриотов», в 1945–1951 редактор просоветской парижской газеты «Русские новости».

13

26 янв<аря 19>41

Дорогой Александр Абрамович,

Из Парижа мне пишут, что там (14-го янв<аря>) еще не было Н<иколая> Конст<антиновича> и Вл<адимира> Андр<еевича>, и я не знаю, уехали ли они. Я получил письмо от Даманской, которая была 3 недели очень больна, сейчас встала, и которая без копейки денег. Нельзя ли ей помочь? Я сейчас не в силах это сделать сам. Но если мне что-ниб<удь> еще причитается от газеты, я просил бы послать *за мой счет* ей хоть 200 фр<анков> (конечно, не упоминая, что за мой счет). Ее адрес: Chez Mme Meffre, Champs Fleuries, *Monnetier-Mârnnet* (Hte Savoie).

Новостей никаких, хоть писем получено множество и отовсюду. Замерзали было, сейчас оттаяли. Свирепо дорого жить – деньги утекают потоком (а притекают ручейком). Стало и у нас плоховато с питанием, приходится подголаживать.

Надеюсь, что Вы здоровы?

Семейству кланяюсь.

Ваш Мих<аил> Осоргин

Необходимо помочь Даманской. Нельзя забывать, что она, при всех ее трудных качествах, старая газетная кляча (как и мы, грешные). Скажите об этом Павлу Ник<олаевичу>¹. И одинока она чертовски!

Не знаете ли, где Дориомедов²?

Скажите П.Н<иколаевичу>, что, по моим известиям, отобранные библиотеки (Турген<евская>³, П<авла> Ник<олаевича>⁴, Фондаминского⁵ и моя) еще в Париже. Будто бы против увоза Тургеневской протестовало полпредство.

¹ См. письмо Милюкова Осоргину от 4 февраля 1941: «Насчет Даманской, кроме частных подачек, ничего не поделаешь. В порядке “ликвидации” ей ничего не “отчислили”. И очень уж она настаивает на своих достоинствах и на своем великом стаже» (Новый журнал. 1988. №172/173. С.532).

² Дориомедов Юрий (Георгий) Дмитриевич (?–1944), баскетболист, спортивный репортер, в эмиграции сотрудник «Последних новостей», ма-сон, в годы войны участник французского движения Сопротивления, член Союза русских патриотов. 20 августа 1944 года вместе с женой расстрелян немцами из пулемета у Аустерлицкого моста.

³ Тургеневская библиотека основана в 1875 И.С.Тургеневым и П.Ви-ардо; в 1940 вывезена немцами, затем часть фондов библиотеки захвачена советскими войсками и вывезена в Россию, где находится и поныне; ср.: *Берберова Н.* Конец Тургеневской библиотеки // *Берберова Н.* Рассказы в изгнании. М., 1994. С.303-309; *Шаховской Д.М.* Тургеневская библиотека и ее деятельность // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. М.: «Наследие», 1994. Кн.2. С.459-469.

⁴ О судьбе библиотеки Милюкова см. письмо Милюкова Осоргину от 4 февраля 1941 (Новый журнал. 1988. №172/173. С.530).

⁵ Фондаминский Илья Исидорович (1880–1942) – журналист, общественно-политический деятель, член ЦК партии эсеров; в эмиграции с 1919; соредатор парижских журналов «Современные записки» (1920–1940), «Новый град» (1931–1939), один из организаторов «Лиги православной культуры» (1930), организатор литературного объединения «Круг» (1935–1939). Летом 1940 уехал на юг Франции, осенью вернулся в Париж; в 1941 арестован нацистами, в заключении принял православие; погиб в Освенциме. О нем см.: *Зензинов В.* Памяти И.И.Бунакова-Фондаминского // Новый журнал. 1948. №18. С.299-317; *Федотов Г.* И.И.Фондаминский в эмиграции // Там же. С.317-389; *Яновский В.* Указ.соч. (по указат. имен); *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф: «Логос»; «Голубой всадник», 1993. Гл.3,8.

14

Le 17 Fevrier 1941

Дорогой друг, Александр Абрамович, долго же плетутся к вам письма – мы получили Ваше на третий день.

Писал бы Вам хоть ежедневно, если бы мне не приходилось писать для Америки приблизительно от 30 до 40 страниц вот такого формата бумаги в месяц, почти без полей и столь же сжатого шрифта машинки, чтобы вырабатывать свое существование, которое сейчас исчисляю в 2 тыс.<ячи> фр<анков>; все для «Нов<ого> рус<ско-го> слова», кот<орое> платит мне за фельетон размера «Посл<ед-них> нов<остей>» около 162 фр<анков>, правда, печатая хоть каждый день. При этом – нет при мне ни моей библиотеки, ни словарей, ни людей, ни тем. Дело не легкое! Но хоть деньги сейчас получаю, благодаря моему приятелю – шведскому переводчику, там живущему. Пишу изредка и для Швеции, да за эти полгода соорудил для нее книгу, послал и уже проел. Работаю, как зверь, исхудал не меньше вашего (только кости не худеют). А так как и Таня работает зверски, и, между прочим, соорудила великолепную детскую книгу

по одной из книг Дюма (иллюстрировать будет Рожанковский¹, уезжающий в Америку с готовым контрактом в большом издательстве), то со временем мы разбогатеем непомерно. Осенью (сейчас письмо получил) там, может быть, купят для дешевого издания все тот же мой «Сивцев Вражек»², и миллионы обеспечены. Покупаю тогда здесь дом с виноградником, буду Вам посылать бочками вино. Пока удалось подстрелить ворону, которую, ошипав, мы и послали Вам на пробу – в знак дружбы. К вороне приложены на пробу сухари; Т<атьяна> А<лексеевна> спрашивает, могут ли они сколько-нибудь заменить Вам так недостающий хлеб? Мы могли бы их Вам посылать, потому что хлеба потребляем немного.

Представьте себе, что мои директорами УСТУПЛЕНА В ПОЛЬЗОВАНИЕ пишущая машинка. По моей просьбе вызван знаменитый Морар выбрать более сохранившуюся и приспособить ее к действию, а затем мне ее пришлют. Вот только боюсь, что получение ее сюда не так просто; у нас пошли большие строгости, и перевозка с той стороны затруднена. Но как-нибудь справимся. Здесь достали напрокат французскую – постоянно нужна в сложной нашей деятельности и переписке; хочется совсем ее приобрести, да пока не на что. Эта моя машинка совсем плоха, и я посылаю Вам не подлинник, а копию письма (да и ленты нет хорошей).

Из Парижа писали, что Ник<олай> Конст<антинович>³ стал смиренным, а неистовствует Арсений⁴ (не знаю почему). Милее всех Борис Марк<ович>, обо всем и обо всех думающий. Но и с письмами сейчас плохо стало.

Раскопали небольшой огородик, посеяли морковь, горох, редиску и укроп; готовим гряды для салата (а как его есть без масла?) и для картошки (пока ее нет совершенно, ни для еды, ни посевной). Добудется как-нибудь. Рыбу ловить пока не приходится, а скоро и сезон кончится – до середины июня. И все-таки Т<атьяна> А<лексеевна> ухитряется отправлять сельско-хоз<зяйственные> посылки в Париж и св. Женевьеву; сейчас это разрешено делать по жел. дороге. Птица здесь еще есть, появляются яйца, добываем и морковку, репу. Луку почти не осталось, но мы его посадим и вырастим. Люди, французы, конечно, здесь очаровательные, помогают добывать.

Вот к Вам какая просьба (или к Наташе⁵). Т<атьяна> Ал<ексеевна> привела здесь в порядок муниципальную библиотеку, совершенно заброшенную, сделала каталог и прочее. Город в восторге. А так как мы внесли городу всю сумму, полученную нами как бывшими беженцами (теперь мы просто иностранцы) в качестве «аллокасьон» (получили мы раз 300 фр<анков> летом, с добавленьем, что «русским, собственно, не полагается», почему я и поспешил вернуть), то город решил эти деньги употребить на книги. Сделали список самых обычных книг, Бальзака, Ан<атоля> Франса, разных классиков, послали в Лион Фламариону⁶, и из всего списка могли

доставить нам только три книжонки. Нельзя ли в Монпелье приобрести у какого-нибудь букиниста по дешевой цене? Мы бы послали список подлиннее, и из него, что найдется, магазин бы отправил здешней муниципии наложенным платежом. А то и деньги пришлем. Думаю, у букиниста легче и экономнее, раз уж так оскудели большие книжные торговли. Нельзя ли справиться? Вернуть деньги нам удалось с большим трудом, так как никто не знал, как это делается и кто имеет право принять от нас. Наконец, мы убедили мэра принять как пожертвование, но с распиской. Вы понимаете, как мы этим прославились: первый и единственный случай возврата – гордыми иностранцами. Все нас уверяли, что это – акт сумасшествия. Теперь даже поп уважает! И когда Т<атьяна> А<лексеевна>, у которой не было башмаков, получила на покупку их бон, то муниципалитет известил нас об этом экстренно через гард-де-шампетра! Было башмаков на весь город 26 пар. И чтобы уж совсем убить вас, скажу, что я успел купить себе бархатные штаны! При курточке с эклером (синевато-голубой) это – большой шик. И сносу штанам не будет – все рабочие носят такие. При резиновых сапогах – тоже недурно. Ноги у меня в анжелюрах⁷, а руки ничего. И скучно же нам жить!

Вот Вам мой очередной фельетон – давно не читали. Сердечно кланяемся вам всем троем. Напишите при случае, дошла ли курочка свежей: почта уж очень ненадежна. Зарезана сегодня и тотчас послана (курочка, а не почта!).

Ваш Мих<аил> Осоргин

Алданов приехал в Н<ью>-Йорк 9 января.

Т<атьяна> А<лексеевна> говорит: И в Иере будем! И в Женеве-еве будем! И чтобы – никаких сомнений!

¹ Рожанковский Федор Степанович (1891–1970) – график и художник книги; с 1925 в Париже, в 1940 переехал в США. О нем см.: *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья. 1917–1939: Биографический словарь. СПб.: «Нотабене», 1999. С.496-497. По воспоминаниям Т.А.Осоргиной, Ф.С.Рожанковский во время войны посетил их в Шабри.

² «Сивцев Вражек» (Париж, 1928), первый вышедший за границей роман Осоргина, был переведен на несколько европейских языков, в 1930 получил премию американского клуба «Книга месяца».

³ Н.К.Волков.

⁴ А.Ф.Ступницкий.

⁵ Дочь Полякова.

⁶ «Фламмарин» (Flammarion) – одно из крупнейших независимых семейных книгоиздательских объединений Франции, основано в Париже в 1876. Имеет отделения в Бельгии, Швейцарии, Канаде; собственную книготорговую сеть в Париже и провинции.

⁷ Отморожены (от франц. engelure).

15

18 февр<аля> 1941

Дорогой друг, вчера я вам набрехал письмецо, а сегодня пришла бо́льшая американская почта, и вот вновь пишу.

В Вашингтоне Сам<уил> Марк<ович> Певзнер¹, мой приятель, Вам знакомый, делает все, что можно, чтобы добыть для вас троих аффидавит. Это трудно, но возможно. Мой нью-йоркский приятель Рывкин пишет, что, если Певзнер достанет аффидавит, он, Рывкин, устроит визы.

Все это так, но вопрос основной в деньгах. Оба спрашивают, не найдется ли у Вас в Америке кто-нибудь, кто мог бы этим заняться и эту часть устроить (или здесь, но нужно и в *Америке*, так как там платится за пароходные билеты). Расходы вообще огромны, даже выговорить страшновато. Раньше пароход стоил на лицо 300 долл<аров>, на троих 900, сейчас, мне пишут, цена удвоилась. Сверх того проезд до Лиссабона и хлопоты здесь о визах и прочем (визы не очень дороги). Одним словом, минимум 2000 долл<аров>, по офиц<иальному> курсу – 100.000 фр<анков>, а по подлинному (в Америке) больше 200 тыс<яч>. На эти деньги и здесь прожить можно! Но здесь, на тутошние расходы, нашлось бы. А вот на пароход... не знаю уж, что и сказать.

Пишу Вам об этом и просил в Америке дело продолжать. Что будет – неизвестно, люди как-то едут. Мы хоть и решили не ехать, а визу я просил мне удержать. Но нам проезд был обеспечен, и деньги на здешние расходы лежат в Марселе. Все это ужасная чепуха! К сожалению, нельзя использовать эти деньги для других – для Вас, например. Охотно бы сделал.

Надеюсь, что не испорчу Вам нервы такими рассказами. Получил – и уведомляю.

Певзнер кое-как устроился, но неважно; он в Америке в третий раз, но у него жена и двое детей. От русских газет жить нельзя.

Будьте здоровы. Кланяйтесь папаше.

Ваш Мих<аил> Осо<ргин>

¹ Певзнер Самуил Маркович (1883–1967) – журналист, революционер, с 1905 в США, с 1908 корреспондент московской газеты «Раннее утро» в Италии, коллега и приятель Бенито Муссолини, с 1916 корреспондент московской газеты «Русская воля» в США; в 1917 вернулся в Россию, корреспондент Телеграфного агентства, начальник пункта приема военнопленных Пленбежа, работник отдела печати Наркоминдела, с 1925 пресс-атташе в Италии; с 1928 невозвращенец, итальянский корреспондент «Последних новостей»; с 1939 в США, сотрудник «Нового русского слова», преподаватель русского языка в Пентагоне и Мерилэндском университете. Подробнее

о нем см.: *Резник Семен*. Самуил Маркович Певзнер: По материалам семейного архива // Евреи в культуре русского зарубежья. Т.IV. Иерусалим, 1995. С.513-527.

16

4 марта 1941

Дорогой Александр Абрамович, прилагаю список книг, кот<о-рые> хотела бы приобрести муниципальная библиотека в Шабри либо в новом, либо в подержанном виде, что можно – в переплетах. Всего она ассигнует 300 франков, но список сделан, конечно, на сумму большую. Если не найдется этих, то желательно знать, что можно найти приблизительно тех же авторов? – какую скидку для муниципии магазин сделает?

Я все же думаю, что легче достать у букинистов.

Новостей, к счастью, никаких! Чорт с ними, с новостями. Машинку жду из Парижа на днях. Она выбрана Мораром, им чинится и будет на днях выслана. Бор<ис> Марк<ович> любезно предложил сам заплатить за чинку и пересылку, но мои друзья ему не позволили, а я не позволил моим друзьям. Эта моя машина, как видите, стала совсем плоха; но мне пишут, что Морар нашел для нее новый вал, так что я совсем удовлетворен, больше, чем просил. Есть в Париже хорошие люди.

Списываюсь с Америкой о помощи здешним. Милый Певзнер послал для Бурцева¹ небольшую сумму от своей скудости (дела его в Вашингт<оне> не столь важны). Хоть я суммы этой не получил еще, но уже перевел ее Бурцеву. Кое-какие мелочи присылают в газету на мое имя и тоже мне переведут. В Париже нужда большая в писательском мире.

Сам пишу, как оглашенный, а не знаю, удастся ли вырабатывать на жизнь, которая дорожает. Долгов у меня бездна, а еще два года налога на землю (один уже уплатил) и все прочее.

Посеяли морковь, бобы, укроп, горох, посадили целую грядку луку. Еще картошку посадим и фасоль. Весна идет (дождь льет).

Будьте здоровы!

Мих<аил> Осор<гин>

¹ Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – историк, публицист, издатель, мемуарист; с лета 1918 в Париже, издатель и редактор газеты «Общее дело» (1918–1922, 1928–1933), соредатор журнала «Борьба за Россию» (1926–1931), редактор сборника «Былое» (1933). Переписка С.М.Певзнера с Бурцевым завязалась в 1938 году, после выхода книги Бурцева «Протоколы сионских протоколов – доказанный подлог». Певзнер предложил подгото-

вить итальянское издание книги, Бурцев охотно согласился и даже отказался от гонорара, но политическая ситуация в Италии менялась так быстро, что проект осуществить не удалось. Подробнее об этом см.: *Резник Семен*. Самуил Маркович Певзнер: По материалам семейного архива // Евреи в культуре русского зарубежья. Т.IV. Иерусалим, 1995. С.524.

17

2 апр<еля 1941>

Милый Ал<ександр> Абр<амович>, писать некогда и нечего. А вот получил сейчас письмо от Алд<анова> (от 5 марта!), кот<орый>, между прочим, сообщает, что «билеты Поляковым посланы». И спешу Вас об этом уведомить.

Пришло письмецо милой Ал<ександры> Яковл<евны> от 31 марта. Вчера получили амбаллаж¹. Ящик в 36 кило отправлен Вам в субботу, 28 марта. Т<атьяна> А<лексеевна> снесла для Вас кучу яиц. Пошлем. Будьте здоровы.

Мих<аил> О<соргин>

Рад за вас – уедете! Но и грустно же мне! Простимся заочно – и навсегда!

¹ Упаковка (от франц. *emballage*).

18

7 апреля <19>41

Дорогой Александр Абрамович, книги получены, спасибо. Писал ли я Вам, что получил из Парижа машинку, на которой и пишу? За ее приведение в порядок заплатил Морару 600 фр<анков> (тут входит еще цена нового валика для старой машинки), а в получении машинки «на хранение» дана моим поверенным расписка; обязан вернуть по первому требованию. Теперь мы с Тат<ьяной> Ал<ексеевной> пишем в четыре руки.

Прилагаю Вам вырезку из американского письма. Как видите, друзья на свете существуют. Я советую Вам, Ал<ександр> Абр<амович>, написать либо Рывкину, либо Певзнеру (первый Самуил Марк<ович>, второй Иосиф Александр<ович>, адреса прилагаю¹), поблагодарить за хлопоты и сказать им, что Вы мне написали, т.е. что дело не столько в деньгах, сколько в визе и прочее. Надо Вам с ними быть в контакте. Певзнер, живя в Вашингтоне, ближе к властям, и он тоже милый человек. Он меня растрогал тем, что послал

немножко денег для Бурцева, хотя сам нуждается. Я уже перевел деньги, хотя еще не получил. И вообще лучшие из наших американцев не забывают об европейских людях. Но только... успеют ли много сделать, пожар разгорается. Но действовать нужно.

Что же рассказать Вам? Живем по-прежнему, только стало много хуже с продовольствием; для себя еще находим, а другим, в Париж и св. Жен<евьеву>, посылаем с трудом, хотя Таня в этом смысле делает всякие чудеса. Я пишу, как каторжный. За восемь вот таких страниц мне платят «Нов<ое> рус<ское> сл<ово>» 10 долларов – 400 фр<анков>. А ведь это прежних 16 страниц. Чтобы жить, посылаю, так<им> обр<азом>, больше 10 фельетонов нашего размера в месяц. Печатают так, что мурашки по телу бегают, – по части «опечаток». Пишу на папиросной бумаге – 8 страниц на один клипперный конверт в 10 грамм<ов>. И все доходит – получены пока 46 моих клипперов, под номерами. И оттуда все получаю. Жду теперь посылки, что-нибудь вроде чаю и кофею, а то и мыла. Давно жду. А трудно мне работать, А<лександр> А<брамович>, в голове шумы, сердце с перебоями, сейчас начала болеть поясница. В общем же «здоров». Хочется еще пожить, неудобно умирать как бы в дороге.

Из Парижа была вчера кучка писем, от друзей и родных. Бодятся, надеются, сами, верно, не зная, на что. Кто работает, а кто и так тает. Потеплело – ну и рады. Впрочем, получше стало и с продовольствием. Обещают водки прислать, – а я пока потягиваю местное вино, от него лучше спится (без мягкого знака в середине).

Кланяюсь Вашей Наташе и поздравляю ее с тем, что она сумела поддерживать родителей. Она служит с моим приятелем, Мильнером. Он делец и добрый человек. Прошу ее ему поклониться.

Страшное приближается время, А<лександр> А<брамович>, – с 15 апреля до 15 июня нельзя рыбу ловить. Я только на речке и забывал о горестях, не знаю, что теперь буду делать.

Из Парижа, между прочим, пишут, что тамошняя дрянь учреждает «нац<ионал>-соц<иалистский> комитет» под председательством Модраха², в надежде отстранить и заменить Макл<акова>³ в заведовании русскими делами. А Горчаков больше не в фаворе.

Знавали ли Вы Ив<ана> Ив<ановича> Лодыженского? Он писал мне радостно из По, что едет, наконец, в Лиссабон и дальше – в Америку. А в Лиссабоне у него умерла дочь, милая девушка. И слышали ли, что Слоним⁴ и другие, с ним уехавшие, застряли на каком-то пароходе, который вернулся, но пассажиров обратно на берег не пустили. Много приятного.

Подписался на «Трибюн де Женев» и получаю⁵. Все-таки хоть что-нибудь толковое узнаешь, при всей скромности и сдержанности швейцарской прессы. Катенька⁶ пишет изредка; держит связь с Америкой по части помощи здешним людям; много делает.

Как же решил Пав<ел> Ник<олаевич>, куда едет? Плохо ему с такой мамой⁷. Вот если бы она могла варить обед, стирать белье без мыла, по лавкам бегать, добывая потроха и свиные ножки, – вот бы тогда ему хорошо было пожить здесь. Кто перетянет, он или его сверстник, симпатичный шеф? Надо бы какому-нибудь чуду случиться, как Вы думаете? Без чудес трудно. А как скучно, А<лександр> А<брамович>, Вы еще не знаете, как скучно, нужно для этого пожить в одиночестве, как мы! Когда луна – вою, когда луны нет – вдвое. Горжусь поговоркой моего сочинения.

Ну, застучало в голове; сегодня уже написал свой очередной фельетон. Уж и газетка! Объявление: «Самая модная в Америке баня». А каковы заметки о собраниях и митингах: «Примут участие: Н.Авксентьев⁸, Абрамович⁹, Николаевский, Сирин-Набоков...». Чистый Париж.

Шлем всем вам сердечный привет

Мих<аил> Осорг<ин>

¹ Приписка на полях: «*Mr. Pevsner*, 1901, 4 Str. N.W. Washington D.C. U.S.A.; *Mr. Josef Riwkin*, 50 West 77th Street. New York City (последний адрес новый; я Вам сообщал, кажется, только прежний)».

² Имеется в виду профашистский Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во Франции, созданный в апреле 1941 года и возглавлявшийся Модрахом, а с июля 1941 Ю.С.Жеребковым. Еще несколько месяцев спустя приказом *Militarbefehlshaber in Frankreich* от 21 апреля 1942 года Комитет взаимопомощи был реформирован в Управление делами русских эмигрантов во Франции под руководством Ю.С.Жеребкова.

³ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – адвокат, общественно-политический деятель, публицист, член ЦК партии кадетов, депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственной думы; в середине октября 1917 выехал в Париж в качестве посла России во Франции, в связи с октябрьским переворотом аккредитации не получил, оставался неаккредитованным послом России до 1924; с 1924 председатель Русского эмигрантского комитета при Лиге Наций; в 1945 искал пути к «примирению» с советской властью, в феврале нанес визит советскому послу Богомолу.

⁴ Слоним Марк Львович (1894–1976) – литературный критик, историк литературы, публицист, переводчик, мемуарист; в эмиграции с 1918 (Италия), в 1920 переехал в Прагу, соредатор журнала «Воля России» (1922–1932); с 1932 постоянно жил в Париже, возглавлял агентство «Европейское литературное бюро»; в 1941 уехал в США, преподавал русскую литературу в американских университетах.

⁵ «Трибюн де Женев» (*Tribune de Genève*) – ежедневная вечерняя газета на французском языке, основана в 1879.

⁶ Е.Д.Кускова.

⁷ Речь идет о второй жене Милукова.

⁸ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) – общественно-политический деятель, член ЦК партии эсеров, министр внутренних дел Временно-

го правительства, председатель Уфимской директории, в 1918 выслан колчаковцами в Китай; в Париже с начала 1919; соредатор журнала «Современные записки», один из основателей и первый досточтимый мастер (1924-1928) масонской ложи «Северная звезда»; в 1940 переехал в США, член редколлегии журнала «За свободу» (1940–1943).

Абрамович Рафаил Абрамович (наст. фам. Рейн; 1880–1963) – общественно-политический деятель, один из лидеров Бунда (с 1901), в эмиграции с 1920, глава Заграничной делегации ЦК Бунда, редактор (вместе с Мартовым) «Социалистического вестника», член бюро исполкома Социалистического рабочего Интернационала; с 1940 в США.

19

12 мая 1941

Дорогой Александр Абрамович, получили Ваши письма. Тат<ьяна> Ал<ексеевна> сделает, конечно, все возможное, чтоб <нрзб. – дефект копии> можно. Яйца гарантирует – они еще не исчезли у нас. Сыру, кажется, не добыть (сыр-то есть, а не добыть карточек). Притом мы сейчас готовим основательную посылку военнопленному (Сосинскому¹), а сыр посылать ему можно. Но вот что **ВСЬМА ВАЖНО**: вам придется послать нам обратно по жел<езной> дороге «амбалаж», т.е. корзины, бумажки и даже солому. Пошлете сразу две, когда получите новую посылку. В этом недостаток страшный; выписываем из Парижа даже рваные картонки, в которых отправляли туда. Косим траву, чтобы завертывать яйца, – да мал наш участок. А на бумажки я извел целую пачку так называемой «клипперной», на которой писал статьи (по-моему, она просто гигиеническая). И больше нет.

Отплатить же можете (если можете) одним: прислав какого угодно табачку. Сегодня мне выдали полпачки серого, а вчера собирал окурки. У нас только один таб<ачный> магазин с сумасшедшим хозяином, бьющимся в истерике. С табаком совершенное несчастье. У меня тоже начинается истерика. Но есть ли в Ваших столицах это зелье? Пришлите, если найдете, *что есть и в любом количестве*.

Если же будет милость и досуг – еще пришлите десятка два конвертов для клиппера, *легчайших*, т.е. без подкладки. Лучшие с косою надписью «пар авион» в левом верхнем углу. Мне присылали большой пакет, где бумага и конверты, так и продается пакетом. Бумага не нужна, пишу на папиросной (купил старую копировальную книгу). Ухитрюсь доводить вес восьми листиков бумаги, конверта и марок лишь до 10 грам<мов> – вот это идеально. Образчика не могу послать – осталось лишь два конверта.

Условия – во всем, вплоть до пересылки, – точно считаются – извещать о затратах. Кто кого в трате переплюнет – тот и кредитор

до будущего раза или до «перерыва отношений»; скоро, кажется, и посылать друг другу будет нечего.

«Нов<ое> рус<ское> сл<ово>» – дикий ужас. Мне там такие делают опечатки, что при всей привычке – ахаю. Вплоть до какой-то «порки кровных родителей». Но это наплевать, а знаете ли, как газета начала со мной рассчитывать? Стала печатать две статьи вместе, платя за одну. Две статьи, это, приблизительно, 10 обычных страничек машинки, или двенадцать, – два фельетона «Посл<едних> нов<остей>». И за это они заплатили 2 дол<лара> с половиной, т.е. 100 франков (за вычетом пересылок и проч.). И вышло, что я пишу 16 фельетонов в месяц за 800 франков, из которых трачу на авионы около 100. На днях я послал свой отказ дальше работать (ведь сил нет, милый, и смысла нет, раз я и 2000 фр<анков> не могу заработать). А вчера получил от своего друга телеграмму с просьбой продолжать присылать 10 статей с достаточным обеспечением; очевидно, он устроил перевод некоторых для Швеции, а остальное будет отдавать <в> «Н<овое> р<усское> сл<ово>». В Швеции мне за 10 страничек платят 750 фр<анков>, да особо переводчику. Как все это ни тяжело, приходится работать дальше. А уж и паршивая же газета это «Н<овое> р<усское> сл<ово>»! Я тоже получаю иногда номера от Даманской – ей присылают из Швейц<арии>.

Очень больна Кускова – рецидив воспаления легких.

Я было тоже прихворнул с неделю (в первый раз здесь), но ведь нельзя хворать, работать надо. Скучно без рыбной ловли – сезон закрыт до середины июня. А к тому же рыба – штука съедобная. Мы не голодаем, но, конечно, подголаживаем и в весе потеряли. Мне терять нечего (вернулся к скелетообразности и на этом остановился), а Таня пока лишилась 6 кило. К счастью, помогают яйца – их и едим; скоро им предвидится конец – куры устали и просятся заводить цыплят.

Насчет Вашей земли дать совет невозможно. А сказал бы я так. Если Вы поедете в Америку, скорого возвращения не ждите, – тогда и о земле лучше забыть. Продавать же раньше – какой смысл? Купят ее сейчас за гроши, пользуясь «случаем». Вырученных денег хватит Вам на полгода и меньше (купчая, вычет налогов, может быть, что и недоплочено, процент комиссии и проч.). Стоит ли? А подождать... может быть и рискованно, отнимут. Пока прямой угрозы нет, хорошо бы участок сдать, оговорив, что лишь до конца войны. При тревоге – продать. Не лучше ли *возможно* потерять деньги, чем *наверное* потерять землю, которую Вы любите? Это Вл<адимир> Андр<еевич> торопится, он любит продавать и покупать чужое. Так думаю, а впрочем – не знаю, прав ли я. Знаю только, что мой корявый участок спасает от тоски жизни наших стариков, и что сами мы живем надеждой его увидеть снова. А куда ему до Вашего! Деньги же – дело плевое. Еще подумайте, нельзя ли переуступить своему чело-

веку, для формы, хотя это сопряжено с расходами, и не с маленькими. И налоги платить все равно придется. Война не кончена, А<лександр> А<брамович>, и даже конца ей не видно. И не предскажешь, кто увидит небо в алмазах.

Если будете проходить по улице мимо книжного магазина и увидите книгу: Morice Magre. Le livre des certitudes admirables. Ed. Aubanel² – цапните ее и пошлите мне. Не знаю, откуда выписать. Кажется, вышла только что, я о ней читал в «Тан»³.

Словами не выразить, в какой тоске мы, скотинки, живем. Иногда во сне реву белугой – наяву стыдно.

Какую бы мне газету выписать? Читаю местную, дрянненькую, получаю еще «Тан», получаю «Кандид», но отказался – уж очень грязная. Получаю женевскую «Трибуну». Но нужно какую-нибудь здешнюю, нашей зоны, хоть чем-нибудь отличающуюся от других. А образцов не имею – здесь газет нет. «Пари-Суар» видел, не годится. Чтобы не вполне дрянь.

Сию и жду посылки из Парижа, за ней пошла Таня – если только будет посылка. Случается это раз в два месяца, не чаще. Новости приходят. И обещали водочки – скучаю по ней.

Шлю привет всему семейству. Если будете писать Павлу Ник<олаевичу>, то скажите ему, что мой адрес просто: Фамилия и город (и департам<ент>). А то он переслал мне письмо Маркова⁴ по старому адресу. Квартиру мы, может быть, к зиме переменяем. А почта нас знает и без адреса.

Обнимаю Вас дорогой друг,

Мих<аил> Осор<гин>

Увы, посылки не получил! Хотел поделиться новостями – не вышло.

¹ Сосинский Владимир (наст. имя и фам. Сосинский-Семихат Бронислав Брониславович; 1900–1987) – поэт, переводчик, литературный критик, журналист, мемуарист; в эмиграции с 1920, во Франции с марта 1924; с 1928 участник литературной группы «Кочевье»; с 1939 доброволец французской армии, в 1940 попал в плен, откуда впоследствии бежал; с ноября 1943 участник французского Сопротивления; с 1944 член Союза русских (затем советских) патриотов, в 1946 принял советское гражданство, с 1947 по 1960 сотрудник ООН (Нью-Йорк), в 1960 вернулся в СССР.

² Читается предположительно.

³ «Тан» (Le Temps) – французская газета либерального направления, основана в 1861, выходила до 1942.

⁴ Вероятно, речь идет об Александре Прокофьевиче Маркове (1885–1973), экономисте, публицисте, сотруднике парижского Русского коммерческого института и Франко-русского института, сотруднике «Последних новостей», члене ложи «Северная звезда».

23.V.<19>41

Дорогой Александр Абрамович,

Табачок и конверты получил, спасибо! Какие шикарные сорта! А я сижу только на Tabac gris!¹ Больше не посылайте, я получил еще из другого места, и у нас снова появился «gris», так что живем. Получил еще водки, коньяку – хожу пьяный, лежу тоже пьяный! Жизнь прекрасна!

Надеюсь, что и Вы получили нашу посылку. Сосчитаемся на досуге.

Какие дела у плавающего капитана? Человеком стал? Сотрудничает?²

Екат<ерина> Дм<итриевна> болезнь перенесла, но еще далека до поправки. Было очень плохо; дней пять уже не имею «бюллетеней» от Даманской, которая ухитряется в Женеву телеграфировать. Она живет в 20 минутах от Женевы.

Все еще получаю швейц<арские> газеты – а хотели их пресечь. «Temps» я получаю тоже – и уважаю полную приличность.

Тат<ьяна> Ал<ексеевна> просит передать, что отправлять Вам посылки ей доставляет удовольствие, но она не знает, найдется ли, что отправлять, т.к. яйца исчезают, овощи не поспели, а остальное требует карточек. Но что сможет – пошлет. Кое-что по знакомству добывается.

15-го мая переслал Вам 3 письма Влад<имира> Андр<еевича>. От него же послал Мил<юко>ву. И еще послал Вам, по просьбе Даманской, «Н<овое> р<усское> слово».

Тоска какая! Я провожу 10 часов в спальне, 12 часов в кухне (она же и кабинет, и столовая, и приемная, и курительная, и ванная) и иногда до двух часов на улице и в огороде. Читать нечего, писать смертельно надоело. Никогда никого не вижу и говорю только с Т<атьяной> Ал<ексеевной>. Пишу, кроме статей, книгу. В «Рус<ских> зап<исках>»³ печатались мои «Детство» и «Юность»⁴. Добавляю к ним «Зрелость», «Старость», «Дряхлость», «Смерть», «Истление», «Вырастание лопуха», еще что-нибудь. Добавлю в начале «Утробное состояние» – и издам по-шведски на Нобелевскую премию.

Дамам целую ручки, всем кланяюсь. Привет от Тани.

Мих<аил> Осор<гин>

¹ Серый (*фр.*) – дешевый сорт табака; по описанию Осоргина, «самый дешевый трубочный, ни с чем не сравним, даже с высушенным и измолотым трупом» (*Осоргин М.* В тихом местечке Франции. Указ. изд. С.36).

² Речь идет об А.П.Лукине, в годы войны заявлявшем о необходимости антибольшевистского союза с немцами.

³ «Русские записки» – общественно-политический и литературный журнал, выпускавшийся в Париже с июня 1937 Н.Д.Авксентьевым, И.И.Бу-

наковым-Фондаминским, М.В.Вишняком и В.В.Рудневым на средства русских эмигрантов в Шанхае. С 4-го номера (апрель 1938) единственным редактором журнала стал П.Н.Милуков, секретарем М.В.Вишняк. Всего до сентября 1939 вышел 21 номер журнала. Подробнее см.: *Павловец М.Г.* «Русские записки» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т.2. Ч.П. М.: ИНИОН, 1997. С.258-266; *Вишняк М.В.* Указ. соч. Гл.9.

⁴ *Осоргин М.* Детство // Русские записки. 1938. №6. С.65-89; №7. С.59-77; *Осоргин М.* Юность // Там же. 1938. №10. С.7-47. В качестве продолжения цикла вскоре появилась «Молодость» (Новый журнал. 1942. №1-3; 1943. №4-5). Все три части вместе позже вышли отдельным изданием: *Осоргин М.* Времена. Париж, 1955.

21

20.VI.<19>41

Милый друг А<лександр> А<брамович>, мы, наконец, съездили вчера самостоятельно в нашу столицу и выяснили наше положение. Нас не гильотинировали, и мы, наконец, свободны в пределах нашего местечка. Светлая жизнь продолжается, особенно, если бы не читать газет. Но читать приходится, и это тяжело. *Finis Russiae?*¹ Я полон пессимизма. Но хуже всего то, что чувства в душе перегорели; смотрю на все издали, с того света. Да и сердце иначе не выдержало бы – оно у меня совсем плохо, переработало и истрепалось.

Все еще пишу для Ам<ерики>, но меньше. Пишут, что газета не платит. А и платила грош. Пока мы держимся. Пока есть почта – как-нибудь не пропадем. Но заставляют меня книги писать – а сил нет никаких и, хуже всего, чувствую, как способности ослабели (старость!). Пишу плохо. Пора в отставку.

Наших стариков не тронули; других – «индивидуально».

С табачком плохо, храню окурки. Но помогают некурящие. Та-ня пошлет Вам яиц, когда будут; сейчас еще нет, задержка. Потому она и послала, на случай, картошки, которой много.

Будьте здоровы и благополучны. Как Пав<ел> Ник<олаевич>?

Ваш Мих<аил> Осор<гин>

¹ Конец России (лат.).

22

3.VII.<19>41

Милые друзья, мы провели денек, подражая Вам; спать было душно¹. Теперь опять дома – условно на неделю, но надеемся тут и остаться. Все кругом так милы и приветливы, что не хотелось бы

уезжать. Провожали и встречали нас со слезами и объятьями². На душе, конечно, тяжело и *пусто*, чувства потухли и даже думать не хочется. Пишут, между прочим, что к нам приезжали в Square звать нас в гости, но, естественно, не могли застать. А в остальном все по-прежнему, очень жарко в нашей хибарке; сняли горох и бобы, не с чем есть салат, а вчера ели и собственную картошку – наслаждение. Рыбы ловить пока не могу, прочно сижу дома. Таня бегаёт и хлопочет по всяким делам, хозяйственным и иным, своим и чужим, – столько у нее энергии! С деньгами тоже пока управляемся, хотя из Н<ью>-И<орка> ничего нет, ни писем, ни известий. Возможно, что через неделю, числа 8-го, съездим в соседний город, но засидеться там не хотелось бы, здесь приятнее.

Очень ждали Вашего письма – чтобы иметь от Вас вести. Пришло скоро – на другой день; а то ходят письма по месяцам.

И табачок, и деньги получили. Табачок временно спас – у нас выдают пачку gris на три дня, мне не хватает. А скоро, по-видимому, уменьшат в несколько раз. Гибель! Нужно бросать – а нельзя, сердце не велит. А, уж это сердце!

Опять потеряли полархива! Не нужно было накапливать. Ужасно смешные люди! На какой чорт все это нужно? А жить было бы так хорошо. Не задыхаетесь ли в городе? У нас хоть по вечерам прохлада. Одинец³, Фондам<инский> и другие не выходят подышать, не любят воздуха⁴. Хорошо, что мы в деревне. Земляники (лесной) здесь гибель, да варенья не сварить. Тани сейчас нет дома; как придет – припишет Вам. Привет мой! Будьте здоровы!

Ваш М<ихаил> О<соргин>

¹ После нападения Германии на СССР во Франции прошли многочисленные аресты русских эмигрантов, в проскрипционные списки попали и Поляков с Осоргиным; по разным сведениям, были арестованы от 120 до 1000 человек, см.: *Берберова Н.Н.* Люди и ложи: Русские мasons XX столетия. Харьков, М., 1997. С.109; *Любимов Л.* Указ. соч. С.294; *Кривошеин И.А.* Так нам велело сердце // Против общего врага. М., 1972. С.268-269; *Малышева С.* Автографы Компьенского концлагеря // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып.5. Иерусалим, 1996. С.22-32. См. также следующее письмо.

² Ср.: «Трогательнейшее проявление сердечности со стороны знакомых и совсем посторонних людей. Общее естественное желание оправдать свою страну, которая не совсем самостоятельна в действиях» (*Осоргин М.* Письма о незначительном. Нью-Йорк, 1952. Цит по: Русский Париж. Указ. изд. С.354).

³ Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950) – историк права, с начала 1920-х в эмиграции в Польше, член Русского эвакуационного комитета (1921), сотрудник газеты «За свободу», затем во Франции, профессор Сорбонны и Русского народного университета, глава Тургеневской библиотеки (1925–1940), в годы Второй мировой войны один из руководителей Союза русских патриотов, редактор газеты «Советский патриот» (1945–1948), в

марте 1948 депортирован в советскую зону оккупации Германии, затем в Казань, преподаватель Казанского университета (1948–1950).

⁴ Фондаминский и Одинец содержались в Компьенском лагере «Фронт-Сталаг 122»; Одинец через несколько месяцев был освобожден, Фондаминский отправлен в Освенцим.

Дорогой друг А<лександр> А<брамович>, мы задыхались от зноя, а вот сейчас прошла гроза, полегчало, и я способен писать. Сердце мое неважно работает. Дела наши таковы – говоря кратко. Подобно всем, были мы посажены в кутузку, здесь в нашем городишке, где и провели ночь в каморке без окна, на грязном сенном мешке, под двойным запором. Наутро врач воспретил меня везти в наш губернский город, предписав 8-дневный покой. Таня послала префекту телеграмму с просьбой оставить меня в покое на ее попечении. Вероятно, вследствие этой телеграммы вот уже десятый день нас не беспокоят, говоря, что «ничего не известно»; а бумаги отобраны. Может быть, не стоило жить двадцать лет во Франции и считать ее «второй родиной», – но уже не исправишь. Нужно сказать, что здешнее население, которое нас хорошо знает, проявило к нам столько милого внимания, на улицах прохожу нет от улыбок, рукопожатий, возмущенных слов и проч., что мы утешены. Мне сейчас лучше, хожу на бережок ловить рыбу. Но тоска на душе необъятная и даже иногда жалею, что мы не уехали в Америку все четверо, как нам предлагали, а остались «разделить судьбу Франции» – из сентиментальных чувств и... по лени. – Горе в том, что работать не в состоянии и за месяц, вместо 10 статей, написал с трудом одну. Впрочем, уже два месяца не имею ни строчки из Н<ью>-Йорка, хотя вообще клипперы приходят. Для кого и для чего писать – не знаю.

Но жизнь тянем упрямо. Сейчас едим свой лук, свою фасоль, свою морковку и даже картофель; но огородик мал – и месяца не прокормит. Из наших краев пишут часто. Относительно Фонд<аминского> и Од<инца> – дело особое, не общее; и еще много людей; и в square особо. Но вообще подробностей не знаю.

Во вторник 8-го послали Вам корзину овощей, на случай нужды в картошке. Овощи всегда есть; но Таня просит сказать ей, нужно ли Вам это и не выходит ли дорого.

О журналистах я в «Temps» не прочитал, а газета уже сожжена; жалею. Но ведь мы не журналисты, а никто, – потому с нами так и обращаются. – О бедном Словцове¹ Вы мне писали, – мы оказались живучее! А как П<авел> Ник<олаевич>? Его не обидели? Или 85 лет, профессорское звание и бывший министерский пост тоже не защищают от милого обращения? Я о нем беспокоюсь.

С табачком плохо! Получаю пачку grig через два дня на третий, а курю – или хочу курить – пачку в двое суток. Сам делаю папиросы, собираю свои окурки и курю их в трубке.

Усталос<т>ь духа такая, что и думать о происходящем не хочется. Это уже не для нас, это для потомков (которых у меня нет). Смотрю на современников и на предстоящее из того далека, куда уже скоро уйдет мой поезд; но был бы рад дожить до гибели грузина, а за ним слесаря, а за ним и макаронника².

Будьте все здоровы! Машинка моя в загоне, пишу рукой, – скорбя, что причинаю лишний труд контролю. От вас письма получаю теперь скоро, а вы от меня, вероятно, на 20 день. Это не много! Мы получили вчера письмо из Софии, шедшее ровно полгода, – с англ<ийским> контролем! Точно шло пешком на костылях!

Обнимаю Вас,

Мих<аил> О<соргин>

¹ В июне 1941 скончался Р.Словцов (наст. имя и фам. Николай Викторович Калишевич; ?–1941) – журналист, литературный критик, мемуарист, сотрудник «Киевской мысли» и «Русского слова»; после революции в эмиграции в Софии, с начала 1920-х в Париже, с 1923 года сотрудник «Последних новостей». 11 июня 1940, за сутки до вступления немцев в Париж, выпустил последний номер газеты.

² Т.е. Сталина, Гитлера и Муссолини.

5 ноября <19>41

Дорогой друг, получил Ваше письмецо от 1 ноября. Редкий случай быстроты. Почта стала чудовищем и никаким «редрессманам»¹ не поддается. – Тронут обещанием зимнего привета старой дирекции². – Вам вчера отправлена еще посылка. С картошкой обманули – обещали разрешить и не исполнили; плохо получается с «доверием». И все-таки отказываемся от нью-йоркских курортов, хотим испить чашу до дна из любви к старой Европе.

Несколько к Вам просьб. Не могу курить без деревянных мундштуков, простых *вишневых*. Нет ли в Ваших краях? И еще у нас забота – хочется обить окно полосками войлока или чем-нибудь соответствующим, а здесь не найти (это называется «бурле»).

Курю я так. Берется четверть пакета «таба гри», прибавляется равная порция кукурузных волокон, столько же сухих листьев земляной груши (топинамбур), столько же листьев мяты, да иногда подбавляю (мне прислали из Лиона) какой-то растительной крошки под названием «фюмоль»³, да чуточку эвкалипта, а то и петруш-

ки. Это на два дня – штук пятьдесят папирос. Воняет, ежесекундно тухнет, но слегка напоминает ароматом степной пожар и дымящуюся кучу навоза.

А вот просьба посерьезнее. Я Вам писал про книжку Т<атьяны> А<лексеевны>, выходящую у Стока (уже читается корректура и едут из Нью-Йорка рисунки). Это – переделка «Капитана Памфила» Дюма-отца. Много зверушек, весело. Вероятно, выйдет и в Америке. Набрел я на книжку случайно, перечитывая здесь всего Дюма подряд – томов сорок. И вот теперь хочется сделать еще такое открытие. Нужна какая-нибудь хорошая, не детская вещь, которую легко приспособить для детей, чтобы было много зверей очеловеченных или забавной экзотики. Думал о Фабре («Сувенир антомоложик», десять огромных томов⁴, половину которых я читал), но и не достать, да и не совсем то, насекомые, и переделать трудно. Что-нибудь полегче – не припомнит ли Наташа? Затем я хочу дать американскому издательству идею издать два рассказа Куприна с иллюстрациями Рожанковского; один – о козленке, ставшем козлом (прелестная вещь!), а другой, не хуже, о больной девочке, которой хотелось иметь живого слона, – и отец добился, что ей привели слона домой⁵. Мне кажется, что один из этих рассказов был в книжке, которую меня заставляла переводить на фр<анцузский> язык Наташа, когда меня обучала в Париже. Как бы эту книжку достать? Другой же рассказ в книге Куприна «Храбрые беглецы», изданной в Париже⁶; была у меня, да похищена варварами. Вот нет ли способа эти книжки раздобыть в Монпелье, если там есть подобие русской книготорговли? Знаю, что задание мудреное, но на случай пишу – вдруг у Наташи книжка сохранилась.

Не знаете ли, кто такой М.Л.Ситрон, бывший редактор киевских (кажется) медицинских изданий и сытинской «Детской энциклопедии», врач⁷, живет теперь в нашей провинции, сельскохозяйствует, написал мне письмо. Я знаю двух Ситронов, оба мне не нравятся, но это третий, может быть, и не той семьи.

А у нас во дворе (а больше в комнате) живет щенок Нокс, порусски Кутя, страшный зверь, наша единственная забава.

Относительно Л.Львова⁸ не верится; все же он из «Рус<ских> вед<омостей>»⁹ и хоть и нелеп, а порядочный человек; какую газету можно издавать под вражеской пятой, да еще сейчас?

Скажите еще, как это происходит, что люди (Седых и проч.) катаются, а мы, например, ограничены десятью километрами округи? Или у вас законы другие? Не понимаю.

Т<атьяна> А<лексеевна> прибавит записочку. Будьте здоровы.

Мих<аил> Осор<гин>

¹ Восстановлению, исправлению (от *франц.* redressement).

² Вероятно, речь идет об очередном денежном переводе от дирекции «Последних новостей», см., напр., письма Милюкова Осоргину от 22 и 24 мая 1941 (Новый журнал. 1988. №172/173. С.533).

³ Смесь для курения (от *франц.* fumer – курить).

⁴ Фабр Жан Анри (1823–1915) – французский писатель и ученый натуралист, главный труд его «Энтомологические воспоминания» (Souvenirs entomologique. Т.1-10. 1879–1907), переведенный на многие языки, состоит из 220 т. наз. «мемуаров», каждый из которых представляет собой рассказ о наблюдениях за насекомыми.

⁵ Речь идет о рассказах А.И.Куприна «Козлиная песнь» (написан в 1917 для детского журнала, выходявшего приложением к журналу «Нива»; в 1920 опубликован в первом номере парижского детского журнала «Зеленая палочка»; вошел в сборник «Храбрые беглецы») и «Слон» (впервые: Тропинка. 1907. №2).

⁶ Куприн А.И. Храбрые беглецы: Рассказы для юных читателей. Париж, 1927.

⁷ Вероятно, речь идет о Марке Львовиче Цитроне, до 1917 проживавшем в Киеве по адресу: Александровская ул., 27. Т. наз. «сытинская» «Детская энциклопедия» (В 10-ти тт. М., 1913–1914) выходила под ред. Ю.Н.Вагнера, С.А.Князькова, И.П.Козловского, Н.А.Морозова, С.И.Метальникова, М.В.Новорусского.

⁸ Львов Лоллий Иванович (1888–1967) – прозаик, историк литературы, журналист; в Париже с 1920, сотрудник газеты «Возрождение»; в годы войны сотрудничал в пронацистских изданиях; с 1945 жил в Мюнхене, с 1950 сотрудник русской службы радиостанции «Свобода» и Института по изучению истории и культуры СССР.

⁹ «Русские ведомости» (М., 1863–1918) – ежедневная газета, с 1870-х орган либеральной интеллигенции, с 1905 перешла к кадетам.

19 ноября <19>41

Дорогой А<лександр> А<брамович>, подкидываю письмо Андрэ Седыху, – куда-то затерял его адрес, да и не уверен в прочности его местожительства. Не откажите ему переслать. Хочу журналистски узакониться в этой полосе.

Заботами Вашими (спасибо!) курю из новых мундштуков мяту с земляной грушей. Окно обито великолепным войлоком, хватило и на дверные щели. Жизнь продолжается. Все еще хожу на бережок пугать рыбу – погода теплая, кусок зимы выигран. Едим так много картошки, что хочется говорить по-немецки, да жаль обижать свою славянскую расу.

Вчера получили Ваш перевод (67), а перед тем письмо. Если что нужно Вам сообщить, то припишу, когда вернется Таня с каких-то

соседских похорон (обязательство и местное развлечение). 10-го Вам отправлена посылка, судьбы которой еще не знаем.

С Парижем мы сносимся только междузоновскими открыточками, так что раздобывать книжку мудрено. Попытаюсь в Лионе или в Ницце – есть там люди. Скоро пошлю Вам стенограмму официальной речи Жеребкова в Париже – высшего эмигрантского начальства, аккредитованного при германском командовании и в Виши¹. Любопытно. Зубры смущены: ни тебе прогонов, ни подъемных, ни поместий!

Сейчас вернулась Таня. Просит написать, что готова отправить еще и еще, но лучше подождать извещения, что получили последнюю посылку, так как сейчас столько строгостей, что в них не разберешься. Послана Вам капуста и прочее; дело, гл<авным> обр<а-зом>, в любимом овоще и в пакете зернышек. Любимый овощ куплен, мешок. Цена та же (125).

Щенок благодарит за лапопожатие. Искусал и изодрал кресло и наши ноги. Жрет все, включая сосновую кору, но предпочитает творог, сырные корочки, печеные сладкие груши. К вину чувствует неприязнь, к водке прямое отвращение; я пытался приучить его. Дружит с кошкой, от которой получает пощечины.

Пьем чай за Ваше здоровье. – Не забудьте вычесть с нас что на нас израсходовали.

Кланяемся сердечно.

Мих<аил> О<соргин>

¹ Жеребков Юрий Сергеевич – артист балета, сын флигель-адъютанта Николая II, после революции в эмиграции в Германии, с мая 1941 в Париже, с июля 1941 возглавил Комитет взаимопомощи русских эмигрантов, созданный оккупационными властями в апреле 1941 (с 1942 – Управление делами русских эмигрантов во Франции; в качестве одного из отделов в Управление вошла редакция пронацистской русской газеты «Парижский вестник»); позже начальник отдела иностранных сношений Русского освободительного движения, министр иностранных дел Комитета освобождения народов России, в 1945 при попытке нелегального перехода швейцарской границы интернирован американцами.

Дорогой Ал<ександр> Абр<амович>, письмо с головы до ног деловое. О хозяйственной части в конце, когда выяснится, что Вам посылает сегодня Таня, а пока – соображения, вызванные переданным Вами известием о полученной для меня немалой сумме денег.

Тут у меня ряд сомнений и соображений, кот<орые> могут быть интересными и для Вас. Но изложение этого требует много строк.

Я, действительно, жду денег и удивляюсь, что не получаю. Но сумма почти вдвое меньше, хотя вслед за ней должна была получиться и еще такая же. Обычно получают деньги после телеграфного приказа, без задержки, и меня удивило бы, если бы кто-то мог узнать об этом раньше меня. Мне лично из этих сумм полагается совершенный грош, и притом он почти целиком уйдет на пересылку другим; во второй получке может быть для меня и больше, если продана моя книга и пристроен перевод книги Т<атьяны> А<лексеевны>. Таким образом, все может быть.

Но у меня родилась такая другая догадка. Нужно Вам сказать, что полтора года назад, в самом начале катастрофы, я получил приглашение переселиться в Америку, при чем была послана виза, обеспечен билет и высланы мне деньги на устройство дел здешних. Приглашение исходило от Лабур Парти, как и средства, и значился я первым в списке приглашаемых, причем мне обещался домик-дача для отдыха и... кафедры в университете для меня и, возможно, Т<атьяны> А<лексеевны>. Одним словом, — почет, объясняемый когдатошним американским успехом «Сив<цева> Вр<ажка>». Я отказался и от визы, и от денег, так как к тому времени выяснилась возможность заработка в газете и перевода книги. Извещал меня обо всем Р<ывкин>, но никто не известил здесь, ни о визе, ни о полученных суммах. Ведал же этим Никол<аевский>, с кот<орым> у меня отношения неважны. Когда он уехал, заместивший его временно И.И.Лодыженский написал мне, что делать с имеющимися моими деньгами, поступившими в их русское бюро давно (12 т<ысяч> фр<анков>). Я ответил, что не считаю их своими, но готов получить с тем, что здесь их с меня требовать обратно не будут, а в Америке их может выплатить мой лит. агент из моих заработков. Тем временем Лод<ыженский> уехал, и его заместитель выслал мне 9 т<ысяч> ф<ранков>, сказав, что была только эта сумма. И я успокоился.

Далее, когда я устраивал поездку приятеля-художника Рожанковского, получившего работу в Америке, Рыв<кин> просил меня, нельзя ли для скорости использовать часть средств, переведенных мне Лаб<ур> П<арти> на отъезд, прибавив, что денег этих не меньше 500 долл<аров>, если не 1000 д<олларов>. Я написал в Марсель, но там ничего о такой сумме не знали, и дело было устроено иначе (издатель Рож<анковско>го дал крупный аванс). Во всяком случае, я снова подтвердил, что остаюсь здесь и пользоваться деньгами не хочу, да и сомневаюсь в их существовании. На этом все переговоры закончились.

Теперь возникла у меня мысль, не имеется ли в Марс<еле> у кого-то сумма, о кот<орой> писал мне Р<ывкин>, и не через него ли Вы получили сведение? Ибо странно, если бы мне не выслали до

сих пор то, что получено телеграфным приказом теперь; уведомление я получил полтора месяца тому назад. Если же, действительно, дело идет о старых суммах, то, при изменившихся обстоятельствах, я не только взял бы часть, с расплатой там, но мог бы и Вам помочь в отъезде, известив, что деньги употреблены на Ваше переселение. На это я имею полное право, так как, в сущности, сумма дана в полное мое безвозвратное распоряжение (так мне писали), и я лишь не пожелал ею воспользоваться для себя, раз решил не ехать. Иное дело – помочь отъезду другого литератора с семьей – тут моя «щепетильность» исчезает, что естественно.

Вот поэтому прошу Вас точно мне сказать, как, и от кого, и кто узнал об этом и Вам передал. Чтобы можно было справиться.

Но если это, действительно, недавнее получение, меня не удивляющее по существу и мною ожидаемое, то дело иное. Конечно, для меня стеснительны такие благотворительные пересылки, тем более, что в маленьком местечке почта и не располагает крупными суммами; приходится, не получая, тут же заготавливать отправление. Вот почему я просил Мильн<ера> взять это на себя, тем более, что это деньги от родственников разной бедноте и идут по линии, что называется, национальной. Меня выбрали лишь как человека, не способного растратить, – в остальном я тут не при чем совершенно. К сожалению, от М<ильнера> я получил формальный отказ и, несмотря на наши отличные отношения, не хочу настаивать. Но если Вы могли бы ему объяснить и его попросить, я был бы, конечно, доволен, прислал бы и деньги, и адреса, как только получу (и если получу). Что просто для учреждения благотворительного, то не столь просто для частного лица, Вы понимаете. И суммы все маленькие, по несколько сот фр<анков>, целая работа для крошечной почты. Часть денег – жене художника – я отошлю сам. Но, повторяю, настаивать не хочу, при нужде управлюсь.

Оставляю место для добавки Тат<ьяны> Ал<ексевны> (почерк будет тот же). Шлю вам сто и тысячу приветов. Все-таки готовьтесь. Вон видите, какие могут быть случайности. Правда, вас такие деньги не устроят, тем более, что за пароход нужно платить там, и в валюте, да и нужно вам гораздо больше. Но для подготовки здесь и на расходы во Франции хватило бы с избытком. Ну, увидим. Пью за ваше здоровье рюмочку самогону. Таня уже тащит с базара кули какой-то зелени для своих иногородных «кроликов».

Нет, места не оставляю, пусть пишет на другом листке. – Жеребков выпустил еще одну повесть – пальчики оближешь – но не

могу прислать, длинна, а оригинал просили вернуть скорее. Очевидно, он – агент по набору болванов, и уже запутался с деньгами; оправдывается. А проф. Головин¹ (о кот<ором> писали, что поехал на родину помогать советами) с ним и еще проф. Таубе² и другие авторитетные персоны. Модрах куда-то «назначен» в далекий отъезд. А и много же на свете сволочи!

Едим сегодня рыбку. Живность, кажется, перевелась, придется вам подождать. Но куры начинают умеренно нестись, пока для самих себя. Простите, что обеспокоил Вас ходатайством о гвоздях и проволоке, но это, право, в общих интересах, нет ничего для починки и укупорки. А о мыле я упомянул лишь по малодушию, это трудно, знаю; это дело бросьте, весной умоюсь в речке. Кутя кланяется, учу его разным штукам; умный, но лентяй. – Обнимаю Вас, дорогой друг, кланяюсь Вашему дому.

Ваш Мих<аил> О<соргин>

¹ Головин Николай Николаевич (1875–1944) – генерал-лейтенант Генерального Штаба, военный писатель, историк, теоретик, педагог; профессор Военной Академии в Петербурге (1908–1917), в 1918 эмигрировал, с 1920 во Франции, профессор Русского историко-филологического факультета при Парижском университете, официальный представитель Гуверовской военной библиотеки в Париже (1926–1940), организатор курсов по изучению военного дела в Париже, Белграде, Русского военно-научного института в Брюсселе; в годы оккупации сотрудничал с гитлеровцами, был одним из руководителей Управления делами русской эмиграции во Франции, писал передовицы для «Парижского вестника», приговорен к смерти тайной армией французского Сопротивления, умер от разрыва сердца.

² Вероятно, речь идет о Михаиле Александровиче Таубе (1869–1961) – юристе, помощнике министра образования (1911–1915), сенаторе, члене Государственного Совета (с января 1917); после октября 1917 – в эмиграции (Финляндия, затем Париж).

Дорогие наши друзья, пришло от вас письмо от 9 марта... не по воздуху ли: от вчерашнего дня? День чудес, т.к. еще получил от Р<ывкина>, хотя и с некоторым запозданием... от 16 декабря! О последнем письме я знал, вернее, догадался из приятной беседы со специально приехавшими к нам побеседовать важными персонами, очень любознательными; это было недели две назад, и так как поговорили мы хорошо, то было мне дано обещание не оставить в неведении, что пишут мне издалека. Есть несколько строк и по Вашему делу, но устарелых. Вообще же утешительного мало (для меня),

придется возлагать последние надежды на литерат<урную> работу только в Швеции, уже без помощи моего милого переводчика, а прямо. На это и не проживешь, да и не знаю, возможно ли туда посылать книги и статьи.

Сочувствую Вашим зубным страданиям, милый А<лександр> А<брамович>; у меня «зубная боль в ноге», т.е. мой застарелый ишиас. У вас миндали цветут, у нас сегодня еще дотаивает снег. Невозможно и огородом заняться. И дрова наши кончились, никак новых не найдем (даже по 800 фр<анков> за корду; это значит кварта 150 фр<анков>, отопление 600 в месяц). С ума сойти!

Заготовлена вам корзина, сегодня отправим. Там будет и любимый овощ. Корзина новая, да жидковата, боюсь за нее. А что до проволок и гвоздей, то я сияю. Проволока уходит, правда, катастрофически, но зато гвоздями теперь богат – сижу и люблюсь. И еще медные – великая редкость и красота. – Приложу Вам счет с 1 января – выпишите из моих бухгалтерских книг. Что до расчета, то либо пришлите вперед круглую сумму (300-400), либо подождите, пока столько накопится за Вами. Мне безразлично, но чтобы мелочей не посылать. И вычтите, что на нас затратили, или сообщите сумму, я ведь не знаю.

Книги Авг<усты> Фил<ипповны>, как я думаю, пока – мечта и прицепка к жизни. Кажется, она думает их печатать, и роскошно. Я уже подписался на штуку. Замерзла старуха и измоталась; денег из Швейцарии больше не получает, невозможно, а ей туда посылали. Знаете, что стоит доллар фактически? Свыше 400 фр<анков>, а курс, кажется, 45. Как тут быть!

Кутя уехал, пока в столичный наш город, затем повезут его в деревню обучать охоте. Сколько слез пролито, снято 16 фотограф<ических> снимков, из которых 8 совсем не вышли, а 8 испорчены при проявлении. Без Кути в доме пусто, не с кем слово сказать. Идет переписка с новыми хозяевами Кути о том, что он любит, к чему привык. Хлопочем о «визе» – навестить Кутю. Да что говорить, наша жизнь потеряла половину смысла (которого, впрочем, не было).

Из Парижа еще нет вестей от наших. Танина сестра живет близко к Булони. Дрожим и ждем вестей.

Таня весьма сомневается, чтобы можно было получить разрешение муниципии для посылки вам картофеля, но наведет справки. Дают разрешение только «культиваторам», а мы к ним не принадлежим¹. А запастись для вас успели – как усмотрите из счета. Нынче все овощи запаз<дыв>ают из-за ужасной весны. И много померзло, в том числе капуста. И живности мало – крестьянам нечем кормить кур и кроликов. Яйца появляются штуками, о них еще рано помышлять. Когда будут – пришлем, и *если* будут. Плохи стали питательные дела. И хоть нам много лучше, чем вам, а на мне мяса больше не остается, одна остеология; на ходу цепляюсь бедрами и ребрами

за мебель. Спасаясь сивухой, но и она кончается, все соседи ободраны.

Тепла, только бы тепла, сил больше не хватает! Пухнут ноги, по утрам отмирают пальцы. Мать моя, мать! А знаете ли вы, что у алжирского бея под самым носом шишка?²

Обнимаю вас.

Ваш Мих<аил> Ос<оргин>

На 1 янв. было за Вами 128.35	Получено от Вас ЯНВ. 17 – 275
ЯНВ. 9 – Письмо №1 – 70.75	ФЕВ. 16 – 200
* Письмо №2 – 75	
19 № 3 – 103.40	Всего – 475
Пропущено в счете №3 – 9.50	
ФЕВ. 15 – Письмо №4 – 81.20	
23 №5 – 54.50	Истрачено – 671.90
МАРТ 8 закуплено картоф. 100	Получено 475.-
10 – Письмо №6 – 48.55	
671.90	За Вами – 195.90 (на 11 марта)

¹ Приписка на полях: «Сейчас вернулась домой и говорит: “Кажется, добила и получу” (мы ведь картошку все же сажаем!)».

² Неточная цитата из «Записок сумасшедшего» Н.В.Гоголя. У Гоголя: «Матушка! Пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?».

Дела-то словно бы не веселы, дорогой Ал<ександр> Абр<амович>, как бы не затруднилось Ваше путешествие. Все мои нити порвались, ничего не получаю. Настроение самое отчаянное, как ни стараюсь взять себя в руки и продолжать работу. Пытаюсь устроить хотя бы редкие переводы в Швейцарии, где мне предложили попытаться, рассказик напечатали, старый, в «Н<ойе> цюрих<ер> цейт<унг>»¹; получил за него пакет соленых помидоров, присланный из Тулузы. От Вошэ² ответа не получаю; надо бы с Немановым³ снести, да адреса не знаю (не пришлете ли, а, кстати, как Неманова звать?). А писал я Вошэ почти месяц тому назад. Сейчас быть «америк<анским> корр<еспондентом>» не сподручно, но мог бы считаться шведским, хотя и чисто литературной газеты. Хотя все это как будто и ни к чему. Хорошо бы раздобыть еще адрес Хараша, корреспондента «Н<ойе> ц<юрихер> цейт<унг>», я с ним знаком давно; он жил под Парижем, а теперь не знаю где, не в Виши ли.

У нас все еще холодно, нет настоящей весны, только дня два постояла – и ушла. Прерван на два месяца рыбный сезон – стал я безработным. Чиню корзины и башмаки. Курю мяту. Зато иногда пью коньяк – присылают друзья. Едим яйца – кудахчем. Денежки тают, мы тоже. Перспективы лихие. И вдобавок не достать больше дров; летом обойдемся, зимой совсем пропадем. Вообще, смотря вперед, чувствую себя наполеоновской армией.

Умерли и Ласкер⁴, и Капабланка⁵. Остался Алехин⁶. Об этом пишет мне Бернштейн⁷ – подлинный шахматный король, он, помоему, сильнее Алехина, только не хочет быть профессионалом. Какую бы такую профессию себе придумать, как Вы скажете? Писал Милюкову, предложил ему для подкрепления посылать яйца. Принял весьма благосклонно, и вообще он стал сознательно рассуждать о пищевых продуктах, так подробно. Овощей не хочет, говорит – осточертели. А хочет курочку и яиц, да нет ли, говорит, свиного сала⁸. Яичек на днях ему пошлем, сейчас корзины нет. А почерк стал у него ломаться, уже нет прежней ясности. Я ему, между прочим, написал для развлечения: «Известно ли Вам, что Волков был пощечиной человеческому достоинству сотрудников?» Дело, говорю, прошлое, можно быть откровенным. Если курочку найдем – жарим и пошлем ему, жаль старика; пускай пожует крылышко, а мамаше остальное. Таня сосчитала: двадцать пятый наш клиент. Но первый и лучший, самый легкий и удобный, семья Поляковых; никакой возни, одно удовольствие! Только вот не знаем, получили ли вы «псевдокролика» козлячьей породы, Таня беспокоится. Обещанный амбалаж ждем, а с ним и секкатер⁹ (простите, пожалуйста, что заподозрил Вас в невежестве, забыв, что имею дело с бывшим помещиком). Напишите, сколько стоит. Денежки ваши кончились, пришлю счет к 1 мая.

Кат<ерина> Дм<итриевна> пишет, да не все доходит. Готовит паруса – я не очень верю, вывернется. Боже мой, сколько нас, старья, на свете! И зачем коптим небо! Пишет мне старик Агафонов¹⁰: поздравь, в июле мне 79; я его знаю лет сорок, еще по прежней эмиграции. Крепкий, и водку пьет хорошо. Получил орден Поч<етного> Лег<иона> одновременно с Дон-Аминадой¹¹, очень мы его тогда поздравляли. Написал книгу об африканской почве, большой французский том, и читал один я (не очень внимательно), больше никто не смог. Я его привел в свой сад: «Определи, какая почва, что подбавлять». – «Это, – говорит, – не по моей части». Долго его бил за это.

Ну вот, о самом важном написал Вам, остальное пустяки. А ведь придется нам с Таней пропадать с осени, придется. Кажется, на этот раз не одолею, не поможет мой опыт и работоспособность; осечка на 47 году моей литературной работы. Да и сил настоящих, конечно, нет. Нет материала, моих книжных сокровищ, мне пособ-

лявших, почты нет, и дух ослабел, на ниточке держусь. Про тело и говорить нечего. Унываю я, дорогой друг, унываю. Скушно мне (не скучно, а именно скушно, тут разница). Знаю, что и Вам скушно. Не умеем мы быть безработными – всю жизнь тяжести таскали. Все же надеюсь, что Вы уедете и к делу пристроитесь, хоть и не с тем размахом, с каким можете. От души желаю вам. Будете газету стряпать, а меня, значит, в сотрудники. Командировочку там: «от нашего экстренного»... Ну и некролог хороший поместите, когда придет время: «земля пухом» и проч. Приятно.

Не знаю, на какой черт порчу Вам настроение; разве, чтобы себе самому облегчить. Простите. Которые умеют, те на что-то надеются. Тем временем дни бегут – бегут проклятые, даже страх берет, как мелькают дни в нашей тоске.

Будьте же здоровы, дому Вашему поклон.

Ваш Мих<аил> О<соргин>

Хотите – попытайтесь. Картошку найдем, а признают ли нас «producteur»-ами – вопрос другой. Муниципия раз признала, да не вышло дело с цент<р>ом; теперь может и выйти.

¹ «Новая цюрихская газета» (Neue Züricher Zeitung) – ежедневная газета, близкая по направлению к Радикально-демократической партии Швейцарии, издается в Цюрихе на немецком языке, основана в 1780. Статья Осоргина «О России и русских» в переводе В.Иоллоса был опубликована в №1832 от 15 ноября 1942.

² Р.Воше был прислан в Виши для организации нового Союза иностранных журналистов, поначалу готов был включить Осоргина в число членов союза, но впоследствии отказал; см. также письма Милюкова Осоргину от 4, 18 июня и 15 июля 1942 (Новый журнал. 1988. №172/173. С.540, 542).

³ Неманов Лев Моисеевич (1872–1952) – женеvский корреспондент «Последних новостей», сотрудник многих английских, французских и американских изданий.

⁴ Ласкер Эммануил (1868–1941) – немецкий шахматист, 2-й чемпион мира по шахматам (1894–1921).

⁵ Капабланка Хосе Рауль (1888–1942) – кубинский шахматист, дипломат, 3-й чемпион мира по шахматам (1921–1927).

⁶ Алехин Александр Александрович (1892–1946) – русский шахматист, 4-й чемпион мира по шахматам (1927–1935, 1937–1946); с 1921 жил во Франции.

⁷ Бернштейн Осип Самойлович (1882–1962) – шахматист, пользовавшийся широкой известностью в России; в Париже с 1920, см. отзыв о нем М.В.Вишняка в письме Б.К.Зайцеву от 31 декабря 1962: «Бернштейна я изредка встречал и в Москве, а потом в Париже и в Виши, куда мы оба попали при подходе Гитлера. Умный был человек. А в шахматы я с ним и не пробовал тягаться» (Русское еврейство в зарубежье. Вып.1(6). Иерусалим, 1998. С.257).

⁸ См. письмо Милюкова Осоргину от 16 апреля 1942 (Новый журнал. 1988. №172/173. С.536).

⁹ Садовые ножницы (от *франц. sécateur*).

¹⁰ Агафонов Валериан Константинович (1863–1955) – почвовед, геолог, писатель, с 1921 профессор Сорбонны, с 1932 часто посещал Африку, составляя почвенную карту, за работу над определением почв, в частности, Туниса, был награжден рядом премий и золотой медалью французской Академии и орденом Почетного легиона; во время войны организовал в Ницце общество помощи русским эмигрантам.

¹¹ Дон Аминадо был награжден орденом Почетного легиона в 1934.

Простите, дорогой друг, что долго молчали; устыдило сегодняшнее Ваше письмо. Эка Вас замыгарили визы и поездки! Не перегнала бы вас Екат<ерина> Дм<итриевна>; она поедет, по-видимому, через Марсель, но ее дела еще не кончены, только обещания. Опять у нее глаз болит (тот же). Пишет нам часто. Таня просит извинить, что не упомянула и не поблагодарила за сардины; эта коробочка будет Вашей долей участия в посылке военнопленному (Сосинскому); такие сокровища здесь не добываются. Ничего Вам не посылаем, п<отому> ч<то> яйца стало трудно добывать, зелени еще мало, да и нужна ли вам? Мешок получен.

Я жив. Работаю. Послал в Швецию новую книгу. Послал туда же в свой литер<атурный> журнал¹ статью – ответили на нее по телеграфу сотней шведских крон; по курсу 1111 фр<анков>, а в действительности было бы сейчас три тысячи с половиной. Вот как там мне платят за обычного размера фельетон. Поэтому послал кучу статей новому переводчику, которого рекомендовали мне мои милые издатели. Может быть, и выйдет что-нибудь. Из Парижа от Н.Н.Кнор<ринга> получил вырезки со своими рассказами из «П<оследних> н<овостей>»². Он спускался в недра архивов по моей просьбе (с благосклонной помощью Влад<имира> Андр<еевича>). Оказывается, классификатор цел, не самый шкап, а карточки. Это мне очень помогает. Но трудно будет мне выкрутиться, а из Америки ни звука. Хорошо, что опять дышу, съев лекарств на триста франков (это за хорошенькие коробочки). Лекарствами и питаюсь, жалея, что Таня их не ест и потому голодает больше меня. Плохо сейчас и у нас, ни масла, ни сахару, жрем сухую картошку с укропом; мясо не по зубам. Но все же лучше вашего, конечно; зря жалуясь. (Вышло у меня как будто так, что мясо лучше Вашего, испортился осоргинский стиль).

Про Федотова правда; писала Ек<атерина> Дм<итриевна>. Но ведь он – недоносок, несчастнейший; судя по бородке, я думаю, что

он был марксистом, и тогда всякое дальнейшее уродство понятно³. – Сошел с ума Метальников⁴, знаете ли? А Вас<илий> Ал<ексеевич> Макл<аков> получил казенную квартиру⁵ на улице, где мы с Вами жили, на углу бульвара, где такие прекрасные каштаны.

Вообще же новостей никаких нет. Даманская поправила дела (Катюша ей поправила) и счастлива; была у Милюкова, влюбилась в Аминаду. Пишет и Катюша про Аминаду одобрительно (он ей писал). – Бунин Катюшу осаждает, говоря, что он и все в Грассе мрут с голоду; то, что ему добыли из Швеции, уже кончилось. Не жалею, не могу жалеть Бунина. Почему никогда не работал, а жил подкачки? И думаю, что у него в тюфяке остался один из слитков, им купленных. Вообще люблю его, а жалеть не могу; Веру⁶ мне жаль.

Лезвия безопасной бритвы можно точить о внутреннюю сторону стаканчика из бакалита, потом подправлять так же в мокром стеклянном стакане. Так пишет «Temps». Один брился пятью лезвиями три года (каждым 146 раз, не иступив). Говорит – буду вечно. Я попробовал. Ничего, бреет. Вот Вам бы голову.

Скажите Иос<ифу> Ал<ександровичу>, что я от него ничего не получал (т.е. писем) с декабря (т.е. помеченных первыми числами декабря; совсем я писать разучился). Что деньги получил раз (42), разослал, не доставив лишь одному (исчезнувшему); еще один умер, но разыскалась жена. Второй обещанной присылки не было. Со шведскими издателями переписываюсь. Его перевод моей книги не получен, пропал. И передайте мой поклон ему, поцелуй его милой жене.

Уедете Вы, конечно, внезапно, но мы уже попрощались. Будет забавно, если когда-нибудь увидимся.

Обнимаю Вас, дорогой друг,

Мих<аил> О<соргин>

¹ О связях Осоргина со шведскими изданиями см. прим.1 к письму 9.

² Кнорринг Николай Николаевич (1880–1967) – историк, педагог, общественный деятель, директор мужской гимназии в Харькове; после революции в эмиграции в Париже, с 1921 сотрудник «Последних новостей», член правления Тургеневской библиотеки. См. также письма Милюкова Осоргину от 15 и 23 июля 1942 (Новый журнал. 1988. №172/173. С.542–543).

³ Федотов Георгий Петрович (1886–1951) – философ, историк, богослов, публицист, литературный критик; приват-доцент Петербургского университета (1914–1919), сотрудник Публичной библиотеки (1916–1920), зав. кафедрой истории средних веков Саратовского университета (1920–1922), с сентября 1925 в эмиграции в Париже, преподаватель Богословского института (1926–1939), деятель РСХД, участник объединения «Православное дело» (с 1935), соредатор журнала «Новый град» (1931–1939); с 1941 в США, профессор Свято-Владимирской духовной семинарии (1943–1951). Вероят-

но, речь идет о статье Федотова «Новое на старую тему (К современной постановке еврейского вопроса)» (Новый журнал. 1942. №1).

⁴ Метальников Сергей Иванович (1870–1946), биолог, редактор «Известий СПб. биологической лаборатории» (1911–1917), основоположник психонейроиммунологии; с 1919 в эмиграции в Париже, профессор Пастеровского института, товарищ председателя правления Русского народного университета (1922–1923).

⁵ Маклаков был арестован 28 апреля 1942 и провел два с половиной месяца (до июля) в парижской тюрьме на ул. Шерш-Миди.

⁶ Речь идет о Вере Николаевне Буниной (урожд. Муромцевой, 1881–1961), второй жене И.А.Булнина, автора мемуарной книги о нем «Жизнь Бунина. 1870–1953» (Париж, 1958).

ДРУЗЬЯ, БАБОЧКИ И МОНСТРЫ

Из переписки Владимира и Веры Набоковых
с Романом Гринбергом (1943–1967)

*Вступительная статья, публикация и комментарии
Рашида Янгирова*

Мы продолжаем публикацию эпистолярия В.В.Набокова и Р.Н.Гринберга (1893–1969), остановленную по техническим причинам на начале 1954 г. (См.: «...Дребезжание моих ржавых русских струн...» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) // In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж, 2000). Издательская пауза позволила нам расширить публикационный корпус за счет 30 новых документов из нью-йоркской части архива Р.Н.Гринберга (Roman Grynberg papers. Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. New York), покрывающих часть лакун первой части и возвращающих его нижнюю хронологическую рамку вновь к 1940-м годам.

Помимо большой биографической и историко-литературной ценности, эти документы живо иллюстрируют незаурядные индивидуальности участников переписки, их вкусы, темперамент и разнообразную рефлексию на происходящее. Благодаря этому многие нюансы и обстоятельства дружбы Набокова с Гринбергом, по нашему мнению, могут быть с определенными допусками экстраполированы на весь «русский сегмент» американской биографии писателя, остающийся пока не вполне «прозрачным» для биографов и исследователей.

Внезапная смерть Гринберга оборвала эту долгую связь в декабре 1969, но была близость и доверительность фактически иссякли между корреспондентами гораздо раньше, и вовсе не из-за переезда Набоковых в Европу. В 1960-е годы преуспевающий нью-йоркский биржевик регулярно навещался в Старый свет, однако постоянно встречающиеся в письмах той поры сетования на несовпадение маршрутов поездок по континенту свидетельствуют, скорее, о взаимном желании избежать свидания, нежели об искреннем

сожалении по поводу хронической неустойчивости. В чем же причины этого неустойчивого, но прочного охлаждения?

Несомненно, бывшая дружба могла угаснуть под тяжестью лет и наступивших болезней, ведь в том же 1967, когда оборвалась переписка с Набоковым, Гринберг прекратил свою известную мистификаторскую переписку с Корнеем Чуковским и завершил издание альманаха «Воздушные Пути». Однако в этом «шкафу» были и другие «покойники».

По нашему мнению, большую роль в этом охлаждении сыграли издательские амбиции друга Набокова, сделавшие его заметной фигурой в общественной жизни зарубежья в 1950-е – 1960-е годы. Роль Гринберга в новейшей истории вольной русской печати на Западе и в самом деле замечательна. Именно ему, впервые после 1920-х годов, удалось реанимировать дискредитированный тезис о внутреннем единстве русской литературы, не поступившись при этом личными политическими взглядами и художественными вкусами. Недолгое участие Гринберга в редакции журнала «Опыт» (1953–1954) и последующий единоличный выпуск альманаха «Воздушные Пути» (1960–1967) стимулировали возобновление печатной жизни литературы первого поколения русского зарубежья (Г.Адамович, Л.Шестов, Ф.Степун, Г.Иванов, А.Ремизов, Б.Поплавский, И.Одоевцева, Н.Берберова, В.Вейдле, Ю.Иваск и другие), ввели в оборот неподцензурные тексты опальных мастеров советской литературы (Б.Пастернак, А.Ахматова, О.Мандельштам, М.Цветаева и И.Бабель) и открыли в ней новые потаенные имена (И.Бродский), а также уравнили с ними в творческих правах поэтов и прозаиков второй волны эмиграции (И.Елагин, Д.Кленовский, В.Марков и др.). Немаловажно и то, что любимое детище Гринберга – «Воздушные Пути» – было затеяно в явном расчете на живую связь с метрополией и стало первым успешным опытом проникновения литературного «тамиздата» в круг советского книжного чтения, хотя этот аспект его деятельности еще ждет специального изучения.

Предметом особой гордости (и заботы) Гринберга-издателя было сотрудничество с Владимиром Набоковым. При этом их деловое общение, вольно или невольно, стало инвариантом пушкинской схемы общения «книгопродавца и поэта», где первый добивался монополизации своих прав на творчество второго, что вряд ли было по сердцу эгоцентричному и самолюбивому писателю. Впрочем, оно принесло немало огорчений и самому Гринбергу. Ниже читатель узнает о том, что летом 1951 он был приглашен Набоковым к переводу книги «Conclusive Evidence» на русский язык, однако после первой же пробы был отлучен от работы. «Неудобному» авторскому поведению Набокова был в немалой степени обязан Гринберг и своим вынужденным уходом из редакции «Опытов» в сентябре 1954. Последним из известных нам эпизодов в этом ряду было, по-видимому, настойчивое желание издателя выпустить «Лолиту» по-русски, что было попросту проигнорировано автором.

Как известно, это набоковское сочинение вызвало всплеск негативных отзывов, среди которых слышались и голоса соотечественников писателя, одержимых «общественным темпераментом». Гринберг, рано посвященный в таинство появления на свет набоковских «монстров», взял на себя нелегкую ответственность защитника и пропагандиста романа, хотя поначалу его отношение к «Лолите», несмотря на почти безукоризненный вкус и тонкое понимание природы набоковской музыки, не отличалось безусловным прияти-

ем, на что мог бы рассчитывать непонятый автор. Оно пришло много позже, после мирового признания романа, вместе с осознанием очевидного факта: старый друг, связанный с ним, к тому же, доверительными клиентскими отношениями и обязательствами, внезапно превратился в живого классика и вдобавок – материально обеспеченного и независимого человека, не обремененного моральными долгами. Заново отстраивать отношения с этим новым Набоковым у Гринберга уже не было ни сил, ни желания.

И еще одно, на этот раз мировоззренческое несовпадение, проявившееся лишь в поздние годы, окончательно развело Набокова и Гринберга. Прежде они во многом сходились друг с другом, разделяя, в том числе, и скептицизм относительно способности диаспоры к регенерации собственного творческого потенциала. Реалии послевоенного мира неоднократно убеждали их в том, что новое поколение зарубежья не имеет и не хочет иметь ничего общего с поколением «отцов». Ощущая себя последними могиками старой России, они по-разному приняли вызов времени. Гринберг всецело отдался благородному делу печатной репродукции и консервации наследия родной культуры и немало преуспел в этом. Ответом же Набокова должна была быть – и стала – раскованная рефлексия художника, обращенная не к утраченной России, но к реалиям современного космополитического мира. В этом, по его убеждению, состоял смысл и предназначение прощального «послания» эмиграции всем последующим поколениям соотечественников перед тем, как она уйдет с исторической сцены. Он написал роман «Лолита» – свой самый нерусский роман, выросший из давней эмигрантской новеллы «Волшебник», который равным образом потряс пуританскую мораль Запада и циничное сознание советского человека. Смелость и независимость набокковской мысли, оторвавшейся от бесплодного ностальгического нарциссизма, разрушали привычные стереотипы эмигрантского мышления и окончательно отрывали писателя даже от самых близких и чутких друзей. Именно им он и адресовал свое последнее русское стихотворение о России, написанное в мае 1967 – в год, когда Россия отмечала полувековой юбилей своего исторического раздвоения.

Письма публикуются по рукописным и машинописным оригиналам с сохранением авторской орфографии и пунктуации при минимальной и потому неоговоренной правке. Письма 1–24, 34, 40, 41, 43, 53, 54 воспроизводятся по оригиналам из VAR, остальные – по оригиналам, хранящимся в VP. Аутентичность набокковской палеографии сохранена нами при воспроизведении латиницы его пишущей машинки. Все подчеркивания, выделенные слова и квадратные скобки (за исключением единичных, особо оговоренных случаев) принадлежат участникам переписки. В угловых скобках раскрыты авторские конъектуры.

Публикатор выражает глубокую благодарность Д.В.Набокову, а также администрациям Отдела рукописей Библиотеки Конгресса США и Бахметьевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры за предоставленную возможность ознакомиться с материалами указанных архивных коллекций и любезное разрешение воспроизвести их в печати.

Отдельная благодарность – д-ру Хенрику Барану (Олбани, штат Нью-Йорк), оказавшему неоценимую помощь в копировании архивных документов и щедро делившемуся с нами биобиблиографическими справками.

Особая благодарность – М.А. и Т.М.Таловым (Москва), познакоившим нас с материалами семейного архива и любезно согласившимся на воспроизведение одной из уникальных фотографий из своего собрания на этих страницах.

Наша живейшая признательность друзьям и коллегам, соучаствовавшим в работе советами, справками и иной помощью: Тамаре и Юрию Дихановым (Бетесда, штат Вирджиния), Татьяне Осокиной (Москва), Владимиру Аллою (Париж).

СОКРАЩЕНИЯ

VP – *Vozdushnye Puti Collection. Library of Congress. Manuscript Department (LCMSS). Washington, D.C.*

BAR – *Roman Grynberg papers. Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. New York. Box 1.*

О – *Опыты: Литературный журнал (Изд. М.С.Цетлина, Нью-Йорк). №1-3. 1953–1954 / Ред. Р.Н.Гринберг и В.Л.Пастухов; №4-8. 1954–1958 / Ред. Ю.П.Иваск.*

ВП – *Воздушные Пути: Альманах (Нью-Йорк) / Ред.-изд. Р.Н.Гринберг. Вып. I-V. 1960–1967.*

НЖ – *Новый Журнал (Нью-Йорк).*

НРС – *Новое Русское Слово (Нью-Йорк).*

Boyd-1 – *Bryan Boyd. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton, 1990.*

Boyd-2 – *Bryan Boyd. Vladimir Nabokov. The American Years. Princeton, 1991.*

NWL – *The Nabokov–Wilson Letters. 1940–1971 / Ed. by Simon Karlinsky. New York, 1979.*

М – *Минувшее: Исторический альманах (Париж; републ.: М., СПб); с указанием года и выпуска.*

RLT – *Russian Literature Triquarterly (Ann Arbor). 1991. №24.*

З – *Звезда: Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический независимый журнал (СПб.).*

IM – *In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж, 2000.*

1. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

25-XII-<19>43

8, Craigie Circle

Кэмбридж <Массачусетс – Нью-Йорк>¹

Дорогой Роман Николаевич,

и я вас люблю, а потому мне ужасно грустно и досадно, что вы нас зря прождали – но положи правую руку на сердце *для чего беру на мину* минуту перо в левую руку (простите за кляксу, но хотелось сделать честно)², уверяю вас, что тут недоразумение, или мы вас не поняли, или наоборот: я отлично помню, что вы нас приглашали, но также помню, что мы сказали, что вам позвоним – и не позвонили в воскрес-ный день – и скоро после того отбыли. Очень просим все же прощения³.

Я только что заломал – в статье для New Republic – некоего Курноса, выпустившего увесистую антологию переводов с русского, полную самых нелепых и пошлых ошибок⁴. Кроме того меня очень подмывает написать о преподавании могучего-свободного в здешних университетах⁵. В Гарварде учителемствует человек по фамилии Cross⁶, знающий только середину русских слов и совершенно игнорирующий приставки и окончания. Из двух его сподручных один все сводит на Польшу, а другой, Леонид Страховский (в двадцатых годах, в Берлине, писавший стихи под акмеистов и подписывавшийся «Леонид Чацкий»)⁷, занимает студентов собственными поэмами, которые он их заставляет учить наизусть и все рассказывает о большом своем друге и сподвижнике Гумилеве (которого он вряд ли когда-либо видел), так что Гумилев стал в некотором роде посмешищем у студентов. Но пожалуй веселее всего обстоит дело в Yale. Там сидит некто Трегер (о котором может вам рассказать Вильсон); этот Трегер, или точнее халтуртрегер – выходец из Одессы (было ему тогда четыре года) и к сожалению думает что говорит по русски⁸. Я получил несколько перлов из составляемых им фраз для студентов. «Чего хорошего?» «Я жду поправку запасной шины». «Какая жаль!» «На том холме растут сосны» и т.д. А здесь в Гарварде наговорили граммофонных пластинок для наушного обучения, и одна из них объявляет «Мы чистим наши яйца спичками» – несколько экзотическая гигиена⁹.

Бабочки продолжают заполнять мое существование, но чувствую, что скоро напишу кое-что и по другой части: между прочим у меня наполовину готова русская поэма¹⁰.

Я провел два очаровательных дня у Bunny¹¹. Завидую и ему и вам что вы друг друга видите в New York'e. Спасибо большое за роскошный подарок Мите. Я отдам ему ваш чек в полное распоряжение – и потенциальность его содержания до сих пор мешает ему решить что приобрести.

Дантист с треском вырвал у меня все верхние зубы. Я в продолжение месяца ходил с голым ртом, а потом старался привыкнуть к объемистому и хлюпающему *ratelier*¹². Теперь привык – и только иногда замечаю, что собеседник украдкой вытирает то щеку, то бровь (когда слишком стремительно говорю что-нибудь) и перемигивает.

Желаем вам обоим веселых морозных праздников. Страшно был бы рад вас повидать. Число людей, с которыми у меня есть общность подсознательного так мало (человек пять в Америке и столько же в Европе), что не могу не сетовать на их пространственную отдаленность.

Обнимаю Вас. Целую ручку Софью Михайловне.

Ваш В.Набоков

¹ На конверте (штемпель кембриджской почты: 25 декабря 1943; 8:30 пополудни) отправителем указано:

V.Nabokov, Cambridge, 8 Craigie Circle

Mr. R.Grynberg
304 West 75th Street
New York, N.Y.

² Курсивом выделены слова, указывающие на то, что они написаны левой рукой; о чем свидетельствует также клякса на автографе.

³ Речь идет о казусе, случившемся во время краткого визита Набоковых в Нью-Йорк: по недоразумению они разминулись там с Гринбергами.

⁴ Имеется в виду известный литератор, поэт, критик, журналист и переводчик Чехова, Бунина, Ремизова, А.Белого, Сологуба, Л.Андреева и др. на английский язык Джон Курнос (наст. фам. Коршун; 1881–1966). Набоков имеет в виду книгу «A Treasury of Russian Life and Humor» (1943).

⁵ Этот замысел отчасти материализовался в статье: *Nabokov V. On Learning Russian // Wellesley Magazine. 1945. April.*

⁶ Кросс Сэмюэль Хаззард (1891–1946) – славист-медиевист, переводчик древнерусской литературы, профессор Гарвардского университета. Его малоудачный перевод «Слова о полку Игореве» был включен Р.Якобсоном во французскую монографию, посвященную этому литературному памятнику (1948); Набоков отозвался на эту книгу критической рецензией, оставшейся неопубликованной. В 1949 возник проект издания набоковской версии перевода «Слова» под редакцией Якобсона, однако к 1959, когда работа переводчика была окончательно завершена, личные отношения писателя и ученого были окончательно испорчены и этот замысел остался нереализованным. См.: Boyd-2. P.145. Ср. также с историей, рассказанной Набокову М.Карповичем (о нем см. прим.2 к письму 26): зайдя однажды в аудиторию после лекции Кросса, тот увидел запись на доске для студентов: «Он ударил его с палкой», которую американский славист тщетно пытался стереть рукой в его присутствии. (Ibid. P.69-70). В феврале 1951 писатель задумал рассказ «Assistant Professor Who Was Never Found Out», одним из героев которого должен был стать шаржированный образ Кросса, но впослед-

ствии он претворился в образе профессора Блоренджа в романе «Пнин». (Ibid. P.197).

⁷ Чацкий (наст. фам. Страховский) Леонид Иванович (1898–1963) – поэт, участник литературного альманаха «Медный всадник» (Берлин, 1922), автор стихотворных книг «Ладья», «Фантазии лорда Генри» (Берлин, 1922), «У Антиквара» (Брюссель, 1927), «Долг жизни» (1953; сборник посвящен памяти Н.Гумилева) и участник журнала «Современник» (Торонто, 1960, 1961) и НЖ. В конце 1922 он был одним из соучредителей берлинского «Братства Круглого Стола» (по свидетельству Г.Струве, именно он придумал название этого литературного кружка), в котором участвовал и Набоков, а позднее они оба были членами кружка Ю.И.Айхенвальда (1925–1933). См.: *Струве Г.* Из моих воспоминаний об одном русском литературном кружке в Берлине // Три юбилея Андрея Седых. Нью-Йорк, 1980. С.191-193 (там же см. репродукции двух дружеских шаржей Страховского на молодого Набокова). Об этом эпизоде творческой биографии Набокова см. также: *Долинин А.* Доклады Владимира Набокова в Берлинском литературном кружке // З. 1999. №4. С.7-11. После начала Второй мировой войны Страховский перебрался в США и переквалифицировался в литературоведа-слависта, преподавал в Гарвардском университете. О мнимой дружбе «старинны» Страховского с Гумилевым Набоков рассказывал также и Г.Струве (письмо от 4 ноября 1946). – Письма к Глебу Струве // З. 1999. №4. С.31.

⁸ Трегер Джордж Л. (1906–1992) – лингвист, антрополог, преподаватель различных американских университетов (в Йельском университете он работал в 1942–1944). Набоков не вполне точен – Трегер родился в семье выходцев из России в американском городе Ньюарк, штат Нью-Джерси.

⁹ Нелицеприятные характеристики Набокова – свидетельство его нелегкой адаптации к реалиям американской славистики. Например, с профессором Трегером он познакомился в июне 1942, приехав в Йельский университет в поисках места на русском отделении. Однако ему была предложена должность помощника преподавателя на летних языковых курсах, от которой он, по собственному рассказу, «отказался, потому что тогда мне пришлось бы учить русскому и самого профессора». При этом обнаружилось, что его русский язык с трудом понимают и другие сотрудники кафедры. – См.: *Boyd-2.* P.44. В одном из писем к Вильсону той поры Набоков охарактеризовал проблему своего трудоустройства следующим образом: «Забавно – знать русский лучше всех остальных – по крайней мере в Америке – и английский лучше всех русских в Америке – и при этом испытывать такие трудности в получении университетской службы <...>». – *NWL.* P.64.

¹⁰ Речь идет о «Парижской поэме», завершенной Набоковым в конце 1943. Оубл.: НЖ. 1944. Кн.7.

¹¹ Домашнее прозвище художественного критика, беллетриста и драматурга, многолетнего участника дружеского кружка Набоковых и Гринбергов Эдмунда Вильсона (1895–1972), заимствованное, по-видимому, у популярного героя мультипликационных фильмов. В начале декабря Набоковы провели два дня в его загородном доме в местечке Уэллфлит, штат Массачусетс, приехав туда по приглашению хозяина для обсуждения проекта совместной книги о русской литературе, но эта затея осталась неосуществленной. Фрагменты двусторонней переписки Гринберга и Вильсона за 1940-е – 1960-е годы, отложившиеся в VP и BAR, документируют историю этого

дружеского треугольника и дополняют биографию писателя важными деталями и характеристиками.

¹² Протез (франц.). Этой операции Набоков подвергся в конце ноября, незадолго до своей поездки в гости к Вильсонам.

2. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

б/д <8 мая 1944; Кембридж – Нью-Йорк>¹

Дорогой друг, Роман Николаевич, очень был тронут вашим письмом и милейшим добавлением Туви-ма². Передайте ему от меня сердечнейший и конгениальнейший привет.

Хороши по внутренней жестикюляции воспоминания Мих. Чехова³ и замечательны письма Ходасевича. Зато трудно себе представить что-либо более пошлое и глупое чем предисловие Вишняка – особенно упоительно в этом смысле объяснение – или самооправдание (перед кем, собственно?) – почему он «принимал» Ходасевича («элементарное человеколюбие»!). Сорокин – c'est a vomir⁴. Интересно как болтун выдает себя в описании желательного «храма мира», где будут заседать более или менее католические священники; второсортные писатели-карьеристы, шарлатаны «ученые» в роде него самого и тому подобная пышная шваль. Интересно также что⁵ Оленька Жигалова⁶ понимает под словом «дворян». Как всегда любопытно наблюдать приемы Алданова, герои которого не люди, а промежуточные инстанции⁷. Стихи, кроме отмеченного вами экземпляра, ниже всякой – даже моей – критики⁸.

Я занимаюсь сейчас исключительно бабочками, но скоро возьму отпуск и закончу мой английский роман. Над этим я бьюсь уже около двух лет⁹.

Возможно, что в конце мая буду в Нью-Йорке – по дороге из Корнелля куда приглашен на литературный банкет¹⁰. Не знаем еще что будем делать летом. Из-за моей несчастной страсти к чешуекрылым я безобразно запустил свои финансы¹¹.

Я смутно помню что вы меня просили что-то прислать, когда мы последний раз видались (в приятнейшей обстановке) – но не могу уловить живчик – что-то связанное с литературой?

Скучна весна в Бостоне с ее сдержанно зелеными деревьями и желтой однообразно цветущей форситии¹² в палисадниках. О, ноздреватый снежок в весеннем овраге и молодая береза на шестом месяце!

Радуюсь что может быть скоро увижу вас и Софью Михайловну. Будьте здоровы, дорогой, Вера кланяется.

Ваш В.Набоков

¹ Этим днем датирован штемпель кембриджской почты (7:30 часов полудни). На конверте отправителем указано:

V.Nabokov, Cambridge, 8 Craigie Circle

Mr. R.Grynberg
304 West 75th Street
New York, N.Y.

² Речь идет о польском поэте Юлиане Тувиме (1894–1953), заслужившем славу лучшего переводчика русской поэзии на родной язык. Возможно, вместе с письмом Набоков получил в подарок от Гринберга тувимовский перевод пушкинской поэмы «Медный всадник» (Варшава, 1931), в свое время получивший высокую оценку В.Ходасевича. См. об этом в нашей публикации: Пушкин и пушкинисты. По материалам чешских архивов // Новое литературное обозрение (М.). 1999. №37 (прим.4 к письму 6).

³ В седьмой книге НЖ за 1944 было напечатано начало мемуарной книги М.Чехова «Жизнь и встречи». Писатель и актер были знакомы: в конце марта 1941 Набоков приехал в Риджфилд, штат Коннектикут, для обсуждения с Чеховым проекта инсценировки «Дон Кихота» на американской сцене. См.: Boyd-2. P.26.

⁴ Здесь: тошнотворен (*франц.*). Имеется в виду социолог, публицист и мемуарист Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), профессор Гарвардского университета (1930–1959), в 1949 основавший Центр изучения созидательного альтруизма.

⁵ Выделено автором письма.

⁶ Жигалова Ольга М. – литератор-дилетант, печатавшаяся в НЖ. В седьмой книге НЖ был опубликован ее рассказ «Любовь к Ильяхе». См. о ней также позднейший отзыв Г.Адамовича в письме к И.Одоевцевой (сентябрь 1958): «<...> Насчет остановки в Нью-Йорке я больше всего имею в виду М-me Nowburg (Ольга Жигалова), которая имеет там роскошную квартиру на Park Avenue. <...> Она дама ничего, довольно дура, и скуповатая, но ввиду того, что Вы – литература, думаю, будет даже рада <...>». – Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. Письма Г.Адамовича И.Одоевцевой и Г.Иванову (1955–1958) / Публ. О.А.Коростелева // М. Вып.21. С.494-495.

⁷ Автор письма обсуждает и другие публикации в той же книге НЖ: письма В.Ходасевича к М.Вишняку с предисловием последнего, статью П.Сорокина «Причины войны и условия мира» и продолжение романа М.Алданова «Истоки».

⁸ В поэтическую подборку той же книги НЖ вошли стихи Н.Веббер «Разучилась совсем обращаться я к Богу...», К.Иждиной «Встречный поезд», С.Кучерова «Вот ты ушла, и снова все так тускло», Г.Струве «В кабачке» и «1940». «Отмеченная» Гринбергом поэтическая публикация – «Парижская поэма» Набокова.

⁹ Имеется в виду роман «The Real Life of Sebastian Knight».

¹⁰ Корнеллский университет писатель посетил по приглашению П.Перцова для публичного чтения в местном книжном клубе своего рассказа «Забывтый поэт». Его затея с выступлением на литературном вечере в Нью-Йорке с целью сбора средств для полного русского издания романа «Дар» не увенчалась успехом. См.: Boyd-2. P.72.

¹¹ В июне–августе Набоковы дважды гостили у Э.Вильсона в Уэллфлит. Финансовые трудности заставили писателя обратиться с просьбой о воспо-

моществовании в Русский Литературный фонд, который выдал ему безвозвратную сумму в 200 долларов. – *Idem*. Тогда же у Набокова возникла мысль переехать в Голливуд и присоединиться там к команде сочинителей кино-сценариев. – *Ibid*. P.77.

¹² Форсития (*Forsythia*) – декоративный кустарник семейства оливковых, желтые цветы которого распускаются ранней весной, до появления листьев.

3. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

16-X-1944

<Кембридж – Нью-Йорк>¹

Дорогой Роман,

очень было досадно, что не удалось еще раз свидеться с вами обоими на (сильно теперь потрепанном) Рэнэ², но нас повезли домой по другой дороге. Вернувшись, и еще не наканикулившись, мы переехали на две недели в Wellesley, где купались и играли в теннис с Митюшей, который к тому времени вернулся из лагеря. Теперь мы снова на старой квартире. Езжу дважды в неделю – в Wellesley, где учу девушек тайнам родительного падежа; работаю в музее; пописываю; словом все идет по-старому – и по старому нет пененз, как говаривали русские пошляки. Как поживаешь? Играешь ли в шахматы? Читаешь ли в Новом Русском слове французские воспоминания Татьяны Тимашевой³ («Мимозы раскрывали на солнышке свои трепетные листики»)?

Был новый рассказ в «Атлантик» и будет другой в январском номере⁴. Вышла моя книжка о Гоголе⁵; Эдмунду не понравилось что я так часто «...к скалам бурым обращаю с каламбуром».

Будь здоров, не забывай, целую ручку Софии Михайловне, Вера присоединяет свой привет.

Твой В.

¹ На конверте (почтовый штемпель кембриджской почты: 16 ноября 1944; 7:30 пополудни) отправителем указано:

from V.Nabokov, 8 Craigie Circle, Cambridge, Mass<achusetts>

Mr. Roman Grynberg
304 West 75th Street
New York City

² Имеется в виду автомобиль марки «Рено». До покупки собственного автомобиля в 1948 Набоковы в своих поездках пользовались услугами коллег-преподавателей по уээллслейскому колледжу.

³ Тимашева Татьяна Николаевна (1891–1950; дев. фам. Русская; литер. псевдоним С.Горлова) – поэтесса. В августе 1921 вместе с мужем, профес-

сором Н.С.Тимашевым бежала из советской России за границу. До начала Второй мировой войны жила в Берлине, Праге и Париже; после 1939 – в США. Печататься начала в газ. «Возрождение», позднее сотрудничала в НРС и НЖ. См.: Памяти Т.Н.Тимашевой // НЖ. 1950. Кн.27 (некролог); см. также ее посмертный сборник «Избранные стихотворения» (Париж; 1953) с приложенной к нему биографической справкой.

⁴ Имеются в виду рассказы, переведенные Набоковым для журнала совместно с сотрудником Корнеллского университета П.Перцовым. См.: Boyd-2. P.72.

⁵ Книга «Nickolay Gogol» вышла в свет 15 августа 1944.

4. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

16-XII-<19>44

8, Craigie Circle, Cambridge, Mass<achusetts – Нью-Йорк>¹

Дорогой Роман,

Очень был тронут твоим милым телефонным звонком а также спасибо за письмо. Я тоже это чувствую – насчет Эдмунда, но это вообще довольно свойственно англосаксам, нет этой лирической жалобы окрашивающей русскую дружбу – ничего общего конечно не имеющей с грубой «душа на распахку» – я однажды был где-то с Иваном Буниным, который в этом смысле не взыскателен, и он жаловался что я «скрытен» – не изливаю души над котлетой а la Rojarsky². Но я люблю крошку в отношеньях, а в данном случае нет того чтобы сердечно поохать или ненароком выложить свежий мягкий кусок самого себя. Впрочем это возмещается многим другим.

Эдмунд у нас был проездом в <Кэйп> Код, провели очень приятный день. Я написал большую английскую поэму о русской поэзии, он очень одобрил, а вчера получил телеграмму от New Yorker, что хотят купить³. Совмещение телеграфа и поэзии. Я очень доволен своей штукой. Пишу тебе только несколько слов впопыхах, очень хотел быть⁴ повидать тебя, будь здоров. Вера и я приветствуем вас обоих.

Твой В.

¹ На конверте (почтовый штемпель кембриджской почты: 17 декабря 1944; 8 пополудни) отправителем указано:

V.Nabokov, 8 Craigie Circle, Cambridge, Mass<achusetts>

Mr. R.Grynberg
304 West 75th st<reet>
New York City

² По-пожарски (*франц.*).

³ Имеется в виду поэма «Вечер русской поэзии», напечатанная в указанном издании 3 марта 1945.

⁴ Так в тексте.

5. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

б/д <6 февраля 1945; Кембридж – Нью-Йорк>¹

Дорогой Роман,
я буду в Нью-Йорке в конце этой недели (еду в Балтимору, на лекцию)², проведу там воскресенье 11-го и очень хотел бы повидать вас обоих³. Буду стоять у Георгия Гессена⁴.

Меня потрясло твое сообщение насчет бедного Фельзена⁴. Ты описал его с исключительным талантом.

Сейчас пишу тебе только два слова: устал – от музея, – хотя страстно люблю это дело. Не понимаю как Ломоносов совмещал металлургию и плохие стихи.

Твой В.

¹ Датировано по почтовому штемпелю кембриджской почты на конверте (6 февраля 1945; 9:30 пополудни), на котором отправителем указано: from V.Nabokov, <Cambridge,> 8 Craigie Circle

Mr. R.Grynberg
304 West 75th St<reet>
New York City

² В те дни писатель читал лекции в балтиморском колледже Св. Тимоти и в нортхемптонском Смит-колледже, штат Массачусетс. Последняя, по видимому, была организована его доброй знакомой Еленой Львовной Мучник, заведовавшей в то время славянским отделением этого учебного заведения. О ней см.: ИМ. С.373-374.

³ Вечер 11 февраля Набоковы провели у Гринбергов в компании с Гессенами и Вильсоном.

⁴ Здесь и далее имеется в виду Георгий (или Зека) Иосифович Гессен (?–1971) – младший сын И.В.Гессена, однокашник сыновей П.Б.Струве и дочери П.Н.Милюкова по Выборгскому коммерческому училищу, близкий друг петербургского детства и берлинской юности Набокова. В конце 1942 Гессены (включая жену Г.И. Софью Григорьевну) приехали в Нью-Йорк, перебравшись туда из Франции через Испанию. С конца 1940-х до выхода на пенсию в 1960-е годы Г.И.Гессен служил русским переводчиком в штаб-квартире ООН. История взаимоотношений писателя с этим семейством отразилась в переписке, фрагменты которой опубликованы. См.: Письма В.В.Набокова к Гессенам // З. 1999. №4.

⁵ Юрий Фельзен (наст. имя и фам. Николай Бернгардович Фрейдентштейн; 1894–1943) – прозаик, литературный критик и переводчик. В 1942 он был арестован нацистами в Париже и погиб в Освенциме. Фельзен был поклонником творчества В.Сирина. В конце октября 1932 они познакомились в гостях у Нины Берберовой в Париже. Об этой встрече последняя вспоминала при описании своих непростых отношений с Набоковым. См.: Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С.376.

6. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

б/д <7 января 1946; Кембридж – Нью-Йорк>¹

Дорогой Роман,

Очень было это приятно – твое посещение, и страшно мило было с твоей стороны прислать Митюше такой роскошный потенциал.

Да, сходство о котором ты пишешь существует; и чрезвычайно трогает меня, когда выясняется (а это часто бывает) что самец был убит собирателем в минуту ухаживания за самочкой, в состоянии безпечной эрекции²...

Приезжай (те) еще раз. Поздравляю вас обоих с Н<овым> Г<о-дом>. Видаешь ли Эдмунда?

Обнимаю тебя, дорогой.

В.

Вера и Митя присоединяются к приветствиям.

¹ На конверте (штемпель кембриджской почты: 7 января 1946; 8:30 полудни) отправителем напечатано:

V.Nabokov 8 Craigie Circle Cambridge, Mass<achusetts>

Mr. R.Grynberg
304 West 75th St<reet>
New York City

² В это время Набоков занимался специальным исследованием гениталий у одного из семейств североамериканских бабочек. См.: Boyd-2. P.82.

7. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

23-XII-1946

<Кембридж – Нью-Йорк>¹

Дорогой Роман,

очень нам грустно было услышать, что у тебя грусть. И очень надеемся что ты уже получил успокоительные вести из Москвы².

Митюша еще не видел твоего роскошного чека – он украсит подножие елки.

Ай да Николай! Вся его манера была «рыбковатая» (как говорится по-англ<ийски>)³, когда он посетил меня.

Вчера одна бостонская дама рассказывала мне, что видела его дважды: в первый раз четыре года тому назад, – и тогда он позабыл общество «мастерски переданным случаем», только что бывшим с ним; во второй раз она встретила с ним на днях – и он, забывши!, рассказал тот же анекдот будто случившийся только что с его знакомым⁴. Это я где-нибудь как-нибудь опишу – ничто не терется в моем хозяйстве.

Непреренно спроси Георгия как ему игралось со мной в шахматы в последний мой приезд⁵.

Обнимаю тебя, дорогой, жена приветствует со мной вас обоих.

Твой В.

¹ На конверте (почтовый штемпель кембриджской почты – 24 декабря 1946; 8 пополудни) отправителем письма указано:

V.Nabokov 8, Craigie Circle Cambridge, Mass<achusets>

Mr. R.Grynberg
304 West 75th Street
New York City.

² Имеются в виду сообщения о тяжелой болезни матери адресата в Москве. Фанни Исаевна Гринберг (урожд. Биркган). все последующие годы после гибели мужа в ЧК и эмиграции сына прожила с дочерью Ириной в двух комнатах своей прежней восьмикомнатной квартиры в б. доме Баскакина в Водопьяном переулке (этот адрес вошел в историю русской литературы благодаря «уплотнителям» – подселенным в 1921 О. и Л.Брикам и присоединившемуся к ним В.Маяковскому) и сумела сохранить почтовую связь со своим любимым сыном. По сообщению родных, этот эпистолярный тогда же или впоследствии был ею уничтожен по соображениям личной безопасности. О семье Гринбергов и о жизни других обитателей этого дома см.: *Валюженич В.* Рядом с Маяковским // *Нива (Астана).* 1999. №1. С.57-66. О семье Гринбергов см. также письмо 8.

Важное свидетельство о полугласном общении разлученных матери и сына содержится в неопубликованном мемуарном очерке племянницы Ф.И.Гринберг, с которым нас любезно познакомила его автор: «<...> Тетя рассказывала нам о его письмах, приносила французские иллюстрированные журналы. Там была постоянная рубрика “Вы не знаете Парижа”, в которой были удивительные фотографии, некоторые помню до сих пор. Тетя до самой смерти с ним переписывалась, он каким-то образом ей помогал, и никаких ей за это наказаний не было. Но разве не великое наказание – быть обреченной никогда больше не увидеть обожаемого сына? Конечно, уволить тетю с работы не могли, т.к. она нигде не работала. Другое дело – мы. Попробовали бы мы с ним переписываться! В своих письмах Боба просил мать сохранить собранные им книги стихов современных поэтов с их автографами. Тетя заверяла, что, конечно, все сохранит, а на самом деле они в войну проели все книги». – *Талова М.* Водопьяный переулок и его обитатели. С.13.

Некоторое время после смерти матери Гринберг лелеял мечту повидаться хотя бы с сестрой Ириной, надеясь на то, что внешняя либерализация жизни в СССР, наметившаяся ко второй половине 1950-х годов, сделает возможной их встречу где-нибудь на нейтральной территории, но и этим планам не суждено было сбыться. Одним из немногих конфидентов, с которым он делился родственными заботами, был Э.Вильсон, знакомый с московской частью семьи Гринбергов еще со времен путешествия в Москву в середине 1930-х годов. В одном из писем к нему Гринберг писал: «<...> Ты, должно быть, слышал о поездке <Р.>Якобсона в Москву. Его там хорошо приняли, и он теперь совершенно очарован. Он рассказывал великое множество интересных историй <о тамошней жизни>. Ирину он не видел. Как всегда, я почти каждую неделю получаю от нее письма, но сейчас она на

даче. Она хочет, чтобы я приехал туда, а я сильно в этом сомневаюсь, так как думаю, что в этой стране мало что изменилось. Но я очень рассчитываю на то, что ей дадут выездную визу, и тогда мы сможем встретиться в Швеции. Конечно, она не сможет остаться со мной насовсем, поскольку тогда ей придется оставить больного мужа. <...>» (29 июня 1956; Нью-Йорк – Уэллфлит, Массачусетс; по-английски). Несколько месяцев спустя события мировой политики привели к новому витку «холодной войны» (война на Ближнем Востоке и венгерская революция 1956 г.), показали беспочвенность оптимизма Гринберга и привели его к жестокому выводу о пропасти, разделяющей свободный мир и «социалистический лагерь», и безответственности общественно-политической позиции, занятой леволиберальными интеллектуалами Запада: «<...> Ирина ко мне не придет. Ее не выпускают. Я ее не увижу, как мечтал. Она стала писать реже и пишет осторожнее. Я никогда не заблуждался. Старая, знакомая, остервенелая Россия. Пора бы знать, хотя и нельзя вполне привыкнуть; но чего же удивляться? Я ее так хорошо знаю покои веку. “Мы жили, мы живем как великий урок для отдаленных поколений, которые воспользуются им непременно, но в настоящем времени, что бы ни говорили, мы составляем пробел в порядке разумения”. В оригинале по-французски – и тебе понятней – последние слова звучат так: “La Russie est une lacune de l’intelligence humaine; n’est qu’un exemple instructif pour l’Europe”. Вот эти слова были напечатаны в России в 1834 году, и прославившегося автора правительство определило сумасшедшим. А что изменилось с тех пор? <...> Ведь вот не было недостатка в понимании и сто с лишком лет назад, что такое Россия, а нами правят все еще невежды. А эти оксфордские профессора и студенты, или те ораторы рабочей партии в английском парламенте, не умеющие отличить египетскую мелодраму от венгерской трагедии. Трудно поверить, что столько горластых дураков живут еще на этой бедной земле. О них можно сказать: били, били и не добились. Это же повальное старческое бессилие или что-то вроде мазохизма времен позднего Рима накануне прихода и победы варваров. Ты меня прости, я не разделяю твоей теперешней отрешенности, твоей созерцательной замкнутости, как будто бы не было кругом нас исторической жизни. Я знаю, был Гете, был Толстой. Первый проглядел, говорят, французскую революцию и этим тоже прославился, а Толстой был равнодушен к русской революции и не замечал, что под его носом, в Москве, убивают детей и стариков. Париж был дальше от Веймара. Но теперь все стало так близко, что нет границ. В Венгрии произошли непоправимые дела, а здесь все еще не находят новых слов <...>» (19 ноября 1956; по-русски).

³ Калька с английского: fishy – сомнительный. Имеется в виду Николай Дмитриевич Набоков (1903–1978) – двоюродный брат писателя, композитор, музыковед; в те годы – преподаватель музыки в Wells College близ Итаки, автор мемуарной книги «Багаж» (фрагменты из нее см. в: З. 1998. №10; 1999. №4). См. о нем ст. С.Разумовой в: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С.445-446; *Толстой Ив.* Композитор Набоков // З. 1998. №10.

Этот иронический отзыв – след недавнего разочарования в родственнике. В октябре того же года писатель обратился к нему за рекомендацией для занятия должности главы русского отдела новообразованной правительственной радиостанции «Голос Америки», однако тот воспользовался этим обращением для того, чтобы самому занять это место.

⁴ После этой фразы одно слово зачеркнуто автором письма.

⁵ Имеется в виду приезд писателя в Нью-Йорк.

8. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

б/д <27 января 1947; Кембридж – Нью-Йорк>¹

Дорогой Роман,

слышал о твоем горе и хочу, чтобы ты знал, что я очень, очень соболезную тебе². Жму твою руку, дорогой.

Не знаю буду ли я скоро в N<ew>Y<ork>, но очень хотелось бы повидаться с тобой. Твой тезка набран и надеюсь скоро выйдет³. Георгий пишет мне, что ты делаешь успехи в шахматах.

Обнимаю тебя,

В.

¹ На конверте (почтовый штемпель кембриджской почты – 27 января 1947; 10 пополудни) отправителем указано:

Mr. Roman Grynberg
304 West 75th <street>
New York City.

² По-видимому, в это время адресат получил подтверждение о смерти матери в Москве. Об этом печальном событии Набоков упомянул и в другом письме к Гринбергу (14 марта 1947; Уэллсли – Нью-Йорк), по-видимому, получив от друга рассказ о случившемся: «Дорогой Роман, мне было страшно грустно читать подробности смерти твоей матушки <...>». – ИМ. С.352.

³ Роман «Bend Sinister», вышедший в свет 12 июня 1947.

9. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

<12 июня 1947; Кембридж – Нью-Йорк>¹

Дорогой Роман,

Мы едем в Колорадо (Ester Park, Columbia Lodge) и будем в Нью-Йорке 19-го. Не знаю где буду ночевать (написал Георгию). 20-го днем двинемся дальше².

Очень хочу тебя видеть!

Просто не верится что через недельки две буду ловить горных бабочек.

Привет тебе и Соне.

Твой В.

¹ Датировано по архивному описанию.

² Набоковы пробыли в Скалистых горах до начала сентября.

10. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

б/д <20 декабря 1947; Кембридж – Нью-Йорк>¹

Дорогой мой Роман,
как ты? Георгий пишет, что ты делаешь некоторые успехи в шахматах. Плохо верится.

Начались небольшие рождественские каникулы и я могу отдохнуть после трудов – бабочек и девушек (*sensu lato*)².

Не навестишь ли нас?

У меня на *chantier*³ много интересных писаний.

Обнимаю тебя.

В.

¹ Датировано по архивному описанию.

² В широком смысле (*лат.*).

³ Здесь: в работе (*франц.*).

11. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

б/д <октябрь 1948>¹

802, E<ast> Seneca Street, Ithaca<- Нью-Йорк>
Tel. 6834

Дорогой Роман,

Будем страшно рады, если приедешь к нам на weekend² – любой weekend – ближайший или следующий. Мы покинули дом где провели лето (и вот почему телефон отмалчивался) и сняли удобнейший дом, где сдаем комнату жильцу, а для тебя будет Митина комната³. Все очень просторно и приятно после нашей Кэмбриджской карликово-сморщенной квартирki⁴. Итак, приезжай. Между прочим, привези книгу Ходасевича⁵, если можешь, а также «Эстафет»⁶, если есть у тебя.

Я начал свои курсы, и все очень просто – и неутомительно⁷. Это настоящая спокойная профессура а не Гарвардская+Уэлзлийская вздорная комбинация.

Вера кланяется вам обоим, ждем, будь здоров.

Твой В.

Набокова В<ера> Евсеевна

¹ Архивное описание условно датирует письмо осенью 1948. Судя по всему, оно хронологически предшествовало письму писателя к Гринбергу от 1 ноября, вошедшему в нашу предыдущую публикацию (в нем повторялось приглашение посетить Итаку). – ИМ. С.354-355.

² Выходные (англ.).

³ Д.В.Набоков в то время учился в школе в Плимуте, штат Нью-Хэмпшир.

⁴ Набоковы переехали в Итаку 1 июля 1948.

⁵ Возможно, речь идет о книге «Некрополь» или о поэтическом сборнике «Собрание стихов» (1927).

⁶ Издание не установлено.

⁷ Первая лекция курса русской литературы, который Набоков вел в Корнелле, состоялась 24 сентября.

12. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

б/д <1 апреля 1949; Итака – Нью-Йорк>¹

Dear Roman,

Many thanks for your kind invitation, but as you may know by now, my lecture has been transferred to the 7th of May.

I have already recommended two persons (besides my own wife) for teaching at Cornell. Not only are there no vacancies, but the present staff has not been working full time during the second semester due to a reduction of student enrollment. Should something unexpectedly crop up, I will get in touch with you immediately.

I hope you have a nice time in Virginia. I embrace you.

Do skorago.

Tvoy V.

ПЕРЕВОД:

Дорогой Роман,

Большое спасибо за любезное приглашение, но, как ты теперь уже, наверно, знаешь, моя лекция перенесена на 7 мая².

Я уже дал рекомендации двум людям (помимо своей жены) для преподавания в Корнелле. Но там нет не только свободных вакансий, но и штатные сотрудники во втором семестре работают с неполной нагрузкой из-за сокращения набора студентов. Если вдруг возникнет что-то неожиданное, я немедленно дам тебе знать³.

Надеюсь, что вы хорошо провели время в Вирджинии. Обнимаю тебя. <...>

¹ Архивная датировка – 31 марта. На конверте (почтовый штампель итакской почты – 1 апреля 1949; 1:30 пополудни) отправителем напечатано: 802 E<ast> Seneca Street Ithaca, N,Y.

Mr. R.Grynberg
304 W<est> 75th Street
New York, N.Y.

² Имеется в виду творческий вечер писателя в нью-йоркском Academy Hall, по техническим причинам перенесенный с 16 апреля на 7 мая. На нем присутствовали Наталья Набокова и ее (к тому времени бывший) муж Николай Набоков, Гессены, Гринберги и др. Письмо Набокова – ответ на приглашение Гринберга от 1 марта 1949: «<...> ввиду того, что лекция Володи состоится в субботу, 16-го апр<еля>, мы очень просим Вас прийти к нам в пятницу вечером, 15-го. Несколько человек к нам собираются. <...> Напишите нам ответ обратной почтой, потому что мы уезжаем в Вирджинию и вернемся только 12-го <...>». – ИМ. С.358.

³ Упомянутое письмо Гринберга от 1 марта содержало просьбу: «<...> очень важное дело: в середине апреля из дипийского лагеря американской зоны Австрии приезжает сюда некая Татьяна Александровна Нессина, москвичка, средних лет, по профессии преподавательница русского языка. Она окончила филологический факультет Московского Университета (в этом смысле мы товарищи), а также педагогические курсы в Москве. Со времени окончания войны она преподавала в школах Ди-Пи разные предметы, в том числе и английский язык. Я знаком с ней по переписке и должен ей и ее мужу помочь, ибо у них нет решительно никаких средств к жизни. Муж ее – учены<й> агроном, но Т.А. писала мне, что, если устроиться вместе в одном городе был<о> бы невозможно, они согласились бы жить в разных местах. Эти люди бежали в Германию из Сов<етского> Союза и предпочли трудовые лагеря сталинской жизни, а теперь, наконец, получили визы сюда. Из писем Т.А. мне показалась образованной и интеллигентной женщиной. Напишите, пожалуйста, есть ли какая-нибудь возможность устроить ее в Корнеле? Кому нужно писат<ь>? Кого просить? А если не в Корнеле, то куда же? О муже я не говорю, но могло случиться, что как раз он, как ученый агроном мог бы подойти Вашей университетской ферме. Это, конечно, было бы удивительное счастье, если <бы> они вместе устроились в Итаке. Напишите, что Вы думаете». – ИМ. С.358-359.

13. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

29-VIII.1950

802, E<ast> Seneca St<reet>
Ithaca, N.Y.<- Нью-Йорк>¹

Дорогой мой Роман,

Только что узнал – от Анны Лаз<аревны>², что ты был болен³. Очень взволновались задним числом, но радуемся что теперь тебе лучше. Эти сердечные ощущенья отвратительны – организм особенно впечатлителен в этом месте (Балканы тела), говорю как знаток. Но ты уж смотри не кури – и не покуривай больше. Дай нам знать как ты себя чувствуешь теперь. Ужасно хотелось бы тебя повидать, но уже так сложилась жизнь что живу в разлуке со своими до смешного немногими друзьями.

Поправляйся, дорогой! Обнимаю тебя, кланяйся Соне, мы все трое шлем вам сердечнейший привет.

Твой В.

¹ На конверте (почтовый штемпель итакской почты – 27 августа 1950: 9:30 пополудни) отправителем указано:

V.Nabokov 802 E<ast> Seneca St<reet> Ithaca, N.Y.

Mr. R.Grynberg

304 W<est> 75th <street>

New York City, N.Y.

В правом нижнем углу конверта адресат письма оставил полуразборчивую запись: «Bleichrod 8 Bing» (?).

² Фейгина Анна Лазаревна – двоюродная сестра и подруга жены писателя.

³ По-видимому, речь идет о начавшейся тогда у Гринберга кардиологической болезни.

14. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

11.IX.1950

802 E<ast> Seneca St<reet> <– Нью-Йорк>¹

Дорогой мой Роман,

счастливы были узнать – от тебя <и> от Зеки – что тебе лучше. Очень думаем о тебе и очень жалеем тебя. Всегда помни что сердца пошаливают у девятилетних здоровяков и у юношей и у Somerset Maugham'a² (у которого всю жизнь – этак три раза в год – диафрагма нажимала на сердце, вызывая припадки и обмороки).

Edmund доволен успехом своей пьесы и будет в New York'e скоро. Он не одобряет заглавия моей книги – мемуарной – Conclusive Evidence³ – а мне нравится – философски-оправдано и есть музыкальный холодок. В одной из глав – не напечатанной в журналах – я описываю моих коллег писателей и себя – под личиной Сирина. C'est très fort⁴. Думаю что книга особого успеха иметь не будет, а трудился я над этой маленькой вещью четыре года, и уже принесла она мне тысяч тринадцать-четырнадцать, давно испарившихся. Думаю, что около Рождества, по сю или по ту сторону года, ты получишь экземплярчик⁵.

Я более или менее закончил подготовку нового курса, который читаю в этом сезоне – Европ<ейская> беллетристика и сделал несколько открытий. Я остыл к Лоусе'у, которого как писателя очень любил, хотя, как писатель-же, ничем ему не был обязан. Теперь нахожу в «Улиссе» досадные недостатки промеж гениальных мест – stream of concionsness⁶ звучит условно и неубедительно (никто не ходит вспоминаячи с утра до ночи свою прошлую жизнь, кроме авторов), половой момент подстать гимназисту-онанисту, желудочные авантюры (с пердунцами, занимающими целые страницы) слишком растянуты – как монологи в старых пьесах – и еврейство Блума не избегает ни одного шаблона (семьянин хороший, глаза с деся-

титысячелетней поволокой, расчетлив и т.д.). Скажи это Edmund'у, если увидишь его – я боюсь.

Митюша перевалил через 6 ф<утов> 5 инч<ей>, на днях уезжает в школу – еще один год до университета⁷. Классно играет в теннис. Соне – сердечный привет. Не знаю, каков ты в болезни – я тяжелый, привередливый, мнительный и неаппетитный пациент. Думаю что ты легок и мил, но конечно нельзя знать. Черкни мне, как говорится словцо, если есть охота.

Обнимаю тебя

В.

¹ Письмо на именном бланке Корнеллского университета: «Department of Russian Literature – Vladimir Nabokov – Goldwin Smith Hall – Ithaca, New York». В левом верхнем углу первой страницы приписано: «Милый Роман, я тоже хочу Вам пожелать скорее поправиться и больше не хворать! Привет Вам обоим от Мити и от меня. Вера».

² Мозм Уильям Сомерсет (1874–1965) – новеллист, драматург.

³ На протяжении 1947–1951 отдельные главы из этой книги воспоминаний печатались в журнале «Нью-Йоркер», книжное издание вышло в свет 14 февраля 1951. Обсуждая с автором эту книгу, Вильсон нашел ее заглавие слишком холодным, но тот пояснил, что искал самое нейтральное название, впрочем, соглашаясь в том, что этот выбор не передает смыслов книги. – NWL. P.259. Коммерческий успех набоковских воспоминаний вызвал проект их перевода на русский язык. См. об этом письмо 15.

⁴ Это сильно (*франц.*).

⁵ Книга была выпущена в свет издательством «Harper & Brothers» в январе 1951.

⁶ Поток сознания (*англ.*).

⁷ В тот год Д.В.Набоков проходил специальный предуниверситетский курс в школе при Северо-Западном университете.

15. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

2-VI-1951,
<Итака – Нью-Йорк>

Дорогой мой Роман

во время нашего телефонного разговора перед моим отъездом я сообразил, что ты пожалуй единственный человек, которому я готов был бы доверить перевод Conclusive Evidence на великий, могучий, свободный. Ив.Бунин? Но у него есть ужасные одессизмы (как напр<имер> «он стыдился за глухоту») и кроме того он не знает английского. Чета Набоковых?¹ Но они слишком заняты. Серьезно – мне необыкновенно нравится мысль, чтобы ты перевел² главу (или всю штуку?). Правда, там есть шахматная задача... Но может быть кто-нибудь тебе объяснит названия фигур и элементарные ходы.

Было страшно приятно повидать тебя и Соню. Сейчас пишу за кафедрой – даю письменный экзамен большому классу (Европейская литература). Опустив локоны на тетради, быстро пишут весеннего образца студентки. Небритый брюнет терзает прыщ.

10-го едем за Митюшей, а около 20-го пустимся в Колорадо (юго-западный уголок, Сан-Мигуэльские горы), а оттуда, около 1-го августа, поедем на две недели в Tetons³ – и домой.

Желаем вам приятнейшего лета, обнимаю тебя, дорогой.

Вера шлет привет.

В.

¹ Имеются в виду Николай и Наталья Набоковы.

² Исправлено: переводил.

³ В последнюю неделю июня Набоковы отправились на машине в очередную летнюю лепидоптерологическую экспедицию в Теллурид, штат Колорадо. Там в начале следующего месяца к ним присоединился Дмитрий. В августе Набоковы посетили национальный парк в Западном Йеллоустоуне, штат Монтана, откуда вернулись в Итаку. Об этом см. письмо 18. Впечатления от этого путешествия впоследствии отразились в романе «Лолита». См.: Boyd-2. P.202-203.

16. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

9.VI.1951

802, E<ast> Seneca Street N.Y. <Нью-Йорк>

Дорогой мой Роман,

одна фраза в твоём милом письме отозвалась с необыкновенной – математикомузыкальной – точностью на мысль, довольно назойливо занимавшую меня последнее время. Я хочу воспользоваться твоим дружеским предложением. Мои дела пришли в фатальное расстройство. Как ты знаешь, в прошлом и позапрошлом годах я помещал рассказы в New Yorker'e; мне платили около тысячи долларов за штуку, а это в сопряжении с пятью тысячами моего университетского оклада было как раз достаточно, чтобы нам жить и содержать Митюшу в частной школе. В этом году из-за нового курса и громадной работы для него, я ничего не написал для New Yorker'a, и положение создалось довольно фантастическое. Я уже в долгу как в пословичном шелку (одному Георгию должен триста долларов). И если бы не академическая награда то просто не знаю бы что было бы. Теперь же с призрачной и грозной неясностью стоит передо мной поступление Митюшино в Гарвард где стипендии он не получил. Все это пишу тебе не для того только чтобы объяснить тебе положение, но чтобы кроме того отвести душу. Главное, мне невозможно писать

ради денег рассказы – патологический холод сковывает члены – и совсем другое сейчас пленит меня – роман (но не говори Алданову, он замучил меня разспросами). Если бы ты мне ссудил тысячу, призраки отвязались бы, и в плодородной части души все прояснилось бы. Постепенно я бы возместил тебе гонорарами – но не скрою от тебя, что может быть тебе придется вооружиться большим терпением, чем мне сейчас кажется. Нужно будет. Выражаюсь не очень грамотно, но точно. Я бы тебе все это не написал, если бы ты не напомнил в письме свои же слова, сказанные на небоскребе. Voilà¹. Если хоть что-нибудь в этом тебе кажется невыполнимым, так и скажи – ни о каких чувствах связанных с такого рода делами – некоего стеснения и так далее – между тобой и мною, конечно, не может быть речи.

Жду с нетерпением твоей версии моих английских фраз².
Обнимаю тебя, дорогой.

В.

¹ Вот так (*франц.*).

² Имеется в виду работа по переводу книги «Conclusive Evidence» на русский язык, предложенная автором Гринбергу в начале июня 1951. Об этом см. письма 15 и 17-19.

17. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

15-VI-1951
<Итака – Нью-Йорк>¹

Дорогой мой Роман
громадное тебе спасибо за милейший чек. Пульсация световых пятен в еще капающей аллее возобновилась.

Отложи все дела («отложите все частные дела» как писал Гоголь в стадии «Переписки») и переводы. Буду каждое слово сверять с подлинником.

Мой сборник стихов – «Стихотворения В.Набокова» – а не «Резеда» или «Переливчатость» – ушел в Париж, где будет напечатан².

Будь здоров, дорогой. Проведи чудное лето. Привет вам обоим от нас обоих.

Твой

В.

¹ На конверте (штемпель итакской почты: 15 июня 1951; 7:30 пополудни) отправителем указано:

V.Nabokov 802 E<ast> Seneca <Street > Ithaca, N.Y.

Mr. Roman Grynberg
304 West 75th St<reet>
New York City N.Y.

² Имеется в виду книга «Стихотворения 1929–1951», выпущенная в 1952 парижским издательством «Рифма» тиражом в 200 экземпляров. Переписку Набоковых с издателем С.К.Маковским, обсуждающую это издание и новый сборник, оставшийся неосуществленным в 1962, см.: РГАЛИ. Ф.2512. Оп.1. Ед.хр.350.

18. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

15-VIII-1951
West Yellowstone <Монтана – Нью-Йорк>

Дорогой мой Роман,
думаю, что <ты> давно закончил перевод шахматной главы и только откладываешь окончательную переписку на машине. «Взялся за гуж полезай в кузов», как говорил некто Якобсон, музыкант, страшно сопел, когда брал аккорды.

Мы сейчас в районе Елостонского парка (только что писал Алданову и одарил его каламбуром «Ели стонут») а Митюша в Тетонском парке ползает по острым горам. Сейчас лучезарный вечер с дальней грядой гор будто сделанных из уральских камней. Завтра пускаемся в обратный путь.

Как поживаешь, дорогой? Напиши мне два слова на Корнельский адрес.

Вера и я шлем привет вам обоим.

В.

19. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

2-XI-1951
623, Highland R<oa>d
Tel.: Ithaca 43109 <-Нью-Йорк>¹
(4-3=10-9, легко запомнить)

Дорогой мой Роман,
спасибо за чудное письмо. И всегда так весело слышать твой баритон по телефону.

Фрумкина² мне звонила и теперь написала – все кажется устроилось очень удачно. У меня есть лирическая речь о Гоголе, и новые стихи³.

Попробую войти в сношения с Шапиро⁴. Мне никогда не везло со сценариями. С другой стороны ведь купили-же лет шесть или

семь тому назад Камеру обскуру какие-то французы – но до сих пор не поставили⁵.

Меня особенно тронуло то что ты написал по поводу Митюши. Скажу тебе совершенно откровенно. Меня прямо-таки изнуляет мысль, что в нужный срок не добуду стоимости его гарвардского обучения⁶. Я сейчас послал рассказ Нью-Йоркеру⁷, и если они возьмут (рассказ, увы, с клыками, и в короне звезд и совсем я не уверен, что они поймут его) то как раз хватит заплатить десятого декабря около пятисот <долларов> за его учение, и нам самим выгрести из ила в котором застряли. Но если не продам, то хотя бы за часть этой суммы обращаюсь к тебе. В весенний семестр немного полегчает, Гарвард пожиротеее Корнеля, все таки⁸. Между нами говоря, мне тут здорово надоело, и без восторга вернусь сюда осенью.

Я читал Зеке главу моей большой вещи – говорил он тебе о моих монстрах?⁹ Ношусь, *comme on dit*¹⁰ с мыслью продолжать серию воспоминаний, и то что я сейчас послал New Yorker'у – пробное звено такой серии, «*More Evidence*»¹¹. Ты что то приумолк насчет своего перевода. Смотри, не бросай¹².

Спасибо за приглашение переночевать – воспользуюсь им. В Кэмбридже мы сняли дом с большой полосатой кошкой. Сейчас лежит у меня в ногах мешок со стапятидесятью тетрадками – плод экзамена, и все нужно внимательно прочесть и поставить баллы, да-с, как Сологуб, который кажется тоже был учитель.

Обнимаю тебя. В.

¹ На конверте (штемпель почты в Итаке 5 ноября 1951; 5:30 пополудни) отправителем указано:

V Nabokov
623 Highland R
Ithaca

Mr. Roman Grynberg
304 W^{est} 75 ^{Street}
New York City, N.Y.

² Имеется в виду устроительница литературного вечера 8 декабря, жена Я. Фрумкина, дружившего с отцом писателя, а впоследствии возглавившего нью-йоркское отделение еврейской благотворительной организации ХИАС. Фрумкины много помогали Набоковым в первые месяцы после их приезда в США.

³ Это письмо – ответ на письмо Гринберга от 20 октября с обсуждением разных дат литературного вечера писателя, в конце концов состоявшегося 8 декабря в нью-йоркском Master Institute Theater. – ИМ. С.373-374. В его программе был и доклад о Гоголе, посвященный столетию со дня смерти классика.

⁴ Лицо не установлено; по-видимому, агент одной из голливудских студий, порекомендованный писателю Гринбергом. В 1958 голливудским агентом писателя стал Ирвинг Лазар.

⁵ Первая попытка экранизации этого романа относится к началу 1932, когда писатель предложил его через С.Бертенсона режиссеру Л.Майлстоуну. Однако первый, оценив художественные достоинства и экранные возможности этого произведения, отклонил его из-за «чрезмерной эротичности» для стандартов Голливуда. Осенью 1945 Набоков продал права на экранизацию своего романа одной из французских кинокомпаний, однако и этот проект остался нереализованным. Появление сценарных проектов в переписке, по-видимому, связано со стремлением друга помочь Набокову преодолеть таким образом материальные затруднения.

⁶ См. об этом письмо 16.

⁷ Речь идет о рассказе «Копье» (напечатан в указанном журнале 2 февраля 1952), пародировавшем жанр научной фантастики. Он сразу же понравился редактору, но его подготовка к публикации потребовала от автора дополнительных письменных объяснений с редакцией. См.: Boyd-2. P.208-210.

⁸ По договоренности с М.Карповичем, весенний семестр 1952 Набоков замещал его в Гарварде, читая лекции по истории русской литературы XIX века и ведя семинарий по Пушкину.

⁹ По-видимому, это первое в истории общения Набокова с Гринбергом упоминание о новом творческом замысле – романе «Kingdom by the Sea», позднее получившем название «Лолита». К тому времени писателем было написано 12 черновых глав первой части будущего романа. См.: Boyd-2. P.169.

¹⁰ как говорится (*франц.*).

¹¹ Идея дополнить воспоминания главой о своих школьных годах возникла у писателя в феврале 1951, вскоре после окончания работы над книгой. По свидетельству биографа, новый замысел был спровоцирован семейным разочарованием условиями жизни и учебы Набокова-младшего в престижной и дорогой частной школе Св. Марка в Саутборо, штат Массачусетс. См.: Boyd-2. P.122.

¹² В начале 1952 Гринберг представил другу перевод одной из глав книги, но Набоков его не принял, расценив эту работу в письме к Вильсону как «невозможно грубую». – NWL. P.268. Во время путешествия в Аризону летом 1953 писатель сам начал работу над переводом книги на русский язык, о чем и сообщил Гринбергу. – IM. C.383. Обсуждение этой работы см. также в набоковском письме от 10 января 1954. – Idem. C.395-396.

20. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

<Нью-Йорк>¹

Роману и Соне от героя «Дара»

Однажды мы под вечер оба
 Стояли на старом мосту.
 «Скажи мне – спросил я – до гроба
 Запомнишь вон ласточку ту?»
 И ты отвечала: «Еще бы!»

И как мы заплакали оба,
 Как вскрикнула жизнь на-лету!
 До завтра, навеки, до гроба,
 Однажды на старом мосту...²

(за Ф.Годунова-Чердынцева)

В.Набоков-Сирий

9.XII.1951³

¹ Написано на личном бланке адресата с указанием его домашнего адреса: 304 West 75th street New York, N.Y. Этот автограф – сувенир в память о литературном вечере 8 декабря, на котором, по-видимому, это стихотворение прозвучало в авторском исполнении. Кроме того, его присутствие в сознании автора было связано с работой по изданию полного текста романа «Дар» в издательстве им. Чехова (1952). Как известно, после категорического отказа редакции «Современных Записок» публиковать четвертую главу романа Набоков пытался устроить ее в журнал «Русские Записки», но эта попытка на увенчалась успехом. См.: Из писем В.В.Набокова / Публ. В.Ал-лоя // М. Вып.8. С.374-281. Тогда же писатель затеял переговоры с владельцем издательства «Петрополис» А.Каганом, к тому времени (осень 1938) переведшим свои дела и членов семьи из нацистского Берлина в Брюссель (с помощью все того же Я.Фрумкина, упомянутого в прим.2 к письму 19). Предлагая полную версию романа, автор так охарактеризовал его издателю: «<...> это моя любимая вещь, над которой я работал свыше трех лет» (письмо от 12 октября 1938; Париж – Брюссель). В ходе последующего обсуждения этого проекта участники решили выпустить «Дар» в двух томах из-за большого его объема; 18 ноября того же года автор отослал Кагану авторский экземпляр романа. – VAR. Kagan Coll. Box 1. Ухудшение финансовых дел издательства и последующий ход европейской истории сорвали этот план. См. об этом также в: Дневник Адама Сауловича Кагана // Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т.1. Иерусалим, 1998. С.230.

² Пунктуационно этот автограф не совпадает с печатным вариантом стихотворения в романе. По свидетельству близких, именно стихотворение «Ласточка» Набоков любил более всех других своих русских поэтических сочинений. См.: *D.Barton Johnson & Ellendea Proffer. Interview with Vera and Dmitri Nabokov* // RLT. P.77.

³ Датировано, по-видимому, рукой адресата.

21. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

15.XII.1951

623 Highland R<oa>d, <Итака – Нью-Йорк>¹

Дорогие Соня и Роман,

у меня осталось очень, очень приятное воспоминание от моего прелестного (надпись – взаимно-прелестного) постоя у вас. Благодарю за все ваши милые заботы.

Обратный путь² прошел также гладко и быстро, как и передний.

Но должен вот что отметить: эти выступления с собственными стихами³, эти редкие погружения в прорубь русского моего сочинительства производят на меня болезненное, потрясающее действие. Я несколько дней как-то не мог прийти в себя. Вероятно это идет на пользу, в струнном отношении души, но самое переживание – острое и бередливое – if you know what I mean⁴, как говорят русские.

Метель. В понедельник начинаются у меня небольшие каникулы – до 3-го января. Прочел вчера прескверную книжонку Н.Бродского о «Евгении Онегине». Там чорт знает что понаврано⁵.

Целую ручку Сонину, обнимаю Романа. Вера шлет сердечный привет.

В.

¹ Письмо на именном бланке отделения русской литературы Корнеллского университета.

² Зачеркнуто: «Мы вернулись».

³ Имеется в виду литературный вечер 8 декабря, обсуждавшийся в письме 19.

⁴ Если ты понимаешь, что я имею в виду (англ.).

⁵ По-видимому, Набоков имел в виду издание: *Бродский Н.* «Евгений Онегин». Роман А.С.Пушкина: Пособие для учителей средней школы. М., 1950 (1-е изд. в 1932). Обсуждение этой работы см. также в письме 38.

22. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

11.5.<19>52

9 Maynard Place

Cambridge 38

Massachusetts – Нью-Йорк¹

Дорогой Роман,

Диктую Вере, – рука устала. Thumb² болит. Прости, что не писал, меня «заела» работа. Мы оба очень хотим Вас обоих видеть. Напиши, когда приедете, и мы устроим для вас «партию» (не считая тех, кот<оторые> мы с тобой разыграем). Ты м<ожет> б<ыть> слышал, что я пожалован Гугенхеймом³. Беру отпуск на весну 1953. Буду переводить Евгения Онегина, и как переводить, с какими вкусами примечаниями и объяснениями...

Обнимаю тебя, целую ручку Соне.

Обнимаю В.⁴

Я тоже очень прошу приехать вас обоих и шлю сердечный привет.

Вера

¹ На конверте (штемпель итаксской почты: 11 мая 1952, 10 часов пополуночи) отправителем указано:

Nabokov
9 Maynard Pl
Cambridge 38
Massachusetts

Mr. R.Grynberg
304 West 75 Street
New York City, N.Y.

² Большой палец руки (англ.). Фраза вписана самим Набоковым от руки.

³ В начале апреля Набоков узнал о том, что Фонд Гугенхайма выделил ему второй денежный грант в знак признания литературного мастерства (первый грант был получен им в марте 1943).

⁴ Вписано писателем.

23. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

10-VIII-1952
Afton, Wyoming,
Corral Log Cabins

Дорогой мой Роман,

Пишу тебе из юго-западного Wyoming¹. Мы с Верой живем в очаровательном «мотельчике» около Afton'a (возьми карту и посмотри) и посматриваем на шоссе: не едешь ли ты с Соней – или Зека с другой Соней. В самом деле – где ты? Если на «западе» то непременно проезжай через эти наши места, в соседстве Елостонского и Тетонского Парков. Митюша от нас в ста милях «кампует»² в Тетонах, ползает по скалам, которые стараюсь не слишком ясно вообразить.

Я даже теперь не совсем очухался после ужасных зимних и весенних трудов моих; но нервная система выправилась, перестала походить на спутанную колючую проволоку. Мы здесь остаемся до конца Августа – потом «домой» в Итаку. Обнимаю тебя, дорогой, напиши два слова, если не лень.

Вера шлет вам обоим сердечный привет.

В.

¹ Набоковы отправились в очередную лепидоптерологическую экспедицию в западные штаты в двадцатых числах июня, сменив там за лето несколько стоянок. В начале августа они остановились в Эфтоне, штат Вайоминг. Их путешествие в этот штат было повторным после лета 1943 г.

² Здесь: живет в лагере (от англ. to camp).

24. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

<12 декабря 1952; Итака – Нью-Йорк>¹

Dear Roman,

I shall come to New York on Saturday, the 20th², in the evening. If convenient to Sonia and you, I would like to stay with you a few days – then transfer my belongings and myself to Zioka.

I am glad you liked my little poem³.

A bientot, cher ami!

With best wishes from us both to you both,

Yours,

V.

ПЕРЕВОД:

Дорогой Роман,

Я буду в Нью-Йорке в субботу, 20-го, вечером. Если это удобно для Сони и для тебя, то я бы погостил у вас несколько дней – потом перевезу пожитки и себя к Зеке.

Рад, что тебе понравилась моя маленькая поэма.

До скорого, дорогой друг!

Наилучшие пожелания от нас обоих вам обоим.

Твой

В.

¹ Датировано по архивному описанию.

² Приезд писателя в Нью-Йорк был связан с его очередным литературным вечером, состоявшимся 21 декабря. В программу набоковского выступления входил доклад об А.Блоке, а также чтение собственной прозы и поэзии.

³ См. стихотворение «Ласточка» – письмо 20.

25. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

25.1.<19>54

<Нью-Йорк – Итака>

Дорогой Володя,

мои звонки по телефону к тебе, в Итаку, были где-то рассказаны Кафкой¹ – отвечают какие-то голоса, никто тебя не знает, а неизменно я слышу, что «он ушел к себе».

Рукопись ушла в набор. Корректуру pošлю тебе, как только она явится на Божий свет. Я не понял, что значит в твоём письме «последняя корректура»². Если ты понимаешь под этим ту, кот<орая>

дается типографией, когда книга уже сверстана, то ты и эту получишь. Мне приятно, что корректуру будешь держать ты. Рад, что у нас будут 3, а не 2 главы³. Они мне нравятся больше английских – это понятно. Касательно №4, кот<орый> предполагается осенью, нелегко говорить – больно далеко, но осенью, я слышал, твоя книга уже выйдет у чехов⁴, тогда для нас пропадет вся новизна. С нашим №3 мы выйдем в начале апреля – консервативная точка зрения, поэтому подожди с «Нов<ым> Жур<налом>». Они более «частые», чем мы, планов их не знаю, и неровен час – ты пошлешь 4<-ю> и 5<-ю> главы, и они их пустят до нас. Ничего себе получится конфуз с господами ОПЫТАМИ.

Ничего, разумеется, я не менял в твоей рукописи, кроме слова «несовсем», которое ты пишешь слитно, а я убежден, что нужно писать «не» отдельно, уверяю тебя.

Корректуру тебе придется возвратить немедленно и, по возможности, ничего не меняя, но только исправляя, не то хозяйка⁵ взвоет от накладных расходов типографов – ты понимаешь.

А чулок Вильсона получился – ты прав – хамоватый; спятил человек – нет никакого сомнения; да кроме всего – не остроумно⁶.

Всего хорошего, сообщи все-таки № телеф<она>.

Сердечный привет Вере

твой

¹ Творчество Ф.Кафки было одной из центральных тем учебного курса «Шедевры европейской литературы», читанного Набоковым во втором семестре учебного года 1953/1954. Кроме того в нем разбирались также произведения М.Пруста и Дж. Джойса.

² Обсуждение этой стороны дела – в письме Набокова к Гринбергу от 10 января. – ИМ. С.395-396. См. также письма 26 и 27.

³ Имеется в виду согласие писателя на публикацию в О трех первых, а не двух, как предполагалось сначала, глав из книги «Другие берега», о чем он сообщил в телеграмме 17 января. – ИМ. С.397.

⁴ Издательство им. Чехова.

⁵ Имеется в виду Мария Самойловна Цетлина (1882–1976; урожд. Тумаркина; в первом браке – Авксеньтьева) – дочь богатого московского ювелира, с юности близкая к руководящим кругам партии эсеров; меценатка, хозяйка литературно-политических салонов в Москве, Париже и Нью-Йорке; с 1910 – жена поэта Михаила Осиповича Цетлина (1882–1945; литер. псевдоним – Амари). После переезда семьи Цетлиных в США она была в числе основателей НЖ (1942), до 1952 вела финансовые дела его редакции, а впоследствии спонсировала это издание.

⁶ Ответная реакция на отзыв Набокова в письме от 10 января по поводу одной из неуставленных нами рецензий Вильсона в журнале «New Yorker». – ИМ. С.396.

26. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

6-го февраля 1954 г.
<Итака – Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

Посылаю тебе гранки. Есть несколько существенных поправок. Пожалуйста не забудь прислать мне сверстанную корректуру.

У меня остался неприятный осадок от нашего последнего телефонного разговора. Учityваю, что ты – издатель-новичек, и потому считаю нелишним объяснить тебе, что ни один порядочный писатель, как бы ему ни хотелось заработать еще 29 долларов и 35 центов, не прибегает к таким уловкам, как та, в которой ты меня заподозрил. Вот на всякий случай выписка из письма Карповича от 24-го января: «...Теперь о деле. До лета выйдет две книжки Н<ового> Ж<урнала>. Одна в марте, другая в июне. И в той, и в другой, мы могли бы – и были бы очень рады – поместить главы из Ваших воспоминаний...»¹

Другими словами, если бы «Опыты» согласились выйти недели на две раньше, чем предполагалось, а «Новый Журнал» недели на две позже, это дало бы мне возможность выпустить за весну череду глав. С этой целью я звонил тебе, а на другой день Карповичу².

Меня, признаться, еще удивляет разница в гонорарной силе между «Опытами» и «Новым Журналом». «Н<овый> Ж<урнал>» платит 2 доллара за 390 слов (их страница). Вы же платите повидимому за 500 слов (судя по шрифту гранок) один доллар, т.е. почти втрое меньше. Прости, но в будущем я на это согласиться не могу.

Будь здоров.

Твой

В.

¹ Отношение к творчеству писателя в редакции НЖ было неоднозначным. В противоположность М.Карповичу, секретарь редакции Р.Гуль воспринимал его негативно, но делился суждениями на сей счет лишь с антагонистами Набокова. См., например, его письмо к Г.Иванову от 18 июля 1954. (Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т.III. Россия в Америке. Нью-Йорк, 1989. С.206-207).

² Карпович Михаил Михайлович (1887–1959) – историк. С 1917 – жил в США, с 1927 работал в Гарвардском университете, впоследствии – профессор и заведующий его славянским отделением; в 1946–1959 – главный редактор НЖ. Его знакомство с Набоковым произошло в Праге (1932) и было закреплено эпистолярным общением; после переезда Набоковых в США (которому Карпович активно содействовал) оно перешло в тесное общение. См. об этом: ИМ. С.349-350. О Карповиче см. некрологические статьи А.Керенского, Г.Вернадского, М.Вишняка, Р.Гуля – НЖ. 1959. Кн.58;

Н.Тимашева – Там же. Кн. 59; *Zenkovsky A. A Russian Historian at Harvard // Russian Review. 1958. Vol. XVII.*

Письма Набокова к Карповичу хранятся в: BAR. Michael Karpovich Coll.

27. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

<б/д; февраль 1954, Нью-Йорк – Итака>

Дорогой Володя,

благодарю тебя за такой быстрый возврат корректур; в следующий раз пришлю уже сверстанные страницы.

Я, разумеется, новичек и, поэтому, мне было неприятно, чтобы Восп<оминания> Набокова появлялись в другом журнале до того, как появятся у нас. Я тебя и стал просить сначала в письмах, потом по телефону так именно и поступить, а ты по телефону стал мне доказывать, что тебе необходимо как можно скорей печататься у Каргулей¹, даже если б они и вышли до нас, тем более, что вреда это особенного иметь для читателя не может, потому что связи между главами почти никакой нет. После этих твоих слов я сказал тебе, что ты должен поступить так, как тебе выгоднее всего, не считаясь с моей просьбой. На это ты и заметил, что будешь звонить ММК<арповичу>. Это – все.

В типографии мне сказали, что мартовская книжка Н<ового> Ж<урнала>, та, которая меня пугала, потому что мы-то выйдем в начале апреля, уже сверстана и никакой другой набор сделан не будет для нее – меня успокоила эта справка, хотя, отходя от телефона настроение у меня было неприятное. Ты же, конечно, до разговора с Карповичем этого знать не мог. Не было б всего разговора, если б ты позвонил сначала ему.

Что же касается размеров страницы, то – опять-таки <ты> этого знать не можешь – в нашем №3 размер у нас будет тот же, что у Нов<ого> Жур<нала>. Это новшество должно удешевить издание, по мнению издателя. О гонораре я с тобой не могу говорить языком Каргулей, потому что они намного богаче нас.

¹ Прозвище, данное Гринбергом редакции НЖ, конкурирующей с О: аббревиатура фамилий Карповича и Гуля. В переписку с Набоковым он ввел его в письме от 6 мая 1953. – ИМ. С. 384.

Гуль Роман Борисович (1896–1986) – прозаик, литературный критик, мемуарист; в 1966–1986 – главный редактор НЖ.

28. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

14.3.<19>54
 <Нью-Йорк – Итака>

Дорогой Володя,

звонила только-что твоя приятельница, мадам Фрумкина¹, и сказала, что ты едешь сюда. Очень радостное сообщение и мы тебя просим ехать прямо к нам, где тебя будет ждать твоя комната и мои книги, и где ты будешь, говоря на языке Жана Жэне², ложэ, бланши и нури³. Кстати, у меня много книг самых интересных на все вкусы, подмигиваю.

А настроение у меня самое роскошное, какое бывает у двуногих. Я молодею с каждым днем и довольно стремительно. №3, где Сири, печатается, и выйдет в конце месяца к моему приезду. № на большой палец, что надо. С тебя начинаю, собой заканчиваю, вроде покрывки, и, представь, о Ленине⁴. Увидишь, это тебе не Аронсон⁵ – совсем в другом порядке. Стихов нет – новость. Поэты предадут проклятию, как уже проклял меня Иваск⁶. У тебя довольно пестрая, но хорошая компания – тут и Шестов, и Вейдле, и Бабель, неизвестная Неверова в эсхатологическом повествовании, и Варшавский⁷ и... Адамович⁸, и прочие⁹.

Георгий говорит, что ты выбрал самый неудачный день в году – 2-ое апреля¹⁰, когда где-то должна произойти схватка: какой-то кубинец собирается эпохально кого-то тузить по мордасе.

Обнимаю тебя по-хорошему. Счастливой дороги – ждем!

¹ См. о ней прим.2 к письму 19.

² Жене Жан (1910–1986) – французский беллетрист и драматург, вошедший в то время в литературную моду. Его творчеству, построенному на беллетризации собственного преступного прошлого, присущи ненормативная лексика и порнографические мотивы. Отсылка к литератору со скандальной репутацией – знак того, что к тому времени Гринберг в той или иной степени был знаком с романом «Лолита».

³ Здесь: обогрет, обстиран, накормлен (*франц.*).

⁴ В очередном «Nota Bene» Гринберг отозвался на выход книги Н.Валентинова «Встречи с Лениным» (1953).

⁵ Имеются в виду статьи видного меньшевика, публициста и обозревателя, в 1944–1957 – члена редакции НРС Григория Яковлевича Аронсона (1887–1968), регулярно печатавшегося на страницах указанной газеты, НЖ и «Социалистического вестника». См. о нем: *Серман И.* Григорий Яковлевич Аронсон // Евреи в культуре русского зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т.IV. 1939–1960. Иерусалим, 1995.

По мнению некоторых современников, печатные отклики Аронсона на литературные новинки (в том числе и на выход первого номера О – НРС.

24 мая 1953) зачастую отличались пристрастностью и недостаточной компетентностью в обсуждаемых вопросах. Ответом редакции журнала на упреки рецензента стала анонимная заметка «О нашем №1», помещенная во втором номере О, автором которой, как мы полагаем, был Гринберг.

25 мая 1953 на квартире М.Цетлиной состоялось обсуждение нового издания, в котором, помимо членов редакции, приняли участие видные представители русской колонии Нью-Йорка: В.Завалишин, М.Коряков, Г.Дерюжинский, о. А.Шмеман, М.Карпович, В.Яновский, В.Варшавский, Б.Филлиппов, Ю.Иваск, И.Елагин, Ю.Марголин и др. Присутствовавший на встрече Аронсон заявил, что «славословие и общие места его не удовлетворяют. Малый разнос лучше больших комплиментов для редакции. <...> Надо делать отбор, надо привлечь новые имена в отдел беллетристики, статей и поэзии. Редакция должна прислушиваться к “ложкам дегтя”, а не к комплиментам...» – Цит. по конспективной стенограмме обсуждения, сделанной Гринбергом. – VP. Vox 1.

⁶ Иваск Юрий Павлович (1907–1986) – поэт, художественный критик, литературовед, философ, мемуарист, с 1949 живший в США. См. его публикации в О: «Молчание», «Стихотворение», «Рифма (новый сборник стихов)» (1953. №1); «Клюев» (1953. №2); «Записки читателя» (1955. №4); «Заметки писателя» (1956. №6); «Философ в дурацком колпаке» (1957. №8); «Стихи Живаго-Пастернака» (1958. №9), а также многочисленные рецензии во многих номерах этого издания. Иваск стал преемником Гринберга на посту редактора О после его конфликта с Цетлиной из-за участия в журнале В.Набокова и других «неудобных» авторов. Из извещения издательницы: «Дорогой Роман Николаевич! Довожу до Вашего сведения, что я намерена издавать “Опыты” в другом составе редакции. Всего лучшего. Мария Цетлина» (20 сентября 1954). – VP. Vox 2. Письма Гринберга к Иваску за 1952–1969 см. в: Amherst Center for Russian Culture. Yuri P.Ivask Papers.

⁷ Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978) – прозаик, публицист, литературный критик, мемуарист, с 1950 живший в США (в 1968 вернулся во Францию). См. его публикации в О: «Отрывок» (1954. №3); «О Поплавском и Набокове» (1955. №4); «К разговорам о Дудинцеве» (1957. №8). Он же был и рецензентом трех выпусков ВП, опубликованных в НЖ.

⁸ Адамович Георгий Викторович (1892–1972) – поэт, художественный критик, многолетний корреспондент Гринберга. См. его публикации в О: «Комментарии» (1953. №1; 1954. №3; 1956. №6); «Три стихотворения» (1953. №2); «Стихи», «Поэзия и эмиграция» (1955. №4); «О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем» (1956. №7); «Невозможность поэзии» (1958. №9).

⁹ Помимо указанных, имеются в виду публикации: Л.Шестов «Sola Fide», И.Бабель «В щелочку», В.Вейдле «На смерть Бунина», Е.Неверова «Трубный глас».

¹⁰ Дата предполагаемого приезда Набоковых в Нью-Йорк. См. об этом в письмах 29 и 30.

29. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

18-vo Marta 1954 g<oda>¹
 101 Irving Place
 Ithaca, N.Y.<– Нью-Йорк>

Bolshoe spasibo tebe za tvoyo miloe priglashenie – i Sonie. U menya sokhranilis' samie priyatnie vospominaniya o moem lozhe i o tvoey biblioteke. U nas vsyakiye amerikanskije dela v Nyu Yorke, i my reshili s Veroy ostanovitsya v gostinitze².

Ya budu v Nyu Yorke s pyatnitsi do voskresenya, i ochen' «look forward»³ (oba) Vas uvidet'.

Obnimayu tebya. Bud' zdrav.

V.

Роман, вечер отменен, но я все равно должен быть в Нью-Йорке и хотели бы прийти к вам обедать (или после обеда) в пятницу. Хотели бы у вас-же повидать Гессенов (за обедом или после обеда) так как приезжаем всего на один день.

¹ Письмо на именном бланке отделения русской литературы Корнеллского университета.

² Набоковы намеревались приехать в Нью-Йорк в первых числах апреля. Их выбор «нейтральной» территории для постоя, по-видимому, был обусловлен дипломатическим нежеланием обидеть Гринбергов и Гессенов, соперничавших между собой в праве принять у себя Набоковых.

³ Здесь: надеемся (англ.).

30. Р. ГРИНБЕРГ – В. НАБОКОВУ

20.3.<19>54
 <Нью-Йорк – Итака>

Дорогой Володя,
 итак, мы Вас ждем к обеду в пятницу, 2 апреля, уже без обманов, – радуемся! С нами будут Гессены¹.

У нас случилась небольшая удача! «Партизан ревью»² купила у нас статью Степуна из №2 ОПЫТОВ³. Для него чистый барыш – для нас сам понимай!

Будь здоров, милый мой; Вере – Соня и я шлем поклоны.

твой

¹ Набоковы пробыли в Нью-Йорке со 2 по 4 апреля, приехав туда для очередной радиозаписи для BBC (писатель начал свою поэму «Evening of Russian Poetry» и переводы пушкинской поэзии на английский язык).

² Журнал «литературы и социальной мысли» «The Partisan review» был основан в 1933 У.Филипсом и Ф.Равом.

³ Степун Федор Августович (1884–1965) – философ, писатель, художественный критик. Статья «Кино и театр», напечатанная в О, была переработкой одной из глав его немецкой книги «Основные проблемы театра» (1923) и привлекла к себе внимание русских читателей. Описывая свои впечатления от второго номера О, Г.Адамович писал к Гринбергу: «<...> Мне жаль только, что Степун – человек с большими недостатками, но с большим умом и талантом, ограничился неподходящей для него темой. Анненков, как всегда, развязен, но, в общем – неплох, и хорошо то, что в эмигрантском журнале оказалось возможным по-человечески отозваться о Горьком <в номере был напечатан мемуарный очерк Ю.Анненкова «Мелочи о Горьком». – Р.Я.>. От этого мы начинаем отвыкать, уподобляясь именно тем, кого избличаем. Я думаю, было б хорошо, если б Вы от Степуна постарались получить что-нибудь существенное и сделать его не гостем в журнале, а одним из «столпов». Я вовсе не его исключительный поклонник. Но так мало осталось людей вокруг, что и этот блестящий болтун – на вес золота. Он человек, как выражаются, «с музыкой», т.е. именно с тем, что исчезает, а в советской России исчезло совсем. Это было и в Федотове, но Степун порой озорнее его <...>» (5 декабря 1953; Манчестер – Нью-Йорк). – ВР. Вох 1.

Впоследствии Гринберг привлек Степуна к сотрудничеству в ВП. См. его статью: Историческое и политическое миросозерцание Александра Блока // ВП-IV (авториз. машинопись – ВР. Вох 5). Статья «Искусство и современность» опубл. в: О. 1956. №6 (рукопись и авториз. машинопись под названием «Современность и искусство» – Idem). См. также переписку Гринберга со Степуном по вопросам сотрудничества в О и ВП. – ВР. Вох 2.

31. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

21-XII-<19>54
 <Итака – Нью-Йорк>

Дорогой Роман,
 получил-ли ты мои «Другие <берега>»?¹ Видел-ли ты как я изменил ту главу которую ты хорошо знаешь?² Как поживаешь?

Я, кажется, кончаю моего «Онегина»³ и очень устаю от всяких литературных работ и т.д. Привет Соне, обнимаю тебя

Твой В.

Милый Роман, Митя Вам сам написал, а я благодарю Вас за Ваше милое внимание к нему и за рождественский привет. Желаю Вам и Соне счастливых Праздников и всего хорошего в Новом Году!

Вера

¹ Имеется в виду русская версия книги «Conclusive Evidence», выпущенная издательством им. Чехова.

² Т.е. глава из книги, которую в свое время адресат письма перевел по просьбе автора. Обсуждение этого сюжета см. в письме писателя от 14 января 1952. – ИМ. С.375; а также письма 15-19.

³ Осенью Набоков занимался систематизацией своих наблюдений по пушкинскому роману для будущей книги.

32. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

31-VIII-1955

808 Hanshow R<oa>d

Ithaca, N. Y. <- Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

узнал, что ты был болен, надеюсь, дорогой, что тебе гораздо лучше. Пишу стоя у комода: больше месяца страдаю невероятным lumbago, лежал в больнице и т.д., не могу сидеть.

Очень хотел-бы знать как ты. Надеюсь скоро порадовать тебя моим новым романом «Lolita» который выходит (по английски) в Париже, <в> Olimpia Press¹.

Будь здоров! Дай мне знать о себе. Привет вам обоим от нас обоих. Митюша ползает по горам в Brit<ish> Col<umbia>.

Твой

V.

¹ Роман вышел в свет в октябре 1955. Еще до прочтения его полной версии Гринберг писал Вильсону: «<...> Набоков – его Лоллиты <так! – Р.Я.> не читал, но он мне о ней писал. Жду книги из Парижа. Но этот род литературы знаю по прежним его вещам. Их Митя – красавец, бас и поэт, и хочу думать, что из него выйдет толк <...>» (письмо от 11 октября 1955; по-русски).

Впоследствии Гринбергу пришлось защищать роман и его автора перед Вильсоном после того, как тот, взявшись помочь Набокову в хлопотах по изданию книги в США, категорически отказался от своего намерения после знакомства с нею. Не дочитав рукопись до середины, он оставил ее, расценив сочинение как «аморальное». Из письма Гринберга к Вильсону: «<...> Ты спрашиваешь меня, что я думаю о Лолите? Я думаю, что Набоков никогда ничего более значительного не написал. Это – лучшая его книга, не радующая, не благодатная, но самая пылкая и свежая. Она очень страшная в гоголевском смысле этого слова. Принадлежит она к отделу “Ада”, по каталогу Ватиканской библиотеки, хотя непристойность отдельных эпизодов фабулы, да и всей темы, как-то искупляется громадным артистическим умением. Читаешь и с отвращением и умилением, с досадой и восторгом. Мысли в ней нет никакой – Набоков уносится эмоциями, раздирается. Удивительная сцена убийства двойника – это знаменитое “зеркало” Гоголя. Мне

нужно было написать для русского одного издания рецензию о Лолите и я до сих пор не знаю, как за это взяться, но эпитафия мне явился сразу, как только я прочел книгу: “Как отвратительна действительность... и что она против мечты” – это опять-таки Гоголь из “Невского проспекта”, откуда вышла отчасти и Лолита. Ибо никакой действительности в ней нет, а есть тоскливая мечта поэта о том, что когда-то померещилось. В Лолите Н<абоков> рассказал о своей душевной жизни с огромной щедростью и об этом можно долго говорить <...>» (письмо от 20 декабря 1955; по-русски).

Месяц спустя, очевидно, после получения ответной реакции Вильсона на свой отзыв, Гринберг сменил акценты в обсуждаемой теме: «<...> Возвращаюсь к набоковской “Лолите”. Позволь быть совершенно откровенным и признаться в том, что я всегда относился к его писаниям двойственно и никогда не мог сформировать в себе окончательного к ним отношения. Но мне кажется совершенно неверным рассматривать его творчество в общих категориях, поскольку он принадлежит к той группе писателей, кто считает себя “исключениями из норм морали”. На самом деле, у него нет связи с родной землей и с материнским языком, он происходит из мира, созданного писателями-романтиками 1830-х годов; он, безусловно, ближе к Эдгару А. По, Гоголю и французам вроде Бодлера, чем кто бы то ни было другой современный писатель. Тематическая безвкусица его романа для тебя не новость. Но у Свифта была Стелла, у По – Аннабел Ли, у Льюиса Кэрролла – множество его Алис. Тем не менее, я считаю Лолиту самой замечательной книгой Набокова потому, что она написана с наибольшей искренностью в сравнении с другими его вещами <...>» (письмо от 20 января 1956; по-английски). – VP. Vox 3.

Печатный отклик Гринберга на набоковский роман на свет так и не появился, но он решил привлечь к рецензированию Н.Берберову. Эта история, начавшаяся в марте 1956, обернулась казусом. Получив от Гринберга экземпляр «Лолиты» для ознакомления во время посещения Нью-Йорка, Берберова, возвращаясь домой, в Лонг-Айленд, по рассеянности оставила редкую книгу в автобусе. Обсуждение этой истории и сопутствовавших ей обстоятельств (запрет романа в США довел цену его европейского издания на американском «черном» рынке до внушительной по тем временам суммы в 10 долларов, причем деньги отнюдь не гарантировали удовлетворения читательского спроса) см. в ее письме к Гринбергу от 24 марта 1956. – VP. Vox 1. Печатный отзыв Берберовой на набоковский роман появился лишь несколько лет спустя. См.: *Берберова Н.* Набоков и его Лолита // НЖ. 1959. Кн.57.

33. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

28-I-<19>56
 <Итака – Нью-Йорк>¹

Милый Роман,

В<олодя> просит меня написать Вам, что Ваше «Лит<ературное> Насл<едство>»² идет к Вам по почте (*insured*)³. Пожалуйста, подтвердите его благополучное прибытие. Мы уезжаем во вторник

утром⁴. В<олодя> правит экзамены и не может сейчас написать Вам. Он очень Вас благодарит за «Л<итературное> Н<аследство>» и шлет Вам обоим сердечный привет. Me too⁵.

Vera

В<олодя> говорит, что исправил «ужасную ошибку у Цявловского»⁶.

¹ Почтовая карточка (штемпель итаксской почты: 28 января 1956; 4:30 пополудни), на обороте которой отправительницей указано: Nabokov Goldwin Smith, Cornell, Ithaca N.Y.

Mr. R.Grynberg
304 West 75th St<reet>
New York N.Y.

По каким-то причинам письмо, по-видимому, было переадресовано на деловую контору Гринберга. Во всяком случае, получателем (?) на конверте указан другой адрес: 120 Wall St<reet>.

² Судя по всему, имеется в виду кн.16-18 из серии «Литературное Наследство» (1934), посвященная Пушкину. Можно также предположить, что из всех материалов этого издания особый интерес Набокова вызвала публикация Б.Томашевского «Десятая глава “Евгения Онегина”: история разгадки».

³ Здесь: заказная бандероль (англ.).

⁴ В первых числах февраля Набоковы уехали из Итаки в Кембридж. По-видимому, тогда же Гринберги уехали отдыхать на Кубу, откуда они вернулись в Нью-Йорк не ранее середины марта. См. письмо Гринберга к Вильсону от 20 января 1956. – VP. Вох 3.

⁵ Я тоже (англ.).

⁶ Можно думать, что речь идет о набоковском уточнении датировки одного из пушкинских набросков к роману. См.: *Набоков В.* Комментарии к «Евгению Онегину». М., 1999. С.141.

34. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

19-го Января 1957 г.
<Итака – Нью-Йорк>

Дорогой мой Роман,

Я очень обрадовался твоему письму, особенно же после такого долгого молчания.

Я все еще пишу о Пушкине, кругом и около Евгения, и книжка все растет. Зато какие штуки нахожу, какие открытия делаю...

Моя Лолита попала в центр событий: Французское правительство запретило весь список книг «Олимпия Пресс» – по просьбе анг-

лийского правительства¹. Издатель обратился в суд. Газеты негодуют – и отличают мою «Лолиту» среди прочих «нелегальных», как книжицу совсем другого пошиба чем прочия. Что до меня, je me tiens coi².

Непременно повидай Митю в Кембридже. Он будет очень рад. Возьми его с собой к Вильсонам, если случится. Его адрес: 54, Foster st<reet>, Tel. Kirkland 7.9699.

У меня во вторник начинаются экзамены. К первому февраля переезжаем в другой дом³. И т.д.

А когда же вы посетите нашу многоснежную Итаку?

Вера и я шлем Соне и тебе сердечный привет. Желая тебе великолепного Нового Года, дорогой.

Обнимаю,

твой В.

Уверен, что Митя не ждет никаких подарков⁴.

¹ В конце декабря 1956, в разгар англо-франко-израильской войны с Египтом, французское правительство по просьбе британского министерства внутренних дел запретило распространение книг, выпущенных издательством «Olimpia Press».

² Здесь: я помалкиваю (*франц.*).

³ Прожив почти двадцать лет в США, Набоковы отчасти по финансовым, отчасти по принципиальным соображениям не обзавелись собственным домом, а селились на время в домах университетских преподавателей, уезжавших в академический («sabbatical») отпуск.

⁴ Намек на традиционный денежный подарок адресата сыну писателя.

35. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

14-го Апреля 1957 г.
<Итака – Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

Почему бы не справиться, прежде чем уличать меня во вздоре?¹ Посмотри-ка хотя бы у Даля (изд<ание> Бодуэна)² под ботвой. И увидишь:

«ботвинья: свекла || холодная похлебка
на квасу из отварной ботвы».

Совершенно неизвестно, что у вас там в Москве едали.

Очень жаль, что не свиделись. Спасибо за сведения библиографические. По счастливой случайности, этот Томашевский³ оказался у Зёки. Много там глупого. Путаница насчет «байронизма» – оттого-

что русская критика не учитывает, что Байрона читали все в «переводе» Пишота, с пишотовыми заметками⁴.

Будь здоров. Спешу.

V.

Вера шлет вам обоим привет.

¹ По-видимому, это одно из ответвлений «московско-петербургского» спора между писателем и адресатом вокруг толкования «темных» мест в пушкинском романе. Биограф указывает, что в 1952 аналогичный спор разгорелся у Набокова и с Р.Якобсоном. См.: Boyd-2. P.215.

² Имеется в виду издание: Даль В. Толковый словарь великорусского языка. Изд.3-е / Под ред. И.Бодуэна де Куртенэ. Т.1-4. СПб., 1903.

³ Имеется в виду издание: Томашевский Б. «Евгений Онегин». Л., 1937.

⁴ Русский читатель впервые познакомился с произведениями Дж. Байрона по прозаическим переводам на французский язык, сделанным Амадеем Пишо.

36. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

16-го апреля 1957 г.
<Нью-Йорк – Итака>

Дорогой Володя,
благодарю тебя за письмо.

ПНИН:

Ты ошибаешься – *ботва не красная, а белая* свекла, поэтому никто никогда *не* едал «красной» ботвиньи, как сказано у тебя. Нечего лазить было к Далю. Ботвинья – холодная похлебка из кваса, с разными вареными и мелко протертыми овощами, с огурцами, щавелем, *белой* свеклой, луком и *рыбой*. В таком виде подавали ее в Москве, а как ее извращали у вас в Питере – не пример.

О клубнике, землянике и гимназистах в другой раз.

Карпович просил написать рецензию <на Пнина> к июньскому №. На-днях примусь с охотой¹. Восхитительная повесть. Сердечно и смешно. Особенно удалась пародия на Лизу, эту *belle dame sans merci*².

И имя нашел пародийное – (Мона) Лиза. Была целая литература, посвященная этой *allumeuse des hommes*³, вампу. Писалось все это серьезно последними романтиками лет 70 тому назад, всякими Лорэнами, Пэтерами, Свинбэрнами и еще многими. Как верно ты понял ее неуловимость и ослизлый характер ее, поразительно!

Не согласен, что ты задеваешь Адамовича. Всякому понятно это имя Уранский⁴. Не нужно бить по старику, <он> и так, можно сказать, побит и нуждой и летами. И, если смотреть на вас, то не он, а

ты оказался удачлив<ым>, сильным, и в каком-то смысле, *бесспорным*.

Жду тебя в Мае.

Непреренно загляни в «Словарь языка Пушкина»⁵ перед тем, как отдашь Евгения <Онегина> в печать. Там нашел самые неожиданные толкования некоторых слов. Знал ли ты, например, что *позор* значит *вид*?

Привет Вере от нас обоих.

Будь здоров. Обнимаю⁶.

¹ Рецензия Гринберга на этот роман в НЖ не появилась.

² Красивая, безжалостная женщина (*франц.*).

³ Здесь: кокетка, соблазнительница мужчин (*франц.*).

⁴ Отзыв писателя об этом персонаже см. в прим.2 к письму 38.

⁵ Словарь языка Пушкина. Т.1. А-Ж. 4568 слов / Под ред. И.Ильинской.

М., 1956.

⁶ Днем ранее Гринберг написал первый вариант этого письма:

«15-го апреля 1957 г.

Дорогой Володя,
благодарю тебя за письмо.

ПНИН:

Ты ошибаешься – *ботва не красная, а белая* свекла, поэтому никто никогда *не* едал “красной” ботвиньи, как сказано у тебя. Нечего лазить было к Далию. Ботвинья – холодная похлебка из кваса, с разными вареными и мелко протертыми овощами, с огурцами, щавелем, *белой* свеклой, луком и *рыбой*. В таком виде подавали ее в Москве, а как ее извращали у вас в Питере – не пример.

Карпович просил написать рецензию на Пнина к июньскому №. На-днях примусь с охотой. Восхитительная повесть. Сердечно и смешно. Особенно удалась пародия на Лизу, эту *allumeuse des hommes*.

И имя нашел удачно (Мона) Лиза. Была целая литература, посвященная этой *belle dame sans merci*, неко<е>му “вампиру”. Писалось все это пресерьезно лет 70 тому назад последними романтиками, всякими фюмистами, вроде Лорэнами, Патерами, Свинбернами и еще очень многими <так! – Р.Я.> с иллюстрациями Ропсов и Моро, Бог знает что. Как верно ты понял ее неуловимость и ослизлый характер этой несчастной. Поразительно!

Не согласен, что ты задеваешь Адамовича. Всякому станет понятно имя Жоржика Уранского. Не нужно бить по старику, <он> и так, можно сказать, побит и нуждой и годами. И, если посмотреть на вас, то не он, а ты оказался удачлив<ым>, в выигрыше, сильным, и в каком-то смысле, *бесспорным*.

Жду тебя в Мае.

Непреренно загляни в “Словарь языка Пушкина” перед тем, как отдашь Евгения в печать. Там <я> нашел самые неожиданные новинки. Понимаешь ли ты следующее:

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный *Позор* –

Слово *Позор* означает *ЗРЕЛИЩЕ*. То же самое в “Рус-
л<ане> и Люд<миле>”:

Но между тем, какой позор
Являет Киев осажденный?

И т.д. и т.д. Словарь этот – чудо. Начал его мой покой-
ный товарищ Г.О.Винокур. Турдефорс, милый мой.

Будь здоров. Обнимаю».

37. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

18.4.<19>57
<Нью-Йорк – Итака>

Дорогой Володя,

Написал тебе вздор в конце письма моего от 16-го.

Писал, что *позор* у Пушкина иногда значил *вид*, а нужно сказать *зрелище*. Спутал.

Например,

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный *Позор* –

В этом случае «позор» означает *ЗРЕЛИЩЕ*.

Если хочешь, пришлю тебе этот словарь. Он – чудо, в неко-
тором роде. Начал его мой школьный товарищ, ныне покойный
Г.О.Винокур¹. Турдефорс² – собрать все слова Пушкина и растолко-
вать.

Обнимаю

¹ Григорий Осипович Винокур (1896–1947) – лингвист, литературовед; с 1933 – член Пушкинской комиссии АН СССР. См. о нем: *Петерсон М.* Григорий Осипович Винокур // Русский язык в школе (М.). 1947. №4 (не-
кролог); *Винокур Н.* Человек одержимый и светлый // Тыняновский сборник.
6-е, 7-е, 8-е тыняновские чтения. Вып.10. М., 1998. О дружбе Гринберга с
Винокуром см. в нашей публикации: Роман Гринберг и Роман Якобсон:
Материалы к истории взаимоотношений // Роман Якобсон: Тексты. Доку-
менты. Исследования. М., 1999. С.208-212.

² Гигантский труд (*франц.*).

38. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

21.IV.1957

Истер¹ (паки) <Итака – Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

Спасибо за оба милых и трогательных письма.

Меня огорчило, что тебя огорчил мой Жоржик Содомович (как выражался Ходасевич). Позволь мне все-таки сказать следующее: Во-первых, был и другой Жоржик – Иванов, который тоже продавал свое перо за ласковое словечко или жирный обед (и хоть не брезговал дамами, пробовал и уранизм). Во-вторых, имя Адамовича будет жить столько же лет, сколько имя Бунина или Зайцева или даже Гончарова. В-третьих, хотя талантливый критик и имеет полное право быть прохвостом в жизни, некоторые недочеты и странности в его оценках могут быть поняты будущими учеными, только если мы им укажем из прошлого, что этот талантливый критик был продан и невежественен².

В-четвертых, можно быть старым и больным, и очень даже хорошо взрывать публику самодельными бомбами, подписывать смертные договоры³ или феллатировать малолетних. В-пятых, я очень добрый человек, но очень недобрый писатель («иронически пишите!»), как сказал мне проф<ессор> Романов, здешний куровед).

Спасибо за твое дружеское предложение. Да, ты мне окажешь огромную услугу, если одолжишь «Словарь Пушкина». Же ме деманд⁴, приняли ли редактора идиотское толкование Бродским слова «педант» («революционер») и слова «шалун» («декабрист») ⁵.

Думаю, что скоро увидимся.

Твой

V.

¹ Пасха (англ).

² Речь идет об эпизодическом персонаже романа «Пнин», прототип которого, как и семантика его имени, были вполне очевидны для осведомленных современников. Следует отметить, что прозвище «Содомович», по видимому, принадлежало не Ходасевичу, а самому Набокову и впервые возникло в одном из его писем к Г.Струве (1931), в разгар литературной схватки с «Жоржиками» (Г.Адамовичем и Г.Ивановым). См.: Boyd-1. P.370. Стойкая взаимная неприязнь, тем не менее, не отменяла пристального интереса Адамовича к творчеству Набокова. В одном из писем к Гринбергу критик, интересуясь причинами отсутствия во втором номере О некоторых участников первого выпуска (В.Варшавский, В.Яновский и др.), спрашивал: «<...> А Сири? Мне часто говорят, что я его не люблю. Действительно, любить его не в силах. Но каждая его строка для журнала “золото” <...>» (письмо от 19 августа 1953; Манчестер – Нью-Йорк). – VP. Box 1.

³ Так в тексте.

⁴ Здесь: спрашивается (*франц.*).

⁵ Имеется в виду книга Н.Бродского, упомянутая в письме 21. Вскоре Набоков прислал Гринбергу вторую часть статьи «Заметки переводчика» для передачи редактору О.Ю.Иваску (опубл. в: НЖ. 1957. №VIII). Этой работой автор стремился закрепить свои научные приоритеты в пушкинистике; перед тем она была отвергнута Р.Брауером, составителем англоязычного сборника научных трудов по мастерству перевода, изданного Колумбийским университетом (Нью-Йорк). Не желая терять время на поиски других печатных возможностей, писатель перевел свою работу на русский язык для скорейшей публикации. Ср. с его письмом к сестре (14 сентября 1957): «<...> Надеюсь, что наконец, кончу моего чудовишного Пушкина. В продолжение заметок о Евг<ении> Онегине в “Новом Журн<але>” будут еще в “Опытах”. Я устал от этого “кабинетного подвига” <...>». (*Набоков В. Переписка с сестрой. Анн Арбор, 1985. С.90*). О публикации первой части этой статьи в НЖ см. прим.2 к письму 39.

39. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

3-V-1957

<Итака – Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

Спасибо за подарок и надпись¹. Ты мне второй том подарил в 1960, а последний в 1977. Читаю ежевечерно несколько страниц перед сном. Но почему они не говорят, что «белянка» это «un blanche» из Chémico?

Посылаю Карповичу для Н<ового> Ж<урнала> несколько моих комментариев к Е<вгению>О<негину> по-русски<,> только мое собственное, новое², декуверты³. Ce sera tres fort⁴.

У нас опять зима. Обнимаю тебя.

В.

¹ По-видимому, речь идет о каком-то лепидоптерологическом атласе.

² Имеется в виду первая часть набоковской статьи «Заметки переводчика» (опубл. в: НЖ. 1957. Кн.49).

³ Открытия (от *франц. découverte*).

⁴ Это будет сильно (*франц.*).

40. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

24 июня <19>58 г.¹

<Lake View Cabins, Montana – Нью-Йорк>

Дорогой Роман, диктую Вере, т<ак> к<ак> рука ловца ловить устала (бабочек)². Громадное тебе спасибо за продолжение подар-

ка³. Пожалуйста, придержи до Августа, когда надеюсь увидеть тебя в Нью-Йорке⁴. Митя служит и даже нам не успеваешь писать⁵. У нас в Монтане упоительно. Я становлюсь худее и лучше. Обнимаю. Вера кланяется. Вам обоим.

В.

¹ Отправителем на открытке указано:

Airmail
R.Grynberg, Esq<uire>
304 W<est> 75 Street
New York 23 N.Y.

Этот адрес уточнен почтовой службой: Barryville, N.Y.

² Июнь-июль 1958 Набоковы провели в лепидоптерологической экспедиции по Скалистым горам в штате Монтана, а также в заповеднике канадского штата Альберта. Их обратный путь на Восток прошел с краткими остановками через штаты Вайоминг и Южная Дакота.

³ Очевидно, речь идет об очередном томе лепидоптерологического атласа, упомянутого в письме 39.

⁴ По-видимому, в августе писатель надеялся посетить своего друга во время поездки в Нью-Йорк, приуроченной к выходу в свет американского издания романа «Лолита». Набоковы приехали туда лишь в середине октября.

⁵ Д.В.Набоков прослужил в армии до конца 1957, а в начале следующего года поступил на учебу в оперную школу в Нью-Йорке.

41. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

September 2, 1958
Goldwin Smith Hall
Ithaca, NY<– Нью-Йорк>

Dorogoy Roman,

Ya ne zabil tvoj telefonnyy zvonok i svoyo obeshchanie zaplatit' tebe moy dolg kak tol'ko budet vosmozhnost'. Do sikh por etoy vosmozhnosti ne bilo, no teper' – esli Lolitu ne zapretyat – ona budet. Hotya platit' mne budut tol'ko cherez polgoda, ya uzhe teper' delayu perviy vzos, kak «token»¹. Budu prodolzhat' chastyami po mere moikh malen'kih vozmozhnostey².

Nadeyus', chto ti zdorov, i chto vi oba s Soney priyatno provodite leto. Serdechniy privet ot nas oboih.

V.

¹ Здесь: задаток (англ.).

² Речь идет о возвращении части денежного займа, взятого Набоковым у Гринберга в 1951 для оплаты учения сына в Гарвардском университете

(см. об этом письма 16 и 17). После того, как осенью 1958 года тираж американского издания романа «Лолита» превысил 60 тысяч экземпляров, финансовое положение Набоковых наконец получило стабильную основу. См.: Boyd-2. P.365.

42. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

21-go Sentyabrya 1958 goda
<Итака – Нью-Йорк>

Dorogoy Roman,

Bol'shoe tebe spasibo za miloe pis'mo i prisilku interesneishago slovarya pushkinskago yazika¹.

Ty pishesh' o «Doktore Zhivago»². Na moi vkus eto – neuklyuzhaya i glupaya kniga, melodramaticheskaya dryan', fal'shivaya istoricheski, psihologicheski i misticheski, polnaya poshleyshih priyomchikov (sovpadeniya, vstrechi, odinakoviya ladonki). Sotsiologu, m<ожет> b<ыть>, eto i interesno; mne zhe toshno i skuchno³.

Rad, chto ti zdorov. Serdechniy privet vam oboim ot nas oboih. Skoro poluchish' eshchyо odin vzos⁴.

Tvoy

V.

¹ Речь, по-видимому, идет о первом томе «Словаря языка Пушкина» (1956), упоминавшегося Гринбергом в письме 36.

² Копия этого письма Гринберга с отзывом о романе Б.Пастернака в ВР и ВАР отсутствует.

³ Отношение Набокова к этому роману теперь общеизвестно, но требует комментария. Английский перевод «Доктора Живаго» вышел в свет в середине сентября, т.е. следом за «Лолитой» (одна из глав романа – «В дороге» – тогда же была напечатана в 54-й книге НЖ). В следующем месяце Пастернак обошел по популярности Набокова в американских списках популярных книг, что не могло не вызвать негативной реакции последнего. Примечательно, что еще на стадии подготовки публикации романа на Западе он был предложен Пастернаку кандидатом в переводчики, но был решительно отвергнут автором из-за опасений в том, что вольная или невольная творческая ревность этого кандидата может испортить работу. Набоков прочел роман в августе 1959, а сразу же по выходе «Доктора Живаго» в свет он был атакован американскими изданиями, просившими его прокомментировать модную новинку. Учитывая специфическую атмосферу, окружавшую роман и его автора на Западе и в СССР, Набоков категорически отказался тогда от этих предложений. Биограф совершенно справедливо сопоставляет кампанию запретов набоковского романа на Западе с гонениями советских властей на Пастернака. См.: Boyd-2. P.371-373.

Этими же причинами можно объяснить и реакцию Набокова на предложение Гринберга печатно оценить роман в эмигрантской печати – первом

выпуске ВП, посвященном 70-летию Б.Пастернака. Сбор материалов для нового издания в те месяцы стал одной из важнейших тем переписки Гринберга с широким кругом корреспондентов. Одним из них, например, был Г.Адамович, чье мнение о романе во многом совпало с набоковским: «Дорогой Роман Николаевич, я был очень рад получить от Вас письмо, но вызвало оно во мне чувства двойственные. Могу перефразировать “Онегина”:

“Живаго' долго я терпел,
Но Пастернак мне надоел”.

Не сам Пастернак, конечно, и не его роман. А тот шум, так и та шумиха, которая вокруг него поднялась, особенно (судя по “Н<овому> Р<усскому> Слову”) в русском Нью-Йорке. Вроде как на похоронах Толстого: “Не будете говорить? – Да, я тоже буду говорить. – Ив<ан> Иванович непременно хотел выступить” и т.д.

Ну, оставим эту *la comedia humanae* <человеческую комедию. – Р.Я.>. Но я думаю, что, если положение Пастернака в России трудное и даже опасное, то эмиграция должна была бы это принять в расчет.

Альманах в честь Пастернака – идея хорошая, но чем больше будет в нем о самом П<астернаке>, о его поэзии, о его романе, и чем меньше о том безобразии, которое произошло в связи с “Д<октором> Ж<иваго>” в Москве, то будет лучше. Даже и не в связи с опасностью для П<астернака>, а вообще. Мы все знаем, что такое Москва, до чего она докатилась в направлении рабства и низости, ну, и точка, ораторствовать об этом, выставляя свое собственное благородство – не стоит.

Я это пишу и думаю: м<ожет> б<ыть>, П<астернак> со мной согласен? Тогда все в порядке, а я ломлюсь в открытую дверь. Надеюсь, что это именно так.

Спасибо за приглашение в Ваш альманах. Я не очень люблю стихи П<астернака>, хотя “признаю” его, конечно, вполне. Не в таком я восторге и от романа, хотя прочел его еще не весь. О чем, по-Вашему, написать? Взгляд и нечто о поэзии вообще, или именно о П<астернаке>? Мне, кстати, кажется, что поэтически он сдал и ослабел. Стихи в “Д<окторе> Ж<иваго>” – тоже слабее его прежних, хотя какое-то просветление в них действительно есть. <...>» (письмо от 17 января 1959; Манчестер – Нью-Йорк).

Из ответного письма Гринберга к Адамовичу: «<...> На самом деле, шумиху в связи с Живаго подняли такую, что бывали дни, когда устраивалось по три/четыре собрания в один и тот же час и все хотели “выступить”, и все хотели поскорее установить доктора <т.е. определить его прототипа. – Р.Я.>. И даже случился один (а, может быть, не один) комический случай, когда рецензент местной газеты, честный и аккуратный человек, вообще забыл в своем отчете на следующий день упомянуть одного выступавшего участника и еще через день появилась извинительная заметка бедного рецензента по настоянию участвовавшего оратора, что его, мол, забыли. Вы весьма кстати вспомнили похороны Толстого, о которых так зло и смешно писал в своих “Листьях” Розанов, отмечая, что на свете Божьем гораздо больше Добчинских и Бобчинских, чем мы подразумеваем. Это так, и отчасти поэтому “Воздушные Пути” выйдут только очень поздно в этом году, когда, будем надеяться, эта истерика пройдет.

Между прочим, случались и анти-пастернаковские истерики с не меньшей силой, как, например, с Набоковым, о чем сейчас нет времени расска-

зывать. <...> Наш сборник – и в этом Вы со мной согласились – не о Пастернаке, а для него и для них (воображаемых, но сущих), кто там около него; для советских писателей и поэтов, которые, как мы теперь знаем, читают решительно все, что здесь печатается <...>» (20 января 1959; Нью-Йорк – Манчестер). – ВР. Вох 1. Еще более уничижительный отзыв роману Пастернака Адамович дал в одном из писем И.Чиннову: «Это такая дрянь, что, вероятно, – подделка. Слишком топорная работа, или он окончательно сдал или исписался» (НЖ. 1989. Кн.175. С.254).

Другого корреспондента Гринберг приглашал к сотрудничеству в пастернаковском выпуске ВП с иной мотивировкой, поясняя, что задуманный альманах – «дань в знак нашего признания за то, что он сделал там в дичайших условиях. Нужно ли объяснять, что этот человек пытался один отстоять то самое, за что мы отсиживаемся здесь вот уже 42-й год. И это, известно, первый такой случай за эти годы. Наш альманах назван “Воздушные Пути”, пользуясь именем его раннего рассказа и намекая на нашу с ним связь <...>» (письмо к Ю.Анненкову от 13 января 1959; Нью-Йорк – Париж). Однако, получив от адресата статью «Чужие слова», Гринберг отверг ее, сочтя излишне политизированной и жестко негативной по отношению к советской власти (письмо от 7 июля 1959; Нью-Йорк – Париж). – ВР. Вох 1.

⁴ Имеется в виду возврат денежного долга Набокова Гринбергу.

43. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

November 13, 1958
<Итака – Нью-Йорк>

Dorogoy Roman,

Posilayu tebe eshchyo sotenku – v schyot. Prosti, chto plachu po kusochkam, no ya eschyo ne tushiruyu¹.

Beru otpusk s fevralya, budu tseliy god svobodnim chelovekom².

Privet tebe i Sone ot nas oboikh. Nadeyus', chto vi oba izlechilis' ot doktora Zhivago.

Tvoy

V.

¹ Здесь: не получаю денег (от франц. *toucher*).

² В середине ноября Набоков добился годовичного неоплачиваемого отпуска в Корнеллском университете для устройства своих литературных и финансовых дел. В сентябре следующего года он подал руководству Корнеллского университета прошение об отставке, завершив на этом свою педагогическую карьеру.

44. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

3-go iyunya 1960 g<oda>
 2088 Mandeville Can<yon> R<oa>d¹
 Los Angeles 49, Calif<ornia> <- Нью-Йорк>

Dorogoy Roman,

Pishu iz smurogo Losa – uzh bol'she nedeli zdes' «smozhno»², i ya pochti sovsem ne hozhu v moy kan'onchik, kotoriy tyanetsya na mnogo mil' po sovershennomu bezlyudiyu, a nachinaetsya v pyatidesyati shagah ot nashego skromnago, no blagoobraznago doma. Nalovil nebol'shoye chislo babochek nesovsem obichnago obrastsa, videl neskol'ko gremuchih (vernee: treskuchih) chudovishch. Odna uhodila ot menya bokom po kosogoru na uzkoj trope i prenepriyatno oglyadivalas'.

Spasibo, dorogoy, za tvoy velikolepnyy dar³. Moy Pushkin podvi-gaetsya neukosnitel'no, no s podobayushchey medlitel'nost'yu, k napechatan'yu: uzhe poluchil ocharovatel'no nabranniy perevod. U menya knigi vihodyat po vsej Evrope, da i ne tol'ko Evrope: Lolita perevoditsya na tselih tri indiyских dialecta. Segodnya poluchil telegrammu, chto Priglashe-nie vyshlo i v Anglii. A nemtsi v vostorge ot Pnina i pishut vdumchi-viya retsenzii, ne upominaya nemetskogo professora, kotoriy tam ucha-stvuet.

Mi oba blagodarim tebya za ottisk stihov Ahmatovoy. Est', odnako, opechatochki: str<аница> 21, nuzhno ne «prisheltse», a konechno «pri-shletse»; str<anitsa> 22; ne «tvoi alie pyatna», a «tvoih»; str<anitsa> 23, vipalo dva sloga iz 4-oy stroki (m<ожет> b<ыть>, «i mne strashno: skazhi, neuzheli»); na 26-oy, stroke 15 i 18 yavno nahodyatsya v sover-shennom bezporyadke (m<ожет> b<ыть>, «fonar' uglovoy») i «ne odna vozvratilas' domoy», vo vsyakom sluchae ne tak, kak napechatano), a v stroke «on – tvoy porog» sovershenno ochevidno vipalo slovo «na». I t.d.⁴ No est' u neya horoshee. Grustno vsyo zhe, chto i eyo oprovintsialil strashniy muraveinik.

Mi ochen zhaleli, chto razminulis' s vami: ved' mi syuda priehali 1-go marta. Ne sobiraetes' li v Rim?⁵ Mi tam veroyatno budem osen'yu. A Mityusha snyal kvartiru v Milane⁶. Na-dnyah pel s uspehom v Mantua na kontserte.

Mi oba shlyom vam oboim serdechniy privet. Obnimayu tebya, do-rogoy. A chto Georgiy? Davno on mne ne pisal.

V.

Два стихотворения

1.

Минуты есть: «Не может быть», бормочешь,
 «не может быть, не может быть, что нет

чего-то за пределом этой ночи»,
и знаков ждешь, и требуешь примет.

Касаясь до всего душою голой,
На бесконечно милых мне гляжу
Со стоном умиленья; и тяжелый,
По тонкому льду счастья хожу.

2.

Какое сделал я дурное дело,
И я-ли развратитель и злодей,
Я, заставляющий мечтать мир целый
О бедной девочке моей?

О, знаю я: меня боятся люди,
И жгут таких как я за волшебство,
И как от яда в полом изумруде
Мрут от искусства моего.

Но как забавно, что в конце абзаца,
Корректору и веку вопреки,
Тень русской ветки будет колебаться
На мраморе моей руки⁷.

Владимир Набоков⁸

¹ С лета 1959 писатель наездами по несколько месяцев жил в Голливуде, где писал сценарий кинематографической версии романа «Лолита» для режиссера С.Кубрика. В начале марта 1960 он приехал туда для завершения этой работы, сняв виллу в одном из самых фешенебельных районов Голливуда.

² Здесь: туманно (от *англ. smog*).

³ По-видимому, речь идет об очередном книжном подарке Гринберга писателю из области пушкинистики.

⁴ Все текстологические догадки Набокова в отношении ахматовских стихотворений оказались верными.

⁵ В Рим Набоковы тогда не поехали. См. об этом в письмах 46 и 47.

⁶ В то время Д.В.Набоков учился искусству оперного пения в миланском театре «Ла Скала».

⁷ В контексте предыдущих претензий автора к корректору совершенно очевидно, что в это стихотворение, помимо литературных, вложены и сугубо персональные аллюзии. Ср. с: *Кац Б.* «Ехегі monumentum» Владимира Набокова: К прочтению стихотворения «Какое сделал я дурное дело...» // Литературное обозрение. 1999. №2.

⁸ К автографу прилагалась и машинопись. В архиве Гринберга сохранились гранки с текстами этих стихотворений из ВП-II со следами редакторской правки. – VP. Вох 6.

Эта поэтическая публикация вызвала неоднозначную реакцию у читателей. Одним из них был художественный критик Г.Андреев (Хомяков), редактор конкурировавшего с альманахом Гринберга издания «Мосты». Описывая свои впечатления от прочитанного в ВП-II, он, между прочим, писал издателю: «<...> Набоков, конечно, человек особенный, но его стихотворение, второе (первое очень хорошее), все-таки наглость. Дошла ли до Вас эпиграмма на него? Если нет, то вот она:

Набоков, как всегда вы метки:
Вас ждет качанье русской ветки,
Но вы не из числа пророков,
Не будет мрамора, Набоков.

Очень хорошо! У меня руки чесались поместить в седьмом номере (МОСТЫ), но куда! Разобидится, вероятно. А остро и живо – это надо ценить, по-настоящему острить теперь разучились <...>» (6 июня 1961). – ВР. Вох 3.

45. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

19-ое июня 1960 г.

<Вудсток – Лос-Анджелес>

Дорогой Володя,

Пишу тебе из нашей подмосковной, имя которой «Лесное», куда мы приехали на конец недели. А в конце месяца переедем сюда до конца лета с лишним. Здесь отдохновенно и прекрасно. Кругом лес, вроде тайги, со всей таинственной жизнью всякой дичи, как водится. Больше всего у нас оленей с белыми хвостиками – заглядение! Много всего. А самое большое удовольствие мое – это утром ехать тихим ходом мили полторы густым лесом, направляясь в ближайшую деревню и останавливаться по дороге и смотреть в чащу. Мы в ста милях от Нью-Йорка, к северо-западу, на холмах вдоль широкой Делавэр.

Приехали бы!

Очень тебя благодарю за внимательное чтение Ахматовой. Кое-что из опечаток, тобою отмеченных, я заметил и сам, но было уж поздно. Ужасное наказание эти пакости, от которых почти невозможно избавиться, когда кустаришь. Покойный Марк Александрович¹ говорил мне, что в мире есть всего одна книга без опечаток, хранящаяся под семью замками в музее книги в г. Лейпциге².

Совсем не понял, в чем Ахматова опровинциализалась в этой своей поэме, как ты пишешь. Она ее так крепко зашифровала, что, не имея ключа – не понять. Не хуже 10-й главы Е<вгения> О<негина>. Кое-что все-таки начинает проясняться и видны старые знаменитые герои прошлой русской жизни, но сюжета я не понимаю³.

Кстати, европейские издатели одно время искали переводчика для «Поэмы <без героя>» и так-таки не нашли и писали, что она не

по зубам. Конечно, один только Набоков мог бы это сделать, но есть ли у него охота для такого дела, – другой вопрос. Не спросишь ли ты его? Вы же соседи!⁴

В Европу осенью? Возможно. И, понятно, Рима не миновать. С восторгом с Вами мы там проживем. Готов подрядиться уже сейчас в гиды. Этот городок знаю не хуже таблицы умножения.

До тех пор еще спишемся. Когда Вы собираетесь из Лос-Ан<д>желеса?⁵ В чьих руках Лолита?⁶

Мы оба обнимаем Вас и надеемся повидаться в скором времени.
твой

Георгий был у меня на этой неделе: все хорошо и собирается писать.

¹ М.А.Алданов.

² Имеется в виду «Библия», отпечатанная И.Гутенбергом.

³ В ВП-I была опубликована «Поэма без героя» А.Ахматовой, в ВП-II – ее варианты, полученные Гринбергом позднее, чем напечатанное. Расшифровке и комментированию этого произведения издатель посвятил специальную статью «Читая “Поэму без героя” Анны Ахматовой» – ВП-III.

Обстоятельства, сопровождавшие публикацию ахматовской поэмы и ее восприятие в зарубежье, детально отразились в переписке Гринберга и Адамовича. Получив нелегально переправленный из СССР авторизованный список поэмы (VP. – Вох 4) и едва успев прочесть его, Гринберг писал по свежему впечатлению: «<...> А поэма ААА<хматовой> – настоящее золото. Каждое слово – кусок этого настоящего металла. Ничего такого не читал за годы, годы <Так в тексте. – Р.Я.>. Писалась поэма в 1940/43 гг. в Ленинграде–Ташкенте–Москве. Ахм<атова> пишет: “Работу над поэмой я продолжала и после возвращения в Ленинград, т.е. 1 июня 1944 г.”. Это должно быть событием, вернее, станет событием в нашей жизни, если хоть немного понимаю в этом деле. Правда, русский эмигрант как-то совсем не любопытен ко всему, что не “политическое”. Но и этот оттенок есть, хотя раздувать его не хотелось бы по причине хорошо понятной. 30 страниц гениальных строчек о гневе, мести, страдани<ях> трех человек, среди которых Вы узнаете всех троих. Мне доставили эту вещь “оттудова”, чтобы напечатать и спасти ее для всех. И вы поймете сразу, как я ухватился за нее. Она и есть украшение альманаха и единственная художественная вещь в не<м>, если не считать пол<у>дюжины стихотворений местных поэтов. Т<ак> н<азываемой> худ<ожественной> прозы нет, ибо ее и нету в настоящее время. Вот я и хочу, чтобы Вы написали рецензию на мой сборник. Вы один и сможете сказать нужное об Ахм<атовой> и об остальных <...>» (письмо от 5 августа 1959; Нью-Йорк – Ницца).

Пообещав отозваться на выход ВП-I рецензией в НРС (письмо от 13 августа 1959), Адамович, очевидно, получивший (как и Набоков) копию ахматовской поэмы и приложенное к нему редакторское предуведомление, уточнял в следующем письме к Гринбергу: «<...> У Вас в предисловии сказано, что поэма Ахматовой в ее творчестве “единственная”. Нет, была поэма “У самого моря”, напечатанная, кажется, в “Аполлоне” (1915 или 1916 гг.). По-

том были какие-то другие, из них были напечатаны только отрывки. Так что слово “единственная” – не верно. Если не поздно, хорошо бы, по моему, это исправить» (27 августа 1959; Ницца – Нью-Йорк).

Вовремя устранив свою ошибку, Гринберг выпустил альманах в свет в начале ноября того же года, а вскоре получил новое письмо от Адамовича: «<...> Получил сейчас альманах и Ваше письмо с вопросом: успел ли он? Дошел. Успел только просмотреть Ахматову. Читается очень хорошо, а главное très roignant. Напишу рецензию и пошлю в “Н<овое> Р<усское> Слово” на будущей неделе, скорее, в конце, чем в начале <...>» (14 ноября 1959; Манчестер – Нью-Йорк). Рецензия Адамовича «Подарок Пастернаку» появилась в газете 6 декабря и была признана Гринбергом «очень хорошей». При этом он заметил: «<...> Думаю, об Ахматовой будут писать и гадать. В этом смысле есть даже сходство с 10-й главой Онегина. Она, мне кажется, сумела не хуже П<ушкина> зашифровать. Кое-что я начинаю различать<...>» (письмо от 6 декабря 1959; Нью-Йорк – Манчестер).

Почти год спустя Гринберг вернулся к этому сюжету и сообщил новые подробности: «<...> Я Вам никогда не говорил, что №1-й разошелся совсем без остатка и что очень большое количество было переотправлено в Сов<етский> Союз. Там, как Вы понимаете, альманах имел успех и даже, пожалуй, значительный. В частности, Анна Андреевна осталась весьма довольна. Мы теперь знаем, что чуть ли не на следующий день после нашего появления на свет, ее тут же вызвали в московский Госиздат и по<д>писали с ней контракт. Она нам, говорят, признательна. <...> Ей понравилась Ваша рецензия о ВП, и она прибавила, что Вы всегда умели ценить ее творчество и что она считает, что Вы очень талантливый человек. С радостью спешу Вам об этом написать! Старушка – ей 72 года – живет летом в Комарове (быв. Коломяги) и с живым участием следит за всем, что печатается на этом свете. Кстати, ей понравилось и предисловие к сборнику, которое, если Вы помните, было довольно осторожно по ее адресу. Между прочим, я получил последний вариант ее поэмы. В нем много нового, исправлений, еще одно посвящение (третье) и вступительное письмо к некоему НН. Все это замечательно удачно <...>» (письмо от 14 октября 1960; Нью-Йорк – Манчестер). – ВР. Вох 1. Небезынтересно сравнить это свидетельство Гринберга с отзывом самой Ахматовой об этой публикации в одной из бесед с советским редактором (5 декабря 1961). – *Басалаев И.* Записи бесед с Ахматовой (1961–1963) // М. Вып.23. С.574.

Следует отметить, что издатель, весьма ревниво относившийся к успешности своего предприятия, специально подбирал рецензентов на свое издание и собирал печатные отклики на ВП (см. подборку рецензий – ВР. Вох 4), что вызывало обиду и неудовольствие у некоторых из его парижских корреспондентов. Ю.Терапиано: «<...> Альманах “Воздушные пути” по интриге г-на Гринберга был передан окольным путем М.Кантору, чтобы он писал о нем. Ни редакция <газеты “Русская мысль”>. – Р.Я., ни я не получили – а т.к. он стоит дорого, то покупать не собираюсь. Не могу понять, почему Гринберг, который прежде был со мной очень любезен, выкинул такую штуку? – но особенно занимался этим вопросом желанья нет – ну его! Жаль только, что не читал поэмы Ахматовой и некоторых статей <...> Ирина Владимировна <Одоевцева>. – Р.Я.> тоже “Воздушных путей” не получила, а это жаль, т.к. сам Адамович признал, что она могла бы многое разъяснить в этой поэме. Критику Адамовича я читал (в “Н<овом> р<усском>

слове”) – он на этот раз “не на высоте” – все больше общие места или “вскользь и мимо”)» (письмо к В.Ф.Маркову от 19 февраля 1960). – «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953–1966) // М. Вып.24. С.331. Тем не менее, Терапиано отрецензировал ВП-II: «Воздушные пути» II // Русская мысль (Париж). 1961. 24 июня. №1666; 1 июля. №1667. См. также переписку Гринберга с Терапиано (VP. Box 2) и с В.Марковым (Idem. Box 3).

⁴ По принципиальным соображениям Набоков не занимался переводами советских авторов на английский язык. Лишь в феврале 1966 он перевел «Сентиментальный марш» Б.Окуджавы для журнала «Нью-Йоркер».

⁵ Набоковы уехали из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк 12 октября.

⁶ Этот вопрос был вызван надеждой Гринберга (некоторое время питавшейся намеками Набокова) – стать русским издателем набоковского романа. Три года спустя писатель предложил Гринбергу для публикации в ВП лишь первые десять глав «Лолиты». Развитие этого сюжета см. в письмах 54, 59-62.

46. В. и В.НАБОКОВЫ – Р. и С.ГРИНБЕРГАМ

<б/д; до 26 ноября 1960>¹
Nabokov
c/o Mondadori
via Bianca di Savoia 20
Milano, Italy ← Нью-Йорк>

Милые Соня и Роман,

Желаем Вам счастливых Праздников². Мы объехали пол Европы – не то, не то – поезда не то, гостиниц старых мало осталось³. Зато Лолита смотрит из всех окон во все глаза – и на всех языках. Если приедете в Италию, надеемся Вас повидать, дайте знать⁴.

С сердечным приветом

Ваши В. и В.

¹ Почтовая открытка с репродукцией картины Ф.Липпи «Богоматерь в удивлении» из собрания галереи Уффици, датирована нами условно (из-за отсутствия почтового штемпеля) по почтовой марке, посвященной Олимпиаде 1960 г. в Риме). К тому же, 26 ноября Набоковы уехали из Милана на Французскую Ривьеру.

Отправителем на открытке указано:

Mr. and Mme R.Grynberg
304.W<est> 75th Street
New York, N.Y. USA.

² Рождество и Новый год. По дороге из Голливуда в Европу Набоковы остановились на две недели в Нью-Йорке. Последние две недели октября они прожили в отеле Хэмпшир Хаус возле Центрального парка и, несомненно, виделись с Гринбергами и обсуждали с ними план своего европей-

ского путешествия, начатого ими в начале следующего месяца на борту трансатлантического лайнера «Королева Елизавета».

³ Целью этого путешествия Набоковых, предпринятого по приглашению миланского издательства Мондадори, было посещение сына в Милане и поиски нового места жительства в Европе.

⁴ Встреча Набоковых с Гринбергами в Европе не состоялась.

47. В. и В.НАБОКОВЫ – Р. и С.ГРИНБЕРГАМ

<17 декабря 1960>
57 Prom<enade> des Anglais
Nice (A.M.) <– Нью-Йорк>¹

Joyeux Noel!²

Счастливого Нового Года!

Когда Вы будете в Риме? Не навестите ли нас в Ницце? Она прелестна, несмотря на дождь и на море, выскакивающее на променаду. Покажем Вам также хорошего певца: вырос на дюйм во все стороны и научился чудно владеть голосом³.

Сердечный привет.

Набоковы

¹ Датировано по почтовому штемпелю на карточке авиапочты, на которой отправителем указано:

57 Prom<enade> des Anglais Nice

Mr. and Mrs. R.Grynberg

304 W<est> 75 <Street>

New York, N.Y. USA

² Веселого Рождества! (франц.).

³ Д.В.Набоков.

48. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

18.2.<19>61
<Нью-Йорк – Ницца>

Дорогой Володя,
шлю корректуру¹. Исправил, что мог, но хозяйский глаз всегда видит лучше. Верни тут же!

Мне кажется, что во 2-м №, во второй строфе между «таких как» должна быть запятая – «таких, как», и грамматически, и по смыслу. Нет?

Вчера, и случайно, сидел с Вильсоном в принстоновом клубе и очень слегка попивали. Он плох. Страдает от грудной жабы. Едва ходит, хотя и похудел немного.

Альманах будет готов весной². Куда тебе послать – книгу и гонорар?

Сердечный привет тебе и Вере от нас обоих.

ТВОЙ

¹ Речь идет о публикации набоковских стихотворений в ВП-II, ранее посланных Гринбергу. См. письмо 44.

² ВП-II вышел в свет в мае 1961.

49. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

23-go fevralya 1961¹

57 Prom<enade> des Anglais Nice (AM) <– Нью-Йорк>

Dorogoy moy Roman,

Blagodaryu za granku. Ochen' bil rad, chto ona posluzhila povodom dlya tvoego nebol'shogo pis'ma. Granku vozvrashchayu. Vsyo v ney horosho. S tvoey zapyatoy ya ne soglasen, potomu chto u zapyatih est' prichka prihodit' s chadami i domochadtsami: esli postavit' zapyatuyupered «kak», to pridyotsya postavit' vtoruyu posle «ya» (v toy zhe stroke), da eshchyо vpridachu (v sleduyushchey stroke) odnu pered «kak», druguyu posle «izumrude». I t.d. Voobshche zhe schitayu, chto v stikhakh luchshe po vozmozhnosti obhodit'sya bez zapyatih.

Ochen' zhalko Wilson'a. Pishu emu.

A kogda zhe vi s Soney soberyotes' v Evropu? Soobshchi mne syuda poran'she: mi zdes' prochno sidim tol'ko do kontsa marta, a tam dvinem'sya – v Pirenei², potom v Italiyu (Mitin debut v kontse aprelya v Reggio Emilia³), a potom m<ожет> b<ыть> v Shveysariyu.

Mi oba shlyom vam oboim serdechniy privet.

V.⁴

PS. Vozdushnye Puti poshli mne libo syuda (esli vyidut do kontsa marta, libo (eto luchshe) na adres moey sestri: Mme Helene Sikorski⁵ Palais des Nations, Geneve. I poshli ih, pozhaluysta, v dvuh ekzemplyarah (vtoroy vichti iz gonorara).

Играю тут с профессионалом Negro который когда-то учил в русских теннисных клубах, напр<имер> в Одессе до первой войны! Чудный полухромой смуглый старик, который оживает на площадке, как зацветший кактус.

В.

Тут прогуливался в пелерине Тютчев, катался в коляске Гоголь и кормил чаек Чехов.

1 Аэрограмма, на обороте которой отправителем указано:

Mr. R.Grynberg, Esq<uire>

304 West 75 Street

New York, N.Y. USA

² Эта поездка не состоялась, это время Набоковы провели сначала у сестры писателя в Женеве, а затем вернулись обратно в Ниццу.

³ Д.В.Набоков дебютировал на оперной сцене в спектаклях «Богема» и «Лючия де Ламермур».

⁴ Рядом с инициалом отправителем нарисована маленькая бабочка.

⁵ Набокова Елена Владимировна (1906–2000; в первом браке Сколиари; во втором – Сикорская) – младшая сестра писателя.

50. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

July 22, 1961

Hotel Alpes et Lac, Champex, Suisse <– Нью-Йорк>¹

Dorogoy Roman,

Prosti, chto s takim opozdaniem blagodaryu tebya za interesneyshiy «Almanah II». Kakie strashnie stihy Mandelshtama pro stalinskie brovi i serdtsevinu!² No intetesni oni ne stol'ko kak stihy, skol'ko kak «chelovecheskiy dokument». I strannaya provintsial'nost' Ahmatovoy proiskhodit, ya dumayu, vsyo ot teh zhe izgnaniy i udusheniy. Vsyo eto bilo, konechno, ochen' vazhno opublikovat'.

Ya ochen' mnogo pishu, lovlyu ponemnogu babochek. Pogoda me-shaet vtoromu, no tem samim pooshchryaet pervoe. Kogda zhe vi edete v Italiyu?

Vmesto gonorara, poshli pozhaluysta ekzemplyar «Putey» moyey stre (Mme Sikorski, 23, Chemin Moise Duboule, Petit Saconnex, Geneve) i eshchyo odin mne, po adresu moyey belle-soeur³ (Mrs. Slonim, 139 West 82nd Street – ne nuzhno moego imeni na adrese, ona sohranit dlya menya).

Mitya na-dnyah pel v Bologna – na etot raz uzhe ne kak «debyutant», a so znamenitimi, i imel takoy zhe uspeh kak oni. Peli oni v konsertnoy programme tret'e deistvie iz Ernani⁴. Emu eschyo nuzhno uchit'sya, ukreplyaya tehniku, rasshiryaya repertuar, no v tom, chto emu uzhe «po zubam», on ochen' horosh. Mi ego ne toropim.

Bil zdes' Georgiy, kotorogo ochen' bilo priyatno povidat'. Znayu ot nego, chto vy pereyehali v svoyu usad'bu.

Ot nas troih (Mitya seichas s nami) serdechniy privet tebe i Sone.

Твой

В.

¹ На конверте авиапочты отправителем указано:

V.Nabokov Hotel Alpes et Lac, Champex, Suisse

Mr. and Mrs. R.Grynberg, Esq<uire>

304 West 75 Street

New York, N.Y. USA.

² Имеются в виду стихотворения О.Мандельштама: «Мы живем, под собою не чуя страны...» и «Средь народного шума и спеха...», включенные в публикацию «57 стихотворений» в ВП-II. Эта публикация была предметом особой гордости издателя. 14 октября 1960 он писал Г.Адамовичу в Манчестер: «Дорогой Георгий Викторович, я почти уверен, что Вы сразу же догадаетесь, почему я Вам пишу. И это неслучайно, потому что с Вами “я не знаю другого разговора”. И я добавлю, к сожалению. <...> самое главное сейчас это то, что я получил невероятной ценности пакет с 45 (сорока пятью) стихами Осипа Мандельштама. Он их писал в <19>35/37 гг. во время своей первой ссылки в Воронеже и эти списки в Союзе зовутся “воронежским циклом”. Анна Андр<еевна> говорит, что каждое его слово жемчужина. Лучше я сам ничего не скажу, да и Вы, говорю заранее, скажете то же. Вот их-то я и собираюсь издать во 2-м альманахе и прошу Вас написать общедоступную статью о покойном поэте. Это все. Все написанное выше для Вас одного. Это – секрет, потому что не все следы заметены и <...> о М<андельштаме> никому ничего не известно. Буду ждать от Вас известий с нетерпением. <...>». Адресат Гринберга откликнулся на это предложение сразу же: «<...> Я с удовольствием напишу статью о Мандельштаме и других. Ваше <...> письмо меня к этому еще больше расположило: не критика, а воспоминания, “взгляд и нечто”, всего понемногу. Вопрос – когда? Какой срок? <...>» (24 октября 1960; Манчестер – Нью-Йорк). Спустя некоторое время Адамович исполнил заказ: «Дорогой Роман Николаевич, вот “Мандельштам”. Хотя я и опоздал, пропустив все сроки, надеюсь на корректуру! Пожалуйста! Верну точно в тот же день <...>» (8 февраля 1961; Манчестер – Нью-Йорк). Итогом этой работы стала публикация Адамовича в ВП-II «Несколько слов о Мандельштаме». В одном из писем Гринберга к Адамовичу есть свидетельство о набоковской рецепции стихотворения Мандельштама «Пусти меня, отдай Воронеж...»: «<...> Я читал это заклинание Набокову. Он выслушал, подумал и сказал, что в одиночестве – и это знает по себе – человек начинает “играть” словом. М<андельштам> его в общем крепко заволновал. Он сам как-то вдохновился и прислал стихи для сборника, кот<орые> я буду печатать <см. письмо 44. – Р.Я.>» (6/д; 1960). – ВР. Вох 1.

³ Свояченица (франц.) – Софья Евсеевна Слоним.

⁴ Имеется в виду опера «Эрнани» Дж. Верди.

51. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

14 сент<ября> 1961

До 1-го окт<ября>: Hotel Balmont, Montreux<– Нью-Йорк>

С 1-го окт<ября>: Montreux-Palais, Montreux.

Милый Роман,

Мне поручено ответить Вам на Ваше милое письмо от 21-го августа¹. Володя дошел до той стадии в писании нового романа, ко-

т<орый> у нас называется the sprint²; в такие периоды он не может оторваться от писания («переключиться», как он говорит); вот почему я его замещаю.

Он просит меня написать от него:

«Стишки неизвестного мне Елагина³ настолько похожи на те, которые лет тридцать пять тому назад посвятил мне в советской газете Демьян Бедный (рифмуя “фантазирен” и “Сирин”), что у меня появилось подозрение, не одно и то же ли это лицо?»⁴

Он даже сочинил маленькую эпиграмму:

«Меня бранил Демьян Беднягин,
Теперь лягается Елагин».

От себя скажу, стоило ли выезжать из Советчины, чтобы в свободной Америке грозить виселицей поэту за независимый литературный отзвук?

Мы сейчас в Montreux, где остаемся на зиму. 20-го сент<ября> поедем на 2-3 дня в Милан на Митино выступление, но все остальные планы отменены, остаемся в Montreux, т<ак> к<ак> В<олодя> должен кончить новую книгу⁵; 2) тотчас же по окончании ее, отредактировать перевод «Дара»⁶; 3) редактировать французские переводы «Защиты Лужина» и «Пнина»; 4) заниматься корректурами «Пушкина»⁷.

Мы очень жалеем, что этой осенью нам не удастся соединиться с Вами и Соней в Риме. Надеемся, что по дороге обратно в N<ew> Y<ork> «you will take in» Montreux⁸.

Нам очень понравилась прелестная фотография Вашего дома.
Сердечный привет Вам обоим от нас обоих.

Вера

¹ Копия этого письма Гринберга в VP и BAR отсутствует.

² Здесь: скоростная работа (англ.).

³ Елагин Иван (наст. имя Иван Венедиктович Матвеев; 1918–1987) – поэт, переводчик, литературовед. По-видимому, здесь обсуждается его стихотворение «Льдина», опублик. в НЖ (1961. Кн.66).

⁴ Имеется в виду единственная прижизненная публикация Набокова в советской печати. 15 июля 1927 газета «Правда» перепечатала из берлинской газеты «Руль» его стихотворение «Билет», сопроводив его «разоблачительным» стихотворным комментарием Д.Бедного.

⁵ В это время писатель завершал работу над романом «Pale Fire».

⁶ Тогда же Набоков готовил к изданию перевод романа на английский язык, вышедший в свет в мае 1963.

⁷ Т.е. перевод и комментарии к роману «Евгений Онегин».

⁸ Заглянете в Монтрё (англ.).

52. В.НАБОКОВА – Р. и С.ГРИНБЕРГАМ

30-X-<19>61
<Монтрё – Рим?>

Милые Соня и Роман,

Володя работает ежедневно с 7-ми утра (а то и с 6-ти), т<аким> о<бразом>, я Вам пишу за нас обоих. Мы очень были рады Вашей записочке из Испании (спасибо за вырезку из Time). Теперь Вы наверно уже в Риме. Правда ли, что едете в Израиль?¹ Оттуда недавно вернулся Николай (Набоков, Володин двоюродный брат) в восхищении от страны и от людей². Мы очень хотели бы Вас повидать и надеемся, что Вы не вернетесь в Америку, не захавши в Montreux. Здесь чудесно и нам очень повезло с квартирой³. Володя кончает великолепнейшую книгу⁴. Митюша от нас недалеко, и все у него хорошо идет⁵.

Напишите нам.

Сердечнейший привет

От В. и В.Набоковых

¹ В ту осень Гринберги впервые посетили эту страну.² Летом 1961 Н.Д.Набоков, Г.И.Гессен и еще несколько близких друзей гостили у Набоковых в швейцарском местечке Шампе-Лак.³ В начале октября Набоковы переехали в отель «Montreux-Palais», ставший их постоянным жилищем.⁴ Роман «Pale Fire».⁵ Д.В.Набоков жил в то время в Милане, в нескольких часах езды от Монтрё.

53. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

11-XII-1962
<Монтрё – Нью-Йорк>¹

Miliy Roman,

Volodya hochet otvetit' na Vashe pis'mo ne otkladivaya, a potomu Vam pridyotsya primirit'sya s otvetom za moey podpis'yu.

On ochen' rad bil Vashemu pis'mu². On mog bi Vam dat' koe-chto iz svoih Oneginskih kommentariiev dlya novogo nomera Vozdushnih Putey, esli tol'ko eto ne ochen' speshno: seychas on speshno zakanchivaet razniya melkiya raboti v svyazi s amerikanskim izdaniem³, a ved' dlya Vashego zhurnala emu pridyotsya sdelat' otbor iz raznih mest, da perevesti, da perepisat' (a russkoy mashinki u nas net). Tak chto moglo bi bit' go-

tovo ne ran'she kontsa Yanvarya, a vernee v nachale fevralya⁴. A stihov novih net.

To chto vi pishete pro Vash «mater'yal» chrezvichayno interesno. Kak eto Vam udalos' razdobit' neopublikovannoe pis'mo Gogolya?⁵

Mi oba shlyom Vam oboim serdechniy privet. Ne sobiraetes' li v Evropu – ne seychas, a poblizhe k vesne?

Mityu zhdyom na Rozhdestvo. I u nas i u nego vsyo idet horosho.

Вера

¹ На конверте отправительницей напечатано:

Nabokov, Palace hotel Montreux

Roman Grynberg, Esq<uire>

304 West 75th Street

New York, N.Y. USA

² Копия этого письма Гринберга в VP и BAR отсутствует.

³ Всю осень того года Набоков был занят составлением указателя для своего английского перевода романа «Евгений Онегин».

⁴ По-видимому, издатель отклонил это предложение.

⁵ Публикация этого документа в ВП не состоялась.

54. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

10-го февраля 1963-го года

<Монтрё – Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

Как видишь, я добыл (нанял в Женеве) прекрасную русскую машинку, дабы напечатать тот материал, который предназначаю тебе. Ты послужил мне катализом: перевожу на русский язык мою Лолиту и хочу тебе предложить первые десять главок (опустив предисловие) для твоего сборника. Возьми-ка ты пожалуйста английский текст и, освежив память, реши, хочешь ли навлечь на себя гнев нашей чопорной общественности и Аронсона.

Если можешь, сообщи свое решение телеграфно, и если девочку хочешь, я очень поспешу, и материал будет в твоих руках этак числа двадцатого. Перевод чрезвычайно трудный, но первые десять главок уже сделаны, и мне нужно их теперь пересмотреть и продиктовать¹. Я кроме того правлю гранки английского перевода ДАРА, который выйдет весной, и два отрывка из которого, к моему большому удивлению, хочет напечатать Нью-Йоркер.

Если возьмешь Лолиту, само собой разумеется, что пошлю тебе счет за наем машинки.

Обнимаю тебя.

Твой

В.

¹ Описывая этот эпизод, биограф цитирует фрагмент письма писателя к Гринбергу (29 января 1963), оставшегося нам недоступным: «Сейчас я пишу кое-что по-русски для тебя, и обратный перевод из асфальта в лед ужасен». См.: Boyd-2. P.472.

55. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

Montreux<– Нью-Йорк>, January 30, 1965

Dorogoy Roman,

Spasibo, poluchil chetvyortiy vipusk tvoego almanaha. Ti povidomu zabil moyu pros'bu poslat' takzhe ekzempliyar moey sestre. Poshli pryamo na eya adres: Mme Helene Sikorski, Palais des Nations, Bibliotheque, Geneve.

Mnogoe v etom nomere ochen' interesno i vazhno – ya eshchyо ne uspel vsego prochest'. Odno iz stihotvoreny Elagina (str.156) ocharovatel'no¹. Pasternak po-moemu ochen' ploх – u ego muzi flyus, i on vseгда tak provintsialen². Hodasevicha «Basnya o Blohe» dovol'no vul'garna³, i eyo, prinyimaya vo vnimanie tragicheskuyu i neiskupimuyu sud'bu Gorlinih⁴, pozhaluy ne sledovalo pechatat'. Horosho bi, esli bi kto-nibud' skazal Vladimiru Veydle, chto «pit of the stomach» (str.188) eto ne «dno zheludka», a prosto «podlozhechkoy»⁵; stihі zhe ego uzhasni, eto skverniy Ivanov, i dazhe ne Vyacheslav.

Tvoyo predislovie ko vsemu ochen' miloe, no kak mozhno vser'oz upotrebyat' slovo «karapuz»?⁶

Otlichni vospominaniya Kuznetsovoy⁷, i konechno zamechatel'ni vospominaniya Hodasevicha. Ya eshchyо ne prochyol Ahmatovoy⁸ i drugih.

Zakanchivayu perevod Loliti, kotoriy nadeyus' viydet osen'yu, no drebezhanie moih russkih rzhavih strun inogda menya razdrzhaet.

Ne teryaem nadezhdi povidat' vas oboih letom. Ne soberyotes' li v Ispaniyu? Mi думаем tuda pochat' v mae⁹.

Mi oba shlyom vam oboim serdechniy privet.

Tvooy

B.

¹ Имеется в виду стихотворение И.Елагина «Как с трамплина влетают в бассейны...»

² В ВП-IV были напечатаны «Наброски к фантазии “Поэма о ближнем” Б.Пастернака (1917)». В архиве Гринберга отложилась неавторизованная машинописная копия поэмы. – VP. Vox 4.

³ Речь идет о стихотворной публикации «Из черновики Владислава Ходасевича», подготовленной, по-видимому, Н.Берберовой. Помимо факсимильно воспроизведенной машинописи шуточной басни «Блоха и Горлинка», в нее вошли стихотворения 1920-х годов: «Мечта моя! Из Вифлеемской

дали...», «Раскинул над собой перину...», «Проходят дни, и каждый сердце ранит...», «Георгию Раевскому» («Я с Музой не игрывал уж год...»).

⁴ Горлин Михаил Генрихович (1909–1942), Блох Раиса Ноевна (1889–1943) – поэты, историки литературы, друзья и адресаты шуточных стихотворений В.Ходасевича, в годы нацистской оккупации Франции погибшие в концлагере.

⁵ Речь идет о неудачном переводе В.Вейдле: «<...> Поэзия кажется мне скорее физическим, чем умственным (intellectual), писал Хоусмэн, ссылаясь на особое ощущение где-то “на дне желудка”, in the pit of stomach, которое вызывалось у него во время утреннего бритья воспоминанием о некоторых стихах <...>». – Вейдле В. О любви к стихам // ВП-IV. С.188.

⁶ Во вступительной заметке, предварявшей републикацию автобиографического очерка В.Ходасевича «Младенчество», Гринберг сравнил этот текст с новейшим бестселлером советской переводной литературы: «<...> “Младенчество” как-то особенно выгодно отличается от автобиографических “Слов” Жана-Поля Сартра, только что вышедших и вызвавших столько шума. Шестидесятилетний Сартр комментирует свое младенчество средствами, открытыми Фрейдом, Ходасевич же смотрит на мир глазами зачарованного карапуза и не толкует. <...>». – Там же. С.5. Ср. с его же характеристикой творчества Сартра в письмах: ИМ. С.356.

⁷ Имеется в виду фрагмент из «Грасского дневника» Г.Кузнецовой, опубликованный под заглавием «Грасс – Париж – Стокгольм».

⁸ В ВП-IV были напечатаны ахматовские очерки «Амедео Модильяни» и «Мандельштам».

⁹ Вместо Испании Набоковы весной того года отправились в Италию. См. письма 56-58.

56. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

5-V-<19>65

Grand Hotel

Gardone Riviera <Италия – Нью-Йорк>

Милый Роман,

В<олодя> пишет новую вещь¹ и ловит бабочек, а потому просит меня ответить за него. Мы очень будем рады Вас обоих повидать. Мы находимся на озере Гарда. М<ожет> б<ыть>, пробудем здесь и июнь, т<ак> к<ак> здесь прелестно. Это в 130 км от Милана. Если Вы передвигаетесь under your own power², то Вам будет очень удобно по дороге из Милана в Венецию заехать сюда. Если мы почему-либо передвинемся до Вашего приезда, то сообщим Вам в N<ew> Y<ork> или Милан. Во всяком случае, Митя будет знать, где мы (его телеф<он> 667-938 и он всегда дома в 12). Начиная со 2-го июня мы будем в St.Moritz, но это Вам поздно, если Вы в Цюрихе только до 16-го июня.

Мы оба шлем Вам и Соне сердечный привет.

Вера

¹ Роман «Ada».

² Здесь: своим ходом (англ.).

57. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВОЙ

10-е мая <19>65 г.

<Нью-Йорк – Gardone Riviera>

Милая Вера,

Получил Ваше письмо, – спасибо!

Мы немного изменили даты нашего путешествия: в Милане мы будем не раньше 18 июня¹. Позвоним Мите.

В начале апреля появилась в «Нью репаблик» рецензия на володиново Е<вгения> О<негина> неко<е>го поэта и переводчика Гая Даниэльса². Написано резко. Послать?

Рад буду Вас повидать.

До свиданья.

Ваш

¹ Судя по всему, эта задержка была связана с экстренной поездкой адресата в Лондон, где он встречался с А.Ахматовой. См. об этом прим.1 к письму 72.

² Дэниэлс Гай (1919–1989) – поэт, писатель, переводчик с французского и русского (В.Маяковский, Н.Лесков, М.Лермонтов и др.).

58. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

17-V-<19>65

<Gardone Riviera – Нью-Йорк>

Милый Роман,

Мы очень рады, что Вы будете в этом районе, когда мы еще будем здесь, а если не здесь, то во всяком случае неподалеку.

Статью Guy Daniels не посылайте, т<ак> к<ак> 1) нам ее все равно пришлет агентство и 2) он совершенный прохвост и неуч, а Володю il en veut¹ за то, что не поддержал Daniels'овой кандидатуры на Гуггенхайма и раскритиковал его переводы из Крылова (подправленные отсебятиной).

Не помню, писала ли я Вам, что В<олодя> кончил перевод «Лолиты» на русский язык – un veritable tour de force².

Мы не видали переводов Пушкинских писем, сделанных Shaw³. Хороши ли они?

Мы оба шлем Вам и Соне самый сердечный привет

Вера

¹ Здесь: имеет зуб (франц.).

² Действительно, гигантский труд (франц.).

³ Имеется в виду издание: The Letters of Alexander Pushkin. 3 Vols in One. Translated with Preface, Introduction and Notes by J. Thomas Shaw. Madison, University of Wisconsin Press. 1965.

59. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

4.XII. <19>65
<Нью-Йорк – Монтрё>

Дорогой Володя, как ужасно давно собирался тебе писать! Что-то мешало: то это, то то, неизвестно что. Все лето я ленился, живя в Лесном. Там было, как известно, очень хорошо. В город вернулись в сентябре и жизнь пошла по-другому. Занят делами. Здоровье не мешает. Оба мы в неплохой форме. А ты, а Вера? О Мите слышали лестные отзывы музыкологов. Что же с гонками?¹ Что же «Лолита» по-русски? В России у тебя много восторженных читателей и старик Ч<уковский> мне много писал о тебе. Как-нибудь придется переслать его интересные заметки о тебе. Тут и воспоминания, и теория перевода и пр.² Старик сейчас в больнице, куда его привела внезапная смерть его старшего сына, Николая³.

Статья и письма Эдмунда меня приводили в состояние родимчика, какое случается с беременными женщинами. Со мной начинались судороги. С тех пор, как он мне прислал свою статью о твоём Е<вгении> О<негине>⁴, он все еще ждет моего письма. Он не понимает, до чего он жалок⁴.

Вчера мне звонил Исаак Пэтч. Он директо<р> «новых проектов» в радио «Свобода». Он же ведаёт русским издательством при станции и аген<т>ствами переотправки книг и журналов в СССР. Пэтч мне помог отправить туда мои В<оздушные> П<ути>. Так вот вчера он мне сообщил, что он решил переиздать некоторые твои сочинения на русском языке для отправки их туда. И зная, что мы с тобой хорошо знакомы, и я знаю, куда тебе писать, просил меня узнать у тебя, как ты к этому относишься. Платят он<и>, говорят, щедро. Пэтч мне же сообщил, что его коллега Роберт Шенклэнд, заседающий в Мюнхен<е>, тебя посетит, когда ты скажешь, что интересуешься вот этим проектом. Ответь⁵.

Скажи мне, что ты готов дать для моего очередного <номера>. В апреле будем в Европе. Жду твоих сообщений. Поцелуй Веру. У меня для нее несколько «хот типов»⁶.

твой

¹ Осенью 1962 Д.В.Набоков неожиданно для родителей занялся спортивными автогонками и добился в этом немалых успехов, что стало причиной их серьезных переживаний. В мае 1965 под давлением родителей и друзей он все же отказался от этого опасного увлечения.

² В 1964 Гринберг затеял остроумную литературную мистификацию, вступив в переписку с К.Чуковским под именем некой американки Сони Г. Этот весьма содержательный с литературоведческой точки зрения эпистолярный, охватывающий три года, опубликован: *Ржевский Л.* Загадочная корреспондентка К.Чуковского // НЖ. 1976. Кн.123. По-видимому, инициатор этой переписки все же не смог (или не захотел?) познакомиться с ней Набокова. См. также отзыв писателя о Чуковском в письме 69.

³ Чуковский Николай Корнеевич (1904–1965) – поэт и прозаик.

⁴ Взаимное охлаждение отношений Вильсона и Набокова, подспудно развивавшееся на протяжении ряда лет, стало очевидным уже к концу 1952, но в открытую их противостояние развернулось лишь после публикации комментария к «Евгению Онегину». Открыто враждебная по отношению к книге и ее автору рецензия Вильсона появилась на страницах «New York Review of Books» 15 июля 1965, и писатель был поражен неожиданным превращением «дорогого друга» «в завистливую задницу». См.: Boyd-2. P.496. Свой ответ критику писатель готовил на протяжении октября и начала ноября того же года и напечатал в февральском номере журнала «Encounter» за 1966. Эта печатная полемика продлилась несколько лет в разных изданиях и, втянув в себя широкий круг участников, стала причиной окончательного разрыва между бывшими друзьями.

Между прочим, Вильсон не скрывал своего нелицеприятного отношения к литературному творчеству своего русского друга в частной переписке. См., например, его письмо к Гринбергу от 20 мая 1962. – BAR; Boyd-2. P.495. В упомянутом выше письме к Набокову от 6 августа 1962 Гринберг обсуждал это скрытое недоброжелательство и пытался найти ему объяснение: «Зависть? Но ведь вы же такие разные!». О психологической и литературной подоплеке этого конфликта и его перипетиях см.: Ibid. P.492-499. Из-за отсутствия в нашем распоряжении текста письма Гринберга к Набокову от 6 августа 1962 (его копия не отложилась в VP и BAR) сошлемся на цитату, приведенную биографом по оригиналу из архива писателя – с отзывом о Вильсоне и его претензиях к писателю: Ibid. P.492. Обсуждение этого конфликта см. также в письмах 60-63.

⁵ Этот проект реализовался в переиздании романов «Приглашение на казнь» и «Защита Лужина», выпущенных под маркой фиктивного издательства «Victor» в 1965 и 1966. См. об этом письма 70, 73.

⁶ Здесь: биржевые котировки (англ.).

60. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

Montreux<– Нью-Йорк>, 25-go Dekabrya 1965¹

Dorogoy Roman,

Pishu Vam v sekretarskom kachestve. Volodya, kak vseгда, zanyat odnovremenno neskol'kimi veshchami, da vsyo speshnimi, kak pochti

vsegda, i vse ego namereniya vzyatsya za pero ne dlya pechati do sih por ni k chemu ne priveli. Poetomu on prosit menya napisat' Vam za nego.

LOLITA po-russki zakonchena, i zavtra nam dolzhni vernut' poslednyuyu eyo chast' v perepisannom na mashinke vide. Hotite pechatat' v Putiah? Vprochem, net, ved' vi uzhe otkazalis'. Ne hotite li ochen' lyubopitniya zametki o teatre i vospominaniya o Tre'tey Gimnazii (Peterburgskoy) volodinogo ottsa?² V<olodya> govorit, chto emu bilo bi ochen' lyubopitno prochitat' to, chto Vam pisal Kornei Chukovskiy, kotorago on otlichno pomnit³.

Nepremennno prochtite volodinu stat'yu v Encounter (dolzhen viyti 20 yanvarya), v kotoroy on otechaet na napadki Edmunda i nekotorykh drugih – ochen' zabavno⁴. Neuzheli znaniya Edmunda v drugih oblastyakh stol' zhe ogranicheni kak v oblasti russkago yazika i literaturi? Zhalko Edmunda, no on sam vinovat, ne sledovalo petushitsya i lezt' v draku. Voobrazite: on kak ni v chyom ne bivalo prislal kartochku, kotoraya bila bi ochen' miloy i dazhe ostroumnoy – v drugih obstoyatel'stvah.

Shankland s nami v perepiske, no on vsyo pochemu-to hochet priehat' – v chyom sobstvenno net nikakoy neobhodimosti. Esli on soglasyatsya delat' delo pis'menno, to veroyatno izdanie Volodinih knig sostoyatsya⁵.

S gonkami, slava Bogu, pokoncheno navsegda. Avtomobil' prodatsya, mi strashno radi.

Budem ochen' radi Vas s Sonei povodat'. Kuda Vi edete, gde kogda budete?

Bila bi ochen' rada poluchit' Vashi tips (poka oni ne ostili)⁶.

Eshchyo raz zhelaem Vam oboim ochen' schastlivago Novago goda.

Vashi

V. i V. Nabokovi

Вера

¹ На конверте авиапочты отправительницей указано:

Roman Grynberg Esquire

75 West 30th Street (зачеркнуто)

New York, N.Y. USA

3 Avenue West 75 Street NYC 10073.

² Имеются в виду мемуары В.Д.Набокова: «Из воспоминаний о театре (за 25 лет)», «Театральный Петербург» и «Петербургская гимназия сорок лет тому назад (страничка воспоминаний)», впервые опубликованные в берлинских журналах «Театр и жизнь» (1921. №1-2; 1922. №7-8) и «Новая Россия» (1922. №1).

³ См. об этом прим. 2 к письму 59.

⁴ Nabokov's Reply // Encounter. February 1966. Впоследствии этот текст был включен в кн.: «Strong Opinions» (New York, 1973).

⁵ Об этом см. письмо 59.

⁶ См. прим.6 к письму 59.

61. Р.ГРИНБЕРГ – В. и В.НАБОКОВЫМ

Суббота, 12-ое фев<раля> <19>66 г.
<Нью-Йорк – Монтрё>

Милая секретарша, Вера, если бы Вы написали адрес наш правильно, я бы смог ответить на Ваше письмо гораздо раньше. Мы живем в доме № 304 Уэст 75 ул<ицы>, а не наоборот. Письмо пролежало где-то в Бронксе, пока меня не нашли. Уезжаем мы 27. Летим в Израиль, оттуда в конце марта в Рим. Где просидим недолго, дней пять/семь и тронемся во Флоренцию, где встретим Пасху. Так как же с вами свидеться? Очень мне нужно было б Вас повидать. И «Лолита» по-русски мне нужна. Вы писали, что она будет переписана или уже готова. Так нельзя ли получить экземпляр машинописи для прочтения, пока я буду в Тель-Авиве в отеле Дан?

В среду, 2 фев<раля>, когда вас показывали на нашем экране, был у нас к обеду Эдмунд. Он принес с собой отпечаток «Инкаунтер» с Володиным «ответом критикам». Мне показался ответ Эдмунду справедливым, остальным судить не берусь, не ведая их писаний. Однако, не могу согласиться с тем, что «чуя и почуя одно и то же». Приставка «ПО» стоит перед глаголом чують для *совершенного* вида, а не просто так. Сам Эдм<унд>, видимо, был расстроен и ответил тебе коротко, что появится в мартовском выпуске. Мне ответа он не показал, но я и не спрашивал¹. В общем, он затеял детскую возню, кот<орой> можно было и избежать.

«Шоу Набоков» у нас не получился. Было темно и дикция где-то тонула в пространстве. Эдм<унд> все спрашивал, «неужели это Володя?» Хорошо можно было узнать Митю, но он промолчал².

Был еще с нами Зингер, Исаак Башевич³, – чудесный писатель на идиш, кот<орым> мы увлекаемся. Пишет он о любви и смерти фантастически. Он со страстью глядел на экран и досадовал, что плохо понимал и видел, что так ему хотелось увидеть.

Обнимаю вас всех и очень прошу секретаря ответить мне тут же сюда, на что надеяться.

Ваш

¹ См.: Wilson E. Letter to Editor // New York Review of Books. 1966. 17 February.

² Имеется в виду телефильм, снятый Робертом Хьюзом в середине сентября 1965 в Монтрё и показанный в Нью-Йорке по каналу Национального Образовательного телевидения.

³ Зингер Исаак Башевич (1904–1991) – польско-американский писатель, писавший на идиш; лауреат Нобелевской премии по литературе (1978).

62. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

February 17, 1966
 <Montreux – New York>

Miliy Roman,

Prostit, chto oshiblas', kogda pisala Vash adres: mne sluchaetsya pisat' po desyat' pisem v den' i bol'she, no vsyo-taki takih oshibok ya obichno ne delayu.

Mi vo vsyakom sluchae ne uedem iz Montreux do aprelya, a v aprele veroyatno poedem v Italiyu, no kuda tochno i kogda, eshchyо ne sovsem resheno¹. Gde uvidimsya? M<ожет> б<ыть>, на Paskhe vo Florentsii? Let us stay in touch². Poblizhe k aprelyu dayte znat', gde tochno budete stoyat' vo Florentsii.

Otnositel'no LOLITI Volodya govorit, chto pechatat' eyo v zhurnale pozhaluy pozdno³. Krome togo, u nego est' vsego dva ekzemplara, i kogda pridyotsya otdat' odin izdatelyu, to ostanetsya vsego odin, kontrol'niy, s kotorim on rasstat'sya ne reshitsya.

Volodya prosit skazat', chto «eto ne on, a Vilson utverzhdal, chto “pochuya” eto nesovershenniy vid, a “pochuyav” sovershenniy. Eto ya emu skazal (v Encounter'e), chto oni oba sovershennie, a vot “chuya” nesovershenniy. Ti, Roman, ploho ponyal».

Volodya ochen' zhalel, chto emu prishlos' tak «otshlyopat'» Edmunda, no chto zh emu ostavalos' delat', kogda k layu Edmunda prisodinils' «podobostrastnie psi»?

Spasibo Vam za birzhevoi hot tip.

Mi oba shlyom Vam oboim samiy druzheskiy privet.

Вера

¹ В середине апреля Набоковы уехали из Монтрё навестить сына, жившего в городке Монза близ Милана, а затем путешествовали по Италии. Назад они вернулись лишь в середине августа.

² Здесь: будем поддерживать связь (англ.).

³ К тому времени писатель уже заключил договор на издание русской версии романа «Лолита» с нью-йоркским издательством «Phaedra».

63. В.НАБОКОВА – С. и Р.ГРИНБЕРГАМ

14-III-<19>66
 <Монтрё – Нью-Йорк>

Милые Соня и Роман,

Выясняется, что нам не удастся уехать до после Пасхи. Володя еще кончает подготовку к печати нового («исправленного и допол-

ненного») издания Speak, Memory (с картинками)¹. Кроме того, нужно еще кое-что сделать в связи с предстоящим изданием Лолиты по-русски. Печатать будут в Америке; то, что еще нужно сделать перешло уже в мои руки, т.е. техническая сторона – творческая давно закончена.

Где мы Вас увидим? Сколько вы остаетесь во Флоренции и где будете стоять? Куда потом? Не ведет ли Ваш путь через Montreux (м<ожет> б<ыть> до Флоренции)?

Не знаете ли, как поживает Эдмунд, «все теперь учуявший» (как говорит Володя).

На-днях приезжал к нам обедать из Парижа Saul Steinberg². У него там выставка. Милейший человек.

Напишите нам поскорее, чтобы выработать план.

Мы оба шлем Вам сердечный привет.

Вера

¹ Книга была выпущена в свет нью-йоркским издательством «Putnam» в начале 1967.

² Стейнберг Сол (наст. имя и фам. Соломон Якобсон; род. в 1914) – американский карикатурист и иллюстратор румынского происхождения; мировую известность приобрел как художник журнала «New Yorker». В гости к Набоковым он приезжал в первых числах марта.

64. В.НАБОКОВА – С. и Р.ГРИНБЕРГАМ

24-III-<19>66¹
<Монтрё – Флоренция>

Милые Соня и Роман,

Дождитесь нас во Флоренции – мы будем 20-го. В Montreux теперь тепло, напрасно Вы испугались. Тут все цветет. Вчера вышло великолепное book club'ное² швейцарское издание Лолиты. Вот до чего мы дожили.

Мы будем в Парк Палас – это загородом.

Привет.

В. и В.

¹ Почтовая открытка с репродукцией картины П.Брейгеля-младшего «Кермесса» из собрания Женевского музея истории и искусства. На правой стороне отправительницей указано:

Mr. and Mrs. Roman Grynberg

Savoy Hotel

Firenze

Italie

² Т.е. роскошное издание.

65. В.НАБОКОВ – С.и Р.ГРИНБЕРГАМ

13-IV-<19>66
<Монтрё – Нью-Йорк>

Милые Соня и Роман,

Как жалко, что вы пролетели мимо Montreux! Я думаю, у нас теплее, чем в Амстердаме. Искусства здесь мало, но зато есть на озере чудные птицы.

Мы уезжаем послезавтра (если успеем все доделать) – Флоренция – Амальфи – потом еще не знаем, куда¹.

Не прогонят ли вас холода назад на юг? Сколько еще останетесь в Европе aux anciens ragapets?²

Шлем вам сердечный привет

В. и В.

Постоянный адрес остается Montreux.

¹ Маршрут путешествия Набоковых по Италии: Флоренция–Помпеи–Амальфи–Неаполь–Чианчиано Терме–Парма–Понти ди Легно.

² У древних стен (*франц.*).

66. В.НАБОКОВ – С. и Р.ГРИНБЕРГАМ

30 июня 1966¹
<Чианчиано Терме, Италия – Нью-Йорк>

Дорогие Соня и Роман,

пишем вам из прелестного томного малоизвестного курорта в «Тоскании».

Как вы поживаете?

Напишите нам словцо на Монтрёзский адрес.

Отсюда едем на север в Альпы через несколько дней². Итальянское вино в общем не содержит веритаса.

Теплейший привет от Веры и меня.

В.

¹ Почтовая открытка с видом античных терм Чианчиано; датированная по почтовому штемпелю. На правой стороне отправителем указано:

Mr. and Mrs. R.Grynberg
304 W<est> 75th Street (зачеркнуто)
New York N.Y.

USA

приписано: Barryville N<ew> J<ersey>.

² В начале июля Набоковы переехали в Понти ди Легно – лыжный курорт в итальянских Альпах.

67. В.НАБОКОВ – Р. и С.ГРИНБЕРГАМ

29-VIII-<19>66
<Тараспа – Нью-Йорк>¹

Шлем сердечный привет из прелестного Тароспа, где только теперь солнцу удастся изредка пробиться сквозь тройное ватное одеяло над лиственницами и елями. Перечитываю Приг<лашение> н<а> Казнь для русского изд<ания> Radio Liberty². Прекрасная книга!
V & V

¹ Почтовая открытка с альпийским видом; на ее правой стороне отправителем указано:

Mr. and Mrs. R.Grynberg
304 W<est> 75th Street
New York N.Y.
USA

² См. об этом прим.5 к письму 59.

68. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

Sept<ember> 28, 1966
<Montreux – New York>¹

Miliy Roman,

Volodya poluchil pis'mo ot Viktora Ripp², kotoryy ssilaetsya na Vas. Dal'she ya tsitiruyu Volodyu:

«Dorogoy moy Roman, pozhaluysta bud' drugom: ne davay nikomu moego adresa, a uzh osobливо graduatam!³»

Eto potomu chto on poluchaet sotni pisem ot pishushchih tezi<сы> (voprosy obichno prosto perekladyvayut “research”⁴ na ob'ekt etogo samago «research»'a), i mi na nih pochtі nikogda ne otvechaem.

Poskol'ku V.Ripp soslalsya na Vas, vot otveti na ego voprosi:

1. Perevod Kameri, kotoryy Vinifred Roy sdelala dlya John Long bil plohoj, i V<олодя> ego podpravil ran'she chem on vishel u Long'a. Potom dlya amerikanskogo izdaniya (Bobbs-Merrill) on eho znachitel'no uluchshil i mnogo izmenil v tekste⁵.

2. Vse «deviations from the Russian version»⁶, kak i vse «omissions»⁷, delayutsya tol'ko samim avtorom posle togo, chto perevodchik (Mitya ili

kto bi to ni bilo) zakonchil svoi trudi. No v Mitinih perevodah emu prihoditsya delat' gorazdo men'she uluchsheniy, chem v drugih.

Bud'te tak dobri, predayte eto Ripp'u.

Nadeemsiya, chto Vi s Soney zdorovi, i shlyom Vam oboim samiy serdechniy privet.

В. и В.

¹ На обороте аэрограммы отправительницей указано:

Mr. R.Grynberg, Esq<uire>

304 W<est> 75th Street

New York N.Y.

USA

² Рипп Виктор – американский славист российского происхождения; в 1970-е годы преподавал русскую литературу в Корнеллском университете; автор исследований о русской литературе и книги очерков о жизни советских эмигрантов третьей волны в США (1984).

³ Здесь: дипломникам (англ.).

⁴ Исследование (англ.).

⁵ Имеется в виду английский перевод романа «Камера Обскура», сделанный В.Рой для лондонского издательства Джона Лонга в 1935. Лишь после того, как ее работа была серьезно отредактирована и поправлена автором, роман под тем же названием был издан в 1936. См. набокровский отзыв о ней: Boyd-1. P.419. Осенью 1937 автор заново переработал перевод романа, а в следующем году он был выпущен в свет указанным американским издательством под названием «Laughter In the Dark».

⁶ Разночтения с русской версией (англ.).

⁷ Пропуски (англ.).

69. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

18-II-<19>67

<Монтрё – Нью-Йорк>

Dorogoy Roman,

Spasibo za tvoyo miloe pis'mo ot 15-go¹.

Naschyot Gershenkrona: ego stateyka daleko ne nevinnaya (ona napisana s poshleyshimi uzhimkami², v zashchitu Garvardskogo Chizhevskago³, kotorago ya za delo trepal), a Wilsonu, podsunuvshemu eyo tebe, mozhesh' skazat' ot menya, chto on prohlost.

Chukovskomu zhe napishi, esli hochesh', chto moy sin viros na ego Krokodile i Moydodire⁴, i chto nichego net obidnago v tom, chto russkiy chelovek ploho proiznosit na vseh neviuchennih v detstve yazikah (on bi poslushal, kak ya kovirayu po-nemetski ili po-italyanski). Pamyat' u menya horoshaya, i nablyudatelnost' u moego otsa bila iskluchitel'naya, i

ya pomnyu drugie ego dobrodushnie anekdoti vsyo o toi zhe poezdke, katorie ya predpochyol v knizhku ne vklyuchat'.

Uvi, dorogoi, u menya seychas nichego net. Esli b ti znal, kakoe eto stradanie perepravlyat'sya⁵ s dibi odnogo yazika na koleso drugogo, ti bi na menya ne setoval⁶.

Privetstviuem vashe puteshestvie v «incroyables Florides»⁷.

Menya sovershenno zamuchili v etom godu interv'yueri, televizniki, biografi i perevodchiki, no mi tozhe skoro pokatim na yug, kak tol'ko razdelayus' s nekotorymi literaturnimi delami.

Privet ser<d>echniy Vam oboim ot nas oboih.

Obnimayu

V.

¹ Копия этого письма Гринберга в VP и VAR отсутствует.

² Имеется в виду антинабоковская публикация известного экономиста, историка и литературоведа-слависта, профессора Гарвардского университета (1904–1978) Александра Гершенкрона: *Gershenkron A. A Manufactured Moment // Philology*. May 1964.

³ Имеется в виду славист, литературовед, историк, лингвист и художественный критик Дмитрий (Дмитро) Иванович Чижевский (1984–1977), в 1949–1956 преподававший в Гарвардском университете. С его версией комментария к «Евгению Онегину» (1953) Набоков многократно полемизирует в своей работе, посвященной пушкинскому роману; она также упоминается и в других его печатных ответах оппонентам.

⁴ Ср. с позднейшим свидетельством Д.В.Набокова: *D.Barton Johnson & Ellendea Proffer. Interview with Vera and Dmitri Nabokov // RLT*. P.74.

⁵ Так в тексте.

⁶ В январе-феврале 1967 Набоков был занят переработкой для англоязычного читателя своего русского романа «Король, дама, валет». В следующем году его перевод был выпущен издательством «McGrow-Hill» параллельно с оригинальной версией.

⁷ Невероятные Флориды (франц.).

70. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

Hotel Cenobis dei Dogi
Camogli (Genova) ← Нью-Йорк?>
12-IV-<19>67

Милые Соня и Роман,

Шлем Вам привет из этого довольно симпатичного уголка Италии. Мы здесь будем еще месяца два. Потом будем месяц пропадать в Пиемонтских горах (бабочки, места, где – Володя говорит – никто еще не собирал; места, о кот<орых> и итальянцы не слыхивали, одна гостиница с 3-мя домиками), потом м<ожет> б<ыть> Chamonix, a

15-го августа – Montreux¹. Не будете ли поблизости от нас в тот или иной период лета?

Простите, Роман, что надоедаю Вам с биржей. Оба Ваши совета были очень удачные, а теперь наш «customer's man»² пристаёт, что пора продать Int<ernational> М. г. (?) и «Белые». Если у Вас есть на этот счет мнение – пожалуйста, посоветуйте!³

Недавно В<олодя> написал стихи, которыми очень доволен. Он прислал меня их для Вас переписать и послать, что я и делаю.

Вам будет забавно знать, что В<олодя> получил из России, от неизвестного читателя, 25-ти лет, изумительное письмо – результат того, что он прочел Дар⁴. Radio Liberty тоже получает отклики.

Русская «Лолита» печатается, около трети уже набрано и прокорректировано.

Напишите нам в Samogli.

Сердечный Вам обоим от нас обоих привет.

Вера

*

**

Сорок три или четыре года
Ты уже не вспоминалась мне:
Вдруг, без повода, без перехода,
Посетила ты меня во сне.

Мне, которому претит сегодня
Каждая подробность жизни той,
Самовольно вкрадчивая сводня
Встречу приготовила с тобой.

Но хотя, опять возьась с гитарой,
Ты «опять молодухой была»,
Не терзать взялась ты мукой старой,
А лишь рассказать, что умерла.

Владимир Набоков
9-IV-<19>67⁵

¹ С 4 апреля Набоковы отдыхали на Итальянской Ривьере, в местечке Камольи, расположенном между Генуей и Рапалло. Запланированная ими поездка на французский курорт Шамони была затем отменена, и в начале августа они вернулись в Монтрё.

² Здесь: брокер (англ.).

³ По-видимому, имеются в виду какие-то американские компании, чьи биржевые акции Набоковы в тот период намеревались приобрести для на-

дежного вложения гонораров писателя, полученных за литературные публикации. Об этом см. письмо 71; Boyd-2. P.419.

⁴ См. этот отзыв в: Boyd-2. P.524.

⁵ Переписано рукой В.Набоковой. Стихотворение опубликовано в ВП-V.

71. Р.ГРИНБЕРГ – В. и В. НАБОКОВЫМ

17.4.<19>67

<Нью-Йорк – Генуя>

Дорогие Вера и Володя,
мы вчера вернулись из холодной Англии, где пробыли всего одну неделю, и застали Ваше письмо. О, чудо! – в нем оказалось стихотворение для Альманаха 5. Очень благодарю. Наконец-то! Альманах набирается, но выйдет не раньше сентября, чтобы не появляться летом, в пустые дни.

Как жаль, что мы не знали, что вы под Генуей. Мы бы слетали к Вам, чтобы погреться немного на итальянском солнце после невообразимой промозглости Лондона. Но теперь поздно. В начале июня мы собираемся снова в Лондон, Копенгаген и Стокгольм и обратно в наше «Лесное».

Боюсь советов насчет бумаг. Могу сказать только, что этих двух *не трогаю*. Это – прекрасные амер<иканские> компании, кот<орые> рано или поздно вернутся к своим самым высоким ценам. Особенно богато развиваются «Белые». Но, разумеется, могут еще быть откаты.

Желаю Вам счастливых дней на берегах Левантийской Ривьеры, где когда-то «гулял и я».

Соня Вам сердечно кланяется.

Ваш

72. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

30-X-<19>67

<Монтрё – Нью-Йорк>

Miliy Roman,

Volodya menya prosit Vam napisat', poblagodarit' za interesnuyu knigu Vozdushnih Putey. Emu ochen' pokazalis' interesnimi Adamovich¹, a takzhe Yanovskiy (nesmotrya na «grubost») ². «Perekop» zhe on nashel bespomoshchnim, bessvyaznim i neuklyuzhim³.

On Vas prosit «vmesto gonorara» poslat' eshchyo odin ekzemplyar knigi po adresu ego sestri (Mme Sikorski, Palais des Nations, Bibliotheque, Geneve).

Mi oba ochen' zhaleem, chto ne udalos' Vas i Soniu povidat' v etom godu. Nadeemsa, chto Vi oba zdorovi i blagopoluchni.

Serdechniy privet Vam oboim ot nas oboih.

В. и В.

¹ В ВП-IV был напечатан мемуар Г.Адамовича «Мои встречи с Анной Ахматовой». Появление этого текста было инициировано Гринбергом, о чем свидетельствует его переписка с этим корреспондентом: «<...> принимаю-тесь за воспоминания об АА, не откладывая в долгий ящик: мне они очень нужны. О ней только и будет Ваша статья, кроме речи неизвестного “петербургского читателя” – речь ходит в списках и она непосредственно “оттуда”. Места и времени у Вас достаточно, но держите меня “окуран” <в курсе. – Р.Я.> <...>. Самый выход эмигрантского альманаха в этом году <в 1967 отмечалось 50-летие советской власти. – Р.Я.> и несколько негромких эмигрантских слов вполне достаточно и необходимо. Русские эмигранты оказались одними из самых прозорливых людей этой планеты за все эти 50 лет <...>» (письмо к Г.Адамовичу от 11 января 1967; Нью-Йорк – Париж). После некоторой паузы адресат отозвался на это предложение: «<...> Едва ли я буду в состоянии прислать Вам воспоминания об Ахматовой к 28 марта. У меня сейчас много срочных дел (составление двух книг) и чувствую я себя более чем “средне”. Постараюсь, но не уверен – оттого и пишу “едва ли”. Если бы Вы назначили сроком апрель, все было бы в порядке. Мне не хочется писать наспех, как-нибудь, да и тема эта не такая. Ну, обойдетесь без меня, если не напишу: не так это важно! Прилагаю стихи А<хматовой> (в фотокопии), которые были помещены в ташкентской “Звезде Востока”. Мне их прислали несколько, но это – наиболее интересно. <...> Не знаю, были ли они перепечатаны где-нибудь в эмиграции. Если нет, думаю, что они были бы украшением “В<оздушных> Путей” <...>» (6 марта 1967; Париж – Нью-Йорк). Ответ издателя был молниеносным: «<...> Стихи АА напечатаю <это обещание не было выполнено. – Р.Я.>. <...> Конечно, апрель, как срок, приемлем для ВП, если Вам нужно. Пишите как можете, буду ждать» (8 марта 1967; Нью-Йорк – Париж).

Ободренный издателем, автор взялся за дело и успел вовремя: «Дорогой Роман Николаевич, вот воспоминания об Ахматовой. Надеюсь, Вы получите их еще в апреле, как я обещал <...>» (26 апреля 1967; Париж – Нью-Йорк). Из ответа Гринберга: «<...> Ваша статья во многих отношениях получилась замечательной. Те, кто любят АА, будут счастливы. Кстати, номер Вашего телефона <в Париже. – Р.Я.> АА дал я, а ее спутница Аня <А.Г.Каминская. – Р.Я.> его записала. Было это 9-го июня в комнате на 3-ьем этаже гостиницы “Президент” в Лондоне, в 1965 г., когда я встретил единственный раз и в первый раз АА. Впечатления у меня сложились такие, что мне трудно о них вспоминать без тягости. Есть у меня об этом записка для какого-то далекого будущего <...>» (1 мая 1967; Нью-Йорк – Париж). – ВР. Вох 1. Местонахождение этого документа нам неизвестно.

² В ВП-IV был опубликован фрагмент из будущей книги мемуаров Василия Семеновича Яновского (1906–1989) «Елисейские поля. Глава из книги воспоминаний». С 1942 он жил в Нью-Йорке, в 1950-е годы был гостем дома Гринбергов и сотрудником О («Записки современника». 1953. №2), одна-

ко их отношения отличались неустойчивостью. См.: *Василий Яновский*. Из дневника 1955–1959 гг. // НЖ. 1997. Кн.209; *Он же*. Из дневника 1960–1964 // Там же. 1999. Кн.214.

³ Имеется в виду поэма М.Цветаевой «Перекоп». Репрографированная копия автографа и машинопись этого текста см. в: ВР. Вох 5.

73. В.НАБОКОВА – Р. и С.ГРИНБЕРГАМ

<б/д; до 25 декабря 1967>¹
<Монтрё – Нью-Йорк>

Надеюсь, что Роман совсем оправился от того злключения, кот<орое> с ним было во время моего «налета» на Н<ью>->У<орк>². Надеюсь также, что Вы получили обе посланные Вам книжечки³.

Володя просит сказать, что у него к Роману просьба: просьба послать журнал, в кот<ором> были напечатаны письма его отца⁴, по следующему адресу: Serge Nabokov, 30 av<enu> Leo Eggera, Bruxelles 18. Это его двоюродный брат («бельгийский»), о кот<ором> кое-что есть в новом Speak, Memory⁵.

Володя очень занят всякими интересными вещами – я тоже, но, к сожалению, вещами менее интересными⁶. Митюшу ждем на Рождество.

С сердечным приветом

В. и В.

¹ Недатированная поздравительная открытка с надписью: Joeux Noel et L'Euegusse Annee (Веселого Рождества и счастливого Нового года). Датировано по контексту.

² В.Набокова приезжала по издательским делам мужа в Нью-Йорк в конце ноября и провела там первые две недели декабря 1967.

³ Имеются в виду русскоязычные переиздания романов «Дар» и «Приглашение на казнь».

⁴ Речь идет о публикации, подготовленной писателем: «Письма В.Д.Набокова из Крестов к жене. 1908 г.». – ВП-IV.

⁵ Набоков Сергей Сергеевич – двоюродный брат писателя, переводчик ряда его сочинений американского периода на русский язык.

⁶ В это время писатель завершал работу над романом «Ada», а В.Набокова вела переговоры с издательством McGraw-Hill об издании сочинений своего мужа.

«...МИР НА ПОЧЕТНЫХ УСЛОВИЯХ...»

Переписка В.Ф.Маркова с М.В.Вишняком (1954–1959).

Публикация Олега Коростелева и Жоржа Шерона

Оба участника публикуемой переписки – люди небезызвестные. Журналист, мемуарист и общественный деятель Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976) наибольшую известность приобрел как один из соредкторов знаменитых «Современных записок» (Париж, 1920–1940). Критик, литературовед и поэт Владимир Федорович Марков (р.1920) принадлежал к другому поколению, во всех смыслах этого слова, и даже к другой волне эмиграции.

При всей небезызвестности, трудно было бы найти более разных людей. К моменту начала переписки Марков вдвое моложе Вишняка, первому – 34 года, а второму – за 70. Но дело даже не в возрасте. Вишняк всю жизнь был человеком общественной складки, над чем немедленно принялся подтрунивать Марков, никогда в эти игры не игравший и остававшийся индивидуалистом. Неудивительно, что они сразу же стали спорить друг с другом почти по всем пунктам. Неудивительно и что переписке не суждено было стать долговременной. Скорее удивительно, что между столь разными людьми переписка вообще завязалась. Для начала оба попробовали перетянуть оппонента на свою сторону, затем, осознав всю безнадежность такого мероприятия, попытались по крайней мере объясниться и внятно изложить собственные позиции. Когда не удалось и это, начали поддевать друг друга и ловить на неправильном словоупотреблении, вскоре переписка естественным образом и оборвалась. Но сохранившиеся письма весьма показательны для настроений двух типов людей литературы. По крайней мере, всю пропасть непонимания они раскрывают весьма убедительно.

В своих рассуждениях Вишняк куда более логичен и точен (когда он ловит Маркова на противоречиях, возразить ему трудно), однако его логика далеко не всегда интересна и плодотворна. Марков противоречит себе на каждом шагу, цепляется к мелочам, часто оказывается не прав, однако в литературе он у себя дома и, как следствие, гораздо интереснее оппонента.

Письма Вишняка сохранились в архиве Маркова и ныне находятся в РГАЛИ (Ф.1348), письма Маркова – в бумагах Вишняка (Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto). Переписка публикуется целиком, как с той, так и с другой стороны.

МАРКОВ – ВИШНЯКУ

282, Clay St.
Monterey, Calif.
16-го ноября 1954 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Простите, что пишу Вам, не будучи знакомым, без всяких церемоний. Адрес Ваш я выпросил у Г.П.Струве¹.

Дело вот в чем:

В 7-ом номере «Нового журнала» опубликована переписка поэта Ходасевича с Вами². На стр. 291 он пишет, что некто Хирьяков³ в своей статье упомянул о стихах Льва Толстого⁴. Ходасевич, естественно, зажегся любопытством и спрашивает – где же эти стихи.

Меня очень интересует, чем все это кончилось. Ответили ли Вы ему на это письмо? Были ли найдены эти стихи Л.Толстого?⁵ Я как раз сейчас занимаюсь стихами русских прозаиков в связи с проблемой стиха и прозы как таковых⁶. Поэтому хорошая информация в этом вопросе для меня вещь первостепенной важности.

Очень был бы рад, если бы сообщили мне все, что знаете об этом.

Меня Вы вряд ли знаете. Я немного печатался в зарубежных изданиях (стихи, поэмы, статьи на лит<ературные> темы, переводы). В частности, в последнем номере «Н<ового> ж<урнала>» есть моя статья⁷.

Заранее благодарю.
Уважающий Вас

В.Марков (Владимир Федорович)

¹ Г.П.Струве многие годы был в дружеских отношениях с В.Марковым, помог ему поступить в докторантуру Калифорнийского университета в Беркли, консультировал в литературоведческих и диссертационных делах. Их многолетняя переписка, часть которой находится в архиве Гуверовского института, а другая часть – в собрании Жоржа Шерона, исключительно интересна и заслуживает публикации отдельным изданием. Выдержки из нее были напечатаны: «Ваш Глеб Струве» (Письма Г.П.Струве к В.Ф.Маркову) / Публ. Ж.Шерона // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.118-152.

² Письма В.Ф.Ходасевича М.В.Вишняку // Новый журнал. 1944. №7. С.274-287.

³ Александр Модестович Хирьяков (1863–1942) – литератор, по взглядам толстовец, эмигрировал в 1923, жил в Берлине, в Париже, с 1928 в Варшаве. См. о нем: *Гомолицкий Л. А.М.Хирьяков: Пятидесятилетие литературной деятельности // Меч. 1937. 28 августа. №33. С.3.* В 1925 году Хирьяков опубликовал в «Современных записках» неизданный вариант повести Толстого «Казачи», указав в предисловии: «Из дневников Толстого видно, что в течение некоторого времени “Казачи” писались в двух параллельных одновременных вариантах, причем один вариант писался в прозе, а другой в стихах. Но стихотворная форма совершенно не соответствовала характеру дарования Толстого, и эта попытка была вскоре оставлена автором. Сохранившиеся стихотворные отрывки “Казачков” не представляют интереса» (Современные записки. 1925. №26. С.6).

⁴ 22 декабря 1925 года Ходасевич писал Вишняку: «В 26 книжке “Современных записок” вступительную свою заметку к “Казачкам” Хирьяков кончает такую фразой: “Сохранившиеся стихотворные отрывки ‘Казачков’ не представляют интереса”. Это, конечно, простите, – глупо. Но дело не в том. А дело вот в чем. Кроме севастопольской песни (стилизации, в сущности) да еще одного шуточного письма к Фету (да и того никто не помнит), стихов Толстого доньше не существовало в печати. Они, разумеется, представляют колоссальный интерес. Так не похлопочет ли редакция “Современных записок”, не добудет ли из-под Хирьякова этих отрывков, буде они у Хирьякова. Мы бы их напечатали с послесловием Ходасевича, которому любопытно, как Толстой “вертит стихом”. Ах, как бы я засел за такую штуку! Этому самому Хирьякову, которому царствие небесное обеспечено, скажите или напишите: что есть – давайте, хоть 10 строчек! Мы и в десяти разберемся. Ах, батюшки мои, до чего любопытно и до чего не терпится. Умоляю – ответьте, можно ли это дело сварганить. Стихи Толстого! Да ведь это все равно что... да нет, это и сравнить не с чем! “Не представляют интереса”! Ах, олух!» (Новый журнал. 1944. №7. С.291).

⁵ См.: *Булгаков В.Ф.* О Толстом. Тула, 1964 (глава «Толстой-стихотворец»).

⁶ Позже Марков опубликовал статьи «О стихах Чехова» (Антон Чехов, 1860–1960. Leiden, 1960. С.136-146) и «Стихи русских прозаиков» (Воздушные пути. 1960. №1. С.135-178).

⁷ *Марков В.* Мысли о русском футуризме // Новый журнал. 1954. №38. С.169-181.

ВИШНЯК – МАРКОВУ

Mark Vishniak
502 West 113th Street
New York 25, N.Y.
19.XI.54

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Ответ на Ваш вопрос прост: дело ничем не кончилось!.. Я, конечно, пытался получить упомянутые Хирьяковым стихотворные

отрывки Толстого, но – не преуспел. Не помню уже по какой причине. Может быть, не сумел снестись с Хирьяковым, который жил тогда, если не ошибаюсь, в Польше. И вообще трудно было предположить, что Хирьяков, толстовец и литератор, согласился бы с тем, чтобы другое лицо прокомментировало отрывки, – если они были в руках Хирьякова.

Это, к сожалению, все, что я могу сообщить по интересующему Вас вопросу.

С пожеланием всего доброго

М.Вишняк

ВИШНЯК – МАРКОВУ

La Playa Hotel
Carmel-by-the-Sea
California
15.VIII.55

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Обращаюсь к Вам по совету Г.П.Струве. От него же получил и Ваш адрес.

Я хотел бы обозреть вашу Школу¹. Возможно ли это без особых хлопот – прежде всего для Вас, а потом и для меня?..

Если возможно – и доступ открыт и дамам, – мы с женой отправились бы в Монтрей, познакомились бы с Вами и Вашими коллегами, расположенными к знакомству, и посмотрели бы, – а, может быть, и послушали – то, что разрешено начальством.

Мы свободны весь день – от 10 ч<асов> у<тра> до 7 веч<ера> и позднее – после 8 ч<асов> в<ечера>. Но приходится считаться с автобусами, которые от того места, где мы живем, идут редко: в 10 ч<асов> у<тра>, 10.50, 1.00, 3.30, 4.00, 7.25.

Если вопрос решается положительно, будьте добры указать день и час, как от автобуса добраться до Школы и там найти Вас.

С приветом до личного знакомства

М.Вишняк (Марк Вениаминович)

P.S. Наш адрес: Playa Hotel. Room 105. Carmel.

¹ В Army Language School (Monterey) Марков преподавал русский язык с 1950 по 1957 год.

МАРКОВ – ВИШНЯКУ

282 Clay Sreet
 Monterey, Calif.
 8-го июня 1956 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Глеб Петрович писал мне из Парижа, что Вы негодовали в письме к нему относительно моего последнего «опуса» в «Опытах»¹. Сам он тоже высказался отрицательно по этому поводу. Теперь обругал меня и Адамович в газете². Когда разные люди сходятся в оценке, это часто бывает доказательством правильности оценки. Можно было бы, конечно, протестовать против того или этого в этих всех отрицательных отзывах, можно было бы найти одно или два оправдания, но важнее для меня другое: я, кажется, написал скверную вещь, которую не надо было печатать. Правда, скверного немало печатается и, тем не менее, на это мало кто обращает внимание – но это опять-таки относится к области оправданий. Я думаю за это наказать себя – каким-нибудь образом.

Пишу Вам все это, потому что после Вашего визита в Монтерей давно чувствую некоторое неудобство. Нам, к сожалению, не удалось встретиться как следует, как помните: болезнь М.А.³ не позволила вам приехать к нам – и все время мы встречались или официально или как-то «публично». Вследствие этого, у обоих сложилось, наверное, неверное представление о другом. Я к Вам отношусь очень хорошо, но жалею, что не удалось поговорить по душам. Вы же явно вынесли обо мне впечатление как о неприятном выскочке, который мелет вздор. Насколько все это верно, не мне судить, но хочу заверить, что все мои нападки совершенно добродушны и злобность мне несвойственна. Очевидно, по причине моей литературной неопытности мне не удастся этот оттенок беззлобности отразить в моих писаниях. Но «инцидент» с заметкой в «Опытах» говорит о незрелости, кажется, и духовной, и вот тут-то и придется мне принять меры и наказать себя, как я уже сказал Вам. Пишу Вам все это к тому, что если другой раз придется Вам испытывать сильные чувства на мой счет – хорошего ли, плохого ли порядка – пишите мне о них прямо. Если это будет справедливо, ей Богу, приму как должное и скажу спасибо.

С большим уважением

В.Марков

¹ Марков В. Заметки на полях // Опыты. 1956. №6. С.62-66. Наибольшее возмущение вызвали два пассажа Маркова; в первом, посвященном спору о «незамеченном поколении», была задета Е.Кускова: «Г-жа Кускова

(которую в свое время воспел Маяковский) в ходе дискуссии высказалась на тему, почему-то до сих пор очень популярную в некоторых околотелитурных кругах – о “понятной” и “непонятной” поэзии. Пример был взят из той же многострадальной Цветаевой – стихи совершенно понятные, даже ребенку, и вдобавок еще очень хорошие. Я их не знал и пользуюсь случаем поблагодарить Кускову за информацию»; во втором – Чернышевский и вместе с ним вся «общественность»: «Глава о Чернышевском в “Даре” Набокова – роскошь! Пусть это несправедливо, но все ведь заждались хорошей оплеухи “общественной” России».

«Заметки на полях» вызвали бурный, совершенно несоразмерный с ожидаемым резонанс. Самые маститые присяжные критики эмиграции – каждый по своей причине – обратили внимание на Маркова, чему он был совсем не рад. 2 июня 1956 года Струве писал Маркову из Парижа: «На Вашу статью получил крайне возмущенный отклик от М.В.Вишняка. Он в совершенном ужасе, просит меня даже по дружбе что-то “сделать” с Вами, пробрать или проучить. Я не могу, поскольку не знаю, в чем дело. Но очевидно речь идет о чем-то недопустимом, что Вы написали по адресу Е.Д.Кусковой (кстати, я с этой замечательнейшей 87-летней женщиной провел несколько интереснейших вечеров в Женеве – я ведь специально для нее туда ездил) и еще более “недопустимой” фразы о Чернышевском а прогори сирийского “Дара”. Судя по приведенной Вишняком цитате фраза действительно малоуместная <...> боюсь, что в том, на что указывает Вишняк, сказались не раз замеченное мною у Вас озорство и отсутствие “решпекта” к вещам, которые заслуживают иного» (Частное собрание Жоржа Шерона). Марков ответил Глебу Струве 8 июня 1956 года: «Получил Ваше письмо с нотацией – поделом мне! Написал Вишняку тоже о том, что ошибку сознаю. Некоторые оправдания у меня есть (не снимающие вины, конечно). Писал я все это давно, когда еще шла газетная дискуссия между Кусковой и Яновским. Теперь же все уже читали саму книгу Варшавского, гораздо более широкую по содержанию, и мои замечания кажутся особенно легковесными и неуместными. К тому же Иваск сильно “обработал” все (вот когда прочитаете, услышите, что звучит местами совсем как Иваск – а значит и усиляет впечатление развязного легкомыслия <...> Еще одно оправдание: я это писал “из-под палки”, Иваск очень просил что-нибудь для номера, а у меня ничего готового не было. Можно, конечно, возразить, что скверного немало пишут сейчас на страницах нашей печати. Откуда мне такая честь – что все возмутились? Тем более, что вещь-то короткая, проходная, “вторичная”, ни на что не претендующая <...> Очевидно, придется наложить на себя какой-то “обет молчания”» (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto).

Ознакомившись с «Опытами», Струве написал Маркову 15 июня 1956 года: «Я прочел ту статью, которую Вам инкриминировал Вишняк, и нашел, что “не так страшен черт, как его малютки” – не так уже велик Ваш грех <...> У Вас мне не понравились “афоризмы” в конце статьи – они какие-то дешевые и Вас недостойные. Но все-таки это не значит, что Вы должны замолчать, как Вы пишете в письме, которое я нашел здесь» (Собрание Жоржа Шерона).

17 июня 1956 года Ю.Иваск сообщил Маркову о развитии сюжета: «10-го было собрание “Опытов”. Что там творилось... Сперва о Вас. Разговоров было много. Все признали, что Марков талантлив, но два часа обсуждали

Вашу оплеуху и один час пенис Поплавского <...> На меня большое впечатление произвел Вишняк – еще недавно был он молодежавый самодовольный адвокат-социалист, а тут он явился рыдающим Иеремией. Я постарался его успокоить. Что делать – Чернышевский для него святой, как Никола для бабы. Это вера. Ульянов и Коряков сказали, что Ваши заметки не на художественной высоте, но вместе с Завалишиным отмежевались решительно от Чернышевского и Вишняка. Но Варшавский и я, мы поняли Марка Веняминовича, и я с ним еще долго беседовал по телефону. Ваша оплеуха по сути и по контексту добродушна. Но теперь я вижу, что надо было и оплеуху, и пенис (Поплавского) опустить, чтобы не дразнить гусей. Кое-кто грозил почтенной доброй издательнице и мне американской тюрьмой! <...> Уравновешенный Карпович говорил как всегда хорошо и умеренно, хотя и был против оплеухи. Между прочим, Завалишин сказал, что Аронсон импонтент, и я, как председатель, его остановил <...> Не принимайте всего этого так горячо. Адамович Вас ценит. Вишняка мы успокоим. Таланты Ваши признаны» (Собрание Жоржа Шерона).

22 июня 1956 года Марков пересказал письмо Иваска Глебу Струве, добавив: «С Вишняком у нас полный мир. Я написал ему “милое” письмо, в котором не настаивал на том, что мои заметки “шедевр”, называл их “скверными” (что в конце концов и недалеко от истины) – и это его обезоружило» (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto). Струве в свою очередь сообщил Маркову из Лондона 24 июня 1956 года: «Вчера получил письмо от Вишняка. Он пишет, что подобно тому, как они несколько месяцев “жили под знаком” или “в эпоху” Варшавского, так целая неделя прошла у них “под знаком” В.Маркова. Описывает вкратце собрание, посвященное “Опытam”, на котором он выступал против Вас (и Карпович тоже)» (Собрание Жоржа Шерона). В полемике с Марковым вступил и В.Вейдле в статье «О спорном и бесспорном», обратив внимание на его высказывания об «отцах и детях в эмиграции»: «О поколениях в этой статье рассуждает он, как мне кажется, совсем неправильно <...> в том-то и беда, что никакой борьбы литературных поколений ни в России, ни в эмиграции не происходит. Когда Марков полемизирует – с Г.В.Адамовичем, например, – он ищет точку опоры не в несуществующих литературных позициях своего поколения, а либо в своих частных взглядах, либо в литературных позициях одной из частей того поколения, к другой части которого принадлежит и сам Адамович. Когда же Марков пишет о “поколении отцов”, что оно, “зачитываясь Михайловским и Марксом, не имело времени читать Еврипида и Расина”, он забывает, что писатели у нас, даже и в конце прошлого века, вовсе не так уж усердствовали по части Маркса и Михайловского, тогда как тот же Анненский, например, Еврипида во всяком случае читал, да и Расина тоже, чего я не решусь утверждать ни о Хлебникове, ни о Маяковском, ни о многих из тех, кому они годились бы в отцы. Дело тут не в поколениях; дело в том, что в эмиграции, именно вследствие неустроенности, да и относительной бедности ее литературной жизни, постоянно велись и ведутся споры не о спорном, не о том, что заслуживало бы спора, а о бесспорном» (Опыты. 1956. №7. С.42-43).

Георгий Иванов, прочитавший шестую книгу «Опытов» с большим опозданием, ободрил Маркова в письме от 6 октября 1957 года: «Обмолвка о Чернышевском “роскошь” сама по себе – недаром она так искренно возмутила всех Вишнякав эмиграции» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe

an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einleitung herausgegeben von Hans Rothe. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1994. B.79).

² Рецензируя шестой номер «Опытов», Адамович написал: «“Заметки на полях” В.Маркова меня озадачили. Из авторов, появившихся в нашей печати после войны, это один из тех, с которым связаны большие надежды. Но до чего он боек, небрежно поверхностен, многословен, с налетом “легкости в мыслях необыкновенной”! В его коротеньких заметках кое-что остроумно. Удивляет, однако, самая мысль эти заметки представить на суд читателей: это – будто крохи с некоего роскошного стола. А в данном случае никакого стола еще нет» (Новое русское слово. 1956. 3 июня. №15681. С.8). 3 июля 1956 года Марков признался Глебу Струве: «В моих печальной славы “заметках” была пародия на стиль Ад<амовича>, но Иваск выбросил, боясь обидеть» (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto).

³ Марья Абрамовна – жена Вишняка (с 1908) – тяжело заболела летом 1955 и 3 декабря того же года скончалась. Подробнее о ней см. в мемуарах Вишняка «Дань прошлому» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954). 7 сентября 1955 года Г.Струве сообщил Маркову: «Жена Вишняка поправляется, и они на будущей неделе в понедельник (т.е. на неделю позже первоначально назначенного срока) улетают из Пало Альто (где уже больше недели находятся и где г-жу Вишняк пришлось поместить в больницу) в Нью-Йорк» (Собрание Жоржа Шерона).

МАРКОВ – ВИШНЯКУ

11-го июня 1956 г.
282, Clay St.
Monterey, Calif.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Прочитал В<аше> письмо в «Н<овом> р<усском> с<лове>»¹ и, не дожидаясь ответа на мое к Вам (которого, возможно, и не будет), пишу еще раз. Мне немного странно, что когда я писал более или менее прилично, мало кто замечал, когда я написал свою лучшую поэму² несколько лет тому назад, хоть бы одна душа отозвалась, а вот когда я написал скверное и случайное – становлюсь «знаменитостью», и великие мира сего почитают меня своими негативными отзывами. Вашему письму в редакцию я несравненно больше рад, чем критике Адамовича (которого, кстати, раздражает не моя выходка против Кусковой, а мои возражения на его книгу, довольно почтительные с моей стороны, как мне кажется). В В<ашем> письме есть ирония («Заратустра»), правильно сказано о «незрелости» (только не возрастной, у меня в письме к Вам было сказано точнее: духовной). «Эстетского безразличия» у меня, однако, нет – это тот ложный образ, который Вы себе составили в посещение Монтерeya (тогда ведь в моем присутствии даже на Полторацкого³, человека по

взглядам совершенно противоположного Вам, Вы смотрели, как на союзника, желая «единого фронта» против меня, а у меня всего только была задиристость, без которой, ей Богу, было бы скучно жить). У меня только ценности несколько иные. К В<ашим> ценностям я, возможно, приду; беда, что Вы, по-видимому, моих никогда не примете (даже тех, которые несомненны).

Во всяком случае, после рецензии Адамовича я не могу побороть неприятного чувства к нему (там есть очень нехорошие вещи, если разобраться), а к Вам человечески отношусь очень хорошо. Как Вы ко мне, не знаю, но если плохо, то, право, напрасно.

Кстати, забыл упомянуть в прошлом письме, что «знатоком литературы» я все же остался (хотя себя таковым не считаю, просто очень люблю литературу). Что Демьян писал о Кусковой, не знаю (я Демьяна почти не читал), а Маяковский писал о ней в поэме «Хорошо!» (вот приду домой, добавлю номер главки, сейчас пишу на службе). Вижу, что Демьяна Вы знаете хорошо, а большие вещи Маяковского до конца не читали, а ведь Демьян не поэт, тогда как Маяковский – немаленький, как к нему ни относиться. Боюсь, что «модернистичная» форма мешает дочитывать Маяковского. Ну вот, опять задирать стал. Ну что мне с собой делать? Простите, ради Бога.

Письма в редакцию с поправками по поводу Маяковского писать не стану.

Очень хорошо к Вам относящийся

В.Марков

P.S. В «Хорошо» Маяковского найдите главку четвертую, начинающуюся словами «Петербургские окна. Синё и темно». Там не только Кускова, но и Милюков. Довольно безвкусная пародия на «Евгения Онегина» (как видите, я Маяковского далеко не безоговорочно принимаю).

¹ Заметка Вишняка «Об «Опытах» № 6» появилась почти одновременно в «Новом русском слове» (1956. 10 июня) и «Русской мысли» (1956. 12 июня). Формально она была откликом на статью Адамовича «Опыты» (Новое русское слово. 1956. 3 июня), но речь в ней шла почти исключительно о Маркове:

«Характеристика Гоголем Хлестакова, мне представляется, – не покрывает полностью того, что на своих трех страничках изобразил Заратустра из «Опытов». Я имею в виду не только выпад против Е.Д.Кусковой, сделанный с ученым видом знатока, опирающегося на авторитет Маяковского, якобы «воспевшего» «г-жу Кускову» в свое время, когда эта заслуга принадлежит не Маяковскому, а Демьяну Бедному. Меня возмутила, конечно, выходка г. Маркова по адресу русской общественности.

Он пишет: Глава о Чернышевском в «Даре» Набокова – роскошь! Пусть это несправедливо, но все (?) ведь заждались хорошей оплеухи «общественной» России.

По молодости ли лет, возрастной незрелости, или по эстетскому безразличию к справедливому и несправедливому, В.Марков мог не знать и не ощущать “оплеухи”, нанесенной российской общественности еще в октябре 17-го года единомышленниками Демьяна Бедного и Маяковского. Но как решились опубликовать эту непристойность руководители “Опытов”, если они стремятся продолжать “традицию” русской литературы?» (Русская мысль. 1956. 12 июня).

² Марков В. Гурилевские романсы // Новый журнал. 1951. № 25. С.88-120. Позже поэма вышла отдельным изданием (Париж, 1960).

³ Николай Петрович Полторацкий (1921–1990) – славист, историк русской религиозно-философской и эстетической мысли. Родился в Турции, жил до 1944 года в Болгарии, затем в Париже, с 1955 года – в США.

ВИШНЯК – МАРКОВУ

13.VI.56

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Получил Ваше милое письмо от 8-го июня, – мой приятель, которому я письмо прочел, назвал его и умным. Не уверен, что Вы написали бы подобное письмо после ознакомления с напечатанным мною в «Нов<ом> р<усском> слове» 10-го июня.

Не ведая Вашей реакции на мою публичную реплику, скажу следующее.

Конечно, признание Вами самим «скверным» то, что Вы написали в «Опытах», в значительной степени ослабляет или даже отменяет мой пыл и возмущение. («Повинной головы и меч не сечет», – не то что слово.) Но то, что Вы написали мне в частном письме, остается совершенно неизвестным читателям «Опытов» и «Нов<ого> р<усского> слова».

Я, поэтому, рекомендовал бы, если Вы на самом деле «сами с собой» сожалеете о появлении в печати Вашей «скверной вещи», – довести <это> так или иначе до сведения не «общественности», которую Вы презираете, а общественного мнения, которого Вы не можете отрицать, потому что и мнение литературной братии, поэтов и критиков, с которыми Вы связаны, есть часть общественного мнения. Вы или редактор «Опытов» может написать еще одну «Заметку на полях» с объяснением «инцидента».

Теперь существо.

Я допускаю, что Вы, подобно другим, держитесь того мнения, что я «обиделся» за Чернышевского. Это верно лишь в небольшой мере или с оговоркой, поскольку Ч<ернышевский> герой не моего духовного романа. Гораздо сильнее я «обиделся» за русскую общественность, за русскую культуру, на которую так напирает Иваск и другие сотрудники «Опытов» и, немножко неловко за громкое слово, – за Россию!..

Вдумайтесь, что получается.

Никто иной, как Бунин, – сам Бунин – учинил вселенскую смазь всем русским символистам, акмеистам, имажинистам и прочим, включая Белого и Блока¹. Теперь «незамеченное поколение», – которое я как-то назвал меченым поколением, – берет реванш и такую же смазь всеобщую учиняет реалистам и «позитивистам», от Чернышевского чрез Герцена до Овсянникова-Куликовского² и Милюкова. С кем же – или при чем – в таком случае останется русская культура?..

Пусть Варшавский прав, и Милюков в новейшем издании прибавил о русской литературе многое объективно неприемлемое³. Но тот же Милюков в те же годы парижской эмиграции написал «Живого Пушкина»⁴, которого «сам» Ходасевич, к своему огорчению, признал отличной книжкой. Ходасевич точил зуб против Милюкова – и лично, как бывший сотрудник газеты Милюкова⁵, и идейно: он предвкушал, как расправится с ним, «тоже пушкинистом» (позитивистом, политиком и проч.). Я слышал сам от Ходасевича: – Увы (!), хорошая книга!.. Ничего не скажешь!..

Знаете ли Вы отзывы о Чернышевском людей не моего лагеря: Достоевского? Лескова? Страхова? Розанова?.. Если не знаете или позабыли, возьмите 27-ую книгу «Нов<ого> журнала» и на стр. 297 и след<ующих> в моей статье «Корни большевизма» найдете цитаты, которые мне лень выписать.

Знаю, что Розанов говорил о Чернышевском и в другом плане⁶, – в том самом, который «художественно» развил Набоков, вызвав Ваши восторги и восклицание «роскошь». Но с каких это пор физиологические отправления стали определяющим моментом в русской литературе?

Помню наш с Вами разговор и спор. Ваша «философия» вкратце сводится к тому, что политика, общественность, – зыбки, неппрочны и никчемны. То ли дело художественные произведения, они будто бы вечны. Помнится, я тогда же доказывал, что формула Достоевского «красота спасет мир»⁷ оказалась не более плодотворной, чем все формулы общественников и других. И сейчас предлагаю Вам мир на почетных условиях. Предлагаю Вам признать, что этика не менее ценна, чем эстетика, и если мир «спасется», ему не спастись без определенной этики личной и коллективной.

Мне всегда казалось, что для эмигранта (не простого беженца), на личном опыте познавшего, к чему может привести плохая политика или дурная общественность, паки и паки обязательны поиски хорошей или лучшей политики и общественности, а никак не отрицание и заушение ее и бегство от нее.

Это все, что мне хотелось Вам сказать.

С пожеланием всего доброго

М.Вишняк

Предыдущее было написано, но не было отправлено, как пришло от Вас второе письмо от 11 июня, уже по прочтении моего письма в «Нов<ом> р<усском> слове».

Я приятно поражен, что оно не встретило с Вашей стороны бурной реакции.

По существу оно не меняет сказанного выше, разве только, что я никак не понял и не почувствовал, что Вы, нападая в разговоре со мной на политику и политиков, – «озоровали» или только поддразнивали меня.

Еще раз всего доброго!

Да, говорил ли я Вам, что Вен. Марков, А.Марков был моим псевдонимом в России и за границей. Но Ваши темы и подход – не мои, и нас не смешает «будущий историк».

¹ Бунин И. Воспоминания. Париж: «Возрождение», 1950.

² Правильно: Овсянко-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920), литературовед, лингвист харьковской школы, публицист позитивистского толка, увлекавшийся социалистическими идеями.

³ Имеется в виду юбилейное «дополненное и измененное» издание книги П.Н.Милюкова «Очерки по истории русской культуры» (Париж: «Современные записки», 1931), в которое были включены страницы о новейшей русской литературе. Отзыв Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1977) об этой книге, а также о взглядах П.Н.Милюкова на литературу см.: *Варшавский В.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956. С.196-197, 210, 277-278.

⁴ Милюков П.Н. Живой Пушкин: Историко-биографический очерк. Париж, 1937. Ходасевич не отозвался печатно о книге Милюкова, но появившиеся в печати отзывы критики, в частности, Г.Адамовича (Последние новости. 1937. 20 мая. № 5899. С.2), Н.Кульмана (Современные записки. 1937. №64. С.469-470), были весьма благожелательны.

⁵ Сотрудничество Ходасевича в «Последних новостях» продолжалось с весны 1925 до осени 1926 года, когда Милюков заявил, что Ходасевич «газете совершенно не нужен» (*Берберова Н.* Курсив мой. Нью-Йорк, 1983. Т.1. С.254).

⁶ Розанов в своих произведениях неоднократно возвращался к этой теме: в «Людах лунного света», «Мимолетном» и др.

⁷ Эта «формула» у Достоевского встречается один раз: в романе «Идиот» Аглая говорит князю Мышкину: «Слушайте, раз навсегда, – не вытерпела наконец Аглая, – если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что “мир спасет красота”, то...» (*Достоевский Ф.М.* ПСС: В 30-ти т. Т.18. Л.: «Наука», 1978. С.436).

МАРКОВ – ВИШНЯКУ

22-го июня 1956 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Шум от моей «оплеухи» доходит до Монтерея. Вот уж не думал-не гадал, что получу такую «известность». Не один из моих коллег хвалил меня (не читав «Опытов») только за то, что я оказался Вашим противником (вернее, Вы моим), и теперь, очевидно, «правые», которые меня терпеть не могли за мою защиту Хлебникова и Маяковского («левых»!), могут сделать меня своим героем – как же, выступил против Чернышевского, Кусковой и навлек на себя гнев Вишняка. Другие, наоборот, подходили и шептали: «Ну, теперь Вы пропали, Вишняк – человек с большим влиянием». В общем, ну их к черту! Вы все же преувеличили все это. Вот и Глеб Петрович, прочитав, наконец, «Опыты», пишет: «грех не так велик». Это ж подлинная заметка на полях, не придуманная, потому и заостренная, потому и бездоказательная. Слава Богу, что люди еще читают книги с заметками на полях, волнуются и преувеличивают.

Несмотря на Ваш вызов, ответа Вам писать не буду (публично). Не думаю, что Вы истолкуете это превратно. Мне ответ Вам был бы даже выгоден, т.к. я в нем оправдался бы перед «общественностью» в вопросе с Маяковским и Демьяном и восстановил бы свое «доброе имя», «посрамив» Вас. Но я не люблю писать письма в редакцию. Дело не в том, что я презираю общественное мнение, а я его не чувствую, я вне «литературы», т.е. всех этих обсуждений, выступлений. Это не нищезанятие, не башня из слоновой кости. Я просто сторонник выводов и суда наедине со своей совестью, а не публичных покаяний или инвектив. Вот этими заметками попал в «литературу» и не рад теперь. Не знаю, удалось ли мне ясно донести мысль или я только утвердил Вас в мнении обо мне как об «эстете» (между прочим, считаю «эстетов» – парикмахерами).

Вот в конце письма Вы пишете об этике и предлагаете мне «признать, что этика не менее ценна, чем эстетика». Да когда же я был против этого? Напротив, я за этику двадцать эстетик отдам и что-нибудь впридачу. В статьях в «Гранях» и в «Опытах» я об этом только и писал последние годы. Но наше расхождение вот в чем: Вы пишете об этике «личной и коллективной», а для меня коллективная этика – противоречие в самом слове. Коллективной этики не только не было, но и не может быть, это мое глубочайшее убеждение (и не только мое). Так же и «коллективного» читателя «Н<ового> р<усского> с<лова>» не представляю, не чувствую. Судить себя надо перед совестью, перед другим человеком, но не перед чужими людьми, которые меня не знают и знать не хотят. Вот письмо к Вам – другое дело, это общение человека с человеком, и Вы не можете

себе представить, как я был рад В<ашему> письму и нашему «примирению». Плохо только, что в письме всего не скажешь: торопишься (пишу на службе), плохо формулируешь мысли. Жаль, что нельзя с Вами побеседовать в комнате (только не диспутировать в зале) – и обязательно несколько раз, потому что один раз – не типичен.

Нагородил Вам бессвязицы.

Всего хорошего.

Ваш В.Марков

МАРКОВ – ВИШНЯКУ

Dep<artmen>t of Slavic Lang<uages>

University of California

Los Angeles 24, Calif.

13-го января 59 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Читаю Ваши воспоминания и наткнулся на обвинение меня (стр. 254) в «эстетском бесстыдстве»¹. Не знаю, что Вам ответить на это. Я сторонник персонального «выяснения отношений», а не «писем в редакцию» (до которых Ваше поколение было падко). Прежде всего, чисто по-человечески не могу понять, что у Вас за зуб против меня. Неужели Вы могли меня так невзлюбить за короткое посещения Монтерея? Помню, что даже спора между нами тогда не было, я чуть только наскაკивал на Вас, но это вообще моя манера, на более близких я еще больше наскაკиваю (иначе было бы скучно жить). Короче, я печатно ни разу вас не атаковал, а Вы уже второй раз, причем первый раз постарались опубликовать свое письмо в двух центрах эмиграции – в Нью-Йорке и Париже – да еще обвинили меня неправильно по существу (я Вам об этом писал тогда), и теперь я хожу, по Вашей милости, в литературных невеждах – как это согласуется с идеалами «кристалльности» Вашего поколения? Не сердитесь на мою иронию, я знаю, что Вы честнейший человек (это видно и по Вашей книге), но я считаю, что не ответив Вам публично тогда (а ответить я не мог, ибо я, как Вам известно, животное необщественное – надо же и мне быть последовательным), поставил Вас в двусмысленное положение. Вы несправедливо ошельмовали человека и потом не извинились. Ну, Бог с ним, с этим. Только насчет «эстетского бесстыдства». Странные у Вас понятия об эстетстве. Вас послушать, так я этакий эмигрантский Оскар Уайльд. Какое же эстетство в любви к творческому? Я на стороне поэтов, художников и композиторов, которых человечество, как правило, не понимает и не ценит, которыми оно помыкает и помыкало. Часть этого есть и в Вашем отношении, скажем, к Цветаевой. А для меня Цветаева –

кровная сестра, ей больно – и мне больно. Поэтам трудно жить, и ее заносчивость того же порядка, что у Пушкина в «Поэт и чернь» – и там, и тут касание неуклюжими руками живого поэтического мяса. Хорошие люди касаются, плохие – все едино, все больно – ибо касаются другие, из другого теста сделанные, пусть иногда и с хорошими намерениями. Я никого не виню: так люди сделаны, но что я поделаю, если я, пусть плохонький, один из этих поэтов и их понимаю, Чернышевский для меня не икона, как для Вас, у меня другие иконы (почему-то думаю, что более достойные). Чернышевский – бездарный писатель, которого мне запихивали в глотку в юные годы – неужели я должен теперь сдерживаться, когда я свободен. Не для одного меня не тайна – губительное воздействие «демократических» критиков (других) на литературу, которую я люблю и в которой живу. Неужели Вы и тут хотите учредить какую-то цензуру, как, создайтесь, было в «Современных записках». Конечно, это не советская и не николаевская цензура, но концентрационный лагерь не перестает быть таковым, если в нем лишь 2 человека, а не 2 миллиона. Не знаю, убедил ли я Вас, что я не «эстет», или же еще больше возмутил (Вы, кажется, любите возмущаться чужой «неправотой»), но вот мои несвязные соображения на этот счет. Насчет «бесстыдства» Вы тоже неправы: задор, заносчивость, что хотите: я люблю поцапаться, но «бесстыдство» не только преувеличение, а просто словесная неточность (поэтому у Вас и были недоразумения с поэтами, которые всегда точны в выражении мыслей, в отличие от политиков с их псевдо-точностью).

В общем, я за Цветаеву, а не за Чернышевского, ибо она для меня более бесспорное творческое достижение.

Не примите всего этого за личную неприязнь (которую скорее я готов видеть в Ваших замечаниях, хотя могу и ошибаться). Я Вас плохо знаю (тогда в Монтерее мы могли поговорить по душам и узнать друг друга, но этого не произошло), но как человек, судя по Вашей книге, Вы мне нравитесь, хотя в ином плане Вы совсем не «герой моего романа», и я иногда задаюсь вопросом: как Вы, чудесный человек, жили рядом и виделись с людьми, которыми я восхищаюсь, и ничем не облегчили их изгойства в этом мире (я не говорю о материальной помощи), не проявили понимания, которое им так нужно? Или такова их «планида»? Вы хорошо описываете, не крутите, не скрываете (хотя пишете иногда ужасно), и потому картина для постороннего наблюдателя ясна до слез.

Ну, нагородил Вам турусов и колес. Простите, что отвлекаю Вас от важных политических дел.

Уважающий Вас В.Марков

P.S. Сама Ваша книга – незаменимый документ. Это я уже говорю как «scholar».

¹ В воспоминаниях Вишняк еще раз привел цитату из «Заметок на полях», заявив: «Эмигрант новой формации, поэт и литератор В.Марков отнесся к посрамлению Чернышевского с эстетским бесстыдством» (*Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana University Publications, 1957. С.254).

ВИШНЯК – МАРКОВУ

17.1.59

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Несколько удивился Вашему письму. Тем не менее благодарю за него: оно интересно, кое-что пытается объяснить и в этом смысле поучительно, – хотя, как Вы увидите, для меня и неубедительно.

Меня удивило не то, что «спец» (или «школяр») только через два года откликнулся на книгу, представляющую, по его словам, «незаменимый документ». Меня удивило Ваше недовольство, – чтобы не сказать претензии: по существу (об этом ниже) и по поводу того, что, опубликовав письмо в редакцию против В.Маркова в двух эмигрантских газетах, я в двух словах вернулся к тому же в книге (вышедшей примерно тогда же, когда появились письма).

Но воспоминания о «Совр<еменных> записках» воспроизводят многое, о чем я писал и публиковал раньше: кое-что приводится полностью, другое – в сжатой форме. Ведь то «Воспоминания». И я спрашиваю себя, – а если хотите, то и Вас: в чем же криминал?.. Сирин на десятки лет затаил раздражение против (а не «на», как пишет Берберова в «Мостах»¹) редакции «Совр<еменных> записок» за то, что она не напечатала (не имевшего никакого отношения к его художественно-литературному изображению) порока Чернышевского (теперь, после «Лолиты», объяснение этому можно было бы искать не в политической только его антипатии к Чернышевскому!). В книге я назвал Адамовича и Слонима², присяжных литературных критиков, осудивших, вместе с редакцией «Совр<еменных> записок», Сирина. Наряду с этим упомянул и Вас, пришедшего по особым причинам своей биографии в восторг от того, что Набоков дал «общественной» (в иронических кавычках Ваших, – хотя причем тут ирония?!) России заслуженную «хорошую пощечину». Теперь Вы поясняете, что сделали это потому, что Чернышевского Вам большевики «запихивали в глотку в юные годы». Это – объяснение, не совсем логичное (за преступления большевиков взыскивать со всей «русской общественности», даже с очутившейся в эмиграции), – и вряд ли может быть оправдано «литературным невежеством», как Вы выражаетесь. Нет, оно тут не при чем. И «шельмовал» я Вас вовсе не за это. Вы, неизвестно почему, рискуете утверждать, что Чернышевский для меня «икона». Откуда Вы сие взяли? Это совершен-

но неверно. Но если бы писали не в состоянии аффекта о Чернышевском, Вы могли бы узнать, хотя бы из моей статьи в «Нов<ом> журнале» № 27 об «Идейных корнях большевизма», как к Чернышевскому относились знавшие его современники, и не только такие, как Некрасов или Короленко, но и Страхов, Лесков, Достоевский и, особенно, Розанов!.. Это не может не убедить Вас в том, что Ч<ернышевский> вовсе не был тем «чудовищем», каким Вы себе его представляете. Прибавлю еще, что на Чернышевского сейчас всех собак вешают не только люди Вашего «духа», но и марксисты-антибольшевики, желающие реабилитировать Маркса и сделать ответственным за большевизм народничество. Прочтите письма Чернышевского с каторги, и Вы, может быть, почувствуете, что он был мучеником, а не учителем.

Я никогда не чувствовал к Вам «личной неприязни», – скорее наоборот, – и всегда ценил Ваши литературные дарования и разносторонность. Именно поэтому я и огорчился, что Вы «ни в грош не ставите» (это, конечно, преувеличение) «этику» и подчиняете ее, или «добро» – эстетике или «красоте» (в «добре» мораль переплетается с правом и политикой). Мое огорчение «кульминировало» в возмущении, которое вызвала Ваша атака против Чернышевского с одновременной атакой против сейчас уже покойной Е.Д.Кусковой. Такое же возмущение выражали вслух и противники Чернышевского, собравшиеся на расширенном заседании сотрудников «Опытов» с приглашенными лицами. Помню, Мих.Мих.Карпович³ говорил первым и произнес проникновенную по чувству и убедительности речь о том, кем была и кто такая Кускова. Не сомневаюсь, что примерно так же говорил бы Глеб Петрович Струве, будь он на собрании⁴.

В «эстетском бесстыдстве» прилагательное было реминисценцией нашего бывшего спора об этике и эстетике; оно же, как мне казалось, несколько смягчало самое резкое мое осуждение Ваших выпадов (необоснованных) против живых (Кускова) и мертвых (Чернышевский). Должен ли был я или должен ли сейчас извиняться за свои слова?.. Никакого отношения к Уайльду или «уайльдизму» мои слова, конечно, не могли иметь.

Теперь о другом, затронутом в Вашем письме.

К Цветаевой относились отрицательно или по меньшей мере критически не одни только люди, сделавшие из Чернышевского свою «икону», по Вашей совершенно произвольной характеристике. А Гиппиус⁵, – или она не была из Вашего «цеха» поэтов, мазанных особенным мирром? В отдельные периоды и Ходасевич писал о ней очень жестоко⁶. Сам Степун говорил о «невнятице» Цветаевой⁷. О себе скажу, что многого в поэзии Цветаевой просто не ощущал и не понимал, – например, в прославленном ее «Крысолове»⁸. И я имею право на это, если и Степун не понимает многих стихов Пастернака. С другой стороны, если Цветаевой Достоевский «в жизни как-то не

понадобился»⁹, – мне она в несравненно меньшей степени «понадобилась». Я ее знал как истеричную, сумасбродную, в ряде отношений непереносную женщину, – и я имел все основания относиться ее.

Вы выделяете поэтов в особую категорию или касту «посвященных» или избранных. Я слишком многих поэтов знал и знал, увы, как низко каждый из них – или почти каждый – расценивал другого поэта, чтобы не видеть в Вашей восторженности функции Вашего возраста со всем присущим ему призрачным романтизмом. Нет, поэты вовсе не таковы, какими они кажутся Вам или себе, Бальмонту и другим: поэт «плюет», по слову Пушкина, не только когда «толпа его бранит» (или редактор с читателем)¹⁰, но и его же собрат – другой поэт...

Вы повторяете апокриф Яновского, Варшавского и других, будто в «Совр<еменных> зап<исках>» была цензура¹¹. На мой взгляд, Вы совершенно определенно смешиваете два разных понятия: цензуру и – редакцию. То, что Вы или Ульянов¹² считаете нетерпимостью и цензурой, было отбором и отбора не может не быть во всяком печатном органе, где материала больше, чем он вмещает. Сирина мы всегда предпочитали Яновскому и Цветаеву, несмотря на ее явную «невнятицу», Бальмонту. Может быть, выбор производился неправильно или вкуса, по Вашему, было мало, – но к цензуре это не имело решительно никакого отношения. Если в этом Вас не убедила моя книга, письмо, конечно, не может убедить. Прикиньте только, как действуют другие редакции, в том числе и лица, осуждавшие редакцию «Совр<еменных> записок», – и Вы, может быть, согласитесь, что такой «либеральной» редакции, какой была редакция, состоявшая из 5 социалистов-революционеров, – другой не было. Даже недруги наши – справа (П.Струве¹³) и слева (Чернов¹⁴) – это отмечали, ставя нам это в плюс или в минус.

Это, кажется, все. – Да, еще два вопроса. Что значит «пишете ужасно иногда»?.. По содержанию «ужасно» или по стилю, по форме? Если второе, – пожалуйста, укажите, – хотя бы образцы. – С своей стороны, укажу, что «турусы и колеса» не имеет смысла; другое дело – «турусы на колесах».

Если будете писать, сообщите, чем занимаетесь – служебно и профессионально? Давно ли Вы в Лос-Анджелесе?

С искренним приветом

М.Вишняк

¹ Вишняку не понравился употребленный Берберовой в полемике с Марковым оборот: «откуда такое раздражение на “Серебряный век”?» (Берберова Н. По поводу статьи Владимира Маркова «О большой форме»: В порядке дискуссии // Мосты. 1958. №1. С.180).

² В своих воспоминаниях Вишняк привел две цитаты: «По мнению Г.Адамовича, Набоков-Сириин обрушился в “Даре” на Чернышевского с “капризным легкомыслием” (“Одиночество и свобода”. С.221). М.Слоним отозвался о “Даре” как о “злобно полемическом романе”, в котором В.Сириин “выставил Чернышевского каким-то полуидиотом” (“Новое р. слово” от 3 июля 1955 г.)» (*Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana University Publications, 1957. С.254).

³ Михаил Михайлович Карпович (1888–1959) – профессор истории Гарвардского университета, главный редактор «Нового журнала» в 1946–1959 годах.

⁴ См. написанный Глебом Струве некролог «Памяти Е.Д.Кусковой» (Новое русское слово. 1959. 5 января).

⁵ 17 января 1926 года З.Н.Гиппиус писала Вишняку: «Стихи Цветаевой – конечно, дело вкуса редакции, но на одной странице с моими – этот узел, – во всяком случае, бесспорное безвкусие» (*Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Указ. изд. С.220).

⁶ Наиболее враждебно Ходасевич относился к Цветаевой во второй половине двадцатых годов. 27 марта 1925 года Ходасевич в письме Вишняку привел шуточную «рецензию» на 23-ю книгу «Современных записок», в которой было опубликовано стихотворение Цветаевой «Двое»: «Цветаева – вывихнутая бабенка; у нее неправильное положение матки, это можно вылечить; напишите ей, чтобы не носила высоких каблуков» (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4-х т. М.: «Согласие», 1997. Т.4. С.485-486). В начале тридцатых годов Ходасевич составил для Вишняка списки «Кого я хвалил» и «Кого я бранил», включив Цветаеву в оба: в первый четыре раза, во второй – два. К середине тридцатых годов былая вражда сменилась дружбой, и Цветаева с Ходасевичем даже устраивали совместный вечер стихов (2 февраля 1935).

⁷ В предисловии к книге: *Цветаева М.* Проза. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С.11.

⁸ *Цветаева М.* Крысолов. Лирическая сатира // Воля России. 1925. №4-7/8, 12; 1926. №1.

⁹ 12 мая 1934 года Цветаева писала Ю.Иваску: «Достоевский мне в жизни как-то не понадобился, обошлась» (Русский литературный архив. / Сб. под ред. М.Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956. С.216).

¹⁰ Переиначенные строки из стихотворения Пушкина «Поэту» («Поэт, не дорожи любовью народной...»). У Пушкина: «пускай толпа его бранит / И плюет на алтарь».

¹¹ Этот «апокриф» неоднократно высказывался бывшими «молодыми» писателями в ходе дискуссии, вспыхнувшей после публикации глав из книги Владимира Сергеевича Варшавского (1906-1977) «Незамеченное поколение» (Новый журнал. 1955. №41. С.103-121; Опыт. 1955. №4. С.65-72): *Аронсон Г.* Новый журнал. Книга 41 // Новое русское слово. 1955. 24 июля. №15793. С.8; *Слоним М.* «Незамеченное поколение» // Новое русское слово. 1955. 31 июля. №15800. С.8; *Кускова Е.Д.* О незамеченном поколении // Новое русское слово. 1955. 11 сентября; *Яновский В.С.* Мимо незамеченного поколения // Новое русское слово. 1955. 2 октября. №15436. С.2, 5; *Терапиано Ю.* По поводу незамеченного поколения // Новое русское слово. 1955. 27 ноября. №15492. С.8; и др. Полемика с новой силой разгорелась после выхода книги отдельным изданием (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956).

¹² Николай Иванович Ульянов (1904–1985) – эмигрант второй волны, историк, литературовед, с 1955 года в США.

¹³ Петр Бернгардович Струве (1870–1944) редактировал в эмиграции журнал «Русская мысль» (1921–1924, 1927), разоблачая, по словам Вишняка, «эсеров и народников <...> и утверждая, что марксистское истолкование истории имеет все преимущества перед народничеством» (*Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Указ. изд. С.261).

¹⁴ Лидер «левого центра» партии эсеров Виктор Михайлович Чернов (1873–1952) в эмиграции был редактором журнала «Революционная Россия» (1920–1931; №№1-78), в котором неоднократно публиковал статьи, критикуя редакцию «Современных записок» за «реакционность» и измену идеалам социализма, интернационализма и революции.

МАРКОВ – ВИШНЯКУ

29-го января 1959 г.
Los Angeles

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Вы правы – письмо мое глуповато. Впопыхах я не сообразил (вернее, сообразил, когда уже отослал), что книга писалась, когда моя «оплеуха» была еще свежа в памяти. Зато получилось непосредственно, хоть и необдуманно. Все получилось потому, что меня задел *личный* выпад. Я все же давал «оплеуху» какой-то группе (тут Вы можете не понять; для Вас группа, партия не меньше, если не больше, человека; для меня же главное человек, а группы почти не существуют), а Вы вторично обозвали меня лично и печатно. Я же против Вас как Марка Вениаминовича в печати не выступал. Кроме того, я не считаю себя ни эстетом, ни бесстыдником. Вот весь этот комплекс и заставил меня вспылить. В ответ на В<аше> письмо кое в чем защищаюсь.

Я не читал Вашу книгу раньше, т.к. корпел как вол над диссертацией¹ больше года – и ничего не читал, страшно отстал, лишь сейчас начинаю со многим знакомиться.

Объяснений моей «пощечине» сейчас не буду давать – давно это было и Вам уж, верно, надоело. Это надо объяснять устно и не один раз. Да и преувеличили это замечание тогда Бог знает как. Но дело не в этом. Я на Вас не в обиде за то, что Вы выступили против меня в газете и «заклеймили» за «пощечину». Это и естественно, и законно. Меня тогда задело, что Вы меня несправедливо обвинили в литературном невежестве (по поводу Маяковского и Д.Бедного) публично, тогда как невежество-то было Ваше: Вы не читали Маяковского. Это мой зуб против Вас, а не что-либо иное. Мне Маяковского полагается знать (Демьяна не так), Вам – нет, таким образом,

Вы тут задели мою гордость, видимо, да так меня с этим пятном оставили (ибо я, м<ожет> быть, и по иной причине – не ответил). Ну Бог с ним с этим делом.

Чернышевского я не считаю «чудовищем», а скучнейшим критиком, бездарным романистом и куцым эстетиком. Кроме того, он для меня ассоциируется с кандалами на русской литературе, возложенными и возлагаемыми ему подобными в течение десятилетий. А что он был честным человеком, «светлой личностью», вполне допускаю, но меня это мало интересует, не в этом контексте это для меня важно. Good for him!

Разве я где-нибудь писал, что «ни в грош не ставлю» «этику»? Я или описался или Вы меня не поняли. Да откуда же у меня тогда интерес к Швейцеру?² Я даже в «Опытах» делал попытку этического подхода к литературе, очень осторожную, правда, т.к. это две области, которые могут и не соприкасаться. Насколько я помню, никогда в своей жизни не отрицал «этики», а последние лет десять даже влекся к ней. Не знаю, откуда у Вас это впечатление. М<ожет> быть, в личном разговоре я напал на политику, которую Вы склонны отождествить с этикой. Иначе не могу объяснить. Я «эстетом» был лишь в мальчишеском возрасте, когда читал впервые Уайльда – да и то месяца два, не больше.

А чем мой выпад против Кусковой не был «обоснован»? Что она не понимает Цветаевой (а видимо, и вообще стихов), не преступление, и почему об этом не сказать. Она же печатно отзывалась о Цветаевой³, а я о Столыпине печатно не отзывался.

Что Цветаеву не понимали и собратья – чести им не делает (кстати, почитайте, что Пастернак пишет о ней в автобиографии в «Н<овом> р<усском> с<лове>»⁴), кроме того, иногда это вопрос времени: современники часто кого-нибудь сперва не ценят, а иногда только следующее поколение разбирается. Часто дело осложняется «партиями» в литературе или поколениями (Гиппиус – начало Серебр<яного> века, Цветаева – конец; Гиппиус царила в петербургских салонах и на Цв<етае>ву с высоты былой славы могла пофыркивать). Во всяком случае, большинство литературной верхушки, думаю, признавали Цветаеву. Насчет упомянутых мной «партий» Вы можете ухмыльнуться – но будете неправы. К глубокому моему сожалению, Серебряный век кишел «партиями» такого рода, мешал сходиться настоящим людям. В пушкинское время все же был идеал дружбы, а Блок сказал

Друг другу мы тайно враждебны⁵,

но я уверен, что такая вражда вещь искусственная. В идеале все лучшие люди подают друг другу руки, особенно в литературе (этому есть замечательные примеры – несмотря на «партии»). Утопия, скажете. Может быть, но очень дорогая моему «эстетскому» сердцу.

Я сам местами Цветаеву «не понимаю», но ведь поэзию слышат, а не понимают (и даже не чувствуют)! А что Цветаевой Достоевский не понадобился, или Гете для нее больше Толстого, не значит, что она и Д<остоевского> и Т<олстого> сбрасывает.

Вы часто пишете о моем возрасте. Да, я вдвое моложе Вас, но мне все же 39 лет – т.ч. напрасно Вы видите во мне юношеский романтизм. И я знаю, что такое поэты, хотя знаком я со знаменитостями не бывал (и в СССР и здесь Бог миловал, т.ч. мемуаров мне не о чем писать). Но о житейском и подлинном в поэте писал еще Пушкин. Т.ч. «низким» в биографии поэтов Вы меня не удивите, я эту сторону их знаю хотя бы по письмам. Дело не в этом.

Насчет «цензуры» я, пожалуй, неправ. Готов с Вами согласиться. И вообще честь Вам и слава за «Совр<еменные> записки».

Что значит, что Вы «пишете ужасно»? Сейчас не могу найти особо разительных образчиков, не отмечал их при чтении, но вот наудачу:

р.132. «взятое на себя редакцией заявлением» – 2 творит<ельных> падежа рядом с разной функцией – т.е. не слышите фразу, когда ее пишете (это то, что поэты делают, когда пишут – слышат).

Там же «началась печатанием» (почему же не «начала печататься»? – или «стала»?)

р.186. «Библиографический отдел “С<овременных> записок” в отzyвах сотрудников журнала был его наиболее уязвимым местом».

Тут «его» – невозможно звучит и все путает. Вообще, по-русски, где можно, притяжат<ельные> местоимения опускают. Выбросьте его и сразу фраза лучше, а так это его относится и к журналу, и к отделу, и даже к слову мужского рода в предыдущей фразе. Да и вообще надо эту фразу начать с «Наиболее уязвимым местом» и т.д.

р.203. «удовлетворял» + Dat.??

Вот такого много. Я читатель медленный и потому ломал себе язык частенько о такое. Но Вы – человек мысли, не языка, это естественно, м<ожет> быть. Да и я грешен в ляпсусах (но я хоть стараюсь себя слушать, когда пишу, и ошибаюсь лишь впопыхах).

Или вот еще

р.225. «посмертная книга... Гиппиус, написанная... незадолго до собственной смерти» (чьей смерти, книги или Гиппиус; «собственный» и «свой», как правило, относится к подлежащему предложения; я уж не говорю о столкновении «посмертной» и «смерти»).

А насчет турусов и колес – это не из пословицы, а скорее из Пастернака (стих<отворение> «О, если б знал, что так бывает»). Это обычная вещь – переаранжировка привычного фразеологического выражения. А само выражение мне прекрасно известно.

Я теперь Assis<tant> Professor в Калифорн<ийском> ун<иверсите>те в Лос-Анджелесе, с сентября прошлого года, преподаю ли-

тературу и язык. Забросил критику и вообще эмигрантскую литературу (пока!⁶), получил докторскую, хочу напечатать книгу о Хлебникове⁷ (уже сдал комиссии). А планов много, но устал зверски.

Ваш В.Марков

¹ Защита докторской диссертации о Хлебникове состоялась в 1957 году, после чего Марков готовил ее к изданию отдельной книгой: *Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. University of California Publications in Modern Philology. Vol.62. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1962*; переиздана: Westport, Conn.: Greenwood Press, 1975.

² Маркову принадлежит большая статья о Швейцере «Человек в джунглях» (Грани. 1953. №19. С.110-127).

³ Кускова писала о Цветаевой в статьях «О причинах инертности» (Новое русское слово. 1954. 9 сентября) и «О незамеченном поколении» (Новое русское слово. 1955. 11 сентября. №15842. С.2).

⁴ Имеются в виду «Люди и положения» Пастернака, напечатанные под названием «Автобиографический очерк» (Новое русское слово. 1959. 12-26 января).

⁵ Первая строка стихотворения Блока «Друзьям» (1908).

⁶ В шестидесятые годы Марков чаще публикуется на английском, но совсем печататься на русском не перестает.

⁷ *Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Указ. изд.*

ВИШНЯК – МАРКОВУ

7.II.59

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Пишу без всякой надежды Вас в чем-либо переубедить – больше для того, чтобы предупредить превратное толкование моего молчания.

Мне кажется, что Вы то и дело противоречите себе. Приведу пример. – «Для меня главное человек» (а не группы, как для других, грешных), утверждаете Вы. А что Вы написали о Кусковой или Чернышевском, в которых трудно отделить «человека» от других сторон их былого существования?! Чернышевский для Вас «кандалы на русской литературе», и Вы проходите спокойно мимо того, что он носил кандалы годами в реальности, а не символически. В качестве чуть ли <не> уступки Вы «вполне допускаете», что Ч<ернышевский> «был честным человеком», «светлой личностью» (в иронических кавычках), но... Вас «это мало интересует». И это называется – «для меня главное человек». И Вы еще спрашиваете, от-

куда у меня впечатление, что Вы «ни в грош не ставите этики». – Да вот отсюда. Вы называете себя «животным не-общественным» и Ваше нигилистическое отношение к «группам» оборачивается таким же отношением к индивидам, из которых эти «группы» состоят. Думаю, не выдам никакого секрета, если скажу, что даже сочувствующие Вам литературоведы считают Вашу «анти-общественность» и мнимую «аполитичность» – патологической!..

Вы оправдываетесь: если бы Вы ни в грош не ставили этики, откуда взялся бы Ваш интерес к Швейцеру?.. Но Швейцер, как известно, – не только гуманист, он многогранен. И Ваш интерес мог быть вызван к нему, как к музыканту. А потом, неужели надо доказывать, что пути поэта и, тем самым, Ваши – «неисповедимы»: он слушает даже то, что читает, не так уж вчитываясь в содержание... Цветаеву и Вы «местами» не понимаете, однако довольствуетесь уже тем, что она не совсем «сбрасывает» Толстого и Достоевского. Правда, имеется у Вас и другой аргумент – через 200–300 лет, когда небо будет в алмазах, или следующие поколения «разберутся»...

«Я не скажу про всю Одессу» – вся «Одесса» (или эмиграция) слишком велика, – но при реалистическом (не «социалистическом») подходе на 1958 год, скажу за себя, что «хотя» Пушкин, Ходасевич, Тютчев или даже Блок – поэты, – все же я их почти полностью понимаю и потому отдаю им предпочтение перед косноязычными. (Между прочим: не могу понять, почему и для чего Вы выбрали для американской диссертации такого заумного поэта, как Хлебников, – которого и русский читатель может осудить за приятие великого Октября, но отнюдь не понять?!)

У Вас, оказывается, главный «зуб против меня» за то, что я, перепутав Маяковского с Демьяном Бедным, приписал «невежество» Вам, тогда как сам в том повинен. Очень сожалею, что возвел на Вас напраслину. Не могу сейчас вспомнить или найти, откуда я взял, что это Демьян, а не Маяковский первый сказал неприличное «э» по адресу Кусковой. Но Вы должны согласиться, что в моих устах Маяковский, хоть и многим даровитее Демьяна, «как человек» стоит его – «оба хуже»... (Маяковский даже хуже.)

Наконец, последнее: «бесстыдство». – Вы сами называете себя «озорником», отмечаете свой «задор» и «заносчивость». Далеко ли одно от другого, – особенно если учесть, что одно Вы говорите о себе, а другое о Вас говорит «невежественный», как Вы выражаетесь, оппонент.

Благодарен Вам за отмеченные неудачи – стилистические – в книге. Кое в чем Вы правы. Кое в чем преувеличиваете. Не могу согласиться, что в «Библиографический отдел “Современных” записок” в отзывах сотрудников журнала был его наиболее уязвимым местом», – «его» все путает. – «Его» может с одинаковым успехом относиться и к «отделу», и к «журналу» – смысл остается тот же, и

ничего здесь не спутано, если не искать повсюду путаницы и не делать недопустимых допущений (в другом примере), что «смерть» может относиться не только к автору, но и к его книге (стр. 225). – А если и поэту дозволены «ляпсусы» и «переаранжировки» привычных выражений, – то о чем говорить применительно к нашему бра-ту, не-поэту.

С пожеланием всяких успехов

М.Вишняк

ВИШНЯК – МАРКОВУ

21.III.59

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Из указанных Вами погрешностей языка в воспоминаниях о «Совр<еменных> записках» одни казались мне спорными, другие – ничтожными. Самым неприятным я считаю указание на «Dat.» – «удовлетворять потребности» (стр.203)...

Ну, конечно, удовлетворять потребность, голод, нужду, жалобу и т.д.

Я соглашался мысленно с Вами и огорчался. И вдруг, почти случайно, в словаре Ушакова (т.IV, стр.899) в слове удовлетворять, под цифрой 4 прочел: «чему (Dat?! М.В.). Оказаться в соответствии с чем.-ниб., вполне отвечающим чему-н. (чаще в этом знач. употр. несов. удовлетворять). Работа может у. всем требованиям (не все требования). Подбор книг не удовлетворил всем запросам читателей. Эта столовая не может у. моему вкусу».

Именно в этом смысле, так употребил «Dat.» и я... Что скажет по сему случаю литературовед В.Ф.Марков, «слушающий» свою речь?! Я положился было на «абсолютный слух поэта» – и едва не попал впросак.

Всего доброго

М.Вишняк

МАРКОВ – ВИШНЯКУ

5-го апреля 1959 г.
Los Angeles

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Виноват перед Вами: не ответил на старое письмо, а сейчас еще одно пришло от Вас. В оправдание могу только сказать, что запустил всю корреспонденцию. Для того, чтобы регулярно посылать по-

сылки семье в СССР, приходится набирать разной работы для приработка, а это и отнимает время и изматывает.

Насчет В<аших> писем: я не знал, что у Вас такие стилистические претензии. Выходит, что мои случайные и беглые замечания заставили Вас рыться по словарям, а теперь торжествовать, посрашив «профессора». Странно, я вот литератор, даже почти «писатель», а так не волнуюсь. Знаю, что у меня можно много найти оплошностей и что мои статьи писаны скверно. О В<ашей> книге я судил по общему впечатлению, но так как нужны были примеры, то я привел их наугад, выбрал at random¹, потому что при чтении не отмечал. Можно, вероятно, набрать и более бесспорного, да времени нет. Но уверяю Вас, когда читал книгу, частенько у меня «мозга» заплеталась о корявые фразы. Здесь дело не в «абсолютном слухе», а в том, что я читаю любую книгу медленно и губами, т.ч. все дефекты такого рода не пропускаю. Это моя мука, я иногда физически устаю от чтения «немузыкальных» книг, как будто весь рот в синяках от словесных кочек и буераков. И дело здесь не в принятой грамматике или словаре Ушакова, а чистом ощущении: вот как палец чувствует, горячо или холодно. Недавно мне, например, чуть не пришлось лечь в госпиталь от чтения Гончарова. Вы, конечно, и тут заподозрите в «незрелости» и «парадоксальности». Как же, Ваши кумиры давно «доказали», что Гончаров величайший стилист, а вот на мой «рот» (ибо читаю губами, «артикулятивно») хуже его никто не писал из наших классиков. После него Тургенев, например, как стакан воды в Сахаре. Есть и другие «негладкие» писатели, Гоголь, например, но тут негладкость высокого порядка, преднамеренная, рассчитанная, виртуозная (как и у Цветаевой, у Хлебникова), а у Гончарова просто потому, что Бог ему уха не дал. Впрочем, что я Вам пишу это все, все равно не согласитесь, для Вас все мерки еще в 19 веке созданы, как же можно их разрушать². Но, как говорит Пастернак, «как мне быть с моей грудною клеткой». Что делать, если я вижу иначе: или я урод или же действительно яснее вижу, чем некоторые. Кроме всего прочего, напрасны все мои доводы, т.к. Вам сам Ушаков доказал. Ничего не поделаешь. Я все же остаюсь при мнении, что Цветаева писала хорошо, а Вы плохо. И напрасно Вы язвите по адресу моего «профессорства». Я и не считаю себя «профессором», т.е. знатоком: я мало знаю и не во всех областях литературы разбираюсь, но какой-то слух к стилю есть – не столько от природы, сколько развитый чтением стихов. На том и держусь.

Разбирать Ваши отпоры на мои замечания не буду. Это было бы легко с глазу на глаз, а в письме – и длинно было бы, и не убедил бы (да Вас, вероятно, и с глазу на глаз не убедил бы).

Почему я выбрал Хлебникова для диссертации, спросите хотя бы Струве, м<ожет> б<ыть>, ему удастся Вам объяснить. Впрочем, не зывая к Вашей эстетической стороне и вспомнив, что Вы –

scholar (более подлинный, чем я), скажу, что забвение Хлебникова литературно-исторически недопустимо: он неисследован, очень влиял на русскую поэзию в 20-х гг., а главное – его репутация не соответствует настоящему положению вещей. Кроме того, диссертации могут писаться и о тех, кто «принял великий Октябрь». Наука различия не делает, да и самый этот факт в применении к Хл<ебникову> и второстепенен (по сравн<ению> с многими другими поэтами) и весьма сложен. От себя, субъективно, добавлю, что Хл<ебникова> почти никто не знает (два-три заумных стих<отворения> в антологиях извращают его облик), а я, чем больше копаюсь в нем, тем больше убеждаюсь, что это, вместе с Блоком, величайший русский поэт XX века (но это между нами, чтоб не говорили, что я люблю парадоксы и заострения).

Между «бесстыдством» и «озорничаньем» большая разница. В публичном употреблении первое – оскорбление, второе – доброе журение. Но, конечно, Вы не хотели меня оскорбить, просто у Вас, видимо, нет чувства слова. А спорить об этике* тоже надо нам с глазу на глаз. В прошлых письмах, написанных наспех, я, видимо, кое-что неясно сформулировал. А в общем, ставьте памятники Чернышевскому, только пусть он оставит литературу, к которой имеет мало отношения. «Мы», ей Богу, не так часто лезем в политику, чего «вам»-то надо в нашей бедной литературе. Не надо нам «преобразователей» жизни, «светочей» и т.п.

Вот Вы наверно осудили Адамовича, что он недавно назвал Белинского пустомелей³, а ведь прав Адамович. Такое же говорил о «неистовом Виссарионе» и Мирский⁴. И действительно редко кто так размазывал, так страдал словесным поносом. Тут какое-то большое место. Ведь вот заступиться за Боратынского Вам бы не пришлось в голову, а за Белинского сразу небось, как и Аронсон в рецензии⁵.

А я знаю, что я, например, никого в тюрьму не сажал бы, а Белинский посадил бы, если <бы> ему дали возможность⁶. Нет уж, возьмите себе такую «этику».

Убеждать Вас не думал ни в чем, но поболтать с Вами приятно. Я вас ведь ценю за многое.

Ваш В.Марков

P.S. Меня позабавило, что Вы копию своего письма послали Струве⁷. И тут должны быть «общественником».

¹ наугад (англ.).

² В своих мемуарах В.Яновский писал: «Вишняк мне с гордостью заявил, что каким он был в 1917 году, таким он останется навсегда, ни на йоту»

* Есть этика и иная. И в ней я в помощи Кусковой не нуждаюсь, при всем моем к ней уважении <Прим. Маркова. – Публ.>.

не меняясь. Мне это показалось чудовишной тратой жизни и времени» (*Яновский В.* Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк: «Серебряный век», 1983. С.178).

³ Завершая статью «Невозможность поэзии», Адамович обращался к Боратынскому: «И хочется сказать: Евгений Абрамович, не первый русский поэт, но в поэзии первый наш учитель, за холод, вас окружавший, за снисходительное, да и то с оговорочками, одобрение пустомели Белинского, дававшего вам понять, что вы – человек отсталый, а он – человек передовой, и потому вправе учить вас уму-разуму, за все, куда докатились мы после вас, за человеческую низость, за “бронзы многопудье”, за вашу стойкость, ясновидение и печаль позвольте послать вам поклон, “смиренно преклонить колени”, как сказано у другого поэта, “учитель, перед именем твоим”...» (*Опыты.* 1958. №9. С.51).

⁴ По мнению князя Д.П.Святополка-Мирского, на Белинском «лежит вина за ужасающее многословие и неряшливость русских журналистов второй половины XIX века (имею в виду журналистов, а не газетчиков) <...> Безусловно, ни один автор ранга Белинского не писал таким чудовищным языком» (*Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Руфи Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С.263).

⁵ Григорий Яковлевич Аронсон (1887–1978) – журналист, критик, постоянный сотрудник «Нового русского слова».

⁶ В письме В.П.Боткину 27–28 июня 1841 Белинский писал: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» (*Белинский В.Г.* ПСС. М., 1956. Т.ХII. С.52).

⁷ Струве счел нужным упрекнуть Маркова в письме от 16 апреля 1959 года: «М.В.Вишняк писал мне опять кое-что о Вашей с ним переписке. Почему вы так с ним arrogantны? Не забудьте все-таки, что ему 76 лет. Вы можете не уважать по существу его миропонимание, но либо нужно проявить некоторое формальное оказательство уважения, либо зачем вести переписку на такие острые темы и в таком остром тоне?» (*Собрание Жоржа Шерона.*)

D

ДНЕВНИКИ,
ЗАПИСНЫЕ
КНИЖКИ

Василий Никитин
**СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ
В ДЕЛЕ О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Публикация М.Ю. Сорокиной

Начало XX века часто называют «золотым веком» русского востоковедения. Изначально произраставшее на традиционной местной почве странничества, «хождения», а затем стимулированное культурной и экономической колонизацией огромных восточных пространств Российской Империи, в XVIII–XIX вв. оно получило мощную прививку немецкой научной классической ориенталистики и к 1917 году признавалось одной из сильнейших национальных школ мирового востоковедения. Парадоксальным образом именно благодаря революционным катаклизмам, расколовшим некогда единое научное сообщество на «метрополию» и «диаспору», русское востоковедение существенно расширило свое влияние на все развитие мировой науки о Востоке – от Китая до Северной Америки и Австралии. Большинство востоковедов, оказавшихся или ушедших в эмиграцию, были людьми молодыми, в основном приват-доцентами. В отличие от других гуманитариев-эмигрантов, создававших собственную национальную научную инфраструктуру в Европе и тем самым обрекавших себя на уход в глубь «национального тела» (что во многих случаях было исключительно позитивным), восточники не имели ни достаточного авторитета, ни средств, ни кадров для организации «своих» институтов или музеев. Отсутствие таких «национальных» институций стало одним из важных факторов быстрого «вживления» русских ученых в поначалу инородную профессиональную ткань Европы и США и в конечном счете способствовало их интеграции в мировую науку, в которой они сразу начали играть заметную роль. В этом институциональном смысле тема «история русского востоковедения в эмиграции» фактически не существует и может рассматриваться только на материале Китая.

Возможно, именно удачная профессиональная карьера, сохранение своего социального статуса, культурной и этнической идентификации, а следовательно, невозможность доказательства тезиса об «оторванности от родной почвы» как причине научного бесплодия, оказались причиной того, что и история судеб русских востоковедов в эмиграции до сих пор остается мало-

известной в России. Между тем, только с первой волной послеоктябрьской эмиграции страна потеряла Н.Г.Адонца, В.С.Голенищева, С.М.Дубнова, В.Л.Котвичка, Г.В.Подставина, С.А.Полевого, О.О.Розенберга, А.А.Сталь-фон-Гольштейна, А.Г.Туманского, Е.М.Чепурковского, П.П.Шмидта, А.М.Баранова, Н.Д.Миронова, З.Смогоржевского, А.Ф.Хашаба, С.М.Широкогорова, Н.А.Невского, А.Д.Калмыкова, О.Плетнера, А.Д.Руднева, Н.Н.Мартиновича, С.Г.Елисеева, В.Ф.Минорского, М.Н.Рамминга, В.М.Викентьева, В.А.Иванова, Л.Ф.Богданова, Р.М.Гиршмана и др.¹ Их судьбы сложились по-разному: некоторые стали основателями целых национальных школ и направлений в ориенталистике, другие оставили солидное научное наследие, а третьи безвестно канули. Первые было значительно больше, однако в недавно изданной энциклопедии «Русское зарубежье: Золотая книга русской эмиграции» (М., 1997) вообще нет имени ни одного востоковеда, за исключением Н.А.Невского.

Фонд дипломата, ориенталиста и евразийца Василия Петровича Никитина (Basile Nikitine; 1885–1960)², хранящийся в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Butler Library, Columbia University – далее ВАР)³, до сих пор почти не привлекал внимания исследователей, хотя имя эмигранта Никитина было «реабилитировано» в СССР еще в начале 1960-х изданием на русском языке его книги о курдах⁴. Сегодня фигура Никитина чаще всего упоминается в «контекстах». Один из них – дружба и литературное сотрудничество с писателем Алексеем Ремизовым⁵. Парижский друг и сосед писа-

¹ Впервые многие из этих имен были указаны еще в конце 1970-х в пионерской публикации Ф.Ф.Перченка (псевд. Вознесенский И.) «Только востоковеды...» (Память: Исторический сборник. Вып.3. М., 1978 – Париж, 1980. С.455-456).

² Василий Никитин родился 1 января 1885 в дворянской семье (род записан в 3-ю часть дворянской родословной книги Псковской губ.) в Сосновце (Польша), где его отец – Петр Александрович, по словам сына «шестидесятник» и «толстовец», служил на таможне (умер в 1912 в возрасте 56 лет). В 1904 окончил 6-ю Варшавскую гимназию и сразу поступил в Лазаревский институт восточных языков. Старший брат Никитина – Александр убит в августе 1944 на улицах Варшавы, сводный брат Кирилл – воевал на Гражданской войне, потом оказался на Лемносе, далее в Польше, где принял гражданство и католичество. Две сестры – Елена (в браке Эфенбах, однако ее муж сменил фамилию на Никитин во время Первой мировой войны) и Лидия (в браке Вельсовская) – после 1945 жили вместе в Москве на Суворовском бульваре, где В.П.Никитин и нашел их в 1957 через берлинский «Комитет за возвращение на Родину». Некоторые биографические сведения о В.П.Никитине см. в его воспоминаниях: *Mes reminiscences polono-orientales. Notes autobiographiques // Folia orientalis. Krakow, 1960. Т. II. F.1-2. S.153-176.*

³ Другая часть архива Никитина хранится в Санкт-петербургском филиале Института востоковедения Российской Академии наук (Ф.127; 181 дело за 1911–1958); некоторые материалы, связанные с А.Ремизовым, были переданы Никитиным в Пушкинский Дом.

⁴ *Les Kurdes et le Kurdistan: les oublies de l'histoire.* P., 1956.

⁵ См., например: *Грякалова Н.Ю.* Очарованный словом; *Никитин В.П.* Объяснительное слово к «Суфийской мудрости»; *Ремизов А.М.* Суфийская муд-

теля, без которого «четверги пусты и унылы», «чернокнижник»⁶, переведший и толковавший Ремизову восточные тексты, Никитин получил прозвище «эмир» в ремизовской Обезьяньей Великой и Вольной Палате царя Асыки и был почтен грамотой о принятии в члены этого шутейного сообщества.

Во Франции бывший русский консул в Урмии (Персия) Никитин жил с середины 1919. Встречавшийся с ним в декабре 1917 в Урмии Виктор Шкловский писал, что Никитин убит при отходе русских войск из Персии⁷. Между тем, консул остался жив и, отправив решительный отказ на телеграфное предложение Л.Д.Троцкого принять Брест-Литовскую политику сепаратного мира с Германией, «14 апреля 1918 закрыл вице-консульство и выехал через Тавриз в Тегеран. Доехав до Казвина, короткий срок работал при полковнике Бичерахове и английском командовании. В июле 1918 прибыл в Тегеран, где исполнял обязанности 2-го драгомана Миссии до 23 мая 1919, когда выехал в отпуск во Францию»⁸. Как это часто бывало, «отпуск» оказался длиною в жизнь.

Почти тридцать лет, до 1951, Никитин прослужил в Banque Nationale Française du Commerce Extérieur, где заведовал отделом Études Economiques и издавал бюллетени по вопросам внешней торговли. Но по его признанию, «сердце тянуло больше к изучению персидской психики, чем к рассмотрению ввоза в Египет сапожного инструмента»⁹, и бывший выпускник арабо-персидско-турецкого разряда Лазаревского института восточных языков (окончил в 1907) принимал активное участие в работе различных международных востоковедных организаций. Признанный эксперт по проблемам Ирана, особенно истории, религии и культуре курдов, и восточной политике России/ СССР, в годы эмиграции Никитин становится членом Société Asiatique и Société d'Ethnographie в Париже, Русского общества изучения Востока (Париж), иностранным членом Польского ориенталистического общества, Международного антропологического института, действительным членом Международной дипломатической академии. В своих многочисленных работах 1920-х–1950-х годов он постоянно использовал новейшую советскую научную литературу, демонстрируя завидную осведомленность в советских изданиях; вел переписку с советскими востоковедами, в частности, с академиком Н.Я.Марром, а после Второй мировой войны перевел на французский язык книги историка-эмигранта И.И.Гапановича – «Historiographie russe (hors de la Russie)» (Р., 1946) и академика В.В.Бартольда¹⁰ – «La decouverte

рость // Ариаварта. Историко-научный, литературно-философский журнал. Начальный выпуск. СПб., 1996. С.235-269.

⁶ Грякалова Н.Ю. Указ. соч. С.238.

⁷ Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М.: «Новости», 1990. С.272.

⁸ Из «пояснительного алфавитного списка чинов МИД в Персии, Закавказье и Туркестане» (BAR. Coll. Nikitin V.P. Vox 8; здесь описываются судьбы многих русских дипломатов после большевистской революции).

⁹ См. ниже в публикации запись от 17 декабря 1925.

¹⁰ Выдающийся русский тюрколог Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) был родоначальником русской востоковедной исторической школы; редактировал научно-популярный журнал «Мир ислама» (с 1912) и «Записки Восточного отдела Русского Археологического общества» (1908–1912); в советское время зам. председателя Коллегии востоковедов (1921–1930) и товарищ пред-

de l'Asie. Histoire de l'orientalisme en Europe et en Russie» (Р., 1947). В предисловии к последней книге Никитин привел выдержки из писем Бартольда одному из основателей и руководителей евразийского движения П.Н.Савицкому.

Евразийство – еще один важный контекст в судьбе Василия Никитина. В течение 1926–1929 он опубликовал более двадцати работ в евразийских изданиях – 9 статей в «Евразийской хронике» (1926–1928), 11 – в газете «Евразия» (1928–1929), по одной – в «Верстах» (1928) и «Евразийском временнике» (1927)¹¹. Готовя в 1950-е годы свой архив к переезду за океан, Никитин сопровождал свои бумаги подробными аннотациями. Предваряя «евразийскую» часть архива, в апреле 1954 он так описал мотивы своего участия, а затем ухода из движения:

«Я примыкал к евразийству с 1926 по 1930 г. главным образом из-за интереса, проявляемого этим движением к Востоку, писал в его изданиях (главная статья моя “Иран, Туран и Россия”), делал доклады о культуре Ирана в евразийском семинаре и т. д. Мои материалы не исчерпывают, конечно, истории евразийства, так как в “святые святых” я не проник, но они могут явиться полезным дополнением для будущего историка этого движения, несомненно, заслуживающего быть изученным. До известной степени оно может считаться продолжением славянофильства в своем антиевропейском аспекте, но в основном евразийство было проявлением оригинальной русской общественной мысли в эмиграции. Оно было спровоцировано большевицкой агентурой, но этой стороны деятельности его я не знаю. Помню лишь, что в Россию ездил некто Арапов и что на эту связь с Родной возлагались, по-видимому, какие-то надежды. Так или иначе, но к концу 1929 года (после моей серьезной болезни, выведшей меня из строя на 3 месяца) евразийство впало в идеологический (между правым и левым крылом его) и финансовый кризис, что в 1930 г. привело к прекращению его выступлений в печати или на собраниях»¹².

«Евразийский» архив Никитина делится на несколько основных частей: его записки о необходимости изучения Востока; письма евразийцев Г.В.Вернадского, П.Н.Малевского-Малевица, П.П.Сувчинского, а также востоковедов В.А.Иванова и Л.Ф.Богданова¹³, отрицательно отнесшихся к попыткам Никитина заинтересовать их евразийством. Главным и наиболее существенным документом этого архива Никитин считал «Завещание» Л.П.Карсавина, написанное в августе 1929 – рукопись в 80 с лишним страниц. И, наконец, так называемая «Книга беженского житья»¹⁴, которая формировалась Никитиным с 1930 из выписок из его записных книжек, касающихся евразийства. Их жанр я бы определила как «записи с голоса», своего рода разновидность oral history. «Книга» насчитывает более сорока тетрадей, од-

седателя Государственной академии истории материальной культуры Н.Я.Марра (они были связаны и родственно: женаты на родных сестрах).

¹¹ Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев / Сост. С.Ключников. М.: «Беловодье», 1997. С.494-495.

¹² BAR. Coll. Nikitin V.P. Box 16.

¹³ О них см. в комментариях к публикуемым письмам В.П.Никитина Г.В.Вернадскому.

¹⁴ BAR. Coll. Nikitin V.P. Box 16.

на из которых (1925–1926) публикуется ниже вместе с письмами В.П.Никитина Г.В.Вернадскому.

Несмотря на идейные расхождения с евразийцами и даже разрыв в 1930, Никитин сохранил прекрасные личные отношения почти со всеми из них. Особенно тесные отношения его связывали с историком Георгием Вернадским (1887–1973), с которым он регулярно переписывался с 1924 по 1959. Как и Никитин, Вернадский старался совершенно не участвовать в общественно-политической жизни евразийства, более того, явно тяготился шумом вокруг него. «Давайте двигать евразийство как историко-философское движение, порвите с евразийской политикой», – призывал он Петра Савицкого 2 марта 1930 и добавлял: «Евразийство как историко-философское направление, как продолжение славянофильства мне представляется делом значительным... Но евразийство как политическая партия...» Что стояло за этим троеточием, выразительно расшифровывали другие строки письма, где о листовке «Будь евразийцем» Вернадский отзывался предельно четко: «Это какой-то бред душевнобольного»¹⁵.

Помимо общего концептуального азиатцентричного подхода к российской истории¹⁶ двух бывших евразийцев – Вернадского и Никитина – объединяла и ностальгия по утерянной русской научной среде. Они оба тщательно оберегали все свои «русские» связи, постоянно обсуждали новинки исторической литературы в СССР, а эпистолярные беседы стали для них способом сохранения и поддержания этой среды. В начале 1950-х Георгий Вернадский стимулировал Никитина писать воспоминания («Арабески: почему я стал восточником») и пытался, правда, безуспешно, устроить их публикацию в Чеховском издательстве¹⁷. Позднее он убедил своего парижского друга передать архив в Колумбийский университет.

Василий Никитин никогда и не натурализовался, продолжал жить апатридом. «Так и доживу с моими воспоминаниями до последнего дня на чужбине, где сложу свои кости с сознанием, что хотя я оторван навсегда от России, но не перестал быть русским и ни в какого иностранца не перекрашивался»¹⁸.

Публикуемые записи В.П.Никитина из «Книги беженского житья» хранятся в его фонде (Coll. Nikitin V.P.) в Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University; Box 16 (автограф); письма В.П.Никитина Г.В.Вернадскому извлечены из того же архива – G.Vernadsky Coll. Box 51. Folders «Nikitin-1, 2» (автографы). При подготовке текстов к печати сохранена авторская транскрипция восточных названий, хотя она иногда отличается от ныне принятых норм.

При подготовке комментариев я пользовалась неизменной помощью и советами Б.С.Кагановича, Л.М.Негрия, Г.Г.Суперфина, А.Р.Потемкина, которым приношу самую искреннюю благодарность.

¹⁵ Цит. по: *Козляков В.Н.* Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // *Георгий Вернадский. Русская историография.* М.: «Аграф», 1998. С.411.

¹⁶ См.: *Урханова Р.* Евразийцы и Восток // *Вестник Евразии.* 1995. №1. С.12-31.

¹⁷ BAR. Coll. Nikitin V.P. Box 8. Folder «Автобиографические заметки».

¹⁸ BAR. Coll. Nikitin V.P. Box 15.

КНИГА БЕЖЕНСКОГО ЖИТЬЯ

Париж, 9 февраля 1930

Каков бы ни был характер моего участия в евразийстве, оставило ли оно на мне отпечаток, обогатило или сузило мое сознание, было шагом вперед или шагом назад, будет ли связано с ним мое имя или участие мое в нем совершенно случайно и не характерно, – в течение четырех лет моего эмигрантского существования <евразийство> играло в нем немалую роль как крупный факт.

Решив поставить на этом периоде моей деятельности крест после того, как убедился в отсутствии органических связей с так называемыми основоположниками <евразийства>, оставившими меня без какого бы то ни было сожаления и даже (со стороны кн. Т<рубецкого>¹) с упреками, сваливая с больной головы на здоровую (не я <евразийство> организовал, не я был его духовным отцом, почему в его дезорганизации и распадении ничуть себя виновным не считаю), – в силу этого решения счел интересным проверить с начала моего вхождения в <евразийство> и до настоящего момента, в чем выразилось мое в нем участие и как я смотрел на развитие деятельности, приведшей к печальному концу движения, не лишенного как будто начал, на которых можно было бы построить действительно цельную систему мыслей. Сделать эту проверку не так трудно благодаря записям, которые я веду уже не первый год, более или менее регулярно. Пользуясь минутами отдыха, постараюсь извлечь из этих записей все, относящееся к <евразийству>, а также дополнить эту «летопись» документальными ссылками из имеющихся у меня писем, протоколов и т.п., совершенно воздерживаясь от комментариев, к которым, может быть, перейду в том случае, если из получившегося таким образом материала сочту нужным сделать употребление для печати и опубликования в качестве свидетельского показания в деле о русской эмиграции.

1925

10 августа

Вернадский² обещал познакомить меня с евразийцем Сувчинским³, собирающим здесь материал для очередного сборника⁴. Может быть, что-нибудь для них напишу. Если спросят. Дал мне В<ернадский> и адрес кн. Трубецкого. Его мне непременно нужно будет повидать. В<ернадский> как историк глубоко убежден в значительности для нас Азии, обволакивающей нас отовсюду. Я указал, что для меня евразийство вне политических выводов, которые из

него делаются, интересно и приемлемо гл<авным> образом потому, что оно вводит востоковедение в русское общественное сознание.

31 августа

Мне, кажется, не уйти от <евразийства>. Точнее – я не прочь с ним, в лице его выразителей, ближе познакомиться. О чем В<ернадский> передал Сувчинскому, приславшему мне сейчас же их последний «Временник» плюс 3 брошюры. «Наследие Чингис-хана»⁵ несколько подогнано под основную тему – иерархия подчинения, хан тоже подчинялся богу, а хану – все по нисходящим ступеням. Идеология Чингис-хана вряд ли м<ожет> б<ыть> установлена, как это делает И.Р. Но брошюра имеет агитзначение (она по новой орфографии) бросить мост между нами и ими, создать хотя бы в этом направлении общность настроений.

Сувчинский должен был быть в «шестом» часу, но пришел только в 6 1/2, после ухода В<ернад>ских⁶. Это всегда несколько расхолаживает. Говорил много и убежденно о третьем максимализме и необходимости создать для противодействия большевизму такой же тип среднего человека, какой сейчас выработался в СССР благодаря коммунизму. О значительности религиозного настроения в его отражении и выработке стиля. Передал мне предложение написать для очередного сборника о политике большевизма на Востоке. Это интересно, но нужно было бы очень внимательно все разобрать. Хватит ли времени и материалов? Принципиально не отказался. Кн. Н.С.Т<рубецкой> хотел будто бы меня видеть. Это было бы полезно. Его статья о туранском элементе в русском типе⁷ очень полновесна. Видно, что его идеи были популяризованы в «Насл<ед>стве Ч<ингис>-хана». Я выразил согласие на продолжение наших бесед для устной проповеди <евразийства>, ко<торо>е в Париже приобретает все больше приверженцев, но сразу же отмежевался следующими оговорками: 1) меня <евразийство> привлекло тем, что оно вводит в общественность элемент востоковедения, 2) религиозная его сторона меня пока не увлекает (т.е. в русскость православия, в противопоставленность его полонизму, в историческую роль я верю, но религиозной настроенности не ощущаю).

6 сентября

Одна из проблем <евразийства> есть вопрос о новой стройке городов. Этаким Новороссийск где-нибудь на Жигулях. Solomite в павильоне *Éspirit Nouveau*⁸ есть изобретение русского инженера Максимова. Характерно «развеществление». Солома вместо камня; газ вместо снарядов; вес аэроплана и вес локомотива. Изъятие пространственных образов из времени. Оно как бы пустеет вследствие скорости движения. Современный европеец считает идеалом перевозку возможно скорее возможно большей тяжести. Это какой-то отрыв от

себя, устремление по параболе в бесконечную неизвестность. Единственно верный материализм – это христианство. Вкуси плоть⁹ и увидишь Христа. Проблема чуда есть проблема момента, стабильности. В каждый данный момент подитоживание, диффузия одной плоскости через другую (?). Существенно то, что для верующего создается устойчивость. Как бы вертикальность сознания – одновременно разные плоскости, сразу, а не горизонтально, генетически (и причинно). Все это мне с большой убежденностью излагал сегодня П.П.Сувч<инский>, к<отор>ому я дал rendez-vous на выставке. И еще – что известной религиозной настроенности отвечает адекватный ей стиль – в музыке ли (наш «лад»), в живописи (перспектива, не стиль, а так видит, не может иначе изобразить), в зодчестве (готика есть уже развеществление, камень уходит в кружева, пролеты, уход от материи; а византийский купол приближает Твердь небесную к земле и человеку; само слово хорошее). Идеал и норма. Недостижимое и данное сосуществует в христианском сознании. Христоцентризм. Только с момента Христа стало возможно познание истории, сразу назад и вперед. На все это я сказал, что не могу отказаться от движения. Он тоже, но вокруг оси, а не в бесконечность. Я – но ведь вокруг оси тоже мыслимо устремление воронкой вниз или спиралью вверх, в тартарары или в неведомую высь?

Столпничество¹⁰ идеал? Нет, но то, что столпника убедило в блаженности его пребывания на столпе. – В общем, с мыслящим человеком провести часок приятно. А он об этом всем думал много. Но хотите ли вы убеждать других в этом? Нет, мне это безразлично (да, ему и движение не нравится, не нужно). Как же вы сами на свое сознание все это проецировать будете?

Мистика есть методология. Попытка объяснить священное безумие. Воплощение Христа есть величайшее и основное. Я еретиком быть не хочу, не хочу быть на пристяжке, а в корне. (Сейчас я думаю, что он совершенно оставляет в стороне момент искупления, увлекшись желанием доказать, что настоящий материализм есть христианство, от к<оторо>го люди ушли и к<отор>ое нужно вернуть в «плерому бытия», оматериализовать следовательно, т.е. побить увлекший к себе человечество материализм его же оружием, сдаваясь на его убедительность, стремясь «окристаллизовать чудо»; это последнее выражение пришло мне в голову сейчас). Ведь вот попробуйте сказать верующим какой-нибудь воображаемой общины, что их причастят духом, газом. Ничего от этого в их сознание не войдет. Тут много материала, конечно, для спора, к<отор>ый, как известно, россияне любят, но я, не оспаривая, слушал. И потому, что в такой системе мысли у меня не складывались пока, и потому, как сказал П.П.С<увчинский>, я материалист и начинает моя мозговая машина работать, когда ей дают идеи – вещи, а не отвлечения. А он говорит, что на все эти мысли его наводила сама жизнь, стукая лбом. Пример

юноши 18 лет, бежавшего после окончания консерватории в Париже в Сербию, в монастырь. Он знает 5-ю симфонию, но девятой «господь не привел»¹¹. То есть именно эта стабильность, вертикальность сознания, отсутствие желания сравнить, генетически проследить пятую и девятую симфонию. Любопытно во всяком случае. Русская ли чисто черта? – В той же плоскости, что развеществление, еще дезиндивидуализация, обезличение – как черта современного человечества.

16 сентября

Вчера вечером у Сувч<инского>. Прихожу в момент спора. Алмазов (? – это Аметистов, полк<овник> Ген<ерального> Шт<аба>¹², что у Евлогия¹³; В.Н.). Вернадский о белом движении. В<ернадский> за полную оправданность и моральную (лично для него) ценность – возможность благодаря Добрармии прожить 2 года культурной жизнью. Карсавин¹⁴ (у него голова напоминает Соловьева¹⁵) требует разрешения ему объяснить свою мысль об «ошибке» белого движения (через 5 лет она ясно видна). А<лмазов> – почему мы не получали пополнения от громадного населения Ю<жной> России. Только красноармейцы вливались, привыкши к баранной дисциплине. А к большевикам – шли. Сувч<инский> – народ видел два революционных фронта – красный и белый, но в известный момент (т.е. падение Крыма) признал большевиков за историческую власть. Князь Св<ятополк>-Мирский¹⁶ – нужно различать этическую и историческую стороны белого движения. Ильин¹⁷ – нужно переместить исторический центр (тяжести). Это уже к тому соображению, вскоре высказывавшемуся, что белое движение было обречено на неудачу, т.к. проистекало из всего комплекса событий и основывалось на изгнившей государственности. Какие же у вас основания бороться с большевизмом, раз они историческая власть русского народа? (Спрашивает В<ернадский>.) Но она скверная, они идиоты и уголовные преступники (Карс<авин>)... Алмазов анализировал, спрошенный Карс<авины>м, завещание-воззвание Тихона¹⁸. Он считает, в нем есть доля патриаршая, но что писан был Петром Крутицким...¹⁹ Фраза Ильина, вызвавшая общий смех: «Большевики – историч<еская> власть, но остались студентами. Ах, как досадно!» – В общем впечатление несколько хаотично, но не неприятно. Только под конец я смог несколько слов сказать с Карс<авиным>. Он занимался буддизмом, говорил о благоприятной для этого обстановке в П<етер>бурге. Знал Владимирцева, Крачковского (об его аресте за арабское письмо!²⁰). «Наследство Ч<ингис>-хана» Труб<ецкого> – есть натяжки там, где об идеале, подборе людей и т.д.; уверенно разве можно об этом говорить с нашими данными? То же об инд<ийской> религии, об ее сатанинстве. Ведь можно было указать, что инд<ийская> религиозность ближе православию, чем последнее

– католицизму. О нашем неумении миссионерствовать (за исключением епископа Николая²¹). Я упомянул про Урмию, с ее борьбой между 3 исповеданиями. В ернадский уезжает²². Расцеловались. В понедельник 21/9 свидание с Трубецким.

Струве²³ воскликнул – евразийцы заходят большевикам в тыл! Да разве это глупо? Нет, но в том-то и дело, что умно, но, делая это, они сами заражаются большевизмом. Как, в чем заражаются, этого он не уяснил.

Нет умнее, чем русский мужик. «Широко размахнулись на Ленина, податься назад трудно...» Нет государственного русского мужика!.. Инстинктом чувствует... Поэтому в некоторый момент предпочел «уголовных преступников», которых изживет (Карсавин).

24 сентября

Записи в этой книжке начались с евразийских утверждений, понаслышке, кн. Л.В.Урусова²⁴. Тогда же (март 1925) была констатирована окончательная и совершенная безнадежность каких бы то ни было попыток вдохнуть дух жизни в затвердевающий организм ОСМИДа²⁵. Заканчиваю эту книжку евразийски, но основоположными, ибо от «самого» кн. Н.С.Трубецкого услышанными, нотами... Три битых часа с лишним разговор вращался исключительно в сфере философии, истории, этнографии. Был еще Карсавин и Минорский²⁶. Трубецкой рассказывал, как он получил кафедру в Вене²⁷... Говорили о восточных мотивах у молодых писателей (Леонов)²⁸, о значительности популяризации правительством востоковедения, о дельном подходе молодых сил к вопросу о переводах с восточных языков (тут «отыскался след Тарасов»²⁹, я узнал, что мой добрый приятель по Лазаревскому институту Л.С.Некора³⁰ пишет по востоковедным вопросам и очень серьезно), об особом языке, на котором русский простолудин говорит на Востоке, о татарских детских скороговорках (ширим бирим шимборим...), о скифах (иранская и туранская теории, Ростовцев³¹ и Теза Шупко³²), немножко, до прихода В.Ф.Минорского, о моей статье, которую я озаглавлю «Россия, Иран и Туран»³³ и где хотел бы больше всего говорить о нашем внегосударственном контакте с Персией (почему был разговор об Афанасии Никитине³⁴; см. у Пыпина³⁵; после св. Фомы³⁶ он был первым христианином в Персии? Вспомним несториан при последних Сасанидах!³⁷). Потом говорили об ударениях в сербском языке, о тюркских влияниях в болгарском языке (битка-джи-лек, ответ «войника» на вопрос об его профессии) и образовании глагола от греческого – хиротонисати – и турецкого слов – боя(дис)ати. О фантазировании венгров в науке (венгерский язык Трубецкой изучил, чтобы прочесть одну книгу), о славянских элементах в венгерском языке (я вспомнил чудо; это ведь не река, а отвлеченное понятие, хотя

М<инорский> усумнился в отвлеченности, какой материалист!). Труб<ецкой> указал, н<а>пр<имер>, терем; «де» в русск<ом> яз<ыке> может быть «диб», аналогично – «он грит, я грит». О «Codex Sumanicus», найденном в бумагах Петрарки³⁸. О знатоке ацтекских яз<ыков> в Берлине без слушателей. И о том, что какой угодно курс (аварский яз<ык> или др<евне>груз<инский>) найдет слушат<еля> в Вене. Уже перед уходом Т<рубецкой> спросил, как я считаю его концепцию психолог<ического> типа, тюркского. Я ответил моим примером, с войны, об «аскерлик'е» (иерархичность). – Может ли перс обрусеть? Что было бы с христианством, если бы его приняли персы? Ведь от зороастрийства недаром уклонились в «сатанинское» манихейство. Карс<авин> очень тонко вступал в филолог<ическое> рассуждения: «Конечно, очень интересно знать много языков, можно делать сопоставления; смотришь, оказывается, что арийцы пахали землю». О докладе Марра³⁹, из к<оторо>го вышло, что Кый – Карапет, Маргарита тоже Карапет, а вообще в яфетидском праязыке только и есть, что дракон и змея. Это-то и значит Карапет. А чехи, знаю по интуиции, народ скучный, прозаичный. Они все «отходники», сиречь коммивояжеры!

Вопросы для Труб<ецкого> (к<оторы>е я с ним не обсудил; В.Н.)

1. Хотят ли сами азиаты быть евразийцами. У них сейчас эпоха... Возрождения. Их востоковедение (Institut de Sinologie, Оджак)
2. Как согласовать правосл<авие> с резней христиан?
3. Наш туранизм мешает иранизму и пугает его (большой и малый Туран)
4. Характер перс<идской> религиозности – страстность и скептицизм
5. Эволюция ислама (Шейх Абд-ур-Ризак)

17 ноября

Вчера на Voissiere заседание с докладом Урусова о «евразийстве»⁴⁰. Я мобилизовал Сувч<инского>. Там же оказался некий г<осподин> Зайцев, из «Возрождения»⁴¹, возмутившийся соблазном и ядом идей Трубецкого, одинаково отрицающего и ром<ано>-герм<анскую> культуру и императорский с<анкт>-п<етер>бургский период истории и тем самым как бы уменьшающий «черноту и злобу» большевизма. Революционная петарда – гопак! А у Вас, спрашивает С<увчинский>, где ваш революционный динамит? и почему гопак хуже вашего danse macabre⁴². В общем, в политическом смысле важно сознать, что для борьбы с большевизмом нужна как идеология, перерождение духовное, так и метод революционный. Ильин как богослов напомнил об унижении и пленении Церкви в период оберпрокуратства. Я сказал два слова по поводу замечаний Зайцева

об «иллюстрированной» Азии (по аналогии с «иллюстрированным» мужиком Успенского⁴³, перед к<оторы>м преклонялась интеллигенция). Статья Т<рубецкого> о туранском элементе, равно как самый призыв <евразийства> к самопознанию, есть прямое обращение к востоковедению, на которое мы должны ответить и войти в <евразийство>, сделав ряд докладов о вост<очных> ли элементах нашей культуры или о наших азиатских соседях. Прежним родственным течениям типа славянофильского, самобытнического, именно этого и не хватало. В общем заседание было удачно...

Приятие революции, необходимость перерождения – это в <евразийстве> отталкивает наших правых. Левые рады приятию, но никак не могут согласиться с остальными в подчиненности политики и экономики духовному началу, о примате Церкви, о правде перед правом и т.д. и т.д., об отрицании заслуг Петра. Кстати, Т<рубецкой> на правах рукописи выпустил отповедь врагам <евразийства>, где отвечает на все их доводы⁴⁴. Помечено «сентябрь 1925», как раз, когда мы беседовали. Белое движение не отбрасывается, а отбрасывается его «гражданская часть», не ставшая на высоту жертвенного подвига военных. И белое и красное движение в глазах народа (это С<увчинский>) было революционным и он в некий момент (после падения Крыма?) признал большевиков за историческую власть. Все эти византийствования мне мало интересны. Я беру в <евразийстве> его призыв к познанию нашей азийской сущности.

18 ноября

(по прочтении Красновской
«Амазонка пустыни»⁴⁵)

Я сейчас подумал, как полезно было бы составить нечто вроде <евразийской> хрестоматии с выдержками из писаний об Азии, художественных образчиков. Чтобы дать с детства почувствовать биение особого темпа нашей жизни.

17 декабря

Я никак не могу растанцеваться, чтобы написать обещанную <евразийцам> статью «Иран, Туран и Россия». Очень это вопрос интересный, но нельзя топорно тупляпнуть. Читаю Browne'a⁴⁶.

Читаю даже в банке. Это не совсем честно, но что поделаешь, когда сердце тянет больше к изучению персидской психики, чем к рассмотрению ввоза в Египет сапожного инструмента. Переход резкий. Своего рода душ Шарко.

20 декабря

Не знаю, удастся ли мне написать для «<Евразийского> временника» об Иране, Туране и России. В том масштабе, о котором я думал, это очень большая работа, не по времени мне. Может быть, сделаю что-то вроде резюме?

25 декабря

Я очень занят Ирано-Тураном, дописываю последние страницы, но не совсем доволен, т. к. для такой темы нужно было бы серьезнее еще и глубже проникнуть в суть культурно-исторического мира Ср<еднего> Востока. А урывками это делать не так просто. Лишь бы не вышел первый блин комом.

Мысли бегут. А Чингис-хан и Каракорум? Евразийский контраст Акрополя? Я не знаю с уверенностью, что меня больше волнует: известные пейзажи Парижа, связанные с историческими моментами чужой (или общечеловеческой?) истории, или хватает за душу воспоминание о к<аком>-н<ибудь> моменте или лице в азиатском нашем раздолье? От Азии я, во вс<яком> случае, оторвать своего Я не могу и чувствую ложь, односторонность в рассудочной настроенности в отношении Запада. Корни мои не здесь! – Словом, юный скиф Анахалсис⁴⁷. Хотя и не юн и далеко не скиф. Если дано было бы продумать или, это крепче, прочувствовать ход развития культуры, не получился ли бы замкнутый круг? А этого инстинктивно боишься, хотя к этому и стремишься, но надеешься всегда на срыв в параболу, на отлет.

30 декабря

Из Władimir (почему?) d'Ormesson⁴⁸, статья в сегодняшней «Figaro» – «L'Appel a l'Esprit». Европ<ейская> цивилиз<ация> скомпрометирована войной. Чтобы понять большевизм и фашизм, нужно не упускать из виду, что они являются un effort de renouvellement⁴⁹. Только – «...l'âme russe, souffle d'Asie, pleine d'obscurités et d'excès, a procédé par l'anarchie et dans les ténèbres. L'âme italienne, souffle Latin, lumineuse comme la Méditerranée (ну, конечно) sa Mer, a procédé par l'ordre et dans la clarté... Et si la Russie européenne nous apparaît comme un hideux naufrage, qui nierait que la Russie, puissance d'Asie, ne va pas étendre jusqu'aux confins du monde une souveraineté spirituelle qui est peut-être son vrai destin?»⁵⁰

Уже начинают привыкать к мысли, что Россия больше Азия, чем Европа, не в смысле большей грубости, а как бы в силу особого ее призвания?

1926

4 января

В субботу у нас был П.П.Сувч<инский>. Он очень убежденно изложил мне свою схему социологически-религиозного подхода к большевизму, сумевшему-де затронуть струны сектантско-практических устремлений русского народа, к<отор>ый впервые ощутил что-то свое в этой власти, оторванной от наситенности, бывшей у

дворянства, так сказать кочевничьей, а следовательно, и организационной по-русски, т.к. россияне в оседлости разлагаются, а становятся практиками и организаторами в кочевничьей оторванности, в кажущемся анархичным устремлении. Так и эмиграция, поскольку она пробует бить большевиков государственно-подобными методами, стращать их тем, что у нее все уже заготовлено – и вождь, и армия, и министры, – нисколько им не страшна. Для пафоса, к<о>т<о>рый можно успешно противопоставить большевикам, нужно вдохновение сектантское, идущее внеюридическими путями, о правовых нормах не думающее. И т.д. и т.д. Все это очень занятно, но ведь это есть оправдание большевизма, сказал я. П.П.С<увчинский> не успел мне развить мысли своих, почему все же он призывает к борьбе с большевистским сатанинством. Пришел А.Н.Мандельштам⁵¹ и сразу стал нас вышучивать за союз с турками (которых он в свое время, в младотурецкую «весну»⁵² защищал горячо, но разубедился и разочарован за то еще, что прекрасные знания языка тур<ецкого> не дали доступа ему ни к какой богатой культуре, как это м<ожет> б<ыть> с Персией, арабами). Это то же, что сейчас продельывает Чичерин⁵³, анти-Локарно⁵⁴, с турками против Европы и т. д. Я указал ему, что это очень узкое понимание евразийства. Турки – османы, режущие армян, ведь это все-таки очень мало азиаты и очень много приемники византийцев. Взяв Константинополь, они прияли и заразу, там гнездившуюся. Суть туранства не в резне армян. К вопросу нужно подходить иначе, шире. И нельзя отрицать положительных свойств турецкого гения, давшего все же примеры строительства, как нельзя нам отречься от турецкой крови в наших жилах. В общем, смеясь, мы «помирились» на необходимости культурного сближения с Азией и на перспективах объединения вокруг нашего ядра всех азийцев по нашей периферии. Сувч<инский>, беседовавший с Урусовым, в его евразийстве разочаровался. Остается ведь один явственный монархизм, а евразийство желательно использовать как броскую идею, не проникаясь ее сущностью, ничего общего с монархическим началом (старого типа) не имеющей. Это Трубецкой в своей листовке-отповеди объясняет определенно (я ее дал А.Н.Манд<ельштаму>).

Не знаю, насколько искренне, но Сувч<инский> сказал, что прочел мой «Иран, Туран и Россия» и нашел очень интересным. Пошлет Труб<ецко>му. Увидим.

11 января

В воскресенье был у Pinon'a⁵⁵. В общем я вынес впечатление, что большевизм сейчас Pinon'a и тех, чьи мысли он выражает 2 раза в месяц в «Revue des deux Mondes»⁵⁶, не так пугает. Ils évoluent et d'ailleurs il est incontestable qu'ils ont bien compris cette chose que le parlementarisme ne convient pas pour gouverner la Russie⁵⁷. А в азиатской их политике они позволяют себе идти дальше (в национ<аль-

ном> смысле), чем старый режим. Ставка сейчас на *pausan enrichti*, к<отор>ый, *organiquement*, в одно прекрасное утро как-то должен оказаться у власти. *Il serait criminel de songer a une intervention. Il faut attendre l'évolution organique*⁵⁸, т.е. сходится приблизительно с точкой зрения Миллюкова.

Был я у Берля. Почему-то⁵⁹ он заинтересовался, евразиец ли я? Теперь больше, чем раньше. Это его заставило сморщиться. Увлекать Россию в Азию опасно! Но ведь Европа сама себя скомпрометировала во время и после войны. — Да, да; но если европейская цивилизация вышла «раненой победительницей», то виноваты в этом Вы, т.е. большевики. *Gauvain*⁶⁰ прав, и напрасно сердится на него *mon ami* Мандельштам — *nous connaissons une seule raison sociale — la Russie, nous ne pouvons pas vous dissocier des bolcheviks. Et puis; avouez que le bolchevisme c'est quelque chose de bien russe*⁶¹. Я возражил, что если нам, русской интеллигенции, не удалось совладать с событиями, то в неподготовленности нашей виновны не одни мы, а вся наша история. Да, Керенскому следовало летом 1917 г. повесить Ленина, я тогда говорил это одному русскому, к<отор>ый мне ответил: разве можно бить по своим союзникам слева, т.е. социализм Керенского не позволил ему занять нужную позицию в отношении большевизма.

Расстались с условием, что вскоре он зайдет под вечер в банк, чтобы захватить меня и вместе пройтись, занимаясь беседой, во время к<отор>ой я изложу ему евразийство как моральное и политическое учение. О первом можно много сказать, варьируя на тему о — *гнóти сэ аутón*⁶² — и о нравственном перерождении, главнейшем и единственном условии преодоления большевизма. Что касается политики, то тут, конечно, менее простора, да ведь она как объяснение евразийцев интересует меньше, чем сторона культурная. Можно и царя, но какого... можно и республику... но какую. Словом, сила не в этом, а в признании факта Азии в факте России. И напрасно Миллюков нас (я уже говорю нас!) обвиняет в антисемитизме. Я его не усмотрел. Впредь необходимо создать у народов Азии впечатление, уверенность, что мы их Европе ни за какие чечевицы не уступим.

14 января

Макс Шеллер⁶³ на бывшем недавно съезде в Берлине разбирал взаимоотношения между Вост<оком> и Западом. На Западе углубление в познании сил природы и подчинение их человеку, техника производства. На Востоке — углубление и познание души, нравственных сил, овладение, господство ими, техника души. И то, и другое: материализм безнравственного удовлетворения; нравственное удовлетворение, сосредоточение, в убогой матер<иальной> обстановке, вне технического прогресса — есть крайности. Дискуссия по докладу пошла по линии марксизма. Макс Адлер⁶⁴ горячо говорил о

том, что нет общего кризиса европ<ейской> цивилизации, а есть кризис буржуазии. Раньше она верила в прогресс, движение вперед подчиняло остальное; убедившись, что дольше не удастся ей одной пользоваться выгодами от прогресса, усомнилась в нем (дала Шпенглера, Кайзерлингга⁶⁵ и т. п.). Кантовская схема о прохождении сознания человечества через 3 последов<ательные> фазы – религиозную, философскую и научную, больше не обязательна. Можно быть одновременно и ученым и верующим (напр<имер>, Паскаль?⁶⁶). Тут же попадаетея мне упоминание о статье Кизеветтера об евразийстве⁶⁷. «Настроение, а не школа». Культурно Восток и Запад связаны. Нельзя отталкиваться от Запада и тянуть в Азию. Во многом законы развития одинаковы и т.п. «Прекрасная статья», говорят «Последние новости»⁶⁸. Конечно. Да и на мой взгляд не дурна, в том смысле, что старается понять евразийство, а не презрительно молчать. Если бы в евразийстве ничего не было, то гг. Милюковы и Кизеветтеры о нем не говорили и не писали бы. Считаю, что в этом и есть его заслуга – преувеличениями (согласен) своими, ярко размалеванным драконом, гримасничающей маской, – заставить тетеревов, уставившихся на один Запад, проснуться от токования о прелестях свободы личности, демократии, беспроводного телефона и подводного плавания и бросить взгляд за себя (я не прошу обернуться тылом к Западу), поразмыслить чуточку об Азии, с которой мы связаны не меньше (а много больше), чем с Западом. Это и будет выработка русского мирозерцания, которое нельзя строить, пригоняя его непременно к европейским образчикам.

26 января

У меня в банке был Сувч<инский>.

¹ Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) – лингвист, философ, идеолог и один из лидеров евразийства.

² Вернадский (Vernadsky) Георгий Владимирович (1887–1973) – историк, один из основоположников евразийства; сын академика В.И.Вернадского. Профессор Пермского и Таврического университетов (с осени 1918); после эвакуации осенью 1921 из Крыма с войсками барона П.Н.Врангеля жил в Константинополе, затем в Афинах. В марте 1922 переселился в Прагу, где стал одним из основателей Seminarium Kondakovianum – известного Кондаковского семинария, преобразованного затем в институт. С осени 1927 преподаватель, с 1946 профессор истории Йельского университета США. О влиянии евразийства на его историческую концепцию см.: Halperin Ch. J. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review. Fall 1982. Vol.41. №3. P.478; Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1985. Vol.36. P.55-194.

³ Сувчинский Петр Петрович (1892–1985) – музыковед, историк искусства, публицист; в эмиграции с 1920 (Берлин, Париж). Один из идеологов евразийства и координатор движения, от которого отошел чуть не последним.

⁴ Т.е. для «Евразийского временника» – неперiodического издания под редакцией П.Н.Савицкого, П.П.Сувчинского и кн. Н.С.Трубецкого.

⁵ Имеется в виду книга: *И.Р.* Наследие Чингис-хана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское кн. изд-во, 1925. Предназначалась для распространения в СССР. Под псевдонимом «И.Р.», согласно Н.М.Зернову, скрывался Н.С.Трубецкой (см.: *Зернов Н.М.* Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре. 1921–1972. Boston (Mass.), 1973. P.136).

⁶ Вернадская (урожд. Ильинская) Нина Владимировна (1884–1971) – жена Г.В.Вернадского. Закончила историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Москве. Занималась музыкой, пением. В эмиграции часто выступала в домашних концертах, в Праге пела в салонах Крамаржей и Масариков. Публиковала небольшие автобиографические рассказы и рецензии (см.: *В.* <Псевд.> В чужом пиру похмелье: впечатление русской о греческой революции // Возрождение. 1926. 24 сентября; *Lermontov in Russian Music // The Slavonic and East European Review.* Vol.XXI. 1943. P.6-30; <Рец. на:> *Rose N. Rubin and Michael Stillman (ed.). A Russian Song Book.* NY: Random House, 1962 // *Slavic Review.* Vol.XXII. №2. P.384-385).

⁷ *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре // *Евразийский временник.* Кн.4. Берлин, 1925. С.351-377.

⁸ Т.е. на Международной Парижской выставке прикладных искусств, открытой в июне 1925.

⁹ Здесь и далее все подчеркивания принадлежат В.П.Никитину.

¹⁰ Столпничество – род подвижничества; столпники – преподобные, подвизавшиеся на столпах. Подвиги стояния на столпе ради благочестия известны ранее IV в.; первый, прославившийся этим подвигом – Симеон Столпник.

¹¹ По-видимому, имеются в виду 5-я и 9-я симфонии Бетховена.

¹² По-видимому, речь идет о Петре Семеновиче Арапове (Аметистов), бывшем кавалергарде, принадлежавшем к левому крылу евразийцев. Многими в эмиграции обвинялся в том, что именно он, после тайной поездки в СССР, способствовал внедрению агентов ГПУ в евразийское движение. Погиб на Соловках.

¹³ Евлогий (в миру Василий Георгиевский; 1868–1946) – бывший архиепископ Волынский, назначенный Епископским Синодом в Сремски Карловцах главой Русской Православной Церкви в Западной Европе. В 1923 перенес свою резиденцию из Берлина в Париж.

¹⁴ Карсавин Лев Платонович (1882–1952) – историк-медиевист, философ и богослов. Выслан из России в 1922, жил в Берлине, профессор Русского научного института; после сближения с евразийцами в 1926 переехал в Париж, жил в Кламаре, где стал одним из теоретиков левого крыла евразийцев. К середине 1929 прервал сотрудничество с евразийцами. Профессор Ковенского университета в Литве с 1928, Виленского – с 1940. В 1946 уволен из университета, возглавлял Вильнюсский художественный музей. В июле 1949 арестован за антисталинские высказывания и осужден на 10 лет лагерей, где и погиб.

¹⁵ Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ, публицист. Родоначальник метафизики всеединства.

¹⁶ Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939) – литературовед, публицист, поэт, переводчик. В 1922–1931 доцент King's College Лондонского университета и Школы славистических исследований. В 1922 примкнул к евразийскому движению, член редколлегии газеты «Евразия». В 1931 вступил в Компартию Великобритании, затем принял советское гражданство и в сентябре 1932 вернулся в СССР. Арестован в июне 1937, погиб в заключении.

¹⁷ Ильин Владимир Николаевич (1890–1974) – богослов и философ. До 1917 изучал естествознание и философию в Университете св. Владимира в Киеве. В 1919 покинул Россию, преподавал богословие в Берлине и Православном Богословском институте в Париже.

¹⁸ Тихон, митрополит (Белавин Василий Иванович; 1865–1925) – московский патриарх, избранный на Московскую епархиальную кафедру 21 июня (8 июля) 1917 и председателем Поместного собора; вскоре возведен на Патриарший Престол. Под давлением советских властей в конце 1924 издал обращение к пастве, объявлявшее фактически примирение Русской Православной Церкви с Советской властью и содержавшее призыв к верующим «принять все происшедшее как выражение воли Божией». Текст «Воззвания», получивший название «Завещание Патриарха», был подписан патриархом Тихоном в день кончины, а опубликован 15 марта 1925, после его смерти, в газете «Известия».

¹⁹ Петр, митрополит Крутицкий (Полянский Петр Федорович; 1862–1937) – помощник патриарха Тихона в Патриаршем Синоде с конца 1923. После кончины патриарха Тихона возглавил Русскую Православную Церковь, в интервью газете «Известия» подтвердил подлинность «Завещания» патриарха Тихона. Вскоре выступил против обновленцев, 10 декабря 1925 арестован; расстрелян в Магнитогорске.

²⁰ Владимирцов Борис Яковлевич (1884–1931) – выдающийся русский монголовед, академик АН СССР (1929); Крачковский Игнатий Юлианович (1889–1951) – крупнейший русский арабист XX века; академик АН (1921). В ночь с 19 на 20 июля 1922 арестован ГПУ по обвинению в шпионаже в пользу Финляндии. Сидел в ДПЗ на Шпалерной, в подвальной камере-одиночке (Особый ярус, камера 68). В октябре 1922 ему объявили о высылке за границу или в Вятскую губ. Однако в январе 1923, после многочисленных обращений Академии наук, освобожден. Находился «под надзором» ГПУ. На протяжении 1930-х–1940-х годов неоднократно подвергался «проработкам» как «буржуазный» и «реакционный» ученый, но в 1951 г. за научно-популярную книгу «Над арабскими рукописями» удостоен Сталинской премии. О его аресте в 1922 см.: «Его отсутствие будет бедствием»: Письма в защиту репрессированных. Из следственного дела И.Ю.Крачковского // Источник. 1998. №2. С.51–56.

²¹ Святитель Николай, архиепископ Японский (в миру И.Д.Касаткин; 1836–1912), в течение более 50 лет возглавлял Русскую Духовную миссию в Японии; 10 апреля 1970 канонизирован Русской Православной Церковью; подробнее см.: Православие на Дальнем Востоке. Вып.2: Памяти святителя Николая, апостола Японии. 1836–1912. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996.

²² Г.В.Вернадский жил в это время в Праге.

²³ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, философ, публицист. Член ЦК кадетской партии, профессор Петроградского Политехнического института. Управляющий ведомством иностранных дел в правительстве барона П.Н.Врангеля (1921). Академик (1917). В 1928–1940 глава Русского научного института в Белграде.

²⁴ Урусов Лев Владимирович, князь – потомственный дипломат (отец – посланник России в Пекине), служил на Востоке, с 1917 вице-директор Экономического департамента МИД. Один из руководителей «саботажного движения» мидовцев в конце 1917, неоднократно арестовывался большевиками. Один из основателей и председатель Общества служащих МИД (ОСМИД; см. следующее примечание). Подробную характеристику его деятельности см.: *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М.: «Международные отношения», 1993. Кн.1. С. 436–438; Кн.2. С. 67–68.

²⁵ Аббревиатура Общества служащих Министерства иностранных дел (основано в 1917). После Второй мировой войны В.П.Никитин принимал активное участие в его деятельности, был вице-президентом. Многие документы Общества его последний председатель С.В.Жуковский передал Никитину, уезжая из Франции в СССР. Ныне хранятся в фонде Никитина в Бахметевском архиве.

²⁶ Минорский Владимир Федорович (1877–1966) – выдающийся русский тюрколог. Окончил юридический факультет Московского университета и Лазаревский институт восточных языков; любимый ученик А.Е.Крымского (см. прим.8 к п.11). С 1904 служил в МИД, в Персии и Турции. Первый секретарь и поверенный в делах посольства России в Персии. После 1917 на родину не вернулся, до 1919 жил в Персии, затем во Франции, где с 1923 читал лекции по истории персидской литературы в Национальной школе восточных языков. С 1932 преподавал в Школе восточных и африканских исследований при Лондонском университете, позднее в Кембридже, где и скончался. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. О его связях с советскими востоковедами см.: *Лавриненко Н.А.* Профессор Владимир Федорович Минорский и его переписка с советскими востоковедами // *Иран. История и культура в средние века и в новое время.* М., 1980. С.143–167; *Из эпистолярного наследия Владимира Федоровича Минорского / Вст. статья, сост. и комм. Дж. Дорри // Народы Азии и Африки.* 1990. №6. С.98–110; *Базиянц А.П.* Параллели, которые сходятся на родной земле (Гордлевский и Минорский) // *Восток.* 1991. №1. С.102–110.

Для характеристики Минорского и его места в российском практическом и научном востоковедении приведем письмо А.Е.Крымского министру иностранных дел Временного правительства П.Н.Милюкову от 13 апреля 1917: «Пользуюсь случаем обратить Ваше внимание на Персию и посольско-консульский состав. Газеты уже подняли травлю (особенно выделяется статья в “Утро России” около 8–9 апреля) и, к сожалению, большая часть нападок – справедлива: как человек, знающий подноготную Востока (одних моих учеников сколько там!), я принужден подтвердить, что наши дипломатические представители в Персии – и крупные, и мелкие – в значительной части совсем неудовлетворительны. Думаю, Вы и сами уже предприняли удаление Эттера; действительно, этот бездарно-невежественный человек, вредный и при старом режиме, еще более непригоден теперь. Вместе с тем обращаю Ваше внимание на того, кто мог бы не только его заменить, но

и вообще быть для Вас превосходным осведомителем по делам Персии, да и всего мусульманского Востока. Это секретарь миссии в Тегране Влад. Фед. Минорский. Широко образованный человек, чрезвычайно талантливый и богато одаренный от природы, он по окончании юридического факультета намечен был Гамбаровым для оставления по его кафедре; у нас, в Лазаревском институте, покойный академик Корш оставил его по персидской кафедре и много раз вместе со мною уговаривал его отдаться научной деятельности. Минорский, по живости темперамента, предпочел службу на Востоке, хотя в то же время издал и несколько ученых работ. Превосходно, в духе покойника Корша, владеет всеми восточными языками, он изездил Персию вдоль и поперек, знает ее, понимает ее. По убеждениям это человек кристальной честности и неподкупности; по политическим убеждениям он до революции был сторонником английского монархизма, теперь, быть может, и республиканец. Считаю своей нравственной обязанностью теперь, когда так мало людей, обратить Ваше сугубое внимание на Минорского». – ГАРФ. Ф. 579 (Милюков). Оп. 1. Д. 4792. Л. 1-2 (автограф).

²⁷ С 1922 Н.С.Трубецкой занимал кафедру славянской филологии в Венском университете.

²⁸ Леонов Леонид Максимович (1899–1994) – писатель.

²⁹ Цитата из «Тараса Бульбы» Н.В.Гоголя.

³⁰ Некора Леонид Сергеевич (1886–?) – арабист; окончил 1-ю Киевскую гимназию (1904) и специальные классы Лазаревского института (1908), побывал в научной командировке в Сирии и Египте; в 1908–1922 преподавал в различных средних учебных заведениях, в т.ч. с 1914 в Средней Азии; с 1922 в Москве, помощник проректора и преподаватель Московских Высших научно-педагогических курсов; с 1924 научный сотрудник 1 разряда восточной секции НИИ языка и литературы РАН ИОН; с 1926 научный сотрудник 1 разряда, председатель секции литературы Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока, председатель группы изучения ближневосточной литературы.

³¹ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – выдающийся русский историк античности, археолог; профессор Петербургского университета (с 1901), академик Российской Академии наук (1917); с 1918 в эмиграции, профессор Висконсинского и Йельского университетов США. Автор многочисленных работ по древней истории и археологии юга России, в том числе «Исследований по истории Скифии и Боспорского царства», «Государство, религия и культура скифов и сарматов», «Эллинизм и иранство на юге России», «Скифия и Боспор» и др.

³² Эту запись расшифровать не удалось. Возможно, имеется в виду «теза» – диссертация, а «Шупко» – искаженное, записанное со слуха, имя Надежды Евсеевны (Осиповны) Щупак (урожд. Штейнберг; 1886–1941) – известного французского санскритолога русского происхождения (о ней см.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1995. С.52-53, 120).

³³ Под названием «Иран, Туран и Россия» и с предисловием Н.С.Трубецкого статья опубликована в «Евразийском временнике» (Кн.5. Париж, 1927. С.75-120).

³⁴ Афанасий Никитин (год рожд. неизвестен – ум. 1474) – тверской купец, путешественник, писатель. В 1472, после трехлетнего пребывания в Индии, на обратном пути проехал через Тебриз к Трапезунду. Анализ его

знаменитого «Хожения за три моря» как литературного памятника посвящена статья Н.С.Трубецкого (Версты. Вып.1. Париж, 1926).

³⁵ *Пыпин А.* История русской этнографии. Т.1-2. СПб., 1890–1892.

³⁶ Как известно, апостол Фома проповедовал в Палестине, Месопотамии, Индии, Эфиопии и др.

³⁷ Несториане – христианская секта, называемая по имени константинопольского епископа Нестория (ум. ок. 451), однако история несториан начинается ранее его появления. Расходились с ортодоксальной христианской церковью в трактовке соотношения божественного и человеческого в Христе и критиковали учение церкви о «богочеловеке». В Персии со вступлением на престол Сасанидов – персидской династии III–VII вв. – положение христиан ухудшилось, они подвергались частым преследованиям, однако после разрыва с греческой церковью в V в. отношение к ним изменилось и христианские общины достигли цветущего материального положения. Образованные христиане служили при дворе. При императоре Маврикии во главе персидского посольства оказываются несторианские епископы. В XIV в., после нашествия Тимура, часть несториан ушла в горы Курдистана; часть осталась в пределах территории Урмийского озера. В 1898 несториане воссоединились с Русской Православной Церковью.

³⁸ Единственный дошедший памятник половецкого языка конца XIII – начала XIV вв., хранящийся в Библиотеке св. Марка в Венеции. В течение многих лет считалось, что он был якобы найден среди книг итальянского поэта и мыслителя Франческо Петрарки, оставленных им Венецианской библиотеке. Однако дальнейшие исследования показали, что в действительности книги Петрарки никогда не поступали в Венецию.

³⁹ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – языковед, археолог, историк; академик Петербургской Академии наук (1912), организатор и директор Яфетического института АН СССР (с 1921), директор Публичной библиотеки в Ленинграде (1924–1930). Известен многочисленными трудами в области истории и культуры народов Кавказа, археологии, этнографии, литературы этого региона. Автор известного «нового учения о языке» (яфетической теории), официально господствовавшего в советском языкознании до прошедшей в 1950 «дискуссии о языке», когда имя Н.Я.Марра «вычеркнули... точно его и не существовало» (*Абаев В.И.* Н.Я.Марр (1864–1934). К 25-летию со дня смерти // Вопросы языкознания. 1960. №1. С.90). Для В.П.Никитина идеи Марра, которого он называл «мой великий соотечественник», оставались актуальны на всем протяжении жизни; он посвятил ему статью «L'origine du langage, la théorie japhétique du professeur N.J.Marr» (*Ethnographie*. 1936. №32), а также две главы в своей книге «Les Kurdes et le Kurdistan: les oubliés de l'histoire» (Р., 1956), переведенной на русский язык и изданной в СССР в 1964 – «Яфетодологическая концепция автохтонного происхождения курдов» и «Теория профессора Н.Я.Марра о ездизме». Приводимые Никитиным этимологии Марра см.: *Марр Н.Я.* Об яфетической теории // Новый Восток. 1924. №5. С.303-339; *Марр Н.Я.* О числительных // Избранные работы. Т.3: Язык и общество. Л., 1934. С.246-306.

⁴⁰ Доклад князя Л.В.Урусова о евразийстве состоялся 16 ноября 1925 в Русском обществе изучения Востока; в прениях выступали В.П.Никитин, В.Н.Ильин, П.П.Сувчинский.

⁴¹ Зайцев Кирилл Осипович (Иосифович; 1887–1975) – экономист, историк, богослов, выпускник Петербургского Политехнического института.

Кадет. В эмиграции с 1920: приват-доцент, профессор Русского юридического факультета в Праге; в 1936–1938 профессор политэкономии в Харбине, затем принял сан и стал священником в Шанхае (архимандрит Константин). Сотрудничал в газете «Возрождение» у П.Б.Струве.

⁴² *danse macabre* – пляска смерти (*франц.*).

⁴³ Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – известный писатель народнического толка.

⁴⁴ Имеется в виду статья Н.С.Трубецкого «Наш ответ», в которой рассматривались расхождения между евразийцами и сменовеховцами.

⁴⁵ Роман известного казацкого атамана и писателя Петра Николаевича Краснова (1869–1947). Точное название: «Амазонка пустыни: У подножья Божьего трона» (Берлин, 1922 – 2-е изд.).

⁴⁶ Имеется в виду книга известного английского ираниста и собирателя рукописей Эдварда Брауна (E.G.Browne; 1862–1926) «A History of Persian Literature under Tartar Domination (A.D. 1265–1502)». – Cambridge, 1920.

⁴⁷ Правильно: Анахарсис – знаменитый у греков скиф, из знатного рода. По Геродоту (4,46 и 4,76), он отличался от обычных «диких» скифов и предпринял путешествие по Элладе, чтобы познакомиться с греческой культурой. Когда он хотел ввести у скифов почитание матери богов, с которым познакомился в Кизике, скифы его убили. Н.М.Карамзин, которого Никитин неоднократно вспоминает в своих письмах, называет себя Анахарсисом в «Письмах русского путешественника» (юный скиф, искатель мудрости).

⁴⁸ Wladimir d'Ormesson (1888–1973) – французский журналист и дипломат. Родился в Петербурге в семье французского дипломата. Писал по вопросам международных отношений для различных изданий Франции и Швейцарии. С 1934 ведущий внешнеполитической рубрики «Figaro». В мае 1940 назначен послом Франции в Ватикан, в октябре правительством Виши отозван; ушел в подполье; в мае 1945 снова назначен послом в Аргентину, затем в Чили, в 1948–1956 – в Ватикан. Автор многочисленных трудов по вопросам международных отношений.

⁴⁹ Попыткой обновления (*франц.*)

⁵⁰ «Русская душа, дыхание Азии, полная неясностей и чрезмерностей, рождается из анархии и в потемках. Душа итальянская, дуновение латыни, светлая, как Средиземное море, рождается из стройности и ясности. И если сегодня европейская Россия видится нам как страшная катастрофа, кто осмелится утверждать, что Россия азиатская не распространит по всему миру свою духовную мощь, что, может быть, и составляет истинное ее предназначение» (*франц.*).

⁵¹ Мандельштам Андрей Николаевич (1869–?) – востоковед и правовед-международник. Окончил в Петербурге ф-ты восточных языков и юридический. В 1917 директор Правового департамента МИД. В эмиграции сотрудник «Современных записок», «Еврейской трибуны» и др. Автор книг «Le sort de l'Empire Ottoman» (P., 1917), «La protection des minorités» (P., 1925), «La société des nations et les puissances devant le probleme armenien» (P., 1925).

⁵² Имеется в виду события революции 1908 в Турции, когда в результате свержения режима султана Адбул-Хамида II, восстановления конституции 1876 г. и созыва парламента к власти пришли лидеры младотурецкого движения (Энвер-паша и др.), исповедовавшие идеологию «оттоманского единства» (стремление превратить всех подданных Оттоманской империи в некую единую нацию оттоманов).

⁵³ Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – нарком иностранных дел СССР в 1918–1930.

⁵⁴ Локарнская система гарантий, принятая в октябре 1925, означала фактическое возвращение Германии в европейское сообщество, своего рода ревизию Версальского мирного договора, а для СССР – новую политическую и экономическую изоляцию. В этой ситуации началось сближение СССР и Турции, переговоры о расширении советско-турецкого договора 1921 года и системе гарантийных пактов между Турцией и Ираном, СССР и Ираном с обязательством о ненападении и взаимном уважении существующих границ. Советско-турецкий договор о ненападении и нейтралитете был заключен в декабре 1925.

⁵⁵ Pinon René (1870–?) – влиятельный французский журналист-политолог.

⁵⁶ Историко-литературный журнал, издаваемый в Париже с 1830 до настоящего времени.

⁵⁷ Они меняются, к тому же они несомненно поняли, что парламентаризм не подходит для управления Россией (*франц.*).

⁵⁸ ставка сейчас на разбогатевшего крестьянина, к<отор>ый органически <...> Было бы преступно думать сейчас об интервенции, необходимо ждать органической эволюции (*франц.*).

⁵⁹ Приписка Никитина на обороте листа: «5/1/39 “Почему-то” – вполне понятно. У Берля бывает Милюков, занявший критическую позицию против евраз<ийст>ва. Кроме того, евраз<ийст>во подозревается в антисемитизме (без оснований). Этот Берль из Alliance Israilite, чуть ли не Secrét<aire> Général и директор журнала “La Pais par le Droit”. Его племянник – Emmanuel <1892–1976> – известный журналист (одновременно создавал Magazine, к<отор>ую продал потом Paténôtre’u) и памфлетист. Gauvain писал в “Journal des Débats”, тоже изв<естный> журналист».

⁶⁰ Gauvain Auguste (1861–1931) – известный французский журналист-политолог.

⁶¹ ...мой друг Мандельштам – для нас существует лишь одно юридическое лицо – Россия, мы не можем отделять вас от большевиков. И потом, признайтесь: большевизм – явление очень русское (*франц.*).

⁶² познай самого себя (*греч.*).

⁶³ Шеллер Макс (1874–1928) – немецкий философ, сооснователь социологии знания, инициатор «философской антропологии»; профессор Кельнского университета.

⁶⁴ Адлер Макс (1873–1937) – австрийский философ и социолог, теоретик австромарксизма, деятель социал-демократической партии.

⁶⁵ Немецкие философы Освальд Шпенглер (1880–1936) и Герман фон Кайзерлинг (1880–1946) – представители так называемой «философии жизни», противопоставлявшей культуру как органическую целостность – цивилизации как проявлению механического и утилитарного отношения к жизни.

⁶⁶ Паскаль (Pascal) Блез (1623–1662) – французский математик, физик и философ.

⁶⁷ *Кизеветтер А.А.* Евразийство // Русский экономический сборник (Прага). 1925. №3. С.50-64.

⁶⁸ Рецензию «Н.К-га» на указанную статью А.А.Кизеветтера см.: Последние новости. 1926. 14 января. С.3.

ПИСЬМА
В.П.НИКИТИНА Г.В.ВЕРНАДСКОМУ

1

9 июня 1924
5, rue François Gérard, XVI. Paris

Многоуважаемый Профессор!

Позволю себе обратиться к Вам по следующему поводу. В беседе с одним приятелем я говорил о том, что в русской изящной словесности нету (или их слишком мало) произведений, в которых бы чувствовалось увлечение идеей русской экспансии. Настроение, подобное тому, которое Вы ощущаете, читая, скажем, у Кипплинга про Хартум, где героя рассказа охватывает атмосфера боевых действий Англии, ее воля к проникновению в дальние страны. Называют это модным словом империализм, подходя к нему главным образом с политической точки зрения, тогда как тут есть что-то естественное и больше нежели политика, понимаемая как определенная программа действий правительства. Кипплинговское настроение пускает корни куда-то глубже, в сознание (или подсознание), толкающее с силой инстинкта англичан в их мировой распространенности. – В задачи нашей литературы углубление и прославление подобных чувств не входило. Почти все в этой области нашего стихийного распространения не приходилось ко двору либеральной идеологии, охотно смешивавшей национальное действие с реакцией, русификацией и т.п., тогда как удобные ярлычки эти вовсе не применимы ко всем явлениям нашего продвижения по всем румбам¹, из которых меня как восточника интересует прежде всего направление в Азию.

Мысли эти, вероятно, были вызваны евразийством, хотя в нем они затронуты вскользь и под несколько другим углом. Во время беседы мой приятель вспомнил, что он в 1915 г. читал Вашу статью «К солнцу» в «Русской Мысли»², где именно чувствовался пафос русского устремления в края более привольные, на почву щедрую и нетронутую. Проявление здорового национального инстинкта находит оценку в этой Вашей статье.

Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы не отказали мне в ответе и указаниях как относительно точной даты Вашей статьи, так и тех произведений, которые освещают интересующую меня тему. – Прошу извинить меня и принять уверение в совершенном почтении.

В.Никитин

¹ Т.е. по всем направлениям; румб – направление (от наблюдателя) к точкам видимого горизонта относительно стран света.

² Имеется в виду одна из самых ранних опубликованных работ Г.В.Вернадского «Против солнца. Распространение русского государства к Востоку» (Русская мысль. 1914. Январь. С.56-79); более подробно о дореволюционных корнях евразийства Г.В.Вернадского см.: *Алеврас Н.* Начала евразийской концепции в раннем творчестве Г.В.Вернадского и П.Н.Савицкого // Вестник Евразии. 1996. №1(2). С.5-17.

2

16 июля 1924
Maison Grimault, rue Courbuisson
Samois S/S (S. & M.)

Многоуважаемый Профессор.

Я очень Вам благодарен за письмо и содержащиеся в нем указания на литературу вопроса об экспансии. Не все, но многое можно здесь найти. В частности, в Географическом об<щест>ве русский отдел составлен довольно полно. Я в этом убедился в пр<ошлом> году, когда нашел там понадобившиеся мне «Записки» Иркутского, Тифлисского, Екатеринбургского отделов Р<усского> И<мператорского> Геогр<афического> Об<щест>ва, столь ценные для уяснения отношений наших с инородцами. Знакомясь с этими преинтереснейшими материалами здесь, во Франции, я поневоле задумывался о том, как в сущности нереально поставлено было наше востоковедение. Нас пичкали многим обязательным по истории ислама в чужих краях и это, конечно, не бесполезно. Но разве не много крат нужнее и непосредственно ближе было бы точное ознакомление с тем исламом, который у нас дома, рядом, и играл такую крупную роль в историческом нашем развитии. Мне кажется, что евразийцам следовало бы уточнить эту сторону вопроса или во всяком случае привлечь на нее внимание. Все это прекрасно – говорить о сродстве, о расовой близости нашей и азиатов, об евразийском мире как особой зоне и т.п. Но ведь за всеми этими словами кроются вполне реальные отношения наши и с кавказскими народами, и с киргизами, башкирами, туркменами и т.д. и т.д. Отношения далеко не всегда благодушные, несмотря на действительную психологическую близость. Как вычеркнуть все земельные захваты, миссионерскую политику?

Я был бы Вам очень обязан, между прочим, за сообщение мне справки, священник ли Флоровский-евразиец¹ или нет? Я написал статью для одного франц<узского> журнала об евразийцах² и мне

не хотелось бы ошибиться в указаниях о некоторых авторах. Я даю мой дачный адрес, где пробуду до 12 августа.

С совершенным почтением

В.Никитин

Р.С. Привожу имена припоминающихся авторов, далеко не равноценных, у которых можно найти отзвуки темы об экспансии:

Кавказ – Пушкин, Лермонтов, Марлинский, Толстой, Н<емирович>-Данченко³; Ср<едняя> Азия – Каразин⁴, Апрелева⁵; Сибирь – Мамин-Сибиряк, Гребенщиков⁶; Башкирия – Аксаков⁷; Крым – Пушкин, Марков⁸, А.Толстой; НовоРоссия – Данилевский⁹.

В народном эпосе борьба со степью, позже с татарами, Ермак отражены ярко. Особенно украинские думки и казачьи песни терцев.

С почтением В.Н.

¹ Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) – историк, богослов, философ и историк культуры; приват-доцент Новороссийского университета, в 1920 эмигрировал в Прагу. В 1926–1939 профессор Православного Богословского института в Париже. В 1948–1955 профессор Семинарии св. Владимира в Нью-Йорке, профессор Гарвардского университета.

² См.: *Nikitine V. Les Eurasiens // L'Asie Française. 1927. №247. P.60-66; №248. P.101-107.*

³ Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936) – писатель, родился и в детстве жил в Тифлисе. Автор книг «Беспросветная глушь (Люди и природа южного Кавказа)» (СПб., 1894), «Дагестанские захолустья» (СПб., 1894), «Царица Тамара» (Ч.1-3. М., 1901) и многих других, посвященных Кавказу и его истории.

⁴ Каразин Николай Николаевич (1842–1908) – писатель, художник. Служа в армии в 1860-е годы, участвовал в военных действиях в Хиве, Бухаре, Коканде; вел топографические съемки в Семиречье, обследовал окрестности Верного и озера Иссык-Куль. Как художник многократно работал в Средней Азии, в т.ч. участвовал в Амударьинской экспедиции Географического общества (1874). Автор книг «На далеких окраинах» (СПб., 1875), «Погоня за наживой» (СПб., 1876), «С севера на юг» (СПб., 1875) и др.

⁵ Ардова-Апрелева Елена Ивановна (1846–1923) – писательница, сотрудничала в различных журналах, в том числе в «Семья и школа», где напечатала свои «Очерки Восточной Сибири» (1871. №1, 2), а также в газете «Русские ведомости», где публиковались ее путевые очерки по Средней Азии.

⁶ Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1883–1964) – прозаик, автор этнографических очерков и двухтомника «В просторах Сибири» (Пг., 1913–1915).

⁷ Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) – писатель, см. его «Семейную хронику» и «Воспоминания» (М., 1856).

⁸ Марков Евгений Львович (1835–1903) – писатель, с 1865 директор Симферопольской гимназии и народных училищ Таврической губернии, ав-

тор книг «Берег моря» (СПб.; М., 1880), «Очерки Крыма» (СПб., 1872), а также «Очерки Кавказа» (СПб.; М., 1887), «Россия в Средней Азии» (Т.1-2. СПб., 1901) и др.

Данилевский Григорий Петрович (1829–1890) – прозаик, первый переводчик украинских сказок (Из Украйны. Сказки и повести. СПб., 1860), автор многочисленных очерков украинской культуры и истории; его книга «Украинская старина» (Харьков, 1866) удостоена Уваровской малой премии в 1868.

3

4 августа 1924
5, rue François Gérard, XVI

Многоуважаемый Георгий Владимирович¹.

Очень Вам благодарен за поддержание переписки с таким дилетантом, как я. Разрешите отрекомендоваться. Никитин Василий Петрович, восточник, лазаревец², бывший чин Мин<истерства> ин<о-странных> дел, служил в Персии, последнее мое место пребывания там – Урмия, где был консулом. Всегда чувствовал и до сих пор продолжаю влечение к научным занятиям, но жизнь отталкивала в сторону. Первым и решающим толчком был отказ Латышева³ принять меня на стипендию в Ист<орико>-филол<огический> инст<и-тут>⁴, чему мешал факт окончания Лазаревского института. Здесь, уже в эмиграции, делал тоже неудавшиеся попытки. Между прочим, и у чехов, которые собирались открывать в Праге что-то востоковедное. Единственное реальное предложение я имел во Львовский унив<ерситет>, но условия были крайне шаткие. Я знаю совсем прилично польский яз<ык>, т.к. родился в Польше и гимназию кончал в Варшаве. Знаю также болгарский, а сейчас пришлось заниматься сербским и начинаю с ним осваиваться. Если прибавить к этому знание европ<ейских> языков, то получится перечень языковых средств работы довольно внушительный, но товар этот имеет мало спроса, и я вынужден работать в одном французском банке в ожидании лучшего. Конечно, парижская интеллектуальная атмосфера, обилие обществ, изданий, библиотек компенсирует много, особенно когда с течением времени (я с женой здесь уже с июля 1919 г.) образуется круг знакомых. Я имею в виду не русскую среду. От нее отошел после принятия слишком сильной дозы политики в Исполн<ительном> комит<ете> б<ывших> членов Учр<едительного> собр<ания>, где я был секретарем юридич<еской> комиссии и где близко видел всю эту стряпню. Так вот относительно французской среды меня, конечно, ближе всего интересуют восточники. Случайно, впрочем, знакомясь и вообще с пишущей братией. Статью об евразийстве, на-

например, я написал для некоего Henri Massis'a⁵. Это из т<ак> наз<ываемых> неокатоликов. Молодой еще человек, но уже имеющий имя в критике. Один из редакторов «Revue Universelle», ежемесечника, по составу редакции с правым уклоном. Тут сейчас очень интересуются всем, что касается Азии и способов ее восприятия или противодействия ее захвату. В плоскости интеллектуальной. Сам H. Massis скоро выпускает IV том своих критических статей философ<ско>-литер<атурного> содержания (под общ<им> загл<авием> «Jugements»), где специально касается проблемы, поднятой Шпенглером. Об евразиазах он ничего не знал и просил меня дать ему материал, что я и сделал, выбрав из 4-х первых книг <<Евразийского временника>> наиболее характерные статьи и снабдив маленьким введением и заключением. Последнее касается судеб русского востоковедения, русской восточной политики, которая для нас ведь не только вне России, но и внутри ее. Кроме Massis'a один индианист, R. Guénon, написал Orient & Occident⁶. Тревожит азиатская опасность и одного чисто католического писателя Maritain⁷. Потешно, как они все, люди очень тонкие и культурные, далеки от того реального подхода к Востоку, который доступен только нам одним. Я говорю про писателей, не про востоковедов, проживших на Востоке. Хотя и у этих их европейство есть помеха прочувствованию Востока. Книжно, теоретически они, может быть, в некоторых отраслях сильнее нас, но психологически мы несомненно живее и непосредственнее чувствуем и можем передать это «чувство Востока», будучи сами полуазиатами. И в этом смысле я примыкаю к евразийской идеологии, которая, впрочем, настолько еще расплывчата, что может допустить к себе людей очень разных. Помню, после первой же книжки я написал Трубецкому. Он мне ответил, но на том мы и остановились. Знаю я, что Савицкий – экономист, б<ывший> политехник⁸, и его теории мне интересны тем, что я их сближаю со здешними идеями школы géographie humaine. Ее теперешним главой является проф<ессор> Brunhes⁹, милейший и очень живой, которого понапрасну какие-то политиканствующие инородцы-студенты, издающие какой-то «Orient» в Праге¹⁰, приписали к врагам России. Сужу так по передовице «Посл<едних> Нов<остей>», разбиравшей их первый №. Если Вы встречаетесь с Савицким, спросите его, знаком ли ему труд Brunhes & Vallaud La Géographie de l'Histoire¹¹. Если не ошибаюсь, Brunhes не оригинален, а продолжает немца Ратцеля¹², но его понимание географии меня очень увлекает.

Большое спасибо за указания на литературу. Этих работ Фирсова¹³ я не знаю. Но читал здесь статью-отчет Катанова о поездке в Уфимскую губ.¹⁴, где кое-что о насильном обращении в православие, колонизации и т.п. Скоро должна выйти книжка «Revue du monde Musulman»¹⁵, посвященная судьбам мусульманских народов России от их завоевания до сегодня. Я для нее обрабатывал мате-

риалы гл<авным> обр<азом> исторической части, а написана она неким пр<офессором> Castagné¹⁶, французом – прожившим более 20 лет на восточных окраинах России, где он учительствовал, и, на мой взгляд, сильно обрусевшим, так что и во Франции наш русский налет с него не сходит. Правда, женат он на оренбургской казачке.

Я буду очень рад, если переписка наша не замрет и с интересом жду от Вас письма, в к<оторо>м, может быть, посвятите меня несколько ближе в евразийские настроения русской среды в Чехии.

Крепко жму руку.

В.Никитин

Дачу я покидаю на днях, почему даю опять парижский адрес.

ВН.

¹ На письме имеется помета Г.В.Вернадского: «Сообщ<ено> Савицкому. Ответ 21/8 24».

² Т.е. окончивший Лазаревский институт восточных языков в Москве – привилегированное учебное заведение, готовившее чиновников всех рангов для дипломатической карьеры в Закавказье, странах Ближнего и Среднего Востока. Создан в 1848 на основе Армянского училища Лазаревых. В 1918 переименован в Лазаревский Переднеазиатский, в 1920 преобразован в Армянский институт и Центральный институт живых восточных языков, а в 1921 – в Московский институт востоковедения, который пребывал в здании Лазаревского института (Армянский переулок, д.2) до 1924. С 1954 часть Московского института международных отношений. Подробнее см.: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.

³ Латышев Василий Васильевич (1855–1921) – филолог-классик, эпиграфист, историк. Выпускник и директор Историко-филологического института (см. следующее примечание). Академик Императорской Академии наук (1893). Представитель так называемой «национальной» школы античников (Г.Ф.Церетели, С.А.Жебелев и др.), противостоявшей «западной» (Ф.Ф.Зелинский, М.И.Ростовцев и др.).

⁴ Высшее закрытое учебное заведение в Петербурге, с 1875 – Императорский институт. Создан в 1867 для подготовки учителей русского и древних языков, словесности, истории, географии для гимназий Министерства народного просвещения и других ведомств, содержавших в институте своих стипендиатов. Студенты института жили на полном казенном содержании. По его окончании выпускники получали звание учителя гимназии и свидетельство, приравненное к университетскому диплому.

⁵ Massis Henri (1886–1970) – французский литературный критик; основатель, главный редактор (1920–1936) и директор (1936–1944) журнала «La Revue Universelle». Известен своими правыми политическими взглядами, соратник Ш.Мораса, один из идеологов «интеграционного национализма».

⁶ Женон Рене (R.Guénon; 1886–1951) – французский востоковед-индолог, специалист в области индийской философии. Его книга «Orient et Occident» опубликована парижским издательством «Payot» в 1925.

⁷ Маритен (Maritain) Жак (1882–1973) – французский философ, в доме которого в Медоне проходили встречи русских и французских интеллектуалов, интересовавшихся православной церковью и ее философией личности (Н.Бердяев, Э.Мунье и др.).

⁸ Савицкий (псевдоним: Востоков) Петр Николаевич (1895–1968) – экономист, социолог, географ, искусствовед. Окончил, а затем преподавал на экономическом факультете Петроградского Политехнического института. Ученик П.Б.Струве. В 1917 служил в русском посольстве в Норвегии. В годы Гражданской войны участник Белого движения, служил в штабе П.Н.Врангеля. После эмиграции в Болгарию технический редактор журнала «Русская мысль». В 1921 вместе с Н.С.Трубецким возглавил евразийское движение. Вскоре переехал в Прагу. С 1922 доцент Русского юридического факультета и преподаватель Русского народного университета в Праге. На протяжении 10 лет редактировал евразийские издания и выступал в них по вопросам геополитики и экономики. Автор теории «кочевниковедения». В мае 1945 после освобождения Праги от немецких войск арестован СМЕРШ; обвинялся в организации и участии в «контрреволюционном движении евразийцев с целью свержения советской власти и уничтожения коммунистической партии». ОСО при НКВД СССР 20 октября 1945 осужден по ст.58-4,11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Отбывал срок заключения в пос. Явас (Мордовия). Освобожден 7 апреля 1955 по отбытии срока. В 1956 реабилитирован, вернулся в Прагу. Вновь арестован в 1961, в сентябре приговорен к 2,5 годам заключения. После вмешательства многих деятелей культуры (Б.Рассел и др.) освобожден по «амнистии» в мае 1962.

⁹ Брюн Жан (Brunhes Jean; 1869–1932) – ведущий представитель французской антропогеографии, изучавшей взаимодействие человека и окружающей среды. С 1907 заведующий первой кафедрой антропогеографии в Европе в Лозанне (Швейцария), в 1912 получил аналогичное приглашение в College of France. Автор «Human Geography» (1910) и «Human Geography of France» (2 vol., 1920–1926).

¹⁰ Журнал «L'Orient libre» издавался в Праге с 1924 Союзом студентов-эмигрантов Восточной Европы.

¹¹ Книга издана в Париже в 1921.

¹² Ратцель Фридрих (1844–1904) – немецкий географ, этнограф и социолог; профессор Лейпцигского университета. Основные исследования посвящены изучению взаимодействия и взаимовлияния человека и окружающей среды. Ведущим фактором развития человеческого общества считал природную среду; из различия физико-географических условий делал вывод о культурной неравноценности различных народов.

¹³ Здесь трудно установить, имеются ли в виду труды историка, профессора Казанского университета Николая Николаевича Фирсова (1864–1933) или его отца, также историка Алексея Николаевича Фирсова (1831–1896); оба историка посвятили немало исследований проблемам колонизации русского Востока. Отметим, что в 1930 в Казани Н.Н.Фирсов опубликовал рецензию на книгу евразийца Э.Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв.» (Белград, 1929), см.: Труды Общества изучения Татарстана. 1930. №1. С.179-180.

¹⁴ Катанов Николай Федорович (1862–1922) – языковед, этнограф, тюрколог, ученик В.В.Радлова; профессор Казанского университета и Духовной

академии. Родом из енисейских тюрок, вырос в христианско-миссионерской семье, что наложило глубокий отпечаток на его научную и особенно преподавательскую деятельность, миссионерский стиль которой вызывал отчуждение местных студентов. Упомянутая статья стала одним из результатов поездки Катанова в районы с тюркоязычным населением летом 1897–1898, см.: Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1898 г. в Белебеевский уезд Уфимской губ. // Ученые записки Казанского университета. 1900. Кн.7/8. С.1-30; 1901. Кн.3. С.1-76.

¹⁵ Регулярное издание, освещавшее все стороны жизни мусульман от Атлантики до Индийского океана; издавалось в 1906–1926 в Париже, опубликовано 66 томов. В эти годы выходило под редакцией Л.Массиньона (см. прим.16 к п.13).

¹⁶ Кастанье (Castagné) Жозеф-Антуан (1875–1958) – французский востоковед-любитель, широко известный этнографическими, археологическими и историческими сочинениями. Жил в России с 1899, сначала на Кавказе, потом в Оренбурге, где постоянно печатался в изданиях Оренбургской ученой архивной комиссии. С 1912 в Ташкенте, сотрудничал и был членом Туркестанского кружка любителей археологии и Туркестанского отдела Русского географического общества. После 1917 выполнял «отдельные» поручения французского МИД. В годы революции и Гражданской войны оставался в Средней Азии и Казахстане; пережил неоднократные обыски, попытку ареста и обвинения в антисоветском заговоре, после чего скрывался в горах, а затем в сентябре 1920 вместе с французскими военнопленными выехал во Францию. Многие считали его агентом французской и английской разведок с дореволюционных времен, однако никаких подтверждений этому до сих пор не обнаружено. Описание событий Гражданской войны в России публиковал сначала в «Revue du monde Musulman» в серии под общим названием «Le bolchevisme et l'Islam» (1922. V.51), а затем издал в виде книг в 1925 – «Les musulmans et la politique des soviets en Asie centrale» и «Les Basmatchis: Le mouvement national des indigenes d'Asie Centrale depuis la Révolution d'octobre 1917 jusqu'en octobre 1924». Эти книги положили начало среднеазиатской советологии на Западе. Деятельности Кастанье посвятил немало места Ю.О.Домбровский в книге «Хранитель древностей».

4

21 декабря 1927
5, rue François Gérard, XVI

Дорогой Георгий Владимирович,

Посылаю Вам, пользуясь Вашим любезным согласием, статью о Ср<едней> Азии, возможно более сжатую и, на мой неопытный взгляд, американистскую. Был бы очень Вам обязан, если бы Вы ее пристроили и открыли т<аким> обр<азом> дверку в к<акой>-н<и>-будь> америк<анский> журнал.

У нас пока без особых сенсаций, если не считать тьякванья о к<аких->т<о> буддийских миллионах и т. п. чепухе. Было одно интимное заседание по установлению контакта с эрдеками¹ вне митинговой атмосферы (П.П.Гронский, Тимашев²); поговорили по душам³, это не бесполезно. Как Вы видите по газетам, «папаша» Милюков³ всегда в своих докладах отмечает наши успехи и сожалеет о нашем окаянстве, когда мы расходимся с демократией. В России данная фаза евразийства, по-видимому, выступает гл<авным> обр<азом> в облики устряловщины⁴. Мы продолжаем наши еженедельные собрания. Выступал у нас пр<офессор> Марр, доложивший о своей яфетической теории⁵. Многие считают это фантастикой, но я думаю, что следует смотреть серьезнее на эту попытку генетического изучения языка. Во вс<яком> случае, он большой энтузиаст и хотя его изложение не всегда ясно, но очень увлекательно. Л.П.Карс<авин> начал очень интересно разбирать марксизм, но, к сожалению, отъезд его в Ковно прервет это изложение. Я делал доклад о «турецком опыте»⁶, т. е. попробовал уяснить, что такое кемализм⁷, причем нашел у него кое-что общего с демотизмом. На днях удалось мне прочесть «Историю Византии» Дилия⁸. Она кратко излагает основные черты, но, как все его, написана талантливо. Какой абсурд и нелепица, думалось мне, что наше школьное преподавание совершенно игнорировало Византию, как и Азию, из-за чего наша «историческая память» получилась ложно направленной. Кстати, хотя это история искусства, но очень существенно: можете ли Вы мне дать к<акие->н<и-будь> указания о куполе? Я все ведь ищу свои иранские влияния в России и, по-моему, купол – Иран (Фирузабад; Сервистан; позже мечети – Голубая в Тавризе и Вераминская), Армения, Византия, – этими этапами пробрался к нам?

Жена и я шлем Вашей супруге и Вам наилучшие пожелания к Р<ождеству> Хр<истову> и Н<овому> Г<оду>.

Ваш ВПН.

¹ Эрдеки – члены Республиканско-демократического объединения, созданного в 1924 на основе милюковской Парижской демократической группы партии народной свободы.

² Гронский Павел Павлович (1883–1937) – юрист, приват-доцент Петроградского университета, член ЦК кадетской партии. В годы Гражданской войны помощник начальника управления внутренних дел денкинской администрации. В эмиграции преподавал в Париже, Ковно (Литва); Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970) – социолог и правовед, публицист. Профессор Петроградского Политехнического института (1916–1920). С 1921 в эмиграции, с 1923 жил в Праге, преподавал на Русском юридическом факультете; с 1927 в Париже, преподавал во Франко-русском институте; с 1936 в США, преподавал в Гарварде и др. университетах.

³ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, председатель ЦК кадетской партии с 1907. Министр иностранных дел Временного правительства (март–май 1917). В эмиграции один из самых влиятельных политиков, редактор парижской газеты «Последние новости» (1921–1940).

⁴ Устрялов Николай Васильевич (1890–1937) – правовед, философ, общественный деятель. Приват-доцент Московского университета (1916–1918); кадет. В годы Гражданской войны служил при правительстве адмирала А.В.Колчака; издатель газеты «Русское дело». В 1920–1934 профессор университета в Харбине, а также сотрудник советских учреждений КВЖД. Главный идеолог «национал-большевизма». Считал, что идеология большевизма издавна присуща русскому национальному сознанию, а потому интеллигенция должна сотрудничать с новой властью, побуждая ее к демократическим реформам, которые и приведут к созданию в России нового культурно-государственного типа. В 1935 вернулся в СССР; в июне 1937 арестован и вскоре расстрелян.

⁵ В 1927 Н.Я.Мартр находился во Франции для чтения курса грузинского языка в Национальной школе живых восточных языков.

⁶ См.: Работа Парижской группы евразийцев // Евразийская хроника. 1928. №10. С.71.

⁷ Имеется в виду политика Мустафы Кемаль-паши (Ататюрк; 1881–1938), первого президента независимой Турции – светской национальной буржуазной республики, созданной в результате национально-освободительной революции 1918–1923. Характерными чертами его деятельности стало укрепление политической системы страны на основе власти единой партии, борьба с религиозно-культурной традицией, духовенством, а также европеизация страны.

⁸ Charles M. Diehl (1859–1944) – выдающийся французский византист, историк искусства и археолог, член Парижской Академии надписей и изящной словесности (1910), иностранный член-корреспондент АН СССР (1925), профессор Сорбонны (1889–1934).

5

3 апреля 1928
5, rue François Gérard, XVI

Дорогой Георгий Владимирович.

Никогда в голову мне не приходило обижаться. Наоборот, я Вам сердечно признателен за интерес, проявленный к моей попытке. Обстоятельства сложились, однако, так, что когда я получил Ваше письмо с моей рукописью, то мне было совершенно не до статьи, т.к. я три битых недели возился с гриппом. А когда выкарабкался из него я, то Лаура Леандровна¹ в свою очередь захворала и тоже в тяжёлом порядке. Я очень беспокоился, т.к. в пр<ошлом> году при операции ее простудили и она болела воспалением легких. Только теперь, наконец, мы с ней оправились, да и погода, слава богу, к

весне повернула. Так я упустил и возможность, на которую сильно рассчитывал, поговорить с Ростовцевым при его проезде через Париж. Что касается статьи, то она сейчас у Малевского², и он думает, что ему удастся ее пристроить. Признаться, мне лень было ее переделывать. Я предпочитаю написать другую какую-нибудь статью совсем на другую тему, когда освобожусь от очередных работ, и тогда позволю себе опять прибегнуть к Вашему любезному посредству. Это, однако, не может быть раньше осени. Сейчас я буду занят обработкой двух, если и не всех трех докладов, которые решил подготовить для Междуна<р>одного конгресса ориенталистов, имеющего быть в августе в Оксфорде. Мне вряд ли удастся лично принять в нем участие, как бы заманчиво этот ни было, но доклады пошлю и надеюсь, что они войдут в «Труды» конгресса. Один из докладов на специально курдскую тему, тексты из животного эпоса, я намерен осветить в духе яфетической теории пр<офессора> Н.Я.Марра, с которым во время пребывания его здесь несколько раз очень хорошо, по душам, побеседовали. Несмотря на все недоверие к нему, особенно здешних лингвистов, я лично считаю, что его взгляды, как бы революционны они не казались, воспитаны на господствующей школе и таят в себе, несомненно, массу ценных возможностей. Впервые делается попытка вскрыть происхождение и развитие языка в увязке с экономической и социологической жизнью человечества. Этот своеобразный и неожиданный в данной сфере «исторический материализм» методологически сулит много открытий, особенно если к нему присоединить: 1) науку о значении слов, семасиологию, т.е. анализ значений по функциям предмета, по мировоззрению и т.п. и 2) языковую палеонтологию, т.е. обновление древнейших слоев в языках ныне существующих. Я начинаю ориентироваться в этой области и хочу практически приложить ее к курдскому яз<ыку>, на что всячески меня побуждал и Марр.

Будучи определенно натурой разбрасывающейся (единственное извинение, что все же это разбрасывание имеет стержнем Азию), перехожу от яфетической теории к истории Китая. У меня есть большой и старый друг в Пекине, к<отор>ый в одном из посл<едних> писем своих упрекал евразийцев в незнании Китая. И без того я давно собирался хоть одним глазом посмотреть в этот мир, но письмо было последней каплей. Взятся я за Китай пока что не в масштабе специального труда, а в рамках общей теории Азии, и добрался сейчас до монгольского периода. Я считаю, что влияние Турана является как бы объединяющим звеном между нами и Китаем; я никак не предполагал, что Туран так сильно влиял на китайский исторический процесс и что даже этнически есть туранская доля. С другой стороны, ярче выступила для меня и живая связь его с Индией, а через нее собственно и с средиземноморским кругом культуры, что хорошо видно особенно в искусстве. Словом, очень поверхностное

и первоначальное знакомство с Китаем лишает его характера замкнутости и «непохожести», как об этом думали раньше. В каком положении Ваша история Евразии³ и как Вы ощущаете взаимоотношения Китая с остальным миром? Это есть, по-моему, одно из доказательств значительной роли кочевников в культуре, о чем Вы уже говорили.

Наш привет Вашей супруге и Вам. Крепко жму руку.

Сердечно Ваш ВПН.

¹ Жена В.П.Никитина, француженка по национальности; Никитины обвенчались в России в 1910 г.

² Малевский-Малевич Петр Николаевич (1891–1975) – евразиец, бывший полковник; двоюродный брат мужа Зинаиды Шаховской С.С.Малевского-Малевича.

³ Речь идет о работе над книгой «Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени» (издана в Берлине в 1934).

6

29 апреля 1928

5, rue François Gérard, Paris XVI

Дорогой Георгий Владимирович.

Выяснив отсутствие элемента обиды в наших отношениях, построенных на началах, таковую исключаящих, переходим к очередным вопросам. Их три: Китай, Марр и Персия.

Китай, т. е. Китай в плоскости Евразии. Как раз вчера во вновь здесь образовавшемся Росс<ийском> об<ществ>е изучения междуна<родных> вопросов нам делал доклад Игорь Павлович Митрофанов, один из б<ывших> чинов нашего мин<истерст>ва, 14 лет живущий в Китае¹. Он перебрал все моменты русско-кит<айских> отношений: Кит<айский> Туркестан определенно тяготеет к нам и никто не сумел д<о> с<их> п<ор> занять образовавшуюся там пока пустоту, в смысле экономическом, за неспособностью сейчас России удовлетворять нужды этого края (от себя добавляю: постройка Туркестано-Сиб<ирской> ж<елезной> д<ороги> – еще больше притянет этот край к нам, уже и без того органически сродный с нашей Ср<едней> Азией по своему этническому и религ<иозному> содержанию; характерно, что после отвоевания белыми китайцами Кантона и террора, ими учиненного, кит<айский> консул в Семипалатинске сделал заявление в смысле совершенной его десолидаризации с подобными выступлениями; это значит, что мы – хотя бы и

под большев<истским> покровом – начинаем создавать в Кит<айском> Турк<естане> определенные настроения и формировать известную политическую клиентэлу. Тут, по-моему, необходимо дать остро почувствовать русскому сознанию политико-географическую сущность этого края; именно тут проходит одна из артерий, по которой происходит обращение между Сев<ерной> Индией (т.е. вассальных Кашмиру владений – Хунза, Нагар, Читраль) и юго-западом Китая. Я читал (и писал о ней в «Верстах»²) очень показат<ельную> в эт<ом> отнош<ении> книгу англ<ийского> консула в Кашгаре Etherton'a (In the Heart of Asia)³; мне сдается, что с того времени (т.е., с 1923 г.) положение изменилось в пользу (большевицкой) России, утвердившейся в этом краю. Мы должны очень четко рисовать себе в сознании карту этих мест, где проходит как бы некий исторический «шов»: это, с зап<адной> стороны Памира, язычок Вахана, принадле<жащего> Афганистану, а с вост<очной> стор<оны> это упомянутое владение Хунза. В течение столетий по тамошним перевалам проходили и сейчас проходят караваны, вместе с товарами провозившие и идеи, устраивавшие, не умышленно и надуманно, а естественно, обмен между культурными мирами Индии и Китая. На мой взгляд, это есть первая ласточка, по которой проходит исторический процесс Евразии, в котором то пассивно, то активно (вспомним историю Якуб-бека Кашгарского в 70 г.⁴) мы участвуем.

От Кит<айского> Тур<кестана> М<итрофанов> перешел к Монголии и констатировал, что в настоящий момент она фактически входит в Сов<етский> Союз, т.е. в этом направлении соврем<енная> русск<ая> дипломат<ия> пошла дальше царской, соблюдая в то же время те же предосторожности, например, в смысле ж<елезно>д<орожного> строительства, отдавая себе отчет, что России опасно содействовать ж<елезно>д<орожному> пути Кяхта – Урга – Калган, который был бы прежде всего обеспечением китайского переселенчества, стихийно и без того движущегося в этом направлении, но сдерживаемого естественной границей (Евразии и Китая), проходящей по Гоби. Два привеска Монголии: западный, Урянхай, ныне Танну-Тувимская республика, Урга не хочет знать и ориентируется на Россию; восточный – Барга и Хулун буир – подпавший под кит<айскую> власть в лице Цицикара. В общем, в Монголии политически мы выиграли, экономически – баланс не в нашу пользу, но М<онголию> мы должны ценить гл<авным> обр<азом> как резерв и пополнение молочного скота, сильно потрепанного у нас революцией. Да, вспоминаю еще о Кит<айском> Турк<естане>: там, оказывается, на границе Тибета имеется самая высококачеств<енная> шерсть, к<отор>ую мы, будь мы экономически на это способны, можем без труда монополизировать. Для евразийского азиесозерцания существенно помнить, и тут вторая засечка, как политика Пекина при манджурах Минг умело вела дипломатию, противопоставляя

монголов восточных, Халха, чингизхановцев – монголам западным, элеутам. Был момент уже в истории Евразии, когда монголы колебались, чье главенство признавать: Москвы или Пекина, но склонились к последнему. Остается Манджурия. Тут, увы, Россия сейчас не выигрывает, а все время теряет; большевики утрачивают все позиции на Кит<айско>-Вост<очной> ж<елезной> д<ороге>, идет ожесточенная борьба ж<елезно>д<орожных> тарифов между Дайреном и Владивостоком как центрами притяжения товарообмена и, что существенно, японское ж<елезно>д<орожное> строительство, пересекая веерообразно (основание веера в Дайрене) кит<айско>-вост<очную> магистраль, грозит ее совершенно лишиться той роли, к<отор>ую она была призвана играть. Доклад М<итрофанова> был интересен и полезен, как видите, но я не согласен с ним в одном. По его мнению, от «красного» влияния не останется следов; это пена, налет. По моему мнению, все рабочее и крестьянское движение современного Китая проходит под влиянием русской революции; тут важно не его идеологическое содержание, за к<оторы>м, конечно, Китай может обращаться (и обращается) к другим источникам, но организационный принцип, несомненно заимствованный у Москвы и Москвою сформированный. В ответе мне М<итрофанов> указал, что Китаю знакома организация и что гильдии есть типично-китайское явление. Прекрасно, возразил я, но вы забываете, что гильдии построены на принципе сотрудничества работодателя и рабочих, тогда как современные и рабочие и крестьянские синдикаты в К<итае> исходят из принципа классовой борьбы. Словом, конечно, К<итай> – богатейшая и для нас крайне существенная тема. Что касается «засечек», то третьей из них является, разумеется, Манджурия, самое больное место и в силу русского там отступления (Русское Чикаго – Харбин, все больше китаизируется административно) и в силу <?>⁵, наша позиция в М<аньджурии> определяет всю почти сущность нашей тихоокеанской проблемы: Владивосток, Амур, Уссури, – все это неразрывно связано с М<аньджурией>. Отмечаю еще одну экономич<ескую> черточку. По словам М<итрофанова>, Вост<очная> Сибирь не может обойтись без манджурского хлеба. Мне же пришлось констатировать факт постепенной колонизации Север<ерной> Манджурии китайским населением, бегущим от гражд<анской> войны; против 3 милл<ионов> населения в 90-х гг. там сейчас уже 25 милл<ионов>. Если этот темп будет продолжаться, то я не вижу, как мы остановим дальнейшее расплескивание китайской народной массы уже на нашей территории, ибо ведь здесь мы не прикрыты никакой пустыней Гоби? Япония нам фактически менее страшна, т.к. она колонизирует Ю<жную> Манджурию и не людьми, а капиталом; кроме того, она жизненно зависит от нашей доброй воли в разрешении вопроса о «рыбалках». Яп<онский> посол в П<етер>б<урге> Мотоно⁶, спустя несколько лет после Портсмута⁷,

когда шли переговоры о рыболовной конвенции, заявил будто бы: «Мы готовы отдать Вам обратно Артур и Дальний, лишь бы сговориться о рыбных промыслах». Прежде, чем оставить Китай, даю адрес Петра Авксентьевича Рогальского, моего друга и очень чуткого наблюдателя: Mr Pierre Rogalsky c/o Banque Russo-Asiatique, Pékin. Он корреспондент интересный, но не без странностей; иногда может молчать полгода, чтобы затем разразиться посланием на многих страницах. Имейте это в виду, хотя, конечно, первое письмо он Вам напишет в сроки приличные, раз Вы сошлетесь на меня. Я думаю, ему будет приятно войти в контакт с евразийцем по ту сторону Тихого океана.

Марр меня очень интересует, даже несмотря на совершенно отрицательное к нему отношение Трубецкого⁸, пробывшего тут неделю. Это «научнообразный бред», выдвинувшийся сейчас в России по причинам далеким от науки (близость Марра, полугрузина, к Сталину) и т.д. Мне кажется, что ортодоксальным лингвистам, каковым является Т<рубецкой>, трудно иначе отнестись к новаторству типа марровского, окончательно и решительно ломающего всю обязывавшую нас теорию. Я, грешный, к счастью не ортодоксальный лингвист, предвзятости лишен (вульгарнее – теорией языка мало занимавшийся, неуч в этой области). Подходя с общей культурно-исторической концепцией и проверяя марровские взгляды современными достижениями в области примитивной психологии (Lévy-Bruhl, *état prélogique*⁹, раскрывающей механизм мышления на первых ступенях культуры) и социологии (Sir Frazer¹⁰, о тотемизме и кланах, развитии семьи), я не могу так просто отмахнуться от Марра. Мне, к сожалению, не удалось поговорить с Трубецким по душам, мы все встречались на людях, но от Марра я получил его курс по яфетической теории, читанный в Баку¹¹, и жду дальнейших присылок и обмена с ним мыслей. Труб<ецкой>, м<жду> пр<очим>, прочел нам очень содержательный доклад о том, как он мыслит науку при идеократическом строе; как всегда, однако, – *la critique est aisée, l'ass<ertion> est difficile*¹² – критическая часть доклада, анализ положения науки в демократии, была лучше части конструктивной, в кот<орой> мне не все представлялось ясным. Думаю, что доклад этот Вы прочтете в «Евразийской» Хронике, либо в другом к<аком>-н<ибудь> нашем издании. Пора перейти и к Персии, а то места не хватит.

Отвечаю по пунктам, как Вы спрашиваете.

В Персии я первый раз побывал в 1909 г., как раз когда на Тегеран шли – с севера Сепакдар с рещтскими федаями, а с юга – бахтиары, с Сардар Асадом и Самсам-ус-Салтане, т.е. когда был свержен Мемет-Али-шах¹³. Рекомендую Вам всячески прочесть книгу пр<офессора> Брауна о перс<идской> революции¹⁴ и корректировать его односторонность книгой очень хорошего и трезвого наблю-

дателя, сотрудника «Times»а, Frazer'a (Persia and Turkey in Revolt)¹⁵. Английские bluebook'i и наши «оранжевые» книги¹⁶ также дадут Вам факты для оценок.

Морган Шустера¹⁷ я не знал, но впечатление у меня вполне определенное: он совершенно не желал или не умел разбираться в реальной конъюнктуре интересов в Персии, а действовал нахрапом, этакое, знаете ли, «неглиже с отвагою», на которое Россия только и могла реагировать ультиматумом. У американцев есть эта черта, сказал бы – наивность, действовать так повсюду, будто они у себя имеют дело с индейцами и будто именно им, американцам, все ясно и понятно. Подобным поведением (он, может быть, все еще считал себя находящимся на Филиппинах, откуда приехал в П<ерсию>?) М.Ш<устер> испортил все, по существу хорошее, дело финансового оздоровления П<ерсии>, особенно, когда уперся на назначении Стокса нач<альни>ком финанс<овой> жандармерии (Стокса я знал лично; это русофоб и англо-индиан чистейшей воды, что не помешало нам подружиться после совместной работы в 1918 г.). Книга М.Ш<устера> есть ценный человеческий документ прежде всего и только после дает кое-что о положении в П<ерсии>. Он, конечно, не мог знать того, что узнал и я лично только позже: наличность двух политик России в Персии того времени: (1) мин<истерство> ин<о-странных> дел, строго соблюдавшее все договора и обязательства касательно изгнанного шаха; (2) придворная, поддерживавшая en sourdine¹⁸ возвращение его и ставившая на реакцию. О том, что происходит сейчас в П<ерсии>, я писал в последней «Хронике»; новым является теперь натянутость отношений с Англией по вопросу о Бахрейне и «Imperial Air Ways» (Персия не даст права пролета); Англия пробует создать ряд затруднений и в Лурестане, где недавно убит был мин<ист>р общ<ественных> работ, и в Курдистане, куда направлены хорошо мне знакомые курдские вожди Симко¹⁹ и др. для поднятия восстания. Миллеспо (читали Вы его книгу «My Task in Persia»?²⁰) ушел, т.к. при возобновлении контракта ему не пожелали продлить тех полномочий, к<отор>ые он считал необходимыми для своей работы; отмечу, м<ежду> пр<очим>, что его правая рука, некто MacCormack, к<отор>ый вел в 1925 и 1926 продовольст<венную> компанию, внес сильное расстройство (перерасход 5 милл<ионов> думанов!) в кассу и улетел из Т<егерана> вовремя; этого госп<оди>на, до войны показывавшего в Ю<жной> Африке «гризли», я встречал в Париже. Фин<ансовыми> сов<етни>ками действительно приглашены немцы, из них знаю пока одну фамилию – Lindenblat (еврей?), в директора Национ<ального> банка. Жел<езную> дорогу будут строить американцы в компании с немцами, англич<ане> и франц<узы>, но это строительство еще в стадии одних только опытов, как и сталелитейное производство в Семнате, с этим связанное. Всегда рад отвечать на вопросы о Персии, за коей слежу.

Лаура Леандровна и я шлем Нине Владимировне и Вам дружеский привет.

Ваш ВПН.

¹ Митрофанов Игорь Павлович – бывший 2-й секретарь миссии в Пекине (1914–1917). Убит бомбой в Берлине в ночь на 24 августа 1943.

² «Версты» – главное периодическое литературное издание евразийцев, издавались под редакцией П.П.Сувчинского, кн. Д.П.Святополка-Мирского и С.Я.Эфрона, в 1926–1928 гг. вышло три номера; здесь опубликована единственная статья В.П.Никитина: «По Азии» (Вып.3. Париж, 1928).

³ Книга Перси Томаса Этертона (1879–?) издана в Лондоне в 1925.

⁴ Якуб-бек Кашгарский (Якуб-бек, Мухаммед Якуб-бек; 1820–1877) – правитель государства Джетышаар («Семиградье») в Восточном Туркестане. По национальности таджик. В 1864 участвовал в военной поддержке Кокандом народного восстания в Восточном Туркестане в районе Кашгара против маньчжуро-китайского государства, после чего узурпировал власть в Кашгаре и начал завоевание других городов Восточного Туркестана. Захватив в 1870 Урумчи, провозгласил создание самостоятельного государства Джетышаар и стал его правителем, нося титул Аталик гази Бадаулет («Защитник веры и счастливцев»). Играя на противоречиях между Великобританией, Россией, Турцией в Центральной Азии, пытался укрепить свое государство, которое, однако, сразу после его смерти было уничтожено в 1878 Цинским Китаем.

⁵ Одно слово не расшифровано.

⁶ Мотоно Ичиро (1862–1918) – японский посол в России (1906–1916), с осени 1916 министр иностранных дел Японии.

⁷ Портсмутский мирный договор 23 августа (5 сентября) 1905 года завершил Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Подписан в США С.Ю.Витте и считался его крупной дипломатической победой. По договору Россия уступила Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, южно-маньчжурскую железную дорогу и южную половину Сахалина.

⁸ О резко отрицательном отношении Н.С.Трубецкого к новациям Н.Я.Марра см.: N.S.Trubetzky's Letters and Notes. The Hague; Paris: Mouton, 1975. P.74-75 и др.

⁹ Леви-Брюль (Lévy Bruhl; 1857–1939) – выдающийся французский философ и психолог. Автор теории первобытного, дологического мышления (état prélogique). О связи идей Леви-Брюля и Н.Я.Марра см.: *Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра*. М.: «Лабиринт», 1997. С.30-31, 35.

¹⁰ Фрезер (Frazer) Джеймс Джордж (1854–1941) – английский фольклорист и историк религии.

¹¹ Упомянутый курс, изданный под названием «Яфетическая теория» (Баку, 1928), в течение многих лет был единственным составленным самим Н.Я.Марром изложением основ нового учения о языке.

¹² Критиковать легко, утверждать трудно (*франц.*).

¹³ После свержения шаха в Персии была восстановлена Конституция 1906–1907 гг. и образовано временное правительство во главе с Сепехдаром.

¹⁴ См.: *Browne E.G. The Persian Revolution of 1905–1909*. Cambridge, 1910.

¹⁵ Корреспондент «Times» в Тегеране Дэвид Фрезер был также ее спецкорреспондентом во время Русско-японской войны и написал ряд книг о роли России в восточной политике (A Modern Campaign; or War and Wireless Telegraphy in the Far East. L., 1905; The Strategic Position of Russia in Central Asia. L., 1907).

¹⁶ Имеются в виду официальные правительственные документы, парламентские доклады и т. п.

¹⁷ Морган Шустер (Shuster William Morgan; 1877–1960) возглавлял группу американских финансовых советников, приглашенных в Персию в мае 1911 правительством Сепадара (миссия Шустера), которым меджлис предоставил самые широкие полномочия в финансовой сфере (контроль над всеми финансовыми операциями, концессиями, займами, поступление налогов, составление государственного бюджета и др.). Деятельность Шустера, особенно усиление его военной силы за счет организованной им финансовой жандармерии, насчитывавшей более 10 тысяч человек, вызвали недовольство России, предъявившей Персии ультиматум, и вскоре Шустер был изгнан. Написанная об этих событиях книга М.Шустера «The Strangling of Persia: A Story of European Diplomacy and Oriental Intrigue That Resulted in Denationalisation of twelve million Mohammedans» (N.Y.: The Century Co, 1912) выдержала много переизданий.

¹⁸ втихомолку, под сурдинку (*франц.*).

¹⁹ Курдские вожди Симко, прежде всего Исмаил-ага Симко, в течение четверти века играли главнейшую роль в антиправительственных движениях иранских курдов, попеременно используя разную иностранную помощь и влияние.

²⁰ Миссия Мильспо – американская финансовая миссия в Иране (1922–1927) во главе с экономическим советником Государственного департамента Артуром Мильспо (Millsprague Arthur Chester; 1883–1955) имела столь же широкие полномочия по реформированию иранской финансовой системы, как в свое время миссия Шустера. Однако в результате разногласий с правителем Ирана Реза-шахом Мильспо вынужден был уехать, а его место, но с гораздо более узкими правами, заняли в апреле 1928 германские советники. Упомянутая книга Мильспо издана в 1925 (N.Y.; L.)

7

16 июля 1930
Le Richebourg, la Fenillie (Seine Inférieure)

Ваше письмо, дорогой Георгий Владимирович, было переслано мне сюда, на «дачу». Ставлю это слово в кавычки, как следовало бы, по-моему, делать в 99 случаях из 100, когда мы употребляем наши, русские слова, органически связанные с определенными понятиями, вызывающие четкие образы, не имеющие ничего общего с окружающей нас чужой обстановкой, чужим добром, чужой средой. Я никогда не буду в состоянии понять людей, ратующих за выработку и распространение международного языка. Не только по соображе-

ниями чисто физиологическим, благодаря которым мы все, говоря на к<аком>->н<ибудь> волапюке, будем произносить его по-своему, в тональной инструментовке, нам свойственной, но гл<авным> обр<азом> в силу той нравственной сущности, словесной оболочкой для кот<орой> является каждый данный язык. Я очень хорошо могу постигнуть умом, дав ему соответственную тренировку, что слово «мать», например, по своему фонетическому составу звучит одинаково во всех индоевроп<ейских> языках. Но чувством я воспринимаю это понятие только в родном мне звуке. Все же остальные звуковые выражения того же понятия, якобы сходные, меня оставляют совершенно равнодушным. Вы мне возразите – я с Вами согласен, поскольку Вы имеете в виду словарный запас выражений, очерчивающий весьма тесный круг понятий, вращающихся около семьи, рода, мож<ет> быть, отчества, словом – быта самодовлеющего, замкнутого и самоудовлетворенного. Все же прочие слова, подразумевающие выход из этого тесного круга, соприкосновение с чужим бытом, лишены способности вызывать эти эмоции, делающие данный язык Вашим родным языком. – Совершенно верно. Автомобиль, телефон и телеграф + аэроплан и дирижабль есть лишь звуковые сигналы, перенесение линейного языка, языка жестов, в чисто языковую, звучащую сферу. Чувств они у меня никаких не вызывают, но ведь для образования подобного международного языка никаких специальных усилий и не требуется, он создается сам собой и являет этим наглядный, живой пример т<ак> наз<ываемой> глоттогонии¹, о кот<орой> нам говорят ученые лингвисты. И тут же, однако, необходима оговорка: только создав родное нам слово «летчик»², мы как бы усыновляем, вводим в наш круг, слово аэроплан. Или – в другой плоскости – мы, русские, понимаем индийское слово «ахимса»³, потому что для нас «непротивление злу» – не чужое понятие. – Простите меня, что заболтался на тему, к<отор>ая может быть интересна гл<авным> обр<азом> для таких горе-языковедов, как я, хотя, конечно, в ней заключаются и соседят с нею вопросы, заселяющие Ваши исторические улусы. Когда я стал писать Вам, то мысли, к<отор>ыми хотел обменяться, ничего общего с филологией не имели, а теперь пора кончать. Итак, прежде всего, очень рад, что Вы совершенно, по-видимому, акклиматизировались у дяди Сэма (о к<оторо>м здесь сейчас все больше пишут и спорят, не без таланта, как, н<а>пр<имер>, в книге Duhamel «Les Scenes de la vie future» – теперешняя америк<анская> жизнь, к<отор>ую он прокликает большим проклятием, как говорят арабск<ие> хроники). Большое спасибо за отгиск⁴. Я думаю, что Ваше предположение правдоподобно. Несториане меня практически очень близко занимали в Урмии, где наша миссия, Кирилло-Мефод<иевское> братство, не будь войны, всех бы восприяла (вместе с их горными, в Тур<ецком> Курдистане, братьями) в лоно Правосл<авной> Церкви, но где сейчас они все

почти исчезли. Несколько тысяч уцелевших от катастрофы живут частью в Мессопатамии, где ими очень занимаются англичане (теперешний патриарх, юноша лет 18, учится под крылышком Архиеп<ископа> Кентерберийского), частью в России. В историческом же разрезе их роль крайне любопытна. Был момент, при Сасанидах, когда Персия стояла на распутье и чуть было не стала нестор<ианской> державой; весь бюрократ<ический> аппарат был нестор<иане>, верн<ее> – языково-арамейским, чем так затрудняется чтение среднеперс<идских>, т<ак> наз<ываемых> пехлевийских текстов, в к<оторых> семитские графемы выражают иранские понятия (опять язык!) – т.е. – написано «ляхма» (мясо), читай – «гушт» (то же, но по-персидски!). Любопытно, что если на Д<альнем> Востоке от нестор<ианст>ва осталось одно воспоминание (синоарам<ейская> стэла VII в.), то некоторые черты его усматриваются у некоторых тайных кит<айских> обществ, играющих сейчас такую роль в крестьянском движении. Привлекаю Ваше внимание на очень интер<есные> статьи об историч<еских> методах Покровского в примен<ении> к Востоку в посл<едних> №№ «Нового Востока»⁵.

Привет Вам обоим.

Искренне Ваш ВПН.

¹ Процесс языкотворчества.

² Легенда о том, что слово «летчик» ввел в употребление поэт Велимир Хлебников, ныне считается несостоятельной (см. комментарии В.П.Григорьева и А.Е.Парниса в книге: *Велимир Хлебников*. Творения. М., 1986. С.677).

³ Санскритское слово, обозначающее «отказ от причинения вреда»; основополагающее понятие в джайнизме, буддизме, индуизме, ставшее известным на Западе в XIX в. благодаря А.Шопенгауэру; возродилось в индуизме западнического толка и в движении за независимость во главе с М.Ганди.

⁴ Возможно, речь идет о статье: *Вернадский Г.В.*: Note sur les vêtements sacerdotaux du patriarche Nikon // *Orient et Byzance*. 1930. Vol.4. P.412-415.

⁵ Одним из основных стержней концепции внешней политики России, проводимой известным историком и председателем президиума Коммунистической академии Михаилом Николаевичем Покровским (1868–1932), было представление о борьбе за торговые пути как магистральной линии международных отношений. Раскрытию этой идеи в произведениях Покровского на восточном материале были посвящены статьи А.Е.Ходорова «М.Н.Покровский и изучение Дальнего Востока» и В.И.Гурко-Кряжина «М.Н.Покровский и изучение истории», опубликованные в журнале «Новый Восток» (1929. Кн.25. С.1-28, 29-46).

23 декабря 1937
29, rue George Sand, XVI

Многоуважаемый Георгий Владимирович!

Благодарю за память. Приятно было убедиться, что Пушкина чествовали и у Вас. В переводах Петрункевича есть очень удачные места¹. Я не думал, что можно по-английски передать так точно и с тем же ритмом. Ваш доклад сжато дает все нужное и известное нам о Пушкине². Его отношения с декабристами, освещенные Вами, со-служили между пр<очим> большую службу одной моей знакомой, к<отор>ая готовит докторскую «тезу»³ о влиянии франц<узской> револ<юции> на Россию.

Посылаю Вам одновременно с этим несколько оттисков. Серьезно чем-нибудь одним заняться мне трудно, т.к. я все продолжаю тянуть ляжку в банке. Внимание дробится поневоле, мозги устали. Когда все же удосужусь, работаю по двум линиям: историко-филологической (в этой плоскости большим удовлетворением является переписка с одним молодым курдоведом в России⁴, а также участие в недавно образовавшемся здесь Société d'Etudes Paléoméditerranéennes, где в разрезе топонимии палеозоологии и т.п. раскрываются кавказо-баскские связи и получают свое подтверждение неко-т<орые> провидения Н.Я.Марра) и политико-экономической. В последней сейчас очень крупное место отводится сев<еро>амер<и-канской> политике в отнош<ении> Д<альнего> Востока. Выйдет ли она из своего «изоляциялизма» или предпочтет торговать с Япо-нией?

Если у Вас есть свободный экз<емпляр> Вашей работы о русской экспансии⁵, был бы за присылку крайне признателен. Жена и я шлем Надежде Влад<имировне>⁶ и Вам наши наилучшие пожела-ния к Н<овому> Году.

Жму Вашу руку.

В.П.Никитин

¹ Петрункевич Александр Иванович (1875–1964) – зоолог; сын пред-седателя ЦК конституционно-демократической партии И.И.Петрункевича; близкий знакомый Г.В.Вернадского. С 1903 жил в США. Профессор Йельского университета; президент Connecticut Academy of Arts and Sciences (1932–1946). Известен также как поэт, философ, изобретатель и фотограф. В 1898 опубликовал перевод на русский язык поэмы «Манфред» Дж. Г. Байрона (под псевдонимом Александр Ян-Рубан); в 1899 – первую книгу своей поэзии «Песни любви и печали». Перевел на английский «Слово о полку Игореве» (1919). Упомянутые переводы Пушкина см.: Pushkin Centennial

Meeting. Translations of Songs // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. Vol.33. 1937. P.1-17.

² *Vernadsky G. Pushkin and His Time // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. Vol.33. 1937. P.18-36.; см. также: Pushkin and Decembrists // Centennial Essays for Pushkin. Cambridge, 1937. P.45-76.*

³ Т.е. диссертацию.

⁴ Речь идет об Арабе Шамоевиче Шамилове (лит. имя: Арабэ Шамо) (1897–1978) – известном ученом-курдоведе и писателе, имевшем весьма колоритную биографию. Курд по национальности, он родился в селе Сусуз Карсской области. В 1917 стал членом РСДРП(б); в мае арестован за участие в революционных выступлениях. В годы Гражданской войны воевал на Северном Кавказе. В 1920–1921 зав. секретно-оперативным отделом Азербайджанской ЧК в г. Куба, затем учился на турецком отделении Московского института востоковедения (1921–1922), в те же годы выполнял «отдельные поручения» ВЧК в Москве. Затем отозван на Кавказ, в 1924–1931 инструктор по работе среди нацмен ЦК КП(б) Армении. Инициатор создания и один из авторов курдского алфавита. С 1930 в Ленинграде, студент Комвуза им. И.В.Сталина (1930–1931). В 1931–1932 доцент ЛИЛИ/ЛИФЛИ (курдский яз.), одновременно учился там же. С 1933 аспирант Государственной академии истории материальной культуры под руководством академика Н.Я.Марра. В 1933–1934 старший научный сотрудник сектора языкового строительства НИИ национальностей СССР, в августе–сентябре 1933 организатор и глава экспедиции этого института в населенные курдами области Армении, Азербайджана и Грузии для изучения быта, экономики и создания единого литературного языка курдов СССР. Арестован в январе 1937, позже последовали еще аресты. В 1948 находился в ссылке в Чердыни (Молотовская обл.); в заключении (с перерывами) до 1953 или 1954. Впоследствии жил в Армении. Изданная в 1935 в Тифлисе автобиографическая книга Шамилова «Курдский пастух. Курды Алагеза» была переведена В.П.Никитиным на французский язык, затем на курдский и издана в Бейруте.

⁵ *Vernadsky G. The Expansion of Russia // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. Vol.31. 1933. P.391-425.*

⁶ Имеется в виду жена Вернадского – Нина Владимировна.

9

1 июня 1948
7, rue Boileau, Paris XVI

Дорогой Георгий Владимирович.

Простите за запоздание с ответом, но я хотел одновременно подтвердить получение книги «Russia», к~~отор~~ую теперь имею и спешу принести Вам самую искреннюю благодарность за присылку этого ценного и прекрасно изданного труда! В обедневшей Европе книги издаются плохо, чуть ли не на газетной бумаге. Будучи сейчас очень занят своим докладом для Конгресса, читать Ваш труд смогу

только в августе, на каникулах в Бретани, что усугубит приятность времяпрепровождения. Но еще теперь должен Вас поблагодарить за указание в Вашей богатейшей библиографии моей скромной работы по переводу Гапановича².

Относительно уйгуров, по наведенным справкам, последнее, что в этой области издано, эта книга Беренштама «Экон<омическая> и социальная история тюрков Орохона и Енисея в VI–VIII вв.». Изд<ательство> Акад<емии> наук СССР, Москва, 1946 г.³ Если узнаю еще что-нибудь на эту тему, не премину сейчас же вас уведомить. У нас тут, между прочим, имеется один молодой ориенталист, венгерец Шинор⁴, к<отор>ый обещал мне поискать в своих *archives*⁵ нужные указания. Он подающий большие надежды ученый, как раз недавно делал доклад в Soc<iété> Asiat<i>que>⁶ о чувашском языке, открывающий новые перспективы. Это еще не марровские «Чуваши-яфетиды на Волге»⁷, но как будто уводит нас в глубокую старину и вскрывает языковые слои, до сих пор ни кем не изведенные. Я очень сожалею, что Вы в этом году не соберетесь в Европу. Даст Бог, выживу до будущего года, тогда увидимся. Эта старческая нотка Вас, может быть, удивит, но ведь мне стукнуло уже 63 года, а годы оккупации сильно нас всех тут подкосили. Я надеюсь, что на съезд придут и американцы, хотя не знаю, кто у них заменил покойного ираниста Jackson'a, с к<оторы>м я имел удовольствие познакомиться в 1928 г. в Оксфорде, где он был председателем во время моего доклада. Ничего не поделаешь, старшее поколение от нас понемногу уходит. Так 5/5 неожиданно скончался мой друг, проф<ессор> <Тадеуш> Ковальский, тюрколог и арабист Краковского университета, секрет<арь> Польской Акад<емии> Наук, от рака. Его, беднягу, немцы с другими профессорами посадили в концлагерь около Берлина, где, конечно, подорвали его здоровье. Я его видел ведь, заходил по пути в Анкару, куда ездил для восстановления связей с турецкими коллегами. Его работы, между пр<очим>, касались интересующего нас вопроса о половцах (язык к<оторы>х спрашивал у караимов). Все это наводит на грустные размышления о жестокой нелепости войны, порывающей все научные связи, губящей культурные ценности, восстановление к<оторы>х не всегда возможно. Так ведь, например, немцы уничтожили немало польских книгохранилищ, не говоря уже про то, что они явно стремились искоренить польскую интеллигенцию. Меня все это трогает еще и потому, что я родился в Польше, знаю ее язык, имею там родных с материнской стороны. Сегодняшняя ее судьба, разумеется, тоже мало утешительна, но иронии судьбы угодно было, чтобы в вековом споре славян с германизмом победа первых была обеспечена нашей страной, живущей теперь иными побуждениями!

Сердечно Ваш

В.П.Никитин

¹ Первый или второй том книги Г.В.Вернадского «A History of Russia», изданные соответственно в 1944 и 1948 в New Haven.

² Имеется в виду книга русского историка, работавшего в Китае, Ивана Ивановича Гапановича (1891– после 1971) «Russian Historiography Outside Russia: An Introduction to the Study of Russian History» (Peiping, 1935). Ее перевод на французский язык, сделанный В.П.Никитиным, опубликован под названием «Historiographie russe (hors de la Russie)» в 1946 в Париже.

³ Точное название упоминаемой книги – «Социально-экономический строй орхоненисейских тюрок VI–VIII веков: Восточно-тюркский каганат и киргизы» (Труды Института востоковедения. Т.14). Ее автор – Александр Натанович Бернштам (1910–1956) – археолог, доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР, преподаватель ЛГУ, руководитель археологической экспедиции Семиречье – Тянь-Шань – Памир – Фергана (1936–1956). Активный участник «руденковщины» в 1930-е, он оказался жертвой аналогичной проработочной кампании в 1952 в ЛГУ, где его прорабатывали за «пантюркизм» и изгнали из университета.

⁴ Denis Sinor, впоследствии профессор в Кембридже, автор многих монографий, в том числе «History of Hungary» (L., 1959), «Inner Asia. History, civilisation, languages» (Bloomington, 1969) и др.

⁵ fiches – картотека (франц.).

⁶ Азиатское общество в Париже; основано в 1822.

⁷ Название книги Н.Я.Марра, изданной в 1926 в Чебоксарах.

16 августа 1948

Дорогой Георгий Владимирович!

Отдыхаем среди мегалитов Карнака после парижского трудового года, завершившегося международным ориенталистическим съездом, на котором был доклад о социальных мотивах в совр<еменной> перс<идской> литер<атуре>. Из СССР никого не было, а из зарубежных восточников в съезде участвовали Минорский, Елисеев с сыновьями¹, египтолог Малинин², малаеведка М-ле Соколова и художник Морозов (изучивший в Персии знаменитую вереминскую мечеть), а также Иванов из Бомбея³, специалист по исмаилизму⁴. Познакомился я с проф<ессором> Блейком⁵, армено-и-грузинове-дом, просил его при встрече с Вами передать привет. Использую свободное время для чтения «Kievan Russia»⁶ с большим интересом. О русско-польских отношениях и по истории Польши в Париже издал несколько книг некто Е.Кrakowski⁷. Одну из них прислал мне после прочтения моего перевода Гапановича. Смерть Ковальского – громадная потеря для нашего востоковедения, что было заметно на съезде. Его трудно заменить.

Надеюсь, что Вы смогли отдохнуть, несмотря на Ваш летний курс, и остаюсь искренне преданный

В.П.Никитин

¹ Елисеев Сергей Григорьевич (1889–1975) – выдающийся японист; первым из европейцев окончил Токийский императорский университет (1912). Преподавал в Петроградском университете, сотрудник Азиатского музея. В мае 1919 арестован ЧК «за отца» (взят в заложники), отпущен после ходатайств университета и АН. В сентябре 1920 бежал с семьей морем в Финляндию, вскоре перебрался в Париж. Сотрудник Музея Гимэ, преподаватель Сорбонны (1921–1932) и Школы живых восточных языков (1922–1930). В 1934–1956 директор института «Яньцзин» в Гарварде (США). Считается основоположником исследований Дальнего Востока в США. В 1957 переехал в Париж, где до последних лет жизни читал лекции в Сорбонне. Его сыновья – Никита Сергеевич (р. 1915) – арабист, профессор Лионского университета; Вадим Сергеевич (р. 1918) – специалист по истории стран Дальнего Востока; живут во Франции.

² Малинин Михаил Владимирович (1900–1977) – египтолог, похоронен в Сент-Женевьев де Буа.

³ Иванов Владимир Алексеевич (1886–1970) – иранист; окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1911), ученик В.А.Жуковского. Служил в банке в Персии, много путешествовал по стране, собирая диалектологический и фольклорный материал, восточные рукописи. В 1915–1918 младший ученый хранитель отдела мусульманских рукописей Азиатского музея Академии наук; создатель так называемой Бухарской коллекции мусульманских рукописей, внес огромный вклад в пополнение коллекции персидских манускриптов. После событий 1917 в Россию не вернулся (подробнее см. ниже, письмо от 19 марта 1952), жил в Индии и Иране. Часть его дореволюционного личного архива хранится в Петербурге в Институте востоковедения, другая – в библиотеке Восточного факультета Петербургского университета.

⁴ Исмаилиты – последователи одной из крупнейших сект шиитского ислама, возникшей в середине VIII в. в результате раскола среди шиитов.

⁵ Блейк Роберт (1886–1950) – профессор Гарвардского университета. Участник археологических экспедиций в Палестину и на Синай; в 1930 побывал в СССР, выступал на заседании Палестинского общества.

⁶ Второй том «A History of Russia» Г.В.Вернадского, изданный в 1948 в New Haven.

⁷ См., например: *Krakowski E. Pologne et Russie. P., 1946; Он же. Histoire de la Pologne. P., 1947; Он же. Histoire de Russie: l'Eurasie et l'Occident. P., 1954.*

19 марта 1952
7, rue Boileau, XVI

Дорогой Георгий Владимирович.

Спасибо за справку о племени баят, которую получил сегодня. В начале 17 в. один из ханов Баят, оказавшийся в составе персидского посольства в Мадриде, перешел в католичество под именем Don Juan'a и позже сочинил книгу о Персии, которую посвятил испанскому королю. Я это все недавно «уточнил», т.к. одна знакомая барышня, персиянка из племени кашкайцев (Фарс), вышла замуж за некоего соотечественника по фамилии Баят!

Иванова, о котором Вы спрашивали, я знаю давно, но встретились мы с ним в Париже в 1948 г., куда он приехал на международный конгресс ориенталистов. Он восточник СПб. университета, оказавшийся в научной командировке в Восточной Персии, где его застала революция. Служил у англичан переводчиком (отряд генерала Малисона¹; асхабадское туркмено-меньшевистское правительство² и т.д.), потом побоялся вернуться в Россию и остался в Индии. Ему посчастливилось как спецу по исмаилитской секте основать в Бомбее – на средства Ага-Хана³ – Institute of Ismailitic Studies. По внешности это законсервированный тип русского провинциального интеллигента, в люстриновом пиджачке и кепке! Он пользуется заслуженной репутацией знатока по своей специальности и издал целый ряд книг по-английски. Кроме него в этой части Азии был другой замечательный восточник, по персидской поэзии, Леонид Федосеевич Богданов⁴, года 2 тому назад скончавшийся в Кабуле. С ним я был близко знаком в Персии. Относительно исмаилитов на всякий случай назову книгу Freya Stark, *The Valleys of the Assassins and other Persian Travels*, 1934, Dutton, N.Y. Эта предприимчивая особа была ученицей у Вл.Ф.Минорского. Сейчас она замужем за английским дипломатом в Триполи (Ливия) и больше, по-видимому, не путешествует.

Относительно орфографии и племенных названий точная справка, касающаяся курдов, – Goruna Örh, а раньше я переврал. Перечитываю самого себя, т.е. книгу о курдах⁵, т.к. Рауот⁶ ее, вероятно, издаст, но при условии, что все, касающееся национальной курдской проблемы, будет изъято. Повод – если я (Рауот) издам книгу, освещающую эту проблему, то сейчас же скажут, что я получил от курдов крупную сумму! О tempo⁷. Но ничего не поделаешь, сошлись на том, что оставим в книге историю до падения Оттоманской Империи и Кадраров. Потом попробую выброшенное издать у кого-нибудь другого.

Агафангел Ефимович Крымский, про которого Вы тоже меня спрашивали, насколько мне известно, мог покинуть Киев до занятия его немцами и даже спас все свои рукописи⁸. Умер собственной смертью до конца войны. Я его очень уважал и любил. В нашей «лазариаде» ему были посвящены следующие строки: «Хвонько крымский молодец, вин ученый справный, невелик як горобець и піта славный». Он жил в подвальном помещении института среди своих книг, нагроможденных от пола до потолка, в которых он разбирался очень быстро, почему имел еще прозвище «анкябут» (по-арабски паук). Я переписывался с ним, и он мне прислал свои работы по-малорусски. Мне как-то трудно примириться с мыслью о самоопределении вплоть до отделения – будь то Украины, будь то Кавказа, Туркестана и т.д., на что (судя по «Социалистическому» Вестнику⁹) готовы наши эмигрантские политиканы. Меня коробит при чтении сепаратистских журналов (Кавказ; Türkeli и Fr.) – «у нас нет ничего общего с Россией», «мы принадлежим к средиземноморской культуре». Ведь это же курам на смех. Отдать всю нашу историю на смарку? Была в ней или нет своя логика? Обязательна она и сейчас?

Искренне Ваш

В.П.Никитин

P.S. Я получил письмо от Zacharias¹⁰. В моей рецензии на Т.Полетова (Вы ее скоро получите) я не касаюсь его идей о зороастризме.

ВН.

¹ Генерал-майор Уильям Маллесон возглавлял Британскую военную миссию в Туркестане, которая с августа 1917 по июль 1918 располагалась в Мешхеде (Северная Персия), затем в Асхабаде.

² Имеется в виду Закаспийское временное правительство, созданное 11–12 июля 1918 в Асхабаде при поддержке Британской военной миссии в Мешхеде (Персия) и американской консульской миссии в Ташкенте. Объединяло эсеров, меньшевиков, туркменских националистов, дашнаков и др.; председатель Ф.А.Фунтиков. 26 июля 1918 призвало «на помощь» английские войска. С его деятельностью связывают организацию массового террора, в том числе убийство асхабадских и бакинских комиссаров. Ликвидировано генералом У.Маллесоном в январе 1919.

³ Ага-хан – титул духовного главы исмаилитов-низаритов. Спонсировавший Иванова Ага-хан был более известен как спортсмен, большую часть времени проводивший не в Индии, а на скаковых полях Запада.

⁴ Ученик академика К.Г.Залемана, автор книги «Персия в географическом, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении» (СПб., 1909); библиотекарь Рабиндраната Тагора в Сантаникетане.

⁵ Книга издана под названием «Les Kurdes. Étude sociologique et historique» (P., 1955).

⁶ Французское издательство.

⁷ О времена! (лат.).

⁸ Эти сведения ошибочны. Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) – выдающийся арабист, иранист, тюрколог, поэт, переводчик. Автор более 500 печатных работ, посвященных истории и культуре арабских стран, Ирана, Турции, Крымского ханства, Азербайджана. В 1898–1918 профессор Лазаревского института восточных языков по кафедре арабского языка и истории мусульманского Востока. С 1918 зав. кафедрой Киевского университета. Один из организаторов Украинской Академии наук, ее действительный член (1918) и непреременный секретарь (до 1928). После разгрома Академии в конце 1920-х смещен со всех постов и оказался на 8 лет в опале. Работ его не печатали, имени старались не упоминать; несколько лет Крымский с клеймом «националиста» жил в крайне тяжелых материальных условиях. В 1939, после присоединения к СССР Западной Украины, Крымский был отправлен во Львов как живое свидетельство высочайшего уровня «украинской советской науки». 70-летие ученого было отмечено официальными торжествами, в начале 1941 его наградили орденом Трудового Красного Знамени. Арестован 20 июля 1941, обвинен как участник вымышленной «Спілки визволення України». Осенью 1941 вывезен в Казахстан; умер 25 января 1942 в больнице при тюрьме НКВД №7 в Кустанае. Место захоронения до сих пор неизвестно. Реабилитирован в 1957.

⁹ Социал-демократический журнал «Социалистический Вестник» основан меньшевиками Ю.Мартовым и Р.Абрамовичем в Берлине в 1921. Затем издавался в Париже, а с 1940 – в Нью-Йорке.

¹⁰ Zacharias Hans Conrad Ernest (1874–?) – немецкий историк и религиовед.

12

4 апреля 1955

7, rue Voileau, XVI

Дорогой Георгий Владимирович.

Fugit irreparabile tempus¹... Посмотрел на дату Вашего последнего письма – 4/3, т.е. ровно месяц т<ому> н<азад>. Время действительно «бежит», не угонишься. Но Вы, вероятно, получили вырезки, показывающие, что я всегда думаю о Вас. Затем – по порядку. Прежде всего спасибо за жидовствующих². Я теперь представляю себе этот вопрос ясно. С Бруцкусом³ я виделся в Париже, не помню по какому поводу, но мы сразу нашли общий тон (хотя его турецкие догадки мне не всегда кажутся убедительными), тем более, что я учился в 6-ой Варш<авской> гимн<азии> вместе с его братом, Сережей⁴. Он теперь, кажется, инженерствует в USA? Перемещение еврейской учености из Испании на Восток заслуживает внимания. Когда я студентом бродил по Болгарии, то меня поразил испанский язык тамошних евреев; помню и комическую вывеску в Софии: «дуканчето на тричестни жидовчета»!! – А когда гимназистом я странствовал в Крыму, то побывал и в Мангуп-Кале⁵, где тогда,

кроме подземных помещений, стояла еще передняя стена готского дворца, в каменном орнаменте которой были кружки с крестом. Что касается загадочной личности Захарии, князя Таманского, приглашавшегося в Москву, я читал об этом в переписке Москвы с Крымом⁶ (в ней меня, между прочим, корбило от униженного тона грамот и «царского» титула, которым величались ханы!). Наконец, еще одно замечание, относящееся к еврейству. Прочел в «Гранях», №23, что в Израиле около 60 русских семейств, большая часть которых перебралась сюда, назвав себя субботниками⁷, через Персию⁸. Из другой статьи («Возрождение», №39)⁹ узнал, что в сороковых годах в Персию бежало немало крестьян из Кавказа, молочан, баптистов и др. О субботниках среди кубанских казаков есть любопытные страницы в повести «Гремучий родник» Скобельцына, изданной здесь лет 25 т<ому> н<азад>¹⁰. – Религиозная сторона казачества указывает на его своеволие и тут чего стоят одни яицкие старoverы, не говоря про донцов, у которых с точки зрения официального православия тоже не всегда все было благополучно. – Не знаю, суждено ли мне написать книгу о казаках, для которой материала я собрал уже много¹¹. Но до казаков нужно разделаться с курдами. В Princeton я еще не обращался, т.к. моя рукопись сейчас рассматривается в Imprimerie Nationale¹², решения которой ожидаю со дня на день. Пока что в Париж приехал Мохаммед Мукри, молодой профес<ор> Тегеранского университета, керманшахской ветви этого известного курдского племени, ядро которого находится к югу от Урмийского озера. В «ту» войну Сердар Мукри, глава племени, был убит турками из-за его русофильства и дружбы с русским консулом в Сауджбулаке, полк<овником> Тяссом (финл<яндец>), тоже погибшим тогда (он был обезглавлен; я принимал участие в нашей карательной экспедиции осенью 1915 г.). Его сын, Али Хан, учился в кадетск<ом> корпусе в Москве. Я с ним познакомился в С<аудж>-булаке. – Все это, чтобы показать Вам, насколько как-то само собой на меня со всех сторон надвигается материал, с которым не знаю, как справиться. Оказывается, что мое имя популярно среди курдской «головки» благодаря переводу, лет 25 т<ому> н<азад>, на тур<ецкий> яз<ык> моей статьи по курдскому вопросу в Dictionnaire Diplomatique¹³. – По персидской линии хочется написать о «русском дервише», поэте В.Хлебникове, к<отор>ый был в Гиляне в 1920–21 гг., и его поэма, написанная там, «Труба Гуль-Муллы», по словам критики – лучшее, что написано по-русски о Востоке¹⁴. Ее нужно, следовательно, перевести на перс<идский> яз<ык> – о корнеслове «кур» все еще жду ответа от башкира Зеки Велиды Тугана¹⁵. Из Кембриджа алтаист Sinor, венгерец, ограничился ничего не говорящей отпиской.

Сердечно Ваш

В.П.Никитин

¹ Бежит невозвратимое время (лат.).

² Имеется в виду статья: *Vernadsky G. The Heresy of the Judaizers and the Policies of Ivan III of Moscow // Speculum. 1933 (VIII). P.436-454.*

³ Бруцкус Юлий (Юлиус) Давидович (1870–1951) – политический деятель, историк, публицист, один из лидеров сионистского движения в России. Член президиума Московской конфедерации сионистов (1920), арестован; эмигрировал в Литву, где в 1921 стал министром по делам евреев, с 1922 членом парламента. Затем жил в Берлине; после прихода к власти нацистов уехал во Францию, позднее – в США. Занимался историей евреев в России и Литве, историей хазар.

⁴ Бруцкус Сергей Давидович (1885–1970); учился в Петербургском технологическом институте, в США с 1915.

⁵ Остатки крупнейшего средневекового «пещерного города» V–XVIII вв., центра княжества Феодоро в XII–XV вв. в 17 км к югу от Бахчисарая.

⁶ См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т.1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России / Изд. под ред. Г.Ф.Карпова // Сборник императорского Русского исторического общества. Т.41. СПб., 1884.

⁷ Субботники – секта, имеющая преемственную связь с ересью жидовствующих. Члены секты признавали Божество в одном лице, обрезание, празднование субботы.

⁸ См. об этом в ст: *Крамаровский А. На святой земле // Грани. 1954. Кн.23. С.79-88.*

⁹ См. статью Анатолия Ланкау «Багдадский висельник и его мечта» (Возрождение. 1955. Т.39. С.126-130), посвященную антикоммунистическим настроениям населения южного Кавказа, связям между крестьянами-антикоммунистами пограничной с Ираном зоны и русскими эмигрантами, жившими в этой стране, и попыткам осуществления идеи Объединенного мусульманского мира в начале 1941 г.

¹⁰ См. прим.17 к п.13.

¹¹ Книга не опубликована.

¹² Книга издана: *Nikitine B. Les Kurdes et le Kurdistan: Les oublies de l'histoire: ouvrage accomodane de 15 cartes et de 12 alanches / Preface de Louis Massionon. Paris: Imprimerie Nationale, 1956.* Переведена на русский язык и опубликована издательством «Прогресс» в 1964 с предисловием И.О.Фаризова.

¹³ *Kurdes // Dictionnaire Diplomatique. P.: L'Académie diplomatique internationale, 1933.*

¹⁴ Очерк В.П.Никитина о пребывании Велимира Хлебникова в Иране под названием «Русский дервиш» опубликован в Тегеране в 1955.

¹⁵ Валидов (Валиди) Ахмет-Заки (в эмиграции – Тоган Ахмет Зеки Валиди; 1890–1970) – востоковед-тюрколог, публицист, политический деятель. Изучал восточные языки в Казанском университете, с 1915 в Петрограде, где занимался активной политической деятельностью в различных мусульманских организациях. В ноябре 1917 вошел во Временное башкирское правительство, командовал башкирскими войсками. После непризнания адмиралом А.В.Колчаком суверенитета Башкортостана, перешел на сторону советской власти, многократно встречался с большевистскими лидерами (В.И.Лениным, И.В.Сталиным и др.). Однако в июне 1920 уехал в Среднюю Азию, где стал одним из идеологов и организаторов басмаческого движения.

С апреля 1923 в Афганистане, затем в Индии, Франции, Германии, Турции. С 1927 преподавал историю тюрок в Стамбульском университете; в результате разногласий с коллегами обвинен в «некомпетентности» и в 1932 отстранен от преподавания. Вернулся в Турцию в 1939. В мае 1944 арестован по обвинению в пантюристской деятельности, приговорен к 10 годам тюрьмы, но после 17 месяцев заключения освобожден. Возобновил лекции в университете в 1948. В 1951 под его председательством в Стамбуле проходил 21-й Международный конгресс востоковедов, в 1953 основал Институт исламских исследований, который возглавлял до своей кончины.

13

12 мая 1955
7, rue Voileau, XVI

Дорогой Георгий Владимирович.

Отвечаю на Ваше письмо от 22.4 и 8.5. – Сначала об американцах, тема, которой я до сих пор не касался.

Поводом к этому очень милое письмо проф¹ Mosely, который, ссылаясь на Ваши и Карповича² отзывы обо мне, благодарит за материалы, переданные в его архив. Я, конечно, совсем не заслуживаю лавров, которыми он меня награждает. Будучи средним эмигрантом, 28 лет корпевшим не по специальности в банке и только баловавшимся в области востоковедения, где меня обогнали другие восточники, оказавшиеся за границей, прежде всего В.Ф. Минорский, потом бомбейский Иванов (исмаилиты), буширский Раст-Белгородский (я его провел в члены Soc³ As⁴) и т.д. Теперь, в 70 лет, мне за ними не поспеть и я ограничиваюсь современной Персией и перепиской с персами, друзьями. Но возвращаюсь к американцам. Я поблагодарил Mosely за внимание и указал, что в Урмии я дружески сотрудничал с американскими миссионерами, главным образом с доктором Шедб'ом (упоминается у Шкловского, в его «Сентиментальном путешествии»³), где он называет меня представителем страны «голубых антилоп!»³; Шкловский⁴ был помощником корпусного комиссара, меньшевика Таск'а⁴, вдова которого упоминает меня в посвященной мужу книге («The Measure of a Man»). Я Mosely не писал, разумеется, что теперешний антирусский психоз в США заставил меня по-иному смотреть на его соотечественников. Ведь суть в том, что американская масса (я не говорю об интеллигенции, которая никакого влияния на общественное мнение не оказывает) не разбирается в истории и одинаково боится (ненавидит?) и до- и пореволюционной России. Весь «атлантический»⁵ блок в этом повинен, как это отмечает здешний публицист Raymond Aron⁶, очень неглупый мужчина: «En Europe la coalition occidentale n'est pas une manifestation d'hostilité

contre le communisme, mais une réplique a l'empire soviétique, réplique qui ne s'imposerait pas moins dans l'hypothèse d'un état russe sans doctrine en arme d'une doctrine d'autre couleur»⁷ (например – евразийской!). «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить»⁸, это безусловно так. Мы не по европейской мерке и пространством и населением, причем, по словам Наполеона, русского недостаточно убить, нужно еще опрокинуть.

«Гром победы раздавайся, веселися храбрый Росс»? как я пел в хоре 6-ой Варшавской гимназии. Нет, я не квасной патриот, но это нежелание или неумение отличать Россию от большевизма меня иногда приводит в раж. Тем паче, что гг. янки не в праве претендовать на звание учителей морали. Доллар есть вещь, а прочее все – <гниль>. Не могу об этом распространяться, но читал недавно переведенную на французский язык книгу немецкого автора – L.L.Matthias, «Autopsie des États-Unis»⁹, в которой он действительно «вскрывает» сущность этой страны. Буду очень рад, если Вы опровергнете мою точку зрения на США. Прилагаю вырезку, полученную от В.Ф.Минорского. Он тоже американцев не жалуется, но по-моему слишком перегибает в сторону товарищей большевиков. Они теперь совсем по-карамзински – «о любви к отечеству и народной гордости...»¹⁰ Я (откуда мне сие, не понимаю) получил из Восточного Берлина два первых № газетки «За возвращение на Родину», издаваемой комитетом под этим именем и призывающей Displaced Persons¹¹ возвращаться в Россию: «Чужбина – все равно, что мачеха злая, а Отчизна – родимая мать. Она поймет, простит (?) каждого из своих детей!» (значится в заголовке). Что-то не верится. – От Рериха¹² я пока ничего не получил. Кушанские раскопки проводил Толстов¹³. Я думаю, что Рериху прежде всего надо было бы обратиться к нашему соотечественнику Гиршману (Лувр)¹⁴, который на всех этих делах собаку съел. – Я сейчас занят статьей, предназначенной для «Festschrift» проф.эссора Яна Рыпки¹⁵, которому будет 70 лет в 1956 г. Заглавие – «Карнак сунаи en l'Europe vue de Teheran». Разбираю взгляды Сеида Фахр-эд-Дин Шадмана, о котором как-то писал Вам, изложенные им в романе «Тарики ви Румнаи», в брошюре «Тасхир тухаддин Карнак». Это своего рода евразиец, то есть ставит Европу на свое место. «Мы сами с усами...» Самая замечательная выдумка Европы – свобода, но другим пользоваться ею она не позволяет, говорит он между прочим. L.Massignon¹⁶ выпустил, наконец, новое издание «Annuaire du monde Musulman» (Presses Universitaires), пособие незаменимое, хотя есть пробелы.

Сердечно Ваш

В.П.Никитин

P.S. О кубанских субботниках у Скобцова-Кондратьева – «Гремуций родник»¹⁷, я Вам переврал его фамилию. ВПН.

¹ Мозли (Mosely) Филипп Эдвард (1905–1972) – историк, профессор международных отношений Колумбийского университета (1946–1955; 1963–1972). Директор Русского института Колумбийского университета и один из основателей Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Бахметевского архива) Колумбийского университета.

² Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, ближайший друг Г.В.Вернадского со студенческих лет; с 1917 в США, профессор Гарвардского университета, главный редактор «Нового журнала».

³ Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) – теоретик и историк литературы; находился в Урмии с осени 1917 до начала 1918 в качестве помощника военного комиссара Временного правительства; упоминаемая книга издана в январе 1923 в Берлине. Определение «из страны голубых антилоп» см.: *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. М.: «Новости», 1990. С.128.

⁴ Таск Ефрем Яковлевич – меньшевик-оборонец, председатель Киевского Совета солдатских депутатов в первой половине 1917.

⁵ Т.е. НАТО.

⁶ Раймон Арон (1905–1983) – известный политолог и философ.

⁷ В Европе западный союз является не проявлением враждебности к коммунизму, но ответом советской империи, ответом, который был бы не менее необходим в случае, если бы русское государство сменило военную доктрину на доктрину иного цвета (*франц.*).

⁸ Цитата из стихотворения Ф.И.Тютчева.

⁹ Издана в Париже в 1955.

¹⁰ Название публицистической статьи Н.М.Карамзина, впервые опубликованной в «Вестнике Европы» в 1802 (№4). «Мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве», – писал Карамзин и призывал к «патриотическому» осмыслению российской истории.

¹¹ Перемещенные лица (*англ.*).

¹² Рерих Юрий Николаевич (1902–1960) – выдающийся тибетолог, сын художника Н.К.Рериха, участник его многочисленных экспедиций. Руководитель Института гималайских исследований в Кулу (1928–1942), индо-тибетского семинария в Калимпонге (Индия, 1949–1957). Вернулся в СССР, зав. сектором Института востоковедения АН СССР (1957–1960). Скоропостижно скончался после заседания в Академии наук, где за попытку продолжить издание «*Bibliotheca Buddhica*» был обвинен в пропаганде буддизма.

¹³ Толстов Сергей Павлович (1907–1976) – востоковед: археолог и этнограф; директор Института этнографии (1942–1965) и Института востоковедения (1950–1951), декан исторического факультета МГУ; чл.-корр. АН СССР (1953); начальник Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции (1945–1970). Лауреат Сталинской премии.

¹⁴ Гиршман Роман Михайлович (1895–1979) – историк, археолог, востоковед. Во Франции с 1923. Работал и одновременно учился в Сорбонне, занимался в Лувре. С начала 1930-х участвовал в археологических экспедициях в Иран и Ирак. Член Азиатского общества и Академии надписей и изящной словесности (Париж). Почетный генеральный директор Французской археологической экспедиции в Иране и Афганистане.

¹⁵ Рыпка (Рипка; Рурка) Ян (1886–1968) – чешский ориенталист, турколог и иранист. Профессор и декан философского факультета Карлова уни-

верситета в Праге. Был знаком с участниками и работами Пражского лингвистического кружка; неоднократно бывал в СССР, где его дружески именовали «Иван Иванович». Академик АН Чехословакии, Иранской АН, доктор honoris causa университетов Варшавы, Вены, Парижа, Тегерана. Упомянутый том вышел под названием «Charisteria Orientalia. Praecipue ad Persiam pertinentia. Ioanni Rypka... hoc volumen sacrum» (Praha, 1956).

¹⁶ Массиньон Луи (Massignon Louis) (1883–1962) – выдающийся французский арабист, исламовед, основатель ряда периодических изданий и автор ряда исследований по истории востоковедения в Европе и СССР. Возглавлял отдел изучения ислама в Практической школе высших исследований в Париже. В декабре 1924 избран иностранным членом-корреспондентом Российской академии наук по разряду восточной словесности. Активный участник французского антивоенного движения в Алжире, был арестован. В 1960 участвовал в проходившем в СССР международном конгрессе востоковедов. С предисловием Массиньона в 1955 в Париже издана монография В.П.Никитина «Les Kurdes et le Kurdistan».

¹⁷ Скобцов-Кондратьев Даниил Ермолаевич (1885–1969) – общественный деятель, публицист, прозаик. В годы Гражданской войны возглавлял ведомство земледелия в Кубанском краевом правительстве, в конце 1919 – начале 1920 председатель Кубанской краевой рады. Эмигрировал в 1920, с 1923 жил в Париже; муж Е.Ю.Кузьминой-Караваевой. Роман «Гремучий родник» издан в Париже в 1938.

14

25 ноября 1959 г.
7, rue Boileau, Paris XVI

Дорогой Георгий Владимирович!

К стыду моему вижу, что д<о> с<их> п<ор> не ответил на Ваше письмо от 15.10. Не взыщите! – С того времени обменялся письмами с П.Н.Сав<ицким>. Он полон энергии, находится в контакте с молодыми востоковедами в России, которым послал, между проч<им>, мою статью «Иран, Туран и Россия» (у меня давно ее нет!). Уговаривает принять участие в 25 международн<ом> конгр<ессе> ориенталистов в 1960 г. в Москве, но это не для меня. А В.Ф.Мин<орский>, хотя 10 годами старше, но летал недавно в Анкару, где пожинал заслуженные лавры докладом о тур<ецких> миниатюрах.

От лиц, побывавших в Урмии, я узнал, что мою перс<идскую> книгу «Ирани ке ман шенахте ам»¹ там читают с интересом и сохраняют память обо мне, хотя прошло уже 40 лет! Кроме того, я отметил с удовольствием, что русская оккупация в последнюю войну считается там счастливой эпохой. Извольте после этого писать историю! Помните, возмущение и шум, поднятые в 1945 г., когда сов<етское> пр<авительство> во медлило с эвакуацией Азербайджана².

Его осуждали за поддержку Пишавери в желании отторгнуть Азербайджан. На самом деле, в Азербайджане установилось тогда местное правительственное, внимательное к нуждам трудового населения, которое поминает его добром, тогда как Тегеран (как Вы это видели в брошюре Vanly³) находится во власти крупных помещиков, заседающих и в Меджлисе и в Сенате. Я попробую написать на эту тему для «Русских Новостей»⁴. К Вам, может быть, зайвится Сеид Фахр-эд-Дин Шадман, которому я дал Ваш адрес. Он приглашен на год Харвардом. Был министром юстиции, директором 7-летнего плана, управителем гробницы имама Ризы в Мешхеде и т.д. У Вас, вероятно, есть моя статья об его романе «Тарики ви Румнаи» под заглавием «Карнак сунаи en l'Europe vue de Teheran». Тут бывает у меня Минучехр Моръедеви, профессор из Тавриза, интересный собеседник.

Сердечно Ваш

ВПН

¹ Иран, который я знаю (*перс.*). Книга воспоминаний В.П.Никитина (326 с.) опубликована в 1951 в Тегеране при содействии писателя Санати Задэ. Сообщение о ней появилось и в советской печати, см.: *Аристова Т.Ф.* Новая литература по Ирану на персидском языке // Советская этнография. 1959. №3. С.179-180, однако в аннотации книги ничего не говорилось о русском происхождении и службе ее автора.

² Имеются в виду события в Иранском Азербайджане, приведшие к провозглашению в январе 1946 Курдской республики, просуществовавшей меньше года.

³ *Vanly I. Aspects de la question nationale Kurde en Iran.* P., 1959.

⁴ Еженедельная газета, издававшаяся в Париже под редакцией А.Ф.Ступницкого и М.Бисноватого с 1945.

РУССКАЯ ПРАГА, РУССКАЯ НИЦЦА, РУССКИЙ ПАРИЖ

Из дневника Бориса Лазаревского
(тридцать три письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина*,
Александра Куприна, Ильи Сургучева и др.)

*Предисловие, публикация и комментарий
Сергея Шумихина*

Возникновение, блуждание и перемещение географических локусов послереволюционного русского рассеяния подчинялось своим собственным законам. Скажем, Лондон, бывший в XIX в. безусловным центром политической эмиграции, для русских беженцев XX века сколько-нибудь заметным местом притяжения не стал. Зато страны и города, считавшиеся европейским и азиатским захолустьем: Балканы, Прибалтика, Харбин, Шанхай – волей истории обрели статус крупных очагов эмигрантской субкультуры. Культурная и политическая жизнь столиц: Русского Парижа, Русского Берлина, Русской Праги, в последнее время и Русской Риги – изучается весьма активно. Однако жизнь и быт локальных мест эмигрантского сосредоточения – в нашем случае Французской Ривьеры – становится предметом исследования гораздо реже.

Русское присутствие в Ницце к 1920-м имело уже более чем столетнюю историю. На средиземноморское побережье, в райский климат вечно-го лета, приезжали как для лечения, так и «на постоянное место жительства» представители знатных и богатых российских родов. Население приветствовало богатых туристов, дававших заработок. Московский почт-директор А.Я.Булгаков писал в 1858 в своем неопубликованном дневнике (хранится в РГАЛИ): «Вяземский <князь Петр Андреевич. – С.Ш.> в восхищении от Ниццы. Там любят русских, и внимание к ним столь велико, что в Cabinet de lecture получают исправно Московские ведомости».

Если прежде в Ницце появлялись русские революционеры (так, в 1852–1855 здесь жил Герцен, а в начале XX века – Плеханов; тогда же издавалась русская соц.-дем. газета «Юг»), то в послереволюционную эмиграцию русская колония по своим политическим устремлениям была наиболее ортодокс-

* Письма И.А.Бунина печатаются с любезного разрешения Bunin Estate/University of Leeds.

сально-монархической, пожалуй, даже правее белградских нововременских зубров. Керенский и Милкоков считались погубителями России наравне с Лениным и Троцким. Это отметил фельетонист А.А.Яблоновский¹, писавший:

Как говорил один генерал, «из всех городов зарубежной России» самым правым, самым непримиримым, самым твердокаменным городом считается Ницца.

Ее политическую позицию можно определить просто:

– На тысячу верст правее здравого смысла. <...>

Я вполне уверен, что в Ницце можно найти добрую тысячу русских людей, для которых Марков второй является несомненным и окончательным жидо-масоном.

А о таких лицах, как В.В.Шульгин, неприлично даже и говорить. Это не просто жидо-масон, а, так сказать, жидо-масонище.

В Ницце я встречал людей, которые «не очень верят» даже в отделение Польши.

– Как был «наш Привислинский край», так и остался...²

На фоне роскошной природы, моря, пальм, дворцов, особняков, «игорного капища» *Jetée promenade*, стоящего на сваях над водой, и близлежащего Монте-Карло, контраст между роскошью и нищетой особенно резал глаз. Всю эмиграцию прожившая в Ницце и там же умершая кн. Ольга Бебутова³ в лубочном романе «Лазурный берег»⁴ описывала два типа эмигрантов. Одни, в стоящем на морском берегу отеле «Ruhl», где самая дешевая комната стоит 150 фр. в сутки, под русскую водочку поедают ложками, как кашу, жирную свежую икру, ездят в Монте-Карло развлечься «рулькой», проигрывают и выигрывают сотни тысяч, суют метрдоателям и лакеям «rouge boîere» стофранковые купюры... Конечно, эта красивая жизнь на 99% была продуктом фантазии мечтательной княгини. Другие, чуть более реальные персонажи Бебутовой, обедают в «Русской столовой», где беднейшие получали до сорока обедов даром, а прочие вносили символическую плату. Меню всегда состояло из щей и котлет с чечевицей, и этот обед, сытный, но однообразный, оставался единственной едой за сутки для русских, работавших по 10 часов в день на фабриках, в швейных и автомобильных мастерских, в отелях и ресторанах, обслуживая курортную публику. В Ницце имелась Русская школа Александрино; в Каннах, до которых два часа езды по антибской дороге, – Приют-общезитие Франко-Русского комитета. Была русская библиотека, русская церковь. Культурные запросы удовлетворял Русский артистический союз, время от времени ставивший классические пьесы, балетная студия. Небольшую литературную колонию негласно возглавлял Иван Бунин. Почетный академик жил выше в горах, в Грассе.

Два соблазна неотступно стояли перед эмигрантами в Ницце. Это рулетка и кинематограф. Оба давали иллюзию возможности быстрого и легкого обогащения.

¹ Яблоновский (Сназдский) Александр Александрович (1870–1934), фельетонист, публицист, прозаик. Его архивный фонд хранится в РГАЛИ (Ф.1697).

² Возрождение. 1928. 24 июня.

³ См. о ней. прим.1 к письму 7.

⁴ Кн. Бебутова О. Лазурный берег. Роман в 2-х частях. Из современной жизни русской эмиграции на французской Ривьере. София: «Зарницы», 1927.

Вряд ли кто-нибудь из живших здесь русских хоть раз не попытал счастья в игорных домах Ниццы и Монте-Карло. Правда, в тех отрывках из дневников И.А. и В.Н.Буниных, что напечатала М.Грин в трехтомнике «Устами Буниных», не упоминается об игре Бунина⁵. Многие из публикуемых ниже писем Куприна посвящены этой теме (а также и второму соблазну – попытке поймать удачу в качестве киносценариста). С рулеткой неразрывно связаны поиски верхней системы игры, которые ведутся, вероятно, с той самой минуты, как рулетка была изобретена. Борис Лазаревский в своих очерках, печатавшихся в «Иллюстрированной России», передавал монтекарловский фольклор о самых разных системах, от математических до инженерных, когда, при помощи миниатюрных ватерпасиков, якобы нашли стол с наклоном в пару миллиметров и, играя за ним, сколотили в несколько дней состояние, и т.п.

Обилие солнечных дней и великолепные пейзажи сделали Ниццу (как и Марсель) кинематографическим центром Франции. Видя почти ежедневно кино съемки, множество русских девушек мечтали о карьере ведетты (так во Франции называли кинозвезд), о том, что режиссер обратит на них внимание на Promenade или на пляже. Воплощение этой девичьей мечты в романе Бебутовой выглядит так: владелец кинематографической фабрики, миллионер-американец Джон Дэсли («Он был молод, красив, элегантно одет. На цветущем лице его приветливо мерцали светлые глаза. Подбородок и губы говорили о несокрушимой энергии»), у которого заболела актриса, игравшая главную роль, назначает ей замену из статисток – украинскую красавицу Дину Олейко. Ей предлагается 10 000 фр. в месяц и туалеты от киностудии, а если роль будет успешна – то еще столько же. Тут же подписав контракт, новоиспеченная ведетта Дина Лин в купе 1-го класса поезда-экспресса мчитсь в Париж закупать туалеты – по роли она дочь миллионера.

Как известно, Ксении Куприной удалось стать киноактрисой, правда, не звездой, а рядовой. Куприн писал своему другу борцу Ивану Заикину на новый 1928-й год об их общем знакомом художнике Федорове:

Не могу сказать, что милый художник Витя Федоров был аккуратным посредником в переписке. Я получил от него лишь одно письмо, в котором он грозился прислать мне Твой портрет, но, главным образом, просил меня устроить его в Париже в кинематографе, артистом. Он-де, очень фотогрегиничен <так! – С.Ш.> и был бы чрезвычайно хорош в ролях Валентино покойного⁶. Мог бы-де, быть хорошим партнером для моей дочери. Ну что я ему ответил бы? Во всех студиях Парижа с утра до вечера стоят сотни и тысячи лицеистов, пажей, дипломатов – всё бывших, с прекрасными манерами и подлинных красавцев, и всё это для того, чтобы сняться в массе, статистом, на секунду, в общем движении. Да и дочь моя – не

⁵ 11 февраля 1932 В.Н.Муромцева-Бунина писала в дневнике: «Ян вообще ничем не может себя забавлять – он даже ни в одну игру не играет. Это важная черта в его характере». – Устами Буниных. Т. II. С. 263. (Здесь и далее не указанные библиографические данные см. в конце вступительной статьи – Список сокращений).

⁶ Рудольф Валентино (Родольфо Гульельми ди Валентино; 1895–1926), знаменитый американский актер немого кино.

действующее лицо в пьесах, а пока только так называемый «силует». Словом, дорога тяжкая, требующая и счастливого случая и упорной настойчивости. Словом – я не ответил, чтобы его не огорчить. А он обиделся и замолчал.

Что-то и у меня наклеивалось было с Америкой. Просили из «Los Angeles» и у меня два лица позволения переделывать для фильма: одно – Поединок, другое – Суламифь. Я разрешил, а они вдруг замолчали. Ах, если бы ты знал, сколько жулья вокруг этого Великого Немого! Куда больше, чем было в той же Калифорнии около золотых россыпей!⁷

Весной 1925 писатель Борис Лазаревский в номере отеля «Raimbaldi» начал очередную толстую тетрадь в темно-зеленом переплете, с тисненой надписью по корешку: «Ma vie. Nice. 1925. V.L.»:

13 марта 1925 г. Пятница

Тринадцатое число и еще пятница, а я начинаю новую тетрадь. Которая она по счету – право, не знаю. С 13 лет я пишу эти тетради, а теперь мне 53 – одним словом, сорокалетие. Из уцелевших до 17 года большая часть в Академии наук у Срезневского в Петербурге, в отделении рукописей⁸, остальные в библиотеке музея в Праге и еще остальные временно хранятся у меня. Озаглавлены они «Ma Vie», но хочется писать не о жизни, а о смерти – без отчаянья, а распорядиться...⁹

История этой тетради напоминает архивный детектив в духе Ираклия Андроникова.

Плодовитый писатель с неярким дарованием, своего рода «карликовый Мопассан», Борис Александрович Лазаревский (1871–1936) вел дневники всю сознательную жизнь, оставив около 60 томов. Цифра эта была названа в некрологе Лазаревского в «Последних новостях»¹⁰. На сегодняшний день известно значительно меньше их число¹¹. Достаточно трезво оценивая свое место в литературе и свое скромное писательское дарование, Лазаревский

⁷ РГАЛИ. Ф.2347. Оп.1. Ед.хр.25. Л.19.

⁸ Срезневский Всеволод Измайлович (1867–1936), историк литературы, археограф, палеограф, библиограф, заведовал Рукописным отделением Российской (Императорской) Публичной библиотеки в 1900–1931. Там, а не в Академии наук, как ошибочно пишет Лазаревский, хранятся 9 томов его дневников за 1889–1913 (см.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Т.1. М., 1962. С.386).

Что касается библиотеки и архива Национального музея в Праге, то в 1964 они были переданы в Литературный архив Музея национальной письменности Праги (Literární archiv Památníki Národního písemnictví) (сообщено Л.Белошевской).

⁹ РГАЛИ. Ф.3101. Оп.1. Ед.хр.598. Л.4.

¹⁰ Последние новости. 1936. 25 сентября.

¹¹ В «Литературном наследстве», где опубликованы фрагменты из дореволюционных дневников Лазаревского, перечислены дневники за 1889–1917, хранившиеся тогда в советских архивах (см.: Литературное наследство. Т.87. М., 1977. С.319). Известно также о существовании 6 томов дневников эмигрантского периода: 4 тома (1920–1922) находятся в Праге (см.: Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике. 1918–1938. Путеводитель по архивным

еще в 1916 в автобиографии написал: «...иногда думается, что самое важное, что я сделал и написал, – это мои дневники, с фотографиями и карандашными иллюстрациями, которые я веду с 1883 года»¹².

После смерти поэта Бориса Слуцкого его душеприказчик и посмертный публикатор множества стихотворений, покойный Юрий Леонардович Болдырев, передал в ЦГАЛИ СССР его архив. Кроме рукописей Слуцкого, там находилась упомянутая темно-зеленая тетрадь, заполненная трудночитаемым, можно сказать, мучительным почерком. Это и был дневник Лазаревского за 1925. Кто-то варварски ободрал вклеенные в дневник фотографии, среди которых, судя по сохранившимся подписям, были весьма любопытные. Зато письма и открытки от А.И.Куприна, И.А.Бунина, М.П.Арцыбашева и др., которые представляют не меньший, если не больший интерес, чем сам дневник, сохранились полностью. Слуцкий пробовал их разобрать и даже перепечатал некоторые на машинке, но опубликовать, насколько нам известно, никогда не пытался.

Выяснить, как оказался у Слуцкого этот дневник, было непросто, но в конце концов картина сложилась следующая:

На долю Бориса Слуцкого, который ушел на фронт, даже не успев сдать всех выпускных институтских экзаменов, на завершающем этапе войны выпало много экзотики. Его военные дороги пролегли через Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Австрию. Ему случилось жить в комнате албанского короля, флиртовать с югославской графиней. Но главное – Слуцкий получил возможность рыться в брошенных библиотеках русских эмигрантов, осевших в славянских странах, перелистывать многолетние подшивки многочисленных эмигрантских изданий – чему со страстью (надо думать, и с осторожностью) предался¹³.

фондам и собраниям в Чешской республике. Прага, 1995. С.87-88; а также см. выше, прим.8), один – в Киеве у И.И.Гончаренко и один – в РГАЛИ.

¹² РГАЛИ. Ф.278. Оп.1. Ед.хр.10. Л.6. Ср. свидетельство И.Д.Сургучева, который вспоминал Лазаревского в нацистской газете: «Непрезыденным тружеником пера <...> должно считать покойного писателя Б.А.Лазаревского. Начиная с самых первых гимназических лет и кончая последним днем своей ранней и неожиданной смерти, он каждый день, глядя на ночь, описывал свою жизнь. Он так к этому привык, что не мог заснуть, если не исполнил своего добровольного долга» (Сургучев И.Д. Парижский дневник // Новое слово (Берлин). 1940. №47. 17 ноября. С.15. Сообщено Р.Янгировым).

¹³ Интересные свидетельства о подобной ситуации содержатся в дневнике драматурга А.К.Гладкова. В мае 1943 ЦТКА пригласил его как автора сверхпопулярной пьесы «Давным-давно» вместе с театральной бригадой в поездку на 2-й Украинский фронт. Маршрут пролегал через Бессарабию, Молдавию, Румынию. В городе Батошани Гладков посетил начальника отдела по работе с населением майора Штейнберга. Далее он пишет:

«Им оказался знакомый мне московский поэт и переводчик Аркадий Штейнберг. Желтый от малярии, он сидит один в ампиристом особняке и страшно рад мне. Трепеща, вспоминаем Багрицкого <Всеволода. – С.Ш.>. Где-то недалеко рядовым поэт Георгий Оболдуев, большой чудак и оригинал. Штейнберг хлопочет взять его ездовым в свое распоряжение. В одной из комнат свалены реквизированные книги, много на русском, в другом – горы писчебумажных принадлежностей. Взял кое-что почитать. Пришлось книги завернуть в газеты – не стоит, чтобы обложки видели мои соратники – мало ли что: береже-

Летом 1945 в румынском городе Крайове ему и украинскому поэту И.И.Гончаренко, тогда корреспонденту армейской газеты, принесли две толстые тетради в темно-зеленом переплете. Это были тома дневников Лазаревского – за 1925 (Ницца) и за 1928–1929 (Париж).

Офицер политотдела и корреспондент поделили добычу. И.Гончаренко увез парижскую часть дневника в Киев и позднее сделал о ней публикацию в киевском журнале «Радуга»¹⁴. Впрочем, сам дневник ему не удалось прочитать. «Трудночитаемый, неразборчивый почерк затруднял мое желание, как говорят, с ходу прочесть дневник. Поэтому более тщательное знакомство с записями в дневнике я откладывал», – писал Гончаренко. Однако четыре письма Куприна, вклеенные в дневник, он в «Радуге» напечатал. Пятое, адресованное, как писал публикатор, «некоему Илье Дмитриевичу, который, по всей видимости, передал его Б.Лазаревскому», – Гончаренко не догадался, что им мог быть только И.Д.Сургучев, – осталось за пределами публикации. Одно из писем журнал воспроизвел в виде фотоконии. Это письмо от 16 августа 1928, с приглашением Лазаревского к обеду, заканчивается шпилькой в адрес коллег, писателей-эмигрантов: «Пообещаем друг другу не говорить о русско-французской литературе. Никому в России она не нужна и никогда не понадобится. Это какое-то состязание клопов». Нынешняя судьба этого тома дневника, где, кроме купринских, было, безусловно, вклеено множество писем, фотографий и других материалов, – нам неизвестна.

Борис Слуцкий, завладевший вторым томом, в отличие от Гончаренко, попыток публикации не предпринял. Ему тоже вряд ли поддался почерк Лазаревского, а что касается писем, то, вероятно, его останавливал не столько антисоветизм (которого, впрочем, немного: в основном, непримиримость к большевикам демонстрировал в письмах из Варшавы Михаил Арцыбашев), сколько обилие ненормативной лексики в письмах Куприна, многие из которых, судя по всему, писались в нетрезвом виде.

ного и бог бережет. Аркадий давал мне любую книгу совсем, но я решил не брать. Зато блокнотами, тетрадями, почтовой бумагой, карандашами я поживился» (РГАЛИ. Ф.2590. Оп.1. Ед.хр.85. Л.42-43).

Такие книги стали причиной ареста Гладкова в 1948, когда с премьеры «Давным-давно» в Риге он вернулся в Москву с двумя чемоданами «запрещенной литературы». В дневнике он писал:

«У книжника Кузьмицкого, сектанта и спекулянта, и у какого-то старого адвоката, распродающего остатки когда-то, видимо, отличной библиотеки: все книги в переплетах и с тиснением на корешках, – купил 43 тома. В том числе 4 книги Бунина, 2 – Шмелева, 2 – Тэффи, 3 – С.Волконского, 3 – Крымова, Бальмонта и др. Алданова не достал ничего. Еще купил 50 томов “Современных записок”. Весь мой номер завален книгами. Еще купил 14 пластинок Вертинского. <...> Еду. В поезде приступ страха, но совсем беспричинного. Я не паникер, но после лета 37-го и весны 39-го такого со мной не было. Уверенность в слезке, в том, что меня ждут на вокзале в Москве и все прочее. Страшноватая ночь. Браню себя за приобретение книг, за эту поездку, которая кажется мне роковой.

Из Москвы ехал с одним чемоданом, а в Риге пришлось купить еще один, вместительный» (См.: Александр Гладков. «Я не признаю историю без подробностей...» / Предисл. и публ. С.Шумихина // In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж: «Феникс»–«Atheneum», 2000. С.530).

¹⁴ См.: Гончаренко И. Неопубликованные письма Куприна // Радуга (Киев). 1966. №4. С.151-154.

Содержание дневника в основном чисто личное. Лазаревский записывал свои сны и пытался толковать их (он был весьма склонен интересоваться телепатией, экстрасенсорным восприятием и т.п. вещами). Кроме того, 55-летний знаток «души женщины» описывает свои мимолетные романы. Все это соседствует с постоянными жалобами на здоровье, на желудок, на бедность... Однако редкие исключения, вроде записей о встречах с Буниным, искупают общую серость содержания. И, конечно, особую ценность придают дневнику вклеенные письма. В настоящее время в Славянском институте АН Чешской республики под редакцией Л.Белошевой готовятся к изданию фрагменты из пражского дневника Лазаревского.

Борис Лазаревский попал в Ниццу путем весьма витиеватым. Маршрут был такой: гетманский Киев, деникинский Ростов-на-Дону, где писатель послужил в Осваге; Батум и экзотическая профессия: служба билетным контролером на французском рейсовом пароходе Батум – Марсель; далее – Константинополь, потом Берлин и – конечная точка для многих – Париж.

Из Парижа Лазаревский вскоре должен был отправиться для поправки здоровья в Чехословакию. Он побывал в Праге, лечился на курорте Бехин, посетил Дольние Мокропсы, Черношицы, Раец, Колин, завел многочисленные знакомства, в том числе и с президентом Чехословацкой республики Томашем Масариком. Чехословакия в это время, по инициативе правительства и президента, проводила масштабную «Русскую акцию помощи».

Об этом следует сказать подробнее. «Русская акция» была беспрецедентным предприятием. По словам А.А.Копшиковой-Вуколовой: «Это было решение на государственном уровне, не на уровне каких-то благотворительных обществ и благодетельных дам. Это было решение президента Т.Масарика и премьера К.Крамаржа, ну, конечно, это было демократическим образом проведено через парламент»¹⁵. Особенно поражает, что с акцией выступило государство, всего лишь два года назад возникшее на карте послевоенной Европы. В рамках «Русской акции» в ЧСР работал «Земгор» (Объединение Российских земских и городских деятелей), открывались русские гимназии, русский факультет при Карловом университете, русские общежития и столовые, библиотеки, музеи, архивы, книгоиздательства, научные общества, корпоративные (например, казачьи) и профессиональные объединения¹⁶.

К концу 1924 года сумма ежемесячных расходов чехословацкого правительства на «Русскую акцию» достигла 7 млн. чешских крон и превысила по своим размерам расходы на беженцев *всех европейских государств, вместе взятых*. С.Завадский писал по этому поводу в берлинском «Руле» в статье с симптоматичным названием «Тяга в Прагу»:

В Праге, как известно, существуют русский юридический факультет и русские дополнительные курсы в чешских высших учебных заведениях. В Праге учится русская молодежь, чтобы потом служить своими знаниями родине. В Праге готовятся будущие русские деятели, – не век же длиться большевистскому наваждению! Много приходится работать нашим людям и не сладка их жизнь. А тем не менее они счастливы: почти все они состоят на иждивении чешского правительства...

¹⁵ Неприкосновенный запас. 1999. №2(4). С.62.

¹⁶ Подробный перечень см. в кн.: *Постников С.П.* Русские в Праге. 1918–1928. Прага: «Воля России», 1928; репринтное переиздание: Praha, 1995.

Далее автор пишет о нелегалах, идущих в благословенный край отовсюду, иногда пешком:

<...> многие доходят, и Прага населяется русскими юношами. Но кончен их путь, не кончены мьтарства. У чешского правительства нет более стипендий для русских, и так уже оно много нам дает. Найти в Праге заработок почти невозможно...¹⁷

До сих пор окончательно не прояснен финансовый источник «Русской акции». Документированного подтверждения тому, что таковым стало «колчаковское золото» или похищенная чехословацкими legionерами часть российского золотого запаса, в печати не появлялось. Золото это «представляло собой: 1) 750 ящиков серебряных монет, на сумму в 900 тыс. золотых рублей, переданных правительством эсеровского Комуча 2-го октября 1918 чехословацким legionерам (расписка финансового отдела Национального совета чехословацкого корпуса была опубликована в СССР и в ЧССР). Эти деньги составили основной капитал “Легио-банка” в Праге. 2) 13 ящиков золота на сумму 780 тыс. золотых рублей, похищенных legionерами из “золотого эшелона” адмирала Колчака на станции Тырит возле Иркутска в январе 1918»¹⁸. Следует отметить, что в течение двух десятилетий чешская крона оставалась в ряду стабильных европейских валют, что подразумевало ее золотое обеспечение. Когда успела возникшая в 1918 году на развалинах Австро-Венгрии Чехословацкая республика скопить столько золота? В «Малой Антанте» (союз Чехословакии, Румынии и Югославии в 1920–1930) ЧСР занимала ведущее положение по всем позициям: финансовым, военным, политическим – не в последнюю очередь благодаря своей финансовой стабильности.

Е.П.Серапионова в исследовании, посвященном истории русской эмиграции в Чехословакии, пишет: «...правительственная коалиция Чехословацкой республики <...> учитывала возможность будущих изменений в России и ориентировалась на сотрудничество с “новой Россией”, Россией без большевиков»¹⁹. Далее осторожно излагается версия «золотого эшелона», вернее, противоположные мнения по этому поводу: Н.Н.Алексеева, который считал, что legionеры захватили в Казани целый вагон золота, и Е.Чиняевой, придерживающейся официальной версии чехословацкой стороны, по которой транспорт с русским золотом был передан чехами большевикам в Иркутске 1 марта 1920²⁰. Н.Н.Алексеев в своих воспоминаниях писал, что чехословацкие власти, дескать, «считали, что у них есть моральная обязанность по отношению к русским как-то возместить свой русский долг». Но ведь в политике моральные соображения всегда занимали и занимают последнее место. Акции подобного масштаба могли осуществляться не иначе как на жесткой прагматической основе. Существовала ли какая-либо договоренность между «головкой» эсеровской партии и президентом Масариком, который в

¹⁷ Руль. 1922. 20 сентября.

¹⁸ Новое время (журнал). 1994. №6. С.46.

¹⁹ См.: *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С.22–23.

²⁰ См.: *Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; *Чиняева Е.* Русская эмиграция в Чехословакии // *Славяноведение.* 1991. №6. С.37.

1918 был среди организаторов мятежа Чехословацкого корпуса, о финансировании «Русской акции» русским золотом и сохранились ли в чешских архивах документальные тому подтверждения – пока неизвестно. Кстати, мне не встречался – ни опубликованным, ни хотя бы процитированным – изначальный инициативный документ, которым чехословацкое правительство формально провозгласило бы открытие «Русской акции». Значит ли это, что такового нет в природе? Странное обстоятельство, когда речь идет о затратах, составивших в общей сумме за 1921–1931 полмиллиарда чешских крон!²¹

Начальник отдела ФСБ по Ханты-Мансийскому автономному округу также сделал на эту тему историческую публикацию, используя документы своего архива, – но они подтвердили официальную версию. Суммы и пуды золота, упоминаемые им, впрочем, оглушительные:

Перед отступлением в Сибирь у колчаковцев оставалось 40 тысяч пудов золота и 30 тысяч пудов серебра. По ревизии в мае 1919 года стоимость ценностей исчислялась в 621.532.377 рублей 86 копеек.

Из Омска во Владивосток отправился «золотой» эшелон. Но до места назначения он не дошел: белочехи были вынуждены выдать Военно-революционному комитету в Иркутске и Колчака, и золото на сумму 409.625.870 рублей 86 копеек. Часть ценностей – 722 ящика – захватил в Чите атаман М.Г.Семенов и переправил в Японию²².

При всем том, привилегированное положение среди прочих беженцев в Чехословакии именно эсеровской части эмиграции отмечалось не одним современником и, по-видимому, является истиной. См., например, фельетон И.Бунина «Чехи и эсеры»²³. Бунин не поминает о золоте, но свидетельствует о том, что растянувшиеся чуть ли не на полстраны эшелоны покидающих Россию чехословацких корпусов были набиты реквизированным и прямо похищенным, с молчаливого согласия эсеровского Комуч'а, имуществом и всевозможным добром, вплоть до оборудования целых мастерских, типографий, даже заводских цехов, – на гигантскую сумму. В публикуемом ниже письме, отправленном Лазаревским из Праги в Берлин А.А.Яблоновскому, говорится и о нашедших приют в Чехословакии эсерах:

9, IX, 1922 Адрес: Praha. Panska ul. 16. Zemgor

Дорогой Александр Александрович!

Хорошо помню, что 30 Августа по православному – это вторник, 12 Сентября по н<овому> ст<иллю>, и шлю Вам свои наилучшие пожелания и семье Вашей²⁴. Читаю Ваш каждый фельетон со вкусом, как говорю с Вами²⁵.

²¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1977. Т.2. С.119.

²² Родина. 1998. №1. С.74.

²³ Общее дело. 1920. 24 декабря.

²⁴ 30 августа по старому стилю – именины Александров.

²⁵ «Спасибо, что Сморотуна обо...» – Фраза приписана Лазаревским как примечание. Вероятно, и Сморотун, и упомянутый ниже Перебендя имеют

«Несчастный» Перебендя на чешской земле – (похожей весьма на украинскую) – (sic!) совсем окреп. Да и комитет здесь такой, что не нужно выпрашивать, дают семейным 1600 крон в месяц, и конечно – это сейчас 500 фр. Жизнь дорога. С семьей нельзя на эти деньги жить, а одному можно, но не широко, а узенько.

Когда я приехал из Парижа, меня вывели из вагона... Затем я попал в Вешуупе – курорт, и здесь начал поправляться не по дням, а по часам.

Чудесное место – лес над рекой, с большой высоты видно, как рыба плывет, так прозрачна вода...

И всегда в эти моменты Вас вспоминал. Удильщики были, но не настоящие, а так...²⁶ Лето было не хорошее, дождливое, кислое и ясных дней не более 30%.

Еда жирная: свинина, баранина и пиво, пиво. Вместо борщу – поливка – суп-пюрэ, и всё едят без хлеба, хотя его вдоволь и дешевый.

Климат холодный. Печи паршивые. Собаки работают здесь как лошади.

Русских без конца много и... ни единой русской газеты! «Руля» здесь не любят. «Голос России» читают только эс-эры, имя же им легион: тупые... Керенского ругать не смей! И, как будто, двоюродные братья большевиков.

Если бы здесь был Бунин и если бы он только заикнулся – правительство дало бы деньги на русскую газету... Эс-эры же и сами богаты. Одеваются и едят лучше всех беженцев.

Издавать книги по-русски – нельзя. Корона <так!> подбирается к франку, и та же история, что и в Париже. Капнуло чернило <так!> и нет промокашки²⁷.

Возврат <так!> наш такой, что требует известного комфорта, а его и нет...

О Париже тоскую и не теряю надежды вернуться в оный. Сейчас я запродам четыре книги для перевода на чешский и, если получу деньги сразу, то поеду поклониться Елисейским полям... Champs Elysees и борщ у Яблоновского²⁸ – это одно

какое-то отношение к фельетонам Яблоновского в «Руле» осени 1922, но точнее установить, так ли это, не удалось.

²⁶ Яблоновского Куприн называл «одним из величайших современных рыболовов» в своих очерках «Париж домашний» (Куприн. Т.7. С.402). См. также фото Яблоновского на рыбной ловле (Сегодня. 1928. №251) и его фельетон «На Дунае. (Из впечатлений рыболова)» (Там же. 1930. №254).

²⁷ В автографе клякса.

²⁸ Яблоновский славился приготовлением настоящего малороссийского борща. И в Берлине, и в Париже знакомые приглашали его иногда в качестве «повара» на званые обеды, расшевелить ностальгию гостей забытым вкусом и ароматом. О знаменитом «фамильном борще» Яблоновского неоднократно упоминается в его переписке.

из лучших воспоминаний... А мерзость, это: Э.Василевский, Гребенщиков и Ваш Ветлуша²⁹.

После разговоров с каждым из них, я себя чувствовал... Как-то, уже студентом, я вступил в кошацье г... и потом три дня все вокруг меня пахло... всё... и борщ, и штаны... Так вот, после разговоров с этими тремя. *Cinismus actus*³⁰... Ратнер³¹

²⁹ Названы: фельетонист и критик Илья Маркович Василевский (псевд. Не-Буква; 1882–1938). Лазаревский употребляет инициал Э., по-видимому, потому, что Василевский вел колонку в газете «Современные мысли» (Берлин–Париж–Прага) под псевдонимом Элиас. В эмиграции занимал антибольшевистскую позицию, а с конца 1921, переехав в Берлин, стал сотрудником газеты «Накануне» и писал резкие статьи против эмиграции. Вернулся в СССР вместе с А.Н.Толстым в конце июля 1923. Расстрелян во время «большого террора».

Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882–1964), прозаик, драматург, переводчик, этнограф. Из Крыма через Константинополь и Египет перебрался в Париж, причем, по его собственному утверждению, эмиграция не носила политического характера. В Париж прибыл 1/14 января 1920. В.Н.Муромцева-Бунина писала о Гребенщикове в дневнике: «Он жил, как бедняк, в Одессе, а потом поехал в Крым и дачу построил. Далеко пойдет и богат будет. И как он ненавидит большевиков, ненавистью мужика, собственника. И сила в нем большая. Но обидчив, как семинарист, и совершенно невоспитан» (Устами Буниных. Т. II. С.22). Близко сойдясь с Н.К.Рерихом, Гребенщиков разрабатывал с ним некие «планы по культурному строительству в Сибири и на Алтае» (см.: Писатели русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997. С.143). В 1924 Гребенщиков, по совету Рериха, переехал в США, где пропагандировал его идеи. Сам выдвинул свою эпопею «Чураевь» на Нобелевскую премию, причем, как пишет О.Фигурнова, в рекламной кампании Гребенщикова активно поддерживал Рерих. Эта самореклама вызвала фельетон Куприна «Заокеанская знаменитость» (*Куприн А.И.* Голос оттуда. 1919–1934. М.: «Согласие», 1999. С.573–577). Характерен заголовок, в общем, вполне панегирических воспоминаний о Гребенщикове Петра Балакшина: «Шаман в лаковых ботинках» (Современник (Торонто). 1976. №30/31. С.153–257). Архив писателя в 1991–1992 был перевезен из США в Барнаул. См. также: Из истории «Сегодня». Кн. III. Конец демократии. С.129.

Ветлугин А. (наст. фам. и имя Рындзюн Владимир Ильич; 1897–1950?), прозаик, журналист. Сын ростовского врача И.Н.Рындзюна, учился на медицинском факультете Московского университета, в марте 1918 вышел, не окончив курса). В эмиграции в Париже выпустил свою первую книгу «Авантюристы гражданской войны» (1921). Переехав в Берлин, издал книгу «Записки мерзавца...» и еще три книги. Познакомился с С.Есениным и А.Дункан во время пребывания тех в Берлине, близко сдружился с Есениным и, зная по-английски всего несколько слов, отправился с ними за их счет в Америку в качестве их секретаря. В Америке печатался в «Новом русском слове», в 1923 вел колонку «Каждый день» в газете «Русский голос», пытался писать и пристраивать в Голливуд киносценарии. Жил в Сан-Франциско, где женился на богатой еврейке. См. о нем: *Яблоновский А.* Сменовеховцы // Возрождение. 1926. 26 декабря; Дон Аминадо. С.255–263.

³⁰ Настоящий цинизм (*лат.*).

³¹ Ратнер Евсей Владимирович (1905–1970), журналист, в нач. 1920-х сотрудник «Последних новостей». После войны работал в парижских «Русских новостях» – еженедельной газете, издававшейся А.Ф.Ступницким (1893–1951), «в первую очередь информационного характера, которая во многом помогла

был за секретаря. Пришел Гребенщиков и принес статью о самом себе – не биографию, а рецензию о вечере... С тех пор мне уже трудно было его видеть... А его выпрашивание у Монго³² о переводе романа и издания у Зелюка³³... Ему, бедному, это стоило многих унижений, самое же тяжкое: это желание заслужить симпатии... Горького... И все его статьи о себе были в том <так! – С.Ш.>, что он ученик Горького³⁴... А он просто ученик Чичикова Павла Ивановича.

«Честнее» всех Ветлуша. Перед отъездом говорил о том, как вырвать у Гутмана гонорар за статьи в «Утре»³⁵...

– «Утра» не может быть в Америке, там слишком много евреев, – сказал Ветлуша, – а где евреи, там большевизм! И в России большевизм держится ими. Отрицать этого нельзя, но говорить и писать об этом тоже *нельзя*...

И вдруг для меня стало ясно:

1). Что пока войско в руках у советов: ничего не поделаешь!

2). Что пока во главе войска Бронштейн – оно будет в руках советов...

русским эмигрантам ближе подойти к советской действительности» (Любимов. С.369). Прежде газета называлась «Русский патриот» и имела репутацию просоветского органа. В ней сотрудничали Г.В.Адамович, А.В.Бахрах, Евг. Хохлов, А.П.Ладинский; несколько рассказов напечатал Бунин.

³² Монго Анри (Henri Mongauet) – французский переводчик и литературовед. Переводил, в частности, Достоевского («Un jouer. Notes d'hiver sur des impressions d'été». Paris: Bossard, 1928; рецензия М.Л.Гофмана: Иллюстрированная Россия. 1929. 20 апреля. №17. С.20). Сохранились два его письма Куприну за 1924 и 1930 (РГАЛИ. Ф.240. Оп.2. Ед.хр.46). Пушкинист, автор статьи о рукописях Пушкина, найденных в Авиньоне, напечатанных во «Временнике общества друзей русской книги».

³³ О.Г.Зелюк – бывший петроградский и константинопольский журналист – в середине 1921 основал изд-во и книжный магазин «Франко-русская печать». О нем и об изд-ве см.: *Закевский В., Голлербах Е.* Распространение русской печати в мире. 1918–1939. Справочник. СПб., 1998. С.237–238. Ср. в письме В.Н.Буниной к М.С.Цетлиной от 6.12.1945: «<Иван Алексеевич> продал “Темные аллеи” Зелюку» (Минувшее: Исторический альманах. Т.8. М.: «Феникс», 1992. С.308). Книга вышла в изд-ве «La Presse Française et Etrangere» в 1946.

³⁴ Переписка Гребенщикова с Горьким опубликована: М.Горький. Материалы и исследования. Т.1. Л., 1934; *Горький М.* Письма в Сибирь 1903–1936. Красноярск, 1948.

³⁵ «Утро» – ежедневная политико-экономическая и литературная газета, издававшаяся в Нью-Йорке со 2 января 1922 (вышло 62 номера). Редактор – Анатолий Ган (псевдоним Гутмана Анатолия Яковлевича; ок. 1873–?). Кроме Лазаревского, в «Утре» печатались А.Яблоновский, К.Бальмонт, Lolo, Дон Аминадо, Е.Чириков, И.Бунин, Дионео и др. Бунин писал в дневнике 15/28 января 1922: «Послал Гутману отказ от сотрудничества в качестве поставщика статей для “Утра”, предложил 2 рассказа в месяц за 1600 фр. Гутман мое “Еще об итогах” сократил и местами извратил. Пишу “революция” – он прибавляет “коммунистическая”. О Горьком все выкинул» (Устами Буниных. Т.П. С.76). См. также: Из истории «Сегодня». Кн.П. Сквозь кризис. С.100–102.

*Circulus viciosus*³⁶. Ветлуша мне это разъяснил. А посему, собираться до дому – было бы наивно. Красноеврейцы³⁷ всё это знают. А вот эс-эры это отрицают. Значит, или по глупости, или...

Но черт с ними! Лучше вспоминать хорошее: Куприн, Бунин. Им тяжело. Но Куприн не кланяется Марии Самойловне³⁸ и даже товарищу председателя Комитета русских писателей – Софии Владимировне Денисовой³⁹ – не кланяется. А поклонился бы – зажил бы⁴⁰.

А морской агент Дмитриев – ведь это радость говорить с ним. А Яковлев...

А бывший корректор Снигур-Волковинский... А другой Дмитриев – секретарь того же Денисова... А Чайковский⁴¹ – ведь это та свежая вода, выкупавшись в которой одну минуту – целую неделю ходишь бодрый и веселый. А Борис Аргутинский⁴², – их там много хороших.

И поэтому Париж – русский вспоминается радостно. На него много клеветуют.

Если бы я был Мильераном, я бы дал Яблоновскому А.А. 2.000.000 франков: делайте русскую газету – пишите что хотите, – не возводите только зверство в доблесть и уважайте

³⁶ Порочный круг (*испорч. лат.*). Правильно: vitiosus.

³⁷ Неологизм Лазаревского. По политическим воззрениям он принадлежал к крайне правым в российской эмиграции, был близок к кругам украинских националистов, и антисемитские высказывания то и дело встречаются в его дневнике.

³⁸ Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина, по первому браку Авсентьева; 1882–1977), издательница, меценатка (см. также прим.67).

³⁹ С.В.Денисова, возможно, жена промышленника Н.Х.Денисова (о нем см. прим.64). Бунин записывал в дневнике 28.XI. (11.XII.) 1922: «У Денисовой, потом обедал у Фондаминских» (Устами Буниных. Т.II. С.101).

⁴⁰ Девятью годами позже (6 марта 1931) писательница и переводчица А.Ф.Даманская писала из Праги в Берлин А.П.Бурову (о нем см. прим.74): «Мне было бы неприятно, если бы Вы передавали это кому-либо с моих слов – но, за исключением Осоргина, Алданова и меня, субсидии получают *все без исключения* эмигрантские писатели. Одни из Сербии, другие из Чехии, третьи и из Сербии, и из Болгарии, и из Чехии, четвертые от жемчужного короля Розенталя, пятые от меценатов, которых умеют находить, шестые из Америки и т.д.» (РГАЛИ. Ф.2274. Оп.11. Ед.хр.39. Л.1об.). О Л.М.Розентале см. прим.66.

⁴¹ Чайковский Николай Васильевич (1850–1926) – революционер-народник, затем эсер, позднее отошел от политической деятельности, участвовал в кооперативном движении. После Октябрьской революции – член Комитета спасения родины и революции, участник антисоветского переворота в Архангельске, председатель и управляющий отделом иностранных дел правительства Северной области. В феврале–марте 1920 член Южнорусского правительства при А.И.Деникине. Основатель работавшего в 1921–1939 Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

⁴² Кн. Аргутинский-Долгоруков Борис Николаевич – брат коллекционера, в 1918–1919 хранителя Эрмитажа, кн. В.Н.Аргутинского-Долгорукова (1874–1941). В РГАЛИ хранится их переписка за 1892–1905 (Ф.1900. Оп.11. Ед.хр.59).

национальные чувства. И какая бы газета была! С беллетристикой и без политической брехни...

Прага без русской газеты! А ведь городок чуть поменьше Парижа, а русских множество. И ворочается здесь гад – Гаккебуш⁴³ – отец лжи... А колония писателей мала: Сургучев, Чириков, Ляцкий, Сергей Маковский, П.Потемкин и все... увы... не терпят друг друга... Но люди неплохие. А каждый отдельно (без Гаккебуша) крепко любит русскую литературу и живет для нее...

Ну-с, пора кончать. Разболтался. И почерк у меня не таё... Видел на днях во сне В.В.Фохта⁴⁴ – делал он телятину под бешемелью... Да... Хороший гвардеец. Кланяюсь ему. И Марии Ивановне⁴⁵ кланяюсь очень и думаю о ней часто... А в Париже все же лучше было... Приветствую Татьяну Александровну⁴⁶.

Эх, если бы я был на ее месте, какую бы я повесть написал из балетной жизни, да на фоне Парижа!

Есть у меня к ней большая просьба: погадать мне на картах (ну, конечно...) Два раза она мне гадала и два раза «сполнилось»...

Живу я без будущего. Смею и не смею думать о том, как бы выписать жену и дочь... Ну-с, так во вторник, за фамильным борщом – помяните меня «не злим тихим словом...»

Ваш Борис Лазаревский

P.S. Татьяна Александровна! Где бы Вы ни были – погадайте, напишите на бумажке и пришлите!

А<лександр> А<лександрович>! Благов⁴⁷ здесь, и такой человек без газеты – это же неудавшийся Герцен.
(РГАЛИ. Ф.1697. Оп.1. Ед.хр.159. Л.1-4об.)

⁴³ Гаккебуш (после начала Первой мировой войны сменил фамилию на Горелов; псевд. М.Кусторубов) Михаил Михайлович (1874–1929) – журналист и писатель. В 1906–1916 – фактический главный редактор «Биржевых ведомостей».

⁴⁴ Фохт Василий Васильевич – литератор (см. его очерки по истории Франции под рубрикой «Что видели улицы Парижа» в «Русской газете»; сотрудничал также в «Русском времени»), зять Яблоновского.

⁴⁵ Мария Ивановна Яблоновская (ум. 24 ноября 1922) – жена А.А.Яблоновского.

⁴⁶ Татьяна Александровна Фохт – дочь А.А.Яблоновского, танцовщица, основательница женского танцевального ансамбля «Таис».

⁴⁷ Благов Федор Иванович (1866–1934) – врач по образованию, коренной москвич. Окончив Московский университет, занялся врачебной практикой, но, по настоянию своего тестя издателя И.Д.Сыгина, с 1897 стал одновременно работать в газете «Русское слово». Ее, в захудалом состоянии, незадолго до того приобрел Сыгин, рассчитывая (по совету А.П.Чехова) превратить в большой, влиятельный орган. Это ему удалось: популярность «Русского слова» стремительно повышалась. В газету были приглашены «короли фельетона» Яблоновский и В.М.Дорошевич, в качестве собственных корреспондентов выступали

Столь же любопытная оценка настроений среди русской эмиграции в Париже в этот период содержится в написанном несколькими месяцами раньше письме упомянутого выше Е.В.Ратнера к Яблоновскому от 3 апреля 1922. Атмосфера упадка и экономической депрессии в западноевропейских странах оттенялась как реальными, так и умело преподнесенными пропагандой успехами нэпа в Советской России. Автор письма, впрочем, слишком пессимистически оценил перспективы издания «Общего дела» и «Последних новостей». Первое сумело протянуть свое существование до 1934, а вторые, несмотря на действительно катастрофическое положение в начале 1920-х, как писал Г.П.Струве, «...быстро стали не только самой читаемой русской газетой во Франции, но и завоевали себе подписчиков и читателей в других странах Европы и даже в Новом Свете и на Дальнем Востоке – везде, где были русские эмигранты» и издавались вплоть до гитлеровской оккупации Франции в 1940.

В письме Ратнера говорилось:

<...> Здесь – запах тлена, и Вы хорошо сделали, что выбрались. «Общее Дело» умерло, хотя, по словам Бурцева, «есть большая надежда, что в мае выйдет»... «Последние Новости» тоже заканчивают свое существование: сотрудники предупреждены, что к июню газета закроется. О новых делах мечтать, конечно, не приходится, ибо всякий буржуй, сохранивший еще тысячу франков, судорожно зажимает ее в кулак и ждет, чтобы марка упала до 1 сантима: тогда он получит сто тысяч франков и уедет в Берлин. Газетная братия бедствует и побирается. Надежд и сколько-нибудь ясных планов – никаких. Ветлугинщиной заражены почти все; если бы Ключников⁴⁸ только поманил – со всех ног бросились бы. «Накануне»⁴⁹ здесь, понятно, злора дня. Любопытно, при ка-

Вас.И.Немирович-Данченко, А.В.Руманов. С 1901 по 1918 Ф.И.Благов совместно с В.М.Дорошевичем редактировал «Русское слово», а также журнал «Искры». По словам современника: «Успех “Русского слова” был сказочный, тираж по тем временам неслыханный...» (Дон Аминадо. С.164). В Прагу Ф.И.Благов приехал вместе с женой 11 мая 1922 из Румынии, куда, нелегально переплыв Днепр, бежал к сыну из Одессы. Судя по анкетному листу, заполненному Благовым для получения ссуды от Комитета по улучшению быта русских писателей в Чехословакии, были еще дети, оставшиеся в СССР. «Женат, имею детей в Советской России. Жена находится со мной», – писал он 23 мая 1922 (РГАЛИ. Ф.1568. Оп.1. Ед.хр.9. Л.11). Впоследствии Благов переехал в Париж, где умер 29 апреля 1934. См. также: Из истории «Сегодня». Кн.1. На грани эпох. С.281.

⁴⁸ Ключников Юрий Вениаминович (1886–1938), глава сменовеховского движения, основатель (вместе с Ю.Н.Потехиным) газеты «Накануне». Вернувшись в СССР вместе с другими берлинскими сменовеховцами, заведовал Кабинетом международной политики Коммунистической академии. Расстрелян.

См. также о нем: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, <1983>. С.106-107.

⁴⁹ Ежедневная газета «Накануне» выходила в Берлине в 1922–1925 как фактическое продолжение газеты «Новый мир» (см.: Новая ежедневная газета в Берлине. Беседа с профессором Ю.В.Ключниковым // Новый мир. 1922. 24 мар-

ких обстоятельствах произошло грехопадение⁵⁰; не сообщите ли?

Ветлугин, по-моему, глуп, и, при всем своем цинизме, неопытен, как щенок. Он должен был бы хоть бурцевские башмаки износить, – плохонькие, правда, но все же башмаки. Такие вольтфасы даже в наше мерзкое время пройти бесследно не могут, и это Ветлугину ох как припомнят! Прилагаю при сём его старую статью о Ключникове и К°. Почитайте на сон грядущий.

Толстым здесь кое-кто возмущается больше, чем Ветлугиним – почему, не знаю. Толстой тот же Ветлугин, только талантливее; и, вообще, всякий Дон Кишот выбирает себе Санчо-Пансу по вкусу.

(РГАЛИ. Ф.1697. Оп.1. Ед.хр.196. Л.1-2.)

В апреле 1922 года в Праге был образован Комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии. Комитет находился в ведении Министерства иностранных дел Чехословакии. Представители творческих профессий могли рассчитывать на ежемесячную стипендию от МИД ЧСР. В уставе Комитета говорилось: «Денежными средствами со стороны Правительства Чехо-Словацкой Республики могут пользоваться проживающие в Чехо-Словакии русские писатели и журналисты, оставившие Россию, не нашедшие постоянного, регулярного и в достаточной мере оплачиваемого труда, причем преимущество имеют прежде всего лица преклонного возраста и нуждающиеся в отдыхе для восстановления здоровья и трудоспособности. Помощь может быть оказываема и ближайшим членам их семейств, т.е. жене и несовершеннолетним детям»⁵¹. Субсидия выдавалась ежемесячно, начиная с 15 апреля 1922 и до конца 1920-х, когда «Русская акция» постепенно сошла на нет⁵². Возвратить деньги получающие обязывались «по возвращении в Россию», «по установлении в России нормальных порядков», «при первой возможности» – т.е. никогда: фактически ссуда была безвозвратной, и вопрос о ее возврате в анкетном листе задавался для профформы.

Хотя, по уставу Комитета, ежемесячное пособие от чехословацкого правительства могли получать лишь проживающие в Чехословакии русские литераторы (выезд разрешался лишь на срок 2-3, много 4 месяца), на практике эту формальность нередко обходили. Получал чешскую субсидию Бунин в Грассе. Марина Цветаева и Сергей Эфрон, переехав в Париж, продолжали получать пособие, за что Цветаева благодарила В.Ф.Булгакова,

та). В передовой статье первого номера «Накануне» (вышел 26 марта) призывалось к примирению с советской властью и говорилось о необходимости всем работать для этого.

⁵⁰ Речь идет о вхождении А.Ветлугина и А.Толстого в число ведущих сотрудников «Накануне».

⁵¹ РГАЛИ. Ф.1568. Оп.1. Ед.хр.1. Л.24.

⁵² «...Чехи прекратили пособия – это минус 380 фр.», – записывала 9 января 1929 в дневнике В.Н.Муромцева-Бунина. Но, по-видимому, еще два года какие-то поступления продолжались, ибо 10 января 1931 появляется запись: «Яна огорчило прекращение субсидии от чехов» (Устами Буниных. Т.II. С.195, 237).

тогдашнего председателя Комитета, в письме от 18 января 1926⁵³. Чешская исследовательница Г.Ванечкова пишет в своем предисловии к публикации писем Цветаевой В.Ф.Булгакову: «В это время, в связи с тем, что М.Ц. не возвращается в Прагу, ей вполуполу сокращают денежную помощь, даваемую чехословацким Министерством иностранных дел. Сохранить эту помощь удалось благодаря стараниям В.Булгакова и М.Слонима. Написав письма тому и другому, но не получив ответа от Слонима, М.Ц. жалуется Булгакову, что эсеры на нее наплевали. В своих комментариях к письму Валентин Федорович пишет: “Упрек М.И-ны оказался неверным, ибо именно благодаря предстательству эсеров (особо влиятельной группы в Праге, в руках которой был и журнал *Воля России*, где М.И-на сотрудничала), ей продлена была выдача пособия без обязательства возвращаться в Прагу”. Из комментариев узнаем и о том, что В.Булгаков, каждый месяц получая это пособие, посылал его во Францию семье Цветаевой»⁵⁴.

Годом раньше семьи Цветаевой «эмигрировал» из Праги в Париж С.К.Маковский, который в своих письмах к казначею Комитета М.Л.Заблоцкому⁵⁵ объяснял свой переезд причинами личного характера⁵⁶. Он так

⁵³ Письмо публиковалось неоднократно. См., напр.: Встречи с прошлым. Вып.2. 2-е изд. М.: «Советская Россия», 1985. С.192-193; или: *Марина Цветаева*. Письма Валентину Булгакову. 1925–1927. Прага: Музей Чешской Литературы, 1992. С.36-37.

⁵⁴ *Марина Цветаева*. Письма Валентину Булгакову. 1925–1927. Указ. изд. С.8.

⁵⁵ Михаил Лазаревич Заблоцкий (24.IX/7.X.1861–?) – бывший присяжный поверенный, прибывший в Чехословакию из Швейцарии на жительство в Прагу 15 февраля 1922, по паспорту, выданному ему голландским консульством в Константинополе 25 января 1921. Некоторое время преподавал на Русском юридическом факультете. Вскоре, по назначению от Министерства иностранных дел ЧСР, был направлен для ведения делопроизводства и казначейства в Комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии. Последнее обстоятельство привело к тому, что Заблоцкий стал ключевой фигурой в Комитете, несмотря на то, что ему принадлежал только совещательный голос (первый состав Комитета выглядел так: председатель – проф. Е.А.Ляцкий, члены: П.Б.Струве, проф. П.А.Сорокин, В.В.Сухомлин и П.М.Брушвит).

⁵⁶ Приводим эти «человеческие документы», могущие представить интерес для биографов Маковского. Его жена – Марина Эрастовна; о детях сведений обнаружить не удалось.

«23, rue Brey Paris XVII. 1-го февраля <1925>

Глубокоуважаемый Михаил Лазаревич,

Вот уже почти два месяца, как я в Париже... Время летит, и все еще трудно сказать точно, когда – в обратный путь... Можно говорить с Вами, как с другом? Мне кажется, что можно, и что Вы не сочтете нескромной откровенностью мое желание поделиться с Вами мыслями, давно уже ставшими для меня мучительной тяжестью. Дело в том, что скоро я должен приехать в Прагу, но *совсем* вернуться было бы для меня слишком жестоким испытанием: в течение этих двух месяцев Парижа я сделал все от меня зависящее, чтобы как-нибудь наладить здесь жизнь по-новому... Вы удивлены? Но Вы не знаете одного главного обстоятельства, о котором я и хочу сказать Вам, как это ни тяжело. Я расхожусь с женой. Моя семья рухнула. Не по *моей* вине – ни вольной, ни невольной. Точнее

сказать, от меня лично немного даже зависит. Случилось бесповоротное. После пятнадцати лет семейной “постройки” – складывай, неудачливый архитектор, инструмент и беги куда глаза глядят! Верьте мне, что я не преувеличиваю ничего. Это правда. Единственная мысль моя теперь – только дети, – постепенно устроить так их существование и воспитание, чтобы грехи родительские не искалечили их жизнью. Еще хорошо, что они так малы. Старшего я мечтаю определить в какое-нибудь закрытое учебное заведение здесь, в окрестностях Парижа. Как вырешится вопрос о младших, еще не знаю. Пока делаю только все возможное, чтобы обеспечить им хорошее воспитание в Ржевнице. Мне удалось кое-что заработать в Париже, больше, чем я мог бы заработать в Праге. А теперь, при наступивших обстоятельствах, бесконечно оскорбительных для меня, я вообще не представляю себе, как бы я мог работать в той атмосфере, где столько лет прожил счастливым семьянином...

Пишу Вам все это, потому что Вам, одному из очень немногих, безусловно верю и глубоко ценю Ваше отношение ко мне. Передо мной, повторяю, очень тяжелая задача. Для разрешения ее, хотя бы частичного, необходимо пробыть еще некоторое время в Париже и пожать плоды моих *неимоверных* усилий в поисках заработка. Работая так, как я работаю сейчас (тоже *около* искусства, но – увы – не в писательской области), я могу посылать моей матери подкрепление для семьи. Но скоро она покинет Ржевницу; тогда я вернусь, чтобы забрать старшего сына и хлопотать лично о том, чтобы в течение еще нескольких месяцев меня не лишали ссуды, без которой я бы никогда не мог сводить концы с концами и понемногу платить долги, накопившиеся за три года. А пока я горячо прошу Вас прислать мне еще одну расписку для заполнения ее, на тот случай, если мне не откажут в ссуде в феврале месяце.

Во всяком случае, напишите мне, очень прошу Вас, грозит ли мне что-нибудь, если я продолжу мой парижский “подвиг” (поистине! – если бы Вы знали, как я устаю, после болезни особенно, “к счастью” оказавшейся лишь “морального” свойства) – до после половины февраля?

Выехать сейчас – значило бы не завершить ни одного из начатых дел и не использовать ни одной открывшейся возможности “воскреснуть из полумертвых”. Я хочу, чтобы Вы это знали и помогли мне советом.

Искренно Вам преданный
Ваш Сергей Маковский»

В письме от 4 мая 1925, благодаря Заблоцкого за его хлопоты перед Министерством иностранных дел, Маковский писал:

«Если бы не Ваше дружеское расположение ко мне, конечно, пражские коллеги не стали бы ломать копий за блудного сына, променявшего беженскую Прагу на беженский Париж, своего рода – изменника. Но Вам известно, что я бы, вероятно, никогда не совершил этой измены, не случись в моей семье того, о чем я Вам написал со всею откровенностью.

Не очень-то здесь уютно, и, конечно, ни о какой поддержке с чьей-либо стороны и думать не приходится. Выпутывайся сам как знаешь. Очень помогло мне знание (не обычно-русское) французского языка и кое-какие художественные познания. Мне кажется, что, через некоторое время, парижане настолько почувствуют во мне нужду, что само собою обеспечится скромное существование и возможность посылать домой на детей прожиточный минимум. Но не исключены и другие, более серьезные удачи. Более всего занимает меня вопрос о создании международного журнала (на французском языке) по современному искусству. У меня уже есть надежда, и не иллюзорная, на необходимые, нема-

же исхлопотал себе право продолжать получать, по крайней мере несколько лет, чешскую субсидию.

Практиковались также обращения за денежной помощью напрямую к президенту республики Томашу Масарику. Лазаревский, лично знакомый с президентом, записал в дневнике 21 марта 1925:

Проделал я сегодня еще одну штуку – написал Масарику поздравление – и прошение о пособии. Масарик – либерал, но на похороны писателя Аверченко – венюк не прислал...⁵⁷

4 апреля появилась такая запись:

От Масарики я денег не жду <...>.

*Из русских писателей я стал ближе всего к чехам и мно-
го сердца отдал им. <...>*

Страна, в которой Е.Н.Чириков – это Лев Толстой, а Вас. Немирович-Данченко – это Достоевский. Я бы не хотел быть там Мопассаном даже.

20 апреля Лазаревский записывает:

9 часов вечера. Сон или явь? 3000 фр., а не сж от Масари-
ка. <...> Упал на колени и Господа возблагодарил. И как это
вышло-то: чуть я ближе к Нему, сейчас и Он ко мне. Это чудо
без кавычек. Теперь повезет... <...> 12 ч. ночи. Успокоился.
Ночь теплая, не сухая. Много дум. Я счастливеец. Это лучше,
чем выиграть. А теперь думается, как удвоить эту сумму – не
застраховаться ли в пользу Оли и Газиньки?

21 апреля:

Не хочется играть; заметил: если деньги есть – никогда я
не играю.

лые средства. Если это дело осуществится в задуманных рамках, тогда обо мне
услышит и официальная Прага и не пожалеет об оказанной мне помощи».

(РГАЛИ. Ф.1568. Оп.1. Ед.хр.245. Л.6-8, 10об.-11об.)

⁵⁷ Вероятно речь идет о запоздалом поздравлении Томаша Гаррига Маса-
рика (1850–1937), первого президента Чехословакии (1918–1937), с 75-летием
(его день рождения приходился на 7 марта). Об Аркадии Аверченко Лазарев-
ский записывал 14 марта 1925:

«...умер Аркадий Аверченко. А был он поздоровее нас. Когда Миклюковы
<так! – С.Ш.> и Шульгины вынудили Государя отречься от престола, Аверченко
на фотографии Высочайшего манифеста написал: “Прочел с удовольствием”, но
потом жил в Праге и скитался за границей без удовольствия и умер на чужбине
именно потому, что Россия осталась без хозяина... Что он думал умирая? А ве-
сельный человек был, человек огромного остроумия, но еврейского образца – мать
еврейка».

Ср. мнение Куприна о русской революции в письме к своему другу борцу
И.М.Заикину: «Зачем, о, Иван, затеял Ты революцию во время войны? Это все
равно, что случился пожар в борделе, а проказливый гость заливает его кероси-
ном» (РГАЛИ. Ф.2347. Оп.1. Ед.хр.25. Л.8об.).

Получив 3000, я две из них спрятал во внутренний карман жилета, а третью начал тратить⁵⁸.

Получение денежной помощи от чехословацкого президента вызвало у Лазаревского следующие размышления:

16 мая 1925, среда

Пустой день и к вечеру опять дождь. Думаю о богатых русских... Кажется, ни один из русских не помог ни Куприну, ни Бунину, не говоря обо мне грешном. В самом деле... Первый, помогший мне как следует, был француз, однорукий *comendant* Тьема... Дальше француз Эрнест Вугон. Дальше – полуармянин С.Г.Лианозов⁵⁹. Дальше – совсем армянин Б.Н.Долгоруков-Аргутинский. Дальше – чех Топич, чешка Маня Прагрова... Дальше – швед Хегелин... Иудейка Денисова С.В. Наконец, президент Чехо-славянской <так! – С.Ш.> республики Масарик и, не делами, не деньгами, так советами – немец, барон Нольде⁶⁰... В Киеве украинцы – Косучий, Олександр Кошиц⁶¹. А русские: Рябушинский⁶² грубо отказал, Денисов⁶³ говорил по-хамски, Коковцов⁶⁴ – совал 50 фр. (sic).

⁵⁸ См. в нашей публикации письмо №12 от М.П.Арцыбашева от 26 мая 1925, который также воспользовался помощью чехословацкого правительства. Ср. в письме М.Цветаевой к А.Тесковой из Франции от 24 сентября 1926:

«Для настойчивости в просьбах нужны – наивность, цинизм, бесстыдство: нужно поверить в то, что ты – для Чехии, напр. – *фигура*, поэт, для обществ. деятелей – ценность, поверить в целый ряд несообразностей и внушить их другим. Или же: прикинуться дурачком, убогеньким, нищенским: “по-о-дайте, Христа ради!”» (*Марина Цветаева. Письма к Анне Тесковой. СПб., 1991. С.36*). Напомним, что в январе 1926, в виде исключения из правил, Цветаева, хлопотами В.Ф.Булгакова, чешскую стипендию получила.

⁵⁹ О С.Г.Лианозове см. письмо №4.

⁶⁰ Нольде Борис Эммануилович, барон (1876–1948), государственный и общественный деятель, дипломат (в годы Первой мировой войны был советником министра иностранных дел С.Д.Сазонова). Кадет, член Предпарламента. В эмиграции с 1920. Входил в члены акционерного общества изд-ва «Иллюстрированная Россия» (создан 21 мая 1926), сотрудничал в «Грядущей России» и «Современных записках». Выпустил на французском языке 700-страничное исследование о союзе между Российской империей и Французской республикой, подписанном Александром III в Париже 15/27 августа 1891 (*Baron Boris Noldé. L'Alliance franco-russe. Les origines du système diplomatique d'avant guerre. Institut d'Etudes slaves de l'Université de Paris. Collection historique. VII. Paris, 1936*). Впоследствии за участие в движении Сопротивления награжден орденом Почетного легиона.

⁶¹ Об А.Кошице см. письмо №2.

⁶² Во Франции в эмиграции жили три брата Рябушинских: Василий, Дмитрий и Павел Павловичи. Здесь, вероятно, имеется в виду Павел Рябушинский (1868–1924), промышленник, издававший до революции в Москве газету «Утро России».

⁶³ Денисов Николай Хрисанфович, инженер, предприниматель и общественный деятель, директор-распорядитель Русско-азиатского банка. В эмиграции – председатель правления Российского Торгово-промышленного и финансового союза («Торгпром»), председатель торгово-промышленного съезда, созванного

Все это весьма красноречиво. Дело не обо мне, Борисе Лазаревском, а о *писателе русском* Борисе Лазаревском....

Куприн, вероятно, давно бы повесился, если бы не иудей Розенталь⁶⁵ и иудейка Денисова...

в Париже в мае 1921. Одно время финансировал деятельность Комитета Освобождения России. Под своим именем гротескно описан А.Н.Толстым в романе «Черное золото», печатавшемся на протяжении 1931 в «Новом мире» (позднейшее название – «Эмигранты»). См. в дневниковой записи В.Н.Муромцевой-Буниной от 3 января 1932: «...ведь сплошная подлость. Денисов бывал у нас, но никаких деловых нефтяных разговоров мы не вели <...> Тут подлость, он лучших друзей оклеветал. <...> – А мне все кажется, что он вернется в эмиграцию и опишет всех этих большевиков, – сказал Ян, – и мы ему все простим» (Устами Буниных. Т. II. С.260).

⁶⁴ Коковцов Владимир Николаевич, граф (1853–1943), российский государственный деятель, министр финансов, председатель Совета министров, банкир.

⁶⁵ Леонард Розенталь, уроженец Владикавказа, выпускник Петербургского коммерческого училища, торговец антиквариатом, затем (с 1907) – жемчугом и драгоценными камнями. В эмиграции учредил во Франции «Фонд Рашели» (по имени матери) для помощи нуждающимся евреям. См. о нем: *Познер С.* Евреи Парижа. Леонард Розенталь // Народная газета. (Пряшев, Чехословакия). 1925. 11 ноября (Иерусалимский архив русского еврейства, архив С.В.Познера, газ. вырезка. Сообщено Р.Янгировым). См. также в воспоминаниях К.А.Куприной: «Помогал <писателям> также известный в кругах русской эмиграции некий “король жемчуга” Леонард Розенталь. Существовала легенда, что начал он свое колоссальное богатство с того, что мальчиком в ресторане, открывая устрицы, в одной из раковин нашел жемчужину.

Розенталь сам считал себя немного причастным к литературе, написал и издал на свои средства две книги с прекрасными иллюстрациями. Писателям он помогал материально, а у других эмигрантов охотно покупал оставшиеся драгоценности, в особенности жемчуг. В своем особняке он часто устраивал приемы, куда приглашались сливки русской эмиграции. Впоследствии Леонард Розенталь помог моей матери открыть переплетную мастерскую» (Куприна. С.164).

Бунины оставили в дневнике несколько упоминаний о Розентале. Приводим их (первая запись Веры Николаевны, следующие – Ивана Алексеевича):

«10/23 июня [1920]. Банкет с французами. <...> Рядом со мной сидел Розенталь, король жемчугов, он русский еврей, ставший французом. Родился в Ставрополе, все богатство приобрел сам своим коммерческим гением. [...] Он очень прост, видимо, интересуется русскими писателями. [...] Он нас пригласил к себе. У него свой отель около парка Монсо. [...] Поедем и посмотрим, как живут в Париже миллионеры»; «14/27 июня. Вчера были у “короля жемчугов” Розентала. [...] Рыжий еврей. Живет [...] в чудеснейшем собств. отеле (какие-то гобелены, есть даже церковные вещи из какого-то древн. монастыря). <...> Сам – приятель Пьера Миля, недавно завтракал с А.Франсом. Говорят, что прошлый год “заработал” 40 миллионов фр.»; а также запись И.А.Бунина: «11 Апреля. <...> в 5 у Мережковских с Розенталем. Розенталь предложил нам помощь: на год мне, Мережковскому, Куприну и Бальмонту по 1000 фр. в месяц» (Устами Буниных. Т. II. С.44, 46, 85).

В справочнике А.Д.Алексеева «Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии» под №1981 зафиксирована одна книга Л.Розентала, с характерным заглавием: «Будем богаты» (Париж: La Presse française et étrangère, 1925).

И что было бы с академиком Буниним, если бы не иудей Цетлины и Фундаминский⁶⁶...

Значит, русские не могут или не желают ценить работников художественной литературы.

Они поддерживали, в лице Денисова, только Алешку Толстого, человека хулиганистого, Маяковского и Дроздова⁶⁷,

О Л.М.Розентале и его благотворительном фонде см. также: Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского / Публ. и комм. М.Ю.Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб., 1998. С.321-325 (прим.13).

В 1937 разорившийся Розенталь напечатал в парижском журнале «Конфессион» свою исповедь. Оказалось, что «...человек, продавший за 30 лет на 12 миллиардов франков жемчугов, начал свою коммерческую деятельность с капиталом в... 42 франка.

Однажды в Отеле Друо он познакомился с итальянцем-плотником, который разглядывал груды лежавших на полу досок.

– Как жаль, что у меня нет десяти франков, чтобы купить этот нормандский шкаф, – сказал итальянец.

– Какой шкаф?

– Да вот эти доски... Это и есть разобранный нормандский шкаф.

Через несколько минут “компаньоны” купили доски за 13 франков и отвезли их на тачке в мастерскую итальянца. Шкаф был составлен, отремонтирован и благополучно перепродан с прибылью в несколько франков... Это было первое доходное дело Леонарда Розенталя.

С тех пор были другие, не менее доходные дела... Сын скромного владикавказского торговца стал “королем жемчугов”, скупал весь ежегодный улов жемчуга Персидского залива, выстроил десятки домов на Елисейских полях и пожертвовал на благотворительные цели астрономические суммы.

Потом наступил кризис. В несколько недель Л.М.Розенталь потерял 450 миллионов франков и вместе с ними свою “жемчужную корону”.

– Но если я почти вернулся к моему исходному положению, – говорит он, – я все же проделал большой путь. Человек, всю свою жизнь просидевший неподвижно, и тот, кто совершил кругосветное путешествие, в конечном счете оказываются на одном и том же месте. Но между ними все же лежит кругосветное путешествие...

Отличный урок философского отношения к жизненным успехам и неудачам», – писала в «Иллюстрированной России» Железная Маска (1937. №14. 27 марта).

⁶⁶ Цетлины: Михаил Осипович (1882–1945), прозаик, поэт (псевд. Амари), издатель, меценат, и его жена М.С.Цетлина (см. прим.38). Фондаминский (Фундаминский) Илья Исидорович (1880–1942), публицист (псевд. Бунаков), издатель, редактор, постоянный сотрудник «Современных записок». Погиб в гитлеровском концлагере.

⁶⁷ Маяковский впервые провел в Париже 7 дней в ноябре 1922, затем приезжал туда в ноябре 1924, выступал, давал интервью парижским литературным газетам, присутствовал при приезде в Париж первого советского посла Л.Б.Красина (4 декабря).

Дроздов Александр Михайлович (1896–1963), писатель. После эвакуации из Крыма в Константинополь, провел в Париже 3 месяца и в 1921 перебрался в Берлин. Вскоре перешел на просоветские позиции, активно сотрудничал в газете

«людей» абсолютно продажных и продающих родину. И не брезгающих...

А как оттолкнул меня Бобринский⁶⁸, как оставила без ответа <красавица?> Елена Владимировна⁶⁹, как не откликнулся Юсупов⁷⁰... Один С.И.Рахманинов⁷¹ от своих богатств прислал 400 франков, из Америки – 20 долларов... C'est tout.

В публикуемых письмах Куприна отражается сложное и, как нынче говорят, «неоднозначное» отношение его к приятелю молодых лет Бунину. В этой связи неожиданно большое внимание оказано теме геморроя почетного академика. Казалось бы, сугубо интимная медицинская проблема активно обсуждается, становится постоянной темой разговоров в русской эмиграции. Более того, получает даже международное признание, вдохновляет поэтов. Так, исключенная из окончательного текста «Анны Снегиной» строфа:

«Скотом» тогда некий писака
Назвал всю мужицкую голь
И в зад геморрой наплакал
За барскую участь и боль –

«Накануне», в декабре 1923 возвратился в Москву. Как Н.Х.Денисов «поддерживал» А.Н.Толстого, Маяковского и Дроздова – нам не известно.

⁶⁸ Вероятно, граф Алексей Александрович Бобринский (1852–1927), бывший крупный сахарозаводчик, министр земледелия, член Государственного Совета. В эмиграции жил и умер в Ницце.

⁶⁹ Елена Владимировна, вел. княгиня (1872–1938). В эмиграции занималась благотворительностью, открыла в Париже детский приют своего имени.

⁷⁰ Князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович (1887–1967), организатор и один из участников убийства Распутина. Л.Д.Любимов вспоминал о нем:

«Все десятилетия, отделяющие нас от ночи на 18 декабря 1916 года, когда он совершил свой самый значительный поступок, Феликс Юсупов прожил как убийца Распутина и больше уже не пускался ни в какие политические авантюры. <...> Юсуповы открыли в Париже ателье мод. Опыта не было, и дело прогорело. Тогда князь Феликс взялся за перо. <...> Однако доходы от книги быстро улетучились. <...> Голливуд выпустил фильм об убийстве Распутина. Это была очередная американская клюква “из русской жизни”, причем клюква с порнографией. <...> Но забыв, что Юсуповы – живые люди, Голливуд изобразил главной распутинской фавориткой княгиню Ирину, придав ей вид разнузданнейшей Мессалины. Это было нелепо, так как жена Юсупова всегда считалась крайне скромной женщиной, жила в уединении и почтительно обожала мужа. <...> Было возбуждено дело об “опорочении доброго имени матери семейства”. <...> особенно высоко был оценен в долларах “моральный ущерб”, так как фильм успел появиться на сотнях экранов.

С тех пор Юсуповы уже не нуждались в деньгах» (Любимов. С.63–65).

⁷¹ Так в тексте, причем первоначальное «С.В.» исправлено на «С.И.». О ком идет речь, сказать затрудняемся – скорее всего, Лазаревский ошибочно переправил инициалы, и здесь имеется в виду именно композитор Сергей Васильевич Рахманинов.

не только свидетельствует об оскорбленном самолюбии Есенина, мстящего за уничижительные отзывы Бунина о его, Есенина, стихах, но и о том, что, проскочив перед поездкой в Америку сквозь несколько европейских стран в стремительном «турне» с А.Дункан, Есенин нашел нужным спустя три года отметить и зафиксировать эту специфическую тему бесед в парижских литературных салонах. В.Яновский вспоминал: «Бунин на собраниях или в гостиной был наряден и любезен. Тщательно выбритый, с белым лицом, седой, иногда во фраке, подчеркнута сухой и подтянутый дворянин, европеец.

– Это он после того, как ему вырезали геморрой, начал себя так держать! – уверял <Георгий> Иванов, еще больше оттопыривая нижнюю губу»⁷².

И позднее сам «нобелианец» охотно поддерживал беседу на геморроидальные темы. «Кстати о Бунине, – писал из Ниццы 5 июля 1934 А.П.Бурову Lolo (поэт-сатирик Л.Г.Мунштейн), переживавший тогда не лучшие времена, – его совет я принял к сведению, но нигде не могу найти хорошего, малоподдержанного геморроя!»⁷³

⁷² Яновский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб.: «Пушкинский фонд», 1993. С.135.

⁷³ РГАЛИ. Ф.2274. Оп.1. Ед.хр.57. Л.82об. Адресат письма – Буров (наст. фам. Бурд) Александр Павлович (1876–1967), драматург, прозаик, любопытная фигура в мире русской литературной эмиграции. По образованию инженер-технолог, он в России был директором завода «Феникс» и инженером-консультантом франко-русских заводов, а под псевдонимом Бурд-Восходов (Восходов – по фамилии жены) стал известен как автор и переводчик с немецкого более 30 «кассовых» пьес (в том числе Г.Гауптмана и Г.Зудермана). В эмиграции, куда он попал, перейдя в феврале 1919 польско-германскую границу пешком, «в одном, до земли, брезентовом пальто», Буров начал с удачных коммерческих операций и быстро разбогател. «Писатель Буров – после Крымова самый обеспеченный материально человек среди всей нашей литературной семьи Парижа», – писал 14 февраля 1937 парижский корреспондент рижской газеты «Для Вас» Мата д'Ор (Для Вас. 1937. №7. 14 февраля; псевдоним принадлежит Н.Н.Брешко-Брешковскому). Несмотря на то, что он был евреем, Буров сохранил дружеские отношения с редактором русской нацистской газеты «Наше слово» В.М.Деспотули (бывшим сотрудником «Руля», затем берлинским корреспондентом «Возрождения»), которого большая часть эмиграции бойкотировала. Последний писал Бурову 8 декабря 1934:

«Дорогой Александр Павлович, я знаю, что Вы, как человек умный и чуткий, отлично учитываете обстановку, в какой приходится делать газету, и не ставите мне многого в вину.

Вы отлично ведь понимаете, что *другой* газеты сегодня в Германии быть не может. И не слава ли Богу, что мы избавились от расхлябанности и кружковщины интеллигентских диктаторов печати?

Я могу Вас заверить в том, что я действительно являюсь полноправным и совершенно самостоятельным редактором, решительно ни от кого не получающим указания, как нужно составлять очередной номер. Такой свободы я не знал ни в одной из «свободных» газет гессенского или гукасовского толка.

Вымер русско-еврейский Берлин. Тоска в нем. Затянуло паутиной. Но и в нее никто не попадает и пауки сидят тощими, голодными.

Благодаря газете, встречаю с очень интересными людьми, меня приглашают на всевозможные официальные приемы. Очень характерна та скромность,

с какой проходят банкеты иностранной печати у, скажем, Розенберга или Геринга.

Жду не дождусь, когда смогу Вас угостить у Рубинштейна <фешенебельный берлинский ресторан. – С.Ш.> нашим славным берлинским обедом. Придете – увидите, как хорошо у нас...» (РГАЛИ. Ф.2274. Оп.1. Ед.хр.41. Л.16об.)

В паузах между деловыми оборотами снова занявшись литературой, Буров перешел на прозу. Он много помогал писателям деньгами, устройством их изданий, даже вещами (жене Lolo-Мунштейна В.Н.Ильнарской прислал швейную машинку, а В.М.Деспотули, когда тот бедствовал, подарил костюм), но вполне не бескорыстно, а требуя рецензий на свои более чем слабые, если не прямо графоманские произведения. После получения «безвозвратной ссуды» рецензенты, разумеется, не могли быть строги. В числе жертв буровских субсидий оказались И.А.Бунин (старавшийся отделаться маловразумительными похвалами в переписке – см. нашу публикацию «Бунин и Буров» в «Общей газете» от 26 окт. 1995), Г.В.Адамович, П.М.Пильский, А.Ф.Даманская и др. Кроме того, Буров с 1931 финансировал издание «Чисел», за что этот журнал был вынужден постоянно его печатать, а «Иллюстрированная Россия» на своем конкурсе в 1934 присудила его рассказу «Сын гренадера» первую премию, каковая также была оплачена автором. До конца жизни Буров не сомневался в своем писательском призвании, странным образом ослепляя им же оплаченными отзывами. Его послевоенные произведения оставляют при чтении диковатое впечатление и похожи уже не на рядовую графоманию, а на творчество душевнобольного. См., например: «Тяжко мне, тяжко без Сталинградской России. В трех балладах. Плач вопиющего в пустыне, читается как роман» (Лейден, 1947); «Москва далекая. Россия – книга золотая. В стихотворной форме» (Голландия, 1950); «Бурелом. Роман-летопись поколения последних императоров». Т.1-3 (Париж, 1955–1957) и др.

В фонде Бурова в РГАЛИ (Ф.2274) сохранилось большое количество писем Г.В.Адамовича, М.А.Алданова, А.В.Амфитеатрова, И.А.Бунина, С.А.Горного, Р.Б.Гуля, А.Ф.Даманской, Lolo (Л.Г.Мунштейна), П.М.Пильского, А.А.Плещева, А.М.Ремизова и др. Многие из этих писем ярко рисуют двусмысленность отношений их авторов с Буровым, который с беззастенчивой и непоколебимой уверенностью в праве платящего заказывать музыку, требовал отзывов о своем «творчестве». Достаточно сказать, что П.М.Пильский, «умный, одаренный, прозорливый, который говорил, что от всякой фальши его корчит и сводит как от судороги в ноге» (Дон Аминадо. С.63), упомянул Бурова рядом с Достоевским (Сегодня. 1932. 1 декабря), а в отзыве на роман «Господи... Твоя Россия» писал: «Лично я, зная автора, не хочу обращать внимания на технические промахи, стилистические неудачи, грамматические нарушения, жаргонные выражения. Все это для *меня* становится второстепенным, потому что меня захватывает надрывный голос страдальчества, а когда человек рыдает, я не могу обращать внимания только на то, что у него брюки плохо выглажены» (РГАЛИ. Ф.2274. Оп.1. Ед.хр.93. Л.26).

Просили у Бурова денег зачастую довольно бесцеремонно, что порой вызвало его раздражение и гнев. Приводим письмо на редакционном бланке «Чисел», поверх текста которого Буров размашисто написал красным карандашом: «Редакция явно с ума сошла!».

«Paris, 1 Nov. 1931

Дорогой Александр Павлович,

Я сделаю все и пойду на исключение из всех наших правил, чтобы поместить возможно большую часть Вашего материала в ближайшей книге “Чисел”.

Но раньше, чем подписать соглашение с типографией, перед которой должен обязаться на 12 тыс. франков, я хочу спросить Вас, можем ли мы рассчитывать на Ваше содействие в этих размерах. Остальные расходы, приблизительно на ту же сумму, я смогу покрыть из денег, добываемых с трудом здесь, в Париже.

12 тыс. с прибавкой еще одной-двух позволят нам “Числа” выпускать и хорошо издать отдельными выпусками Вашу книгу. Ответьте, прошу, безотлагательно. Сообщите также, когда тоже приедете в Париж.

Жму руку.

Сердечно Вам преданный

Ник. Оцунт

(РГАЛИ. Ф.2274. Оп.1. Ед.хр.63. Л.16)

«Числа» в это время публиковали длинную повесть Бурова «Была земля».

Понятно, что современники нимало не заблуждались насчет фигуры Бурова, но отношения с ним портить не решались. «...если Вы привезете мне ленту для моей дрянной, старенькой машинки “Эрика” – с 1920 года, с золотого века “Граней” стучу на ней, – ленту в 16-ть миллиметров, в шестнадцать – то буду Вам очень признательна, как признательна Вам за многое другое...» – писала Бурову из Праги 16 марта 1931 А.Ф.Даманская. Она же, перебравшись в Париж, писала оттуда в Прагу Е.Д.Кусковой 1 августа 1931: «Буров давал несколько раз “Числам” деньги небольшие – с тем, чтобы помешали его бездарные повести. Чего он хочет? – чтобы его хвалили и не спрашивали у него денег. Он мой земляк, когда-то давно, когда он был оборванный, вечно голодный гимназист, а я избалованная девочка, дочка состоятельных родителей, – он мне давал уроки алгебры и геометрии, и тогда трудно было предположить, что он разовьется в такого – хама» (ГАРФ. Ф.5864. Оп.1. Ед.хр.154. Л.6. Сообщено Р.Янгировым). Одновременно Даманская засыпала Бурова множеством лживых писем.

Одной из распристранных и традиционных, идущих еще от старой России, форм поддержки бедствующих писателей была своеобразная складчина: устройство их платных вечеров (причем за билет платили кто сколько пожелает), с тем, чтобы сбор шел в пользу автора. Вера Николаевна Муромцева-Бунина, прислав из Грасса Бурову билет на парижский вечер Марины Цветаевой, сопроводила его таким письмом:

«25 октября 1934

Многоуважаемый и дорогой Александр Павлович,

Простите меня за билет на вечер Марины Цветаевой. Я получила десяток с отчаянным письмом. Помочь ей необходимо, и я стараюсь издала пристроить часть билетов.

Положение ее действительно безвыходное. Работает она, как самая нищая женщина в эмиграции, – нужно видеть ее руки! Даже большую стирку она сама производит... Кроме того, у нее мальчик девяти лет много отнимает времени и забот, а она страстная мать!

Печатают ее мало. Реже, чем раз в 3 месяца! Этот заработок хватает лишь на “терм” – 300 фр. (квартира, значит, стоит 100 фр. в месяц! а ведь их четверо). Но нужен уголь, одеть, обуть мальчика, себя и что-нибудь “кушать”... заплатить в школу. Поэтому простите меня за беспокойство. Если Вы уже “ограблены”, то, может быть, Вы кому-нибудь продадите этот билет. Цена их мне неизвестна. Вы лучше знаете, как теперь они котировются на бирже “нашей маленькой жизни”*. Деньги или передайте в кассу, в случае, если будете сами на этом вечере, или пришлите ей прямо, упомянув, что билет получили от меня.

* Название книги Дон Аминадо (Прим. публикатора).

После Ниццы Лазаревский перебрался в Париж. Жить становилось все сложнее, все тяжелее. Но парижский дневник Лазаревского, содержащий документальные свидетельства этого периода его жизни, как сказано было выше, нам недоступен. Зато сохранились два письма Лазаревского к Куприну: от 21 октября 1927 и от 1 февраля 1932:

1

Дорогой Александр Иванович!

Ты не ответил мне на письмо. Когда можно зайти? Я выздоровел, но душе скучно, – негде работать. В «Возрождении» – Семенов⁷⁴ ласков и чуток, но Маковский и Ходасевич... Вытурили Сургучева, вытурили и меня... Если побывать 1 час в редакции, то сразу это слышно. Как на улице против венерических болезней раздаются листочки с рекламами докторов, – так в издательстве здесь *тычут этого Ходасевича*, может и поэта, но нездорового, с узенькими глазами, скупого и непоэтичного. Противно. Иди некуда... Я, как пес слышит злую кошку, слышу злость этих Ходасевичей и Маковских и вымученность их «поэзии». Некуда деться, а жить только для брюха – тоже не интересно.

Твой Борис
Paris
21. X. 1927

Ты пойми: Ходасевич редактор для меня...

2

21. II. 1932

Мой дорогой Александр Иванович!

Был бы счастлив, если бы «Кони»⁷⁵ – пошли скорее. Негде заработать и не у кого выпросить денег.

На днях в «Последних» Нов<остях>» нарвался на прилагаемый отрывок из статьи Кусковой⁷⁶. Настроение неваж-

Адрес Madame Zwetaieff-Efron, 33, rue Jean-Baptiste Pofin Vannes (Seine).

Третий раз прошу простить меня и заранее благодарю.

Ив<ан> Ал<ексеевич> и Зуров шлют Вам привет.

Душевно Ваша В. Бунина.

Ив<ан> Ал<ексеевич> думает в ноябре быть в Париже.

Читать Марина Ивановна будет о своем «музыкальном детстве». Это очень интересно. Я жалею, что не попаду».

(РГАЛИ. Ф.2274. Оп.1. Ед.хр.30. Л.2 и 2об.)

Лазаревский и Куприн от контактов с Буровым воздержались, ему не писали и денег не просили. (См. также: Из истории «Сегодня». Кн. II. Сквозь кризис. С.391).

⁷⁴ Семенов Юлий Федорович (1873–1947), редактор «Возрождения» после П.Б.Струве. См. о нем: Из истории «Сегодня». Кн. I. На грани эпох. С.286–287.

⁷⁵ Рассказ Лазаревского в «Иллюстрированной России» не появился; лишь через год он был напечатан в шанхайском журнале «Парус» (1933. №16. С.16–17).

⁷⁶ Возможно, имеется в виду статья Е.Д.Кусковой «Ленинизм – в архив» (Последние новости. 1932. №3972. 6 февраля. С.3–4).

ное; у тебя лучше, вероятно, ибо последний отрывок «Топография» – свежий и горячий, как удавшийся блин⁷⁷. В итоге будет хороший памятник хорошему прошлому. Не мне тебе говорить, но больших идеалистов, чем военная молодежь, в России не было, – они были ближе к Богу, чем студенты...

В конце недели хочу тебя повидать.

*Борис*⁷⁸.

Уйдя из «Возрождения» и спрятав самолюбие в карман, Лазаревский перешел в милюковские «Последние новости». Позиция газеты была ему не просто чужда, но прямо враждебна. При том, что ветлугинским цинизмом, позволяющим от подобных кульбитов абстрагироваться, Лазаревский не обладал, можно себе представить нравственное состояние немолодого, одинокого, бедствующего писателя.

Очевидно, что среди немногих друзей Лазаревского самым верным оставался Куприн. Дочь последнего, Ксения, вспоминала полужалостливо, полубрезгливо: «Вечером, когда наконец наступала тишина, приходил к нам старый, одинокий писатель Борис Лазаревский. Жадно и неопратно накидывался на еду, в которой мы не могли ему отказать»⁷⁹.

24 сентября 1936, прямо на станции парижского метро, 65-летний писатель умер от сердечного приступа.

Тексты публикуются с сохранением авторских особенностей правописания. Раскрытые сокращения и публикаторские конъектуры даны в угловых скобках. Авторские подчеркивания выделены курсивом; многочисленные карандашные подчеркивания Лазаревского не учитываются.

Многие письма, по эпистолярной неаккуратности, не датированы (особенно часто забывал проставить дату Куприн). Почтовые штемпели на открытках остались на обратной, приклеенной к странице дневника стороне и помочь в датировке не могут. Лазаревский проставил в углу некоторых писем дату и место своей рукой, но следует учитывать, что это – дата получения, а не отправления письма. Авторские даты воспроизводятся там, где их поставил автор письма, датировки Лазаревского даны в угловых скобках в верхнем правом углу. Кроме того, после номера письма, во всех случаях дается курсивом унифицированная публикаторская дата. Примечания к каждому письму начинаются с указания номера листа дневника, на котором оно приклеено.

Однообразные указания на архив (РГАЛИ) в архивных ссылках опускаются.

Считаю приятной обязанностью выразить искреннюю благодарность Рашиту Янгирову и Любови Белошевой за ценные консультации и помощь в подготовке данной работы.

⁷⁷ Название XXVII главы повести «Юнкера», открывающей ее 3-ю часть.

⁷⁸ РГАЛИ. Ф.240. Оп.1. Ед.хр.38. Л.4-5об. Письмо от 21.X.1927 опубликовано в книге К.А.Куприной с неверной датой, искажениями в тексте и без последней строки (см.: Куприна. С.155-156).

⁷⁹ Куприна. С.247.

Список сокращений:

Дон Аминадо – *Дон Аминадо*. Поезд на третьем пути. М.: «Книга», 1991.
Из истории «Сегодня» – *Абызов Ю., Равдин Б., Флейшман Л.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. I-V. Stanford Slavic Studies. Vol. 13-17. Stanford, 1997.

Куприна – *Куприна К.А.* Куприн – мой отец. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: «Художественная литература», 1979.

Куприн – *Куприн А.И.* Собр. соч.: В 9 тт. М.: «Художественная литература», 1970–1973.

Любимов – *Любимов Л.* На чужбине. М.: «Советский писатель», 1963.

Мнухин – *Мнухин Л.А.* Русское зарубежье. Хроника культурной жизни русской эмиграции. Т. 1-4. М.; Paris, 1995–1997.

НЛО – журнал «Новое литературное обозрение».

Устами Буниных – *Устами Буниных*. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы под ред. Милицы Грин: В 3 тт. Frankfurt am Main: «Посев», 1997–1982.

1

А.И.Куприн

(Открытие)

Париж, 15 марта 1925

<Париж. 15.III.1925>

Милый Борис,
пожалуйста, узнай и напиши мне адрес Л.И.Любимовой¹. Только поскорее.

Напиши еще, кто теперь есть в Нице из русских – знакомых и полужнакомых.

Приехать к Тебе я ужасно хотел бы. Но у меня пока нет ничего, кроме долгов.

У нас, вот уже 2-й день снег падает хлопьями, как в Рязанской губернии. Все бело: крыши, деревья и тротуары.

Твой *А.Куприн*

Л.7об.

¹ Любимова (урожд. Туган-Барановская) Людмила Ивановна (1877–1960), жена Д.Н.Любимова (см. прим.1 к письму №5), прототип княгини Шеиной в повести Куприна «Гранатовый браслет». Куприн был собственником известного экономиста и «легального марксиста» М.И.Туган-Барановского, брата Л.И.Любимовой (они были женаты на сестрах – дочерях директора Санкт-Петербургской консерватории Карла Юльевича Давыдова). Однако первая жена Куприна, Мария Карловна, была приемной дочерью. По

словам записывавшего ее воспоминания журналиста Н.К.Вержбицкого, ее родная мать – умершая после родов в тюрьме участница февральского царевубийства 1881 года Гезя Гельфман (см.: НЛО. 1994. №9. С.195). Впрочем, информация Вержбицкого особого доверия не вызывает, если учесть, что он получил известность, главным образом, своими фальсификациями (среди них – сочиненные им последние просоветские «купринские» статьи: сам Куприн к тому времени уже ничего написать не мог).

2

А.Кошиц

Рочестер (штат Нью-Йорк), 28 марта 1925

На бланке с грифом:
«Prof. Alexander Koshetz,
conductor of Ukrainian Chorus»

Рочестер 28/III-25 р.

Любий Борисе Олександровичу!

Листа Вашого я одержав, хоча й написано його на адресу, яка для мене тепер не існує. Дуже радий, що Ви поправились від Вашої хворости. Тепер черга за мною. З Вашої адреси я бачу, що Ви не знаєте про те, що ми вже не існуємо. І не існуємо уже цідий рік, і існувати не будемо. Коли б Ви поцікавились, то прийшлося би Вам слухать мое оповідання теж не менш року. І крім звичайної «маларасейської» історії Ви б нічого не почувли. Коротко сказати: скінчилась наша справа так, як повинна скінчиться кожна українська справа – насрали собі в кашу тай досі не можуть поїсти, бо ще на довго хватить цього добра... Був чудовий хор, на якого я витратив останні сили і нерви, була велика слава по всім Новім світі, така слава, якої ми не зазнали в Старому світі. Вся критика одноголосно говорила, що такого Америка ще не чула, що концерти мої були «музичною подією», що хор немає собі рівного на світі, ну і т.д. Але були в хорі і людці, типа дегенеративного брата Першого Прем'єра¹ і другі, чисто Капелянські типи, і була масса, яка до мозку кости пропитана була українським тупоумієм, зарозумілістю, жадністю і др. якостями національними. А Вам відомо, що е така порода, що не может сидіти за столом, на поклавше на него ноги, (– те що українці кажуть «люблять расперезатись»), – і що ще покойний Екклезіаст сказав: «лучше усерзья во ушю свиніи, неже слава капелянину». Так от, склавше це до купи, Ви і зрозумієте, як воно вийшло. Наш імпрессарій, втервяв на три тижні Мексіку (там була в той час революція), а разом с цим і головний заробіток, на який він так рахував. Через це він зняв с платні хору десять днів. От тут то і почались «маларасейські шутки!» Появились нові Чехівські, Кириченки,

Курчинські і др. «діячі», яким місто, коли не на Сахаліні, то в лікарні для божевільних, і почали: «будемо судом доходити, таку роботу знайдемо всюди, експлоатація, захист інтересів»; українська справа, товариство і інші «лозунги», то пак «гасла»... А далі, на Кубі перед концертом зробили штрайк. Імпресарій заплатив за 10 днів, але забрав назад котракти, які уже лежали у Тучапського, підписані і готові для роздачі. Контракт на цілий сезон 25/26 року! От і все... Надійшло людям, чи то пак копелянам їсти з чистої миски, а тут ще приклад таких злодіїв, як той добродій, якого хор Ви чули, – і всім захотілось в кабаре... «Рождзонний ползатъ літатъ не любить». Тепер ходять по Нью-Йорку, та світять штаньми, бо на фабриках таких «тружеників» не приймають, а халтурок тут стільки, що нікому хліба не хватає. От тобі і «ідейні українці» типа Чехівського, і «українська справа», якою вони прикривають своє українське свинство! Але, ну їх к чорту!!

Як бачите самі, я уже цілий рік лічусь правдивим «безробітним пролетарієм». Всі ці події, тай до того ще й страшенна «чисто Американська робота» так вплили на мое здоров'я, що й досі не можу очухатись. Цілий майже рік хожу меж «буттям і не біттям», але про це нікому не кажу, та мабуть і всі це бачать, тільки мені не кажуть... Зробився «живим трупом» і єдина ріжниця від Св. Лазаря, що не смержу. Ті 247.000 англійських міль, які я зробив «по морю і суше», щоденні концерти, та півтора року недосипання, вилазять тепер боком і не знаю, чи мої боки видержать цю операцію. До того ж додасть ще душевний настрій, в якому я при слові «українська справа» або «капелянин», – готовий лізти на стіну, то Ви може і зрозумієте мене. Як ніколи, як тепер глибоко відчуваю душевну трагедію Куліша² і Гоголя... Землячки можуть довести і до цього! Одно слово: погано, Тетяно!

Весь цей час прожив в Рочестері, який своїми деревами, та лагідною зимою, напоминає мені Україну і наш Святий Київ, як би тільки не автомобілі, та бриті морди, яких я ненавижу, здається, більш, ніж моїх милих «співробітників». В осени уже збірився помиратъ, але «умереть не умерла, только время (та ще й до того додам-гроші) провела». Далі... нема ніяких планів, ніяких надій... туман і мряка. Тут жить, – з голоду здохнеш, хор зробить – з ума зійдеш, вертатись в «любезное отечество» – назад не вернешся. Отакої то я слави зажив на старости літ... це за те, що останнє поклав на свою справу, яку ніколи не тримав нижче «першої марки»!

Тепер до діла.

Невже Ви ще й досі такий ідеаліст, що думаєте, що Американські Українці цікавляться літературою, тай до того шей гроші за це платять!?! Жалко мені було тих лишніх Франків, що Ви витратили на марки, приклавше до Вашого листа оповідання! Але позаяк «неведеніє гріха не творить», то я Вам «пред'ясню»: Американське

українство складається із двох верств: попи і стадо. Інтеллігентів, яких до речі тут мало, я не лічу, бо це все «докторі» (ні жадного «фершала»!). Попи ведуть буквально середньовічну релігійну боротьбу, зо всіма аксесуарами ієзуїтських прийомів, та стрижуть своє стадо; а стадо ходить на фабрику, гонить самогон, носить краватку, а іноді їздить власною «карою» (авто), ходить в дансінг, грається в політику, ненавидить Петлюру, любить Петрушевича, устроює мітинги з черговими мордобоями, наполовину большевитствує і громить большевиків, вариться у власній помийниці і п'є, п'є... до безтям'я. Пани «Редактори» друкують все чуже і принципово НІКОМУ не платять, тай навіть його платять, коли Америка не состоїть в літературній конвенції з Старим світом! Бери, друкуй, продавай що хочеш, ніхто тобі нічого! А щоб Ви знали, яку тут ИНОДІ можна встрітити книжку, то посилаю Вам вирізку з найбільшої книжкової крамниці у Вінніпегу. Кажу ИНОДІ, бо в загалі книжка тут, – це зайва річ, та шей до того і грошей коштує! От друге діло Американський ньюс-пейпер!! Там в недільному номері одного паперу 140 сторінок, і це все за 10 центів! А на 139 сторінках все реклама, а той патрет якоїсь «Гирли», що виходить заміж в цю неділю! А шини до «кари» намальовані так, – хоч свічку до них став! А кальоші які, газові кухні, а «кенді»!! Ото є чого подивитись... А Ви про Літературу. Яка може бути література, крім «заборной», для тих, яких діти не уміють говорити по-українськи, а вони самі, які приїхали «с краю» три роки тому, балакають так: «Ото знаєте, забрав я свою пейду в шапі, заскочив до салуну, випив дві чарки, сів на кару, завернув за корнер, – і прямо до і гавзу... Тільки що думав муфуватись апстерс, коли, бачу, газдиня виходи з сліпін-руму, тай кричить на стріту (а там фасували помпи): “Як маєте потейтуси та томейтуси, ти брингніть негайно апстейрс!” От думаю, вскочив, а серце ледве не пукне! Вел! Тоді я провейтерив айн момент, та кажу їй: “Ескюз мі! Дозвольте інтродюс майселф: я є *знакомий мущина* вашої гирли, чи вона ет гом?” Це я бачите для того, щоб не робить тробл, бо я вже хотів бекуватись, але було запізно. А вона каже: “О! А я думала, що це або робер, або айсмен, або приніс шпренгелі! Ії, – каже, – нат ет гом, пішла на шов з своїм світ-гарт!” Мене наче хто у серце стрикнув. Ну, думаю, а що ж ти казала на свій бирдей! Тоді я гарненько пут ан свого гета, та на стріту... Та більш і не заходив. Вел! Видилисьте таке!» Я думаю, що цього Вам досить, тут не прибавлено нічого свого, а все з натури. Оце Вам Американська Україна... А Ви про літературу! Шкода й праці, пане брате!

Як би Ваша ласка, то б Ви мені написали, скільки на чоловіка коштує життя у Франції і чи можна туди проїхати по тому пашпорту, з яким ми з Вами виїхали в свій час з України. Буду дуже вдячний. Тут довго не проживеш без роботи, бо дорого. Краще більш пожити на ці гроши в культурній строні, не бачить «п'яних» тверезенників,

а бачить тверезих пьючиx, та не псувать ока бритими мордами, а й до того відчувать на всему протестанську гиппокрізію, від которої мені смердить на свіжому навіть повітрі...

Ваш *О.Кошиц*

Л.241-243об. Авторизованная машинопись.

Кошиц Александр Антонович (1875–1944) – украинский хоровой дирижер и композитор. В 1919 с созданной им Украинской республиканской капеллой уехал за границу. Опубликовал в Канаде свои двухтомные воспоминания. «В лит. выступлениях К. встречаются националист. суждения», – заканчивается статья о Кошице в Украинской советской энциклопедии (Т.5. С.366).

¹ Первый премьер – В.К.Винниченко (1880–1951), украинский писатель и политический деятель, в июне 1917 – январе 1918 возглавлявший первое национальное украинской правительство – Генеральный секретариат. Данными о его брате – певце капеллы Кошица – публикатор не располагает.

² Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897), украинский писатель, историк, этнограф. Составил в 1857 «Граматку» (букварь) и ввел в употребление свое правописание (т.н. «кулишевка»), отличительная особенность которого была в устранении «ь»; позднее это правописание было запрещено. Отстаивая право украинского народа на культурную самобытность и выступая против русификации, Кулиш в 1882 подал прошение об отречении от российского подданства, но потом отозвал его.

³ Предполагаемый переезд во Францию не осуществился; хотя Кошиц и приезжал туда на гастроли, умер он в Канаде, в Виннипеге.

3

М.П.Арцыбашев

Варшава, 15 апреля 1925

15/IV.25 г.

Дорогой Борис Александрович.

Тю! Самому за 4 статьи не заплачено!.. Прежде же платили аккуратно. Думаю, что там дело на прогар пошло¹. Однако, чем черт не шутит, – написал. Может быть и подействует. Что касается нашей газеты², то рассказ прислать, конечно, можно, но платят-то у нас гроши: по 2-3 польских гроша за строку в 26 букв. Не знаю, сколько это на сантимы выйдет, но что-то очень мало.

Вообще – дела дрянь!

Ваш *М.Арцыбашев*

Л.21.

Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927) – прозаик, драматург, публицист. С августа 1923 жил в Варшаве.

¹ Имеются в виду «Последние известия», выходявшая в Ревеле в 1920–1927 русская «внепартийная газета прогрессивно-демократического направления», как она себя определяла. Редактор-издатель Р.С.Ляхницкий. М.П.Арцыбашев и Лазаревский числились зарубежными корреспондентами «Последних известий» по Варшаве и Парижу. Библиографию публикаций Лазаревского в «Последних известиях» см.: Русская печать в Эстонии. 1918–1940. Библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции: В 2-х тт. / Сост. О.Фигурнова. М.: «Наследие», 1998. С.265-266. Там же (с.151-155) библиография статей Арцыбашева, по большей части перепечаток или одновременных «дуплетных» публикаций из «За Свободу!»).

27 августа Лазаревский записал в дневнике: «В Ревеле праздновали пятую годовщину и читали письма и телеграммы». Здесь же (л.147) вклеена газетная вырезка с приветствием Лазаревского:

Глубокоуважаемый Ростислав Степанович! Я не знаю Вас... Но знаю наверное, как тяжело и между какими Сциллами и Харибдами протекала Ваша пятилетняя работа... Сейчас пять лет удержать редакторство – это все равно, что в царское время двадцать пять лет.

Год назад в Париже я своими ушами слышал, как журналист из секты Милукова говорил о «Последних Известиях», говорил нагло:

– К новому году эта газета уже не будет существовать...

Но он ошибся.

Газета существует и будет существовать. И ее значение серьезно, если она мешает милуковцам. И не только серьезно – оно честно.

Да поможет Вам Бог до самого возвращения в Россию работать на освобождение эмигрантских голов от тех компромиссов, которые стараются вложить в эти головы люди, любящие свою партию больше, чем свою родину...

Еще раз поздравляю Вас и всю редакцию.

Борис Лазаревский

² «За Свободу!» (ежедневная газета, выходявшая в Варшаве в 1921–1932). «Титульный» редактор-издатель И.И.Мацевский, фактический редактор – Арцыбашев.

4

С.Г.Лианозов

Париж, 17 апреля 1925

17 апреля 1925

Париж

Воистину Воскресе!

Глубокоуважаемый Борис Алексеевич <так!>,

Очень рад за Вас. Дай Бог, чтобы Ваши предчувствия оправдались. Я тоже верю в будущность России, но, признаюсь, нет во мне прежнего порыва...

Время теперь шалое, мода пошла на Блюмов и К^о¹. Еще не изжито. Хотят всё нового. И не скоро новое опротивеет... Конечно, опротивеет, но когда? Трудно стало. Кругом все скалят зубы. Недалеко время, когда начнут кусаться... Потом вновь идеи братства, свободы, равенства. И так бесконечно, одно и то же. Видно, человеческий мозг ограничен, а хотят постигнуть – непостижимое. Куры стремятся стать орлами. Грустно все это. Ну, Бог дай, переживем и это. Всего Вам доброго.

Ваш Ст.Лианозов

Л.26.

Лианозов Степан Григорьевич (1873–1951), нефтепромышленник, миллионер, получил прозвище «русский Рокфеллер». Окончил юридический факультет Московского университета. Увлекался кинематографией (в 1916–1917 – совладелец фирмы «Кинотворчество»). В Гражданскую войну был министром в правительстве Юденича. Владел особняком в Камергерском пер. (архитектор Ш.Омон), который затем купил МХТ. Другой его особняк в Москве (М.Гнезниковский пер., 7), после революции был занят Государственным комитетом СССР по кинематографии. Еще один, полуразрушенный, лианозовский особняк на севере Москвы (район так и называется: Лианозово) передан на восстановление музею художника Константина Васильева (см.: Независимая газета. 1998. 17 декабря. С.7).

¹ Блюм Леон (1872–1950), лидер и теоретик Французской социалистической партии, в 1936–1938 – глава правительства Народного фронта. Его социалистическая ориентация не могла вызвать сочувствия у Лазаревского, хотя Блюм и заявил с трибуны: «Я не стану Керенским!». «Говорят, что А.Ф.Керенский отправил первому министру письмо с протестом против этой фразы», – писала в разделе «Заметки репортера» Железная Маска (см.: Иллюстрированная Россия. 1936. №27. 27 июня. С.18).

5

А.И.Куприн

(Открытка)

Париж, 4 мая 1925

<Paris, 4 мая>

Милый Борис!

Напиши мне, пожалуйста, сколько Ты платишь в своем отеле Reimbaldy <sic!> за помещение, и сколько будет стоить с полным пансионом?

Д.Н.Любимов¹ был у меня. Какая он прелесть! Но я исковеркал один его рассказ в фельетоне, и боюсь, что он на меня сердит².

Твой А.Куприн

Дела мои – бамбук. Вся надежда на кормушку³.

Л.36.

¹ Любимов Дмитрий Николаевич (1864–1942), помощник Варшавского генерал-губернатора, гофмейстер, сенатор. Состоял с Куприным в свойстве, стал прототипом князя Шеина в «Гранатовом браслете». Эмигрировал в 1918.

² О каком «исковерканном» Куприным рассказе Любимова идет речь, выяснить не удалось. Известны, по меньшей мере, два рассказа, написанные Куприным «по мотивам» устных историй Любимова: «Тень Наполеона» (см.: *Любимов Л.* Из творческой лаборатории Куприна. Рассказ «Тень Наполеона» // Русская литература. 1961. №4. С.164–165) и «Розовая жемчужина» – с подзаголовком «Записано по устному рассказу сенатора N» (републикован: Юность. 1998. №8, и в книге, собравшей эмигрантскую публицистику писателя: *Куприн А.И.* Голос оттуда. 1919–1934 / Сост., вступ. ст., примеч. О.С.Фигурновой. М.: «Согласие», 1998). По поводу последнего Куприн писал Елизавете Морицевне из Оша 28 августа 1925: «Завтра вышлю тебе рассказец “Розовая жемчужина”. Это, помнишь, любимовский рассказ про лицеиста Лелюхина и про Александра III. Я сделал нарочно посуше. Куда девать. Если Филиппову, я хотел бы, чтобы ты отстояла подпись Али-Хан. М<ожет> б<ыть>, Миронову за 150–200, тогда фамилию» (РГАЛИ. Ф.240. Оп.2. Ед.хр.3. Л.13об.). Рассказ появился в «Русском времени» (т.е. «у Филиппова») 13 сентября 1928 за подписью «Али-Хан». Реальная фамилия Лелюхин изменена Куприным на Матюхин (см.: *Куприн А.И.* Голос оттуда. С.28–33).

Сохранилось недатированное письмо Куприна к Д.Н.Любимову с приглашением сотрудничать в «Иллюстрированной России». Текст дефектен (утраченные места обозначены многоточиями); квадратные скобки вместо круглых, как он обычно ставил, принадлежат Куприну:

Дорогой Дмитрий Николаевич,

Я лишь потому не писал Вам, что, согласно нашему условию, Вы согласились написать и прислать [или привезти] мне кое-что о прошлых днях и на..... Хорошо было бы получить <порт>реты живых людей былого Интересен был у Васанет. Вот, скоро будут поминальные дни Репина, Горбунова, Столыпина...

Нет! Я вовсе не дерзаю указывать Вам сюжеты. Выбирать их дело Ваше, отнюдь не мое. Я только – буду ждать присыла Ваших предложений.

А.Куприн

122-ter rue Cardinet 17-me Russie Illustrée.

Для меня

(РГАЛИ. Ф.1447. Оп.1. Ед.хр.33).

Об А.И.Филиппове см. прим.3 к письму №23.

Миронов Мирон Петрович (1890–1935) издавал еженедельный журнал «Иллюстрированная Россия», выходивший в Париже в 1924–1939 (см.: Юниверг Л. «Иллюстрированная Россия» как зеркало эмигрантской жизни 20–30-х годов // Евреи в культуре русского зарубежья: Сб. статей, публикаций, мемуаров и эссе. 1919–1939 гг. / Изд. и сост. М.Пархомовский. Вып. II. С.202-220. Иерусалим, 1993). По воспоминаниям дочери, «последняя редакционная работа Куприна была в “Иллюстрированной России”, еженедельнике, руководимом неким Мироновым. Это сотрудничество продолжалось до 1933 года. С политикой к тому времени Александр Иванович полностью покончил» (Куприна. С.156). Печатавшиеся в «Иллюстрированной России» сатирические антисоветские рассказы Куприна – с литературной точки зрения, впрочем, второсортные, – а также перепечатки ранних вещей (напр., «Конец Чичиме», первоначально опубликованный в октябре 1917 в №38 петроградского журнала А.В.Амфитеатрова «Бич») не подтверждают уверенной дочери Куприна об аполитичности писателя. Скорее всего, ретушь идеологического портрета Куприна в книге воспоминаний Ксении Куприной была вынужденной. Впрочем, В.Н.Муромцева-Бунина пишет в дневнике, что во время приема гостей в гостиной Куприных вывешивался плакат «Без политики!» (Устами Буниных. Т. II. С.32).

³ Под «кормушкой», вероятно, имеются в виду «стипендии» от меценатов – Л.М.Розенталя, С.В.Денисовой.

6

М.П.Арцыбашев

Варшава, 8 мая 1925

8/V 25.

Дорогой Борис Александрович,

Газету распоряжаемся Вам высылать¹. Рассказ присылайте когда хотите. Авось, до июля не лопнем. Что касается издательства, которое издало мою книгу, то такого издательства, в сущности, не существует. Книга издана кустарным способом, за мой счет, и ни копейки я за нее не получу, пока не распродам². Сие предприятие Вам не рекомендую.

Ваш *М.Арцыбашев*

P.S. Странно – Вы пишете о Башкине, Олигере и Муйжеле³, а я, как раз вчера, сидя один и тоскуя, вспоминал о тех и долго думал о прошлом. Вечный удел всех стариков!

Л.47.

¹ Газета «За Свободу!»² Скорее всего, речь идет о книге Арцыбашева «Записки писателя. Выпуск I» (Варшава: «За Свободу!», 1925), отпечатанной в типографии газеты.

Лазаревский мог прочитывать отзыв на нее Н.Никишина в «Вечернем времени» (1925. 8 апреля).

³ Названы писатели: Башкин Василий Васильевич (1880–1909), Олигер Николай Фридрихович (псевд. Н.Степняк; 1882–1919), Муйжель Виктор Васильевич (1880–1924), с которыми был знаком в России Лазаревский.

7

И.Д.Сургучев

Париж, 10 мая 1925

<Paris, 10 мая>

Дорогой Борис Александрович,

Спасибо и за письмо, и за романы кн. Бебутовой¹. Духовно мы с Вами, м.б. и чужды, но физически страшно близки. У Вас болит печень? У меня – почки! У Вас головокружения? Моя голова тоже не может похвалиться свежестью. У Вас диета? Я тоже не могу есть жареного масла, яиц, спаржи, помидор и соленых огурцов. Вся прелесть жизни проходит где-то далеко.

Вчера у Куприных не мог выпить даже белого вина. Скромно лакал чай и съел все апельсины. Меня в Куприне поразило его бережное и страшно осторожное отношение к своему искусству. Это не тяп да ляп и вышел корाप. У него в голове есть отличная пьеса и он все не раскачается ее записать. А она сулит ему отличные деньги². Как это не похоже на «молодую поросль», которая и писать торопится, и печататься спешит, а ни хуя, в общем, не выходит, кроме горделивых автобиографий, в которых автора отовсюду выгоняли: удел высоких душ!

Сидеть в Ницце и читать Ниву, – да это, батюшко, наслаждение! И дело, по-моему, не в Гнедиче, не в Никонове, а в картинках, в фотографиях генерала Насветевича³. Вот тут я Вам завидую! Запакуйте, пришлите и мне посмотреть. С величайшею благодарностью бережно, заказным, возвращу. Ведь это – тот самый элексир, который пил Фауст в 1-м действии. В нем:

– Жизнь и мла-адость!

Почему подолгу молчите? Носите черные очки, а то, гляди, ослепнете, рассматривая Фрин. А ночью полицмейстер приезжает после этого?⁴

Беллетристика моя стала на мертвый якорь. Какая тут к черту беллетристика, когда под боком – всемирная выставка.

Крепко жму Вам руку.

Ваш И.С.

Л.45.

Сургучев Илья Дмитриевич (1881–1956), прозаик, драматург. Наиболее известное произведение – пьеса «Осенние скрипки» (1914). В эмиграции жил в Константинополе, Праге (где организовал русский театр), окончательно обосновался в Париже. Во время гитлеровской оккупации занимал коллаборационистскую позицию, был председателем Союза русских писателей в Париже, сотрудничал в нацистских «Парижском вестнике» и «Новом слове» (Берлин).

¹ Бебутова Ольга Георгиевна (урожд. Данилова, в 1-м браке кн. Бебутова, во 2-м гр. Соллогуб; 1879–1952), актриса Суворинского Малого театра (сценические псевдонимы Гуриэлли, Гурская), писательница. Жила в эмиграции в Ницце. В своем дневнике Лазаревский 20 ноября дал ей и еще двум своим знакомым литераторам такую характеристику:

...явился Елец – болтун. В русской литературе начала 20 века было три недоразумения: Елец, Бебутова и Брешко-Брешковский...

В них мало славянской души и много бестолковой нечеткости. Бездарны... И печатались...

О Ю.Л.Ельце см. словарь «Русские писатели. 1800–1917», т.2 (статья В.В.Антонова при участии А.А.Носова). Там же (т.1) статья М.П.Лепехина и А.И.Рейтблата о Н.Н.Брешко-Брешковском.

² Возможно, речь идет о кинематографической пьесе «Моя звезда» (см. прим.1 к письму №25).

³ Гнедич Петр Петрович (1855–1925), прозаик, драматург, историк искусства, мемуарист. Помещал в «Ниве» свои повести, печатавшиеся с продолжением. Никонов Борис Павлович (псевд. Георгий Аркатов), прозаик, драматург, автор «Нивы». Генерал Насветевич – возможно, генерал-от-артиллерии Иван Васильевич Насветевич, чей портрет помещен в журнале.

Изучение старых комплектов «Нивы» настолько занимало Лазаревского, что даже претворялось в причудливые сновидения. Приводим дневниковую запись от 17 июня:

Я в каком-то кабинете или гостиной. Знаю, что во втором этаже. Уютная, мягкая мебель, на столе газеты. Входит Лейба Бронштейн-Троцкий, очень симпатичный, нас представляют. Я говорю:

– Лазаревский.

– Ну, как же, как же, конечно знаю...

– Ну, вряд ли вы меня знаете, – когда-то я был известен, а теперь ваша известность несравненно большая.

Троцкий принес много старой «Нивы» – но каждый номер был новенький, иллюстрации шикарны... И я говорил:

– Прежде не было в «Ниве» таких гравюр...

– Да...

⁴ Ср. развитие темы в дневниковой записи от 7 августа:

Погода чудесная. На пляже лежал я одиноко, и сильно безденежный. Вдруг подходит ко мне фигура в белом костюме и огромном английском шлеме – бритая. Заговаривает.

– Не узнаю вас...

Всмотревшись – Бунин...

Был он у меня в отеле, оказалось, не застал и явился сюда – весь потный, воды боится, а было в море +26°... Первым делом спросил, как я реагирую на тела вокруг?

– А никак.

– Этого не может быть...

– Очень может... В анатомическом театре мне сначала делалось дурно от трупов, но потом я привык, – ибо их слишком много было, и мог уже есть пирожки...

– Так-с... Пойдемте-ка наверх.

Пошли.

– Хотите чаю?

– Нет, лучше оранжаду, – сказал я.

На веранде сидел и пил кофе Соколов. Бунин захотел с ним познакомиться. (А Соколов говорил, будто знаком.) Я позвал его. Он очень смутился, но обрадовался и пошел...

И почти сейчас же они заговорили о Бунинском геморрое... И говорили, говорили.

Впрочем, я устроил представление ему П.Линевича. Сергейчук – услышав, что здесь Бунин, спросил:

– А шо он пишет (шо він пише?).

Мне надоело слушать о геморрое и, по странной случайности, – явился сегодня этот гость ко мне...

Я говорил Бунину о хороших словах по его адресу – в письме Куприна, но он отнесся скептически:

– Знаю я эти хорошие слова...

Уехал скоро и обещал приехать в понедельник.

8

А.И.Куприн

Париж, 13 мая 1925

<13.V.1925 Paris>

Нет, дорогой Борис!

Поблагодари, пожалуйста, самым сердечным образом добрую милую даму, владычицу «Les Palmiers» за ее любезное приглашение. Я бы и сам ей написал разные нежные слова, но – увы! совсем не могу прочесть ее подписи. Сам посудите: Ксения¹ будет в St. Antoine, я с женой в Нице, а квартира вдовствовать. Денег же у меня – ни кляпа. Жить всем троим внизу – тоже не расчет. Да Ксении, кроме того, запрещена близость моря.

Вот когда я ее верну в Париж, то непременно приеду на несколько дней, м.б. месяц, в Raimbaldy, а потому задаю Тебе несколько вопросов:

1). В каких ты отношениях с хозяином?

2). Очень ли уж невыносима твоя комната в отеле?

3). Сколько стоит завтрак в «Rendez-vous des Chauffeurs et des Cochers»? В мое время на 1 фр. давали огромное блюдо макарон или escargots – хлеб и 1 1/4 б<утылки> вина.

4). Легко ли достать входной билет в Монте-Карло? Покажу же Тебе я игру настоящего мастера. В месяц, приехав с 1500 фр. и отказывая себе во всем, даже необходимом, я сколочу 6-8 тысяч, и брошу, и уеду. Этот фокус-покус я уже показал однажды блистательным образом².

5). Сколько стоит проезд от Ницы до Монте-Карло и обратно в самом разчетвертом классе?

7).³ Здесь ли околачивается Петька Линевиц?⁴

Все.

Целую тебя, обнимаю и благословляю на добрые дела. На дурные дела благословенья нет.

Мудями-то потряхиваешь ли, старый звонарь?

Л.46 и об.

¹ Ксения Александровна Куприна (1908–1981), дочь А.И.Куприна от второй жены, Елизаветы Морицевны. Во Франции зарабатывала на жизнь сначала манекенщицей, затем стала актрисой, снялась более чем в 30 фильмах (в том числе и в Голливуде), играла в театре, но на вторых ролях. Вернулась в СССР в 1958, служила в Московском драматическом театре им. Пушкина. Автор книги воспоминаний «Куприн – мой отец».

² Куприн был в Монте-Карло во время своей первой заграничной поездки, в конце апреля 1912. В его очерках «Лазурные берега» (1913) есть глава «Монте-Карло» (см.: Куприн. Т.6. С.17). В позднейшем рассказе «Система» (первая публ.: Возрождение. 1933. 11 и 13 января; см. также: Куприн. Т.8. С.149) Куприн вернулся к своему дебюту игрока, описав одну из множества «вернейших систем» игры в рулетку, в которую посвятил Куприна случайный знакомый. Администрация казино под надуманным предлогом запретила вход владельцу секрета. Играя вместо него, как и было между ними условлено, Куприн за несколько дней учетверил врученный ему капитал. Прибегнуть вторично к чудесной системе Куприну не удалось, так как ему не довелось больше побывать на Лазурном берегу. Планы, которые он строил в переписке с Лазаревским, остались неосуществленными.

Лазаревский дал в «Иллюстрированную Россию» ряд очерков под общим заголовком «Колесо счастья. В игорных залах Монте-Карло и Ниццы» (они шли с продолжениями с №18 журнала за 1926), приведя письмо от М.П.Арцыбашева, полученное в мае 1926, оригинал которого, возможно, в томе дневника, который оказался у И.Гончаренко:

Дорогой Борис Александрович. Всколыхнули Вы мне всю селезенку упоминанием о рулетке. Эту игру я изучил до тонкости и знаю всех их хитрости, как, может быть, никто не знает. Системы не ерунда, но не те системы, которые в ходу. Система игры с жуликами – ставка на их же собственное жульничество, как «джиу-джицу» рассчитана не на свою силу,

а на силу нападающего. Я лично почти не сомневаюсь, что, будь я в Монте-Карло, я мог бы безбедно существовать, пока они меня оттуда не выслали бы.

К сожалению, невозможно письменно научить сему искусству.

(Иллюстрированная Россия. 1926. №20. 15 мая. С.16).

³ Описка Куприна в нумерации.

⁴ Биографических данных о Петре Линевице обнаружить не удалось. Вероятно, он был киноартистом, занятым в эпизодических ролях (в фонде И.И.Мозжухина в РГАЛИ сохранились две его фотографии, явно представляющие собой кинопробы).

9

А.И.Куприн

(Открытка)

Париж, май 1925

Так Ты знаешь Петьку Линевица. Какой он был чудесный парень, когда рос под моим отеческим руководством. Теперь немного изговнялся. Передай ему мой поклон и прикажи ему поклониться нашему общему другу М-г Malicame¹.

Так Ты не посетишь мою Ксению? Почему? Мог бы тяпнуть у нее 10-15 фр. Ты знаешь широту ее натуры. Теперь она, бедняга, аu sec и на днях должна уехать в Париж, но у нас еще не выдумались деньги на дорогу.

21 Мая будет банкет международных писателей – человек около 60-ти, 23-го еврейский бал и концерт². На первый я пойду по обязанности, на второй с удовольствием. Воображаю, как много быть <так!> очаровательных евреек. Ах, люблю их красоту, когда они молоды и веселы!

Спрашивал я Тебя: ебешь ли, кого и как? А ты о сём важном вопросе не ответил ни слова.

Твой *Искандер-х*

Л.56.

¹ Неустановленное лицо.

² Имеется в виду Весенний Еврейский бал, ежегодно, на еврейскую Пасху, устраиваемый парижским Обществом помощи русским евреям в залах отеля «Majestic», и Международный съезд писателей. О последнем в дневник Лазаревского вклеена следующая газетная вырезка:

Международный конгресс писателей

Банкет международного съезда писателей, состоявшийся 21 мая в зале Гош, прошел с чрезвычайным оживлением. Французская литература была представлена почти всеми видными писателями, находящимися в настоящее время в Пари-

же. Однако, председательство за шестью столами банкета французские хозяева любезно предоставили иностранцам (по главным европейским литературам): – президенту съезда Джону Голсуорти (Англия), А.И.Куприну (Россия), Генриху Манну (Германия), Мигуэлю Унамуно (Испания), Луиджи Пиранделло (Италия).

Шестой стол остался без председателя, вследствие болезни Владислава Реймонта.

Русские писатели были предметом особого внимания хозяев.

Овацией был встречен Генрих Манн, появление которого на всемирном съезде писателей, во главе германской делегации, приняло характер манифестации в честь идеи примирения народов. Немецкий романист благодарил собравшихся в кратком слове, произнесенном на очень хорошем французском языке.

Из германских писателей не поспел на банкет, но примет участие в работах съезда приехавший только вчера Гуго фон-Гофмансталь.

Большое сожаление вызвало отсутствие Гергардта Гауптмана и Мориса Метерлинка.

Обед начался поздно и очень затянулся, вследствие чего речи приняли характер весьма кратких приветствий. Только президент съезда Голсуорти и глава французской секции Поль Валери произнесли большие речи и подробно говорили о значении и задачах съезда. Главное значение съезда, по мысли его устроителей, заключается не в речах, а в личном сближении между писателями. Эта цель с успехом была достигнута на банкете. После окончания речей, оживленные разговоры по группам затянулись до позднего часа. Начавшемуся, таким образом, сближению еще более будет содействовать деловая работа съезда и программа совместных развлечений членов съезда (поездка в Эрменонвиль, клубный «вечер», посещение театра Елисейских полей).

10

А.И.Куприн

(Открытка)

Париж, май 1925

Просто Борис: найди мне человека с 10.000 фр. (дес. тыс.), я сделаю сто, дам ему 30, себе 60, а тебе 10. Это я сделаю безукоризненно и безотказно¹.

Ксения угрызается совестью, что приняла Тебя не со свойственной ей радушностью. Но она в то время была больна болезнью безденежья, а противные родители сами были на декохте.

На фотографии Петьки я о двух хуях. Игра природы.

Л.59.

¹ 26 мая Лазаревский записал в дневнике: «Вернулся я домой: нет пи-сем, одна совершенно пьяная открытка от Куприна». Просьба найти займо-давца, по-видимому, связана все с той же пресловутой «системой» игры в рулетку (см. прим.2 к письму №8).

11

На листе со штемпелем:
«Контора ежедневной газеты “Последние Известия”».
25 Mai 1925. №428. Гор. Ревель. Ратушная площадь».

Глубокоуважаемый Борис Александрович.

От лица издательства благодарим за любезное предложение о понижении гонорарной ставки, что является кстати <так!>, ибо дол-жны сознаться, что наша газета, как эмигрантское издание, имеет круг читателей в большинстве из тех же бедняков-эмигрантов, и до-хода газета не имеет, едва сводя концы, вытягиваясь и уплачивая долги.

Вашему рассказу редактор очень рад и уже высказывал свою скуку по отсутствию <так!> от Вас материала, причем покорнейшая просьба выслать рассказ к 1 июля для помещения в юбилейный но-мер (пять лет) 13 августа, когда предполагается выпустить номер в большом масштабе¹.

Что касается надписания конверта предыдущего Вам нашего письма, то таковая надпись принадлежит руке заведующего конто-рой, Павлу Александровичу Митрову.

С совершенным уважением

Заведующий Конторой *П. Митров*
Бухгалтер *Пономарев*

Л.248.

¹ Лазаревский послал в «Последние известия» рассказ «Танец жизни». Публиковался с продолжением, в 3-х номерах: 16, 21 и 22 августа 1925 (см. письмо №20 от В.П.Метаксы).

12

М.П.Арцыбашев
Варшава, 26 мая 1925

26/V.25 г.

Дорогой Борис Александрович,

Вы получили деньги из «Посл<едних> Из<вестий>», и я полу-чили! Вы получили из Чехо-Словакии, и я получил!!¹ Такой «альянс»

мне очень нравится. Как бы нам ухитриться, чтобы не разлучаться и впредь?

Но Вы «выдохнули», а я чуть не издох. Мой старый добрый туберкулез, с которым я уже столько лет жил в мире и ладе, вдруг чего-то взыгрался и устроил мне в левом ухе такой «совнарком», что от боли чуть со мной «наркомат» не приключился. Передать Вам не могу, что это был за «гепеужас»!

Видите, и я владею советским языком! Недаром шесть лет просидел с этими людоедами.

Теперь немного отлегло (не от советского языка, а от уха), и сегодня в первый раз смог взять перо в руки. Оттого долго и не отвечал Вам, что никаких сил не было.

Юбилей мой прошел как-то особенно². Много я видел юбилеев на своем веку, а такого не видал. Даже «глубокоуважаемого» не было слышно. Было другое. Было то, что люди, замученные бесконечной партийной грызней, обрадовались случаю объединиться вокруг человека, которого тошнит от слова партия. Впрочем, свой собственный юбилей расписывать как-то не к лицу... Бог с ним!

А о литературе я совсем позабыл! Даже как-то странно вспоминать, что я писал рассказы, романы и пьесы. Не тем у меня душа болит. Все равно, если не вернемся в Россию, — наша литература кончена. Писатель, оторванный от родной земли, быстро вянет. А вернемся, тогда и запишем.

Ваш *М.Арцыбашев*

P.S. Получаете ли нашу газету?

Л.66 и об.

¹ См. в предисловии о получении Лазаревским денег из Чехословакии от президента Масарика.

² Имеется в виду юбилей 30-летия литературной деятельности М.П.Арцыбашева, чьи первые рассказы были опубликованы в харьковской газете «Южный край» в 1895.

13

В.П.Метакса

Париж, 6 июня 1925

6 июня 1925

Дорогой Борис Александрович.

Фламарион умер¹. Этот человек притягивал к себе. Помню, в приезд в Париж в 1910 г. я имел возможность познакомиться с ним, но из ложной скромности сию возможность не осуществил. И потом все время жалел.

Никто не был так убедителен, как он, в доказательстве существования *au-delà*. Если бы Фламарион основал новую религию, я бы ее принял.

Как-то в Ницце я прочел книгу, написанную в Ницце, но напечатанную в Париже, о том, «что существует» (*Ce qui est*). Автор совершенно неизвестный, Eugene Blairat². Но философия его любопытная.

Вот она вкратце. Материя подчинена Духу. Идеи, достойные высших миров, по солнечным волнам мгновенно переносятся туда. Существует своего рода магнетический флюид. И человечество делится на производителей флюида и на тех, у кого нет флюида. Первые – натуры нервные, беспокойные, искатели лучшего, мечтатели, они посылают в высшие миры свои идеи; вторые погрязли в жизненных интересах, они успевают в жизни, но высшие стремления для них не существуют.

Но правда на стороне «искателей»; напрасно только верят в рай и ад. Просто наши души переносятся в иные миры, ничего общего с земным не имеющие. Во время этого странствования душ, они испытывают непередаваемые ощущения, и наши сны, самые фантастические, не могут дать и приблизительного понятия об этих чувствованиях...

Простите, однако, за философское письмо. Вернемся к земле, и скажите, что поделявает маркиз³. Он меня вовсе забыл. Барона вторично я не видел⁴. Кстати, разрешите ли мне ознакомиться с Вашими драгоценными дневниками? «Веч<ернее> Вр<емя>», как Вам известно, покончило свое брэнное существование и слилось с «Русской Газетой» в «Русское Время»⁵.

Ваш

В.Метакса

Л.74-75об.

В.П.Метакса (Метаксис) – педагог, деятель культуры. В 1931 преподавал географию в Русской гимназии в Булонь-Бийянкуре, в 1939 был членом Общества друзей русской книги (сообщено Р.Янгировым).

¹ Фламарион Камиль (1842–1925), французский астроном, основатель Французского астрономического общества (1887). Автор научно-популярных и фантастических книг, теоретик и исследователь сверхчувственных восприятий, ясновидения, телепатии. См. сатирическое описание визита к нему сотрудников детского журнала «Зеленая палочка», пытавшихся привлечь в журнал европейские имена (Дон Аминадо. С.253-254).

² Сведений о данном лице не обнаружено.

³ Лицо неустановленное.

⁴ Возможно, речь идет об Б.Э.Нольде (см. прим.61 в предисловии).

⁵ «Вечернее время» – ежедневная газета, редактировавшаяся Б.А.Сувориным и А.И.Филипповым и выходившая с 10 июня 1925 по 6 января 1929. После того, как А.О.Гукасов отказался финансировать суворинскую

газету, произошло объединение ее с «Русской газетой» и создание «Русского времени» (см. также прим.3 к письму №23).

14

И.А.Бунин

(Открытка)

Грасс, 8 июня 1925

Понедельник, 8 июня

Дорогой Борис Александрович.

Вера¹ была действительно больна – и только. Откуда Вы взяли все прочее?

Летом я занят весь день – единственное время, когда работаю, – свободен только от 12 до 3, до 4 – посему жду Вас к *завтраку* на следующей неделе. Накануне *позвоните*: Grasse, 3-68.

Ваш *Ив.Бунин*²

Л.77.

Открытка вклеена в дневник после следующих строк: «Куприн замолчал и затаился, зато академик удостоил приглашением на завтрак».

¹ Вера Николаевна Муромцева-Бунина (1881–1961), жена Бунина, автор воспоминаний «Жизнь Бунина. Беседы с памятью» (М., 1989).

² К Бунину Лазаревский ездил во вторник 23 июня и записал в дневнике:

Дорога в Грасс – горная и лесом. Приехал я рано, попил тиёлю <слабый цветочный чай. – *С.Ш.*> и позвонил к Бунину. Завтрак скромный, и у самого хозяина не было заметно обычной мании *grandiosa*, ни у жены его. И говорил он все хорошее, только о Фламарионе обмолвился: «Пустой старик был». Это не правда, – это детская, жалкая точка зрения.

Ср. запись В.Н.Муромцевой-Буниной за то же число:

К завтраку пришел Лазаревский. Он принес свой дневник. Огромная переплетенная в твердый переплет тетрадь. Он пишет, вклеивает кое-что из газет, всовывает письма, фотографии – это очень хорошо. – Он постарел [...] но все еще молод душой. [...] Говорили о Чехове, о том, каким выставила его З.Н.Гиппиус, как о нем писал Лоллий Львов – уж слишком яростно. <...>

Оказывается, Овсяннико-Куликовский не любил Достоевского, за это его не любил Б.Ал.Лазаревский.

(Устами Буниных. Т.II. С.145).

15

М.П.Арцыбашев

Варшава, 12 июня 1925

12/VI-25 г. <Варшава>

Дорогой Борис Александрович,

Статью Вашу о Фламарионе получил¹. Спасибо. Сегодня, было, сдали в набор, но наборщики отказались набирать, потому что написано карандашом и на обеих сторонах бумаги. Пришлось отдать переписывать. Имейте в виду, что товарищи наборщики в Польше почти такая же сила, как и в Совдепии, а переписка здесь стоит почти столько же, сколько мы можем платить и автору. На первый раз я это уладил, но в будущем, ради Бога, пишите почестному – чернилами и на одной стороне.

Относительно опечаток, не ручаюсь. Дело в том, что у нас такая неразбериха, такая убогость техники газетной, что даже на опечатки в своих собственных статьях я уже давно махнул рукой. В случае чего и Вы сделайте то же, ибо здесь к этому привыкли.

Вообще теперь все не по-прежнему. И дела и люди не те. Мой туберкулез притих. Но операцию, все же, придется делать не позже осени. А как ее сделаешь, когда всех заработков едва хватает на квартиру и еду, и новые брюки – это уже расстройство всего государственного бюджета!

Плохо жить, Борис Александрович! Очень плохо. А самое скверное – это то, что не предвидится перемен к лучшему. Уж иностранцам мы всегда будем «с боку припеку», а в Россию все пути покрыты густым туманом. На кофейной гуще, конечно, гадать можно по-всячески, но очень может быть, что за наш с Вами век никаких перемен не произойдет.

Ваш М.Арцыбашев

P.S. В конторе уверяют, что газету Вам высылают. В чем дело, не понимаю. Приказал навести справки на почте.

Л.82 и об.

¹ Имеется в виду статья «Смерть Камилла Фламариона» (За Свободу! 1925. 20 июня; одновременно появилась в ревельских «Последних известиях»). Газетная вырезка в дневнике Лазаревского, л.98-100. В статье он, в частности, писал:

Камилл Фламарион – не только величайший астроном, но это – первый человек на земном шаре, который *научно* приподнял завесу над тем, что будет с нами «*За последней чертой*».

Арцыбашева тоже эта черта очень интересовала, но в его распоряжении были только одни законы земного шара, кото-

рые он мог наблюдать... Поле же наблюдений Фламариона уходило гораздо дальше <...> И крайне узко презирать его книги... И даже просто невыгодно, особенно нам, русским, у которых на земном шаре нет даже собственной территории, на которой можно свободно мыслить и работать...

Пора подумать и о вечной территории, где никакие узколюбые рабы какой бы то ни было партии не будут душить ни чувств, ни желаний...

К этой «территории» и подводит нас Фламарион.

16

М.П.Арцыбашев

Варшава, 26 июня 1925

26/VI.25 г.

Дорогой Борис Александрович,

А черт их знает, что там делается, в той бисовой конторе. Говорят, будто газету высылают аккуратно, а что с марками, так иначе, мол, туда, к Вам, нельзя. А я знаю? Ну, выручил, велел послать 7 №№ с Фламарионом.

Кстати, о Фламарионе. Так как у нас один редактор еврей, а другой юдофил хуже всякого еврея, то Ваша статья вышла обрезанной. Простите, я в том не виноват. Я, ведь, в редакции не сижу, и узнал об «обрезании» только на другой день. Они говорят, будто конец имел личный характер... Я мог уже только закатить истерику.

Любопытно, что «Фламарион» немедленно же был перепечатан в «Последних известиях», которые Вам, как Вы пишете, не платят, но очевидно Вас ценят... жаль, что не на доллары.

Я ведь им писал о Вас. Прислали ли они хоть что-нибудь?

В Польше очень тяжело. Но, ведь, я живу тут не для развлечения. Тут ближе к России и можно кое-что делать... Товарищ Войков уже во второй раз требует моей высылки... Сами понимаете!

С операцией придется погодить до минования финансового кризиса, ибо в Чехию ехать не хочется... Уж очень там эсеров много, а у меня к ним симпатия – род недуга, вроде морской болезни, что ли.

Ваш М.Арцыбашев

Как Вашу фамилию на французском писать? Вы ведь знаете, что я пишу на всех языках, кроме иностранных.

17

А.И.Куприн

(Открытка)

Париж, 11 июля 1925

<11.VII.1925. Paris>

Милбор!

Правда, я о Тебе часто думаю. А так как не сплю по ночам, то, значит, по ночам и думаю. Завидую (благорешительно), что перепадают Тебе веселые денечки. Что Тебе напишу? Скулить надобно. Вот, даже на выставку не соберешься, хотя и билет есть¹. Не тянет. Удовольствия кутнуть лишен: запретили.

Бунина я люблю, как огромного писателя. Люблю в нем нашу незабываемую молодость. Люблю в нем внутреннего человека. Но не люблю такого, каким он хочет казаться, к своей собственной невыгоде.

Искандер Бренге

Л.106.

¹ Речь идет о Парижской Всемирной выставке, о которой упоминает также И.Д.Сургучев (см. письмо 18 от 2 августа 1925).

18

И.Д.Сургучев

Париж, 2 августа 1925

<1925> 2/VIII <Paris>

Дорогой Борис Александрович, заседания Союза¹ бывают по средам. Сомневаюсь, штоп... Союз пуст, как барабан. Когда я лежал в госпитале, – и то ни копыя не дали. У Вас жара? А Париж сейчас похож на Кисловодск. Дожди чередуются с ярким солнцем. Это я весьма одобряю. Чего бы Вам не перелететь сюда? Как здоровье? Как печенка? По-видимому, она и за меня уже принялась. Не могу понять, в чем дело, но вот уже 3 месяца я – в ее власти. И.П.Алексинский мувит, что нужно резать.

Во время припадка – желтею, как канарейка. В общем – [хуёво]².

Шведа не видно³. Должно быть, уехал в Швецию. Там, в своем Homeland, он напечатает карточку, которую Вы ему неосторожно дали, и напишет, что ему вздумается, и подпишется: И.Сургучев.

Так-то, батя.

Был в Советском павильоне. В журнале «Художник и зритель» читал, как покойный Андреев ненавидел меня перед смертью⁴. Прямо до жути.

Приезжайте в Париж. Соскучился. Сколько? Почти год?

Ваш *И. Сургучев*

Л.127-128.

¹ Имеется в виду Союз русских писателей и журналистов в Париже, председателем которого был П.Н.Милуков. Работа Союза, главным образом, сосредотачивалась на материальной поддержке писателей, о чем, вероятно, просил похлопотать Сургучева Лазаревский. См. также прим.1 к письму 32).

² Слово зачеркнуто Лазаревским.

³ О ком идет речь, с определенностью сказать нельзя. 29 мая Лазаревский записал в дневнике:

...А на следующей лавочке сидит швед – молодой, от которого я особого толка не жду. Он зашел ко мне, собирается поместить статью о Колчаке (мою) в шведский журнал.

Тут же в дневник вклеена визитная карточка: «Einar Felix Korling, redacteur-impresario. Yalmstad, Suede».

⁴ Речь идет о той же Всемирной выставке в Париже, что и в письме Курина (см. прим.1 к письму 17), и о воспоминаниях: *Соболев Ю.* Леонид Андреев. Встречи с ним (К 5-летию со дня смерти) // Художник и зритель. 1924. №637. С.125-135.

Ю.Соболев приводит письмо, написанное ему Андреевым, когда последний заказал ему для газеты «Заря», в которой тогда принимал большое участие, обзор провинциальной театральной жизни. В частности, приводится его отзыв о пьесе «Осенние скрипки», в связи с тем, что летом 1916 часть труппы МХТ отправилась в гастрольную поездку на юг России, включив пьесу в свой репертуар:

...ничто так не выражает душу обывателя, как его театр и любимый репертуар; и, как камергерам несвойственно наслаждаться природой, так грабители, спекулянты и казнокрады не любят трагедии, – но обожают «Скрипки»...<...> И особенно строго отнеситесь к гастролям художественников с их «Скрипками», – ведь это же на самом деле безобразие, воображаю, как вертелись в своих гробах Чехов и Ибсен. И это неприличное хвастовство сборами: ну, не выдержали, захотелось пожрать, жри – но хоть салфетку-то подвяжи и не чмокай на всю Россию. В наивной и все еще чистой и доверчивой провинции ждали пророка, а приехала Черная и Белая магия с обезглавливанием носа, головы и прочих частей тела.

(Там же. С.128-129).

19

А.И.Куприн

(Открытка)

Ош, 14 августа 1925

Что Ты меня совсем забыл, *mon vieux Niçois*? Не проглотил ли ты муху (против меня) на обеде у академика?¹ Не обиделся ли за мои настойчивые расспросы сексуального характера. Или, позируя в трико на пляже, не пленил ли роскошную американку и заважничал? Или поступил в партию П.Д.?² Я очень соскучился по твоим письмам и по Тебе. Оказывается, я Тебя гораздо больше люблю, чем думал. Мой адрес: A.Kuprine chez M-me Wayne-d'Arche «Les Riffets Auch» (Gers)³.

Л.141.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Имеется в виду Бунин, которого в 1909 Академия наук избрала своим почетным членом (извещение от Отделения русского языка и словесности от 4.XI.1909 за подписью А.А.Шахматова – РГАЛИ. Ф.44. Оп.1. Ед.хр.342).

² Общепринятое во Франции сокращение от «ледеарст».

³ Ср. в воспоминаниях дочери Куприна: «В 1925 году отец отправился в старинный город Ош на юге Франции. Поселился он в небольшом пансионе, откуда часто писал маме» – и далее напечатан ряд фрагментов из писем Е.М.Куприной, из которых первое датировано 19-м августа (Куприна. С.206-212).

20

В.П.Метакса

Париж, 24 августа 1925

На бланке «Ecole secondaire Russe»

<Paris> 24/VIII.1925

Дорогой Борис Александрович,

То есть это прямо замечательно! Сидя утром в ред. «Возрождения» и роясь в газетах, наткнулся на юбилейный № «Последних Известий», шикарно составленный, и вижу Ваш рассказ! «Танец жизни». Прочитал наподобие губки, брошенной в воду, и ощутил все чувства, от жалости к женской доле, до ужаса перед каучуковой шиной, расплющившей человеческое существо со всеми его радостями и мыслями. Скажу вам, что в литературе вряд ли найдется

что-нибудь сильнее этого описания налетавшего из-за угла автомобиля. Бедная жертва, бедный шоффер!..

И вот, дома я нахожу Ваше письмо, где Вы предлагаете разыскать в ред<акции> № «П<оследних> Изв<естий>» от 16 авг. и почитать его. Ну, в самом деле, разве это не удивительно! Когда встречаются люди, совсем того не ожидая, то говорят, что свет мал, когда встречаются и перекрещиваются идеи, вот, как сейчас, например, то как это объяснить?

Рад, что Коловрат¹ пришелся Вам по душе. Только напомните мне, как я Вам писал о нем. Вот что. Понравились мне «П<оследние> Изв<естия>» (только я Вас не узнал там в широкополой шляпе), и не сделаете ли мне протекции? Пришлю я Вам один свой фельетон о Советском патриотизме, изобретенном «Парижским Вестником»², – знаете, местная большев<истская> пакость (как это у Вас хорошо сказано: «Когда до крови ударил воловьей жилой по лицу красавицы России большевизм»...). Если решите, что «вепе», то пошлете, может быть, со своим рассказом одновременно: вот вам, мол, паршивый корреспондент или что-нибудь в этом роде. Если же решите, что лучше мне послать самому, то пришлите обратно. По наружности судя, газета не бедная, а мы бедные. Прекрасно, что Вы надумали писать в «Возрождении». Пенензы пока у них имеются, хотя они и скуповаты. Не знаете ли Вы, куда переехало «Общее Дело»?³ Задайте, кстати, Юрию Станиславовичу при встрече вопрос: папу Григория Великого (590–604) за знания греческого и латинского языка называли Двоесловом, как же назвать нашего доктора филологии Коловрата?

Ваш В.Метакса

Л.145 и об.

¹ Возможно, имеется в виду профессор Ю.С.Коловрат-Червинский, математик и музыкант, полиглот.

² «Парижский вестник» – ежедневная газета, выходившая с мая 1925 по март 1926. Негласно финансировалась советским посольством. Не путать с одноименным коллаборационистским изданием (ред. Ю.Жеребков), выходившим в годы гитлеровской оккупации.

³ «Общее дело» – в 1920–1921 газета, далее – неперIODический орган. Издавался в Париже В.Л.Бурцевым с 1918 по 1934. Время от времени делались попытки издавать и французский тираж «La Cause Commune» (как острил Дон Аминадо, «на раннем эмигрантском жаргоне “Козья коммуна”»). Бурцев в эмиграции пользовался репутацией главного эксперта по провокациям ОГПУ (см., напр., его анализ «дела Савинкова», предисловие и комментарий к воспоминаниям чекиста-перебежчика Е.Думбадзе в «Иллюстрированной России»).

21

Куприн

Ош, 20-е числа августа 1925

Милый Борис.

Я живу в г. Ош, деп<артамент> Жер. Приехал писать, но ничего не выходит. От себя, видно, далеко не убежишь.

Что мне написать о Тебе Любимову? Дай мне хоть приблизительный конспект. Зацепки написать ему у меня есть.

Совсем не то нужно для рулетки, что ты говоришь. А нужно, или как я, следить за волно- и -спиралеобразным ходом своего счастья, или подходить к столу гордо, с расширенной дыханием грудью, с орлиными глазами, с весельем в душе, с уверенностью в сердце. Вот подожди, я приеду, я вам покажу рулетку. Конечно, не метры, а настоящую. Со всех выигрышей одновременно больше тысячи – Тебе 5%. Я щедр, когда играю!

Сестра Людмилы Ивановны Елена Ивановна¹ у меня ведь тоже описана в «Гранатовом браслете», и тоже как сестра. У нее прехорошенькие дочери, а она до сих пор такая, как я ее описал.

Кланяйся Петьке. Вспоминает ли он меня, живя в местах, где нам когда-то было так весело? Да скажи ему, пусть передаст мой привет M-eug Malicarne. Я этому M. Malicarne однажды написал по-французски, но ответа не получил.

Академик опять с геморроем. И поделом: не предавайся пассивной педерастии, предпочитай активную. Он на меня столько заочно налгал, что я этот слух хочу широко пустить в оборот.

Обнимаю Тебя и люблю просто и крепко.

Твой *А.Куприн*

Les Riffets
Auch (Gers)

Л.150 и об.

¹ Елена Ивановна Нитте (фон Тимрот), прототип Анны Николаевны Фриессе в повести Куприна «Гранатовый браслет».

В эмиграции жила в Ницце и, по словам племянника, «благодаря браку дочери ни в чем не нуждалась... Овдовев вторично и отчаявшись найти в своей жизни какой-то оправдывающий смысл, она в семидесятилетнем возрасте покончила с собой, приняв большую дозу снотворного, которое, как выяснилось впоследствии, долгое время покупала в разных аптеках» (Любимов. С.29).

22

А.И.Куприн

(Открытка)

Ош, 2 сентября 1925

Милый St. Lazare!

Написал Д.Н.Любимову. И нежно, и с упором. Кстати, по его рассказу, я сделал <великолепную?> штучку для газеты. Но ты об этом не говори ему, если увидишь.

Что за битва с живоцерковниками?¹ Почему нецелесообразно? Всегда нужно бить их и словом, и кулаком. Ведь ты верующий! Не будь тряпкой, выступи против них публично. Сними спидныйцю и разгромай их к чертовой матери! И я тебя увенчаю лавровым венком. А ты хйба!

Твой А.Куприн

Адрес просто: Les Riffets Auch (Gers)

Л.157 и об.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹Вероятно, имеется в виду полемика вокруг проводимого так называемыми «обновленцами» в 1925 их второго собора (первый был в 1923). Сторонники церковного обновления вышли из «Союза церковного возрождения», выступавшего за реформы церкви еще до революции. Зревшее в церковных кругах обновленческое движение проявилось в связи с арестом патриарха Тихона в мае 1922, когда члены «группы прогрессивного духовенства и мирян» во главе с петроградским протоиереем А.Введенским обманом захватили власть в Церкви и образовали самочинное Высшее Церковное управление (ВЦУ), которое возглавил архиепископ Антонин (Грановский). Сторонники «церковного обновления» планировали заняться «церковно-общественной» деятельностью: ликвидацией монастырей и самого института монашества, устранением не согласных с ВЦУ архиереев от управления епархиями, собирались ввести брачный епископат, реформировать богослужение. Движение состояло из множества группировок: «Живая Церковь», «Союз общин древнеапостольской Церкви», «Союз церковного возрождения» и др., которые либо объединялись под властью ВЦУ, либо его власти не признавали. Обновленцами стали именоваться после 1923, когда в журнале «Жизнь и религия» было опубликовано «Положение об организации ревнителей церковного обновления». Патриарх Тихон осудил обновленцев, а большинство клириков и мирян их не приняло. Советская власть, несмотря на то, что обновленцы выражали готовность к сотрудничеству с нею и даже с ее карательными органами, только терпела обновленчество, используя его в борьбе с традиционной церковью. В дальнейшем движение постепенно слабело и, хотя формально не объявляло о своем роспуске, фактически прекратило существование около 1942.

А.И.Куприн

Ош, 10 сентября 1925

<10/IX-1925>

Здравствуй, Борис.

Ну-с, был я в St. Sauveur-les Vains (Luz) и в Верхних Пиренеях, был в Байони на бое быков-с, был в Биорице, нюхнул краешек океана и почтительно ему поклонился¹. Я, батенька мой, с ним не фамиллярничаю, как иные поэты, которые в легкую зыбь задрисываются от испуга. И видел я еще в Биорице около воды французский фейерверк. Не люблю я таких зрелищ искусственных, но, представь, тут поразился. Проезжал и мимо Лурда, но туда не захотелось ехать. Зато на вокзале я купил себе целый готовый обед, запрятанный в аккуратный портфельчик из папье-маше. В нем за десять франков было: кусок ветчины, два куса телятины, крутое яйцо, трехугольник сыра, соль, хлеб, виноград, маленькая бутылочка белого вина, ножик, вилка, штопор и жестяная чашечка (столовые предметы эти дают тебе в презент; я их вышвырнул в окошко).

Здесь скверно, как нигде еще и никогда не было. Кормят плохо. Есть некого². Выпить не с кем. Что за город, если на вопрос: «Есть ли <у> вас бляди?» собираются извозчики, трактирщики, почтальоны, а гарсоны и даже встречные, молодые и старые, пьяницы.

И вот уже месяц ни слова по-русски! От этого такое ощущение, будто бы у меня рот заплесневел.

И вино здесь говнячее – белое пахнет мокрой собакой, красное – творогом и от него корчишься, как в пляске св. Витта.

Ну, обнимаю тебя. Пиши сам побольше и почаще. Все-таки русская речь!!

Какой это фельетон написал Филиппов³, что ты ему не прощаешь? <Дуньку?> и что? Напиши, в чем дело?

Л.163 и об.

¹ В Байонну и Биарриц, близ испанской границы, Куприн был приглашен четой Писаревских, приславших ему в Ош (центр французской Гасконии, куда приехал на месяц Куприн) 100 франков на дорогу. О Писаревских К.А.Куприна писала: «Писаревские были нашими друзьями. Я не помню, чем он занимался, но это была довольно состоятельная пара.

Его жена была молодая и хорошенькая женщина, увлекавшаяся скульптурой. Она лепила бюст Александра Ивановича и отчаянно с ним кокетничала» (Куприна. С.210).

Речь идет, по-видимому, о Ирине Осиповне (Иосифовне) Писаревской-Карми, общественной деятельнице и художнице, и ее муже И.С.Писаревском, специалисте по сельскому хозяйству. Позднее они перебрались в Париж; в 1927 фамилия Писаревской-Карми встречается среди участников ве-

сеннего бала Союза русских писателей и журналистов во Франции; в 1930 И.О.Писаревская была членом жюри по выбору «Мисс России» (см.: Иллюстрированная Россия. 1930. №б. 2 февраля. С.6), а в 1936 Французская сельскохозяйственная академия отметила работы И.С.Писаревского по акклиматизации (см.: Мнухин. Т.3. С.163). 8 сентября 1925 Куприн писал Елизавете Морицевне: «Нельзя ли, чтобы Миронов сделал снимок моего бюста» (РГАЛИ. Ф.240. Оп.2. Ед.хр.3. Л.19). Эти фотографии сохранились в фотоальбоме Куприна в РГАЛИ; появились ли они в «Иллюстрированной России», установить не удалось.

Свои впечатления о корриде, прошедшей 6 сентября 1925, Куприн отразил в очерке «Бой быков» (в окончательном варианте получившем название «Пунцовая кровь»). Куприн писал жене, Е.М.Куприной: «Статью о бое быков ты можешь заранее продать за 500 франков Гукасову, через Миронова, или как. Эти вещи я мастерю а la soque, горячо и быстро» (Там же. Л.20). Однако очерк ни в «Возрождении», ни в «Иллюстрированной России» не появился и был напечатан в рижском журнале «Перезвонь» (1926. Январь–февраль. №12/13) с авторской датой «Декабрь 1925, Париж» и посвящением Ирине Писаревской.

Любопытно, что одновременно с Куприным эту же корриду наблюдала туристка из СССР, поэтесса и переводчица Анна Радлова, писавшая об этом «самом удивительном зрелище, которое я когда-нибудь видела в жизни» мужу, театральному режиссеру С.Э.Радлову в Ленинград. Радлова оставила запись о корриде в своих путевых заметках, где немножко присочинила, приписав себе честь получения отрезанного тореадором Антонио Каньеор (в транскрипции Куприна – Ганеро) бычьего уха (см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб.: «Atheneum»–«Феникс», 1998. С.538).

² Фрагменты этого письма были опубликованы в парижской «Русской мысли» (1997. №4203. 25–31 декабря) с трогательно-целомудренной опечаткой: «Кормят плохо. *Есть* некого. Выпить не с кем».

³ Филиппов Александр Иванович (1882–1942), до эмиграции киевский журналист, беллетрист, киносценарист, совместно с Б.А.Сувориным (1879–1940) редактировал газету «Русское время», возникшую в результате слияния 10 июня 1925 «Русской газеты» и «Вечернего времени». 20 октября 1925 под председательством Куприна «состоялось скромное чествование 25-летия литературно-журнальной деятельности Ф.И.Филиппова» (Иллюстрированная Россия. 1925. №31. 15 ноября. С.10). Судя по составу присутствовавших, на банкете был едва ли не «весь русский Париж» – от епископа Вениамина до генерала Н.В.Скоблина с Н.В.Плевицкой, сенаторы, профессора. Преосвященный Вениамин подарил Филиппову образ Иоанна Златоуста, Ф.А.Малявин – свою картину «Бабы». См. также: Из истории «Сегодня». Кн.1. На грани эпох. С.373.

24

А.И.Куприн

Ош. 12 сентября 1925¹

Милый Рибос Ла Севриказ*,

и ты, сын моего сердца, Петенька. Благодарю вас обоих сердечно за телеграмму. Сейчас пойду и выпью за ваши здоровья рюмку ар-

маньяка: есть у нас такой местный бардзо ладный напитунк². Спасибо за приглашение. Дунул бы к вам с удовольствием, но вовсе нет денег: ни свободных, ни всяких других. Написал я (остается еще глава) большую повесть, да думается мне, что она у меня не выпеклась³. И потом, куда ее денешь? Псу под хвост, или в полублаготворительный Альманах какой-нибудь скучающей стервы?

Милый Барбарис, я Тебя спрашивал о том Шведе, что взял у меня (и у Тебя) рассказы для переводов. Фамилия его на К., очень короткая⁴. Где он? Можно ли ему было доверяться. Но ты, хибя *никогда*⁵ не ответил еще ни на один деловой вопрос.

Ах, обнял бы я вас обоих, покупался бы в море, несмотря на дождь, выпили бы мы винца бы! Игранул бы я в рулеточку на Горке. Петя ведь помнит, как я однажды победил ее. Как он, вероятно, помнит, что однажды с одним чистопородным французом, по фамилии Sidoroff, мы поймали на перемет акулу (маленькую, с ширину этого листа длиною, даже не акулу, а совсем еще акулиночку).

Ответь мне, Борис, *непрерывно о Шведе*, и Петя пусть пишет, я его очень люблю, хотя он и согляда<та>й. Писать мне теперь нужно уже на Bd Montmonrancy, ибо сегодня Суббота, а в Среду я уезжаю.

Ваш А.Куприн

P.S. Во всяком случае, до Ницы отсюда через Париж ближе, чем отсюда прямо до Ницы.

* Аннаграмма твоих имени и фамилии. В XVI веке это было очень в моде. (*Примечание А.И.Куприна.*)

Л. 167 и об.

¹ Датируется по содержанию. В письме, датированном «Среда, 9-го сент.», Куприн писал жене: «В будущую среду уеду» (РГАЛИ. Ф.240. Оп.2. Ед.хр.3. Л.24). Субботы в сентябре 1925 приходились на 5, 12, 19 и 26-е числа, значит, письмо написано 12 сентября, а билет у Куприна был на раннее утро среды 16-го сентября. Приводим последнее письмо из Оша, отправленное Елизавете Морицевне, судя по почтовому штемпелю, 14 сентября:

Мою милую Лизу
Люблю сверху и снизу.
Красоты ея ради
Люблю спереди, сзади,
Сидя, лежа и боком,
И по гроб самый сроком.

Ты перестала писать. Это обычный знак:

Едь!

Ну и еду. В среду утром выеду в 5 ч., буду в 10 ч. 7 мин. вечера. Я знаю, что ты мне купила шкафчик для книг! Обни-

маю за это. Неужели белого пуделька? Прекрати высылку газет. Скажи об этом Филе.

Твоя *Саша*.

Сверхчеловеческий поклон-с.

А.К.

(Там же. Л.26).

² В серии очерков «Юг благословенный» (вошли в книгу «Новые повести и рассказы». Париж, 1927) Куприн, повествуя об Оше (который назван «плоским, скучным, невыразительным городом»), упоминает «знаменитый арманьяк, подлинный секрет которого давно утерян» (см.: Куприн. Т.7. С.345).

³ Речь идет о повести «Жанета, принцесса четырех улиц» (впервые напечатана: Современные записки. 1932. №50; 1933. №53).

⁴ Швед – возможно, упомянутый в письме 27 переводчик Клоп Бинге.

⁵ Подчеркнуто четырежды.

25

А.И.Куприн

(Открытка)

Париж, 27 сентября 1925

<Paris, 27.IX.1925>

Милый Борис,

Это идея. У меня есть сценарий Моей звезды (May <sic!> Star) на англ<ийском> языке¹. Что, если его пришлю Тебе, а ты с Петенькой сунете его для прочтения Американцу². Я Тебе обещаю процент, а Петю поцелую. Ответь.

Твой *А.Куприн*

Л.173.

¹ Автограф незавершенного киносценария Куприна «Моя звезда» (1-й и 2-й акты) в РГАЛИ при архивной обработке предположительно датирован 1916–1917-м (Ф.240. Оп.1. Ед.хр.103-104). Сценарий опубликован: Искусство кино. 1959. №7 (публикация Ю.А.Красовского). В предисловии процитирована заметка А.А.Измайлова из «Биржевых ведомостей» от 8 сентября 1912, с изложением всего сюжета пьесы, тогда задуманной еще как театральная. Это подчеркнуто демократическое произведение, направленное против деления людей на аристократию и плебс. По замыслу Куприна, в фантастической стране, на трон, по прихоти короля, сроком на три дня возводится капитан прибитого штормом к берегу брига «Моя звезда» (тема, использованная еще Сервантесом, в главах о губернаторстве Санчо Пансы, Марком Твенном в «Принце и нищем» и др. авторами). Куприн долго держал замысел в голове, но записал его только к осени 1925, одновременно переводя на английский, рассчитывая на успех в Голливуде. Предположительную датировку Ю.А.Красовского, на наш взгляд, следует пересмотреть.

² Имеется в виду Рекс Ингрэм (Ingram; 1893–1950), американский актер, сценарист и режиссер. после фильма по Бласко Ибаньесу «Четыре всадника Апокалипсиса» (1921), с Рудольфо Валентино в главной роли, вошел в число ведущих голливудских режиссеров; в середине 1920-х, стремясь к творческой независимости, покинул Голливуд, чтобы основать собственную студию во Франции. В 1925 жил в Ницце. Во Франции Ингрэм поставил фильмы «Чародей» (1927) и «Сады Аллаха» (1927). После 1933 оставил кинематограф.

26

И.А.Бунин

(Открытка)

Грасс, 28 сентября 1925

<Grasse 28.IX.1925>

Простите, дорогой, за поздний ответ – очень занят. Спасибо за письмо. В Париж написал. Увидите Сипиных¹ – передайте поклон, благодарность за их ласку. Поклон и всем старым знакомым!

Ваш *Ив. Бунин*

Л.174.

¹ Сипины – семья из Ниццы. Дочь – ученица балетной студии М.К.Невельской, балерина театра «Варьете». Мать и дочь Сипины участвовали в постановке Русского артистического союза на Ривьере 2 апреля 1925 «Горя от ума» (Лазаревский сыграл князя Тугоуховского). За несколько дней до публикуемой бунинской открытки, 19 сентября 1925, Сипины устроили банкет в честь Бунина, который Лазаревский описал в дневнике:

Стол покоем. Подвальный этаж. Публика разнокалиберная... Я прочел свой очерк, очень кратенький, о Бунине.

Но большинство не знало, что написал Бунин. «Юбиляра» посадили между иудейкой, женой Lolo (так она тоже Вера Николаевна) и Е.П.Сипиной. Было ему душно и скучно.

«Доктор» Соколов гордится своим знакомством. Гоша Яблонский прочел несколько стихотворений Бунина. И не все знали, кто автор. Провозгласил он тост и за Кольшко – за Большого человека. Да, Кольшко был, кажется, единственным настоящим писателем здесь. Кривлялся Набоков – этот Маяковский от музыки...

Напился до смерти известный пьянист Сапельников...

Я ушел с Сипиными.

Е.П. была недовольна тем, что Бунин не остался ночевать у них... Комнату девочек для него освобождали, а он ночью уехал в Грасс... И повез его пьяный шофер...

Бунин знает цену моему слову и перед отъездом крепко меня поцеловал, что очень удивило Набокова.

Глубокой провинцией пах этот вечер...

Сипина поняла Бунина...

– Холоден он...

Его просили на вечере:

– Скажите нам что-нибудь...

– Что же я вам скажу, – ну, обнимаю вас всех...

И он был прав... Все чужие, – он огромному большинству неизвестен, – к стыду этого большинства.

Курьезно, что, когда Сикуралидзе пел «Блоху», – Бунина кусали на самом деле блохи – от сипинских собачек.

Лечь спать пришлось в 3 ч. ночи.

Среди названных Лазаревским участников вечера:

– Вера Николаевна Ильнарская (1877–1945), жена сатирика Lolo (Д.Н.Мунштейна). В России – актриса Театра Корша, много игравшая в провинции (репертуар инженерю и гранд-кокет). Под псевдонимом В.Иль писала театральные рецензии. В «Театральной энциклопедии» о ней неверно сказано «умерла в 1920-х в Париже». Во Франции снималась в кино в ролях второго и третьего плана.

– Г.Яблонский – актер, в спектакле «Горя от ума», поставленном Русским артистическим союзом на Ривьере и прошедшем 2 апреля 1925 в театре «Nouveau Casino» в Ницце сыграл Репетилова.

– Николас (Николай Дмитриевич) Набоков (1903–1978), композитор, кузен В.В.Набокова. Во Франции в 1923–1929 писал музыку для «Русских балетов» Дягилева; с 1933 жил в США. В конце жизни работал на русском вещании «Голоса Америки» (Любимов. С.142).

– Георгий Сихарулидзе (у Лазаревского – Сикуралидзе), певец, баритон. 24 ноября 1925 в Ницце в театре «Виктор Гюго» давался 2-й спектакль с концертным исполнением оперы Чайковского «Евгений Онегин» с участием Сихарулидзе.

– Сапельников В.Д., пианист, аккомпаниатор. Жил в Ницце. См.: Мнухин. Т.І. С.623; Т.ІІІ. С.43, 134.

Подробнее стоит сказать об Иосифе Иосифовиче Колышко (1861–1938), прозаике, драматурге, публицисте, критике, журналисте (псевд. Рогдай, Серенький, Баян). До революции Колышко кроме литературы занимался также предпринимательством, был членом правлений нескольких акционерных обществ. В его биографии имеется темный эпизод участия в 1916 в отдельных переговорах с немцами (см. сводку литературы в статье о Колышко в словаре «Русские писатели. 1800–1917»). Т.3. Автор – А.В.Чанцев). Лазаревский, бывший с Колышко в приятельских отношениях, записал в дневнике 24 марта 1925:

Вечер я отлично провел у Колышко. Был он ласков и добр – даже очень сердечен, хотя ему нездоровилось. Рассказывал о том, что некий Подгурский – инженер – член правления персидской жел. дор. – членом пр<авления> которой был и Колышко – написал, что оба они могут получить свое жалование за четыре года, что составит 300.000 фр. И добавил Колышко:

– Молитесь Богу, чтобы это случилось, тогда я и вас не оставлю...

Я даже растерялся от такого доброжелательства человека, которого я считал скупым.

С великою болью рассказал мне также Колышко, как, благодаря Милюкову, просидел в крепости вместе с Вырубовой и другими, не желавшими такого конца (какой случился) войне. Как «работали следователи Временного правительства».

И только сегодня «гуманный» Милюков нарисовался мне во всей своей «красе», – а я думал, что даже самое слово «жидо-масон» – выдумка, но, оказывается, нечто реальное.

В эмиграции Колышко под псевдонимом Баян опубликовал в различных периодических изданиях свыше 30-ти очерков-воспоминаний под общим названием «Обломки» – о Чехове, Горьком, Розанове, суворинском «Новом времени» и др. По-видимому, это главы его неопубликованных воспоминаний, ныне хранящихся в Гуверовском институте, в архиве Б.Николаевского. На деньги местного книготорговца И.Вилькомирского пытался с весны 1930 издавать в Ницце еженедельную газету «Вестник Ривьеры», просуществовавшую не более двух лет («титulyным» редактором был обозначен ген. М.В.Грулев). Колышко пользовался в эмиграции нехорошей репутацией. Лоло-Мунштейн, затеявший собственную газету, потом литературный альманах в Ницце (оба предприятия провалились из-за отказа А.П.Бурова рисковать своим капиталом), так писал о нем Бурову 23 декабря 1930:

В P.S. Вашего письма Вы меня *сразили*: неужели Вы отвечаете на письма этого маститого предателя, торгующего Россией, своими женами (продал одну за 200 тыс. фр.), издающего в Ницце еженедельный листок на большевицкие деньги и т.д., и т.д.! В Ницце ни один порядочный человек не подаст Колышке руки. Неужели Вы ничего этого не знаете?

(РГАЛИ. Ф.2274. Оп.1. Ед.хр.57. Л.14об.)

По поводу «Вестника Ривьеры» см. письмо Колышко от 5 апреля 1930 к М.А.Суворину, издававшему в Белграде «Новое время», с предложением забыть старые разногласия и обмениваться статьями и информацией (НЛО. 1995. №15. С.210). Об абсурдности обвинений Колышко в симпатиях к большевизму и получении на издание «Вестника...» советской субсидии, см.: Из истории «Сегодня». Кн.1. На грани эпох. С.348-349, где цитируются его воспоминания.

На новый 1931 год В.Н.Ильнарская повторила в письме Бурову, едущему в Германию, давние обвинения против Колышко:

...в Берлине кланяйтесь Дымову (я его большая поклонница) и С.Горному, и скажите ему, чтобы он опасался соприкосаться с Колышко. И Вы, пожалуйста, не начинайте с ним каких-либо дел! Это ужасный человек: от него исходят ядовитые газы – и отравляют все окружающее. – Он берет молодых девушек себе в жены и через два года они становятся больными старухами. Так он отравил уже 8 штук. Он очень

богат, т.к. немцы дали ему за шпионаж много немецких акций, но он притворяется нищим и морит голодом этих несчастных, попавших в его лапы.

(Там же. Л.65 и об.).

Когда в Берлине с 14.09.1934 стала выходить субсидируемая рейхсминистерством пропаганды русская нацистская газета «Новое слово», Кольшко активно в ней печатался, став, в начале ее существования, одним из ведущих авторов-публицистов газеты.

См. также: Из истории «Сегодня». Кн.І. На грани эпох. С.315, 348-350; Крымов В.П. И.И.Кольшко-Баян // Портреты необычных людей. Париж, 1971.

27

А.И.Куприн

(Открытка)

Париж, 28 сентября 1925

Дорогой Борис.

Посылаю тебе английский сценариум. Там есть: 1) широкий синопсис всей пьесы и 2) разработанный 1-й акт. Думаю, что второе г-ну Рех лишнее. А, впрочем, черт их всех знает. Прошу – ради Бога – не затеряйте. В эту хреновину я верю.

А Петю попроси внушить Рех'у терпение при чтении.

Не слыхал ли о нашем шведе Клоп Бинге. Ответь!

Твой А.Куприн

Л.178.

Датируется по почтовому штемпелю.

28

А.И.Куприн

Париж, до 17 октября 1925¹

Ты напрасно, дорогой Борис, меня утешаешь в моей неудаче с фильмом, хотя твое участие меня трогает искренно. Видишь ли: я так долго в последнее время был любимцем и баловнем судьбы, так неизменно плыл в полосе редкого сплошного «игроцкого счастья» (в широком, жизненном смысле), что теперь, с фаталистической покорностью, принимаю неуспех и толчки, как очередную и плохую, неизбежную талию. Жаль только, что времени остается слишком мало, чтобы дожидаться новой блестящей сдачи. Скоро подходит законный час, когда попросят о выходе из игорной залы, запрет за

тобою двери и очутишься ты в холоде и темноте: об этом мои ежедневные размышления.

Я совсем не утратил способности писать, но... надоело до крайности. Прежде толкало честолюбие, вкус известности, потом хорошие деньги, дающие свободную и ладную жизнь, а нынче первое потеряло вкус и прелесть, а второе свелось к копейкам. И стало неселось.

Ты уже неоднократно порываешься на зарубежный Съезд². Дорогой мой! Все та же жеваная мочалка, те же общие вялые слова, что мы с Тобой слышали и на Национальном Съезде³. Неудержимый, но тусклый словесный блуд, борьба больных самолюбий крошечных и бездумных людишек и... кому-то выгодно. Ни хера не стоит вся эта заседающая, суеязящаяся, болтающая эмиграция.

Читал ли ты в *Le Journal* статью Henri Vereau о Совроссии?⁴

Я на Петьку и на его поведение и на его свинское письмо не сержусь. Я сам виноват, что не умею писать для Кинемо. Филиппов умеет⁵. Положим, и я сам смог бы это сделать, даже не опускаясь до Филипповского искусства. Но сделал бы только в очень добрый, полнокровный, смеющийся час, в виде самой разнузданной пародии, в духе прежних проказливых времен. Уверяю, ее приняли бы всерьез. Но... не поется и не свищется.

Твой сердечно *А.Куприн*

Про хорошую старинную русскую печатку мне говорил Саша Черный. Она вырезана в сердолике. Нарисованы птица и кот. Кругом надпись: «Птичка поеть коть не глядитъ» (соблюдаю орфографию). Хорошо для подарка от сурового мужа развязной жене. Только «по futatur»⁶. Я сам эту штучку использую.

Л.186 и об.

¹ Датируется на основании записи в дневнике Лазаревского о получении: «17 октября, суббота. Есть милое, милое письмо от Куприна». В этой же записи: «Вчера Бунин заходил к Сипиной, и она сказала: “Все-таки, Куприн больше”».

² Зарубежный «объединительный» съезд русской эмиграции прошел в Париже 4-12 апреля 1926; основные расходы на его проведение взял на себя издатель «Возрождения» богатый нефтепромышленник А.О.Гукасов, по прибытии в эмиграцию сумевший продать англичанам «бывшие свои» нефтяные прииски в Баку и Грозном, к эксплуатации которых покупатели намеревались приступить через пару-тройку месяцев, сразу же после падения большевиков. Объединения эмиграции на общей антибольшевистской платформе, на что рассчитывали организаторы съезда, достигнуто не было: набор, раскол между республиканской и монархической (условно говоря, «левой» и «правой») частями эмиграции еще более усилился. П.Н.Милуков писал об этом:

Первая треть 1926 года была в значительной степени посвящена разоблачению право-монархической интриги, имев-

шей целью навязать эмиграции, при посредстве «Зарубежного съезда», программу дворянско-монархической реставрации, подгасовав большинство съезда, для проведения на нем, под фирмой «возглавления» в.к. Николаем Николаевичем, принудительной организации всей эмиграции, по образцу существовавшей в Белграде, центре эмигрантского черносотенства.

(Политическая деятельность «Последних новостей»
// Юбилейный сборник газеты «Последние новости».
27 апреля. 1929–1930. Париж, 1930. С.22.)

Лазаревский побывал на съезде. Свои впечатления он обнародовал в статьях, печатавшихся в ревельских «Последних известиях» с 12 по 14 апреля 1926. Был на съезде и Бунин. См. запись В.Н.Муромцевой-Бунинной в дневнике от 3 апреля 1926: «Ян получил пригласительный билет на Съезд» (Устами Буниных. Т. II. С.154).

³ Съезд Русского национального объединения проходил в Париже 5-12 июня 1921; в центре его внимания были вопросы сохранения Белой армии и, как заявил В.Д.Набоков, «верности принципу вооруженной борьбы».

⁴ По этому поводу Лазаревский записал еще 17 сентября:

Борис Суворин торжествует, ибо левый француз, вернувшийся из России, пишет:

Анри Беро. Henri Bereaud

<Далее вклеена вырезка из «Русского времени» с подчеркнутыми Лазаревским фразами:>

«Еще раз приходится вернуться к сравнениям с фашизмом. Ничто с внешней стороны так не похоже на московскую жизнь, как жизнь римская; – шествия, эмблемы, страхи, молчание. Я хочу сказать, что реакция и революция не оставили за собой ничего, кроме мрачного существа в маске неизвестного Диктатора, который не мог бы существовать без поддержки некоторых группировок, которые неизбежно находятся на привилегированном положении за счет других. *Говоря резко, вопрос идет о двух фашизмах. Только Московский фашизм – это еврейский фашизм. Вот почему его первой заботой было поднятие своего флага над банками.*»

Его нельзя заподозрить ни в монархизме, ни, даже, в национализме.

Если не все, то многое сказано. Очень ясно.

Беро Анри (Beraud Henri; 1885–1958), французский писатель и публицист. Лауреат Гонкуровской премии 1922 года. Свои статьи о поездке в Советскую Россию впоследствии объединил в книгу и приглашал к третьейскому суду французских коммунистов, обвинивших его в ангажированности и клевете, но вызов Беро не был принят журналистами из «L'Humanité». См.: Яблоновский А. Анри Беро и коммунисты // Сегодня. 1926. №4.

⁵ 31 января 1925 на парижские экраны вышел фильм режиссера В.К.Туржанского «Прелестный принц» по сценарию А.И.Филиппова, с участием Н.И.Кованько, Н.Ф.Коллина, Жака Катлена, Клод Франс. Куприн отозвался на фильм рецензией (Русская газета. 1925. 22 февраля). Автограф рецензии в РГАЛИ (Ф.240. Оп.2. Ед.хр.17).

Лазаревский записал в дневнике 26 ноября:

Куприн замолчал, и я знаю, почему, предполагаю, убежден.

Филиппов – иуда – рассказал, что я показываю ему письма Куприна в дневнике, а я не показываю, а только одну открытку, – как играть в рулетку.

Нарыв на эмигрантской журналистике этот Филиппов.

Милюков честнее.

Упомянутая открытка в дневник не вклеена. Возможно, в ней описывалась «верная система» игры, известная Куприну (см. прим.2 к письму №8).

⁶ «Не укради» (лат.).

29

М.П.Арцыбашев

Варшава, 7 ноября 1925

7-XI-25 г.

Дорогой Борис Александрович,

Спасибо, что беспокоитесь обо мне. Но письмо Ваше опоздало. Вы пишете, что надо писать так, чтобы письмо получилось в Париже за неделю до 14-го, а я получил Ваше письмо – только что.

До, по правде сказать, все равно я не написал бы. Ведь Вы же знаете меня много лет и должны знать хорошо. Не могу я просить! Если я кому-нибудь нужен, пусть обо мне вспомнят. А ежели не вспомнят, значит, не нужен. Ну и не надо.

Погибать, не дождавшись конца большевиков, очень тяжело. Поэтому буду бороться до последней возможности. Ну, а ежели возможностей не станет, что ж делать!

Не знаю, о каком подъеме Вы пишете? От нас ничего не видать. Мало верю я в эмигрантский подъем! Но зато я получил известие из России, что некоторые мои статьи, напечатанные в виде прокламаций, ходят в тысячах экземпляров по деревням и имеют большой успех у мужиков¹. Большевики меня ненавидят. Сие, вместе взятое, дает мне то удовлетворение, которое поддерживает в самые тяжелые минуты.

Ваш М.Арцыбашев

Л.201.

¹ О подпольном распространении в СССР в тысячах экземпляров арцыбашевских статей ничего не известно. Скорее всего, корреспондент ввел Арцыбашева в заблуждение, выдавая желаемое за действительное.

Ольга Лазаревская

Письмо из СССР, 26 ноября 1925

<19>25.XI.25

Борис, дорогой! Приятное впечатление произвело на меня твое письмо: представилась светлеющая даль, твое окрепшее здоровье и возможность увидеться и жить еще вместе... Я согласна работать не меньше, чем здесь, готова сделать все усилия, чтобы только жить в культурной среде, среди богатой природы, и дышать не этим болотом! И Виктория получала бы иное воспитание...

Я думаю, Борик, что не таких уже страшных усилий стоило бы тебе похлопотать и выслать мне визу. Ведь многие давно уже взяли своих жен и детей, – неужели мы слабее или хуже других... хотя бы...

Это, конечно, не так спешно, но хотелось бы принципиально пока выявить этот вопрос. Напиши, можно ли надеяться? И сколько, приблизительно, времени понадобится для того, чтобы получить визу, и сколько надо денег на дорогу? Здесь я давно изнемогаю: нравственно, прежде всего, и физически заработалась... Обстановка ведь все эти годы такова, в точности, если бы заставить тебя жить у твоей сестрицы Гали, а Клавдия Аф<анасьевна> еще деспотичнее...

Ну, об этом хотелось черкнуть несколько строк, во-первых, к<a>к о давно наболевшем, а теперь вопрос второй, чисто материального свойства. Слушай, друг мой, Борик милый! Не сумеешь ли ты выручить меня такой комбинацией: выслать Митрофану самым срочным образом сорок руб. (40 р.). Не хлопочи о деньгах для меня, относительно которых ты писал, но я не получила... Если, по наведенной тобой справке, они и не были отправлены, то – сделай все, чтобы направить в адрес Мики количество, равное 40 нашим рублям. Дело в том, что я должна переслать ему эти 40 р., но отсюда перевод сведется к грошам, к<a>к говорят, а мне эти рубли пригодятся очень, хотя бы для Виктории. Мне поручено перевести ему эти 40 р., полученные за проданный лес, и мне представилась возможность такой комбинации. Если бы ты сделал это и попросил его написать домой о полученных 40 р., к<a>к подтверждение о выполненном мною поручении, – я была бы тебе глубоко признательна. Так вот, мой дорогой, на этот раз я задала тебе 2 нелегких, пожалуй, вопроса. Буду ждать с нетерпением твоего ответа, ибо требования мамы выслать Митрофану деньги – меня одолевают.

Подумай, Борик, сделай все и напиши, к<a>к сможешь скорее. Целую тебя крепко, и Виктория – тоже. Твои / мать – дочь.

Л.211-212об.

Письмо от жены Лазаревского, которая, вместе с дочерью Викторией, осталась в Советской России. 2 декабря Лазаревский записал в дневнике:

Получил Олино письмо. Стремится во Францию с Газинькой. Как бы хорошо было это осуществить. Сейчас напишу страшную фразу: мне было бы легче видеть Викторию такой кокоткой, как, например, Ренэ, чем красноеврейской подданной без национальности.

Ранее, 19 июля, Лазаревский писал:

Цельми днями думаю об Оле и Виктории и боюсь писать об этом. Боюсь, ибо это все равно, что заживо погребенные...

Отстав от меня в 1919 г. Ольга сделала непоправимую ошибку, – ей нужно было в Ростове держаться за меня, а затем, когда я уехал на Кавказ и красноеврейцы вступили в Смоленск – уже было поздно...

31

И.А.Бунин

Канны, 9 декабря 1925

<9. XII. 1925. Cannes>

Дорогой Борис Александрович.

В «горах» действительно был холодище, и посему я уже похврал. Но «горь» мы уже оставили – мы теперь в Cannes. О положении Арцыбашева знаю из его письма ко мне. Я довел об этом положении до сведения Комитета¹, и Ком<итет> постановил послать Арцыбашеву 500 фр. – «больше совсем не в силах». Возмутительно мало, но что же делать – всё лучше, чем ничего. На днях, вероятно, уезжаем в Париж. О Вас Алданову² писал. Буду и лично хлопотать за Вас и за Арцыбашева. До свиданий,

Ваш *Ив. Бунин*

Л.215.

В дневнике Лазаревский записал: «От Бунина приветливое письмо».

¹ Имеется в виду Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции, основанный в 1921 Н.В.Чайковским (о нем см. прим.41 в предисловии).

² Алданов (наст. фам. Ландау) Марк Александрович (1886–1957), писатель, постоянный сотрудник «Современных записок» и «Последних новостей», член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже.

32

А.И.Куприн

Париж, 10 декабря 1925

<Paris, 10. XII. 1925>

Почему, Борис, милый мой друг, ты думаешь, что я не хочу тебе писать? У меня просто никогда не хватает времени – и все.

Из твоего письма я взял все фактические данные об Арцыбашеве и включил их в мое письмо – ходатайство к Милокову¹. Сказал в конце, что Арцыбашев сам просить не станет, но от деликатной товарищеской помощи вряд ли откажется. Милоков мне не ответил, но говорят, что помощь ему оказана журналистами. Это одно. А мне еще говорили, что в комитет Чайковского поступило о том же ходатайство Бунина. Это значит, что ты и Бунина пошевелил?

Меня бы ход<атай>ств<о> Бунина не остановило все равно, но Ты меня должен был бы предупредить, чтобы и я был начеку. Всякое участие Бунина чревато пакостями.

Жив ли?

Твой *А.Куприн*

Л.216.

В дневнике Лазаревский записал: «От Куприна чудесное письмо».

¹ Милоков Павел Николаевич (1859–1943), один из учредителей и лидеров партии кадетов. В эмиграции в Париже был главным редактором газеты «Последние новости» и председателем Союза русских писателей и журналистов в Париже. 10/23 апреля 1920 В.Н.Муромцева-Бунина записала в дневнике: Прочла в «Посл. Нов.», что в «Союзе литераторов и журналистов в Париже» председателем избран Милоков, а товарищем председателя Ян. И Ян это узнаёт из газет. <...> Конечно, Ян сейчас же послал заявление и Милокову, и в газету, где он отказывается от этой чести» (Устами Буниных. Т. II. С.35). Несмотря на крайне отрицательное отношение «широкого» националиста Лазаревского к политической деятельности «секты Милокова», после того, как ему пришлось покинуть «Возрождение» (см. его письмо Куприну от 21 октября 1927 в предисловии), он перешел в «Последние новости». В юбилейном сборнике, вышедшем к 10-летию газеты, среди фотографий постоянных сотрудников, присутствует и Лазаревский (см. Юбилейный сборник газеты «Последние новости». 27 апреля. 1920–1930. Париж, 1930).

33

М.П.Арцыбашев

Варшава, 8 декабря 1925

8-ХІІ-25 г.

Дорогой Борис Александрович,

Спасибо. Вы настоящий друг. Если Ваши хлопоты в Америке дадут результат, это, может быть, спасет меня, ибо положение совершенно катастрофическое.

Хуже всего то, что в такой атмосфере, когда нужно буквально каждую минуту бороться за существование, ничего серьезного написать нельзя.

Остальное все не так интересно, ибо мои взгляды на жизнь Вы знаете и можете верить, что к смерти отношусь я весьма прохладно.

Получил письмо от Бунина. Он сообщает, что парижский союз решил мне послать денег. Так как я ни у кого ничего не просил, то полагаю, что тут не без Вашего участия.

Еще раз спасибо.

Ваш *М.Арцыбашев*

Л.217.

В дневнике Лазаревский записал 14 декабря: «От Арцыбашева чудесное письмо».

D

Annex

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- * А.Б. 327
Абаев В.И. 607
Абдул-Хамид II, султан 608
Абд-ур-Ризак, шейх 597
Абельсон (*Осипов) И.О. 116, 128
*Абрамович (Рейн) Р.А. 233, 455, 456, 637
Абызов Ю.И. 673
Аверченко А.Т. 350, 663
Авксентьев Н.Д. 402, 403, 455, 456, 459
Авксентьева (урожд. Маркушевич) Б.М. 402, 403
Авксентьева (по мужу Прегель) А.Н. 402, 403
Агафонов В.К. 472, 474
Ага-Хан 635, 636
Агранов Я.С. 182
*Адалис А. (Ефрон А.Е.) 122, 135, 136
Адамович Г.В. 110, 179, 195, 271, 281, 478, 485, 510, 511, 513, 518, 519, 521, 525, 526, 530, 531, 536, 554, 555, 561-565, 568, 572, 575, 583, 584, 656, 669
Адлер А.С. 341, 342
Адлер М. 601, 609
Адонц Н.Г. 588
Азадовский К.М. 95-141
Азарх Р.Я. 322, 323
Айхенвальд Ю.И. 483
Аквинский Фома 387, 388
Аксаков С.Т. 612
*Алданов (Ландау) М.А. 120, 134, 189, 194, 195, 198, 206, 212, 213, 216-218, 224, 226, 228-230, 236, 237, 348, 369, 383, 390, 395, 399, 400, 415, 420, 428, 435, 438, 440, 442, 443, 449, 453, 484, 485, 499, 500, 529, 530, 650, 657, 669, 712
Алданова (урожд. Зайцева) Т.М. 369
Алдановы, семья 369
Алеврас Н. 611
Александр, король Сербский 443
Александр I Карагеоргиевич, король 52, 90
Александр II, имп. 229
Александр III, имп. 90, 664, 680
Александр Невский, кн. 210
Александра Федоровна, имп. 338
Александров Н.Г. 48, 55, 89
Александров Р. 136
Александрова И.Д. 411
Александровский Б.Н. 190
Алексеев А.Д. 665
Алексеев Н.Н. 339, 340, 652
Алексий I, патр. 233
Алексинская (урожд. Евтихиева) Т.И. 360, 367, 382, 383
Алексинский Г.А. 155, 367, 368, 382
Алексинский И.П. 694
Алексинские, семья 368
Алехин А.А. 382, 383, 472, 473

Курсивом выделены страницы, где данное лицо выступает публикатором или автором текста (кроме авторов писем). Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- *Аллари В. 344
Аллой В.Е. 335, 480, 503
Альперин А.С. 195, 206, 214, 215,
225, 228, 236, 239, 240
- *Альтенберг П. (Энглендер Р.) 116,
128, 129
Альтман Н.И. 162, 248, 250-252, 263,
281
- *Альцест, журналист 141
Алянский С.М. 242, 281
д'Амелиа А. 327
Амфитеатров А.В. 98, 275, 276, 281, 391,
392, 394-396, 400, 403, 669, 681
Ангарский Н.С. 162
- *Андреев (Хомяков) Г. 529
Андреев Л.Н. 89, 128, 151, 152, 386,
482, 695
Андреева Е.А. 132
Андреева М.Ф. 245
Андрей Владимирович, вел. кн. 192
Андроники И.Л. 648
Андрусон Л. 101
Аникст А.А. 112
Анна Лазаревна – см. Фейгина А.Л.
Анненков Б.П. 281
Анненков П.С. 242, 243, 259-262, 287
Анненков Ю.П. (*Тимирязев Б.) 241-
281, 513, 526
Анненкова (урожд. Гальперина) Е.Б.
247
Анненкова (урожд. Макова) З.А. 259
Анненкова З.П. 243
Анненский И.Ф. 107, 291, 563
Антонин (Грановский А.А.), архиеп.
699
Антонов В.В. 683
Антонов-Овсенко В.А. 246
- *Аполлинер Г. 262, 293, 319
Апрелева-Ардова Е.И. 612
Апухтин А.Л. 96, 118
Арапов (*Аметистов) П.С. 331, 339,
590, 595, 603
Аргутинский-Долгоруков Б.Н., кн.
657, 664
Аргутинский-Долгоруков В.Н., кн.
657
Ардов М.В. 272, 282
Арензон Е.Р. 339
Аренцвари В.С. 118, 131
Аристова Т.Ф. 644
Аристофан 266, 267
Аркадьев И.П. 125, 141
- Аркас Р. 317, 319
Арон (Aron) Р. 640, 642
Аронсон А.Г. 108
Аронсон Г.Я. 113, 510, 511, 539, 563,
575, 583, 584
Архангельский А.П. 222, 223
Архипенко А.П. 106, 162, 259, 262,
303, 319
Арцыбашев М.П. 97, 130, 645, 649,
650, 664, 677, 678, 681, 685, 688,
689, 692, 693, 710, 712-714
Асафьев Б.В. (*Глебов И.) 328, 329
- *Ассар А. 344
Ауэр Л. 106
Ауэр (урожд. Пеликан) Н.Е. 296, 300,
305-307
- *Ахматова А.А. 166, 171, 242, 281, 282,
478, 529-531, 535, 536, 540-542, 555
Бабджан, журналист 134
Бабель И.Э. 96, 117, 478, 510, 511
Бабенчиков М.В. 242, 243, 282, 284,
286
Бабореко А.К. 354
Багрицкий Вс. 649
- *Багрицкий (Дзюбин) Э.Г. 105-107,
122, 123, 132, 133, 135, 136
Баде Р. 308
- *Базаров В.А. 171
Базиянц А.П. 605, 615
Байрон Дж. Г. 518, 630
- *Бакст Л.С. 298, 300, 307, 308
Бакунин А.И. 426
Бакунин М.А. 232
Бакунина-Осоргина Т.А. 426-429,
436, 437, 440, 443, 448-450, 453,
454, 456-459, 461, 462, 464-468,
470, 472, 474
Бакунина Э.К. 426, 436
Балавинский С.А. 372
Балакишин П.П. 655
Балиев Н.Ф. 90
Балтрушайтис Ю.К. 88, 298, 301, 302,
310, 311
Бальзак О. де 305, 322, 449
Бальмонт Е.А. 303, 320, 322
Бальмонт К.Д. 42, 97-99, 104, 118,
119, 130-132, 141, 171, 254, 255,
291, 298-303, 307, 310, 313, 314,
316, 317, 320, 322, 355, 370, 373,
407, 408, 574, 650, 656, 665
Бальмонты, семья 295, 299, 304, 318,
355, 373

- Банвиль Т. де 322
Баран Х. 480
Баранов, тюремный врач 147
Баранов А.М. 588
Бартольд В.В. 589
Барту Л. 90
Басалаев И.М. 531
Басс И.М. 161
Бати Г. 69, 73, 93
Бахметев Б.А. 180, 181, 218
Бахрах А.В. 242, 282, 443, 656
Башкин В.В. 681, 682
Бебутова (урожд. Данилова, во 2-м браке Соллогуб) О.Г. 646, 647, 682, 683
Бегляриан, племянник А.Гукасова 432
*Бедный Д. 537, 565, 566, 569, 576, 580
Безобразова (урожд. Соловьева) М.С. 300, 311, 316
Бейлис М.М.В. 179, 206
Белавина (в браке Миклашевская) Н.С. 113, 114
Белинский В.Г. 583, 584
Белич А.И. 379
Белошевская Л. 648, 651, 672
Бельский М.Р. 140
*Белый А. 98, 259, 306, 443, 482, 567
Беляев Н.М. 62
Бем А.Л. 276, 282
Бенедиктов – см. Берхин М.Ю.
Бененсон А.К. 411
Бененсон Л.М. 410, 411
Бенуа А.Н. 252, 268
Беранже П.Ж. 110
Берберова Н.Н. 242, 282, 406, 407, 448, 461, 478, 488, 515, 540, 568, 572, 574
Бергсон А. 290, 317
Бердяев Н.А. 214, 226, 249, 282, 329, 331, 616
Березин М. 249, 251, 282
Берия Л.П. 182
Берлин П.А. 195, 205, 225, 226, 233
Берль, племянник Э.Берля 601, 609
Берль Э. 609
Берман Б. 254, 282
Бернар С. 297
Бернар Т. 304
Бернацкий М.В. 50
Бернштам (Беренштам) А.Н. 632, 633
Бернштейн О.С. 472, 473
Беро А. 708, 709
Берсенев И.Н. 93
Бертенсон С.Л. 502
Берхин (*Бенедиктов) М.Ю. 430
Бескин Э.М. 301, 305, 315
Бетховен Л. ван 304, 313, 603
Бинге К. 702, 703, 707
Биншток В.Л. 362, 367
Бирман М. 423, 441
Бирс Г.И. 78, 70
Биск А.С. 107, 123, 137
Биск Алекс.А. (*Alibi) 95-114, 115-126, 127-141
Биск А.М. 114
Биск Анатолий А. 106, 107-109, 111, 114, 138
Биск (урожд. Турянская) Б.А. 106, 114
Биск (по мужу Рабинович) Е.А. 98, 107, 139
Биск И. 114
Биск М.А. 107, 113, 114
Бискупский В.В. 188
Бисноватый М. 644
Благов Ф.И. 658, 659
Блейбтрей (Bleibtreu) X. 57, 67, 90
Блейк Р. 633, 634
Близниченко К.Я. (Копя) 295, 297, 299, 300, 310
Блок А.А. 90, 118, 121, 130, 171, 243, 263, 264, 275, 281, 283, 328, 368, 506, 513, 567, 577, 579, 580
Блох Р.Н. 109, 540, 541
Блументаль-Вайс И.И. 111
Блуменфельд Ф.М. 328
Блюм Л. 679
Блюменфельд Г.Ф. 124, 138, 139
Блюмель, адвокат 239
Бобович Б.В. 106
Бобович И. 136
Бобрецов В.Ю. 242, 282
Бобринский А.А., гр. 667
Бобрищева-Пушкина Е.А. 295
Богаевский К.Ф. 294, 298, 300, 301
Богданов Л.Ф. 588, 590, 635, 636
Богданова М.М. 320
Богданович П.Н. 190
Богомолов А.Е. 199, 205-207, 209-213, 215, 227, 232, 235, 455
Богомолов Н.А. 284, 285, 368
Богров Д.Г. 301

- Богучарский В.Я. 320
 Бодлер Ш. 515
 Бодуэн де Куртенэ И. 517, 518
 Бойд Б. 480, 482, 483, 485, 487, 498,
 502, 518, 521, 524, 544, 551, 554
 Болдырев Ю.Л. 649
 *Болеславский (Стржезницкий) Р.В.
 78, 94
 Боротынский Е.А. 583, 584
 Борис III, царь Болгарии 52, 90
 Борман А.А. 189
 Бородина Е.А. 321
 Боске А. – см. Биск Анатолий А.
 Боске Н. 114
 Боткин В.П. 584
 Бошер Ж. де 319
 Бравич Н. 259
 Браздова А. 67
 Браиловская Р.Н. 314
 Брак Ж. 259
 Браславская З.Д. 407, 419
 Браславский М.Л. 407
 Браславские, семья 407, 411, 412, 416
 Браувер О. 522
 Браун (Browne E.G.) Э. 598, 608, 624,
 626
 Браухич, фон, ген.-фельдмаршал 188
 Бреден (Bresdin), художница 307
 Бреден Р. 307, 309
 Бредов, генерал 46
 Брейгель П., младший 548
 Бретаницкая А. 328
 Брешко-Брешковский Н.Н. (*Магад'Ор)
 668, 683
 Бригге М.-Л. 106
 Брик Л.Ю. 490
 Брик О.М. 490
 Бродский И.А. 478
 Бродский Н. 504, 521, 522
 Бромберг Я.А. 340
 Бромфильд (Бримфильд) Л. 420, 421
 Бронте А. 420, 421
 Бронте Ш. 420, 421
 Бронте Э. 420, 421
 Бруцкус С.Д. 637, 639
 Бруцкус Ю.Д. 637, 639
 Брушвит П.М. 661
 Брюа А. 275
 Брюн Ж. 614, 616
 Брюсов А.Я. (*Alexander) 98
 Брюсов В.Я. 97-100, 106, 107, 118,
 130, 291, 313
 Брюссель Р. 311, 312, 321
 Будницкий О.В. 179-240
 Булгаков А.Я. 645
 Булгаков В.Ф. 559, 661, 664
 Булгаков С.Н. 235
 Булгакова О.Л. 250, 282
 Булез П. 330
 Бунин И.А. 96, 120, 122, 123, 134-
 137, 139, 199, 214, 229, 348-421,
 438, 442, 443, 445, 475, 476, 482,
 497, 511, 521, 567, 568, 645-647,
 649-651, 653, 654, 656, 657, 660,
 665-669, 671, 673, 684, 691, 694,
 696, 704, 705, 708, 709, 712-714
 Бунина (урожд. Муромцева) В.Н.
 134, 136, 137, 348-421, 475, 476,
 647, 655, 656, 660, 665, 670, 671,
 673, 681, 691, 709, 713
 Бунины, семья 348-421
 Бурдель Э.А. 163, 304, 305
 Бурдянский С. 246, 282
 Бурж Э. 307
 Бурже П. 301
 *Буров (Бурд, *Бурд-Восходов) А.П.
 657, 668-670, 706
 Бурцев В.Л. 452-454, 659, 697
 *Бурьян, с.-д. 151
 Бурковская (по мужу Шервашид-
 зе) Н.И. 295, 376
 Бутова Н.С. 88
 Бучинская (Buczynska) Е. 387, 388
 Вагнер Р. 57, 310
 Вагнер Ю.Н. 465
 Вакар Н.П. 234, 430, 438, 441
 Валентино Р.Г. ди 647, 704
 *Валентинов Н. (Вольский Н.В.) 510
 Валери П. 687
 Валидов А.З. 638, 639
 Валюжевич В. 490
 Ванечкова Г.Б. 346, 661
 Варио Ж.Ж. 304, 307, 313, 319
 Варламов Н. 173-177
 Варлих Г. 245
 Варшавский В.С. 408, 409, 510, 511,
 521, 562, 563, 567, 568, 574, 575
 Василевский И.М. (*Не-Буква,
 *Элиас) 119, 131, 132, 655
 Васильев И. 242, 248, 282, 283
 Васильев К. 679
 Васнецов В.М. 243
 Введенский А.И., прот. 699
 Вебер Н. 485

- Веберн А. фон 330
Вейалайнен М. 242
Вейдле В.В. 110, 478, 510, 511, 540, 541, 563
Вейнбаум М.Е. 97, 107-110
Венгерова З.А. 321
Венгров Н. 176, 178
Вениамин, еп. 701
*Веньямин (Бенцеста Г.) 123, 124, 137, 138
Вердеревский Д.Н. 206
Верди Дж. 536
Вержбицкий Н.К. 674
Верлен П. 165, 281
Вернадская (урожд. Ильинская) Н.В. 603, 618, 621, 626, 630, 631
Вернадский В.И. 602, 666
Вернадский Г.В. 340, 430, 508, 590-593, 595, 596, 602-604, 610-644
Вернадские, семья 593
Вернер А.А. 299, 301
Вернер (урожд. Арендт, в 1-м браке Измайлова) С.Н. 299, 321
Вертинский А.Н. 650
Верхарн Э. 102, 106, 290-292
*Ветлугин А. (Рындзюн В.И.) 655-657, 659, 660
Виардо П. 448
Вийон Ф. 164
Викентьев В.М. 588
Вилари А.Г. 323
Вилари К. 323
Вильгельм II Гогенцоллерн 261
Вильгельм Завоеватель 203
Вилькина Л.Н. 314
Вильсон Э. (Bunny) 480, 481, 483-490, 496, 497, 502, 507, 514-517, 534, 543-548, 551
Винавер М.М. 236
Винниченко В.К. 677
Винокур Г.О. 520
Винокур Н.Г. 357, 520
Вирт О. 311
Витковский Е.В. 97, 113, 282
Витте С.Ю., гр. 237, 320, 626
Виттиг В. 311, 312, 317
Вишневский, режиссер 67
Вишняк М.А. 561, 564
Вишняк (*Марков) М.В. 180, 181, 189, 195, 198, 205, 225-228, 232-236, 338, 448, 460, 473, 484, 485, 508, 557-584
Владимирцов (Владимирцев) Б.Я. 595, 604
Вожена Осиповна, знакомая М.Германовой 60
*Вознесенский Ал. (Бродский А.Л.) 116, 128, 129
Войков П.Л. 693
Воксель Л. 166
Волгин К. 165
Волков Н.К. 220, 430-433, 437, 446, 447, 449, 450, 472
Волгогонова О.Д. 331
Волконский С.М., кн. 38, 88, 650
Волошин М.А. 98, 107, 120-122, 134-137, 161, 169, 170, 289-323
*Волынский (Флексер) А.Л. 365
Воронин С. 284
Воронский А.К. 334
Ворошилов К.Е. 246
Воскресенская В.Ф. 315, 322
Воше Р. 471, 473
Врангель Н.Н. 301
Врангель П.Н. 206, 602, 605, 616
Вугон Э. 664
Вулих Т.И. 151, 153
Вульф, знакомая М.Волошина 315
Вундт В. 97
Вырубова (урожд. Танеева) А.А. 337, 338, 706
Высотская (Высоцкая) Н. 320
Вышеславцев Н.Н. 304
Вышинский А.Я. 229
Вьеле-Гриффен Ф. 102
Вяземская Л.О. 291
Вяземские, семья 291
Вяземский П.А., кн. 645
Габрилович А.Л. 359
Габрилович Л.Е. (*Галич Л.) 358, 359
Габрилович Н. 359
Газданов Г.И. 8
Гаккебуш (Горалов, *Кусторубов М.) М.М. 658
Галушкин А.Ю. 279, 283, 287
Гальперин Л.С. 162
Гамбаров Ю.С. 606
Гамсун К. 97, 129
*Ган А. (Гутман А.Я.) 656
Ганди М. 629
Гапанович И.И. 589, 632, 633
Гарелина Л.А. 132
Гаршин В.М. 103
Гаузнер Ж.В. 134

- Гауптман Г. 103, 290, 668, 687
 Гейне Г. 110, 290
 Гейнсборо Т. 295
 Геллер М.Я. 254, 288, 438
 Гельфман Г. 674
 Гельцер Е.В. 38, 88
 Георге С. 99, 102, 106, 107, 112
 Герасимов М.П. 162, 165
 Геринг Г. 183, 669
 Германова М.Н. 31-33, 34-87, 88-94
 Геродот 608
 Герольд (Gerold) Л. 294
 Герра Р. 286
 Герцен А.И. 304, 329, 567, 645, 658
 Герцык, сестры Е. и А. 298
 Гершензон М.О. 171
 Гершенкройн Г.О. 121, 135, 139
 Гершенкрон (Gershenkron) А. 551, 552
 Гершуни Н. 294
 Гессен Г.И. (Зека) 488, 490, 492, 493, 496, 498, 501, 505, 506, 510, 517, 527, 530, 535, 538
 Гессен И.В. 488
 Гессен С.Г. 488, 505
 Гессены, семья 488, 495, 512
 Гете И.В. 58, 90, 491, 578
 Гзовская О.В. 92, 93
 *Гиль (Гильбер) Р. 134, 292, 302, 303, 310-313, 322
 Гинзберг (в браке Осоргина) Р.Г. 382
 Гиппиус В.В. 328
 Гиппиус З.Н. 188, 351, 367, 368, 405, 574, 575, 577, 578, 691
 Гирс М.Н. 182
 Гиршман Р.М. 588, 641, 642
 Гитин В.Е. 335
 *Гитлер А. 140, 184, 185, 188, 190-193, 200-203, 223, 231, 463, 473
 Гладков А.К. 649, 650
 Глазберг А.М. 411, 412
 Глазберг (Глясберг) Н.Б. 411, 412
 Глазунов А.К. 269, 270
 Глез А. 258, 298, 319
 Глотов Я.А. 294, 299, 303, 311, 316
 Глюк К.Ф. 271, 310
 Глэд Дж. 438
 Гнедич П.П. 682, 683
 Гоголь Н.В. 471, 486, 487, 499-501, 514, 515, 539, 565, 582, 606, 675
 Гойер Л.В. фон 416, 417
 Голенищев В.С. 588
 Голлербах Е.А. 656
 Голлербах Э.Ф. 249, 283
 Головин Н.Н. 188, 189, 469
 Голсуорси Дж. 687
 Гольденвейзер А.А. 108, 224
 Гольденвейзер А.Б. 270
 Гольденштейн, врач 352
 Гольдовская (урожд. Хин, в 1-м браке Фельдштейн) Р.М. 300, 308, 313
 Гольдовские, семья 299
 Гольштейн (урожд. Баулер, в 1-м браке Вебер) А.В. 297, 304, 306, 308, 311, 312, 316, 317, 320, 323
 Гольштейны, семья 295, 316
 Гомец Карильо Э. 323
 Гомолицкий Л. 559
 Гонкуры, братья Э. и Ж. 306
 Гончаренко И.И. 649, 650, 685
 Гончаренко Н. 348, 350
 Гончаров И.А. 521, 582
 Гончарова Н.С. 162
 Горбунов И.Ф. 680
 Горлин М.Г. 109, 540, 541
 Горлины, семья 540
 *Горный С. (Оцуп А.А.) 350, 384, 385, 669, 706
 Городецкий С.М. 323
 Горчаков А.М. 189
 Горчаков М., кн. 189, 190, 454
 *Горький М. 31, 103, 171, 261, 283, 287, 327-347, 370, 513, 656, 706
 Горяинов С.Г. 186, 187
 Готье Т. 102, 290, 321
 Гофман М.Л. 656
 Гофман Э.Т.А. 256
 Гофмансталь Г. фон 102, 106, 687
 Гоцци К. 256
 Граббе, гр. 190
 Грабовская (Grabowska, урожд. Бучинская) В. 387, 388, 416
 Граф О.М. 111
 Гребенщиков Г.Д. 364, 365, 612, 655, 656
 Греч В.М. 90
 Гречаная Е.П. 276, 283
 Гржебин З.И. 265, 268, 269, 283
 Гржебина Е.З. 268, 269, 283
 Гржебина И.З. 268
 Гржебина Л.З. 268
 Григорий Великий, папа 697
 Григорович Е.Ю. 317
 Григорович-Барский Д.Н. 206, 215, 216

- Григорьев В.П. 629
Григорьев Н.А. 136
Грин М. 137, 350, 647, 673
Гринберг И.Н. 490, 491
Гринберг Р.Н. 477-556
Гринберг С.М. 482, 484, 486, 492, 495, 497, 498, 502-506, 512, 513, 517, 523, 532, 537, 538, 541, 545, 547-549, 551, 552, 555, 556
Гринберг (урожд. Биркган) Ф.И. 490, 492
Гринберги, семья 482, 488-490, 495, 512, 516, 532, 533, 538, 555
Гровлез Г.М. 310
Гронский П.П. 618
Гроссман Л.П. 105, 124, 134, 135, 139
Гру (Groux) А. де 299
Грулев М.В. 706
Грэм И. 270, 283
Грякалова Н.Ю. 588, 589
Гузовский, советник посольства 205
Гукасов (Гукасянц) А.О. 389, 394, 403, 432, 690, 701, 708
Гуль Р.Б. 508, 509, 669
Гумилев Н.С. 98, 100, 101, 160, 171, 274-276, 282, 283, 291, 481, 483
Гуревич Б.А. 446, 447
Гурко-Кряжин В.И. 629
Гурмон Ж. де 300
Гурмон Р. де 134, 291, 300
Гуро Е.Г. 258
Гурович А.С. 344, 345
Гурьянова Н.А. 251, 283
Гуттенберг И. 530
Гучков А.И. 335
Гучкова В.А. 334, 335
Гюго В. 291, 303
Гюисманс Ж. 291
Давыдов Е.Ф. 393, 394
Давыдов К.Ю. 673
Даллес К. 166
Даль В.И. 392, 517-519
Даманская А.Ф. 421, 440-442, 448, 457, 459, 470, 475, 657, 669, 670
*Дан Ф.И. 152
Данилевский А. 241-288
Данилевский Г.П. 613
Данилевский Н.Я. 232
Дебор-Вальмор М. 322
Девдариани С. 171
Дейч А.И. 133
Деканозов В.Г. 182, 212
Делоне, семья 306, 310
Делоне Р. 303, 319, 322
Делоне (урожд. Терк) С. 303, 322
Дельсарте Ф.А.Н.Ш. 294
*Делямор, танцовщица 247
Демель Р. 99, 102
Демиденко Ю.Б. 242, 283
Демидов И.П. 383
Демидова О.Р. 422-476
Дени М. 167
Денике Ю.П. 234
Деникин А.И. 48, 181, 213, 336, 657
Денисов Н.Х. 657, 664-667
Денисова С.В. 657, 664, 665, 681
Дерюжинский Г. 511
Деспотули В.М. 668, 669
Джойс Дж. 496, 507
Джонстон Р. 180
Дидро Д. 163
Дикман М.И. 283
Диль Ш.М. 618, 619
*Дионео (Шкловский И.В.) 656
Дитрихштейн В.Д. 106, 124, 132, 139
Диханов Ю. 480
Диханова Т. 480
Дмитриев П.В. 267, 286
Дмитриева (Васильева) Е.И.
(*Черубина де Габриак) 160
Добкин А.И. 368, 477, 480, 650
Добужинский М.В. 245, 314
Долгополов Л.К. 264
Долгоруков Д.П., кн. 222
Долгоруков Павел Д., кн. 222
Долгоруков Петр Д., кн. 222
Долинов Г.И. 105, 106, 283
Долинин А. 483
Домбровский Ю.О. 617
Доминик Л.А. 242, 283, 284, 288
*Дон Аминадо (Шполянский А.П.) 124, 139, 205, 220, 350, 352, 355, 375, 376, 423, 472, 474, 475, 656, 659, 669, 673, 690, 697
Дориомедов Ю.(Г.)Д. 447, 448
Дорошевич В.М. 102, 117, 129, 314, 371, 658, 659
Дорри Дж. 605
Достоевский Ф.М. 33, 68, 69, 118, 139, 264, 313, 567, 568, 573, 578, 580, 656, 663, 669
Дрейфус А. 296
Дризен (Остен-Дризен) Н.В., бар. 295, 296

- Дризо М., жена М.А.Дризо 140
 Дризо М.А. 125, 132, 140
 Дробинский А. 106
 Дроздов А.М. 666, 667
 Дубнов С.М. 588
 Дубровкин Р. 311
 Дудинцев В.Д. 511
 Дузе Э. 32, 93
 Думбадзе Е. 697
 Дунаев Н.А. 340
 Дункан А. 247, 304, 306, 308, 310, 655, 668
 *Дымов О. 706
 Дэвис Д. 179
 Дэвис Р. 348-421
 Дэниэлс Г. 542
 Дюма А., отец 449, 464
 Дюнуайе де Сегонзак А. 319
 *Дюпре С. (Шарлотта Бувалле) 70, 93
 Дягилев С.П. 168, 705
 Евгения Антоновна, сиделка 406, 407, 417, 419, 421
 Евлогий, митр. (Георгиевский В.С.) 189, 205, 207, 214, 216, 595, 603
 Евреинов Н.Н. 245, 247, 252, 253, 261, 262, 272, 276, 277, 284, 383, 407, 417
 Евреинова (урожд. Кашина) А.А. 247, 252, 284, 382, 383
 Еврипид 563
 Евсевьев М.Ю. 255, 284
 Ежов И. 289
 Ежов Н.И. 182
 *Елагин И. (Матвеев И.В.) 478, 511, 537, 540
 Елена Владимировна, вел. кн. 667
 Елец Ю.Л. 683
 Елисеев В.С. 633, 634
 Елисеев Н.С. 633, 634
 Елисеев С.Г. 588, 633, 634
 Ельяшевич (Эльяшевич) В.Б. 358, 359, 396, 402, 403
 Ельяшевич Ф.О. 359, 402, 403
 Ельяшевичи, семья 411
 Ермак Тимофеевич 613
 Ермолова М.Н. 40, 69, 89, 93
 Ершов П.Е. 105, 106, 108, 110, 115
 Есенин С.А. 253, 655, 668
 Жаботинский В.Е. (*Altalena) 103, 115, 116, 127-129, 140, 432, 440, 441, 443
 Жебелев С.А. 615
 Жене Ж. 510
 Женон Р. 614, 615
 Жеребин А.И. 132
 Жеребков Ю.С. 190, 192, 193, 233, 455, 466, 468, 697
 Жигалова О.М. 484, 485
 Жид А. 305, 317, 323, 366, 368
 Жиров А.М. 405
 Жирова (урожд. Лишина) Е.Н. (Ляля) 404, 405
 Жирова О.М. 405, 418, 419
 Жуков И. 162, 163
 Жуковский В.А., поэт 101
 Жуковский В.А., иранист 634
 Жуковский С.В. 605
 Заблоцкий М.Л. 661
 Завадский С. 651
 Завалишин В.К. 563
 Заикин И.М. 647, 663
 Зайцев Б.К. 351-353, 372, 374, 375, 387, 388, 392, 395, 399, 400, 402, 403, 408, 415, 420, 421, 473, 521
 Зайцев К.И. (арх. Константин) 353, 597, 607, 608
 Зайцева (урожд. Орешникова, по 1-му браку Смирнова) В.А. 351, 353, 369, 370, 372, 374, 375, 384-387, 390, 397, 402, 403, 405, 406, 408, 420
 Зайцевы, семья 352, 372-375, 391, 397, 402, 403, 406, 411, 415, 421
 Зак Е.(Э.)С. 168, 305, 306, 312, 317
 Зак Л.В. 168
 Заковский В. 656
 Закс И.(Г.) 259, 262
 Залеман К.Г. 636
 Замятин Е.И. 259, 278, 282, 284, 286
 Засосов Д.А. 241, 284
 Затонский В.П. 178
 Захария, кн. Таманский 638
 Зверс А. 354
 Зеелер В.Ф. 415
 Зейденберг С.М. 277
 Зелинский Ф.Ф. 616
 Зелок О.Г. 430, 435, 438, 656
 Зензинов В.М. 189, 224, 402, 403, 448
 Зернов Н.М. 603
 Зернова Р. 584
 Зигензаг, худ. 262
 Зингер И.Б. 546
 Зиновьев А.П. 296
 *Зиновьев Г.Е. 140, 152, 271
 Злобин В.А. 367

- Зноско-Боровский Е.А. 301
Зозуля Е.Д. 132
Золотницкий Д. 267, 284
Золя Э. 296, 297
Зоф В.И. 246
Зошенко М.М. 265
Зубова Л.В. 346
Зудерман Г. 668
Зуров Л.Ф. 384, 389, 391, 392, 395, 397, 402, 408-411, 671
Ибаньес Б. 704
Ибсен Г. 61, 92, 94, 695
Иван IV Грозный, царь 45, 203, 233
Иванов А.А. 280
Иванов В.А. 588, 590, 633, 634, 635, 640
Иванов Вс. Вяч. 265
Иванов Вяч. Вс. 284
Иванов Вяч.И. 540
Иванов Г.В. 257, 259, 266, 274, 275, 280, 284, 478, 485, 508, 521, 540, 563, 564, 668
Иванов Е.В. 355
Иванов С.А. 375
Иванова А.Н. (Нюша) 303, 317
Иванова Е.М. 242, 284
Иваск Ю.П. 478, 510, 511, 522, 562-564, 566, 575
Иждина И. 485
Измайлов А.А. 703
Израельсон А.В. 300, 307
Ильин В.Н. 339, 440, 595, 604, 607
Ильин И.А. 367, 368
Ильин Ф.Н. 152
Ильина (урожд. Бокач) Н.Н. 367, 368
Ильинская И. 519
*Ильнарская (урожд. Ильина, по мужу Мунштейн) В.Н. 350, 352, 365, 367, 669, 704, 706
Илья Тимофеевич, сотрудник В.А.Маклакова 200
Инбер (урожд. Шпенцер) В.М. 107, 124, 125, 134, 139, 140, 162, 165
Инбер Н.О. 105, 120, 121, 134, 135, 140
Инбер О.И. 134
Ингбер М.А. 152
Ингрем Р. 703, 704, 707
Иоллос В. 473
Иоффе Н. 180
Ипполитов-Иванов М.М. 270
Иретов Н. 137, 138
*Иркутов А. (Каррик А.Д.) 136, 137
*Каверин В.А. 279, 284
Каган А.С. 430, 503
Каганович Б.С. 606
*Кадмин Н. (Абрамович Н.Я.) 323
Казанский Б.В. 265
Казина О.А. 331, 335, 336, 339
Калининченко, чекист 138
Калитинский А.А. 31, 32, 36, 40, 42, 43, 45, 46, 48, 49, 51, 57, 59-61, 66, 67, 70, 71, 88
Калитинский А.П. (Папс, Папилечка) 35, 37, 39-45, 48-50, 52, 53, 59-62, 64, 67, 76, 83, 88
Каллаш (урожд. Новикова, *Курдюмов) М.А. 384, 385, 402, 418
Калмыков А.Д. 588
Кальвокоресси М.Д. 300
Камбон П. 297
*Каменев Л.Б. 140
Каменский В.В. 252, 277, 284
Каминская А.Г. 555
Каминская Т.С. (Тата) 409, 411
Кандауров К.В. 298, 301, 321
Кандаурова (урожд. Попова) А.В. 321
Кандинский В.В. 259
Кант И. 103
Кантор М. 531
Канудо Р. 319, 322
Каньеор (Ганеро) А. 701
Капабланка Х.Р. 472, 473
Капю А. 323
Каразин Н.Н. 612
Карамзин Н.М. 608, 642
Кара-Мурза С.Г. 308
Карлинский С.А. 480
Карпов Г.Ф. 639
Карпович М.М. 482, 502, 508, 509, 511, 518, 519, 522, 563, 573, 575, 640, 642
Карсавин Л.П. 339, 590, 595-597, 603, 618
Карташев А.В. 236
Картожинский О.М. (*Норвежский О.) 96, 116, 117, 128, 129
Карузо Э. 346
Каспрович Я. 128
Кастальский А.Д. 328
Кастанье Ж.А. 615, 617
Катаев В.П. 105, 107, 122, 123, 133, 135-137, 139
Катанов Н.Ф. 614, 616, 617

- Катлен Ж. 709
 Катreras А. де 311
 Каутский К. 171
 Кафка Ф. 506, 507
 Кац Б.А. 528
 *Качалов (Шверубович) В.И. 38, 47, 48, 55-58, 67, 88-91, 93
 Кашкин Н.Д. 328
 Квятковский Л.Л. 294, 296, 297, 314
 Кедров М.А. 206, 211
 Кедров Н.Н. 409
 Кедрова Е.Н. (Лиля) 408, 409, 412
 Кейзерлинг Г. фон 602, 609
 Келдыш Е.А. 355
 Кенневиль Ш. 166
 Керенский А.Ф. 35, 88, 189, 224, 226-229, 232-234, 239, 428, 429, 508, 601, 645, 654, 679
 *Керр (Кемпнер) А. 57, 67, 90
 Киселев А.А. 303
 *Кесельман (Эскесс) С. 106, 123, 132, 137
 Кидерлен А. 297
 Кизеветтер А.А. 180, 602, 609
 Киплинг Р. 610
 Киреева (Левина) М.Н. 151, 152
 Кириенко-Волошина Е.О. 293-297, 299-312, 314-318, 320-322
 Кистемекерс А. (Kistemaeckers Н.) 362
 Кич Т.Ф. 117, 129
 Кларк К. 245, 284
 Клемансо Ж. 386
 *Кленовский Д. 109, 478
 Клодель П. 291, 297, 318
 Ключина П. (Полина) 38, 51, 89
 Ключевский В.О. 186
 Ключников С. 590
 Ключников Ю.В. 659, 660
 Книппер (Книппер-Чехова) О.Л. 48, 52, 55-58, 61, 89, 93
 Кнорринг Н.Н. 474, 475
 Князьков С.А. 465
 Кобецкий Я.Я. 207, 224
 Ковальский Т. 632, 633
 Кованько Н.И. 709
 Коварский И.Н. 224
 Ковтун Е.Ф. 285
 Коган Л.Р. 132
 Коган О. 80
 Козинцев Г.М. 267, 284
 Козловский И.П. 465
 Козловский Я. 106
 Козляков В.Н. 591
 Козьменко М.В. 355
 Коковцов В.Н., гр. 664, 665
 Колин Н.Ф. 709
 Коллет Вилли – см. Вилари А.Г. и Вилари К.
 Колли Л.П. 314
 Коллонтай А.М. 154, 157
 Коловрат-Червинский Ю.С. 697
 Колчак А.В. 223, 619, 639, 652, 653, 695
 Кольшко (*Рогдай, *Серенький, *Баян) И.И. 704-707
 *Кольцов (Фридлянд) М.Е. 345
 Комарденков В. 242, 272, 284
 Комарова В.Д. 368
 Компорт, гувернантка А.А.Кали-тинского 37, 58, 88
 Конечный А.М. 256, 284
 Коновалов А.И. 189, 224, 228, 430
 Коновалова О. 127
 Кончаловский П.П. 318
 Конюс, знакомый Л.Зурова 410
 Копа – см. Близниченко К.П.
 Копель (урожд. Александра, во 2-м браке Гаррд) К.С. 410, 411
 Копшилова-Вуколова А.А. 651
 *Коринфский А. 104
 Коркина Е.Б. 346
 Корнель П. 76
 Коровин В.И. 138
 Коровин С.М. 321
 Короленко В.Г. 243, 573
 Коростелев О.А. 485, 557-584
 Корш Ф.Е. 606
 Коряков М. 511, 563
 Костин В.И. 286
 *Костров Т. (Мартыновский А.С.) 341, 342, 344, 345
 Котвич В.Л. 588
 Кочетков В.П. 282
 Кошиц А.А. 664, 674-677
 Кравцов В.А. 48
 Кравченко В.А. 238, 239
 Кралин М. 270, 271, 284
 Крамарж К. 603, 651
 Крамаровский А. 639
 Крандиевская (в браке Файдыш) Над. Вас. 314
 Крандиевская Нат. В. 120, 121, 124, 134, 350, 351, 355, 369, 370, 399, 400

- Крандиевский В.А. 296
Красин Л.Б. 666
Красинский В.А., кн. 192
Красников А.Г. 116, 129
Краснов П.Б. 134
Краснов П.Н. 189, 598, 608
Краснов С.Н. 190
Краснопольская Е.Ф. 64, 93
Красовский Н. (дядя Коля) 39, 51, 89
Красовский Ю.А. 703
Крачковский И.Ю. 595, 604
Крафт Р. 329, 330
Крейд В.П. 96, 98
Кремер Л.(И.) Я. 118, 119, 123, 125, 130
Кржевский Б.А. 112
Кривошеин А.В. 195
Кривошеин И.А. 195, 461
Кривошеина Е. 331
Кросс (Cross) С.Х. 481, 482, 483
Кругликов Н.С. 304
Кругликова Е.С. 98, 292, 294, 296, 297, 304, 308, 309, 312, 314-317, 321
Кругликова Н.С. 312, 316
Крушеван П.А. 117, 129
Крыжановская М.А. 48, 63, 69, 90
Крыленко Н.В. 39
Крымов В.П. 650, 668, 707
Крымский А.Е. 605, 636, 637
Крэг Н.Э.Г. 79, 94, 302, 310, 311
Крэн Ч. 70
Крючков П.П. 342
Ксения, вел. кн. 91
Кубрик Ст. 523
Кугель А.Р. 123, 136, 245, 321
Кузмин М.А. 125, 160, 171, 255-257, 266, 269, 282, 284-286
Кузнецова (по мужу Петрова) Г.Н. 378-382, 391-395, 404, 405, 407, 411, 412, 414, 416, 417, 419, 540, 541
Кузьмина-Караваева Е.Ю. 643
Кузьмицкий, книжник 650
Кулешов С. 180
Кулиш П.А. 675, 677
Кулишер А.М. 440, 441
Кульман (урожд. Бокий) Н.И. 402, 403, 414-417
Кульман Н.К. 383, 396, 402, 403, 415, 442, 443, 568
Куприн А.И. 119, 366, 367, 408, 464, 465, 645, 647, 649, 650, 654-657, 663-665, 667, 671-674, 679-682, 684-688, 694-696, 698-703, 707-710, 713
Куприна Е.М. 680, 684, 696, 701, 702
Куприна К.А. 647, 665, 672, 673, 681, 684-687, 696, 700
Куприна М.К. 673
Куприны, семья 682
Купченко В.П. 134, 137, 161, 289-323
Купчинский Ф.П. 313
Курбе Г. 274, 275
*Курнос (Коршун) Дж. 481, 482
Курочкин В.С. 110
Кускова (урожд. Есипова) Е.Д. 222, 223, 431, 432, 437, 438, 440, 454, 455, 457, 459, 472, 474, 475, 561, 562, 564, 565, 569, 573, 575, 577, 579, 580, 583, 670, 671
Кутузов М.И. 210, 233
Кучеров С. 485
Кэрролл Л. 515
Кюрель Ф. де 309
Лабинская (урожд. Кашина) И.А. 382, 383
Лабинский А.И. 382, 383
Лавриненко Н.А. 605
Лавров А.В. 335
Лавров В.С. 364
Лавров П.Л. 294
Лагардель Ж.Б.Ж.Ю. 320
Ладинский А.П. 656
Лаженес Э. 323
Лазар И. 501
Лазаревская В.Б. 711, 712
Лазаревская Г.А. 711
Лазаревская К.А. 711
Лазаревская О. 711, 721
Лазаревский Б.А. 645-714
Лазаревский В.А. 236, 238, 239
Лакур (Lacour) Л. 296
Лалуа Л. 310-312, 315-317, 323
Лампе А.А. фон 188
Ланкау А. 639
Ларионов М.Ф. 162
Ласкер Э. 472, 473
Латышев В.В. 613, 615
Лафон Э. 303, 307, 313
Ла Френе Р. 298
Лахман Г. 109
Лебедев В.В. 259
Лебедев И.К. 162, 164
Лебон Г. 308
Леви А.М. (*Ролан-Мануэл) 329, 330
Леви-Брюль 624, 626
Левидов М.Ю. 171

- Левитан И.И. 268
 Ледницкий В. 179
 Леже Ф. 259, 262, 293, 304, 305
 Лейкинд О.Л. 242, 263, 286, 450
 Леметр Ж. 322
 Лемпорт И. 146
 * Ленин В.И. 42, 140, 151, 152, 169, 223, 232, 246-248, 262, 265, 281, 285, 349, 510, 596, 601, 639, 646
 Ленотр Л.Л.Т.Ж. 309
 Лентулов А.В. 302, 303
 Ленуар М. 166, 302-305
 * Леонидов (Берман) Л.Д. 57, 88, 90, 91
 Леонидов Л.М. 90
 Леонов Л.М. 596, 606
 Леонтьев К.Н. 210, 214, 232
 Леонтьев Я.В. 438
 Лепехин М.П. 683
 Лермонтов М.Ю. 264, 542, 603, 612
 Лесков Н.С. 542, 567, 573
 Лесман М.С. 252, 285
 Лесная Л. 101
 Ле Фоконье А. 262, 298, 319
 Лешковская Е.К. 313
 Лещинская Л.Н. 164, 175-177
 Лещинский М. 165
 Лещинский О. (*Захар) 152, 162-165, 167, 175
 Лианозов С.Г. 664, 678, 679
 Лившиц Б.К. 107, 258, 263, 270, 273, 274, 285
 Лившиц Г.Г. (*Гершон бен Гершон) 118, 130
 Лившиц Е.К. 285
 Ликиардопуло М.Ф. 299
 Лилина М.П. 90
 Лиль-Адан В.М. де 291, 301
 Линевич П. 684, 686, 687, 698, 701, 703, 708
 Линник Ю. 102
 Липпи Ф. 532
 * Лир, журналист 103
 Лисовский В.Г. 251, 285
 Лишева О.В. 312, 313, 320
 Лифарь Л.М. 410, 411
 Лифарь С.М. 410, 411
 Лихтенберже А. 171, 302
 Лобанов-Ростовский Н.Д. 249, 285
 Ло Гатто Э. 285
 Логовиков П.В. 340
 Лодыженский И.И. 454, 467
 Лозинский Г.Л. 112
 Лозинский М.Л. 100, 112, 399, 400
 Лозовский С.А. 152
 Лоло, Лолошки – см. Мунштейны, семья
 * Лоло (Мунштейн Л.Г.) 334, 349, 350, 365, 366, 384, 389, 656, 668, 669, 705, 706
 Ломоносов М.В. 488
 Лонг (Long) Дж. 550, 551
 * Лосев Н. 344
 Лосская В. 335, 337, 339, 347
 Лосский Б.Н. 342
 Лот А. 298, 321
 Лохвицкая М.А. 115, 127
 Лубяникова Е.И. 346
 Лужский В.В. 90
 Луканичева С. 131
 Лукин А.П. 440, 441, 459
 Луначарский А.В. 154, 157, 159, 162, 163, 173, 176, 178, 246, 286
 Лурье А.С. 249, 253, 258, 270, 271, 276, 277, 283-285, 328, 339
 Лущик С.З. 137
 Львов Л.И. 424, 464, 465, 691
 Любимов Д.Н. 673, 680, 698, 699
 Любимов Л.Д. 183, 190, 212, 220, 428, 461, 656, 667, 673, 698, 705
 Любимова (урожд. Туган-Барановская) Л.И. 673, 698
 Люнье-По О.М. 70, 93
 Лямин М.С. 296
 Ляхницкий Р.С. 678
 Ляцкий Е.А. 658, 661
 Ля Шене (Жорже-Лашене) П. 307
 Маврикий, имп. 607
 Майлстоун Л. 502
 * Майский И.М. 201
 Маклаков В.А. 179-240, 454, 455, 475, 476
 Маковская М.Э. 305-307, 309, 661, 662
 Маковский С.К. 265, 285, 294, 297, 300, 304-307, 310-312, 500, 658, 661, 662, 671
 Максимов, инженер 593
 Максимов Ю.Н. 438
 Малевич К.С. 259
 Малевский-Малевич П.Н. 339, 590, 620, 622
 Малевский-Малевич С.С. 621
 Малинин М.В. 633, 634
 Малиновская Е.К. 42, 89

- Малларме С. 102, 291
Маллесон (Малисон) У. 635, 636
Малоземова Е.А. 445
Малышева С. 461
Мальмстад Дж. Е. 327-347
Малявин Ф.А. 701
*Мамин-Сибиряк Д.Н. 612
Мандельштам А.Н. 600, 601, 608, 609
Мандельштам О.Э. 113, 171, 263, 478, 535, 536, 541
Мане-Кац 167, 171
Манн Г. 687
Мансветова Л.В. 125, 140, 141
Манухин И.И. 361, 366, 367
Манухина (урожд. Крундышева, *Т.Таманин) Т.И. 366, 367, 405
Манухины, семья 367
Маразли Г.Г. 117, 129
Марголин Ю. 511
Марджанов (Марджанишвили) К.А. 245
Маржель, актриса 304
Маритэн Ж. 329, 387, 388, 614, 616
Мария Федоровна, имп. 58, 90, 91
Марков А.П. 458
Марков В.Ф. 102, 107, 110-112, 478, 532, 557-584
Марков Е.Л. 612, 613
Марков (Второй) Н.Е. 646
Маркс К. 232, 440, 563, 573
*Марлинский (Бестужев) А.А. 612
Марр Н.Я. 589, 590, 597, 607, 618, 619, 620, 621, 624, 630, 631, 633
Мartiнович Н.Н. 588
*Мартов Л. 152, 169, 171, 456, 637
Мартынова В.Р. 380, 402, 403, 407
Марченко Т.В. 370
Маршак С.Я. 100
Масарик Т. 603, 651, 652, 663, 664, 689
Массалитинов Н.О. 48, 62, 70, 89, 92, 93
Массиньон (Massignon) Л. 617, 641, 643
Матвеев Б.Н. 301, 310
Матисс А. 262, 315
Матюшин М.В. 258, 285
Махров К.В. 286, 450
Мацевский И.И. 678
Машков И.И. 318
Маяковский В.В. 249, 253, 259, 274, 288, 490, 542, 562, 563, 565, 566, 569, 576, 580, 666, 667, 704
Мейерхольд В.Э. 173, 249, 259
Мельгунов С.П. 127, 201-204, 228, 234, 236, 237
Мемет-Али-шах 624
Мережковский Д.С. 188, 294, 366-368, 387, 388, 392, 665
Мережковские, семья 98, 366, 367, 405, 407, 665
Меродак-Жанно Ж.А. 303, 304
Мерсеро А. (*Эсмер-Вальдор) 166, 298, 303-305, 312-314, 317, 319
Меснянкин Н.П. 316
Метакса (Метаксис) В.П. 688-690, 696, 697
Метальников С.И. 465, 475, 476
Метерлинк М. 131, 293, 687
Метценже Ж. 258
Мечников И.И. 308
Мечникова (урожд. Белокопытова) О.Н. 308
Миклашевский К.М. 135
Милль П. 665
Мильеран А. 657
Мильнер И.Л. (Millner J.) 446, 454, 468
Мильспо А. (Millspaugh A.Ch.) 625, 627
Милоков П.Н. 179-181, 185, 189, 202, 205, 213, 220, 224, 226, 233-235, 343, 367, 368, 415, 427-432, 434, 441, 447, 448, 455, 458-460, 462, 465, 472-475, 488, 565, 567, 568, 601, 602, 605, 606, 609, 618, 619, 645, 663, 678, 695, 706, 708, 710, 713
Милокова (урожд. Савинская, *Н.Миль) Н.А. 307, 309-311, 315-317, 319, 322
Минин К.М. 214
Минорский В.Ф. 588, 596, 597, 605, 606, 633, 635, 640, 641, 643
*Минский Н.М. 98, 166, 314
Минцлова А.Р. 318
Мирбо О. 291
Миронов М.П. 680, 681, 701
Миронов Н.Д. 588
Мирский Д. – см. Святополк-Мирский Д.П.
Митров П.А. 688
Митрофанов И.П. 621-623, 626
*Михайлов А.К. 110
Михайлова (по мужу Бреше) В.М. 410, 411

- Михайловский Г.Н. 605
 Михайловский Н.К. 103, 563
 Михельсон Н.И. 406-408
 Мнухин Л.А. 355, 673, 701, 705
 Могилевский В.А. 430, 433-436, 439, 441-443, 446, 447, 457, 459, 474
 Модильяни А. 262, 541
 Модрах В.К. 190, 192, 454, 455, 469
 Мозжухин И.И. 686
 Мозли Ф.Э. 640, 642
 Момберт А. 102
 Монго (Mongauet) А. 656
 Мондатори (Mondadori) А. 394, 395, 532, 533
 Моно Г. 304
 Моно-Герцен Э. 304
 Монтичелли А. 313
 Монье Ф. 317
 Монье-Винар (Monier-Vinard) Р. 418
 Мопассан Г. де 648, 663
 Морар, механик 449, 452, 453
 Морас Ш. 615
 Мордерер В.Я. 284
 Мореас Ж. 102, 291
 Морозов В.А. 178
 Морозов Н.А. 260, 465
 Морозов С.Н. 354
 Морьедеви М. 644
 Мосешвили Г.И. 282
 Москвин И.М. 90
 Мотоно И. 623, 625, 626
 Мотылева В.И. 247
 Моцарт В.А. 77
 Мозм У.С. 496, 497
 Муйжель В.В. 681, 682
 Мукри М. 638
 Мукри С. 638
 Мунштейны, семья 365, 367, 389
 Мунье Э. 616
 Муратов А.М. 242, 285
 Муромцев Н.А. 97
 Муссолини Б. 451, 463
 Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк) 619
 Мучник Е.Л. 488
 Мюссе А. де 291
 Мямлина Л.Н. – см. Лещинская Л.Н.
 Мясин Л.Ф. 168
 Мясковский Н.Я. 327
 Набоков (*Сирин) В.В. 283, 286, 455, 477-556, 562, 565, 567, 572, 574, 575, 705
 Набоков В.Д. 359, 545, 551, 552, 556, 709
 Набоков Д.В. 479, 481, 486, 489, 493, 494, 497, 498, 500-503, 505, 513, 514, 517, 523, 527, 528, 533-535, 537-539, 541-544, 546, 547, 550-552, 556
 Набоков Н.Д. 489, 490, 495, 497, 498, 538, 704, 705
 Набоков С.С. 556
 Набокова В.Е. 477, 481-556
 Набокова (в 1-м браке Сколиари, во 2-м – Сикорская) Е.В. 534, 535, 540, 554
 Набокова Н. 495, 497, 498
 Набоковы, семья 477, 485, 486, 488, 494, 498, 508, 511, 513, 517, 523, 524, 528, 532, 533, 541, 547, 548, 550, 553
 Надсон С.Я. 96, 104, 118, 130
 Налковская (Nalkowska) З. 387, 388
 Наполеон I, имп. 214, 641
 Нарбут В.И. 133
 Насветевич И.В. 682, 683
 Невельская М.К. 704
 Неверова Е. 510, 511
 Невский Н.А. 588
 Негриа Л.М. 591
 Недзельский Е.Л. 346
 Нежданова А.В. 38, 42, 88
 Некора Л.С. 596, 606
 Некрасов Н.А. 393, 408, 409, 573
 Неманов Л.М. 471, 473
 Немиров В. 165, 166, 168
 Немирович-Данченко Вас.И. 394, 395, 612, 659, 663
 Немирович-Данченко Вл.И. 33, 34, 58, 62, 67, 68, 88, 90-93
 Ненарокомов Г.П. 117, 129
 Нерлер П.М. 285
 Несмелов Н. 285
 Нессина Т.А. 495
 Несторий, еп. 607
 Нестьев И. 328
 Никитин Афанасий 596, 606, 607
 Никитин А.П. 588
 Никитин В.П. 339, 587-591, 592-602, 603-644
 Никитин К. 588
 Никитин Н.Н. 265
 Никитин П.А. 588
 Никитина (по мужу Эфенбах) Е.П. 588
 Никитина Л.Л. 619, 621, 626, 630
 Никитина (по мужу Вельсовская) Л.П. 588

- Никишин Н. 682
Николаев Д.Д. 354
Николаевский Б.И. 146, 147, 175, 181, 198, 224-226, 230-232, 235, 236, 439, 440, 455, 467, 659, 706
Николай (Касаткин И.Д.), архиеп. Японский 596, 604
Николай II, имп. 35, 90, 190, 192, 227, 268, 348, 466, 663
Николай Михайлович, вел. кн. 91
Николай Николаевич, вел. кн. 709
Никонов Б.П. (*Г.Акатов) 682, 683
*Никулин Л. (Ольконицкий Л.В.) 242, 245, 272, 277, 285
Нилус П.А. 102, 350
Нитте Е.И. 698
Ноай А. де 321
Новиков Н.И. 430
Новорусский М.В. 465
Нольде Б.Э., бар. 194, 204, 664, 690
*Норвежский О. – см. Картожинский О.М.
Носов А.А. 683
*Нуар Ж. 333
Овсянко-Куликовский Д.Н. 136, 137, 567, 568, 691
Одинец Д.М. 461, 462
*Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) 369, 408, 409, 478, 485, 531
Оксинская Т. 350
Окуджава Б.Ш. 532
Окулов А.И. 162
Олеша Ю.К. 105-107, 122, 123, 135-137
Олигер Н.Ф. (*Н.Степняк) 681, 682
Ольга, вел. кн. 91
Омон Ш. 679
Оппенгейм, знакомый Буниных 356
Ори-Робен Б. 306, 307, 312
Оруэлл Дж. 33
Осокина Т. 480
*Осоргин М.А. 171, 422-476, 657
Осоргины, семья 422, 424, 428, 446
Островский А.Н. 42, 92, 93
Островский С. 93
Оцуп Н.А. 669
Павлов П.А. 48, 90
Павловец М.Г. 460
Падашевский, рук. муз. частью театра 63
Пальдяева Е. 270, 285
Панкратов С. 350, 352
Пантелеймонов Б.Г. 354
Парис Г. 290
Парнис А.Е. 258, 263, 284, 285, 629
Пархомовский М.А. 140, 285, 681
Паскаль Б. 602, 609
Пастернак Б.Л. 111-113, 478, 524-526, 531, 540, 573, 577, 578, 579, 582
Пастухов В.Л. 480
Пахмусс Т.А. 367, 368
Паша, кухарка М.Германовой 39, 40
Пашуго В.Т. 652
Певзнер С.М. 451-453, 455
Пеги Ш. 291
Пеладан (*Сар-Пеладан) Ж. 322
Перелешин В.Ф. 100, 113
Персиц Т. 271
Перский С.М. 386
Перцов П. 485, 487
Перченоч Ф.Ф. (*Вознесенский И.) 588
Петен А.Ф. 189, 438
Петерсон М. 520
Пети Э. (Е.Ю.) 402, 403
Пети (урожд. Балаховская) С.Г. 402, 403
Петр (Полянский П.Ф.), митр. Крутицкий 595, 604
Петр I, имп. России 203, 210, 215
Петр I, король Сербии 307
Петрарка Ф. 597, 607
Петров Г.С. 294
Петров Н. 242, 245, 286
Петров-Водкин К.С. 251
Петрова А.М. 292, 293, 297, 298, 300, 303, 305, 307, 317-319
Петрункевич А.И. 630
Петрункевич И.И. 630
Пешков М.А. 343
Пикар О. 305, 306
Пикар Э. 308
Пикассо П. 249, 259, 262, 282
Пильский П.М. 119, 120, 131-133, 669
Пиок, критик 68
Пиотровский А.И. 245, 267, 286
Пиранделло Л. 687
Писаревская-Карми И.О. 700, 701
Писаревский И.С. 700, 701
Писемский А.Ф. 103
Питоев Ж. (Г.И.) 69, 71-73, 93, 94
Питоева (урожд. Сманова) Л. 72, 73, 94

- Пишо А. 518
Пландовская (урожд. Лохвицкая, *Элио) Е.А. 365
Плевицкая Н.В. 701
Плетнев Д.Д. 31, 74
Плетнер О. 588
Плеханов Г.В. 152, 645
Плещеев А.А. 669
По Э.А. 116, 128, 307, 515
Подгорный Н.А. 91
Подставин Г.В. 588
Пожарский Д.М., кн. 214
Познер С.В. 665
Покровский М.Н. 629
Полевой С.А. 588
Полетов Т. 636
Полнер Т.И. 361, 362
Полонская (урожд. Мовшенсон, *Бертрам Е.) Е.Г. 152, 161, 162, 165
Полонский Я.Б. 435, 438
Полторацкий Н.П. 564, 566
Полунин В.Я. 308
Полужтов В.А. 303, 305
Полужтова Н. 314, 317, 320
Поляк Г. 443
Поляков А.А. 422-476
Поляков-Литовцев С.Л. 207, 208, 224, 399, 400
Полякова А.Я. 432, 453
Полякова Н.А. 449, 450, 454, 464
Полянин А. 306
Померанцев К.Д. 110
Померанцева Е.С. 242, 286
Пономарев, бухгалтер 688
Поплавский Б.Ю. 478, 511, 563
Попов В. 146
Попова (урожд. Лохвицкая, *Мюргит) В.А. 365, 417
Портнов И.И. 303
Порториш Ж. де 304
Поспелова Ю. 247, 286
Постников С.П. 651
Потемкин А.Р. 591
Потемкин П.П. 441, 658
Потемкина Л.Д. 440, 441
Потехин Ю.Н. 659
Позт (Роёте) М. 296, 298, 319
Прагрова М. 664
Прегель С.Ю. 109
Преображенская О.О. 382, 383
Прик ван Велли Ф.П.Г. 311
Принс М. 319
Прокопович Е.Д. – см. Кускова Е.Д.
Прокопович С.Н. 432
Прокофьев С.С. 328, 346
Прорубников В.Ф. 312, 317, 320, 321
Пруст М. 507
Пуни И.А. 259, 262
Пунин Н.Н. 249-251, 259, 270, 282, 286
Пушкин А.С. 60, 87, 105, 109, 139, 264, 485, 502, 504, 516, 519-521, 524, 531, 542, 543, 567, 568, 571, 574, 575, 580, 612, 630, 631, 656
Пшибышевский С. 97, 103, 118, 128, 130
Пызин В.И. 241, 284
Пыпин А.Н. 596, 607
Пэтч И. 543
*Пяст В. (Пестовский В.А.) 255, 274, 286
Рабенек (урожд. Бертельс, в 1-м браке Книппер) Э.(Е.)И. 294, 295, 301-303, 307, 309-311, 313, 315, 322
Рабинович А.П. 355
Рабинович И.Я. 170
Рав Ф. 513
Равдин Б.Н. 673
Равич В.М. 309, 310, 316, 318, 319
*Радек (Собельсон) К.Б. 345
Радлов В.В. 616
Радлов С.Э. 245, 267, 286, 701
Радлова А.Д. 701
Раев М.И. 430, 431, 441
Раевская-Хьюз О. 659
Разумова С. 491
Раковиц (урожд. Деннигес) М.Ж.Э. 299
Раковиц Я. 299
Рамминг М.Н. 588
Рамюз Ш.Ф. 320
Раппопорт Ш. 154
Расин Ж. 76, 563
*Распутин Г.Е. 338, 667
Рассел Б. 616
Ратнер Е.В. 430, 655, 659
Ратцель Ф. 614, 616
Рафалович С.Л. 319
Рахманинов С.В. 667
Раш А. 277
Ребики В.И. 307
Редон О. 292, 305-307
Редько К.Н. 249, 250, 286
Реза-шах 627

- Резник С. 452, 453
Реймонт В. 687
Рейтблат А.И. 683
Рембо А. 165, 291
Рембрандт Х. ван Рейн 314, 317, 320
Ремизов А.М. 171, 309, 312, 327, 402, 403, 478, 482, 588, 589, 669
Ремизова (урожд. Довгелло) С.П. 327, 402, 403
Ремизовы, семья 269, 402, 403
Ренье А. де 102, 291, 297, 310, 320, 321, 323
Репин И.Е. 264, 268, 680
Рерих Н.К. 85, 642, 655
Рерих Ю.Н. 641, 642
Решикова В.А. 438
*Ржевский Л.Д. 544
Ривера Д. 259, 262
Рильке (Rilke) Р.М. 96-102, 106, 107, 109-113, 115, 123, 124, 134, 137, 138
Римский-Корсаков А.Н. 328
Рипп (Ripp) В. 550, 551
Рираховский И. 163
Робеспьер М. 203
Рогальский П.А. 624
Роговский Е.Ф. 206, 214, 227
Родзевич К.Б. 331
Рожанковский Ф.С. 449, 450, 464, 467
Рождественский В.А. 259, 286
Розанов В.В. 329, 525, 567, 568, 573, 706
Розенберг А. 193, 669
Розенберг О.О. 588
Розенталь Л.М. 657, 665, 666, 681
Рой (Roy) В. 550, 551
Рой М.Н. 246
Рокфеллер Дж.Д. 679
Ролан-Мануэл – см. Леви А.М.
Роллан Р. 323, 341-343, 369, 370
Романов, проф. 521
Ронен О. 264, 286
Рони О. 296
Ростан Э. 297
Ростовцев М.И. 596, 606, 615, 620
*Рошин Н. (Федоров Н.Я.) 214, 220, 378, 380, 382, 418
*Рощина-Инсарова (Пашенная) Е.Н. 64, 93
Руайер Ж. 312
Рубашкин А.И. 153
Рубенштайн Дж. 146, 147
Рубинштейн, ресторатор 669
Рубинштейн Я.Л. 428
Рувейр А. 303, 304
Руднев А.Д. 588
Руднев В.В. 460
Рудницкий Л.Г. 151
Рузвельт Ф.Д. 216, 239
Руманов А.В. 314, 320, 659
Румянцев Н.А. 90
Рура Р.В. 259
Русинов А.И. 9
Руссо Ж.Ж. 322
Руссо А. 319
Рыбаков А.Н. 7
Рывкин И.А. 434, 435, 442-444, 451, 453, 455, 467, 469, 475
Рывкина Э. 442, 443
Рындзюн И.Н. 655
Рыпка (Рипка, Рурка) Я. 641-643
Рябинин И.Т. 243
Рябушинский В.П. 664
Рябушинский Д.П. 664
Рябушинский П.П. 664
Сабашникова М.В. 289, 293, 296, 302, 317, 318
Саблин Е.В. 182-185, 191, 193, 194, 199-201, 211, 221, 223, 224, 237
Савельев И. 340
Савинков Б.В. 169, 697
Савицкая Л.И. 92, 316
Савицкий (*Лубенский, *Востоков) П.Н. 330, 331, 336, 339, 340, 590, 591, 603, 611, 614, 615, 616, 643
Садиа-Леви 312
*Садовской (Садовский) Б.А. 337
Сажере Ж. 309
Самборская Л.С. 125, 140, 141
Самсам-ус-Салтан 624
Санати Задэ 644
Сандар Б. 259
Сапельников В.Д. 704, 705
Сарабьянов А.Д. 242, 286
Сарач Б.М. 427-429, 432, 436, 438, 441, 449, 453
Сардар-Асад 624
Сартр Ж.П. 541
Свифт Дж. 515
Святополк-Мирский Д.П. 331, 332, 334-340, 342, 346, 583, 584, 595, 604, 626
Святополк-Мирский П.Д. 336
Святополк Окаянный, кн. 337

- *Северный (Юзефович), чекист 137
Северюхин Д.Я. 242, 263, 286, 450
- *Седых А. (Цвибак Я.М.) 189, 207, 399, 435, 437, 438, 464, 465, 483
Селевина (урожд. Романова) Е.В. 309
Селюк М.Ф. 303
Семенов М.Г. 653
Семенов Ю.Ф. 183, 671
Семенова (урожд. Полякова) А.А. 132
Сен-Виктор П. де 291
Сен-Санс К. 311
Сепакдар 626, 627
Серапионова Е.П. 652
Серафим, митр. 188, 189, 190
Сервантес С.М. де 703
Сергеев М.А. 338
Сергей Александрович, вел. кн. 88
Сергий (Страгородский И.Н.), митр. 338
Сергий Радонежский, преп. 388
Серков А.И. 7-30, 430
Серман И.З. 510
Серов В.А. 312
Серюрье Р. 319
Сибиряков А.И.(Д.) 140
- *Сиг (Гольдман С.И., *Золотов) 103, 117, 129
Сильман Т. 106
Симеон Столпник, преп. 603
Симко Исмаил-ага 625, 627
Сипина Е.П. 704, 705, 708
Сипины, семья 704, 705
Сиркис М.С. 125, 126, 141
Ситрон (Цитрон) М.Л. 464, 465
Сихарулидзе (Сикуралидзе) Г. 705
Скирмунг С.А. 296, 310
Склянский Э.М. 246
Скобелев, с.-р. 88
Скобельцын – см. Скобцов-Кондратьев Д.Е.
Скоблин Н.В. 701
Скобцов-Кондратьев Д.Е. 638, 641, 643
Скриб Э. 83
Скурагов Малюта 233
- *Словцов Р. (Калишевич Н.В.) 462, 463
Слоним М.Л. 395, 454, 455, 572, 575, 661
Слоним С.Е. 535, 536
Слапак Я.Г. 128
- Слопак (Слапак) М.Г. 116, 128
Слуцкий Б.А. 649, 650
Случевский К.К. 190
Смирнов А.А. 112, 302, 304, 308, 310, 320-322
Смит Дж.С. – см. Smith G.S.
Смогоржевский З. 588
Смоленский В.А. 408, 409
Соболев Ю. 695
Соболь А.(Ю.М.) 135
Соколов С.А. 684
Соллогуб А.В. 394
Соллогуб (урожд. Зайцева) Н.Б. 353, 355, 393, 394
Соловейчик С.М. 234, 427-429
Соловьев В.С. 300, 309, 595, 604
Соловьев С.М., историк 186
Соловьев С.М., поэт 309
Соловьева И.Н. 31-94
Сологуб Ф.К. 255, 310, 311, 482, 501
Соломин И.С. 295
Сорокин П.А. 484, 485, 661
Сорокина М.Ю. 587-644, 666
- *Сосинский В. (Сосинский-Семихат Б.Б.) 456, 458, 474
Соскин Я.Г. (*Дядя Яша) 130, 133
Спаский Г., свящ. 86
Спельберг-Лованжур Ш. де 305
Спесивцева О.А. 275
Сполдинг (Spalding) Г.Н. 339, 340
Сполдинг Н. 339
Средников И.И. 176
Срезневский В.И. 648
Ставров П.С. 409
Ставрова М. 408, 409
- *Сталин И.В. 140, 180, 201-203, 207, 211, 212, 220, 229, 230, 232, 234, 237, 246, 332, 333, 463, 624, 631, 639
Сталь-фон-Гольштейн А.А. 588
- *Станиславский (Алексеев) К.С. 68, 88, 89, 91-93
Стахович А.А. 34, 38, 88, 89
- *Стейнберг С. (Якобсон С.) 548
Степун М.А. 404, 405, 407, 408, 411, 412, 414, 416, 417
Степун Ф.А. 478, 512, 513, 573
Степуны, семья 404
Стерн Л. 264, 287
Стечкин П.Н. 151
Стокс, брит. чиновник 625
Столица (урожд. Ершова) Л.Н. 321
Столыпин П.А. 235, 237, 577, 680

- Стравинский И.Ф. 328-330
Страхов Н.Н. 567, 573
Страховский Л.И. (*Чацкий Л.) 481, 483
Струве Г.П. 110, 443, 483, 485, 521, 558, 560-564, 569, 573, 575, 582-584, 659
Струве П.Б. 139, 206, 221, 235, 488, 574, 576, 596, 605, 608, 616, 661
Струтинская Е. 242, 286
Ступницкий А.Ф. 205, 206, 211, 213, 220, 227, 238, 239, 446, 447, 449, 450, 644, 655
Субботина К. 294
Суворин Б.А. 690, 701, 709
Суворин М.А. 706
Суворов А.В. 210, 233
Сувчинский П.П. 327-347, 590, 592-595, 597-600, 602, 603, 607, 626
Судоплатов П.А. 182
Суинберн А. 309
Сукин И.И. 201
*Сумский (Каплун) С.Г. 442, 443
Суперфин Г.Г. 591
Сураварди Ш. (Сарс, Сурс) 39, 40, 44, 50, 51, 53, 71, 82, 83, 89
Сургучев И.Д. 188, 645, 650, 649, 658, 671, 682, 683, 694, 695
Сыгин И.Д. 314, 658
Сюарес А. 291, 305, 322, 323
Тавризян Г.М. 287
Тагор Р. 37, 42, 61, 88, 636
Таиров А.Я. 259
Талова М.А. 162, 164, 167, 480, 490
Талова Т.М. 480
Таманов, комиссар 250
Тамарин А.А. 105
Тамм А. 315, 316, 321
Тараканова Е., княжна 66, 93
Тарасова А.К. 58, 91
Тарле Е.В. 606
Тарноградский Д. 259
Тархов Н.А. 262
Таск Е.Я. 640, 642
Тастевен Б. 320
Тастевен Г.Э. 320
Татаринов В.Е. 206, 213, 214
Татлин В.Е. 249, 258, 259, 262, 286
Таубе М.А. 469
*Твен М. 172, 703
Твердый Ю. 222
Темкин Д.Н. 245, 253, 276, 277
Тескова А. 664
Тесленко Н.В. 151
Терапиано Ю.К. 110, 114, 531, 532, 575
Терехина В. 140
Тер-Погосян М.М. 206, 211, 225, 232, 236, 237
Тикстон (Theakston) П.А. 353, 378, 379, 381-393, 395, 397, 398, 400, 401, 407
Тикстон С.П. 387
Тимашев Н.С. 487, 509, 618
Тимашева (урожд. Русская, *Горлова С.) Т.Н. 486, 487
Тименчик Р.Д. 255, 274, 284, 286
Тимур (Тамерлан) 607
Титов А.А. 206, 228, 230
Тихон (Беллавин В.И.), патр. 595, 604, 699
Тихонов А.Н. 259
Тихонов Н.С. 265
Тихонова Н.А. 268, 269, 286
Толстая А.Л. 343
Толстая (урожд. Лозинская) Н.М. 399, 400
Толстая С.А. 305, 308
Толстая Т.Н. 355
Толстов С.Р. 641, 642
Толстой А. 242, 286, 316
Толстой А.К. 33, 34, 113
Толстой А.Н. 42, 120, 121, 133-135, 350, 351, 355, 369, 370, 380, 398-400, 655, 660, 665-667
Толстой Д.А. 370, 399, 400
Толстой И.Н. 491
Толстой Л.Н. 42, 43, 88, 93, 159, 279, 287, 310, 323, 491, 525, 558-560, 578, 580, 612, 663
Толстой Н.А. 399, 400
Толстые, семья 296, 304, 350, 351, 355, 369, 370
Томашевский Б.В. 265, 278, 279, 516-518
Тонгур Н. 180
Топич, благотворитель 664
Трайнин И.П. 157
Трапезников Т.Г. 306
Треггер Дж. Л. 481, 483
Трейль В.А. 335
Троцкий И.М. 108
*Троцкий Л.Д. 140, 153, 154, 159, 246, 248, 589, 646, 656, 683

- Трубецкой Н.С. (*И.Р.) 330, 331, 339, 592, 593, 595-598, 600, 602, 603, 606-608, 614, 624, 626
Трубецкой П.П. 341, 343
Трубилова Е.М. 354
Трупчинская (урожд. Эфрон) А.Я. 318
Трупчинские, семья 318
Трупчинский А.В. 318
Труханова Н.В. 297, 300, 301, 305, 307-309, 312, 320, 321
Трухачев Б.С. 316
Тувим Ю. 484, 485
Туган (Тоган) А.З.В. – см. Валидов А.З.
Туган-Барановский М.И. 673
Тугенхольд Я.А. 154, 160, 163, 164, 300
Туманский А.Г. 588
Тургенев И.С. 42, 139, 448, 582
Туржанский В.К. 709
Турчина Г.П. 287
Тухачевский М.Н. 246
Тынянов Ю.Н. 265, 278
Тыркова А.В. 189, 200
*Тэффи (урожд. Лохвицкая, в браке Бучинская) Н.А. 214, 348-421, 445, 446, 650
Тютчев Ф.И. 53, 580, 642
Уайльд О. 306, 323, 570, 573, 577
Угримов А.И. 436, 438
Угримова (урожд. Муравьева) И.Н. 426
Угримовы (Угрюмовы), семья 436, 438
Уланд Л. 290
Ульянов Н.И. 113, 563, 574, 576
Ульяновы, семья 113
Укamuно М. 687
Унгаретти Дж. 337
Урбан А.А. 285
Урусов Л.В., кн. 596, 597, 600, 605, 607
Урханова Р. 591
Успенская (в браке Базарова) В.В. 321, 322
Успенская М.А. 79, 94
Успенский В.В. 7, 8, 9-30
Успенский Г.И. 226, 598, 608
Уссэ (Houssey) А. 295
Устрялов Н.В. 619
Ухтомская, кн., знакомая М.Волошина 320
Ушаков Д.Н. 581, 582
Ушков К.К. 40, 89
Ушковы, семья 89
Фабиани Н. 247
Фабр Ж.А. 464, 465
Фабр М. 306
Фадеев А.М. 306
Файе П.А.Г. 304-306
Фаризов И.О. 639
Федоров В. 647, 648
Федотов Г.П. 448, 474-476
Фейгина А.Л. 495, 496
*Фельзен Ю. (Фрейденштейн Н.Б.) 488
*Фет А.А. 559
Фигнер В.Н. 260, 438
Фигурнова О.С. 655, 678, 680
Фигьер Э. 319
Филиппов А.И. 680, 690, 700, 701, 708, 709, 710
*Филиппов Б.А. 511
Филиппов Ф.И. 701
Филиппс У. 513
Финк В.Г. 162
Фино Ж. (Finot J.) 303
*Фиолетов А. (Шор Н.Б.) 122, 132, 135, 136
Фирсов А.Н. 614, 616
Фирсов Н.Н. 614, 616
Фламарион К. 689-693
Флейшман Л.С. 340, 659, 673
Флобер Г. 290
Флоровский Г.В. 330, 611, 612
Фома, апостол 596, 607
Фондаминская А.О. 403
Фондаминский (*Бунаков) И.И. 226, 402, 403, 415, 419, 420, 447, 448, 459-462, 657, 666
Фор П. 262, 293, 298, 319
Форш О.Д. 259, 266, 280, 284, 287, 334
Фохт В.В. 658
Фохт (урожд. Яблоновская) Т.А. 658
Фош Ф. 421
*Франс А. 290, 310, 449, 665
Франс К. 709
Фрейд З. 541
Фрейзер (Fraser) Дж.Дж. 313, 624, 626
Фрезер Д., журн. 625, 627
Фрезинский Б.Я. 145-178, 399

- Фрейдсберг О.М. 626
Фрецилигат Ф. 290
Фридман, актер 299
Фриновский М.П. 182
Фролова О. 246, 287
Фрумкин Я.Г. 108, 224, 501, 503
Фрумкина, жена Я.Фрумкина 500, 501, 510
Фужита Л.Ц. 262
Фуллер Л. (М.-Л.) 306, 308
Фунтиков Ф.А. 636
Хар-Даван Э.Д. 340, 616
Харт Э.В. 293, 298, 300, 304, 306, 308
Хаусхофер К. 232
Хашаб А.Ф. 588
Хейбер Э. 348-421
Хейзинга Й. 281, 287
Хейне, нацистский чиновник 192
Хейфец И.М. 118, 120, 130
Хирьяков А.М. 558, 559, 560
Хитчинс (Хиченс) Р. 323
Хлебников В.В. 563, 569, 579, 580, 582, 583, 629, 638, 639
Хлюстин И.Н. 297, 316, 320
Хмельницкий И.А. 104
Ходасевич В.Ф. 274, 287, 302, 337, 338, 420, 484, 485, 493, 494, 521, 540, 541, 558, 559, 567, 568, 573, 575, 580, 671
Ходлер Ф. 162
Ходоров А.Е. 629
Хохлов Е. 656
Хрущев Н.С. 175
Хьюз Р. 546, 659
Цадкин О. 162, 165, 262, 263, 282
Цакни (по 1-му мужу Бунина, по 2-му – Дерibas) А.Н. 368
Цветаев И.В. 300
Цветаева А.И. 300, 316
Цветаева М.И. 166, 276, 289, 293, 297-300, 305-307, 309, 311, 312, 314, 315, 318, 319, 321, 331, 335, 337, 346, 347, 478, 556, 562, 570, 571, 573-575, 577-580, 582, 660, 661, 664, 670, 671
Цветковская (в браке Бальмонт) Е.К. 119, 132, 302, 303, 314, 317, 320, 373
Цвибак Я.М. – см. *Седых А.
Цензор Д. 96, 101
Цетлин М.О. (*Амари) 108, 134, 348, 351, 357, 507, 666
Цетлина (урожд. Тумаркина, по 1-му мужу Авксентьева) М.С. 134, 351, 357, 403, 406, 407, 415, 480, 507, 511, 656, 657, 666
Цетлины, семья 350, 357, 364, 366, 380, 666
Церетели Г.Ф. 615
Церетели И.Г. 88
Циолковский (Ciolkowsky H.S.) 307, 310, 311
Цынкова О. 432, 438
Цявловский М.А. 516
Чагин П.И. 338
Чайковский Н.В. 657, 712, 713
Чайковский П.И. 328, 705
Чанцев А.В. 705
Чаплин Ч.С. 259
Чеботарева Т. 355, 425
Чеботаревская Ан.Н. 316
Челноков М.В. 235
Чепурковский Е.М. 588
Червенко К. 138
Черепнин А. 302
Чернов В.М. 226, 574, 576
*Черный С. 140, 441, 708
Чернышевский Н.Г. 562, 563, 566, 567, 569, 571-573, 575, 577, 579, 583
Черчиль У. 239
Чехов А.П. 69, 72, 79, 103, 392, 482, 559, 658, 691, 695, 706
Чехов М.А. 485
Чижевский (Chizhevski) Д.И. 551, 552, 575
Чингис-хан 593, 595, 599, 603
Чиннов И.В. 526
Чиняева Е. 652
Чириков Е.Н. 656, 658, 663
Чичерин Г.В. (*Орнатский А.) 153, 154-159, 600, 609
Чичканов П. 162, 165
Чуваков В.Н. 394
Чудовской В.А. 255
*Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 104, 117, 129, 130, 242, 243, 259-266, 268, 273, 287, 306, 323, 345, 478, 543-545, 551
Чуковский Н.К. 255, 266, 273, 287, 543, 544
Чухнин В. 340
Чхеидзе К.А. 339, 340
Шагал М.З. 167, 262, 277, 278
Шагинян М.С. 166, 315
Шадман Сеид Фахр-эд-Дин 641, 644
Шалит С. 271

- Шаляпин Ф.И. 341-343
 Шамилов А.Ш. (*Арабэ Шамо) 631
 Шамурин Е.И. 289
 Шармуа Ж. де 304
 Шатобриан А. де 310-313
 Шатрен К.Т. 304
 Шахматов А.А. 696
 Шаховская З.А. 248, 261, 287, 621
 Шаховской Д.М. 260, 287, 448
 Швейцер А. 577, 579, 580
 Шевеленко И. 339
 Шевырин Е.М. 180
 Шекспир В. 112
 Шеллер М. 601, 609
 Шенберг А. 330
 Шенгели Г.А. 171, 291
 Шенклэнд Р. 543
 Шенье А.М. 274-276, 283
 Шерон Ж. 557-584
 *Шестов Л.И. 329, 331, 478, 510, 511
 Шик А.А. 402, 403
 Шик Г.И. 402, 403
 Шик И.Я. 402, 403
 Шиллер Ф. 93
 Шимановский К. 259
 Шимкевич С. 162
 Шингарев А. 176
 Шинор (Sinor D.) 632, 633, 638
 Широкогоров С.М. 588
 Ширяев П. 162
 Шишкин О. 272, 287
 Шишова З.К. 106
 Шкапская М.М. 161, 162
 Шкапский Г.О. 161
 Шкаренков Л.К. 188
 Шкловский В.Б. 253, 264-266, 269,
 272, 277-280, 283, 286, 287, 589,
 640, 642
 Шкуро А.Г. 189
 Шлезингер М.С. (*Линский М.С.)
 132
 Шлезингер Ф. 410, 411
 Шлепянов, врач 158, 160
 Шлепянов И.Ю. 160
 Шмелев И.С. 188, 371, 378, 399, 402,
 403, 650
 Шмеман А.Д., прот. 511
 Шмидт (по мужу Сорокина) Е.О. 161
 Шмидт П.П. 588
 Шопенгауэр А. 629
 Шпенглер О. 602, 609, 614
 Шпенцер М.Ф. 140
 Шпенцер Ф.С. 140
 Шпигельгаз, сотр. КГБ 182
 Шполянский А.П. – см. *Дон Амина-
 до
 Штейгер А.С. 511
 Штейнберг А. 649
 Штейнер Р. 297
 Штеренберг Д.П. 162, 176, 178
 Штирнер М. 104
 Штрандтман В.Н. 183, 184
 Штраус Р.Г. 271
 Штюкгольд С. 319
 Штюлпнагель фон, ген. 191
 Шувалов Р. 127
 Шульгин В.В. 180, 222, 646, 663
 Шумихин С.В. 284, 285, 645-714
 Шустер М. (Shuster W.M.) 625, 627
 Шуко В.А. 245
 Шупак (урожд. Штейнберг) Н.Е.(О.)
 596, 606
 Шупко – см. Шупак Е.Е.
 Эдисон Т.А. 301
 Эйнштейн А. 259
 Эйхенбаум Б.М. 265
 Элиасберг (*Горский) Е.С. 115, 116,
 127
 Эллена В. (*Ефим) 152
 *Эллис 302
 *Эль Греко Д. 297
 Эльзон М.Д. 127
 Элькан А. 266, 287
 Элькин Б.И. 224, 225, 229
 Эльяшев Л.Е. 430
 Эльяшев Э.Л. 430
 Эммонс Т. 180
 Энвер-паша 608
 Энгельс Ф. 440
 Эрве Г. (Hervé G.) 368
 Эредиа Х.(Ж.) М. де 98, 102, 105,
 106, 112, 290, 291
 Эренбург Г.Г. 146
 Эренбург Е.Г. 177, 178
 Эренбург З.Г. 169
 Эренбург Изабелла Г. 177, 178
 Эренбург Илья Г. 135, 145, 146, 151-
 153, 155, 160-178, 259, 291, 302,
 313, 317
 Эренбург И.З. 153, 169
 Эренбург И.И. 161
 Эренбург И.Л. (*Эль И., *Климов)
 145-151, 153-160, 161, 163, 164,
 166-178

- Эренбург Л.М. 173, 175, 177, 178
 Эренбург М.З. 153
 Эренбург-Манати Н.Л. 146, 153, 154, 161, 164, 166-168, 172-178
 *Эрзя, (Нефедов С.Д.) 162
 Эсхил 267
 Этертон П.Т. 622, 626
 Эфрон В.Я. 294-301, 303, 310, 314-316, 318, 319, 322
 Эфрон (урожд. Дурново) Е.П. 294, 295
 Эфрон Е.Я. (Лиля) 295, 296, 298-300, 305, 314-318, 320-322
 Эфрон К.Я. 294, 295
 Эфрон П.Я. 309, 310
 Эфрон С.Я. 299, 300, 306, 307, 309, 314, 318, 321, 331, 339, 346, 347, 626, 660
 Эфроны, семья 293, 300, 306, 319
 Юденич Н.Н. 679
 Южин А.И. 130
 Южный Я.Д. 118, 130, 131
 Юзанн О. 308
 Юнге Е. 305
 Юниверг Л.И. 681
 Юсупов Ф.Ф., кн. 667
 Юсупова И., кн. 667
 Юткевич С.И. 250, 287
 Юшкевич С.С. 126, 134, 141
 Яблоновская М.И. 658
 *Яблоновский (Сназдский) А.А. 646, 653-657, 659, 709
 Яблонский Г. 704, 705
 Яблочкина А.А. 38, 88
 Яворская Е.Л. 96, 115
 Ягода Г.Г. 182
 Якобсон Р.О. 265, 274, 288, 482, 490, 500, 518, 520
 Яку-бек Кашгарский 622, 626
 Якубинский Л. 265
 Якубович П.Ф. 127
 Якулов Г.Б. 259
 Янгиров Р. 477-556, 649, 665, 670, 672, 690
 Яновский В.С. 135, 180, 207, 408-410, 428, 448, 511, 521, 554-556, 574, 575, 583, 584, 668
 *Янтарев (Бернштейн) Е.Л. 301, 309
 Ясинский И.И. 359, 365
 Andronikof J. 355
 Annenkov G. – см. Анненков Ю.П.
 Arwyn D. 179
 Bakounine T. – см. Бакунина-Осоргина Т.А.
 Barmache N. 443
 Bazin J.Y. 355
 Beauvais, домохозяйин М.Осоргина 426, 429
 Bereaud H. – см. Беро А.
 Blairat E. 690
 Bogoslavskaya N. 355
 Bosquet A. – см. Биск Анатолий А.
 Boyd W. – см. Бойд Б.
 Browne E.G. – см. Браун Э.
 Brunhes J. – см. Брюн Ж.
 Bunin I. – см. Бунин И.А.
 Bunin V. – см. Бунина В.Н.
 Castagné – см. Кастанье Ж.А.
 Chebotarev T. – см. Чеботарева Т.
 Coldefy-Faucard A. 288
 Craft R. – см. Крафт Р.
 Crystal D. 288
 Davies R.D. – см. Дэвис Р.
 Dax J. 355
 Denis M. – см. Дени М.
 Diehl Ch.M. – см. Диль Ш.М.
 Dominique L. – см. Доминик Л.А.
 Duhamel J.(?) 628
 Ehrenbourg E. – см. Эренбург И.Л.
 Etherton – см. Этертон П.Т.
 Fiene D.M. 443
 Gauchman J. 355
 Gauvain A. 601, 609
 Gide A. – см. Жид А.
 Graf O.M. – см. Граф О.М.
 Grynberg R. – см. Гринберг Р.Н.
 Guenon G. – см. Женон Р.
 Haber E.C. – см. Хейбер Э.
 Halperin Ch.J. 602
 Hauchard C. 354
 Heller M. – см. Геллер М.Я.
 Heredia J.M. de – см. Эредиа Х.М.
 Heywood A. 355
 Ivask Y.P. – см. Иваск Ю.П.
 Johnson D.B. 503, 552
 Johnston R.H. 180, 189
 Joyce J. – см. Джойс Дж.
 Kagan – см. Каган А.С.
 Karlinsky S. – см. Карлинский С.А.
 Karpovich M. – см. Карпович М.М.
 Kazina O. – см. Казина О.А.

- Korling E.F. 695, 702
 Krakowski E. 633, 634
 Korostovetz W. von 334
 Lévi-Bruhl – см. Леви-Брюль
 Lindenblat, дир. банка 625
 Lomer J. 355
 Lot-Borodine – см. Лот А. и Бородин
 на Е.А.
 *Mad – см. Дризо М.А.
 Magre M. 458
 Marchessau D. 167
 Maritain J. – см. Маритэн Ж.
 Marr N.J. – см. Марр Н.Я.
 Massis H. 614, 615
 Matthias L.L. 641
 Maugham S. – см. Моэм У.С.
 Meffre, домохозяйка А.Даманской
 447
 Mirsky D. – см. Святополк-Мирский
 Д.П.
 Monteuuis (Монтёуис) А. 385
 Morgan E. 355
 Mosely – см. Мозли Ф.Э.
 Nabokov V. – см. Набоков В.В.
 Neatrou E.B. 354
 Nikitine V., Nikitin V.P. – см. Ники-
 тин В.П.
 Noldé B. – см. Нольде Б.Э.
 d'Ormesson W. 599, 608
 Ossorguine T. – см. Бакунина-Осор-
 гина Т.А.
 Ougrimoff – см. Угримова И.Н.
 Pachmuss T. – см. Пахмусс Т.А.
 Paténôtre, редактор 609
 Pevsner – см. Певзнер С.М.
 Pinon R. 600, 609
 Poliakov A.A. – см. Поляков А.А.
 Proffer E. 503, 552
 Ravaisse H. 355
 Riasanovsky N.V. 330
 Rilke R.M. – см. Рильке Р.М.
 Rivkin (Riwkin) J. – см. Рывкин И.А.
 Rogalsky P. – см. Рогальский П.А.
 Rogatchevski A. 355
 Rogatchevski E. 355
 Roland-Manuel – см. Леви А.М.
 Rose N. 603
 Rousseau J.-J. – см. Руссо Ж.Ж.
 Shaw J.T. 542, 543
 Sikorski H. – см. Набокова Е.В.
 Smith G.S. 331, 335, 336, 342
 Sollogub N. – см. Соллогуб Н.Б.
 Souvtchinsky P., Suvchinsky P. – см.
 Сувчинский П.П.
 Stark F. 635
 Steinberg S. – Стейнберг С.
 Stillman M. 603
 Stillman R. 603
 Stravinsky I. – см. Стравинский И.Ф.
 Szydlowski A. 348
 Taruskin R. 329
 Tchitcherine – см. Чичерин В.Г.
 Thomas C. 355
 Tongour N. – Тонгур Н.
 Trainine – см. Трайнин И.П.
 Trubetzkoy N.S. – см. Трубецкой Н.С.
 Vanly I. 644
 Vernadsky G. – см. Вернадский Г.В.
 Wickstrom, знакомая М.Германовой
 58
 Wickstrom M. 58
 Wilson – см. Вильсон
 Zacharias H.C.E. 636, 637
 Zenkovsky A. 509

АННОТАЦИИ

Наследие

В.В.Успенский. Воспоминания парижского шофера такси. Публикация А.И.Серкова

Незатейливый рассказ о городе и его людях русского беженца, в прошлом флотского лейтенанта, а затем – в продолжение многих лет – парижского таксиста. 2+22 с.

М.Н.Германова. Мой ларец. Публикация И.Соловьевой.

События революции, Гражданской войны и эмиграции глазами известной актрисы Московского художественного театра. 1917 год, февральские надежды и их крушение, Октябрь, голодная Москва, работа в МХТ, опера Зимина, «Летучая мышь», аресты, бегство из Москвы, Киев, Краснодар, Новороссийск, Тифлис, и далее – обычный беженский маршрут: Константинополь, София, Белград, Загреб, Прага, Париж... Театральная деятельность за рубежом; Качалов, Книппер, Тарасова, Массалитинов; попытки создания русской труппы. Вступительная статья и примечания содержат дополнительный справочный материал о встречающихся в тексте лицах. 3+54+7 с.

Константин Азадовский. Александр Биск и одесская «Литературка»

Воспоминания поэта, журналиста, переводчика, прожившего в эмиграции более полувека, о художественной жизни Одессы в начале столетия, о Литературно-артистическом обществе и атмосфере южной столицы России в пору ее «серебряного века». Детальный комментарий и обширная вступительная статья прослеживают жизненный путь автора, уточняют его рассказ и дают обильный дополнительный материал об упоминаемых им людях и событиях. 20+13+14 с.

Статьи, исследования

Борис Фрезинский. Скрещения судеб, или Два Эренбурга (Илья Григорьевич и Илья Лазаревич)

На основе архивных документов из РЦХИДНИ, РГАЛИ и Гуверовского института автор прослеживает биографию двоюродных братьев Эренбургов, оказавшихся в Париже после революции 1905 г., и восстанавливает жизнь русской эмигрантской общины эпохи «между двух революций». 34 с.

О.В.Будницкий. Попытка примирения

На обширном материале из личного фонда В.А.Маклакова (Гуверовский институт) рассматривается эволюция взглядов «последнего российского посла» во Франции во время и непосредственно после Второй мировой войны, раскол эмиграции, попытки «примирения» с советской властью (включая известное посещение группой эмигрантских деятелей посольства СССР). 62 с.

Александр Данилевский. Автобиографическое и прототипическое: «Повесть о пустяках» Юрия Анненкова

Автор восстанавливает подоснову анненковского романа, прототипы его персонажей, исторические реалии, послужившие материалом для творчества писателя и художественной канвой его произведения. 48 с.

В.Купченко. Газеты, люди и события... М.А.Волошин в Париже в 1911–1912 гг. Хроника

Подневно фиксируется пребывание Волошина в Париже, его встречи, занятия, переписка. В примечаниях даются справки об упоминаемых событиях и лицах. 5+30 с.

Эпистолярная

К истории «евразийства»: М.Горький и П.П.Сувчинский. Публикация Дж. Мальмстада

Восемь неизвестных писем Горького к Петру Петровичу Сувчинскому – музыковеду, публицисту, одному из создателей и идеологов евразийского движения. Вступительная статья прослеживает биографию адресата, эволюцию его взглядов, взаимоотношения с Горьким и Стравинским. 9+12 с.

Переписка Тэффи с И.А. и В.Н.Бунинными. 1920–1939. Публикация Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер. Вступительная статья Эдит Хейбер

Первая часть (80 писем) обширного свода корреспонденции адресатов, чьи дружеские отношения продолжались с начала эмиграции до конца жизни. Эти отношения освещаются во вступительной статье, комментарий содержит подробную информацию об упоминаемых событиях и людях. 7+67 с.

«Мы можем быть только летописцами...» Письма М.Осоргина А.Полякову. 1940–1942. Публикация О.Демидовой.

Письма известного литератора к соратнику по «Последним новостям», в которых Осоргин много лет сотрудничал, журналисту, заместителю П.Н.Милюкова, охватывают период оккупации Франции, когда и Осоргины, и Поляковы вынуждены были бежать из Парижа. Основные темы писем: быт военного времени, забота о коллегах по писательскому цеху, позиция эмигрантов в годы оккупации. Вступительная статья и ком-

ментарий вводят переписку в контекст времени и содержат дополнительные данные об упоминаемых лицах. 4+51 с.

Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967. Вступительная статья, публикация и комментарии Рашита Янгирова

Вторая часть обширной корреспонденции, продолжавшейся почти 30 лет (первую см. в кн.: *In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина*. Париж; СПб., 2000). Обсуждается широкий спектр тем, как чисто литературных (связанных с изданием Гринбергом «Опытов» и «Воздушных путей»), а Набоковым («Лолиты»), так и общественных (контакты с метрополией, судьбы Мандельштама и Пастернака и т.д.), политических, бытовых... Публикация снабжена подробным комментарием. 4+77 с.

«...Мир на почетных условиях...» Переписка В.Ф.Маркова с М.В.Вишняком. 1954–1959. Публикация Олега Коростелева и Жоржа Шерна

Разговор представителей двух поколений и двух эмиграций: поэт, критик и литературовед Марков принадлежал ко «второй» – послевоенной волне, в то время как журналист, общественный деятель, многолетний редактор «Современных записок» Вишняк – был активнейшим участником первой, после-революционной диаспоры. Это обстоятельство определяет насыщенность диалога. Детальные примечания восстанавливают контекст пятилетнего спора. 1+27 с.

Дневники, записные книжки

Василий Никитин. Свидетельские показания в деле о русской эмиграции. Публикация М.Ю.Сорокиной

Дневник известного востоковеда и письма к историку Г.В.Вернадскому касаются в значительной степени «евразийской» проблематики: взаимоотношения России с Западом и Востоком, размышления о путях ее развития и судьбе русской культуры. Вступительная статья и подробный комментарий дают дополнительный материал по обсуждаемым темам. 5+54 с.

Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж. Из дневника Бориса Лазаревского (33 письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева и др.). Предисловие, публикация и комментарий Сергея Шумихина

Извлеченные из дневника русского беллетриста письма его друзей и коллег по литературному цеху дают представление о жизни русской диаспоры в местах ее сосредоточения в первые пореволюционные годы. Обширная вступительная статья и детальный комментарий уточняют контекст событий, дают справки об исторических реалиях и упоминаемых лицах. 29+41 с.

ABSTRACTS

Heritage

V.V.Uspenskii. The Memoirs of a Paris Taxi Driver. Edited by A.I.Serkov
A simple account of Paris and its inhabitants by a Russian refugee,
formerly a naval lieutenant, who worked there as a taxi driver for
many years. 2 + 22 pp.

M.N.Germanova. My jewel box. Edited by I.Solov'eva
The Revolution, Civil War and emigration seen through the eyes
of a famous Moscow Art Theatre actress. 1917, the raising and
dashing of hopes in February, October, hunger in Moscow, work
at the Moscow Art Theatre, the Zimin Opera, «The Bab» cabaret,
flight from Moscow to Kiev, Novorossiisk, Tiflis and then the
usual refugee itinerary: Constantinople, Sofia, Belgrade, Zagreb,
Prague, Paris... Her theatrical work abroad, Kachalov, Knipper,
Tarasova, Massalitinov, attempts to establish a Russian theatre
company. The introduction and notes contain supplementary in-
formation about the people mentioned. 4 + 55 + 7 pp.

Konstantin Azadovskii. Aleksandr Bisk and the Odessa «Literaturka»
The memoirs of a poet, journalist and translator, who spent over
fifty years in emigration and who recollects artistic life in Odessa
at the start of the century, its Society for Art and Literature and the
atmosphere of Russia's southern capital during its «Silver Age».
The detailed notes and substantial introduction trace the author's
biography, fill out his account and present extensive additional in-
formation about the people and events he describes.
20 + 13 + 14 pp.

Articles, Studies

*Boris Frezinskii. The Crossing of Fates, or the Two Ehrenburgs (Il'ia Gri-
gor'evich and Il'ia Lazarevich)*
The author uses archival documents from RTsKhIDNI, RGALI
and the Hoover Institution to trace the biography of the two
Ehrenburg cousins who found themselves in Paris after the 1905
Revolution and to reconstruct the life of the Russian émigré com-
munity in the period between the two Revolutions. 34 pp.

O.V. Budnitskii. Attempting Reconciliation
Drawing on V.A.Maklakov's extensive personal archive at the
Hoover Institution, the author examines how the outlook of the
«last Russian ambassador to France» developed during and imme-
diately after the Second World War, including the split in the émi-

grécommunity and attempts at reconciliation with the Soviet authorities, notably the famous visit to the Soviet embassy by a group of leading émigrés. 62 pp.

Aleksandr Danilevskii. The Autobiographical and the Prototypical: Iurii Annenkov's «A Tale of Trivia»

The author establishes the underlying basis for Annenkov's novel, the prototypes of its protagonists, the historical events and personalities that fed the author's creativity and provided artistic material for his work. 48 pp.

V.Kupchenko. Newspapers, people and events...: A Chronicle of M.A.Voloshin in Paris in 1911–1912

A day-by-day account of Voloshin's sojourn in Paris, his meetings, work and activities, correspondence. The notes provide information about the people and events described. 5 + 30 pp.

Correspondence

A contribution to the history of «Eurasianism»: M.Gor'kii and P.P.Suvchinskii. Edited by John Malmstad

Eight previously unknown letters from Gor'kii to Petr Petrovich Suvchinskii, musicologist, journalist and one of the creators and ideologists of the Eurasian movement. The introduction presents Suvchinskii's biography and traces the evolution of his views and his relations with Gor'kii and Stravinskii. 9 + 12 pp.

The Correspondence of Teffi and Ivan and Vera Bunin, 1920–1939. Edited by Richard Davies and Edythe Haber. Introduced by Edythe Haber

The first part (80 letters) of an extensive body of correspondence between the writers, whose friendship began at the start of the emigration and lasted for the rest of their lives. Their relations are described in the introduction and the notes contain detailed information about the people and events mentioned. 7 + 67 pp.

«We can only be chroniclers...»: M.Osorgin's letters to A.Poliakov (1940–1942). Edited by O.Demidova

These letters from the well-known writer to his colleague and P.Miukov's deputy on the newspaper «Poslednie novosti», which Osorgin contributed to for many years, cover the period of the German occupation of France, when both the Osorgins and the Poliakovs were forced to flee Paris. Their main themes are everyday life during the War, worries about their fellow-writers and the position of the émigrés during the occupation. The introduction and notes place the letters in their historical context and contain supplementary information about the people mentioned in them. 4 + 51 pp.

Friends, butterflies and monsters: The Correspondence of Vladimir and Vera Nabokov with Roman Grinberg (1942–1967). Edited by Rashit Iangirov

The second part of an extensive correspondence which continued for almost 30 years (for the first part see «In memoriam: A Historical Collection in Memory of A.I.Dobkin». Paris & SPb., 2000). A broad spectrum of themes is discussed in the letters, from the purely literary (the publication of «Opyty» and «Vozdushnye puti» by Grinberg and of «Lolita» by Nabokov) through the social and political (contacts with Soviet Russia, the fate of Mandel'shtam and Pasternak, etc.), to the everyday. The notes provide information about the people and events described. 4 + 77 pp.

«...Peace on honourable terms...»: The Correspondence of V.F.Markov and M.V.Vishniak (1954–1957). Edited by Oleg Korostelev and George Cheron

An exchange between representatives of two generations and two emigrations: the poet, critic and literary scholar Markov belonged to the «Second», post-War, wave, while the journalist, public figure and long-standing editor of «Sovremennye zapiski» Vishniak was one of the most active participants in the life of the first, post-revolutionary, diaspora. This circumstance determines the intensity of their dialogue. The detailed notes recreate the context of their 5-year-long dispute. 1 + 27 pp.

Diaries, Notebooks

Vasilii Nikitin. Witnesses' Evidence in the Case of the Russian Emigration. Edited by M.Iu.Sorokina

The diary of the well-known Orientalist and his letters to the historian G.V. Vernadskii are substantially concerned with «Eurasian» problems: Russia's relations with the West and the Orient, reflections on the paths of Russia's development and the fate of her culture. The introduction and detailed notes give supplementary information of the topics discussed. 5 + 54 pp.

Russian Prague, Russian Nice, Russian Paris: From the Diary of Boris Lazarevskii (Thirty-Three Letters from Mikhail Artsybashev, Ivan Bunin, Aleksandr Kuprin, Il'ia Surguchev and others). Edited and introduced by Sergei Shumikhin

These letters from his friends and fellow-writers taken from Lazarevskii's diary give an impression of life in the places where the Russian diaspora was concentrated in the first years after the Revolution. The substantial introduction and detailed notes establish the context of the events described and provide information on the historical background and the people mentioned. 29 + 41 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Наследие

<i>В.В.Успенский</i> . Воспоминания парижского шофера такси. Публикация А.И.Серкова	7
<i>М.Н.Германова</i> . Мой ларец. Публикация И.Соловьевой	31
<i>Константин Азадовский</i> . Александр Биск и одесская «Литературка»	95

Статьи, исследования

<i>Борис Фрезинский</i> . Скращения судеб, или Два Эренбурга (Илья Григорьевич и Илья Лазаревич)	145
<i>О.В.Будницкий</i> . Попытка примирения	179
<i>Александр Данилевский</i> . Автобиографическое и прототипиче- ское: «Повесть о пустяках» Юрия Анненкова	241
<i>В.Купченко</i> . Газеты, люди и события... М.А.Волошин в Па- риже в 1911–1912 гг. Хроника	289

Эпистолярная

К истории «евразийства»: М.Горький и П.П.Сувчинский. Публикация Дж. Мальмстада	327
Переписка Тэффи с И.А. и В.Н.Бунными. 1920–1939. Публикация Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер. Вступительная статья Эдит Хейбер	348
«Мы можем быть только летописцами...» Письма М.Осоргина А.Полякову. 1940–1942. Публикация О.Демидовой	422
Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967. Вступительная статья, публикация и комментарии Рашида Янгирова	477

«...Мир на почетных условиях...» Переписка В.Ф.Маркова с М.В.Вишняком. 1954–1959. Публикация Олега Коростелева и Жоржа Шерона	557
Дневники, записные книжки	
<i>Василий Никитин</i> . Свидетельские показания в деле о русской эмиграции. Публикация М.Ю.Сорокиной	587
Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж. Из дневника Бориса Лазаревского (33 письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева и др.). Предисловие, публикация и комментарий Сергея Шумихина	645
Аппех	
Указатель имен	717
Аннотации	741

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Выпуск I

Ответственный редактор: Владимир Аллой
Выпускающий редактор: Татьяна Притыкина
Оформление: Алексей Гаранин

ATHENAEUM – ФЕНИКС

ЛР № 064815 от 30.X.1996

Издательство «Феникс»: 193060, Санкт-Петербург,
ул.Смольного, 1/3, подъезд 6а

Заказы присылать по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб.Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
телефон: (812) 235-15-86; телефакс: (812) 346-16-33
e-mail:bulanina@nevsky.net

Подписано в печать 15.11.2000. Формат 60 x 90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 47,5 п.л. Тираж 1100 экз.
Зак. 3564

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я лин., 12

8
AR 10-10
37
MAH

